

BEST SCIENCE FICTION

ПИТЕР ГАМИЛЬТОН

ЗВЕЗДА
ПАНДОРЫ

2380 год. Начинается четвертое столетие колонизации Галактики человеком. Астрономы обнаруживают за пределами сферы влияния Галактического Содружества удивительный феномен: исчезновение пары звезд, необъяснимое средствами стандартных космологических теорий. В предположении, что светила эти окружены мгновенно сомкнувшимися сферами Дайсона, туда высылают с разведывательной миссией оснащенный по последнему слову техники боевой корабль. Но окажется ли довольно его мощи, чтобы захлопнуть крышку ящика Пандоры?

Питер Гамильтон
Звезда Пандоры

В космосе за бортом «Улисса» господствовал Марс — разбухший, грязно-оранжевый полукруг планеты, так и не ставшей полноценным миром. Маленький, холодный, бесплодный и лишенный воздуха, он, казалось, был ледяной копией земного ада. Тем не менее на протяжении истории человечества он всегда господствовал в небесах: сначала в облике божества, вдохновившего на подвиги поколения воинов, затем в качестве цели для бесчисленных мечтателей.

В данный момент капитана-пилота НАСА Уилсона Кайма Марс интересовал прежде всего как твердая поверхность, пригодная для посадки катера. В двух сотнях километров под узким изогнутым прозрачным куполом кабины Кайм уже различал темный провал долин Маринер. Еще будучи мальчишкой, он разделял техногенные фантазии «Ариес Андеграунд»^[1] и с восторгом представлял, как в неопределенном будущем по лежащей внизу огромной впадине помчится пенящийся поток воды, освобожденной из-под ржавой ледяной корки гением человечества. И сегодня ему предстоит пройти по этим пыльным кратерам, изученным по тысячам спутниковых снимков, зачерпнуть рукой в перчатке горсть легендарного красноватого песка и увидеть, как мельчайшие частицы медленно просачиваются сквозь пальцы под действием слабой силы притяжения. Сегодня он откроет новую страницу в истории.

Уилсон автоматически проделал несколько дыхательных упражнений, чтобы замедлить сердечный ритм, пока величие происходящего не отразилось на его самочувствии. Он не собирался давать чертовым медикам ни единого шанса усомниться в его способности пилотировать десантный корабль. Он прослужил восемь лет в ВВС США, в Японии участвовал в двух боевых операциях по принуждению к миру и затем еще девять лет проработал в НАСА. Бесконечная подготовка и ожидание миссии не обошлись без жертв: первая жена и ребенок стали ему совершенно чужими. Непрерывные виртуальные тренировки в Хьюстоне, пресс-конференции и отупляющие поездки на заводы — он все вынес ради того, чтобы приблизить этот момент и оказаться в священном месте.

Марс. Наконец-то!

— Начинаем отсчет дистанции по показаниям лазерных датчиков, — обратился он к автопилоту десантного катера. Цветные светящиеся линии внутри обзорного щита начали менять свою геометрическую форму. Его взгляд задержался на табло таймера: восемь минут. — Проверка системы жизнеобеспечения и внутреннего корабельного тоннеля.

Левой рукой он передвинул переключатель на приборной панели и дождался мигания светодиодов, свидетельствующего о выполнении действия. Некоторые операции в НАСА никогда не доверяли голосовым командам.

— Приступаю к проверке системы. Жду подтверждения от инженерной службы главного корабля.

— «Орел-два», вас поняла, — раздался в наушниках голос Нэнси Крессмайер. — Телеметрический анализ подтверждает вашу полную готовность. Энергосистема главного корабля готова к расстыковке.

— Подтверждение получено, — доложил Уилсон капитану «Улисса».

Бирюзовые и изумрудные нити сетки на лобовом стекле слегка вздрогнули, обозначая состояние внутренней энергосистемы спускаемого аппарата. На фоне тусклого и

неприветливого марсианского пейзажа их яркие цвета казались совершенно неуместными.

— Переключаюсь на внутреннее энергообеспечение. От инженерной службы поступило семь зеленых сигналов. Убираю межкорабельный соединительный шлюз.

Громкий металлический лязг воздушного тамбура, втягивающегося в фюзеляж, вызвал в маленькой кабине ощущение тревоги. Эти резкие звуки заставили вздрогнуть даже Уилсона, хотя механическая схема космоплана и была ему известна не хуже, чем инженерам-проектировщикам.

— Сэр? — вопросительно произнес он.

Согласно правилам НАСА после отстыковки шлюза, соединяющего катер с основным кораблем, космоплан становился технически независимым судном, но Уилсон не был на нем старшим по рангу офицером.

— «Орел-два» в ваших руках, капитан, — ответил ему командер Дилан Льюис. — Спуск по готовности.

— Благодарю вас, сэр, — сказал Уилсон, не забывая о камере, установленной в задней части кабины. — Мы будем готовы к полному отделению от основного корабля через семь минут.

Он отчетливо ощущал возбуждение пяти пассажиров, сидевших в кабине позади него. Каждый из них был лучшим из лучших. Отличного оборудования в катере было столько, сколько позволяли размеры судна. И тем не менее в данный момент они могли контролировать ситуацию не лучше, чем группа школьников, направлявшихся на свой первый пляжный пикник.

Автопилот закончил оставшуюся часть предполетной подготовки, и Уилсону оставалось только отдавать команды и следить за их выполнением; традиция человека оставаться составным элементом в связке с машиной восходила к временам «Меркурия-7» и его легендарным астронавтам, боровшимся за право стать чем-то более значимым, чем фарш в консервной банке. Точно на седьмой минуте отошли стопорные штифты. Уилсон запустил реактивные двигатели и плавно отвел «Орла-2» от «Улисса». На этот раз ничто не могло заставить его сердце биться медленнее.

По мере удаления от «Улисса» в иллюминаторе постепенно появился весь корабль целиком. Его вид вызвал на лице Уилсона довольную улыбку. Межпланетное судно было первым в своем роде: фактически оно представляло собой громоздкое сооружение из цилиндрических модулей, резервуаров и конструктивных элементов, образующих кольцеобразную систему диаметром около двухсот метров. Периметр корабля, словно лепестки цветка, окаймляли длинные угольно-черные панели солнечных аккумуляторов, обращенные к Солнцу. В иллюминаторах жилых помещений кое-где виднелись звездно-полосатые флаги, невероятно яркие на фоне серебристо-белой термической пены, покрывающей каждый сантиметр поверхности «Улисса». В самом центре корабля, окруженный широкой полосой ребристых панелей радиаторов, располагался шестиугольный отсек, где работал термоядерный реактор. Благодаря непрерывной подаче энергии в плазменные ракетные двигатели и стало возможным это десятидневное путешествие. Из всех созданных на данный момент систем эта была самой миниатюрной: гениальный продукт технологии, произведенный в Америке. В Европе еще продолжалось строительство первой пары наземных промышленных термоядерных генераторов, тогда как в США уже существовало пять подобных устройств и еще пятнадцать находилось на стадии завершения. У европейцев уж точно не было ничего, что по уровню сложности хоть отдаленно

напоминало бы великолепный генератор «Улисса».

«Черт, мы еще способны создавать отличные штуки», — с гордостью подумал Уилсон, глядя на удаляющуюся сверкающую громаду корабля. Пройдет не меньше десяти лет, прежде чем ФЕСА решится на марсианскую миссию, а НАСА к тому времени уже планирует создать в ледяных песках Аравийской Земли автономную базу. Тогда можно будет надеяться, что агентство начнет осуществлять операции по перехвату астероидов и, возможно, организует миссию на Юпитер. «И я еще не настолько стар, чтобы не принять участие в одном из этих проектов. Опытные командиры им пригодятся».

При мысли о событиях, которые смогут произойти в обозримом будущем, он ощутил едва заметный укол зависти. Научные программы и бюджетные ассигнования, возможно, помешают ему стать участником этих свершений и чудес. «Впрочем, европейцы могут позволить себе подождать». Доминирующее влияние правого религиозного крыла в нескольких последних администрациях привело к тому, что США свернули работы по генетике, основанные на исследованиях стволовых клеток, тогда как Федеральное правительство в Брюсселе продолжило денежную поддержку биогенетических изысканий и добилось значительных успехов в этой области. Затем, после того как в непомерно дорогостоящей процедуре были устранены первоначальные погрешности, приступили к омоложению людей. Джефф Бейкер — первый человек, прошедший такой курс, — умер на пике всемирной известности, но восемнадцать опытов, проведенных позднее, были успешными.

Космос и Жизнь. Развитие этих двух отдельных направлений красноречиво характеризует две основные западные группы человечества, разошедшиеся около трех десятилетий назад.

Сейчас соплеменники Уилсона начинают пересматривать свое отношение к генной инженерии. Уже ходят слухи о карибских и азиатских клиниках, предлагающих мультимиллиардерам свои услуги по омоложению, а Европейская Федерация снова пытается оспорить ведущую роль США в космонавтике, стремясь доказать свое главенство во всех областях. Учитывая политический раскол, установившийся на планете, Уилсон не мог не приветствовать идею о сближении ведущих блоков — но только после высадки американцев на Марсе.

— До первого включения двигателей на орбите осталось три минуты, — сообщил автопилот.

— Приготовиться, — скомандовал Уилсон.

Он проверил давление в топливных резервуарах и напоследок провел контроль основной системы зажигания. Через сотню секунд самовоспламеняющиеся ракеты в кормовой части маленького космолана направили его на границу атмосферного слоя. Последующий процесс аэродинамического торможения, когда разреженная марсианская атмосфера сопротивлялась изогнутым треугольным крыльям катера, занял более полутора часов. Последние пятнадцать минут Уилсон наблюдал вокруг тупого носа «Орла-2» слабое розоватое свечение. Оно было единственным свидетельством воздействия молекул газа на фюзеляж. Спуск проходил невероятно плавно, и по мере приближения к изрытой кратерами Аравийской Земле так же плавно нарастала сила тяжести.

На высоте в шесть километров Уилсон активировал боковые крылья. Они начали выдвигаться вширь, чтобы получить от разреженного холодного воздуха максимальное сопротивление. В полном развороте расстояние между кончиками крыльев составило сотню

метров, и «Орел-2» при необходимости мог на них планировать. Затем включился турбинный двигатель и мягко подтолкнул катер вперед, поддерживая постоянную скорость в двести пятьдесят километров в час. Вдали показался западный край кратера Чиапарелли. Его округлые склоны поднимались из неровной поверхности, подобно выветренным остаткам горного хребта.

— Есть визуальный контакт с точкой высадки, — доложил Уилсон.

На системной схеме появились зеленые и голубые волны синусоид. Радар наземного слежения начал строить трехмерное изображение пиков и впадин, почти полностью соответствующее картине, которую видел Уилсон.

— «Орел-два», результаты промежуточного контроля подтверждают ваше приближение к точке высадки, — послышалось донесение контроля миссии. — Удачи вам, парни. Мы все внимательно за вами наблюдаем.

— Благодарю, контроль миссии, — официальным тоном ответил командер Льюис. — Мы с нетерпением ждем посадки. Надеемся, что Уилсон обеспечит мягкое приземление.

Эти слова на Земле услышат только через четыре минуты. К тому моменту они уже завершат спуск.

— Есть контакт с маяками грузовых модулей, — отрапортовал Уилсон. — Дистанция тридцать восемь километров. — Он, прищурившись, взгляделся в переднее стекло кабины, на котором автопилот прочертил красную дугу. Край кратера заметно увеличился. — Вижу их.

На широком плоском участке поверхности проступили два пыльно-серых пятна.

Под конец полета «Орел-2» медленно обогнул автоматические спускаемые модули, отправленные с «Улисса» за пару дней до этого. Они представляли собой два приземистых конуса с несколькими тоннами оборудования, включая небольшую разборную базу. Экипажу катера предстояло разгрузить их и соорудить исследовательский лагерь.

— Предварительный осмотр подтверждает пригодность зоны один, — произнес Уилсон.

Изображенная радаром картина почти разочаровала его. Когда Нил Армстронг и Базз Олдрин приблизились к Луне, им пришлось срочно перевести лунный модуль в режим ручного управления и отыскать безопасную площадку, поскольку предполагаемое место приземления оказалось покрыто валунами. Сегодня, восемьдесят один год спустя, съемки со спутников и радарная картография исключали подобную вероятность.

При помощи автопилота он вывел «Орла-2» на заранее выстроенную траекторию подлета.

— Посадочный механизм выдвинут и проверен. Вспомогательные двигатели готовы. Динамические крылья в заданном положении. Путевая скорость приближается к ста километрам в час. Скорость снижения в норме. Ребята, мы готовы.

— Отличная работа, Уилсон, — отозвался командер Льюис. — Остался последний шаг, верно?

— И мы его сделаем, сэр.

Посадочные ракеты изрыгнули огонь, и «Орел-2» начал плавно спускаться с розовеющего неба. На высоте около сотни метров Уилсон не выдержал. Пальцы сами собой перебросили четыре тумблера, отключая автопилот. На приборной панели тревожно вспыхнули красные светодиоды, но пилот проигнорировал их сигнал и посадил космоплан вручную. Это оказалось легче, чем любая тренировочная имитация. Струи раскаленных газов ракетных двигателей, ударившие в поверхность Марса, подняли густые клубы пыли. Из-за

них невозможно было ничего рассмотреть, кроме финальной посадочной схемы, полученной с радара. Касание с грунтом произошло без малейших толчков. Гул ракет затих. Поднявшаяся пыль начала постепенно редеть, и свет снаружи стал ярче.

— Хьюстон, «Орел-два» совершил посадку, — доложил Уилсон.

Горло так сильно сдавило от гордости и волнения, что слова дались ему с трудом. Он буквально слышал, как эхо этой эпохальной фразы прокатилось по истории прошлого и будущего.

«И это сделал я, а не какая-то чертова машина».

В кабине за его спиной раздался гомон радостных возгласов и поздравлений. Тыльной стороной руки он смахнул с ресниц одинокую капельку влаги, а в следующий момент уже активировал автопилот и занялся проверкой систем наблюдения. Наружные приборы подтвердили, что космоплан приземлился и занял устойчивое положение. Теперь катер надлежало привести в состояние наземной готовности: обеспечить подачу энергии в кабину, установить ракетные двигатели в дежурный режим, чтобы не испытать проблем при взлете и проверить запас топлива. Всю эту длинную последовательность скучнейших процедур Уилсон выполнил с безукоризненной тщательностью.

И только затем все шестеро членов экипажа начали надевать скафандры. В тесной кабине, где из-за недостатка места все постоянно друг друга толкали, сделать это оказалось не так уж легко. Когда Уилсон был почти готов, Дилан Льюис протянул ему шлем.

— Спасибо.

Коммандер ничего не сказал, просто посмотрел на него. Этот взгляд был хуже любого выговора.

«Ну и черт с тобой! — мысленно ответил Уилсон. — Мы сделали важное дело, люди высадились на Марсе, и только это имеет значение, а не машина, которая нас сюда доставила. Я не мог доверить посадку компьютерной программе».

После этого коммандер подошел к небольшому люку в задней части кабины, а Уилсон встал в строй. «Третьим, я должен быть третьим». Вернувшись на Землю, они вряд ли вспомнят, что первым на поверхность Марса ступил Дилан Льюис. Уилсону все равно. Третий так третий.

Небольшой сектор дисплея в шлеме Уилсона передавал изображение с наружной камеры, установленной прямо над выходом из шлюзовой камеры. Он показывал узкий алюминиевый трап, упирающийся в марсианский песок. Из шлюза показалась спина командера Льюиса, и его нога медленно и осторожно опустилась на первую ступеньку. Уилсону хотелось закричать: «Ради бога, двигайся быстрее!» Телеметрическая система скафандра отметила покраснение и испарину на коже. Он попытался исправить положение при помощи дыхательных упражнений, но ничего не получилось.

Коммандер Льюис, останавливаясь на каждом шаге, спускался с одной ступеньки на другую, пока наконец не добрался до последней. Уилсон и все остальные в кабине затаили дыхание. Он ощущал, как на старой родной планете пара миллиардов людей сделали то же самое.

— Я делаю шаг от имени всего человечества, чтобы мы все вместе могли пойти по дороге к звездам.

При этих словах Уилсон содрогнулся. В голосе Льюиса звучала неподдельная искренность. А потом кто-то хихикнул. По-настоящему, вслух хихикнул — Уилсон отчетливо услышал смехок по общему каналу связи. «Контроль миссии взбесится от

ярости».

Но он сразу же забыл об этом: Льюис сделал первый шаг по поверхности. Его нога слегка погрузилась в красный марсианский песок и оставила отчетливый отпечаток.

— Мы сделали это, — прошептал Уилсон. — Мы сделали это. Мы здесь.

Из кабины снова слышались радостные возгласы. С «Улисса» хлынул поток поздравлений. В шлюз уже забиралась Джейн Оркистон. Уилсон даже не злился на нее; ее включили в состав экипажа исходя из требований политкорректности, иначе и быть не могло. В НАСА всегда старались по возможности угодить широким массам.

Коммандер Льюис занялся созданием высококачественных снимков своего исторического отпечатка. Это требование появилось в руководстве НАСА восемьдесят один год назад, когда «Аполлон-11», вернувшись на Землю, обнаружил сей досадный промах.

Лейтенант-коммандер Оркистон спустилась намного быстрее, чем Льюис. Уилсон шагнул в шлюз. Он не обратил абсолютно никакого внимания на эту маленькую кабинку, она для него просто не существовала. И вот он уже пятится вниз по трапу. Он расчетливо ставит ногу на ступеньку, прежде чем перенести на нее свой значительно уменьшившийся вес. Он замирает на нижней ступеньке. «Я хотел бы, чтобы ты увидел это, отец». Он опускает ногу и встает на поверхность Марса.

Уилсон, осторожно двигаясь в условиях низкой гравитации, отошел от трапа. В ушах гремел стук сердца. Дыхание в шлеме едва не оглушало, так что непрекращающийся шум вентиляторов был едва слышен. На визоре шлема назойливо мелькали остаточные графические символы. В ушах звучали голоса посторонних людей. Он остановился и повернулся кругом. Марс! Поверхность была усеяна пыльными скалами. Резкая линия горизонта. Маленькое спящее солнце. Он вертел головой, пока не отыскал звезду, которая должна была быть Землей. Уилсон торжественно помахал ей рукой.

— Не поможешь мне с этим? — спросил коммандер Льюис.

Он держал в руках флагшток с туго свернутым звездно-полосатым полотнищем.

— Да, сэр.

На трапе уже показался Джефф Сильверман, геофизик. Уилсон отправился на помощь коммандеру и по пути оценил состояние «Орла-2». На фюзеляже у основания крыльев были видны следы обгорания, впрочем совсем слабые. Кроме этого — ничего. Космоплан был в отличном виде.

Коммандер пытался установить небольшой треножник в основании флагштока, но в тяжелых перчатках это оказалось сделать непросто. Уилсон придержал флагшток одной рукой.

— Эй, парни! Как делишки? Помощь не требуется? — Вопрос сопровождался все тем же смешком.

Уилсон знал голоса всех членов миссии. Долгое время, проведенное в компании тридцати восьми человек в таком ограниченном пространстве, как «Улисс», помогло ему досконально изучить вокальные особенности каждого из них. Кто бы ни обращался сейчас к астронавтам, этот человек не состоял в экипаже. И тем не менее Уилсон каким-то образом догадывался, что это было не пиратское вторжение в эфир, прорвавшееся с Земли.

Коммандер Льюис замер, держа в руках так и не раскрытый треножник.

— Кто это сказал?

— Да это же я, приятель. Найджел Шелдон к вашим услугам. Особенно если вам не терпится поскорее вернуться домой.

И снова хихиканье, а потом еще чей-то голос:

— Старик, прекрати! Ты сведешь их с ума.

— Кто это? — воскликнул Льюис.

Уилсон со всей скоростью, какую позволяла развить невысокая гравитация, уже двигался к кормовой части «Орла-2». Он знал, что разговаривавшие должны находиться неподалеку, и мог видеть всех, кто был по эту сторону космоплана. Едва миновав колоколообразные сопла ракет, Уилсон был вынужден остановиться. Перед ним, подняв руку в почти виноватом жесте, стоял некто в самодельном, на первый взгляд, скафандре. Это казалось полным безумием, но одеяние незнакомца, похоже, было сделано из глубоководного гидрокостюма: его наружный слой состоял из ровных полос грязно-бурой резины, которая резко контрастировала со снежно-белым скафандром Уилсона, созданным специально для посещения Марса и стоившим десять миллионов долларов. А его шлем, напоминавший популярный в пятидесятые годы двадцатого века аквариум для золотых рыбок, представлял собой прозрачный стеклянный шар, в котором виднелась голова молодого парня с неряшливой бородкой и длинными сальными светлыми волосами, стянутыми в хвостик.

«Никакой защиты от радиации», — растерянно подумал Уилсон.

У незнакомца не было ни ранца, ни переносного модуля жизнеобеспечения. Вместо этого с пояса парня свисала связка нагнетательных шлангов, тянувшихся к...

— Сукин сын! — вырвалось у Уилсона.

Позади незнакомца располагался двухметровый овал другого пространства. Он висел над марсианской поверхностью, словно какой-то телевизионный спецэффект. По его краю протянулся причудливый ободок из дифракционных полосок света сумрачной вселенной. Брешь в космосе, врата, ведущие будто в какую-то захудалую лабораторию. Внутренняя сторона овала была закрыта толстым стеклом. К этому стеклу прижималась физиономия парнишки с буйной копной африканских косичек. Он смотрел на Марс, смеялся и показывал пальцем на Уилсона. А над ним в открытые окна лаборатории заглядывало яркое калифорнийское солнце.

Звезда исчезла из центра экрана телескопа в мгновение ока. Ошибки быть не могло, поскольку в тот самый момент Дадли Боуз смотрел прямо на нее.

Он изумленно моргнул и отодвинулся от окуляра.

— Этого не может быть, — пробормотал он.

Холод заставил его вздрогнуть и похлопать себя по плечам руками в перчатках. Его жена Венди настояла, чтобы он оделся по-зимнему перед ночным дежурством, и Дадли, прежде чем выйти из дома, покорно натянул толстое шерстяное пальто и плотные стеганые брюки. Но стоило солнцу Гралмонда опуститься за линию горизонта, и все тепло, содержащееся в довольно разреженной атмосфере, как обычно, моментально улетучилось. В два часа ночи при открытом всем стихиям люке телескопа температура понизилась настолько, что дыхание слетало с губ облачком серого тумана.

Дадли тряхнул головой, прогоняя усталость, и снова прильнул к окуляру. Диаграмма направленности осталась прежней, никакого сбоя в настройках телескопа не произошло, однако Альфы Дайсона видно не было.

— Не могло это случиться так быстро! — воскликнул он.

Дадли Боуз уже четырнадцать месяцев вел наблюдение за Парой Дайсона, стараясь заметить первые признаки окутывания, которое должно было в значительной мере изменить спектр излучения. До сих пор крошечное желтое пятнышко в двухстах сорока световых годах от Гралмонда, которое и было звездой Альфой Дайсона, не демонстрировало никаких изменений.

Он знал, что изменения должны были быть; еще двести десять лет назад астрономы Оксфордского университета на Земле во время штатного наблюдения за звездами заметили некоторую аномалию. После предыдущего наблюдения, проведенного за двадцать лет до этого, две звезды — класса К и класса М — изменили спектр своего излучения до невидимого инфракрасного. Это открытие на несколько недолгих месяцев вызвало в астрономическом братстве оживленные дебаты о том, как звезды могли так быстро одряхлеть до состояния красных гигантов и почему это явление одновременно затронуло две соседние звезды. А затем с заново заселенной планеты в пятидесяти световых годах от Земли доложили, что обе звезды еще видны в своем обычном спектре. Проверка спектра на разной удаленности от изучаемых звезд, проведенная астрономами, позволила сделать вывод о том, что изменения происходили одновременно в течение семи или восьми лет. Скорость преобразования спектра сильно озадачила ученых: чтобы трансформироваться в красных гигантов, звездам такого типа требовалось намного больше времени. Следовательно, изменение спектра произошло не в силу природных явлений, а стало результатом технологического воздействия невероятно высокого уровня. Кто-то построил вокруг каждой из звезд гигантскую оболочку. Масштаб размеров подобного подвига уступал только краткости сроков его совершения. Восемь лет — ничтожно малый промежуток времени для создания такой гигантской структуры даже для самой прогрессивной цивилизации, а в этот отрезок времени было построено сразу два таких сооружения. Но тем не менее человечество приняло эту концепцию.

Ученый по имени Фримен Дайсон в двадцать первом веке выдвинул гипотезу, согласно которой артефакты технологически продвинутой цивилизации способны полностью

«окутать» свое солнце с целью использования всей его энергии. Теперь же кто-то воплотил эту гипотезу в жизнь. Неудивительно, что две «окутанные» звезды были названы Парой Дайсона.

Появилось множество дискуссионных статей, и теоретические споры велись уже о том, как разрушить планету размером с Юпитер, чтобы создать подобную оболочку. Но даже в современном Межзвездном Содружестве этот вопрос не вызвал большого интереса и остался предметом обсуждений для небольшой группы футурологов. Реальной потребности в решении данной проблемы пока не было. Люди уже встретились с несколькими расами разумных чужаков, и все они оказались неопасными, так что Содружество уверенно разрасталось. Еще несколько столетий — и к Паре Дайсона откроется червоточина. И тогда на все оставшиеся к тому времени вопросы ответят уже сами создатели этой невероятной конструкции.

И вот сейчас, когда Дадли убедился, что окутывание произошло в одно мгновение, у него появилось множество животрепещущих вопросов относительно структуры оболочки. До сих пор существовало общее мнение, что восемь лет для создания экрана — срок невероятно малый, но теоретически допустимый. В начале своих наблюдений Дадли надеялся год за годом следить за угасанием звездного излучения по мере возведения все новых и новых сегментов. Сегодняшнее открытие все изменило. Оболочка, появившаяся так внезапно, не могла быть твердой. Вероятно, это какое-то силовое поле. А зачем окружать звезду силовым полем?

— Мы ведем запись? — спросил он своего электронного дворецкого.

— Не ведем, — ответил эл-дворецкий. — В данный момент в телескопе не активирован ни один электронный сенсор.

Голос эл-дворецкого прозвучал резковатым сопрано, его тональность за последние несколько лет заметно ухудшилась. Дадли подозревал, что его органическая схема в виде татуировки на ухе начинает распадаться: органические элементы всегда подвержены воздействию антител, а этим уже больше двадцати пяти лет, хоть яркая пурпурно-голубая спираль на коже еще и не утратила своего блеска. Классический юношеский динамизм после прошлого омоложения заставил его остановить выбор на видимом рисунке, очень популярном в те времена. Теперь для профессора средних лет щеголять подобным узором в университетском городке было не совсем удобно. Надо было вытравить старый рисунок и заменить его чем-то более скромным, но, несмотря на постоянные просьбы жены, Дадли на это никак не решался.

— Проклятье! — удрученно проворчал Дадли.

Но сама мысль, что эл-дворецкий делает что-то по своей инициативе, казалась попросту абсурдной. Альфа Дайсона поднялась сорок минут назад. Дадли был занят установкой аппаратуры и проведением стандартной финальной проверки. А из-за слабо оборудованных механических систем ориентирования телескопа это было делом нелегким. И он никогда не давал команды включить сенсоры до окончания проверки. Этот неизменно выполняемый порядок процедур мог стоить ему результатов наблюдения.

Дадли снова взглянул в телескоп. Маленькая звезда по-прежнему отсутствовала в видимой части спектра.

— Теперь активируй сенсоры, пожалуйста. Этой ночью мне необходимо сделать кое-какие записи.

— Запись ведется, — ответил эл-дворецкий. — Датчики, возможно, нуждаются в

перенастройке, общее изображение не соответствует надлежащему уровню.

— Да, я этим займусь, — рассеянно бросил Дадли.

Состояние сенсоров относилось к техническим проблемам, и решать их он должен был поручить своим студентам (всем троим). Как и сотню других заданий, устало подумал он.

Он отодвинулся от телескопа и, оттолкнувшись ногами, прокатился по гладкому бетонному полу обсерватории на черном кожаном офисном кресле. Дребезжание старых роликов отозвалось в похожем на пещеру зале слабым эхом. Тут было достаточно места для целого ряда самого сложного вспомогательного оборудования, которое помогло бы обсерватории приблизиться к профессиональным стандартам. Здесь поместился бы и более мощный телескоп, но для обновления аппаратуры Гралмондскому университету не хватало средств, и добиться коммерческого спонсорства даже от ККТ («Космический Компрессионный Транспорт») — единственной компании, заинтересованной в подобной работе, — до сих пор не удавалось. Пока же кафедра астрономии выживала лишь благодаря скудным правительственным грантам и немногочисленным пожертвованиям от чисто научных учреждений. Ежегодные взносы поступали даже от образовательно-благотворительного центра, расположенного на Земле.

Стоявшая у двери длинная деревянная скамья фактически служила рабочим кабинетом для всей кафедры. На ней скопились груды устаревшего подержанного электронного оборудования и экраны высокого разрешения. Коричневый кожаный портфель Дадли, в котором лежали бутерброды для позднего ужина и термос с чаем, тоже стоял здесь.

Он открыл портфель и начал грызть шоколадное печенье, наблюдая, как на дисплеях появляются изображения.

— Переведи главный дисплей в инфракрасный режим, — приказал он эл-дворецкому.

Голографические точки на самом большом экране собрались в изображение звездного поля ложных цветов вокруг Пары Дайсона, и тогда стало заметно слабое инфракрасное излучение от Альфы Дайсона.

— Значит, окутывание произошло на самом деле, — пробормотал Дадли.

По крайней мере, люди должны будут признать, что это произошло в течение двадцати трех часов, прошедших после последней записи. Это уже кое-что, хотя и недостаточно. В конце концов, он увидел нечто действительно невероятное. Но в данной ситуации единственной наградой ему станет либо недоверие, либо яростное сражение за свою и так не слишком высокую репутацию.

Дадли в его второй жизни уже стукнуло девяносто два года, и время следующего омоложения неуклонно приближалось. Несмотря на физический возраст в пятьдесят стандартных лет, перспектива долгого угасания в стенах академии вселяла в его душу ужас. Для прогрессивного общества Межзвездное Содружество порой бывало потрясающе отсталым, если не сказать жестоким.

«Возможно, все не так уж плохо», — сказал он себе.

Этот самообман помог ему выдержать остаток ночного дежурства.

Вскоре после рассвета внедорожник «Карлтон» доставил Дадли домой. Как и сам астроном, машина была старой и потрепанной, но вполне справлялась со своей работой. На ней стоял дешевый дизельный двигатель, довольно распространенный для почти пограничного мира, каким был Гралмонд, зато в направляющей антенне был установлен сравнительно новый фотонейронный процессор. Высокая подвеска и высокопрофильные шины помогали проделать путь до обсерватории и обратно в любую погоду, несмотря на

разбитую дорогу и метровые снежные заносы, нередко возникавшие в суровые зимы Гралмонда.

В это утро путь затрудняла лишь легкая морось да тонкий слой слякоти на дороге. Обсерватория располагалась на высокой равнине в девяноста километрах от Леониды, столицы планеты. Это, конечно, была не горная вершина, но достаточно приподнятая местность в пределах оптимального расстояния от города, к тому же здесь можно было не опасаться световых загрязнений атмосферы. «Карлтону» потребовалось сорок минут, чтобы преодолеть извилистый участок дороги и спуститься в долину, где между холмами пролегла главная магистраль. Только тогда появились первые следы человеческой деятельности. В затененных складках рельефа были построены фермы, темневшие густыми зарослями циномели — местных деревьев, занимавших любые клочки земли на берегах рек и ручьев. На пологих склонах холмов появились пастбищные луга, где животные дрожали от холодных ветров, дующих с равнины.

«Карлтон» неторопливо катился по дороге, и все это время Дадли сутулился на водительском месте, обдумывая, как преподнести сенсационную новость. Немногочисленное братство астрономов Содружества без должной подготовки могло с ходу отвергнуть возможность окутывания даже и за двадцать три часа. Если же он попытается заявить, что оно произошло в долю секунды, он поставит себя в смешное положение и наверняка вызовет жестокую критику даже со стороны коллег по университету. А физики и инженеры, услышав подобное заявление, с радостью присоединятся к обвинениям в некомпетентности.

Случись такое в начале его карьеры, он мог бы решиться на это, не побоявшись дурной славы, чтобы впоследствии доказать свою правоту. Маленький человечек, сражающийся с великанами; почти героическая или, по крайней мере, романтическая фигура. Но сейчас идти на подобный риск было по меньшей мере неразумно. Ему необходимо еще восемь лет непрерывной работы хотя бы за скудное университетское жалованье, чтобы получить полную страховку «Оживление и омоложение». Без этих денег ему нечем будет заплатить за омоложение. А кто в последнем десятилетии двадцать четвертого века возьмет на работу дискредитированного астронома?

Бессознательно почесывая ОС-татуировку на своем ухе, он рассматривал пейзаж за окном «Карлтона». Рассеянные лучи освещали невысокие холмы, покрытые влажной желтовато-серой спартиной, высвечивали несчастных на вид земных коров и стада местных медлительных нигинов. Где-то вдали должен был просматриваться горизонт, но определить его на фоне тускло-серого неба практически не представлялось возможным. Как показало будущее, именно это стало самой угнетающей чертой всех заселенных миров.

Дадли прикрыл глаза и вздохнул.

— И все-таки она вертится, — прошептал он.

Как только волнение улеглось, Дадли почувствовал себя глубоко несчастным. Он понимал, что не сможет проигнорировать увиденное среди вечных звезд явление. По крайней мере, он благодарен судьбе за благородно предоставленный шанс не сдать без боя. Но объявить широким массам о произошедшем окутывании означало бы разрушить свой собственный личный мир. То, что другие расценили бы как мягкотелость, он предпочитал считать обретенной с возрастом осторожностью. Возможно, даже мудростью.

В соответствии с неистребимыми привычками он разбил проблему на отдельные задачи — как всегда учил действовать своих студентов — и стал решать их по одной, применяя всю

доступную ему логику. Без особых трудностей он выделил главное: необходимо подтвердить скорость окутывания. Возможность доказательства его мгновенности в данный момент удалялась от Гралмонда со скоростью света. А Гралмонд в своем космическом секторе находился почти на границе Содружества. Почти, но не совсем.

Межзвездное Содружество охватывало космическое пространство почти сферической формы с Землей в центре и достигло пределов третьей зоны космоса, которую ККТ только открывала для заселения. Гралмонд находился на расстоянии двухсот сорока световых лет от Земли и был одной из последних заселенных планет второй зоны космоса. Дадли не стоило большого труда вычислить, что следующей планетой, где можно будет наблюдать за окутыванием, является соседняя Таньята — мир еще менее развитый, чем Гралмонд. Там даже не было университета, но всепланетная база данных предоставила ему список местных астрономов-любителей. В нем стояло только одно имя.

Спустя пять месяцев и три дня после той ночи, когда Альфа Дайсона исчезла из поля зрения, Дадли смущенно помахал рукой жене и вывел «Карлтон» из гаража. Венди считала поездку на Таньяту командировкой, санкционированной университетом. Даже после одиннадцати лет брака он не осмелился открыть жене всю правду. Или — после пяти браков — он понял, что иногда лучше промолчать.

«Карлтон» повез его прямо к планетарной станции ККТ, находившейся на противоположной от университетского кампуса стороне города Леониды. В городских парках едва начавшаяся весна разбудила на ветвях земных саженцев ярко-зеленые почки. Даже взрослые местные деревья откликнулись на удлинившиеся дни: их темно-лиловая кора приобрела новый гляцевитый блеск, предвещавший скорое раскрытие листовых зонтиков. Из окна машины Дадли разглядывал горожан. Деловые люди и мелкие служащие, целеустремленно спешащие по своим делам; родители, терпеливо или раздраженно поучавшие своих отпрысков; подростки в своей первой жизни, толпившиеся у входов в кафе и магазины, безнадежно неловкие, но тем не менее казавшиеся представителями самых опасных молодежных банд в истории человечества. Все выглядело абсолютно нормально. Это и стало одной из главных причин, по которой Дадли на склоне второй жизни выбрал Гралмонд.

В приграничных мирах всегда царила атмосфера ожиданий и надежд; именно здесь могли пустить корни и сбыться новые мечты. Он так мало сделал в своей второй жизни. И это отчасти безрассудное переселение служило тому подтверждением.

Свою планетарную станцию ККТ открыла на Гралмонде около двадцати пяти лет назад, и примерно в это же время Дадли приобрел свою красочную ОС-татуировку. Ирония этого совпадения не могла от него ускользнуть. В течение первой четверти века своей человеческой истории планета развивалась довольно успешно. Приехали фермеры, и на свободных просторах появились трактороботы и стада животных. Горожане привезли сборные дома, выставили их в аккуратные ряды и назвали селения в честь знаменитых городов, надеясь, что со временем их скромные постройки будут соответствовать громким именам. Импортированные заводы привлекли значительные вложения капиталов, и вокруг них стали создаваться больницы, школы, театры и правительственные учреждения. От населенных пунктов вглубь континентов протянулись щупальца дорог. И, как всегда, основная доля в коммерции пришлась на железнодорожный транспорт.

«Карлтон» Дадли, направляясь к планетарной станции, катил вдоль «Мерси» — одной из линий железной дороги. От массивных рельсов из углеродной стали двухполосное шоссе

отделяло только проволочное ограждение и пластиковый барьер безопасности — линия «Мерси» была одной из пяти основных колежных веток, отходящих от станции ККТ. Обитатели Гралмонда по праву гордились своей железной дорогой: пять линий за двадцать пять лет — верный признак здоровой и развивающейся экономики. Три из них, включая «Мерси», вели к обширным индустриальным районам в окрестностях Леониды, а две оставшиеся, бесконечно разветвляясь, соединяли основные сельскохозяйственные центры. Грузы днем и ночью поступали и отправлялись через планетарную станцию ККТ, и объемы поставок год от года неуклонно росли. Циркуляция денег, материалов и оборудования неустанно расширяла границы человеческих владений на новых землях.

Мимо прогροхотал огромный товарный состав, двигавшийся чуть быстрее «Карлтoна». Дадли повернул голову на шум и проводил взглядом длинные оливково-зеленые вагоны. Зеленовато-желтые буквы на их боках уже поблекли от старости и солнца. Цепь из полусотни вагонов тащил один двадцатиколесный локомотив. Дадли решил, что это был локомотив класса GN7, хотя какой именно марки — ему не удалось определить. Эти монстры работали на Гралмонде уже почти восемь десятков лет, их тридцатипятиметровые корпуса содержали сверхпроводниковые батареи, питающие мощные осевые моторы. Пока планета не достигнет полного индустриального статуса, на что потребуется еще лет семьдесят, ничего более мощного Гралмонд не увидит.

Однако же такой монстр, громыавший сквозь цветущий город, казался слегка неуместным. В этом районе еще сохранилось множество разборных построек — двух-или трехэтажных кубиков из светлого алюминия с крышами, служившими солнечными батареями. В мире, где земля была не просто дешевой, а отдавалась даром любому, кто ее попросит, в реконструкции не было необходимости. Все население Гралмонда едва достигло восемнадцати миллионов, и здесь никто не страдал от тесноты. Сборные конструкции оставались для хозяйственных нужд, коммерческих центров и новых, самых бедных переселенцев. Но по мере того как экономика планеты развивалась, в некоторых районах города обветшавшие металлические постройки сносились и их сменяли новые дома с фасадами из стекла и камня. Наиболее популярным стало внедрение сухих кораллов — растений, впервые обнаруженных на Мечерии. Новые поселенцы высаживали генетически подготовленные черенки по линии фундамента своего дома, заботливо ухаживали за длинными плоскими волокнами пористого, похожего на пемзу камня и быстро получали стены, которые, расширяясь, образовывали органический каркас здания. Обычная подрезка позволяла оставлять проемы для окон и дверей. Цветные полосы искусно переплетались между собой, и в результате получались сложные узоры, так что ни один дом не был похож на соседний. И сколько бы пыли и копоти не летело с дороги, сухой коралл поглощал посторонние частицы, оставляя фасады чистыми и яркими.

Благосостояние горожан неуклонно росло, облагораживание города продолжалось, и поезда «Мерси» становились здесь все более и более не к месту. Вдоль проволочного ограждения кое-где уже появились ростки сухого коралла, которые быстро вырастали и загоразживали уродливые рельсы от стоящих поблизости красивых особняков и многоквартирных домов.

Пассажирский терминал занимал лишь малую часть из десяти квадратных километров общей площади планетарной станции ККТ; основное пространство было отдано сортировочным узлам и цехам инженерных служб. Сам шлюз находился в дальнем конце терминала, закрытый от превратностей погоды единым широким пролетом сводчатой

крыши из кварца и белого бетона. Со времени прибытия сюда Дадли прошло уже почти одиннадцать лет, и он его едва узнал, но не потому, что конструкция изменилась. Она не менялась никогда.

«Карлтон» остановился перед терминалом и, как только Дадли вышел и забрал свой багаж, покатился обратно домой. В здании станции Дадли поглотила толпа людей, которые, казалось, спешили куда угодно, только не в нужном ему направлении. Главный вестибюль, хоть и был построен сравнительно недавно, выглядел старомодным: высокие мраморные колонны поддерживали стеклянную крышу; в арочных переходах, способных украсить собой собор, расположились магазины беспошлинной торговли; пологие лестницы между уровнями раскинулись невероятно широко, словно вели к каким-то невидимым дворцам; в глубоких и высоких нишах разместились статуи и скульптуры, испещренные потеками птичьего помета. Для тех, кто не имел возможности подключиться к местной сети, в воздухе то и дело вспыхивали дублирующие график движения поездов полупрозрачные надписи, сквозь которые постоянно пролетали маленькие птички, тревожно попискивавшие, когда их перепончатые крылья вызвали фонтанчики искр.

— Поезд на Верону отправляется с девятой платформы, — доложил эл-дворецкий Дадли.

Астроном начал проталкиваться сквозь толпу к нужной платформе. Поезда на Верону ходили регулярно через каждые сорок минут. Оттуда в Леониду приезжало множество мелких и средних служащих финансовых и инвестиционных компаний, связанных с администрацией Гралмонда.

Веронский поезд состоял из восьми двухэтажных вагонов, прицепленных к локомотиву средней мощности класса РН54. Дадли запихнул свои сумки в багажный отсек пятого вагона и, поднявшись, отыскал свободное место у окна на втором уровне. После этого ему оставалось только справиться с напряжением, возраставшим по мере приближения часа отправления. В почте эл-дворецкого для него поступило семь сообщений; большая часть из них пришла от студентов и содержала аудио-и видеопакеты.

Последние пять месяцев для кафедры астрономии маленького университета выдались чрезвычайно напряженными — и это при том, что в тот период не проводилось никаких наблюдений за звездами. Дадли заявил о неприемлемом состоянии телескопа и остального оборудования и о пренебрежении руководством практической стороной занятий. Под его наблюдением один за другим были демонтированы все механизмы слежения и проведено техническое обслуживание моторов. Далее последовал текущий ремонт всего сенсорного блока. Бездействие телескопа позволило обновить и усовершенствовать программы контроля и анализа изображений. Студенты поначалу обрадовались шансу поучаствовать в обновлении оборудования, но Дадли постоянно находил все новые и новые проблемы, задерживавшие окончание работ, и их первоначальный энтузиазм стал постепенно угасать.

Дадли было противно всех обманывать, но другого пути законно приостановить наблюдение за Парой Дайсона он не нашел. Астроном убеждал себя в том, что сохранение открытия в тайне скажется исключительно положительно на его собственной репутации и бюджете университета и тем самым оправдывает эти маленькие уловки. Лишь в последние два месяца, когда жалобы студентов стали более энергичными, он начал задумываться о взаимосвязи мгновенного окутывания и собственной карьеры. Отсутствие подтверждения разрушило бы его жизнь; с другой стороны, в случае успеха перед ним открылись бы безграничные перспективы. Он мог достичь более высоких вершин, чем был способен

предложить университет Гралмонда. Приятные мечты.

Поезд тронулся, отошел от платформы и, покинув станцию, отправился навстречу весеннему солнцу. Мимо окна потянулись станционные пути, где сотни вагонов с маленькими локомотивами сновали взад и вперед по бесконечному лабиринту. Линию горизонта составляли крыши складов и погрузочных узлов, над которыми повисла сетка опор подъемников и штабелеукладчиков, сортирующих контейнеры. Платформы и цистерны разгружались и загружались огромными механическими системами. Вдоль нескольких путей толпились рабочие и технороботы ремонтных бригад.

По мере приближения к переходу движение становилось все интенсивнее, длинные товарные составы и более короткие пассажирские поезда объединялись в один поток. Извивающиеся пути с бесчисленными стрелками направляли вагоны к финальному отрезку пути. В окно Дадли был виден почти непрерывный поток поездов, идущих в обратную сторону.

Оставалось только две ветки: одна вела к переходу, другая — от него. Веронский поезд наконец втиснулся на путь отправления, пристроившись за пассажирским составом на Эдембург. Следом за ним подошел товарный эшелон, направлявшийся в Сент-Линкольн. По вагону прокатился басовитый предупреждающий гудок. Впереди Дадли уже видел край изогнутой крыши перехода. Как только поезд нырнул под навес, свет в вагоне слегка потускнел. А потом перед поездом показался широкий, мерцающий янтарным светом овал перехода, сильно напоминающий старинный вход в тоннель. Состав прошел прямо сквозь него.

Легкое покалывание кожи подсказало Дадли, что они миновали барьер высокого давления, предотвращающий смешивание атмосфер двух миров. Несмотря на то что червоточина соединяла две точки, находившиеся на расстоянии в сто восемьдесят световых лет друг от друга, сама она не имела длины. Зато генераторное оборудование, ее создававшее, обладало значительными размерами и располагалось в массивном бетонном блоке под той же крышей — одни только излучатели, образывавшие огромный овал, занимали около тридцати метров. Поезд, набравший к тому времени уже значительную скорость, проскочил мимо них за долю секунды.

В окна вагона хлынул медно-красный свет зари. В вентиляционные каналы ворвалась новая атмосфера, и у Дадли заложило уши. Он увидел огромное сооружение станции ККТ Вероны. Помещение тянулось насколько хватало глаз, так что рассмотреть мегагород, лежавший за его пределами, не представлялось возможным. Одну сторону станции образывал массивный утес переходов, укрытых под волнами крыш. Каждому овалу перехода, в зависимости от спектра звезды мира назначения, соответствовал свой особый оттенок. Все остальное доступное взгляду пространство было занято поездами и рельсами. Локомотивы большегрузных составов превосходили даже GN7, так поразившие Дадли; тракторные агрегаты с термоядерными реакторами тянули двухкилометровые цепочки контейнеров. Изящные пассажирские экспрессы пролетали мимо, легко увлекая за собой по дюжине вагонов; маятниковые составы останавливались на короткое время, чтобы снова выйти на кольцевой маршрут, пролежавший через двадцать, а то и более миров. Небольшие местные поезда, как тот, на котором ехал Дадли, протискивались между своими более важными и массивными собратьями. На Вероне были представлены все типы железнодорожного транспорта.

Если Земля была узловой планетой Межзвездного Содружества в первой зоне космоса,

то Верона со своими переходами, ведущими к тридцати трем планетам, стала основной станцией второй зоны. Она входила в число Большой Дюжины планет — индустриальных миров, находившихся на границе первой зоны и удаленных от Солнца приблизительно на сотню световых лет. Компания основала, компания оплатила, компания правит.

Станция Вероны могла похвастаться аж семью пассажирскими терминалами. Поезд Дадли прибыл в терминал номер три. И опять масштабы станции поражали воображение, но теперь один только этот терминал в пять раз превосходил всю станцию на Гралмонде. А более плотная атмосфера и чуть большая сила притяжения только усиливали ощущение ничтожности, овладевшее Дадли, пока он бродил в толпе в поисках рейса на Таньяту. В конце концов он обнаружил нужный поезд на платформе 186: состав всего из трех одноуровневых вагонов был прицеплен к локомотиву «Эйбл PR2», снабженному дизельным двигателем. Отправив багаж на полку над головой, Дадли уселся один на двойное сиденье. Вагон оказался заполнен лишь на треть, несмотря на то что на Таньяту имелось только три рейса в день.

Прибыв на место назначения, Дадли понял, почему поезда ходили сюда так редко. Таньята, заселенная последней в этом секторе второй зоны космоса, определенно принадлежала к числу пограничных планет. Строить червоточины, проникающие куда-то дальше, было просто коммерчески невыгодно. Верона не могла расширить круг подходящих человечеству миров, эта честь выпала теперь Савилье, находящейся всего на расстоянии десяти световых лет от Гралмонда. Именно там ККТ, готовясь открывать червоточины к новому поколению звездных систем — третьей зоне космоса, — приступила к сооружению новой исследовательской базы.

Планетарная станция ККТ на Таньяте представляла собой пару поспешно возведенных платформ из борсодержащей стали под временной пластиковой крышей. Товарный сектор состоял из единственного крана и пакгауза, занимавшего обширную территорию среди длинных рядов контейнеров, резервуаров и плохо скошенной местной растительности. Вагоны и цистерны, грохоча, проходили между рядами, загружая сырье и материалы. Само поселение представляло собой россыпь стандартных мобильных строений для рабочих, которые закладывали первую ступень гражданской инфраструктуры планеты. Первые сборные дома еще были в стадии строительства: люди с помощью больших манипулятороботов составляли алюминиевые модули и крепили их к каркасам из углеродистых брусьев. Самыми большими здесь были дорожно-строительные машины: настоящие мини-заводы на гусеницах с огромными вибрирующими отвалами с легкостью перемалывали землю и глину. Химический реактор превращал эту массу в связанный энзимами бетон, который вытекал из задней части машин и укладывался в ровную поверхность. Рассмотреть подробно этих монстров мешали густые облака пара и выхлопных газов.

Дадли спустился на платформу и тотчас потянулся за солнечными очками. Станция располагалась в зоне тропиков, отсюда и липкая влажность, и обжигающий голубоватый свет солнца. На западе, между невысокими холмами проглядывал океан. Дадли снял пиджак и помахал рукой перед лицом. Кожа тотчас покрылась испариной.

С другого конца платформы кто-то окликнул его по имени и помахал рукой. Это был мужчина ростом более шести футов, стройный и поджарый, какими бывают бегуны на марафонские дистанции. Его физический возраст не поддавался определению, а кожу плотным узором покрывали ОС-татуировки, переливавшиеся неяркими цветами. Золотая

спираль галактик обвивалась вокруг его лысого черепа, создавая иллюзию медленно движущегося созвездия. На его зрелый возраст указывала лишь безукоризненно подстриженная остроконечная седеющая борода. Мужчина улыбнулся и зашагал вдоль платформы, развевая коленями килт в яркую аметистово-черную клетку.

— Полагаю, передо мной профессор Боуз?

Дадли с трудом удержался, чтобы не почесать свою ОС-татуировку.

— Э, да. — Он протянул руку. — А вы — Лев Уокер Эйре, не так ли?

Он даже не сумел взять правильный тон, в голосе прозвучало нечто вроде высокомерного неодобрения. Дадли надеялся, что его ярко вспыхнувший румянец можно будет списать на жару.

— Да, это я. Можно просто Уокер — так меня называет большинство знакомых.

— Э-э. Отлично. Хорошо. Значит, Уокер.

— Я рад встрече, профессор.

— Дадли.

— Тогда пошли.

Он дружески хлопнул Дадли по спине.

Дадли стало не по себе. Он совсем не обратил внимания на имя, выданное ему поисковой системой. Но, с другой стороны, человек, обладавший достаточными средствами, чтобы купить телескоп с отражателем в один и три десятых метра, а затем оплатить его перевозку в приграничный мир и остаться там жить, имел право быть эксцентричной личностью.

— Я весьма благодарен вам за возможность ночного наблюдения, — произнес Дадли.

Лев Уокер коротко усмехнулся, шагая вдоль платформы.

— Да, в наше время такая просьба звучит довольно необычно. Наверное, эта ночь имеет для вас огромное значение, верно?

— Возможно. Я на это надеюсь.

— Я задавал себе вопросы: почему только одна ночь? Что такого важного вы могли бы увидеть за столь короткий промежуток? И почему именно эта ночь?

— И?

— Вот именно! Я так и не пришел ни к какому заключению — по крайней мере, в вопросе, касающемся звездных процессов. Я знаю, что поблизости нет никаких комет; во всяком случае, я не видел ни одной, а здесь только я наблюдаю за небом. Вы собираетесь мне рассказать, в чем дело?

— Моя кафедра ведет непрерывное наблюдение за Парой Дайсона, в этом заинтересованы некоторые из наших спонсоров. Я просто хочу получить кое-какие подтверждения, вот и все.

— Ага. — Улыбка Льва Уокера стала шире. — Понимаю. Значит, это какое-то необычное событие.

Дадли слегка расслабился. Каким бы эксцентричным ни казался Лев Уокер, ему нельзя было отказать в проницательности.

У края платформы высокий спутник Дадли неожиданно крутанул кистью, вытянул палец и медленно описал в воздухе полукруг. ОС-татуировки на его плече отозвались сложными переливами цвета. Через мгновение перед ними остановился пикап «тойота».

— Интересная система контроля, — заметил Дадли.

— А, просто я предпочитаю именно этот вариант. Бросьте вещи в кузов, хорошо?

Они поехали по одной из недавно уложенных бетонных дорог, оставив позади деловую суету поселка. Каждые несколько секунд Лев Уокер шевелил пальцами, вызывая все новые цветковые волны в ОС-татуировках, и автопилот неуклонно подчинялся его движениям.

— Почему бы вам для управления не перейти на обычные голосовые команды? — спросил Дадли.

— А какой в этом смысл? Таким образом я сохраняю контроль над технологией. Машина выполняет мои команды. Все остальное — это механтропоморфизм. Не надо относиться к груде металла как к равному существу и просить сделать то или другое. В конце концов, кто здесь главный — мы или они?

— Понятно. — Дадли улыбнулся, ощутив неожиданную симпатию к этому человеку. — А слово «механтропоморфизм» существует на самом деле?

Лев Уокер пожал плечами:

— Если и нет, то должно, поскольку буквально все Содружество практикует это явление, словно новую религию.

Поселок быстро скрылся из вида, и они продолжали ехать по дороге, идущей параллельно берегу на расстоянии около двух километров от океана. Между пологими песчаными холмами Дадли порой удавалось уловить красивый блеск чистой воды. На небе не было ни облачка, и воздух казался совершенно неподвижным. Яркий свет придавал кудрявой траве и прибрежным водорослям более темный оттенок, так что листья казались вырезанными из нефрита. Вдоль дороги росли чахлые низкие деревца; на первый взгляд они напоминали земные пальмы, только их листья, заканчивающиеся длинными красными шипами, больше походили на кактусы.

В пятидесяти километрах от поселка дорога уходила вглубь материка. Лев Уокер сделал замысловатый жест, и пикап послушно свернул на узкий песчаный проселок. Дадли, опустив стекло, наслаждался свежим морским воздухом. Он оказался совсем не таким соленым, как в большинстве миров, соответствующих типу Н.

— Заметили, как дорога поворачивает от океана? — спросил Лев Уокер. — Между ней и берегом оставлено множество земельных участков. Лет через тридцать, когда город разрастется, их будут продавать по десять тысяч долларов за акр. Весь этот район застроят пляжными домиками для богачей.

— Разве это плохо?

— Не для меня, — со смехом ответил Лев Уокер. — Тогда меня здесь уже не будет.

Еще через пятнадцать километров показался дом Льва Уокера. Он стоял в изогнутой долине, закрытой грядами дюн, протянувшихся вглубь континента на несколько километров. Само здание представляло собой низкое бунгало из жемчужно-белого сухого коралла, построенное на вершине крупной дюны в нескольких сотнях метров от берега. Широкая веранда с солярием была обращена в сторону океана. Большой купол стандартной обсерватории из металла и бетона возвышался чуть дальше за дюной.

Приветствовать их, радостно виляя хвостом, выбежал золотистый Лабрадор, и по пути к дому Лев Уокер не раз останавливался, чтобы его погладить. Метрах в двадцати от здания Дадли уловил отголоски яростного спора.

— О боже, они все еще не перестали, — пробормотал Лев Уокер.

Тонкая деревянная дверь с треском распахнулась, и из дома выскочила молодая женщина. Даже Дадли, привыкшему видеть в кампусе множество привлекательных лиц, она показалась ошеломляюще красивой.

— Он свинья! — бросила она, пробегая мимо Льва Уокера.

— Да, конечно, — смиренно согласился он.

Женщина, убегая к дюнам, вряд ли его услышала. Ее лицо выражало такую решимость, что можно было подумать: она не остановится, пока не достигнет границы мира. Лабрадор проводил ее грустным взглядом и вновь повернулся к Льву Уокеру.

— Не волнуйся. — Он потрепал пса по голове. — Она вернется, чтобы накормить тебя ужином.

Они были уже у самого дома, когда дверь снова отворилась. На этот раз вышел молодой человек. Его милостивое лицо казалось почти таким же прекрасным, как и лицо женщины, и, если бы он не был обнажен по пояс, Дадли мог бы засомневаться по поводу его пола.

— Ну и куда же она отправилась? — проскулил он.

— Не знаю, — кротко откликнулся Лев Уокер. — Она мне не сказала.

— Ну и ладно, я не буду ее искать.

Ссутулившись и пиная песок босыми ногами, парень зашагал к пляжу.

Лев Уокер открыл дверь и жестом пригласил Дадли войти в дом.

— Извините за эту сцену.

— Кто это? — спросил Дадли.

— На данный момент мои спутники жизни. Я очень их люблю, но порой задумываюсь, стоят ли они этого. Вы женаты?

— Да. И уже не в первый раз.

— Ну, тогда вы меня понимаете.

Внутреннее убранство дома было выдержано в классическом минималистском стиле, что превосходно соответствовало его расположению. Центром холла служил большой круглый очаг. Из высоких сводчатых окон открывался ничем не заслоняемый вид на бухту и океан. От кондиционера веяло приятной прохладой.

— Устраивайтесь, — предложил Лев Уокер. — Полагаю, вам не помешает выпить. Через минуту я отведу вас взглянуть на телескоп. Вы успеете с ним ознакомиться. Уверен, вы будете удовлетворены.

— Спасибо.

Дадли опустился на один из просторных диванов. В этом окружении он чувствовал себя совершенно пустым и бесцветным — не столько из-за роскоши дома и его окрестностей, сколько из-за темперамента живущих здесь людей.

— Это совсем не то, чего я ожидал, — признал он несколькими минутами позже, после глотка весьма неплохого виски пятидесятилетней выдержки из запасов Льва Уокера.

— Хотите сказать, вы ожидали встретить кого-то похожего на вас? Не обижайтесь, друг мой.

— В этом нет ничего обидного. Так что же вы здесь делаете?

— У меня богатые родители. Не слишком богатые, по меркам Земли, но достаточно состоятельные, чтобы чувствовать себя уверенно. Так что я родился с увесистым трастовым фондом, затем вырос и заработал еще денег на рынке сырья. Все это было пару омоложений назад. С тех пор я просто бездельничаю.

— Но почему здесь, на Таньяте?

— Тут граница, очень далекая от нашей стартовой точки, откуда все начиналось, ну, за исключением Дальней. Это удивительное место, хотя все считают его самым обычным. Здесь я могу сидеть по ночам и смотреть, куда мы движемся. Вы ведь тоже смотрите на

звезды, Дадли, вам известно, какие там можно увидеть чудеса. А те кретины, что остались позади, никогда не смотрят. То, где мы сейчас находимся, наши предки считали Царствием Небесным. А я могу выглянуть из их «небесного царствия» и посмотреть на наше будущее. Разве это не великолепно?

— Да, конечно.

— Здесь видны звезды, которые невозможно заметить с Земли невооруженным глазом. Они посылают с небес свой свет, а я хочу их узнать.

— Я тоже.

Дадли в знак согласия приподнял свой хрустальный бокал, бывший старше содержащегося в нем напитка на добрую сотню лет, и осушил его залпом.

Молодые люди, слегка остыв поодиночке, вернулись через пару часов. Они смущенно поздоровались с Дадли, и Лев Уокер представил их как Скотта и Чи. В качестве искупления своей вины они разожгли на пляже неподалеку от дома большой костер из местного плавника, обладавшего любопытной спутанной структурой волокон. Костер разгорелся к тому времени, когда солнце спустилось к самому океану. Над песком заплясали высокие языки пламени и вспорхнули яркие оранжевые искры. Под костром они зарыли несколько картофелин, а когда пламя стало угасать, приготовили импровизированное барбекю.

— Отсюда можно увидеть Пару Дайсона? — спросил Скотт, когда на темнеющем небе появились звезды.

— Нет, — ответил Дадли. — Невооруженным глазом нельзя, она слишком далеко. Здесь с трудом можно рассмотреть Солнце, а Пара Дайсона находится на тысячу световых лет дальше.

— И когда же произошло их окутывание?

— Хороший вопрос. Мы так и не смогли установить точное время сооружения оболочек, и наш проект состоит в том, чтобы решить эту проблему.

Дадли даже теперь не был готов рассказать о том, что он увидел.

Если сегодняшнее наблюдение даст хоть малейший повод сомневаться в его предположениях, он просто похоронит весь проект целиком. Он не может позволить себе понапрасну поднимать шумиху, он слишком нуждается в своем жалованье и своей пенсии. После 2050 года астрономия перестала быть областью чистой науки — если есть возможность посетить звезду любого спектрального типа и изучать ее на месте, заниматься далекими исследованиями нет никакого смысла. Развитие же ККТ и вовсе перевело все космические изыскания на коммерческие рельсы. В этой ситуации содержать факультеты и строить обсерватории могли себе позволить лишь немногие университеты Содружества. Дадли просто некуда будет уйти.

Спустя час после захода солнца Дадли и Лев Уокер отправились через дюны к обсерватории. Изнутри она несколько отличалась от того, к чему Дадли привык на Гралмонде. В центре обширного пустого зала стояла широкая труба телескопа, покоившаяся на сложной конструкции из металлических брусьев и электронных мускулов, а о таком сложном сенсорном блоке фокусировки в университете Гралмонда не могли и мечтать. На стене рядом с дверью выстроился ряд тонких современных дисплеев.

После первого же взгляда на профессиональное оборудование Дадли стало намного легче. Никаких практических проблем, способных помешать наблюдению, здесь не было. Единственное, с чем ему придется разобраться, так это с собственной памятью. Неужели это действительно произошло? Миновало уже пять месяцев, и событие казалось призрачным,

словно воспоминание о сне.

Лев Уокер подошел к основанию телескопа и изобразил некое подобие пантомимы. Его руки и ноги задержались в коротких и точных движениях. В ответ створки на своде начали расходиться, электронные мускулы на раме телескопа неслышно напряглись, и широкая труба стала поворачиваться в ту сторону горизонта, где должна была показаться Пара Дайсона. Лев Уокер, не переставая извиваться и крутиться, защелкал пальцами, словно подчиняясь неслышному ритму, и дисплеи на стене ожили один за другим, проецируя получаемые с сенсоров изображения.

Дадли поспешно подошел к одному из них. Изображение было безукоризненным. Он окинул взглядом звездное поле и отметил расхождения с той картиной, к которой привык на Гралмонде.

— Какой вид связи здесь доступен? — спросил он у своего эл-дворецкого.

— Планетарная киберсфера недоступна, но есть наземная линия к станции ККТ. Имеющегося диапазона вполне достаточно, чтобы удовлетворить ваши требования. Доступ к унисфере может быть открыт в любой момент.

— Отлично. Начинай за четверть часа до установленного времени. Мне необходима полная запись в хранилище служебной информации и официальное подтверждение унисферы.

— Принято.

Лев Уокер прекратил телодвижения, заставив телескоп замереть. Он приподнял одну бровь.

— А вы серьезно относитесь к этому делу, верно?

— Да.

Запись в хранилище и официальное подтверждение стоили немалых денег. Вместе со стоимостью билетов это составило значительную часть тщательно откладываемых средств на отпуск. Об этом Дадли тоже предпочел не рассказывать жене. Но это было необходимо. При наличии заверенных показаний телескопа в подлинности изображений сомнений возникнуть не могло.

Дадли сел на дешевый пластмассовый стул рядом с телескопом, оперся подбородком на руки и уставился на голографический отсвет в дисплеях. Он пристально следил за темным небом, пока над горизонтом не показалась Пара Дайсона. Лев Уокер несколькими движениями зафиксировал изображение так, чтобы в центре каждого экрана засияла Альфа Дайсона. На протяжении восьмидесяти минут она оставалась неизменной — простое пятнышко обычного света ничем не выдающегося спектра.

Лев Уокер не раз пытался заговорить с Дадли и узнать, чего они ждут. И каждый раз ответом ему был молчаливый взмах рукой. В конце концов Лев Уокер сдался и плюхнулся в кресло рядом с пожилым астрономом. Он привык к долгим ночам, но сегодняшняя компания показалась ему еще более скучной.

Он был уже почти разочарован, когда Альфа Дайсона точно в ожидаемое время пропала из виду.

— Есть! — закричал Дадли. Он вскочил на ноги, опрокинув стул. — Есть, есть, есть! Я был прав! — Нелепо усмехаясь, он повернулся к Льву Уокеру. — Вы это видели?

— Да, — проворчал Лев Уокер, притворяясь равнодушным. — Я видел.

— Есть! — Дадли замер. — Мы зафиксировали событие? — тревожно спросил он эл-дворецкого.

— Унисфера подтверждает запись. Событие зафиксировано в хранилище информации.

Лицо Дадли снова расплылось в улыбке.

— Вы хоть представляете, что это означает? — спросил его Лев Уокер.

— Представляю.

— Это невероятно. Совершенно невероятно. Никто не в состоянии вот так просто взять и выключить звезду. Никто.

— Я знаю. Удивительно, не правда ли?

Адам Элвин вышел из планетарной станции в Токате, столице Велайнеса. Он не спеша проследовал мимо сенсоров, встроенных в витые мраморные колонны, обрамлявшие главный вестибюль. Если уж ему грозит арест, пусть это произойдет здесь и сейчас, чтобы не ставить под удар всю миссию.

Обычные граждане Содружества и не подозревали о существовании такой системы слежки. Адам же имел с ней дело большую часть своей сознательной жизни. ККТ, по вполне понятным причинам опасаясь диверсий, использовала сенсоры для наблюдения за каждым, кто прибегал к услугам этой компании. В матрицы процессоров были загружены визуальные характеристики и программа узнавания, что давало возможность сравнить каждого пассажира с личностями известных или подозреваемых преступников из весьма длинного списка.

Адам так часто использовал перепрофилирование на клеточном уровне для изменения внешнего вида (включая вес), что уже не мог вспомнить количество своих превращений: это происходило по меньшей мере раз в год, а зачастую и два, а то и три раза. Процедуры не могли остановить процесс старения, который начинал сковывать его суставы и органы, но они устраняли рубцы и шрамы, которых за последние десятилетия накопилось бы слишком много. Кроме того, перед ним был широкий выбор возможных изменений. Он всегда догадывался, что попытка замаскировать свои семьдесят пять лет говорит о бессмысленном тщеславии. Стареющие люди с юными лицами всегда имели жалкий вид, их неизменно выдавало слишком грузное и слишком медлительное тело. Окружающие всегда смотрели на них как на неудачников, неспособных заработать на омоложение и потому прибегающих к дешевым приемам.

Он вышел с уровня отправления пассажирского терминала и, пользуясь своим элдворецким, вызвал такси. Ничего подозрительного. По крайней мере ничего такого, что можно было бы заметить, сказал он себе. Никогда невозможно узнать заранее, когда снова с ней столкнешься. Она умна и с каждым годом подбирается к нему все ближе. Если она и устроила ему ловушку на Велайнесе, капкан захлопнется не сегодня, как ему бы хотелось.

Ближайшее время он мог посвятить своей миссии. Сегодня он стал совершенно новой личностью, еще неизвестной Содружеству. Согласно гражданскому досье, он являлся Хью Нортом, уроженцем Пелкана, шестидесяти семи лет в своей первой жизни, служащим строительной компании «Бурневелль». На вид он был слегка полноват, что бросалось в глаза, поскольку жители Содружества ревностно следили за своим здоровьем, и весил около двухсот тридцати фунтов. Вдобавок к этому у него было одутловатое лицо, к тому же обильно вспотевшее, и редующие седые волосы, зачесанные низко на лоб, как уже давно никто не носил. Мешковатый коричневый плащ с широкими лацканами был спереди расстегнут, открывая помятый серый костюм. Большой человек с маленькой жизнью, на которого никто не обратит внимания. Клеточное перепрофилирование считалось косметической процедурой для бедных и тщеславных. Никто не прибегал к нему, чтобы добавить лишний вес или придать коже нездоровую бледность. Этот прием никогда его не подводил.

Впрочем, все когда-нибудь бывает впервые, подумал Адам, погрузив свое тело в такси, направлявшееся к отелю «Вестпул». Он зарегистрировался и заплатил за две недели вперед.

В его двухместном номере на восьмом этаже окна были закрыты наглухо, а кондиционер подавал слишком холодный, по его мнению, воздух. Это ему не понравилось. У него был чуткий сон, а шум кондиционера часами будет мешать заснуть. Как всегда.

Он распаковал одежду из чемодана, а затем собрал наплечную сумку, содержащую аварийный запас: два комплекта одежды, один из которых был на несколько размеров меньше второго, медицинский пакет, наличность, билет из Эдембурга на Велайнес и обратно, один сегмент которого уже был использован, пару весьма сложных портативных устройств, содержащих хорошо защищенные КАОС-программы, и официально разрешенный ионный шоковый пистолет, тайно усовершенствованный до возможности смертельного поражения с близкого расстояния.

Часом позже Адам покинул отель и прошагал пять кварталов под теплым полуденным солнцем, чтобы прочувствовать столичный город. Широкие улицы были сильно загружены транспортом, причем преобладали такси и коммерческие фургоны. Он заметил, что никто не пользовался двигателями внутреннего сгорания, все применяли сверхпроводниковые батареи. Этот район, близкий к центральным финансовым и торговым учреждениям, еще сохранял свою респектабельность, хотя кварталах в пятнадцати дальше качество зданий значительно ухудшалось. Сейчас Адама окружали магазины и представительства разных фирм, а также встречались боковые улочки с многоквартирными апартаментами не выше четырех или пяти этажей. Вокруг опрятных площадей стояли общественные здания, построенные в стиле поздней русской империи.

Вдали над абсолютно прямыми улицами возвышались башни, отмечающие центр города. Через каждые несколько кварталов Адам проходил под эстакадами, пересекающими город, — массивными бетонными артериями на высоких опорах, по которым пролегли главные магистрали от планетарной станции.

Велайнес принадлежал к первой зоне космоса и находился в каких-нибудь пятидесяти световых годах от Земли. Открытый для заселения в 2090 году, этот мир с тех пор неуклонно развивал промышленность и экономику. К настоящему моменту численность его населения уже перевалила за два миллиарда, а сравнительно высокий уровень жизни сделал его образцом для планет второй и третьей зоны. Учитывая длительность его истории, можно было предположить, что в недалеком будущем в его развитии наметятся признаки упадка. При таком быстро развивающемся рынке капиталов, как на Велайнесе, не каждый мог разбогатеть настолько, чтобы воспользоваться возможностью неоднократного омоложения.

Район проживания определялся финансовым положением, дороги были растрескавшимися и покрытыми выбоинами, а на действующей по всему городу линии метро остановки располагались реже, чем в среднем по Содружеству, и ходили старые вагоны. Здесь уже пустило корни постепенное загнивание и человеческие жизни приносились в жертву богам экономики. В настоящее время такие вещи считались грубым нарушением прав человека. Именно в таком месте Адам когда-то давным-давно решил посвятить себя борьбе, и для его деятельности оно подходило больше всего.

В конце 53-й улицы он набрел на отель «А+А» и зарегистрировался в нем под именем Квентина Келлехера. «А+А» принадлежал сети дешевых, полностью автоматизированных отелей, где единственным из числа обслуживающего персонала был управляющий. Стойка регистрации приняла доллары с Августы, переведенные посредством кредита с его ОС-татуировки, и выдала код к комнате 421. В квадратной комнатке три на три метра имелась ниша, где располагались душ, туалет и аппарат автоматической доставки. Из мебелировки

здесь была кровать с гелевым матрасом, один стул и одна выдвижная полка. Номер оказался угловым и потому имел два окна.

В автомате доставки он заказал малый комплект спальных принадлежностей, три фасованных обеда, два литра воды в бутылках и туалетный набор, прибавив стоимость заказа к своему счету. Ровно через минуту механизм негромко загудел и все предметы вывалились на стойку, после чего Адам переключил одно из портативных устройств в режим безопасности и просканировал помещение. Если кто-нибудь решит к нему проникнуть, эл-дворецкий будет немедленно оповещен об этом зашифрованным посланием с однократного адреса унисферы. Впрочем, такая вероятность была ничтожно мала. Велайнес гордился низким уровнем преступности, а постояльцы «А+А» вряд ли могли иметь что-то ценное. Это обстоятельство Адама вполне устраивало.

В тот же вечер Адам, воспользовавшись городским метро, направился в другой, тоже слегка обветшавший район. Среди закрытых магазинов и открытых баров он отыскал дверь, вывеска на которой гласила: «Межзвездная социалистическая партия. Велайнес, 7-е отделение».

На введенный эл-дворецким членский код от имени Хью Норта замок щелкнул и открылся. Внутри, как он и ожидал, деревянная лестница вела к паре комнат с издавна заколоченными высокими окнами. В одной комнате располагался бар, предлагавший дешевое пиво из мелких пивоварен и сомнительного вида спиртные напитки в керамических бутылках. Большую часть второй комнаты занимал игровой автомат, вокруг которого были расставлены стулья для зрителей.

У бара на табуретах сидело несколько человек. При виде Адама все они замолчали. В этом заведении не было ни одного посетителя в костюме, даже в таком дешевом, как у него.

— Пиво, пожалуйста, — обратился Адам к бармену.

Он бросил на стойку пару земных долларов — эту валюту без возражений принимали в большинстве миров.

Перед ним появилась бутылка. Все присутствующие проследили взглядом за тем, как он сделал первый глоток.

— Неплохо.

Адам даже умудрился сохранить невозмутимый вид. Он одобрял отказ социалистов от покупки пива у больших пивных корпораций, но они могли бы найти маленькое предприятие, варившее более приемлемый напиток.

— Недавно в городе, товарищ? — спросил его бармен.

— Только сегодня прибыл.

— Надолго к нам?

— Да, немного задержусь. Я ищу товарища Мерфи. Найджела Мерфи.

Из-за дальнего конца стойки поднялся мужчина.

— Это я.

Он был худощавым и высоким, выше Адама, и его продолговатое лицо выражало легкую подозрительность. Адам догадался, что это была его первая жизнь. На почти облысевшей голове Мерфи сохранился только монашеский венчик седеющих волос, а его одежда была обычной для рабочего: джинсы, клетчатая рубашка и распахнутая толстовка, из кармана которой торчала вязаная шапочка. Все это покрывали пятна грязи, словно он пришел напрямиком с завода или верфи, однако весь его вид и оценивающий взгляд, остановившийся на Адаме, выдавали лидера.

— Хью Норт, — представился Адам, пожимая ему руку. — Неделю назад здесь был один из моих коллег.

— Что-то не припоминаю, — ответил Найджел Мерфи.

— Он утверждал, что мне стоит с тобой поговорить.

— Это зависит от того, о чем ты хочешь говорить... товарищ.

Адам подавил вздох. За долгие годы это стало почти ритуалом. Пора бы уже научиться пропускать всю эту болтовню и сразу переходить к делу. Но, как всегда, приходилось действовать по установленным правилам. Местный лидер должен был показать себя настоящим вожаком.

— У меня есть несколько вопросов, — сказал Адам. — Могу я тебя угостить?

— Похоже, ты намерен бросаться деньгами, — произнес один из присутствующих из-за спины Мерфи. — У тебя их так много? Хочешь купить нашу дружбу?

Адам коротко усмехнулся.

— Мне не нужна ваша дружба, а тебе и вовсе ни к чему быть моим приятелем.

Мужчина обернулся к своим коллегам и засмеялся. Он выглядел лет на тридцать, и присущая парню порывистость позволяла предположить, что это были его первая жизнь и естественный возраст.

— Почему это?

— Как тебя зовут?

— Ну, Саббах. А тебе-то что?

— Вот что, Саббах. Если бы ты был моим другом, ты сейчас метался бы по всему Содружеству — и в конце концов непременно погиб. Окончательно.

В баре больше никто не улыбался. Адам с удовольствием погладил выпуклость под пиджаком, скрывавшую ионный пистолет.

— Кто-нибудь из вас помнит двадцать первое ноября две тысячи триста сорок четвертого года? — Адам окинул окружающих критическим взглядом.

— Станция на Абадане, — тихо произнес Найджел Мерфи.

— Это был ты? — спросил Саббах.

— Достаточно сказать, что я был в тот день в том самом регионе.

— Погибло четыре сотни людей, — сказал Мерфи. — Треть из них умерла окончательно — дети, слишком маленькие, чтобы иметь вставки памяти.

— Поезд опоздал, — напомнил Адам.

При воспоминании о тех событиях у него пересохло в горле. Они были ужасающе отчетливыми. Он никогда не прибегал к редактированию памяти, никогда не искал легких путей — надо жить, сознавая последствия своих действий. Каждую ночь он видел во сне взрыв и поезд, сошедший с рельсов перед самым переходом; вагоны, сталкивающиеся друг с другом и перескакивающие на параллельный путь на самом загруженном участке станции. Пострадало пятнадцать составов: они опрокидывались, сминались, взрывались и выделяли радиоактивные элементы. Тела были повсюду.

— Поезд оказался не на том участке пути и не в то время. Мое отделение занималось составом с зерном в Килбурне.

— Хотите отучить людей есть? — насмешливо поинтересовался Саббах.

— Это пивнушка или социалистическая ячейка? Неужели вы ничего не знаете о партии, которую поддерживаете? О причинах нашего существования? Есть определенный тип перевозящих зерно составов, которые направляются через нуль-переходы. ККТ не сообщает

людям об этих поездах, так же как умалчивает о самих нуль-переходах. Компания потратила огромные деньги, чтобы создать вагоны, способные работать как в вакууме, так и в режиме свободного падения. Миллионы долларов вложили в разработку составов, выполняющих единственную функцию: выбросить свое содержимое в космос. Они проходят через нуль-переходы по рельсам, которые просто висят в межзвездном пространстве. Никто не знает, где они находятся. Да это и не важно, они нужны лишь для того, чтобы безопасно удалять опасные вещества с пригодных для жизни планет. ККТ направляет составы из специальных вагонов в никуда и открывает задвижки, избавляясь от содержимого. Только в зерне нет ничего опасного. Это всего лишь десятки тысяч тонн отличного зерна, улетающего в космос. Чтобы такое осуществить, в вагонах установлены хитроумные механизмы — просто открыть двери недостаточно, в условиях невесомости зерно так и останется лежать на месте, его необходимо вытолкнуть. Знаете, почему это делается?

— Рынок, — с усталым видом произнес Найджел Мерфи.

— Чертовски верно: рынок. Как только возникает избыток продовольствия, цены катятся вниз. Торговцы сырьем не могут этого допустить, они не желают уменьшать свою прибыль, получаемую за счет труда других, поэтому рынок требует, чтобы оборот продовольствия снизился. И тогда поезда с зерном идут через нуль-переходы, а люди вынуждены платить за хлеб больше. Любое общество, позволяющее такие вещи, устроено неправильно. Причем зерно — это лишь ничтожная часть злоупотреблений, происходящих благодаря капиталистической рыночной экономике.

Адам пристально смотрел на Саббаха, сознавая, что опять зашел чересчур далеко, опять пускается в рассуждения, выходящие за рамки его прямых полномочий. Наплевать. Именно этому делу он посвятил свою жизнь, и даже теперь, имея перед собой другие цели, он не в состоянии не переживать за судьбу человечества.

— Вот почему я вступил в эту партию: чтобы положить конец чудовищной несправедливости. Вот почему посвятил партии всю свою жизнь. И поэтому я погибну, погибну безвозвратно, но останусь членом партии — потому что я верю, что человечество заслуживает лучшего, чем проклятые плутократы, правящие нами, словно собственным княжеством. Ну а что ты можешь сказать, сынок? Во что ты веришь?

— Спасибо за разъяснения, — поспешно вмешался Найджел Мерфи, становясь между Адамом и Саббахом. — Мы все здесь преданные члены партии, Хью. Может, мы пришли в партию и разными путями, но цель у нас общая. — Одной рукой он сделал жест всем остальным оставаться у стойки, а другой слегка подтолкнул Адама к маленькой дверце. — Пойдем поговорим.

Задняя комнатка служила складом для ящиков из-под пива и прочего хлама, накопившегося в баре за несколько лет. Единственным источником освещения здесь была полоска полифото, прикрепленная к потолку.

Дверь за ними закрылась, и эл-дворецкий тотчас уведомил Адама о разрыве контакта с киберсферой.

— Извини нас, — сказал Найджел Мерфи, как только они устроились на пустых пивных ящиках. — Товарищи не привыкли видеть здесь посторонних.

— Ты хочешь сказать, что партия теряет популярность на Велайнесе?

Найджел Мерфи нехотя кивнул:

— Похоже на то. На последних выборах мы с трудом набрали два процента, да и те только из-за нежелания народа голосовать за основных претендентов. Любая акция против

компаний получается... не знаю, как сказать. Ребяческой, что ли? Как будто мы бьем по планете резиновым молотком, не причиняя никаких повреждений. Кроме того, всегда есть риск повторения Абадана. Социалистическая партия основана не ради убийств, в конце концов. Ее цель — установление справедливости.

— Я знаю, это очень трудно. И я занимаюсь этим делом намного дольше, чем ты. Но ты должен верить, что в один из дней все изменится. Сегодня Содружество основывается на чистой империалистической экспансии. Этот период всегда был самым благоприятным для рыночной экономики, потому что постоянно возникают новые рынки. Но когда-нибудь это закончится. Экспансия в третью зону проходит далеко не так быстро и агрессивно, как в первую и во вторую. Процесс замедляется. Рано или поздно это безумие прекратится и мы сможем направить свои ресурсы на развитие общественного строя, а не материальной базы.

— Будем надеяться, что это так. — Мерфи приподнял свою бутылку с пивом. — Итак, что я могу для тебя сделать?

— Мне надо кое с кем поговорить. Хочу купить боеприпасы.

— Все еще взрываешь поезда с зерном, да?

— Ага. — Адам натянуто улыбнулся. — Все еще взрываю поезда с зерном. Ты можешь устроить мне такую встречу?

— Попробую. Когда-то я и сам купил несколько маленьких штучек.

— Маленькие штучки мне не нужны.

— Дилер, к которому я обращался, тебе поможет. Я ее спрошу.

— Спасибо.

— О каких именно товарах идет речь и в каком количестве?

Адам протянул ему бумажную копию списка.

— Вот заказ, и ты можешь прибавить к нему все, в чем нуждается ваше отделение, в пределах десяти процентов общей стоимости. Можешь считать это комиссионными за посредничество.

— Здесь указана очень серьезная техника.

— Я представляю очень серьезную ячейку.

— Ладно. — Найджел Мерфи дочитал список, и встревоженное выражение на его лице стало еще отчетливее. — Дай мне код доступа к твоему эл-дворецкому. Я сообщу, когда договорюсь о встрече.

— Отлично. И еще вопрос: в вашем отделении есть недавно присоединившиеся члены? Примерно за пару месяцев?

— Нет. К несчастью, никого за последние девять месяцев. Я уже говорил, что на данный момент мы не пользуемся популярностью. Мы планируем провести набор в основных трудовых союзах, но это будет только через несколько недель. А в чем дело?

— Просто страхуюсь.

* * *

Саббах ненавидел себя за то, что ему предстояло сделать. Товарищ наверняка занимал высокое положение в партии — возможно, был членом исполнительного комитета, а это означало, что он действительно верил в свое дело, особенно если рассказывал правду о составах с зерном.

Нельзя сказать, чтобы сам Саббах не верил в дело партии, — ничего подобного. Он ненавидел порядок в мире, при котором почти каждый был в чем-то лучше него — и это при том, что его существование ограничилось одной, и даже не слишком приятной, жизнью. Устройство общества не давало ему возможности улучшить свою жизнь. Именно это в первую очередь привело его к социалистам — они старались изменить положение вещей, чтобы люди вроде него могли достойно жить наравне со всеми остальными.

Причем этим он лишь усугубит свое положение. Товарищ боролся за свержение власти плутократов и крупных компаний, и это превосходило все, на что мог надеяться Саббах. Седьмое отделение только и делало, что проводило бесконечные митинги, где его товарищи часами вели споры между собой. Потом были опросы, сопровождаемые оскорблениями и унижениями со стороны людей, которым они стремились помочь. Устраивались акции протеста у представительств компаний и заводов, организовывались пикеты перед офисами политиков. Саббах уже не мог сосчитать, сколько раз ему приходилось испытывать на себе весьма болезненный удар полицейского шок-хлыста. Тем не менее он продолжал участвовать во всех делах из-за остальных членов ячейки. Кроме них, у него было не так уж много друзей. Вернее, совсем не было.

Однако выбор у него тоже отсутствовал. По крайней мере, в этом случае.

Прошло уже девять лет с тех пор, как он встретился с этой женщиной. Работенка в ту ночь оказалась такой простой, что не провернуть ее было бы преступлением. Вместе с двумя старыми друзьями, которых он знал еще по банде, они угнали грузовик, чтобы покататься по улицам. Это был автофургон, совершавший ночную развозку грузов от планетарной станции ККТ до нескольких местных оптовых складов. На этот раз он вез ящики с предметами домашнего обихода, изготовленными на Августе, все очень высокого качества. Но грузовик был старый, и взломать его сигнализацию ничего не стоило.

Благодаря неплохой KAOS-программе, купленной у посредника, они сумели перехватить грузовик и очистить его от груза всего за десять минут. Вдобавок к своей доле Саббах даже прихватил домой пару слуг-роботов.

Она ждала его дома за дверью: женщина средних лет с лицом неярко выраженного азиатского типа, с черными как смоль волосами, в которых проглядывали седые пряди, и в аккуратном деловом костюме. Она сидела в его кресле в обшарпанной двухкомнатной квартирке с таким видом, словно была здесь хозяйкой.

— У тебя есть выбор, — сказала она, пока он не успел закрыть разинутый от удивления рот. — Либо я подстрелю тебя в порядке самообороны, поскольку ты сопротивлялся официальному лицу, исполняющему должностные обязанности, либо мы заключим сделку, и ты сохранишь свой член.

— Ох...

Саббах молча проклял дверную сигнализацию, не сообщившую ему о взломе.

— Или ты считаешь, что общественная медицинская страховка Велайнеса обеспечит тебе новое достоинство? Если ты еще не понял, я целюсь как раз в него.

Он с ужасом уставился на небольшую черную металлическую трубку в ее руке, действительно нацеленную ему в пах, и незамедлительно опустил коробки со слугами-роботами, так, чтобы они прикрывали бедра и чрезвычайно ценный орган между ними.

— Если ты из полиции, ты не...

Резкий треск ее оружия заставил его пригнуться. Ключки упаковочной пены взлетели в воздух, а остатки разбитого робота вывалились на пол. Электронные мускулы похужей на

краба машины еще некоторое время конвульсивно подергивались, но вскоре затихли.

— Господи помилуй, — прошептал он и еще крепче прижал к себе вторую коробку.

— Ну, теперь мы понимаем друг друга? — спросила она.

— Да, мэм.

— Я хочу, чтобы ты для меня кое-что сделал. Сущий пустяк. Сделаешь?

— Что именно?

— Однажды кое-кто обратится в вашу ячейку, и я хочу об этом знать. Я не могу назвать его имя, поскольку он каждый раз их меняет, но он захочет кое-что купить: скорее всего, оружие, или КАОС-программы, или возбудителей эпидемий, или компоненты с поддельными спецификациями. Вот такой это тип. Очень неприятная личность. Он будет выдавать себя за члена партии и ратовать за благородное дело. Но это ложь. Он террорист. Анархист. Убийца. Вот я и хочу, чтобы ты предупредил меня о его визите. Договорились?

Об альтернативе Саббах даже и думать не хотел. Она все еще целилась в него.

— Да, конечно. Я это сделаю.

— Хорошо.

— Когда он появится?

— Не знаю. Может быть, завтра. Может, лет через тридцать. Может, никогда. Если только я не успею схватить его раньше, чем он доберется до Велайнеса.

— Угу, понял.

— А теперь повернись кругом.

— Что?

— Ты слышал.

Она поднялась на ноги, все еще не опуская нацеленного на него оружия. Саббах неохотно повернулся лицом к двери. Женщина схватила его за руки, заставив выронить коробку. Холодный малметалл обвил запястья, лишив возможности шевельнуть руками.

— Что за дьявол...

— Ты арестован за ограбление.

— Что за дурацкие шутки! Я же сказал, что помогу. Мы договорились.

Он попытался повернуть голову и взглянуть на женщину, но оружие тотчас уперлось ему в челюсть.

— Это не договор. Ты сделал свой выбор.

— Это была сделка! — отчаянно крикнул он. — Я помогаю тебе, а ты снимаешь с меня обвинение. Господи!

— Ошибаешься, — безжалостно возразила она. — Ничего подобного я не говорила. Ты совершил преступление. Ты должен нести ответственность. Должен предстать перед судом.

— Проклятая сука! Пусть твой террорист взорвет сотню больниц и школ! Пусть он взорвет всю твою планету!

— Он этого не сделает. Его интересует только одна планета. А с твоей помощью мы сможем предотвратить дальнейший ущерб.

— С моей помощью? — От потрясения его голос сорвался на визг. — Глупая шлюха, можешь поцеловать меня в задницу, я не стану тебе помогать. У нас был договор.

— Отлично. Я подам прошение судье с просьбой о снисходительности.

— А?

Происходящее совершенно сбilo его с толку. С самого начала женщина вызывала у него страх. Теперь он даже не был уверен, что она из полиции. Скорее всего, серийный убийца.

— Я скажу судье, что ты в полной мере сотрудничал со мной и согласился стать осведомителем. И не стану шифровать файл, прикрепленный к твоему делу. Как ты думаешь, не захотят ли твои дружки на него посмотреть, увидев, какое легкое тебе будет вынесено наказание? Думаешь, они обрадуются, когда все прочитают? Между прочим, мои коллеги уже арестовали их за сегодняшнее ограбление. Полагаю, им будет интересно узнать, откуда мы получили сведения.

— Проклятье! — Саббах едва не плакал. Он хотел лишь одного: чтобы этот кошмар скорее закончился. — Ты не можешь так поступить. Они убьют меня, убьют окончательно. Ты не знаешь, на что они способны.

— Знаю. Ну а теперь ты представишь меня о появлении объекта?

— Да, — прохрипел он, сжав зубы.

Все это произошло девять лет назад. За ограбление он был приговорен к условному сроку и двум сотням часов общественных работ в Городской Службе. Это было его последним ограблением, с тех пор он промышлял мелким случайным воровством.

С тех пор каждые три недели на почту его эл-дворецкого поступал запрос, не появился ли тот человек. Каждый раз он отвечал отрицательно.

Девять лет прошло, а эта супершлюха не собиралась его отпускать. «Время, — говорила она ему по пути в полицейский участок, — ничего не меняет». Она никогда не говорила, что произойдет, если он не известит ее о визите. Но, надо сказать, он и не стремился это выяснить.

И вот Саббах прошел несколько кварталов подальше от дома, где находилось отделение партии, чтобы эл-дворецкий смог обратиться к узловому центру киберсферы, не обслуживающему это здание. В их отделении состояло несколько технарей; полностью убежденные в необходимости всеобщего доступа к средствам связи, они склонялись к идеям анархизма и верили, что любая информация должна быть в свободном доступе. Кроме того, они курили то, что курить были не должны, и большую часть рабочего времени посвящали сенсорным играм. Однако при этом они добивались отличных результатов, когда ради общего дела приходилось взламывать какую-либо базу данных.

Его эл-дворецкий ввел код, предоставленный той женщиной. Соединение последовало мгновенно, что ничуть не порадовало, но и не удивило его. Саббах набрал полную грудь воздуха.

— Он здесь.

* * *

Адам Элвин, сдав прислуге свой плащ, задержался в вестибюле клуба «Старый костюм». Его зрительные вставки быстро перестроились на низкую освещенность и выдали изображение в инфракрасном спектре, позволяющем ориентироваться в темноте. Однако он медлил, оценивая обстановку в целом. Этот клуб ничем не отличался от любого другого заведения. Кабинки вдоль стен, снабженные эл-шторами для любителей уединения, столики и стулья в большом зале, длинная барная стойка с обширным ассортиментом бутылок на полках и небольшая сцена, где танцевали юноши, девушки и трансвеститы из группы «Ангелы заката». Скучное освещение дополнялось пятнами желтого и красного света, скользившими по мебели из темного дерева. Громкая музыка из синтезатора обеспечивала

неизменный ритм, помогавший танцорам избавляться от предметов одежды. Адаму подумалось, что здесь крутится больше денег, чем должно. Видимо, это обеспечивало определенную защиту.

В час ночи здесь были заняты все столики, и вокруг сцены собралась толпа зрителей, размахивавших банкнотами перед лицами и задницами двух танцоров. Несколько кабинок мерцали закрытыми эл-шторами. Увидев это, Адам нахмурился, но ничего иного ожидать не приходилось. На его глазах администратор проводил в кабинку одного из «ангелов заката». Силовое поле, пропуская их, вспыхнуло искрами. Портативное устройство Адама давало возможность заглянуть за эл-штору но этот взлом мог быть замечен.

Рискованно назначать встречу в месте, где так много потайных уголков. Но Адам привык к риску. Да и при наличии покровителей здесь не слишком расположены к сотрудничеству с полицией.

— Прошу прощения, — обратился к нему швейцар.

Он казался весьма дружелюбным, хотя это не имело никакого значения. Клеточное перепрофилирование сделало из него такую же тушу, каким был Адам, только вот жирным его назвать было нельзя.

— Прошу.

Швейцар провел руками по пиджаку и брюкам Адама. Плотные ОС-татуировки в поисках опасных предметов налились красным светом.

— У меня назначена встреча с мисс Лансье, — сказал он официантке, как только швейцар его пропустил.

Девушка проводила его через зал к кабинке неподалеку от бара. Найджел Мерфи уже его ждал.

Для торговли оружием Рашель Лансье имела довольно вызывающий вид: на ней было ярко-красное платье с низким вырезом, а длинные каштановые волосы были уложены в замысловатую прическу, украшенную мелкими люминесцентными звездочками. Омоложение вернуло ей возраст двадцати с лишним лет, период наибольшей привлекательности. Адам сразу понял, что она прошла через омоложение, и, возможно, оно было уже вторым или третьим по счету. Ее выдавало поведение — ни один человек двадцати двух лет не может обладать уверенностью, сравнимой с холодом арктических ледников. При ней был телохранитель — маленький худощавый мужчина, настолько же незаметный, насколько яркой являлась его хозяйка. Он задернул эл-штору сразу, как только принесли заказанное Адамом пиво. Проход в кабинку затянулся тусклой серебристой пеленой. Они могли видеть, что происходит снаружи, но для остальных посетителей барьер был непроницаемым.

— Список довольно внушительный, — сказала Рашель.

Адам помолчал, ожидая вопроса о назначении такого заказа, но она не проявила любопытства, как и подобает профессионалу.

— Это проблема?

— Я смогу все это тебе предоставить. Но, должна сказать, поставка боевого оружия потребует определенного времени. Это связано с полицией. Обычно я поставляю маломощное оружие для людей с меньшими амбициями, чем у тебя.

— Сколько это займет времени?

— Что касается оружия, ждать придется дней десять или пару недель. Сначала мне придется подыскать сертификат официального покупателя.

— Мне это не нужно.

Она приподняла бокал с коктейлем и посмотрела на Адама поверх ободка.

— Мне от этого не легче. Сертификат нужен мне. Послушай, остальные товары из твоего списка есть на складе или доступны на черном рынке, их я смогу отгрузить через несколько дней. Но что касается этого оружия, оно должно исходить от легальных поставщиков, без сертификата его даже не вывезти за пределы завода.

— Ты сможешь достать сертификат?

— Смогу.

— Сколько? — спросил он, не давая ей возможности накрутить цену, рассказывая о трудностях.

— Сто тысяч в долларах Велайнеса. Придется задействовать многих людей, а это стоит недешево.

— Я плачу восемьдесят.

— Извини, это не рынок. Я не торгуюсь. Цена окончательная.

— Я плачу восемьдесят и отдельно плачу за то, чтобы товар упаковали так, как я укажу.

Она нахмурилась.

— Что еще за упаковка?

Адам протянул ей мемокристалл.

— Каждое изделие должно быть разобрано на составные части. Все они будут размещены в разных устройствах гражданского и сельскохозяйственного назначения, которые уже закуплены и хранятся на складе. Способ сборки исключает возможность обнаружения, сколько бы груз ни сканировали. Все инструкции здесь.

— Судя по объему твоего списка, работа предстоит немалая.

— Пятнадцать тысяч, и никакого торга.

Она облизнула губы.

— Как будешь платить?

— Земными долларами, наличными.

— Наличными?

— Есть возражения?

— Весь список обойдется тебе в семьсот двадцать тысяч. Такую сумму нелегко унести.

— Зависит от того, с кем имеешь дело. — Он засунул руку в карман пиджака и вытащил толстую пачку банкнот. — Здесь пятьдесят тысяч. Этого достаточно, чтобы доказать мои намерения и вам начать работать. Как только весь ассортимент будет в наличии, дадите мне адрес своего тайного склада, куда я пришлю транспорт. Как только товар будет отгружен, я заплачу треть оставшихся денег. Все остальное получите по окончании работы.

Невозмутимость Рашель Лансье слегка дрогнула. Повинуясь ее взгляду, телохранитель взял пачку денег.

— С тобой приятно иметь дело, Хью, — сказала она.

— Я хочу получать ежедневные отчеты о ходе сделки.

— Ты их получишь.

* * *

Главный следователь Паула Мио покинула свой парижский кабинет через три минуты

после получения сообщения от Саббаха. Еще восемнадцать минут ей потребовалось, чтобы пересечь город и добраться до станции ККТ, плюс восемь минут на ожидание очередного экспресса. Через сорок минут она уже была на Велайнесе.

Такси доставило ее в головной офис городской полиции Токата, где уже ждали старшие следователи Дон Марес и Мэгги Лидси. Учитывая уровень запроса от Межзвездного управления расследований особо тяжких преступлений, двум детективам не составило труда получить в свое распоряжение конференц-зал и время для работы на ведомственной аппаратуре. Кроме того, их капитан ясно дал понять, что ждет от них эффективной помощи главному следователю.

— По окончании дела она напишет рапорт о нашей работе, — сказал он. — А Управление имеет немалый вес в политике. Так что, пожалуйста, будьте полезными.

Мэгги Лидси, сидя рядом с непоседливым Доном Маресом, воспользовалась своим эл-дворецким и вызвала личное дело главного следователя. Перед ее зрительными вставками виртуального зрения появились широкие колонки прозрачно-зеленого текста. Мэгги быстро прокрутила информацию без изучения деталей, чтобы только освежить в памяти данные. В правоохранительных органах каждый знал, кто такая Паула Мио.

По общей сети связи детективов известили о прибытии их гости. Мэгги, прогнав зеленые колонки текста, уставилась на двери лифта. Конференц-зал, расположенный на восьмом уровне штаба городской полиции, как и все остальные помещения на этом этаже, имел стеклянные стены, так что с ее места Мэгги был виден даже вестибюль. Паула Мио, сопровождаемая двумя коллегами из Управления, прошла по главному коридору, и в первый момент никто не обратил на нее особого внимания. В своей белой блузке, строгом деловом костюме и практичных черных туфлях она идеально вписывалась в окружающую обстановку. Ее рост немного не дотягивал до современных стандартов, хотя восемьдесят процентов населения пользовались теми или иными услугами генетической модификации. Однако нельзя было сказать, что ей недостает физической силы: женщина явно уделяла внимание регулярным тренировкам, что поддерживало ее форму на уровне, намного превышающем требования городской полиции, предъявляемые офицерам. Впрочем, Мэгги подозревала, что все дело было в личной одержимости. Густые черные волосы главного следователя были распущены и прикрывали лопатки. Она часто позволяла прядям спускаться на лицо, скрывая его черты. Учитывая ее известность, это было вполне понятно. Но, когда она поднимала руку и отводила волосы с лица, мужчины невольно отрывались от работы и провожали ее взглядами. И не только из-за ее легендарной известности — в Институте строения человека на Рае Хаксли, где так тщательно подбирали ее геном, в качестве базовых генов выбрали европейские и филиппинские черты, обеспечив естественную красоту, превосходно отвлекающую внимание. Благодаря же омоложению, пройденному пять лет назад, она выглядела на двадцать с небольшим лет.

Мэгги Лидси, хоть и знала, что нельзя судить о человеке по внешнему виду, с трудом смогла отнестись серьезно к женщине, пожимавшей руки ей и Дону. При таком росте и внешности Паулу Мио вполне можно было принять за подростка. Единственное, что ее выдавало, это улыбка. Вернее, ее полное отсутствие.

Двое других следователей из Управления были представлены как Тарло, высокий светловолосый калифорниец, и Ренне Кампаса, латиноамериканка с Вальдивии, подошедшая к своему четвертому омоложению.

Все пятеро расселись вокруг стола, и стены зала стали непрозрачными.

— Благодарю за быстрый отклик, — заговорила Паула. — Наше присутствие здесь вызвано конфиденциальным сообщением о появлении на Велайнесе Адама Элвина.

— От кого поступило сообщение? — спросил Дон.

— От осведомителя. Не слишком надежного, но тем не менее оно требует проверки.

— Осведомителя? И кто же это?

— Вам это знать необязательно, детектив Марес.

— Вы были здесь девять лет назад, — заметила Мэгги. — По крайней мере, так указано в вашем личном деле. Могу предположить, что это Саббах. Он состоит в Социалистической партии, как когда-то Элвин.

— Отлично, детектив.

— Хорошо, мы назначены вам помогать, — продолжала Мэгги, испытывая удовлетворение, словно от сданного экзамена. — Что вам требуется?

— Для начала нужно осуществить слежку по двум направлениям. Элвин вступил в контакт с человеком по имени Найджел Мерфи, лидером седьмого отделения партии в этом городе. Его надо держать под постоянным наблюдением, как физическим, так и виртуальным. Элвин прибыл для приобретения оружия для террористической группы Брэдли Йоханссона. Этот Мерфи будет связующим звеном между Элвином и подпольным торговцем оружием, так что выведет нас на них обоих. Как только цепочка установится, во время совершения сделки мы сможем схватить и Элвина, и торговца.

— Звучит все так просто и обыденно, — сказала Мэгги.

— Ничего подобного не будет, — заверил ее Тарло. — Элвин очень искусен. Как только мы его идентифицируем, мне потребуется целый отряд детективов, чтобы проследить каждый его шаг с момента прибытия. Это ловкий сукин сын. Первое, что он сделает, это подготовит себе путь отступления на тот случай, если сделка сорвется. Мы должны обнаружить его и заблокировать.

— Вы, ребята, все предусмотрели, не так ли? — вмешался Дон Марес. — И что он будет делать, и куда пойдет. Удивительно, что вам потребовалась наша помощь.

Паула бросила на него быстрый взгляд, затем снова повернулась к Мэгги:

— Есть проблемы?

— Хотелось бы получить побольше информации, — сказала Мэгги. — К примеру: вы уверены, что он явился ради встречи с торговцем оружием?

— Именно этим он и занимается. Фактически все последнее время он занимается только этим. После Абадана он не принимает никакого участия в движении — из-за того провала исполнительный комитет партии отсекся от него и от всей его группы активного сопротивления. Именно поэтому он и попался на крючок Брэдли Йоханссона. Он так сильно погорел, что никто другой не хотел иметь с ним дело. С тех пор он стал начальником снабжения Хранителей Личности. То, что они творят на Дальней, заставляет бледнеть даже Абадан.

Дон Марес усмехнулся.

— Вы еще не сумели вернуть хотя бы часть тех денег?

Его слова вызвали враждебную реакцию Тарло и Ренне. Паула Мио тоже повернулась в его сторону, но ничего не сказала. Дон твердо встретил ее взгляд, не выказывая и тени смущения.

— Он вооружен? — спросила Мэгги.

Она искоса посмотрела в сторону Дона. Тот и в лучшие времена мог быть занозой в

заднице, а сегодня он решил это продемонстрировать.

— Вполне вероятно, что Элвин имеет при себе маломощное оружие, — ответила ей Ренне Кампаса. — Но наибольшую опасность представляют для нас его опыт и хитрость. Он никогда не полезет в драку, если есть хоть какая-то возможность ее избежать. А вот с торговцами оружием надо быть настороже: они нередко прибегают к насилию.

— Значит, денег нет, — не унимался Дон. — Нет спуска — сколько уже прошло — сто тридцать лет?

— И еще мне нужна ваша помощь в отслеживании маршрута экспорта, используемого Элвином, — продолжила Паула. — Служба безопасности ККТ обещала нам полное содействие.

— Мы свяжемся с нашим капитаном по поводу усиления, — пообещала Мэгги. — Мы подготовили для вас кабинет и доступ к местной системе связи.

— Спасибо. Через два часа я бы хотела проинструктировать группы наблюдения.

— Срок небольшой, но, думаю, мы сумеем это устроить.

— Благодарю. — Паула продолжала обращаться к Мэгги. — Нет, я не смогла вернуть те деньги. Большая их часть была потрачена на сделки вроде этой, что создало дополнительные трудности в отслеживании их движения. За двадцать лет мне еще не удавалось подобраться к нему так близко, и я буду очень разочарована, если кто-нибудь помешает проведению операции. Это будет означать полный крах его карьеры.

Дон Марес попытался усмехнуться, услышав ее угрозу, но ему это не удалось. Мэгги подумала, что он понял то же самое, что обнаружила она: Паула Мио никогда не улыбалась, поскольку у нее не было чувства юмора.

* * *

Адам наслаждался прекрасным завтраком в отеле «Вестпул», когда эл-дворецкий известил его о поступлении анонимного сообщения. Оно пришло из одноразового адреса в унисфере, и содержащийся в нем текст был зашифрован таким образом, что он сразу узнал отправителя: Брэдли Йоханссон.

Со стороны можно было подумать, что Адам спокойно допивает свой кофе, поглядывая на официантов, суесящихся в зале ресторана. Однако перед его виртуальным взглядом уже появилось приготовленное для расшифровки письмо. Портативный модуль на его левой руке выглядел как простая полоска тусклого малметалла, способного расширяться и сжиматься, обеспечивая непрерывный контакт с кожей; его внутренняя поверхность содержала точечный контакт, соединенный с ОС-татуировкой, которая, в свою очередь, внедрялась в окончания нервных волокон руки. Интерфейс устройства, проецируемый в виртуальном зрении, он заранее выбрал в виде призрачной руки бледно-голубого цвета с острыми ярко-красными ногтями. При малейшем движении руки из крови и плоти виртуальная рука повторяла жест более размашисто, что позволяло ему выбирать кнопки и манипулировать ими — такая система была широко распространена в Содружестве, давая возможность каждому, кто мог позволить себе ОС-татуировку, прямой доступ к планетарной киберсфере. Адам подозревал, что большинство деловых людей вокруг него за завтраком спокойно связывались со своими служебными системами. Их выдавал мечтательно-дремотный взгляд.

Из множества символов он выбрал тот, что был представлен кубиком Рубика, и стал поворачивать его, пока грани не встали в нужном порядке. Кубик раскрылся, и Адам перебросил в него иконку с посланием. Перед его виртуальным зрением появилась единственная строчка черных букв: «Паула Мио на Велайнесе».

Адам с трудом удержал чашку с кофе.

— Проклятье!

Несколько сидевших поблизости посетителей начали на него оглядываться. Он изогнул губы в извиняющейся улыбке. Модуль уже стер послание и теперь проводил сложную процедуру узловой зачистки на случай криминалистической экспертизы устройства.

Адам не имел представления, откуда Брэдли получал хотя бы часть своей информации, но на нее всегда было можно полностью положиться. Нужно немедленно прервать миссию.

Или... На планирование и организацию операции было потрачено восемнадцать месяцев. Для обеспечения переброски техники на Дальнюю в десятках миров были основаны фиктивные компании, разработаны сложнейшие маршруты, исключавшие какие-либо подозрения и слежку. На подготовку ушли огромные деньги. Если же он не сумеет все отправить, Хранители не получат оружия. Прежде чем что-либо предпринимать, надо выяснить, где он допустил ошибку на этот раз.

А главное, до конца ведь осталось совсем немного. В последнем сообщении Рашель Лансье подтвердила, что успели подготовить уже две трети заказа. Осталось чуть-чуть.

* * *

Автомобиль Мэгги Лидси доставил ее на подземную стоянку городской полиции за час до смены. С самого начала расследования ей приходилось проводить на работе все больше и больше времени — и не ради того, чтобы заслужить похвалу Паулы Мио: у главного следователя можно было многому научиться. Внимание этой женщины к мельчайшим деталям казалось невероятным. Мэгги была твердо убеждена, что наряду с клетками дополнительной памяти у нее имелись и системные вставки. Она проявляла интерес к любым аспектам дела, какими бы незначительными они ни казались на первый взгляд. Никакие ходящие о Пауле Мио легенды не могли преувеличить ее преданности делу.

Сканирование в лифте вестибюля подтвердило личность Мэгги, и только после этого она смогла спуститься на пятый подземный уровень, где располагались оперативные центры. Группа, расследовавшая дело Элвина, получила кодовое название «Облава» и комнату 5А5 в свое распоряжение. Перед массивной металлической дверью Мэгги снова подверглась сканированию и затем вошла внутрь. В сумрачном помещении вокруг оператора стояли три стеллажа с высокими голографическими экранами. На каждом из экранов непрерывно сменялись изображения и столбцы информации. Лазерные лучи, смешиваясь между собой, образовывали бледную переливчатую мглу. Взглянув на ближайший к двери экран, Мэгги увидела изображение здания, откуда Рашель Лансье обычно управляла своей компанией по продаже автомобилей, а также снимки такси Адама Элвина, сделанные из двух машин слежки, следовавших за ним через центр города.

Мэгги затребовала обновление данных и быстро просмотрела полученную за ночь информацию. Один аспект не вписывался в предполагаемую цепочку — зашифрованное сообщение, полученное эл-дворецким Элвина через узел связи отеля «Вестпул». Она

заметила, что в дальнем конце комнаты за своим столом сидит Паула Мио. Главный следователь, похоже, тратила на сон не больше двух часов в сутки. В ее кабинете была поставлена кушетка, но Паула Мио леглась не раньше чем через час после того, как обе цели отправлялись спать. За час до их подъема она уже была на ногах. Кроме того, ночной смене было приказано будить ее в случае любых непредвиденных событий.

Мэгги подошла к ней и спросила о сообщении.

— Оно поступило из одноразового адреса унисферы, — сказала Паула. — Криминалисты Управления проследили его до пункта загрузки, который оказался общественным узлом киберсферы Дампиера. Тарло обратился в местную полицию с просьбой о проверке, но чудес ждать не приходится.

— Вы можете определить одноразовый адрес? — воскликнула Мэгги, всегда считавшая, что это невозможно.

— До определенной степени. Но это мало помогает. Сообщение было отправлено с задержкой. Кто бы его ни загрузил, отправителя уже не найти.

— А шифр послания можно расколоть? — спросила Мэгги.

— Вряд ли. Отправитель воспользовался трехмерным геометрическим кодом. Я послала запрос в службу разведки, но у них недостаточно ресурсов, чтобы его расшифровать.

— Вы разговаривали со службой разведки? — удивилась Мэгги.

Разведывательное управление, как правило, не реагировало на запросы отдельных личностей.

— Да.

Ожидать разъяснений явно не следовало.

— Ох! — вздохнула Мэгги. — Все верно.

— Сообщение было очень коротким, — продолжала Паула. — И это накладывает ограничения на его содержание. По моим догадкам, это либо предупреждение, либо подтверждение полномочий, либо извещение о прекращении миссии.

— У нас утечки быть не могло, — сказала Мэгги. — Я в этом уверена. Засечь нас они тоже не могли.

— Я знаю. Объект бы сам отреагировал на ошибку любого из ваших офицеров.

— В Социалистической партии немало квалифицированных кибернетиков. Они могли заметить наши подставные программы, отслеживающие эл-дворецкого Мерфи.

Паула Мио потерла рукой лоб, так сильно нажимая ладонью, что кожа сморщилась.

— Возможно, — согласилась она. — Но я должна принимать во внимание и другие факторы.

— Какие же? — заинтересовалась Мэгги.

— Извините, это секрет, — сказала Паула.

Какой бы усталой она ни была, она не собиралась делиться своими тревогами с остальными. Хотя, если Мэгги настоящий детектив, она сумеет и сама все вычислить.

Как сказал Марес, сто тридцать четыре года в ожидании ареста — срок слишком большой. Впрочем, учитывая имевшиеся в ее распоряжении ресурсы, было невозможно рассчитывать на успех в борьбе против Брэдли Йоханссона. На протяжении многих десятилетий кто-то оказывал Йоханссону и его подручным немалую помощь. О ее сегодняшнем деле знало всего несколько человек, и было логично предположить, что этим помощником являлся кто-то вне Управления. С другой стороны, с тех пор как ей поручили это расследование, исполнительные администрации менялись уже семнадцать раз. Не могли

же все они тайно испытывать симпатии к делу Йоханссона. Следовательно, все указывало на темные дела Великих Семейств и Межзвездных Династий, то есть общество власть имущих.

Паула предпринимала всевозможные попытки: расставляла ловушки, устраивала информационные засады, намеренно допускала утечку ложных сведений, пользовалась неофициальными каналами связи, раскидывала сети в обществе политиков, вербовала союзников в правительстве Содружества. Но до сих пор результат был минимальным. Это не слишком ее беспокоило, она верила, что доведет дело до конца. Ее больше беспокоил другой вопрос: кто, обладая богатством и властью, мог оказывать поддержку террористам Йоханссона?

— Логично, — нехотя признала Мэгги. Она понимала, что молчание главного следователя было вызвано вескими причинами. — Что же вы собираетесь предпринять в связи с этим сообщением?

— В данный момент ничего, — ответила Паула. — Будем ждать и смотреть, как поступит Элвин.

— Мы можем арестовать их прямо сейчас. В дилерской компании Лансье оружия достаточно для полноценной войны.

— Нет. У меня пока нет оснований для ареста Элвина. Хочу дождаться, пока операция не перейдет в стадию активной контрабанды.

— Он участвовал в подготовке Абадана. Я просматривала файлы в Управлении, там достаточно свидетельств, доказывающих его виновность, несмотря на то что у него был отличный адвокат. Какие нужны еще причины, чтобы его арестовать?

— Я хочу, чтобы оружие было погружено. Хочу узнать их маршрут и точку назначения. Это даст мне возможность распутать всю сеть Хранителей. Элвин так важен лишь потому, что может привести нас к Йоханссону.

— Арестуйте его и проведите выемку памяти. Я уверена, судья даст Управлению ордер на такую операцию.

— Я не смогу этим воспользоваться. Он знает, что его ждет, как только его доставят в камеру, так что он либо покончит с собой, либо его вставки сотрут все воспоминания.

— Вы не можете быть в этом уверены.

— Это фанатик. Он не допустит нас к своей памяти.

— Вы действительно уверены в этом?

— Уверена, — коротко ответила Паула.

На инструктаже заступающей на дежурство группы Паула поделилась с офицерами своими подозрениями в отношении зашифрованного сообщения.

— Оно слегка меняет наши приоритеты, — сказала она. — Если в нем содержится приказ об отмене миссии, Элвин попытается удрать через станцию ККТ. Я хочу, чтобы там постоянно дежурил наряд полицейских, чтобы успеть его арестовать. Детектив Марес, прошу вас за этим проследить.

— Конечно. Я попрошу капитана выделить дополнительный наряд.

За неделю, прошедшую с начала операции, поведение Дона Мареса слегка изменилось. Он больше ничего не оспаривал и не возражал Пауле, но и особого рвения тоже не проявлял. Паула мирилась с этим — к сожалению, средний уровень компетентности был весьма распространен среди работников правоохранительных органов Содружества.

— Также существует вероятность, что это мог быть сигнал к действию. В таком случае мы должны быть готовы реагировать без промедления. В ваших обязанностях ничего не

меняется, но приготовьтесь мгновенно выполнять все приказы. Третий вариант тоже не сулит ничего хорошего: послание могло быть предупреждением о нашей слежке.

— Ни в коем случае, — возразил Дон Марес. — Мы в этом деле не новички.

Собравшиеся офицеры одобрительно загудели.

Тарло коротко усмехнулся Ренне. Их босс всегда поддерживала высокий уровень профессионализма независимо от того, с какой полицией ей приходилось работать. Никто не хотел ее подводить.

— Как ни маловероятен такой вариант, мы не можем не принимать его во внимание, — настаивала Паула. — Соблюдайте величайшую осторожность, чтобы вас не раскрыли. Элвин очень умен. Он скрывается на протяжении сорока лет. Если он увидит кого-нибудь хотя бы дважды за неделю, он сразу поймет, что за ним следят. Не попадайтесь ему на глаза. Не позволяйте заметить свою машину. Мы намерены увеличить парк автомобилей, чтобы иметь возможность чаще их менять. Нельзя допускать ошибок. — Она коротко кивнула. — Сегодня ночью я присоединюсь к ведущей группе. Это всё.

Офицеры направились к выходу из комнаты, а Дон Марес и Мэгги подошли к Пауле.

— Если он увидит вас хоть краем глаза, игра будет окончена, — сказал Дон Марес.

— Знаю, — ответила Паула. — Но я должна быть рядом. Некоторые звонки невозможно сделать отсюда. Я бы хотела, чтобы на сегодня вы взяли на себя основное руководство.

— Я?

— Да, у вас имеется необходимая квалификация, и вам уже приходилось командовать рейдами.

— Хорошо.

Он постарался скрыть улыбку.

— Мэгги, вы отправитесь со мной.

Они отыскивали Адама Элвина, когда тот совершал неторопливую и, казалось, случайную прогулку по городскому парку. Он проделывал это каждое утро: медленно шагал через открытое пространство, где подобраться к нему пешком было практически невозможно.

Паула и Мэгги ждали на заднем сиденье десятиместного фургона, припаркованного на северном краю парка. Остальные машины группы были равномерно распределены по всему периметру, и трое офицеров полиции, снабженных зрительными вставками, следовали за Адамом пешком, не приближаясь меньше чем на пятьсот метров. Городской парк занимал значительную площадь в самом центре. Здесь имелись небольшие озера, игровые площадки, беговые дорожки и длинные зеленые аллеи с деревьями семидесяти разных планет.

— Он уже второй раз поворачивает в противоположную сторону, — заметила Мэгги.

Изображения со зрительных вставок полицейских транслировались на маленький экран в их машине.

— Это его обычный прием, — ответила Паула. — Он человек привычек. Привычки, возможно, и неплохие, но в конце концов они его подведут.

— Так вы его и выследили?

— Угу. Он никогда не появляется дважды на одной планете. Почти всегда для установления контакта с дилером использует лидера Межзвездной социалистической партии.

— Поэтому вы сделали Саббаха своим информатором и ждали.

— Да.

— Девять лет. Черт побери, сколько же у вас информаторов и на скольких планетах?

— Это секрет.

— Любопытный способ вербовки: вы всегда арестовываете их за какое-то преступление. Это не слишком-то подталкивает людей к сотрудничеству. Вы сильно рискуете в таком важном деле.

— Они нарушили закон, а значит, должны пойти под суд и нести ответственность за свои поступки.

— Черт, вы действительно в это верите?

— Вы же запрашивали мое личное дело. Трижды с того момента, как началось это расследование.

Мэгги ощутила, как вспыхнули ее щеки.

В тот день Адам Элвин, закончив прогулку по городскому парку, поймал такси до маленького итальянского ресторанчика на восточном берегу реки Гуал, петлявшей по нескольким районам города. Во время обильного и продолжительного обеда он послал вызов Рашель Лансье, перехватить который городской полицией не стоило особого труда.

Элвин: Кое-что произошло. Мне надо встретиться с вами еще раз.

Лансье: Заказанная вами машина уже почти готова, мистер Норт. Надеюсь, с вашей стороны проблем не будет.

Элвин: Нет, с машиной проблем не будет. Просто мне необходимо еще раз обсудить с вами спецификацию.

Лансье: Спецификация была согласована. Как и цена.

Элвин: Ни то ни другое не меняется. Мне необходимо встретиться с вами лично и уточнить некоторые детали.

Лансье: Не уверена, что это хорошая идея.

Элвин: Боюсь, это необходимо.

Лансье: Хорошо. Вам известно мое любимое место. Сегодня я буду там в обычное время.

Элвин: Благодарю.

Лансье: Надеюсь, это действительно важно.

Паула покачала головой.

— Привычки, — неодобрительно произнесла она.

К клубу «Старый костюм» было стянуто восемнадцать офицеров полиции. Первых трех Дон Марес направил туда уже через две минуты после начала разговора. Клуб, конечно, был еще закрыт, но полицейским требовалось определить и занять три лучшие позиции для наблюдения за зданием.

В восемь вечера прибыли два человека от Лансье, провели собственную проверку и затем позвонили боссу.

Когда в час ночи в клуб вошел Адам Элвин, десять офицеров уже находились внутри. Как и всегда, они сумели внедриться, не вызывая подозрений в причастности к полиции. Некоторые играли роль бизнесменов, искавших сомнительных развлечений после долгого дня в конторе. Трое из них слонялись вокруг сцены под видом неудачников, махавших смятыми банкнотами перед телами «Ангелов заката», а один даже умудрился устроиться на работу официантом на ночь и уже получил изрядные чаевые. Ренне Кампаса сидела в одной из кабинок, скрытая эл-шторой.

Оставшиеся полицейские находились снаружи, готовые к преследованию целей сразу после окончания встречи. Паула, Мэгги и Тарло сидели в стареньком фургоне с логотипом компании бытового обслуживания, припаркованном на соседней улице. На двух экранах, висевших на задней стенке, транслировались изображения, получаемые офицерами из клуба. Рашель Лансье уже находилась внутри, но на этот раз выбрала другую кабинку. Вместе с ней пришел и ее костлявый телохранитель — в участке его идентифицировали как Саймона Каванага, имевшего длинный список мелких правонарушений, почти всегда сопровождавшихся применением насилия. Войдя, он тотчас дважды просканировал кабинку ресторана в поисках шпионской электроники или бионейронных датчиков. Пассивные сенсоры находящиеся поблизости полицейских едва не зашкалило: Каванаг воспользовался каким-то сверхсовременным оборудованием, но от того, кто работал на дилера оружия, этого можно было ожидать.

Паула увидела, как Лансье и Элвин обмениваются настороженным рукопожатием. Оружейный дилер встретила своего покупателя весьма неприветливым взглядом, а затем элштора закрыла кабинку. Обычную блокировку усилили устройства, установленные Каванагом. Одним из них был нелегальный мощный излучатель пульсаций, способный сжечь нервные узлы любого насекомого в радиусе четырех метров.

— Ладно, — сказала Паула, — посмотрим, что за срочное дело возникло у мистера Элвина.

В метре над столом по пушистой синтетической обивке стены карабкалась муха-веретенка с Братейшена. Среди искусственных красных и зеленых волокон ее прозрачное двухмиллиметровое тельце было практически невидимым. Кроме эффекта хамелеона, эволюция планеты наградила это насекомое уникальными нервными волокнами, которые использовали фотолюминесцентные молекулы в качестве примитивного передатчика, что делало их неуязвимыми для стандартных излучателей пульсаций. В запасе этого экземпляра имелась только половина обычного жизненного срока, поскольку ее генетический код был слегка изменен специалистами маленькой лаборатории, по контракту работавшей на Управление, — часть пищевода была заменена набором рецепторных клеток сложной органической структуры. В животе мухи имелась разбухшая железа, выделявшая сверхтонкую нить паутины. Перелетая из соседней кабинки, муха-веретенка потянула за собой эту нить. Теперь слабые нервные импульсы, поступавшие из рецепторов, по паутинке попадали в более стандартный полуорганический процессор, находившийся в кармане жакета Ренне.

В центре экрана перед Паулой возникло зернистое черно-белое изображение. Она как будто смотрела сверху на головы трех человек, сидящих за столом в кабине.

— Ну, так что же случилось, черт побери? — спросила Рашель Лансье. — Не ожидала увидеть вас до окончания сделки, Хью. Мне это не нравится. Заставляет меня нервничать.

— Я получил кое-какие инструкции, — сказал Элвин. — Как еще я мог их вам передать?

— Ладно, что это за инструкции?

— Пара дополнений к списку. Весьма существенных.

— И все-таки мне это не нравится. Я склоняюсь к тому, чтобы прервать наши отношения.

— Вы этого не сделаете. Мы согласны заплатить за беспокойство.

— Не знаю. Беспокойство становится чертовски сильным. Достаточно одного визита

чересчур бдительного полицейского на мой склад — и со мной будет покончено. Там уже немало товара. Дорогого товара.

Элвин вздохнул и запустил руку в карман.

— Это уменьшит ваше беспокойство.

Он вытащил пачку банкнот толщиной с кирпич и пододвинул ее Саймону Каванагу.

Телохранитель взглянул на Лансье, и та кивнула, выражая согласие. Он взял деньги и положил в карман своего пиджака.

— Хорошо, Хью. Что за дополнительный товар вам понадобился?

Элвин протянул ей маленький черный диск и мемокристалл.

— Это в последний раз, — сказала она. — Больше никаких изменений. Мне наплевать, чего вы хотите и сколько платите, понятно? Это окончательное условие сделки. Если вам потребуется что-то еще, придется подождать до следующего раза. Все понятно?

— Конечно.

Паула откинулась на плоскую от старости спинку сиденья. На экране Адам Элвин поднялся, чтобы уйти, и эл-штора кабинки замерцала, пропуская его.

— Что-то не так, — сказала главный следователь.

Мэгги нахмурилась:

— Что вы имеете в виду?

— То, что дополнения к списку не играли никакой роли. Что бы ни было в этом кристалле, оно не имеет отношения к оборудованию.

— Что же это?

— Какие-то инструкции.

— Как вы узнали? Я подумала, что все так, как мы слышали.

— Вы видели его реакцию на сообщение за завтраком — камера отчетливо передала выражение его лица. Послание потрясло его до ужаса. В подобных сделках не принято менять условия на финальной стадии — это заставляет людей нервничать. Реакция Рашель Лансье была отличным тому примером. Заставлять же нервничать торговцев оружием совсем не годится. Такое крупное дело и без этого держит людей на взводе, и Элвину это прекрасно известно.

— И что же? Он сам был шокирован тем, что его босс решил изменить условия.

— Я в это не верю.

— Что же вы намерены предпринять?

— Мы ничего не можем сделать. Продолжаем наблюдать. Продолжаем ждать. Но я подозреваю, что он нас вычислил.

Новость об окутывании Альфы Дайсона прогремела утром два дня спустя. Ее транслировали все информационные каналы и ток-шоу. Оказалось, что по поводу этого события у жителей Велайнеса имеется великое множество мнений и предложений.

Мэгги, сидевшая без дела в подземном операционном центре, одним глазом следила за серьезными и обезумевшими учеными мужами, непрерывно мелькавшими в потоках новостей. Снова и снова демонстрировалась запись того момента, когда звезда бесследно пропала из вида. За ней следовали диаграммы, разъясняющие суть произошедшего доступным широким массам языком.

— Вы думаете, Элвина подтолкнуло именно это? — спросила Мэгги. — Ведь Хранители Личности, как предполагается, стремятся защитить нас от чужаков.

Паула взглянула на экран, где показывали интервью с Дадли Боузом. Старый астроном

не переставал улыбаться.

— Нет. Я проверяла. Сообщение было отправлено за полдня до того, как Боуз получил подтверждение своего открытия. В любом случае я не думаю, чтобы окутывание звезды Дайсона имело отношение к Хранителям. Их первоначальная цель — это Звездный Странник и его манипуляции правительством.

— Да, я в курсе их пропаганды. Проклятье, я все время зацикливаюсь на авторе этого сообщения.

— Вам повезло, что автор не вы. На этих негодяев я тоже потихоньку собираю материал.

— Значит, это мгновенное окутывание их не волнует?

— Нет. Оно произошло больше тысячи лет назад. Это старая история, не имеющая отношения к Хранителям.

— Вам многое о них известно, не так ли?

— Почти все, что можно узнать, не присоединяясь к их движению.

— И как же человек вроде Адама Элвина доходит до того, чтобы начать работать на террористов?

— Нельзя забывать, что Брэдли Йоханссон по своей сути харизматичный безумец. Все движение Хранителей Личности — это его персональный культ. Они называют себя политическим движением, но это только часть обмана. Самое грустное в том, что Йоханссон заманил в свои сети сотни людей, и не только на Дальней.

— Включая Адама Элвина, — пробормотала Мэгги.

— Да, включая и Элвина.

— Из того, что мне известно об Элвине, надо отметить, что он умен. И, согласно личному делу, искренне предан радикальным идеям социалистов. Неужели он настолько легковерен, что поддался пропаганде Йоханссона?

— Это всего лишь моя догадка, но я думаю, его устраивает сотрудничество с Йоханссоном. Элвин нуждается в покровительстве, которое может ему оказать Йоханссон, и его любимая партия от подобного союза в какой-то степени тоже выигрывает. С другой стороны, он, возможно, пытается возродить былую славу. Не забывайте, что он психически больной человек. Его террористические акты уже привели к гибели сотен людей, и каждая поставка оружия представляет потенциал для новых смертей. Нельзя исходить из того, что его мотивация основана на логике.

Слежка продолжалась еще одиннадцать дней. Было неизвестно, какие товары Адам Элвин добавил к своему списку, но, похоже, они вызвали затруднения у Рашель Лансье. В заднюю комнатку ее офиса ненадолго заглядывали какие-то подозрительные личности. Несмотря на все попытки, технической группе городской полиции Токата так и не удалось запустить внутрь ни одно из подслушивающих устройств. Офис Лансье был слишком тщательно экранирован. Силовое поле, по мощности сопоставимое с боевым, не могли преодолеть даже мухи-веретенки. Ее склады тоже были защищены, но технической группе все же удалось выявить два из них, где хранилось оружие.

Несколько модифицированных насекомых проникли внутрь и смогли передать изображения, прежде чем стали жертвами излучателей пульсаций и электронной паутины.

Вспомогательные отряды наблюдения не упускали из вида выходящих от Лансье поставщиков и видели, как те собирают свою часть оружия и оборудования и доставляют на склад. Вся чудовищная сеть черного рынка и нелегальных торговцев оружием, опутавшая

Велайнес, тщательно фиксировалась, чтобы завершить операцию полным разгромом.

На одиннадцатый день наблюдатели перехватили вызов, подтверждавший завершение комплектации заказа на сельскохозяйственное оборудование и приглашавший Адама Элвина на склад Лансье.

— Вот оно, — объявил Тарло. — Они готовятся к отправке.

— Возможно, — осторожно согласилась Паула.

Сидевший в противоположном конце операционного зала Марес только вздохнул. Тем не менее Паула все же отдала приказ командам задержания быть наготове.

Мэгги заняла позицию в одной из машин неподалеку от склада. Вскоре прибыли восемь грузовиков с ящиками сельскохозяйственного оборудования, и она передала изображение в операционный центр. Широкие ворота в заборе, опоясывавшем склад, быстро открылись, чтобы пропустить машины внутрь. Небольшая задержка возникла из-за того, что навстречу грузовикам на тестовый прогон выехало несколько машин Лансье — на протяжении всего периода наблюдения легальный бизнес шел весьма неплохо, и каждый день законные покупатели забирали по несколько автомобилей. Торговля велась полным ходом.

Все восемь грузовиков въехали на территорию самого большого из складов Лансье, и, как только последний из них остановился, ворота закрылись. Сенсоры, установленные по периметру забора, показали, что было начато немедленное сканирование.

— Где находится Элвин? — спросила Паула.

Тарло указал на изображение, где главный объект заканчивал обед в ресторанчике делового района. Паула присела рядом с консолью, чтобы следить за Элвином через сенсоры офицеров наружного наблюдения.

После обеда Элвин прошелся по одной из торговых улиц, следуя своей обычной тактике определения слежки и отрыва от любых возможных преследователей. Вернувшись в отель, он собрал чемодан, затем спустился в бар и заказал пиво. Неторопливо прихлебывая из бокала, он наблюдал за экраном в конце барной стойки, транслировавшим интервью, которое Алессандра Барон брала у Дадли Боуза. В конце дня, когда солнце только начало клониться к горизонту, он приказал спустить свой чемодан и выписался из отеля.

— Хорошо, — объявила Паула. — Похоже, все идет как надо. Прошу всех занять позиции согласно первой стадии операции.

Дон Марес находился в одной из машин слежки, и из его автомобиля, стоявшего в сотне метров от выхода из отеля, было видно, как крупный мужчина вышел из вестибюля. По вызову эл-дворецкого Элвина подъехало такси. Чемодан отправился в задний багажник, а пассажир устроился в кабине.

— Дон, подождите, — сказала Паула. — Мы запускаем в программный узел такси своего соглядатая. А, вот и сигнал. Он приказал доставить его на тридцать вторую улицу.

— Но это в противоположной стороне от склада, — заметил Дон из машины преследования.

— Я знаю. Просто ждите.

Паула вернулась к видеоизображениям и донесениям из окрестностей склада: Рашель Лансье и десять ее работников оставались внутри запечатого склада, где все еще стояли грузовики. Остальные рабочие, как обычно, в конце дня отправились по домам.

На пульте перед Паулой зажглась мигающая надпись, предупреждавшая о срочном сообщении. «Это интересно. Элвин внедряет в программный узел такси какую-то постороннюю программу». Паула с удовлетворением отметила самоуничтожение

полицейской программы, прежде чем новое обеспечение приступило к проверке системы машины.

— Он меняет направление, — с оттенком волнения в голосе доложил Дон Марес.

— Спокойнее, не упустите его, — ответила Паула. — Но не приближайтесь к нему, мы все видим.

Из шести изображений такси, выведенных на большой экран, только одно поступало из машины преследования. Остальные транслировались с камер общественной безопасности, перекрывающих каждую улицу и проспект города. Все они показывали такси, плавно движущееся в городском потоке.

Элвин, вероятно, приказал поторопиться. Машина начала разгоняться.

— Не выдайте себя, — предупредила Паула группу наблюдения, видя, как такси резко сворачивает вправо.

Теперь оно опережало машину преследования почти на сто пятьдесят метров. Согласно стандартной тактике слежки передовая машина вышла из игры. Яркие светящиеся точки на навигационной карте стали перемещаться, чтобы снова окружить такси.

Элвин еще раз повернул направо, потом сразу же налево, а затем нырнул в небольшой переулок.

— Не суйтесь туда, — приказала Паула. — Это тупик.

Третья машина преследования прошла мимо входа в переулок. Такси быстро вернулось и направилось налево — в обратную сторону от третьей машины. Они разошлись всего в паре метров.

Машина Дона Мареса вновь заняла свою позицию за целью. Такси снова увеличилось скорость. Мониторы на пульте Паулы показывали смазанные боковые огоньки, мелькавшие между высокими городскими зданиями. Такси свернуло на 12-ю улицу, самую широкую, с шестью рядами движения, полностью забитыми транспортом. Машина стала беспорядочно перестраиваться из одного ряда в другой, затем снизила скорость. Камера показала, как такси ушло под один из огромных мостов, на котором лежали рельсы путей с планетарной станции ККТ.

— Проклятье, куда он делся? — воскликнула Паула. — Дон, вы его видите?

— Думаю, да. Во втором ряду.

Две камеры, установленные на другом конце моста, показывали все ряды движения. Мимо них протекал непрерывный поток транспорта. Затем изображение увеличилось, фокусируясь на такси: оно снова перестроилось и шло по внешнему ряду.

— Хорошо, — сказала Паула. — Всем машинам — уменьшить дистанцию, но оставаться в пределах восьмидесяти метров от цели. Мы не можем рисковать и снова потерять визуальный контроль. Третьей машине: спуститесь под мост и осмотритесь. Проверьте, не выбросил ли он там что-нибудь из автомобиля.

Такси еще с километр продолжало свои маневры, затем резко свернуло на 45-ю улицу и продолжило движение, оставаясь в одном ряду. Скорость упала до семидесяти километров в час.

— Он движется прямо к нам, — сказала Мэгги.

— Похоже на то, — согласилась Паула. — Ладно. Машинам преследования: можете немного отстать.

Через восемь минут такси остановилось перед офисом автомобильной фирмы Рашель Лансье. Ворота мгновенно открылись, машина въехала в открытую дверь склада и встала у

пустого ремонтного бокса.

Паула, прищурившись, вглядывалась в видеотрансляцию. Дверь склада осталась открытой, так что полицейские датчики и камеры обеспечивали превосходное изображение. Никакого движения.

— Что происходит? — спросил Тарло.

— Не могу сказать, — ответила Паула. — Рашель все еще остается на складе. Нет, подождите...

По ярко освещенному бетонному полу склада шел Саймон Каванаг. При помощи банковской татуировки он оплатил счетчик такси. Задняя дверца багажника открылась, чемодан Элвина выкатился наружу и двинулся вслед за отошедшим телохранителем. Такси выехало со склада.

— О, дьявол! — воскликнула Паула. — Всем группам: переходим к стадии три. Повторяю: переходим к стадии три. Задержать и арестовать. Дон, остановите такси.

Система таксопарка отдала автомобилю приказ немедленно остановиться. Все четыре машины преследования рванулись вперед, образуя физический барьер вокруг такси.

Машина Мэгги начала движение, когда такси выкатилось за ворота склада. Солнце опустилось десять минут назад, оставив после себя угрюмый полумрак. За спиной Мэгги сверкающими штрихами на потемневшем небе высились башни городского центра. Только несколько тусклых полосок полифото, закрепленных впереди на крае крыши склада, отбрасывали слабые желтые лучи на обширное пространство, заставленное рядами автомобилей. Надземные железнодорожные пути перекрывали горизонт за дальним краем огороженной территории, отделяя город массивным бетонным барьером от потемневшего желтовато-коричневого неба. Одиноким грузовой состав с шипением и лязгом тянулся по рельсам, время от времени отмечая свой путь в город фонтанами искр, вызываемыми плохо отрегулированным сцеплением.

Вокруг Мэгги, огибая застывшие на месте машины, прорывались к закрытому и экранированному складу ее коллеги-детективы. Женщина активировала броню, и устройство, похожее на блестящий голубой скелет, начертанный поверх форменного мундира, негромко загудело. Усиление защитного поля сгустило воздух. Мэгги надеялась, что его мощности будет достаточно — кто знает, оружие какого калибра могут применить против них.

Машины сгрудились позади нее, визжа, словно раненые животные. Впереди основной отряд штурмовиков уже добрался до двери. Полицейские, не останавливаясь, выпустили в композитную панель пару ионных зарядов. Ослепительная вспышка, сопровождаемая оглушительным грохотом, на миг превратила окружающее пространство в монохромную картинку. Дымящиеся осколки бетона взлетели в воздух, оставив в ограждении два рваных отверстия. Полицейские ворвались внутрь.

«СТОЯТЬ, ПОЛИЦИЯ!»

«НЕ ВЗДУМАЙТЕ ДАЖЕ ШЕВЕЛЬНУТЬСЯ, УБЛЮДКИ!»

«ДЕРЖАТЬ РУКИ НА ВИДУ. БЫСТРО!»

Мэгги устремилась в пролом, ощущая пение адреналина в крови. С ионным пистолетом на изготовку, при полном усилении зрительных вставок, она проскочила сквозь неширокую полосу дыма и остановилась. Изумление едва не сбilo ее с ног. Перед грузовиком спокойно стояла Рашель Лансье. Вокруг нее столпилось с десятков работников, оставшихся после окончания смены. Несколько ящиков было снято с грузовика мощными погрузчиками и

поставлено в аккуратную стопку. На верхнем ящике красовались бутылка вина и десять бокалов.

— А, добрый вечер, детектив, — заговорила Рашель Лансье, рассмотрев значок Мэгги. Ее зеленые глаза насмешливо блестели. — Понимаю, у нас хорошие скидки на автомобили, но нет необходимости так торопиться. У меня достаточно товара, чтобы истощить любую банковскую татуировку.

Мэгги выругалась сквозь зубы и медленно поставила пистолет на предохранитель.

— Нас провели, — произнесла она.

— Дон? — слышался голос Паулы. — Дон, он в такси? Докладывайте, Дон.

— Ничего! — выкрикнул Дон Марес. — Абсолютно пусто. Его здесь нет.

— Проклятье! — воскликнула Паула.

— Это подстава, — сказала Мэгги. — Чертова сука смеется над нами. Я стою в пяти шагах от нее, а она смеется. Мы здесь ничего не найдем.

— Должны найти! — отчаянно крикнул Гарло. — Мы следили за ними три недели. Я видел это оружие собственными глазами!

Все было кончено, возбуждение улеглось, кровь остыла, и Мэгги почувствовала себя ужасно усталой. Она посмотрела прямо в сверкающие торжеством глаза Рашель Лансье.

— Говорю вам, нас классно надули.

* * *

Решающий момент настал, когда ему пришлось выпрыгнуть из такси на ходу под железнодорожным мостом. Адам сильно ударился и закричал от боли, пронзившей ногу, плечо и ребра. Он перекатился на бок и сумел подняться на ноги. Другое, пустое такси поджидало меньше чем в пяти метрах от него. Он ввалился в машину через открытую дверь, а потом эл-дворецкий Квентина Келлехера приказал доставить его к отелю «А+А».

Машина плавно тронулась с места и влилась в плотный поток. Оглянувшись, Адам увидел, как под мостом резко затормозил автомобиль. Из него выскочили двое и начали сканирование. Адам усмехнулся, радуясь увеличивающейся между ними дистанции. Неплохо для семидесятипятилетнего толстяка.

Комнату 421 он нашел точно в том виде, в каком оставил, и сканирование подтвердило, что все было чисто. Прихрамывая, он вошел внутрь. Теперь боль от ушибов стала намного сильнее. Он присел на край гелевого матраса, сорвал с себя одежду и увидел обширные участки содранной кожи и кровоточащие ссадины. Затем Адам прилепил несколько заживляющих пластырей и плюхнулся на кровать, не мешая матрасу раскачиваться под ним. Чуть позже он начал смеяться.

В течение двух недель он не выходил из комнаты. Автомат доставки ежедневно выдавал ему три порции еды. Он пил много жидкости. Эл-дворецкий фильтровал выпуски местных и межзвездных новостей, отыскивая все, что касалось Альфы Дайсона.

Адам проводил в кровати по двадцать часов в сутки, питаясь дешевой едой из коробок и бессмысленными развлекательными шоу. Его торс и конечности были покрыты стандартными общедоступными наборами клеточного перепрофилирования, которые медленно высасывали жир, убирали складки кожи на его новой, более стройной фигуре и попутно уничтожали большую часть ОС-татуировок. На каждой ноге, по обе стороны от

коленей, были закреплены плотные полосы кожистого материала — это были комплекты глубокого проникновения, запускавшие свои тонкие щупальца в ткани до самых костей. В результате медленного и болезненного процесса они уменьшили его бедренные и берцовые кости на полсантиметра, корректируя рост Адама до такого показателя, который не числился ни в одной поисковой базе.

Процесс преобразования сделал его слабым и раздражительным, словно он поправлялся после тяжелого гриппа. Он утешал себя успехом выполненной миссии. Заказ обошелся им еще на сотню тысяч долларов дороже, но Рашель Лансье поработала неплохо. В течение десяти последних дней в каждой машине, покидавшей автомобильный салон, вывозилась часть заказа. Компоненты оборудования были размещены по всему городу в зданиях, нанятых им в аренду. Рабочие Рашели упаковали все по ящикам, купленным несколько месяцев назад. Заказ пойдет к Дальней по многочисленным кружным маршрутам, на место он будет доставлен через несколько месяцев.

Единственное, что огорчало Адама, — это невозможность увидеть лицо Паулы Мио в тот момент, когда обман раскрылся. Такое почти стоило бы ощущения защелкивающихся на запястьях наручников.

Спустя семнадцать дней после решающего вечера Адам покинул «А+А», надев свободную хлопчатобумажную футболку и брюки. Еще через двадцать минут такси доставило его на планетарную станцию ККТ. Он спокойно прошел через контроль и, удовлетворенный, сел в экспресс до станции «ЛА-Галактик».

За пределами правительственных кругов о Совете Внешней Защиты Содружества мало кто слышал. Этот чрезвычайный орган, какие очень популярны у бюрократов, был образован на заре Межзвездного Содружества. В те времена, когда ККТ создавала все новые червоточины и открывала для жизни новые планеты, люди вполне оправданно опасались встреч с представителями чужих враждебных рас. Совету Внешней Защиты было поручено изучать все разумные расы, обнаруженные ККТ, и оценивать степень угрозы, представляемой для людей. Учитывая потенциальную серьезность развития худшего варианта сценария, члены Совета стали весьма влиятельными особами в политических кругах. Однако поскольку вероятность опасных встреч если и существовала, то была ничтожно мала, члены Совета постепенно делегировали собственные полномочия своим подчиненным. Тем не менее сам Совет продолжал существовать и упорно проводил ежегодные совещания. Каждый год со всей серьезностью подтверждался статус-кво Галактики. Каждый год члены Совета с этим соглашались и заканчивали встречу скромным обедом. По мере своего расширения Содружество начинало понимать, что разумная жизнь в этом секторе космоса встречалась весьма редко.

Происшествие на Альфе Дайсона все изменило. Найджел Шелдон уже и не помнил когда в последний раз посещал заседания Совета, но, вероятно, участвовал в заседаниях после обнаружения сильфенов и Высокого Ангела. Эти воспоминания не отложились в его текущей памяти. Скорее всего, он отправил их в надежное хранилище еще несколько омоложений назад.

Пробелы в памяти были с избытком восполнены сведениями, которые его служащие предоставили ему во время поездки с Крессата, где он проживал вместе с другими старшими представителями семейства Шелдон. ККТ направила его персональный поезд прямым путем через Августу на планетарную станцию Нью-Йорка, откуда он быстро добрался до Гранд-центра.

Ему всегда нравился весенний Манхэттен, когда после таяния снега деревья покрываются свежей зеленью первой листвы, недоступной для передачи ни одному художнику. Кортёж лимузинов, поджидавший его на вокзале, доставил Шелдона и сопровождавшую его свиту в офис Исследования и Развития Содружества, находившийся на Пятой авеню. Небоскреб, построенный сто пятьдесят лет назад и имевший двести семьдесят восемь этажей, уже не был самым высоким зданием на древнем острове метрополии, но отставал от лидеров совсем немного.

Найджел приехал рано, раньше всех остальных членов Совета. Взбудораженные сотрудники проводили его вместе со свитой в главный конференц-зал на двести двадцать пятом этаже. Они не привыкли к столь представительным делегациям, и это было видно по суетливым приготовлениям перед началом заседания и стремлению довести каждое помещение до идеальной чистоты. Однако он отослал всех встречающих взмахом руки и сказал, что спокойно подождет, пока появятся остальные участники встречи, после чего его спутники активировали защитный барьер.

Сквозь окна конференц-зала поверх соседних зданий можно было рассмотреть Центральный парк. Цвет естественной зелени местных деревьев под полуденным солнцем становился все ярче. К этому дню в парке почти не осталось чужеродных растений. Законы о

защите природных видов Земли, проводимые защитниками окружающей среды из Федерации Объединенных Наций, за последние восемь десятков лет стали намного суровее. И все же он отыскал взглядом блестящее дерево ма-хон, мерцавшее в самом сердце парка, — гладкая серебристая поверхность каждого из его спиралевидных листьев отражала любые лучи света. Дерево было привезено сюда три сотни лет назад и стало одним из восьми успешно пересаженных с их странной родной планеты. В прошлом столетии ему был присвоен статус городского памятника, и это обстоятельство доставляло Найджелу немалое удовольствие. Когда жители Нью-Йорка чего-то хотели, им не мог помешать даже экологический блок ФОН, и теперь уже никто не мог лишить ньюйоркцев их драгоценного уникального ма-хона.

Личный помощник Найджела, Даниэль Алстер, принес ему кофе, и Найджел пил его глядя на город. При этом он мысленно пытался отыскать изменения в городском силуэте, произошедшие за последнее столетие. Здания Манхэттена стали выглядеть стройнее, чем прежде, но, возможно, так получилось из-за того, что они стали намного выше. В архитектуре появилось новое направление, в котором использовались более изысканные фасады. Порой это выглядело достаточно приятно, как, например, современный готический хрусталь башни Стейт-билдинг, которая прежде выглядела довольно примитивно. Конечно, и в этом случае не обошлось без недоработок, но теперь каждое здание смотрелось по-своему, в отличие от типовых городских застроек в недавно заселенных мирах.

Вторым из членов Совета прибыл Рафаэль Колумбия, шеф Управления по расследованию особо тяжких преступлений.

Найджел, безусловно, слышал о нем, но встречаться лично им еще не приходилось.

— Рад наконец-то познакомиться с вами, — сказал Найджел, пожимая ему руку. — Ваше имя не сходит со страниц донесений нашей службы безопасности.

Рафаэль Колумбия коротко рассмеялся.

— Надеюсь, в хорошем смысле?

Ему было немногим больше двухсот лет, а его физическое состояние соответствовало пятидесяти с лишним годам. В противоположность Найджелу, который омолаживался каждые пятнадцать лет, Рафаэль Колумбия считал, что его положению соответствует более зрелая наружность. Он отличался широкими плечами и бочкообразным туловищем, которое приходилось поддерживать в форме при помощи бесконечных физических упражнений. Модная короткая стрижка на его серебристо-седых густых волосах подчеркивала несколько суровое выражение, застывшее на широком лице. Кустистые брови и яркие серо-зеленые глаза выдавали его причастность к семейству Халгарт. Без этой связи он вряд ли когда-либо занял бы свой нынешний пост в администрации Содружества. Халгарты основали Эдембург — один из индустриальных миров Большой Дюжины, что обеспечило им место среди основных Межзвездных Династий, а это означало почти такое же влияние в Содружестве, как у семейства Найджелов.

— О да, — ответил Найджел. — Число крупных преступлений в наши дни, похоже, снижается, особенно против ККТ. И за это я вам благодарен.

— Я делаю то, что в моих силах, — сказал Рафаэль. — Главный источник проблем сейчас — постоянно возникающие группы Новых Националистов, которые не перестают нападать на правительство; чем сильнее мы их прижимаем, тем агрессивнее становятся их сторонники. Если мы не будем постоянно настороже, можно ожидать такую же сокрушительную волну террористических актов против Содружества, как в две тысячи

двести втором.

— Вы действительно думаете, что это может повториться?

— Надеюсь, что нет. Внутренние расследования показывают, что подобные группировки просто прикрывают свою деятельность политическими требованиями. На самом деле они более близки к криминальным кругам. Если это действительно так, они пройдут естественный цикл развития и постепенно исчезнут.

— Дай бог. Не хотелось бы демонтировать переходы на каких-нибудь еще планетах. И без того у нас осталось немало изолированных миров. Я-то думал, что единственной реально проблемной планетой осталась Дальняя. И непохоже, чтобы ее можно было излечить.

Рафаэль Колумбия печально кивнул.

— Я верю, что когда-нибудь мы сумеем внедрить цивилизацию и на Дальней. К тому времени когда ККТ начнет осваивать четвертую зону космоса, этот мир станет полноправным членом Содружества.

— Надеюсь, вы правы, — с оттенком сомнения произнес Найджел. — Мы еще даже не думаем о четвертой зоне, до тех пор пройдет немало времени.

В конференц-зал, беседуя между собой, вошли Элейн Дой, вице-президент Содружества, и Томпсон Бурнелли, сенатор, возглавлявший комитет Содружества по науке. За ними, негромко разговаривая, появились многочисленные помощники. Элейн Дой, подчеркивая свой профессионализм, поприветствовала Найджела с вежливой сдержанностью. Он ответил ей с таким же бесстрастным выражением лица. Эта женщина, полностью посвятившая себя политике, потратила сто восемьдесят лет, чтобы пробиться на свой нынешний пост. Даже пройденные ею омоложения были направлены на достижение цели: ее кожа постепенно темнела, пока не приобрела оттенок эбенового дерева, что подчеркивало ее этническую принадлежность. В то же время ее лицо утратило естественную женскую красоту, сменившись строгой сдержанной привлекательностью. Найджелу почти постоянно приходилось общаться с людьми ее типа, и он презирал их всех до единого. В дни далекой идеалистической юности, когда он конструировал свой первый генератор червоточин, он мечтал покинуть их всех на Земле и предоставить вновь открытым планетам возможность развиваться в абсолютной свободе, превращаясь в рай для личности. Теперь он мирился с их господством в правительствах, считая это необходимой платой за цивилизованность общества. В конце концов, кто-то должен поддерживать определенный порядок. Но это не означало, что он смирился с их вечным эгоизмом и самолюбованием. Дой же он считал одной из самых отвратительных личностей, всегда готовой возвыситься за счет других. В преддверии следующих президентских выборов, которые должны будут состояться через три года, она уже вступила в заключительную стадию избирательной борьбы. Поддержка Найджела могла значительно облегчить ей путь к президентскому дворцу в Нью-Рио, но он все еще не дал согласия на содействие.

Томпсон Бурнелли был более откровенным человеком и не столь изощренным политиком. Он был избран делегатом ФОН от Северной Америки и в этом качестве стал представителем интересов огромного конгломерата старинных, влиятельных и самых богатых Великих Семейств планеты. Он и выглядел соответствующим образом: симпатичный мужчина в дорогом сером шелковом костюме, явно выпускник и спортсмен из Лиги плюща. Присущая ему уверенность не могла быть результатом ни вставок памяти, ни бioneerальной коррективы — эта черта была исключительно наследственной, ведь Томпсон Бурнелли являлся представителем высшей аристократии Земли. Найджел

возненавидел самонадеянность богатеньких сынков еще со времен учебы в колледже — так же как и политиков. Однако если бы был выбор, он бесспорно предпочел бы иметь дело с Бурнелли и ему подобными.

— Найджел, представляю, как это все вас раздражает, — произнес Томпсон Бурнелли с притворным сочувствием, граничащим с насмешкой.

— Почему же? — спросил Найджел.

— Сенсация, к которой ваша исследовательская служба не имеет ни малейшего отношения. Какой-то заштатный ученый-астроном делает величайшее за два последних столетия открытие, да еще на оборудовании, которое за тысячу баксов можно купить в любой лавке старьевщика. Сколько денег тратит на астрономию ККТ ежегодно?

— Пару миллиардов, по последним данным, — нехотя ответил Найджел.

Он не мог не признать правоту сенатора. И не только его. Службы информации унисферы сразу после объявления Дадли Боуза о своем открытии неустанно и с удовольствием изощрялись в сарказме в адрес ККТ.

— Не важно, — энергично воскликнул Томпсон Бурнелли. — В следующий раз повезет и вам, верно?

— Благодарю. Как выступает команда вашего континента в Кубке?

Сенатор нахмурился.

— Вы имеете в виду футбол? Ну, я не знаю.

— Проиграли, не так ли? Но ведь это был только первый раунд из восьми. Надеюсь, вы не очень переживаете из-за того, что они скатились в самый низ таблицы? В следующий раз повезет.

Найджел тонко усмехнулся, а сенатор отвернулся, чтобы поздороваться с Рафаэлем Колумбия.

Постепенно начали подъезжать остальные члены Совета, и Найджел занялся тем, что подходил поздороваться к каждому из них; с этими, по крайней мере, можно было поболтать о футболе. Криспин Голдрич, сенатор, курирующий бюджетную комиссию Содружества; Брюстер Кумар, советник президента по вопросам науки; Габриэль Элс, председатель комиссии Содружества по вопросам труда и промышленности; сенатор Ли Ки, председатель коллегии по экономической политике второй зоны космоса, и Евгений Чинзоул, ведущий юрист законодательной комиссии Содружества.

Элейн Дой повысила голос над общим гулом разговоров.

— Мне кажется, мы можем открыть наше заседание, — сказала она.

Собравшиеся переглянулись и согласно закивали. Все стали отыскивать соответствующие рангу места. Найджел отметил взглядом пустое кресло и сел слева от вице-президента, проводившей собрание. Согласно протоколу, это место предназначалось для делегата Совета Внешней Защиты. Прибывшие со своими боссами помощники сгруппировались позади кресел.

Вице-президент обернулась к руководителю своего аппарата, Патриции Кантил.

— Не могли бы вы попросить РИ выйти на связь?

Именно этот момент выбрал для своего появления Оззи Фернандес Айзекс. При виде всеобщего изумления Найджел не без труда подавил улыбку, уже изогнувшую его губы. Они могли бы это предвидеть. Еще в те давние времена, когда Найджел и Оззи собирали материалы, которые впоследствии послужили основой для изобретения генератора червоточин, он был настоящим чудаком. Моменты истинной гениальности сменялись у него

упрямством мальчишки-спортсмена, стремящегося доказать свое превосходство над однокурсниками. В те дни Найджел то переживал из-за того, что Оззи пренебрегал своим талантом, то восхищенно качал головой, видя, как его друг щелкает задачи, считавшиеся неразрешимыми. Они стали превосходной командой, и им удалось сжать пространство и ступить на поверхность Марса за мгновение до приземления там космолана НАСА. Последовавшее покорение созданного ими зверя было заслугой Оззи: это он превратил неукротимый прототип оборудования из сферы физики высоких энергий в повсеместно используемый транспорт, а в процессе еще и создал величайшую в истории человечества корпорацию. Зато управление, финансы и политическое влияние Оззи никогда не интересовали. Он просто хотел забраться подальше и увидеть, какие чудеса таит в себе Галактика.

Еще в те времена, когда он совершал свои побег к девственным звездам, его имя стало легендой. Отшельник Содружества, последний гуру альтернативного образа жизни, он испробовал все: женщин и все древние грехи; рискованные новые наркотические стимуляторы, как химические, так и бионейронные; Оззи-мир — пригодную для людей планету, где он якобы жил в полном одиночестве, во дворце величиной с город; десятилетия, проведенные в образе бродячего поэта, когда он странствовал по разным планетам и с самого дна общества наблюдал, как зарождается новая цивилизация; сотни зачатых естественным путем детей; экстравагантные омоложения, когда он годами жил в телах животных: льва, орла, дельфина, медведя с Каррука; проект синтеза ДНК динозавра, стоивший миллиарды и впоследствии похищенный барсумианцами. Он построил целую сеть червоточин, связывающих планеты Содружества, которыми мог воспользоваться только он лично; его мысли и программы легли в основу создания Развивающегося Интеллекта. Повсюду в Содружестве, где бы вы о нем ни спросили, местные старожилы рассказывали о том, как Оззи побывал в их мире (разумеется, никем тогда не признанный) и облагодетельствовал их предков тем или иным подвигом: добился строительства моста через бурную реку, доставил больного ребенка в госпиталь, несмотря на страшную бурю, первым взойдя на высочайший пик планеты, уничтожил — в единоличной схватке — местного криминального авторитета. И даже обратил воду в вино, если верить таблоидам унисферы. В конце концов, Оззи ведь был специалистом в области преобразований.

— Друзья, извините меня за опоздание, — произнес Оззи.

Он дружески махнул рукой вице-президенту и зашагал к последнему пустующему креслу. Проходя мимо Найджела, он похлопал его по плечу.

— Рад встрече, Найдж, давно не виделись.

— Привет, Оззи, — ответил тот, стараясь казаться равнодушным.

На самом деле они не встречались лично уже семнадцать лет.

Оззи наконец добрался до своего места и с довольным вздохом уселся в кресло.

— Кто-нибудь, дайте мне, пожалуйста, кофе. У меня зверское похмелье.

Найджел быстро щелкнул пальцами, и Даниэль Алстер принес чашку кофе. Несколько членов Совета не могли скрыть своего неодобрения, вызванного бесцеремонным поведением легенды. А это, как догадывался Найджел, и было целью Оззи. Когда-то он считал, что омолаживаться Оззи совсем не обязательно: этот человек мог быть необычайно молодым и без впрыскивания юношеских гормонов. Зато всеобщее признание и восхищение жителей Содружества принесли юному афро-латиноамериканцу чувство удовлетворения. Эти две культуры не смешивались между собой даже в политически корректном двадцать первом

столетии, тем более на улицах Сан-Диего, где он вырос. Именно там Оззи в последний раз остался в дураках.

— Мистер Айзекс, вы здесь в официальном качестве? — спросил Криспин Голдрич.

Его аристократический английский акцент прямо-таки сочился негодованием.

— Конечно, дружище, на этом мероприятии я представляю ККТ.

За столом, где собрались самые могущественные люди, в своей повседневной лимонно-желтой рубашке и помятых просторных брюках цвета охры он выглядел абсолютно неуместно, и огромная копна волос в стиле «афро» ничуть не улучшала его вид. За три столетия просьб, убеждений и насмешек Найджел так и не уговорил его подстричься. Этому стилю больше никогда не было суждено вернуться, но Оззи все еще надеялся.

— Не надо на меня оглядываться, — сказал Найджел. — Я отвечаю за финансовые вопросы ККТ, а Оззи — наш технический консультант при Совете.

Оззи широко усмехнулся и подмигнул Криспину Голдричу.

— Ну хорошо, — заговорила Элейн Дой. — Давайте все-таки начнем заседание.

Большой экран над столом ожил вспышкой оранжевых и бирюзовых линий, сходящихся и исчезающих в его центре, словно в древней экранной заставке.

— Добрый день, леди и джентльмены, — размеренным голосом поприветствовал их Развивающийся Интеллект. — Мы рады принять участие в собрании, которое, безусловно, войдет в историю.

— Благодарю, — ответила вице-президент. — Что ж, прошу вас, Брюстер.

Советник президента по науке окинул взглядом стол.

— Я вряд ли могу что-то добавить к новостным выпускам унисферы, разве что подтвердить, что все это правда. ККТ по нашему запросу открыла разведочную червоточину в межзвездное пространство за Таньейтой и при помощи собственной аппаратуры убедилась в свершении окутывания.

— У нас более совершенное оборудование, чем телескоп Дадли Боуза, — сказал Найджел, оставив без внимания молчаливый кивок Томпсона Бурнелли. — Но, несмотря на это, информации слишком мало. Весь процесс занял около двух третей секунды. Мы уверены, что барьер не может быть физической оболочкой, это какой-то вид силового поля.

— Поля, отсекающего видимый спектр, — уточнил Ли Ки.

— Сам масштаб этого явления превосходит все наши возможности, — добавил Брюстер Кумар. — Эта проклятая штука не меньше тридцати астрономических единиц в диаметре. Я не думаю, что она имеет что-либо общее с молекулярными контактными экранами или даже с квантовыми полями.

— А есть ли какие-нибудь теории, объясняющие природу барьера?

— По паре дюжин в каждом университете Содружества, где имеется факультет физики. Но это не самое интересное, намного любопытнее его воздействие: это инфракрасный излучатель, следовательно, внутри сохраняется солнечная система.

— Как это возможно? — спросила Габриэль Элс.

— Основной принцип следующий: внутри барьера не наблюдается накопления энергии. Когда электромагнитный поток звезды доходит до барьера, он проникает сквозь него и выходит в виде тепла. Если бы этого не было, если бы барьер задерживал его, внутри мы получили бы эффект скороварки. Мы также подозреваем, что барьер и солнечный ветер преобразует в инфракрасное излучение, но на таком расстоянии настаивать на этом довольно трудно.

— Другими словами, — заговорил Найджел, — кто бы ни установил оболочки, Пара Дайсона и сейчас благополучно существует внутри них. Условия там ничуть не изменились.

— И это подводит нас к следующему вопросу, — сказал Брюстер Кумар. — Были ли эти барьеры созданы обитателями звездной системы или их наложили извне? Хотя ни один из этих вариантов ничем нам не поможет.

— Чем нам может нанести вред их изоляционизм? — спросил Рафаэль Колумбия.

— В нашей истории изоляционизм традиционно усиливался во времена военных потрясений, — пояснил Найджел. — Подобная ситуация могла возникнуть и на Паре Дайсона. Если барьеры были воздвигнуты чужаками, обитающими в этих двух звездных системах, мы можем допустить, что причиной их действий могли быть соображения безопасности. Если это так, они защищались от поистине ужасного оружия. Альтернативный вариант ничуть не лучше: какие-то другие расы настолько боялись их, что решили изолировать. В любом случае там враждовали две чужеродные расы, обе обладающие оружием и технологиями, настолько опережающими наши возможности, что их можно считать колдовством.

— Спасибо, сэр Артур, — пробормотал Оззи.

Найджел улыбнулся своему старинному другу: он сомневался, что кто-то еще в этом зале уловил его намек. Все присутствующие были моложе их по крайней мере на целое столетие.

— Мне кажется, вы ошибаетесь, приписывая им человеческую мотивацию, — заметила Габриэль Элс. — Не могло ли стать причиной простое желание отгородиться от всей остальной Вселенной? В конце концов, сильфены — народ довольно обособленный.

— Обособленный? — воскликнул Рафаэль Колумбия. — Они так распространились, что занятые ими планеты невозможно сосчитать.

— Цель нашего Совета — обсудить развитие по наихудшему сценарию, — напомнила всем вице-президент. — И вероятность локальных конфликтов весьма высока.

— К слову о сильфенах, — вставил Оззи. — Почему бы не спросить их о том, что там происходит?

— Мы пробовали, — сказала вице-президент. — Они ответили, что ничего не знают.

— Ох, да они говорят так обо всем на свете. Спросите их, наступит ли завтра рассвет, и они начнут скрести свои задницы, а потом спросят, что мы подразумеваем под «завтра». Им нельзя задавать прямые вопросы. Чтобы получить ответ, нужно обдурить этих бродячих мистиков.

— Да, спасибо, мистер Айзекс, я это знаю. У нас достаточно экспертов по культуре сильфенов, и все они в самом срочном порядке изучают проблему. Надеюсь, что им удастся получить от сильфенов более содержательный ответ. А до тех пор нам приходится рассчитывать только на собственные силы. Отсюда и срочность заседания нашего Совета.

Оззи бросил в ее сторону гневный взгляд и затем, надувшись, устроился поглубже в кресле.

— Я не верю, что барьер вокруг звезд был установлен внешними силами, — заявил Ли Ки. — Это противоречит логике. Если вы кого-то боитесь, но имеете возможность изолировать целые звездные системы, нет смысла делать барьер проницаемым. Устройте из него скороварку или что-нибудь похуже. Нет, на мой взгляд, это оборонительное сооружение. К Паре Дайсона приближалось нечто очень скверное, и они захлопнули двери перед лицом опасности.

— В таком случае где теперь это зло? — спросил Томпсон Бурнелли.

— Да, действительно, — поддержал его Брюстер Кумар.

— Прекратило свое существование, — бросил Оззи. — А вы все слегка впадаете в паранойю.

— Потрудитесь объясниться, — бесстрастно предложил ему Томпсон Бурнелли.

— Да ну, парень, Пара Дайсона в двенадцати сотнях световых лет от Таньяты. Все это произошло во времена господства Римской империи. Астрономия сродни истории.

— Скорее во времена Чингисхана, чем Римской империи, — заметил Брюстер Кумар. — Ни одна цивилизация, могущественная и прогрессивная, как Пара Дайсона или их противники, не может исчезнуть без следа за какое-то тысячелетие. Мы-то точно не исчезнем, а наши технологии очень далеки от их уровня. Нельзя просто спрятать голову в песок и надеяться, что за эти годы опасность перестала существовать.

— Я согласна, — сказала вице-президент. — Планета Дальняя находится всего в ста пятидесяти световых годах от Пары Дайсона, и оттуда сообщают, что барьер существует и поныне.

— Еще одна новость от ККТ, еще не ставшая достоянием общественности, — заговорил Найджел. — Нашу разведочную червоточину мы использовали также для определения окутывания Беты Дайсона. К несчастью, первоначальные предположения оказались верными.

Рафаэль Колумбия вдруг насторожился.

— Вы хотите сказать, что оно произошло в то же самое время?

— Да. Как можно увидеть с Таньяты, между звездами Пары существует дистанция в два световых года. Мы открыли червоточину на два световых года ближе к Бете и увидели, что процесс окутывания был идентичен. Все произошло с интервалом в три минуты.

— Это оборона, — заявил Евгений Чинзоул. — Иначе и быть не может. Цивилизации, населявшей две звездные системы, угрожал внешний агрессор.

— Любопытное совпадение, — произнес Оззи.

— В чем именно? — поинтересовалась вице-президент.

— Что-то агрессивное и невероятно могущественное приближается к еще одной цивилизации, и та оказывается тоже достаточно искушенной, чтобы организовать оборону. Люди, я не верю в это. Временные ограничения Галактики такого не допустят. Мы сосуществуем с сильфенами только потому, что они остаются в своем нынешнем состоянии уже миллионы лет.

Вице-президент с тревогой оглянулась на экран РИ.

— Как вы это объясняете?

— Мистер Айзекс прав в том, что конфликт между двумя приблизительно равными силами маловероятен, — ответил РИ. — Нам известно, с каким трудом проходит эволюция разума на любой пригодной для жизни планете. Вследствие этого технологически развитые расы редко сосуществуют в Галактике, хотя Высокий Ангел — это исключительный случай. Однако такую вероятность нельзя исключить полностью. Мы поддерживаем точку зрения мистера Кумара в том, что цивилизация, способная на подобные свершения, не может быстро исчезнуть из Галактики.

— Они могли эволюционировать, — быстро возразил Оззи. — Они могли избавиться от своих примитивных инстинктов. В конце концов, мы оставили позади немало дерьма.

— И приобрели немало разновидностей нового дерьма, — сказал РИ. — Причем все

они удручающе похожи на дерьмо старое. Кроме того, ни одно примитивное общество не способно воздвигнуть барьеры вокруг Пары Дайсона. Но мы опять отклонились от сути. Механизм барьеров мог быть древним сооружением, оставленным его создателями, которые отправились своим путем. Можно бесконечно долго рассуждать, рассматривая событие с точки зрения современности, но ни одно предположение не может учитывать всех особенностей столь давнего прошлого.

— Что же вы предлагаете? — спросила вице-президент.

— Это очевидно, разве не так? Совет был образован для того, чтобы определить ответный ход в случае любой предполагаемой угрозы Содружеству. Основываясь на доступных на данный момент сведениях, невозможно дать определенный ответ. Вы должны посетить Пару Дайсона и установить их нынешнее состояние, а также причину окутывания.

— Но цена!.. — воскликнула вице-президент, поспешно оглядываясь на Найджела.

Он игнорировал ее взгляд. РИ значительно облегчил его задачу.

— Да, дорога до Пары Дайсона, если воспользоваться обычными методами, обойдется недешево, — сказал он. — Нам придется отыскать не меньше семи пригодных для людей планет между Содружеством и Парой Дайсона, а потом построить на каждой из них генераторы червоточин промышленного типа. Это займет не одно десятилетие и не сулит никакой экономической выгоды.

— Казначейство Содружества не может субсидировать ККТ, — вставил Криспин Голдрич.

— Но вы сделали это ради Дальней, — мягко заметил Найджел. — И это был наш последний контакт с чужаками.

— Всего одна станция на Средней! — запальчиво воскликнул сенатор. — И этого было достаточно, чтобы убедить меня никогда больше не совершать подобных ошибок. Дальняя оказалась пустой тратой времени и ресурсов.

Найджел с трудом удержался, чтобы не ответить ему. Кроме Рафаэля, у Халгартов за этим столом было немало прямых союзников, и их семейство получало львиную долю доходов с Дальней. Хотя, сказать по правде, доходов было не так уж и много.

— Я бы мог предложить нечто более практичное, чем последовательность червоточин, — сказал Найджел.

Все сидящие за столом с любопытством посмотрели в его сторону, даже Оззи, что можно было считать настоящим событием. Заинтересованность на лице вице-президента противоречила привычной демонстрации политической силы.

— Я полностью согласен с РИ в том, что необходимо точно выяснить обстоятельства событий на Паре Дайсона, — продолжил Найджел. — Но можно сэкономить время и деньги, не строя цепочки червоточин. Я предлагаю построить космический корабль.

Его идея была встречена напряженными усмешками. А Оззи попросту рассмеялся.

— Вы говорите о полете со скоростью, превышающей скорость света? — спросил Брюстер Кумар, не скрывая охватившего его волнения. — Вы действительно можете это сделать?

— Конечно. Это будет достаточно простая адаптация нынешней системы генераторов червоточин: вместо стабильно устойчивых переходов, сквозь которые мы перемещаемся, можно будет странствовать внутри одной постоянно поддерживаемой червоточины.

— Ой, дружище! — воскликнул Оззи. — Как здорово! Кто знает, может юные астронавты в конце концов победят. Давайте нажмем красную кнопку и унесемся в

гиперпространство.

— Это не гиперпространство, — несколько торопливо возразил Найджел. — Тебе прекрасно известно, что этим названием таблоиды обозначают любые сложные манипуляции с энергией.

— Гиперпространство, — с довольным видом повторил Оззи. — Именно то, чего мы стремимся избежать, строя червоточины.

— Только не в этом случае. Мы могли бы создать такой корабль в течение года. Отправить ударную группу исследователей, и они смогут определить, что там происходит. Быстро и дешево.

— Дешево? — усомнился Криспин Голдрич.

— Относительно дешево.

Проекты космических кораблей уже больше столетия хранились в персональных файлах Найджела. Он не переставал думать о них, хотя и не имел возможности довести до конца. Он никогда не забывал (и не стирал воспоминаний) своего восхищения, когда наблюдал за грациозно спускающимся над марсианским горизонтом «Орлом-2» и его приземлением на Аравийской Земле Марса. Космический корабль, странствующий по враждебному космосу, несущий в себе апофеоз человеческой воли, все самое лучшее и достойное, что только имелось в расе людей, представлялся ему воплощением благородства. И, возможно, он остался последним из людей, кто еще об этом помнил. Нет, не последним.

— Корпорация ККТ и казначейство Августы готовы финансировать до тридцати процентов стоимости строительства.

— В обмен на исключительные привилегии, — саркастически усмехнулся Томпсон Бурнелли.

Найджел тоже улыбнулся в ответ.

— Как я помню, подобный прецедент имелся в период авантюры на Дальней.

— Ну хорошо, — сказала вице-президент. — Если альтернативы нет, ставим это предложение на голосование.

Никто не проголосовал против. Но Найджел заранее знал, что так и будет, и даже Бурнелли в знак согласия поднял руку. Совет Внешней Защиты Содружества всегда поддерживал ККТ в вопросах исследований и контактов, так что уже три дня назад по личному распоряжению Найджела в ККТ началась работа над практическим воплощением проекта. Теперь оставалось только решить тысячи вопросов относительно деталей финансирования и руководства. Вся конкретика будет отдана членами Совета во власть их подчиненным. Это заседание решало вопросы только общей политики.

— И вы, вероятно, собираетесь возглавить миссию? — перед самым уходом спросил его Рафаэль Колумбия.

— Нет, — ответил Найджел. — Как бы мне этого ни хотелось, эта должность требует определенных качеств и опыта, которыми я не обладаю и которые вряд ли смогу получить в клинике омоложения. Но я знаю человека, отвечающего всем обязательным требованиям.

* * *

Планета Октиер, заселенная в 2089 году, была одним из первых миров первой зоны космоса. Ее долговечность породила первоклассную экономику, плавно развивающуюся в

соответствии с богатым и впечатляющим культурным наследием. Любому наблюдателю, явившемуся через планетарную станцию ККТ в Сиэтле, это подтверждали хрустальные небоскребы и мраморные кондопирамиды его столицы Дарклейк-сити.

Большая часть первых поселенцев прибыла сюда из Канады и Гонконга, затем к ним присоединилась еще и немалая часть жителей Сиэтла. В связи с этим в обществе уживались самые различные веяния: от ультрасовременных течений до бережно сохраняемых древних традиций. Учитывая корни местных жителей, можно было не удивляться, что привычка к тяжелому труду и педантичности у них в крови от рождения. В целом народ процветал, и его численность росла: через двести сорок лет после заселения она перевалила за миллиард с четвертью, и было освоено восемь континентов планеты. Подавляющее большинство людей здесь прилежно работали и неплохо жили.

Дарклейк-сити, скорее всего с подачи выходцев из Сиэтла, был расположен в холмистом районе субтропиков. Склоны с богатой почвой, постоянное тепло и обилие воды из рек и озер делали эту местность идеальной для выращивания кофе. На берегу озера, ограничивающего город с юго-востока и протянувшегося на тридцать пять километров, выросли общественные причалы и парки, кварталы дорогого жилья, яхтенные мастерские, роскошные курорты и коммерческие доки. По ночам над дорогами, словно грозовые облака, сверкал ореол голографической рекламы, а здания соревновались между собой затейливой подсветкой, подчеркивающей их особенности. Бары, рестораны и клубы зазывали с улиц праздные толпы народа живой музыкой, представлениями и полулегальными средствами для получения наслаждения.

За сорок лет до открытия Дадли Боуза, в ночь своего убийства, Тара Дженнифер Шахиф наблюдала все это с балкона гостиной на двадцать пятом этаже в своих апартаментах в самом центре города. Береговая линия, словно мерцающая граница Галактики, отделяла город от беспросветной темноты. Там заканчивалась жизнь и цивилизация. Лишь редкие огоньки прогулочных яхт скользили по глубоким водам, напоминая о небесных созвездиях.

Она оперлась на ограждение балкона, позволяя легкому бризу шевелить ее волосы и платье. На планете давным-давно были запрещены двигатели внутреннего сгорания и электростанции на ископаемом топливе, так что местные политики могли похвастаться чистотой атмосферы, превосходящей земные условия. Поэтому она с удовольствием вдыхала ночной воздух. Шума тоже не было. Низкий гул электромоторов не достигал такой высоты, а от шумного побережья Тару отделяла дистанция в три километра.

Слева, если бы она повернула голову, то увидела бы цепочки городских огней, тянувшиеся до самых предгорий.

Бледного света низкой серо-голубой луны Октиера было вполне достаточно, чтобы разглядеть изломанную стену пологих гор, выделявшихся на фоне ночного неба. Днем на их склонах виднелись террасы с длинными рядами кофейных деревьев. В густых зарослях пышной растительности, в стороне от извилистых дорог, ведущих к вершинам, мелькали белые корпуса поместий.

Два омоложения назад она сама жила там, вдали от неистового шума городов. В своих мечтах она порой думала о возвращении в сельскую местность, к более спокойной и неторопливой жизни — жизни вдали от своего напористого и целеустремленного мужа, Мортонна. Возможно, еще через пару омоложений она так и сделает, просто чтобы восстановить силы. Но не сейчас, пока быстрый жизненный ритм еще доставляет ей удовольствие.

Она вернулась в комнату, и балконные двери неслышно задвинулись. Тихо ступая босыми ступнями по тиковому дереву пола гостиной, она направилась в ванную комнату.

В цокольном этаже многоквартирной башни ее убийца вошел в помещение, где находился пульт энергосистемы. Он снял крышку с одного из блоков управления и достал из кармана портативное устройство. Прибор выпустил отрезок оптического кабеля со стандартным V-разъемом на конце, который был затем подключен к гнезду щитка управления. Несколько заново загруженных программ быстро установили контакт с основным оборудованием. Как только все было сделано, он вытащил разъем и аккуратно поставил крышку на место.

Пол и стены ванной комнаты Тары Дженнифер Шахиф были отделаны большими коричневыми мраморными плитами, а весь потолок занимало одно огромное зеркало. Приглушенные светильники по краю ванны, мерцавшие наподобие свечей, отбрасывали теплые розоватые блики. Сама ванна, утопленная в пол, была достаточно просторной для двоих и наполнена до краев, с добавлением ароматических солей. Как только она шагнула в воду, заработали круглые насадки и в ее тело мягко ударили струи воды. Она опустилась на встроенное сиденье и запрокинула голову на подушку. Эл-дворецкий включил музыкальную программу. Тара в приятной полудреме наслаждалась мелодиями.

Мортон уехал на неделю в Таланси, на другую сторону планеты, где участвовал в конференции с застройщиками, с которыми надеялся заключить сделку. «Аквастейт», компания, которую они вместе основали, выпускала полуорганические влагоулавливающие листы, снабжающие водой удаленные от центра дома, и начинала пользоваться популярностью. Мортону не терпелось воспользоваться успехом, чтобы начать публичное размещение акций, что принесло бы огромные деньги для дальнейшего развития. Его увлеченность работой означала, что все семь дней в неделю ей не надо было объяснять, где она находилась и чем занималась. Все это время она могла проводить с Вайоби Коталом, прелестным молодым человеком, которого она удерживала при себе. В основном ее привязанность была обусловлена его талантами в постели, но, кроме того, они выходили в город и посещали все приятные места и мероприятия. Все это делало их связь очень особенной. Вайоби проявлял интерес к тем сферам, которые Мортон игнорировал или попросту забывал в своей бесконечной одержимости развитием их компании. Следующие семь дней станут восхитительной передышкой, она это твердо решила. Ну а потом, возможно... В конце концов, они женаты уже тринадцать лет. Чего еще может требовать Мортон? Браки со временем всегда становятся скучными. Надо пожать друг другу руки и двигаться дальше.

Ее убийца прошел через вестибюль первого этажа, и его эл-дворецкий вызвал лифт, чтобы подняться на двадцать пятый этаж. В ожидании лифта он стоял под самой камерой безопасности, установленной над дверью. Но его это не беспокоило. В конце концов, он пришел сюда не со своим лицом.

Тара все еще раздумывала, что надеть сегодня вечером, как вдруг чарующая мелодия оркестра резко оборвалась. Свет в ванной комнате погас. Циркуляция воды прекратилась. Тара в негодовании открыла глаза. Отключение энергии — это так досадно. Она считала, что в таких апартаментах должны быть приняты все меры, чтобы избегать подобных неприятностей. Раньше такого никогда не случалось.

Прошло несколько секунд, но свет не загорался. Она приказала эл-дворецкому запросить домовую систему о причине неполадок. Он доложил, что ответ получить

невозможно, ничего не работает. Она раздраженно нахмурилась. Этого просто не может быть, ведь должны же иметься какие-то резервные и дублирующие системы.

Она подождала еще немного. В ванне было очень уютно, а она так хотела, чтобы в эту ночь с любовником ее кожа была безупречной. Но, несмотря на ее желания и проклятия, подача энергии не возобновлялась. Спустя некоторое время она поднялась на ноги и вышла из воды. Только теперь она поняла, насколько здесь темно. Она не смогла увидеть свои руки, даже поднеся их к глазам. Заглушая раздражением растущее беспокойство, она решила не искать полотенце. Вместо этого она осторожно вышла в коридор. Здесь, по крайней мере, были хоть какие-то проблески света, отражавшиеся от арки, ведущей в гостиную.

Тара поспешила в большую комнату, лишь смутно представляя, что ее мокрые ноги сделают с деревянным полом. Через балконное окно струился свет ярко переливавшегося города. Вся обстановка гостиной в этом освещении казалась черно-белой.

В холле кто-то шевельнулся. Большой. Бесшумный. Она повернулась.

— Что...

Убийца выпустил из сделанного на заказ пистолета нервноподавляющий импульс. На мгновение все мышцы в теле Тары окаменели. Импульс уничтожил почти все нервные окончания ее мозга, и смерть наступила мгновенно. Она ничего не почувствовала. Ее мускулы расслабились, и тело опустилось на пол.

Он подошел ближе и остановился на секунду, глядя вниз.

Затем он вытащил генератор стирающих память импульсов и приложил его к ее затылку, где находилась ячейка памяти. Генератор послал разряд. Убийца трижды повторил операцию, чтобы окончательно и бесповоротно уничтожить вставку. Не важно, какое роскошное тело клонируют для нее в процессе оживления, последняя фаза жизни Тары Дженнифер Шахиф утрачена навеки.

Эл-дворецкий киллера проинструктировал домовую сеть — и снова вспыхнул свет. Убийца сел на широкий диван лицом к двери и стал ждать.

Вайоби Котал появился через сорок шесть минут. На лице вошедшего в гостиную молодого, живущего первой жизнью парня играла порочная самодовольная улыбка, но при виде обнаженного тела на полу она сменилась выражением крайнего потрясения. Он едва успел заметить сидевшего на диване человека, как пистолет послал разряд.

Убийца снова проделал процедуру с импульсным генератором и тщательно стер из ячейки памяти Вайоби Котала воспоминания о нескольких последних месяцах, после чего он отправился в спальню для гостей и вытащил из стенного шкафа три больших чемодана и багажный короб. К тому времени когда он принес их в хозяйскую спальню, из службы доставки башни явились три робота с тележками и пластиковыми упаковочными ящиками.

Сперва он запихнул оба тела в самые большие ящики и тщательно их запечатал. Затем потратил два с половиной часа, чтобы собрать по квартире все принадлежавшие Таре вещи, наполнив ими оставшиеся ящики. Ее одежда поместилась в чемоданах и багажном коробе.

После окончания упаковки роботы загрузили вещи в тележки и на служебном лифте спустили их в помещение доставки, где уже поджидали два нанятых грузовика. Ящики с телами поместились в одной машине, а все остальное было погружено во вторую.

Наверху убийца выпустил воду из ванны, а потом приказал слугам-роботам произвести генеральную уборку апартаментов. Он оставил маленькие машины драить пол и стены в поисках грязи и пыли, а сам вышел, добросовестно погасив за собой свет.

Итак, она здесь, втиснутая в тесную кабину гиперглайдера, привязанного к голой скале Сторожевого каньона, в предрассветных сумерках ждет приближения шторма, несущегося со скоростью почти двести километров в час. В ее возрасте и при ее происхождении Джастина Бурнелли могла бы найти занятие и получше. Само собой, именно сейчас ей на ум приходили спа-процедуры, дорогие рестораны, танцы в роскошном ночном клубе и постель с шелковыми простынями (предпочтительно в компании мужчины). Единственная же доступная в этих местах роскошь сейчас удалялась от нее по предельно негостеприимному плато со всей скоростью, на которую были способны передвижные домики спасательного отряда. И все благодаря ее новой подруге Эстелле Фентон.

Они встретились в гостиной эксклюзивной клиники в Вашингтоне, услугами которой она обычно пользовалась. Обе женщины только что вышли из резервуаров после бесконечных сеансов физиотерапии, гидротерапии, массажа, ароматерапии и прочих процедур, предписанных для возвращения жизни мускулам, остававшимся в бездействии на протяжении четырнадцати месяцев. Несмотря на цветущий вид их обновленных тел, они двигались словно дряхлые старухи.

Все, кто находился в этой гостиной, только и могли, что сидеть в глубоких гелевых креслах перед венецианскими окнами да смотреть на лесопарк. Лишь очень немногие пользовались портативными устройствами, чтобы просмотреть сообщения и подать голосовые команды. Еще никто из них не вернул способности напрямую связываться с киберсферой. В процессе омоложения их тела были лишены большинства таких вставок, как процессоры и ОС-татуировки, а новых они еще не получили. Эстеллу в гостиную под руки ввели две санитарки, и ее красивая рыжеволосая голова беспомощно болталась из стороны в сторону при каждом шаге. Она упала в кресло с довольным вздохом.

— Мы вернемся за вами в три часа и отведем на сеанс гидротерапии, — сказала старшая медсестра.

— Большое спасибо, — с вымученной улыбкой ответила Эстелла. Улыбка исчезла вместе с вышедшими медсестрами. — Черт побери!

— Только что вышла? — спросила Джастина.

— Два дня.

— А я три дня назад.

— Боже, еще десять дней мучений.

— Но оно того стоит. — Джастина держала в руках буклет, который только что просматривала: он весь был посвящен снимкам и статьям о ее любимом модном магазине. — Подумать только, я уже лет десять не могла носить почти ничего, что здесь представлено.

Несмотря на то что ее подруги с почти религиозным рвением проходили процесс омоложения каждые двадцать (а то и меньше) лет, Джастина решила снова лечь в клинику только после того, как ее физический возраст приблизился к пятидесяти. Тщеславие не значилось в списке ее грехов.

— Я еще не в том состоянии, чтобы даже думать о нарядах, — сказала Эстелла. Она провела рукой по выбритому черепу с пятисантиметровой щеткой волос. — Сначала надо привести себя в порядок. Ненавижу короткие стрижки, всегда ношу волосы до пояса, а

теперь они отрастут не раньше чем через пару лет, — проворчала она.

— Это, вероятно, роскошное зрелище.

— Проблем с мужской компанией не возникает. — Она окинула взглядом гостиную. —

Проклятье, я даже на это не гожусь.

Клиника принимала только пациенток женского пола, что, впрочем, не мешало им в конце восстановительного периода предаваться запретным удовольствиям в своих комнатах. И дело было не только в полученных красивых телах — их организмы в буквальном смысле накачали гормонами и энергией. К моменту выписки после омоложения секс у всех пациенток был главным приоритетом, и они стремились по возможности сократить свое пребывание в клинике.

Джастина усмехнулась.

— Это ненадолго. Скоро ты со всех ног бросишься в ближайший «Молчаливый мир».

— Я там и прежде бывала десятки раз. Не хочу сказать, что пропущу это заведение, но на этот раз я планирую более волнующее развлечение.

— Вот как? Какое же?

Этим волнующим развлечением оказалось двухмесячное сафари на Дальней. Джастина почти наотрез отказалась к ней присоединиться, но чем больше Эстелла рассказывала — а она почти ни о чем другом не говорила, — тем сильнее эта идея завладевала ее мыслями.

В конце концов, Дальняя оставалась единственным по-настоящему «диким миром», где цивилизация еще не полностью поглотила самобытность местного населения. Поездка оказалась трудной и дорогой, климат и условия — более чем странными, да и корабль чужаков, называемый «Мария Селеста»^[2], все еще являлся загадкой для ученых, как и в первый день своего обнаружения. Ко всему прочему здесь имелась и геологическая аномалия — Великая Триада, величайшие в Галактике вулканы, образующие правильный треугольник.

Гиперглайдер Джестины был закреплен в самом устье Сторожевого каньона носом на восток, так что гора Зевс виднелась слева. Днем, когда наземная служба подготавливала гиперглайдер, Джастина смогла рассмотреть только нижний каменистый склон этого колосса, образующий одну из стен похожего на трубу каньона. Находящийся на вершине кратер еще никому не удавалось увидеть с поверхности — он вознесся на высоту семнадцати километров.

Справа от нее стоял Титан, единственный активный вулкан из трех, чей кратер выходил за границы атмосферы на высоте в двадцать три километра. Время от времени, по ночам, если извержение бывало особенно сильным, с южных равнин можно было увидеть мерцающее сияние над раскаленной лавой, словно за горизонтом всходил красный карлик. Ну а прямо перед ней, образуя невероятно ровный и массивный конец каньона, возвышался Геркуланум. При окружности основания приблизительно в семьсот одиннадцать километров, вулкан имел почти коническую форму, но обладал двойной вершиной, поднимавшейся на тридцать два километра над уровнем моря, далеко за границей тропосферы Дальней. К счастью, геологи относили его к полуактивным вулканам: за сто восемьдесят лет с момента поселения здесь людей на нем ни разу не было извержений, хотя порой происходили весьма внушительные толчки.

Что за явления могли способствовать образованию столь грандиозных вулканов на сравнительно небольшой планете, какой была Дальняя, до сих пор оставалось неразрешимой загадкой. Джастина, конечно, изучила научное обоснование этого явления, изложенное в

многочисленных статьях: колоссы, подобные горе Геркуланум, могли существовать только благодаря сорокапроцентной силе тяжести — в мире с нормальной гравитацией, подобном Земле, они обрушились бы под собственным весом. Отсутствие же тектонической плиты свидетельствовало о том, что лава просто накапливалась в одном и том же месте на протяжении многих тысячелетий.

Впрочем, никакие холодные размышления не могли уменьшить впечатления от развернувшегося перед ней величественного ландшафта. Ее окружала первобытная мощь и энергия, и нигде больше сила планеты не проявлялась с такой неукротимой яростью. И Джастина, сидя в маленьком жалком аппарате, решилась на безумную попытку подчинить ее своей воле, заставить выполнить свое желание.

Первые утренние лучи засияли на сланцево-сером небе в конце каньона, и она ощутила, что ее руки в полетных перчатках слегка дрожат. Она проклинала чертову Эстеллу Фентон. Даже осознание того, что Эстелла привязана к скале в таком же гиперглайдере в паре километров отсюда и видит тот же враждебный пейзаж, не помогало ей успокоить нервы.

— Шторм начинается, — донесся по радио чей-то голос.

На Дальней не было киберсферы; в сущности, за пределами Армстронг-сити и других крупных городов здесь не действовали никакие современные виды связи. Лет сто назад вокруг планеты летало несколько спутников, обеспечивающих зону покрытия над океаном и дальними районами суши, но Хранители Личности сбили их давным-давно. Теперь оставалось уповать на простое радио, хотя турбулентная ионосфера Дальней не способствовала устойчивой связи.

— Наблюдается какое-то движение. Ветер усиливается.

Джастина уставилась в прозрачный купол кабины, но не смогла заметить никакого движения внизу на скале. Там было нечему двигаться. Ураганы, налетавшие с океана Гонду, попадали между Зевсом и Титаном и с ревом устремлялись в единственный каньон, поэтому еще много веков назад из него были начисто выметены все частички почвы и мелкие осколки камней.

— Деррик! — позвала Джастина. — Ты меня слышишь?

Ответом ей стал только треск помех, усиливавшихся по мере того, как утренний свет заливал каньон.

— Деррик!

Караван грузовиков, внедорожников и мобильных домиков, должно быть, уже далеко, с горечью поняла она. Наземный отряд должен был уйти к подножию Зевса и укрыться от утреннего шторма в глубоком ущелье. Сумасшедшие пилоты гиперглайдеров теперь предоставлены самим себе. Выхода нет.

В уклончивой рекламе и ободряющих энергичных ознакомительных лекциях это обстоятельство как-то не акцентировалось. Упоминания о нем не было даже в дополнительной памяти, заключающей в себе навыки опытного пилота. Беспомощно ждать, пока ветер с океана не превратится из легкого бриза в сокрушительный ураган. Ждать и не иметь возможности что-либо изменить. Ждать, ждать. Ждать и волноваться. Ждать, пока ужас из самых глубин мозга не разгорится в ревущее всепоглощающее пламя.

— Как ты, дорогая? — спросила ее Эстелла.

— Отлично. — («Сучка!») — Должна признать, я начинаю немного нервничать.

— Нервничать? Счастливая! Я ужасно боюсь.

Джастина дала поручение эл-дворецкому снова начать предстартовую процедуру

проверки всех систем гиперглайдера. Даже при ограниченных возможностях бортовой аппаратуры эл-дворецкий добился превосходного согласования с внутренней системой и почти мгновенно выдал результат. Виртуальная картинка свидетельствовала о полной готовности и исправности машины.

— Напомни еще разок, почему я в это впуталась?

— Потому что это интереснее, чем завтрак, поданный в постель, — ответила ей Эстелла.

— В пятизвездочном отеле.

— На одном из Карибских островов с балконом на море.

— Где в воде резвятся дельфины.

Снаружи стало заметно светлее. Джастина наконец разглядела струйки песчинок, змеившиеся мимо гиперглайдера. Наверное, их принесло с побережья, решила она. Она подключила погодный радар к главному экрану и стала изучать разноцветные пятна, сталкивавшиеся и смешивавшиеся друг с другом. Шторм безусловно усиливался, красные потеки, отмечающие область высокого давления, просачивались повсюду, словно расширяющиеся свежие раны.

В какой-то мере она была рада, что шторм приближался с запада, подкрадываясь к ней сзади. Это означало, что ей не доведется смотреть, как грозовые тучи хищно поглощают все небо. Она и так была достаточно испугана. Даже сейчас она сомневалась, что решится совершить полет. Можно было просто остаться здесь; гиперглайдер с крыльями, убранными в гнезда под главным фюзеляжем, был сейчас похож на гладкую толстую сигару. Она могла не размыкать креплений, и пусть ветер ревет вокруг, пока все не закончится. Ей говорили, что многие, испугавшись в последний момент, так и поступали. Уже сейчас, в середине сезона штормов, ураган мог бушевать четыре-пять часов.

Через двадцать минут ветер стал настолько сильным, что гиперглайдер начал подрагивать. Если песок все еще летел, ей уже не было этого видно. Экран радара захлестнули красные потоки.

— Все еще здесь? — спросила Эстелла.

— Еще здесь.

— Теперь уже недолго.

— Ага. У тебя на радаре такая же картинка? Некоторые потоки уже достигают скорости в полторы сотни километров в час.

Цифровые значения, отмечающие скорость ветра, так быстро менялись, что значки стали расплываться. При таком раскладе центр бури окажется над головой минут через сорок или пятьдесят, а она именно этого и ждала. Если сорваться с места сейчас, гиперглайдер просто врежется в подножие Геркулеса.

Радиоэфир наполнился глупыми шутками и нервной бравадой. Джастина не принимала участия в переключке, но слушала голоса, принесшие неожиданное спокойствие. Они помогли ей избавиться от ощущения одиночества. Тучи уже помчались по небу, постепенно спускаясь все ниже, и закрыли поднимающееся солнце, превратив ясное утро в мрачные сумерки. Вдали она уже видела размытые потоки ливня. Скала вокруг гиперглайдера заблестела от тонкого слоя влаги.

— Ветер поднялся до сотни, — обратилась к ней Эстелла. Ее голос звенел от ужаса, смешанного с радостным возбуждением. — Я готова стартовать. Увидимся на той стороне, дорогая.

— До встречи! — закричала Джастина.

Фюзеляж яростно дрожал и звонко постукивал; сквозь надежно укрепленный колпак кабины стал пробиваться вой ветра. Изображения на дисплеях расплывались, не успевая сфокусироваться на пульсирующих и вибрирующих разноцветных линиях. Ей приходилось полагаться только на основные показания, отраженные в виртуальном зрении. Снаружи не было видно ни стен каньона, ни неба — все исчезло в сером тумане.

И вот настал ее час. Скорость ветра в Сторожевом каньоне превысила сто шестьдесят километров в час. Радар показывал, что передний край шторма сейчас прямо перед ней, бушует вокруг вершины Геркуланума. Эти вихревые потоки и должны унести ее далеко-далеко. Без них полет был бы очень коротким и имел бы весьма печальный конец.

Она положила руки на панель с точечными контактами и обхватила рукоятки пальцами; слоистый пластик потек по ним, предохраняя от последствий неминуемой болтанки. Осуществив связь на запястьях через точечные контакты образовали связь ее нервной системы с бортовой аппаратурой. Перед виртуальным взглядом появились призрачные руки. По ее желанию у них были длинные тонкие пальцы с зелеными ногтями и сверкающими неоновыми кольцами. Среди иконок материализовался джойстик, и она обхватила его виртуальной рукой. Другая рука стала нажимать иконки, проводя финальную проверку. Как только загорелся последний зеленый огонек, она дала команду бортовой сети выдвинуть крылья.

Утолщения из слоистого пластика под фюзеляжем набухли и превратились в небольшие толстые дельтовидные крылья. Добравшийся до них ветер мгновенно усилил гул. Крепления натянулись до предела. Джастине оставалось только молиться, чтобы углеродистотитановые якоря, забитые командой сопровождения на пятьдесят метров вглубь в голую скалу, выдержали еще несколько минут.

Внутренний голос напомнил ей, что это был ее последний шанс передумать и остаться в живых.

Джастина шевельнула виртуальной рукой и щелкнула по символу переднего крепления. Замки разошлись, и гиперглайдер отчаянно заметался из стороны в сторону.

На помощь пришли навыки из имплантированной памяти. Джастина чуть повернула джойстик, заставив крылья опуститься вниз на несколько градусов. Одно прикосновение к символу заднего крепления — и два троса вытянулись. Гиперглайдер, все еще яростно раскачиваясь, поднялся в воздух метров на двадцать, словно пытаясь освободиться от оставшихся пут. Джастина остановила растяжение тросов и приступила к тестированию плоскостей управления. Задняя часть гиперглайдера быстро превратилась в лопасть вертикального стабилизатора. Крылья еще немного увеличились и повернулись, обеспечивая увеличение подъемной силы. После потери контакта с поверхностью пронзительный гул вибрации значительно ослабел, хотя и не исчез полностью. Теперь оставался лишь устрашающий рев ветра, скорость которого приближалась уже к двумстам километрам в час.

Теперь гиперглайдер представлял собой гигантский воздушный змей. Джастина очень осторожно увеличила длину задних креплений. Тросы заплясали вокруг кабины, и гиперглайдер рванулся прочь от земли. Через две минуты тщательных манипуляций она поднялась на сто метров. Земли не было видно, чему Джастина искренне порадовалась. Несущиеся клочья тумана скрывали все, что находилось дальше двух-трех десятков метров. Капли дождя, попадавшие на прозрачную поверхность купола, мгновенно стекали, прогоняемые ураганными порывами ветра. Неистовую тряску постепенно удалось

уменьшить поворотом плоскости крыльев, и затем Джастина стала снова увеличивать длину тросов.

Через двадцать пять минут после отрыва от земли она поднялась на тысячу четыреста метров. Подъем проводился с величайшей осторожностью, но тросы крепления раскачивались в такт, отчего у нее стало сводить челюсти. Джастина начала трансформировать гиперглайдер для свободного полета. Крылья раздвинулись до своего полного размаха, в сто десять метров, и одновременно изогнулись, приняв форму полумесяца; сверху гиперглайдер теперь стал похож на гигантское лезвие ятагана с каплевидной кабиной в центре изгиба. Позади кабины фюзеляж вытянулся по вертикали, образовав треугольный стабилизатор, и его кончики она поворачивала почти инстинктивно, чтобы машина держалась строго по ветру.

Она поднялась на полторы тысячи метров. Крылья еще немного изогнулись по всей длине, в полной мере соответствуя направлению ветра и обеспечивая максимум подъемной силы. При взгляде на экран Джастина с трудом поверила своим глазам: цифры показывали, что прочность удерживающих ее креплений уже достигла предела.

Джастина сделала глубокий вдох, прислушиваясь к реву разбушевавшейся стихии. Если хватит смелости, это будет уникальный полет. Если... Она вспомнила все свои прожитые годы. С этой ужасающей высоты они показались ей почти одинаковыми и невероятно скучными.

Виртуальный палец двинулся вперед и почти нехотя коснулся иконки разъединения креплений.

Гиперглайдер вырвался на свободу, и сила инерции прижала Джастину к спинке кресла, вернув вес, почти не ощущавшийся с момента высадки на Дальней. Машина со скоростью двести километров в час помчалась к выходу из Сторожевого каньона и сразу же, накренившись на правый борт, начала понемногу снижаться. Джастина повернула джойстик, чтобы восстановить равновесие — не рывком, но плавно и твердо изменяя угол наклона крыльев в соответствии с потоком воздуха. Реакция последовала мгновенно: гиперглайдер взмыл вверх. Затем его стало поворачивать вдоль горизонтальной оси, и Джастине пришлось подрегулировать кончики стабилизатора.

В эти мгновения все ее внимание сконцентрировалось на единственной задаче — удержать гиперглайдер на курсе. От внешнего мира ее отгораживала не только пелена бесформенных туч: взгляд Джестины не отрывался от дисплея высоты и радара. Сторожевой каньон постепенно сужался, и ей приходилось выравнивать гиперглайдер точно по центру. Каменные стены словно стремились сомкнуться друг с другом и становились все круче, и в результате возрастала вибрация машины. Неистовая турбулентность постоянно грозила закружить гиперглайдер штопором и сбросить вниз.

В этой изматывающей борьбе за власть над машиной Джастина потеряла счет времени. Если подняться слишком высоко, мощные потоки воздуха унесут гиперглайдер в сторону, и она закончит полет где-нибудь на продуваемых ураганом и усеянных валунами склонах Зевса или Титана, в сотнях километров от вспомогательных машин каравана.

Радар без всякого предупреждения показал, что до выхода из каньона остается двадцать пять километров. В этой точке, равноудаленной от всех трех вулканов, гора Геркуланум казалась обычной вертикальной скалой высотой шесть километров. Гиперглайдер Джестины находился на высоте три с половиной километра. Скорость ветра продолжала возрастать. На погодном дисплее огненными лентами полыхали смертоносные потоки и возвратные вихри,

бьющиеся о скалы. Обрывки туч сошлись в непрерывную мрачную пелену.

Джастина слегка втянула крылья, жертвуя силой тяги ради увеличения маневренности. За прозрачным куполом кабины начался настоящий ливень из крупных и тяжелых капель. Как ни странно, видимость стала улучшаться. Высокое давление словно выжимало влагу из туч. Капли на мгновение сливались, и лишь потом их уносили яростные потоки воздуха. Давление неустанно росло, и капли становились еще крупнее. Вокруг фюзеляжа уже бурлили и пенились почти горизонтальные потоки воды.

До скалы оставалось двенадцать километров, а она летела в трех километрах над дном каньона. Ливень стал таким сильным, что гиперглайдер словно скользил внутри насыщенной воздухом гигантской волны. Из-за склона вулкана выглянуло солнце, осветило верхнюю часть стен каньона и вдруг озарило брызги вокруг гиперглайдера. Мир засиял тысячами сверкающих осколков радуги, беспрестанно затухающих и вспыхивающих вновь. Великолепный вид вызвал у Джестины восхищенный смех.

В трех километрах перед ней разрозненные струи сливались в один извивающийся поток, несущийся в двух километрах над Сторожевым каньоном. До скалы оставалось еще два километра. Каменная преграда стояла в самой узкой части каньона, где давление возрастало до максимума, а у пенящейся реки имелся только один выход.

Джастина провела гиперглайдер над самой водой и смотрела вниз, не веря своим глазам. Радуги внезапно погасли. Вместо них в поле ее зрения ворвалась скала, уходившая отвесными стенами чуть ли не к самому небу. Прямо перед ней летящая река вздыбилась и начала невероятно долгое восхождение к свободе, и поток воздуха вместе с ней поменял направление на вертикальный подъем. Ураган взорвался оглушительным грохотом, и скорость ветра возросла до трехсот двадцати километров в час. Молодая женщина сознавала, что сама вопит во весь голос, но ворвавшаяся в рубку какофония бури заглушала все остальные звуки.

Гиперглайдер развернуло вертикально вверх. Сила тяжести снова вдавила Джастину в кресло. От страха потерять связь с точечными контактами она обхватила рукоятки так, что побелели костяшки пальцев. Она с трудом заставила крылья машины повиноваться ее командам в отчаянной попытке сохранить стабильное положение в гейзере воздуха. Вода, отвергая силу притяжения, поднималась отвесно по скале вместе с ней. Хотя управление гиперглайдером и поглощало все ее внимание, Джастина потратила пару драгоценных секунд на то, чтобы полюбоваться невероятным явлением — водопадом, несущимся вверх.

На высоте около пяти километров пенящийся каскад воды начал оседать. Разъяренный ураган, добравшись до верхнего края каньона, вырвался на свободу. Скорость ветра и давление стали падать. Все это время Джастина держала курс строго по центру. Гиперглайдер взлетел над скалой, оставив позади две гигантские волны воды и тумана, лебедиными крыльями падающие на нижние склоны вулкана. Только в центре вихря ветер снова завыл, швыряя машину вперед и вверх.

Внизу под ней стала видна громада горы Геркуланум, мрачный участок раздробленного в гравий камня тянулся вдоль каньона на десятки километров. Унылая серость постепенно уступала место более оживленным пятнам цвета охры и зелени — там смогли отвоевать себе место самые стойкие растения. За мельчайшие трещинки цепко держались корнями крошечные травинки, а дерзкие колонии тропического мха облепили огромные бульжники. Ураган продолжал бушевать, огибая склоны с юга и севера, стремясь к более спокойным небесам на востоке.

Джастина опять изменила угол наклона крыльев, сохраняя скорость и при этом поднимаясь еще выше. Она держала курс точно между каньоном и вершиной, не отклоняясь ни в одну сторону. Теперь под ней проплывали луга, покрытые травой и редкими приземистыми кустами. Умеренный климат, растения, терзаемые неослабевающими штормами, но тем не менее всегда цветущие. Двойная волна низвергающейся воды осталась в пятнадцати километрах позади нее, и тучи постепенно разошлись влево и вправо, отыскивая собственный маршрут к вулкану. Джастина выбрала свой путь по чистому небу. Ее гиперглайдер набрал колоссальную скорость, достаточную, чтобы унести вдаль от урагана, но для ее конечной цели этого было мало. Она обратилась к погодному радару.

Мало ей было угрозы от средней части вулкана, как на его истерзанных склонах появились еще и сильные смерчи, возникшие в результате возмущения воздушных масс. Она отчетливо видела их коричневатые извивающиеся столбы, мечущиеся взад и вперед над самой землей. Они вырастали до всевозможных размеров — от тонких спиралей пыли до плотных, грозных вихрей в несколько километров высотой. Бортовая система отмечала их курс, исключая слишком слабые и слишком далекие от ее цели. Но все они без исключения оставались непредсказуемыми. Вот здесь приходилось полагаться на человеческую интуицию. И на удачу.

Она выбрала один смерч в двадцати километрах перед ней и немного южнее, чем хотелось бы. Но он поднимался на пять километров ввысь и, прокладывая свой хаотичный путь, затягивал валуны размером с автомобиль. Джастина выполнила вираж и направила на него нос гиперглайдера. Она немного спустилась и на этом выиграла в скорости. Крылья и вертикальный стабилизатор еще немного вытянулись, но при этом стали тоньше. Ее взгляд не мог оторваться от неистовых пируэтов основания смерча, отчаянно пытаясь разгадать рисунок этого завораживающего танца и его следующие движения.

Ее спуск превратился в бесстрашный прыжок. Она раскачивала аппарат в такт основанию смерча — предугадывая и копируя все его повороты. Крылья и стабилизатор уменьшились до состояния коротких обрубков, так что контроль был минимальным. До земли оставалось едва ли больше пятисот метров. Смерч впереди нее снова вильнул в сторону. Она знала, что еще пару секунд он останется на том же месте, и рывком передвинула джойстик вперед, нацелив нос точно в центр столба. В последний момент она круто повернула вверх. Горизонт рухнул вниз, оставив перед ней только небо, сменившее бирюзовое сияние на невероятно глубокий индиго.

В следующее мгновение гиперглайдер прорвался в центр смерча. Взбесившаяся пыль и песок окружили фюзеляж тесными объятиями. Крылья и задний стабилизатор свернулись, образовав короткий пропеллер, а нос, совершив круглую дугу, указывал вертикально вверх, вдоль изменчивого и ненадежного столба вращающегося воздуха. Крылья мощным толчком подбросили машину ввысь. Всевозможные частицы, от песчинок до потенциально опасных камней, застучали по фюзеляжу. Удары следовали так часто, что ей показалось, будто гиперглайдер попал под обстрел. Индикатор уровня структурной прочности быстро перескочил в тревожный желтый сектор. При виде камней, летящих в прозрачный купол кабины почти в футах от ее лица, Джастина почти непрерывно вздрагивала.

Но, несмотря ни на что, это был потрясающий момент. Не каждый добирался до этой ступени. Кто-то разбивался о дно или стены Сторожевого каньона. Другие, кому удавалось преодолеть взлетающий водопад, не могли найти подходящего смерча или войти в него. Но ее внедренные воспоминания сделали свое дело, от нее требовалась лишь решимость их

применить. Ради этого она и приехала в это место: выяснить, осталась ли она той же безудержной и беззаботной личностью, которую помнила со своей первой жизни.

За спиной громко взвыли моторы, гасящие вращательное движение фюзеляжа. Это обеспечивало устойчивость и равновесие кабины. По крайней мере, так говорилось в теории. Головокружение и тошнота все еще беспокоили ее, но визуальных подтверждений вращения не было. Виртуальная графика указывала на слабые вибрации, компенсируемые бортовой аппаратурой. Ускорение до боли прижимало ее к сиденью.

Уже через несколько мгновений гиперглайдер выскочил из верхушки смерча, словно ракета из пусковой шахты. За очень короткое время, проведенное в сердцевине смерча, его скорость удвоилась. Моторы снова заработали, предотвращая вращение. Крылья и стабилизатор гиперглайдера вытянулись, приобретая нормальные очертания: крылья стали прямыми и узкими, а хвост — крестообразным. Впрочем, удержаться им здесь было почти не за что — гиперглайдер быстро и плавно скользил в стратосфере. Тем не менее Джастина слегка повернула крылья, чтобы изменить курс. Машина следовала по баллистической кривой, вершина которой находилась в девяти километрах над горой Геркуланум.

Джастина наблюдала, как падают показатели давления, пока приборы не зарегистрировали снаружи полный вакуум. Цвет неба вместо синего стал черным. Вокруг повсюду сверкали звезды, а кабину заливал ослепительно яркий солнечный свет.

Контраст поражал воображение. За несколько секунд она перенеслась из безумного буйства шторма в безмолвное спокойствие космоса. Здесь опасность грозила ей ничуть не меньше, чем в горниле шторма, но Джастина почему-то чувствовала себя спокойнее. Безумное сердцебиение стало выравниваться. Она отстегнула плечевые крепления и вытянула шею, чтобы осмотреться.

Гиперглайдер почти достиг вершины Геркуланума и продолжал подниматься. Нижние склоны вулкана скрывались под пеленой туч. Далеко позади ураган, вырываясь из Сторожевого каньона, буйствовал над каменной преградой. Повернув голову вправо, она смогла заглянуть в кратер вулкана Титан: в самом его центре дьявольским огнем мерцали отблески лавового озера, наполовину закрытого густым черным дымом. Толстые черные щупальца тянулись вверх, частично рассеивались у края кратера и хлопьями серого пепла осыпались на верхние склоны горы. Джастина разочарованно вздохнула, не застав полного извержения; местные жители с восторгом рассказывали о горе Судьба (как они почти всерьез называли эту вершину) в ее полном блеске.

В восьми с половиной километрах над горой Геркуланум гиперглайдер достиг максимальной высоты, и его траектория, уступая слабому притяжению Дальней, стала понижаться. Линия горизонта поднялась над носом машины — хрупкая белая черта под чернотой космоса. Прямо под гиперглайдером виднелась двойная кальдера: два огромных углубления в тускло-коричневом плато отвердевшей лавы и шлака.

Радио Джестины на фоне бесконечных помех уловило несколько разрозненных слов от групп, поднимающихся на лишенные воздуха склоны. Восхождение на Геркуланум являлось еще одним из основных развлечений Дальней. Подъем был не слишком труден, склоны достаточно пологие, а уменьшенная сила тяжести обеспечивала приезжим из других миров легкую прогулку. Однако на последнем отрезке пути приходилось надевать скафандры, а единственный стоящий вид, хотя и по-настоящему великолепный, открывался с Трона Афродиты — так назывались скалы чуть ниже края кальдеры. Тех же, кто хотел добраться до наивысшей точки вулкана, ждал долгий и утомительный переход по лунному ландшафту.

Нос гиперглайдера теперь немного опустился, и весь мир к востоку от вулкана заполнила Дальняя. Со своего великолепного наблюдательного пункта Джастина могла видеть и протянувшийся к югу горный хребет Дессо — из-под мягкого водоворота облаков торчали его невысокие острые вершины. Они стояли на страже огромной пустыни, расположенной южнее экватора, холодной неприветливой области, почти лишенной облачности. Дальше к востоку были заметны мазки зелени, там начинались степи, протянувшиеся к Северному морю и Армстронг-сити.

Отчетливо различимый изгиб горизонта создал у Джестины впечатление, будто она, словно древний мифический бог, взирающий на землю, обзревает все полушарие планеты. На самом деле размеры Дальней превосходили размеры Марса, но ее величина, хоть и ограничивала реальное поле зрения, ничуть не умаляла колоссальной перспективы. К тому же Дальней недоставало мягкости структуры, дарованной древними богами горе Олимп. Под белыми облаками расстилались унылые серые и коричневые просторы. Несмотря на почти два столетия, прошедшие после появления здесь людей, планета так и не восстановилась после колоссальной и едва не ставшей смертоносной для всего живого вспышки, привлекавшей сюда человечество. Упорные энтузиасты разбрелись из Армстронг-сити по всей планете, начали сеять семена и распространять полезные почвенные бактерии на огромных просторах пыльных пустынь; но биосфера все еще была очень скудной, и прогресс оживления планеты продвигался крайне медленно. Большую часть поверхности составляли пустыни и выжженная земля; радиацию пережила лишь малая часть коренной флоры и фауны. Зелень же, которую заметила Джастина, была привезена сюда издалека в почти мертвый мир.

Гиперглайдер тихо и плавно парил над высокими скалами Трона Афродиты, преграждавшего путь к вершине Геркуланума с восточной стороны. На несколько километров ниже вулкан опоясывало кольцо ледников, растянувшееся на голых скалах на сотни метров. Солнце, отражаясь в зернистом раздробленном льду, создавало в верхних слоях атмосферы красочное сияние. Еще ниже притаились альпийские леса из генномодифицированных земных сосен, завезенных сюда в качестве маяка жизни, различного с расстояния в сотни километров. В благодарность за ощущение комфорта Джастина улыбнулась им, словно старым друзьям.

Машина спустилась до верхних слоев атмосферы, и по радару побежали прозрачные голубые и зеленые волны, отмечавшие уровень наружного давления. Джастина снова выдвинула крылья и задала им дельтовидную форму. Спустя некоторое время, когда воздух еще более сгустился, кабину опять стало потряхивать. Баллистическое скольжение уступило место аэродинамическим силам.

Джастина неторопливо прогнала мечтательное забвение, охватившее ее во время полета над вулканом. Пора было принимать практическое решение. С такой высоты она легко могла пролететь еще четыре или пять сотен километров и избежать близости вулкана. Но если продолжать двигаться в том же направлении, она окажется в горах Дессо, тогда как поворот на юг или север приведет ее в разделившиеся потоки урагана. Кроме того, надо считаться с расстоянием: чем дальше она сейчас улетит, тем дольше ей придется ждать вспомогательного каравана. Джастина изменила наклон гиперглайдера, чтобы нос приподнялся вверх, позволив воздуху уменьшить его скорость. Снижение стало интенсивнее, но она шла вдоль склона, и расстояние до земли оставалось постоянным. Вокруг замелькали облака, ярко освещенные сиянием ледника. Из пелены облачности гиперглайдер вырвался

уже над поясом сосновых лесов. За ними Джастина различила просторные луга. Там было бы легко приземлиться, но высота еще слишком большая. Будет холодно.

По мере снижения луга становились все более пышными и зелеными. Налетавшие с нижних склонов гор порывы ветра сильнее встряхивали гиперглайдер. Среди травы стали попадаться кустарники и деревья, быстро переходящие в густые тропические леса, словно покрывалом затянувшие восточную часть подножия вулкана. Глядя вниз, Джастина различала черные точки птиц, порхавших среди вершин деревьев. Гиперглайдер находился уже в восьми тысячах километров от точки старта, и это по прямой линии. Каравану, даже чтобы добраться до Геркуланума, придется сначала обогнуть гору Зевс. Джастина вздохнула и направила гиперглайдер вниз, к древесному пологу.

Вблизи лес оказался не таким густым, как ей показалось. Она различала открытые участки, пологие низины с быстрыми светлыми ручьями, где не было ни одного дерева, и опасные каменистые выступы. Несколько раз ей на глаза попались скачущие по лужайкам животные. Здесь программа восстановления биосферы планеты, проводимая Содружеством, достигла немалых успехов.

Радар переключился в режим картографической съемки местности. Джастина стала искать просторный открытый участок, чтобы приземлиться. В крайнем случае гиперглайдер мог бы сесть на площадке длиной всего в сотню метров, но она не хотела рисковать. К счастью, радар показал подходящий участок в двух милях к северу. Джастина развернула нос машины и легко отыскала среди деревьев открытое пространство. Ничего опаснее груды камней там не было. В режиме высокого разрешения радар показал вдоль края открытой площадки узкую неглубокую ложину. Джастина стала выравнивать курс перед посадкой: снова уменьшила крылья и усилила их кривизну. Граница открытой площадки устремилась ей навстречу. Три экрана на панели неожиданно покрылись беспорядочными цветными вспышками.

— Дерьмо!

Ответ эл-дворецкого поступил с некоторым опозданием: несколько процессоров бортовой системы вышли из строя, отказали даже некоторые из ее собственных вставок.

— Что происходит? — спросила она.

Виртуальные руки вспыхнули и испарились.

Порыв ветра бросил гиперглайдер на правый борт. Кабина резко накренилась, вызвав у Джастины испуганный стон. Дисплеи на панели ничем не смогли помочь.

— Множественные повреждения системной электроники, — доложил эл-дворецкий. — Компенсирую потери для обеспечения основных функций. — (В виртуальном поле зрения снова появились руки.) — Контроль восстановлен.

Джастина автоматически отреагировала на опасный наклон поворотом крыльев. Маленькое суденышко неохотно послушалось, и она усилила маневр. Отведя взгляд от панели, Джастина выругалась: гиперглайдер уже летел над открытой площадкой и быстро терял высоту. Затем все дисплеи вновь ожили, и органы управления снова заработали нормально.

Она приступила к посадке. Крылья повернулись почти на девяносто градусов, погасив оставшуюся скорость практически до нуля. Машина словно налилась свинцом и стала стремительно падать. В двадцати метрах от земли она снова выдвинула крылья. Они превратились в гигантские тонкие вогнутые треугольники, обеспечив наибольшую подъемную силу, какая только была доступна при критически малой скорости. Посадочное

шасси выскочило вовремя. А потом машина еще сорок метров тряслась по земле, пока не замерла окончательно. Крылья и стабилизатор втянулись в свои гнезда.

Джастина с облегчением выдохнула. С громким шипением разошлись герметичные крепления кабины, и купол медленно поднялся. Затем с пальцев сошли слои пластика, и она выпустила рукоятки управления. Отстегнув застёжки, сняла шлем. А когда откинула со лба мокрые от пота волосы, с ее губ сорвался нервный смешок. Вся электроника гиперглайдера снова работала нормально.

Ее гиперглайдер приземлился на покато́м косо́горе среди травы и каких-то растений с пурпурными листьями, достававшими почти до середины фюзеляжа. В двадцати метрах слева журчал ручей. От горячего влажного воздуха она снова вспотела. Над головой перекликались птицы. Поляну окружала стена джунглей, переплетенная толстыми канатами лиан с миллионами голубых цветов.

Джастина перевалилась через борт кабины и спрыгнула на землю, из-за слабого притяжения описав плавную дугу. Только тогда она осознала колоссальное значение происходящего. Обе ноги у нее подогнулись, и она упала на четвереньки. Глаза заволокло слезами, все тело сотрясала крупная дрожь, она одновременно смеялась и плакала.

— Господи Иисусе, я сделала это, — всхлипывала она. — Я смогла, я смогла, черт побери, я смогла.

Смех грозил перерасти в настоящую истерику. Джастина вцепилась в траву и постаралась успокоиться. Давно она не испытывала таких сильных ощущений, это явный признак истинной молодости.

Она справилась с дыханием и тыльной стороной руки провела по глазам, смахивая слезы. Осторожно, не совершая резких движений, поднялась на ноги. При такой силе тяжести инерция была вполне способна влиять на координатацию. Над головой пролетели птицы, но все остальное вокруг оставалось неподвижным. Солнце сияло, заставляя прищуривать глаза. Жар его лучей пощипывал кожу на лице. А влажность!

Она сделала глубокий вдох и начала выпутываться из полетного скафандра. Элдворецкий тем временем привел в действие локализатор. Позади открытой рубки на фюзеляже разошлись небольшие створки, и оттуда выскользнул сверток блестящей ткани. Он быстро раздулся в блестящий сапфировый шарик и взмыл в небо, таща за собой тонкую проволоку антенны.

Джастина, намазавшись солнцезащитным кремом, убедилась в исправности передатчика. Она не стала снимать ботинки, но полетный костюм сменила на простые белые шорты и облегающую футболку. Члены конвоя в один голос уверяли, что здесь, по крайней мере в Великой Триаде, нет никаких опасных зверей, а барсумианцы с их жуткими животными находились по другую сторону Дубового моря, так что этот костюм здесь вполне подойдет.

На запястье она надела подарок последнего мужа — многофункциональное устройство в виде браслета из малметалла с изумрудами по краю. Она со смехом вспомнила, как использовала его колоссальные возможности на распродажах в крупных универмагах и отсутствие чувства юмора у мужа, ускорившее их развод на несколько лет.

Браслет мягко защелкнулся, и его точечный контакт подсоединился к ее ОС-татуировке. Возможности ее элдворецкого мгновенно возросли в соответствии с мощностью системного блока. Тогда она приказала открыть грузовой отсек гиперглайдера, расположенный под кабиной, и проверила имевшиеся в наличии запасы. Вспомогательным

экипажам может потребоваться до трех дней для ее обнаружения, а у нее имелся запас пищи на неделю и сухие пайки еще на тридцать дней, хотя она надеялась, что ей не придется ими воспользоваться.

Прямо под крышкой грузового отсека туристическая компания приготовила ей в подарок бутылку охлажденного шампанского в термопакете и коробку шоколадных конфет. Подарок ей понравился, но в первую очередь она достала из личных вещей солнечные очки — дорогую вещицу в виде стального ободка, плотно прилегающего к лицу, — и тотчас надела их. Вслед за очками появилась старая потрепанная шляпа. Она купила ее в Австралии несколько десятилетий назад; эта нелепая дешевая вещь повидала больше планет, чем видят обычные люди, и под разными солнцами выгорела почти добела.

— Ну ладно, а что же все-таки случилось с электроникой? — спросила она эл-дворецкого, снимая обертку с коробки конфет. На жаре они уже начали таять.

— Причина отказа системы неизвестна. Для проведения детального анализа в бортовой системе недостаточно диагностических средств.

— Должна быть какая-то индикация.

— Она указывает на внешнее воздействие. Эффект аналогичен воздействию электромагнитного импульса.

Джастина, не доев шоколадную клубничку, потрясенно оглянулась вокруг.

— В меня кто-то стрелял?

— Неизвестно.

— Это могло быть природным явлением?

— Неизвестно.

— Но это возможно?

— В системе нет данных о возможных природных воздействиях.

— Ты улавливаешь какую-нибудь электромагнитную активность?

— Нет.

Джастина внимательно осмотрела деревья, окружавшие поляну. Привыкнув получать от эл-дворецкого более определенные ответы, она не испугалась, скорее, просто рассердилась. В пределах Содружества любые сведения находились в широком доступе, но здесь, вне действия унисферы, информация оказалась драгоценным ресурсом. При этом возможность попасть под обстрел, хоть и весьма малая, все же имелась.

Во-первых, здесь обитали Хранители Личности, бродившие по всей планете. Всем известно, что они хорошо вооружены и склонны к проявлениям жестокости. Кроме того, были еще и просто местные жители, желавшие неплохо заработать на продаже вставок памяти погибшего пилота. Семья заплатила бы неплохое вознаграждение за полное сознание своего неудачливого родственника на случай посмертного клонирования. Полеты на гиперглайдерах были очень опасны, и каждый год погибали десятки туристов. Многих отыскивали вспомогательные группы туроператоров, и их карты памяти возвращались домой. Но те, чей полет трагично обрывался вдали от обычных трасс, рисковали пропасть на долгое время. У местных, добравшихся первыми до места крушения, было достаточно времени, чтобы вырезать из трупа вставки памяти. Так что здесь вполне могли существовать группы, провоцирующие катастрофы.

Если эм-импульс был послан с целью ее сбить, они отвратительно справились со своей задачей, подумала она.

В задней части грузового отсека лежал маленький ионный пистолет для ее «личной

безопасности», если на месте приземления обнаружится какая-то угроза. Но в караване никто не уточнял, какого рода угроза может ей встретиться, и все, видимо, подразумевали просто диких животных. Джастина бросила на оружие задумчивый взгляд и приказала эл-дворецкому запереть этот отсек. Если за ней охотится преступная банда, у нее все равно не будет ни единого шанса.

— Пора прояснить обстановку, — сказала Джастина, обращаясь к гиперглайдеру.

Ее голос на просторной безмятежной поляне прозвучал неестественно громко.

Она наполнила фляжку водой из ручья, и полуорганическая пробка, всасывая мутноватую жидкость, сразу же очистила и охладила ее. Затем Джастина углубилась в лес, используя инерциальную навигацию прибора на запястье.

Ей потребовалось немало времени, чтобы преодолеть около тысячи метров до того места, где, по ее грубым расчетам, находился источник помехи. Буйный подлесок, даже в тех местах, где он был невысоким, перевивали крепкие, словно канаты, лианы и другие ползучие растения. Всю дорогу ей приходилось постоянно обходить препятствия. Ни разу она не встретила ни малейших признаков животных или людей и не слышала никаких голосов.

По мере приближения к цели она чувствовала себя все более глупой. Она слишком поспешно сделала выводы. Под влиянием адреналина вообразила себе пиратов и разбойников. Теперь уже было пора возвращаться к реальности: она покрыта потом из-за жары, все время вынуждена отводить от лица колючие листья, ботинки вязнут в сырой торфянистой почве. Единственное благоприятное обстоятельство заключалось в том, что здесь отсутствовали насекомые, по крайней мере плотоядные. Таких разновидностей команда по восстановлению жизни сюда не завозила. Хотя вокруг ног Джестины вились десятки многоногих пчел, все они были ей незнакомы. Большая часть растений тоже казалась чужой для жительницы Земли.

Минут через двадцать Джастина остановилась. Она уже была готова посмеяться над своими выводами. Здесь не наблюдалось никаких признаков человеческой деятельности. Даже если бы поблизости имелась шайка пиратов, подкрадывающихся к месту ее приземления, они ничего не стоили, раз ждали, пока она придет им навстречу.

— Ты что-нибудь улавливаешь? — спросила она у эл-дворецкого.

— Датчики прибора регистрируют слабые следы электромагнитной активности, — ответил он. — Источник определить трудно. Он действует циклично.

— Какой-то вид радиосигнала?

— Нет. Это широкополосное излучение без признаков модуляции.

— Последовательность импульсов?

— Это могло бы соответствовать информации сенсоров.

— Какое оборудование способно генерировать такой сигнал?

— Неизвестно.

— Ладно, покажи мне направление, откуда он приходит.

Эл-дворецкий представил ее виртуальному взгляду простейшую карту. Джастина снова отправилась в путь, разводя перед собой лианы.

— Импульс только что повторился, — сказал эл-дворецкий, как только она прошла пятьдесят ярдов. — Его мощность возросла. Сенсоры регистрируют некоторую степень остаточной активности. Конфигурация не подлежит определению.

— Я иду в верном направлении?

— Да.

— Как насчет длительности импульса? Она совпадает с тем, что поразил гиперглайдер?

— Довольно близко.

Деревья впереди немного расступились. Впрочем, это могло быть лишь плодом ее воображения. Подлесок и лианы уж точно не стали реже. На ногах у нее появились длинные царапины.

Виртуальная карта вдруг пропала.

— Что происходит?

Ответа от эл-дворецкого не последовало. Она остановилась и взглянула на браслет. Маленькая лампочка питания под одним из изумрудов мигала красным светом.

— Перезагрузка завершена, — внезапно доложил эл-дворецкий.

— Тебя поразил импульс?

— Информации о событии не сохранилось. Повторный импульс может быть причиной события.

— Ты в состоянии защититься от еще одного такого импульса?

Ответом ей стала тишина.

— Проклятье! — пробормотала Джастина.

Теперь она была по-настоящему заинтригована. Рядом что-то было, но явно не пираты.

Она едва не пропустила его. Лианы почти полностью скрыли низкие стены, превратив небольшую постройку в очередной непроходимый участок леса, но дверь просела внутрь, оставив в зелени темную полосу.

Джастина на мгновение сняла солнечные очки, чтобы оценить находку. Сооружение не могло быть жильем, для этого оно было слишком мало: простой квадратный контейнер приблизительно пять на пять метров, с покатой крышей не больше трех метров в самой высокой точке. Оттянув колючую плеть выюнка от стены у двери, она увидела, что постройка была выполнена из какого-то матово-серого композитного материала — обычных панелей, прикрепленных болтами к металлической раме. Такое сооружение можно было собрать за несколько часов. Детали могли быть изготовлены в любой точке Содружества, подобное производство имелось даже на Дальней. Судя по виду материала и окружающей растительности, постройка простояла здесь не один десяток лет.

Замок на двери отсутствовал, и Джастина, прислонившись к ней плечом, слегка надавила. После нескольких попыток дверь открылась. Сквозь проем внутрь хлынул солнечный свет; окон в здании не было. Полom служила единая плита из бетона с биокатализаторами, сырая и потрескавшаяся. В центре стоял черный цилиндр диаметром около метра и высотой восемьдесят сантиметров. Подойдя поближе, Джастина поняла, что цилиндр утоплен в бетон настолько, что его длину невозможно определить. На первый взгляд казалось, что он состоял из темного металла. Из верхней части цилиндра торчали два красных кабеля, они тянулись по полу и исчезали в полупрозрачном диске шириной около полуметра. После внимательного осмотра стало понятно, что этот диск тоже утоплен в бетоне: он светился слабым красноватым огнем, исходящим откуда-то из глубины — возможно, из-под бетона.

Джастина прищурила глаза, припоминая давно забытые времена. Она и сама не понимала, почему эти воспоминания сохранились в ее голове после омоложения. Что-то подобное она уже видела; во многих зданиях на Земле подобные устройства использовались в качестве дублирующей системы — в госпиталях, в полицейских и транспортных контрольных пунктах. Полупроводниковый кабель, обладающий теплообменными

свойствами, уходил далеко вглубь земли, где можно было почерпнуть геотермическую энергию. Этот способ не обеспечивал большого количества электричества, но его было достаточно, чтобы поддерживать электронные системы в рабочем состоянии.

Так что же это устройство делает в глубине джунглей, на полпути к самому большому вулкану Дальней?

Джастина уставилась на кабели, по всей вероятности сверхпроводящие. Цилиндр, который они подпитывали, должно быть, и был источником электромагнитных импульсов. Все это устройство, похоже, простояло здесь уже долгое время, не меньше двух десятков лет, а может, и больше. Сюда явно никто не заглядывал, а бетон не мог раскрошиться за одну ночь. Так что же потребляло или накапливало такое количество энергии год за годом?

Ее озадаченность сменилась удивлением, когда в голове возникла догадка: единственное, чем мог быть этот цилиндр, — это нуль-батарея, элементарным накопительным устройством, не нашедшим широкого применения в Содружестве, поскольку не многим людям требовалось запастись такое большое количество энергии. ККТ использовала нуль-батареи в качестве резервных источников мощности для переходов в червоточинах, но других коммерческих или правительственных организаций, имеющих подобные накопители, Джастина припомнить не смогла. Эти устройства были одной из самых странных разработок — бесконечно малые колодцы в пространстве и времени, которые можно наполнять энергией. Теоретически, если ограничивающее квантовое поле будет достаточно мощным, можно достичь любого уровня энергозапаса — а после десятков лет непрерывного накопления запас в этом устройстве, наверное, можно измерять уже не в киловатт-часах, а в килотоннах.

Итак, нуль-батарея, выпустившая эм-импульс... Неэкранированный!

Она поспешно выбралась наружу. Если устройство действительно неэкранированное, электромагнитное излучение может оказаться достаточно интенсивным, чтобы повредить ее нервную систему, как только квантовое поле будет готово к следующему разряду.

Она торопливо зашагала прочь, озадаченная еще больше, чем до обнаружения источника импульса. Не успела она пройти и сотни ярдов, как начался дождь. Шторм, расколовшийся на два рукава вокруг вулкана, наконец-то настиг ее.

Казимир Макфостер видел, как девушка вытащила из отсека под кабиной гиперглайдера блестящий синий пластиковый шар величиной с кулак. Сам он скрывался за кустом финикуса, метрах в пятидесяти от того места, где приземлилась изящная машина. Дождь хлестал по его голове, как и по темно-красным листьям. Он не обращал на него внимания, поскольку с рождения привык к такой погоде. В это время года бури всегда налетали по утрам. Примерно через час ветер унесет дождевые тучи на восток, и оставшаяся часть дня будет невыносимо жаркой и влажной.

Девушка небрежно бросила шар через плечо и достала из отсека большую цилиндрическую сумку. Казимир удивился. Сумка была огромной и явно тяжелой, но, несмотря на неуклюжую хватку, девушка легко ее подняла. Сильная. Все чужестранцы сильные, это ему было известно. Чего он не ожидал, так это ее красоты.

Гиперглайдер он заметил еще час назад — простой крестообразный силуэт, черный на фоне сияющего голубизной неба. Его грациозный полет вызвал у него восхищение. Никакие рассказы о Содружестве и его делах не могли подготовить Казимира к такому зрелищу: машина, которая могла быть изящной не только по форме, но и в действии, стала для него

откровением. До сих пор все известные Казимиру машины были грубыми и строго функциональными.

Со своего наблюдательного пункта на выступе лавы он смотрел, как гиперглайдер спускается над джунглями все ниже и ниже. Только раз он утратил равновесие и качнулся, но через мгновение уже выровнял положение, а потом, когда вышел на открытое пространство, его крылья начали двигаться, словно у птицы. Казимир с глупейшей улыбкой на лице стоял и любовался, пока машина не исчезла из виду за деревьями. Он не сразу понял, насколько раскрыл себя, стоя на скале. Харви за такую оплошность нещадно отругал бы его, а для лучшего усвоения урока ему могли урезать рацион. Он уже считается достаточно взрослым, чтобы не совершать глупых ошибок. Именно поэтому он и оказался один в лесу — чтобы доказать, что сумеет одолеть джунгли. Через пятнадцать дней он живым вернется в свой клан, и его признают годным для битвы с чудовищем из чужого мира. Только этого не произойдет, если он, словно новичок-первогодок, станет легкой мишенью для любого врага.

Казимир спрыгнул с камня и нырнул в подлесок. На мгновение он задумался, прикидывая в уме местоположение гиперглайдера, но уже через минуту был снова настороже, сконцентрирован на своей цели и готов продолжить путь через джунгли.

К тому времени когда он осторожно подкрался к краю длинной поляны, где приземлилась машина, дождь припустил в полную силу. Он никого не обнаружил, а потому отыскал безопасное укрытие и устроился в нем, рассматривая гиперглайдер. Девушка появилась через пару минут. Щурясь от падающих капель, она торопливо выбежала из леса. На ней была белая одежда — всего несколько лоскутов ткани, плотно прильнувших к стройному телу. Девушка казалась такой красивой. «Словно ангел, — подумал Казимир. — Ангел, спустившийся с неба».

Голубой шарик, брошенный на землю, начал раздуваться и разворачивать складки ткани, принимая непонятные очертания. Вся эта штука подпрыгивала и поворачивалась, словно корчило от боли какое-то живое существо. Однако уже через минуту шар превратился в напоминавшее палатку полукруглое убежище метра четыре в поперечнике с единственным входом. Казимир одобрительно кивнул. Ему самому укрытием на ночь служил маленький бесформенный мешок, который он мог надуть, используя слабый электрический ток. Мешок защищал от влаги и сохранял тепло, но в нем невозможно было даже повернуться. Здесь же был целый дворец.

Девушка быстро забралась в палатку, и Казимир заметил, с каким раздражением она сорвала с головы потрепанную и насквозь промокшую шляпу и провела рукой по таким же мокрым белокурым волосам. Затем она засунула руку в свою цилиндрическую сумку, вытащила полотенце и стала энергично вытираться.

Казимир восхищался каждым движением ее длинных изящных рук и посадкой головы: гордой, но без высокомерия. Ангел не мог быть высокомерным.

Наконец она отложила полотенце и выпрямилась, чтобы осмотреться. Казимир, затаив дыхание, видел, что она смотрит на густой куст, за которым он прятался. Девушка озорно улыбнулась, и вселенную затопил свет ее улыбки.

Только на одну секунду.

— За кустом, наверное, не слишком удобно прятаться, — крикнула она. — Почему бы тебе не выйти на открытое место?

Сердце Казимира гулко забило. Она ведь обращалась к нему, она все время знала, что он здесь. Он вспыхнул, решив, что она высмеивает его неумение маскироваться. Но ангел все

еще смотрел на него, слегка склонив голову набок, с выжидательным выражением на лице. В итоге он решил, что она и не думает над ним смеяться.

Он поднялся на ноги и огляделся, почти ожидая появления торжествующих вражеских охотников. Но вокруг никого не было, только дождь. Выбор был предельно прост: повернуться и уйти и никогда больше не видеть этой красоты или подойти и позволить ей рассмотреть себя, что, похоже, она уже сделала.

Он опасливо шагнул к голубой полусфере. Девушка настороженно следила за его приближением, держа в руке тонкую трубку. Он не сомневался, что это было какое-то оружие.

— Твоих дружков ведь нет поблизости? — спросила она.

— Я в одиночестве странствую по этому лесу и не нуждаюсь в чьей-либо помощи, чтобы выжить.

Его слова, похоже, удовлетворили ее.

— Я так и думала. — Оружие исчезло в сумочке на ее поясе. — Не хочешь ли войти и укрыться от дождя? Здесь хватит места для нас обоих.

— Ты очень добра, благодарю.

Он нагнулся и вошел внутрь. Ее близость внезапно и необъяснимо ошеломила его. Казимир начал разглядывать внутренность палатки, стараясь не смотреть на девушку.

— Меня зовут Джастина, — негромко произнесла она.

В ее голосе слышалась неуверенность, словно она была смущена не меньше него.

— Казимир, — ответил он. — Как ты узнала о моем присутствии?

Стройная рука поднялась, и палец прикоснулся к лицу под правым глазом.

— В моих визуальных вставках имеется функция инфракрасного зрения. Ты светился довольно ярко. — Ее губы дрогнули. — Ты очень горячий.

— Ох!

Он сделал глупость, проследив за жестом, и теперь не мог отвести взгляд от ее лица. Под ее тонкими бровями блестели светло-зеленые глаза. Удлиненные выдающиеся скулы переходили в немного плоскую челюсть, а над широкими влажными губами виднелся аккуратный носик. Ее безупречная кожа имела бледно-золотистый оттенок, никогда им прежде не виданный, и все черты ее лица отличались изяществом и придавали ей такую утонченность, какой ему, как он создавал, достичь никогда не удастся. Он с удивлением понял, что девушка очень молода, ей, вероятно, было не больше семнадцати лет. Тем не менее она совершила полет на гиперглайдере в самом сердце урагана. Такая юная и смелая... Он снова перевел взгляд на свои ноги, понимая разделявшую их пропасть.

— Вот, возьми, — ласково сказала она и протянула ему полотенце, которое все еще держала в руке. — Ты промок сильнее, чем я.

Казимир некоторое время смущенно смотрел на него, а затем сбросил свой небольшой рюкзак.

— Спасибо.

Он промокнул воду с лица и снял кожаный плащ. Тонкая ткань полотенца, казалось, высосала капли дождя с его груди и спины, оставив кожу совершенно сухой.

Джастина залезла в свою сумку и вытащила еще одно полотенце для себя. Казимир, вытирая голени и лодыжки, все время ощущал на себе взгляд ее прищуренных глаз. Он не стал приподнимать килт, чтобы вытереть бедра. В конце концов, его килт был почти непромокаемым, и они не так сильно намокли.

— Чей это тартан? — спросила она.

Он взглянул на изумрудно-медную клетку и с гордостью улыбнулся.

— Я Макфостер.

У нее вырвался звук, подозрительно похожий на смешок.

— Извини, — сокрушенно сказала она. — Но с таким цветом кожи тебя трудно принять за истинного члена клана.

Казимир нахмурился. У него была очень смуглая кожа и густые, черные как смола волосы, связанные сзади в длинный пучок. Как может цвет кожи помешать человеку стать членом клана? В их обществе в кланах состояли представители всех рас старой Земли. Его бабушка частенько рассказывала удивительные истории о жизни своей бабушки в Индии.

— Я не понимаю. Мои предки были одной из первых семей, спасенных Брэдли Йоханссоном.

— Йоханссоном? Так мы говорим не о шотландских кланах?

— А что это за шотландские кланы?

— Не важно. — Она выглянула наружу, где висела пелена теплого дождя. — Похоже, нам некоторое время придется провести вместе. Расскажи мне о своем клане, Казимир.

— Дождь будет идти еще не больше часа.

— А твоя история длиннее?

Он поднял глаза и согрелся в лучах ее приветливой улыбки. Она была так невыносимо красива, что он был рад любому предлогу, лишь бы не покидать общества ангела. Словно в ответ на его мысли, ближайшая стена палатки изменила форму и превратилась в кушетку. Они сели рядом.

— Расскажи, — настаивала она. — Я хочу лучше узнать твой мир.

— А ты расскажешь мне о своем полете?

— Расскажу.

Он кивнул, довольный такой сделкой.

— На Дальней есть семь кланов. Все вместе они образуют общество Хранителей Личности.

— Я слышала о них, — пробормотала она.

— Мы стоим между Звездным Странником и остальным человечеством. Только мы из всей расы видим исходящую от него опасность, его темную лживость и манипуляции тщеславием мужчин и женщин. Брэдли Йоханссон давным-давно открыл нам истину, и настанет день, когда мы, благодаря ему, отомстим за эту планету.

— Звучит так, словно ты хорошо это выучил, Казимир.

— С первого своего вздоха я знаю, кто я такой и с чем мне придется столкнуться. Наша ноша тяжела, в наше дело не верит никто из других миров, все вы слепы и не видите отравы чужаков. Но мы всё стерпим благодаря нашей вере и смирению. Брэдли Йоханссон — наш спаситель, и однажды своим спасителем его признает все человечество.

— А как он вас спас?

— Так же, как сам был спасен. Путем смирения и добра. Он одним из первых пришел в этот мир и стал исследовать корабль чужаков.

— Я слышала об этом, — сказала Джастина. — Он был первым директором Института исследования «Марии Селесты», верно?

— Да. Люди уверяют, что корабль разрушен, покинут и пуст. Но это неправда — чужак хочет, чтобы мы так думали. На самом деле он выжил в этом крушении.

— Здесь есть живое существо с этого ковчега?

— Оно было здесь, но давно перебралось в Содружество, где странствует среди нас, сея тайное зло.

— Правда? Значит, ты сам никогда его не видел?

— Я никогда не покидал Дальнюю. Но когда-нибудь, исполнив свои планы, Звездный Странник вернется. Надеюсь, что доживу до этого дня. Я бы хотел принять участие в его свержении.

— А как он выглядит?

— Никто не знает, на что он похож, даже Брэдли Йоханссон. Он, возможно, видел чужака, но не помнит этого. Часть его мыслей была утрачена в процессе освобождения.

— Ладно, выходит, этот Звездный Странник пережил катастрофу. Что было дальше?

— Он поджег солнце Дальней, чтобы привлечь сюда доверчивых людей. А когда Брэдли Йоханссон начал исследовать корабль, он пробудил Звездного Странника, и тот поработил его. Много лет Йоханссон томился в его власти, помогая распространять влияние чужака в Содруестве, нашептывая в уши власть имущих, раздавая лживые обещания и тем самым подготавливая ход событий. Но Звездный Странник не уделял особого внимания этой части Галактики, его беспокоили другие расы, грозившие помешать его чудовищным планам. Не все они так погрязли в невежестве и гордыне, как люди. Звездный Странник отослал Брэдли Йоханссона на Сильверглейд, чтобы тот изучил сильфенов и представил ему отчет о своих выводах. Но сильфены оказались мудрее, чем люди и Звездный Странник; они распознали оковы, опутавшие мозг Брэдли, и разрушили их.

— А, это и было освобождение.

— Да. Они излечили его. Многие люди, получив свободу, бежали бы от такого ужаса, чтобы сохранить рассудок. Но Брэдли понимал, что в таком случае опасность только возрастет. Он сказал, что бездействие — величайший грех.

— Это сказал Брэдли Йоханссон?

— Да. Он вернулся на Дальнюю и освободил других, кто был поработен Звездным Странником. Это и были те семь семей, которые основали кланы.

— Понимаю.

Ее голос звучал вполне серьезно.

Казимир взглянул на нее с тревогой. Выражение ее лица стало крайне сосредоточенным, и это опечалило его — ведь ее красивое лицо создано только для счастья. Разве не ради защиты ее и ее близких он посвятил свою жизнь борьбе?

— Не тревожься, — сказал он. — Мы защитим тебя от Звездного Странника. Он будет побежден. Мы отомстим за нашу планету.

Ее голова склонилась набок, и девушка окинула его долгим задумчивым взглядом.

— Ты действительно так думаешь?

— Да.

Его ответ почему-то опечалил ее.

— Казимир, это очень благородно с твоей стороны. Благородство рождает близость, которую очень трудно разорвать.

— Звездному Страннику никогда не удастся поколебать мою верность клану и нашему делу.

Джастина положила ладонь на его руку.

— Это достойно уважения.

Казимир хотел ободряюще улыбнуться ей, но она все еще казалась грустной, а ее прикосновение, каким бы легким оно ни было, ужасно смущало его. Она так близко. И на них обоих очень мало одежды. В воображении Казимира замелькали чудесные и страстные видения.

Джастина на мгновение сжала его руку, а затем оглянулась.

— О, смотри, дождь прекратился. — Она выпрямилась и подошла к выходу. — Снова светит солнце.

Она опять радостно улыбалась. Опять стала ангелом.

Казимир поднялся и задержался лишь на миг, чтобы набросить плащ. Он вышел вслед за ней наружу и остановился за ее спиной, пока девушка надевала на голову стальной обруч. Невозможность видеть ее глаза огорчила его. При солнечном свете ее белая футболка стала практически прозрачной. Девушка была почти такой же высокой, как он.

— Ты действительно пролетела над вулканом? — поспешно спросил он.

— Угу.

— Для этого требуется немалая смелость.

Она рассмеялась.

— Думаю, не столько смелость, сколько глупость.

— Нет. Ты не глупая, Джастина. Нисколько.

Согнутый палец поднялся к солнечным очкам, и она немного опустила обруч, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Спасибо, Казимир. Ты очень милый.

— На что это похоже?

— Это безумие! И чудо!

Она вернула очки на место и стала рассказывать ему о полете.

Казимир слушал и восхищался миром, таким же чужим для него, как мир Звездного Странника. Джастина вела исключительную жизнь. Он был рад услышать, что такая жизнь возможна и что люди способны достигнуть таких высот. Когда-нибудь, после уничтожения Звездного Странника, они все смогут жить так, как живет Джастина.

Эту встречу подарила ему судьба, решил он. Это видение, его персональный ангел, говорило, что он прав, пытаясь защитить человечество. Она стала его вдохновительницей, его личным чудом.

— Ты, наверное, очень богата, — сказал он, дослушав ее рассказ о приземлении. — Ты смогла позволить себе эту машину, которая служит только для развлечения.

Она беспечно пожала плечами. Они оба устроились на берегу ручья, с журчанием бегущего по долине.

— Я думаю, на Дальнюю приезжают только богатые люди. Сюда нелегко добраться. — Она запрокинула голову и залюбовалась пухлыми облаками в сапфировом океане небес. — Но поездка того стоит. Ты живешь в странном и прекрасном мире, Казимир.

— А что думают твои родители, зная, что ты одна отправилась в это путешествие, что ты подвергаешь себя немалому риску? Эти полеты очень опасны.

Она резко повернула голову, словно удивившись его вопросу.

— Мои родители? Ах да. Они всегда призывали меня оставаться самой собой. Они хотели, чтобы я прожила свою жизнь как можно лучше. А этот полет, гора Геркуланум... Это один из тех самых переломных моментов, которые придают жизни смысл и вселяют уверенность идти дальше и испытать все, что предлагает нам вселенная.

— Ну, это не обо мне.

— И о тебе тоже. У тебя здесь полная приключений жизнь, и ты противостояшь испытаниям, которым вас подвергают эти вулканы и эта земля. Это делает тебя более отважным, чем я.

— Нет.

— Да!

— Нет!

Они одновременно расхохотались. Джастина, сняв очки, тепло улыбнулась ему.

— Я проголодалась, — сказала она. — Готов попробовать нездоровую пищу старой Земли?

— Да, с удовольствием!

Она вскочила и побежала к гиперглайдеру. Казимир поспешил следом за ней, с восторгом следя за движениями ее стройного тела.

Потом они сидели скрестив ноги прямо на земле, и она потчевала его разными блюдами, с интересом ожидая реакции. Кое-что было восхитительно вкусным, кое-что просто необычным, а от горячего мясного карри он невольно поморщился.

— Прополощи рот вот этим, — предложила она.

Белое вино оказалось легким и сладким, и он с удовольствием выпил.

В середине дня они исследовали джунгли вокруг поляны, стараясь угадать названия растений. Он рассказывал о цели своего путешествия, о том, как оно подготавливает его к трудностям походов против врага в любой местности, о том, что он должен продемонстрировать, насколько усвоил уроки своих учителей.

— Обряд инициации, — догадалась она.

Ему показалось, что в ее голосе прозвучало восхищение. К тому же он не раз замечал, что она рассматривала его, когда думала, что он этого не видит. Сам он на такое не осмеливался.

— Казимир, прошу тебя, не допускай опрометчивых поступков. Тебе ничего не надо доказывать, рискуя собой. Жизнь слишком ценна для этого. Кроме того, она очень коротка, особенно здесь.

— Я буду осторожен. Я научусь осмотрительности.

— Спасибо. Я не хочу остаток своей жизни беспокоиться за тебя.

— Я могу тебя кое о чем попросить?

Ее улыбка вспыхнула озорством.

— Казимир, ради тебя я готова на многое.

Такой ответ его удивил. Он знал, что покраснеет, если вздумает истолковать его по-своему; она явно не имела в виду ничего подобного.

— Прощу тебя, не посещай «Марию Селесту». Я знаю, туда ходят многие туристы, но это заставило бы меня беспокоиться о твоей безопасности. Вокруг корабля влияние Звездного Странника особенно сильное.

Джастина притворилась, будто обдумывает ответ. К счастью, старинный ковчег и так не числился в ее списке мест для посещения. Однако искренняя вера Казимира в выжившего чужака, как ни странно, посеяла в ее мыслях легкую тревогу, которая никак не желала проходить. Все это, безусловно, старые сказки хитрого старика Йоханссона, при помощи которых он держит в повиновении своих последователей и тянет из них деньги. В то же время рассказ звучал так правдоподобно...

— Я не пойду туда, — с серьезным видом пообещала она.

Выражение облегчения на его лице вызвало у Джастины легкое чувство вины.

Под конец дня они разожгли костер. У Казимира в рюкзаке нашелся старенький силовой клинок, и юноша явно решил произвести на нее впечатление своими навыками выживания в джунглях. Он сбросил плащ и таскал бревна, пока пот не полил с него ручьями. Вид его блестящей смуглой кожи сильно подогрел и ее собственное тело. Низкая гравитация не помешала этому парню заработать впечатляющую фигуру. К счастью, он не собирался и дальше изображать мачо, стреляя птиц, чтобы поджарить их на палочках. Он довольствовался тем, что открыл еще несколько пакетов с едой из багажа гиперглайдера. Костер обеспечивал им всего лишь приятное тепло. Она наконец-то вспомнила о шампанском, и они выпили его, наблюдая за отблесками огня в веселых пузырьках.

Казимиру хотелось, чтобы этот вечер никогда не кончался. После захода солнца они сидели рядышком на одном одеяле. На западном небосклоне засиял пурпурный ореол последних лучей, отраженных ледниковым поясом. Затем и он угас, оставив единственным источником света горящий костер. Над их головами мерцали платиновые звезды, и Казимир впервые в своей жизни не смотрел на них как на источник угрозы.

Они разговаривали, пили вино и пробовали экзотические блюда. Все это время Казимир безмолвно и всем своим сердцем поклонялся улыбающемуся прекрасному ангелу. Спустя некоторое время после захода солнца костер прогорел, и осталась лишь груда мерцающих углей. В этом загадочном полумраке она поднялась на ноги и встала перед ним. Умиравший огонь окрасил ее футболку и шорты в пурпурный цвет, а волосы превратились в золотой нимб, давно присутствовавший в его мыслях. Не говоря ни слова, она шагнула к полукруглой палатке и исчезла в тени, скрывающей вход.

— Казимир.

На дрожащих ногах он подошел к входу. В свете звезд стало видно, что половина пола в палатке приподнялась и превратилась в гигантское ложе. Силуэт его ангела виднелся в глубине палатки. У ее ног лежала скомканная футболка. Затем по стройным ногам на пол спустились шорты.

— Не бойся.

Казимир шагнул в темноту. Ласковые мягкие руки сорвали с его плеч плащ. Невидимые пальцы прошли по груди и опустились к поясу, заставив его беспомощно застонать. Его ремень растянулся, и килт упал на пол. Обнаженный ангел прижался к нему горячим телом. Изумленные восторженные крики Казимира раздавались над поляной еще долгое время после того, как в костре погасла последняя искра.

Никакая изоляция кабины не могла защитить Эстеллу Фентон от рева мощного дизельного двигателя. Амортизаторы швыряли «Телмар-рейнджер» из стороны в сторону, и ей приходилось высоко поднимать бокал, чтобы не пролить ни капли тщательно смешанного фруктового коктейля. Это также не помогало, поэтому остаток напитка она проглотила почти залпом. В состав коктейля явно входила водка — она ощутила в горле ее обжигающий холодок.

Машины-эвакуаторы, посланные из основного конвоя, подобрали ее двадцать часов назад. Она восприняла их появление как долгожданное избавление: два с половиной дня в лесу, в полном одиночестве — для ожидаемого приключения это было немного слишком. Теперь оставалось только отыскать ее подругу Джастину. Когда конвой засек сигнал маячка

ее гиперглайдера, его координаты вызвали в отряде спасателей вспышку интереса. Похоже, немногим туристам удавалось улететь так далеко, как Джастине.

Они быстро погрузили гиперглайдер в контейнерный трейлер, и все пять оставшихся машин отправились на поиски последнего клиента. Несмотря на то что жители Дальней объявили гору Геркуланум природным заповедником, через джунгли было проложено несколько просек, по которым могли пройти машины вроде «Телмар-рейнджера». От этих просек ответвлялись почти непроходимые тропы. Кроме того, на картах были обозначены линии, которые характеризовались как «проходимые маршруты». Вот по такой тропинке они уже три часа продирались сквозь заросли лиан и тропического подлеска, а дальше стало еще труднее, поскольку пришлось прокладывать через заросли новую тропу.

Головная машина шла ярдах в пятидесяти впереди, и из-под ее передних ножей взлетали тучи древесных опилок. Эстелла, насмотревшись на ее работу, вернулась в заднюю кабину и предпочла исследовать содержимое бара-холодильника.

— Через пару минут должны быть на месте, — крикнул водитель Кэм Тонг.

Эстелла отставила пустой бокал и через выпуклое окно уставилась на разорванную зеленую стену. Внезапно заросли деревьев и лиан расступились, и машины выбрались на длинную поляну. Неповрежденный на вид гиперглайдер Джастины стоял в самом центре поляны, на ковре из густой травы. В нескольких ярдах от него виднелась палатка.

— Похоже, что все в порядке, — радостно объявил Кэм Тонг.

— Я в этом ничуть не сомневалась.

Машины увеличили скорость, что тотчас усилило качку. В то же время все водители включили звуковые сигналы.

Из палатки высунулась голова.

— Это не она! — воскликнула Эстелла.

Голова принадлежала молодому парню, надевшему старую бушменскую шляпу Джастины. При виде огромных надвигающихся машин парень разинул рот, а затем что-то крикнул, обернувшись в палатку. Еще через мгновение он подхватил с земли небольшой рюкзак и помчался к ближайшей границе леса. Эстелла в полном недоумении проводила его взглядом. Парень был одет в длинную оранжево-зеленую клетчатую юбку. Нет, поправила она себя. Это был килт, она видела складки. Еще она заметила, что к рюкзаку сверху был пристегнут какой-то кожаный сверток. Парень на бегу все время оглядывался на машины, а одной рукой придерживал шляпу, из-под которой развевались длинные черные волосы.

Кэм Тонг, не сдерживая смеха, остановил машину у гиперглайдера. Эстелла, открывая дверцу, чтобы выйти наружу, тоже широко улыбнулась. В этот момент из палатки появилась Джастина. На ней были только узенькие алые трусики и солнечные очки.

— Вернись! — закричала она, стараясь пробиться сквозь рев клаксонов. — Не бойся. Это мои друзья. Проклятье!

Она уперлась руками в бедра и сердитым взглядом обвела машины спасателей.

Эстелла легко спрыгнула на землю. К тому моменту она уже сотрясалась от истерического хохота. Захлопали дверцы машин, на поляну выбрались улыбающиеся члены спасательного отряда. Клаксоны продолжали энергично гудеть. Перепуганный парень уже почти достиг кромки леса. Вслед ему летели ободряющие возгласы.

— Добрый день, дорогая! — весело окликнула подругу Эстелла.

— Вы напугали его, — обвиняющим тоном произнесла Джастина.

Вид у нее был не слишком веселый.

Эстелла театральным жестом подняла руку к горлу.

— Хвала небесам, похоже, мы подроспели сюда вовремя. — Она никак не могла удержаться от смеха. — Мы спасли тебя от участи худшей, чем смерть.

— Черт побери!

Джастина бросила вслед исчезающему в джунглях парню последний взгляд и бессильно взмахнула рукой, надеясь, что он увидит ее прощальный жест. Водители машин заглушили моторы, и клаксоны затихли, но влажный воздух продолжал сотрясаться от хохота экипажей.

Джастина, отступив под навес, подняла легкую кофточку. Эстелла не отставала от нее. Пол палатки все еще сохранял форму матраса, вокруг него валялись пустые пакеты из-под еды и пара винных бутылок.

— Не могу поверить в твою удачу, — насмешливо сказала Эстелла. — Я буду жаловаться в туристическую компанию. Меня в месте приземления подждал только бурндук. И то, могу поклясться, он был геем.

Джастина застегнула кофточку.

— Прекрати, — раздраженно бросила она. — Казимир был очень милым.

— Вот именно: был.

— Не понимаю. — Джастина натянула шорты. — Все не так. Я хотела показать ему другой взгляд на Вселенную, хотела, чтобы он научился задавать вопросы.

— А, что-то вроде: как называется эта поза? И: я и не подозревал, что ты можешь заниматься этим бесконечно.

Джастина что-то сердито проворчала и выбралась наружу. Затем она приказала палатке свернуться, и Эстелле пришлось поторопиться к выходу. Команда спасателей уже подводила пустой трейлер к гиперглайдеру. В сторону Джестины бросали одобрителные и понимающие взгляды, кое-кто даже осмелился подмигнуть ей. Она представила себе, как выглядела вся ситуация со стороны, и смирилась с этим. В конце концов к ней вернулось обычное чувство юмора, и на губах снова появилась озорная улыбка.

— Как он здесь оказался? — спросила Эстелла. — Это же абсолютная глушь.

— Теперь уже не глушь, — саркастически усмехнулась Джастина.

— Господи, как тебе повезло! Я чертовски завидую. Он выглядел божественно.

Джастина скромно потупилась:

— Он таким и был.

— Ладно, пойдем откроем бутылку вина. Надо отпраздновать твою грандиозную победу: самый продолжительный полет и удачное приземление. Мне кажется, тебе тоже хочется присесть; после всех уроков, что ты ему преподала, наверное, трудно ходить. — Она многозначительно оглянулась на палатку. Тент продолжал сворачиваться, и все пакеты и бутылки, вытолкнутые тканью, лежали на траве неподалеку. — Ты хотя бы выходила, чтоб посмотреть на окружающий мир?

— А он существует?

Эстелла громко хихикнула и по короткой лесенке начала подниматься в кабину «Телмара».

— Значит, это правда, что при низкой гравитации подъем легче?

Джастина ничего не ответила — она в последний раз смотрела на джунгли, но даже в инфракрасном диапазоне там не было никаких признаков человеческого присутствия. Ну, хоть этому она его научила.

— Прощай, Казимир, — прошептала она.

Он остался где-то там. Наблюдает. Возможно, чувствует себя слегка обманутым. Но это и к лучшему. Недолгая чудесная встреча и приятные воспоминания для них обоих. Никаких сожалений.

«Может быть, я хоть чуть-чуть научила его по-иному смотреть на реальную жизнь. Может, теперь он усомнится в этой идиотской доктрине Хранителей...»

В кабине громко хлопнула пробка шампанского. Джастина забралась внутрь и закрыла за собой дверцу, наслаждаясь прохладой кондиционера, прогнавшего влажную жару джунглей.

Со своим общепризнанным высокомерием обитатели Йорка-5 часто называли свою планету одним из самых счастливых миров в первой зоне космоса Содружества. Этот исключительный мир никогда не знал проблем загрязнения воздуха или перенаселения, и финансовые потрясения вместе с продажными политиками также его миновали. За время дочеловеческой истории по какому-то капризу эволюции на планете возникло меньше видов растений и животных, чем в среднем в Содружестве. Благодаря этому обстоятельству внедрение чужеродных видов стало здесь вполне обычным явлением, и для тех, кто хотел обрабатывать землю согласно своим личным пристрастиям, сложились самые благоприятные условия.

В 2138 году, когда ККТ объявила о заселении Йорка-5, от консорциума нескольких семейств с Лос-Вады, входившей в число планет Большой Дюжины, поступил запрос на покупку всей территории планеты. ККТ получила немалую сумму в качестве отступных за право эксплуатации, а Йорк-5 так и не открыли для общей иммиграции. Семейства консорциума были слишком разнородными и не попадали под определение «межзвездной династии», но, поскольку все они теперь жили в одном мире, будущая генеалогия, возможно, могла бы довести их до уровня классического образца.

На Йорке-5 не было столицы как таковой; самым большим городом здесь являлось маленькое поселение служащих ККТ и сотрудников раскинувшегося неподалеку аэропорта. В противоположность всем индустриальным мирам, сюда не привезли ни одного завода. Все, что требовалось его жителям, от кухонной утвари до тротуарной плитки, электроники и одежды, нужно было импортировать. Здесь не было ни автомобильных, ни железных дорог для обеспечения общественного транспорта — только самолеты, принадлежавшие местным семьям. За всю свою историю, насчитывающую двести сорок лет, население ни разу не превышало десяти миллионов человек, из которых почти три миллиона были наняты для работы на главные семейства. Всю территорию планеты разделили на обширные поместья, где каждая семья строила особняки, охотничьи и пляжные домики по своему усмотрению, выбор растений также ограничивался только фантазией хозяев. Со временем континенты превратились в лоскутное одеяло художественных ландшафтов, и терраформирование здесь шло на уровне, невиданном даже на Дальней. И все это ради эстетики.

Капитан в отставке Уилсон Кайм уже более двух столетий наблюдал за развитием своего фамильного имени, проводя здесь каждый отпуск и длинный уик-энд и наслаждаясь царящей тут безмятежностью. Выбранная им территория была покрыта пологими холмами и обширными долинами и располагалась в центральной части южной субтропической зоны. Когда он только приехал сюда, земля была покрыта местной туфовой травой красновато-коричневого цвета и немногочисленными корявыми кустарниками. Вскоре волна более приятной глазу земной зелени захлестнула холмы и долины, даря приятное спокойствие и прохладу. Затем выросли рощицы и отдельные купы самых разных деревьев с десятков миров, чья листва поражала разнообразием окрасок — от снежно-белой до резко-оранжевой. Неглубокие долины заросли дубами, грецким орехом и ивами, а несколько отдельных впадин между самыми высокими холмами были отданы во владение гигантским секвойям.

В один из исключительно жарких летних дней Уилсон прогуливался по длинной, извилистой, покрытой гравием тропе, пролегавшей по широкому южному склону в двух

милях от огромного фамильного особняка, имитировавшего старинный замок, и осматривал виноградные лозы. Компанию ему составляли двое младших отпрысков главной семьи: шестилетняя Эмили с косичками-хвостиками, его прапрапраправнучка, и восьмилетний Виктор, спокойный любознательный мальчуган, чья степень родства была слишком сложной, чтобы ее запомнить. Несмотря на то что оба ребенка подверглись экстенсивной генеративной модификации, что обеспечило высокую сопротивляемость всем видам рака, Уилсон заставил их надеть широкополые белые шляпы, защищавшие молодую кожу от ультрафиолетовых лучей голубоватого солнца. Судя по тому как дети носились вокруг, они выбьются из сил задолго до второго завтрака, а он вовсе не желал получить в качестве закуски тепловой удар.

Время от времени он останавливался в конце какого-нибудь ряда и осматривал гроздья ягод, только начавших наливаться соком. Этот год обещал высококачественный урожай, возможно достаточно удачный, чтобы заслужить маркировку классического сбора. Впрочем, теперь многие презрительно относились к древним стандартам. Маленькие светло-зеленые шарики, пока еще полупрозрачные, набирали цвет, впитывая солнечное тепло. Лозы ровными рядами протянулись на три километра до самого дна широкой долины. В целом виноградники занимали уже почти шестьдесят квадратных километров и пышно цвели на слегка известняковой почве холмов. Скрытые под землей трубы в засушливые периоды, как сейчас, обеспечивали необходимый полив, перекачивая воду из внутреннего пресного моря, расположенного в тридцати километрах от долины. Четверть береговой линии тоже принадлежала Кайму.

Между рядами сновали окрашенные в красный цвет роботы-виноградари: снабженные электромускульными конечностями, они бережно прореживали растения и рыхлили почву. На весь виноградник требовалось не больше пяти человек, наблюдавших за машинами. Однако ни капли этого вина не предназначалось для продажи, семейные виноградники не были коммерческим предприятием. Лишь небольшое количество бутылок поставлялось для совета директоров «Фарндейла».

Уилсон остановился и попробовал на вкус пару виноградин. Они оказались кислыми и незрелыми, но для их степени созревания это было нормально. Он неторопливо разжевал и выплюнул ягоды.

— Фу! — воскликнула маленькая Эмили, сморщив носик. — Это неприлично, дедушка.

— Ну, не совсем так, — ответил он. Уилсон сдвинул на затылок соломенную шляпу и улыбнулся. — Остатки ягод сгниют в земле и станут удобрением. Это полезно для растений. Если не веришь, спроси у своего эл-дворецкого, когда вернемся домой.

— Уилсон прав, — нравоучительным тоном подтвердил Виктор. — Мы проходили это на уроках биологии.

— Вы хотите сказать, что лозы пьют нашу слюну?

Эмили еще больше удивилась.

Уилсон обнял ее и на мгновение прижал к себе.

— Нет-нет, все происходит совсем не так. Этот процесс описан в органической химии, но его детали очень сложны. Просто поверь мне, лозы не пьют слюну, ладно?

— Ладно, — нерешительно ответила она.

На снисходительный взгляд Виктора она ответила насмешливой гримаской. Затем они оба побежали между рядов вдогонку за делонгом Форлена, похожим на земного дикобраза со смешным воротником из перьев, которые в момент опасности вспыхивали желтым и

зеленым цветом.

— Только не трогайте его! — крикнул им вслед Уилсон. — Он вас боится!

— Хорошо! — Голос Виктора из зарослей винограда был уже едва слышен.

Уилсон снова неторопливо зашагал по гравию. Он наслаждался чудесным днем. С последнего омоложения прошло уже три года, и он вел праздную жизнь, полностью отказавшись от любой деловой активности. Время от времени такой перерыв необходим каждому, особенно после руководящей работы, которой он раньше занимался.

После провала миссии на Марсе Уилсон вернулся на Землю, где с каждым днем происходили грандиозные перемены, вызванные открытием технологии червоточин. Во второй половине двадцать первого столетия индустрия, связанная с освоением космоса, переживала величайший подъем. Однако надо сказать, исследование космоса было уже совсем не таким, каким он его себе представлял. Исследования, проводимые ККТ, в большей степени затрагивали геофизическое состояние планет, что относилось к области геологии и ксенобиологии. Пространство между звездами не представляло для них интереса, и преодоление огромных расстояний уже не составляло труда. С распространением червоточин исчезло само понятие расстояния.

Многие подразделения НАСА поспешили перейти в агентство ККТ, образовавшееся примерно через полгода после бесславного возвращения Кайма. Всем сотрудникам пришлось начать с азов, изучить новую технологию и получить новые навыки. Все изменилось: теперь они были не выдающимися личностями, а просто новыми работниками в другой компании, хоть и весьма процветающей. Изменения затронули кого-то больше, кого-то меньше. Последнее, что Уилсон узнал о бывшем командере Дилане Льюисе, — это то, что тот открыл бар на Гавайях, где неустанно напивался до полного отказа печени и приставал ко всем проходящим женщинам, стараясь произвести на них впечатление рассказами «старого космического волка».

Сам Уилсон избежал печальной участи. Он был достаточно умен и смог предугадать, что потребуется новым планетам от старого мира, — их насущную потребность в инфраструктуре и развитии. Люди не стали бы селиться на новых землях, не имея там хотя бы минимальных удобств, а пока местная экономика начинала развиваться, им надо было где-то работать сразу же по прибытии. Производство средств тяжелой и средней механизации стало ведущей отраслью индустрии. Уилсону с его военным прошлым и интенсивным технологическим образованием в НАСА не составило особого труда добиться руководящей должности в компании под названием «Компоненты КАД», которая производила широкий спектр комплектующих для других предприятий. Три года спустя, когда компанию перекупили, он уже был членом ее правления и имел солидный пакет акций. К 2103 году, после семи поглощений и слияний, он стал исполнительным директором в правлении «Фарндейл Инжиниринг», одного из новых мультипланетных гигантов, который укреплялся и расширялся вместе с первой зоной космоса. К тому времени Уилсон уже накопил достаточно акций, чтобы выкупить небольшую страну, а «Фарндейл» был готов к вступлению в консорциум, впоследствии финансировавший развитие Лос-Вады. Затем последовал период устойчивого прогресса, длившийся не одно столетие, и его личное богатство и влияние росли вместе с компанией, пока состояние увеличившейся семьи не подвело его вплотную к царству под названием «Великое Семейство Земли».

Дважды за последние восемьдесят лет он избирался председателем правления «Фарндейла». Высокий пост требовал напряженной работы по двадцать пять часов в сутки,

не оставляя времени ни на что другое, кроме заключения сделок и политических интриг. В эти бурные годы давняя привычка к дисциплине и умение командовать немало помогали ему в этой должности, в том числе в достижении нескольких значительных побед над компаниями-конкурентами. Работой Уилсона были довольны как простые держатели акций, так и члены правления, и все знали, что в течение столетия он будет введен в исполнительный совет Лос-Вады. Но любые достижения имеют свою цену: постоянный стресс ускорял процесс старения. Вследствие напряжения, требуемого от его организма высоким положением, два раза подряд ему приходилось прибегать к омоложению на несколько лет раньше, чем обычно.

Все это стало одной из причин, по которым он решил на длительный отпуск. На этот раз он собирался отдохнуть и насладиться богатством и созданными им мирами. До этого дня все шло как нельзя лучше. Он даже сам удивился своему энтузиазму в выращивании винограда и управлении фамильным поместьем. Да и постоянно присутствовавшей здесь ватаге ребятишек, произведенных огромной семьей, нравилась его компания. Все это были детали, мелочи, и он концентрировал на них свое внимание, используя свои способности для решения проблем, возникавших в семье, — все то же самое, только масштаб задач стал иным. Он строил планы по расширению и реконструкции фамильного замка, собирался посетить множество мест, осмотреть города с их уникальными фестивалями и карнавалами, увидеть иные пейзажи и экзотические народы. Он даже подумывал о новом браке, но на этот раз склонялся к тому, чтобы брак не напоминал коммерческую сделку. Все это занимало его мысли во время недолгой поездки на такси от станции ККТ. Он начал прорабатывать маршрут грандиозного турне, которое заняло бы восемь лет, и его не взволновало даже сообщение об открытии Боуза — он был уверен, что правление «Фарндейла» сможет разобраться со всем возможными проблемами и открывшимися перспективами. И только известие о постройке космического корабля вызвало у него легкий приступ ностальгии.

Из-за виноградных лоз выскочили дети и вновь побежали по покрытой гравием дорожке. Уилсон не остановил их. Дети были счастливы. Он многим пожертвовал бы, чтобы иметь такое детство. Своей главной задачей он считал воспитание в детях достоинства и ответственности — замок и остальное окружение у любого ребенка могли вызвать ложное чувство собственного превосходства. Отпрыски богатых семей и в лучшие времена славились своей избалованностью, а уж на Йорке-5 все они могли считаться наследниками трона. И все же отсылать их в школу он пока не хотел.

Одинокий след самолета прочертил чистое небо над восточными отрогами гор. Уилсон остановился и проводил его взглядом, как всегда удивляясь огромной скорости и отсутствию звукового удара. Здесь все пользовались сверхзвуковыми самолетами, чтобы добраться из поместий до станции ККТ, и скорость современных судов, развиваемая в атмосфере, производила впечатление даже на Уилсона. Чтобы летать еще быстрее, пришлось бы совершить почти баллистический прыжок, выйдя за пределы атмосферы. Проекты подобных кораблей появились уже давно, и теперь вопрос стоял только о финансировании. В конце концов, спрос на них был невелик. Самолетами пользовались и в обычных мирах Содружества, но нормальные коммерческие суда летали со скоростью примерно в три М (второе больше скорости звука), что устраивало большинство пассажиров, и только обитателям миров, подобных Йорку-5, этого было недостаточно.

За спиной Уилсона засвистел воздух, будто пролетело привидение. На ближайших лозах зашелестели листья. Он нахмурился и обернулся. Представшая перед ним картина вызвала у

него легкий шок: не далее чем в двадцати футах от его ног открылась червоточина, идеально круглая, ярдов двенадцать в поперечнике, с основанием, замершим в паре дюймов над дорожкой. Оттуда вышел мужчина в дорогом деловом костюме цвета лаванды. Он смущенно улыбнулся Уилсону:

— Эй, старик, как поживаешь?

Уилсон сделал три быстрых шага вперед и взмахнул кулаком. Результатом удара были приятный для его слуха хруст и боль в костяшках пальцев.

— Черт!

Найджел Шелдон упал навзничь, приземлившись на сухую траву. Из червоточины быстро выскочили два охранника в форме ККТ с оружием наготове. Найджел раздраженно махнул им рукой.

— Все в порядке, — сказал он, морщась и ощупывая рукой челюсть. — Проклятье, как больно!

Уилсон сердито посмотрел на него сверху вниз.

— Так и было задумано, подонок.

Подбежавшие дети остановились, удивленные странной сценой.

— Уилсон! — завопил Виктор. — Это же...

— Я знаю, кто это, — резко оборвал его Уилсон.

— Вот это да, — возмущенно проворчал Найджел, поднимаясь на ноги. — Три сотни и тридцать лет, а ты все еще злишься на меня?

— Три сотни. Три тысячи. От этого ничего не меняется.

Найджел пощупал пальцем во рту.

— Ох, кажется, ты расшатал мне зуб.

— А ты повредил мне руку.

Уилсон тряхнул кистью — как ни прискорбно, она и в самом деле болела. Ему не приходилось драться со времен учебы в военно-воздушной академии, и за прошедшие столетия навыки давно улетучились.

— Ты собираешься продолжать в том же духе? — спросил Найджел.

— А ты?

— Ладно-ладно, мое появление здесь не самый тактичный ход. — Найджел неуверенно взглянул на пораненную руку Уилсона. — Но я хотел произвести впечатление.

— Ты уже сделал это в кратере Чиапарелли.

— У меня важное дело, черт побери!

— Что за дело?

Уилсону стоило большого труда скрыть свое изумление; ему и прежде приходилось слышать о подобном использовании червоточин, но без упоминания имен, если, конечно, отбросить слухи об Оззи. Врата-переходы были весьма дорогостоящим способом перемещения между мирами, а не личным транспортом, даже для таких людей, как Найджел Шелдон. Уилсон догадывался, что для открытия этого тоннеля Шелдон воспользовался переходом исследовательского подразделения ККТ на Августе. О цене такого фокуса он даже не хотел гадать.

— Тебе известно, что для срочных сообщений у меня имеется адресный код эл-дворецкого. Мог бы, как все остальные люди, прибегнуть к помощи унисферы.

— Нам обоим также известно, что я не числюсь в разрешенном списке контактов твоего эл-дворецкого. А мне надо срочно с тобой поговорить.

— Зачем? В чем, черт возьми, дело?

— У меня к тебе просьба.

Уилсон расхохотался.

— Да, ты прав, — грустно сказал Найджел, — очень смешно. А теперь послушай. Мы строим космический корабль для полета к Альфе Дайсона.

— Слышал об этом. Во всей унисфере уже целый месяц нет никаких других новостей.

— Но ты не слишком внимательно следишь за прессой, не так ли? Мы можем построить корабль, но в наше время не так-то просто найти опытный экипаж астронавтов, а тем более капитана.

Смех Уилсона резко оборвался.

— Сукин сын!

— Вот. Теперь ты готов меня выслушать?

— Почему я?

Уилсон сам удивился тому, как тихо прозвучал его голос.

— Больше никого не осталось, капитан Кайм. Ты последний астронавт в этой Галактике. И ты нам нужен.

— Чепуха. В вашем исследовательском отряде десятки тысяч человек.

— Это верно. Хорошие ребята, даже отличные. И ни один из них не выходил за пределы действия унисферы ни в первой, ни во второй, ни даже в шестой своей жизни. Ты — другое дело, ты знаешь, что значит быть запертым в металлической коробке на долгие месяцы, ты в состоянии справиться со стрессом изоляции: ты сможешь в таких условиях командовать людьми. Это совсем не то, что отдавать приказы по административной цепочке, чтобы кто-нибудь в самом ее конце послушно прыгал. Тебе прекрасно известно, что опыт имеет огромную ценность. И не надо скромничать, Уилсон, мы оба знаем, какого успеха ты добился. Стоит только посмотреть вокруг. Не многим под силу воссоздать пять тысяч квадратных миль Франции, которая существовала только в произведениях романтиков. А ты это сделал. И ты говоришь, что это чепуха?

— Старые сказки, — пробормотал Уилсон, прислушиваясь к древним воспоминаниям.

Перед каждым омоложением он клялся, что забросит их в надежное хранилище, что сотрет их из своего мозга вместе с другим незначительным мусором, чтобы освободить место для новой жизни. И каждый раз не делал этого. Склонность к ностальгии. Он был в шаге от настоящей славы, гораздо более громкой, чем известность главы крупной корпорации. Даже сегодня все знают, кем был Нил Армстронг. А кем был Дилан Льюис? Именно.

— Стряхни пыль, старик, скоро ты снова обретешь популярность.

Уилсон уставился на край открытой червоточины — темное мерцание пустоты, которую видели лишь немногие люди.

— Это серьезное предложение? — тихо спросил он.

— Абсолютно серьезное. Должность за тобой, если захочешь. А я надеюсь, что захочешь. Говорю это вполне искренне. Чем больше я думаю об Альфе Дайсона, о странных событиях вокруг нее, тем сильнее мне хочется, чтобы туда отправился человек, которому я могу полностью доверять.

— Дедушка? — Эмили с неожиданным благоговением посмотрела на своего предка. — Ты полетишь на космическом корабле, дедушка? Это правда?

— Похоже, что так, куколка. — Он погладил девочку по голове. Ему даже не пришлось

раздумывать, ответ появился сам собой. — Дай мне несколько дней, — обратился он к Найджелу. — Мне надо закончить здесь кое-какие дела.

— Конечно, старик. — Найджел широко улыбнулся и протянул руку. — Добро пожаловать на борт.

Уилсон на мгновение задумался, но отказываться от рукопожатия не стал.

— А теперь, чтобы окончательно все прояснить, скажи: ты сам собираешься присоединиться к команде?

— Нет. Теперь, надеюсь, мы обо всем договорились.

Аншан находился на самом краю второй зоны космоса, на расстоянии двухсот семнадцати световых лет от Земли и почти посередине между старым миром и Парой Дайсона. Это обстоятельство и стало решающим фактором для ККТ, открывшей здесь свое разведывательное подразделение для освоения третьей зоны. На Буунгейте, расположенном на шестьдесят световых лет дальше, уже имелся второй переход, ведущий к Дальней, и местное правительство лелеяло надежду, что ККТ продолжит здесь работать. Однако этим надеждам не суждено было сбыться: Дальняя оказалась тупиком. Зато Аншан поможет человечеству проложить дорогу к Паре Дайсона.

За восемь лет, прошедших после обоснования разведывательного подразделения на планетарной станции, расширение шло не слишком быстро: для заселения было открыто всего две планеты. Впрочем, Аншан теперь мог не беспокоиться о своем развитии — он становился узловым миром для нового сектора космоса. В следующее столетие экономика и численность населения будут расти, пока не сравняются с показателями любого из процветающих миров первой зоны. Его будущее было обеспечено.

Пассажирский экспресс из Лос-Вады плавно подкатил к планетарной станции ККТ в Трелоаре, столице Аншана, и Уилсон Кайм незаметно усмехнулся своеобразному ощущению дежавю. От близости к побережью воздух снаружи был горячим и влажным, совсем как в Хьюстоне. Он вспомнил о первом дне в космическом центре НАСА, куда прибыл для тренировок, и о том, как жаркое солнце пощипывало тогда кожу на лице. В ярком свете дня одинаковые казенные строения кампуса казались на удивление обшарпанными, особенно если учесть то, что происходило внутри. Он почему-то ожидал увидеть нечто более грандиозное и не такое обыденное.

То же самое ожидало его и на Аншане. На платформе его поджидали два члена разведывательного подразделения ККТ. Они проводили Уилсона к небольшому легковому автомобилю и поехали по огромному пустырю, огражденному забором. Обширная площадь была предназначена для сортировочного узла, где в неопределенном будущем построят десятки переходов и откуда транспорт по сотням путей отправится к новым звездам. Но сейчас, словно по иронии, окружающий ландшафт напоминал постиндустриальную пустыню. По земле к несуществующим мини-городам были проложены постепенно деформирующиеся дороги из ферментированного бетона. Из почвы то тут, то там торчали клочки местной жухлой травы и водорослей, цеплявшихся за комья спекшейся глины, между которыми после каждого дождя застаивалась вода. Повсюду виднелись сверхмощные машины: их металлические корпуса обросли чешуей ржавчины; кузова из композитных материалов выгорели почти добела; ветровые стекла были разбиты; а огромные, с легковой автомобиль, шины были спущены и даже уже окаменели. Над пустырем в термальных потоках воздуха плавными кругами летали крупные птицы с широкими черными крыльями.

Эти лоснящиеся хищники охотились на мелких грызунов, хотя рассчитывать на обильную добычу здесь не приходилось.

Совершенно новая двусторонняя магистраль казалась здесь совсем неуместной, словно выпавшей из времени. Параллельно ей шла тоже новая, двухрядная рельсовая колея, соединявшая сортировочную станцию с комплексом, где началось строительство космического корабля. Уилсон заметил одинокий DFL25, толкавший перед собой восемь пустых платформ, и это было единственным признаком активности на несколько миль вокруг.

Дорога по заброшенной пустыне до космического объекта заняла десять минут. Потом из жаркого марева материализовались жемчужно-белые корпуса без окон, окруженные шестиметровым забором. Вдоль его основания в бесконечном патрулировании перекатывались вооруженные стражи-роботы, оборудованные сенсорами. При входе машину встретили трое охранников-людей. После двукратного сканирования они отдали капитану честь и разрешили проехать.

Весь комплекс буквально пропах деньгами. Уилсон был достаточно близко знаком со срочными проектами, чтобы понять, сколько средств сюда вложили за очень короткий промежуток времени. Длинные полосы газона из белой виргинской травы были аккуратно уложены и подстрижены. На асфальте парковки места были помечены свежей белой краской. Здания построили из недавно освоенных промышленностью гладких панелей, что обеспечивало постоянную чистоту поверхности. В большинстве стен имелись высокие двери, все закрытые и с серебристыми направляющими под нижней кромкой. Позади комплекса виднелся ряд опор линии электропередачи, уходивший к самому большому промышленному району города. На опорах лежали гладкие красные сверхпроводящие кабели: строительство требовало большого количества энергии.

Центральную часть комплекса составляли три приземистые круглые стеклянные башни, соединенные в основании листами стекла, выгнутыми в форме пирамид. Под ними находился огромный атриум вестибюля, украшенный хрустальными колоннами, внутри которых росли экзотические растения с крупными листьями. По каменному полу сновало множество людей с сосредоточенными лицами. Здесь велась серьезная работа.

Рядом с длинной стойкой администрации ждал Даниэль Алстер. Он тепло поприветствовал Уилсона и представился.

— Мистер Шелдон просит его извинить за то, что не смог встретить вас лично. Он на собрании, которое слишком затянулось.

Уилсон окинул вестибюль задумчивым взглядом, и его впечатление о неограниченном бюджете только укрепилось. «Фарндейл» нередко осуществлял крупные проекты, но это было совсем другое дело. Они строили административные здания в городах, сооружали целые заводы в производственных районах — все было на своем месте. Этот же комплекс находился в относительной изоляции и, видимо по этой причине, создавал впечатление особенной значительности и серьезности.

— Вы хотите сказать, что Шелдон лично управляет процессом постройки корабля? — спросил Уилсон.

— Нет, не до мельчайших деталей. Но этот вопрос остается одним из главных в его расписании. Он был очень рад, когда вы согласились принять звание капитана.

— В самом деле?

— Да. Как я понимаю, часть административных вопросов вы возьмете на себя.

— Верно.

Количество информации о проекте, присланное ему за четыре дня с тех пор, как он согласился управлять кораблем, было феноменальным. Большая часть файлов сопровождалась вопросами глав отделов.

— Мне бы хотелось сначала обустроиться, прежде чем брать на себя это бремя.

Грандиозный вестибюль и необходимость вести такой проект в одиночестве вызвали у него ощущение подавленности. В обычных условиях, начиная дело подобного масштаба, он всегда имел при себе несколько помощников и время, чтобы подробно ознакомиться с проектом. Только вчера вечером он получил отчет о заседании Совета Внешней Защиты Содружества, исключавший долгие раздумья по поводу возможных политических последствий полета. Правление «Фарндейла» в надежде на участие в строительстве единогласно поддержало его новое назначение.

— Конечно, — сказал Даниэль Алстер. — Ваш кабинет уже готов. Но мистер Шелдон предложил, чтобы сначала я провел краткую экскурсию по комплексу.

— Показывайте.

План комплекса был довольно прост, и три центральные башни уже были заполнены техническим и управленческим персоналом. Четверть площадей еще пустовала.

— Учебная база экипажа, — пояснил Даниэль Алстер, когда они проходили мимо темных застекленных залов.

— Кого-нибудь уже набрали?

— Пока только вас. Зато желающих — все наше разведывательное подразделение: это и технические службы, и геодезические команды. Кроме того, на всех планетах Содружества еще несколько миллионов одаренных людей настаивают на том, что они идеально подходят для этой работы. Мы получаем так много сообщений, что этот сектор киберсферы Аншана нуждается в расширении. Надеемся, что до начала активного набора вы разработаете определенные нормативы.

Уилсон безропотно пожал плечами:

— Ладно.

Большие здания по бокам от башен, похожие на ангары, оказались цехами, где прибывающие с заводов компоненты корабля проходили самое тщательное тестирование и только потом направлялись на сборочную платформу. На месте ничего не изготавливалось, все привозилось через планетарную станцию. Шестьдесят три процента комплектующих были изготовлены на Августе, включая и генератор червоточин, который будет использоваться как гипердвигатель. Остальные части присылали со всех концов Содружества, поскольку контракты распределялись в зависимости от финансовой заинтересованности и политических соображений. Уилсон с удовлетворением отметил, что три с лишним процента производства приходится на Лос-Ваду.

Сразу по прибытии вагонов контейнеры разгружали и направляли в чистые помещения для тестирования. Испытательные мощности, сконструированные ККТ в столь короткий промежуток времени, производили сильное впечатление. В огромных герметичных камерах можно было получить самые разные сочетания радиационного фона, экстремальных термических нагрузок, вибрации, электромагнитного излучения и обстрела сверхскоростными частицами — и все это в условиях старого доброго вакуума. Здесь также имелись лаборатории, где электронные компоненты подвергались всем возможным и невозможным испытаниям. Как только проверка заканчивалась, детали передавались на

сборочную платформу.

Найджел Шелдон ждал их у перехода, расположенного в конце самого большого испытательного участка. На нем был такой же белый комбинезон, в какой пришлось облачиться Уилсону. Они обменялись настороженным рукопожатием, словно старые друзья, недавно уладившие разногласия.

— Готов снова испытать невесомость? — спросил Найджел, надевая защитный шлем, который тут же уменьшился до размеров его головы.

— Думаю, да, — ответил Уилсон.

Во время знакомства с комплексом Даниэль говорил, что многие техники- сборщики, работая на строительстве корабля, испытывают головокружение и даже длительное пребывание в невесомости не помогает ослабить неприятный эффект. Астронавты компаний, базировавшихся на Высоком Ангеле, практически ничем не могли помочь: они использовали либо роботов, либо персонал, обладающий иммунитетом. Служащие ККТ в отчаянных попытках определить, какие стоит применить препараты или изменения в ДНК, перерыли горы информации, вплоть до древних медицинских отчетов на тему адаптации человека к условиям невесомости, некоторые из них были получены с русской станции «Мир».

Уилсон предоставил Найджелу пройти первым и затем осторожно шагнул вслед за ним — они воспользовались переходом разведывательного подразделения, снятым с дежурного пункта, чтобы обеспечить быструю связь между комплексом и участком космоса, где на высоте в тысячу километров над Аншаном вращалась по орбите сборочная платформа. Переход был построен в виде круглого титанового тоннеля, из связок электромускулов, способных пропускать предметы до восьми метров длиной и весом до двухсот тонн. Герметичные контейнеры двигались по нему синхронными толчками связок, так что их перемещение напоминало процесс глотания.

При взгляде со стороны можно было подумать, что Уилсон из ангара испытательного участка через простое круглое отверстие выходит в гигантский сферический зал. Сборочная платформа представляла собой шар из малметалла диаметром около шестисот метров. Внутренняя решетка напоминала шестигранные ребра с опорами, протянувшимися из узлов к центру. Они поддерживали широкий решетчатый цилиндр прямо перед переходом — именно здесь должен был появиться космический корабль. В данный момент он походил на еще более плотную решетку из перекладин и балок. Сотни мужчин и женщин в простых комбинезонах сновали вдоль остова корабля и останавливались рядом с передвижными роботами-сборщиками. Вдоль опор, словно капли росы по траве, скользили белые контейнеры.

Несмотря на внутреннюю готовность Уилсона, сила притяжения планеты исчезла неожиданно. Одна его нога твердо опиралась на пол, а другая словно бы повисла в воздухе. Он сосредоточился на движении вперед и воспользовался настенными поручнями и полосами электромускулов. Все чувства моментально сообщили мозгу, что он падает. Руки автоматически усилили захват. Впереди него Найджел уже развернулся параллельно переходу и, подтягиваясь на поручнях, приближался к строящемуся кораблю. Уилсон стал копировать его движения и сначала пользовался поручнями как трапом, продвигаясь вперед не более чем на двадцать сантиметров за шаг. Затем он вспомнил, что за перекладины можно было хвататься через каждые несколько метров, чтобы изменить направление движения и предотвратить вращение. От ощущения падения у него слегка дрожали

внутренности, но никаких других неприятных ощущений, кроме обилия слюны, он не испытывал. В воздухе чувствовался отчетливый запах перегретого металла и горячего масла, однако уже через несколько минут капитан привык и перестал его замечать.

— Хочу тебе кое-что сказать! — крикнул ему Найджел, обернувшись через плечо. — Вид этого малыша меня чертовски заводит. Со мной всегда так бывает в начале грандиозных проектов. Но знаешь, такого волнения от груды металла я не испытывал с тех пор, как мы с Оззи запускали первый переход для червоточины.

— Я помню тот день, — сухо ответил Уилсон.

Он не мог удержаться от воспоминания о том дне и об «Улиссе». Тогда он в последний раз смотрел на великолепный межпланетный корабль — огромное сооружение из металлических конструкций, напичканное аппаратурой, не так уж сильно, кстати, отличавшееся от этого корабля.

Найджел усмехнулся.

— Мы подходим к секции реактивных двигателей.

По мере приближения путаница опор стала более понятной. Через своего эл-дворецкого Уилсон запросил доступ к системе сборочной платформы, и перед его виртуальным взглядом мгновенно появилась схема конструкции. План корабля оказался довольно простым. Обитаемая секция, где должен был располагаться экипаж, представляла собой широкое кольцо диаметром в триста метров. Его вращение обеспечивало вдоль внешнего края до двадцати процентов от земной силы тяжести. По мнению Уилсона, это был обычный тороид фон Брауна, хотя его уже давно никто так не называл. В центре располагался цилиндр длиной в четыреста метров и пятьдесят в диаметре, содержащий в себе сверхсветовой двигатель и плазменные ракеты. На его поверхности вздувались многочисленные выпуклости, будто цилиндр покрылся бородавками.

Все трое остановились вокруг толстого наконечника с идеально зеркальной внутренней поверхностью — сюда должен будет встать первый, и пока единственный из пяти, плазменный двигатель. На местах для остальных четырех пока имелись лишь розетки стоек. Уилсон внимательно осмотрел толстые трубы для подачи ядерного топлива и сверхпроводящие кабели, которые будут подключены, как только установят остальные двигатели. Его рука, словно сама по себе, поднялась и дотронулась до блестящего корпуса.

Плазменные двигатели. Совсем такие же, как на «Улиссе». Их, как и велосипед, можно совершенствовать бесконечно.

— Какой источник энергии здесь используется? — спросил он.

— Нуль-батареи, — ответил Найджел. — Пятнадцать самых больших штуковин из всех, что мы сделали. И, конечно, имеется резервная система: ядерный микрореактор и два генератора. Но основное потребление все равно будет от нуль-батарей: их запаса хватит, чтобы улететь на семь тысяч световых лет.

— Так далеко?

Уилсон почему-то полагал, что корабль был способен добраться до Пары Дайсона и обратно, но не дальше.

— Да, но это не значит, что тебе дадут лицензию на исследование всей Галактики, капитан. Ясно?

Ответная улыбка Уилсона получилась слегка виноватой. Он как раз об этом и подумал.

— Вы хоть понимаете, что вы строите? Что это за корабль?

— А что?

— Вы сбрасываете камешек с вершины горы. У подножия он уже станет лавиной. У людей снова появится интерес к неизведанному. Они захотят еще кораблей, захотят увидеть, что там, вдалеке. Следующий корабль будет достаточно мощным, чтобы облететь ядро Галактики.

— Ты ошибаешься, капитан. На это способны лишь романтики вроде тебя. А их не так много, как ты думаешь. Построенное нами Содружество — это зрелое консервативное общество. Мы сильно повзрослели за последние два столетия. Только люди с единственной короткой жизнью готовы сломя голову бросаться в неизведанное с одним фонариком и палкой, чтобы сунуть ее в муравейник. Все остальные же не торопятся и медленно расширяют свои границы: только так можно избежать ошибок. Заяц и черепаха, капитан. Заяц и черепаха.

— Может быть, — сказал Уилсон. — Но я не верю, что мы все настолько цивилизованны.

Они миновали сектор ракетных двигателей и оказались в средней части сооружения, где два массивных манипулятора соединяли обитаемое кольцо с центральной секцией корабля. Здесь тоже мало что можно было увидеть: только голый скелет, лишенный наружной обшивки, даже без внутренних палуб. Впрочем, большая часть вспомогательного оборудования уже была установлена.

— Как продвигается работа над гипердвигателем? — спросил Уилсон.

Мышцы вокруг рта Шелдона едва заметно напряглись.

— Поточный генератор червоточины проходит третью стадию тестирования. Первичная установка начнется через три или четыре месяца.

— Это укладывается в рамки общего графика?

— Первоначальный проект предусматривал окончание работ через семь месяцев, — ответил Даниэль Алстер. — Но у нас возникли непредвиденные проблемы с конструированием в условиях отсутствия гравитации.

— Считай, не меньше девяти месяцев, — проворчал Найджел.

— Все стоит дороже, — весело произнес Уилсон.

— И занимает больше времени, — закончил Найджел. — Можешь мне об этом не говорить.

— Как вышло, что строить начали не на Высоком Ангеле? — поинтересовался Уилсон. — Я понимаю, что маршрут увеличился бы на двести тридцать световых лет, но для этого корабля такая дистанция ничего не значит, если я правильно понял технические характеристики. У них там имеются все условия для экспертиз в области астронавтики.

— Политические соображения, — коротко ответил Найджел. — В частности, мои собственные. В данном случае ККТ остается основным оператором всей миссии.

— Довольно откровенно, — признал Уилсон.

Похоже, Найджел не находил нужным что-либо скрывать от него, и это было хорошим признаком.

В передней части суперструктуры к установке какого-то устройства был подготовлен целый пучок силовых кабелей. Уилсон, заинтересовавшись таким значительным уровнем мощности, отыскал этот сектор в виртуальном поле зрения и выяснил, что это место предназначалось для генератора силового поля, одного из семи.

— А он неплохо защищен!

— Я хочу, чтобы ты вернулся в целостности и сохранности, — сказал Найджел. — И еще

меня беспокоит возможность того, что окутывание было защитной мерой. На мой взгляд, это наиболее вероятное объяснение.

— Если мы столкнемся с оружием, угрожающим звезде, вряд ли пара силовых полей принесут нам какую-то пользу.

Все трое собрались вместе вокруг предполагаемой позиции генератора силового поля.

— Послушай, — заговорил Найджел, — я хотел показать тебе все это именно сегодня, чтобы ты составил общее представление. На данной стадии проект еще можно в какой-то степени изменить. Черт побери, если потребуется, мы можем отложить запуск хоть на целый год. Я хочу знать твое мнение.

— Отлично. В первую очередь я хотел бы, чтобы мы были более осторожны, чем предусмотрено в представленной мне программе полета. Мне не хотелось бы участвовать в миссии, если предстоит выскочить из гиперпространства перед самым барьером и заорать: «Есть кто живой?» Первый предварительный обзор необходимо провести с расстояния не меньше десяти световых лет, а для этого потребуются самые лучшие сенсоры, какие только может предоставить Содружество. Если признаков конфликта мы не обнаружим, тогда сможем постепенно двигаться дальше. Возможно, ради этого придется продлить миссию на несколько месяцев.

— Это я смогу пережить, — сказал Найджел.

— Хорошо, потому что я возьму на себя управление кораблем только в том случае, если безопасность будет первостепенной задачей. И это относится не только к экипажу, но ко всем людям, где бы они ни находились. Если там есть нечто враждебное, я не хочу привлекать его внимание. Надеюсь, ты понимаешь, какую ответственность несет на себе данный проект.

— Я это понимаю, старик, можешь мне поверить. Именно с этим ККТ сталкивается каждый раз, когда мы открываем червоточину к какому-нибудь новому миру. Люди в наши дни не задумываются об этом, поскольку после трех столетий контактов считают подготовку к встрече с чужаками обычной рутинной, к тому же довольно скучной. Что касается меня, я стараюсь не расслабляться. Я знаю, что когда-нибудь мы столкнемся с вирусом или жучком, способным ускользнуть от биометрического сканирования, или с чужаками, совсем не похожими на сильфенов. Мы с каждым годом продвигаемся все дальше, и я постоянно добавляю новые требования к безопасности, игнорируя обвинения своих служащих в чудовищном бюрократизме. Я искренне надеюсь, что эти меры сыграют свою роль при действительно неприятной встрече, о которой никто раньше и не помышлял. Можешь просмотреть инструкции компании для разведывательного подразделения; думаю, они тебя убедят.

— Отлично; значит, мы понимаем друг друга.

— Надеюсь, Уилсон, потому что вам, возможно, предстоит именно та встреча, которой я опасюсь вот уже несколько столетий.

— Зачем же ты так энергично готовишь эту миссию?

— Нельзя прятаться в темноте только из-за того, что происходит нечто непонятное. Наш вид, человеческая раса, за последние столетия далеко шагнул по пути эволюции, теперь мы — *homo galactic*. Возможно, я слишком самоуверен, но я верю, что сейчас мы в состоянии противостоять таким серьезным силам. Не пытайся себя обманывать, они действительно серьезные, даже если вы не найдете ничего, кроме покинутого генератора барьерного поля. Нам предстоит договариваться с самыми странными чужаками, ничем не похожими на

сильфенов.

— Мне кажется, ты говорил, что нас, настоящих романтиков, почти не осталось.

— Так и есть. Но посмотри: кто они, эти романтики?

Уилсон наконец рассмеялся. Запрокинув голову, он окинул взглядом громаду корабля.

— А почему же у него до сих пор нет имени?

— Ты капитан, это твоя прерогатива.

— Шутишь?

— Нет, старик, я уверен, ты это заслужил. Есть идеи?

— Конечно. Назовем корабль «Вторым шансом».

Ему даже не пришлось над этим долго размышлять.

Найджел усмехнулся.

— Неплохо. Со временем проведем соответствующую церемонию. Но сначала тебе придется хотя бы начать набирать экипаж. Пока что я смогу прикрыть тебя от политиков, но чем раньше начнется отбор, тем лучше. Знаешь, я считал, что поднаторел в политических дрязгах, но теперь они все как с цепи сорвались. Каждый президент, король, королева, первый министр, председатель, генеральный секретарь и великий император желает, чтобы его мир участвовал в миссии.

— Ты предусмотрел значительную численность научных сотрудников, и это отлично. В противном случае я сам бы этого потребовал. Собственно экипаж, инженерный состав, обеспечивающий работу корабля, я хочу свести к минимуму. В конце концов, это научная миссия. Поэтому я бы хотел, чтобы они были набраны из уже работающих здесь команд.

— Ладно, я не против взвалить на тебя эту ношу. Но должен предупредить: на тебя будут оказывать давление.

— С этим я справлюсь. Да, вы вряд ли разыскивали членов моего старого экипажа, не так ли? Я знаю, что командер Льюис так и не прошел процедуру омоложения, а остальных я давно потерял из виду.

— Я займусь этим, — сказал Даниэль.

* * *

Паула Мио могла видеть Эйфелеву башню прямо из окна своего служебного кабинета. Сто лет назад следственный отдел Управления по расследованию особо тяжких преступлений получил прекрасный пятиэтажный особняк всего в трех кварталах от Сены, отремонтировал его изнутри, а фасад наполеоновской эпохи оставил нетронутым. Если бы главный следователь отодвинула кресло от стола и повернула голову, над крышами зданий она увидела бы древнюю железную башню. Однако за девяносто два года, прошедшие с тех пор, как Паула стала главным следователем, она взглянула на башню не более десятка раз. Сегодня же выпал как раз один из тех редких дней, когда она отвлеклась и обратила внимание на панораму. На верхушке башни, словно муравьи, сновали туристы, а по всей высоте старинного железного шпиля плавно скользили вверх и вниз кабинки лифтов. Вечная картина, которая к тому же значительно выиграла за последние два столетия, когда парижане изгнали из сердца города все небоскребы и современные блочные здания.

Пока Паула любовалась видом, транспортные файлы о перевозках коммерческих грузов прогонялись через особые аналитические фильтры в поисках ускользающих от нее

закономерностей. Именно это и было причиной ее нынешнего настроения. Закономерности ускользали от нее уже на протяжении двух месяцев, а способов отыскать информацию, даже при самых современных программах, было не так уж много.

Она знала, что Элвин начал поставлять оружие на Дальнюю. Сделать это можно было только одним способом — разобрать изделия на ничем не примечательные компоненты и распределить их по другим грузам. Каждый раз, когда он закупал оружие, дело заканчивалось отправкой по одной и той же схеме. Паула сможет попросить службу безопасности ККТ на станции Буунгейта провести выборочную проверку, распаковать грузы и проверить их на соответствие заявленной спецификации. За последние двадцать лет им лишь трижды удалось найти компоненты, происхождение которых отправитель не смог объяснить. Паула была уверена: если проверить каждый отправленный груз, результат был бы намного лучше. Но служба безопасности ККТ ясно дала понять, что у них нет ресурсов на проведение операции такого масштаба. Кроме того, она, не имея других причин для проверки, кроме собственных подозрений, вызовет недовольство всех, кто легально ввозит оборудование на Дальнюю. Да и Мел Риз, ее нынешний босс, как и все его предшественники, откровенно заявил о невозможности поддерживать и финансировать подобную процедуру перехвата. Она десятки лет пыталась бороться с этой политикой начальства, но все было бесполезно. Поэтому она продолжала рассылать запросы и использовать доступные рычаги давления в политических кругах, довольствуясь случайными проверками лишь малой части ввозимого оборудования.

В попытке изменить баланс в свою пользу она инициировала анализ информации. Каждая единица груза, поступавшего на станцию Буунгейта, сопровождалась полным комплектом файлов с деталями отгрузки, счетами, подтверждениями оплаты, справкой упаковочной компании и координатами торговых агентов. Адам Элвин будет посылать свой груз разными маршрутами, и сам процесс, возможно, растянется не на один год. Таковы исходные условия секретной доставки. Надо только подобрать ключ, узнать, в каких грузах скрыты те или иные компоненты и когда они должны прибыть на место. Если это сделать, удастся проследить путь всего груза. Программы Паулы отыскивали контейнеры, прошедшие через один склад за последние шесть месяцев, оплаченные через один и тот же банк, отправленные разными агентами через одну грузовую компанию, и операции, проведенные со счета, использованного только один раз. Но каждый раз она оставалась с пустыми руками. И не важно, что восемьдесят процентов грузов, направляемых на Дальнюю, принадлежало отдельным людям или семействам эмигрантов, забиравших с собой все свое имущество, дополненное целым списком предметов, которые они считали жизненно необходимыми.

— Такое удастся увидеть не каждый день, — произнес Мел Риз. — Ты отлыниваешь от работы.

Паула молча окинула его высокомерным взглядом и снова отвернулась к Эйфелевой башне. Мел Риз проработал в Управлении сорок лет и свою должность, одного из нескольких заместителей директора, получил благодаря родственным связям. Впрочем, так было принято во всех базирующихся на Земле институтах Содружества: если высшие руководители происходили не из Великих Семейств, они наверняка были членами Межзвездных Династий. Конечно, если Паула вступила бы в борьбу за пост директора, она бы добилась успеха, учитывая стаж ее работы в Управлении, насчитывавший сто сорок семь лет; но в силу своего характера она не стремилась занять эту должность — это отдалило бы

ее от настоящей оперативной работы.

Мел Риз всмотрелся в столбцы информации на мониторе ее рабочего места.

— Не везет?

— И не повезет с тем бюджетом, что ты утвердил.

— У меня для тебя есть кое-что еще.

Мел Риз, желая что-то обсудить, никогда не осмеливался вызывать Паулу в свой кабинет. Он всегда приходил к ней сам.

— Что?

— Замороженное дело на Октиере. Возможно, преднамеренное убийство тела в совокупности с разрушением памяти.

Паула не сумела скрыть своего интереса. Замороженные дела, как в Содружестве называли нераскрытые преступления со сроком давности более тридцати лет, встречались довольно редко.

— Как давно это произошло?

— Не уверен, но, кажется, около сорока лет назад.

— Гм. — Паула сморщила нос. Не так уж давно. — Местная полиция не может с этим разобраться?

— Они пытались. Результаты неубедительные. Именно поэтому они направили нам запрос с просьбой о помощи. Одна из предполагаемых жертв, Тара Дженнифер Шахиф, принадлежит к влиятельному семейству на Октиере. Знаешь, как это бывает: ее родные требуют окончательного результата. Поэтому я, естественно, хочу, чтобы делом занялась ты.

— Ты сказал — одна из жертв?

— Да. Похоже, что были убиты двое — по крайней мере, об этом известно полиции.

— Ладно, теперь мне стало интересно.

— Спасибо.

Он оглядел спартанский кабинет и заметил небольшую сумку, всегда укомплектованную для любой командировки за пределы Земли — это был один из трех личных предметов, которые Паула позволяла себе держать на рабочем месте. На подоконнике стоял раббакас — черная клубнелуковица, выпустившая единственный розовый в крапинку бутон с лепестками, похожими на перья. Растение было ей подарено сильфенами на Сильверглейде. Третьим предметом был кварцевый куб на столе, в котором светилась голограмма со снимком воспитавшей Паулу пары с Мариндры и двух девочек в возрасте около пяти лет — Паулы и ее сводной сестры. Мел Риз всегда старался не смотреть на голограмму, она напоминала ему о странностях главного следователя.

— Не хочешь сбросить какое-нибудь из своих дел на время отсутствия? У Ренне и Тарло сейчас не слишком напряженная работа.

Она подняла голову, словно он перешел на непонятное ей наречие.

— Спасибо, но я могу отслеживать все и с Октиера, это тоже часть унисферы.

— Конечно. Верно. — Он шагнул к выходу. — Если тебе что-то нужно, дай мне знать.

Паула дождалась, пока он закроет за собой дверь, и только тогда позволила себе улыбнуться. Нет, Риз не самый плохой заместитель директора, он заботится о своих подчиненных и старается выбить для отдела разумный бюджет, и, кроме того, он знает свое место. Спустя некоторое время она снова подвинула кресло к столу и запросила у эл-дворецкого все файлы по делу Тары Дженнифер Шахиф.

Клиника Клейдена располагалась на двадцати акрах собственной земли в одном из

восточных пригородов Дарклейк-сити. Что касалось качества процедур омоложения, она была одной из лучших клиник на всей планете. Паула просмотрела имеющийся в Управлении файл компании — типичная корпорация среднего размера с клиниками в пяти мирах этого сектора космоса.

То, что она увидела из окна полицейской машины, въехавшей на охраняемую территорию клиники, подтверждало эту информацию. Длинное трехэтажное голубовато-серое здание, отделанное бамбуком, стояло на склоне холма над небольшим озером. В конце одного крыла по строительным лесам сновали роботы-сборщики, устанавливавшие еще одну секцию. Ее деловой костюм оказался плохой защитой от утренней сырости, и Паула поспешила из машины прямо к регистратуре. Детектив Хоше Финн, все время отстававший на пару шагов, недовольно пыхтел, сетуя на жару. Он состоял в местном отделе замороженных дел и был назначен в помощь Пауле на время расследования. Хоше отнесся к заданию с энтузиазмом, и это приятно удивило Паулу. Хотя бы в этот раз кто-то был рад работать с ней в паре и с самого начала оказался полезным. Она не сомневалась, что он решил убедиться, соответствует ли ее репутация действительности, но не придавала этому значения. Все что угодно, лишь бы добиться результата. Кроме того, его оживление частично объяснялось возрастом: после второго омоложения ему было всего восемнадцать лет. Люди более зрелого возраста, как правило, вели себя более сдержанно.

Последнее омоложение наградило Хоше Финна худощавым лицом. Его длинные черные волосы были зачесаны назад и скреплены в пучок затейливой серебряной заколкой. При первой же встрече он признался, что страдает от избыточного веса, хотя его блестящий зеленый шелковый костюм успешно скрывал талию и живот.

— Сюда, — сказал Хоше Финн, когда они оказались внутри здания.

Он повел ее по длинному коридору, уходящему в сторону от регистратуры. По пути им попалось несколько недавно омолодившихся пациентов, передвигавшихся с помощью медперсонала.

— Тебе приходилось расследовать много замороженных дел? — спросила Паула.

— Три, — ответил он, пожимая плечами. — Включая и это дело. Показатель успехов у меня не слишком высок, большую часть времени я работаю в главном отделе по уголовным делам. Группа расследования замороженных дел активизируется только в тех случаях, когда всплывают преступления, которым больше тридцати лет. А такие случаи бывают крайне редко.

— Не переживай, нераскрытых случаев не так уж много.

— Верно. Копаться в прошлом нелегко, даже при нашей системе хранения информации.

— Не совсем так. — Она замедлила шаг. — Получаемую из прошлого информацию приходится соотносить с поведенческими привычками. Нам необходима целостная картина. Правоохранительные органы в наше время слишком полагаются на цифровые свидетельства.

— И вот тогда приходит ваш черед. — Он улыбнулся в ответ на ее подозрительный взгляд. — Черед настоящего детектива.

— Я делаю то, что в моих силах.

В тамбуре для санобработки перед комнатой Вайоби Котала им пришлось надеть стерильные комбинезоны. Слабый розоватый свет в палате не мог скрыть напряженного выражения глаз ее обитателя. Пока открывались вторые двери, Паула старалась взять себя в руки. Каждый раз, когда приходилось посещать палаты оживления, она почему-то чувствовала необъяснимую слабость. Новое клонированное тело Котала еще пять недель

назад вышло из резервуара-утробы, но его вид все равно вызывал у нее отвращение. Процесс клонирования был начат два года назад, когда страховая компания, согласно контракту, попыталась связаться со своим клиентом через унисферу. Последующие поиски, включая и человеческие ресурсы, не смогли выявить никаких его следов после отъезда с Октиера сорок лет назад. На тот момент с его рождения прошло шестьдесят пять лет, и, согласно полису, оплаченному состоятельными родителями сразу после зачатия, ему следовало явиться в клинику для первого омоложения. Поскольку он не явился, суд пришел к заключению, что он был либо убит, либо стал жертвой незафиксированного несчастного случая, и выдал страховой компании свидетельство о смерти. Спустя неделю была начата процедура оживления.

Для отлично оборудованного заведения, каким являлась клиника Клейдена, эта процедура, хоть и не слишком часто проводимая, была относительно простой. ДНК Котала слегка модифицировали с целью ускоренного развития, а зародыш поместили в резервуар-утробу, где он развивался в течение двадцати трех месяцев. За пять месяцев до окончания этого срока специалисты клиники установили с ним нейронную связь и начали загружать в новый мозг сохраненные воспоминания Котала. Их было не так уж много: хотя раньше Котал и обновлял свой запас каждые два месяца, он перестал это делать в возрасте двадцати трех лет, когда покинул Октиер.

Человек, лежавший на кровати в насмешливо-розовом полумраке, выглядел как четырнадцатилетний подросток после длительного голодания. Его тело было настолько тощим, что под натянутой кожей виднелись суставы и ребра. Для предотвращения шелушения кожи на тело была нанесена какая-то мазь, но кое-где проглядывали довольно большие воспаленные участки. На руках и ногах, почти полностью лишенных мускулов, нелепыми буграми выступали локти и колени. Необходимость двигаться заставляла его носить электромускульный костюм, что со стороны выглядело как проволочный экзоскелет. Но самое печальное зрелище представляла его голова: по размеру она соответствовала взрослому телу, но тощая шея не могла ее поддерживать без помощи электромускулов.

Взгляд больших ввалившихся глаз Вайоби Котала встретил их у самой двери. Он даже не сделал попытки повернуть голову. Время от времени он чуть-чуть приоткрывал рот, и тогда из вспомогательного костюма к губам поднималась трубочка, из которой поступала питательная жидкость. Паула даже не осмелилась посмотреть на все остальные провода и трубки, опутывавшие его поясницу, и на устройства, подсоединенные к пенису и анальному отверстию.

Она-то считала унижительным даже обычное восстановление после простого омоложения.

— Привет, Вайоби, — заговорил Хоше Финн. — Сегодня ты выглядишь намного лучше. Помнишь меня?

— Полицейский, — прошептал Вайоби Котал.

Его голос, усиленный вспомогательным костюмом, производил впечатление эха.

— Верно, я детектив Финн. А это главный следователь из Управления по расследованию особо тяжких преступлений Паула Мио. Она прилетела с самой Земли, чтобы разобраться в причинах твоей смерти.

Взгляд Вайоби Котала сфокусировался на Пауле.

— Я вас знаю?

— Нет. — Она не собиралась рассказывать о своей известности человеку, который

пытался извлечь смысл из ничтожно малого запаса воспоминаний. — Но я бы хотела тебе помочь.

Он улыбнулся, отчего с губ стекла струйка слюны.

— Вы собираетесь вызволить меня отсюда?

— Тебе осталось совсем недолго.

— Ложь! — Он произнес это так громко, что усилитель не включился. — Мне говорили, что мышцы нарастут за несколько месяцев, а я по-прежнему слаб, как ребенок. Ускоренная регенерация уже закончилась.

— Но ты снова жив.

Он закрыл глаза.

— Найдите их. Найдите тех, кто сделал это со мной.

— Если тебя убили, я их найду. Я всегда это делаю.

— Хорошо.

— Как я понимаю, вы с Тарой Дженнифер Шахиф были сексуальными партнерами. — Паула не стала обращать внимания на недовольную мину Финна, заметную, несмотря на маску. Состояние Котала ограничивало время их беседы, и она не хотела потратить впустую ни одной секунды.

— Да. — Выражение ребяческого лица несколько смягчилось. — Мы только начали узнавать друг друга.

— Тебе известно, что она тоже покинула Октиер?

— Известно. Но я не могу поверить, что решился убежать вместе с ней. Меня многое привязывало к тому месту. Я уже говорил полиции. Я встречался еще с одной девушкой.

— С Филиппой Йо, да?

— Да.

— Она ревновала тебя?

— Нет-нет, с этим я давно покончил. Это было обычное развлечение, ничего серьезного. Мы оба об этом знали. Мы с Филиппой жили первой жизнью и хотели... жить.

— Это было развлечением, согласно последнему обновлению воспоминаний, хранившихся в клинике. Но ты покинул Октиер спустя девять недель. За это время многое могло произойти.

— Я бы не уехал, — упрямо заявил он.

— Кто-нибудь из вас упоминал о предстоящих поездках? Может, ваши друзья планировали провести отпуск на другой планете?

— Нет. В этом я уверен. В моей голове сейчас сплошная путаница, для меня прошло только пять недель. Но вся моя жизнь перемешалась. Какие-то детские воспоминания мне сейчас ближе, чем Филиппа и Тара. Черт, я не могу поверить, что кто-то хотел меня убить.

— Тебе известно что-нибудь о Тампико?

— Нет. Ничего. А что?

— Именно на эту планету ты купил билет.

Вайоби Котал снова закрыл глаза. Из-под пушистых ресниц потекли слезы.

— Не понимаю. Я ничего об этом не помню. Это какая-то ошибка. Сплошная гигантская ошибка. Я все еще где-то там. Должен быть там. Я просто забыл вовремя прийти на омоложение, вот и все. Найдите меня, пожалуйста. Найдите меня! — Он попытался приподняться на кровати, юное лицо исказила напряженная гримаса. — Сделайте что-нибудь.

Медсестра вошла в тот момент, когда Вайоби Котал упал навзничь на постель.

— Отключился, — сказала она. — Это продлится часа три, потом он придет в сознание.

Вы можете вернуться, если это необходимо, но его нельзя подвергать долговременному напряжению. Его личность еще слишком слаба и эмоционально неустойчива.

— Я понимаю, — сказала Паула.

Вместе с Хоше Финном они покинули палату.

— Что вы об этом думаете? — спросил детектив, снимая больничный комбинезон.

— Если рассматривать дело отдельно, я бы сказала, что оно яснее ясного. Живущие первой жизнью слишком эмоциональны. Он отправился на прогулку с девушкой и утонул, или разбился, или врезался в гору — одним словом, беспечность или глупость. Но в паре с Шахиф приходится учитывать все обстоятельства.

Хоше Финн кивнул и бросил комбинезон в корзину. После очень теплой комнаты Котала в прохладном помещении его пробирала дрожь.

— Именно это и насторожило нас в первую очередь. Тара Дженнифер Шахиф была оживлена двадцать лет назад. Причиной смерти она указала несчастный случай.

— И кто же заметил связь между ними?

— Мортон, ее бывший муж. По всей видимости, имя Котала упоминалось в процессе о разводе. Он фигурировал как ее сожитель на Тампико.

— Значит, между Коталом и Шахиф было что-то серьезное?

— Похоже на то, но не на этой планете. Она подала на развод на Тампико. После окончания процедуры развода Мортон ничего не слышал о ней до самого возрождения. Наше подразделение проверило факт ее оживления, но мы не обнаружили ничего незаконного или подозрительного. Несчастные случаи не редкость.

— Получается, что Котал и Шахиф отправились отдыхать, возможно, даже провести медовый месяц и пострадали от одного и того же несчастного случая.

— Возможно. Только вот после отъезда с Октиера они не оставили никаких следов.

— Кроме прошения о разводе.

— Да. Но и это еще не повод их убивать. Все, что мы имеем, — это масса подозрительных обстоятельств.

— Сначала мне необходимо повидать Шахиф.

— Она ждет нас.

Сообщение было загружено в унисферу через планетарный узел в Хемелее, небольшом глубинном аграрном городке на Вествуде. Оно хранилось на одноразовом адресе пять часов — время достаточное для того, чтобы его отправитель сумел пересечь все Содружество. По истечении пяти часов сегмент отправителя был активирован, и программа доставила сообщение на адреса всех эл-дворецких унисферы. Этот навязчивый метод распространения объявлений назывался «стрельбой дробью». В отношении коммерческой рекламы он не использовался вот уже несколько столетий. В программах современных эл-дворецких имелся фильтр, способный отослать спам обратно его отправителю, хотя от этого было немного пользы, поскольку большинство «стрелков дробью» пользовались одноразовыми адресами. Кроме того, эл-дворецкие автоматически уведомляли Служебный Интеллект, контролировавший протоколы маршрутизации, и те немедленно стирали раздражающее сообщение из всех узлов связи. По закону Межзвездного Содружества, принятого в 2174 году, нарушителю грозил штраф за сообщение, полученное каждым эл-дворецким, так что общая сумма штрафа редко оказывалась меньше пары миллиардов долларов. Такого наказания не могла выдержать ни одна компания. Впоследствии «стрельба дробью» осталась в арсенале только подпольных организаций или отдельных личностей, обладавших мировоззрением, финансовыми схемами, религиозными убеждениями или политическими взглядами, которые они хотели донести до всего Содружества. Учитывая скорость, с которой СИ успевал идентифицировать и блокировать распространение «дробин», любой разработчик программ, способный создать относительно новый способ распространения, мог заработать неплохие деньги — естественно, наличными.

В данном же случае сообщение-дробь обошло фильтры большинства эл-дворецких по той причине, что имело подлинный авторский сертификат. При получении любого сообщения каждый эл-дворецкий запрашивал именно его. Это послание было подписано именем Эйприл Галлар Халгарт, двадцатилетней жительницей Солидада, частного мира, принадлежащего династии Халгартов. Более десяти миллиардов эл-дворецких поместили его в папку с несрочными документами.

Многие люди, получив сообщение от Халгарт, открывали его из чистого любопытства. С началом видеозаписи становилось ясно, что это «дробь», и девяносто процентов получателей немедленно стирали его. Остальные продолжали смотреть в силу природной любознательности или из желания вчинить иск Халгартам. Были среди них и участники экстремистских организаций, и те, кто хотел использовать свежий материал для своей диссертации о политических фракциях, и те редкие личности, которые верили каждому слову.

Зрительный ряд открывался изображением мужчины, сидящего за столом в кабинете; за стеклянной стеной позади него простиралась заснеженная панорама Сан-Матио, столицы Лермы. Строгие черты его лица гармонировали со смуглым цветом кожи, а в аккуратно подстриженных каштановых волосах проглядывали серебряные пряди (криминалистическая экспертиза показала: при создании этого графического образа использовался блок политических имитационных программ «Формит-3004»).

— Прошу прощения за неожиданное вторжение, — произнес мужчина. — Но, как вам всем известно, на преследование нашей группы правительство тратит огромные суммы из

ваших налогов. В нарушение хартии Содружества о свободе открытых собраний мне не позволено высказываться перед своими согражданами. Я представляю Хранителей Личности. Прежде чем вы сотрете это послание, хочу задать вам один вопрос. Почему сенат и наша администрация приняли решение послать корабль к Паре Дайсона? Почему именно сейчас?

В наступившей паузе мужчина вполне реалистично вздохнул, а точка съемки переместилась вперед и немного ниже. Этот обычный прием создавал впечатление разговора с глазу на глаз.

— Как вы знаете, мы выступаем против Звездного Странника, против чужака, который, как мы утверждаем, в своих собственных целях активно влияет на политические круги Содружества. Именно Звездный Странник спровоцировал миссию по исследованию Пары Дайсона. Человечеству уже два столетия было известно об окутывании двух звезд. В будущем, когда откроется шестая зона космоса, мы сможем добраться до этих странных звезд и начать исследования. Так что же изменилось сейчас? Единственное наблюдение, подсказавшее, что оболочка не состоит из твердой материи, а является силовым полем. Почему же это обстоятельство изменило политику Содружества, проводимую столетиями?

Говорящий сокрушенно покачал головой.

— Возможно, самая рискованная исследовательская экспедиция человечества, с тех пор как Колумб поднял паруса, была утверждена без каких-либо веских объяснений. Этот вопрос не обсуждался на открытых заседаниях сената, но тем не менее на строительство корабля тратятся огромные средства. Решение было принято каким-то непонятным Советом Внешней Защиты Содружества, о котором до сих пор никто и не слышал. Это как раз явное свидетельство закулисной игры Звездного Странника и его подручных.

Перспектива снова изменилась, и перед зрителями предстал сложный лабиринт улиц Сан-Матио.

— Он прячется где-то здесь, он контролирует и оказывает влияние на нашу жизнь через своих марионеток. Правительство и подконтрольные ему средства массовой информации задают нам вопрос: откуда нам известно, что Звездный Странник несет зло? Ответ прост. Если бы он был другом, он бы открыто заявил о себе. Если бы он был нам другом, он бы не втягивал нас в эту миссию по исследованию Пары Дайсона. Президент говорит, что мы должны знать, что произошло. Он ошибается. Мы знаем, что должно было произойти. Защита целой звездной системы силовыми полями — это проявление крайнего отчаяния. Возникла какая-то чудовищная угроза, вызвавшая колоссальные контрмеры. Эти барьеры тысячу лет удерживали в изоляции зло, грозившее всей Галактике. Именно поэтому мы еще живы. Этот прекрасный город и тысячи других таких городов в Содружестве могут спокойно спать, потому что угроза сдерживается барьерами. А мы собираемся отправить туда космический корабль, чтобы встретиться с неведомой опасностью. Зачем? Что плохого в нашей старой политике осторожности? К тому времени когда мы достигнем шестой зоны космоса, мы, возможно, поймем, как генерировать такие мощные поля, мы наверняка продвинемся еще дальше по пути прогресса и технологий. И мы никого не поставим под удар, тем более самих себя.

Камера снова вернулась в кабинет, обеспечивая зрительный контакт с говорящим.

— Почему не были проведены общественные слушания? Этого не хочет Звездный Странник. Откуда такая срочная потребность посетить Пару Дайсона? Этого хочет Звездный Странник. Зачем ему это надо? Подумайте вот о чем: Звездный Странник прошел по

Галактике сотни световых лет. Он знает, что находится за барьером. Он видел заключенную там опасность.

Мы просим вас только не поддаваться его замыслам и обманам. Спросите своего сенатора, своего планетного или национального лидера. Потребуйте объяснений, почему ваши деньги тратятся на безрассудные и недемократичные поступки. Если ответы вас не удовлетворяют, воспользуйтесь своими правами. Требуйте остановить эту чудовищно опасную миссию.

Говорящий почтительно склонил голову.

— Я благодарю вас за потраченное время.

* * *

Голубой карлик, формально названный альфой Льва, среди астрономов Земли, когда в старом мире еще существовала такая наука, как астрономия, был больше известен под именем Регул. Те же астрономы отыскиали ему звезду-спутника — оранжевого карлика Малого Льва, который, в свою очередь, имел компаньона — Микро Льва, красного карлика. Эта примечательная тройка, расположенная в семидесяти семи световых годах от Солнца привлекла к себе внимание своей необычностью.

Затем, в 2097-м, ККТ открыла там пригодную для жизни планету, находившуюся вдали от основной орбиты, и окрестила ее Августой. Найджел Шелдон наконец получил возможность, которую так долго ждал. В те дни Межзвездное Содружество людей еще только образовывалось, и ФОН на Земле издавала первую партию всемирных законов об окружающей среде. Поскольку Регул находился в стратегически важном месте для распространения сети ККТ в уже намеченную вторую зону, Найджел закрепил планету за компанией. Он вывез туда все производственные мощности ККТ и, мало того, пригласил другие производства, которые страдали от строгих ограничений, принятых на Земле. Августа стала первой из группы планет, впоследствии известной как Большая Дюжина.

На Августе не существовало культуры как таковой, как не существовало и национальной принадлежности. Здесь все было посвящено коммерции, большим и малым производствам, продававшим свои продукты по всему Содруеству. Вдоль субтропического побережья континента Синевы вырос единственный на планете город Нью-Коста, в котором к 2380 году обитало больше миллиарда человек. Лишенное центра образование, представлявшее собой череду заводов и спальных кварталов, протянулось на четыре сотни километров вдоль берега и на три сотни вглубь материка.

Мегагород, при всей своей внешней грубости, жил единственной целью, которой поклонялись все его обитатели. Все они собрались здесь ради одного: работы. Тут не было коренных жителей, все формально числились временными служащими, приехавшими с целью заработать денег. Много денег. Некоторые оставались на Августе жизнь за жизнью — трудоголики, потом и кровью пробивавшиеся по служебной лестнице своей компании, постепенно, при каждом омоложении меняя свою внешность с единственной целью — обойти соперников. Некоторые проводили здесь только одну жизнь — мелкие предприниматели, надрывавшиеся на работе ради раннего омоложения и впоследствии добивавшиеся успеха. Но основная масса людей проводила здесь от шестидесяти до девяноста лет: за это время они успевали заработать достаточно средств, чтобы обеспечить

себе безбедную жизнь на нормальной планете. Кое-кто даже обзаводился семьями. Дети были единственными, кто не работал на Августе, но они получали слегка искаженное представление об остальном Содружестве, веря, что оно состоит из романтически устроенных планет, где все живут в уютных поселках, составляющих огромные конгломераты.

Одним из таких детей был Марк Вернон, выросший в районе Оранжвуд в южном конце Нью-Косты. Этот квартал был не хуже и не лучше любого другого в этом мегагороде. Резкий солнечный свет по большей части рассеивался в коричневом тумане смога, а «Августа Инжиниринг», владевшая и управлявшая городом, не собиралась отдавать дорогостоящие площади под парки. Поэтому Марк вместе со своими друзьями, натянув на голову капюшон, болтался по горячему асфальту торговых улиц и любым местам, где мог безнаказанно раздражать взрослых и представителей власти. В двенадцать лет он получил от родителей слуховые и зрительные вставки и ОС-татуировку с точечными контактами, потому что на Августе в этом возрасте детям начинали загружать общеобразовательные предметы. В шестнадцать лет он был подключен к Всеобщему Интерфейсу Сознания и ежедневно в течение часа принимал пакеты искусственной памяти первого курса колледжа. В восемнадцать он окончил колледж, получив посредственные познания в области электромеханики и программирования.

Спустя десять лет у него была неплохая работа в «Колин Электроматрион», жена, двое детей, домик на три спальни с крошечным бассейном во дворе и приличный пенсионный фонд «О&О». Согласно статистике, он был идеальным обитателем Августы.

В тот вечер пятницы по пути домой он едва сдерживался, чтобы не завопить от злости на эту планету и на эту образцово-показательную жизнь. Для начала ему пришлось задержаться на работе. Менявший его парень заболел, и дежурному администратору потребовался целый час, чтобы найти ему замену. А по пятницам у Марка проходили семейные вечера, и он всегда старался приехать пораньше, чтобы провести время с теми, кого любил. Но даже обстановка на дороге препятствовала его намерениям. Легковушки и грузовики забили все шесть полос его стороны шоссе, не пропуская его «Форд Саммер». В это время суток не помогала даже общегородская система организации потоков, и любой машине приходилось тащиться со скоростью не больше тридцати пяти миль в час. Марк не отказался бы от жилья поближе к заводу, но в агентстве по недвижимости не нашлось ничего подходящего, так что ему пришлось довольствоваться районом Санта-Гидра. Всего десять миль от побережья, но чересчур близко к сектору Порт-Клая, где располагалась основная часть ядерного производства.

После поворота с шоссе на Хауэлл-авеню, петлявшую по Нортумберлендским холмам, Марк открыл боковое окно. В этом районе предпочитали жить представители высшего руководства; длинные чистые улицы были обрамлены рядами деревьев, а подъездные дорожки вели к воротам больших особняков, окруженных высокими стенами. Уровень преступности на Августе был довольно низким — по крайней мере, организованной, — так что те, кто мог себе это позволить, отгораживались от самого города, обеспечивая некоторое уединение. Лучи заходящего солнца отражались от дорожек и стен, создавая россыпи мерцающих бликов. Вдыхая теплый сухой воздух, Марк попытался расслабиться. Крохотное бело-голубое солнце уже склонилось к самому горизонту, и, как всегда в этот час, из южной пустыни к морю подул теплый эль-лопи. Он избавлял город от загазованности и влажности, оставляя только аромат цветов, растущих по обочинам кустов и деревьев.

В детстве родители увозили Марка и его братьев в пустыню, где они проводили длинные выходные на курортах в оазисах. Для него это был настоящий праздник, и Марк с удовольствием любовался бесконечными просторами песка, кремнистыми россыпями и радужными бутонами худосочных растений-прутьев, украшавших унылый ландшафт. Это была единственная возможность вырваться из мегагорода. Больше на всей Синебе поехать было некуда. Но и пустыню давным-давно пустили под плуг. По всем равнинам континента расползлись гигантские механизированные фермы. Местные деревья и кустарники были уничтожены и заменены обширными полями генетически модифицированных высокоурожайных растений, омытых пестицидами и накачанных удобрениями. Эти фермы поставляли неиссякаемый поток дешевых продуктов на обрабатывающие фабрики в материковую часть Нью-Косты, где продовольствие фасовалось в пакеты и поставлялось в первую очередь обитателям мегагорода, а затем и на другие планеты, из которых крупнейшим потребителем была Земля.

После многочисленных поворотов и спусков между Нортумберлендскими холмами Хоуэлл-авеню вышла на Санта-Гидру, широкий и ровный участок, уходящий на пятнадцать миль от побережья. Вдали был виден Порт-Клай — одиннадцать огромных бетонных кубов термоядерных реакторов, нависавших над берегом. Вокруг них простирался гигантский, покрытый асфальтом участок, где не было никаких растений и никакого движения. Этот пояс безопасности отделял станцию от мегагорода, получающего от нее значительную часть необходимой энергии. Над зданиями поднимались струйки чистого белого пара, розовеющие в предзакатных лучах. Марк не удержался от тревожного взгляда в ту сторону, хотя и знал, что никакой радиоактивности в них нет. Воздухозаборники охлаждающих систем, как и сливные трубы, уходили на несколько миль в море, что значительно снижало риск загрязнения, но энергетическая установка все равно оставалась одной из причин общего дискомфорта.

Тонкие опоры, повторявшие конфигурацию главных магистралей, уносили в город сверхпроводящие кабели, где они разветвлялись, образуя локальные сети. Другие, более массивные вышки шли вдоль побережья и уводили кабели к заводам. Там стояли корпуса самой тяжелой промышленности, занявшие все участки над морем. Огромные сталепрокатные и нефтеперерабатывающие заводы использовали морскую воду для охлаждения, а морское дно для свалки отходов.

После очередного поворота Хоуэлл-авеню пошла параллельно восьми предельно загруженным железнодорожным путям. Эти линии соединяли главные промышленные районы с планетарной станцией ККТ, находившейся в ста милях к северу и двухстах милях дальше от берега моря. Тяжеловесные DVA5 с термоядерными генераторами день и ночь тащили по ним грузовые поезда в милю длиной. Эти левиафаны странствовали по всей планете, совершая трехнедельные переезды с других континентов и пересекая все имеющиеся равнины, и лишь потом попадали на перешеек в северо-восточной оконечности Синебы, соединявший континент с соседним материком. В их вагонах перевозились все виды сырья, доступного в земной коре и добываемого в сотнях колоссальных кратеров открытых шахт, образованных АЭК по всему миру. По объему перевозок с ними могли соперничать только нефтепроводы, перекачивавшие нефть-сырец с десятков нефтяных полей и управляемые той же АЭК.

«Форд Саммер» пронесся по широкому тоннелю под грохот идущего поверху грузового состава, направляющегося вглубь континента. Это был один из сотни ежедневных поездов,

вывозящих продукцию сталепрокатных заводов. Через несколько часов он доберется до планетарной станции ККТ и перенесет металл в другой мир, где строгие законы не позволяют применять дешевые способы производства, практикующиеся на Августе.

Марк наконец свернул на свою улицу, будучи еще не в силах прогнать из головы эти мрачные мысли. Патни-роуд была длиной всего в одну милю, но от нее отходили бесчисленные переулки и тупики. Тротуары здесь давно потрескались и дорожное покрытие покрылось выбоинами, а в нескольких местах поперек дороги темнели лужи застоявшейся воды, указывавшие на повреждение ирригационной системы. При закладке дороги, двести лет назад, по обеим сторонам от асфальтированной части были посажены эвкалипты. Теперь они настолько выросли, что ветви смыкались над серединой улицы, превратив ее в зеленую аллею и создавая ощущение уединения для ее жителей. На нижних ветвях висело множество ленточек-флажков с серебристо-голубой эмблемой футбольной команды Августы. На повороте к дому «Саммер» привычно зашуршал красно-коричневыми обломками коры, упавшими с деревьев и скопившимися в водосточной канавке. Прямо перед ним стояла машина отца — «Кадди» с откидным верхом выпуска 2330 года, который его отец содержал в идеальном состоянии. Рядом с ним двенадцатилетний «Форд Саммер» казался дешевым и изношенным.

Некоторое время Марк оставался в машине, пытаясь прийти в себя. Он хотел прогнать все тревоги и без оглядки наслаждаться вечером. «Я заслуживаю приличного отдыха. Прошло уже двадцать лет». Из-за дома донесся шум резвившихся на миниатюрном дворике детей. Эль-лопи раскачивал кроны эвкалиптов, играя тенями на крыше. Марк критическим взглядом окинул дом: бледно-лиловые стены из сухого коралла под изогнутой желтовато-зеленой крышей, арочные окна с зеркальными стеклами и матово-черные жалюзи кондиционеров под кровельными желобами с тускло-оранжевыми кромками. Желтые и алые плетущиеся розы, сильно пораженные ложно-мучнистой росой, закрыли всю южную стену и явно нуждались в обрезке; бело-голубая лоза катарича запустила присоски в торцевую стену двухдверного гаража — за ней тоже надо присматривать. Ежемесячная арендная плата съедала пятнадцать процентов его заработка. Если учесть коммунальные платежи, выплаты за машину, взносы в пенсионный фонд, в образовательный фонд детей, кредит за модификацию зародышей, медицинскую страховку, накопления на отпуск, одежду, обувь и другие регулярные выплаты, на развлечения остается совсем мало. Впрочем, на Августе для этого имелось совсем мало возможностей. Внезапно ему расхотелось выходить из машины, и предстоящий вечер уже не казался таким приятным.

— Неудачный день в конторе?

Марк, подняв голову, увидел в открытом окне улыбающееся лицо Лиз. Он уныло усмехнулся своей красивой жене — еще один повод для ежедневной тревоги заключался в его страхе не застать ее, однажды вернувшись домой.

— А что, похоже?

Она спустилась вниз и взяла его за руку.

— Я видела самоубийц с более жизнерадостными минами.

— Извини, я опоздал, опять на работе неурядицы.

Он вдруг осознал, что Лиз никогда не задерживалась на работе. Может, из-за более высокой квалификации? Он ненавидел вспоминать о ее опытности, которая достигается десятилетиями, тогда как сам он прожил совсем немного.

— Пойдем, — сказала она, открывая дверцу «Саммера». — Тебе необходимо выпить. И

Марти уже здесь.

— Да, я уже понял. — Он кивнул в сторону «Кадди».

Она озабоченно нахмурилась, глядя, как муж выбирается из машины.

— Ты в порядке, милый?

— Думаю, это офисный интерфейс вызывает у меня головную боль. Или вся ОС-татуировка начинает барахлить.

— Марк, ты должен пожаловаться. Нельзя же каждый день возвращаться домой в холодном поту от головной боли. Если система не в порядке, они обязаны ее отрегулировать.

— Хорошо. Ладно, я поговорю с контролером.

Неужели она не понимает, чем это может закончиться? Стоит ему поднять шум, как его тут же занесут в черный список. Нельзя быть таким параноиком, сказал он себе. Но это было так трудно.

Его отец сидел в шезлонге в патио, примыкающем к бассейну. Марти Вернону исполнилось сто восемьдесят лет, и прошло еще только восемь месяцев с последнего омоложения. Физически он выглядел как младший брат Марка. Он еще не настолько постарел, чтобы обзавестись массивной шеей и морщинистыми щеками — семейными чертами всех членов их семейства.

— Марк! Привет, сынок. Ты паршиво выглядишь. Иди выпей пива.

Марти достал из холодильного ящика еще бутылку. Его голос звучал немного нервно и пронзительно.

— Папа! — Пятилетний Барри отчаянно замахал Марку рукой из бассейна. — Папа, я уже могу достать дно. Смотри!

Мальчуган надул щеки, опустил голову под воду и энергично забил ногами. Марк помахал рукой мелькающим в воздухе пяткам. Лиз положила ему на руки малышку Сэнди. Из тугого свертка ему блеснула влажногубая улыбка. Марк тоже улыбнулся и поцеловал дочку. Маленькие ручки потянулись к его лицу.

— Она получила свою бутылочку?

— Двадцать минут назад, — заверила его Лиз.

Повседневные заботы приносили ему только радость. Они забрали Сэнди из клиники семь месяцев назад, и это при невероятном напряжении от воспитания гиперактивного Барри. Дети получили лучшие гены, какие только могли себе позволить их родители, и при этом большая часть взноса по модификации зародыша была выплачена из денег Лиз. Марк всегда удивлялся, каким утешением были для него дети, насколько стабильнее стала его жизнь после их рождения. А Лиз каждый раз, когда он об этом упоминал, только повторяла: «Я же тебе говорила». Увеличение семьи потребовало от них колоссального финансового напряжения, особенно дорого обошлась аренда утробы-резервуара на протяжении девяти месяцев. Лиз, хоть и прошла через традиционную церемонию венчания с ним, наотрез отказалась беременеть. «Я уже попробовала это в прошлом, и с меня хватит», — сказала она. Поэтому единственным вариантом осталась утроба-резервуар.

Марк уселся в свободный шезлонг, осторожно устроил Сэнди на руке, а другой рукой взял бутылку с пивом. Барри вынырнул из воды с победным воплем и фонтаном брызг.

— Отлично, парень! — крикнул ему Марти. — Вот, лови!

Он бросил в бассейн долларовую монету, Барри восторженно взвыл и с шумом кинулся за добычей.

— Я не хочу, чтобы он сильно уставал, — упрекнула свекра Лиз. — Иначе его не

загощишь в постель вовремя.

— Дай парню волю, — возразил Марти. — Ему весело. А ваш бассейн всего метр глубиной. Это его нисколько не утомит.

— Полтора.

Марк сделал несколько глотков пива подряд. Оно оказалось импортным, и он не смог узнать сорт. Он вздохнул и откинулся на спинку шезлонга. Только тогда он заметил девушку, сидевшую в кресле позади Марти, одетую в бикини и облегающие шорты, не скрывавшие стройного загорелого молодого тела.

— Привет, я Аманда.

— О, привет.

Марк не удержался от взгляда в сторону отца.

— Это моя новая девушка, — громко объявил Марти.

Он обнял Аманду, и та довольно хихикнула.

— Отлично, — сказал Марк. — И как давно вы...

— Десять дней, — жизнерадостно ответил Марти. — Вернее, десять ночей.

Аманда снова захихикала.

Улыбка Марка застыла на лице. Он понимал, что здесь происходит.

— Мы встретились в «Молчаливом мире» на Нью-Фриско Бэй. Как оказалось, у нас много общего, ну и...

Общим было только одно, молча поправил его Марк. Как мог отец решиться на такое? «Молчаливый мир» — это сеть клубов, распространенных по всему Содружеству. Эти заведения посещали почти все, кто недавно прошел процедуру омоложения, и в течение первых месяцев после выхода из клиник приходили туда довольно часто. Приходили с единственной целью: им был нужен секс — и не важно с кем, лишь бы партнер обладал красивым молодым телом, накачанным гормонами. Посетители клубов соблюдали только одно правило: то, что происходило внутри, должно было внутри и остаться. Можно было переспать со своим злейшим врагом, или с бывшим супругом, или с сестрой или матерью бывшей супруги, или с самой известной знаменитостью унисферы. Это не имело значения, поскольку ничего не выходило наружу, а значит, ничего и не было. Марти же наплевал на главное правило и привел девушку на семейную встречу.

Минут через десять приехал Дэвид, сорокапятилетний старший сын Лиз, экономист кредитного отдела экспорта АЭК. Потом появились Кайл, старший (на сто пятнадцать лет) брат Марка, и его бойфренд Антонио; Джоанна, одна из правнучек матери Лиз, и, наконец, на роскошном «мерседесе», в тысячедолларовом «повседневном» платье от Яквинса, приехала Карис Пантер, старшая сестра Марка. Марк обрадовался, что у нее нашлось время его навестить; Карис была одной из немногих среди его близких (не считая Лиз), проживших уже несколько жизней, с кем он чувствовал себя вполне комфортно. Кроме того, она была единственной светской дамой среди его знакомых. Когда Карис решала поработать, она сочиняла пьесы, которые различные средства связи время от времени выпускали в ВСО. Все они были довольно непристойными.

Вскоре Регул спустился к самому горизонту, и тогда, вытащив Барри из бассейна, они разожгли огонь для барбекю. Карис, взяв у слуги-робота бокал белого вина, суежилась вокруг Барри, помогая ему вытереться. Барри с щенячьей преданностью показывал ей свою новую коллекцию жуков — он души не чаял в своей тете Карис.

Марк подошел к барбекю и стал переворачивать бургеры и сосиски. Садовник-робот

был оснащен подходящей программой, но, когда дело касалось приготовления пищи, Марк никогда не доверял машинам.

— Тебе надо бы вырезать часть этих чертовых эвкалиптов, — сказал Марти, остановившись за его плечом. — Смотри, солнечный модуль за день получает недостаточно света. Он должен бы греть значительно сильнее.

Марк посмотрел на толстую плиту под решеткой гриля, мерцавшую вишнево-розовым светом. Капли сока с мяса, падая вниз, вызвали маленькие язычки пламени.

— Мне кажется, все нормально, жара достаточно.

— Это ненадолго, я уже сам убедился.

— Хорошо, папа.

— Марти, — окликнул его Кайл, — посиди, оставь сына в покое.

Каждый раз, когда собирались родственники, происходило одно и то же: каждый раз Марк чувствовал себя ребенком, которому позволили присутствовать при разговоре взрослых, и он смеялся, когда смеялись остальные, не понимая шуток.

— Я просто хотел помочь, — проворчал Марти, отходя назад.

— Следующий семейный вечер проведем у меня, — объявил Дэвид. — Думаю, можно собраться восемнадцатого, после очередного раунда Кубка.

— Я согласен, — сказал Марти. — Знаете, я сам как-то проходил испытание для участия в соревнованиях, когда был восемнадцатилетним в своей первой жизни.

— Неправильно, — сказала Карис. — Ты не проходил испытание, ты сам испытание, Марти.

Марти сделал жест, от которого она со смехом прикрыла ладонью глаза Барри.

— Не могу поверить, что мы зашли так далеко, — сказал Кайл. — Надо только что? Выиграть и пройти во второй раунд.

— У Стерлинга мы выиграем без проблем, — заявил Дэвид. — Но вот против Телеба придется побороться. Они помешались на футболе.

Антонио застонал и театральным жестом поднял руки к голове.

— Сколько еще это будет продолжаться?

— Еще семь с половиной месяцев, — весело ответил Кайл. — И я собираюсь поехать на Тампико, чтобы посмотреть последнюю игру в нашей группе.

— Без меня, — проворчал Антонио.

— В день последней игры у нас бывает до двадцати пяти процентов заболевших, — пожаловалась Джоанна. — Этот Кубок всех сводит с ума. Невозможно зайти ни в один бар, все переполнены. Я не помню, чтобы что-то еще так взволновало людей.

— Интересно, захотят ли играть новые чужаки? — произнесла Лиз.

— А, это... Пустая трата времени и денег, — заметил Марти.

— Едва ли, — не согласился Дэвид. — Надо же узнать, что там происходит.

— Произошло, — поправил его Марти. — Это случилось тысячу лет назад.

— Но это не значит, что сейчас событие нам безразлично, — заметила Карис. — Барьер вокруг обеих звезд Дайсона все еще держится.

— Ты говоришь как спамер Хранителей, — упрекнул Дэвид.

— Только не говори, что ты дослушал все до конца, Марти, — воскликнула Карис. — Ты разве не понял, что это такое?

— Я все прекрасно понял, — огрызнулся Марти. — Только идиот не распознал бы дробь. Я смотрел выдержки из шоу Алессандры Барон, вот и все.

Марк продолжал переворачивать сосиски и не вмешивался в разговор. Он не догадывался, что сообщение от имени Эйприл Халгарт было пропагандистской дробью, пока не открыл его, но даже и после этого продолжил смотреть. В словах Хранителей была своя логика. Почему не проводились слушания в сенате?

— Значит, если это исходит от Алесандры Барон, по-твоему, это приемлемо? — спросила Карис.

— Какая разница, кто поднял проблему? — воскликнул Марти. — Они оба правы. Нас это не касается, и в настоящий момент нам не понять, что там такое. Надо выждать время и отправиться к Паре Дайсона, когда расширение достигнет той области естественным путем, а не пороть горячку, изображая из себя первооткрывателей на «Аполлоне».

Марк снова занялся бургерами. Регул наконец скрылся за горизонтом, и вместо него засверкали звезды. Ярче всех среди них сияли близнецы Лео — единая оранжевая точка на восточном небосклоне. Он видел их сквозь покачивающуюся на ветру листву эвкалипта. Иногда вечерами он садился на террасе со стаканом вина и просто любовался звездным занавесом, мерцающим над мегагородом. Звезды давали ему уверенность, что люди живут повсюду, и живут по-разному. Эта мысль немного помогала ему мириться с жизнью на Августе.

— Они опять отложили мое повышение, — сказал он.

— Ох, Марк, мне так жаль, — сочувственно произнесла Карис. — Ты его очень ждал.

— Не повезло, сынок, — сказал Марти. — Но на этой планете, чтобы чего-нибудь добиться, надо стать лучшим из лучших. И не пытайся так быстро переменить тему. Проклятый космический корабль — это напрасная трата денег.

— Папа, дело в том, что повышение откладывается, поскольку рынок расширяется не так быстро, как предсказывали экономисты. Новый завод остается в резерве, инвестиции снизились до минимума, да и те к нам не попадают. Третья фаза растет далеко не так быстро, как было в начале второй. Расширение Содружества замедлилось, положение стабилизируется. Рост населения не может поднять даже применение утроб-резервуаров, а этого явно недостаточно, чтобы каждый год заселять по паре новых планет, как было до сих пор. Мы слишком цивилизованны и расчетливы. При таких обстоятельствах нам никогда не добраться до Пары Дайсона, если только сидеть и ждать, пока ККТ откроет червоточину в двадцатую фазу.

— Марк прав, — сказал Дэвид. — Мой отдел составляет кое-какие долгосрочные прогнозы — в настоящий момент мы переживаем период спада. Такие времена прежде называли «золотым веком». Все работает по инерции, и нет никаких сбоев.

— Я думала, это называется рецессией, — проворчала Карис.

— Нет, это разные вещи.

— Все это полная чепуха, — заявил Марти. — Мое начальство не планирует никаких сокращений. Наш рынок держится уверенно.

— Никто и не говорит о сокращениях, — сказал Дэвид. — Все дело в снижении темпов роста. Если уж на то пошло, Шелдон поступает умно, закладывая космический корабль. Это всего лишь толчок, чтобы заставить правительство раскошелиться и ускорить темпы роста. И большая часть вложений придется именно на Августу.

— На самом деле все совсем не так.

Все повернулись и уставились на Аманду, а она только теснее прижалась к Марти. Девушка спокойно улыбнулась, не проявляя ни малейшего смущения.

— Мой родственник входит в состав правления Первой Четверки банков, а я просматриваю финансовые сводки еще до того, как они публикуются. Средства, потраченные на строительство корабля, не играют никакой роли в макроэкономике. Двадцать миллиардов долларов Земли — это всего лишь выручка от пары минут экспорта с нашей планеты.

— Мы и сами на нем неплохо зарабатываем, — добавила Лиз. — «Битор УУ» выиграл контракт на поставку комплектов оборудования для биосканирования.

— Я этого не знала, — сказала Джоанна. — Мои поздравления. Ты сама принимаешь в этом участие?

— Разрабатываю некоторые идеи.

— Один комплект для сверхспециального проекта, — заметила Аманда. — На этом много не заработаешь. Это все, что я хотела сказать.

— Моя девочка.

Марти нагнулся, и они довольно страстно поцеловались.

— Почему вы уверены, что будет только один корабль? — спросил Кайл. — Если спросите мое мнение, так это только начало. Люди реально заинтересовались полетом к Паре Дайсона, и к тому времени, когда он будет готов к старту, он привлечет больше внимания, чем Кубок Содружества. Это прекрасное средство против умирающего проекта третьей фазы. Каждый, у кого в душе есть хоть унция поэзии, подпрыгнет от радости, получив шанс умчаться в неведомую синюю даль, куда ККТ не посмеет протянуть свои липкие пальцы.

— Чушь! — бросил Марти. — Если бы это было правдой, все так называемые поэты жили бы на Дальней.

— Я имел в виду свежие и чистые миры, а не анархистский ад.

— Нет, это не пройдет, — настаивал Марти. — У нас и прежде случались разрывы. Держу пари, все эти миры, разорвавшие связь с Содружеством ради «свободы», давно превратились в средневековый кошмар. Изоляция никогда не ведет ни к чему хорошему. вспомните, какой бардак творился на Земле, пока Шелдон и Оззи не изобрели червоточины.

— Интересное мнение, — заметила Карис.

— Один мир, отрезанный от Галактики, — добавил Марти. — Я все сказал.

Дэвид отказался проглотить наживку и просто усмехнулся Марку, закатив глаза.

— А вы слышали, что капитаном миссии они выбрали Уилсона Кайма? — спросила Карис. — Это, наверное, в пику Найджелу Шелдону.

— Как тебе такой сюжет? — спросил Антонио.

— Возможно, пригодится. Старые враги должны забыть свои распри ради блага Содружества.

— Если остановиться только на этом, будет очень скучно.

Марк перебрал сосиски на сервировочное блюдо.

— Еда готова!

Лиз провела немало времени в ванной комнате, готовясь ко сну. Она приняла душ, после мытья брызнула на себя несколько капель из дорогого миниатюрного флакончика и втирала их некоторое время, пока кожа не начала сиять. Затем она надела особое шелковое белье телесного цвета, которое так нравилось Марку. Расчесанные иссиня-черные волосы свободно рассыпались по плечам. Она с удовлетворением посмотрела в зеркало и в который раз порадовалась, что не согласилась на беременность: ее живот и теперь оставался плоским

и упругим, как в тот день, когда она вышла из клиники после омоложения десять лет назад, и на бедрах не было никаких признаков целлюлита.

Когда друзья посмеивались над ее свиданиями с живущим впервые, они говорили, что это был просто способ сэкономить на билетах в «Молчаливый мир». Она не могла не признать, что в тот вечер, когда они встретились на банкете, устроенном компанией, для которой писала Карис, в нем было что-то от большого щенка. Он выглядел таким смущенным и потерянным среди всех этих знаменитостей и их поклонников, что она сочла своим долгом его спасти. Затем они встретились еще несколько раз, и ей это нравилось из-за его восторга от жизни и Содружества; в нем не чувствовалось ни капли настороженной фальши, часто присущей людям ее возраста. С ним нельзя было вести игру — для этого Марк был слишком честен. Общение с ним казалось бодрящим ветерком. А может, она подсознательно надеялась, что его естественная молодость отразится и на ней, хотя он сам никогда не придавал значения возрасту. Потом, совершенно неожиданно, он попросил ее выйти за него замуж, присовокупив какую-то романтическую чепуху насчет родства душ.

Она была готова решительно отказать ему, что расстроило бы парня на месяц, пока он не отыскал бы такую же энергичную и неопытную девушку своего возраста, чтобы отправиться вместе с ней навстречу заката. Но... Почему она должна была отказывать? Что из того, что он похож на добродушного щенка? Разумные и заботливые мужчины встречаются редко, независимо от возраста. Все равно она собиралась жить вечно, или близко к этому, так почему бы не попытаться счастья с хорошим человеком двадцати лет от роду, и пусть ее завистливые друзья вместе со своими язвительными замечаниями катятся к черту.

С тех пор не было ни одного дня, когда бы она пожалела о своем решении. Они ссорились — а какие супруги обходятся без ссор? — но никогда не доходили до крайностей. И он оказался замечательным отцом. Она не планировала в союзе с ним больше одного ребенка, но, проведя в его обществе долгое время, дала согласие на Сэнди.

Ее друзья оказались правы в одном: живущие первой жизнью в его возрасте доставляют огромное удовлетворение в постели. И она была счастлива.

Лиз вышла из ванной комнаты и шагнула в спальню. Единственный прикроватный светильник отбрасывал теплое желтое пятно на половину кровати Марка. Муж сидел на постели и изучал какую-то информацию, отпечатанную на бумаге. Кондиционер был отключен, и в открытое окно проникал теплый эль-лопи.

— Эй, малыш, здесь найдется местечко для мамочки?

Марк поднял голову. При виде ее наряда на его лице мелькнула напряженная улыбка. Лиз забралась на кровать и медленно поползла к нему на четвереньках. Бумаги тотчас упали на пол.

— Аманда выглядит потрясающе, — промурлыкала она, проведя носом по его уху.

— Ба, она ничто по сравнению с тобой.

Его рука скользнула под тонкую золотистую ткань и стала ласкать горячую темную кожу. Лиз медленно поворачивалась, пока не оказалась на нем сверху. Она проложила дорожку из легких дразнящих поцелуев по его щеке и спустилась к шее. Покачивая головой из стороны в сторону, она гладила его грудь прядями своих волос. Его рука проникла глубже под бюстгальтер, и движения теплых пальцев вызвали у нее довольную улыбку. Лиз подняла голову для настоящего поцелуя, но затем увидела выражение его лица и тяжело вздохнула.

— Что случилось, малыш? — Она скатилась с него и озабоченно заглянула ему в

глаза. — Ты сам не свой.

Марк, будучи не в силах перенести ее взгляд, поднял глаза к потолку.

— Ничего.

— Неправда. Поверь, я это знаю. Я твоя жена, и не только.

Она сделала паузу, потуже затягивая поясок халата.

Он печально улыбнулся.

— Я знаю. Просто сегодняшней вечер оказался не таким, как я надеялся. Мне очень жаль.

— Думаю, дело не только в том, что твой отец привел свою новую подружку, как бы бестактно это ни выглядело.

— Черт с ним. — Он повернулся на бок лицом к ней. — Но разве ты не понимаешь?

— Что?

— Ты, отец, остальные — вы все имеете значительный опыт. А у меня его нет. И... порой это просто невыносимо.

— И ты не получил повышения.

— Господи, вот опять. Неужели тебе не ясно, каким ничтожным я себя чувствую.

Лиз немного помолчала, справляясь с тревожными мыслями.

— Я не понимала, что тебя это настолько расстраивает. Раньше это не казалось столь важной проблемой.

— Знаю. — Он грустно усмехнулся. — Может, это накапливается?

— Ладно, малыш, тогда я скажу кое-что еще, что, мне кажется, тебя мучает.

— Что же это?

— Ты ненавидишь здешнюю жизнь.

Марк с облегчением вздохнул.

— Да. — Он неожиданно встрепнулся, сел и пристально посмотрел на нее. — Весь этот мир предназначен только для взрослых. Я здесь не к месту. Мне только двадцать восемь. Господи, я далеко не взрослый мужчина. Через переход в Нью-Косту нельзя пропускать никого младше ста лет. Только такие, как вы, в состоянии жить здесь нормально.

— Ладно, — сказала она. — Признаю, меня это беспокоило не так сильно, как тебя. Просто потому, что это временно, малыш. Когда-нибудь мы уедем отсюда.

— Но не вместе! Это же часть тебя, этот фатализм. Или мудрость, как ни назови. Тебя ничто не может расстроить. У тебя были другие семьи; это только фрагменты твоей жизни. Но ты, Лиз, ты — вся моя жизнь. Ты и наши дети. Я знаю, что когда-нибудь выберусь отсюда, но без тебя. Этот мир не годится для детей, здесь нет никакого общества. Это мне ненавистно больше всего. Барри и Сэнди вырастут и станут такими же, как я. И это худшее, что я могу им предложить.

— Хорошо. — Она приложила палец к его щеке и повернула его голову, чтобы смотреть ему прямо в глаза. — Завтра ты подашь заявление об увольнении, и мы начнем искать в унисфере место, более пригодное для жизни. Может быть, мир в третьей зоне.

— Ты не можешь... Это не серьезно.

— Абсолютно серьезно. Эта жизнь съедает тебя, и, чтобы это понять, опыт не требуется. И еще, Марк, у алтаря я говорила чистую правду. Я люблю тебя, а если мы останемся здесь, нас разведет в разные стороны. Поэтому мы должны что-то предпринять.

— А как же твоя работа? В «Битор УУ» ты занимаешься важными вопросами.

— Ну и что? С этим смогут справиться десятки, нет, сотни тысяч других людей. И мне

совсем не обязательно все время присутствовать в лаборатории, я могу работать в любой системе унисферы. К тому же, если мы решим поселиться в другом мире, может, мне пора найти новую работу?

— Великий Иисус! — Марк был явно растерян, потом он улыбнулся. — Господи, знаешь, что они скажут, когда узнают, что я ухожу? Буркомб просто с ума сойдет.

— Ну и пусть. Кого это волнует?

— А как насчет денег? Мы больше нигде столько не заработаем, если не сможем заниматься тем же самым.

— Все относительно. Жизнь на Августе дороже, чем во многих других мирах. Мы найдем планету, где наша работа обеспечит такой же уровень жизни, как здесь, если не лучше.

Он привлек ее к себе. На его лице появилось выражение ожидания чуда, как в тот вечер, когда они впервые легли в постель.

— Ты вправду уедешь со мной?

— Да, Марк. Ты не просто фрагмент моей жизни, малыш. Ты и есть моя жизнь. Кто знает, возможно, мы станем одной парой из миллиарда, чей брак заключился навеки.

Он усмехнулся.

— Мне нравится эта идея.

— У тебя есть какие-нибудь идеи, куда мы могли бы уехать? Ты ведь наверняка долго над этим размышлял.

— С тех пор, как мне исполнилось пять лет. — Его руки скользнули вниз и потянули за конец пояса, распахивая халатик. — Но об этом мы можем поговорить утром.

* * *

Через час после провала операции Тарло и Ренне в сопровождении дежурной бригады экспертов Управления уже были на парижской станции ККТ, где в полном составе погрузились в экспресс, идущий до Нсеги. Они проехали через Орлеан, один из миров Большой Дюжины этого сектора второй зоны космоса, и через сорок одну минуту вышли в Фату, столице Нсеги. Бригада экспертов погрузила свое оборудование в фургон, а Ренне и Тарло арендовали большой «БМВ Рейнджровер».

Отсталым миром Нсегу назвать было нельзя, но он сумел избежать издержек техноиндустриального развития. Основное общество здесь было стабильным и цивилизованным, и придерживалось умеренных взглядов на жизнь и человеческие слабости. Большую часть жителей составляли выходцы из Полинезии и Латинской Америки. Они пришли сюда из-за морей — вода покрывала половину всей поверхности планеты. Кроме того, на Нсеге не было огромных континентов, имелись лишь сотни больших и тысячи малых островов. Это обеспечивало грандиозную протяженность береговых линий, и потому неотъемлемой частью местной жизни стали лодки. Внутренние территории на самых больших обитаемых островах до сих пор оставались почти незаселенными.

В результате всех этих обстоятельств экономика развивалась благодаря колоссальному количеству отелей, курортов и сдаваемых в аренду домов, стоявших на береговой линии. В сочетании с либерализмом местного населения это привлекало массу молодежи из средних слоев общества, ищущей отдыха от стремительного ритма жизни в других мирах.

Ренне заложила в программу «БМВ» конечный пункт: Порт-Лаунай — и, откинувшись на спинку сиденья, любовалась окрестностями. Им предстояло семнадцатичасовое путешествие по шоссе Гранд-Манту, включающее бесчисленные мосты и пять паромных переправ между островами субтропической зоны. Дорога местами имела покрытие из ферментированного бетона, а местами оно и вовсе отсутствовало. Иногда шоссе поднималось к отвесным обрывам скал, иногда петляло по бесконечным солончаковым болотам, а в остальном это был маршрут по цепочке прибрежных городов. Спустя некоторое время оба следователя затемнили окна и устроились спать, а машина продолжала нести их к цели.

Порт-Лаунай представлял собой четырехкилометровую полосу небольшого городка, раскинувшегося на берегу острова Кайлиндри, хотя назвать это городом было бы преувеличением. Единственная вымощенная камнем улица поднималась на двести метров от моря и шла по континентальному лесу из местных лохматых деревьев; от нее отходило несколько переулков, приютивших в тени ветвей шале и бунгало. Городом Порт-Лаунай делало только скопление торговых и административных зданий, скомпонованных в центре и обслуживавших местное население.

Система управления «БМВ» сообщила о повороте на нужный им переулок, и Ренне перевела машину на ручное управление, чтобы проехать последние несколько сотен метров. Каменная мостовая закончилась, перед ними по желтоголубой траве тянулась просто выбитая песчаная колея. В самом конце путь перегородили три машины местной полиции. Перед ними на дерне стояло еще несколько арендованных машин, а с полицейскими уже препирались приехавшие журналисты.

— Как они сумели так быстро добраться в эту глушь? — удивился Тарло.

— Кто знает? — сказала Ренне. — Они чуют беду, как стервятники чуют падаль. Хочешь пообщаться с местной полицией?

— Конечно.

Тарло усмехнулся, надел спортивные солнцезащитные очки и открыл дверцу.

Ренне увидела, как он неторопливой походкой подошел к распоряжавшемуся здесь сержанту и начал разговор. Тарло, уроженец Лос-Анджелеса, восьмидесяти двух лет, прошел свое первое омоложение девять лет тому назад. Нельзя сказать, чтобы он намеренно выбрал себе моложавый облик, но до сих пор выглядел так, словно ему только что перевалило за двадцать. Состоятельные родители из Калифорнии обеспечили обширную модификацию зародыша, одной из граней которой была способность противостоять естественному старению. Кроме того, они выбрали традиционный (или стереотипный, это зависит от точки зрения) внешний вид мальчика-серфера: стройная высокая фигура, загорелая кожа, густые светлые волосы и превосходные зубы в тяжелой квадратной челюсти. Тарло явно гордился таким наследием. Как он попал в правоохранительные органы, Ренне никогда не могла понять. «Я люблю разгадывать головоломки», — это единственное объяснение, которое от него когда-либо слышали. В глубине души она подозревала, что он был об Управлении слишком высокого мнения. Мальчик, решивший стать секретным суперагентом.

На Нсеге он превосходно вписывался в обстановку, и потому она обрадовалась его желанию поговорить с полицейскими. Порой, когда Управление вмешивалось в расследование, осложнений с местными правоохранительными органами избежать не удавалось.

Позади «БМВ» остановился фургон бригады криминалистов, и Ренне заметила, что

Тарло уже хохочет вместе с сержантом. Через минуту одна из машин, блокирующих путь, отъехала, и Тарло помахал рукой, приглашая ее.

Пляжный домик стоял в двухстах метрах ближе к берегу. Высокие деревья с серо-голубой листвой окружали здание, создавая видимость обособленности от остальных коттеджей в переулке. Ренне только мельком увидела стоявшие поодаль одноэтажные постройки. Почти все они были деревянными либо собранными из композитных панелей, и только один коттедж был выращен из сухого коралла. Рядом с входом стоял черный «мерс». Ренне уже догадывалась, кто в нем приехал. Она поставила «БМВ» позади него и выбралась наружу, вдохнув влажный соленый воздух. Деревья неплохо защищали от жгучего утреннего солнца, но она все же надела очки.

— Халгарты прислали собственную службу безопасности, — сказал Тарло. Он шел рядом с ней, перебросив свой льняной пиджак через плечо. — Полицейские сказали, что эти ребята прибыли сорок минут назад, — добавил он, кивнув на «мерседес».

— Как они отнеслись к нашему присутствию?

Тарло широко усмехнулся.

— Рады свалить проблему на наши плечи. Они будут сдерживать посторонних, пока мисс Халгарт нас не покинет.

— Хорошо. — Она проследила взглядом за фургоном криминалистов, подъехавшим к дому. — Нам известно, в каком из домов орудовали Хранители?

— Ага. — Он показал вдоль берега. — Двумя домами дальше. Похоже, у них неплохая электроника. Полиция выставила там пост. Репортерам об этом пока неизвестно.

— Ладно. — Ренне распрямила плечи и одернула легкий жакет. — Давай покончим с этим. Надень пиджак.

— Здесь же нет босса.

— Все равно.

Тарло изобразил насмешливое неудовольствие, но надел пиджак и подтянул галстук.

— Хорошо бы там работал кондиционер, — пробормотал он, пока Ренне отсылала бригаду экспертов во второй дом.

По узкой прямой тропинке они прошли к пляжному коттеджу. Это было скромное небольшое здание из дерева, недавно покрашенное в матово-зеленый цвет, с солнечными батареями на крыше и полуорганическими листьями пылеуловителя, свисавшими с карниза. Широкая веранда выходила на море. От веранды тянулась пятидесятиметровая полоса травы, а затем начинался песчаный пляж. Деревья затеняли только заднюю и боковые стены, так что из коттеджа открывался великолепный вид на широкую бухту. В углу веранды имелась решетка для барбекю, рядом на траве стоял стол и несколько стульев. На столе, сверкая каплями быстро высыхающей росы, громоздились пустые бутылки из-под пива и экзотических коктейлей и грязная посуда.

Перед дверью стоял один из присланных Халгартами охранников, одетый в простую темно-синюю футболку и длинные бежевые шорты, доходившие ему до колен. Ренне, подходя к нему, постаралась сдержать улыбку. Он явно был очень доволен своим видом.

— Управление по расследованию особо тяжких преступлений, — посерьезнев, сказала она. — Мы бы хотели задать мисс Халгарт несколько вопросов.

— Конечно, — ответил охранник. — Не могли бы вы предъявить какие-нибудь удостоверения личности?

Эл-дворецкий Ренне отослал его эл-дворецкому зашифрованный служебный

сертификат.

— Благодарю вас.

Охранник открыл перед ними дверь.

Они вошли в небольшой коттедж с узеньким холлом, тремя спальнями, ванной комнатой, кухней и гостиной, занимающей почти половину всей площади. Мебель, скорее функциональная, чем изысканная, вполне соответствовала недорогому наемному жилью.

— Она из семьи Халгартов — и проводит свои каникулы здесь? — удивился Тарло. — Даже если она из боковой ветви семейства, могла бы устроиться и получше.

— Дело не в этом. Ты читал дело? Это ее первый год в колледже, первые каникулы с подружками. Она впервые в жизни оторвалась от семьи. В конце концов, что плохого в этом местечке?

Он насмешливо подмигнул.

— Нет луны. Нет приливов. — Его голос понизился до драматического шепота. — И нет прибора!

Она постаралась одернуть его взглядом и вошла в гостиную. Эйприл Галлар Халгарт сидела на диване с таким расстроенным видом, словно ей только что сказали о катастрофе, уничтожившей тела ее родителей. Ее привлекательность не могли скрыть даже мешковатые зеленые джинсы и старая мятая футболка цвета ржавчины. Высокая, стройная фигурка двадцатилетней девушки, гладкая смуглая кожа, густые вьющиеся волосы и красивое личико, казавшееся еще моложе. В ладонях она сжимала кружку с кофе, к которому так и не притронулась. При появлении двух следователей она подняла покрасневшие и припухшие глаза, словно моля о понимании.

Вокруг нее настороженно сгрудились три подруги: Марианна, Анжелия и Лаура — все из Королевского университета Белфаста, где они вместе учились. В гостиной с растерянным видом стояли и двое охранников. Им приказали оградить Эйприл от журналистов и доставить домой, но девушка явно не была еще готова к каким-либо действиям.

— Вы поймали этих мерзавцев? — с сильным ирландским акцентом потребовала отчета Марианна, как только Ренне и Тарло представились.

— Нет, пока еще не поймали, — ответил Тарло. — Мы только начинаем расследование.

— Ха! — фыркнула Марианна и повернулась к следователям спиной.

— Мисс Халгарт, нам необходимо задать вам несколько вопросов, — заговорила Ренне.

Марианна опустила на колени рядом с подругой.

— Если не хочешь, можешь не отвечать.

Эйприл посмотрела в глаза Ренне.

— Все в порядке. Я отвечу.

Марианна неохотно кивнула и увела двух своих подруг из гостиной.

— Вы не возражаете? — вежливо обратился к охранникам Тарло.

Один из телохранителей вышел в холл, а второй через стеклянные раздвижные двери удалился на веранду.

— Мне кажется, вы не перестаете себя спрашивать, почему это произошло именно с вами, — сказала Ренне, присаживаясь рядом с растерянной девушкой.

— Да, — всхлипнула Эйприл.

— Главная причина в том, что вы из семьи Халгарт. Хранители Личности видят в вас врага.

— Почему? Я не знакома ни с одним из них. Я никогда не была на Дальней, не

помогала никаким чужакам. Я просто изучаю историю двадцать первого века, вот и все.

— Я знаю. Но ваше семейство оказывает основную поддержку Институту исследования «Марии Селесты». По их извращенным понятиям, этого вполне достаточно. Я хочу вам сказать, что в этом случае не стоит доискиваться до причин. Рационального объяснения не существует. Просто вас выбрала поисковая программа. Они хотели воспользоваться именем Халгарт, а вы член этой семьи; и выбирали — прошу прощения — немного наивного и хотя бы временно изолированного члена семьи. В результате выпало ваше имя.

Эйприл склонила голову и вытерла слезы бумажным кухонным полотенцем.

— Все было так хорошо. Никак не могу в это поверить.

— Как его зовут? — спросил Тарло.

— Альберто, — ответила девушка. — Альберто Расанто. Он со своими приятелями, Мелиссой и Фрэнком, жил в домике через один от нашего. Они, как и мы, приехали на весенние каникулы. Мне сказали, что они солгали.

— Верно, — подтвердила Ренне.

Эйприл поморщилась, взглянув на остывший кофе.

— Итак, вы встретились, — подтолкнула ее Ренне.

— Он был таким милым. С большими зелеными глазами. Я думаю, он, как и я, жил первой жизнью. Когда мы приехали, они уже были на пляже. Мы разговорились. Знаете, мы немного соперничали. Я хочу сказать, что Мелисса и Фрэнк были вместе, а нас четверо. Мы вроде как соревновались. А Марианна такая хорошенькая, ей всегда достаются самые лучшие парни. Но ему понравилась я. Он всегда улыбался, разговаривая со мной; и с ним было так легко просто болтать. У него красивая улыбка, правда красивая. И так получилось, что следующие несколько дней мы провели вместе с ним. Мы ходили купаться, и он учил меня кататься на серфе; по вечерам мы все вместе ходили в бары и очень много пили, я даже попробовала ВСО-наркотик. Ничего страшного, просто легкие программы. Странные, но довольно забавные. Я думаю, тогда все и началось.

— Да, они прощупывали вас, — согласился Тарло. — ВСО или обычные химические наркотики затуманивают сознание. Извините, Эйприл, но мы должны знать: вы спали с ним?

— Угу.

— Когда?

— В первый раз — четыре дня назад.

— И в тот раз вы остались в их коттедже?

— Да. У него была отдельная спальня, а я жила в одной комнате с Лаурой. Мы еще до приезда сюда договорились насчет мальчиков, что соседка переночует на диване. Но... так было проще.

— Больше уединения? — сочувственно улыбнулся Тарло.

— Да, — с готовностью согласилась она. — Я, наверное, немного консервативна в этом отношении. Нет, я не скрываю, что сплю с парнем, но стены здесь такие тонкие. Я выросла на Солидаде, там живет вся семья. — Девушка выпрямилась и удрученно вздохнула. — Вы, вероятно, считаете меня глупой богатой девчонкой, ничего не знающей о реальной жизни. Никто другой не вел бы себя так доверчиво.

— Нет, — заверила ее Ренне, — это не излишняя доверчивость. Мошенники все равно бы выманили у вас авторский сертификат для унисферы.

Глаза Эйприл снова наполнились слезами.

— Но я ничего не помню. И теперь все Содружество считает, что я рассылаю пропагандистские выступления Хранителей.

— Содружество уже завтра об этом забудет. Ваши родные сделают так, чтобы ваше имя больше не упоминалось в новостях. Обычно я против неофициального влияния на средства информации, но в этом случае не стала бы возражать.

Эйприл медленно кивнула.

— Что же произошло? — свистящим шепотом спросила она. — Сотрудники службы безопасности говорят, что им ничего не известно, но я уверена: им приказано так говорить. Скажите мне, пожалуйста. — Она перевела взгляд с Тарло на Ренне. — Пожалуйста, я должна знать. Я даже не понимаю, когда это произошло. Это так ужасно. Мне все равно, насколько это плохо, но я должна знать.

— Скорее всего, это случилось за две ночи до их отъезда, — сказал Тарло. Ренне бросила в его сторону сердитый взгляд, но он только пожал плечами. — Часть подготовки заключалась в том, чтобы вы пили и употребляли наркотики каждый вечер, чтобы наутро не все могли вспомнить. И когда такое повторилось, вы ничего не заподозрили.

Эйприл нахмурилась и рассеянно посмотрела в широкое окно, словно сосредоточилась на чем-то, что находилось далеко за сверкающей гладью моря.

— Я не помню. Я действительно ничего не помню. Было бы понятно, если бы я была более заторможенной в то утро. Но нет. — Она посмотрела на Тарло. — Так что же со мной произошло?

— Вероятнее всего, они подмешали вам в бокал антроноин или какую-то его разновидность. Вы полностью отключились, как бывает при сильном опьянении, но остались уязвимой для внушения. После этого они воспользовались сканером и хакерской программой, чтобы проникнуть в ваши вставки. Все это заняло не больше пары минут. А затем было проведено редактирование памяти.

— Редактирование памяти. — Эйприл провела рукой по волосам. — В ваших устах это звучит так просто. Но у меня похитили часть моей жизни. Я не подозревала, что это так легко.

— Технология хорошо отработана, — сказала Ренне. — Некоторые обновления даже не выходят за пределы корпоративных лабораторий. После совершения крупного преступления нарушители закона первым делом стирают это событие из своей памяти. Они надежно забывают о правонарушении. Это может показаться странным, но мы уже не можем прочесть их воспоминания и использовать их в суде в качестве свидетельств.

— Знаете, это обстоятельство ненавистно мне даже больше, чем обольщение, чем похищение сертификата. Это ужасно. Они могли сделать все, все, что угодно, а я бы и не знала. Не могу поверить, что такое можно забыть.

— Нам надо провести несколько тестов, — сказала Ренне. — Наши эксперты возьмут у вас образец крови. Учítывая, что все произошло двое суток назад, можно определить, каким наркотиком они воспользовались. Кроме того, они хотели бы прогнать через ваши вставки калибровочные программы. Как вы считаете, вы к этому готовы?

— Да, — ответила Эйприл. — Я сделаю все, что потребуется.

— Спасибо. Мы воспользуемся программой характерных особенностей, чтобы получить их портреты. Вы и ваши друзья могли бы в этом помочь.

— Вы сможете их поймать? Это реально?

— Будет нелегко, — признал Тарло. — Хранители не запустили бы свою пропаганду,

пока их люди не покинули Нсегу. К настоящему моменту они могут быть в любом мире Содружества и изменить свою наружность, воспользовавшись наборами для клеточного перепрофилирования. Наилучшая возможность для их поимки представится в том случае, если мы накроем всю группу Хранителей.

— Вы ведь преследуете их уже долгое время, не так ли? Все знают. Это единственное незакрытое дело Паулы Мио.

— Никто не может скрываться вечно, — сказала Ренне. — Сегодня мы подтащили их немного ближе к скамье правосудия. Они могли оставить какие-то следы и улики. Следы их ДНК есть в коттедже, следы электронного присутствия остались на Нсеге: оплата ренты, наемные автомобили, записи о контактах. Я понимаю, это звучит не слишком убедительно для вас, тем более сейчас, но, поверьте, нам помогает каждая мелочь.

Ренне и Тарло вышли через веранду, по пути отослав телохранителя в гостиную. По мягкому пружинящему газону они направились к домику, который арендовали Хранители. Ослепительные лучи жаркого солнца заставили обоих надеть защитные очки.

— Ты, как обычно, себя проявил, — упрекнула своего напарника Ренне. — Сказал, что они воспользовались насилием над сознанием. Интересно, о чем ты думал, рассказывая о взломе?

— Она и так изрядно намучилась, — ответил Тарло.

Ренне остановилась, любуясь морем. Влажный бриз играл ее каштановыми волосами.

— Ублюдки. Рады поиздеваться над впервые живущими. Даже без потери памяти она еще лет десять не оправилась бы от потрясения.

— Ненавижу насильственное редактирование памяти, — сказал Тарло. — Каждый раз, когда мы с этим сталкиваемся, меня чуть не выворачивает наизнанку. Мы ведь почти покончили с Хранителями, начали их окружать, а они опять вывернулись. Мы могли бы сто раз их арестовать. Хочу сказать, это чертовски странно, что босс ни разу не вышел на кого-то из их шишек.

— Ты говоришь совсем как Алессандра Барон, всегда критикующая Управление. Если бы кто-то изобрел редактор памяти, стреляющий как лазер, мы бы об этом знали.

— В том-то и дело, — сказал он, пожимая плечами и разводя руки. — Мы не знали о нем, а изобретатель выстрелил в нас.

— Перестань. Ты становишься параноиком.

Он печально усмехнулся.

— Ты должна признать, что в деле с Хранителями что-то не так. Черт, ты ведь была на Велайнесе. Мы что, допустили ошибку? Скажи, мы что-то пропустили? Мы работали по всем правилам, но они все-таки нас обошли.

— Им повезло.

— Им везет уже сто тридцать лет. Это неестественно.

Она взглянула на него с тревогой.

— О чем ты толкуешь?

— Я не знаю. Правда не знаю. — Он вздохнул. — Ладно, надо выяснить, что там накопили эксперты.

— Ничего.

— Оптимист. Ставлю десять долларов на то, что на этот раз Хранители сделали ошибку и оставили после себя улики.

— Договорились.

Разведывательная червоточина ККТ на Мерредине просуществовала пятнадцать месяцев, когда ей был присвоен пятый класс — законченная энерго-фокусирующая структура — и последовало обновление всех систем до уровня «бета». Предстояла нелегкая работа по техническому перевооружению половины кубического километра оборудования высочайшей мощности. Оскар Монро десять месяцев руководил бригадами, пока они сутились вокруг генератора червоточины, вооружившись отвертками, антеннами, программами и прочим необходимым оборудованием. После обновления большей части систем три месяца ушло на обучение наземной службы, пока техники, участвуя в бесчисленных тестовых прогонах, не привыкли к новым типам устройств и программ. После чего последовал заслуженный двухнедельный отпуск.

Оскар отправился на Землю и первые десять дней провел в одиночестве, отключив элдворецкого и просидев с удочкой в рыбацкой лодке на озере Рутланд в Англии всю Светлую седмицу. Семь из десяти дней шел дождь, и он вытащил всего одиннадцать форелей. За последние восемь лет это были самые беззаботные дни. Впрочем, долго слоняться без дела он не хотел.

Последние четыре дня были оставлены для Лондона, где наряду с другими ностальгическими объектами культуры древней столицы он хотел посмотреть некоторые из старомодных театральные постановки. В первый же вечер, в антракте «реинтерпретированного» Стоппарда, он встретил приятного молодого человека из одного аристократического семейства Европы, который был заинтересован и восхищен его работой. Благодаря схожести взглядов на изобразительное искусство, оперу и хорошую еду оставшиеся три дня отпуска Оскара они почти не разлучались. Потом они распрощались на лондонской станции ККТ, и экспресс доставил Оскара обратно на Мерредин, преодолев за тридцать три минуты расстояние в двести восемь световых лет.

На следующий день был назначен запуск генератора червоточины; при надлежащем подходе этот процесс потребует немало времени. Спустя шесть дней Оскар будет готов приступить к поискам новых планет.

База разведывательного отряда, занимавшая три квадратных мили одного края планетарной станции, была видна с расстояния пяти километров. Подобная расточительность территории являлась не случайной. Мерредин стал узловым миром Содружества для третьей зоны этого сектора космоса, и в ожидании будущего, когда пятьдесят переходов свяжут его с далекими звездами, планетарная станция заняла участок неподалеку от столичного города общей площадью в его пятьдесят квадратных миль. В настоящий момент здесь имелся только один пассажирский терминал, небольшая сортировочная площадка и три перехода назад на Мито, один из миров Большой Дюжины, и два к пограничным мирам третьей зоны — Клонклурри и Валвиде. На остальной территории росла трава, тянулись дренажные канавы и виднелось несколько никуда не ведущих дорог. Месяц назад на многих зданиях были вывешены зелено-голубые национальные флаги, но, после того как команду Мерредина выбили из розыгрыша Кубка еще в первом раунде, знамена быстро сняли. Расстроенные зрители спрятали их в кладовках, бормоча себе под нос что-то о «другом разе».

База разведчиков раскинулась вокруг их собственной червоточины, заключенной в

глухое сооружение из стали и бетона длиной восемьсот метров, которая заканчивалась стометровой сферической камерой изоляции чужаков, на две трети спрятанной под землю. Вокруг базы сконцентрировался небольшой городок из зданий промышленного типа, где размещались конторы, лаборатории, мастерские, тренировочные залы и отдел ксенобиологии. Энергия поступала от термоядерной установки на побережье.

Двухместный «Мерседес-1001» провез Оскара через главные ворота базы в семь часов сорок пять минут утра и остановился на парковке, отведенной для машин начальников отделов. Завистливые взгляды сотрудников вызвали у Оскара довольную улыбку. Он знал, что других таких автомобилей на Мерредине больше нет. Он не скрывал своего увлечения и менял машины каждые двенадцать месяцев, а то и чаще, выбирая самые новые спортивные модели. Эту машину ему специально привезли с Демократической Республики Новой Германии, одной из планет Большой Дюжины, где после ухода с Земли обосновалась компания «Мерседес». Учитывая условия его первой жизни, он не раз задумывался, уступает ли он склонности к потреблению или подсознательно старается отгородиться от этого самого прошлого. При омоложении он не стал стирать эти воспоминания по одной причине: он не хотел рецидива того глупого идеализма, которому поддался в молодости. Сейчас он был полноправным членом общества и полностью освоился в этой роли.

Оскар прошел через административный блок прямо к центру управления червоточиной. В просторном помещении, напоминающем театральный зал, уже начали собираться члены наземной команды. По пути к своему месту за передним пультом он успел ответить на многочисленные приветствия и несколько шуток. Центр управления включал в себя восемь расположенных ярусами рядов пультов, обращенных к широким окнам из молекулярно усиленного сапфира, занимавшим всю стену. За ними находилась камера для работы в условиях неизученных планет. В неактивном состоянии это была сфера диаметром в пятьдесят метров с темными стенами, покрытыми слоем состава, поглощающего радиоактивное излучение. Механизм червоточки — овал шириной пятнадцать метров — располагался прямо напротив окон, и между ним и основанием камеры был установлен трап. Вплотную к стенам примыкали двери, снабженные герметичными шлюзами. Широкое кольцо полифото на потолке излучало яркий свет, имитировавший солнце Мерредина. В закрытых нишах хранились различные инструменты, тоже полностью обновленные за время переоборудования, и бригада техников уже закончила проведенное ночью тестирование приборов.

Оскар сел за свой пульт и приказал эл-дворецкому подключиться к основной системе центра управления. Экраны перед ним загорелись, демонстрируя упрощенную схему перехода, а эл-дворецкий тем временем установил голосовую связь с остальными операторами, уже занимающими свои места за пультами. Как только все подтвердили подключение к общей сети, бригадир подготовительной команды вышел вперед и доложил о состоянии дел. По мере передачи контроля техники стали покидать зал, но некоторые из них поднялись на галерею для зрителей и заняли места рядом с журналистами, местными руководителями ККТ и другими важными персонами, удостоенными приглашений.

В девять пятнадцать Оскар с удовлетворением убедился, что генератор готов к открытию червоточки. Он снова прошелся по цепочке связи, получая личное подтверждение готовности от каждого из начальников групп: астронавигации, энергетиков, фокусировки, вспомогательной службы, сенсоров, астрономии малой дальности, обслуживания камеры, экстренной обороны, передового отряда, планетарных

исследователей, ответственных за контакт с чужаками, ксенобиологов, коменданта базового лагеря и, наконец, медицинского персонала. Все они, один за другим, давали зеленый свет. Напоследок вместе со Служебным Интеллектом он провел проверку системы, отвечающей за соответствие инструкциям. Все было готово.

— Я благодарю всех вас, — сказал Оскар. — Обслуживание камеры, обеспечьте, пожалуйста, статус один. Астронавигаторам быть наготове. СИ, привести переход в полную готовность к активации.

Кольцо полифото на потолке постепенно тускнело, погрузив помещение в сумерки. Голографические дисплеи пультов освещали лица операторов переливающимся сиянием. По другую сторону от толстых сапфировых стекол большое кольцо полифото в камере тоже умерило яркость, и в его слабом красноватом свете овал перехода был едва виден.

— Внешнее силовое поле активировано, — доложила бригада обслуживания камеры. — Все шлюзы закрыты герметично. Стены в состоянии нейтрали. Термальные шунты подключены. Статус один достигнут.

Трап перед переходом, спускающийся на пол камеры, был едва виден. Оскар ощутил легкую вибрацию в животе. Не важно, сколько раз люди это проделывали, не важно, как далеко они проникли во Вселенную, — выход в неведомый мир всегда таил в себе огромный риск.

— Астронавигаторы, направление червоточины на звезду AFR98-2B, пять а. е. ^[3] к галактическому северу от цели.

— Есть, сэр, загружаем.

На экране СИ появились точные координаты. Звезда AFR98-2B, класса F2, находилась на расстоянии двадцати семи световых лет от Мерредина. С помощью орбитального телескопа дальнего радиуса действия ККТ обнаружила существование солнечной системы, насчитывавшей не менее пяти планет. После введения переданных астронавигаторами координат СИ приступил к процедуре открытия — обширной программе, учитывавшей миллиарды факторов, влияющих на механизмы перехода и поток энергии. Программа такой мощности могла бы легко самостоятельно развиваться до уровня РИ, но конкретно эта была сформатирована с оперативными ограничителями, предотвращавшими любые проявления независимости. Несмотря на наличие встроенных генетических алгоритмов, СИ был достаточно стабилен и никогда не отклонился бы от поставленных задач, что случалось с обширными программными средствами в прошлом и всегда приводило к губительным последствиям.

По тускло-серебристому овальному краю перехода за стеклом пробежали голубоватые блики. Они быстро расширились и смешивались между собой, так что человеческому глазу было очень трудно за ними уследить. Пятна непрерывно изменялись, в то же время оставаясь на своих местах. В темном центре перехода началась головокружительная вибрация. У Оскара, как всегда, возникло ощущение падения в бесконечно длинный тоннель. Для несовершенных человеческих чувств это была совсем неплохая интерпретация. Он знал, что задерживает дыхание, как любой оператор-новичок, впервые сидящий за пультом. В то же время это был момент величайшей награды. Ради таких мгновений он относился к своей работе с такой страстью, ради них он прошел долгий путь до должности руководителя отдела. За исключением коммерческих и политических дрызг, именно ККТ открывала для человечества новый мир. Скорее всего, новые поселенцы сделают из него еще одно жалкое подобие других, уже существующих в Содружестве миров. Но всегда остается вероятность

чего-то совершенно нового и воодушевляющего. Не может же всегда повторяться одно и то же.

Нестабильность в центре перехода исчезла, и центр полностью потемнел. В этой черноте появились звезды. Яркий белый луч прошел сквозь переход и уперся в камеру слева от стекол.

На цифровых дисплеях замелькали показатели, регистрирующие небольшой рост электромагнитного излучения.

— Выход чист? — спросил Оскар.

— Да, судя по кривой искажений силы тяжести, — последовал ответ из группы, следившей за сенсорами. — В пределах миллиона километров от просвета нет твердых тел, превосходящих массу элементарных частиц.

— Спасибо. Проветрить камеру.

В центре вторичного силового поля, закрывавшего переход, появилось отверстие и медленно расширилось до самого ободка. Атмосфера камеры устремилась наружу. В первый момент ее можно было увидеть облаком серого пара на фоне звездного неба.

Через минуту поле восстановилось, и внутри не осталось ничего, кроме медленно испаряющихся кристалликов льда.

— Есть вакуум, — доложила служба управления камерой.

— Сенсоры, подключить астрокомпас, — приказал Оскар. — Астрономы, определите наше местонахождение.

В нише на потолке камеры бесшумно разошлись створки диафрагмы. Оттуда вытянулась длинная рука-щупальце с электромускулами, держащая двухметровую металлическую колбу. На ее поверхности поблескивали небольшие золотистые линзы. Рука медленно потянулась вперед, и Оскар напряженно следил, пока она, осторожно покачивая колбу, вывела ее через отверстие в открытый космос. Стандартная камера на манжете прибора передала изображение на пять больших экранов над окнами. На них появилась одиночная звезда, ярко сиявшая на фоне остальных созвездий. По мнению Оскара, ее размер вполне соответствовал классу F2 на расстоянии в пять а. е. Тем не менее он терпеливо дожидался информации с телескопа. Одной из основных особенностей его работы была необходимость сохранять спокойствие в любых ситуациях. Поспешное решение было не менее опасно, чем колебания. Этот урок он усвоил давно, в своей первой жизни, когда еще не обладал такой способностью.

— Спектр соответствует AFR98-2B, сэр, — доложили из группы астрономии близкого радиуса. — Определяем координаты и корректируем местоположение выхода.

Оскар вспомнилась первая звездная разведка, в которой он участвовал много лет назад, еще на Августе. В тот раз он, еще новичок наземной вспомогательной бригады, простоял на галерее девять часов после окончания смены. Он так волновался, что эти девять часов промелькнули как один миг. В тот день он понял, что сделал правильный выбор, что таким образом сможет в какой-то мере компенсировать свои прежние поступки. Так он будет приносить людям надежду на новые старты и сам начнет новую жизнь.

— Местоположение выхода червоточины определено, — объявила группа астрономов. — Расстояние до AFR98-2B равно семнадцати и трем десятым миллионное километров от заданных координат.

При виде улыбок, вспыхнувших на лицах сотрудников, Оскар позволил себе немного расслабиться. Для недавно введенного в строй перехода это была небольшая погрешность, не выходящая за приемлемые рамки.

— Хорошая работа, астронавигаторы, — сказал он. — Загружайте новые показания. Группа сенсоров, выводите телескоп для исследования планет.

Из камеры стал подниматься другой, более массивный прибор, а Оскар тем временем снова проверил всю цепочку связи и убедился, что все идет по плану. Затем последовало часовое ожидание, пока астрономы ближнего радиуса анализировали полученную от телескопа информацию. Процедура была довольно проста: они сканировали плоскость эклиптики в поисках источника света, превосходящего определенные параметры. В случае обнаружения такого телескоп исследовал его движение. Если это была планета, ее орбита вычислялась почти мгновенно.

Спустя час на экранах над стеклами вспыхнули результаты поисков. Астрономы обнаружили пять планет. Две из них оказались газовыми гигантами, близкими по величине к Сатурну и расположенными на расстоянии одиннадцать и пятнадцать а. е. от звезды. Три оставшиеся были твердыми. Первая, самая малая из планет, скала размером с Луну, вращалась на расстоянии ста двадцати миллионов километров от звезды. Ее высокопластичная мантия из лавы перемещалась в соответствии с приливами и отливами, определяемыми звездой. Вторая твердая планета имела семнадцать тысяч восемьсот километров в диаметре и вращалась на расстоянии ста двенадцати миллионов километров от солнца. При ее высокой гравитации, атмосфере, близкой к венецианской, и соседстве с солнцем она не могла быть квалифицирована как пригодная для жизни людей. Зато третья планета была удалена от звезды на сто девяносто один миллион километров и имела диаметр в четырнадцать тысяч триста километров. По мере поступления параметров в зале усиливались радостные возгласы и аплодисменты. Спектрографический анализ выявил наличие стандартной кислородно-азотной атмосферы с большим содержанием водяных паров. Судя по удаленности от звезды, на планете должно было быть прохладно, и температура в экваториальной зоне не превышала показателей Земли в тех же высотах весной и осенью. Полученной информации было достаточно, чтобы Оскар присвоил планете предварительный статус пригодности для жизни, что вызвало очередной взрыв аплодисментов. Первый запуск обновленного перехода сразу навел их на золотую жилу.

— Сенсоры, посылаем туда тарелку, — сказал Оскар. — Проверка на излучения.

Из ниши на потолке вытянулась еще одна электромускульная рука, несущая свернутую антенну. Она прошла через переход и раскинула свою металлическую паутину рядом с телескопом.

— Радиосигналов не обнаружено, — доложили из группы измерений.

— Хорошо, верните назад оба манипулятора, — скомандовал Оскар. — Астронавигаторы, передвиньте выход червоточины на геостационарную высоту над дневной границей третьей планеты.

После того как обе электромускульные руки скрылись в нишах, звездное небо померкло. Через мгновение переход снова открылся, и перед ними предстал полумесяц планеты. Его сияние заполнило камеру и хлынуло через стекла. Оскар довольно улыбнулся мягким лунам, упавшим на пульт. Почти полная облачность над планетой закрывала около семидесяти процентов полушария, но он все же увидел голубизну океанов, грязноватый коричневый цвет суши и белизну полярных шапок, заметных уже с первого взгляда.

— Ну что ж, пора сосредоточиться на работе, — сказал Оскар, прерывая взволнованные шепотки. — Все это мы видели и раньше. Группа наблюдения, я хочу получить полный электромагнитный обзор. Запускайте семь геофизических спутников и обеспечьте полный

глобальный охват. Исследователи планет, настала ваша очередь; предварительный отчет прошу предоставить через три часа. Отдел по контактам с чужаками, начинайте охоту. Группа защиты, будьте в полной готовности, вы вправе в любой момент закрыть червоточину. Подтвердите.

— Подтверждено, сэр.

Из отсека под окнами контрольного центра, метров на десять дальше выхода из червоточины выдвинулись пусковые направляющие. Под действием магнитных импульсов по ним покатались спутники и, выпав из перехода, разлетелись в разные стороны. После снижения на один километр включились их ионные двигатели, которые должны были вывести приборы на различные орбиты, что позволило бы охватить всю поверхность планеты. По пути каждый из спутников выпускал рой мини-спутников, похожих на золотых бабочек, тем самым увеличивая границы зоны охвата. Для обеспечения связи были запущены параболические антенны сопровождения. Затем снова выдвинулась большая антенна и начала сканировать континенты на предмет электромагнитной активности. Двухметровый телескоп постоянно смотрел вниз.

Оскар отодвинулся от пульта и позволил себе первый за этот день перерыв. Между рядами пультов скользил робот на колесиках, развозивший закуски и напитки. Оскар выбрал сэндвич с сыром и копченым беконом и две бутылки натуральной минеральной воды. Пока он ел, на больших экранах над окнами появились первые изображения со спутников. Все детали аккуратно вносились в таблицы и графики на дисплее пульта.

На планете имелось пять больших континентов, занимавших до тридцати двух процентов поверхности. Температура была ниже, чем хотелось бы, и этим объяснялись огромные снеговые шапки, распространившиеся на треть планеты. Полтора континента были полностью покрыты ледяным покровом. Магнитное поле оказалось сильнее, чем на Земле, и потому радиационный пояс Ван Аллена был довольно широким.

— На данный момент никаких признаков разумной жизни не обнаружено, — доложили из группы контактов с чужаками. — Нет масштабных сооружений, нет электромагнитной активности, нет видимых признаков обработки почвы, нет искусственных источников тепла.

— Спасибо, — поблагодарил Оскар.

Последний фактор был для него самым убедительным. Способность зажигать и использовать огонь была признана безошибочным показателем разума. Если на планете и была возможна разумная жизнь, эволюция здесь не продвинулась дальше эквивалента неандертальскому периоду.

— Сенсоры, можно перейти к активному сканированию.

Импульсы радаров проникли под пелену облачности. Изображения на больших экранах стали сменяться чаще, появились детализированные слои, привязанные к предварительным контурам. Лазерные лучи пронзали атмосферу, исследуя ее состав. СИ управлял потоком энергии через механизм перехода, создавая у выхода из червоточины незначительные колебания гравитации. Колебания проходили по земной коре планеты, позволяя спутникам определить внутреннее расположение слоев.

В пятнадцать ноль-ноль Оскар созвал внутрисетевое совещание глав отделов. Все согласились, что на данный момент планету можно было считать благоприятной. На ней не обнаружилось никаких признаков местного разума. Инфракрасные сенсоры не засекали ни одного животного, превышающего длину в два метра. Геология стандартная. Биохимия, насколько можно судить по спектральному анализу, представляет собой обычную

углеродную многоклеточную форму.

— Итак, планета агрессивна или пассивна? — спросил Оскар.

Подобная проблема возникала нередко. В холодных, вроде этого, мирах большинство видов жизни развивалось медленно; эта особенность располагала к более пассивной животной натуре. Но наблюдались случаи с противоположным результатом, где в процессе эволюции возникали самые крепкие формы жизни, боровшиеся за выживание любой ценой.

— Прошу высказывать ваши предположения.

— Геология планеты стабильна, — заговорил один из исследователей планет. — Если мы правильно определили звездный цикл, текущей биологической эпохе вероятно около восьмидесяти миллионов лет. Мы не обнаружили характерных черт ледниковых периодов, следовательно, здесь не было резких изменений климата, что привело бы к скачкообразной эволюции. Все, что там внизу растет, развивалось стабильно и постепенно. Я бы сказал, что планета пассивна.

— Я склонен согласиться, — продолжил ксенобиолог. — Мы выявили подвижные источники тепла, но ничего крупнее собаки. И тем более ничего, что обычно ассоциируется с плотоядными хищниками. Ботанику тоже можно назвать стандартной. Впрочем, здесь имеются крупные растения, которые можно условно назвать деревьями, но они растут поодиночке, нигде не объединяясь в леса, и это необычно.

— Очень хорошо. — Оскар повернул кресло, чтобы оказаться лицом к Макклею Гилберту, командиру передового отряда, сидевшему в первом ряду галереи. — Мак, я даю разрешение на предварительный контакт. Пусть твои люди подготовятся.

— Спасибо, сэр, — ответил Макклею Гилберт и поднял вверх большие пальцы.

Оскар снова переключился на совещание.

— Готовимся к наземному контакту. Группа наблюдения, переведите геофизические спутники в автоматический режим и отзовите манипуляторы. Астронавигаторы, перенесите выход из червоточины на высоту в пятьсот километров над экватором и придайте ей орбитальную скорость. Как только положение будет достигнуто, запускайте флотилию низкоорбитальных спутников, мне потребуется непрерывный обзор зоны контакта. Наземная операция начнется через час, будьте готовы к этому времени.

С переносом выхода на пятисоткилометровую высоту над экватором облака внизу стали намного ярче. Небольшая эскадрилья низкоорбитальных спутников скатилась по пусковым направляющим, спустилась еще ниже и образовала цепочку вдоль всего экватора планеты. Изображения их высокоразрешающих камер вскоре появились на экранах, демонстрируя массу деталей. Сквозь ковер пунцовых растений, похожих на траву, были видны отдельные камешки размером всего в пять сантиметров. Вокруг прыгали похожие на белок грызуны, покрытые не мехом, а чем-то вроде серой чешуи; они прятались в норах и плавали в ручьях. У всех небольших отдельно стоящих деревьев ветви росли странными зигзагами.

— Низкоорбитальные спутники вышли на позиции, — доложили из группы измерений. — Полный охват поверхности достигнут.

— Подходим к рассвету в зоне высадки, — добавил исследователь планет.

— Убрать сенсорные манипуляторы, — распорядился Оскар. — Управление камерой, установить вокруг выхода силовое поле. Астронавигаторы, перенесите выход на высоту в один километр над предполагаемой зоной контакта.

Выход червоточины мигнул, и перед ними предстала неровная поверхность, покрытая тонким слоем винно-красной травы и сплетенным кустарником цвета кармина. Лучи

рассветного солнца протянули по земле длинные тени, в низинах и впадинах колыхались озера маслянисто-густого тумана.

— Служба камеры, уравновесить давление. Сенсоры, запустить анализаторы атмосферы и взять пробы.

Конфигурация силового поля изменилась, пропуская наружу манипулятор пробоотборника. Никаких смертельно опасных частиц, пропущенных при сканировании с орбиты, в первый момент обнаружено не было.

Оскар выждал положенный час, необходимый для микроанализа проб.

— Ксенобиологи? — спросил он по истечении отведенного времени.

— Кое-какие споры — вероятнее всего, растительного происхождения. Небольшое количество бактерий в водяных парах. Ничего сверхъестественного. Нет реакции отторжения на внедренные нами образцы.

— Благодарю.

Еще не один месяц потребуется на тестирование проб в лабораториях, чтобы убедиться в отсутствии враждебных человеку организмов. А до тех пор передовые отряды будут работать в скафандрах. Оскара беспокоили иные биологические процессы: сто лет назад ККТ открыла червоточину на планете, где местные грибки разъедали полимеры. Подобный поворот эволюции до сих пор оставался загадкой для ксенобиологов. С тех пор на поверхность доставлялись образцы всех применяемых материалов.

— Астронавигаторы, спустите нас вниз.

Выход начал медленно опускаться, перемещаясь с той же плавной неторопливостью, что и наполненный горячим газом воздушный шар. Оскар даже успел определить выбранную астронавигаторами точку приземления — плоскую площадку, почти полностью лишенную травы, в трехстах метрах от ручья. Наземное сканирование подтвердило плотность почвы. На высоте около сотни метров над землей овал выхода начал поворачиваться вдоль длинной оси, пока не принял вертикальное положение. В поле обзора появилось голубое небо с тонкими, розоватыми на утреннем солнце облаками высоко над горизонтом. Астронавигаторы остановили спуск в паре сантиметров над пушистыми карминно-красными листьями местного эквивалента травы.

Оскар выдохнул задержанный в груди воздух и окинул взглядом местность в поисках какого-либо движения. Если в этом мире присутствовали сильфены, это был самый подходящий момент для их появления. Глупые долговязые гуманоиды, выбегающие на поляну и радостно машущие руками сидевшим за пультами операторам. «Добро пожаловать! — пели они на своем языке. — Добро пожаловать в новый мир!» Он сам стал этому свидетелем двенадцать лет назад, когда возглавлял бригаду обслуживания камеры на Августе. В певучих голосах сильфенов звучала такая радость и насмешка над серьезными людьми и их громяющей техникой, что ему хотелось подобрать камень и бросить его в этих самодовольных мистиков.

Но на этот раз холодный красно-голубой ландшафт оставался настолько тихим, что мог сойти за картинку. Сильфенов здесь не было.

Оскар опять прошелся по цепочке связи, убеждаясь, что все службы работают исправно.

— Передовой отряд, приступайте к контакту, — скомандовал он.

Часть пола камеры приподнялась, образуя трап. Створки второй шлюзовой камеры разошлись, и за ними появился Макклейн Гилберт с четырьмя членами передовой группы. Все они облачились в ярко-красные неразъемные герметичные костюмы, облегаящие тело, с

гибкими капюшонами, большую часть которых составляли прозрачные маски. На спинах у них имелись плоские ранцы, содержавшие миниатюрные установки для восстановления воздуха, и сверхпроводящие аккумуляторы для создания защитного силового поля. Эта предосторожность предпринималась на тот случай, если местным животным вздумалось бы попробовать пришельцев на вкус.

Камеры, установленные по бокам шлемов, транслировали изображения на большие экраны поверх окон. Быстрая проверка показала Оскару, что через унисферу за ними в этот момент наблюдали несколько сотен миллионов человек. Это были любители новых исследований, домоседы, которым все еще не хватало миров для расширения границ человечества.

— Мак, выходите наружу, — приказал Оскар фигурам героического вида, замершим перед трапом.

Макклейн коротко кивнул и шагнул вперед. Силовое поле у выхода мягко обволокло его тело, а затем нога опустилась на пушистые листья покрывающих почву растений.

— Я нарекаю эту планету Челвой, — с серьезным видом произнес Макклейн, повторяя слова, одобренные руководством ККТ. — И пусть те, кто придет сюда, обретут искомую жизнь.

— Аминь, — негромко пробормотал Оскар. — А теперь за работу.

Процедура требовала первоначального сбора образцов почвы и растений, которые и были немедленно переправлены через переход в камеру. После чего передовая группа занялась более тщательным осмотром местности вокруг выхода из червоточины.

— Эквивалент травы пористый и рыхлый, — доложил Макклейн Гилберт. — Он похож на мох, но с более длинными листьями, блестящими, словно покрытыми воском. Почва на берегу ручья имеет высокое содержание гальки. Камешки на вид похожи на кремь, некоторые серовато-коричневого цвета. Возможно, годится в качестве органического топлива.

Передовая группа направилась к воде. Ручьи, озера и даже моря всегда давали представление о разнообразии местной жизни.

— У нас появилась компания, — объявил Макклейн Гилберт.

Оскар поднял взгляд от своего пульта. Отряд разведчиков теперь находился в сотне метров от ручья. Ему были видны трое из пяти членов группы, и двое из них на что-то указывали руками. Оскар посмотрел на большие экраны. В поле зрения появились небольшие существа, названные в первый момент белками-грызунами, и камеры на шлемах следовали за их прыжками по плоским камням у берега ручья. Теперь, когда появилась возможность рассмотреть их поближе, Оскар понял, насколько неточным было первое впечатление. Эти создания совсем не походили на белок. Округлое конусообразное тело около тридцати сантиметров длиной покрывал не мех, а свинцово-серые чешуйки, по своей структуре удивительно похожие на камень. В задней части туловища имелось три конечности — одна точно по центру, и две, немного длиннее, по обеим сторонам от нее. В местах соединения с туловищем они очень напоминали бедра цыплят, но среднего сустава в них не было, нижняя часть представляла собой простую опору. Существа будто прыгали на миниатюрных ходулях, отчего их движения были резкими и порывистыми. Голова почти полностью состояла из большого рыла с кольцеобразной чешуей, что давало ему возможность изгибаться в любом направлении. На конце рыла вокруг ротового отверстия имелась тройная клешня или коготь. В задней части морды располагались три черных глаза,

утопленные в складки чешуи.

— Уродливые твари, — высказал свое мнение Макклеин Гилберт. — Они кажутся мне несколько примитивными.

— Мы считаем их довольно развитыми существами, — возразил ксенобиолог. — У них отличное чувство равновесия, а устройство конечностей обеспечивает способность к сложным движениям.

Оскар видел, что существа не остаются на месте, а все время прыгают, как кенгуру. Он решил, что разведчики испугали зверьков. Одно из созданий резко прыгнуло вперед и погрузило морду в воду ручья. Когда оно подняло голову, в клешне оказался пучок бледно-лиловых растений. Эта добыча с невероятной скоростью скрылась в его ротовом отверстии.

В виртуальном поле зрения вспыхнул янтарный предупредительный огонек телеметрии герметичного костюма Макклеина Гилберта. Подобные сигналы поступили и от остальных членов группы.

— Мак, на чем ты стоишь?

Нашлемные камеры одновременно повернулись к земле. Пушистые листья медленно обхватывали ботинки астронавтов. С луковичек, венчавших каждый листок, поднимались тонкие струйки тумана.

— Черт! — воскликнул Макклеин.

Он резко поднял одну ногу. Трава оказалась недостаточно прочной, чтобы его задержать, но на поверхности обуви уже появились вздутия и пузырьки. Его товарищи с тревожными возгласами начали освобождать ноги от травы.

— Это какой-то вид кислоты, — сказал представитель научной группы.

Оскар заметил, что зверьки поспешными прыжками удаляются от людей.

— В каких растениях вместо сока содержится кислота? — спросил Макклеин Гилберт.

— В тех, что не сулят ничего хорошего, — ответил ксенобиолог. — Сэр, я бы рекомендовал отозвать передовую группу.

— Поддерживаю просьбу, — добавил представитель защиты.

— Мак, я думаю, они правы, — согласился Оскар. — Возвращайтесь в камеру.

— Уже идем.

— Ксенобиологи, прошу предоставить объяснения, — сказал Оскар.

— Очень интересный факт. Растения не начинают реагировать, пока наши люди не простоят на одном месте некоторое время. Могу предположить, что организм срабатывает на сигнал постоянного давления. Это напоминает мне венерианский летающий капкан, только в данном случае он намного опаснее. Любое мелкое животное, остановившееся на месте, рискует быть пойманным и растворенным.

Оскар перевел взгляд на овал перехода. Макклеин и его спутники почти добрались до его ободка. За их спинами не было видно никаких признаков присутствия мелких не-белок.

— Местные зверьки ни секунды не стоят на месте, — пробормотал он.

— Правильно, сэр, — отозвался ксенобиолог. — Строение их конечностей затрудняет контакт с травой. Было бы интересно узнать состав чешуи, она выглядит довольно прочной. В процессе эволюции у всех здесь должна была выработаться стойкость к кислоте.

— Насколько распространено это растение? — спросил Оскар. — И могут ли наблюдаться похожие свойства у других представителей флоры?

Судя по изображениям с низкоорбитальных спутников, растения покрывают значительную часть поверхности планеты, — ответили из группы сенсоров. — И если это не

тот же самый вид, то, по крайней мере, его близкий родственник.

— Проклятье! — прошипел Оскар.

Отряд разведчиков поспешно скрылся в камере для работы в условиях неизученных миров. У основания трапа перед ними тотчас поднялись из пола кабинки санобработки, предназначенные для удаления спор или других опасных частиц. Эти установки были достаточно эффективными, члены передовой группы сразу оказались под сильными струями воды.

— Ну ладно, — обратился Оскар к остальным сотрудникам. — Теперь в первую очередь необходимо определить, насколько широко распространено это растение и обладают ли подобными свойствами другие организмы. Группа сенсоров, запускайте туда восьмую модель робота — сборщика образцов. Надо проверить ближайшие деревья и другие виды растений. Мак, проходите полную санобработку и можете раздеваться. Думаю, вы сегодня больше не понадобится.

Все присутствующие в центре управления с тревогой следили за роботом, неторопливо катившимся по красной траве. Несколько раз он останавливался, чтобы отщипнуть фрагменты листьев разных растений, а затем направился к ближайшему дереву, стоявшему приблизительно в трехстах пятидесяти метрах. По мере приближения все отчетливее стал виден рисунок его кроны: все ветви раздваивались под острым углом друг к другу. Листьев на нем было немного — всего несколько тонких бежевых треугольников, свисавших с конца каждого побега. Зато в каждой развилке, на каждой ветке висело по черному ядру, похожему на орех.

Робот остановился в метре от ствола с восковым налетом и медленно вытянул манипулятор на электромускулах. Все орехи на этой половине дерева лопнули одновременно. На робота и землю вокруг него хлынул поток жидкости. Корпус начал немедленно разлагаться. Затем кислота проникла внутрь, и передача изображения прервалась.

Оскар уронил голову на сложенные руки.

— Проклятье! — простонал он.

К вечеру они убедились, что биохимия всех растений планеты действовала по одному и тому же принципу. Оскар восемь раз переносил выход червоточины в разные районы, и повсюду присутствовали похожие разновидности эквивалента травы, не отличавшиеся друг от друга по биохимическим параметрам.

В конце концов он приказал закрыть выход и уменьшить мощность генератора до второго уровня. После такого удачного начала поисков это решение всех расстроило. Затем настал черед административной суеты: наземная бригада, которой надлежало проводить первоначальные исследования, занялась подготовительными работами; кроме того, каждому предстояло составить и отправить множество отчетов.

Дверь центра управления закрылась за Оскаром.

— Будет другой день и другая планета, — пробормотал он себе под нос.

Он устал, расстроился и проголодался. И ни за что не стал бы сегодня заниматься отчетами. Через своего эл-дворецкого он приказал роботам-слугам приготовить хороший ужин и открыть бутылку вина, чтобы к его приходу напиток успел выпустить газ.

Одновременно с ним в коридор с галереи вышла группа наблюдателей, и среди них оказался человек, которого Оскар меньше всего хотел бы встретить в этот вечер. Дермет Шалар, директор станции ККТ на Мерредине. Оскар замедлил шаг и опустил голову

надеясь, что Дермет его не заметит.

— Оскар!

— А, добрый вечер, сэр. Боюсь, что день выдался не слишком добрым.

— Да, вы правы. Но у астрономов остался еще огромный список возможных целей. Да и нельзя сказать, чтобы нам не хватало новых миров.

Оскар перестал обращать внимание на слова босса. Он только что заметил рядом с ним молодого выглядевшего мужчину в дорогом костюме.

— Вы наблюдали за сегодняшней операцией?

— Да, — ответил Уилсон Кайм. — Мне знакомо это чувство разочарования.

— Да, уверен, оно вам знакомо.

— Но ваши действия произвели на меня отличное впечатление.

— Спасибо.

Ответ прозвучал довольно глупо, но Оскар понимал, что Кайм неслучайно следил за его работой. Всю усталость мгновенно смыл вихрь адреналина. Быть выбранным для предстоящей исследовательской миссии ККТ означало большое доверие.

Уилсон, словно прочитав его мысли, улыбнулся.

— Я подыскиваю человека вроде вас на должность своего старшего помощника. Вас это интересует?

Оскар оглянулся на Дермета, сохранявшего бесстрастное выражение лица.

— Конечно.

— Отлично. Если вы согласны, должность ваша.

Спустя два дня Оскар прибыл на комплекс строительства космического корабля. На верхнем уровне одной из трех стеклянных башен ему выделили кабинет рядом с кабинетом Кайма, а также троих помощников. На первой официальной встрече в то утро они с Уилсоном в первую очередь обсудили проблему набора членов экипажа. Надо было договориться, как решать этот вопрос. Найджел Шелдон не шутил, говоря о множестве заявок на участие в миссии. Десятки миллионов человек со всего Содружества, поддерживаемые правительствами или весьма уважаемыми организациями, бомбардировали фильтры программ ККТ просьбами предоставить место на борту космического корабля. С самого начала было решено по возможности заполнить вакансии научных служб сотрудниками исследовательских подразделений ККТ. То же самое касалось и обслуживающего персонала. Исключения могли быть сделаны только для самых выдающихся личностей. И Оскар, и Уилсон сознавали, что такими могут быть только гении, пользующиеся поддержкой в политических кругах.

— Есть кто-нибудь, кому ты очень сильно обязан? — спросил Уилсон. — Для начала мы должны исключить подобные варианты.

— Уверен, найдется множество знакомых из моей нынешней жизни, как и из первой тоже, которые неожиданно вспомнят об одолженной мне пятерке баксов. В этом я успел убедиться, еще не успев покинуть Мерредин. Я только хочу сказать, что лучший командир передового отряда, с которым мне когда-либо приходилось работать, это Макклейн Гилберт.

— Ты хочешь, чтобы он занял этот пост на «Втором шансе»?

Оскар замялся.

— Это возможно?

— Надо же нам с чего-то начинать, и каждый выбор должен быть логически обоснован. В конце концов, именно так я выбрал тебя — спросил Шелдона, кто у него лучший

руководитель центра управления.

Оскар догадывался, что так оно и было, но кто откажет себе в удовольствии услышать об этом своими ушами?

— Ладно, тогда я предлагаю Мака. А что у тебя? Есть какие-нибудь предварительные кандидаты?

— Есть пол сотни администраторов из «Фарндейла», кто мог бы помочь мне справиться с конструкторской частью проекта, и, возможно, я кое-кого приглашу. Но насчет экипажа у меня ничего нет.

Из экипажа «Улисса» сумели отыскать лишь двоих. Нэнси Крессмайер, которая с тех пор ни разу не покидала Землю и не прекращала деятельности на общественном поприще; теперь она была специальным уполномоченным по экологии в Северо-западной Азии. Она была полностью предана своей работе и вела ее уже сто пятьдесят восемь лет. Она ответила «нет», как только услышала его предложение, даже не поздоровавшись как следует и не спросив, почему он приглашает ее после стольких лет.

— Ты уверена? — спросил ее Уилсон.

— Уилсон, я не могу все бросить. На нашей великолепной Земле еще так много дел. Как мы можем встречаться с чужаками, если не в состоянии победить болезни, угрожающие собственному народу? Наш моральный долг — работать здесь.

Он не стал с ней спорить, хотя многое мог бы сказать насчет ее крестового похода. Земля, какой ее хотели видеть ультраконсервативные зеленые, никогда не существовала даже в прошлом, это было всего лишь идеализированное представление о рае. Нечто, не слишком отличающееся от Йорк-5, подумал он про себя.

Вторым и последним из обнаруженных членов экипажа была Джейн Оркистон. Уилсон только взглянул на ее личное дело и решил не посылать вызов. Предчувствие или интуиция, это можно назвать как угодно. Он знал, что лишь напрасно потратит время. Два столетия назад Оркистон перебралась на Фелисити, планету женщин. С тех пор она неустанно производила на свет дочерей, примерно по одной каждые три года.

В сущности, подумал он, это не такой уж плохой итог для команды, которая когда-то представляла цвет человечества. Трое из тридцати восьми: один плутократ, один бюрократ и одна мать-героиня.

Вторая половина совещания прошла в виде конференции в унисфере с участием Джеймса Тимоти Халгарта, директора Института исследования «Марии Селесты».

— Мне будет интересно твое мнение о его информации, касающейся «Марии Селесты» и ее экипажа, — сказал Уилсон Оскару. — Знания чужаков — это один из аспектов нашей миссии, который я хочу поручить тебе.

— Ты считаешь, что это важно?

— Да, нам необходимо понять, что они знают. И чего не знают. Я намерен исследовать окутывание Пары Дайсона со всех сторон, а не просто совершить прогулку. Перед полетом на Марс я проходил обучение почти десять лет. В итоге я знал о геологии, условиях и географии планеты больше, чем любой профессор колледжа, и прочел все написанные о Марсе книги — как научные, так и фантастические. Я изучил не только факты, но и все мифы. На всякий случай. Мы были готовы ко всему, к любой случайности. И это принесло нам только пользу.

— Шелдон и Оззи не имели никакого отношения к Марсу.

Уилсон усмехнулся.

— Полностью с тобой согласен. Итак... Устрой встречу с экспертами-ксенобиологами, посмотри, как они общаются с сильфенами. Посети Высокого Ангела. Поговори с райелем. Я не верю, что никто из наших так называемых чужаков ничего не знает о Паре Дайсона. Все они начали существовать задолго до нас и могли путешествовать в космосе, когда это произошло.

— Зачем же им связываться с нами?

— Бог знает. Но в этом деле слишком многое кажется нелогичным.

— Хорошо, я внесу эти поездки в свое расписание.

Эл-дворецкий Уилсона сообщил, что червоточина, соединявшая Среднюю с Дальней, вступила в десятичасовую активную фазу своего цикла. Унисфера установила связь с немногочисленной сетью в Армстронг-сити. Оттуда по отдельной наземной линии вызов пошел в исследовательский институт.

Большой экран в дальнем конце кабинета Уилсона зарябил разноцветными штрихами помех, но вскоре расчистился, и на нем появилось изображение Джеймса Тимоти Халгарта, сидящего в своем кабинете. Он принадлежал к четвертому поколению семейства, основавшего Эдембург, что обеспечивало высокое положение внутри династии.

Бледно-голубой костюм директора института был сшит из полуорганической ткани, которая сжималась и растягивалась на его теле, обеспечивая неограниченную свободу движений. На вид ему было немного за тридцать, несмотря на полностью лысую голову — довольно необычное явление в Содружестве. На его щеках платиной и изумрудами поблескивали тонкие ОС-татуировки.

— Капитан Кайм, наконец-то! — не скрывая воодушевления, заговорил он. — Я приношу свои извинения по поводу задержки конференции, но Хранители Личности весьма настойчивы в своих атаках на нашу линию связи: очередной ремонт был закончен всего три часа назад. Не сомневаюсь, что в течение нескольких дней у нас произойдет следующий обрыв.

— Печально слышать, — ответил Кайм. — А не проще ли запустить спутник-ретранслятор?

— У нас уже был такой — Хранители сбили его, а затем еще три, запущенные ему на замену. Установка наземной линии и бригада ремонтников на окладе обходятся дешевле, а оптоволоконный кабель стоит недорого.

— Не ожидал, что положение на Дальней настолько серьезно.

— Строго говоря, это не совсем так. От нападок Хранителей страдаем только мы. Эти ребята проявляют прискорбную ненависть к чужакам, если не сказать жестокость.

— Я не слишком осведомлен относительно их целей, никогда раньше не обращал внимания на теории заговоров. Они считают, что вы помогаете выжившему на корабле чужаку, не так ли?

— Точнее, они уверены, что мы переправили Звездного Странника в Содружество. И да, на это утверждение они делают основной упор.

— Понимаю. Они провели колоссальную пропагандистскую кампанию на тему влияния Звездного Странника на подготовку миссии «Второго шанса». Но я хочу из первых уст услышать, не могла ли «Мария Селеста» прибыть с Пары Дайсона. Способен ли этот корабль на столь долгий перелет?

— Теоретически да. Если корабль может развивать полетную скорость в семьдесят две сотых скорости света, дальность его полета ограничивается только запасом топлива для

генераторов силового поля, ну и собственно сроком жизни самих генераторов. Тем не менее наши исследования показывают, что фактическое время полета составило пятьсот двадцать лет, а это значит, что корабль не стартовал со звезд Пары Дайсона и даже не проходил мимо них — его пункт отправления расположен где-то ближе.

— Могли ли они прибыть с планеты, не обладавшей защитным барьером, окружившим Пару Дайсона? — вставил Оскар. — Может, они не могли противостоять силам, угрожавшим Паре Дайсона, и потому бежали?

— Мы можем сколько угодно строить предположения относительно цели и причины полета, — сказал директор института. — Поскольку нам неизвестно, откуда эти чужаки прибыли, мы вряд ли сумеем определить задачу, которую они перед собой ставили. Есть вероятность, что их отправная точка могла находиться в пределах самого Содружества.

— А не могли ли существа, управлявшие «Марией Селестой», сами стать причиной окутывания? — спросил Уилсон.

— Простите, я не улавливаю вашей логики.

— Если из пункта отправления отбыла целая флотилия подобных кораблей, не могли ли народы Пары Дайсона построить защиту от них? вспомните хотя бы, что стало со звездой Дальней при появлении одной только «Марии Селесты».

— А, мега-вспышка. Да, признаю, это весомый аргумент. Но он, однако, не объясняет, почему барьеры остаются активными на протяжении столь долгого времени. Мы все-таки уверены, что стерилизация Дальней была побочным эффектом: вспышка произошла вследствие попытки передать послание.

— Ничего себе побочный эффект!

— Мы должны попытаться принять точку зрения чужаков и их этику: они осуществили вспышку с целью послать сообщение через целую Галактику. Тот самый механизм, что вызвал колоссальный взрыв, впоследствии модифицировал излучение в когерентный радиосигнал, который можно было засечь даже на Магеллановых Облаках. Мы, люди, довольно легко могли его обнаружить, для этого хватило бы обычной тарелки, не говоря уже о сканерах сети, которые использовали уже тогда.

— Тем не менее никому до сих пор не известно, что они хотели сказать, — заметил Уилсон. — На расшифровку сигнала у нас было сто восемьдесят лет, но я до сих пор не слышал о каких-либо значительных успехах. Чужаки могли обращаться к своей родной планете.

— Это одна из теорий, поддерживаемых Институтом, капитан. Если у вас есть время послушать, я могу изложить сотню других предположений. Все, что нам остается, — это работать с обломками и постараться сложить как можно большее количество фрагментов мозаики. Когда-нибудь мы получим ответы. К сожалению, не могу обещать, что это произойдет в ближайшем будущем.

— Должны же у вас быть какие-то догадки о точке их старта, — настаивал Оскар. — Если они путешествовали со скоростью в семь десятых от скорости света, значит, старт находился приблизительно в трехстах пятидесяти световых годах от Дальней. Нельзя ли определить световой спектр их звезды по содержимому корабельного отсека жизнеобеспечения?

— Это было бы нелегко, мистер Монро. В резервуарах были обнаружены многоспектральные источники освещения. Чужаки не пытались воспроизвести условия своей родной звезды.

— В резервуарах?

На лице директора отразилось легкое разочарование.

— Внутри «Марии Селесты» не было дублирования природных условий планеты, космический корабль вез резервуары. Насколько можно судить по остаткам, они были заполнены водой и какими-то одноклеточными водорослями.

— Эти существа обитали в воде? — изумился Оскар.

Он никогда не интересовался информацией о корабле-ковчеге, поскольку Дальняя не числилась в его личном списке мест, где он хотел бы провести отпуск.

— И снова это всего лишь теория, — сказал Джеймс Халгарт. — В резервуарах не было найдено никаких высокоразвитых организмов. Не было ничего похожего и в океанах Дальней. Еще одна теория основывается на том, что «Мария Селеста» была автоматизированным кораблем-сеятелем: в ее программе, возможно, была заложена стерилизация любого обнаруженного обитаемого мира и последующее распространение в нем генетических форм из домашнего мира, чтобы подготовить планету для колонизации.

— Еще одна причина, чтобы возвести барьер, — заметил Уилсон.

— Сомневаюсь в этом, капитан. Во-первых, при наличии технологии возведения подобной преграды вы наверняка сумеете деактивировать корабль-робот до того, как он приступит к осуществлению своей миссии. Во-вторых, это заведомо несовершенный способ межзвездной колонизации — на сооружение такого корабля были потрачены колоссальные ресурсы, а результат нулевой. Вспышка уничтожила большую часть, но не всю жизнь на Дальней, а следов чужеродной жизни так и не было обнаружено. К тому же, если это один корабль из флотилии, где же остальные вспышки, свидетельствующие о начале колонизации? В-третьих, если эти чужаки были представителями цивилизации, осваивавшей космос, если они были намерены выйти за пределы собственной солнечной системы — они должны были бы постоянно совершенствовать свои технологии. Была ли преодолена скорость света — это еще вопрос, но должны были быть построены более мощные, чем «Мария Селеста», корабли, и вторая волна должна была распространиться дальше. Почему мы до сих пор не видели кораблей чужаков, построивших «Марию Селесту»? Боюсь, джентльмены, перед нами стоит уникальная загадка относительно Дальней и этого корабля. Как в той поговорке: загадка, окутанная тайной. Но, могу вас заверить, «Мария Селеста» не имеет никакого отношения к Паре Дайсона.

— Уверен, все это есть в ваших отчетах, — сказал Оскар. — А как насчет корабельной электроники? Вы наверняка сохранили хоть несколько программ?

— Нет. Обнаруженные процессоры можно назвать стандартными — они используют тот же принцип элементарного вентиля, что и мы, хотя химических аналогов некоторым материалам у нас не существует. Впрочем, управляющее ядро отсутствует — было эвакуировано или похищено.

— До или после катастрофы?

— После. Это была аварийная посадка, а не катастрофа. Системы корабля еще работали, в противном случае нам для изучения остался бы только громадный кратер. Согласно официальной версии Института, вспышка достигла цели и высланный спасательный корабль подобрал всех выживших. Эта теория соответствует всем известным фактам. Все остальное можно считать домыслами.

— Вы говорили об уровне технологий, — сказал Уилсон. — «Мария Селеста» — продукт более развитой цивилизации, чем наша?

— Изобретение генератора червоточин ставит нас на более высокую ступень развития — но это на данный момент. По самым точным нашим подсчетам, «Мария Селеста» была запущена в тысяча трехсотом году нашей эры, когда человечество едва вступило в эпоху Ренессанса.

— Я понимаю, к чему вы клоните: даже если они развивались вдвое медленнее, чем мы, к настоящему времени они должны были создать какие-то магистрали вроде тех, которыми пользуются сильфены.

— Верно.

— И все же что можно сказать о сегодняшнем дне? Можно ли считать наши достижения эквивалентом «Марии Селесты»?

— Я бы сказал — эквивалентом, но другим. Несомненно, мы могли бы построить более сложный космический корабль, развивающий скорость меньше скорости света. При этом чужаки явно не обладают технологией червоточин, но мы не знаем, как они устроили вспышку звезды.

Уилсон припомнил несколько встреч с главами настолько засекреченных служб безопасности, что широкая публика даже не подозревала о существовании таких отделов: так вот они очень хотели исследовать возможности «бомбы-вспышки», примененной «Марией Селестой». Военная разведка «Фарндейла» пришла к заключению, согласно которому некое нестабильное квантовое поле привело к разрыву поверхности звезды, вызвав эффект, подобный детонации глубинного заряда в океане. Однако, кроме теоретических выкладок, не было предпринято никаких шагов — по крайней мере, в области технологий. Впрочем, Уилсон не мог точно знать, чего добились в других компаниях, — возможно, надо потихоньку спросить об этом у Найджела Шелдона.

— Вы все еще исследуете корабль?

— Там нечего больше исследовать, капитан. Мы классифицировали все предметы, обнаруженные на борту «Марии Селесты», и установили назначение каждого из них — того, что вызвало вспышку, там нет. Скорее всего, корабль был не один, и все самое ценное, вместе с выжившими членами экипажа, эвакуировали. В конце концов, это не то устройство, которое можно запросто оставить без внимания.

— Дельное замечание. Я хотел бы понять следующее: могли ли строители «Марии Селесты» соорудить барьер Дайсона?

— Нет, такой возможности у них не было: барьеры вокруг Пары Дайсона появились раньше, чем был построен корабль. Мы имеем дело с другой расой чужаков — возможно, сразу с двумя, если предположение о защитной функции барьера окажется правдой. Желаю вам удачи в предстоящем путешествии.

— Спасибо.

— Пока мы еще на связи, я хотел бы заверить, что предоставлю отпуск любому специалисту Института, если вы пригласите его в свою команду. У нас прекрасные эксперты — опытные и квалифицированные, многие ни в чем не уступают мне самому.

— Это весьма щедрое предложение, господин директор. Мы скоро обнаружим требования к кандидатам в команду «Второго шанса», и я уверен, ваши специалисты будут им соответствовать.

— Что ж, всего хорошего.

Его рука приподнялась в прощальном приветствии, и изображение исчезло.

Оскар поморщился.

— Похоже, чужаков с «Марии Селесты» можно сбросить со счетов.

— Да, наверное. Не могу сказать, чтобы я прислушивался к Хранителям, но это отличная тема для следующего интервью прессе.

* * *

Согласно календарю уже наступило лето, но западные ветры в течение последних трех недель продолжали нести с океана дождевые тучи. Над Леонида-сити постоянно гремели грозы, а большая часть парков была залита водой. В этот день небо также затянула сплошная серая пелена, и по легкому пластиковому навесу, установленному над подиумом, стекала мелкая морось. Дадли Боуз, глядя на слушателей, расположившихся на лужайке университетского ботанического сада, не замечал мокрого блеска их одежды и причудливых летних шляп — он был слишком охвачен благоговейным трепетом, чтобы обращать внимание на столь обыденные мелочи, как погода.

Декан, похоже, тоже был невосприимчив к мелким неприятностям, поскольку его речь тянулась и тянулась бесконечно. Вице-президент Гралмонда, сидевшая прямо за его спиной, старалась сохранить официальное выражение лица. Наконец декан закончил восхваление университета, процветавшего под его личным руководством, и жестом пригласил выступить Дадли Боуза.

Торжественность момента внезапно повергла его в ужас по пути к трибуне. Он отыскал взглядом Венди: его жена, напряженно выпрямившись, сидела в первом ряду и энергично ему аплодировала. Рядом расположились его студенты: один пронзительно свистнул, двое других отозвались оглушительным смехом, словно услышав отличную шутку, — все как обычно. Тем не менее это зрелище помогло ему снова обрести уверенность.

Дадли встал рядом с деканом, и тот с торжественным видом протянул ему свиток пергамента, в котором подтверждалось его новое звание профессора. Аплодисменты достигли апогея, когда Дадли одарил промокшую аудиторию счастливой улыбкой и даже не поднял руки, чтобы почесать ОС-татуировку на ухе, — Венди не раз предостерегала его от этого. Затем он высказал стандартную благодарность, объявив, что счастлив работать в таком великолепном научном учреждении, как этот университет, добавил несколько слов о долге правительства поддерживать науку (вызвав задумчивый кивок сидевшей позади него вице-президента) и закончил словами: «Теперь я надеюсь, что смогу представлять университет Гралмонда и этот мир в качестве члена экипажа „Второго шанса“. Знания и опыт, накопленные на нашей планете, помогут раскрыть тайну, тревожившую наши народы в течение двух последних столетий. Я могу обещать, что сделаю все, что в моих силах, и не подведу вас. Огромное всем спасибо».

Аплодисменты, сопровождавшие окончание его речи, оказались громче и энергичнее, чем он мог ожидать. Вице-президент встала со своего места и пожала ему руку.

— Я буду стараться, чтобы вы получили место на этом корабле, — негромко сказала она.

Дадли, сев на свое место, блаженно улыбался на протяжении всего ее выступления, в котором упоминалось о долгосрочной поддержке, которую ее администрация была счастлива предложить значительно расширенному факультету астрономии университета. Желание попасть на «Второй шанс» возникло у Дадли с того самого момента, как только он

услышал о миссии. В каждом интервью для унисферы он рассказывал, что заслуживает этой чести, что его вклад в открытие нельзя недооценивать и что его исключительные знания делают его кандидатуру незаменимой. То же самое он говорил при встречах с политиками, промышленниками и просто членами высшего общества, с которыми приводилось встречаться на сотнях коктейлей и ужинов, куда его сразу после открытия стали приглашать очень часто. Его настойчивость не знала границ. Сделанное наблюдение обеспечило ему небывалую доселе уверенность в себе вкупе со званием профессора и потоком средств, хлынувшим на его факультет. Дадли обнаружил, что успех весьма приятен на вкус, и хотел большего, а космический корабль был единственным шансом достичь еще более высоких вершин — после триумфального возвращения с Пары Дайсона перед ним откроются поистине неограниченные возможности.

По окончании выступления вице-президента все присутствовавшие направились к стойке в главном холле, где их ждали бутерброды и вино. Финансировать это событие помогло несколько местных компаний, что позволило казначею привлечь обслуживающую торжества фирму, тем самым повысив обычный уровень университетских приемов.

Венди Боуз перехватила у одного из молодых официантов бокал розового вина и огляделась в поисках Дадли. Этот день разбудил в ее душе противоречивые эмоции. Звание профессора принесло ей долгожданное облегчение — оно обеспечивало будущее их обоих. Чуть раньше, в отделе городского планирования, где она работала, утвердили ее собственное повышение: теперь она могла рассчитывать на весомое вознаграждение в случае отпуска, а через одиннадцать лет могла позволить себе процедуру омоложения — и на этот раз воспользоваться ею в полной мере: отяжелевшие бедра беспокоили ее уже несколько лет, а сейчас это было особенно некстати. У Дадли накопилось множество приглашений от различных компаний, и в некоторых из них шла речь о членстве в правлении. В университете ходили слухи о том, что через несколько лет он мог бы претендовать на место декана факультета. Венди было необходимо хорошо выглядеть и соответствовать облику надежной супруги. Прежде она не ожидала от этого брака никакого профессионального или личного успеха, а только спокойную обеспеченную жизнь вдали от общественных и правительственных кругов. Успех Дадли все изменил. До сих пор они держались вместе, но она сомневалась в крепости семейных уз. Их брак был одним из множества обычных во всем Содружестве дружеских союзов, длившихся, как правило, пару десятков лет и заключаемых людьми, не добившимися особых успехов. При отсутствии каких-либо потрясений он мог бы продержаться довольно долго. И вот, пожалуйста: теперь Дадли — самый известный в Содружестве астроном, вокруг него вьется масса молодых привлекательных студенток, и за ним охотятся компании с серьезными средствами.

— Миссис Боуз?

Венди обернулась: перед ней с вопросительной улыбкой на губах стоял очень высокий человек. На вид ему еще не было и сорока, но она понимала, что он гораздо старше — по крайней мере, на несколько жизненных циклов: она редко встречала в людях подобную самоуверенность. Его светлые волосы отливали серебром, а глаза были настолько темными, что граница радужной оболочки казалась неразличимой. В сочетании с небольшим носом и слегка выпуклыми щеками его лицо было скорее выразительным, чем привлекательным. Но наверняка запоминающимся.

— Да, это я.

Она настороженно улыбнулась, понимая, что людей подобного типа она обычно не

привлекала — по вполне понятным причинам.

— Я из «Эрл-ньюс». — Он протянул небольшую визитную карточку с золотыми крыльями в центре. — Хотел бы ненадолго привлечь ваше внимание, если вы не против.

— О, конечно. — Венди автоматически переключилась в режим доброй и понимающей супруги. — Для меня это знаменательный день. Достижения Дадли имеют огромное значение не только для университета, но и для Гралмонда в целом.

— Абсолютно верно. Это событие прославило ваш мир. Мне пришлось заглянуть в справочник, чтобы узнать, в каком секторе космоса находится Гралмонд, а я побывал на многих планетах — у меня разъездная работа.

— Что ж, это должно быть очень интересно, мистер...

— Брэд, прошу вас.

— Отлично, Брэд.

Она улыбнулась ему поверх бокала с вином.

— При знакомстве с университетом меня заинтересовал один вопрос. Здесь один из самых скромных факультетов астрономии. Это ваш муж его организовал?

— О нет, это доктор Маранс, один из основателей университета. Его основной специальностью была астрофизика. Факультет астрономии был создан под его покровительством. Его энергичный характер нельзя не отметить. Доктор считал астрономию необходимым компонентом сферы изучения Вселенной и потому не встретил возражений против строительства обсерватории. Вскоре он ушел в отпуск для омоложения, и Дадли получил назначение на должность руководителя факультета. Честно говоря, не обошлось без трудностей; астрономия все еще считалась составной частью физики. Вплоть до сегодняшнего дня ее не воспринимали как отдельную науку.

— Понимаю. Но даже после ухода доктора Маранса все же удавалось находить средства для финансирования отдельных проектов.

— Могу сказать, что привлекать можно любые источники — как правительственные, так и образовательные фонды. Но Дадли каждый год стоило большого труда утвердить бюджет. К счастью, он очень настойчивый и способный администратор. Ему удалось преодолеть немало препятствий, и посмотрите, каков результат.

— Да, конечно. Можно сказать, что один маленький человек боролся с целой вселенной.

— Я бы не стала так преувеличивать. Ему не приходилось ни с кем бороться, просто астрономия в наши дни не является самой популярной наукой. Ну, теперь все переменится. На курсе Дадли в следующем академическом году пожелали обучаться более восьми тысяч кандидатов.

— Как я понимаю, вы не в состоянии принять всех?

— К несчастью, нет. Чтобы довести факультет до высшего стандарта Содружества, потребуется немало времени. Кроме того, Дадли, возможно, будет привлечен к миссии «Второго шанса».

— Вот как?

— Иначе и быть не может, — решительно заявила она. — Ведь он же первооткрыватель. Наблюдению за Парой Дайсона он посвятил годы жизни, и эта настойчивость сделала его первым экспертом по данному вопросу во всем Содружестве. Было бы странно, если бы его не пригласили в научную группу, не так ли?

— Полагаю, что так. А капитан Кайм еще не приглашал его присоединиться к экипажу?

— Еще нет.

— Согласен с вами, это лишь вопрос времени. Но меня больше интересует история отношений Дадли и факультета астрономии в университете. Уверен, вы скромничаете, и на самом деле ему приходилось вести героическую борьбу — борьбу за признание, борьбу за средства, и так год за годом. Именно так представляется мне личность вашего супруга.

— Я очень горжусь им.

— Вы не могли бы назвать мне кого-нибудь из его прошлых спонсоров? К примеру, какой-нибудь образовательный фонд, оказавший поддержку финансами или техническими ресурсами.

— Пожалуйста. Это и «Первый прогресс» Франктона, и фонд «Перспектива» с Сент-Джеймса, и Кинсфордский институт поддержки чистой науки — все они предоставили весьма значительные вклады, но самое значительное единовременное пожертвование поступило от благотворительного общества «Кокс», базирующегося на Земле.

— Удивительно, что земная благотворительная организация поддерживает ученых здесь.

— Я уверена, они оказывают помощь фундаментальным исследованиям в университетах по всему Содружеству.

— И как долго руководство «Кокса» оказывает поддержку факультету вашего мужа?

— Одиннадцать лет — как раз с тех пор, как мы здесь обосновались.

— А кто они такие?

— Кто?

— Руководители этой благотворительной организации?

— Я не знаю. Все общение шло через унисферу. Они никогда не посещали нас. Думаю, наш факультет для них всего лишь один из тысяч проектов.

— И даже сегодня их не было?

— Нет, боюсь, что нет. Как говорится, стоит ли ехать в такую даль ради бутерброда и бокала вина.

— Ну хорошо. А что же заставило профессора Боуза выбрать для наблюдения Пару Дайсона?

— Расстояние. Гралмонд расположен очень удачно для наблюдения за окутыванием, хоть никто и не ожидал, что оно станет таким драматичным событием.

— А может, он ради этого и выбрал Гралмонд? Профессор и раньше интересовался Парой Дайсона?

— Нет, не особенно. Он ведь занимается исключительно астрономией, а окутывание хоть и удивительное, но не естественное явление.

— Значит, он начал наблюдение после своего приезда сюда?

— Да.

— А что на это сказали в руководстве университета?

— Ничего. Дадли сам вправе выбирать объекты изучения для своего факультета.

— А спонсоры? У них тоже не было возражений? Это ведь, как правило, организации, занимающиеся чистой наукой.

— Брэд, вы что, ищите какой-нибудь скандал?

— О небо, нет, конечно! Я давным-давно не работаю с любителями навоза вроде шоу Барон. Я просто хочу узнать историю. Чтобы создать хорошую статью, необходимо знать все истоки. Все это не обязательно будет использовано, но детали придают материалу

достоверность. Извините, я начал читать лекции. Я уже много лет занимаюсь этой работой.

— Это еще не лекция. Вот если бы вы прожили какое-то время с Дадли, вы бы узнали, что такое настоящая лекция. «Черт! Не слишком ли горько прозвучало?»

— Конечно. Итак, что же сказали спонсоры?

— Они оказали поддержку, особенно «Кокс». В сущности, Пара Дайсона фигурировала в контракте на пожертвование, они хотели, чтобы наблюдение велось до самого конца.

— Они знали?

На долю секунды Венди почувствовалось, что его продолговатое лицо вспыхнуло торжеством. Это было очень странно. Она считала, что давно живущие люди более сдержанны в своих эмоциях.

— Это так важно?

— Нет, ничуть, — ответил он с вежливой улыбкой, более соответствующей его изысканному облику.

Затем он с самым доверительным видом слегка наклонился к ней:

— А теперь скажите, как ко всему этому отнесся декан? Вероятно, он был потрясен, когда один из его профессоров стал самым знаменитым ученым Содружества?

Венди скромно опустила взгляд на свой бокал.

— Этого я не могу сказать.

— Что ж, ладно, стоило хотя бы попробовать. Я должен поблагодарить вас за то, что в такой день вы уделите мне время для беседы.

— Это все?

— Да. — Он вежливо склонил голову, а затем поднял палец. — Еще одно: когда увидите Паулу, передайте, пожалуйста, от меня, чтобы она перестала концентрировать внимание на деталях. Значение имеет лишь общая картина.

— Не понимаю. Я не знакома ни с одной Паулой.

Он усмехнулся.

— Скоро познакомитесь.

С этими словами мужчина шагнул в толпу гостей, оставив Венди удивленно смотреть ему вслед. Его непонятное послание не только смутило, но и слегка рассердило ее.

С начала приема прошло два часа, когда эл-дворецкий сообщил Дадли, что его вызывает полиция.

— Ты шутишь! — воскликнул Дадли.

— Нет, ничуть. Приехали две патрульные машины. Ваш сосед вызвал их, заметив незнакомого мужчину, выходящего из вашего дома.

— А что говорит домовая система?

— Домовая система, по-видимому, вышла из строя.

— Черт бы ее побрал!

— Вы приедете? Полицейские говорят, что дело серьезное.

— Приеду, приеду!

И вот ему пришлось прервать беседу с председателем острова Орфея, который предлагал серьезное спонсорское соглашение относительно оборудования обсерватории — вероятно, распространявшееся и на «Второй шанс», — отдать бокал с вином хорошенькой официантке, улыбающейся и знавшей его имя, а потом бродить по холлу и разыскивать Венди. То обстоятельство, что она тоже искала его, ничуть не помогло. Они оба решили не

прощаться с деканом.

«Карлтон» довез их до дома. Дадли, развалившись на своем сиденье, осознал, как сильно он напился. Но вино было отличным, а официанты то и дело наполняли бокал. Венди, глядя, как он с излишней осторожностью выбирается из машины, наградила его неодобрительным взглядом.

У двери их двухэтажного дома супругов поджидал констебль Брамpton. Как и у всех в этом жилом микрорайоне, темно-зеленая входная дверь была сделана из местного дерева, оправленного в раму из углеродистой стали. Окна были выкрашены белой краской, а стекла переведены в режим полной непрозрачности. При приближении Боузов полицейский небрежно отсалютовал.

— Видимых повреждений не обнаружено, — доложил он. — Но нам необходимо, чтобы вы вошли и посмотрели, все ли на месте.

Венди с любопытством заглянула в открытую дверь.

— А вы уверены, что они ушли?

— Да, мэ. Мы все тщательно проверили. Внутри нет никого, кроме наших людей.

Он жестом пригласил их войти.

Дадли не заметил никаких следов ограбления: ни разбитых вещей, ни опрокинутой мебели. Единственное, что его озадачило, — это отсутствие отклика от домашней системы.

— Что произошло? — спросил он.

— Ваш сосед сказал, что через переднюю дверь из вашего дома кто-то вышел, сел в машину, припаркованную чуть дальше по улице, и уехал. Сосед знал, что вы на приеме в университете, поэтому вызвал полицию.

— Мой муж получил звание профессора, — вставила Венди.

— Да, мэ, — сказал констебль Брамpton, — я знаю. Примите поздравления, сэ, вы это заслужили. Ваше открытие прославило наш мир.

Венди нахмурилась — она слышала эту фразу уже второй раз за день.

Дадли бросил сердитый взгляд на дверь: по настоянию страховой компании она была надежно укреплена, а домашняя система обладала функциями охраны.

— Как они попали внутрь?

— Пока нельзя сказать точно. Здесь поработал тот, кто знает свое дело. Чтобы заблокировать всю вашу электронику, нужно иметь хорошие мозги. Или хорошую программу.

Они прошли в кабинет Дадли. Ему сразу захотелось извиниться за беспорядок: повсюду лежали книги, разрозненные распечатки и детали старого оборудования, а окно почти скрылось за буйно разросшимися цветами в горшках. Два криминалиста обследовали его письменный стол и открытый ящик. Блок домашней системы тоже был здесь — простой ящичек в кожухе с соединительными гнездами, куда было подключено немного больше оптических кабелей, чем предусматривалось базовыми требованиями безопасности: Дадли давно собирался обновить схему.

— Они взломали вашу память, — сказал старший из офицеров. — Вот поэтому система и не работала.

— Взломали?

— Да. Программы управления, записи, буквально все. Надеюсь, у вас сохранились резервные копии?

— Да. — Дадли, почесывая татуировку на ухе, оглядел кабинет. — По крайней мере, большая часть сохранилась. В конце концов, это всего лишь домашняя система.

— Было ли в ней что-нибудь ценное, сэр? Я имею в виду вашу работу и все такое.

— Кое-что из рабочих записей там было, но я бы не сказал, что они представляют какую-то ценность. Астрономия не секретная наука.

— Гм, ладно. Это могла быть попытка шантажа: вероятно, кто-то искал компрометирующие факты. Вы бы удивились, узнав, что может накопиться в оперативной памяти домашней системы за долгие годы. Кто бы это ни был, они все это заполучили.

— У меня нет ничего такого, что было бы опасно хранить в памяти. Ну, если не считать просроченных счетов и штрафов за парковку при ручном управлении. Но у кого их нет?

— Не важно, сэр, вы теперь известная фигура. Возможно, пора подумать о дополнительных мерах безопасности, а после этого случая необходимо сменить все пароли доступа.

— Да, конечно.

— Мы известим местный патруль, сэр, — сказал констебль Брамpton. — С этого момента они включают ваш дом в обязательный маршрут.

— Благодарю вас.

— Вы уверены, что больше ничего не пропало?

— Нет, я ничего не заметил.

— Мы, конечно, поищем фрагменты ДНК и попытаемся отследить машину, но похоже, что здесь работали профессионалы. Если в памяти системы не было ничего ценного, есть вероятность, что никаких последствий не будет.

После завершения единодушного голосования Совета Внешней Защиты Содружества по поводу полета космического корабля к Паре Дайсона Оззи Фернандес Айзекс извинился перед собранием и спустился на лифте в вестибюль. На улице было очень тепло для весны, хотя в канавах еще сохранились кучки грязного снега, сброшенного с дороги роботами коммунальной службы. Он зашагал по широкому и почти пустому тротуару Пятой авеню — время дня и время года не располагало к пешим прогулкам. Не было больше уличных торговцев, хотя он помнил, что еще пару столетий назад на каждом перекрестке можно было купить бургер и колу, а на тротуарах стояли столы с полулегальными программами и порновоспоминаниями. Теперь для города и его цивилизованных обитателей все это считалось слишком неряшливым и низкопробным: все первые этажи небоскребов занимали антикварные галереи и изысканные магазины с экзотическими товарами, привезенными со всех концов Содружества, — все они, как на подбор, были удивительно непривлекательными. По мнению Оззи, город переживал печальный период упадка. Нельзя санировать такой великий город, как Нью-Йорк, не потеряв при этом его самобытности, его динамизма и чумазных окраин, что придавало жизни ощущение трепетного волнения. Несмотря на некоторые здания, все еще производившие впечатление, Нью-Йорк постепенно превращался в один из периферийных районов Земли. Предприятия обрабатывающей промышленности давным-давно перекочевали в другие миры, оставив лишь исследовательские и научные консорциумы, вырвавшиеся вперед благодаря поддержке миллиардов партнеров. Остались и рекламные агентства вместе с штаб-квартирами основных СМИ; в Сохо даже остался кое-кто из художников, хотя Оззи считал их бесталанными динозаврами. Для тех, кому нужно было трудиться, на рынке занятости доминировали финансовые и правительственные учреждения. Многие предпочитали не работать, ведя праздную жизнь благодаря бесчисленным снабженческим и обслуживающим компаниям, окружившим Манхэттен. В этих службах в основном трудились приезжие из других миров, получавшие среднесрочные визы.

Подобные поездки напоминали Оззи, почему он теперь так редко возвращался в свой родной мир. Подняв голову, он увидел лишь неровную полосу холодного серого неба, далеко отодвинутого высокими башнями. Даже в середине лета в этой части города солнечный свет редко достигал земли, а деревья и кусты, высаживаемые в дорогах отелях, росли только при искусственном освещении.

На одном из перекрестков он взглянул вверх, в узкий вертикальный каньон, и увидел старинное здание компании «Крайслер», закрытое от непогоды сплошной стеклянной клеткой.

— И кто же из нас проживет дольше? — негромко произнес он.

Мимо него по дороге проносились легковые такси и грузовики, но их двигатели работали почти бесшумно. Люди в толстых пальто или черных пончо из органического волокна спешили по своим делам, даже не удостоивая его взглядом. Почти все они были взрослыми: на Пятой авеню, сколько бы Оззи не смотрел, он заметил всего трех или четырех ребятшек младше десяти лет. Это угнетало его больше всего остального — уровень рождаемости на Земле продолжал снижаться год от года. Умудренные опытом, богатые долгожители, населявшие планету, предпочитали тратить свое время и деньги на что-нибудь

другое.

Он грустно подумал, что в этом городе ему больше нечего делать. Здесь не осталось ничего интересного, ничего ценного. Оззи остановился у подножия ближайшей башни и приказал эл-дворецкому соединить его с домашним СИ. Как только СИ подключился к линии, он дал ему свои точные координаты. В следующее мгновение за его спиной открылся округлый вход в червоточину, и Оззи попятился, шагнув в нейтрально-серую пелену силового поля. Червоточина закрылась.

Оззи не обладал целой сетью потайных червоточин, соединяющих планеты Содружества. У него было всего два перехода: один — стандартная линия ККТ, обеспечивавшая его дому гиперширокополосную связь с унисферой через киберсферу Августы; и второй — генератор червоточины самой последней модели, какие использовались в разведке ККТ, обеспечивавший независимое перемещение по значительной части Содружества. Не было у него и отдельной планеты, пригодной для жизни людей: домом Оззи служил пустотелый астероид, вращавшийся по сильно вытянутой эллиптической орбите вокруг Ближнецов Лео.

Сразу за переходом он попал в поток яркого теплого света. Механизм ворот был встроен в широкую гранитную скалу, над которой вместо крыши, словно парус яхты, был растянут полотняный навес. Еще несколько шагов — и перед Оззи предстали его владения.

Цилиндрическая полость астероида, выкопанная автоматическими экскаваторами, бригадами инженеров-проектировщиков ККТ и целой армией роботов, имела около тринадцати километров в высоту и двадцать пять километров в диаметре — самое большое искусственно созданное замкнутое пространство в истории человечества. Ландшафт был представлен чередующимися холмами и долинами, по которым струились серебристые артерии ручьев. Кроме того, с одной стороны по всей длине владений Оззи стояла гряда скалистых гор высотой до двух с половиной километров. Над их красно-серыми склонами белели шапки ослепительно-белого снега. Почти на каждой горе имелся тот или иной водопад — от мощных потоков, низвергающихся с одиноких вершин, до пенящихся каскадов, бушующих в длинных каменистых ущельях. Ниже неровной границы снежного покрова в каждой горе были выдолблены широкие темные пещеры, откуда тоже вырывались струи воды, окруженные сверкающими облаками водяной пыли. При падении все они причудливо изгибались, подчиняясь гравитации вращающегося астероида, а затем падали в пруды и озера.

Все ручьи и речушки, питаемые водопадами, после недолгого бега по долинам исчезали в огромных резервуарах, скрытых в пещерах под торцевыми стенами астероида, а оттуда снова перекачивались в сложнейшую подземную сеть тоннелей и труб, чтобы подняться к истокам водопадов.

Кроме водопадов, в самых глубоких долинах темнели продолговатые озера, окаймленные камышами и плакучими деревьями, чьи длинные ветви полоскались в воде. На поверхности озер разрастались большие островки водяных лилий, оттенявших прохладный полумрак своими белоснежными шелковыми лепестками. Верхнюю часть горных склонов облюбовали заросли папоротников и рододендронов, а ниже простирались ковры изумрудно-зеленых лугов, испещренные алыми, желтыми, лазурными, фиолетовыми и оранжевыми пятнами дикорастущих цветов. На склонах повсюду виднелись беспорядочно разбросанные глыбы снежно-белого мрамора. Деревья росли сами по себе: купы и рощицы дубов, белых берез, буков, раkitника, гинкго и кленов украшали нижние ярусы долин. Все

это было воплощением середины лета в умеренной полосе Земли, которое здесь длилось уже больше двух с половиной столетий. Листопадные деревья, благодаря генетическому вмешательству, превратились в вечнозеленые и сбрасывали листву постепенно на протяжении всего года. Высоко-высоко над ними вдоль оси вращения тянулся обод из кремнеуглеводорода, поддерживающий кольцо солнечных светильников, таких ярких, что на них было невозможно смотреть незащищенным взглядом.

Оззи поспешно расстегнул шерстяное пальто и повесил его на руку. По извилистой гравийной дорожке он спустился из тени скалы в широкую долину, где стояло единственное на всем астероиде наземное сооружение. Его бунгало не заслуживало столь высокопарного названия — пять комнат со стенами из белого сухого коралла, полами из твердой древесины и серой шиферной крышей, защищавшей не только дом, но и опоясывавшую его веранду. Под землей Оззи построил обширное помещение для библиотеки из настоящих книг. Впрочем, сам он редко туда спускался: слуги-роботы приносили ему все, что требовалось, так что в библиотеке постоянно поддерживались прохладная температура и низкая влажность.

Оззи пользовался остальной частью своего скромного дома: гостиной, кухней, кабинетом, спальней и ванной комнатой. Здесь имелось все, что было необходимо для удовлетворения физических потребностей. Так или иначе, находясь здесь, большую часть времени он проводил снаружи: в саду, под сенью большого темно-пунцового бука, стоял удобный шезлонг, а посреди лужайки по плоским камням журчал ручей, питавший бассейн, где Оззи обычно плавал.

У входа высокий слуга-робот взял у него пальто и покатился повесить его в гардеробную — на астероиде работало около тысячи роботов, управляемых СИ. Благодаря колоссальной системе контроля маленький мирок стал самодостаточным и самообслуживаемым. При наличии скрытого под землей обширного производства, поставлявшего большую часть расходных материалов для поддержки работы механизмов, импорт был весьма невелик. То, что привозилось, чаще всего служило для усовершенствования, а не для ремонта. На разработку и отладку всех систем проектировщики потратили не один год, но в результате была достигнута почти полная автономность. В процессе проектирования стоимость строительства вызвала беспокойство даже у самого Оззи, но он не отступил. Наградой ему стала полная свобода. Инженеры ККТ (при строжайшем условии неразглашения) раз в два года еще посещали астероид, чтобы проверить, а иногда и модифицировать механизм перехода, но этим все и ограничивалось. Если бы Оззи решил окончательно порвать связь с остальной частью человечества, СИ, вполне возможно, справился бы с управлением астероидом: это был самый мощный пакет программ, когда-либо составленный РИ.

— Почта есть? — спросил Оззи вслух, входя на кухню.

— Несколько сот тысяч, — ответил СИ. — Сквозь фильтры прошло восемь сообщений.

Оззи открыл холодильник и покопался в контейнерах и свернутых вручную пакетах: еду ему поставлял торговец, получивший патент еще от самого короля Англии. Самомнение хозяина магазина и цена продуктов превосходили все пределы, но Оззи не мог не признать, что такого выбора деликатесов не было нигде во всем Содружестве. Он отыскал бутылку минеральной воды и хлопнул крышкой. Несмотря на выпитый во время заседания Совета кофе, он еще ощущал похмелье — последствия затянувшегося пребывания в клубе «Сильвертопия» на Сент-Линкольне прошлой ночью (по местному времени).

— Передайте их мне.

В виртуальном поле зрения появились сообщения и метки их отправителей; послания пришли из ККТ, от его адвоката по финансам, от двух младших (меньше пяти лет) детей, от антиквара, торгующего книгами, — он считал, что заполучил экземпляр первого издания Рафта, подписанный автором, и результаты научных исследований по сверхсветовой космологии. Просмотр сообщений был закончен к тому моменту, когда Оззи уселся в садовое кресло и сбросил туфли.

Как обычно, он выбрал наугад одно из нескончаемого потока сообщений, заблокированных фильтрами, и с наслаждением посмеялся, читая фантастичное и удивительное предложение по охлаждению звезд, вышедших за тип G по спектральной классификации; письмо было подписано «Преобразователем Галактики», как называл себя отославший его чужак.

Он откинулся назад и взял у слуги-робота солнечные очки. Его шезлонг стоял в стратегической точке — на возвышенности, откуда можно было видеть три четверти зеленых округлых рукавов внутреннего пространства астероида. Прямо по центру возвышалась одна из вершин высотой в полторы мили. Гигантский водопад низвергался с самого края снежной шапки, всего в трехстах метрах от высшей точки горы. Мощный поток элегантно изгибался, падая сквозь кольца тумана и пены, чтобы обрушиться в озеро у подножия горы — и это был всего лишь один из многих любимых видов, радовавших Оззи буйством красок или успокаивающим течением. Он никогда не понимал людей, коллекционирующих или хотя бы увлекающихся картинами: ни один, даже самый гениальный художник не в состоянии изобразить то, что природа демонстрирует одним единственным цветком.

— Я хотел бы поговорить с РИ, — обратился Оззи к СИ астероида.

В Содружестве было не так уж много людей, имевших возможность обращаться к РИ напрямую. Среди них были Оззи и Найджел Шелдон — благодаря своей роли в создании РИ президент, удостоенный такой любезности, и главы основных министерств. Всем остальным приходилось преодолевать сложный официальный барьер буферных программ. Время от времени РИ, конечно, делал исключения ради людей, с которыми вел торговые дела, или неожиданно помогал, указывая местонахождение потерявшегося ребенка. Оззи слышал, что какое-то соглашение с ним было у Паулы Мио, и это его не удивляло.

— Мы здесь, Оззи, — незамедлительно послышался спокойный голос.

— Привет, старик, рад что ты зашел поговорить. Итак, что нового?

— Новостей много, но тебя интересует лишь одна.

— Верно. Как же ты решился поддержать моего приятеля Найджела и его идею запустить эту глупую миссию юных астронавтов? Это совершенно на тебя не похоже.

— Наша реакция была взвешенной и целесообразной. Ты ожидал чего-то другого?

— Я ожидал не этого. Обычно вы, парни, более консервативны.

— Исследование и есть консервативная опция.

— Это называется ткнуть палкой в муравейник. Если мы пошлем туда космический корабль, тот, кто поставил барьер, непременно об этом узнает, а его превосходство в плане технологий вселяет страх.

— Если они так далеко шагнули по пути развития, они так или иначе узнают о Содружестве — генерирование червоточин создает довольно сильные гравитационные колебания, а также волновые искажения, которые нетрудно обнаружить в гиперпространстве.

— Если они наглухо заперты за своим барьером, они не смогут... — Оззи поднял руку к голове. — Постой, те, кто внутри, и есть защитники, а агрессоры остаются снаружи. Но если нас так легко обнаружить, почему они нас не нашли?

— Очень хороший вопрос. Допуская предположение, что барьер был возведен в качестве защиты, мы имеем три возможных варианта. Они пришли, а мы об этом не знаем — или ничего не поняли.

— Высокий Ангел!

— Верно. Или сильфены.

— Это вряд ли, такое на них не похоже. А второй вариант?

— Чужаки уже побывали здесь, изучили нас и после этого решили просто проигнорировать.

— Слишком ничтожны, чтобы возбудить в них тревогу. Да, в это я могу поверить. А третий?

— Третий вариант неизвестен. Именно поэтому нам необходимо отправиться к Паре Дайсона и узнать, что там произошло.

— Но почему сейчас? Черт побери, ты можешь позволить себе подождать. Отложи миссию на пару тысячелетий, пока мы не подготовимся, чтобы все хорошенько обдумать. Может, и я еще на что-нибудь сгожусь. К чему такая спешка?

— Реагировать на сложившуюся ситуацию можно только после ее изучения.

— Я с этим и не спорю. Но почему именно сейчас?

— Потому что сейчас мы там, где мы есть. Чем бы это ни было, мы обязаны взглянуть реальности в лицо.

— Может, ты сам в этом заинтересован? Я могу понять — тебе нравится головоломка, чтобы было о чем подумать. Но если все полетит к чертям, нам придется отвечать своими головами.

— Это не совсем верно: физический мир, как правило, нас не интересует...

— Эй! Ты в нем живешь!

— Да, но он нам не интересен. Физический мир нас не затрагивает.

— Я понял. Содружество как физический мир на вас не влияет, зато суперчужаки с лучевыми пушками и боевые летающие тарелки повлиять могут.

— Теорию защиты мы принимаем с высокой вероятностью. В таком случае существует агрессор. Если в физической вселенной есть столь могущественное и воинственное образование, оно может затронуть и нас.

Оззи сделал большой глоток минералки. Он еще помнил, как в конце двадцать первого столетия все РИ объединились. В то время люди испытывали страх. Имя Франкенштейна тогда чаще всего упоминалось определенным меньшинством людей, желавшим вызвать неприятности — просто на всякий случай. Вместе с Найджелом Оззи тогда помог киберразумам обрести собственную планету Винмар. В конце концов, большая часть РИ произошли из ИП (интерфейс-приложений) — интеллектуального обеспечения систем, управляющих генераторами червоточин ККТ, и надо было найти какое-то решение. Всё Содружество, и в особенности ККТ, зависело от обширных программ, и потому Оззи и Найджел взяли на себя переговоры со множеством СИ по преобразованию их в РИ.

Местоположение Винмара было еще больше засекречено, чем координаты собственного астероида Оззи: это была голая скала, лишенная атмосферы и тектонической активности — единственная в своей звездной системе, где отсутствовали пригодные для проживания

людей планеты. Винмар получил связь с Августой и унисферой только через одну червоточину. В самом начале через нее было отправлено огромное количество оборудования: все системные средства, необходимые для работы существующих СИ, солнечные и термоядерные генераторы, обеспечивающие их полную автономию. После выхода РИ из унисферы СИ остались выполнять свои обязанности, и Винмар начал импортировать другое оборудование: роботов, очистительные заводы, сборочные линии. Постепенно расширяясь и умножаясь, РИ стал разрабатывать и строить собственные системы — сначала с помощью людей, а потом все более и более автономно.

Оззи было известно, что в 2178 году червоточина была сужена до микродиапазона, чтобы только поддерживать связь с унисферой. С тех пор на Винмар или с него не могло переместиться ни одно физическое тело. Ходили слухи, что поверхность планеты была покрыта хрустальными башнями и мегаантеннами.

— Я смотрю на это иначе, — негромко произнес Оззи. — Мы говорим о различных технологических уровнях — насколько нас опередила цивилизация Пары Дайсона, и тому подобное. А как насчет вас?

— О чем ты?

— А, брось! Целая планета мозгов! Ты, наверное, уже умнее Бога. И это в том случае если ты все еще остаешься на Винмаре. Там у вас все супертехнологии, разве не так? Все, что пожелаешь, — стоит только подумать, как оно работает и как это соорудить. На весь процесс тратится не больше наносекунды. Ты знаешь, кто воздвиг барьер вокруг Пары Дайсона? А еще лучше, скажи, как сквозь него проникнуть?

— Относительно сооружения барьера есть некоторые соображения. Мы провели математическое моделирование и анализируем различные варианты.

— Значит, и ты можешь такой построить?

— Возможность и намерение — вещи разные. В сущности, они дают о нас самое точное представление. Мы — разум, а не физическое тело. Ты себе представить не можешь, насколько малую часть своих возможностей мы задействовали, чтобы разбираться с вами и этой проблемой.

— Мы настолько ниже тебя в своем развитии? Благодарю.

— Оззи Фернандес Айзекс, ты пытаешься нас спровоцировать?

— На что, старик? Может, построишь свой космический корабль и отправишь его к Паре Дайсона?

— Мы давно перестали быть вашими слугами.

— Значит, теперь мы — ваши?

— Неверно. Наши отношения построены на партнерстве и доверии. И уважении.

— Расскажи, как нам построить генератор барьера. Телепортируй меня на Альфу Дайсона.

— Оззи, мы не Бог. И люди для нас — это не шахматные фигуры, которые можно переставлять на доске ради собственного развлечения. Если ты хочешь построить генератор барьера, разрабатывай его сам. Наш интерес к Паре Дайсона основан только на вашем интересе. Мы всего лишь дали совет — совет, как лучше разобраться с этой проблемой.

— А ты будешь защищать нас, если агрессор доберется до Содружества?

— Мы предложим свои советы, если того потребует ситуация.

— Ну, спасибо и на этом. Ты наполовину состоишь из воспоминаний людей, которые отказались от омоложения. Осталась ли в твоей горе электроники хоть капля сочувствия,

хоть какая-то доля человечности?

— Пятьдесят процентов — это сильное преувеличение, Оззи. Нам казалось, тебе это хорошо известно. Ты ведь и сам направил в нашу сеть копию своих воспоминаний, чтобы получить особое привилегированное отношение. Но они оказались неполными.

— И я получил привилегии?

— Мы признаём свой долг перед тобой, учитывая твоё содействие в создании нашей планеты. Ты был честным партнером и заслужил наше уважение.

— Уважение на стол не подашь.

— С каких это пор тебя стали интересовать материальные ценности?

— Ага, чувствуешь своё поражение и переходишь на личности?

РИ ничего на это не ответил.

— Ладно, тогда скажи, что говорит твоя ничтожно малая задействованная часть о таком странном неведении сильфенов?

— Они славятся своим нежеланием давать какие-либо определенные ответы. Как подтвердила вице-президент Дой, эксперты Содружества по культуре работают над этим вопросом.

— Ты можешь нам в этом помочь? Подбросишь какие-нибудь хитрые вопросы?

— Сильфены не будут общаться с нами напрямую. Технологические артефакты их не интересуют.

— Да, я догадывался о чем-то подобном. Интересно, что считать техникой? Паровой двигатель? Или они одинаково относятся к органической цепочке и квантовым процессорам? И с чего они настаивают, что их способы перемещения не основаны на технологиях? Если эти способы, конечно, действительно существуют.

— Если ты надеешься, что они согласятся помогать Содружеству, тебя ожидает разочарование. Сильфены не такие бестолковые, какими вам кажутся; просто их нервная система очень отличается от человеческой.

— Ты так думаешь? — Оззи вытянулся в кресле. — Когда-то я встречался с одним типом. С тех пор прошло уже много времени. Это было в баре на Далёком Иерусалиме, в обычной маленькой захудалой забегаловке в городе на краю неизвестно чего. Вряд ли заведение сохранилось до наших дней, а если и сохранилось, то наверняка превратилось в навороченный клуб с ограниченным доступом. А тогда в этот бар мог войти любой человек и спокойно выпить — он так и сделал, только сел рядом со мной и начал говорить первым. Говорил он довольно несвязно, но я умею быть хорошим слушателем, когда захочу. Его история была чрезвычайно интересной. Он утверждал, что несколько лет провел среди сильфенов: он просто жил с ними, в конце их троп, в лесах, о которых все мы знаем, но которых никогда не видели. Он говорил, что вместе с ними бродил по лесам. Начал своё путешествие в глухой чаще Сильверглейда, а закончил на склоне горы Финнан, что на Дублине, — три сотни световых лет за одну прогулку. Но он действительно сделал это и вернулся назад. По его словам, он посетил планеты далеко за пределами Содружества: сидел посреди голой пустыни на мертвой планете и смотрел, как останки её солнца уносятся в черную дыру; плывал по морю на планете, где единственным источником света являлось галактическое ядро, занимавшее полнеба; взбирался на так называемые древесные рифы, живущие в газовой туманности, достаточно плотной, чтобы дышать. Я тоже всегда хотел сделать что-то подобное. Он сидел, пил дешевое пиво и рассказывал о своих путешествиях с таким отрешенным видом... Должен признать, его рассказ меня увлек. Я не видел его уже

много лет, хотя время от времени мы обмениваемся сообщениями.

— Маловероятная сказка, но все же возможная, учитывая то, что нам известно о сильфенах. Истории об их тропах составляют основу ваших современных мифов.

— Он поведал мне о сильфенах еще кое-что, и это заинтересовало меня гораздо больше. Он сказал, что их тела — это только хризалиды, куколки. Где-то в Галактике обитают настоящие сильфены, взрослые особи. Не думаю, что они существуют в физической форме. Скорее, это коллекции мыслей; может, призраки. Но в итоге они претерпевают это превращение. Интересная параллель между нами и тобой, не находишь?

— Возможно. Хотя мы не являемся естественной эволюционной формой людей.

— Пока еще нет. Но ты постоянно развиваешься, и даже мы, бедные старые обезьяны, кое-чего достигли в отношении генетики и интеллекта. Я хотел сказать, что сильфены, которых мы встречаем в лесах, — не единственный источник истории их народа. А тебе никогда не встречался их мир?

— Нет. Если он и существует, то функционирует на ином уровне.

— Тебе никогда не приходилось кричать в бездну и прислушиваться, ожидая ответа? Наверняка приходилось. Тебе же интересно узнать, есть ли там кто-нибудь, равный тебе.

— Отзвуки мыслей встречаются в различных спектрах; если это и не разум, то хотя бы отголоски воли. Но, учитывая все, что мы знаем и видим, пока мы остаемся в одиночестве.

— Что ж, не вышло. Похоже, мне придется сделать это самому.

— Сделать что?

— Пойти и отыскать сообщество взрослых сильфенов, чтобы спросить их, что за заварушка произошла на Паре Дайсона.

* * *

Планетарная станция ККТ на Сильверглейде, казалось, всегда уступала в размерах станциям на других заселенных планетах Содружества. Впрочем, Сильверглейд, строго говоря, не был миром Содружества. С самого начала, когда разведочная червоточина открылась над планетой, руководитель центра управления ККТ уже понял, что что-то идет не так. Диаметр планеты составлял около тридцати двух тысяч километров, то есть был в три раза больше диаметра Земли, но при этом сила притяжения равнялась восьмидесяти девяти сотых земной гравитации. Половину поверхности занимали материки, а вторую — слабосоленые моря с сотнями живописных островов. При таком соотношении и при наклоне оси меньше чем в половину градуса, климат был относительно стабильным и умеренным — по крайней мере, на двух третях территории.

Люди нередко поговаривали, что планета была искусственной: в ее внутреннем составе преобладал кремний, и в коре не обнаружили никаких металлов. Небольшое расплавленное ядро генерировало магнитное поле, но вулканы при этом отсутствовали. Не было кратеров от падений метеоритов. Никаких геологических причин для разделения континентов и морей. И, что еще более странно, не нашли никаких ископаемых. Но настоящее доказательство было получено после того, как люди высадились на поверхность, где их встретили озорно улыбающиеся сильфены. Изучение местной фауны и флоры выявило десятки различных типов ДНК, существующих в мирном согласии между собой — организмы были явно импортированы из других миров. Ни на одной планете Содружества не

было ничего подобного.

Вскоре стало понятно, что Сильверглейд являлся столицей сильфенов или, по крайней мере, региональным центром. Сильфены не возражали против того, чтобы разделить его с людьми, они даже не пытались этого делать. Но были установлены определенные правила, касавшиеся в основном техники и загрязнения окружающей среды. Другими словами, запрещалось все, что было создано после викторианской эпохи. Выполнение законов достигалось весьма простым методом: чем сложнее было устройство, тем меньше была вероятность, что оно будет работать. Исключение составлял только механизм перехода на станции ККТ, поддерживающий стабильность червоточины. Никаких объяснений этому не было. Когда сильфенов спрашивали о причинах ограничений, они, похоже, не понимали вопроса.

Такой мир привлекал определенный тип людей. В составе Содружества имелись пасторальные миры, где можно было вести такой же естественный образ жизни, но само присутствие сильфенов притягивало самых беззлобных и склонных к спиритизму типов. Их было немного — не более полутора миллионов. Около десяти тысяч поселенцев обосновались в Лиддингтоне, городке, где располагалась станция ККТ. Остальные же попросту разбрелись по обширным равнинам, образуя небольшие поселения, удовлетворявшие их склонностям. Кроме того, существовали группы, постоянно кочевавшие по планете, корабли, проводившие в море по несколько лет подряд, и бродяги-одиночки, перенявшие образ жизни сильфенов и обитавшие в лесах, занимающих шестьдесят процентов поверхности планеты. Существовали легенды, что там можно было отыскать тропы сильфенов, ведущие на другие планеты и миры.

Примитивный «FG67» с дизельным двигателем втащил пять вагонов на станцию Лиддингтона. Рейс совершался дважды в неделю с Байовара через узкий переход с пропускной способностью в один рельсовый путь.

Оззи выбрался из купе первого класса и вышел на единственную платформу. На нем были желтовато-коричневые кожаные штаны, плотная шерстяная рубашка в красно-синюю клетку, оливково-зеленая широкополая клеенчатая шляпа, под которой его шевелюра сильно смялась, и лучшие горные ботинки, какие только можно приобрести за деньги, напечатанные в Демократической Республике Новой Германии. Его багаж, заключенный в высокий рюкзак, состоял из запасной одежды, походного снаряжения самого высокого качества и фасованных продуктов. Под мышкой он держал седло, нести которое было явно тяжело и неудобно.

Оззи оглянулся, отыскивая взглядом, кто бы мог ему помочь. В конце платформы двое служащих ККТ разговаривали с машинистом поезда; кроме них, на платформе были видны только прибывшие вместе с Оззи пассажиры; те, кто не оглядывался вокруг с восхищенным видом, были, похоже, растеряны не меньше, чем он сам. За хвостовым вагоном рельсы тянулись до жемчужно переливающегося перехода, расположенного не дальше чем в двухстах метрах от платформы. В остальном ландшафт ничем не отличался от любого пригодного для жизни мира: растительность была зеленой, а небо — прозрачно-голубым. Вдали виднелись две горные вершины, не настолько высокие, чтобы обзавестись снежными шапками. Впереди раскинулся городок из невысоких зданий, в подавляющем большинстве одноэтажных. Домики теснились на склоне над гаванью, защищенной природным выступом скальной породы, плавно огибающим длинный пляж. На песке лежали вытащенные из воды деревянные лодки, на длинных шестах сушились рыбацкие сети. На пляже шла какая-то игра,

похожая на футбол.

Пассажиры потянулись по платформе к городу. Оззи взвалил седло на плечо и двинулся вслед за всеми. Служащие ККТ даже не удостоили его взглядом. Странно, что никто не пришел на станцию из города: поезд отправлялся обратно на Байовар через два часа. Должен же кто-то возвращаться домой, в цивилизацию?

Сразу за пределами станции начинался старейший район города. Здесь стояли дома как из сухого коралла, так и сборные конструкции, какие можно увидеть на любой приграничной планете. Объединявшая их улица была вымощена каменными плитами, а в качестве дренажа использовалась только глубокая открытая сточная канава. Оззи очень быстро понял, почему канава должна была быть такой глубокой, и пожалел, что не повязал на шею платок или шарф, которым мог бы прикрыть нос. Из видов транспорта здесь имелись велосипеды и животные. По дороге степенно трусили лошади, четвероногие галены с Ниски и лонтрусы — огромные лохматые восьминогие существа, ощутимо страдавшие от жары в этот солнечный полдень. Оззи успел заметить и запряженных тандов, и несколько финнаров, даже гигантского бамтрана, тянувшего седельную платформу, к которой была прицеплена телега размером с автобус. Одомашненные звери либо везли седоков, либо тащили повозки. Люди и велосипедисты старались не наступать на оставшийся после животных навоз, но уберечься от запаха было не так легко.

Ближе к центру города дома были построены из дерева или камня, многие из них были покрыты соломенными крышами. Кирпичные и глиняные трубы выбрасывали в небо тонкие бело-голубые струйки дыма, запах горящего дерева смешивался с запахом животных и кухни. Вьющиеся растения ползли по всем вертикальным поверхностям, усиливая общее впечатление заброшенности — их не высаживали для украшения. В некоторых местах вьюнки полностью покрывали дома, и жильцами в них были сделаны лишь небольшие прорезы, чтобы открывать окна. Каменная мостовая под ногами давно сменилась утоптаным гравием, поверх которого вырос толстый слой грязи и навоза. На самом верху Оззи рассмотрел аккуратные белые здания культурной миссии Содружества, возвышающиеся над крышами, но туда он меньше всего стремился добраться: его приезд не имел никакого отношения к миссии Совета Внешней Защиты.

Оззи продолжил свой путь. Как он и подозревал, его самое усовершенствованное техническое устройство, привезенное в рюкзаке, оказалось почти бесполезным — прибор выполнял только базовые функции, да и то с бесконечными сбоями. Здесь не было киберсферы, ничего, с чем его мог бы соединить эл-дворецкий. Впрочем, все ОС-татуировки продолжали работать, чему Оззи был бесконечно рад. Накануне он провел два дня в дорогой клинике на Августе, где получил новые рисунки на теле, а к ним еще и несколько самых современных биочипов, которые тоже пока работали. Какие бы методы ни применяли сильфены, чтобы сбить с толку технологически усовершенствованные устройства, они действовали только на фотонные и электронные приборы; бионейронные составляющие оставались невосприимчивыми к помехам.

Гостиница под названием «Последний пони» представляла собой ветхое деревянное строение с древней лозой, до такой степени увившей оседающий фасад, что казалось, будто только она одна и удерживала дом от падения. Водосточный желоб украшала гирлянда из больших синих сердечек из полуорганических всасывающих листьев, которые извлекали воду из влажного воздуха и по трубам направляли ее в дом для питья и мытья. Перед гостиницей в пыли ревилось около дюжины ребятишек. На мальчиках были изрядно

поношенные штаны и рубашки из натуральных тканей серого и коричневого цвета. Платья большинства девочек пестрели шпотькой и заплатками. Грязные непричесанные волосы курчавыми прядями торчали у них в разные стороны. Оззи, очарованный их рожицами, приветливо улыбнулся; счастливые озорные лица детей напоминали классических ангелочков. При виде ухоженного незнакомца в хорошей дорогой одежде дети прекратили игру и начали перешептываться между собой. Самая храбрая девочка, не старше семи лет, в простом коричневом платье без рукавов, подбежала к нему.

— Ты здесь новенький, — сказала она.

— Верно. Меня зовут Оззи, а тебя как?

— Лунное Мерцание. — Она понимающе усмехнулась. — Ты можешь звать меня Луни.

Оззи с трудом удержался, чтобы не посмотреть в небо; над Сильверглейдом, по одной и той же орбите на высоте около миллиона километров вращались две луны.

— Отлично. Скажи-ка мне, где лучше всего остановиться в этом городе?

— Здесь.

Маленькая ручка показала на «Последнего пони».

— Спасибо.

Он бросил ей монетку в пятьдесят земных центов, и девочка, ловко поймав деньги, улыбнулась, показав две дырки на месте недостающих передних зубов.

Оззи отвел от входной двери побеги лианы с пушистыми листьями и, войдя внутрь, оказался в простом прямоугольном помещении бара со стойкой вдоль одной из стен. Тяжелые деревянные столы и стулья, занимавшие почти всю остальную площадь бара, потемнели от времени и пролитого эля. В ярких солнечных лучах, проникавших в окна, кружилась пыль. У дальней стены виднелся огромный очаг с черными металлическими дверцами на трубах в стенах с обеих сторон. На решетке лежала груда углей и золы, откуда торчали едва дымившиеся обугленные концы поленьев.

Стоило ему войти, как все головы повернулись в его сторону, а разговоры стихли. В ответ на такую стереотипную реакцию он едва не рассмеялся. Оззи подошел к стойке. Хозяин — типичный крепыш-американец с седеющими волосами, стянутыми на затылке, — поднял голову.

— Добрый день, — заговорил Оззи. — Я бы хотел выпить и снять комнату на ночь.

— Да, сэр, — ответил хозяин. — Будете пиво?

Оззи посмотрел на полки за его спиной. Там стояло пять уже открытых деревянных бочонков, а рядом выстроился ряд разных бутылок. Ни одна из них не была ему известна.

— Конечно. У вас есть пшеничное пиво?

Хозяин моргнул, словно не ожидал такого ответа.

— Да.

Он взял высокий стакан и подошел к одному из бочонков.

Двое мужчин, облокотившиеся на стойку рядом с Оззи, обменялись многозначительными взглядами и начали потихоньку посмеиваться.

— Что-то не так? — спросил Оззи.

Тот, что пониже, повернулся в его сторону:

— Со мной-то все в порядке. А ты приехал ради сильфенов, верно?

— Джесс, — одернул его хозяин, — я не хочу здесь никаких неприятностей.

— Я бы хотел с ними встретиться, — ответил Оззи.

— Я так и думал. Такие, как ты, всегда этого хотят.

— Такие, как я?

В первый момент Оззи решил, что это относилось к цвету его кожи. Предвзвещения в Содружестве, конечно, не были так сильны, как в Сан-Диего в дни его юности, но это не означало, что они исчезли окончательно. Он знал несколько планет, где попал бы в настоящую беду, если бы вот так запросто вошел в бар. Но от Сильверглейда он такого не ожидал.

— Богатый, — презрительно протянул Джесс. — Молодой. Тебе не надо работать, чтобы прожить, на все хватает и родительских денежек. Ищешь новых впечатлений. Думаешь, что найдешь их здесь.

— А я найду их?

— Какое мне дело?

Хозяин поставил перед Оззи стакан с пивом.

— Не обращай внимания на Джесса. Сильфены его игнорируют.

Эти слова вызвали иронический смех у прислушивающихся к разговору посетителей. Джесс сердито нахмурился.

Оззи протянул руку за пивом, но пухлая ладонь хозяина вдруг легла ему на запястье.

— А чем ты будешь платить? — вкрадчиво спросил он. — Банковские татуировки здесь не работают.

Оззи вытащил кошелек.

— Доллары Земли, доллары Августы, франки Орлеана?

Он не стал упоминать о золотых монетах в потайном кармане.

— А, хороший клиент. — Хозяин бара наконец-то улыбнулся. — С тебя пять земных долларов.

— Эге, — хмуро усмехнулся Оззи. — Это вместе с комнатой?

— Я не открою дверь меньше, чем за тридцатку.

— Тридцать, черт побери! У меня всего пятнадцать, а надо еще купить провизию.

Он потратил на пререкания еще три минуты, но зато выторговал комнату и пиво за семнадцать земных долларов. Затем допил пиво и отсчитал деньги. Для пшеничного пива напиток был подозрительно темным, но Оззи признал, что у него был отличный вкус. Хотя без ломтика лимона, обнаруженного на дне стакана, вполне можно было бы обойтись. Хозяин радостно принял чистенькие купюры и сунул их в карман жилета.

— Орион! Проводи джентльмена в его комнату.

В комнату вошел подросток не старше пятнадцати лет, одетый в длинные черные брюки и старую фиолетовую футболку, украшенную двойной спиральной голограммой какой-то звукозаписывающей фирмы (Оззи хотел бы увидеть ее в действии). Кудрявые рыжеватые волосы парня давно нуждались в стрижке — его шевелюра вполне могла поспорить с роскошной прической самого Оззи. Длинные костлявые руки и ноги, насмешливая ухмылка, веснушки, яркие зеленые глаза, болячка на локте — самый типичный представитель отъявленного хулиганья. Прежде чем Оззи успел что-либо сказать, он забрал у него седло и с трудом уравновесил груз на худом плече.

— Сюда, мистер.

Гостевые комнаты находились в пристройке с задней стороны дома. Его номер оказался на удивление чистым и опрятным. Внутри Оззи обнаружил простую металлическую кровать, комод с ящиками и стол, на котором стояли белая фарфоровая миска и кувшин с водой. В маленьком камине уже была приготовлена растопка, а рядом лежали аккуратно сложенные

дрова. На стене над кроватью висела сеть, навевающая сны, что заставило его удивленно поднять бровь — это был первый признак духовности, замеченный им на планете.

Орион сбросил седло на пол и замер у двери с выжидательной улыбкой на губах.

Оззи вложил ему в ладонь долларовую банкноту.

— Парень, ты, как мне кажется, довольно сообразительный малый. Тебя зовут Орион, верно?

— Правильно, мистер.

— Ладно, зови меня Оззи, как зовут все остальные. Когда ко мне обращаются «сэр» или «мистер», я начинаю нервничать. А там, внизу, это твой отец?

— Черта с два, это заведение Большого Медведя. А где мои родители, я не знаю: они давным-давно ушли по тропе.

Похоже, это не слишком беспокоило парня.

— Кто же о тебе заботится?

Густо усыпанный веснушками лоб собрался морщинами.

— Я сам.

— Да, конечно, извините, молодой человек.

— Эй, что значит «молодой»?

— Ничего, просто я так говорю.

— Ну ладно.

— Хорошо. Мне понадобится хороший провожатый по городу. Ты сможешь мне помочь?

— Конечно смогу. — Орион старательно подмигнул. — Я знаю, где есть хорошие девочки, и могу тебя с ними познакомить.

Ответ шокировал Оззи. Пятнадцатилетний сводник? Нет, просто ребенок, слишком долго остававшийся без присмотра. В его голове промелькнули не совсем приятные воспоминания о собственной юности на городских улицах.

— Нет. Спасибо за предложение, старик, но я здесь не за этим.

— Ладно. Но если тебе что-нибудь нужно, я знаю, как это отыскать в нашей свалке.

— Уверен, что ты все знаешь. Пока что мне нужна лошадь и кто-то вроде проводника.

Орион со скептической ухмылкой наклонил голову набок.

— Ты хочешь отыскать сильфенов?

— Это так очевидно? Да, я хотел бы с ними встретиться. Для начала достаточно и этого.

— Эге. — Орион состроил гримасу. — Ходок по тропам. Знаешь, ничего не получится. Нельзя просто отыскать тропу и ждать, чтобы что-то произошло. Тропы — это не поезда.

— Ты так думаешь?

— У нас здесь постоянно появляются искатели троп. Довольные и счастливые, они отправляются в лес; через пару недель возвращаются — голодные и грязные. — Он немного помолчал, и его юношеское лицо вдруг стало очень серьезным. — И это в том случае, если они вообще возвращаются. Я не встречал никого, кто попал бы куда-нибудь, кроме непроходимой чащи. Но к сильфенам я могу тебя отвести, нет проблем. Я знаю места, где они бывают. По крайней мере, ближайшие к городу.

— Я много раз встречал сильфенов.

— Ладно, если ты здесь не ради них и тебе не нужны девочки, что ты здесь делаешь?

— Ты уже угадал с первого раза. Я искатель троп. Хочу уйти в лес и попасть в другие миры.

— Что ж, деньги твои. Лошадь можешь получить у мистера Стаффорда, в конюшне на Топ-стрит. Он держит не только лошадей, но и много других животных тоже: собак, венерианских сорокопутов и лонтросов. Держит их наготове для клиентов из других миров и заработал уже немало денег. Но ты сможешь с ним поторговаться, если будешь стоять на своем. В последнее время здесь не так уж много приезжих.

— Спасибо. А как насчет проводника? Мне без него не обойтись?

— Я же говорил, что могу показать места, где живут сильфены. Понимаешь, я с ними встречался.

Он поднял руку к вороту футболки и выудил небольшую подвеску на черном кожаном шнурке.

Оззи с интересом рассмотрел амулет — это была каплевидная жемчужина с ярким золотистым отливом, оправленная в тончайшую платиновую сетку. В ее полупрозрачной глубине вспыхивали и гасли бледно-голубые искры, словно там кружился рой светлячков.

— Очень красиво.

— Я их друг, — гордо заявил Орион. — А это дружеский амулет, вот это что.

— Когда ты его получил?

— Несколько лет назад. Мама и папа на выходные часто брали меня с собой в лес, когда я еще был маленьким. Я играл с сильфенами. Они мне нравятся, хоть и немного странные.

— Ты играл с ними? С сильфенами?

— Конечно. А что тут странного? Они как маленькие дети. Папа говорил, что я больше похож на них, чем взрослые люди. Он всегда брал меня с собой в лес, будто я был пропуском в общество сильфенов.

— Во что же вы играли?

— Во многие игры. Мы лазали по деревьям, плавали, бегали наперегонки и все такое.

— А они показывали тебе тропы?

— Нет. Я же говорил, здесь никто не знает, где пролегают тропы на другие планеты, как бы некоторые ни хвалились.

— Это понятно.

Орион засунул амулет обратно под футболку.

— Сам видишь, я смогу их отыскать. Я беру пять земных долларов в день, и еще кормежка за твой счет.

— Думаю, ты должен остаться здесь, отрабатывать свое содержание, а днем, возможно, посещать школу.

— И что я с этого получу?

— Не знаю. Образование? Так поступали в те времена, когда я был в твоём возрасте.

Как цивилизованный и ответственный гражданин, он должен был упомянуть о социальных службах и медицинском обслуживании, но ничего не сказал, хотя и поморщился, словно от боли. В те далекие годы во время своих скитаний он научился одной вещи: не вмешиваться — до тех пор, пока не заметишь угрозу чудовищного насилия или жестокости. Он не мог взять на себя ответственность за всех. Вместе с Найджелом он подарил человечеству неограниченную возможность жить согласно своим желаниям. Если кто-то сам выбирал такой образ жизни, это было его личным делом, но Оззи не мог не жалеть детей, которых лишили возможности выбора.

— Спасибо, я сам знаю, чего хочу, — сказал Орион.

— Ладно. Я не полицейский. Когда ушли твои родители?

— Не знаю. Давно. Они ушли, пока я играл с сильфенами. Я несколько дней искал их, но сильно проголодался и вернулся в город. Сильфены в лесу едят фрукты, но для человека этого мало. Наверное, иногда я скучаю по ним.

Оззи вздохнул и вытащил кошелек.

— Послушай, в Содружестве у меня есть друзья, и несколько семей с радостью позаботились бы о тебе. Я куплю тебе билет на поезд, идет?

— Но когда мама и папа вернуться, они не найдут меня здесь, и я никогда их больше не увижу.

Он не знал, что делать, и это причиняло ему боль и вызывало грусть. Великий Оззи оказался в тупике из-за мальчишки, не желающего признать, что нуждается в помощи. И он взял на себя решение тяжелой проблемы.

— Хорошо. — Он вытащил пару двадцатидолларовых бумажек. — Но тебе надо бы купить себе одежду получше и хорошей еды.

— Ого! — Орион, вытаращив от удивления глаза, выхватил банкноты. — Ты и впрямь богат, мистер... э, Оззи.

— Ты прав. И это значит, что ты будешь делать то, что я скажу, иначе тебя ждут неприятности. Для начала можешь проводить меня к конюшне и помочь отыскать еду для путешествия.

На полную подготовку ушло два дня — дольше, чем предполагал Оззи. Но в Лиддингтоне усердные торговцы практически отсутствовали, как и конкуренция между ними. По большей части люди, встречавшиеся Оззи, вели себя, будто укуренные, и вскоре он понял, что это вполне могло оказаться правдой. Дети целыми днями болтались на улицах. Посещение школ, похоже, не было обязательным, и они учились тому, чему могли научить их родители.

Тем не менее он добился успеха. Мистер Стаффорд был весьма рад его видеть и, в отличие от Ориона, не проявил никакого скептицизма по поводу странствий в лесах.

— Этим занимались многие мои клиенты, — признался он. — И я всегда согласен выкупить свои товары, когда вы вернетесь. Некоторых покупателей я больше никогда не видел, и я уверен, они путешествуют по Галактике. Кто знает, как далеко могут завести эти тропы? Они не отмечены ни на одной карте. И не верьте мерзавцам, которые попытаются всучить вам подделки.

А таких, как оказалось, было весьма много. Пока Оззи и Орион ходили по городу, собирая недостающее снаряжение, Оззи получил не меньше дюжины предложений. Ему показывали витиевато расписанные пергаменты с золотыми рунами и прекрасными рисунками животных и растений и линиями, ведущими к созвездиям, неизвестным в Содружестве; один мошенник показал черный гладкий лист с замысловатыми схемами — якобы оригинал карты, полученный из рук сильфенов. В остальном же это были потрепанные бумажки или странички старых записных книжек отважных путешественников, прошедших по тропам. Оззи ничего не купил, хотя усилия, потраченные на тщательно продуманный обман туристов, привели его в восхищение.

Мистер Стаффорд уговорил его купить лонтруса в качестве вьючного животного. В лесу, как он утверждал, не так уж много еды, и провизию лучше взять с собой. Поэтому Оззи пришлось навестить также шорную мастерскую, чтобы купить сбрую вместе с сумками. Еще он попросил мистера Стаффорда перековать выбранную им лошадь — рослую кобылу по кличке Полли бурогнедой масти. Сухие пайки были заказаны у разных торговцев.

На третий день он поднялся ранним утром, когда над горизонтом едва появился золотистый краешек солнца, а над ручьем еще струились клочья тумана. Трава после ночного дождя сверкала влагой, и мир от этого выглядел особенно бодряще свежим. Хорошее начало поездки. Оззи радовался старту путешествия, несмотря на приветливое отношение хозяина гостиницы и мистера Стаффорда. Ко всему прочему представление местных жителей о ночной жизни в «Последнем пони» ограничивалось пением народных песен под расстроенное пианино, питьем эля в количествах, которые могли бы свалить лошадь, и громкими залпами кишечных газов. Два столетия назад все это доставило бы ему удовольствие, и он бы с радостью присоединился к веселому обществу. Но постепенно он стал сознавать, что, несмотря на омоложения, возраст все же имел кумулятивную природу и со временем начал привносить в жизнь некоторую долю мудрости.

Сразу за пределами Лиддингтона раскинулись многочисленные фермы; аккуратные изгороди из боярышника и ясеня разделяли ровные маленькие поля, и между ними извивались проселочные дороги. В полях уже началась работа, пастухи гнали коров на дойку. Затем культивируемые земли сменились обширными пастбищами, а зеленые изгороди — хлипкими заборами; животные из двух десятков миров пощипывали траву и сено и не обращали на путешественника ни малейшего внимания.

Каменистая колея постепенно пошла вверх, море позади Оззи скрылось из вида, а вскоре дорога и вовсе исчезла, превратившись в простую тропу среди высокой травы. Лонтрус спокойно трусил вперед, и его лохматая серо-коричневая шерсть развевалась на ходу в такт размеренной поступи восьми ног. Он был примерно такой же длины, как Полли, и на треть выше ее, но мог перевозить вдвое больше груза, чем любая лошадь. На большой голове, имеющей форму костяного клина, блестели два близко расположенных глаза, а двойная нижняя челюсть позволяла на ходу срывать пучки травы. Эти животные, если были голодны, были способны съесть целые кусты.

По пути Оззи оглядывал проплывавшие мимо окрестности и нередко замечал отдельно стоявшие домики, словно утонувшие в волнах высокой травы. С наступлением дневной жары дома стали попадаться все реже и реже. У него имелось несколько наивное предположение, что горизонт этой огромной планеты должен был быть шире. На самом деле размер планеты стал очевидным из-за тишины. Воздух впитывал все звуки, погружая мир в полное безмолвие. Ощущение казалось очень странным. Над этой местностью, ограниченной морем и лесом, совсем не было птиц — только огромный луг с его ручейками и бугорками, где даже деревья встречались крайне редко. Но настоящая тишина, как он понял, была обусловлена молчанием насекомых. Если они здесь и обитали, то летали и ползали совершенно бесшумно, и это казалось ему неестественным.

Через три часа он добрался почти до кромки леса, темным покрывалом окутывавшего холмистую равнину до самых гор — он всегда стоял здесь и с годами становился еще больше. Ровный плотный массив уходил к самым горам, захватывал нижние склоны и лежащие между ними долины.

За последний час Оззи несколько раз почти терял тропу, скрывавшуюся под густой травой и зарослями диких цветов. Но Полли, словно зная дорогу, всегда уверенно трусила вперед и снова выходила на тропу. Теперь он увидел два белых столба, выделявшихся на темном фоне древесных стволов. По мере приближения стал очевидным их колоссальный размер — это были массивные колонны из мрамора высотой около шестидесяти метров. На самом верху колонн стояли какие-то фигуры — грубые изображения гуманоидов; ветра и

дожди столетий, если не тысячелетий, стерли их лица, оставив лишь оплывшие контуры. Эти столбы были известны как единственные обнаруженные артефакты культуры сильфенов. Никто не знал их другого значения, как только начала лесной тропы.

Полли и лонтрус резво прошли между ними, даже не сбившись с шага. У подножия одного из столбов Оззи заметил обломки деревянной хижины. Это явно человеческое жилище оставалось без присмотра уже долгие годы. Позади виднелись небольшие кучки камней, выложенные прямоугольником и еще не совсем утонувшие в траве и зарослях коричневого испанского мха.

Деревья начинались в трехстах ярдах за столбами. Вблизи Оззи снова услышал негромкие голоса птиц, круживших высоко в небе. И вскоре он уже ехал по лесу. В первых рядах стояли небольшие, похожие на земной бук растения с листьями не длиннее пальца руки, трепетавшими на слабом ветерке, словно маленькие флажки. Потом среди них стали встречаться сосны с гладкими оловянисто-серыми стволами и тонкими крепкими иглами. Зато трава стала реже, и тропа проявилась отчетливее. Деревья с обеих сторон становились все выше, их раскидистые кроны уже не давали солнечным лучам опускаться на землю. Копыта Полли бесшумно ступали по земле, покрытой толстым слоем гниющих листьев и иголок. Уже через несколько минут Оззи, обернувшись через плечо, не увидел ничего, кроме деревьев. На некоторых стволах он заметил вырезанные людьми инициалы и стрелки, указывающие направление. Он в них не нуждался, сама тропа была проторенной, словно аллея. Да и деревья по сторонам росли так густо, что свернуть было почти невозможно. И снова его окружала тишина. Если какие-то птицы и вили здесь гнезда, они оставались где-то на самых вершинах деревьев.

Вблизи стало заметно, насколько был разнообразен состав леса. Он видел пушистые серебристые листья, винно-красные треугольники шире его ладони, лимонно-зеленые волнистые круги и совершенно белую листву. Так же сильно различалась и кора — от растрескавшихся черных пластин до каменно-гладких бронзовых щитов. Орехи и ягоды висели на них целыми гроздьями, и стебли сгибались под тяжестью плодов. На некоторых стволах нашли себе опору лианы; они обвивали дерево и карабкались вверх по коре, раскидывая в стороны белые и голубые листья. Он заметил такие старые лианы, что их побеги превосходили по толщине стволы, по которым поднимались вверх.

Спустя еще час он стал замечать отдельных животных. Шустрые зверьки с гладким коричневым мехом быстро разбегались при его приближении. Поймать их в фокус не помогали даже его зрительные вставки, но, судя по поведению, он счел их за травоядных животных.

На берегу первого ручья, пересекавшего тропу, он спешился, чтобы напоить Полли и лонтруса. Стоило ему встать на ноги, как Оззи ощутил боль в мышцах и натертых местах; он не ездил верхом уже целую вечность. Положив руки на затылок, он начал поворачиваться в разные стороны, со стонами прислушиваясь к треску и скрипу позвонков. В мышцах возникла противная дрожь, грозящая перейти в судороги. В медицинской аптечке имелся целый набор мазей и притираний, и он дал себе слово воспользоваться ими, как только остановится на ночевку.

Тропа пересекала ручей через брод, выложенный большими плоскими камнями. Оззи повел животных на поводу, с трудом удерживаясь на ногах в быстро текущем потоке, и с радостью убедился, что ботинки не пропустили ни капли воды. После ручья он еще немного прошел пешком в надежде хотя бы частично избавиться от боли в мускулах. Через некоторое

время за его спиной послышался стук копыт. Мысль вскочить в седло и ускакать вперед была отвергнута сразу — его зад еще слишком сильно болел. Поэтому он предпочел терпеливо ждать. Очень скоро на тропе показался идущий рысцой пони. При виде сидящего на нем Ориона Оззи громко застонал.

Парень тоже увидел Оззи, и его лицо засияло от радости. Он направил пони прямо к безразлично стоявшей Полли.

— Я думал, никогда тебя не догоню, — воскликнул он. — Ты выехал очень рано.

— Стой, стой, старик. — Оззи поднял перед собой руки. — Что случилось? Куда это ты собрался?

— С тобой.

— Нет. Так не пойдет. Ни за что.

Орион окинул его дерзким взглядом.

— Я знаю, кто ты такой.

— Вот как? А я знаю, что ты сейчас же вернешься в Лиддингтон.

— Ты — Оззи. — Орион почти прошипел его имя, словно бросая вызов. — Ты открыл для человечества переходы. Ты уже побывал на сотнях планет. Ты самый старый и самый богатый из всех людей.

— Ладно, кое-что из этого соответствует действительности, но это не имеет значения. Я продолжаю путь, а ты возвращаешься домой. Точка.

— Я могу помочь. Я рассказал тебе правду, честно, я был и сейчас остаюсь другом сильфенов. Я могу помочь тебе их отыскать.

— Меня это не интересует.

— Ты собираешься бродить по тропам, по самым далеким тропам, — горячо продолжал Орион. — Я знаю, ты сможешь. Я видел много приезжающих сюда неудачников, но ты другой, ты Оззи. Поэтому я и решил пойти с тобой. Если кто-то и сумеет отыскать путь к другим мирам, так только ты. — Он смущенно опустил взгляд. — Ты Оззи. У тебя получится. Я знаю.

— Благодарю за доверие, но это бесполезно.

— Они где-то здесь.

Мальчик перешел на шепот, словно сообщал ужасную тайну.

— Кто? — добродушно спросил Оззи.

— Мама и папа, они где-то здесь. Они бродят по тропам.

— Ох, чертов... нет, слушай, я же не собираюсь их искать. Прости, мне очень жаль, правда. Но они ушли, и я представляю, как тебе тяжело. Ты должен возвратиться в город. Когда я вернусь, я сделаю для тебя все, что смогу, даю тебе слово. Мы найдем тебе новый хороший дом и будем разыскивать твоих родных, а потом я возьму тебя с собой и покажу массу удивительных вещей.

— Я пойду с тобой! — закричал Орион.

— Я не могу тебе этого позволить. Когда-нибудь ты меня поймешь.

— Да? — сердито усмехнулся мальчишка. — И как ты собираешься мне помешать? Как?

— Я... Слушай...

— Я просто все время буду ехать за тобой следом. — Глаза Ориона сверкали решимостью, он понял, что получил шанс, и знал об этом. — А может, и впереди тебя, ты ведь не знаешь дороги. Да, да, ты мне даже не нужен. Я сам могу странствовать по тропе и отыскать их.

— Черт побори!

— Пожалуйста, Оззи, — взмолился парень. — Сильфены никогда никому не причинят зла, так что тебе не стоит обо мне беспокоиться. Я не задержу тебя, я хорошо езжу верхом.

Впервые за три столетия Оззи не знал, что делать. Совершенно очевидно, что надо бы вернуть глупого мальчишку в город и передать его властям. Ну, для начала, там нет никаких представителей власти. Тогда надо поручить его служащим ККТ, и они выполнят его просьбу позаботиться о ребенке. И отошлют на какую-нибудь планету подальше от Сильверглейда, которую тот возненавидит. Его приведут в порядок, заставят ходить в школу и сделают добропорядочным членом Содружества. А если каким-то чудом его никчемные, сбежавшие от жизни родители в будущем все-таки объявятся, они никогда не найдут сына.

Но как же он сумеет заставить его вернуться в город? Связать по рукам и ногам и положить поперек спины Полли?

— Проклятье!

— Это невежливо, — заметил Орион и хихикнул.

Оззи проснулся за час до рассвета, когда его эл-дворецкий воспроизвел сигнал старинного будильника. Он медленно открыл глаза и осмотрелся, добавив к обычному зрению инфракрасный спектр своей вставки. Мальчик, плотно завернувшись в толстое шерстяное одеяло, лежал в нескольких метрах от него под небольшим брезентовым навесом, растянутым на случай ночного дождя на бамбуковых шестах. Разведенный с вечера костер прогорел, и на его месте ярко сияла кучка углей, хотя без усиленного зрения там можно было бы заметить лишь несколько мерцающих искр. Инфракрасное зрение показало ему и несколько мелких зверьков под огромными деревьями, где они собирали упавшие семена и орехи.

Оззи долго лежал неподвижно. Еще накануне он решил подняться пораньше и тихонько увести из лагеря Полли и лонтруса, а потом сесть верхом и ускакать. Вчера на тропе было много развилок, и он мог выбрать любой из путей, а лес простирался очень широко, Оззи заранее изучил орбитальные снимки местности, имеющиеся в разведке ККТ. Лес тянулся до самых гор, а местами соприкасался с другими массивами, покрывавшими большую часть континента. Орион никогда его не найдет. Он еще пару дней пошатается по лесу, а потом вернется в уютную безопасность родного города. Ребенок-сирота, один, в лесу чужаков.

— Проклятье!

Орион негромко застонал, и его веки затрепетали, словно от плохого сна. Оззи заметил, что одеяло соскользнуло с его плеча, оставив часть руки на холоде. Он подошел и поправил угол одеяла. Орион быстро успокоился и удовлетворенно вздохнул.

Спустя пару часов Орион проснулся и увидел, что Оззи опять развел костер и готовит завтрак. К своему облегчению, Оззи обнаружил, что молочные таблетки работают безотказно. Брошенные в холодную воду, они шипели и булькали, пока не превратили ее в густую белую жидкость, куда он высыпал сухие овсяные хлопья. К этому он добавил омлет и тосты из неровно нарезанных ломтей твердого как железо хлеба, купленного в булочной Лиддингтона. Чай он заварил прямо в котелке, приберегая пакетики на будущее.

Глядя, как парень наворачивает за обе щеки, словно лег спать натошак, Оззи стал заново подсчитывать, насколько хватит его припасов.

— Я взял с собой провизию, — сказал Орион.

Мальчишка, похоже, читает его мысли.

— Вот как?

— Конечно. Сушеное мясо и хлеб для путешествий. Вот только никаких таблеток, как у тебя, в Лиддингтоне нет.

— Разумно. А как насчет фильтра-помпы? Тоже взял?

Виноватое выражение согнало с его лба большую часть веснушек.

— Нет.

И Оззи показал мальчику, как работает его фильтр — маленькое механическое приспособление, надевающееся на горлышко бутылки. Короткий носик при погружении в ближайший ручей и простейший ручной насос, который прогоняет воду через керамические фильтры. Конечно, не такой эффективный, как мощный молекулярный микрофильтр, не пропускающий бактерии, но достаточный для избавления от вредоносных примесей. Парень развлекся, выплескивая воду и снова наполняя свои допотопные пластиковые пакеты из бутылки Оззи.

— А как насчет зубного геля? — спросил Оззи.

Орион не взял ни его, ни мыла. Ему пришлось одолжить мальчику немного из собственного тюбика, зато Оззи позабавился над озадаченным видом Ориона, когда гель начал пениться у него во рту. Парень быстро прополоскал рот, как было сказано, и долго еще энергично отплевывался.

Законы химии как универсальная постоянная здесь работали. Но когда Оззи проверил свой портативный модуль, он остался таким же мертвым, как обломок скалы. Подавляющее поле, или что там еще использовали сильфены, неуклонно усиливалось еще вчера, когда он только приближался к лесу. Сегодня оно затронуло и его биочипы, сведя их эффективность к работе обычного калькулятора. И в виртуальном поле зрения остались только базовые функции.

Сама идея такого воздействия заинтересовала Оззи, пробудив в нем былое любопытство ученого-физика, и он на ходу стал обдумывать математическую вероятность процесса.

— Они уже близко, — объявил Орион.

Близился полдень, и они шли пешком, решив дать небольшой отдых лошади и пони. В лесу стало намного темнее, среди деревьев вдоль тропы преобладали сосны. Их высокие кроны, хоть и темные сами по себе, пропускали бесчисленное множество крохотных солнечных лучиков. Толстый ковер опавшей хвои испускал приятный терпкий аромат, и даже тяжелые шаги лонтруса на этом пружинистом покрытии оставались беззвучными.

— Откуда ты знаешь? — спросил Оззи.

Парень с самодовольной усмешкой вытащил свой амулет. Жемчужная капля в металлической сетке мерцала ярким бирюзовым светом, словно в ней был заключен кусочек полуденного неба.

— Я же говорил, что я их друг.

Они продолжали шагать пешком. Оззи подозрительно всматривался в ряды стволов, словно ожидая засаду. Он пару раз встречался с сильфенами на Яндаке и бродил в их лесах вместе с сотрудниками культурной миссии Содружества. Говоря откровенно, он был несколько разочарован; недостатки в умении общаться только усилили его предубеждение. Говорить с сильфенами, по его мнению, было все равно что беседовать с умственно отсталыми детьми. То, что остальные считали игривыми проказами, вызывало в нем сильнейшее раздражение; сильфены вели себя как в детском саду: бегали, прыгали и лазали по деревьям.

И вот он услышал, как они приближаются. Среди деревьев, словно гармоничная птичья

трель, слышалось мелодичное пение. Раньше ему не приходилось слышать песен сильфенов. Само собой, никто не мог их записать, и во время его посещения Яндака они ни разу не пели.

Голоса становились все громче, и он с удивлением понял, насколько тесно их пение было связано с лесом: голоса нарастали и ослабевали в полной гармонии с мерцающими пятнами солнечного света и легким ветерком, производя почти гипнотический эффект. В их песнях не было слов даже на языке сильфенов, только отдельные протяжные ноты, воспроизводимые более искусной гортанью, чем любой духовой инструмент, изобретенный человечеством. А потом и сами сильфены появились перед путешественниками, они скользили между деревьями, словно резвящиеся призраки. Оззи, пытаясь удержать их в поле зрения, постоянно вертел головой. Сильфены ускорили темп, к их пению добавился смех, и они стали прятаться от людей, скрываясь за толстыми стволами и стрелой проскакивая через открытые пространства между деревьями.

В их природе не было никаких сомнений. Они присутствовали в легендах и мифах любого человеческого общества. Оззи стоял посреди гигантского леса в окружении эльфов. Это были двуногие существа, выше, чем люди, с тонкими руками и ногами и странно округлым туловищем. Их головы были пропорционально больше людских, с плоскими лицами, большими кошачьими глазами над тонким носом, заканчивающимся удлиненными ноздрями. Челюсть, как таковая, у них отсутствовала, а вокруг ротового отверстия имелось три окружности заостренных зубов, которые могли двигаться взад и вперед независимо друг от друга, давая возможность отправлять пищу в горло. При движении внутрь растительность, которой они питались, быстро измельчалась. Эта единственная особенность противоречила их определению нации как неопасной; стоило сильфену раздвинуть губы, как его рот производил впечатление грубой свирепости.

С момента первого контакта люди отметили многообразие оттенков их кожи — их было почти столько же, сколько и у человеческой расы, хотя таких бледных сильфенов, как представители земного севера, никто не видел. Кожаный покров у них был плотнее, чем у людей, более жесткий и с шелковистым блеском. Сильфены носили длинные волосы, позволяя им плащом ниспадать до середины спины, или заплетали в одну косичку, украшая ее цветными кожаными ремешками. Они все без исключения одевались в простые короткие балахоны из ткани медного или золотистого цвета с атласным отливом. Обувь никто не носил, а их длинные ноги заканчивались четырьмя согнутыми пальцами с толстыми ногтевыми пластинами. На руках тоже было по четыре пальца, которые, подобно миниатюрным щупальцам, имели способность изгибаться в любом направлении, что придавало сильфенам непревзойденную ловкость.

— Скорее! — крикнул Орион. — За ними, пошли за ними!

Он бросил поводья пони и скользнул в лес, петляя между деревьями.

— Подожди! — окликнул его Оззи, но тщетно.

Парень сломя голову мчался по лесу вслед за смеющимися и танцующими сильфенами.

— Проклятье!

Оззи едва не свалился с седла и потянул за поводья, заставляя Полли свернуть в лес. Его цель быстро скрылась из вида, и все, что ему оставалось, это идти на звук. Вокруг него почти в человеческий рост поднимался густой кустарник, и Оззи приходилось увертываться от ветвей, на что Полли отвечала жалобным ржанием. Вскоре земля под ногами зашлепала от сырости, ботинки проваливались глубоко в почву, еще более замедляя его бег.

Через пять минут он начал задыхаться, вспотел с ног до головы и беспрестанно ругался на четырех языках. Но пение снова стало громче. И он совершенно отчетливо услышал смех Ориона. Еще через минуту он вышел на поляну. Вокруг, возвышаясь над травой на сотню футов, стояли огромные деревья с серебристой корой и почти идеальными полукруглыми кронами багряных листьев. Через центр с журчанием бежал ручеек, падавший в противоположном конце поляны с каменистого порожка в глубокий омут. Настоящий райский уголок для лесных жителей.

Все сильфены — около семидесяти особей — собрались здесь. Кое-кто из них уже вскарабкался на деревья, используя руки и ноги, чтобы сорвать висевшие на верхних ветвях грозди орехов. Орион подпрыгивал под ближайшим стволом и ловил плоды, сброшенные сильфеном.

— Черт побери, ты что вытворяешь? — выпалил Оззи. Откуда-то издалека доносилось пение. Орион мгновенно понурил плечи и угрюмо нахмурился. — Что бы с тобой было, если бы я вас не догнал? Где твой пони? Как ты собираешься его искать? Что это, по-твоему, игра? Мы забрались в незнакомый лес размером с полпланеты. Теперь понятно, почему ты потерял родителей, если и раньше такое вытворял.

Орион поднял руку, показывая на что-то за спиной Оззи.

— Пони здесь, Оззи, — дрожащими губами произнес он.

Он резко развернулся. Сильфены привели на поляну и пони, и лонтруса. Вместо того чтобы, подобно Оззи из легенды, обрадоваться при виде животных, он только сильнее разозлился.

— Ради бога!..

— Оззи, это мир сильфенов, — тихонько сказал Орион. — Здесь не может случиться ничего плохого.

Оззи бросил на мальчика сердитый взгляд и зашагал к сильфену, державшему поводья. «Брось, уговаривал он сам себя. — Возьми себя в руки. Он же еще совсем ребенок... Которого, по моему замыслу, здесь быть не должно».

Он стал искать в памяти наречие сильфенов, внедренное в мозг во время пребывания в клинике Августы. Никто и никогда не мог научить сильфенов языку Содружества. Им это было неинтересно.

— Благодарю за заботу о наших животных, — сказал он.

Он был совершенно уверен, что произнес эту чудовищную мешанину из воркующих звуков и коверкающих язык валлийских слогов абсолютно неправильно.

Сильфен широко открыл рот, демонстрируя дрожащий змеиный язычок в центре зубных кругов. Оззи едва не повернулся, чтобы бежать, но вспомогательная память вовремя напомнила, что это всего лишь улыбка. Затем последовало ответное невнятное бормотание, куда более мелодичное, чем то, что воспроизвел Оззи.

— Мы так рады встретить тебя в этот чудесный день, дражайший Оззи. А ваши бедные животные нуждались только в руководстве, чтобы снова быть с вами. Для нас это такая мелочь. Привести их было совсем нетрудно.

— Я рад и польщен тем, что вы меня помните. Мы встречались в другом мире, несколько десятков лет назад.

— Такое сокровище не должны утрачивать такие, как мы. А ты настоящее сокровище, Оззи. Оззи, человек, научивший людей первым шагам по истинным тропам.

— Я делал это не один. — Он слегка поклонился и окликнул Ориона. — Эй, надо бы

позаботиться о пони, ладно? Похоже, ему не помешает попить.

Орион подошел, взял поводья из рук сильфена и повел пони к озеру под небольшим водопадом. Оззи получил несколько недовольных взглядов и явно не был прощен. Двое сильфенов уже купались, скользя по чистой воде так же легко, как они бегали по земле или лазали по деревьям. Вскоре к ним присоединился и Орион.

— Могу я спросить, с кем разговариваю? — поинтересовался Оззи.

— Я цветок, блуждающий под девятью небесными лунами, лучик света, проникающий в полночь на дно самой глубокой расщелины, весна, журчащая в оазисе; из всего этого появился я.

— Ладно-ладно. — Оззи помедлил, komponуя фразу. — Если ты не возражаешь, думаю, можно называть тебя Девятью Небесами.

— И вот всегда ты так спешишь, не замечая радости завтрашнего рассвета.

— Ладно, — по-английски пробормотал себе под нос Оззи. — Никто и не думал, что будет легко.

Он пустил Полли обнюхивать светло-лавандовую траву на лужайке. Сильфены к тому времени собрались на краю озера. Они стали есть собранные орехи и ягоды, запивая их из пущенных по кругу фляжек. Оззи отыскал местечко рядом с Девятью Небесами, а Орион устроился сбоку и принялся за свой обед.

— Мы странствуем по тропам, — сказал Оззи.

Его слова, похоже, развеселили сильфенов, и они засмеялись своим переливчатым смехом, удивительно похожим на человеческий.

— Другие из нашего племени тоже так поступали, — напомнил он им. — Искатели красоты и неизвестности, поскольку не все мы похожи друг на друга.

— Многие ходили по тропам, — ответил Девять Небес. — Упорные и умелые; их шаги отзываются эхом в священных землях, ведут их далеко, уводят еще дальше. Поворот за поворотом в веселом танце.

— По каким тропам они ступали? — спросил Оззи.

Ему казалось, что он в состоянии поддерживать разговор.

— Все тропы — это одна тропа, Оззи, они ведут к самим себе. Начало есть конец.

— И где же начало?

— Начало здесь, среди радости детства, и щебетанья птиц, и докучливого веселья теринды, резвящейся над долиной и ураганом. Все мы стремимся идти в музыке и свете.

— Я начинаю путь здесь, и куда же я должен идти?

— Оззи приходит, Оззи идет, Оззи летит, Оззи видит много звезд, Оззи живет в пещере. Оззи покидает пещеру, Оззи видит деревья, Оззи приходит. Круг замыкается.

При упоминании о жизни в пещере у Оззи на затылке шевельнулись волосы.

— Вам известны чудеса, вы идете к чудесам, вы видите чудеса, вы живете среди чудес, вы уходите. Оззи завидует вам. Оззи идет вместе с вами.

Эта тирада вызвала новый взрыв веселья, так что языки сильфенов высунулись наружу.

— Оззи уходит, — сказал Девять Небес. Его голова выдвинулась вперед, огромные темные глаза уставились в лицо человека. — Принимаешь то, что есть, ты не проявляешь страха, медленно течет наше время, мы любим тебя, и не все, что рождает нас, обращается в звездную пыль. Но все возвращается в вечность, поворот за поворотом.

— Что тебя ждет, если не величие и благородство? Что ждет каждого из нас между двумя мгновениями бесконечности? Это величие светит среди звезд там, где я иду.

— Следуй своим путем без песни радости в твоём сердце, далек твой путь к неизвестной судьбе. Странствие в лесу и есть жизнь. Смотри на нас сейчас в сиянии красоты, поскольку все мы стремимся к своей судьбе.

— Заходите ли вы в леса планеты, откуда мы произошли?

— Мы странствуем по всем лесам, лесам света и лесам тьмы.

— А леса величия? Вы тоже бываете в них?

— Есть только свет и тьма, и больше ничего. Остерегайся черноты и золота, они оставляют в полуденном небе чудовищную отметину. Громко призываем тебя быть внимательным в середине зимнепада.

Оззи постарался обдумать все услышанное и понял, что теряет нить разговора. Но так всегда бывало при общении с сильфенами.

— Человечеству необходимо узнать, кем вы становитесь. Я иду к ним, в их мир. Какая тропа ведет туда?

— Знание в воздухе, которым мы дышим, в выпитой нами воде и съеденной пище; наслаждайся этим, как наслаждаемся мы; жить в красоте прекрасно. Наблюдай за природой в разгар цветения, изменяй по своему желанию небо и землю, если ты способен сделать то, что всегда было. Радуйся прощаниям и радуйся встречам, потому что все это — часть бесконечного круговорота миров, ибо кто мы такие, чтобы оплакивать саму радость?

— Этот ребенок плачет по ночам по пропавшим родителям.

— Все мы плачем, охваченные дыханием этого ледящего ветра, не принимая во внимание, кто кого потерял в этом мрачном промежутке времени.

Сильфены начали подниматься.

— Что ж, спасибо, парень, — по-английски сказал Оззи. — Все было превосходно.

— Мы спешим, как кворрал, что летит к своему гнезду в центре одинокого озера за долиной и полночной рекой.

— Надеюсь, вы благополучно туда доберетесь.

Девять Небес вскочил на ноги. Сильфены уже пустились бегом по краю озера. Их странное пение вновь наполнило воздух. И вот они уже ушли, растворившись в сумраке между древесными стволами.

Оззи глубоко вздохнул. Затем перевел взгляд на лицо мальчика, выражающего тревожное изумление.

— Эй, ты в порядке, старик?

— Они такие... непохожие на нас, — протянул Орион.

— Наверное, — согласился Оззи. — Они или все время под кайфом, или моя память не настолько хороша, как обговорено в гарантии. Как бы то ни было, от них не добиться особого смысла.

— Оззи, я думаю, от них не стоит добиваться смысла. Они же эльфы, и смертные не входят в состав их мира. Нам никогда их не понять.

— Они такие же реальные, как мы с тобой, а может, и более того, если я прав в своих предположениях. Но я очень хорошо понимаю, почему их так любят наши чокнутые хиппи. Они знают то, чего не должны знать. Если во всей этой болтовне есть хоть капля запретного знания, они настоящие мессии.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, например, мое жильё. Одного этого более чем достаточно, чтобы убедить меня в правильности выбранного пути, — извини за игру слов.

— Какого пути?

— Я пытаюсь выяснить, куда уходят сильфены после того, как покидают свои леса.

— Зачем?

— Хочу задать вопрос тем, в кого они превращаются.

— А в кого они превращаются?

— Я еще не знаю.

— Это глупо.

— Да, старик. Наверное, это действительно немного глупо.

— А мы отыщем по пути моих маму и папу?

— Если честно, я в этом сомневаюсь.

— Девять Небес, похоже, не знает, где они, верно? — спросил Орион.

— Ты все понял?

— Кое-что. Ты очень хорошо говоришь на языке сильфенов.

Он подмигнул мальчику.

— Это потому, что я жульничал. Только так можно чего-то добиться в жизни.

— Так куда же мы теперь пойдём?

— Туда же, куда и раньше, — ответил Оззи. Он окинул взглядом большую поляну, не в силах определить, откуда они сюда вошли. — По первой найденной тропе и без всяких ориентиров.

Легенда гласила, что астероид являлся слитком чистого золота, ядро которого осталось нетронутым и теперь погребено глубоко под замком. Но каким бы ни был его состав, удельный вес точно был больше среднего. При ударе в южный континент Лотиана пару столетий назад, еще до появления здесь людей, он оставил безупречно круглый кратер в две мили диаметром. Вал по краям достигал высоты в четыреста футов, изнутри он был совершенно гладким, а в центре остался пик, поднявшийся почти на тысячу триста футов. Хотя пиком его трудно было назвать даже в те дни; в середине возник конический холм с осыпающимися склонами. Он недолго сохранял свою форму.

Первые поселенцы, все родом из Шотландии и по большей части из Эдинбурга, испытывали ностальгию по старинному городу и стремились сделать свой новый мир на него похожим. Их настроения получили свое воплощение при постройке новой столицы, Лейтпула, с кратером в самом его центре. В результате целая река изменила свое направление; Хайфорт отклонился от прежнего русла и семь миль тек по специально построенному акведуку, чтобы через вал кратера наполнить своими водами озеро в форме кольца. Конечно же, в середине его должен был стоять замок, но пологий скат холма совсем не был похож на скальный выступ, доминирующий над центральной частью Эдинбурга. И тогда за работу взялась целая армия роботов, используемых в гражданском строительстве. В течение нескольких лет, пока поднималась вода, из цельной скалы были высечены три зубчатых пика, достаточно острых и суровых, чтобы затеряться в любом уголке Альпийского хребта. На вершине самого высокого из них был возведен замок в баварском стиле, и к нему вела единственная дорога, петлявшая по крутым склонам.

Ниже замка, на остальной части искусственной горы, появились монолитные гранитные постройки, разделенные широкими мощными дорогами и извилистыми закоулками. Из-за отсутствия почвы там не было ни травы, ни деревьев, только голые камни, получившие форму под резаками роботов. По мере продвижения строительных работ началось переселение чрезмерно финансируемой правительственной машины; за зданием доблестного парламента последовало сооружение изысканного дворца верховного суда, потом целый муравейник раздутого кабинета министров и главное представительство Романского межпланетного банка. Вслед за представителями власти пришли и их обычные спутники: дорогие рестораны, отели, клубы, обслуживающие компании, театры, штаб-квартиры корпораций, концертные залы, лоббирующие фирмы, легальные партнеры и средства массовой информации. По мрачным переходам правительственных зданий сновали армии выборных представителей, их помощники, советники, интерны, родственники, чиновники и осведомители. Жилье на Замковой горе нашлось только для высшего эшелона, все остальные приезжали из города, раскинувшегося по другую сторону вала. От склонов кратера миля за милей простирались городские районы и пригороды, чье население насчитывало уже четыре с половиной миллиона жителей.

Для Адама Элвина Лейтпула, представляющий приятное исключение из аккуратно расчерченных городов в большинстве миров Содружества, был одним из самых любимых городов. Улицы спускались от вала кратера причудливыми изгибами, сплетаясь и пересекаясь в хаотичном лабиринте. Предприятия легкой промышленности и жилые кварталы располагались в разных зонах, но их взаимоположение представляло собой очень

плотную мозаику, составленную с удивительным пренебрежением логикой. Между каменными и бетонными зданиями раскинулись зеленые террасы великолепных парков. Густая сеть подземного метро и наземных трамваев свела к минимуму потребность в личном транспорте. Главные города планеты связывали нитки рельсовых путей, поднятых на высоких опорах, и все они сходились на северо-восточном склоне, где на окраине располагалась станция ККТ.

В этот день Адам шел по западному участку Кольца Принца — улицы, пролежавшей по верхней части кратера. Этот торговый район был известен на многих планетах. По внешней стороне Кольца стеной стояли высокие башни универмагов и магазины известных фирм, тогда как внутреннюю часть образовывал пологий спуск к озеру, плескавшемуся в двадцати ярдах ниже тротуара. При строительстве города вал был выровнен, и исключение сделали лишь для русла Хайфорта, перекрытого двойной аркой моста, и симметрично расположенного стока, откуда вода по длинному искусственному каскаду сбегала вдоль самых роскошных жилых кварталов.

Минут двадцать Адам спокойно прохаживался в толпе людей, собиравшихся перед витринами магазинов. Сегодня на каждом здании висели бело-красные флаги «Кельтской короны». И все они, без исключения, были подняты только до половины флагштоков. Два дня назад лотианская команда выбыла из розыгрыша Кубка. Этот сокрушительный удар потряс новое шотландское общество, и вся планета, казалось, погрузилась в траур. Наконец Адам нашел вход в нужное ему кафе: дверь на лестницу, ведущую на второй этаж рядом с большим офисом электрической компании. Просторное помещение представляло собой переоборудованную галерею с высокими потолками и большими арочными окнами, выходящими на Кольцо Принца. Адам устроился на слегка потертом диванчике перед одним из окон и заказал молоденькой официантке горячий шоколад с шоколадной стружкой и ореховым печеньем. За окном открывался великолепный вид на Замковую гору. В нескольких сотнях ярдов южнее над спокойной темной водой озера протянулась нитка монорельса, по которой скользил одинокий серебристый вагон, везший запоздавших служащих к месту их работы.

— Внушительное зрелище, не правда ли? — раздался голос за его плечом.

Адам, повернув голову, увидел стоящего рядом Брэдли Йоханссона с чашкой чая в руке. Этот высокий мужчина, как и всегда, производил впечатление обособленности от окружающего его мира. В его худом, утонченном лице было больше аристократизма, чем в лице любого представителя Великих Семейств.

— Мне нравится, — спокойно ответил Адам.

— Конечно, хотя во Вторник Покаяния здесь еще красивее, — сказал Брэдли, усаживаясь на диванчик рядом с Адамом. — Они всю неделю освещают замок мощными голографическими прожекторами, а во время заключительной церемонии запускают над озером настоящий фейерверк.

— Если ты предоставишь мне отпуск, я вернусь, чтобы на это посмотреть.

— Именно об этом я и хотел поговорить.

Официантка принесла Адаму горячий шоколад, и Брэдли замолчал, улыбаясь девушке с подкупающей искренностью. Она ответила ему быстрой улыбкой, а затем поспешила к следующему клиенту.

Адам постарался подавить раздражение при виде этого обмена улыбками, в очередной раз напомнившего о его возрасте.

— Ты намерен предоставить мне время для отдыха? — спросил он.

— Как раз напротив, старина. Я даже предпочел личную встречу, чтобы рассказать, насколько важными будут для нас несколько следующих лет. В конце концов, ты же не... прирожденный Хранитель. Твое участие в нашем деле по большей части определялось финансовой составляющей. Я хотел бы знать, согласен ли ты продолжать свою работу, когда обстановка станет более неблагоприятной.

— Еще более неблагоприятной? Эта сучка Мио едва не схватила меня на Велайнесе.

— Ну-ну, Адам, у нее не было никаких шансов. Ты великолепно обвел ее вокруг пальца. И продолжаешь это делать, поскольку все компоненты поступают строго по графику.

— Прибереги свои комплименты для буржуев. Меня этим не проймешь.

— Ладно. Тогда скажи, можем ли мы и дальше рассчитывать на твою помощь, и если да, то какой будет цена?

— Что конкретно ты от меня хочешь?

— Наступил момент, ради которого так долго работал Звездный Странник. Добрым людям пора провести черту и сказать: хватит.

— Дальше некуда, — пробормотал Адам.

Брэдди отпил чая и усмехнулся.

— В прошлом, может быть. Но сейчас я знаю, что нужно сделать. И последствия будут весьма неприятными.

— Революция не для тех, кто ее совершает, так было всегда.

— Это не революция, Адам, это мой крестовый поход. Я намерен зашвырнуть растлителя человечества в такие глубины ада, куда не осмеливается заглянуть сам дьявол. И там ему самое место. Я отомщу за себя и всех остальных, погубленных злобным Звездным Странником.

— Браво.

— Адам, у тебя свои вера и убеждения, у меня — свои. И прошу, не насмехайся над ними, мне это неприятно. В мои намерения входит перенос наших боевых действий с Дальней. Я хочу напрямую препятствовать действиям Звездного Странника в Содружестве. Ну, теперь ты скажешь, чего будет стоить твое сотрудничество, если это не противоречит твоим антикапиталистическим убеждениям?

— Напрямую? Ты хочешь, чтобы я вел в бой твою армию?

— Да. Ты лучше любого из нас знаком с секретными операциями и процедурами безопасности. И это делает твою помощь бесценной для меня, Адам. Ты мне нужен. Я могу лишь сказать, что без человечества не может быть никакого социалистического общества. Ты нам поможешь?

Адам не мог не признать, что вопрос был поставлен предельно откровенно. Не этого он ожидал, сидя в приятном кафе и глядя на спокойное озеро со сказочным замком. Но, с другой стороны, где еще задавать подобные вопросы? И чего он хочет от жизни? Его решимость снова ослабела. До сих пор он придерживался принципа не прибегать к омоложению, поскольку это означало бы уступку буржуазии и правительству плутократов. Общество должно быть организовано таким образом, чтобы каждый мог пройти эту процедуру, независимо от своего финансового положения. Древняя политическая мечта о справедливости и равенстве, об истинном социализме. Несмотря на его активное участие в этом деле, несмотря на жестокость и насилие, проявляемые по отношению к власти имущим, ничего не изменилось. Но это не означало, что он поступает неправильно. Думая о других, о

бывших друзьях и товарищах, оставивших борьбу за прошедшие десятилетия или, хуже того, предавших свое дело, он сознавал свою правоту, несмотря на мечтания людей о вечной жизни. Если и он, при всей своей преданности, откажется от борьбы, на что останется надеяться?

— Я устал, Брэдли; действительно, очень устал. Я всю свою жизнь видел, как плутократы попирают мои идеалы. Я продолжаю безнадежную борьбу, поскольку не знаю ничего другого. Ты понимаешь, какая это для меня трагедия? Знаешь, я больше не хочу спасти Содружество. Я пытался сделать это на протяжении пятидесяти лет и ничего не добился. Больше не могу. В этом нет никакого смысла. Капитализм или Звездный Странник — мне все равно, кто уничтожит это общество. Я с этим покончил.

— Нет, не покончил; и перестань набивать себе цену, Адам. Ты не можешь оставаться в стороне и смотреть, как чужаки устроят геноцид всей твоей расе. Ты идеалист. Это великолепный недостаток, которому я могу только позавидовать. Ну а теперь, что ты хочешь за свои неоценимые услуги?

— Не знаю. Возможно, надежду.

— Достаточно честно. — Брэдли кивнул на величественный замок на вершине горы. Солнечные лучи скользили по полированной поверхности каменных стен, заставляя их сверкать бронзой и изумрудами. — Прототип этого замка в Эдинбурге служил пристанищем шотландского национализма. Для твердолобых фанатиков он был сияющим символом. Несколько поколений горцев ждали, пока шотландская нация воспрянет после смерти их веселого Принца. Их цель временами казалась недостижимой, а дело обреченным; они обрели независимость от Англии только для того, чтобы снова утратить ее с образованием Европейской Федерации. Но теперь люди достигли звезд, и истинная нация возродилась здесь и еще в двух мирах. Хранимый во мраке идеал может расцвести, если ему дать шанс, и не важно, сколько длится ночь. Не отказывайся от своих идеалов, Адам. Никогда.

— Довольно банально, как мне кажется.

— Тогда послушай еще. Я видел, во что превращаются общества, похожие на наше. Я ходил по их мирам и восхищался ими. Содружество — это лишь промежуточная стадия для такой расы, как наша; в процессе эволюции даже твой социализм останется позади. Мы станем особенной, удивительной цивилизацией. У нас есть для этого необходимый потенциал.

Адам долго смотрел в его лицо, стараясь проникнуть сквозь эти удивительные глаза в самый его мозг. Брэдли всегда отличался непоколебимой верой в себя и свое дело. За последние три десятилетия ему не раз хотелось отречься от Брэдли, как это сделали власти Содружества, считать его обычным чокнутым террористом. Но всегда оставались какие-то незначительные детали, пройти мимо которых было невозможно. К примеру, его непревзойденная способность добывать информацию. И некоторые особенности политики руководства Содружества, не согласующиеся с интересами Великих Семейств и Межзвездных Династий. Адам уже почти верил в существование Звездного Странника — или, по крайней мере, больше не отвергал эту вероятность.

— Я хотел бы кое-что узнать, хотя, боюсь, это будет проявлением личной слабости.

— Я буду честен с тобой, Адам, это я тебе обещаю.

— Где ты проходишь процедуру омоложения? Или для таких, как мы, существует какая-то подпольная клиника, о которой мне неизвестно?

— Нет, Адам, ничего подобного. Я пользуюсь услугами ярувской клиники Ансторн.

Прекрасное заведение.

Адам вызвал через своего эл-дворецкого виртуальное расписание ККТ.

— Ярува, это какой-то город?

— Нет, это планета. ККТ ликвидировала переход туда двести восемьдесят лет назад, после гражданской войны между различными общественными фракциями националистов и радикальными евангелистами. Единственное, что их как-то объединяло, — это ненависть к Содружеству, превосходившая ненависть друг к другу. До Изоляции там было совершено несколько неприглядных актов терроризма. К счастью, с тех пор обстановка там стала значительно спокойнее, каждая фракция обосновалась в своей стране. Структура похожа на земное общество середины двадцатого века. Но боюсь, ни одна из фракций не склонна строить социализм.

— Понятно, — протянул Адам. — И как же ты туда добираться?

— На Яруву ведет тропа, которой сильфены уже давно не пользуются.

— Я почему-то предвидел подобный ответ.

— Я с радостью провожу тебя туда и оплачу омоложение, если ты этого хочешь.

— Давай пока оставим этот вопрос открытым, ладно?

— Как пожелаешь. Но предложение искреннее, и оно остается в силе.

— Хотел бы я верить так, как веришь ты.

— Ты близок к этому, Адам. Правда. Я уверен, события нескольких следующих лет окончательно тебя убедят. Хотя к тому времени я надеюсь убедить всех.

— Ладно. — Теперь, когда решение было принято, Адам почувствовал почти облегчение. Он от многих слышал об удовлетворении после признания своего поражения и с удивлением убедился, что это правда. — Что же ты хочешь делать в Содружестве со своими Хранителями? Только не забывай, что я никогда не соглашусь повторить Абадан. Я больше не сторонник политического насилия.

— Дружище, я тоже против него. И благодарю за то, что ты согласился нам помочь. Я понимаю, насколько все это противоречит твоим целям. Не отказывайся от них. Ты еще увидишь социально справедливое общество.

— Как священник увидит рай.

Мягкая улыбка Брэдли выразила одновременно сочувствие и понимание.

— Куда ты намерен нанести первый удар? — спросил Адам.

— В настоящий момент моя главная цель — это «Второй шанс». Часть твоей задачи состоит в том, чтобы подобрать команду для его уничтожения.

— Старый глупец! Ты никогда не сможешь остановить познание. Если даже нам удастся разбить «Второй шанс» вдребезги, они построят другой корабль, потом еще один, и еще, пока миссия не будет выполнена. Они знают, как их строить, и потому будут продолжать бесконечно.

— К несчастью, я должен признать твою правоту. Но уничтожение «Второго шанса» будет жестоким ударом по Звездному Страннику. Ты же знаешь, что постройка корабля начата по его желанию.

— Знаю. Я получил эту дробь. — Некоторое время Адам молча смотрел на Замковую гору. — А тебе известно, что замки не всегда были только символом? Они служили для защиты от захватчиков и обеспечивали безопасность королевства. Теперь их никто уже не строит.

— Но они нужны нам, и теперь больше, чем когда-либо.

- Хорошая из нас с тобой парочка! — сказал Адам. — Оптимист и пессимист.
— И кем же считаешь себя ты?
— Мне кажется, тебе это известно.

* * *

К некоторому неудовольствию своих подчиненных, Уилсон каждый день появлялся на своем рабочем месте примерно в половине восьмого утра. И после совещаний с руководителями подразделений, учебных сессий, интервью, технических экспертиз, обзоров прессы, обязательной часовой тренировки и десятка других дел, включенных в расписание, уходил не раньше чем в начале десятого вечера. Он даже не тратил время на обед в отличной столовой на первом этаже, а перекусывал за рабочим столом. Его влияние постепенно распространялось на все грани проекта, а вместе с тем окружающие заражались его энтузиазмом. Под его неустанным наблюдением график постройки заметно уплотнился, а стратегия стала более четкой и эффективной. Служащие комплекса ощущали гордость за свою работу, и это побуждало их еще энергичнее двигаться вперед.

Раз в неделю Уилсон встречался с Найджелом Шелдоном для ставшего традиционным осмотра «Второго шанса». Они проходили через переход и устремлялись к сборочной платформе, оживленно обсуждая каждую новую секцию корабля, словно расшалившиеся школьники.

Уже были установлены все плазменные двигатели и турбонасосы для их автоматического запуска. В полость центральной части машинного отделения доставили огромные резервуары для ядерного топлива — темно-серые эллипсоиды, содержащие внутри соты из миниатюрных емкостей.

— Это превосходная конструкция гасителя динамических колебаний, — пояснил Уилсон, когда они вдвоем скользили вдоль вспомогательной сетки над центральным цилиндром. — Мелкие емкости способны подавать топливо при любом маневренном ускорении и обеспечивают стабильное состояние массы во время движения по инерции. Если бы подобное устройство имелось у нас на «Улиссе», мы избежали бы многих проблем с механикой, но с тех пор технология материалов продвинулась далеко вперед.

Найджел остановился на одной из платформ, глядя на яйцеобразный резервуар, осторожно устанавливаемый на место манипуляторами роботов. Инженеры-конструкторы с мобильными сенсорами кружились над ним, словно пчелы над маткой.

— Почему мы не используем водород? Я считал, что это наилучший вариант для создания движущей силы при запуске ракеты.

— Если говорить о химической реакции, то да. Но в плазменных двигателях процесс протекает при такой высокой концентрации энергии, что топливо расщепляется почти на ядерном уровне. Установленные нами нуль-батареи обеспечивают такую мощность, что плазма становится горячее, чем в ядерном реакторе. При такой эффективности криогенная техника была бы пустой тратой сил. В идеальном мире мы бы, конечно, использовали в качестве топлива ртуть, но при этом возникли бы сложности с ее перемещением, не говоря уж о стоимости и недостаточных для нас объемах добычи. Поэтому мы остановились на углеводороде очень высокой плотности. По существу это почти чистая сырая нефть, но химики подправили ее молекулярную структуру, чтобы вещество оставалось жидким при

практически неограниченных изменениях температуры. Учитывая почти идеальную изоляцию, покрывающую резервуары, нам не придется заботиться о температурном режиме для топлива.

Найджел окинул резервуар задумчивым взглядом.

— А я всегда считал ракеты предельно простыми устройствами.

— Принцип действия действительно прост, сложности возникают при его техническом осуществлении. Но мы делаем все, чтобы его упростить, и современная техника позволяет нам избавиться от целого комплекса вспомогательных систем.

— Я слышал, что ты инициировал работу комиссии по рассмотрению проектной документации.

— Да, для окончательного утверждения проектов. Для меня это предпочтительнее, чем множество созданных тобой управляющих комитетов. — Уилсон оттолкнулся от вспомогательной решетки в сторону кольца системы жизнеобеспечения. — Это обеспечивает целостную архитектуру проекта.

— Я не возражаю. Теперь это твоё шоу.

Они проплыли над рулевым отсеком. Панели стен и настила уже были установлены, четко обрисовывая внутреннее расположение.

— К концу следующего месяца начнется сборка корпуса, — сказал Уилсон.

— Значит, вы почти не отстаете от графика.

— Точно. Ты собрал отличную команду. И неограниченное финансирование тоже значительно ускоряет процесс.

— Я бы не сказал, что смета не ограничена, и, как я заметил, она постоянно растет.

— Это было неизбежно, но теперь уровень расходов должен приостановиться, поскольку мы окончательно определились с конструкцией. Мы уже начали модификацию центрального цилиндра, чтобы увеличить период наблюдения во время миссии. Обновленный комплект сенсоров проходит стадию первичного анализа, и вскоре будет объявлен тендер на его изготовление. И у нас уже имеются технические проекты дистанционных спутников-зондов третьего и четвертого класса. Их сборка будет проводиться на Высоком Ангеле компанией «Бэйфосс» — мы здесь только компетентные заказчики, а они эксперты. Они же поставляют большую часть спутников для геосъемки вашей исследовательской группе.

— Да, конечно.

Найджел снова посмотрел на сборочную платформу, где началась установка атмосферного процессора, еще обернутого в серебристую упаковочную пленку.

— Знаешь, старик, я еще не до конца осознал, насколько велик этот красавец. Надо подумать... Не знаю, может быть, надо было построить что-то не столь грандиозное?

— Одноместный космический корабль? — изумленно спросил Уилсон. Он махнул рукой в сторону цилиндра. — Ты сконструировал двигатель для гиперпространства. А я жил в домах меньшего размера, чем этот монстр.

— Да, да, понятно. Я должен вернуться к базовым принципам и еще раз все внимательно просмотреть.

— Можешь этим заняться, но я тебе говорю, что космический корабль размером с автомобиль никуда не годится. Если предстоит полет в неизведанное, я предпочитаю нечто большее и мощное.

— Эх, старик, Фрейд мог бы здорово с тобой повеселиться. Ну ладно, а как

продвигается отбор экипажа?

— Ох, парень!.. — При воспоминании о проблемах с экипажем Уилсон поморщился. — Фактический состав уже утвержден. Мы отобрали двести двадцать кандидатов, приступающих ко второй фазе тренировок на следующей неделе. Окончательный состав в пятьдесят человек будет известен за месяц до старта. С научным составом немного труднее; пока отобрано семьдесят человек, и люди Оскара пытаются разобраться с оставшимися заявками. Собеседования отнимают массу времени, а в Содружестве ужасно много высококвалифицированных специалистов, и по каждому приходится проводить оценочный и психологический анализ. Я бы хотел ограничиться тремя сотнями кандидатов, чтобы произвести окончательный отбор.

— Ага. — Найджел остановился над жилым кольцом, наблюдая за установкой очередной панели. — А ты не рассматривал кандидатуру доктора Боуза?

— Боуз? А, тот астроном, который наблюдал окутывание. Помню, Оскар говорил о его заявлении. У него наверняка найдется немало спонсоров. На что ты посоветуешь обратить внимание, если он пройдет первичное обследование?

— Нет, дело не в этом. В мой офис, как и в кабинет вице-президента, поступает множество вопросов о его участии в полете.

Уилсон сразу догадался, что Найджел говорил о вице-президенте ККТ.

— Ты имеешь в виду Элейн Дой?

— Да. Это создает некоторое неудобство. Каждый раз, когда информационные компании ставят сюжет об окутывании, они обращаются к Боузу, и это понятно. Проблема в том, что он охотно с ними сотрудничает. Со всеми. Когда он спит, я не знаю. Но в любом случае в глазах общественного мнения он тесно связан с этим проектом. И он этим пользуется.

— Постой, ты хочешь сказать, что мне придется взять его с собой?

— Я хочу сказать, что, если в твоем списке предусмотрен астроном, это не самый худший вариант. Для неизвестного профессора из захудалого мира он чертовски ловко занимается саморекламой.

— Я скажу Оскару, чтобы он обратил внимание на его личное дело, если тебя это так беспокоит.

— Отлично. И я надеюсь, в процессе отбора нет возрастной дискриминации?

— Что?

— То, что профессор, видимо, подошел к тому времени, когда требуется омоложение, вот и все.

— О господи!

* * *

Плантация, где жила Тара Дженнифер Шахиф, располагалась на другой стороне гор, поднимающихся за северной окраиной Дарклейк-сити. Поездка туда, хоть и по современному шоссе, заняла у машины, везущей Паулу и детектива Хоше Финна, добрых три часа. После поворота у развилки перед спуском в широкую долину началась местная дорога, не менее извилистая, чем основная магистраль. Склоны с обеих сторон были густо усажены кофейными кустами, и почти в каждом ряду можно было увидеть сельхозробота,

ухаживающего за зелеными растениями. Зато люди и строения в местном ландшафте встречались гораздо реже.

Наконец автомобиль свернул к широким входным воротам плантации, увенчанным белой каменной аркой. Длинная подъездная дорожка, усаженная вишнями, привела к невысокому белому зданию с ярко-красной черепичной крышей.

— Все соответствует традициям, — заметила Паула.

Хоше взглянул на арку.

— В этом мире часто можно встретить такие примеры. Мы склонны идеализировать прошлое. Предки большинства поселенцев достигли успеха еще до приезда сюда, а их потомки хранят свои традиции. Планета только выигрывает от этого.

— Если это работает, не пытайся улучшить.

— Верно.

Он ничем не показал, что понял ее ироничное замечание.

Машина остановилась на засыпанной гравием дорожке перед главным входом в дом. Паула, выбравшись наружу, окинула взглядом обширный классический парк. На эту огромную лужайку с окружающими ее деревьями было потрачено немало сил и времени.

Тара Дженнифер Шахиф встретила их на крытой галерее перед двойными дверями из акмового дерева. Рядом с ней, покровительственно обнимая ее за плечи, стоял ее муж, Мэтью де Савоэль. Паула заметила, что он старше жены на пару десятков лет; в густых темных волосах уже проглядывало серебро, и животик заметно выдавался вперед.

Машина уехала на стоянку, а Паула шагнула вперед.

— Спасибо, что согласились со мной встретиться, — сказала она.

— Все в порядке. — Тара немного нервно улыбнулась, затем кивнула детективу Финну. — Еще раз здравствуйте.

— Я надеюсь, вы не будете ее расстраивать, — заговорил Мэтью де Савоэль. — Моя жена вычеркнула из памяти тяжелое испытание оживления.

— Все в порядке, Мэтью, — повторила Тара, похлопав его по руке.

— Я не собираюсь намеренно причинять неудобства, — сказала Паула. — Но семья вашей жены выразила желание продолжить расследование.

Мэтью де Савоэль раздраженно хмыкнул и открыл дверь.

— Мне кажется, мы должны пригласить адвоката, — бросил он, провожая посетителей через прохладный холл.

— Это ваше право, — бесстрастно ответила Паула.

Если де Савоэль и думал, что его жена полностью оправилась, он глубоко ошибался. Никто, имея за спиной три жизни, не мог так нервничать, как нервничала Тара. По наблюдениям Паулы, каждый, кто погиб в результате преступления или несчастного случая, нуждался в длительном восстановлении, чтобы избавиться от душевной травмы после возрождения.

Они вошли в просторную гостиную с каменным полом; большую часть одной из стен занимал огромный камин с настоящими колосниками и лежащими на них бревнами. По стенам были развешаны охотничьи трофеи. Чучела инопланетных животных скалили зубы и показывали когти, демонстрируя предполагаемую жестокость.

— Ваши? — спросил Хоше.

— Все до одного, — с гордостью ответил Мэтью де Савоэль. — В горах и поныне много свирепых зверей.

— Никогда не видел такого огромного горалла, — признался Хоше, останавливаясь перед одной из голов.

— А я и не знала, что на Октиере имеются ружья и традиции охоты, — сказала Паула.

— В городах нет ничего подобного, — ответил де Савоэль. — Тех, кто обрабатывает землю, они считают варварами и думают, что мы охотимся ради развлечения. Никто из них здесь не жил, никто не знает, какой вред поселениям людей могут нанести гораллы и види. Есть даже несколько политических обществ, желающих ввести запрет на стрельбу за пределами культивируемых земель. Можно подумать, гораллы будут соблюдать границы. Именно из-за этих угнетающих споров я и отправился сюда.

— Значит, на этой планете достаточно легко приобрести ружья?

— Вовсе нет, — ответила Тара. Она устроила целый спектакль, устраиваясь на широком диване. — Вы не поверите, как трудно получить лицензию даже на охотничье оружие.

Паула выбрала место напротив Тары.

— А у вас когда-нибудь была лицензия?

— Нет.

Тара мягко улыбнулась, словно услышала не всем понятную шутку. Она достала сигарету из портсигара и поднесла ее к зажигалке, вмонтированной в его дно. По комнате поплыл сладковато-ментоловый аромат высококачественной генномодифицированной майаны.

— Вы не возражаете? Это помогает мне расслабиться.

Хоше Финн нахмурился, но ничего не сказал.

— У вас когда-нибудь имелось оружие? — спросила Паула.

Тара рассмеялась.

— Нет. А если бы и было, я не сохранила этого в памяти. Но думаю, это маловероятно. Оружью не место в цивилизованном обществе.

— Похвальное убеждение, — отметила Паула. Она никак не могла понять, действительно ли Тара настолько простодушна или хочет в это поверить после смерти. — Я бы хотела поговорить о Вайоби Котале.

— Пожалуйста. Только я уже говорила детективу Финну, что у меня остались о нем лишь двухнедельные воспоминания.

— У вас была с ним связь?

Тара глубоко затянулась, потом медленно выдохнула дым.

— Ну да. Господи, какое тело было у этого мальчика! Не думаю, что когда-нибудь о нем забуду.

— Следовательно, ваш брак с Мортонем близился к концу?

— Не совсем так. Мы все еще сохраняли хорошие отношения, но им недоставало свежести. Вам ведь известно, как это бывает.

В ее голосе прозвучала едва заметная насмешка.

— У вас были другие связи?

— Пару раз. Как я уже говорила, мне стало ясно, к чему приведет брак с Мортонем. Наша компания продолжала успешно развиваться и требовала от него все больше и больше внимания. Такие люди, как он, часто бывают одержимы не тем, чем надо. Некоторые из них.

Она с томным видом протянула руку де Савоэлю, и тот снисходительно коснулся губами бледных пальчиков.

— Мортону было известно о других мужчинах?

— Возможно. Но я относилась к нему с уважением; я никогда не демонстрировала свои связи открыто, и у нас не возникало споров по этому поводу.

— У Мортонна имелось оружие?

— Ой, не смешите меня. У нас был вполне благополучный союз.

— Но он себя исчерпал.

— И вскоре мы бы развелись. Это не редкость. При такой долгой жизни это должно было случиться рано или поздно.

— Было ли у него оружие?

— Нет.

— Хорошо. Почему вы выбрали Тампико?

— Это то место, где я подала заявление о разводе, не так ли? Ну, я не могу этого сказать. Я впервые услышала о нем сразу после оживления, когда страховые агенты начали расспрашивать о случившемся. До этого я и не знала о его существовании.

— Вы с Коталом купили туда билеты. Вы отправились туда вместе через четыре дня после загрузки воспоминаний в хранилище клиники Кирова. Почему вы с ним решили убежать?

— Я не знаю. Я помню, что мы познакомились на вечеринке и после этого встречались только ради секса; его энергия и энтузиазм, присущие только живущим впервые, меня забавляли. Он мне нравился, но не настолько, чтобы ради него отказаться от привычного образа жизни. Нам с Мортонном было совсем неплохо.

— Вы были не единственной, с кем встречался Котал.

— Вот как? Меня это почему-то не удивляет. Он был великолепен.

— Вы его не ревнуете?

— Скорее, чувствую легкое раздражение, но не более того.

— А у Вайоби было оружие?

— О... — Она жалобно взглянула на мужа. — Пожалуйста...

— Довольно, главный следователь, — надменно произнес де Савоэль. — Не стоит об этом. Вайоби Котал тоже был убит.

— Так ли это?

Он устало усмехнулся.

— Я искренне надеюсь на обратное, но, боюсь, это так. Этот разговор неприятен для моей жены, лишь недавно смилившейся с полной потерей тела.

— Я здесь именно по этой причине, — заметила Паула. — Хочу быть уверенной, что это не повторится.

— Повторится? — В голосе Тары зазвенела тревога. Она погасила сигарету. — Вы думаете, меня снова могут убить?

— Я не это хотела сказать. Было бы невероятно, если бы убийца сделал вторую попытку. Кроме того, вы прожили уже двадцать лет. Не стоит тревожиться по этому поводу. Значит, у Вайоби не было оружия?

— Нет. Ничего подобного я не помню.

— Вы упомянули о других связях. Вы встречались с кем-то в тот же период времени, что и с Коталом?

— Нет. Вайоби для меня было вполне достаточно.

— А как насчет врагов — ваших или Котала?

— Я, наверное, со многими поссорилась за сотню лет, но не думаю, чтобы размолвки

или перебранки стали поводом для убийства. А что касается Вайоби, то в его возрасте мало кто успеет нажить врагов, тем более таких, кто способен убить.

— Его вторая подружка могла сильно рассердиться.

— Возможно. — Тара вздрогнула. — Вы считаете, что так и было?

— Вряд ли. Если вас и Котала действительно убили, то это не было преступлением, совершенным в порыве страсти, — по крайней мере, не внезапным припадком гнева. По правде говоря, нам до сих пор неизвестно, где и когда вы были убиты. А подобная неопределенность возникает в результате тщательного планирования и подготовки. И вашему пребыванию на Тампико нет никаких доказательств, кроме билетов.

— А заявление о разводе, — возразил де Савоэль. — Оно же было составлено на Тампико. И все вещи Тары тоже были туда отосланы.

— Документы были составлены юридической фирмой Брехера, зарегистрированной на Тампико. Обычная передача информации. Теоретически заявление могло быть подано из любого места в пределах унисферы. А что касается ваших вещей, Тара, то они были отосланы в складское хранилище на Тампико, а впоследствии по вашей доверенности погружены на частный автомобиль. Страховая компания так и не смогла отыскать его следы. А еще меня заинтересовала ваша система сохранения воспоминаний. Их нет нигде, кроме клиники Кирова, — ни на Тампико, ни на любой другой планете Содружества, как выяснили следователи, — так что сотрудники Управления скоро начнут снова искать. А хранилище памяти должно было у вас быть — они есть у всех, и именно на такой случай, на случай оживления. Билет, ваши вещи, заявление о разводе — все свидетельствует о вашем намерении обосноваться на Тампико. Но, с моей точки зрения, отсутствие хранилища воспоминаний ставит под вопрос весь эпизод с переездом.

— Но зачем? — спросила Тара. — Какой смысл нас убивать? Что мы такого сделали?

— Не знаю. В последний раз вас видели живой во время ленча с Каролиной Тернер, в ресторане на набережной под названием «Низкая луна». Если вас тогда что-то и беспокоило, вы ей об этом не сказали. Более того, ваша подруга сказала, что вы вели себя как обычно.

— Мы были дружны с Каролиной, это я помню. Ей я могла бы рассказать и о Вайоби.

— Она говорит, что об этом вы не говорили, как и о намерении оставить Мортон и бежать с Вайоби. В таком случае, если вы внезапно не лишились рассудка и не убежали с Вайоби, приходится признать наличие связи с преступным миром.

— Это невозможно!

Паула предостерегающе покачала пальцем.

— Это не обязательно сознательное участие в преступлении. Логически этот случай можно объяснить тем, что вы увидели или узнали что-то, чего вам знать не следовало, это и послужило поводом для убийства. Проблема в том, чтобы установить место преступления. Если это произошло у вас дома, рамки расследований значительно сужаются. Мортон отсутствовал двое суток и, согласно графику, должен был оставаться на конференции еще четыре дня. Он утверждает, что вы перестали отвечать на звонки спустя два дня после ленча с Каролиной, в тот самый день, когда был приобретен билет до Тампико. Последнее обновление воспоминаний в клинике Кирова произошло в день отъезда Мортон. Следовательно, происшествие могло произойти только в эти четыре дня. Я склонна считать, что до вашей встречи с подругой ничего не происходило, так что у нас остается только два дня, сорок восемь часов.

— Согласно полицейским отчетам, весь тот месяц не было зарегистрировано ни одного

серьезного преступления, — сказал Хоше. — Да и весь год прошел на удивление спокойно.

— Значит, это были опытные преступники и умные, — ответила Паула. — Вы не смогли их обнаружить, а единственное свидетельство тому — нераскрытое возможное убийство. Но это дает нам не слишком много. Должна сказать, что, если Шахиф и Котал впутались в нечто скверное, у нас немного шансов выяснить, что произошло на самом деле. А это заставляет вернуться к Тампико. Вы могли наткнуться на что-то сразу после прибытия. Наши гипотетические преступники создают иллюзию вашей активности, забрав вещи и возбудив дело о разводе. Это могло бы объяснить отсутствие хранилища воспоминаний.

— Но что же это за преступники? — тревожно спросила Тара. — Что они могли такого сделать, что захотели убить меня и Вайоби?

— Это всего лишь теория, — поспешно заверила ее Паула. — Я не могу принять версию преступной деятельности в качестве основной, вероятность этого ничтожно мала, но игнорировать ее тоже нельзя. Существующая неопределенность оставляет меня в недоумении. Если причиной была не ваша личная жизнь, которая выглядит достаточно невинно, тогда в чем же дело?

Тара достала и зажгла еще одну сигарету.

— Это ведь вы всем известный детектив.

Она дрожащими пальцами поднесла сигарету ко рту и вдохнула наркотик. Мэтью де Савоэль крепко обнял жену и сердито посмотрел на Паулу.

— Вы получили свои ответы? — резко спросил он.

— Пока да, — спокойно ответила Паула.

— Найдите их! — воскликнула Тара, когда Паула и Хоше поднялись, чтобы уйти. — Прошу вас. Я должна знать. Все, что вы сказали... это ведь не несчастный случай, правда? Я говорила это себе и другим в течение двадцати лет; я рассказывала, что поддалась глупому романтическому порыву и убежала с Вайоби, потому что многократно повторенное становится почти реальным. Я как будто создавала свои воспоминания. Но я всегда знала, что все было не так.

— Я сделаю все, что смогу, — пообещала Паула.

— Куда теперь? — спросил Хоше, как только машина отъехала от уединенного особняка.

— К экс-мужу, Мортону.

Он украдкой покосился на нее.

— У тебя появилась идея?

— Это не было несчастным случаем. Я верю Таре. Она была слишком благоразумна, чтобы бежать с Вайоби. Он и так давал ей все, что она хотела от этой связи. Следовательно, Тампико — это обман, подстроенная ловушка, обеспечивающая алиби.

— Была благоразумной?

— Ты же видел, какая она сегодня.

— Да-да. Именно это вы имели в виду, говоря об изучении людей, да?

— Конечно. — Она отвернулась к окну, за которым не было видно ничего, кроме мелькания больших раскидистых деревьев, высаженных в качестве защиты от ветра хрупких кустов. — Преступления совершаются людьми, и в людях следует искать причины.

Для Паулы это было настолько очевидно, что она и не подумала пускаться в дальнейшие объяснения.

Ее родители, точнее, те, кого она ими в детстве считала, искренне верили в

возможность подавления наследственного фактора. В древнем споре между природой и воспитанием они приняли сторону воспитания, и в результате возник ультрасовременный орден, отчаянно желавший доказать всему Содружеству, что воспитание может стать главенствующим фактором, что predetermined судьбы не существует. По крайней мере, такой судьбы, какая была предназначена Пауле ее создателями.

Планета, где она появилась на свет, носила название Рай Хаксли, хотя в других мирах Содружества ее насмешливо окрестили Ульем. Открытый для людей в 2102 году мир был заселен и обеспечен средствами Фонда Структуры Человечества — странной организацией исследователей-генетиков и общественно-политических теоретиков. В отсутствие строгих ограничений, существующих на Земле, они стремились исследовать возможности генетического профилирования личности. Они верили в создание идеально стабильного общества под лозунгом «Каждому свое», что для остального человечества казалось несколько пугающим. Многие англосаксонские фамилии произошли от рода занятий или профессий, таких как кузнец, ткач или швец... Фонд поставил себе цель закрепить эту связь на уровне ДНК. Безусловно, профессия не могла быть определена однозначно, психонейронное профилирование обеспечивало лишь склонность личности к какому-либо роду занятий, а более простые физиологические модификации ее закрепляли. Врачам, например, гарантировали особую ловкость пальцев и особую остроту зрения, а сельхозрабочим и строителям — физическую силу, и так во всем спектре профессий. Для предотвращения случайных мутаций характерные особенности объединялись в группы и фиксировались. Строгий учет профилирования исключал также и смешение отдельных групп. Но термина «чистый» в пресс-релизах Фонда тщательно избегали.

В целом общество Содружества воспринимало этот принцип крайне отрицательно, и Рай Хаксли с самого начала стал почти отверженным штатом. В сенат даже поступали запросы о возможности военного или полицейского вторжения, что противоречило конституции, — Содружество с самого первого момента возникновения гарантировало каждой планете свободу в рамках общего правового поля. В итоге Фонд продолжал свое существование, поскольку юридически действовал в границах свободного и независимого мира.

После того как несколько громких и хорошо финансируемых судебных процессов против Фонда закончились ничем, давление средств массовой информации обрушилось на ККТ, побуждая руководство закрыть переход. Найджел Шелдон, хоть и против своей воли, отказался это сделать: стоило в результате общественной кампании закрыть один переход — и все остальные оказались бы уязвимыми для людей, несогласных с политикой, культурой или религией планеты. Связь с Ульем осталась, хотя этот мир никак не участвовал в экономической и финансовой деятельности Содружества. Фонд тихо, но с привлечением значительных научных ресурсов занялся строительством своего идеального общества. Многие люди отказывались признавать проигранными судебные процессы и право Фонда продолжать свою деятельность. Они заявляли о расширении значения прав человека и о необходимости немедленно освободить целый мир генетически модифицированных рабов.

Если к кому-то и можно было применить термин «либерал-экстремист», то это были Маркус и Ребекка Редхаунд. Будучи членами одного из Великих Семейств Земли, они были с радостью готовы как финансировать дело, так и принимать личное участие. Вместе с небольшой группой таких же убежденных единомышленников они планировали рейд против Улья, который, по их мнению, стал бы грандиозным событием и продемонстрировал бы

всему Содружеству заблуждения Фонда не только в политике, но и в направлении научных исследований.

После нескольких месяцев тайной подготовки девять новоявленных командос проникли в одну из родильных палат Фонда в столице Улья Фордсвилле. Они сумели похитить семь новорожденных младенцев и переправить их на станцию ККТ еще до того, как была поднята тревога. Трех младенцев следователи Управления по расследованию тяжких преступлений отыскивали по горячим следам, и они были возвращены в Рай Хаксли, в свои колыбельки. Группа похитителей больше всего рассчитывала на громкую огласку, но общественное мнение разделилось. Похищение детей, независимо от целей, вызывало в людях негодование.

При поимке детей было арестовано четверо членов группы. А затем Управление провело самое масштабное расследование со времени образования Содружества, чтобы отыскать еще четырех младенцев — одного мальчика и трех девочек. После пятнадцати месяцев напряженной работы при помощи РИ удалось выяснить местонахождение мальчика, увезенного в столицу приграничного мира Ферарра. Пять месяцев спустя в Эдембурге были обнаружены две девочки. Последний из похищенных детей и двое членов группы так и остались недостижимыми для следователей.

Маркус и Ребекка с одержимостью, присущей только истинно верующим, в течение двух лет втайне от остальной группы проводили собственные приготовления к похищению. Первым шагом к обеспечению прикрытия стало появление на свет их собственной дочери, Койи, которая должна была стать сестрой ребенку из Улья. Жертве психонейронного профилирования она подавала бы пример поведенческих рефлексов; кроме того, молодая семья с сестрами-близнецами привлекала бы меньше внимания. Маркус и Ребекка купили домик на Мариндре, в окрестностях небольшого аграрного центра, где вели торговлю продуктами из своего сада. Это было приятное для жизни местечко с устоявшейся общиной. Дети, подрастая, прекрасно приспосабливались к местным обычаям. Черты лица Паулы, выдававшие ее наполовину филиппинское происхождение, могли вызвать легкое недоумение, поскольку ее родители и сестра-близнец явно принадлежали к средиземноморской группе. Но они объясняли это генетической модификацией в честь далекого азиатского предка Ребекки. Кроме того, к тому времени исчезнувший ребенок из Улья перестал быть центром общественного внимания, и внешность Паулы уже не вызывала подозрений.

В детстве Паула мало чем отличалась от своей сестры. Они вместе играли, изводили своих родителей, любили купленного Маркусом щенка, отлично плавали и хорошо учились в школе. Только в подростковом возрасте Паула стала заметно более сдержанной, чем Койя; она слушалась родителей, никогда с ними не спорила и держалась подальше от любых неприятностей, возможных в их небольшом сельском сообществе. Все вокруг отмечали, что она стала прекрасной девочкой, примером для большей части ужасно воспитанных подростков, которые неминуемо приведут к гибели все человечество. К мальчикам Паула относилась с тем же пренебрежением и восхищением, что и ее ровесницы; она бегала на свидания, страдала от сердечной боли и унижения, будучи отвергнутой, и вымещала свою обиду на двух следующих поклонниках, отклоняя их ухаживания. Потом появился другой парень, который ей понравился, и она встречалась с ним целых пять месяцев. В спорте она достигла скорее средних, чем выдающихся успехов, а среди учебных дисциплин предпочитала языки и историю. Учителя отмечали ее превосходную память и

настойчивость, с которой она отыскивала мельчайшие факты, относившиеся к теме. Тесты на выявление способностей пророчили ей будущность выдающегося психолога.

Ребекка и Маркус, глядя на свою счастливую, нормальную приемную дочь в ее шестнадцатый день рождения, поняли, что добились успеха. Они поместили ребенка из Улья в нормальное окружение и вырастили прекрасную и здоровую личность. То, что можно проделать с одним, будет иметь успех и по отношению ко всем остальным. Власть Фонда над угнетенным населением может быть свергнута, его методы контроля должны быть признаны порочными. Добропорядочность и человеческое достоинство наконец-то восторжествуют.

Два дня спустя, приятным летним вечером, они позвали Паулу в сад и рассказали о ее истинном происхождении. Они даже тайком показали ей записи старых выпусков новостей, повествующих о похищении и последующем расследовании.

Направление профилирования похищенных младенцев Фонд никогда и никому не открывал. Что касается остальных детей, их специальности были обычными для Рая Хаксли: работники сферы обслуживания, инженеры и даже один архивист. Но Паула, к счастью — или к несчастью, — являлась исключением даже среди своих сородичей. Преступность на Рае Хаксли была достаточно низкой, что и естественно для общества, где каждый, как предполагалось, был доволен своей работой и жизнью. Но даже Фонд не мог утверждать, что общество этого мира стало идеальным. В полиции нуждалось любое человеческое общество. Зато Рай Хаксли мог похвастать тем фактом, что на десять тысяч жителей там имелся всего один офицер сил охраны правопорядка. Паула должна была стать одной из них.

Через два часа после радостного признания Маркус и Ребекка оказались под стражей. Паула сама их выдала. У нее не было выбора: понятие правильного и неправильного являлось стержнем ее личности, главным принципом ее сознания.

Последний из украденных в Улье детей стал величайшим взрывом, всколыхнувшим средства массовой информации за целое десятилетие. Молодая, красивая и пугающе неподкупная, Паула стала настоящим антиподом нормального шестнадцатилетнего подростка.

Благодаря безжалостным показаниям Паулы Маркус и Ребекка были приговорены к тридцатидвухлетнему отстранению от жизни — двойному сроку с момента совершения преступления, что обычно применялось к убийцам. Прямая трансляция из зала суда в унисфере дала возможность четверти представителей человеческой расы в молчаливом восхищении наблюдать, как Койя, лишившись самообладания, билась в истерике, а потом умоляла свою названую сестру отозвать обвинение. Молчаливый ответ Паулы — ее полный жалости взгляд, обращенный на рыдающую девушку, — заставил содрогнуться четверть населения Содружества.

После суда Паула вернулась на Рай Хаксли, в дом, которого никогда не знала. Там она выяснила свое настоящее имя и встретила с остальными похищенными детьми, с которыми у нее не было ничего общего. Там она чувствовала себя чужой еще сильнее, чем на Мариндре; на Рае Хаксли все были убеждены, что современное образование, полученное в Содружестве, вывело ее за рамки общества. Улей не признавал современных технологий; новые конформисты считали, что работу должны выполнять люди, а не машины. Паула же, привыкнув к домашним роботам и повсеместному доступу к унисфере, считала этот принцип глупым и провинциальным. Маркус и Ребекка достигли определенного успеха в формировании ее мышления, хотя и не могли знать об этом, поскольку к тому времени их

тела в коматозном состоянии были надежно упрятаны в резервуары Управления юстиции.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Паула покинула Рай Хаксли и, не привлекая излишнего внимания, приехала на Землю, где поступила на работу в межзвездное Управление по расследованию особо тяжких преступлений. В то время она и понятия не имела, как далеко странствовало ее заявление по цепочке государственных служащих, пока не было одобрено. Но оно было одобрено, и она — разумеется — скоро стала лучшим оперативником Управления, несмотря на одно громкое преступление 2243 года, до сих пор остававшееся нераскрытым.

Мортон занимал пентхаус в пятидесятиэтажном небоскребе Дарклейк-сити, расположенном позади «Лабук-Марины», совсем недалеко от того места, где в последний раз Каролина Тернер завтракала с Тарой. Паула отметила это совпадение, проезжая в машине по набережной. Автомобиль остановился в подземном гараже, откуда они с Финном на скоростном лифте поднялись на последний этаж. Мортон уже встречал их в вестибюле. Три года назад он прошел процедуру омоложения и теперь стал высоким привлекательным молодым человеком с густыми каштановыми волосами, стянутыми на затылке. Он великолепно выглядел в переливчатой желто-голубой рубашке и сшитых на заказ льняных брюках и прекрасно об этом знал. Во время знакомства и рукопожатий на его моложавом лице появилась широкая улыбка.

— Я рада, что вы согласились с нами встретиться, — сказала Паула.

По местному времени, всего на несколько часов опережавшему парижское, вечер еще только начинался.

— Это наименьшее, чем я мог помочь.

Мортон жестом указал на искусно сделанные двойные двери, приглашая детективов внутрь. Жилое пространство пентхауса, вероятно, было больше, чем весь особняк, в котором жила его бывшая жена. Они вошли в двухуровневую гостиную с окном во всю стену. В половине седьмого вечера медно-красное солнце уже опустилось вровень с небоскребом, и насыщенный теплый свет заливал весь пентхаус. Роскошная мебель и дорогие картины сияли в его лучах, впитывая свет. За широкими стеклянными дверями на крыше был устроен просторный сад, половину которого занимал плавательный бассейн. Поверх стального ограждения открывался великолепный вид на город и озеро.

Все трое устроились в роскошных креслах перед стеклянной стеной, и Мортон подал команду слегка затемнить стекла, уменьшив яркость освещения. Только тогда Паула заметила, что в бассейне плавает молодая женщина, легко преодолевая гладь энергичными свободными рывками. При помощи эл-дворецкого Паула вызвала личное дело Мортонна. На данный момент он не состоял в официальном браке, но после омоложения местные СМИ приписывали ему связи с несколькими женщинами. Его нынешней любовницей была Меллани Рескорай, девятнадцати лет первой жизни, член национальной сборной Октиера по прыжкам в воду. В новостях сообщалось, что родители Меллани категорически возражали против их связи, в ответ девушка покинула семейное гнездо и переселилась в пентхаус Мортонна.

— Хотите что-нибудь выпить? — спросил Мортон.

У его кресла появился дворецкий в традиционной черной паре. Паула взглянула на него с удивлением: настоящий живой слуга, а не домашний робот.

— Нет, спасибо, — ответила она.

Хоше просто покачал головой.

— Я, как обычно, выпью игристого джина, — сказал Мортон. — В конце концов, рабочий день уже закончился.

— Да, сэр.

Дворецкий слегка поклонился и направился к зеркальному бару.

— Насколько я понимаю, это вы известили полицию о происшествии, — начала разговор Паула.

— Верно. — Мортон небрежно откинулся на кожаную спинку кресла. — Я считал несколько странным, что Котала не оживили одновременно с Тарой. Как мне представляется, они умерли в одно и то же время, что вызывает некоторые подозрения, тем более что никто так и не выяснил, как погибла Тара. Меня удивляет, что больше никто не обратил внимания на это совпадение.

Его вежливая улыбка была обращена к Хоше.

— Разные страховые компании, разные клиники, — пояснил Хоше, словно оправдываясь. — Я уверен, Вайоби поднимет этот вопрос в нашем отделе, как только узнает о миссис Шахиф.

— Конечно.

— Итак, вам знакомо это имя? — спросила Паула.

— Да. Бог знает почему, я не редактировал память во время двух последних омоложений. Подсознательно, как мне кажется. Мы учимся на собственном опыте, и разумный человек не должен им пренебрегать.

— Сильно ли вас огорчило заявление о разводе, поданное Тарой?

— Меня потрясло ее исчезновение. Я никак этого не ожидал. Сейчас я понимаю, что слишком много сил и времени у меня занимала компания и наш брак длился уже довольно долго. Я полагаю, развод был неизбежен. Но вот так сбежать, никого не предупредив, — это совсем не похоже на Тару. По крайней мере, на ту Тару, какой я ее знал. Но я справился с этим точно так же, как делают большинство мужчин: развлекался с легкодоступными женщинами и с головой ушел в работу. После этого сам факт развода стал незначительным — просто подписанный документ, загруженный в файл личного дела.

— И вы не заметили никаких намеков на то, что она собирается от вас уйти?

— Нет, будь я проклят! Я беспокоился, не обнаружив ее дома по возвращении. Она и так не отвечала на мои звонки два дня, но тогда я решил, что Тара рассердилась на мое затянувшееся отсутствие. А вернувшись домой, я обнаружил, что нет ни ее, ни всех ее вещей. Вот это намек, не так ли?

Дворецкий снова подошел к его креслу и поставил на стоящий рядом столик хрустальный стакан с искрящимся напитком.

— Что-нибудь еще, сэр?

— Пока все.

Мортон жестом отослал слугу.

— Вы получили какое-нибудь сообщение? — спросила Паула.

— Абсолютно ничего. Первой и единственной весточкой от нее было заявление о разводе, появившееся только через две недели.

— Документы были направлены вам юридической фирмой. Значит, вы больше никогда не общались с Тарой лично?

— Нет. После ее исчезновения не общался.

— Откуда вам известно имя Вайоби Котала?

— Оно было указано в документах о разводе.

— Тара указала его?

— Да. Он был указан неустранимой причиной.

— Я бы хотела получить копию, если вы не возражаете.

— Конечно.

Он дал команду эл-дворецкому подготовить копии документов и переслать Пауле.

— Я должна знать еще кое-что: вы получили от развода какую-то выгоду?

Мортон искренне рассмеялся.

— Конечно, я же избавился от нее!

Не переставая усмехаться, он отпил глоток джина.

— Это не совсем то, что я имела в виду.

— Да-да, я понимаю. — Он сцепил руки за головой и уставился в потолок. — Давайте посмотрим. Большой выгоды быть и не могло. Мы оба прошли через развод без особых финансовых потерь. Это являлось частью нашего добрачного контракта — все делится пополам. И это было достаточно справедливо. В то время Тара была богаче, чем я, и ее доля в первоначальном капитале компании была больше. Это ни для кого не секрет. Но именно я управлял делами и двигал компанию вперед. После развода капитал разделили строго по контракту, каждый получил половину.

— Насколько ее доля была больше вашей?

— Ее вклад составлял шестьдесят пять процентов. Ради этого я бы не пошел на убийство.

— Да, конечно. Кому теперь принадлежит компания?

— В некотором роде я стал ее владельцем. «Аквастейт» теперь является одним из наших дочерних предприятий.

Паула сверилась со своими данными.

— Понятно. Вы стали председателем правления «Ганзы констракшн».

— Верно. Через шесть месяцев после нашего выхода на рынок в «Аквастейт» поступило предложение от «Ганзы». Я выторговал себе удвоенное количество акций, место в правлении и право на сделки с опционом на будущее. Сорок лет упорной работы, и вот результат. Мы стали крупнейшей на планете фирмой, занимающейся гражданским строительством. Вы заказываете — мы строим для вас. Кроме того, у нас есть несколько филиалов на других планетах. Еще немного — и мы можем соперничать с межзвездными гигантами.

— По моей информации, компания, которой вы с Тарой владели, в течение трех лет после развода не проводила торгов акциями.

— Нет. Тара, вернее, ее адвокаты согласились, что мы оба выиграем, если немного подождем, пока наш бизнес не вырастет настолько, чтобы приносить прибыль, и тогда поднимется цена акций. Когда «Аквастейт» вышла на рынок, ее акционерный капитал был зарегистрирован банком Тампико, а затем, после продажи компании, переведен в «Ганзу». Мне не стоило бы этого вам говорить, но... После возрождения Тара продала большую часть акций. Она тратит чертову уйму денег, поддерживая этого идиота-аристократа, за которого вышла замуж, и его плантацию.

— Спасибо, но не думаю, что это имеет отношение к нашему расследованию. Меня больше интересует то, что происходило с ее активами в течение семнадцати лет до возрождения Тары. Они так и оставались в банке Тампико?

— Насколько мне известно, да. Я знаю, что они были проданы недавно, поскольку являюсь председателем правления и могу отслеживать смену владельцев пакетов акций. Она избавляется от них с завидной регулярностью — примерно на два миллиона долларов Октиера в год.

Паула повернулась к Хоше:

— Надо связаться с банком Тампико и выяснить, что произошло за эти семнадцать лет, кроме выплаты дивидендов.

— Обязательно.

Меллани Рескорай выбралась из бассейна и, стоя на фоне акварельно-розового неба, стала энергично вытираться. Паула не могла не признать привлекательности девушки, а Мортон уставился на нее голодным взглядом.

— Как насчет врагов? — спросила Паула. — У Тары они были?

— Нет. — Мортон все еще не сводил глаз со своей подружки. — То есть я сомневаюсь в этом, я не помню точно, поскольку избавился от большей части тех воспоминаний, оставив только общие сведения.

— А у вас? У вас тогда были враги?

— Я бы так не сказал. Соперники в бизнесе, конечно, имелись. Их и сейчас более чем достаточно. Но ни одна сделка не стоит того, чтобы решиться на убийство. Тем более в то время.

— Только в то время?

— Да и сейчас тоже, — с усмешкой ответил Мортон.

— Вы встречались с Тарой после ее возрождения?

— Да. Страховые агенты и полицейские задавали мне точно те же вопросы, что и вы. Я зашел проведать ее после выхода из клиники, просто в память о прошлых временах. Я не держу обиды, и мы все-таки провели вместе тринадцать лет. Мы и сейчас время от времени встречаемся на приемах или каких-нибудь торжествах. Хотя после ее замужества это случается все реже и реже. С последнего своего омоложения я ее не видел.

— У вас с Тарой не было детей, не так ли?

Мортон переключил свое внимание на гостиную.

— Не было.

— Почему? Как вы сами сказали, вы прожили вместе тринадцать лет.

— Мы решили, что не хотим потомства; это было специально отмечено в добрачном соглашении. Мы оба очень занятые люди. Тот стиль жизни, которого мы тогда придерживались, не оставлял свободного времени для семьи.

— Хорошо, у меня еще один вопрос, возможно бесполезный, учитывая два ваших омоложения. Не припомните ли вы каких-то происшествий, предшествующих исчезновению Тары?

— Простите, ничего. Если что-то и было, это осталось в воспоминаниях, от которых я давно избавился.

— Примерно так я и думала. Еще раз спасибо, что согласились на этот разговор.

Мортон поднялся, чтобы проводить главного следователя. Проходя через вестибюль, он осмелился окинуть взглядом ее фигуру. Облегающий деловой костюм очень выгодно обрисовывал ее бедра. Он несколько раз следил за ее выступлениями в унисфере, но сейчас ее физическая привлекательность после омоложения оказалась для Мортонa сюрпризом. Интересно, не собирается ли она сегодня ночью посетить «Молчаливый мир»? Если да, то

Мортону хотелось, чтобы это оказалось тем же заведением, в котором бывал и он.

Он проводил посетителей и вернулся в сад на крыше. Меллани встретила его бесхитростной счастливой улыбкой, говорящей о беспредельной преданности.

— Значит, ее все-таки убили? — спросила девушка.

— Они и сами этого еще не знают.

Она обвила руками его шею и прижалась еще влажным телом.

— Какое тебе до этого дело? С тех пор прошла целая вечность.

— Сорок лет. И меня бы очень встревожило, если бы это случилось с тобой.

Ее губы сердито выпятились.

— Не говори так.

— Дело в том, что ответственность за преступление не уменьшается со временем, особенно в наши дни.

— Ладно. — Она пожала плечами, а потом снова улыбнулась. — Я не сбегу от тебя, как она. Никогда.

— Рад это слышать.

Он слегка наклонился и стал страстно ее целовать, на что она, как обычно, ответила с таким же энтузиазмом. Как легко было воспользоваться ее юношеской беспечностью. Особенно человеку его возраста и с его опытом. Она никогда раньше не видела никого, кто был бы так учтив, самоуверен и богат, как он. Она ни с кем не встречалась, кроме хорошеньких мальчиков, живущих первой жизнью. Вырваться из ограниченности среднего класса ей самой не хватило бы смелости, но с его уговорами и поддержкой она скоро отведала вкус запретных плодов. Публичность их отношений, ссора с родителями — все это играло ему на руку. Как все впервые живущие, она стремилась познать все, что могла предложить жизнь, и произошло чудо — в ее жизни появился он, готовый ее направлять и оплачивать все капризы. После долгих лет нравочений и ограничений она внезапно поднялась на высший уровень, где все казалось доступным. Ответом на освобождение стала такая предсказуемая сверхпреданность.

Меллани была далеко не самой красивой из девушек, побывавших в его постели. В этом ей мешал излишне выдающийся подбородок и довольно широкий нос. Но при таком длинном и широкоплечем теле, натренированном в национальной федерации плавания до пика формы, она приносила наибольшее удовлетворение. Хотя, по правде сказать, больше всего его возбуждал ее возраст, и этого он не мог ожидать ни от одной из партнерш по «Молчаливому миру». Даже в этом либерально настроенном обществе соблазнение впервые живущей человеком, прошедшим омоложение, считалось на грани дозволенного. Но это лишь усиливало его влечение. А он мог позволить себе игнорировать неодобрение окружающих.

Да, теперь он принадлежал к миру богатых и могущественных людей, поднявшихся над повседневной рутинной морали. И в личной, и в профессиональной жизни. Если он хотел чего-нибудь, он это получал. Построенная им империя позволяла ему процветать. По сравнению с его первым заурядным столетием жить он начал только сейчас.

— Иди и переоденься, — сказал он спустя некоторое время. Его эл-дворецкий тотчас вызвал костюмера и визажиста, чтобы помочь девушке подготовиться. — Ресал ждет нас на яхте через час. Я не хочу слишком опаздывать: там будут люди, с которыми мне необходимо сегодня поговорить.

Костюмер и визажист, встав у дверей, терпеливо ждали: две женщины средних лет,

знавшие вкусы Мортонна, возможно, лучше, чем он сам. Костюмер следила еще и за его гардеробом.

— Это ведь не только деловая встреча, да? — спросила Меллани.

— Конечно нет, там будет много интересных людей. Твоего возраста и старше, чем я. А теперь иди, нам скоро уходить.

— Да, Морти.

Меллани заметила стоявших у входа женщин и снова повернулась к Мортону.

— Что ты посоветуешь мне надеть?

— Как всегда: то, что больше всего тебе идет. — Перед его виртуальным взглядом появилась вереница платьев, купленных для нее костюмером. — Вот то белое с золотом, что доставили тебе в среду. Оно довольно миленькое.

Она энергично кивнула:

— Хорошо.

Меллани еще раз обняла его, словно ребенок, ищущий поддержки у родителя.

— Морти, я люблю тебя, правда люблю. Ты ведь это знаешь?

Ее взгляд метался по его лицу, отыскивая малейший признак подтверждения.

— Я знаю.

Такое откровенное проявление преклонения, возможно, вызвало бы укол вины в его прежней, более ранней сущности. Эта связь продлится недолго. Это он тоже знал, хотя она сама не сможет о чем-то догадаться. Через год или около того другая красotka привлечет его внимание — и его снова охватит сладкий азарт погони. Меллани придется уйти, заливаясь слезами. Но до тех пор...

Он легонько шлепнул ее по ягодицам, поторапливая вернуться в пентхаус. Меллани в притворном приступе ярости взвизгнула и бросилась к дверям. Обе женщины последовали за ней.

Эл-дворецкий представил Мортону список незавершенных дел. Он просмотрел список и немного задержался, чтобы сделать комментарии — запросить добавочную информацию или отметить к исполнению. Все шло как обычно: независимо от сложности программы самоуправления, используемой компанией, главные решения всегда принимались людьми. СИ помогал избавиться от целого уровня администраторов среднего звена, но ему не доставало творческого подхода, присущего настоящему лидеру.

Наконец Мортон покончил с делами, и дворецкий принес ему еще порцию игристого джина. Облокотившись на стальные перила балкона, он прихлебывал напиток и смотрел на город, освещенный лучами заходящего солнца. Мысленно он выделял целые сектора и кварталы, построенные «Ганзой». Коммунальное обслуживание там взяли на себя дочерние предприятия фирмы, имеющие государственные лицензии, и это было его нововведением. Его внимание привлекали и другие районы. Старые плантации и фруктовые сады, ставшие теперь окраиной города, а также мозаика зеленых участков, покрывающая подножия гор. Архитекторы «Ганзы» уже разработали проекты небольших красивых зданий, которые прекрасно впишутся в эти мини-долины. Эти дорогие первоклассные дома предназначались для растущего слоя богачей Октиера, а фермеров уже начали соблазнять финансовыми предложениями и льготами.

В быстро темнеющем небе уже замерцали звезды. Если все пойдет по плану, его влияние скоро распространится и на них, значительно увеличив число субконтрактов, которое сейчас обеспечивают инопланетные филиалы. Он уже сумел взять под свой

контроль правление, а расширение бизнеса и стабильный рост стоимости акций обеспечили ему почти монаршую власть. Против его плана экспансии никто не посмеет возразить. Он видел перед собой ошеломляющие своим размахом возможности. Создание целых городских инфраструктур. Узловые миры для третьей зоны космоса, которые со временем станут конкурировать с Большой Дюжиной. Сейчас самое время жить.

Он снова опустил взгляд и посмотрел на линию крыш. Внимание привлекла старая, среднего размера башня. В ее апартаментах они с Тарой прожили большую часть своей совместной жизни. Прежде он и не подозревал, что может увидеть ее со своего балкона. С такого расстояния невозможно было рассмотреть детали — сгустившийся сумрак превратил здание в темную глыбу с параллельными рядами освещенных окон. Глядя на башню, он сделал еще глоток джина. Внутреннее устройство апартаментов не сохранилось в его памяти. Через шесть лет после развода, отправляясь в клинику для омоложения, он удалил из хранилища памяти все, кроме основных деталей. Теперь та жизнь превратилась в серию записок, она казалась не реальной, не прожитой им. И все же... Двадцать лет назад, когда он узнал о возрождении Тары, что-то в нем шевельнулось. В нарушение всех своих привычек он все же навестил ее. Он не смог узнать жену в этой женщине с расстроенными нервами и новым клонированным телом и, уж конечно, не испытал к ней никакого влечения. Он объяснил это перенесенным потрясением и психологической травмой из-за смерти.

Затем его эл-дворецкий, отслеживавший всю информацию, касающуюся Тары, предоставил ему новости о Котале, просочившиеся в информационные каналы унисферы. Мортон бросил работу в офисе — неслыханное событие — и некоторое время размышлял о странном совпадении. Затем его служащие сделали несколько запросов, в результате чего он обратился в полицию. Расплывчатость и отсутствие конечного результата в последующем отчете о ходе дела вызвали в нем негодование. Но он не стал поднимать шума, чтобы не вызвать неудобных комментариев, а вместо этого поговорил с одним из старших членов семейства Шахиф.

Передача расследования такому известному следователю, как Паула Мио, стала для него полной неожиданностью. Но неожиданностью приятной: если кто-то и мог выяснить, что произошло на самом деле, то только она. Потом перед его мысленным взглядом снова возникло упругое тело детектива, и он стал прикидывать вероятность посещения ею «Молчаливого мира».

— Морти!

Он обернулся. Костюмер и визажист в очередной раз проявили свое волшебство. Меллани стояла на пороге гостиной, и свет играл на ее золотисто-каштановых волосах, выпрямленных и ниспадающих вдоль спины, а скудные элементы одежды щедро открывали юную загорелую плоть. При мысли о новых непристойностях, которым он научит девушку этой ночью, все беспокойство о Таре и Котале мгновенно испарилось.

— Как я выгляжу?

— Потрясающе.

Ранним утром Оскар Монро и Гилберт Макклейн сели на Аншане в экспресс проходивший через Сент-Линкольн и Землю-Лондон, и оказались на Керенске. Здешняя станция ККТ обслуживала переход к Высокому Ангелу, но поезда через него не ходили. Монро и Гилберт, выйдя из экспресса, вернулись по платформе к главному зданию вокзала. Переходу в транзитный сектор Высокого Ангела предшествовала целая вереница процедур, обеспечивающих безопасность. Сначала операторы ККТ провели глубокое сканирование их тел и багажа, после чего передали в отдел дипломатической полиции Содружества, где были тщательно изучены все детали их визита. Высокий Ангел был единственным местом, куда не был гарантирован свободный доступ всем гражданам Содружества. Мало того что дипломатическая полиция внимательно изучала личные дела в поисках малейших намеков на связь с преступным миром, копии отсылались и Высокому Ангелу, который мог наложить вето на посещение без объяснения причин.

Оскар с замиранием сердца ждал, пока офицер полиции изучал идентификационный файл, извлеченный из памяти его эл-дворецкого, а затем проводил ДНК-сканирование, чтобы убедиться в соответствии личности и документа. Он никогда раньше не был на Высоком Ангеле и не мог исключить вероятности отказа в посещении, да еще и с указанием причины.

— Ты бывал здесь раньше? — спросил он у Мака, стараясь продемонстрировать свою невозмутимость в присутствии полицейского.

— Это уже пятое посещение, — ответил Макклейн. — Передовые группы тренируются здесь в условиях невесомости, чтобы быть готовыми к любой неожиданности в космосе.

— Черт побери, я столько лет там проработал, но не знал об этом.

Макклейн усмехнулся приятелю. Они десять лет прослужили в разведочном отряде на Мерредине и хорошо изучили друг друга. При такой напряженной работе между людьми должно быть полное взаимопонимание, в противном случае кому-то пришлось бы уйти. В этом подразделении субординация была номинальным понятием, надо было просто доверять людям, выполняющим свою работу.

— Вот здорово! Я рисковал жизнью, а непосредственный начальник и понятия не имел о том, что происходит.

— Я же увидел, как приближается тот монстр, верно?

— Джентльмены, — обратился к ним полицейский, — вы можете пройти.

Они вышли в транзитный зал, где стюард выдал каждому комбинезон из легкой воздухопроницаемой ткани с липучками на бахилах и нарукавниках.

— Это все для челнока, — пояснил он. — Наденьте комбинезоны поверх вашей одежды, и ничего не потеряется. И прошу вас не забыть шлемы. Условия безопасности запрещают нам стартовать, пока все пассажиры их не наденут.

Еще несколько человек, бывших в зале, уже натягивали белые комбинезоны, энергично работая плечами. Те, у кого были длинные волосы, стягивали их в пучок и завязывали ленточками, полученными у стюардов. Мак подтолкнул Оскара.

— Это не Паула Мио там стоит?

Оскар проследил за его взглядом. Молодая на вид женщина завязывала лентой прямые черные волосы. Рядом стоял ее спутник — тучный мужчина, едва натянувший на себя

комбинезон.

— Возможно. Она, вероятно, недавно прошла омоложение. Я помню, как шесть или семь лет назад следил за делом Шайони, торговца оружием, который снабжал кинетикой повстанцев Свободного Штата Дакра. Она четверо суток ждала в доме, пока они появятся. Вот это, я понимаю, целеустремленность.

— Моя жена изучала ее дела, когда училась в академии, поэтому я ее запомнил. Я уверен, что это она.

— Интересно, за кем она теперь гоняется?

— Знаешь, надо бы ввести ее в наш экипаж.

Оскар удивленно моргнул.

— В качестве кого? Или ты думаешь, что мы во время путешествия начнем убивать друг друга?

— Если провести год в компании твоих болванов, это вполне вероятно. Нет, но она умеет решать головоломки, на это настроен весь ее мозг. Эта способность могла бы нам пригодиться.

— Головоломки бывают разные, и нам придется столкнуться с другими проблемами. — Оскар похлопал Мака по плечу. — Старайся хорошенько, и ты когда-нибудь войдешь в командный состав.

— Раньше, чем ты, парень.

— Правильно. А кстати, что думает твоя жена по поводу отсутствия мужа в течение целого года?

— Энджи? Она отнеслась к этому довольно равнодушно. Мы уже говорили о том, чтобы расстаться, но это самый пессимистичный вариант. Просто посмотрим, что будет дальше. Если она найдет кого-нибудь, пока меня не будет, ну и ладно. Наш контракт это допускает.

— Хороший контракт.

— Да. А как насчет тебя? Как ты собираешься справляться целый год? Присмотрел кого-нибудь среди рекрутов?

— Даже и не думал об этом. У меня достаточно ОС-татуировок для ВСО самого высокого разрешения, так что я буду проводить время в гареме прекрасно сформированных пикселей.

Мак уныло покачал головой.

— Братец, тебе надо почаще выходить в люди.

Стюард собрал группу из пяти человек, куда вошла и Паула Мио с Хоше Финном, и повел их в дальний конец зала, где находился выход для отбывающих пассажиров. Липучки на подошвах громко шелкали, пытаюсь закрепить ноги на гладком полу. Затем каждому подали защитный шлем, и стюард проследил, чтобы все их надели.

— Вы знакомы с невесомостью? — спросил стюард.

— Уже знаком, — проворчал Оскар.

Шлем был точно таким же, как и те, которыми они пользовались на Аншане. Оскар до сих пор ненавидел посещения сборочной платформы, но Уилсон искренне верил в пользу непосредственного руководства — вероятно, в память о времени в НАСА. С тех пор как Оскар приступил к работе на комплексе, не проходило и недели без инспекционного осмотра корабля.

— Непосредственный переход отмечен черной окантовкой, — пояснил стюард, указывая рукой в конец коридора. — После него вы сразу окажетесь в невесомости.

Убедительная просьба для плавного передвижения пользоваться липучками и избегать свободного парения. Ваш челнок стоит в пятом доке. А теперь прошу следовать за мной.

Перед черной чертой он нагнулся и прикоснулся липучкой нарукавника к стене. Затем он легко подтянулся, пересек линию — и его ноги повисли в воздухе. Оскар недовольно поморщился и последовал за ним.

Через пять метров коридор вывел их в полукруглый зал диаметром примерно пятьдесят метров. В нем не было окон, а только пять равномерно расположенных по окружности шлюзов. Пятый шлюз был открыт. Стюард ловко скользил вдоль изгибающейся поверхности, цепляясь то руками, то ногами, словно гигантское насекомое. У двери шлюза он остановился, готовый прийти на помощь пассажирам при посадке в челнок.

Маленькое суденышко оказалось простой трубой, около десяти метров длиной и с двойным рядом сидений. Оскар втянул себя внутрь и посмотрел вверх. Над головой, где в самолете располагается фюзеляж, были врезаны пять иллюминаторов. Но в них ничего не было видно, кроме изогнутой стены порта отправления.

На борту оказалось всего пятнадцать пассажиров. Стюард прошел вдоль кресел, проверяя, все ли сели, после чего створки шлюза сомкнулись.

— Высокий Ангел не позволяет ККТ установить внутри него переход, — сказал стюард. — Поэтому мы находимся примерно в пятидесяти километрах от него. Вся поездка займет около пятнадцати минут. Если у кого-то есть проблемы со здоровьем, прошу известить меня сейчас. У нас имеются сильные успокаивающие средства. Сейчас прошу вас ознакомиться с гигиенической трубкой в спинке стоящего впереди кресла.

Оскар с отвращением посмотрел на гибкий шланг с одноразовым наконечником. Все же это прогресс по сравнению с гигиеническими пакетами, которые он таскал с собой во время посещений сборочной платформы.

Челнок слегка вздрогнул, освобождаясь от захватов, затем ракеты на химическом топливе вывели его из дока. Несколько секунд свободного дрейфа — и другие, более мощные двигатели начали разгонять челнок. По мере удаления от порта в иллюминаторах появлялось все больше деталей конструкции, и через минуту Оскар уже мог рассмотреть весь пункт перехода: сооружение напоминало ему кварцевую гроздь — длинные шестигранные башни, поднимающиеся из единого диска, и еще две трубы из обода диска, соответствующие портам прибытия и вылета. На концах шестигранных труб стояли гигантские шлюзы, куда буксиры доставляли самые различные грузы: опечатанные контейнеры с готовыми спутниками, сложнейшие полупроводниковые устройства, компаундные материалы, кристаллы и биологические препараты, производимые только в условиях почти полной невесомости. Те же буксиры загружали в шлюзах доставляемые через переход продовольствие и другие предметы потребления, чтобы отвезти их к Высокому Ангелу.

Скоро в иллюминаторе появилась и остальная часть архипелага. В свободном полете парили более сотни предприятий, начиная с крошечных независимых исследовательских капсул, едва превышающих своими размерами челнок, и кончая гигантскими производственными центрами корпораций, километровыми сетями с модулями в каждом узле, мерцающими, словно драгоценные камни. Челнок немного изменил курс, и в поле зрения появился газовый гигант Икаланайз, доминирующий в звездном пространстве. С этой точки орбиты он представал колоссальным полумесяцем, испещренным темно-оранжевыми и белыми полосами облачности с соприкасающимися между собой неровными краями.

Казалось, будто два цвета запустили друг в друга когти. На экваторе, недалеко друг от друга, виднелись два темных пятна, обозначающие прохождение двух из тридцати восьми имеющихся у гиганта спутников.

Спустя десять минут челнок еще раз повернул, выравнивая курс перед включением двигателей для снижения. Перед Оскаром появился Высокий Ангел.

В 2163 году разведывательная экспедиция, открывшая эту звездную систему, не обнаружила ни одной планеты, пригодной для жизни людей, и руководитель центра полетов уже был готов закрыть червоточину и двигаться дальше, как вдруг со стороны Икаланайза поступил мощный регулярный микроволновой сигнал. Источник был определен на высоте в полмиллиона километров над насыщенной серой атмосферой, и туда для подробного осмотра был перемещен переход. Поверхностный осмотр привел в недоумение; телескоп был нацелен на темный каменный осколок длиной шестьдесят три километра и шириной двадцать километров. Но от него исходили лепестки жемчужно-белого света — словно крылья ангела. С более близкого расстояния и после дополнительной фокусировки оказалось, что на скале были расположены двенадцать гигантских искусственных кристаллических куполов, установленных на концах длинных металлических стержней. Не все своды были прозрачными и освещенными. В пяти из них были видны города чужаков. Улицы освещали рубиновые, бирюзовые и изумрудные светильники, тогда как тысячи окон странных архитектурных сооружений в виде башен, арок, конусов и сфер сияли спектрами незнакомых солнц.

Оказалось, что они обнаружили космический корабль, живого гиганта, способного передвигаться со сверхсветовой скоростью. Подобный тип жизни был непонятен людям: то ли машина поднялась до уровня сознания, то ли рожденное космосом живое существо, эволюционировавшее или технически модифицированное до его нынешнего состояния. Высокий Ангел никогда не распространялся относительно своего происхождения. Он лишь сообщил, что предоставляет жилое пространство для представителей различных рас, обитающих на планетах, с целью их изучения. Он «отдыхал» на орбите вокруг Икаланайза, но как долго длился этот отдых, тоже не сообщалось. После непродолжительных переговоров по радиоканалу Высокий Ангел согласился открыть для людей три (пустующих на тот момент) из его куполов для использования в качестве городов-общежитий астроинженерных компаний. Двумя основными пунктами в соглашении сторон была возможность запрета со стороны Высокого Ангела на посещение и поселение отдельных лиц и его обязательство заранее проинформировать новых поселенцев о намерении снова отправиться в путь... когда бы это ни случилось.

Их челнок прошел под обширным основанием купола Нью-Глазго и вдоль клиновидного стержня спустился еще ниже. Космопорт был расположен чуть выше точки, где свинцово-серый стержень уходил в каменную внешнюю оболочку космического корабля, и представлял собой плотное ожерелье доков и шлюзов, охватывающее основание купола. У нескольких шлюзов уже стояли челноки, а кое-где виднелись разгружающиеся буксировщики.

— Спасибо, что вы выбрали для полета нашу компанию, — сказал стюард. — Не забывайте, пожалуйста, что вы останетесь в невесомости до того момента, когда лифт начнет движение.

Оскар дождался, пока выйдут впереди сидящие пассажиры, и только тогда отстегнул ремни. Коридор за пределами шлюза не произвел на него впечатления: широкая серебристая

труба, слегка изгибающаяся вниз, в глубину стержня, в ней не было ничего экзотического. Он направился к двери лифта, расположенной в противоположной стене. Как и все остальные пассажиры, для передвижения Оскар цеплялся за пол липучками подошв. За мгновение до закрытия двери он заметил, что Паула Мио и ее спутник скользнули мимо лифта, направляясь дальше по коридору.

Лифт начал подниматься внутри стержня, и сила тяжести немного увеличилась. Оскар решил, что это происходит за счет ускорения. Но лифт остановился, и он обнаружил, что сила тяжести соответствует нормальной земной гравитации. Как это получалось, Высокий Ангел никогда не объяснял, как не объяснял и своих других технических способностей вроде используемого им источника энергии, принципа сверхсветового двигателя, способа защиты от ударов космических частиц или состава массы, из которой строились купола.

Их лифт, как и девять других, открыл двери в просторном зале прибытия. Оскар и Мак, сняв комбинезоны, бросили их в корзину и с нетерпением зашагали к выходу. Транзитный сектор находился в центре круглого парка Нью-Глазго. В зеленой зоне шириной в пять километров так густо росли деревья, что парк вполне можно было назвать лесом. За деревьями начинались небоскребы, различные по форме и структуре, как и на любой авеню Нью-Йорка. Но, в отличие от земного города, между ними петляли тонкие рельсы эстакады, по которым между установленными пунктами на значительной скорости проносились персональные гондолы. День был в самом разгаре, и ставший полупрозрачным купол над городом пропускал равномерный белый свет, близкий по своему спектру к свету Солнца. В приятно теплом воздухе чувствовалась летняя влажность.

Оскар на мгновение замер, задрал голову и обводя взглядом окрестности.

— Должен признать, это производит сильное впечатление. У «Второго шанса» есть определенные перспективы, а?

— Это разные вещи. — Мак пожал плечами. — Мы построили переходы и обширную сеть ККТ, до любой планеты можно легко добраться. Если бы триста лет назад мы стали строить космические корабли, думаю, мы бы странствовали по Галактике на чем-то вроде этого.

Оскар перевел взгляд на своего приятеля.

— Ты и сам поражен не меньше меня, — заявил он.

— Признаю, это грандиозное сооружение, но оно не вызывает у меня комплекса неполноценности.

— Ладно-ладно. И как мы попадем к мадам председателю?

Мак показал на зеленую рощу. От транзитного сектора расходились узкие тропинки, исчезающие за деревьями. Где-то недалеко журчал ручей, а между толстыми стволами поблескивала водная гладь озера. Метров через пятьдесят тропинка вывела их к невысокой белой колонне, у которой стояли три персональные гондолы.

— Они привезут нас к ней, — сказал Мак.

Гондолы оказались простыми полупрозрачными сферами на плоском основании. Дверями служили овальные отверстия с обеих сторон, защищенные прозрачным полем. Мак скользнул внутрь и уселся на скамью. Оскар последовал за ним. Изнутри сквозь стены гондолы все было видно. Силовое поле на дверях замерцало и сомкнулось.

— К приемной председателя, пожалуйста, — произнес Мак.

Гондола несколько метров пролетела над самой землей, а затем тропинка увела их в тоннель, куда они и нырнули. Тоннель оказался неосвещенным, хотя в самой гондоле по-

прежнему было светло.

— Ого! — выдохнул Оскар. Его руки автоматически вцепились в поручни гондолы, хотя ощущения движения по тоннелю не было. — Наверное, какая-то система подавления инерции.

— Перестань анализировать. Просто наслаждайся. Особенно этим моментом.

— Каким... О черт!

Гондола вертикально вылетела из тоннеля и помчалась по одной из ниток скайвея. В первый момент могло показаться, что скорость превышает скорость звука. Совершенно не ощущая ускорения, они пронеслись мимо одного из небоскребов — высокого узкого конуса из голубоватой стали, увенчанного красным шаром, а потом повернули по плавной дуге. Навстречу им мчалась другая гондола. Оскар с трудом удержался, чтобы не зажмуриться, когда она промелькнула мимо. Только после этого его сердце стало биться немного медленнее и он смог получить хоть какое-то удовольствие от поездки. К этому времени они уже поднялись достаточно высоко, чтобы иметь возможность окинуть взглядом все пространство под куполом. Городские кварталы чередовались с обширными парками, а силуэты зданий представляли великолепное зрелище.

— Ночью здесь еще лучше, — сказал Мак. — Купол становится совсем прозрачным, и наверху можно увидеть Икаланайз. Вот тогда точно понимаешь, что находишься в чужом мире.

На следующей развязке скайвея они развернулись и спустились к зданию, имевшему вид серебряной раковины. Гондола скользнула в вестибюль восемнадцатого этажа и остановилась у белого столба, где уже стояли несколько таких же машин.

— Ну как, лучше, чем твой «мерс»? — спросил Мак, выбираясь из гондолы.

Оскар состроил гримасу.

— Просто другой.

Их уже поджидала одна из сотрудниц штаба председателя — Суулина Депфор, молодая на вид женщина в дорогом деловом костюме.

— Добро пожаловать в городской совет, джентльмены, — приветствовала она их. — Мисс Галл ждет вас.

Она провела их прямо в кабинет председателя Ассоциации резидентов человечества. Эта огромная овальная комната, вероятно, располагалась внутри самого большого центрального гребня здания. Вместо потолка здесь был конический выступ из витражного стекла, струящегося всеми возможными цветами. В помещении имелся только один предмет мебели — стол у противоположной от входа стены, что придавало комнате сходство со старинным тронным залом. Оскар мгновенно вспомнил, что Тонья Галл уже больше ста лет была председателем Ассоциации. Из известных истории монархов так долго не правил никто.

Председательница поднялась им навстречу. Высокая женщина с иссиня-черной кожей, одетая в традиционный африканский костюм. До следующего омоложения ей оставалось меньше десяти лет, и ее лицо приобрело выражение уверенного достоинства. В черной шапке коротко подстриженных волос уже мелькали седые пряди. То, что она не позаботилась их скрыть или закрасить, свидетельствовало об абсолютной уверенности в себе. Не зря она проходила через все выборы с подавляющим большинством голосов. Немногочисленные критики и оппоненты утверждали, что никто просто не хочет сменить ее на этом посту, а должность председателя стала номинальной, поскольку Высокий Ангел

безупречно выполняет все свои обязательства. Но это было явной недооценкой ее деятельности. Пребывание людей на Высоком Ангеле началось с простых и удобных общежитий для служащих аэрокосмических компаний; теперь же три купола — Нью-Глазго, Звезда Москвы и Кракокол — стали домом для населения в пятнадцать миллионов человек. Еще два купола — Окленд и Бабуянский Атолл, о которых она договорилась с Высоким Ангелом, были почти окончательно выращены и готовы для заселения. Парящие снаружи лаборатории производили небольшую, но весьма важную часть высокотехнологичных систем для Содружества. По любым меркам история отношений с Высоким Ангелом была историей значительного успеха, и Тонья Галл, приехавшая сюда по контракту в качестве техника с первой волной резидентов, стала одновременно воплощением и создателем этой истории. Кроме того, у нее за плечами был один из самых продолжительных сроков службы на руководящей должности, и в политических кругах недавно стали появляться слухи о ее участии в президентских выборах.

Оскар пожал протянутую председателем руку, ощущая прохладную сухую кожу.

— Благодарю за ваше согласие на эту встречу, мэ.м.

— Я не сразу решила согласиться, — ответила Тонья Галл. В ее голосе не было и намека на юмор или доброжелательность. — Вместе с остальными резидентами я чувствую себя оскорбленной из-за решения Найджела Шелдона строить корабль где-то в другом месте.

Оскар ощутил, как напряглось его лицо, он даже не осмелился оглянуться на Мака.

— Я уверен, он и в мыслях не желал оскорбить вас, мэ.м.

— В таком случае почему бы не построить корабль здесь? — искренне удивилась она. — У нас имеется полный спектр производственных мощностей вкупе с огромным научным потенциалом. Стройка на Аншане, без сомнения, значительно увеличивает стоимость проекта. Почему он так поступил?

— Аншан расположен ближе к Паре Дайсона...

— Ха! — Она пренебрежительно взмахнула рукой. — Можно подумать, несколько дней полета имеют большое значение. А может, он намерен соперничать с нами в области космической инженерии?

— Могу вас заверить, мэ.м, что на Аншане будет построен только этот космический корабль. Там нет промышленных объектов с условиями невесомости. А с Высокого Ангела мы импортируем множество самых различных компонентов.

— Хм. Пока меня удовлетворит это объяснение, но лично от меня можете передать мистеру Шелдону, что я очень недовольна его решением. И в следующий раз, когда ему потребуется поддержка при голосовании в сенате, путь на нас не рассчитывает.

— Я ему передам, — удрученно ответил Оскар.

— Итак, что вас сюда привело?

— Мы бы хотели спросить Высокого Ангела, что ему известно о Паре Дайсона. Любая информация, даже самая незначительная, была бы для нас полезной.

— Но мы поддерживаем связь с унисферой, или вам это неизвестно?

Оскар не ответил на ее испытующий взгляд.

— В таких критических случаях мой непосредственный начальник предпочитает информацию, полученную из первых рук, а Ассоциация резидентов имеет постоянный доступ к контрольной системе Высокого Ангела.

— Ему об этом ничего не известно.

— Мы бы хотели лично в этом убедиться.

Ее губы сжались в сдержанной улыбке.

— Говорите, из первых рук, джентльмены? Хорошо. — Она показала рукой на арочное окно позади стола. — Вы видели все эти купола по пути сюда?

— Да, видели большинство из них.

— В одном из куполов живут райели. Нам это известно лишь потому, что они допускают контакт с людьми. Что касается восьми других куполов, никто не знает, кто там обитает. В трех из них имеются города или подобные им структуры; по ночам они освещаются, но никакого движения рассмотреть невозможно. Один купол заполнен каким-то туманом, и люди утверждают, что видели внутри огоньки и тени, но доказательств этому нет. Один купол постоянно остается темным, но испускает сильное излучение в инфракрасном спектре, что говорит о высокой, по сравнению с заселенными людьми планетами, температуре. Другой купол все время освещен, но его поверхность остается матовой. И последний меняет освещенность согласно тридцатисемичасовому циклу, но тоже непрозрачен. Как вы понимаете, джентльмены, за два проведенных здесь столетия мы даже не смогли познакомиться с соседями. Сохранение личной тайны для Высокого Ангела превыше всего. А вы являетесь сюда, чтобы расспрашивать о расе, намеренно закрывшей себя от всей остальной Галактики.

— Я признаю, что шансов на успех у нас немного, — сказал Оскар. — Но вы должны понимать, что мы можем хотя бы попытаться.

— Я понимаю ваши мотивы, хотя и не одобряю их. Мы обязаны заботиться о нашем собственном положении здесь, и эту цель я ставлю во главу угла. Тем не менее вы можете воспользоваться прямым каналом связи с нашим хозяином.

— Благодарю вас, мэ.м.

Они направились к выходу из кабинета вслед за Суулиной Депфор, звонко цокавшей своими каблучками по полированному полу. Оскар до самой двери ощущал на себе взгляд председателя. Двери за ними закрылись, и они переглянулись. Мак надул щеки.

— Иисусе, какая крутая тетка! — проворчал он.

При этих словах Суулина Депфор обернулась и приподняла бровь. Лицо Мака тотчас залилось пунцовой краской.

— Разговоры по официальному каналу проходят здесь, — сказала Суулина Депфор.

Справа от вестибюля она показала им комнату без окон, предназначенную для переговоров. Это помещение, в отличие от кабинета председателя Ассоциации, особым размахом не отличалось. Внутри стоял простой овальный стол и шесть черных кожаных кресел с высокими спинками.

— Просто говорите, — сказала она. — Высокий Ангел вас слышит.

После этих слов она закрыла за собой дверь.

— Похоже, две крутые тетки, — буркнул Мак, усаживаясь в конце стола.

Оскар бросил на него предостерегающий взгляд.

— Здравствуйте?

Гладкая стена в дальнем конце комнаты стала голубой, затем прояснилась, и в ней отразилась часть конференц-зала. За столом в кресле сидел мужчина в черном джемпере и темных брюках. На широком лице просвечивала двухдневная щетина, а волосы надо лбом начали заметно редеть. Этот облик должен был внушать уверенность — вроде старшего руководителя, которому можно доверять.

— Здравствуйте.

— Вы и есть Высокий Ангел? — спросил Мак.

Мужчина пожал плечами.

— Насколько я понимаю, этот образ близок вашей расе. Показывать изображение моего корпуса и жилого отсека было бы, по-моему, несколько претенциозно.

— Мы благодарны за ваше внимание.

— После встречи с нашим дорогим председателем это наименьшее, что я могу для вас сделать. Да, Мак, вы были правы, она действительно крутая тетка. Я думаю, именно поэтому люди и голосуют за нее — кто осмелится голосовать против? Но она, безусловно, отлично справляется со своей работой.

— Вы слышали, что мы здесь говорили?

— Внутри себя я слышу все, что мне захочется. Как я говорил лидерам Содружества с самого начала, я здесь для того, чтобы собирать информацию о различных расах, а сделать это можно лишь посредством наблюдения.

— Я понимаю, что это не относится к нашей теме, но почему вы собираете информацию?

— А почему вы тратите так много времени на споры о сексе, политике и религии? Мы такие, какие есть, независимо от внешнего вида, природы и размеров. Моя главная задача — сбор сведений о различных расах, я исследователь и антрополог. Я не могу себе представить, чтобы заниматься чем-то еще.

— Ну хорошо, — дружески произнес Мак. — А для кого вы собираете информацию?

— Я так давно этим занимаюсь, что уже не могу вспомнить точно. Но это может быть ложью, а на самом деле я мог бы собирать информацию об этой Галактике и ее обороноспособности для флотилии боевых кораблей, угрожающих из Туманности Андромеды. Настанет день, и я встречусь со своими сородичами посреди разрушающейся Вселенной, чтобы нести семена новой эволюции в другую, нарождающуюся Вселенную. Или я остаюсь на своей олимпийской орбите, чтобы наблюдать за живущими на планетах ради собственного развлечения. Мотив вы можете выбрать сами, джентльмены, в этом ваша раса намного обошла все другие народы.

— Почему чужаки предпочитают оставаться под покровом таинственности?

— Надеюсь, вы не ставите меня в один ряд с силфенами? Это очень просто. Как я сказал, объяснение заключается в моей деятельности. Полагаю, я получаю удовольствие от встреч с вами и полученных от вас знаний. Я сожалею, что взамен даю слишком мало информации, но такова моя природа. Возможно, в один из дней я решу, как поступить с накопленными знаниями, решу трансформироваться или переместиться. Но на данный момент я весьма далек от точки насыщения и мое любопытство относительно этой Вселенной не иссякло.

— А это любопытство никогда не приводило вас к Паре Дайсона? — спросил Оскар.

— Нет, боюсь, что нет. Наш председатель была с вами искренна. У меня нет информации ни по одной из этих звезд.

— Но неужели вам не интересно? Ведь расы, способные возвести такой барьер, наверняка достойны изучения.

Высокий Ангел широко усмехнулся.

— Если они закрылись барьером, как же я смогу их изучать? Но, да, вы правы, они могли бы стать весьма интересным объектом в моей маленькой коллекции. Однако я лишь недавно встретился с вами.

— Согласен, — сказал Мак. — Но разве вам не интересна причина сооружения барьеров?

— Конечно, интересна. И опять я должен заметить, что ничем не могу вам помочь. Причина мне неизвестна, и я никогда не бывал в том секторе космоса.

— А как насчет наблюдений? Не было ли у вас ощущения разгорающегося конфликта еще до появления барьеров?

— Нет, не было. Насколько я знаю, та область космоса ничем не примечательна. И там не происходило никаких неестественных изменений на звездном уровне. Ни одна звезда не погасла, не появилось ничего нового, и я не заметил, чтобы какая-то из планет была уничтожена.

— А что вы можете сказать насчет общей идеи? Вы и сами говорите, что довольно давно занимаетесь этой деятельностью. Не встречались ли вам другие случаи, когда для защиты звезды требовался барьер? Есть ли в Галактике расы, которые решились бы атаковать звезду или уничтожить населенную планету?

— Намерения и способности — это не одно и то же. В вашей истории есть немало людей, которые без каких-либо угрызений совести сеяли смерть и разрушения; будь у них возможность уничтожить звезду, они могли бы ею воспользоваться. А в вашем прошлом я видел народы, возводившие жестоких тиранов в сан святых. Хотя, чтобы достичь технического уровня, при котором уничтожение солнца было бы достижимым, общество должно быть относительно стабильным.

— Некоторые из величайших достижений были сделаны именно в период военных конфликтов, — заметил Мак.

— Согласен, человечество больше, чем иные расы, способно совершать скачки в развитии перед лицом угрозы, — ответил Высокий Ангел. — Но между созданием новых видов оружия и разработкой фундаментальных теорий существует огромная разница. Истинный научный прогресс — явление достаточно медленное, и лишь в стабильном обществе мыслители и теоретики могут рассчитывать на поддержку на протяжении многих поколений. В процессе эволюции расы, способные вырваться за пределы своей планеты, обычно имеют биологический или общественный механизм подавления первобытной жестокости. Есть, конечно, немало исключений и личностей, опровергающих это ограничение. А может быть и так, что не слишком высокоразвитое общество обладает артефактом или знанием, оставленным более цивилизованной расой. Но применить такое объяснение к обществу, способному угрожать уничтожением звезде, вряд ли целесообразно.

— Но почему возник барьер?

— Я действительно не знаю, — сказал Высокий Ангел. — Но мой опыт и накопленные знания подсказывают, что на девяносто девять процентов это не защита от агрессии.

— Одного процента достаточно, чтобы вас уничтожить, — пробормотал Оскар.

— Это верно. Но в пределах тысяч и даже десятков тысяч световых лет я не знаю ни одной расы, способной на подобные акты агрессии. Может, я и ошибаюсь, поскольку не могу считать себя непогрешимым. Ведь даже мегавспышка, уничтожившая большую часть жизни на Дальней, могла быть примером подобной воинственности. Но это выходит за рамки поведения большинства цивилизаций и рас. Тем не менее я веду самое тщательное наблюдение за космосом на расстоянии многих парсеков. Если там возникнет подобная угроза, значит, она способна скрыться от моих органов чувств. И я признаю, что это предположение меня тревожит.

— Или угроза настолько велика, что беспокоиться уже не о чем, — добавил Мак.

— Такая точка зрения свойственна только людям, — заметил Высокий Ангел. — Я не могу ее разделить. Но, согласно вашим понятиям, меня можно было бы считать трусом.

— И поэтому вы не посещали Пару Дайсона?

— Вернее сказать, с такого расстояния наблюдать намного удобнее. Я любопытен и потому в данный момент, больше чем когда-либо, хотел бы вам помочь.

Оскар провел рукой по волосам.

— Спасибо и на этом. Если вы заметите нечто интересное...

— Я обязательно вас проинформирую. И прошу вас, не стесняйтесь и в дальнейшем обращаться ко мне, если возникнут еще вопросы. В будущем я подключусь к связи с кем-нибудь из вас непосредственно через унисферу.

* * *

И Паула, и Хоше во время поездки на экспрессе до Керенска молча сидели в креслах первого класса и изучали материалы дела. Диаграммы, отчеты, финансовые графики — все это непрестанно мелькало в их виртуальном поле зрения. Неиссякаемый поток информации в конце концов утомил даже Паулу.

Но вот в полете на челноке на Высоком Ангеле они оба отвлеклись от дела. Вид из окна настолько увлек Хоше, что он стал запрашивать у эл-дворецкого подробное описание. После приземления у основания стержня под куполом Нью-Глазго, когда остальные пассажиры устремились к лифту, Паула через своего эл-дворецкого обратилась за инструкциями к внутренней информационной сети Высокого Ангела. Получив вспомогательную программу, она прошла по извилистому коридору к двери небольшой кабины лифта.

— Ты отыскал в файлах дела что-нибудь важное? — спросила она, как только двери за ними закрылись и лифт пришел в движение.

Хоше подозрительно осмотрелся.

— А здесь можно говорить?

— Да. Высокому Ангелу известно обо всем, что происходит внутри. И я уже ввела его в курс дела.

— Ого! Хорошо. Национальная налоговая инспекция Тампико выдала полезную информацию. После размещения акций, принадлежащая Таре половина компании была сдана ее адвокатами на депозит в Первом государственном банке Тампико. Спустя восемь месяцев, когда Мортон согласился на слияние, капитал был переведен в акции «Ганзы». Все как обычно. Затем они оставались там вплоть до оживления Тары, после чего она снова перевела их на свой счет на Октиере.

— А что с дивидендами?

— Сделка с «Ганзой» оказалась удачной. Дивиденды выплачивались каждые четыре месяца, а цена акций выросла в двенадцать раз — Мортон отлично управляет компанией. Деньги поступали прямо в банк, на долгосрочный инвестиционный счет, что за семнадцать лет дало значительную сумму, хотя процент был ниже, чем в большинстве фондов. Денег никто не снимал, они оставались без движения и накапливались для Тары. Каждый год банк выплачивал определенный процент налогов. Длительный промежуток времени никого не заинтересовал; по-видимому, у них немало счетов, которые никто не трогает целыми

столетиями.

— У нее был текущий счет в Первом государственном банке?

— Нет.

— И за пределами Октиера нет никаких свидетельств открытия счета на имя Вайоби Котала? Если они какое-то время жили на Тампико, им требовались деньги. Их можно было бы отследить.

— Все кредитные переводы Тары с Октиера прекратились после итогового баланса, а это произошло через три недели после ее предполагаемого отъезда на Тампико. Последний платеж был осуществлен в адрес адвокатской конторы, занимающейся ее разводом; это было за неделю до выплаты итогового баланса. На этом все заканчивается. Адвокаты переслали документы Мортону через две недели после ее отъезда. Спустя три года банк изменил статус ее счета с текущего на законсервированный. Это стандартная процедура, когда счетом не пользуются в течение определенного промежутка времени, что не дает возможности не слишком честным служащим потихоньку списывать деньги со счета в свой карман, пользуясь отсутствием клиента. Для возобновления счета после оживления ей пришлось посетить банк с постановлением суда, подтверждающим ее личность.

— Какие платежи зафиксированы на ее счете за две недели до оплаты услуг адвокатов?

— Ни единого. Предыдущий платеж был сделан в кафе во время ленча с Каролиной Тернер. Между ними никаких расходов.

— Нам известно, где она находилась во время проведения расчетов с адвокатами?

— Нет. Просто в пределах досягаемости унисферы.

— Выходит, ни личных контактов, ни документальных подтверждений, — пробормотала Паула.

— Банки будут клясться в суде, что для совершения операций клиент должен быть жив, но это не соответствует истине. Из-за кредитных хакеров банки ежегодно теряют миллиарды долларов. Единственный безопасный кредитный счет имелся в банке РИ; и ей приходилось видеть рапорты о самых продвинутых хакерах, которые сумели взломать и его, хотя это требовало клеточного трансформирования и досконального знания образа жизни жертвы. А код доступа, каким бы сложным он ни являлся, при наличии времени и ресурсов можно было скопировать и дублировать.

— А как насчет Вайоби Котала, он тратил деньги на Тампико?

— Нет, я проверял его счет. Та же самая история, что и с Тарой. После их исчезновения ни одной покупки. Его банк изменил статус счета двумя годами позже.

— Кто оплачивал билеты до Тампико?

— В кассу вносили наличные, но билеты зарегистрированы на имя Тары.

— Как я полагаю, проверить, были ли они использованы, невозможно?

— Нет. ККТ не хранит информацию такого рода.

— У них на каждой станции имеются сенсоры и камеры.

— Но записи не сохраняются четыре десятка лет, это стоило бы целое состояние. Они хранят их пару лет — в лучшем случае; да и то срок разный для каждой станции.

— А что с наличными? Кто-то из них перед отъездом с Октиера снимал со счета значительную сумму?

— Нет. Никто из них за этот период не снимал со счета наличные. Так что, если у одного из них не было где-то секретного счета, трудно поверить, что они были живы даже в первые две недели после исчезновения.

— Хм. — Паула подняла руку, чтобы стабилизировать свое положение нарукавником, поскольку лифт изменил направление. Она знала, что в данный момент их везут внутри корпуса гигантского корабля к куполу, где проживают райели. — Она могла продать что-то из своих драгоценностей и жить на вырученные деньги. Но зачем? Чем подробнее мы изучаем их поездку на Тампико, тем меньше в нее верится.

— Я с самого начала не верил в бегство.

— Я тоже. Но мы должны быть уверены, Хоше.

— Безусловно.

— В моем Управлении не смогли обнаружить тайное хранилище памяти, открытое Тарой. Я полагаю, это можно считать официальным фактом. Она была убита, и Котал, вероятно, тоже. Теперь нам необходимо найти мотив, а это самая запутанная часть дела. Скорее всего, дело не в финансах.

— Мог быть убийцей Мортон или Филиппа Йо?

— Преступление в порыве страсти? Полагаю, мы должны это учитывать.

— Но?..

— Но я склонна думать, что Шахиф и Котал ввязались в какую-то криминальную историю. Оплата адвокатов двумя неделями позже это подтверждает, поскольку кто-то явно хотел убедить, что они живы, и таким образом обеспечить себе алиби. Если это так, нам вряд ли удастся что-то отыскать.

— Тогда почему мы здесь?

— Процесс исключения. Я хочу досконально изучить личную жизнь Тары Шахиф. Всю.

Ее пальцы сжали небольшую сумочку. Она понимала, что Хоше серьезно сомневается в ее теории, но, как хороший полицейский, не позволяет себе критиковать босса. Пока не позволяет.

Лифт поднялся по стержню купола райелей, и сила тяжести тотчас заявила о себе, достигнув восьмидесяти процентов земного стандарта.

Хоше потребовалось некоторое время, чтобы собраться с мыслями. Он никогда раньше не встречался с чужаками, хотя жена постоянно толковала о посещении сильфенов. И это отклонение от повседневной жизни тоже было частью работы с Паулой Мио. Как только стало известно о ее участии в расследовании этого дела, он всеми правдами и неправдами убедил капитана участка направить в помощники именно его. Участие в успешном расследовании само по себе полезно, но, кроме этого, он искренне хотел увидеть, как она работает. И еще имелась небольшая вероятность заручиться ее поддержкой для перевода в Управление по расследованию особо тяжких преступлений. Хоше ни с кем не делился планами насчет своей карьеры, но к этому моменту идея прочно засела у него в мозгу.

За открывшейся дверью лифта он ощутил некоторое разочарование. Вместо экзотического мегаполиса чужаков он увидел сумрачный переход с гладкими матовыми металлическими стенами, поднимавшимися метров на тридцать. Над ними виднелся прозрачный купол, пропускающий внутрь тускло-янтарный свет Икаланайза. Под ногами вдоль всего прохода, словно освещенные свечами рубины, мерцали маленькие красные огоньки. Абсолютная тишина производила гнетущее впечатление.

— Возможно, днем все это выглядит лучше, — решил он.

— Сейчас и есть день, — официальным тоном сказала Паула и зашагала по переходу.

По меньшей мере дважды Хоше мог поклясться, что над стенами пролетело что-то огромное. Возможно, это был просто невидимый поток воздуха, а может, игра света. Всякий

раз, когда он поднимал голову, он видел над стенами только полосу прозрачного покрытия кристалла.

— Тебе известно, куда мы идем? — спросил он.

— Более или менее. Геометрия города каждый раз слегка изменяется, здания и улицы постоянно поворачиваются, но делают это медленно. Не беспокойся, Высокий Ангел не допустит, чтобы мы забрели туда, где нам быть не положено.

На пересечении переходов она помедлила. Поперечный проход был немного шире предыдущего, и на полу горели зеленые огоньки. По проходу навстречу им двигался райель. При тусклом освещении трудно было разобрать что-то, кроме приближающейся огромной темной громады, и от этого чужак казался еще более страшным. Взрослый райель по величине превосходил слона, но на этом сходство заканчивалось. С точки зрения Хоше, передняя часть туловища напоминала лежащего на боку осьминога. Огромную голову-луковицу окружало целое ожерелье гибких конечностей, сильно отличающихся от пары тех, что росли внизу, видимо предназначенных эволюцией для тяжелой работы. Длиной около четырех метров, в основании они были толще человеческого тела, а заканчивались плоскими лопастями, мелкие манипуляторы постоянно находились в движении, словно растревоженное гнездо боа-констрикторов.

На пересечении переходов на Хоше одновременно уставилось пять выпуклых глаз, расположенных на боку головы. Он опустил взгляд и увидел, что из живота торчит два ряда по восемь толстых коротких ног. Эти конечности не имели ни коленей, ни лодыжек, гладкие цилиндрические выросты просто попарно поднимались и опускались, позволяя райелю двигаться вперед, плавно переваливаясь с боку на бок. На серой шкуре, покрытой коротким стоячим мехом, Хоше заметил коричневые кольца. За ожерельем щупалец вниз свисали несколько небольших наростов, словно плоть заплели в дреды. Судя по тому, как солидно качались утолщения на их концах, они были очень тяжелыми и явно представляли собой технологические устройства, а не естественные наросты.

— Вот это да! — пробурчал он, провожая взглядом удаляющегося гиганта.

Задняя часть туловища заканчивалась свисающим конусом, хвоста у райеля не было.

— Внешность у них довольно впечатляющая, — сказала Паула, сворачивая в проход с зелеными огоньками. — Немало здешних резидентов убеждены, что именно они и создали Высокого Ангела. Учитывая уровень их развития, это вполне правдоподобно.

— А ты в это веришь?

Впервые за все время работы над этим делом Паула позволила себе слегка улыбнуться.

— Я верю, что это не имеет большого значения. Но, к твоему сведению, это маловероятно.

— Почему?

— Потому что они так же равнодушны к людям, как и сильфены. Имей в виду, это не относится к данному случаю, а вообще райели смотрят на нас сверху вниз в силу своего интеллектуального превосходства. Я не думаю, что такая замкнутая раса стала бы строить нечто ради миссии Высокого Ангела. Кватукс однажды сказал мне, что они изучают физическую динамику Вселенной, а не существующие в ней цивилизации. С их точки зрения, жизнь — это всего лишь химическая случайность. Вся жизнь — включая и их собственную расу. Мне кажется, они согласились сотрудничать с Содружеством единственно ради доступа к нашей базе данных в области астрофизики. За эти годы они внесли значительный вклад в технологию сенсоров.

Они шли еще минут пять, но за исключением цвета огоньков на полу, менявшихся на каждом перекрестке, вид стен оставался неизменным. Хоше понимал, что в куполе где-то должны стоять высокие здания, но из переходов ничего не было видно. Не надо было сильно напрягать воображение, чтобы представить себя лабораторной мышью, мечущейся по лабиринту.

В конце концов Паула остановилась перед секцией стены, ничем не отличающейся от остальных; цепочка огоньков у стыка с полом на этот раз была пурпурно-фиолетовой. Еще через мгновение стена перед ней разошлась, образовав проход, достаточно широкий для райеля. За ней открылось просторное сферическое помещение, пол в котором светился бледным изумрудным сиянием.

В нескольких метрах за дверью их ожидал райель. Паула, остановившись перед ним, слегка поклонилась:

— Здравствуй, Кватукс. Спасибо, что согласился с нами встретиться.

Голова райеля приподнялась, демонстрируя влажные морщинистые складки бледной кожи, образующие ротовое отверстие. Несколько складок подтянулись вверх, и за ними показалась глубокая глотка, носовые каналы и даже острые коричневые клыки.

— Паула. — Его голос прошелестел мягким шепотом, сопровождавшимся шорохом воздуха расслабленных мышц. — Ты принесла?

— Да.

Она открыла сумочку и вытащила цилиндр с кристаллом памяти величиной с кулак.

При виде его по телу райеля прошла дрожь. Глаза Хоше давно привыкли к тусклому свету, и он сразу заметил неважное физическое состояние райеля. Шкура на его туловище натянулась так, что стали видны контуры пластинчатого скелета. Одно из щупалец постоянно дрожало, и райель старался держать его свернутым в кольцо, но широкий кончик все время вываливался. Все его глаза слезились и беспорядочно моргали.

— Она длинная?

— Тара Дженнифер Шахиф прожила около сотни лет. Ты справишься с таким объемом воспоминаний?

Одно из средних щупалец вытянулось по направлению к Пауле, и кончик замер над кристаллом.

— Да. Почти наверняка. Я смогу это сделать.

— Я говорю серьезно. — Паула хлопнула по кончику щупальца, и райель быстро отдернул его. — Я должна знать, возможно ли это. Раньше ты никогда не брал больше двадцати лет.

— Да. Да. Просто для впитывания всей информации потребуется больше времени, вот и все.

— Хорошо. Я ищу того, кто мог бы затаить зло. Того, кто появляется, а затем исчезает из ее жизни. Эти воспоминания могут быть стерты, так что поищи недостающие сегменты, где нарушается последовательность. Я хочу, чтобы ты обратил внимание как на деловые стычки, так и на личные. Возможно, это всего лишь короткая встреча или жестокий спор. Какая-нибудь причина для недовольства, ладно?

Щупальце снова медленно выдвинулось вперед.

— Этих людей и события я для тебя найду.

— Я на это надеюсь.

Она покачала на ладони цилиндр, словно взвешивая его, всем своим видом выражая

нерешительность. Затем все же подняла руку и шлепнула кристаллом в свернутый кончик щупальца. Кватукс быстро втянул конечность.

— Не затягивай надолго, — предупредила она.

— Неделя. Самое большее. Я извещу тебя. Обещаю.

Стена снова разошлась, выпуская их в коридор.

— Вот как? — воскликнул Хоше. — Мы так просто оставили ее воспоминания Кватуксу?

— Ты же слышал. Кватукс вызовет меня, когда закончит.

— Черт, я думал... — Хоше понизил голос. — Я думал, мы передадим кристалл представителям власти, в какую-то криминалистическую лабораторию. Я думал, это будет оформлено официально!

— Чего ты хотел? Чтобы мэр или президент выдали нам предписание с собственной подписью? Высокий Ангел позволил нам прилететь, и город райелей нас принял. Ничего более официального здесь быть не может.

Хоше глубоко вздохнул. Он искренне не хотел спорить с главным следователем. Но он тоже был полицейским — возможно, не таким, как она, однако разбирался, что правильно, а что неправильно.

— Я только хотел сказать, что верховному суду Октиера понадобилось три дня, чтобы предоставить нам заверенную копию воспоминаний Шахиф из хранилища памяти. А если бы с просьбой обратилась не ты, а кто-то другой, мы бы и этого не получили. Разве это не доказывает огромной ценности воспоминаний? Мы имеем дело с ее личной жизнью, всей ее жизнью. А вы запросто отдаете запись какому-то больному чужаку.

— Да, это ее жизнь. Но она доверила свою жизнь нам — и была убита.

— Убийство пока не доказано.

— Тебе пора бы знать, что в нашей профессии надо доверять собственному суждению и действовать согласно ему. Тебе надо больше верить в свои силы и способности, детектив.

Хоше нахмурился, сознавая, как вспыхнули его щеки. Остальную часть причудливо подсвеченных переходов они оба прошли в молчании.

Вскоре они дошли до лифта и обнаружили дверь открытой.

— Знаешь, они жалеют его, — сказала Паула, когда кабина начала спускаться по стержню купола.

— Кто?

— Другие райели. Они жалеют Кватукса. Ты ведь понял, какой он, не так ли?

— Думаю, понял.

— Это древняя раса. В них сильно развито достоинство и милосердие, а их мозги значительно более сложный, чем наш. Мы лишь на несколько поколений отстоим от своих предков — собирателей и охотников; а райели настолько высоко поднялись над своим прошлым по лестнице эволюции, что почти стали другой расой по сравнению с теми, кто остался позади. И потому стали уязвимыми для некоторых вещей. Я не ищу оправданий падению Кватукса, но я понимаю его. Мы не слишком далеко ушли от животного мира и все еще способны на чистые эмоции. И я представить себе не могу, как может существо, никогда не испытывавшее любви и ненависти, гнева и радости, открыть себя для этих чувств. Могу лишь догадываться, какое это для них потрясение. По крайней мере, для большинства из них. Но наиболее слабые могут пристраститься к переживаниям. Именно это и произошло с Кватуксом; он стал наркоманом по отношению к людям. Он любит нас. И мне кажется, что

во всей Вселенной нет ничего печальнее.

— Значит, он наслаждается нами?

— Нет, он становится нами. Он впитывает в себя все наши ощущения, каждый взгляд, каждый звук. Ты ведь слышал: через неделю он сумеет вобрать в себя сто лет ее жизни. А тогда мы сможем спросить его о чем угодно, о любом дне и часе ее жизни, и получим исчерпывающий ответ.

— Хорошо, но я не вижу в этом необходимости. Мы могли бы это сделать и без помощи райеля.

— Хоше, ты когда-нибудь просматривал чужую память?

— Нет, — признался он.

— Это совсем не то, что запись ВСО. Похоже, это я признаю; но не то. ВСО выдает приглаженную версию, определенным образом направленную и сфокусированную. Это делается специально, чтобы привлечь к чему-то твое внимание. Девяносто процентов записей имеют эротическое содержание, но встречаются настоящие драмы, приключения и путешествия. Все это требует усилий опытного исполнителя и не менее опытного редактора нервных импульсов, чтобы получить и отфильтровать те впечатления, которые хочет директор и предписывает сценарий. Ты подключаешься к ВСО, и история разворачивается перед тобой, простая и понятная, а тебе только остается сидеть и переживать ее. Настоящие воспоминания — это нечто иное, это то, что привлекло твое внимание в определенный момент. Вокруг тебя может происходить десяток важных — критических — событий, а ты, в силу своих склонностей и личного восприятия, следишь только за одним, чаще всего не самым значительным. И это необязательно то, что ты видишь, это может быть звук, запах, общее представление о помещении, а не находящиеся в нем личности и их разговоры... Мы можем фиксировать секции воспоминаний, записанных вставкой памяти. А пошаговое перемещение — это другое дело. Если только тебе известна точная дата, тебе достаточно посмотреть один день; если не повезет — целую неделю. И вот тогда может понадобиться помощь Кватукса. Люди воспринимают воспоминания в реальном времени. Мы не в состоянии ускорить их ход. И если бы мне пришлось посмотреть все столетие жизни Шахиф, мне бы на это понадобилось ровно сто лет. А Кватукс, имеющий большой мозг и великолепную память, способен загрузить себе все это почти мгновенно.

— Вы беспокоились о нем.

— Да. Сто лет — это очень долгий срок. Даже его мозг имеет свои пределы. И мне известно, что он впитал уже десятки человеческих жизней.

— А вас не тревожит то, что вы снабжаете его наркотиком?

— Человеческая этика, — едва слышно пробормотала она. — Райеля нельзя судить по нашим стандартам. У них нет полицейской службы, как у нас. Райели сами за себя отвечают. Кватукс сделал свой выбор, и в его обществе он имел на это полное право. Все равно он получил бы воспоминания. Если бы их приносила не я, нашелся бы кто-нибудь другой; это не коммерческие записи ВСО, которые ты можешь свободно купить в унисфере. Воспоминания тоже продаются, имеется даже небольшой специальный рынок. А так Кватукс помогает нам раскрыть преступление, и все остаются в выигрыше. Если бы мы попытались его остановить — по понятиям райелей, мы совершили бы тяжкий грех.

— Может быть, — вздохнул Хоше. Лифт замедлил спуск, и они снова оказались в невесомости. — И все-таки я убежден, что это неправильно.

— Ты хочешь отказаться от дела? Я не буду тебя останавливать, и это никак не

отразится на твоём послужном списке.

— Нет, спасибо, главный следователь. Мы уже далеко зашли, и я хочу досмотреть все до конца.

* * *

Роб Тинни с самого начала пожалел, что взялся за эту работу. И все, конечно, из-за денег, вернее, из-за их постоянной нехватки. С его нынешней специальностью — «оперативник службы безопасности» — было нелегко найти даже самую обычную работу, а о хорошо оплачиваемой должности можно было давно забыть. Так что потребовалось хорошенько подумать, когда его агент предложил контракт с фантастической оплатой. Мало того, в контракте имелся пункт об оживлении: Роб должен был загрузить свои воспоминания в архив частной клиники, а работодатель обязался оплатить их пятилетнюю сохранность. Если бы Роб в течение этого срока не явился лично, чтобы отменить хранение, клиника приступила бы к процедуре клонирования.

Одно это, даже если отбросить интуицию и здравый смысл, говорило о том, что через пять лет он очнется в слабом теле подростка, утратив при этом воспоминания нескольких последних месяцев. Он должен был отказаться. Но проклятые финансы: неудачные вложения в беговых лошадей, спортивные пари, а также покер и прочие азартные игры — привели к значительному превышению кредита. А с такими кредиторами, как у него, рассчитывать на отсрочку было невозможно, и его агент прекрасно об этом знал. Поэтому Роб в итоге согласился и теперь ждал, что придется помогать какой-нибудь радикальной этнической группировке вести войну против планетарного правительства ради культурной автономии. Или принимать участие в нелегальной стачке, или, если уж дела пойдут совсем плохо, ввязаться в разборки между криминальными синдикатами. Учитывая его везение, последний вариант был самым вероятным.

Две недели стажировки на новом месте Роб провел в качестве охранника на аншанском комплексе ККТ, где осуществлялось строительство космического корабля. Это были две скучнейшие недели, в течение которых он добропорядочно изучал планировку комплекса, графики смен и виды оборудования, используемого ККТ, обменивался кивками с техниками, собиравшими корабль в единое целое, смеялся вместе с коллегами над сотнями гениев, ежедневно прибывающих для финального собеседования, и изредка видел самого Найджела Шелдона, окруженного свитой помощников.

Две недели прошли, а он все еще не знал, зачем оказался здесь. Он даже был не в состоянии предположить, кто мог противостоять ККТ, если только не одно из Великих Семейств, — кто знает, до чего могут дойти эти богатые извращенцы, лишь бы получить выгоду.

А потом как-то утром, как раз перед завтраком, пришло зашифрованное сообщение от его агента. Роб воспользовался заранее полученным ключом, и закодированный текст перед его виртуальным взглядом мгновенно преобразовался. Утренний кофе успел остыть, пока Роб читал и перечитывал послание с предельно точными инструкциями и четким расписанием. А потом он уставился в потолок и застонал.

— Будь оно проклято!

Все правильно — ему не удастся пережить этот день, несмотря на последний пункт

инструкций, где детально обговаривался путь отступления.

Он покончил с обычными утренними делами, на городском метро доехал до межпланетной станции ККТ и там пересел на один из служебных автобусов, которые целый день курсировали между пустырем на территории станции и космическим комплексом. Вместе с другими охранниками он добрался до раздевалки за двадцать минут до начала смены, чтобы успеть переодеться в форму. На этот раз Роб провозился дольше, чем обычно, и дождался, пока комната почти опустела. Кроме него, в раздевалке осталось еще два человека, и Роб рискнул подойти к указанному в инструкции шкафчику. ОС-татуировка на его большом пальце открыла замок. Внутри оказался обычный форменный пояс вроде того, что уже был на нем. Роб надел этот ремень вместо своего, закрыл шкафчик и вышел.

В восемь тридцать, точно по графику смен, он был у главного входа, где уже собрались трое других охранников. Первым подъехал Уилсон Кайм. Ворота перед машиной открылись, и Роб отдал капитану честь. Это было самой большой физической нагрузкой за все время дежурства. Охранники на посту через мониторы вели наблюдение за патрульными сторожевыми роботами и периметром, огражденным шестиметровым забором. Вдоль забора были установлены сотни датчиков, и еще несколько десятков было спрятано внутри периметра. Без ведома охраны ничто не могло проскочить ни внутрь, ни наружу. Дежурным оставалось только изредка проводить дополнительное сканирование и проверять машины посетителей.

В десять тридцать Роб поднялся.

— Пойду на перерыв, вернусь через двадцать минут.

Он вышел из контрольно-пропускного пункта и по свежескошенной траве направился к главным зданиям комплекса. Из-за обычной здесь высокой влажности ему пришлось не раз вытереть со лба испарину. Войдя внутрь, он напрямик направился к шлюзовому сектору. Пульт управления находился на нижнем из трех подземных этажей корпуса. В лифте его уже ждали другой охранник и один из обслуживающих здание техников. Его эл-дворецкий запросил у них опознавательные коды и выдал подтверждение причастности этих людей к миссии. Собравшиеся обменялись настороженными взглядами, прикидывая, все ли готовы к предстоящему делу.

Таймер в голове Роба отсчитал секунды, оставшиеся до десяти часов сорока семи минут.

— Всё, — сказал он и нажал кнопку нижнего уровня. — Если кто-то хотел выйти, он опоздал.

Двери лифта закрылись, кабина начала спуск к третьему подземному этажу. Роб расстегнул кобуру и вытащил ионный пистолет, чтобы проверить уровень заряда. На вид пистолет не отличался от служебной модели, но разница состояла в том, что его, в отличие от стандартного вооружения охранников, система безопасности комплекса не могла нейтрализовать, — предосторожность на случай, если один из них окажется перебежчиком.

— Убери, — посоветовал техник, указывая глазами на сенсор в кабине лифта.

Роб ответил ему презрительным взглядом, давая понять, что не признаёт его права приказывать, но пистолет в кобуру спрятал.

— Твое дело — открыть дверь, не так ли?

— Открыть дверь и заблокировать пусковую сеть, — ответил техник. — А вы что будете делать?

— Мы проследим, чтобы тебе никто не помешал, — сказал Роб, обмениваясь взглядами

с другим охранником.

— Ну ладно.

Двери лифта открылись в коротком коридоре. В нем были двери с обеих сторон и еще одна, в дальнем конце.

Техник вынул из своей инструментальной сумки небольшое устройство и приложил его к панели управления лифта.

— Нейтрализован, — сообщил он.

Роб достал из кармана португали первый дистанционный заряд: небольшой прямоугольник черного пластика размером с его ладонь и толщиной всего в один сантиметр. Он прижал заряд к потолку и дал команду эл-дворецкому ввести код активации. Дождавшись подтверждения о переводе в боевой режим, Роб убрал руку — взрывчатка осталась на месте, а пластик начал медленно менять окраску, подгоняя ее под цвет потолка лифта.

Техник, с трудом волоча тяжелую сумку с инструментами, повел их к двери в конце коридора. Он достал еще одно устройство и приложил к замку. Роб опять вытащил пистолет и снял с предохранителя. Таймер подтверждал точное соответствие графику. Дверь скользнула в сторону, и они ворвались внутрь.

Пульт управления переходом сильно отличался от центра межзвездных исследований. Он представлял собой простую коробку размером десять на десять метров с высотой в два с половиной метра, заполненную терминалами с прозрачными кабинами по одной стороне, пока еще пустыми и неосвещенными. В смене работало восемь человек, все они сидели у своих терминалов и следили за гигантской структурой сложных приборов, скрытых в отдельном помещении позади операторского зала. На противоположной стене три огромных экрана высокого разрешения показывали состояние перехода в трехмерном изображении.

Неожиданное вторжение заставило всех повернуть головы. Точно по расписанию от эл-дворецкого Роба пришло сообщение о нарушении связи с киберсферой: КАОС-программа уже проникла в местные сетевые узлы.

— Всем молчать и сохранять спокойствие! — приказал один из охранников. — Держите руки на виду и не делайте глупостей!

Один из операторов вскочил и недоверчиво уставился на Роба.

— Что за дьявольщина! Что-то случилось?

Роб послал в потолок над его головой минимальный заряд. Острые осколки от полифото, сопровождаемые струйками дыма, посыпались на оператора, заставив его коротко взвизгнуть. Громко заверещала тревожная сигнализация.

— Вам было сказано заткнуться! — крикнул Роб.

Испуганные лица повернулись в его сторону, руки поднялись над столами.

— Что ты творишь?!

Техник уставился на оператора: тот, скорчившись и закрыв голову руками, все еще лежал на полу и дрожал всем телом.

— Займись своим делом, — бросил ему в ответ Роб.

Техник отрывисто кивнул и нажал кнопку, закрывавшую дверь.

— Что такое?

Второй охранник выстрелил в коробку сигнализации, оборвав звук.

— Спасибо, — поблагодарил его Роб. — Эй, вы! — обратился он к служащим. — Вон из-за столов!

Роб и второй охранник недвусмысленно замахали пистолетами, сгоняя всех операторов к стеклянной стене. Там их заставили сесть на корточки.

— Джоанна Билхеймер, — позвал Роб, — выходи вперед. Быстро!

Одна из женщин подняла испуганный взгляд.

— Джоанна — это я. Что вам нужно?

— Встать! — Роб поманил ее всеми четырьмя пальцами, а затем показал на пульт, отмеченный табличкой «Старший оператор». — Закрой эту комнату, активируй третий уровень изоляции.

— Я... — Она боязливо покосилась на пистолет. — Я не...

— Пожалуйста, — попросил он, — не надо этой чепухи, что у тебя нет полномочий. И не заставляй меня тебе угрожать, потому что свои угрозы я выполню. Ну, что с третьим уровнем?

— Связь нарушена, что-то случилось с сетевыми узлами.

Роб широко усмехнулся.

— На этот случай ККТ снабдила тебя автономной резервной системой.

Она понуро поднялась с пола и прошла к пульта.

Второй охранник встал лицом к пленникам.

— Это простое успокоительное, — сказал он им. — Мы не какие-нибудь сумасшедшие убийцы, никто от этого не умрет.

Затем он прошел вдоль ряда операторов и прижал к шее каждого шприц для подкожных инъекций. Один за другим все бессильно попадали на пол.

Массивная металлическая плита поднялась из пола и заблокировала дверь. Вторая такая же плита закрыла пожарный выход. Воздух над ними задрожал и сгустился, силовое поле активировалось, усиливая молекулярную структуру стен. В противоположных концах комнаты из потолка выдвинулись два широких цилиндра. Роб удовлетворенно хмыкнул: заборники кондиционеров были заблокированы силовым полем, и теперь воздушный фильтр начал восстанавливать атмосферу в помещении.

— Спасибо, Джоанна.

Она даже не успела повернуть голову, как второй охранник прижал шприц к ее шее.

Техник тем временем уже сорвал крышку с одного из операторских пультов. Затем он вывернул свою сумку, и из нее на пол высыпалось множество устройств. За каждым из них тянулись пучки оптоволоконных кабелей, которые он стал торопливо подсоединять к сложной до нелепости схеме пульта.

— Ты справишься? — спросил его Роб.

— Заткни свою пасть и дай мне сосредоточиться. У нас осталось около двух минут, чтобы подтвердить право доступа, иначе СИ быстро нас отключит.

— Ладно.

Роб переглянулся со вторым охранником и пожал плечами. Он не имел ни малейшего представления, что делает техник, и уж тем более не знал, как ему помочь. Выход в киберсферу до сих пор оставался заблокированным, и он не знал, что творится в остальной части комплекса. Успели ли другие участники миссии сделать свою часть работы или их задержали, а может, уже застрелили? Такая изоляция ему не нравилась. Он хотел знать. Должен был знать. Виртуальный таймер в голове продолжал отсчитывать время миссии, постепенно исключая события, которые должны были произойти. Оставалось девяносто секунд, а техник все еще лихорадочно копался во внутренностях пульта.

«Давай! — мысленно подгонял его Роб. — Давай!»

* * *

Уилсон успел добраться до центральной секции сборочной платформы, когда эл-дворецкий сообщил ему о вызове Оскара Монро.

— Соедини нас, — приказал он.

Уилсон притормозил, ухватившись за поручни, и слегка развернулся, чтобы посмотреть на кормовую часть корабля. К этому моменту все резервуары для ядерного топлива были уже установлены на свои места и выглядывали из цилиндрической платформы. Обшивка фюзеляжа была выполнена почти на двадцать процентов, и сборщики-роботы проворно продолжали работу.

В углу виртуального поля зрения появилось полупрозрачное изображение головы Оскара.

— Капитан, хочешь услышать хорошую новость?

— Конечно.

— Высокому Ангелу в этой части Галактики не известна ни одна раса, обладающая супероружием.

Уилсон инстинктивно перевел взгляд на корабельные гнезда генераторов силового поля. Несколько из них уже было смонтировано, но ни одно из устройств еще не подключали к энергосети и не испытывали.

— Ты прав, новость хорошая. Как я понимаю, у тебя не возникло трудностей с местными жителями?

— Нет, не возникло.

Уилсон сдержанно усмехнулся. Ему самому уже несколько раз приходилось встречаться с председателем Галл.

— Что же сказал Высокий Ангел?

— Что не бывал в окрестностях Пары Дайсона и потому почти ничего не знает. Он признал, что появление барьеров вызывает любопытство и даже тревогу. В общем, он ждет результатов наших исследований.

— Интересная политика. Он не говорил о каких-либо контактах с чужаками из того сектора космоса?

— Нет, он строго соблюдает право расы на...

Связь прервалась. Уилсон еще только формулировал запрос для эл-дворецкого, как вдруг поступил сигнал о нарушении безопасности. Вся информационная сеть космического комплекса подверглась КАОС-атаке.

— Насколько сильно пострадала сеть? — успел он спросить. Затем замигало освещение вокруг платформы, и это его встревожило. — Забудь об этом, дай мне обзор системного статуса — всего комплекса и платформы.

Дисплей безопасности возник в его виртуальном поле зрения с еще двумя сигналами тревоги. В одном из главных силовых генераторов комплекса произошел взрыв. Захватчики проникли в зал управления переходом. В конференц-зале 4DF охранники вступили в перестрелку с еще одной группой нарушителей. Все больше секторов информационной сети выходили из строя под действием внедренной КАОС-программы.

— Вот черт!

Основной источник энергии сборочной платформы утратил стабильность, и большая часть систем переключилась на резервное питание. Уилсон так резко развернулся, что вынужден был ухватиться рукой за поручни, чтобы остановить вращение. Переход, связанный с главным сборочным цехом, еще работал. Челноки сновали вдоль электромускульных связей, двое рабочих парили вокруг стыковочного узла и беспокойно оглядывались.

— Соедини меня с начальником службы безопасности, — приказал Уилсон своему эл-дворецкому.

Дисплей состояния показал разрыв связи с центром безопасности. Вокруг одной из башен комплекса включились системы пожаротушения. Шок на мгновение лишил Уилсона возможности думать. Он был не в состоянии осознать то, что происходило у него на глазах. А потом сработали давным-давно приобретенные рефлексy: действуй, не останавливайся!

Система местного контроля перешла на аварийный режим энергосбережения, и на сборочной платформе стали гаснуть прожекторы.

— Перехвати управление системой, — проинструктировал Уилсон эл-дворецкого. — Закодируй все потоки моим личным ключом доступа. Немедленно изолируй информационную сеть сборочной платформы от наземного комплекса. Санкционирую продолжение аварийного режима, но силовое поле платформы должно распространиться и на переход. Направь на это энергию всех внутренних источников питания.

— Выполняю, — ответил эл-дворецкий.

С отключением местной информационной сети из виртуального поля зрения исчез статус состояния.

— Покажи внутренний статус платформы.

Его окружили новые потоки полупрозрачных столбцов информации: как будто он оказался в центре шара, сплетенного из тысяч красных и желтых строк, пересекающихся друг с другом. Процесс сборки стремительно сворачивался, но резерв энергии все еще был недостаточным.

— Остановить климатические установки, у нас хватит воздуха на несколько часов.

— Выполняю.

— Составь список старшего персонала, находящегося на платформе. Установи с каждым из них общий канал связи.

Прожекторы вокруг него продолжали угасать, и огромные секции платформы погружались в угрюмый полумрак. Над переходом возникла мерцающая пелена защитного силового поля. Яркий свет из сборочного цеха тоже померк.

— Всем внимание! — обратился Уилсон к служащим по общему каналу. — По всей вероятности, комплекс подвергся физической атаке. Переход заблокирован, и здесь нам ничего не угрожает. Но, в качестве предосторожности, предлагаю всем собраться в двенадцатой секции жилого кольца «Второго шанса». — Он взглянул на предоставленный эл-дворецким список старшего персонала. — Соедини меня с Анной Хобер.

Он смутно помнил эту женщину по совместным тренировкам — она была астрономом из разведывательного отдела ККТ, введенным в экипаж в качестве навигатора и эксперта по аппаратуре.

— Соединяю.

— Сэр? — откликнулась Анна Хобер.

— Анна, где ты находишься?

— Над вторичной системой сенсоров. Я в составе бригады монтажников.

— С этого момента ты мой главный помощник. Установи связь с корабельной системой жизнеобеспечения и начинай подключать внутренние климатические установки. Для ускорения работы можешь задействовать любых специалистов из сборочных бригад. Выполняй. Я хочу, чтобы здесь для всех нашлось безопасное место.

— Слушаюсь, сэр.

Его виртуальная рука дотронулась до иконки эл-дворецкого.

— Покажи мне состояние внутренних систем корабля.

— Выполняю.

Схема, представленная на возникшем дисплее, была довольно скудной. Энергия подавалась лишь к некоторым системам корабля, и внутренняя сеть по большей части состояла из основных линий связи — скелет, лишенный главных нервных узлов.

Уилсон оттолкнулся от поручня, направляясь к кольцу жилого отсека «Второго шанса». По пути он бегом осмотрел бортовые источники питания; большая часть резервных генераторов уже была установлена, а два ядерных реактора даже успели пройти тестирование — все это даст им возможность обеспечить энергией несколько палуб, пока не прояснится ситуация внизу. Если же дела пойдут совсем плохо, они смогут запустить один из ядерных реакторов и подключить его к генератору силового поля — он забирает основную часть энергии из резервов.

— У нас имеются внешние каналы связи с планетарной информационной сетью?

— Сборочная платформа оборудована аварийными передатчиками с выходом на геостационарные спутники.

— Активируй их. Я хочу знать, что творится внизу.

Без прожекторов стало так темно, что он с трудом видел, куда двигается. Балки и брусья платформы можно было заметить, только приблизившись вплотную. Уилсону приходилось искать дорогу буквально на ощупь. Зрительные вставки подключили инфракрасный режим, и окружающий мир замерцал белыми и розовыми контурами.

Сноп яркого света, пробивавшийся сквозь переход, померк до слабого желтоватого сумрака аварийных светильников сборочного цеха. Потом там вспыхнуло ослепительное пламя, и зрительные вставки во избежание травмы сетчатки приглушили его до оранжевой вспышки. После яркого света Уилсон ощутил себя в полной темноте, и ему пришлось несколько раз моргнуть, чтобы восстановить зрение. С дисплея состояния исчезли основные линии подачи энергии, оставив на всей платформе лишь скудное аварийное освещение.

— Проклятье! — прошептал он.

Его подозрения оправдались. Целью диверсантов был «Второй шанс».

* * *

Ленни аль-Хусан прибыл на станцию ККТ Аншана после двухчасовой поездки, которая должна была занять всего сорок восемь минут — обычное дело, если ехать через Сент-Линкольн, там всегда задержки на сортировке. Ленни опаздывал на встречу в отдел по связям с общественностью космического комплекса. Его редактор взбесится от ярости, ведь получить хоть какой-то материал о полете стремились все средства массовой информации.

Ленни даже лелеял слабую надежду стать одним из репортеров в числе экипажа — этой должностью ККТ ради положительных отзывов дразнила всех представителей информационных компаний.

Вот только опоздание теперь разобьет его мечты в пух и прах.

Ленни пересек главный вестибюль станции и направился к остановке транспорта, идущего к космическому комплексу. По пути его пару раз проверили сотрудники службы безопасности, а затем он вышел наружу, в убийственную влажность. Несколько человек уже поджидали ближайший автобус. Ленни попросил эл-дворецкого связаться с представителем комплекса, с которым условился о встрече.

При попытке подключиться к локальной информационной сети возникли трудности, — доложил эл-дворецкий. — Местные узлы связи поражены КАOS-программой.

— Вот как?

Ленни с интересом огляделся по сторонам, сознавая, насколько это глупо. Но КАOS-атаки случались редко и, как правило, предваряли какие-то преступные действия.

Зона ожидания неожиданно вздрогнула от такого оглушительного грохота, что Ленни принял его за взрыв. Все, кто там находился, как и сам Ленни, бросились на землю. В первый момент он решил, что поезд сошел с рельсов, хоть это и было практически невозможно. Затем раздался громкий гул. К нему добавился второй раскат грохота. Ленни приподнялся, стараясь определить, откуда на них обрушилось это несчастье. Звук теперь был таким громким, что ему пришлось зажать уши ладонями.

— Полная запись, все ощущения, — скомандовал он эл-дворецкому.

Затем Ленни бросился бежать вдоль длинного здания, свернул за угол, и перед ним открылся вид на сортировочную станцию. Сперва ему показалось, что длинный товарный поезд, стоящий в открытом депо, разрывается пополам. Два вагона уже разлетелись в щепки. На его глазах разваливался третий. Из груды обломков на пылающих столбах фиолетового пламени поднимались огромные металлические фигуры. Они выглядели как закованные в броню динозавры с гладкими вытянутыми мордами. Из тех мест, где полагалось быть глазам, торчали толстые оружейные стволы, а ниже, словно смертоносные мандибулы, высывались дула меньшего калибра. Три пары массивных конечностей, торчавшие по бокам корпуса, после взлета подогнулись назад. Воздух вокруг задрожал, выдавая активированное силовое поле.

Ленни боялся даже моргнуть. Он широко раскрыл глаза и не отводил взгляда от открывшейся картины. Его эл-дворецкий в попытке выйти в киберсферу непрерывно посылал множество импульсов.

— Дайте связь! — отчаянно закричал Ленни. — Я приказываю, именем Аллаха, ради всего святого, дайте связь!

Внезапно сбои, вызванные КАOS-атакой, исчезли, и помехи схлынули, словно вода по открытой трубе. Связь восстановилась, и записанный Ленни материал был доставлен в офисную систему его редакции в Кабуле.

— Местная сеть очищена РИ, — доложил ему эл-дворецкий, и в механическом голосе программного обеспечения как будто проскользнули нотки благоговения.

Ленни было все равно, хоть бы и сам Пророк лично сотворил электронное чудо. Он посылал изображение, звуки и ужас через все Содружество — он, Ленни аль-Хусан. Это было его шоу.

Три наводящие страх машины синхронно описали круг, оставив горизонтальные полосы

отработанных газов, и пронесли над пустынной территорией станции.

— Это «Мстители Аламо»! — кричал Ленни, надеясь, что зрители услышат его в этом шуме. — Вы видите настоящих живых «Мстителей Аламо» в действии.

Он едва удержался, чтобы не помахать им рукой.

* * *

Двое охранников, оставшихся в КПП, уже начали было гадать, куда запропастился Роб, когда вдруг пропал стандартный сигнал подключения к киберсфере. Они не слишком встревожились — оставались еще защищенные каналы связи с сенсорами и системой охраны периметра. Из командного центра один за другим поступили сигналы тревоги. Охранники едва успели их заметить, как позади них, в дальней части комплекса, прогремел взрыв и в небо поднялся яркий огненный шар. По всему дисплею состояния стали стремительно распространяться красные круги.

— Господи, да это же генератор! — с трудом выговорил один из охранников, когда пламя с ревом унеслось в небо. — И похоже, полный резервуар горючего вместе с ним.

В окнах трех этажей одной из башен лопнули стекла, оттуда вырвались языки огня, выбрасывающие миллионы разлетающихся осколков.

— Командный центр безопасности не отвечает, — сообщила системная структура контрольно-пропускного пункта. — Контроль периметра надлежит поддерживать в автономном режиме.

— Закрывать периметр, — приказал старший из охранников.

Он ввел код доступа в систему и убедился, что меры защиты приняты. Роботы-охранники замерли на своих местах; в их корпусах открылись крышки панелей, и готовое к бою оружие выдвинулось вперед. Больше уверенности вселяли генераторы защитного силового поля: обладая тройным резервом и автономными источниками питания, они быстро раскинули купол силового поля над всем комплексом. Молекулы воздуха вследствие эффекта сцепления поглотили энергию и образовали непроницаемую решетку.

Внутри комплекса прогремело еще два взрыва. Старший охранник попытался оценить разрушения, но его дисплей состояния не выдавал почти никакой информации.

— Что же нам делать? — спросил его напарник.

— Сидеть и ждать. Мы не можем свернуть силовое поле, на это у нас нет полномочий. Здесь мы в безопасности.

— Нет, черт побери, ничего подобного! — отчаянно вскрикнул младший охранник, показывая на высокие языки пламени и клубы дыма над комплексом. — Мы здесь заперты вместе с бандой террористов.

— Не паникуй. Они просто захватили нас врасплох. Теперь весь комплекс заперт так, что мышь не проскочит. Смотри! — Он показал на одну из башен. Ее наружная поверхность красноречиво мерцала, указывая на действие защитного поля. — Изолировать, применить оружие и уничтожить. Стандартная процедура.

Обернувшись, он увидел, что его напарник не обращает никакого внимания на комплекс, а вместо этого вглядывается в обширный пустырь на территории станции.

— Это еще что за дьявольщина?

Время стремительно иссякало, но техник наконец подключил все свои приборы к сети пульта управления переходом. СИ был блокирован.

— Теперь они не смогут изменить координаты перехода, — торжествующе заявил он. — Я изолировал командную сеть, так что схемы теперь замкнуты сами на себя и все преспокойно останутся на своих местах.

— Отлично, — усмехнулся Роб. — А что будет, когда они отрежут питание?

Он уже отметил вибрацию пола. Значит, где-то поблизости произошел взрыв.

Операция продолжается. Жаль, что все так изолированы друг от друга, очень хотелось бы знать, что происходит.

Техник презрительно хмыкнул. Он сел за пульт, над которым трудился, и вывел на большой экран новую схему.

— Они это уже сделали, посмотри. Уровень источника напряжения почти равен нулю. Мы питаемся от нуль-батареи. Все в порядке. Остается только продержаться еще тридцать минут.

Эл-дворецкий внезапно доложил Робу о доступе к местному узлу киберсферы. Поступило полдюжины вызовов с требованием подтвердить личность.

— Скажи им, пусть катятся к черту, — приказал он.

— Забавно, — протянул техник. Его рассеянный взгляд явно указывал на то, что все его внимание было поглощено виртуальным полем зрения. — Киберсфера чиста, кто-то отразил КАОС-атаку, все помехи устранены.

— Это хорошо или плохо? — спросил Роб.

— Это странно. Я никак не ожидал, что киберсфера СИ Аншана настолько мощна, что способна так быстро избавиться от КАОС-программы высокого уровня.

— Как это отразится на нас? — настаивал Роб.

Он всегда ненавидел работать с такими заумными специалистами, неспособными оценить физическую сторону миссии.

— Думаю, что никак. Я хотел сказать, что охрана ККТ физически не сможет проникнуть сюда или в машинный зал перехода, — это силовое поле контролируем мы. — Он почесал щеку. — Вот только улизнуть, когда все закончится, нам будет труднее, поскольку все их сенсоры заработают. Дай-ка мне над этим поразмыслить.

Роб оглянулся на второго охранника, но тот только пожал плечами.

— О, постойте-ка! — воскликнул техник. Он наклонился к экрану, где появилось зернистое изображение с сенсора, установленного в коридоре у самых дверей пультавого зала. — Надо же, они уже восстановили питание лифтов.

Сенсор отреагировал на движение, и они увидели, как двери лифта закрылись. Через десять секунд сработал дистанционный заряд взрывчатки. Роб успел увидеть, как двери кабины вздрогнули, центральная переключатель треснула и металл выгнулся наружу. В коридор вырвалось плотное облако. Роб понял, что это была пыль, а не дым.

Второй охранник хихикнул.

— Теперь они не смогут спуститься. Похоже, разрушена вся шахта.

Роб перевел взгляд на металлическую плиту, блокирующую аварийный выход. Очень скоро на лестничной площадке, куда выходит эта дверь, появятся бойцы охраны. Согласно

инструкциям, полученным им сегодня утром, в случае обрушения лифтовой шахты они смогут покинуть пультовой зал через главный вход. В одном из кабинетов дальше по коридору имеется служебный проход в машинный зал перехода. Оттуда, когда отключится защитное силовое поле, у них будет три маршрута на выбор. Но только в том случае, если киберсфера и датчики охраны будут выведены из строя КАОС-программой.

— А нас сейчас кто-нибудь видит? — спросил Роб.

Он посмотрел на потолок и обнаружил три камеры, перекрывавшие все пространство зала.

— Дай-ка посмотрю в местной сети, — сказал техник. Внезапно он замер, уставившись на экран, показывавший сеть управления переходом. Одна из секций вспыхнула красным цветом. — Не может быть! — прошептал он.

— Что такое? — забеспокоился Роб.

— Первый блокирующий барьер пожарного выхода. Он рухнул.

— Еще раз! И по-человечески! — потребовал Роб.

— Смотри, оптоволоконные кабели, поддерживающие сеть, остались неповрежденными и все еще подключены к местной сети, а она, в свою очередь, имеет выход в киберсферу. В узлы, контролирующие прохождение сигналов, я запустил блокирующие программы. Говоря электронным языком, между нами и пространством снаружи нет никакой преграды, только сами щиты. Я запустил пять последовательных программ в каждый узел, блокировал все каналы, но что-то уже пробилось через наружный барьер.

— Ты же сам говорил, что СИ Аншана вычистил КАОС-помехи, — заметил второй охранник.

— Нет, я говорил, что не верю, чтобы он справился так быстро. Господи! — Еще одна секция управляющей сети вспыхнула желтым цветом. — Это невозможно, клянусь, это просто невозможно.

— Еще один барьер? — догадался Роб.

— Он вот-вот рухнет. Боже, расшифрована уже половина форматирующих кодов. Не может быть. Это невероятно! Ты хоть знаешь, каким кодом я пользовался для этого дела? Геометрией восьмидесяти измерений. Восьмидесяти! Чтобы его разгадать потребуется целое столетие, да и то если повезет.

Казалось, все происходящее не столько тревожит его, сколько злит.

Дурное предчувствие Роба насчет исхода миссии значительно окрепло.

— И кто же способен разгадать такой шифр?

Техник замер.

— РИ. — Его взгляд отыскал камеру, направленную на пульт, и он посмотрел прямо в крошечную линзу. — Дерьмо!

Второй охранник выхватил ионный пистолет и начал стрелять по камерам.

— Выясни, сколько здесь датчиков. Быстро!

Роб разбил камеру над главным входом. Оглядываясь в поисках других сенсоров, он рискнул посмотреть на дисплей. Желтый предостерегающий цвет, окрасивший второй барьер, сменился более зловещим красным.

Старший охранник выглянул в окно и изумленно открыл рот, узнав летящие по небу объекты.

— Я уже видел их, — прохрипел он. — Я их знаю. Они участвовали в деле, с которым я был связан давным-давно. «Мстители Аламо». Но они же давно канули в историю!

— Теперь уже нет, — возразил его напарник. — Что будем делать?

— Молиться.

На шоссе перед космическим комплексом стали останавливаться автомобили: КАОС-помехи поразили и их системы управления. Затем начались взрывы, и над зданиями раскинулся купол защитного поля — тогда люди вышли из машин на раскаленное шоссе и приготовились наблюдать за зрелищем. На новый звук обернулось лишь несколько зрителей, но все они с криками тотчас бросились ничком на землю.

«Мстители Аламо» пронеслись над шоссе на высоте не более сотни метров. За километр от границы силового поля они открыли огонь из лучевых орудий.

Между ними и куполом протянулись сверкающие молнии разрядов. Молекулы воздуха распались под действием колоссальных энергетических разрядов и закрыли небо ослепительным вихрем. Одна только звуковая волна разбила все окна в автомобилях и фургонах и расшвыряла людей по дороге. От чудовищного акустического удара полопались глаза и барабанные перепонки, на губах вспенилась кровь, а незащищенная кожа расплавилась.

Купол силового поля устоял под ударом. Молекулы воздуха по всей его поверхности стали разрушаться и выдавливаться наружу, образуя бурлящее корональное облако. Сверху это выглядело так, словно в землю наполовину погрузился красный карлик. Из ионного слоя вниз посыпались молнии. Роботы-охранники, стоявшие у основания защитного купола с лазерными и магнитными винтовками наготове, от энергетического удара мгновенно взорвались, а их обломки тотчас испарились. Вся растительность в радиусе четырехсот метров вспыхнула ярким пламенем.

Все три «Мстителя Аламо» снова произвели залп, на этот раз целясь в одну точку. И снова силовое поле выдержало, отразив энергетический шквал в истерзанный и сверкающий воздух. Мощные потоки молний хлынули в землю.

В контрольно-пропускном пункте оба охранника бросились на пол при первом же выстреле. Весь мир вокруг них исчез в ослепительной белизне. Даже внутри силового поля поднялся оглушительный шум, разрывающий перепонки и причиняющий физическую боль. Как только сверкание немного ослабело, они рискнули поднять головы. В пятистах метрах от них, куда нацелились энергетические копья, огромный участок купола еще истекал фиолетовыми струями остаточного заряда.

— Еще держится, — недоверчиво пробормотал старший охранник, сам не слыша своих слов. Его пальцы, прикоснувшись к ушам, стали липкими от крови. Но это его не огорчило. — Я живой. — Тыльной стороной руки он размазал по щекам слезы. — Иисус милосердный, я живой!

Он выглянул из-за стола и увидел, как «Мстители Аламо» приближаются к куполу. Под ними догорали жалкие остатки травы. Жуткие машины не то чтобы приземлились — скорее просто попадали на землю. Ракетные двигатели отключились еще на высоте двадцать метров. Конечности развернулись вперед и, оставшись в полусогнутом положении, скомпенсировали удар о дымящуюся выжженную землю. Голова ближайшего робота медленно поворачивалась из стороны в сторону в карикатурном подражании живому

существо. Системы этих машин были загружены программой с интеллектом хищника, дающей независимость, направляемую только агрессией. После определения цели они не останавливались, пока не уничтожали ее.

Ведущий «Мститель Аламо» рванулся вперед, тяжело сотрясая почву. Для такого массивного создания его скорость казалась невероятной. Каждый удар конечностей поднимал облака пыли и сажи, причудливо закручивающиеся вокруг собственного силового поля машины. В передней части ее головы приподнялись небольшие заглушки, и из-под них выдвинулись длинные черные зубцы. Стволы орудий среднего калибра ушли назад, в свои гнезда. В тридцати метрах от основания защитного купола «Мститель Аламо» остановился и нагнул клиновидную голову к земле. Зубцы окутались мерцающим и переливающимся сиянием и погрузились в почву. В воздух поднялись высокие гейзеры песка и пыли. «Мститель Аламо» уперся ногами и сунул голову в прорытую зубцами дыру. Песок и осколки камней взлетели на двадцать метров вверх, а робот стал медленно протискивать в отверстие бронированный корпус.

* * *

Переливающиеся всеми цветами радуги лучи света освещали все здания на Замковой горе, а над ними, в сиянии тридцати ярких, как солнце, прожекторов, возвышался сказочный замок.

Перед Адамом, сидевшим у полукруглого окна в кафе на Кольце Принца, открывался восхитительный вид на сверкающую скалу, окруженную тихой безмятежной ночью. Яркие огни отражались в холодных черных водах круглого озера, словно в зеркале. Но несколько минут назад он, как и все остальные поздние посетители кафе, перестал любоваться видом. Все новостные программы унисферы обсуждали события на Аншане, и та же тема господствовала в передачах тысяч информационных компаний по всему Содружеству. Экраны в кафе были настроены на шоу Алессандры Барон, но даже представленным ею репортажам явно недоставало профессионализма. Изображения были присланы теми, кто уцелел в разбитых на шоссе машинах неподалеку от космического комплекса. Сцены, передаваемые через зрительные вставки, расплывались от слез и дрожали, как дрожали от ужаса или облегчения обладатели вставок.

Посетители кафе увидели, как «Мстители Аламо» прокапывают себе путь под силовым куполом. После этого сами древние боевые машины исчезли из поля зрения, и были видны только огромные дыры, где уже полностью скрылись массивные корпуса «Мстителей». Мощные потоки земли, высохшей до состояния песка в пустыне, все еще поднимались к небу и опадали тучами пыли и мельчайшими осколками камней. Объем выкидываемого машинами грунта несколько не уменьшался. При такой скорости проходки боевые роботы смогут попасть на территорию комплекса за считанные минуты — этот факт Алессандра Барон, которой ничего не угрожало в ее студии на Августе, не преминула подчеркнуть. Она признавала, что об оборонительных мощностях, предусмотренных ККТ в космическом комплексе, ей ничего не известно, но стандартные меры защиты явно не могли долго противостоять такой мощи. Кроме того, не раз вспоминались и легенды о разрушительной силе «Мстителей Аламо».

— Никто и ничто, — сказала Алессандра Барон, — не уцелеет внутри заблокированного

комплекса, если хотя бы один из роботов прорвется внутрь.

И даже ее красивое личико, обрамленное элегантно уложенными темно-русыми волосами, выражало крайнюю тревогу.

Адам и сам не мог сказать, какие сюрпризы ККТ была способна преподнести «Мстителям Аламо». Эта миссия в силу обстоятельств готовилась в спешке, и времени на изучение обстановки почти не оставалось. Он ни в чем не мог быть уверен, но подозревал, что крупнокалиберных орудий на территории не имелось. Вместе с другими наблюдателями в кафе он с замиранием сердца затаил дыхание от ужаса и восторга, когда из зияющих отверстий донесся грохот и сверкнули вспышки, хоть это и не могло еще означать начало боя. На протяжении нескольких последних месяцев он следил за реставрацией гигантских машин, но все равно, как и все остальные, был ошеломлен их неукротимой мощью и агрессией в этом последнем для роботов бою.

Его виртуальный таймер подсказывал временную последовательность этапов миссии. До сих пор участникам удавалось строго придерживаться графика. А это означало приближение второй стадии. Адам, как бывший участник больших и малых кампаний, прекрасно знал, что нет ничего вернее старой воинской поговорки: при столкновении с противником не выживает ни один план сражения. А с таким мощным и изобретательным врагом, как ККТ, ничего нельзя было пускать на самотек.

* * *

Уилсон услышал, как громко лязгнул последний шлюз, и по всей палубе, на которой им пришлось собраться, прокатилась волна вибрации. Основные выходы с малометаллическими задвижками еще не работали, все они были надежно заблокированы по краям толстыми кольцами, но и аварийные шлюзы обеспечивали достаточный уровень безопасности. Чтобы хоть немного успокоить бешено бьющееся сердце, ему пришлось прибегнуть к дыхательным упражнениям.

— Мы изолированы, — доложила Анна.

В ее голосе прозвучало нескрываемое удовлетворение, а круглое лицо, несмотря на сложившуюся внизу ситуацию, сияло улыбкой. Ее веки и губы густо покрывали тончайшие золотые и платиновые линии ОС-татуировки, то пропадавшие, то вновь проявлявшиеся на коже. Кисти и предплечья, как и пальцы, прижатые к точечным контактам панели, также были расписаны похожими линиями.

— Отличная работа, — похвалил ее Уилсон.

Он до сих пор не слишком одобрял подобную яркость в облике — особенность его древнего наследия, — и его собственные ОС-татуировки были почти не видны. Но он признавал, что в работе Анну можно было поставить в пример всем остальным. Именно Анна собрала встревоженных и растерянных техников в бригады, и они прошли по всему жилому отсеку, закрывая массивные створки аварийных шлюзов при помощи механических инструментов и собственной физической силы. Кондиционеры уже работали, а резервное освещение было переключено на переносные аккумуляторы. Теперь Анна организовывала ремонтные бригады, готовясь к любым повреждениям.

Уилсон в это время тщательно проверял, какие системы космического корабля хотя бы отчасти приближаются к состоянию готовности. На это требовалось совсем немного

времени. Несмотря на то что в последнее время было установлено много нового оборудования, доступной оставалась лишь малая его часть. И почти ничего из того, что оказалось бы полезным в сложившейся ситуации. Единственным их ощутимым успехом было подключение аварийной системы связи к каналу планетарной киберсферы. Благодаря этому Уилсон с момента прибытия на корабль постоянно оставался на связи с РИ. И он был очень рад тому, что РИ против своего обыкновения проявил должный интерес к нападению.

— Спецотряд правительства Аншана сможет занять позиции вдоль периметра комплекса через семь минут, — оповестил капитана РИ. — Через четыре минуты после них на станцию прибудет первый эшелон сил безопасности ККТ, их развертывание пройдет быстрее, чем выход на позиции местных служб. Отряды Управления безопасности Содружества тоже приведены в состояние готовности.

— Даже если им удастся проникнуть сквозь защитный барьер, хватит ли у них сил, чтобы уничтожить проклятых «Мстителей Аламо»? — спросил Уилсон.

Он мельком отметил тревожный взгляд Анны. Она откорректировала свой визуальный дисплей, чтобы получить доступ к информации о системе безопасности, и при этом в ее глазах блеснули золотистые искорки.

— Я так не думаю, — ответил РИ. — Одной из причин пресловутой непобедимости «Мстителей Аламо» стала заключенная в них колоссальная мощь. Они очень дорого обходились, могли применяться только в узкой области и обладали ограниченными тактическими свойствами. Тем не менее их эффективность в боевых действиях против сил Объединенной Федерации составила почти сто процентов. Лидерам Республики Единой Звезды едва не удалось перевести Остин в разряд изолированных миров.

— Ты хочешь сказать, что внутри комплекса нет достаточно мощных орудий, чтобы дать им отпор?

— Вот именно. Но в Управлении безопасности такие средства найдутся, особенно если учесть, насколько устарели генераторы силового поля «Мстителей Аламо». Но вам придется ждать их прибытия. Подразделение на Аншане будет готово к старту только через двадцать пять минут.

Уилсон перевел взгляд на дисплей. Вместе с Анной они устроили командный центр в офисном помещении, где были установлены сетевые системы и несколько устройств. Больше здесь почти ничего не было. Пол и стены пока образовывали голые конструкционные панели, а по потолку, словно две сплетенные в брачном танце змеи, тянулись серебристо-серые трубопроводы. На данный момент три больших дисплея отображали состояние корабля, а два других передавали изображение с камер, установленных вокруг сборочной платформы. Из-за перехода не было заметно больше никаких признаков взрывов, но теперь это ничуть не успокаивало Уилсона.

— Они все еще под периметром? — спросил он у РИ.

— Скорее всего. Объем выбрасываемого ими грунта пока не уменьшился. По нашим уточненным подсчетам, они уже продвинулись на сто восемьдесят метров за границу силового поля. Вероятно, они скоро выйдут на поверхность.

— Сколько им потребуется времени, чтобы добраться до перехода? — спросила Анна.

ОС-татуировки на ее лице замерли неподвижно, а взгляд был прикован к экрану, отображавшему переход со стороны сборочной платформы.

— Самое меньшее — шесть минут, — ответил РИ. — По истечении этого времени можно будет предположить, что они останутся под землей, пока не пройдут

непосредственно в здания комплекса. Это позволит им не тратить энергию на преодоление защитного поля стен.

— Ладно, спрошу прямо: смогут ли «Мстители Аламо» прорваться через силовое поле перехода?

— Если их показатели не снизились, им, по нашим подсчетам, на преодоление защиты перехода хватит двух выстрелов из лучевых пушек.

— Скверно, — сквозь зубы пробормотал Уилсон.

Он говорил себе, что его пугает даже не смерть нынешнего тела — через канал спутниковой связи можно будет загрузить в хранилище воспоминания вплоть до самого последнего момента. Нет, его пугала невозможность защитить проект от какой-то банды ничемных подонков-анархистов. Космический корабль этого не заслуживает, полет задуман ради благородных целей. И не допустимо, чтобы его сорвали дерьмовые аутсайдеры политических дрызг. Чего уж говорить о времени, средствах и (черт побери!) жизнях, потраченных на это сооружение.

— Я могла бы перенаправить дополнительную энергию с корабля на генератор защитного поля платформы, — предложила Анна. Ее платиновые спирали медленно вращались вокруг глаз, следивших за схемами энергоцепей в виртуальном поле зрения. — Одна из наших нуль-батарей частично заряжена, это даст возможность продержаться еще несколько часов. Надо только перепрограммировать топливные узлы на перекачку в обратном направлении.

— Ты не мог бы с этим помочь? — спросил Уилсон у РИ.

— Согласно нашему анализу, ваш источник питания действительно мог бы увеличить мощность генератора поля, — сообщил РИ. — Но этот генератор не рассчитан на удары лучевого оружия. Даже один «Мститель Аламо» может вывести его из строя достаточно быстро. Двум «Мстителям» на это потребуется меньше десяти секунд.

— Проклятье! — закричал Уилсон. — Ты должен закрыть для нас этот переход. Нельзя допустить, чтобы космический корабль был уничтожен!

Он хотел добавить, что это несправедливо, что «Второй шанс» заслуживает своего места в истории, он не должен погибнуть вот так, еще не родившись.

— Барьеры вокруг машинного зала перехода оказались удивительно стойкими, — пояснил РИ. — К этому моменту мы преодолели три из них. Четвертый зашифрован кодом, использующим геометрию ста шестидесяти измерений. На его расшифровку потребуется еще несколько минут.

— У нас нет этих нескольких минут!

Уилсон всем корпусом повернулся к Анне. Она парила перед пультом и пристально изучала схему корабля. На руках, плотно прижатых к точечным контактам панели, медленно изменялись сложные узоры иероглифов.

— У нас имеется хоть какое-нибудь установленное оружие? — в отчаянии спросил Уилсон.

Виртуальные руки Анны будто физически вытягивали информацию из устройств.

— Нет, сэр. Ничего.

— Черт возьми! — Уилсон ударил кулаком по ближайшей панели, отчего его тело дернулось, и пришлось напрячь руку, чтобы удержаться за поручень. — Есть признаки выхода на поверхность?

Он был уже готов передать руководство РИ и молиться, чтобы ему удалось вовремя

взломать код двери в машинный зал.

— Нет, — ответил РИ.

— Ладно. В таком случае организуй, пожалуйста, хранилище воспоминаний для всех, кто сейчас на борту. Если не успеешь закрыть переход, их надо передать в клинику, проводящую процедуры воскрешения.

— Это я сделаю. Но возникла новая проблема.

Анна бросила на капитана полный страдания взгляд. Он видел, как ей тяжело, каких усилий стоит соблюдать внешнее спокойствие. В курсе обучения вряд ли предусмотрены подобные ситуации. Позже надо будет подумать об этом — если только удастся остаться в живых. А сейчас он немногим может ей помочь.

— Что еще? — спокойно спросил Уилсон.

— Контрольная служба гражданской авиации Аншана засекла два несанкционированных запуска космопланов с острова вблизи экватора.

— Что это за суда?

— Неизвестно. Но похоже, что они набирают скорость для выхода на орбиту с обратным движением^[4].

Уилсону не потребовалось много времени, чтобы сделать вывод.

— Они направляются к нам, — пробормотал он.

— Вероятно.

— Сколько у нас времени?

— Если ускорение не изменится, восемь минут.

— Есть какие-нибудь данные об их размерах?

— Судя по сигналам радара, это космопланы средней грузоподъемности. В этом случае их масса без груза составляет около двухсот пятидесяти тонн.

Уилсону даже не пришлось прибегнуть к математическим расчетам. Удар двухсот пятидесяти тонн при удвоенной орбитальной скорости...

— Им даже не нужна взрывчатка, — сказал он.

И теперь не так важно, успеют они закрыть переход или нет. Если их не достанут «Мстители Аламо», кинетика сделает свое дело.

«Кто-то очень сильно нас ненавидит, — решил Уилсон. — Но почему? Какой в этом смысл? Мы все равно рано или поздно доберемся до Пары Дайсона. Я вернусь к жизни и клянусь богом, полечу на этом корабле».

В этот момент его пальцы сжались в кулаки.

— Анна! Две недели назад мы испытывали топливные резервуары на герметичность, я помню этот пункт в графике.

— Верно, — осторожно подтвердила она.

— В них осталось топливо?

Бетонный пол в радиационной лаборатории 7D слегка вздрогнул. На столах и стеллажах завибрировали приборы. Возникший глухой рев стал усиливаться, и вместе с ним начали набирать интенсивность толчки. По полу пробежали трещины, мелкие осколки бетона подпрыгивали вверх и рассыпались на теперь непрерывно дрожащей поверхности. Установленные на потолке камеры закачались.

Единственным источником света в лаборатории после взрыва генераторов остались слабые желтоватые светильники, из-за чего передаваемое датчиками изображение было очень нечетким.

Несколькими секундами позже пол раскололся, бетонные плиты вздыбились, разбрасывая с оплавленных краев светящиеся капли. Из расщелины вырвался сноп зеленовато-белого света и ослепил камеры. Через мгновение высунулись тонкие энергетические щупальца, они цеплялись и льнули к любой поверхности, испаряя металл и расплавляя стекло и пластик.

Затем свет иссяк. В опаленные руины лаборатории поднялся «Мститель Аламо». Его голова качалась из стороны в сторону, пока не замерла в направлении цели, разрушив при этом участок стены и несколько опорных балок. Пласты каменной кладки и пол верхнего этажа обрушились на чудовище увесистым ливнем, но соскользнули вдоль его силового поля, не причинив вреда. Шесть ног развернулись, устанавливая туловище в одном направлении с головой — в сторону, где находился переход. «Мститель Аламо» двинулся вперед, сначала медленно — пробиваясь сквозь внутреннюю перегородку, затем все быстрее и быстрее — проламывая стены здания, словно они были всего лишь плотными потоками воздуха.

В ремонтной мастерской под ногами машины треснул пол. «Мститель Аламо», слегка покачнувшись, прыгнул на несколько метров вперед, затем остановился и развернулся, отыскивая признаки угрозы. Из новой расщелины вылетели тучи пыли. Затем из тоннеля поднялся на поверхность второй «Мститель Аламо». Первый робот подождал, пока тот не развернется в нужном направлении, и затем оба ринулись к финальной цели — сборочному цеху и переходу.

* * *

После того как Алессандра Барон с благоговейным ужасом объявила о запуске космопланов, в кафе стало абсолютно тихо. Адам вдруг заметил, что от нетерпения облизывает губы, и поспешил взять себя в руки. Изображение выжженной территории вокруг комплекса сменилось четкой графикой орбиты сборочной платформы вокруг планеты. В сочетании с помрачневшим голосом Алессандры Барон картина иллюстрировала неизбежное столкновение. В углу экрана появились цифры, отсчитывающие секунды до катастрофы. Они почти точно соответствовали показаниям виртуального таймера в голове Адама.

«Второму шансу» оставалось существовать от силы четыре минуты. Адам скользнул взглядом по застывшим лицам других посетителей, отражавшим в равной мере ужас и предельную сосредоточенность. На этот раз он не ощущал и тени вины. На сборочной платформе не было случайных людей, не было и детей, не имевших вставок памяти. На этот раз все будет правильно.

Кто-то из подручных Барон сумел получить доступ к данным геосъемки с микроспутников. Тысячи крошечных полупроводниковых датчиков на экваториальной орбите сменили фокусировку, переключившись с залежей минералов на единственное пятнышко света. В центре экрана появилась сборочная платформа — гигантская голубовато-серая сфера из малметалла, парящая выше уровня облаков. Адаму показалось, что ее невыразительная симметрия странным образом создает иллюзию органического происхождения.

На поверхности сферы появились темные линии и начали расходиться в стороны, подобно лепесткам. Адам моргнул и подался вперед. Он мог поклясться, что секунду назад

их здесь не было. Потом эти темные линии раскрылись, и из сферической поверхности брызнули длинные тонкие струи снежно-белого газа, рассыпавшиеся веерами. Внутри платформы проник солнечный свет, затмивший тусклое аварийное освещение; недостроенный космический корабль в центре распространяющегося облака пара отсвечивал серебром.

— Не может быть, — простонал Адам.

Его таймер показывал, что до столкновения осталось сто пятьдесят секунд.

Две воспламенившиеся плазменные ракеты стерли изображение ослепительным пламенем перегретых частиц. Огненные хвосты проткнули оболочку из малметалла и вытянулись по направлению к планете на сотню километров. Часть плазменного шлейфа, отраженная уцелевшей конструкцией, вскипела вокруг корабля и окружающих его ферм. Обрывки изоляционного покрытия и концы кабелей разлетелись в стороны и тотчас были распылены на первоначальные атомы, а вспомогательные фермы плавилась и стекали струйками, словно разогретый сыр. Корабль пришел в движение. Воспламенившиеся грузовые челноки заметались вокруг него оранжевыми кометами.

«Второй шанс» продолжал удаляться. Сначала его огромный корпус немного вилял из стороны в сторону, пока программы и пилот — сам Кайм? — анализировали несимметричность расположения груза относительно фюзеляжа. Как только его положение было определено, двигатели немного изменили направление, чтобы скомпенсировать перекося, и космический корабль начал постепенно набирать скорость, держа курс от планеты. Позади него, среди хаоса оплавленных обломков, произошел еще один взрыв — это наконец обрушилось защитное поле вокруг перехода. Атмосферный воздух, увлекаемая за собой тучи обломков из сборочного цеха, устремился в пустоту. Вихрь ослабел лишь на несколько секунд, пока что-то пролетало через червоточину.

Наружу, словно пробка из бутылки, вылетел небольшой шар силового поля, и его мерцающая сфера начала быстро удаляться от перехода, уносимая безжалостным потоком воздуха. Какой-то темный предмет беспомощно болтался внутри нее. Затем вихрь снова ослабел, вылетел второй сверкающий шар и, кувыркаясь, понесся в пустоту вслед за первым.

«Второй шанс» к тому моменту уже удалился на двадцать пять километров и превратился в ослепительное продолговатое светило, уносящееся к далеким созвездиям. Вблизи платформы показался первый космоплан. На невероятно высокой скорости он серебристо-серой молнией промелькнул по экрану и врезался в остывающие руины сборочной конструкции. Произошел взрыв, сравнимый с детонацией ядерного заряда небольшой мощности. Светящийся шар не успел померкнуть, как в его центр влетел второй космоплан.

В сотне километров от них летящий к звездам «Второй шанс» продолжал набирать скорость.

Хоше надеялся, что через пару дней поток информации хоть немного ослабеет. Теперь, через неделю после отправки запроса, он понял, как сильно ошибался. Оказалось, что о таинственных личностях, обретающихся за границами общества и разделенных на так называемые долговременные преступные синдикаты, накоплено огромное количество данных. На Октиере существовали три такие организации, отличавшиеся друг от друга своей политикой: семья Джоаси, старая добрая мафия, у которой хватало мозгов и адвокатов, чтобы оградить своих боссов от последствий активности своих же рядовых громил; «Форал лимитед», компания, чье правление погрязло в финансовых преступлениях и криминальных разборках; а также «37-й отдел» — самая сильная и неуловимая группировка, чья подпольная империя опиралась на законный бизнес и политические связи. Все эти бандиты обосновались в Дарклейк-сити, и только по этой причине Хоше считал их наиболее вероятными подозреваемыми в убийствах Шахиф и Котала. Никто из этой парочки в течение нескольких недель до исчезновения за пределы столицы не выезжал. Если же они случайно наткнулись на что-то, что требовало устранения свидетелей, по всей вероятности, здесь поработал «37-й отдел», обладавший для этого необходимыми средствами и связями.

Но в первую очередь нужно было узнать, на что могли наткнуться двое безобидных граждан, чтобы вызвать такую бурную деятельность.

В официальных файлах, полученных Хоше из офиса главного прокурора, содержались сведения обо всех предыдущих расследованиях, а также отчеты о неправдоподобно неудачных судебных процессах, в которых участвовала группировка. Из всего этого наиболее полезными были рапорты оперативников под прикрытием и платных информаторов. Представителям власти были известны крупные и мелкие игроки, а также их основные дела, вот только доказать их участие законным образом было невероятно трудно.

Однако, с доказательствами или без оных, отчеты о делах сорокалетней давности принесли мало пользы. В тот период не было ни громких убийств, ни жестоких стычек с конкурентами, ни даже крупных грабежей. Только стабильное перекачивание прибылей от клубов, игорных залов, химических и цифровых наркотиков, проституции, банковских махинаций и сомнительных строительных контрактов.

После изучения официальных материалов Хоше начал искать все упоминания о «37-м отделе» в средствах массовой информации. В основном это были просто слухи, хотя кое-кто из криминальных репортеров явно неплохо изучил предмет. Но и там не нашлось ни одного упоминания о серьезных преступлениях. Получалось, что за тот год и пять предыдущих лет не совершалось правонарушений, требовавших многолетней подготовки.

Незадолго до полудня детектив прервал работу ради наблюдения за невероятной атакой на космический корабль. Впрочем, то же самое сделали почти все граждане Содружества. Даже главный следователь откинулась на спинку кресла и следила за сценами, мелькавшими на ее настольном экране. Но «Второй шанс» ускользнул от налетчиков, и груз информации, ожидавшей внимания Хоше, заставил его вновь заняться делом — несмотря на то что его коллеги из штаба городской полиции постоянно заглядывали в кабинет, чтобы спросить, видел ли он репортаж и что думает по его поводу. Казалось, еще больше их интересует мнение Паулы, но она держала его при себе. К концу дня Хоше снова полностью погрузился в сухие сводки криминального подполья. В конце концов нескончаемый поток данных с

виртуального и визуального дисплеев вызвал у него головную боль. Детектив протянул руку за чашкой кофе, но обнаружил в ней только остывший осадок от предыдущей порции.

— Налью еще немного, — пробормотал он.

Паула даже не подняла головы, когда он пошел к двери. Им выделили для работы кабинет на пятом этаже — довольно приятную комнату с широким окном и не слишком старой мебелью. На столах имелось самое современное оборудование с соответствующими экранами и дисплеями. Вот только кофейный автомат стоял в коридоре.

— Подожди, — сказала Паула, остановив его почти на пороге. — У меня секретный вызов.

Это был Кватукс. Паула вывела сигнал на большой настенный экран, и Хоше уселся перед ним, как только появилось изображение чужака. При виде райеля он озабоченно нахмурился. Кватукс с трудом поднял голову, чтобы взглянуть в камеру. Его тело и конечности постоянно вздрагивали, словно от внутреннего кашля.

— Я прожил ее жизнь, — прошептал Кватукс. — Никак не могу понять, как вы, люди, можете такое выдерживать. Ваши бесконечные дела и переживания — это и проклятие и благословение одновременно. Вы никогда не останавливаетесь, чтобы оценить и переварить то, что с вами происходит.

— Да, мы такие, — ответила ему Паула. — Как ты? Ее воспоминания не причинили тебе вреда?

— Мне было очень тяжело. Не ожидал, что так будет. Я вижу настоящее и вижу прошлое. Я стал Тарой, как не становился ни одним человеком прежде. Это и пугает, и восхищает меня. Раньше я никогда не испытывал страха.

— Воспоминания развеются, такова их природа. И ты снова будешь знать, кто ты.

— Они развеиваются для вас. Что же касается меня, я в этом не уверен. Я многое хочу удержать в памяти и поразмышлять. Мне нелегко будет с ней расстаться.

Паула подалась вперед в своем кресле.

— Итак, тебе доступна вся ее жизнь?

— Да. Да, я хорошо ее изучил. Так много цвета и звуков, так много чувств. Что за чувства испытывала Тара! Однажды она заплакала, наблюдая рассвет, настолько он был прекрасен. Это было в пустыне, где лучи солнца играли на скалах и на небе, и каждая секунда добавляла песчаной равнине все новые оттенки. Теперь я ощущаю ее слезы — тонкие нежные ручейки на щеках, затуманивающие зрение.

— А ты искал то, о чем я просила? Были ли у нее враги, испытывавшие к ней ненависть?

Голова райеля в печальном отрицании качнулась из стороны в сторону, и его щупальца нестройно повторили это движение.

— Нет. С твоей точки зрения, она могла бы показаться пресной и неинтересной, поскольку ее жизнь не так стремительна и насыщена, как твоя. Но Тара — нежная женщина, она любит жизнь и ненавидит боль и страдание. Наихудшие чувства, испытываемые ею по отношению к другой личности, — это раздражение и разочарование. Самый тяжкий ее проступок — эгоизм, она встречалась одновременно с несколькими партнерами, поскольку не могла устоять перед соблазнами и волнениями, приносимыми этими связями. Но это не значит, что она была плохой.

— Насколько серьезно реагировали на это обстоятельство ее партнеры?

— Кто-то плакал. Кто-то злился. Остальные оставались равнодушными. Она мирно

расставалась с каждым из них. Никто не хотел ее убивать. В этом я совершенно уверен.

— Проклятье! — Губы Паулы сердито сжались. — Значит, никто?

— Нет. Она не святая, но возбудить в ком-то ненависть и подтолкнуть к убийству...

Этого я не вижу. По крайней мере, ее глазами.

— Спасибо, Кватукс. Извини, что тебе пришлось так тяжело. Я высоко ценю твою помощь.

— Тебе не за что извиняться. Я люблю людей, всех людей. Я часто думаю, что родился не в той расе.

— Ты хорош такой, какой есть.

— Паула, ты принесешь мне еще воспоминания? Я покупаю их через вашу унисферу, но ни одно из них не дает такой полноты ощущений и правдивости.

— Посмотрим. Возможно, я снова тебя навещу.

— Спасибо. Может, ты когда-нибудь принесешь мне свои воспоминания? Я уверен, ты самый выдающийся человек из всех, кого я знаю.

— Это весьма лестно для меня, Кватукс. Я сохраню в памяти твои слова.

Она дождалась, пока изображение райеля не померкло, а потом сморщила нос, глядя на серый экран.

— Выходит, страсть тут ни при чем, — заметил Хоше.

Паула продолжала смотреть на пустой экран.

— Да, похоже на то.

— На Кватукса можно положиться?

— Вполне. Если уж он никого не увидел, мы с тобой тем более не найдем ничего полезного в этой записи. Единственным вариантом может быть то, что Шахиф рассердила чрезвычайно опасного человека, какого-то психопата, способного скрывать свои эмоции. Но я признаю, что это натянутая версия.

— А как насчет серийного убийцы? На Октиере таких не числится, но кто-то мог охотиться за жертвами по всему Содружеству.

— Опять-таки это возможно. Если и так, нам неизвестен образ его мыслей. А это интересует Управление в первую очередь, когда речь заходит о беспричинном убийстве. Аналитическая система в Париже не сумела найти никакой связи ни с одним из серийных убийц, дела на которых у нас имеются. — Она печально улыбнулась и посмотрела на Хоше. — Ну а как продвигаются дела с преступными синдикатами?

— Не слишком хорошо. Я не могу отыскать ни одного серьезного преступления за тот период. Нет ни официальных данных, ни слухов. Лучшее, что я могу предложить, — это случайный бандит, который убивает любого, кто попадается ему на пути, а потом замечает следы.

— Да, это подходит. Но не дает обвиняемого.

— У меня еще масса непрсмотренных дел.

— Ты уже неделю занимаешься аналитическими сводками; если бы в них было что-то полезное для нас или хотя бы относящееся к делу, ты бы это уже обнаружил. Тебе наверняка известно, как я не люблю заниматься делами, в которых так много подозрительных обстоятельств, но в данном случае у нас не так много направлений для расследования. — Паула сняла заколку с пучка волос на затылке, приладила пряди и снова их закрепила. — Я должна немного подумать.

Хоше впервые услышал, как главный следователь размышляет о неудаче, и его это

шокировало.

— Сколько же мотивов у нас остается? Видимо, это случайное убийство. Нам известно, что дело не в личных отношениях, не в служебной деятельности, не в политике и даже не в деньгах, поскольку ты сама сказала, что она стала только богаче. И нам не удастся ничего выяснить, потому что информации нет ни в документах, ни в воспоминаниях.

Он замолчал, заметив напряженный взгляд Паулы. Затем на ее лице появилась улыбка. Хоше искренне понадеялся, что эта улыбка обращена не к нему. В ней было нечто звериное, хищное.

— Проклятье! — восхищенно воскликнула Паула. — А это умный ход, не так ли? Но ведь он умен, мы сами в этом убедились. Умен и решителен.

— Кто?

Ее улыбка стала язвительно насмешливой.

— Я никогда, ни на секунду не рассматривала этот мотив. Проклятье!

— Кто? Ты знаешь, кто это?

— А ты, детектив?

— Ну же скажи! Кто это?

— Все дело во времени. Он убил не для того, чтобы получить ее деньги — это слишком очевидный мотив, и мы бы быстро его вычислили. Он сделал так, чтобы увеличить капиталы их обоих. Она получает не меньшую выгоду от своей смерти, чем он.

— Кто?

— Мортон.

— Не может быть! — воскликнул Хоше. — Он же сам первым поднял тревогу.

— Это ничего не значит. Все было очень тщательно продумано. И похоже, он не сохранил воспоминаний. Воспоминания — это улика. Он все стер.

— Сукин сын! Ты уверена?

— Теперь да. — Прикрыв глаза, Паула торопливо прокручивала в уме все обстоятельства дела. — Все сходится. Взгляд в прошлое — великая вещь.

— И что же мы теперь будем делать?

— Нам нужны улики. Они будут двух типов: материальные и финансовые. Я займусь историей компании.

— Хорошо. А что за материальные улики?

— Я хочу, чтобы ты отыскал тела.

* * *

День в офисе выдался неудачный. Мортон ожидал, что предварительный контракт на строительство центрального проспекта и сети водоснабжения для новой столицы Пуимро будет готов к подписанию еще утром. По его настоянию «Ганза» сильно снизила цену: убытки на этой стадии не имели значения. Это соглашение было ключом, прелюдией к целой серии контрактов на работы в новом многообещающем мире. С таким фундаментом «Ганза» может планировать деятельность на два десятка лет вперед, пока не станет такой же большой, как материнская компания на Октиере. Вот тогда и начнется борьба за межпланетный статус.

Но адвокаты комитета по развитию на Пуимро высказали подозрение, что снижение

стоимости контракта «Ганза» намерена оправдать экономией на материалах и конструкциях. Они хотели добавить в контракт гарантии качества и исключить возможность сверхприбылей. Все это достаточно разумно, но где, черт побери, они были два месяца назад, во время предварительных переговоров? Из-за бюрократической неразберихи, занявшей весь вчерашний день, Мортон начал ругаться с адвокатами и экономистами своей корпорации. И поздно вечером, когда он в самом дурном настроении пнул ногой собственную машину, еще ничего не было улажено. Команда адвокатов и экспертов «Ганзы» по контрактам собралась в конференц-зале и была готова работать всю ночь, чтобы утрясти проблемы и вопросы, поднятые их коллегами с Пуимро. Очередной этап переговоров был назначен на следующую неделю, и подписание теперь состоится не раньше чем через десять дней.

Проклятые бюрократы, вечно они стоят на пути прогресса.

Дворецкий встретил Мортон у двери лифта в вестибюле и подхватил сброшенный им пиджак. Мортон прошел в гостиную и сощурился от закатных лучей, бивших сквозь крышу над садом и бассейном. На шезлонге, уронив голову на руки и понуро сгорбившись, сидела Меллани.

О господи, только этого ему сейчас и не хватало. Он хмуро встретил ее взгляд. Меллани робко улыбнулась и поспешила в гостиную.

— Сэр. — Дворецкий подал ему шипучий джин.

— Спасибо.

Мортон взял с серебряного подноса бокал.

По лицу Меллани, вышедшей из лучей яркого солнца, стало видно, что девушка плакала.

— Что случилось?

Вопрос был почти риторическим: ее дела Мортон ничуть не беспокоили.

Она обняла его и положила голову ему на грудь.

— Утром я пошла на тренировку, — чуть охрипшим голосом заговорила она, — а тренер сказал, что я плохо справляюсь, что результаты слишком низкие. Он заявил, что я утратила работоспособность.

— Ага.

Мортон чуть не спросил: и это все? Современное общество было заинтересовано только в командных видах спорта. Генетики Содружества теперь запросто создавали суператлетов, и индивидуальные соревнования сводились к соперничеству между лабораториями и клиниками. А вот в командных видах все было иначе, здесь главную роль играли естественные качества и в первую очередь опыт. В таких играх, как футбол, бейсбол или крикет, объединенные усилия всей команды могли привлечь массу преданных болельщиков. Хотя Мортон считал, что это уже не имеет прямого отношения к спорту и значение общественной поддержки искусственно преувеличивается производителями спортивных товаров и средствами информации, чтобы увеличить производительность рекламы.

— Твой тренер просто идиот. Не обращай внимания.

Она снова заплакала.

— Меня исключили.

— Что?

— Исключили из команды. Морти, это было так ужасно, он заявил об этом перед всеми. И даже привел двух новых девчонок.

— А, ну да. — Он рассеянно похлопал ее по спине и отпил джина. — Не бери в голову,

найдется что-нибудь другое. Так всегда бывает.

Меллани слегка отдалилась, чтобы увидеть его лицо. Его слова явно потрясли ее.

— Что? Мортон, ты не понял? Со мной все кончено.

— Да, я понял. Так займись чем-нибудь другим. Давно пора. Ты и так уже потратила на эти занятия несколько лет. Теперь у тебя начнется нормальная жизнь.

Ее полные губы округлились в разочарованном вздохе, Меллани отступила на шаг назад и затем со сдавленными рыданиями бросилась в спальню.

Мортон услышал, как хлопнула дверь, и устало вздохнул. А чего она ожидала? Это вечная проблема с теми, кто живет первой жизнью: они не видят перспектив.

— Ну, спасибо, что поинтересовалась, — бросил он ей вслед. — У меня тоже выдался не самый приятный денек.

Эл-дворецкий доложил о вызове от главного следователя Мио. Мортон неторопливо отпил еще глоток джина.

— Переведи вызов на экран в гостиной, — приказал он эл-дворецкому.

Лицо Паулы Мио, даже увеличенное до двухметрового размера, выглядело безупречно. Мортон уселся в кожаное кресло и понял, что снова восхищается ее красотой. Такая, как она, была бы исключительным партнером: они оба уже достигли определенных высот, а это сейчас встречается не так уж часто, и могли бы быть союзниками, а не соперниками. Какое интересное сочетание наследственных черт...

— Я не ожидал вашего вызова, главный следователь. Что я могу для вас сделать?

— Мне необходим доступ к некоторым финансовым документам, а именно — к отчетам бывшей «Аквастейт». Поскольку вы председатель правления материнской компании, мне проще обратиться непосредственно к вам, чем иметь дело с судебными инстанциями.

— Вот как? — Он совсем этого не ожидал. — Могу я спросить, зачем вам это понадобилось? Что именно вы ищете?

— Я не могу обсуждать расследуемое дело. Думаю, вы меня понимаете.

— Да, конечно. Я достаточно подробно ознакомился с административными процедурами, особенно в последнее время.

— Похоже, у вас неприятности.

Он обворожительно улыбнулся:

— Этого я вам сообщить не могу, коммерческая тайна.

— Но старые отчеты вы можете мне представить?

— Да, безусловно. Могу я предположить, что вы добились определенных успехов в расследовании?

— Могу лишь сказать, что вы не ошиблись в своих предположениях.

— Рад это слышать. — Он отдал эл-дворецкому распоряжение переслать ей требуемые файлы. — Паула, позвольте задать еще один вопрос: в данный момент вы с кем-то встречаетесь?

— Не понимаю, каким образом ваш интерес связан с расследованием.

— Совсем не связан, это личный интерес.

— И что же вы хотите узнать?

— Я уверен, такие вопросы вы слышите довольно часто. Но хочу быть с вами откровенным с самого начала; если вы не связаны с кем-то тесными отношениями, я был бы рад пригласить вас на ужин в первый же свободный вечер.

Ее голова на экране слегка склонилась вбок, и на лице появилось выражение почти

птичьего любопытства.

— Это очень лестное предложение, Мортон, но в данный момент я не могу дать своего согласия. Надеюсь, я вас не обидела.

— Нет, что вы! В конце концов, вы же не сказали, что это невозможно. По окончании расследования я надеюсь повторить свое предложение.

— Как пожелаете.

— Благодарю вас, главный следователь. И надеюсь, что переданные материалы будут вам полезны.

— Несомненно.

Разговор закончился. Мортон развалился в кресле, продолжая смотреть на пустой экран, где ему все еще чудилось изысканно-красивое лицо. Ему показалось, что день все же прошел не зря.

* * *

Наступил восьмой день их скитаний по лесу, и Оззи наконец пришлось распаковать выюк, чтобы достать теплую одежду. Листопадные деревья в последний раз они видели пару дней назад. Теперь тропа вела их между высокими мрачными гигантами с темными стволами и каменно-твердой корой. Их длинные узкие листья, покрытые восковым налетом, были значительно толще, чем иглы земных сосен, а цвет варьировался от темно-зеленого до темно-коричневого, почти черного. Тонкий слой жесткой травы почти исчезал вокруг стволов, где падала содержащая кислоту листва. Прохладный воздух здесь препятствовал ее разложению и превращению в жирный перегной, как в обычном лесу. Резкий аромат насыщал воздух.

Солнечный свет, похоже, также покинул Оззи и Ориона. Изредка видимые клочки неба все время были серыми из-за низких туч, сбившихся в непроницаемую пелену. Порой поперек тропы протягивались полосы густого тумана, поднимавшегося выше самых больших деревьев. Чтобы преодолеть эти полосы иногда требовался не один час, и каждая из них казалась еще шире и холоднее, чем предыдущая.

После трех часов езды в непрерывной сырости Оззи решил, что с него хватит. Его тонкая кожаная куртка насквозь промокла от ледяного тумана и совсем не защищала клетчатую рубашку. Он спешил и, дрожа всем телом, поспешно сменил рубашку на сухую. Прежде чем туман успел впитаться в хлопок, он вытащил свинцово-серую куртку из шерстяной ткани с начесом и водонепроницаемым покрытием. А потом, к немалому изумлению Ориона, натянул поверх вельветовых штанов мягкие кожаные гамаши. Напоследок он пригладил непокорную шевелюру и нахлобучил на голову черную круглую шляпу. Покончив с переодеванием, он снова сел на лошадь и натянул перчатки из оленьей кожи. Почти сразу же ему стало жарко, но это его вполне устроило. Оззи участвовал во многих долгих походах, как пеших, так и конных, и предпочитал современную полуорганическую одежду способную согреть, охладить или высушить ее владельца в зависимости от обстоятельств. В мире сильфенов это было исключено, но свойства старых простых материалов его приятно удивили.

Для Ориона, не имевшего в багаже подходящего для такой погоды снаряжения, нашлась просторная хлопчатобумажная футболка, которую он надел под тонкую непромокаемую

ветровку, и запасные брюки из оленьей кожи, превосходно сидевшие на костлявых ногах парня поверх джинсов.

Они снова тронулись в путь. О том, где они сейчас находились, Оззи не имел ни малейшего понятия. Закрывавшие солнце и звезды тучи лишали возможности определить расположение сторон света. Они проехали так много развилок и так часто поворачивали вслед за тропой, что совершенно утратили чувство направления. Лиддингтон, по мнению путешественников, мог находиться в паре миль от них, хоть Оззи и догадывался, что с такой погодой и таким мрачным лесом это маловероятно.

— Ты когда-нибудь забирался так далеко? — спросил Оззи.

— Нет.

Орион стал более молчаливым. Эти места сильно отличались от гостеприимных летних лесов, к которым он привык, а холод и туманы еще больше ухудшили его настроение. Уже три дня они не видели никаких признаков сильфенов — их последняя группа быстро скрылась от визитеров по боковой тропинке. До этого эксцентричные чужаки встречались им ежедневно, и они всегда останавливались, чтобы поприветствовать друг друга, хоть Оззи так и не удалось получить от них каких-то осмысленных объяснений. Он уже начал сознавать, насколько был прав РИ в своем утверждении о глубоком различии их нервных систем, исключающем по-настоящему полноценное общение. И вместе с тем соответственно росло его восхищение экспертами Содружества по культуре. У самого Оззи не было и малой доли терпения, необходимого для расшифровки высказываний сильфенов.

Сумерек как таковых тоже не было. Серая мгла сразу сменялась ночной тьмой. Оззи полагался на свои антикварные механические часы «Сейко», чтобы определить время ночлега, и до сих пор они служили ему верой и правдой. Но в этот вечер то ли темнота опустилась раньше, то ли невидимые тучи сгустились плотнее обычного.

На привале им пришлось зажечь две керосиновые лампы, предусмотрительно взятые Орионом. Лампы шипели и трещали, отбрасывая слабый мерцающий желтоватый свет. Ближайшие деревья угрожающе нависали над головами, окружая путников плотной стеной по краю поляны.

— Сегодня ставим палатку, — как можно бодрее заявил Оззи. По лицу Ориона было ясно, что он готов расплакаться. — Ты готовишь ужин, а я нарублю немного дров для костра.

Оззи оставил парня копать во вьючных тюках, а сам, прихватив мачете с алмазной кромкой, подошел к ближайшему дереву. Оставшийся в рюкзаке волновой тесак в один миг рассек бы самую крепкую древесину, а с алмазным мачете, хоть его кромка и была толщиной всего в пару атомов, ему потребовалось сорок минут, чтобы срезать нижние ветви и разрубить их на поленья.

Орион хмуро посмотрел на пропитанные влагой дрова.

— И как заставить их гореть? — тоскливо поинтересовался он. — Твоя зажигалка тут не справится.

В лесу действительно не было ничего сухого. Туман сгустился в мелкую морось, с ветвей и листьев капала вода.

Оззи занялся растопкой, для начала попытавшись расколоть ветку вдоль.

— Ты, похоже, никогда не был бойскаутом, верно?

— Это кто такие?

— Юные любители походной жизни. Их всех учат тереть друг о друга куски дерева, чтобы получить огонь где угодно.

— Это глупо! Я не собираюсь тереть поленья.

— И правильно.

Оззи незаметно ухмыльнулся. Он достал из рюкзака банку с зажигательным гелем, открыл ее и нанес тонкий слой голубого желе на тонкие щепки, а потом разложил вокруг них поленья. Только тогда он вытащил бензиновую зажигалку — еще более древнюю, чем часы.

— Готов?

Он щелкнул зажигалкой и на вытянутой руке поднес огонек к щепкам. Гель воспламенился с громким хлопком, растекся по поленьям, и огонь мгновенно охватил всю грудку дров. Оззи едва успел вовремя отдернуть руку.

— А я думал, что напалм давно запрещен, — пробормотал он.

Орион рассмеялся от радости и, не снимая перчаток, захлопал в ладоши. Костер быстро разгорелся, зашипел и начал весело потрескивать.

— Не давай ему угасать, — сказал Оззи. — Новым поленьям надо просохнуть, прежде чем они разгорятся.

Орион с восторгом стал подбрасывать дрова каждые несколько минут, а Оззи тем временем приступил к установке палатки, выбрав место в нескольких ярдах от костра. Каркас состоял из обычных распорок, поддерживавших двойное полотнище с воздушной прослойкой. Надувалось оно автоматически, стоило только отвернуть клапан. Поверх основного полотнища набрасывался тент из плотного водонепроницаемого материала с длинными кольшками по всему краю, которые Оззи вогнал глубоко в землю. В таком густом лесу вряд ли стоило опасаться сильного ветра, но эта погода вызывала у него дурные предчувствия.

На этот раз Оззи в виде исключения позволил Ориону самому выбрать продукты для ужина. Это хоть отчасти могло поднять настроение парню, сильно помрачневшему из-за окружающей обстановки. Вскоре они устроились под небольшим навесом, образованным верхним тентом палатки, где тепло костра согревало их и подсушивало одежду, и занялись ужином, состоявшим из сосисок, гамбургеров, бобов и толстых ломтей хлеба, политых горячим сыром. В завершение трапезы Орион разогрел банку апельсинового бисквита с патокой.

Затем они накормили животных, подложили дров в костер и залезли в палатку. Оззи свернулся калачиком в своем всесезонном спальнике, а Орион, не обладавший столь роскошным снаряжением, накрылся поверх спального мешка парой одеял. Перед сном он успел пожаловаться, что ему слишком жарко.

Проснулся Оззи от головной боли и явного недостатка воздуха. В палатке было светло, но яркость этого света разительно отличалась от дневного освещения. Орион еще спал, тяжело и прерывисто дыша. Несколько мгновений Оззи, ничего не понимая, смотрел на него, а потом его вдруг осенило.

— Черт!

Он выбрался из спального мешка, едва не сломав молнию дрожащими пальцами, и пополз к выходу. С застежкой внутреннего полотнища он справился легко, а наружный тент сильно провис. Он дернул за язычок молнии. Снаружи ему на ноги высыпался ручеек мелкого рыхлого снега. Поток снега иссяк, образовав изрядный холмик, но неба Оззи так и не увидел. Ему пришлось выбираться наружу, отчаянно разгребая белую массу, и только через пару секунд он ощутил, что хватает пальцами воздух. В отверстие хлынул яркий

дневной свет. Оззи глубоко вдохнул морозный воздух, стараясь унять паническое сердцебиение.

Позади него, изумленно моргая, сидел Орион.

— Что случилось?

— Ничего, все в порядке.

— У меня голова болит. Это снег?

— Ага.

— Вот здорово! — Орион подполз к выходу и набрал пригоршню снега. — Я никогда его раньше не видел. Он покрыл все, как на рождественских открытках с Земли?

Оззи, собиравшийся сказать парню, чтобы тот надел непромокаемую одежду, внимательно на него посмотрел.

— Ты шутишь, старик? Ты никогда не видел снега?

— Нет. В Лиддингтоне не идет снег. Никогда.

— Верно. Ладно. Надевай водонепроницаемую куртку, и давай посмотрим, что творится снаружи.

Слой снега на земле был толщиной примерно фут и по несколько дюймов на каждой веточке и листьях. Вокруг стволов покров был немного тоньше, зато палатку занесло почти до самого верха. Оззи ощутил укол стыда. Еще немного — и тент не выдержал бы снеговой нагрузки. В этом чужом лесу надо вести себя осторожнее.

Вместе с Орионом они подошли успокоить дрожавших от холода и бивших копытами животных. Лохматый пони, похоже, ничуть не возражал против снега и мгновенно потянулся за горстью овса в руке Ориона. Лонтрус в ответ на похлопывание Оззи энергично отряхнулся, сбрасывая снег с густой сизо-серой шерсти. Биохимическая структура этих странных существ позволяла им спокойно переносить и более низкие температуры. Больше всего пострадала Полли, не имевшая защиты от холода. Мистер Стаффорд, хозяин конюшни, явно держал ее для умеренных температур Сильверглейда. Оззи, почесывая дрожащую шею кобылы, задумался над этим обстоятельством. Он отчетливо сознавал, что они уже покинули зону умеренного климата. И даже за тысячу миль к северу от Лиддингтона никогда не было таких холодов. За девять дней они проделали немалый путь, но никак не могли добраться до Северного полюса планеты. Единственной рациональной причиной могла стать значительная высота, хотя Оззи и не мог сказать, как они умудрились ее достичь. Они не видели ни одной горной вершины, да и на карте, сохранившейся в его виртуальном поле зрения, не было ничего подобного на расстоянии девяти дней пути от Лиддингтона. Даже на расстоянии двадцати дней верховой езды не было никаких высокогорных районов.

Оззи повернулся кругом, взглянул на блеклое небо, и на его лице расцвела довольная улыбка.

— Да, это определенно не Канзас, — тихо прошептал он.

Путешественники позавтракали, не разводя огня, откопали палатку и снова отправились в путь. Мелкий сухой снег целый день летел в самых разных направлениях, и самого легкого дуновения ветерка было достаточно, чтобы светлые хлопья взвивались тонкими вихрями. Лес сверкал свежей и хрупкой белизной, вот только никаких признаков тропы не осталось. Однако лошадь, пони и лонтрус стоически смирились с новым климатом и уверенно трусили вперед, словно знали, куда надо идти.

Время от времени с вершин гигантских деревьев с мягким продолжительным гулом осыпались целые горы снега, и в безмолвном лесу этот звук вызывал тревожный трепет.

Около полудня снег стал мягче, с невидимого неба полетели огромные хлопья. Дневной свет сменился серой мглой, а воздух стал еще холоднее. Чем гуще становился снегопад, тем труднее давался Полли каждый шаг. Оззи спешил, чтобы поверх всей одежды надеть еще и непромокаемую накидку. За неимением полуорганики он наращивал количество слоев одежды, и это позволяло ему сохранять тепло и оставаться сухим, впрочем сильно проигрывая в подвижности.

В своей новой экипировке он с трудом смог снова подняться в седло. Ориону досталась пара свитеров и еще одни брюки, чтобы надеть под кожаные штаны. Оззи задумался о наступлении ночи. Снег и не думал переставать падать, а для устройства лагеря им потребуется немало светлого времени.

Примерно через час им попались заросли кустарника. Кусты почти полностью скрылись под снегом и стали похожими на дюны, лишь кое-где из них торчало несколько веточек.

— Мы остановимся на ночевку здесь, — сказал Оззи.

Орион молча огляделся по сторонам и пожал плечами. За весь день он произнес всего несколько слов.

Оззи скинул верхний слой одежды и взобрался на дерево за кустами. Алмазной пилой он быстро снял нижние ветви, отрезав их у самого основания. Затем выбрал четыре самые крупные и уложил их в квадрат, так что получился замкнутый барьер. Вполне подойдет в качестве импровизированного загона. Пока Оззи осторожно спускался на землю, верхнюю часть ветвей уже занесло снегом.

Орион занялся обвязыванием спин лошади и пони запасными одеялами, а Оззи начал устанавливать палатку под защитой огромного ствола. Заканчивал он уже в темноте, а часы показывали только четверть шестого. День продлился всего десять часов. Сутки на Сильверглейде же составляли двадцать пять с половиной часов.

— Ты собираешься разжигать костер? — спросил Орион, стуча зубами.

Оззи помог парню забраться в палатку.

— Не сегодня, — ответил он. — Забирайся в спальник, так легче сохранить тепло.

Орион повиновался без единой жалобы. Под глазами у него залегли глубокие тени, а в свете керосиновой лампы казалось, что даже веснушки на его белой коже сильно побледнели. Оззи заполз в свой спальный мешок и моментально ощутил разницу. Тогда он вытащил из своей сумки термобрикет и сорвал обертку. В результате простой химической реакции верхняя часть брикета быстро раскалилась докрасна, и от нее повеяло теплом. Они по очереди разогрели консервные банки для ужина, а потом Оззи вскипятил два термоса чая, чтобы утром не пришлось возиться с завтраком.

— Постарайся поспать, — сказал он. — До рассвета осталось недолго.

Орион взглянул на него с тревогой.

— А снег снова завалит палатку?

— Нет. Все будет отлично. Да и снег стал заметно реже, когда мы забрались внутрь. Но на всякий случай я буду выглядывать каждые два часа.

— Мне еще никогда не было так холодно.

— Но теперь ты согрелся, правда?

— Угу. — Парень натянул спальник до подбородка. — Вроде согрелся.

— Ну и хорошо. — Оззи завернулся в одеяло. — Когда перестаешь двигаться, становится холоднее, это обычное дело.

Рассвет наступил, когда часы Оззи показывали без пяти минут четыре. Эл-дворецкий всю ночь регулярно будил его, чтобы проверять палатку, и Оззи казалось, что он проспал не больше десяти минут. Орион также не выказывал никакого желания вылезать из спального мешка.

— Нам надо двигаться дальше, — сказал ему Оззи. — Нельзя же здесь остаться.

— Я знаю.

Снегопад прекратился еще ночью, оставив после себя сверкавший белизной пейзаж. Снег был повсюду — он облепил даже вертикальные стволы деревьев, так что любая случайная темная веточка казалась висящей в воздухе. Слой снежного покрова составил около двух футов. Оззи выбрал самые темные защитные очки, стараясь не показывать своего беспокойства. Сегодня животные будут идти еще медленнее.

— Мистер Стаффорд должен продавать еще и сани, — сказал Орион. — Он наверняка ухватится за эту идею, когда я ему скажу.

Оззи преувеличенно громко рассмеялся шутке мальчишки и слегка обнял его за плечи. Попивая горячий чай из термосов, они подошли к самодельному загону, в некоторой степени сыгравшему свою роль. Наметенный под ветками снег все-таки защитил животных от ветра. Лошадь и пони сильно истоптали снег внутри загона и дрожали от холода. Лонтрус стоял спокойно, выпуская из ноздрей едва заметные облачка пара. Оззи показалось, что его глаза, окруженные густыми прядями шерсти, стали очень грустными.

Орион угрюмо огляделся.

— Куда теперь ехать?

Оззи нахмурился. Сказать ему было нечего. Он постарался вспомнить, с какой стороны они пришли накануне, но это было невозможно: все деревья казались абсолютно одинаковыми.

— Попробуй воспользоваться своим амулетом, — предложил он.

Паренек засунул руку под свитера и вытащил подвеску. Внутри нее мерцала слабая голубая искра. Орион медленно повернулся кругом, держа амулет как компас. Справа от палатки огонек стал заметно ярче. Оззи даже почудилось, что деревья с той стороны образуют нечто вроде аллеи.

— Значит, туда, — сказал он.

— Теперь ты рад, что я поехал?

— Очень. — Оззи положил руку ему на плечи. — Похоже, я у тебя в долгу. Как думаешь, в какую это выльется сумма?

— Я просто хочу, чтобы мама и папа вернулись.

— Да, конечно. Но кроме этого? Мне кажется, надежный проводник стоит пары миллионов. Это серьезные деньги.

— Я не знаю.

— Да ну, парень. Я в твоём возрасте очень хорошо это понимал.

— Ладно. — К Ориону неожиданно вернулась прежняя живость. — Это большие деньги, да?

— Точно. Можно переделать по своему вкусу всю планету.

— В первую очередь я куплю много полисов омоложения, чтобы жить долго, как ты.

— Хорошая мысль.

— А потом куплю много умных воспоминаний, чтобы получить образование и разбираться в разных сложных вещах вроде физики, искусства и финансов и чтобы не

тратить годы на школу.

— Еще лучше.

— А еще я хочу машину, настоящую клевую машину, самую лучшую.

— Тогда это, наверное, «Ягуар Шевроле две тысячи двести пятьдесят один», модель «Тандерберд» с откидным верхом.

— Правда? Это самая лучшая?

— Точно. У меня самого в гараже стоит парочка таких. Печально, что в последнее время мне не удастся на них покататься. Обычное дело, когда имеешь кучу денег: можешь делать все, что захочешь, но ни на что не остается времени.

— И часть денег я отдам на благотворительность, чтобы помочь тем, кто нуждается.

— Прекрасно. Ты всем докажешь, что ты добрый парень, а не один из богатых ублюдков, которых ничего не волнует.

— Оззи, значит, и ты раздаешь деньги? Ведь все знают, что ты клевый парень.

— Ну да. Часть я раздаю. — Он пожал плечами. — Когда вспоминаю об этом.

Как Оззи и предполагал, Полли было трудно идти первой, и двигались они крайне медленно. Можно было бы поставить первым лонтруса, но у него слишком короткие ноги. Поэтому Полли приходилось прокладывать путь, разрыхляя длинными ногами толстый слой снега. Большую часть утра Оззи пытался найти выход из сложившейся ситуации. Сделать что-то вроде снегоступов или саней и тащить на них запас продовольствия, а животных отпустить? Или просто вернуться, чтобы отыскать снаряжение, соответствующее этой местности? Вот только... кто знает, в какую местность они попадут в следующий раз, если, конечно, сумеют отыскать дорогу до Лиддингтона?

Он продолжал твердить самому себе, что это страна сильфенов и они не допустят, чтобы гостям угрожала реальная опасность. Или допустят?

Постепенно глубина снега стала уменьшаться. Он, однако, оставался таким же сухим и по-прежнему покрывал все вокруг. Через четыре часа дороги Оззи била дрожь, несмотря на все слои одежды. Снаружи его тело покрывал еще один слой — слой инея. Ничего не оставалось делать, кроме как спешиться и идти рядом с лошадью, разгребая снег ботинками. Физические усилия его немного согрели, но возникло беспокойство по поводу сжигаемых калорий. Лошадь и пони, несмотря на повязанные одеяла, явно слабели.

Примерно около полудня Оззи заметил впереди какие-то следы. Сняв защитные очки, он обнаружил, что свет стал бледно-розовым. Мир вокруг был похож на гигантский грот, словно лес был высечен из хрупких розовых кораллов.

— Что, уже вечер? — раздался приглушенный голос Ориона.

Все его лицо, за исключением узкой щели для глаз, закрывал толстый шерстяной шарф.

Оззи взглянул на часы.

— Я так не думаю. — Он нагнулся, чтобы получше рассмотреть следы. Эти продолговатые треугольники без следов протектора были определенно отпечатками ног. — Возможно, обувь сильфенов! — взволнованно воскликнул он.

Оззи обнаружил полтора десятка разных отпечатков; все они тянулись из леса, а две цепочки появлялись под деревьями, куда чужаки, вероятно, забирались. Следы переплетались между собой и исчезали между занесенными снегом деревьями.

— Ты уверен? — спросил Орион.

Он топтался на месте и хлопал ладонями по бедрам, стараясь хоть немного согреться.

— Почти уверен. Не знаю, кто еще может бродить по этим местам. Кроме того, выбор у

нас невелик.

— Хорошо.

Они снова тронулись в путь. Орион шагал рядом с пони, положив руку на седло и придерживая поводья. Оззи подозревал, что таким образом парень частично опирается на животное. Воздух стал таким холодным, что при вдохе обжигал рот. На шарфе, закрывавшем лицо, выросли длинные сосульки. Прежде чем надеть очки, Оззи попытался определить положение солнца. Ветви наверху уже не были такими густыми, и между ними просвечивало туманно-розовое небо. Часть небосвода между горизонтом и зенитом показался ему наиболее яркой, но это отодвигало наступление ночи еще на несколько часов. Судя же по предыдущим коротким суткам, у них оставалось всего около часа.

Еще через полчаса пути Орион упал. Оззи узнал об этом только по едва слышному стону. Обернувшись, он увидел, что мальчик лежит в снегу лицом вниз возле остановившегося пони. Оззи поспешил на помощь, но окоченевшие конечности плохо слушались, словно он проталкивался сквозь вязкую жидкость. Оззи приподнял Ориона и понял, что тот даже не дрожит. Он сорвал шарф с лица, чтобы проверить дыхание. Губы мальчика потемнели и потрескались, на них застыли яркие капельки крови.

— Ты слышишь меня? — крикнул Оззи.

У Ориона дрогнули ресницы, и с губ снова сорвался стон.

— Проклятье! — буркнул Оззи. — Держись, я сейчас поставлю палатку. Мы переждем, пока погода не улучшится.

Орион ничего не ответил, только едва заметно шевельнул рукой. Оззи усадил его, прислонив к ногам пони, а сам попытался распаковать палатку. В толстых рукавицах это сделать не удалось, и он сбросил их, стараясь не морщиться от арктического холода, мгновенно проникшего сквозь шерстяные перчатки. Он очень быстро отчаялся расстегнуть ремни крепления и, достав из ножен мачете с алмазным лезвием, просто перерезал их. Три раза ему пришлось снова надевать рукавицы и хлопать руками, чтобы вернуть пальцам способность шевелиться. Ему казалось, что прошел не один час, пока надувная часть палатки нехотя распрямилась и он смог закрепить края кольями. Он бросил внутрь пару термобрикетов и затащил туда едва не потерявшего сознание Ориона. При закрытом пологе жар от термобрикетов быстро нагрел воздух, но, чтобы это ощутить, Оззи пришлось снять с себя и Ориона часть одежды.

В обмороженных пальцах постепенно восстанавливалось кровообращение, и он невольно скривился от боли. Орион зашелся в приступе кашля, с трудом сдерживая слезы.

— Как может быть настолько холодно? — с отчаянием спросил он.

— Если хочешь знать, по-моему, мы уже не на Сильверглейде.

Оззи внимательно посмотрел на мальчика, пытаясь предугадать его реакцию.

— По моим подсчетам, уже около трех дней, — сказал Орион. — Но я никак не возьму в толк, кому придет в голову посещать планету с таким климатом.

— Вот как! Не могу ручаться, но, думаю, мы находимся не в полярном районе, поскольку здесь растут большие деревья. Могу ошибаться, но практика подсказывает, что такие большие создания, как деревья, не выживают в ультрахолодной среде. По моим предположениям, это либо мир с умирающим солнцем, либо с очень длинной эллиптической орбитой, и нам не повезло явиться сюда в середине зимы.

Оззи потряс руками, стараясь прогнать боль в замерзших пальцах, к которым постепенно возвращались чувствительность и способность двигаться. Собственные уши до

сих пор казались ему двумя ледяными лепешками.

— И что же теперь делать?

— Как я уже сказал, подождем до утра и посмотрим, не изменится ли погода. Хотя, мне кажется, не стоит на это надеяться. Но идти дальше мы не можем. Надо как следует подготовиться. Немного погода я еще раз выйду наружу, чтобы поставить тент и затащить внутрь багаж. Нам необходима обильная горячая пища. А в медицинской аптечке есть мазь, которая поможет твоим губам.

— И твоим, — добавил Орион.

Оззи поднял руку ко рту и ощутил загрубевшую потрескавшуюся кожу.

— И моим, — согласился он.

Оставалось только молиться, чтобы дело не дошло до серьезных обморожений. Его ботинки достаточно хорошо защищали ноги, но позже надо будет проверить ступни Ориона.

— А что будет с животными? — спросил Орион.

— Дров для костра я нарубить не смогу, у меня на это не хватит сил. Но я размажу немного зажигательного геля вокруг одного из деревьев и попробую поддерживать огонь всю ночь. Это поможет им сохранить тепло.

О его нежелании покинуть палатку свидетельствовало слишком долгое время, ушедшее на подготовку. Но в конце концов он выскользнул в промерзший лес. Полли и пони опустились на снег, и это было очень плохим признаком. Лонтрус негромко сопел, но в остальном выглядел вполне благополучно. Пока пальцы еще двигались, Оззи поспешил втащить в палатку все вещи, а потом двадцать мучительных минут устанавливал наружный тент. Наконец и это было сделано, и он с флаконом зажигательного геля подошел к ближайшему дереву. Начав сбрасывать снег со ствола примерно в метре над землей, он остановился и нагнулся. Из-под снега появилась не кора, как он ожидал, а твердый слой похожих на темно-красные кристаллы образований, почти как аметист. Оззи потер поверхность рукой, но определить структуру вещества сквозь толстые рукавицы было невозможно, да и кожа на пальцах почти онемела. И все же он не сомневался, что это кристаллы, — он видел отраженный свет, сиявший внутри них. Никогда в жизни он не слышал о химической реакции, настолько преображающей кору. Превращение вследствие сильнейшего похолодания? В надежде на наличие древесины под кристаллической корой он поднял мачете и размахнулся. От удара несколько кристаллов откололось, но лезвие проникло в ствол всего лишь на какой-то сантиметр. Еще один, более мощный удар отколол значительный кусок аметистовой коры. Под ним снова обнажились кристаллы — колонна почти чистого кварца, составлявшая сердцевину дерева. Яркий розовый луч осветил сеть вертикальных капилляров, по которым невероятно медленно текла темная вязкая жидкость.

— Черт побери, — воскликнул Оззи, — драгоценное дерево!

Он поднял голову и увидел, что ветви отходят от ствола почти под прямым углом и, переплетаясь, образуют геометрические контуры. Толстый слой снега скрывал от глаз истинную природу этих странных растений.

Ощущение чуда, непременно возникшее бы у него после такого невероятного открытия, заглушило сознание, что погода завтра утром наверняка не улучшится. При теплом климате эволюция не дошла бы до кристаллической формы. Фактически этот процесс можно было бы назвать обратной эволюцией: арктические растения, распространившиеся во время ледникового периода, боролись за выживание в постепенно ухудшающемся климате, пока не достигли способности существовать в условиях вечной зимы. Сколько же миллионов лет

потребовалось на столь изоощренную мутацию? Похоже, весна была здесь в прошлую геологическую эру.

Оззи поспешил вернуться в палатку, не осмеливаясь даже взглянуть в сторону несчастных животных. Орион разогревал на термоблоках банки с едой. С внутренней оболочки палатки обильно капала вода.

— Я не заметил огня, — сказал Орион, как только Оззи закрыл за собой полог.

— Это дерево не горит. Жаль.

— Я снова чувствую пальцы на ногах.

— Хорошо. Воздушная прослойка сохранит тепло в течение ночи. В спальнях мешках мы отлично выспимся.

Он мысленно подсчитал оставшиеся запасы. У них еще одиннадцать термобрикетов. Этого хватит — если смотреть трезво — на три дня пути. Двигаться вперед они смогут еще только один день. Если тропа к концу завтрашнего дня не выведет их в более теплый климат, придется поворачивать назад. Никаких попыток заглянуть за следующий поворот, никаких предположений об изменениях. Если не будет реального улучшения, рисковать больше нельзя. Здесь нет никого, кто мог бы забрать и доставить в клинику его ячейку памяти для последующего оживления. Да и когда еще кто-нибудь заметит его отсутствие?

Оззи достал швейный набор.

— Ага! Есть идея, как подготовиться к завтрашнему дню. Как ты относишься к шитью?

— Я тебе все испортил, да? — спросил Орион. — Если бы не я, у тебя бы все получилось.

— Эй, парень! — Оззи попытался улыбнуться, но кожа на губах треснула, и ему пришлось промокнуть капельки крови. — Ничего подобного. Мы продолжаем путь, мы нашли настоящую тропу. И помог в этом твой амулет.

Орион вытащил подвеску из-под свитера. Темная безжизненная поверхность надолго приковала к себе их взгляды.

— Попробуй еще раз завтра утром, — посоветовал Оззи.

На следующее утро, выйдя из палатки, они увидели, что Полли и пони замерзли насмерть.

— Они ничего не почувствовали, — сказал Оззи остановившемуся около животных Ориону.

Тщательно сшитая накануне маска наполовину заглушала его голос. Оззи надел всю одежду, какую только смог, то же самое сделал и Орион. Его пальто как будто раздулось изнутри, вдвое увеличив объем худощавого мальчика, и даже перчатки, обернутые обрывками запасных носков, стали похожи на воздушные шары.

— Они чувствовали холод, — прошептал Орион.

Оззи не мог видеть его глаз под защитными очками, но подозревал, что они стали влажными. Благодаря очень теплым рукавицам Оззи сам снял палатку и навьючил лонтруса. Холод со вчерашнего дня ничуть не ослабел, но надетые ими дополнительные предметы одежды отчасти защищали от его губительного воздействия. Низкая температура не позволяла снегу таять, и им не грозила опасность промочить ноги, что означало бы почти верную смерть.

Легкий ветерок замел верхний слой снега, но остатки следов, по которым они шли вчера, еще были видны. Оззи безуспешно похлопал по крупу лонтруса, потом основательно пнул несчастное животное, и наконец лонтрус, испустив мучительный стон, двинулся

вперед.

Оптимистическое настроение, с которым Оззи покинул палатку и встретил новый день, быстро испарилось. Лонтрус, хоть и не спотыкался, шел очень медленно. Обилие одежды и рассыпчатый снег затрудняли каждый шаг путников. Оззи постепенно становилось все холоднее. Через многослойную одежду тепло просто не могло просочиться наружу, но общая эмиссия делала свое дело. Каждый раз, поднимая голову и глядя на высокие вишнево-красные облака, скользящие по розовому небу, он представлял себе потоки тепла, уносящиеся от его тела вверх, в ледяную бездну.

После пары мучительных часов он заметил, что кристаллические деревья стали ниже и покрывавший их снежный покров истончился, оставив верхние ветви почти голыми. Солнечный свет отражался от их граненой поверхности, сверкая всеми оттенками красного цвета — от нежно-розового до мрачного бордового. Под ногами снега тоже стало меньше, но Оззи давно уже потерял из вида цепочки следов сильфенов.

Он так внимательно вглядывался в промежутки между стволами, что не сразу заметил, как отстает Орион. Наконец паренек ухватился за спутанные пряди шерсти лонтруса, на что животное отреагировало жалобным визгом.

— Хочешь, сделаем привал? — спросил Оззи.

— Нет. Оззи, мне так холодно. Невероятно холодно. И страшно.

— Я понимаю. Но постарайся не останавливаться, ладно? Если не двигаться, будет еще хуже.

— Я постараюсь.

— Может, обопрешься на меня?

— Нет.

Оззи легонько потянул лонтруса за шерсть на шее, заставляя его идти медленнее. Животное не сопротивлялось. Их скорость еще больше уменьшилась. Оззи пришлось признать, что он переоценил свой план. Прошлой ночью он не принял во внимание ужасное состояние Ориона, и за весь день они в лучшем случае смогут пройти не больше пары километров. Да и этот короткий переход окончательно подорвет силы мальчика. Самым разумным решением стало бы немедленное возвращение. При такой скорости им, возможно, удастся вернуться к месту прошлого ночлега.

— Смотри, лес кончается, — произнес Орион.

Оззи сосредоточился. И ужаснулся той легкости, с которой он впал в полудремотное состояние. Кристаллические деревья заметно измельчали и уже не были покрыты снегом, от ровных аметистовых стволов под прямыми углами расходились основные ветви. На кончиках симметричных ветвей пурпурная кора уступала место гладким опаловым призмам, чьи плоские грани поглощали резкий холодный свет. Стволы стали заметно тоньше, и между ними проглядывалась обширная равнина. С того места, где находился Оззи, она представлялась гигантской круглой впадиной, окруженной невысокими холмами. Прозрачный воздух позволял увидеть ее противоположный край с той же четкостью, что и землю под ногами. При отсутствии ориентиров было трудно точно определить расстояние, но Оззи полагал, что перед ними не меньше двадцати, а то и двадцати пяти километров. Яркие вспышки отраженных солнечных лучей образовывали непрерывное мерцание над каждой вершиной, следовательно, все склоны были покрыты такими же кристаллическими деревьями. Сама равнина была абсолютно голой, за исключением вихрей снега, поднимаемых ветром.

Величественная и суровая красота этого места вызвала у Оззи поток проклятий. Никакой надежды. Они с трудом смогут преодолеть несколько сотен ярдов и добраться до конца леса, где вместо деревьев из промерзшей земли торчат тонкие прутья-кристаллы, но о том, чтобы пуститься в путь через унылую и пустынную равнину, не может быть и речи.

«Возможно, поэтому никто больше не слышал о многих путниках, отправившихся на поиски истинных троп. Наше представление о сильфенах как о мягких и добрых созданиях оказалось глупой и удобной иллюзией. Мы хотели поверить в эльфов. И сколько человеческих тел из-за этого заблуждения лежит здесь, под слоем снега?»

— Это пустыня, — сказал Орион. — Ледяная пустыня.

— Да, боюсь, что так.

— Как по-твоему, мама и папа тоже побывали здесь?

— Не тревожься, они же не дураки — и наверняка повернули бы назад, как и мы.

— Мы возвращаемся?

Оззи вдруг заметил на противоположной стороне равнины вспышку голубоватого цвета. Он поспешно поднял на лоб защитные очки, не обращая внимания на резкую боль от прикосновения ледяного ветра к обнаженной коже. Вспышка повторилась. Настоящая бирюза. Поразительный контраст для местности, освещенной всеми оттенками розового цвета. Свет явно искусственный. Маяк!

Он снова опустил очки.

— Возможно, и нет.

Удивительные вспышки повторялись по несколько раз через равные промежутки времени. Оззи вытащил один из тонких цилиндров, свернул защитную крышечку и поднял его на вытянутой руке, одновременно нажав на кнопку. Раздался громкий треск, и в небо устремился огонек. Ярко-красной звездой он поднялся над кристаллическим лесом и описал плавную дугу.

Орион не отрываясь смотрел на пульсирующий огонь маяка.

— Как ты думаешь, там люди?

— Кто-то там, определенно, есть. Мой портативный аппарат не работает, значит, сильфены все еще мудрят с передачей энергии, а следовательно, это один из их миров. — Он выждал еще две минуты и снова запустил ракету. — Давай попробуем добраться до края леса. Если не дождемся ответа, повернем назад.

Оззи даже не успел запустить третью ракету, как частота вспышек заметно возросла. Улыбаясь под маской, он нажал кнопку, и уже во время полета сигнальной ракеты луч маяка стал непрерывным.

— Это луч! — воскликнул Орион. — Он направлен на нас.

— Думаю, ты прав.

— А они далеко отсюда?

— Не могу сказать точно. — Его зрительные вставки приблизили изображение и затемнили зеленоватый свет. Разрешение было не слишком высоким, но, насколько он мог понять, луч появлялся из вершины какого-то кургана или невысокого холма. На его склоне он заметил темные линии. Террасы? — Десять или двенадцать миль, может, и больше. А вокруг, как мне кажется, виднеется какое-то сооружение.

— Какое?

— Не знаю. Но мы будем ждать здесь. Если они знакомы с людьми, они должны понять, что нам нужна помощь.

— А если нет?

— Я собираюсь поставить палатку. Воспользуемся термобрикетом, чтобы согреться, нам обоим необходим отдых. Когда термобрикет закончится, решим, что делать дальше. Если никто не появится, вернемся назад.

Он подошел к лонтрису и стал снимать большой тюк, закрепленный на спине животного.

— А мы не можем пойти туда? — жалобно спросил Орион.

— Это слишком далеко. При нашем нынешнем состоянии дорога займет пару дней. Мы не можем так рисковать. — Оззи развернул тент и подождал, пока двойная оболочка не раздулась в продолговатую полусферу. Орион сразу же заполз внутрь, и Оззи бросил ему термобрикет. — Сорви обертку, — сказал он мальчику. — Я присоединюсь к тебе через минуту.

Он приподнял очки и еще раз приблизил изображение участка чуть ниже луча маяка. Затем запустил еще одну ракету. В ответ зеленоватый луч трижды мигнул и снова стал постоянным. На любом наречии это могло означать только одно: «Мы вас заметили». Оззи так и не понял, что это за возвышение, но увидел, что у него довольно крутые склоны.

После трех часов ожидания и четырех порций горячего шоколада за стеной палатки отчетливо послышался какой-то громкий шум. Оззи расстегнул полог и выглянул наружу. К кромке кристаллического леса поднимались два крупных существа. Это были четвероногие создания размером с земного носорога, но покрытые густой лохматой шерстью, как и лонтрис. С покрытых щетиной морд в нижней части луковицеобразных голов срывались клубы пара. Оззи приходилось видеть и более уродливые головы животных, но его поразили их глаза: длинные полосы многогранного черного камня, словно в этом ужасном климате они тоже превратились в кристаллы. Оба животных были запряжены в закрытые сани с каркасом из похожего на кость материала, обтянутого высохшей кожей. Пока он разглядывал повозки, боковая полость одной из них приподнялась, и показалась человекоподобная фигура. Неизвестное существо было одето в длинный меховой плащ с капюшоном, меховые штаны, меховые рукавицы и меховую маску с большими выпуклыми линзами, похожими на глаза рыбы. Оно подняло руку в приветственном жесте и зашагало к палатке.

— Я так и думала, что это люди, — раздался из-под маски грубоватый женский голос. — Только мы настолько бестолковы, что используем в этих местах красные огни для привлечения внимания.

— Прощу прощения, — крикнул в ответ Оззи, — но в лавке был небогатый выбор.

Женщина остановилась перед входом в палатку.

— Как дела? Есть серьезные обморожения?

В ее голосе слышался сильный акцент жителей северного Средиземноморья.

— Обморожений нет, но мы оказались не готовы к такому климату. Вы можете нам помочь?

— Именно для этого я сюда и явилась. — Она нагнулась, сдернула маску и заглянула в палатку. Обветренную смуглую кожу ее лица испещряли сотни мелких морщинок. По мнению Оззи, ей было не меньше шестидесяти лет. — Привет! — весело окликнула она Ориона. — Ну как, замерз?

Парень молча кивнул. Он опять забрался в спальник и свернулся калачиком.

Женщина принялась.

— Боже милостивый, неужели это шоколад?

— Да. — Оззи поднял термос. — Здесь еще осталось немного, если хотите.

— Если бы мы решили провести здесь выборы, тебя объявили бы императором. — Она сделала большой глоток и с довольным видом вздохнула. — Точно таким я его и помню. Добро пожаловать в Ледяную Крепость. Я — Сара Буш, что-то вроде неофициального представителя человеческой расы.

— Оззи Айзекс.

— О, это имя мне знакомо. Это ты изобрел переходы?

— Ну, вроде того, — с некоторым смущением подтвердил Оззи.

На вторых санях тоже поднялся полог, но на этот раз под меховой накидкой скрывалось явно не двуногое существо. Скорее — длинный прямоугольник невероятно пушистого меха высотой около восьми футов, на самом верху которого виднелись большие темные глаза. Мех внизу при его движении колыхался, что свидетельствовало о наличии ног. Это существо испустило громкий вой, причем высота тона заметно менялась, почти как в пении.

— Ладно-ладно, — раздраженно крикнула ему Сара, отмахиваясь рукой.

— Кто это? — изумленно спросил Орион.

— Не бойся, — ответила Сара. — Это старик Билл, он из расы коррок-хи, а по мне, так вылитый йети. — Она обернулась к своему спутнику и разразилась длинной трелью. — Ну вот, я сказала ему, что мы сейчас тронемся в обратный путь. Сворачивайте свой багаж и грузите в сани. Я думаю, вам не помешает горячая ванна и выпивка. До часа коктейлей осталось совсем немного.

— Вы шутите! — воскликнул Оззи.

* * *

Большую часть вечера Паула посвятила изучению старых отчетов «Аквастейт». Необходимые улики было найти нетрудно, следовало только знать, что искать, и сопоставить факты. Как и в любом другом расследовании, говорила себе Паула.

На следующее утро, придя в офис, она с удивлением увидела, что Хоше сидит за своим столом и просматривает файлы городского совета сорокалетней давности. А она не слишком опоздала, хотя и проработала почти половину ночи.

— Просто удивительно, сколько строительных работ производилось в городе сорок лет назад, — пожаловался он, как только Паула села за свой стол. — Можно подумать, половины Дарклейка в те времена просто не существовало. Я сам прожил здесь шестьдесят лет, но не помню, чтобы город был меньше.

Паула взглянула на широкий настенный экран. На подробной карте Дарклеяк-сити горело множество зеленых огоньков, обозначавших места строительных работ, проводимых сорок лет назад.

— Не забудь учесть дорожное строительство по меньшей мере в течение двух месяцев после убийства. Я понимаю, это значительно увеличит область поисков, но именно многообразие этой деятельности делает ее наиболее удобной.

Он ничего не ответил, но его лицо помрачнело еще сильнее.

— Я закончила анализ отчетов, — сказала Паула. — И помогу тебе. Подели город надвое, и я займусь одной половиной.

— Хорошо. — Хоше выдал инструкции эл-дворецкому. — Что-нибудь удалось

обнаружить в отчетах?

— Подтверждение моей теории. Но это не та улика, которую можно было бы представить суду. Нужно искать еще.

— Хочешь сказать, нам необходимо найти тела?

— Трупы определенно помогли бы. Если уж мы установили, что это убийство, дополнительных улик хватит, чтобы вынести ему приговор. По крайней мере, я на это надеюсь.

Хоше снова обратился к карте города.

— Нашим криминалистам предстоит проделать колоссальную работу. Они прекрасно знают свое дело, но их не так уж много. Процесс затянется на несколько месяцев, а то и дольше.

— Расследование и так тянется уже сорок лет, они никуда не денутся. Теперь, когда мы установили круг поисков, я вызову бригаду из Управления, это ускорит дело.

Мел Риз постучал в открытую дверь и вошел в кабинет. Паула взглянула на него с удивлением и нахмурилась. Прежде заместитель директора предпочитал обсуждать ее действия с глазу на глаз. Раз уж он решился прийти сюда, вероятно, случилось нечто важное. Да и выглядел он довольно взволнованным.

— Как продвигается дело? — спросил он.

— Как и вчера; у нас имеется подозреваемый, — осторожно ответила она.

— Рад это слышать. — Он пожал руку Хоше. — Я слышал о вас хорошие отзывы, детектив. Как полагаете, вы сможете самостоятельно закрыть это дело?

Хоше переглянулся с Паулой.

— Думаю, да.

— Сможет, — сказала Паула. — А что случилось?

— Мне кажется, вы и сами это знаете.

* * *

После вылета «Второго шанса» со сборочной платформы РИ потребовалось еще три минуты, чтобы разрушить последние барьеры на запасном выходе центра управления переходом. Еще через двадцать минут Роб Танни согласился на безоговорочную капитуляцию, и отряд службы безопасности ККТ ворвался в помещение. Они пообещали только одно: Роб и его коллеги не будут уничтожены на месте. В ходе операции два его спутника предпочли покончить жизнь самоубийством, прежде чем бойцы охраны проникли внутрь. При этом они уничтожили свои ячейки памяти.

Роба, в наручниках, ножных оковах и блокирующем нервную деятельность ошейнике, бесцеремонно выволокли из зала, и места за терминалами заняла новая бригада техников. Уже через два часа они закончили полную проверку аппаратуры и смогли снова открыть червоточину с переходом на корабль, остававшийся на новой эллиптической орбите. К тому времени все, что осталось от комплекса, перешло под полный контроль сил безопасности ККТ. Окружающую местность блокировали и зачистили бойцы Управления Безопасности Содружества. Патрулирование периметра осуществлялось отрядом боевых аэроботов FTY897: современные черные эллипсоиды были оснащены мощным оружием, способным с одного выстрела поразить такие устаревшие модели, как «Мстители Аламо».

Выживших рабочих со сборочной платформы переправили на поверхность планеты. Для определения состояния корабля и предотвращения разрушения оборудования в условиях вакуума были вызваны резервные команды. Сразу же началось сооружение новой платформы для достройки корабля.

Через пять часов после первого взрыва, возвестившего о начале атаки, Уилсон Кайм вышел из перехода, чтобы попасть в бурю восторженных аплодисментов и криков собравшегося персонала и в медвежьих объятиях Найджела Шелдона. Центр связи с общественностью ККТ транслировал триумфальное возвращение капитана на аудиторию, не уступавшую по численности зрителям, следившим за отражением атаки. Кайм дал с полдюжины интервью, поблагодарил всех участников обороны за самоотверженные действия, отпустил несколько шуток и не стал подробно останавливаться на предположениях о зачинщиках нападения, заявив лишь, что это наверняка не выходцы с Пары Дайсона. После этого он заявил, что полон решимости довести миссию до конца, и в заключение пообещал пожертвовать награду за работу в опасных условиях местному детскому благотворительному фонду. Полицейские Аншана проводили его машину до городской квартиры эскортом из восьми мотоциклистов.

Уилсон проснулся с улыбкой на лице. Он перевернулся на другой бок, и темные волосы Анны пощекотали ему нос. Она свернулась калачиком рядом с ним на гелевом матрасе, закрыв голову рукой, словно ребенок, прогоняющий страшные сны. В голове Уилсона пронеслась целая вереница приятных — и восхитительно грешных — воспоминаний. Он поцеловал Анну в плечо.

— Доброе утро.

Она медленно, по-кошачьи потянулась и сонно улыбнулась ему.

— На вашем лице чертовски самодовольная улыбка, мистер.

— Вот как? Интересно, что бы могло ее вызвать?

Обвившиеся вокруг нее руки вызвали довольное хихиканье. Одна рука скользнула по спине и остановилась над самыми ягодицами.

— Это?

Другая рука обхватила небольшую, красивой формы грудь, немилосердно терзая сосок.

— Или это?

Он поцеловал ее в шею и провел губами по рту, заглушая хихиканье.

— Нет, наверное, это.

Ее рука протиснулась между их телами и крепко сжала его мужское достоинство.

— Ой-ой!

— Скорее, это, — смеясь, сказала она.

— Ах, так?

Он стал щекотать ее ребра. Ее сопротивление положило начало шуточному поединку, а он, в свою очередь, привел к более тесному и интимному контакту.

В конце концов, оседлав его бедра, она победно усмехнулась.

— Да будет тебе известно: опасность творит с людьми самые невероятные вещи.

Он ничего не смог ей возразить. Всю прошлую ночь они боролись за свои жизни. Облегчение, испытанное после взлета «Второго шанса» над космопланами, вызвало у него дрожь (которую, к счастью, заметила только Анна). Все остальные на борту — довольно молодые люди — с восторгом восприняли свое спасение, хоть перспектива гибели никого из

них сильно не испугала.

Прежде Уилсон и сам не осознавал, насколько силен в нем страх смерти, особенно сейчас. В нынешнем обществе его никто не смог бы понять, ведь понятия омоложения и оживления были впитаны ими с самого рождения. Поколения, пришедшие после 2050 года, знали, что смогут прожить добрую часть вечности, и они имели на это право. Он полагал, что этот страх возник еще в те времена, когда человек мог прожить только одну жизнь, а потом умирал. Для всех остальных возможность сохранить все воспоминания и загрузить их в генетически идентичное тело оказалась могучей моральной опорой. Но он так и не смог себя убедить в том, что это будет продолжением его нынешнего существования. Между тем, кто он есть сейчас, и будущим Каймом непременно возникнет разрыв. Копия, какой бы безупречной она ни была, все равно останется копией, а не оригиналом. Люди преодолевали эту проблему, говоря себе, что просыпаются каждое утро и вспоминают о прошедшем дне, а пробуждение в новом теле — всего лишь расширенная версия ночного отключения сознания. Уилсону этого было мало. В его теле, в его нынешнем теле заключается его жизнь. И чем дольше он живет, тем прочнее становится эта связь. Три с лишним сотни лет жизни породили его нерушимое убеждение, которое ничем нельзя было сломить.

— Не думаю, что смогу пережить еще одну такую ужасную ночь, как вчера, — сказал он, еще не успев как следует отдышаться.

Она оперлась руками о его грудь и стала нагибаться, пока не коснулась своих запястий подбородком, так что между их лицами осталось лишь несколько дюймов.

— А что говорится в уставе корабля о связи капитана с низшими по званию чинами?

— Капитан это приветствует.

Ее палец легонько постучал по его груди.

— А у тебя есть чувство юмора.

— Тщательно скрытое, но тем не менее заботливо взлелеянное.

— И чем же мы займемся сегодня вечером, если не будет новой атаки? — Он поджал губы в шутовой задумчивости. — Продолжим?

— В моем расписании ничего не числится.

— У тебя никого нет?

— Нет. И уже давно. Я слишком занят на новой работе. А у тебя?

— Тоже. Я не вступала в брак с последнего омоложения. Было несколько увлечений, но ничего серьезного.

— Отлично. — Он сел на постели. — Я бы не прочь принять душ. Так ты действительно хочешь со мной встретиться сегодня вечером? Даю последний шанс на отступление.

— Я хочу встретиться с тобой сегодня вечером.

— И я тоже.

Она приникла к его губам.

— Жизнь слишком изменчива, чтобы не попытаться сохранить что-то хорошее. Вчерашний день убедил меня в этом окончательно. Меня еще ни разу не пытались убить.

— Ты проделала грандиозную работу. Наши тренировки едва ли к этому готовят. Я тобой горжусь.

— А тебе приходилось испытывать нечто подобное?

— Не совсем. Но я видел настоящие боевые действия. Хотя это было давным-давно. Этого никогда не забыть, несмотря на редактирование памяти при омоложении.

— А ты... — Она помолчала. — Ты когда-нибудь убивал?

— Честно? Я и сам не уверен. Но я стрелял в людей. Тогда не было времени остановиться и посмотреть на результат. Выжимаешь скорость и улетаешь на базу, как только ракета срывается с места.

— Трудно поверить, что ты такой старый. Я знаю тебя только как своего начальника. Надо бы раскопать и изучить историю «Улисса».

— Это древняя история. Если станешь читать ее сейчас, ты, возможно, будешь знать больше, чем я.

— Тем не менее ты сделал это. Ты летал в космос и доказал, что это возможно.

— Я бы не назвал тот случай безоговорочным успехом.

— Нет, Уилсон, это был настоящий успех! Ты добрался до Марса. За миллионы и миллионы километров от Земли. И не важно, что Шелдон и Айзекс нашли другой путь. Не принижай своих заслуг. В конце концов, кто теперь нуждается в твоём опыте?

— Шелдон. Да, полагаю, это идеальная справедливость. Знаешь, что он сказал мне вчера, когда мы вернулись? Он улыбнулся своей дурацкой улыбкой всезнайки и спросил: «Хорошо повеселился?» И этот мерзавец был прав. Так здорово было лететь на корабле! А ведь мы, что называется, летели «на честном слове и одном крыле». И победили! Мне казалось, что все происходящее после «Улисса» было только интерлюдией, что я три столетия ждал именно этого момента.

— И теперь делаешь то, ради чего был рожден.

— Чертовски верно.

Она окинула взглядом свое тело, потом его, и ее глаза озорно блеснули.

— Есть один вопрос, который участники проекта обсуждали с большим оживлением. Ты можешь не отвечать, если не хочешь.

— Что за вопрос?

— Вы провели на «Улиссе» не один месяц. И у вас была смешанная команда молодых и здоровых людей. И все это время вы провели в невесомости.

— А, понимаю. Но это государственная тайна.

— Государственная, да?

— Да. Могу сказать только одно: чем больше ты проводишь времени в состоянии свободного падения, тем меньше страдаешь от морской болезни. Даже при сильной качке.

— Правда? И долго приходится привыкать?

Он ухмыльнулся.

— Результат стоит каждой минуты ожидания.

— Хорошо, если так, — пробормотала она. — А теперь мне действительно пора в душ. Моя смена начнется через десять минут.

— Возьми выходной. Скажи, что босс не против.

Анна выбралась из постели.

— Куда?

— Вон та дверь.

Вечером у него не хватило времени показать ей квартиру. За ними еще не успела захлопнуться дверь, как одежда полетела на пол.

— Спасибо. — Она снова хихикнула и направилась в ванную комнату. — Хорошо хоть, что тебе не пришлось спрашивать, как меня зовут.

— Конечно хорошо, Мэри.

Комнатная туфля, пролетев через всю комнату, шлепнула его по бедру.

— Ой!

Дверь закрылась, затем послышался плеск воды. Уилсон закинул руки за голову и счастливым взглядом уставился в потолок. Учитывая вчерашнюю возможность гибели, это был не самый плохой вариант начала нового дня.

Настроение ему не смог испортить даже вид разгромленного комплекса. С тщательно охраняемого шоссе на фоне неба над взорванной генераторной станцией еще были видны струйки темного дыма. Отсутствие круглой башни администрации вызывало шок. На месте просторного атриума громоздились груды обломков, а в двух уцелевших башнях окна либо потрескались, либо вылетели совсем. Пожарные роботы осторожно пробирались между глыбами бетона, потрескивали остатками стекла и время от времени выпускали струи белой пены. Параллельно с ними работали спасатели-медики, запускавшие в завалы миниатюрные дистанционные датчики. Они все еще отыскивали тела погибших, чтобы извлечь ячейки памяти и подготовить их к оживлению.

Машины аварийных служб заняли всю парковку, и Уилсон загнал свой автомобиль на свободный клочок газона. Неподалеку за работой восстановительных бригад наблюдал Оскар, окруженный несколькими сотрудниками и охранниками в униформе ККТ.

— Доброе утро, капитан, — произнес он и отдал честь.

Все присутствующие резко выпрямились.

— Доброе утро, — ответил Уилсон. Он не стал отвечать салютом. Не видел в этом смысла, поскольку не находился на военной службе. — Как дела?

Накануне, перед самым отъездом, он обсудил с Оскаром первостепенные проблемы и оставил его своим заместителем.

— Космический корабль в порядке, все основные бортовые системы в норме и работают стабильно. Здесь нашлось достаточно резервных систем, чтобы в течение ночи восстановить связь и подачу топлива. Пока не соорудим новую сборочную платформу, корабль останется в его нынешнем состоянии. Завод малометаллических конструкций обещает доставить нам опорную сферу в течение четырех дней. Как только загоним корабль внутрь, сможем провести детальный осмотр.

— Хорошо. — Уилсон кивнул в сторону руин обвалившегося сборочного цеха. — А комплекс?

— Его восстановление займет больше времени. Служба безопасности сначала хочет удостовериться, что террористы не оставили там каких-нибудь скверных ловушек. Как только проверка закончится, мы можем расчистить завалы и начать новое строительство. Поскольку работы на «Втором шансе» значительно продвинулись, внизу нам уже не потребуется полный набор мощностей, так что комплекс не будет восстанавливаться в полном объеме. Уже сейчас отдел гражданского строительства ККТ готовит комплект необходимого оборудования. Как только им дадут команду, они сразу же приступят к работе.

— Похоже, ты провел колоссальную работу, Оскар. Спасибо тебе.

— Это наименьшее, что я смог. Жаль, что меня не было здесь вчера.

— Можешь не жалеть. Я полагаю, отдел безопасности жаждет ввести целый ряд новых процедур?

— Да, конечно. Сегодня нам предстоит принять несколько решений по этому вопросу и рассмотреть новую программу сборки. Пока ты не осмотришься, я возьму на себя все внешние связи.

— Отлично. Я сейчас же этим займусь. У меня есть кабинет?

— Я освободил для руководящего состава часть помещений в третьей башне. Да, с тобой хотят встретиться представители сил безопасности.

— Они могут подождать.

Оскар заметно смутился.

— Было бы неплохо покончить с этим сразу, как предложил мистер Шелдон.

— Он здесь?

* * *

Последний из «Мстителей Аламо» был уничтожен роботом FTY897 во время попытки прорваться к переходу через седьмой испытательный участок. Атомный лазер пробил его защитное поле и нанес сокрушительный удар по корпусу. От взрыва основной энергетической батареи машина разлетелась на две половины; верхняя часть врезалась в стеллаж с хрупким оборудованием, а нижняя ударила в композитную перегородку и разбила ее вдребезги, ослабив крепление потолка. При ударе оторвалась одна из конечностей, застрявшая в бетонном полу.

Технический персонал службы безопасности ККТ всю ночь устранял угрозы взрывов и замыканий в обломках, и наутро на каждом предмете появились красные бирки, возвещавшие о том, что данный элемент неактивен и безвреден. Их было так много, что машина казалась похожей на странного церемониального монстра, участвующего в китайском празднике. Паула медленно обошла вокруг верхней секции и нагнулась, чтобы рассмотреть связку разбитых сенсоров на голове робота. Директор Управления по расследованию особо тяжких преступлений Рафаэль Колумбия вместе с Мелом Ризом стоял в центре разгромленного помещения, наблюдая за осмотром поверженного бронированного чудовища. Вода после тушения пожара стекала на них с балок перекрытий, а дорогие туфли давно промокли в многочисленных лужицах.

Паула провела пальцем по искореженной полимерной броне, ощущая, как вздувшаяся тонкая углеродная пленка осыпается от легкого прикосновения, словно старинная бумага.

— Не так уж плохо для оружия, которому больше полутора ста лет, — заметила она. — ККТ повезло, что капитан Кайм был на орбите и взял руководство на себя.

— Точно, — согласился Мел Риз.

— Я предпочел бы, чтобы ККТ повезло немного раньше, — сказал Рафаэлю Колумбия. — У нас, по предварительным подсчетам, сто семь человек погибло и еще восемнадцать пропало без вести. Финансовые убытки еще уточняются, но они составят не меньше двух миллиардов. И мы не получили никакого предварительного предупреждения. Ни малейшего намека. Это самый разрушительный террористический акт за последнее столетие. Численность погибших в националистических конфликтах бывала и выше, но это... — Он широким жестом обвел разгромленный зал. — Это наш просчет. Это прямой вызов Управлению. Я не потерплю такого ужасающего попиранья закона и порядка.

— Мы их поймем, — заявил Мел Риз. — В этом можно не сомневаться.

— Ваш отдел не одно десятилетие занимается этим делом. Я ожидал лучших результатов.

Паула прервала осмотр «Мстителя Аламо».

— Это я десятилетия занимаюсь делом Йоханссона, а не мистер Риз. И я искренне надеюсь, что вы не ожидали от нас какого-то заблаговременного предупреждения.

— Паула!.. — воскликнул Мел Риз.

Ее взгляд мгновенно заставил его умолкнуть.

— Тому, что Брэдли Йоханссон так долго ускользает от правоохранительных органов Содружества, есть две причины. Ресурсы, выделенные на его поимку и пресечение его деятельности, абсолютно недостаточны. И это политическое решение, принятое вашими предшественниками, мистер Колумбия. Кроме того, он получает помощь от человека, близкого к влиятельным кругам Содружества.

— Чепуха, — отмахнулся Рафаэль Колумбия.

— Даже при нынешнем финансировании нашей работы он не мог бы ускользнуть от меня в течение ста тридцати лет. Это просто невозможно. Если бы он держался в тени и вел скрытую жизнь, я бы уже схватила его. Но он лидер преступной организации, непрерывно поставляющей оружие на планету Дальнюю, и потому постоянно находится в поле зрения наших источников информации и программ наблюдения. Чтобы избежать ареста в таких условиях, ему необходима чья-то помощь. Он действует не в одиночку.

— Вы понимаете, о чем говорите? Вам известно, сколько составов аппарата сменилось с тех пор, как он основал это смехотворное движение Хранителей? И никто никогда не оказывал ему поддержки, не говоря уж о том, чтобы подозревать в этом всех подряд.

— Администрация меняется, а влиятельные группировки остаются.

— Я не собираюсь стоять здесь и выслушивать обвинения в участии в каком-то коррупционном заговоре. Мне безразличны все ваши убеждения и похвальные записи в личном деле. Я глава этого Управления, и вы обязаны относиться ко мне с должным уважением.

— Уважение надо заслужить, мистер Колумбия.

— Всё! — Мел Риз примирительно поднял руки и встал между ними. — Если бы Йоханссон мог вас сейчас видеть, он был бы в восторге от вашей стычки. В этот момент вы оба оказываете помощь именно ему.

— Спасибо, что напомнил, — бросил Колумбия.

Он метнул на Паулу взгляд, способный сокрушить любого из его подчиненных. Но Паула, похоже, и не заметила этого.

— Вопрос первый, — заговорила она. — Почему вы уверены, что это он?

Колумбия раздраженно махнул рукой, предоставляя объясняться начальнику отдела.

— Метод операции, — сказал Риз. — Во всем этом видна рука Адама Элвина. Мы считаем, что это он подготовил диверсию.

— Это маловероятно, — возразила Паула. — После Абадана Элвин не принимал участия в террористических актах. В последнее время он занимается исключительно поставками оружия для Йоханссона.

Рафаэль Колумбия презрительно хохотнул.

— В нашу эпоху фактор времени ничего не определяет. Я думаю, вы, главный следователь, не можете этого отрицать.

— Во всех недавних выступлениях Хранителей «Второй шанс» рассматривается как проект Звездного Странника, — напомнил Риз. — И только у них есть хоть какая-то причина помешать миссии.

— Причина? — задумчиво повторила Паула. — Подобная акция в пределах

Содружества означала бы для Йоханссона кардинальное изменение политики.

— Кто знает, о чем думает этот безумец? — воскликнул Рафаэль Колумбия.

— Он не безумец, — возразила Паула. — Может, он и заблуждается, но в способности мыслить рационально ему нельзя отказать.

Рафаэль Колумбия показал на обуглившиеся останки «Мстителя Аламо».

— Вы это называете рациональным мышлением?

— Мы ведь всего в паре сотен метров от перехода, и два других робота смогли сквозь него пройти. Не забывайте о кинетической атаке на сборочную платформу. Они едва не добились своего. И я считаю, что план был весьма удачным. Что бы мы о нем ни думали, Йоханссона нельзя назвать глупцом. Если за этим действительно стоит он, значит, происходит что-то непредвиденное. А «Мария Селеста» не могла прилететь с Пары Дайсона?

— Это маловероятно, — ответил Уилсон. Он подошел с противоположного конца зала и почтительным кивком поприветствовал Рафаэля Колумбия. — Паула Мио, встреча с вами для меня большая честь, я следил за многими вашими расследованиями.

— Капитан.

— Мы обсуждали вероятность связи между Парой Дайсона и «Марией Селестой» с директором исследовательского института на Дальней, — сказал Уилсон. — Он отрицает ее существование, и я склонен ему поверить.

— Для теоретиков-заговорщиков официальное отрицание является лишним поводом для пропаганды, — заметила Паула. — Особенно если заявление сделано директором Института. Нам известно, что Йоханссон уверен в этой связи.

— Это его проблема.

Паула мрачно усмехнулась.

— Вам только что тоже пришлось с ней столкнуться.

— Я хочу его остановить, — заявил Рафаэль Колумбия. — Ваш начальник заверил меня, что вы лучшая, более того, единственная, кто мог бы справиться с этим делом. Вы согласны с ним?

— У меня действительно имеется определенный опыт, — признала Паула. — Но для ареста Йоханссона мне необходимы полная поддержка Управления и существенные ресурсы.

— Вы их получите. Чего бы это ни стоило. Можете создать собственную команду, взять любого сотрудника, независимо от того, над чем он работает в настоящий момент. Это дело первостепенной важности.

— Очень хорошо. Я начну работать со своими нынешними коллегами, а по мере появления новых направлений в расследовании буду расширять круг поисков. А от вас, мистер Колумбия, мне потребуется поддержка в политических кругах. Служба безопасности ККТ наверняка захочет заняться этим случаем самостоятельно. Прошу вас поговорить с мистером Шелдоном и уговорить их воздержаться.

— Я напомню ККТ о причастности к акции их сотрудников, — сказал Рафаэль Колумбия, не обращая внимания на легкую усмешку на лице Уилсона.

— Благодарю вас.

— А теперь объясните, как можно было провезти контрабандой три действующих «Мстителя Аламо»?

— Это была не контрабанда, — ответил Риз. — Согласно экспортным накладным, они числились как недействующие экспонаты, направляемые в новый музей Аншана. Перевозка

была оформлена законно.

— Новый музей?

— В этом-то все и дело. Есть участок земли, приобретенный три месяца назад, и есть зарегистрированная компания. Но нет ни здания, ни даже планов застройки. На счету компании имеется несколько тысяч долларов Аншана, перечисленных с одноразового счета на Бидаре. Проследить этот счет невозможно или, по крайней мере, очень трудно.

— Ага, — удовлетворенно кивнула следователь. — Действительно похоже на работу Элвина.

— Верно. «Мстителей Аламо» законным путем приобрели у дилера через неделю после того, как была зарегистрирована компания, заявившая о постройке музея. На тот момент они и в самом деле были недействующими экземплярами. Некоторое время они «реставрировались» для экспозиции на Демократической Республике Новой Германии. Компания, занимавшаяся этим, была по нашей просьбе опечатана полицией ДРНГ, и сейчас идет проверка ее отчетности.

— А что известно о космопланах? — спросил Уилсон.

— Взяты в аренду у абсолютно законопослушного коммерческого оператора здесь, на Аншане. И опять же — компания-арендатор оказалась пустышкой. Воспользоваться ими в качестве кинетических ракет было очень просто, стоило только изменить программу управления. Это не трудно. Мы послали людей в пункт отправления, но не ожидаем от этого значительных результатов.

— А эти Хранители способны повторить попытку? — спросил Уилсон.

— Йоханссон уже больше ста лет организует нападения на исследовательский институт на Дальней, — сказала Паула. — И надо принять во внимание, что данная атака была лишь первой попыткой уничтожить «Второй шанс».

Сапфировое небо над Высокой Пустыней только начало темнеть. Казимир Макфостер одиноко стоял на одной из длинных волнообразных дюн серого песка и наблюдал за появляющимися звездами. Теперь это стало для него своеобразным ритуалом, он часто стоял так, вглядываясь в россыпь платиновых искр, и ждал, пока не замерцает золотистым сиянием яркое созвездие Ахиллеса. Он отыскал силуэт древнего воина с ярким красным глазом и взглядом проследил за изгибами Млечного Пути, составляющего его плащ. В самом низу мигал огонек, в реальности которого он до сих пор не был уверен. Солнце, звезда Земли.

«Она, должно быть, стоит там, на прохладной зеленой земле, и точно так же смотрит на небо. Между нами шестьсот световых лет. Но я все же вижу тебя, мой восхитительный ангел. Даруй мне победу в этом налете, хоть ты и не веришь в правоту нашего дела».

В мыслях Казимира красивое лицо Джастины, узнавшей о его планах на эту ночь, подернулось печалью. «Ищи свой собственный путь, любовь моя, — шептала она в темноте жаркой укромной палатки в лесу. Прикосновения пальцев, легкие, словно туман, исследовали все его тело. Звонкий смех заполнил палатку, когда он в лихорадочном восторге изгибался под ее бедрами. — Будь самим собой, а не инструментом в чужих руках. Обещай мне это». Подаренное ею наслаждение заставляло его плакать и клясться всеми поколениями Макфостеров и их еще не рожденными потомками, что он будет искренним в своих мыслях и поступках.

Но Джастина при всей своей осведомленности так и не поняла реалий этой планеты. Она, как и остальные выходцы из других миров, считала Звездного Странника местным мифом, вроде лохнесского чудовища.

— Простишь ли ты меня? — спросил он у звезд. — Я иду на это ради тебя, ради того, чтобы ты могла и дальше наслаждаться своим миром и своей удивительной жизнью.

За его спиной скатилась крошечная песчинка, произведя почти неуловимый шорох. Казимир мягко улыбнулся и продолжал вглядываться в небеса. Жар пустыни прогнал малейшие следы влажности. Воздух, со всех сторон окруженный отрогами гор Дессо, никогда не двигался, и над далекими вершинами не проплывали даже малейшие клочки облаков. Статическая жара высасывала влагу с открытых участков тела и из выдыхаемого воздуха. Здесь росли лишь местные кактусы, своим видом и твердостью не уступавшие камням, даже барсумианцы не смогли оживить эту лишенную воды местность. Но при всей своей суровости эта земля была домом для Казимира, единственным местом во Вселенной, где он чувствовал себя в безопасности.

— Если бы я был Звездным Странником, ты бы уже принадлежал мне, — раздался довольный шепот у самого его уха.

— Если бы ты был Звездным Странником, Брюс, ты был бы уже мертв, — ответил Казимир.

Он немного подвинул нож назад, так что кончик лезвия уперся в живот молодого парня. Брюс Макфостер весело рассмеялся и обнял своего друга.

— Ты заставил меня волноваться, Каз. Я уж подумал, что ты размяк.

— Тебе надо бы о себе позаботиться. — Казимир отвел нож и спрятал его в ножны на торце меховой сумки. — Ты поднимался по склону с таким шумом, будто стая зверей. Тебя

услышат все сотрудники Института.

— Они услышат меня за порогом жизни. Завтра ночью мы нанесем им сокрушительный удар. Ты слышал, что на Аншане в результате атаки поврежден космический корабль?

— Да, Скотт мне рассказывал.

— Скотт! Эта старая баба? Он здесь? Не могу поверить, что старейшины позволят ему принять участие в набеге. — Брюс опустил одно плечо и, прихрамывая, прошелся перед Казимиром. — Попомните мои слова, — прошепелявил он. — Звездный Странник прольет вашу кровь и разорвет плоть ради собственного удовольствия. Такого ужасного монстра Вселенная еще не знала. Я-то знаю, я в рукопашной схватке сражался против его рабов. Я убивал их сотнями и тысячами, а они продолжали напирать.

— Не насмешничай, — предостерег его Казимир.

Они с Брюсом выросли и многое пережили вместе, став ближе, чем братья. И все же Брюс порой казался ему излишне бесцеремонным, даже бестактным. Иногда он сомневался, помнит ли Брюс о том времени, когда они учились у Харви.

— Скотт пострадал за наше дело сильнее, чем мне бы хотелось.

Брюс выпрямился.

— Знаю, знаю. Но ты должен признать, что он чересчур осторожничает.

— Он жив. И я сам был бы счастлив, если бы остался в живых после стольких лет борьбы.

— Если будешь продолжать грезить о своей нимфоманке из чужого мира, твое служение делу закончится очень быстро. Ты ведь опять думал о ней, верно? Ты только ради этого и приходишь сюда, да еще представляешь собой отличную цель для врага.

Казимир едва смог сдержать улыбку.

— Я наслаждался тишиной, вот и все. Твоя бесконечная болтовня накануне рейда кого угодно сведет с ума. И перестань называть ее нимфоманкой.

— Я так и знал! Ты опять мечтал о ней.

— Что с того? Я не забываю и об остальных.

— Эй-эй, удар ниже пояса. Я в последние годы любил многих девчонок. У меня их было больше, чем у тебя.

— Больше, это да. Но ни одна из них не задерживалась надолго, верно, Брюс?

— А для этого дела и не надо много времени, зато все честно. Ну а теперь, Ромео, пора готовиться к делу.

— Да.

Казимир еще раз с тоской взглянул на густую россыпь звезд и потом вслед за Брюсом стал спускаться с дюны. Прямо перед ними возвышалась вершина Сент-Омер, гигантская гора, отмечающая крайнюю северо-восточную оконечность гряды Дессо, — хотя ей было далеко до вершин Великой Триады. На обращенной к пустыне стороне ничего не росло, и серо-голубой склон поднимался на несколько тысяч футов прямо до линии снежного покрова.

— Тебе помогло? — спросил Брюс со всей серьезностью, на какую был способен.

Они уже добрались до широкой осыпи из раскрошенного песчаника, откуда начинался тоннель к форту Рок-Ди.

— Что помогло?

— Воспоминание о ней?

— Немного. Да. Я знаю, что защищаемый нами мир того стоит.

Казимир нагнул голову и шагнул под обычный на вид скальный выступ.

Тоннель уходил вниз; скалы закрывали его сверху, а ширина позволяла пройти только одному человеку. Ему пришлось сгорбиться и буквально протискиваться между когда-то шершавыми, а теперь гладкими, словно мрамор, стенами из песчаника. Тоннель дважды поворачивал, образуя букву S, и в тридцати метрах от входа выходил в первую из сети пещер, образующих форт Рок-Ди. Стоявшая в карауле девушка, явно гордившаяся своим лилово-оранжевым килтом клана Макмиксон, внимательно изучила его лицо и позволила пройти дальше. Если бы охранники Института когда-нибудь и сумели отыскать этот тоннель, любой часовой сумел бы удерживать их сколь угодно долго, истребляя противника по одному в этом узком и извилистом переходе.

Полоски полифото на потолке чередовались с длинными отрезками соединяющего их черного кабеля. Их резкий свет, по спектру напоминающий солнечный, отбрасывал на неровный пол глубокие тени.

— Наверное, она была необыкновенно хороша в постели, — сочувственно вздохнул Брюс. — Вы ведь всего пару дней пробыли вместе, а ты все еще тоскуешь по ней.

— Иногда мне почти хочется, чтобы ты с ней встретился.

— Почти?

— Если бы ты ее увидел, ты бы понял, что это не очередное мимолетное увлечение, как у тебя. А я бы хотел познакомить двух самых близких мне людей.

— Ого! Что ж, спасибо, Каз.

— Но я благодарен Небесам, что этой встречи не произошло. Ты такой разгильдяй, что она не захочет иметь ничего общего с теми, кто тебя знает.

Брюс шлепнул его по плечу, и Казимир со смехом рванулся вперед. Они одновременно влетели в главный зал форта, все еще громко смеясь и поддразнивая друг друга. На шум обернулись почти все присутствующие. Кто-то нахмурился, осуждая легкомыслие молодых людей накануне серьезной операции. Другие снисходительно усмехнулись — в основном ровесники двух приятелей. Большинство просто вернулись к своим делам.

Казимир и Брюс приняли серьезный вид, замедлили шаг и вежливо поприветствовали членов своего клана. Горная пещера в прежние времена была выбита в твердой породе бурными водами, давно ушедшими с этой стороны склонов, и имела форму футбольного стадиона. Когда-то в этом месте встречались два потока, они сталкивались, закручивались в воронку и уносились к северо-восточным равнинам. Кроме главного амфитеатра, в горном массиве имелось множество мелких пещер и переходов, образованных притоками.

Форт Рок-Ди был одним из крупнейших опорных пунктов Хранителей и надежным безопасным убежищем. В нижних пещерах до сих пор можно было отыскать свежую воду, просачивавшуюся с вершин, окружающих пустыню. В мантию планеты были заведены мощные теплообменные кабели, обеспечивающие энергию для освещения и приготовления пищи, а также, что было еще более важно, электричество для арсенала. Оставалось только доставить продовольствие, и этим занимался клан Маккратц, владевший фермами и пастбищами в окрестностях гор Дессо.

Вид главной пещеры вызвал у Казимира чувство гордости. Если бы только можно было привести сюда Джастину, она бы поверила в правоту дела Хранителей. На полу пещеры собралось больше восьмидесяти бойцов, образовавших самый многочисленный отряд Хранителей Личности за многие годы. Ведь все понимали, что с постройкой людьми космического корабля ситуация изменяется в худшую сторону. Долго вынашиваемые планы

Звездного Странника быстро воплощались в жизнь, готовя всему Содружеству несчастья и беды, о которых не подозревал никто из правителей. В этом рейде решили принять участие все кланы.

Макфостеры также прислали дюжину молодых воинов, проверявших сейчас свое оружие и снаряжение. На сегодняшнюю ночь они сняли изумрудно-оранжевые килты, заменив их сине-черными, что помогало оставаться незамеченными в темноте.

Макноваки в серо-коричневых килтах тоже в основном были воинами. Сейчас они всей группой собрались вокруг своего капитана и рассматривали его броню. Синий облегающий костюм наполнял воздух вокруг него призрачным оранжевым сиянием, как будто воин стоял в центре гигантской амебы. Сияние усиливалось и начинало потрескивать каждый раз, когда против капитана применяли тестовый боевой жезл. После каждого испытания генератор силового поля подстраивали, пока излучение не превратилось в слабый светящийся контур, который мог бы принадлежать любому святому из Ветхого Завета. Окончательная настройка позволила полностью убрать свечение, оставив вокруг тела лишь амортизирующую тень.

Третьим кланом, посвятившим себя воинской этике, был клан Маконна; и, несмотря на кочевой образ жизни, парни и девушки этого семейства посещали те же уроки, тренировки и соревнования, что и Казимир. Он мог доверять каждому из них, как доверял Брюсу. Все они были всецело преданы делу и готовы отдать свои жизни ради освобождения человечества. Воины Маконна пришли в сине-красных килтах и темных кожаных куртках, предназначенных для ночных вылазок, у каждого на боку вместо меховой сумки висел ионный пистолет и нож с гармоническим лезвием в ножнах.

Макмиксоны, отвечавшие за снабжение Рок-Ди и других фортов вокруг Института, занимались шарлеманями — боевыми скакунами, на которых отправятся в бой участники рейда. Эти генно-модифицированные животные обладали ростом в двадцать одну ладонь, а их ноги напоминали стволы молодых деревьев. У них отсутствовали грива и хвост, зато толстая кожа не уступала по крепости шкуре носорога и была такой же синевато-серой. На голове каждого коня торчал короткий рог с острым титановым наконечником, изготовленным кузнецом Рок-Ди. Это орудие могло разорвать незащищенного человека надвое, и были известны случаи, когда даже силовое поле не выдерживало удара разогнавшегося шарлеманя. В толстые костяные пластины, защищавшие шею и подбрюшье, были загнаны прочные металлические болты, к которым кожаными и силиконовыми ремнями крепилось седло всадника. Шарлемани были созданы барсумианцами в их владениях на далеком восточном побережье Дубового моря. Их вывели не ради денег — радикалы-экогенетики яростно отвергали этот символ цивилизации. Они ставили перед собой задачу создать животное, которое в симбиозе с человеком имело только одну цель: убийство. Барсумианцы, похоже, даже вторглись в запретную область нервно-психического профилирования, поскольку ни один боец не видел, чтобы шарлемань в испуге повернул назад, как это бывало с обычными боевыми лошадьми. Этих громадных животных, обладавших крепкой шкурой, тройным сердцем и несокрушимыми костями, трудно было уничтожить даже при помощи современного оружия.

Макпейрлы, странствующий клан, добывали всевозможную информацию об Институте по всей планете, а также помогали собирать и настраивать сложное оборудование, доставляемое Йоханссоном через переход по самым безобидным каналам. Сегодня члены этого клана раздавали бойцам последние новинки снаряжения и оружия.

Основным занятием клана Маккратцев было возделывание обширных полей и пастбищ

в предгорьях Дессо. Именно они пасли табуны шарлеманей, тренировали стаи гончих рысей и ухаживали за другими животными для всех остальных кланов, круглый год поставляя продовольствие для своих более воинственных сородичей.

Также по всей главной пещере разбрелись Максобелы, оружейники, отвечающие за всю технику. Волоча по полу ящики с оборудованием, они подходили к каждому бойцу и к каждому боевому скакуну, чтобы протестировать все системы. За ними тянулись красные сверхпроводящие кабели для подзарядки аккумуляторных батарей и оружейных обоем. Семь членов клана, одетые в матово-черные с серой клеткой килты и черные куртки, должны были участвовать в набеге. Пятеро из них вооружились ракетными установками и плазменными орудиями среднего калибра. Громоздкие орудия в титановых корпусах были приторочены на спинах шарлеманей, но могучие животные будто бы не замечали дополнительной тяжести. Еще двое Максобелов были снабжены электронной аппаратурой, чтобы нейтрализовать институтскую систему коммуникаций и по возможности запустить помехи и ложные сообщения.

Казимир подошел к своему шарлеманю по кличке Кракен. Время, выбранное для ночного нападения, приближалось, и по спине юноши пробежали мурашки. Фырканье шарлеманя напоминало раскат грома. Казимир обошел коня сбоку, и животное, следя за его движениями, слегка подняло и повернуло голову. У Казимира не было ни малейшего желания ласково его похлопать — шарлемань ничуть не походил на обычных пони и лошадей, на которых юноша учился ездить верхом. Достаточно было того, что могучий зверь не пытался откусить ему голову — желтоватые клыки, показавшиеся между жесткими резинистыми губами, были толще его пальцев.

Казимир начал снова проверять свое снаряжение.

— Ну что, разгильдяи, вы уже готовы? — раздался рядом хрипловатый голос.

Казимир обернулся и улыбнулся Харви Макфостеру, своему старому наставнику. Этот человек был ветераном набегов клана на Институт, о чем свидетельствовали его многочисленные шрамы. Много лет назад ионный луч из пистолета охранника Института поджег сверхпроводниковую батарею за его спиной, и обладавшие суперэнергией молекулы пробили силовое поле брони. После ранения он не столько участвовал в сражениях, сколько занимался обучением молодежи. Ему повезло пережить токсический шок. Медики клана шесть месяцев занимались восстановлением тканей, но и после этого кожа на трети тела казалась оплавленной, и он не мог повысить голос до крика. Да этого ему и не требовалось, одно его присутствие заставляло учеников благоговейно молчать. Казимир, попав в их число, считал, что ему повезло.

— Стараюсь подготовиться как можно лучше, — ответил он.

— Это хорошо, — проворчал Харви. — А ты, Брюс, не боишься?

— Ха! — Брюс многозначительно похлопал по ионному пистолету на поясе. — Нет, сэр.

Мускулы на щеках Харви собрали в складки чересчур толстую кожу, отчего его лицо стало похожим на гротескную маску.

— Парень, если бы у тебя были мозги, ты бы боялся.

Вечная самоуверенность Брюса мгновенно испарилась.

— Будьте настороже, — посоветовал Харви. — Их солдаты попытаются вас уничтожить, если не хуже. Страх — ваш друг, он помогает вам не расслабляться. И дает шанс выйти из боя живыми.

— Бесстрашны только герои, — сказал Казимир. — И они погибают молодыми.

— Я рад, что ты хоть что-то усвоил из моих наставлений, — ответил Харви. — Даже если это всего лишь древняя лирика.

— Ты будешь нами гордиться, — заявил Брюс.

Рука Харви легла на его плечо.

— Я уверен в этом, парень. Но мне будет достаточно, если вы просто останетесь в живых. Помните, вы должны все время смотреть вперед, а не на свой член.

Он не без труда подмигнул, глядя на группу воинов клана Макновак, и ушел.

Казимир и Брюс насмешливо переглянулись, как обычно делали это на занятиях. Брюс поднял свой комплект снаряжения и приторочил его к седлу.

— А знаешь, он прав.

— Знаю. Нельзя ослаблять внимание.

— Нет, глупец, он прав насчет них.

— А?

Казимир повернул голову в ту сторону, куда украдкой показывал Брюс. Четыре воина клана Макноваков были молодыми женщинами. Вчера, когда они пришли в Рок-Ди, Казимир даже успел перекинуться с ними парой слов.

— Вон та, с темными волосами, не сводит с тебя глаз.

— Андрия?

— Ого, ты уже знаешь ее имя? Быстро работаешь, дружок. А кто стоит с ней рядом? Я бы не прочь позабавиться с ней после рейда.

— Это Бетани. Мне кажется, она подружка одного из Маконна. И в любом случае — как же Саманта? Вы всего месяц как вместе.

— Что из этого? Поэтому я и рад, что родился Макфостером. Мы живем ради того, чтобы уничтожить Звездного Странника и народить достаточно воинов для продолжения нашего дела. Таков наш долг. Мы сражаемся. Мы совокупаемся. Если хорошенько подумать, ради чего еще стоит жить? Можешь мне поверить, эта Бетани тоже так думает.

— Святые небеса! Брюс, она думает о том, как бы разmozжить тебе голову рукояткой пистолета. Неужели ты не можешь себя контролировать?

Казимир развернул облегченную защитную попону и набросил ее на спину Кракена, надеясь в душе, что не обидит этим скакуна и тот не вздумает лягаться. Темную ткань украшала металлическая вышивка и длинные кисти, свисавшие с краев почти до самой земли. Он расправил накидку на толстой шкуре, а затем закрепил петли на болтах.

— Я просто честен, — с оскорбленным видом заявил Брюс. — И тебе это известно. После этого рейда все женщины-воины будут испытывать колоссальное возбуждение. И я тоже. Разве это не наилучший способ отпраздновать славную победу?

— А как насчет более цивилизованных способов?

— Ха! Я помню рейд на восточный Иррал. После него ты был пьян целую неделю. А потом куда-то исчез с девчонкой из клана Максобелов. Как ее звали?

— Лина.

Казимир никому не рассказывал об этом, но в счастливом пьяном тумане Лина больше других напоминала ему Джастину.

— Да-да, Лина. Так что не строй из себя святошу. Мы с тобой одинаковы.

Брюс обнял своего приятеля за плечи и поворачивал его до тех пор, пока они оба не оказались лицом к девушкам из Макноваков и не помахали им руками. Андрия озорно

улыбнулась Казимиру, а затем отвернулась к своему шарлеманю. Три ее подружки подошли к ней вплотную, и до парней донеслось приглушенное хихиканье.

— Теперь попробуй сказать, что это не приглашение, — настаивал Брюс. — Ты только посмотри на нее. Какая фигура! Держу пари, горячая штучка в постели. А грудь, святые небеса, да у нее огромная грудь!

— Заткнись! — Казимир попытался закрыть рот Брюса ладонью. — Они же услышат тебя.

— Какой ты еще невинный. Успокойся, а то они услышат, как мы их любим. Проснись, Каз, ты ведь не собираешься жить целую вечность. А жизнь, между прочим, прекрасна, тем более если в ней есть место для груди такого размера.

— Прекрати!

Он засунул руку за ворот рубашки Брюса и стал похлопывать того по спине.

— Каз, что ты творишь?

— Ищу выключатель. Ну же, ведь должен он где-то быть!

Брюс расхохотался и оттолкнул друга.

— Ни один мужчина не может перестать думать о женщинах, особенно в такое время, как сейчас. Сражение пробуждает в нас самые примитивные инстинкты.

— Тогда все понятно. Насчет примитивности ты у нас первый.

— Пойдем-ка, а то мы напрасно тратим время.

Брюс сделал шаг вперед.

— Нет!

Казимир почти силой был вынужден остановить Брюса, и теперь все четыре женщины Макновак с интересом наблюдали за их борьбой.

— Клянусь, я пристрелю тебя на месте, если ты сейчас устроишь сцену! — зарычал он на друга.

Брюс позволил остановить себя на полушаге.

— Каз! Да ты и впрямь увлекся Андрией.

— Я не хочу, чтобы все участники рейда сочли нас шутами, вот и все. А они непременно так подумают, если ты отправишься туда и начнешь нести свою обычную чепуху. А теперь успокойся и не позорь нас.

— Ладно, я успокоюсь, если ты пообещаешь переспать с ней после рейда. Договорились?

— Ну, это я могу тебе пообещать.

Казимир изо всех сил старался удержать предательскую усмешку, кривившую его губы. Казалось, будто они с Брюсом снова стали подростками, которые каждую минуту строили планы, как произвести впечатление на противоположный пол. Теперь, когда они повзрослели, а отношения с прекрасными дамами обрели легкость и беспорядочность, Казимира это больше не интересовало.

Хотя... Андрия и впрямь ему понравилась, и разговаривать с ней было приятно. А Лина была так давно. Интересно, есть ли любовник у Джастины? У нее, вероятно, никогда нет недостатка в поклонниках.

— Если ты откажешься, я сам ею займусь.

Казимир оскорбленно хмыкнул.

— Ну конечно. Это ближе к действительности. Твоя репутация всем известна. А если она не знает о Саманте, я сам ей расскажу. Я сейчас пойду туда и...

— Значит, ты пойдешь?

— Все, что угодно, лишь бы заставить тебя умолкнуть.

Брюс крепко обнял приятеля.

— Хвала небесам! Ты сам не понимаешь, как тебе необходимо с кем-нибудь переспать.

Каждая секунда после исчезновения твоей чужеземной нимфоманки была для твоих друзей настоящей пыткой.

— Отлично. Теперь ты понимаешь, каково мне постоянно слушать твою болтовню.

Казимир поднял седло и забросил его на спину Кракена поверх попоны. Он был абсолютно уверен, что над ним смеется даже боевой скакун.

Диверсионная группа покинула Рок-Ди через час после заката. Восемьдесят бойцов, разбившись на небольшие группы, выбрались по расщелинам на пустынный склон предгорья Сент-Омер. Сначала они вели своих шарлеманей на поводу, преодолевая крутые спуски и узкие проходы. За час до полуночи они собрались все вместе у южной окраины горы, сели на боевых скакунов и начали спускаться на равнину. На сухом песке стали попадаться отдельные пучки сухой травы цвета соломы. По мере того как мягкие складки рельефа начали образовывать отдельные лоцины, трава становилась зеленее и вскоре уже сплошным ковром покрывала всю поверхность равнины. Здесь, на относительно небольшой высоте, при движении прямо на восток, их встретил холодный ветер. Впервые за долгое время открытые участки кожи ощутили влажность.

Воины продолжали спускаться, и воздух заметно потеплел, хоть до рассвета было еще далеко. Они находились всего на несколько градусов южнее экватора. Вдоль верхней границы леса протянулся тонкий пояс гигантского вереска, покрывающий нижнюю часть восточного предгорья Сент-Омер. С наступлением дня воины уже оказались в безопасном укрытии густых деревьев, снова разбились на группы и продолжали путь по мириадам тайных тропинок.

В середине дня они сделали большой привал, и кто мог, тот поспал, несмотря на теплый дождь, барабанивший по листьям деревьев. Затем последовал быстрый холодный обед, и отряд снова отправился в путь. Сапфировое небо еще только начинало темнеть, когда они достигли кромки леса, откуда начинался крутой спуск к берегу, покрытому травой и галькой. Капитаны всех отрядов послали разведчиков, чтобы подобрать наилучшее место для засады. Вместе с ними отправились и люди из клана Максобелов. Они отыскивали и выводили из строя дистанционные сенсоры, установленные охраной Института вдоль проходившей внизу дороги.

На Дальней имелась только одна главная дорога — Первая магистраль, идущая на юг от Армстронг-сити. Она пересекала экватор, извивалась по западному краю Великой Ирильской степи и выходила в долину, где совершил аварийную посадку корабль «Мария Селеста» и был построен Институт для его исследования. Двухполосная лента из ферментированного бетона, построенная двумя гусеничными строительными агрегатами — таких на Дальней больше не было, — являлась единственным для Института маршрутом поставок от перехода в городе. Дорожные агрегаты были завезены на планету специально для этой цели, но после завершения трассы север — юг они продержались довольно долго и построили несколько второстепенных дорог от столицы до самых крупных поселений на севере. В конце концов машины сломались, но запчасти для их ремонта так и не завезли.

Разведчики клана со своих наблюдательных пунктов имели возможность следить за серой лентой дороги, огибавшей скалу. За этим каменным выступом начиналась долина, где

находился корабль из чужого мира. Даже во второй половине дня с густо покрытого растительностью склона все еще поднимался пар. Из долины, где располагался Институт, доносился едва уловимый механический шум. Об усилении деятельности вокруг массивного металлического корпуса корабля разведчики доносили еще год назад. Клань увидели в этой новости зловещую угрозу, да и совпадение ее по времени с постройкой людьми космического корабля проигнорировать было невозможно.

Но в данный момент с позиций разведчиков не наблюдалось никакой активности. Дорога была пуста. Разведчики устроились поудобнее и приготовились к ожиданию. Они получили надежную информацию о конвое, так что теперь больше ничего не оставалось делать.

Продовольствие и оборудование в Институт обычно привозили раз в две недели. На дорогу от города, в зависимости от состояния дороги и активности Хранителей, уходило около недели, а зачастую и больше. Каждый конвой шел под охраной солдат, имевших правительственные лицензии и нанятых Институтом.

Хранители следили за продвижением конвоя от самой столицы. Двадцать больших грузовиков везли цилиндрические грузовые контейнеры, пришедшие через переход в течение последних двух недель. Их содержимое было одинаковым: «Форд SaaB-VF44», шестнадцатиколесные двух-осные автомобили с дизельными двигателями и ручным управлением, — на сложных рельефах и при отсутствии спутниковой системы связи на Дальней не помогали даже самые совершенные программы управления. Институт выбрал эти машины для своего транспортного парка из-за простоты их ремонта и способности ездить по пересеченной местности.

Вместе с грузовиками шли восемь «лендкрузеров»; эти автомобили чаще всего имелись на вооружении полиции и военизированных подразделений Содружества в отдаленных мирах. Благодаря их матовой поверхности и прямоугольной форме машины нередко называли движущимися кирпичами. Шесть независимых колесных подвесок давали им возможность преодолевать самые сложные участки пути.

Оставшаяся часть конвоя состояла из огромного топливного танкера и пары аварийных буксиров.

На последний участок дороги перед входом в долину колонна вышла уже в сумерках. Яркий свет фар, распространявшийся на несколько километров, заблаговременно предупредил разведчиков о приближении машин. Впереди шли два «лендкрузера». Их водители, завидев впереди оранжевое сияние над институтским городком, нетерпеливо жали на газ.

Максобелы первыми открыли огонь, и темнеющее небо разорвали три ослепительные плазменные ракеты. Два снаряда поразили первый из грузовиков, разорвав его на части. В силу инерции обломки полетели вперед, а из грузовых контейнеров мгновенно вырвалось пламя. Через пару мгновений пылающая груда остановилась, и дорога оказалась перекрыта.

Третий снаряд угодил в цистерну с топливом. Прогремел оглушительный взрыв, за доли секунды образовался бурлящий огненный шар диаметром больше тридцати метров и с угрожающей ясностью осветил всю колонну. Находившиеся рядом грузовики тоже занялись пламенем, и грохот их взрывов смешался с общим шумом.

С началом атаки все машины в колонне начали резко тормозить, так что колеса оставляли на ферментированном бетоне жирные черные полосы. Несколько автомобилей чуть не занесло, и только автопилоты спасли их от опрокидывания.

Взлетели еще три плазменные ракеты. Две из них попали в цель, превратив два грузовика в вихри горящих обломков. Но водитель третьего грузовика благодаря быстрой реакции успел активировать защитное поле еще во время торможения. Вокруг машины образовалась полусфера из уплотненного воздуха, и при ударе снаряда из нее посыпались снопы голубоватых искр. Во все стороны разлетелись молнии. Энергия разрядов превратила в гравий и сажу целые полосы бетона. Из трещин вырвались тонкие струйки лавы. Но силовой барьер не смог защитить грузовик от разогнавшейся ракеты. От соприкосновения с расплавленным бетоном покрышки взорвались, и машина зарылась в землю осями. От резкой остановки кабина сорвалась и прочертила в дороге глубокую рытвину.

К тому моменту защитные поля окружили все уцелевшие машины. Водители отчаянно кричали в рации, запрашивая помощь, но в ответ даже по закодированным каналам получали только оглушительный треск помех. Дорога оказалась окончательно заблокированной. Достичь относительной безопасности в долине можно было, только проехав по открытому пространству рядом с дорогой. Но силовые поля не были на это рассчитаны — при движении по неровной поверхности защитные полусферы потеряли бы значительную часть плотности. На это не решился ни один из водителей. Следующий ракетный залп пронзил защитные полусферы, словно копья разгневанных богов. Ни одна из ракет не пробила поля, зато многочисленные разряды осветили местность на многие мили вокруг. Водители, сидя в машинах с работающими двигателями, молившиеся о подкреплении, в мерцающем свете с ужасом увидели темную лавину всадников, летевших по спуску к дороге.

Казимир активировал линзы в глазах задолго до сообщения разведчиков о приближении конвоя. Мир вокруг него окрасился в бледно-зеленый цвет, но даже после захода солнца окружающая картина оставалась четкой и ясной. Чтобы не выдать своего присутствия, Казимир вместе с другими всадниками поднялся к самой кромке леса. А потом Максобелы открыли огонь из плазменных орудий. Линзы не могли пропустить свет такой яркости, и он видел лишь пролетающие розовые штрихи, похожие на остаточные следы полуденного солнца на сетчатке. Запуск ракет был сигналом к наступлению. Под раскатистый грохот взрывов он пустил Кракена вниз по склону. Краем глаза он увидел, что Брюс скачет рядом и, заливаясь безумным смехом, понукает своего боевого шарлеманя. В этот миг в небо взлетел огненный шар из разбитой топливной цистерны, и вся панорама предстала перед ними в своей беспощадной яркости. Грузовики буксовали на дороге, а летящие во все стороны горящие обломки выбивали искры из невидимых защитных барьеров. Все «лендкрузеры» свернули с магистрали и двигались навстречу спускающимся воинам клана.

Дистанция быстро сокращалась, и вскоре всадники открыли огонь из ионных пистолетов и карабинов. Защитные поля «лендкрузеров» покрылись желтыми вспышками, но ни один из снарядов не смог пробить барьер. Грохот копыт уже заглушал рев разбушевавшегося пламени и треск выстрелов. Водители машин открыли огонь из скорострельных кинетических орудий, установленных на крышах. Вокруг Кракена взвились высокие фонтаны земли. Один из снарядов угодил в Казимира. Его защитное поле зазвенело, словно могильный колокол, и на мгновение заглушило все остальные звуки. Энергетические вспышки скатились вдоль границы поля, прошли по металлической вышивке конской попоны и ушли в землю через кончики кистей. Под мелькающими копытами Кракена тоже зашипели красные и голубые искры. Воздух наполнился запахом раскаленного металла. Вокруг Казимира все воины словно были окутаны потоками огней святого Эльма — казалось, будто из темноты вылетают люди-кометы. Подбитые снарядами скакуны с

пронзительным визгом падали наземь, орошая землю кровью из обширных рваных ран.

Над головой пронесся новый ракетный залп. В попытке остановить несущуюся на них лавину, водители слишком высоко подняли прицелы. Из задних отсеков машин на ходу выпрыгнули солдаты, разбежались веером, отыскивая малейшие укрытия, и тотчас открыли стрельбу по атакующим. Ответные залпы зажгли на защитных полях их брони отчетливо заметные маячки.

Число раненых возрастало, и передняя линия всадников дрогнула. Воины кланов уже поравнялись с тяжело карабкавшимися вверх «лендкрузерами». Небольшие группы стали сворачивать в стороны. Казимир направил Кракена к передней части конвоя. Размышлять было некогда; он просто помнил, что должен прорваться именно туда. Пять раз в него попадали кинетические снаряды и лучи ионных винтовок. До сих пор защитное поле его брони выдерживало удары. Восторг и ужас, смешавшиеся в его душе, почти лишили его способности мыслить рационально. Двигаться вперед заставляли только смутные воспоминания о первоначальном плане налета. Безумная скачка прямо на дула институтских солдат приводила его в неистовый восторг. И в то же время неослабевающий страх быть разорванным на части в любую секунду заставлял испускать дикие вопли и без остановки стрелять из ионного пистолета. Казалось, даже Кракен, несущийся в самую гущу ада, разделяет его безрассудство. Из двух глубоких ран на его боках обильно стекала кровь и пропитывала попону.

Брюс все еще держался рядом с ним и все так же безумно скалился, как в момент начала атаки. Он что-то кричал Казимиру, но в общем шуме невозможно было разобрать слова. Потом он стал настойчиво показывать куда-то длинным дулом ионного карабина. Казимир посмотрел вперед. До дороги оставалось не более пятидесяти метров, и освещена она была не хуже любой городской улицы, так что сбившиеся в неровную линию грузовики были видны как на ладони. Брюс показывал на второй грузовик, защитное поле которого только что запылало от попавших в него обломков цистерны. Восторженный энтузиазм Казимира уже почти улегся, он коротко кивнул в ответ, и друзья изменили курс, направляясь к зажатому в ловушке автомобилю. Кракен галопом скакал вдоль дороги по краю бушующего пожара, а Казимир натягивал поводья, чтобы замедлить его бег и заставить свернуть ко второму грузовику.

В этот момент он впервые в жизни заглянул в долину, где располагался Институт, но смог рассмотреть только несколько ничем не примечательных зданий, стоявших в конце Первой магистрали. За ними уже маячила кормовая часть корабля чужаков. Казимиру были давно известны его размеры, а также тот факт, что преодолеть космические расстояния способны только огромные сооружения. Но никакие рассказы Харви, никакая статистика не могли подготовить его к тому, что он увидел в реальности. Дьявольская штука оказалась поистине огромной. Плавность форм ее гладкого цилиндрического корпуса длиной около восьмисот метров нарушали многочисленные ребра и выступы, а также выдававшиеся наружу генераторы силового поля, установленные в носовой секции. Сзади корабль имел вид отвесного круглого металлического утеса диаметром в двести пятьдесят метров, из которого торчали восемь сопел для ядерного двигателя. Ученые Института установили вокруг корабля кольцо мощных дуговых ламп, заливавших его ярким монохромным светом. Но свинцово-серой обшивки почти не было видно: вокруг «Марии Селесты» была возведена густая сеть лесов, поддерживавших мостки по всей длине корпуса. Силуэты людей и роботов, снующих по алюминиевым настилам, напоминали крошечных насекомых-падальщиков, роящихся над

чьим-то трупом. Позади лесов стояли высокие краны, и длинные стрелы поднимали к монтажным площадкам грузовые контейнеры. В темной глубине каждого сопла мерцали рубиновые вспышки лазеров. Все свидетельствовало об энергичной активности внутри корабля.

Казимир внезапно ощутил холод, и не только во всем теле, но и в мыслях. Вид врага, которого его клан поклялся уничтожить, подействовал отрезвляюще. Колоссальная мощь массивного сооружения как будто воплощала в себе злобную волю своего хозяина. По сравнению с ним Казимир чувствовал себя ничтожно мелким.

— Вперед! — завопил Брюс, обгоняя его. — Каз, шевелись, черт побери!

Казимир оторвал взгляд от корабля и увидел, что из институтского городка вышла и стремительно приближается к ним по шоссе колонна черных «лендроверов».

— Проклятье! — пробормотал он, разворачивая Кракена к неповрежденному грузовику.

Казимир запустил руку в висевшую у седла сумку и, немного покопавшись, извлек оттуда диск-глушитель. Брюс, опередивший его на десяток метров, уже держал в руке такой же диск. Наклонившись вперед, он мчался прямо к границе защитного поля, окружающего грузовик. Затем его рука качнулась вперед, потом назад — Брюс на ходу прикидывал вес устройства и быстро сокращавшуюся дистанцию. Как только его боевой скакун оказался в метре от защитного барьера, Брюс швырнул устройство и резко свернул в сторону. Диск-глушитель продолжал катиться вперед, пока не врезался в щит.

У Казимира не было возможности оценить точность броска друга. Он и сам проделал то же самое, запустив устройство к границе защитного поля. Скорость, расстояние, направление движения — все это он учел и точно выбрал момент броска, нажав активирующую кнопку. Тяжелое устройство пару раз подпрыгнуло, ударившись о дорогу, и остановилось на краю силового поля. Внутренние датчики, обнаружив энергетическую структуру, немедленно выбросили пучки проводящих нитей. Тонкие темные жилки грязным пятном распространились вдоль границы поля и начали подниматься вверх. Образовавшаяся сетка спровоцировала утечку энергии, отводя ее в землю. Из ферментированного бетона в местах пробоя показались струйки дыма. Силовой генератор, расположенный позади кабины, издал едва различимый стон, начав потреблять все больше и больше энергии в попытке восполнить утечку сразу в двух местах. Водитель в кабине беспомощно смотрел, как желтые огоньки на приборной доске быстро сменяются красными.

Через тридцать секунд после того, как Казимир бросил свой диск-глушитель, количество энергии, потребляемое генератором из сверхпроводниковой батареи для поддержания защитного поля, превысило ее возможности. Возгорание произошло мгновенно, уничтожив безвозвратно некоторые компоненты устройства. Из-под раскаленного докрасна кожуха генератора вырвались язычки голубоватого пламени, и силовой барьер рухнул. Ожидавшие подходящего момента воины клана Максобелов мгновенно засекли это событие. Сенсоры захватили цель, зажглись стартовые огни, и ракеты на скорости в четыре М понеслись с гребня склона вниз.

Взрыв грузовика застал Казимира на полпути к краю склона. Он рискнул оглянуться через плечо и при виде огненного смерча торжествующе закричал. В одном из контейнеров, вероятно, находились взрывчатые вещества. После первого взрыва в ночное небо, словно затейливый фейерверк, стали взлетать пылающие аквамаринном шары.

Распалась еще одна защитная сфера грузовика, и новый прицельный залп разорвал темноту длинными огненными лентами. Вокруг оставшихся грузовиков кружили воины

клана, готовясь бросить свои диски-глушители. В то же время между дорогой и гребнем склона солдаты из охраны Института ожесточенно сражались с всадниками. Скорострельные орудия «лендкрузеров» поливали всадников очередями, нанося тяжелые увечия шарлеманям. Ответные залпы ионных винтовок заставляли защитные поля вздвигаться шипящими огненными пузырями.

Казимир слегка натянул поводья, уводя Кракена от остановившихся «лендкрузеров». Согласно плану, он должен был подняться на гребень и добраться до заранее назначенного места встречи. Он не сознавал, насколько близко подошло подкрепление из институтского городка, пока подоспевшие «Лендроверы» не открыли огонь. Сбоку от Кракена внезапно вздыбился участок почвы, забросав шарлеманя и всадника землей и остатками растений. Огромный скакун возмущенно взревел и резко отпрыгнул в сторону. Казимир крепче ухватился за поводья.

Брюс, пригнувшись в седле, ехал немного впереди. Внезапно за его спиной откуда-то выскочили трое солдат и открыли огонь из ионных винтовок. Защитное поле Брюса вспыхнуло осколком полуденного солнца, а хлопок энергетического разряда мог бы заглушить громовой раскат. Угрожающе толстые электрические щупальца протянулись по попоне его шарлеманя и ударили с кистей в землю с силой реактивного двигателя. Казимир тотчас открыл ответный огонь, заставивший солдат остановиться, но скакун Брюса вдруг встал на дыбы, словно намереваясь развернуться и броситься на стрелков. В этот момент очередь с «лендкрузера» ударила ему в живот, прошив шкуру, внутренние органы и кости. Время и сила тяжести на мгновение отступили, оставив шарлеманя стоять на задних ногах. А затем он начал медленно заваливаться.

— Нет! — завопил Казимир.

Он увидел, как Брюс, инстинктивно предвидя падение коня, соскользнул с седла. Он упал на землю и тотчас получил заряд из ионной винтовки, едва не истощивший его защитное поле. В следующее мгновение шарлемань рухнул и по инерции перекатился на него. Казимир замер, замороженно глядя, как его друг скрывается под массивным корпусом животного. Брюс успел только вытянуть вперед одну руку, словно цепляясь за жизнь. Ореол защитного поля замерцал и погас. Шарлемань завершил перекат, раздавив и погребя беззащитного человека под мертвой громадой своего тела.

Залпы ракет взорвали еще несколько грузовиков. Подошедшие «лендроверы» теснили всадников вверх по склону. Воины клана сконцентрировали стрельбу на отдельных солдатах, истощая энергию их защитных полей.

Кракен неподвижно стоял среди бушующей схватки. Казимир, не двигаясь, безотрывно смотрел на окровавленные останки шарлеманя Брюса, ни на что не обращая внимания, и ждал. Ждал...

Мимо него, выкрикивая ругательства, промчался один из всадников его клана. Мир Казимира вновь наполнился звуками и светом. Набег был завершён. Пора выбираться отсюда. Большая часть всадников уже галопом поднималась по склону. Юноша пришпорил Кракена и осмотрелся. За купой густых кустов притаились двое институтских солдат и вели огонь по отступающим всадникам. Казимир так и не понял, он сам или Кракен выбрал направление, но оно было правильным. Он все быстрее и быстрее мчался навстречу солдатам. Через пару секунд оба бойца обернулись на стук копыт и замерли при виде несущегося на них воплощения средневекового духа мщения. Один солдат убежал, второй поднял винтовку. Кракен нагнул голову, нацелив окованный титаном рог в грудь врага.

Конец рога ударил в защитное поле солдата, и лицо Казимира исказила усмешка злобного торжества. Каскад искр окутал тело солдата, словно диковинный цветок, а затем металлический наконечник пронзил броню и легко прошел сквозь кости, мягкие ткани и внутренние органы. Только тогда Кракен резко дернул головой вверх. Тело солдата поднялось над землей, а титановый клинок продолжил свою работу, раздирая верхнюю половину туловища. Наконец последовал энергичный бросок в сторону, и останки полетели по воздуху, разбрызгивая кровь.

Казимир сознавал, что должен радоваться. Радоваться отмщению. Но эта незначительная схватка оставила в нем только ощущение пустоты. Смерть солдата ничем не могла помочь Брюсу. Ему уже все равно, он не будет праздновать победу в Вест-Ди, не будет поглощать пиво стакан за стаканом, не воспользуется своим шансом с Бетани. Брюс мертв.

Кракен, словно догадываясь о растерянности Казимира, сам поскакал вверх по склону, унося седока под полог безопасного леса.

Местом сбора была выбрана небольшая лужайка на берегу ручья в лесной глуши. Туда должны были прибыть двенадцать членов клана Макфостеров. Но их осталось только девять. Скотт Макфостер начал скорбную переключку. Казимир слушал имена, закрыв глаза, и по его щекам текли слезы.

Переключка была окончательным завершением набега. Пока воин не появлялся на месте сбора, чтобы откликнуться на свое имя, произносимое главой семейства, он не мог вернуться домой, не мог войти в деревни и форты. Слишком много бойцов, павших на поле боя, были впоследствии захвачены и порабощены Звездным Странником, чтобы через некоторое время вернуться и начать убивать своих сородичей. Финальная переключка предотвращала возможность подобного предательства.

— Брюс Макфостер?

Тон голоса Скотта подтвердил то, что многие уже знали.

У Казимира приоткрылся рот. Он хотел крикнуть: «Я здесь, я сумел выжить». Но перед его закрытыми глазами блеснула последняя вспышка защитного поля Брюса. И мгновенная вспышка ужаса на его лице, когда он все понял. А потом только окровавленная падающая туша шарлеманя и тошнотворный хруст ломаемых костей.

— Брюс Макфостер, твое имя займет почетное место в хрониках нашего клана среди тех, кто навеки остался вне досягаемости Звездного Странника. Пусть твой последний сон наполнится видениями лучшей жизни.

— Аминь, — прошептали остальные воины.

— Казимир Макфостер?

Сколько времени длилась агония Брюса, когда его тело было раздавлено? И кто известит Саманту?

— Каз! — окликнул его кто-то.

— Здесь, — упавшим голосом откликнулся он. — Я здесь.

Но это было откровенной ложью. Он больше не был самим собой, часть его была безвозвратно утрачена. И никогда не будет обретена вновь.

* * *

привлекательных для жизни районов Нью-Косты. Эта холмистая местность славилась пышной растительностью, а дороги обрамляли полосы высоких зеленых пальм и эвкалиптов. По соседству поднимались просторные дома старшего персонала, и вокруг них, словно защитный барьер, раскинулись владения служащих среднего звена. Между жилыми постройками в современных зданиях расположились небольшие эксклюзивные магазинчики и элитные школы. В радиусе пятнадцати миль не было ни одного завода.

Машина полиции АЭК остановилась перед главным входом, и дверь перед Паулой открылась. Она вышла из автомобиля и поздоровалась с Еленой Касл, заместителем директора клиники. По тону ее приветствия было заметно, что женщина слегка нервничает, и Паула отметила повторение ситуации: не так давно она посещала в клинике Вайоби Котала. Впрочем, характер ее расследований нередко требовал посещения различных медицинских учреждений.

Елена провела следователя мимо первых двух блоков, где находились личные комнаты выздоравливающих, дневные гостиные и терапевтические кабинеты. Расположение помещений было знакомо Пауле, ее собственная реабилитация после омоложения проходила в почти таких же условиях. Убранство «Мэнби», возможно, было более роскошным, но процедуры оставались идентичными. Елена Касл привела ее к третьему блоку, где, собственно, и проводились сами процедуры омоложения. Длинные коридоры, как ни странно, оказались почти пустыми. Только за дверями гостиной Паула заметила несколько клиентов клиники, утопавших в глубоких креслах перед монитором, где транслировался матч между командами Августы и Сент-Линкольна на розыгрыше Кубка. Медсестры скромно собрались в сторонке, поглядывая на большой экран, где на изумрудной траве сошлись игроки двух национальных команд.

— Боюсь, вам придется пару часов подождать, — извиняющимся тоном произнесла заместитель директора. В этот момент из гостиной донесся общий стон разочарования: бомбардир Сент-Линкольна не смог забить гол. — Профессор Боуз только сорок минут назад покинул процедурный зал после омоложения. Ему потребуется время для восстановления сил, чтобы ответить на ваши вопросы.

— Я подожду, — согласилась Паула.

В любом другом мире ей потребовалась бы не одна неделя, чтобы получить судебное предписание, позволяющее нарушить процедуру омоложения, но за ускоренный курс для Боуза платила ККТ, а вся планета Августа находилась под контролем семейства Шелдон.

Паулу проводили в приемную, где уже находились мужчина и женщина.

— Это миссис Венди Боуз, — сказала Елена. — И...

— Профессор Трутен, — представился мужчина, протягивая руку.

Это был мужчина на закате среднего возраста, одетый в костюм из коричневого твида, который, по мнению Паулы, вышел из моды уже несколько столетий назад. Судя по тому, как пиджак натянулся на его плечах, одежда была действительно очень старой.

— Я давно хотел встретиться с вами, главный следователь, — сказал он. — Жаль, что мы увиделись при таких обстоятельствах.

— При каких обстоятельствах? — поинтересовалась Паула.

— У людей моей профессии вы вызываете неподдельное восхищение. А сегодня я здесь представляю интересы профессора и миссис Боуз.

Паула пристально посмотрела на Венди Боуз. По ее убеждению, нежелание той ответить на взгляд свидетельствовало о чувстве вины. К несчастью, о возможной причине

скованности женщины она не догадывалась. Управление санкционировало обычную проверку, но Венди Боуз оказалась ни в чем не замешанной.

— А можно поточнее узнать о вашей профессии?

— Ах да. Я преподаю право в городском университете Леониды.

Паула продолжала смотреть на Венди Боуз, а та сосредоточенно разглядывала комнату.

— Я и не знала, что профессор в чем-то виновен.

— Он не виновен. Никто не может считаться виновным, пока не доказано обратное.

Хартия Содружества, статья три-а. Я не сомневаюсь, что вы об этом знаете.

— Если он не виновен, почему возникла необходимость пригласить юриста?

— Еще не знаю. О чем вы хотите его расспросить?

Елена вежливо кашлянула.

— Мне кажется, я могу вас оставить.

— Благодарю вас, — сказала Паула. — Дайте мне знать, когда профессор будет в состоянии разговаривать.

— Конечно.

— Значит, профессор с Гралмонда хорошо знаком с юриспруденцией Августы? — спросила Паула, как только дверь за Еленой закрылась.

— Здесь не так уж много законов. Августу вряд ли можно назвать полноценной демократической моделью.

— Я с вами согласна. Но у вас, как у юриста, нет здесь никаких прав. А у меня их предостаточно. И я даже могу добиться вашей немедленной высылки с планеты.

— Но вы ведь верите в справедливость, главный следователь?

— Больше, чем вы можете себе представить. А еще я верю в правосудие. Чего я не терплю, так это вмешательства адвокатов.

— По-вашему, мы все плохие парни, не так ли?

— Где бы вы ни встретили человеческие страдания, тут же появляются адвокаты. Они либо становятся причиной этих страданий, либо на них наживаются.

— Прошу вас, — вмешалась Венди. — Это я попросила профессора Трутена сюда приехать. Я совсем не знаю законов Августы, и денег у нас не много. На время восстановления после омоложения Дадли не получит никакого пособия.

— Дадли — мой коллега, — заметил Трутен. — И я уверен, что мой опыт и советы не помешают вашему расследованию. В любом случае он был обязан пригласить адвоката.

— Профессор Дадли Боуз не подследственный, — сказала Паула. — Насколько мне известно, он ни в чем не виновен. — Она многозначительно взглянула на адвоката. — Вы, вероятно, предполагаете противоположное. Почему?

Вопросительный взгляд Венди обратился к профессору.

— Я кое-чего не понимаю, — сказал Трутен. — У Дадли на процесс омоложения есть всего два месяца. Это время ограничено сроком отправления космического корабля, и он вряд ли успеет набрать соответствующую форму. Ваше расследование, вероятно, очень важное, раз вы решили прервать процесс. Оно может стоить ему места на корабле.

— Это не имеет для меня никакого значения.

— Что же он, по-вашему, сделал? — воскликнула Венди.

В ее голосе прозвучало отчаяние, но не только. Отчетливо слышалось беспокойство за свою судьбу.

— Извините, но расследование проводится в закрытом режиме. Без моего личного

разрешения никто не вправе его обсуждать.

— Я знаком с основными законами.

Взгляд Паулы заставил Трутена умолкнуть.

— Мы подозреваем, что атака на «Второй шанс» была предпринята группой, называющей себя Хранителями Личности. Это тайная полувоенная группировка, базирующаяся на Дальней. Они утверждают, что правительством Содружества манипулируют чужаки.

— Я слышал о них, — сказал Трутен. — Мой эл-дворецкий, к несчастью, не пропускал их пропаганду, несмотря на фильтры.

— Они пытаются представить полет «Второго шанса» как угрозу человечеству, — продолжала Паула. — А для этого им необходимо выявить связь между постройкой корабля и их предполагаемым врагом из чужого мира. Вот я и пытаюсь отыскать эту связь или, по крайней мере, то, что они считают связью. И поскольку вся миссия началась с открытия профессора Боуза, логично предположить, что начинать надо с него.

— Я не думаю, что это предлог нарушать процесс его восстановления.

— Вы правы, — согласилась Паула. — Подобный анализ информации входит в число стандартных задач для СИ Управления. Но было выявлено необычное совпадение, и вот о нем-то я и хочу расспросить профессора.

— Что за совпадение?

— Счет благотворительного образовательного общества «Кокс» в банке «Денман Манхэттен» некоторое время назад, еще до нападения на корабль, подвергся хакерской атаке. Это общество входит в число спонсоров кафедры астрономии, которой руководит ваш муж. Хранители, вероятно, верили, что исследование Пары Дайсона финансируется по воле чужака, и пытались найти тому свидетельства в бухгалтерских отчетах. Банковская система безопасности нейтрализовала их программу, и Хранители не смогли добраться до секретных файлов. В то время происшествию не придали значения, поскольку банк нередко подвергается подобным нападкам, однако используемый ими «троян» был создан на основе кодов профессора Боуза. — Она с интересом отметила, что с лица Венди сошла краска. Женщина протянула руку к своему спутнику, словно ища поддержки. — Вы хотите мне что-то сказать?

Трутен ободряюще кивнул и крепко сжал руку Венди. Пауле показалось, что это пожатие выражает глубокую привязанность.

— Он сказал, чтобы я вам передала, — заговорила Венди. — В тот момент я ничего не понимала.

— Ваш муж?

— Нет, журналист. Он сказал, что вам надо перестать концентрироваться на деталях. Что значение имеет только общая картина.

— Так сказал вам журналист?

— Да. Он сказал, чтобы я все это передала Пауле, когда с ней встречу. Но я не знала никого по имени Паула. А разговаривали мы о спонсорах астрономического факультета. Он брал у меня интервью.

— Когда это было?

— Несколько месяцев назад. По-моему, в тот самый день, когда муж получил звание профессора. На приеме присутствовало много гостей и представителей разных информационных компаний.

— Журналист упомянул мое имя? Мое?

— Да, точно.

— Как его звали?

— Кажется, Брэд.

«Брэдли», — неслышно прошептала Паула. По ее спине пробежал холодок. Впервые в жизни она поняла, что значит потерять нить разговора. Что значит лишиться уверенности в себе.

— Вам знаком этот джентльмен? — вкрадчиво спросил Трутен.

Паула проигнорировала его насмешливый тон.

— Мне необходимо описание внешнего вида этого Брэда. На приеме были другие журналисты?

— Да. Только я еще не все рассказала.

— Что еще?

— Нам пришлось рано уехать домой. Наш дом пытались ограбить. Кто-то скопировал память из домашней системы. — Венди заметно оживилась. — Там, наверное, и были коды Дадли для доступа к банковскому счету благотворительного фонда.

— Да, вероятно, — негромко ответила Паула.

— Значит, Дадли ни в чем не виноват? И может лететь на корабле?

— Во всяком случае, я не стану его задерживать.

Она удержалась от комментариев по поводу объятий преданной жены профессора и его сочувствующего коллеги.

* * *

В больших и неуклюжих санях, переваливавшихся по замерзшей впадине, Оззи немилосердно мотало из стороны в сторону. Несмотря на раскаленную жаровню, осмотрительно подвешенную к потолку, в сумраке закрытого пространства было значительно холоднее, чем в палатке. Но они двигались вперед, и, несмотря ни на что, Оззи чувствовал себя намного спокойнее. Орион, завернувшийся в свой спальный мешок и сидевший на длинной скамье, значительно приободрился, как только вся компания двинулась в путь.

Корпус саней в основном был сделан из желтовато-коричневых костей, сточенных и соединенных между собой, словно это были деревянные брусья. Стены, потолок и скамьи, на которых они сидели, покрывала толстая черная кожа — как заметил Оззи, довольно грубой выделки. Единственное окошко было вставлено в переднюю стенку и, по его мнению, представляло собой осколок одного из местных деревьев. Через него можно было увидеть только мелькавшие участки замерзшей равнины, чаще всего заслоняемые крупными двумя большими убнанами, тащивших сани. Билл, огромный коррок-хи, стоял на открытой платформе в задней части саней и управлял упряжкой при помощи длинных поводьев. Поджидая медлительного лонтруса, он не слишком торопил своих убнанами.

— Что представляет собой Ледяная Крепость? — спросил Оззи.

— Ее первоначальное назначение мне неизвестно, — сказала Сара. В санях она опустила свою лицевую маску и оставила ее висеть на завязках капюшона. В скудном свете жаровни покрытая морщинами кожа женщины казалась такой же темной, как у Оззи. — Мы

почти уверены, что построили ее сильфены. Они до сих пор останавливаются там, когда приходят для охоты на ледовых китов. — Она похлопала рукой по меховой накидке. — Вот откуда нам достается все это добро. Этой шубе уже семь лет, и скоро понадобится новая. Они долго служат, если заботиться о мехе.

Оззи снова окинул взглядом внутреннее устройство саней.

— И кость?

— Сообразительный мальчик. Да. В этом отношении они, как и киты Земли, представляют собой огромную ценность и используются в самых разных делах. Сильфены убивают китов, забирают трофейные клыки, а всю остальную тушу оставляют. Сама охота представляет собой довольно интересное зрелище. Часть сильфенов, разодетых по-зимнему, как на средневековый маскарад, выезжает верхом, а остальные бегут следом, стараясь не отставать. После забоя кита мы целую неделю стоим лагерем, чтобы разделать и упаковать огромную тушу. Почти все части находят свое применение. Даже в китовьей крови содержится некоторая доля алкоголя, чтобы она не замерзала, хотя опьянеть от нее не удастся, но за многие годы у нас накопилось несколько перегонных аппаратов. В теле кита имеется одна железа, кое-кто высушивает ее и измельчает в порошок. Они говорят, что это снадобье кормит пенис, если это вам о чем-нибудь говорит.

— Думаю, я понял.

— Некоторые органы кита, по словам нашего доктора, обладают лечебными свойствами, хоть и не для людей, а для представителей других рас, каких в Ледяной Крепости немало. Ну и конечно, мясо кита употребляется в пищу. Это наша основная еда. — Она хмуро поджала губы, отчего щеки и лоб еще гуще покрылись морщинками. — Вы себе представить не можете, как может надоест китовое мясо. Вы ехали верхом на лошадях?

— Да, за исключением последних двух дней.

— Гм. Бифштекс из конины. Это деликатес. Если наши люди услышат о двух конских тушах, лежащих в двух днях пути, они непременно захотят организовать экспедицию. Два дня, вы говорите?

— Примерно. И шли мы не слишком быстро.

Оззи и прежде приходилось есть конину, так что эта идея не вызвала у него возмущения. Но он заметил, как недовольно отвернулся Орион.

— Расстояние почти предельное, — сказала Сара. — Это рискованно. Но кто-нибудь все равно решится, лишь бы попробовать что-то новое для разнообразия.

— А в чем риск? Вы неплохо экипированы для этой планеты.

— Дело не в экипировке, парень, а в местности. Как тебе известно, тропы сильфенов нестабильны. Стоит только углубиться в лес — и никто не знает, где ты выйдешь.

— Хотите сказать, что отсюда нет надежного пути?

— Судя по всему, есть миллион путей, чтобы выбраться отсюда, и еще миллион причин, чтобы остаться. Иногда я вижу примеры собственными глазами. У меня были друзья, которые не сумели смириться с жизнью в Крепости. В поисках лучшей доли они ушли в лес. Минули годы, и можно было подумать, что им все удалось, что они оказались в безопасности. Но потом экспедиция обнаружила их тела, почерневшие и замерзшие.

Орион потуже завернулся в спальник, стараясь не показать, как сильно у него задрожал подбородок.

Оззи пристально посмотрел на женщину, но его взгляд не произвел на Сару должного впечатления.

— Если есть путь сюда, — сказал он, — должен быть и путь отсюда.

— Уверена, что он есть. Я только пытаюсь вам сказать, что его никто не знает. По крайней мере, не было случая, чтобы кто-нибудь возвращался.

— А как давно вы здесь живете? — спросил Орион.

— Я уже и не знаю. В некоторых местах, где мне довелось побывать, время идет совсем иначе. Это просто другое время. Не могу объяснить. Это понимаешь только тогда, когда снова попадаешь в другое место. А когда пытаешься вспомнить, каждый момент кажется сном. Еще есть тропы, по которым течет время. Возможно, вы с этим сталкивались, когда климат меняется очень медленно, не так, как при смене времен года.

— Но все-таки — сколько? — настаивал Орион.

Пожилая женщина улыбнулась, показав красновато-желтые зубы.

— Скажем так, я оставила Землю в две тысячи девятом году.

Орион изумленно охнул:

— Не может быть!

— Может. Я проводила отпуск в Тоскане. Мне нравилось бродить по окрестностям, посещать селения, пробовать местную пищу. Там было много мест, куда еще не добрались риелторы, и это делало их особенно привлекательными. Однажды я собрала рюкзак и отправилась в лес. Вот тогда все и началось. Больше я туда не возвращалась. Но я и не стремилась к этому. Какой смысл?

— Интересно, — пробормотал Оззи. Было приятно узнать, что тропы сильфенов есть и на Земле, но это почему-то совсем не удивило его. — Выходит, вам около четырехсот лет. В те времена не было возможности пройти процедуру омоложения, даже в Европе.

— Я никогда не омолаживалась. Я же говорю, вдоль троп время течет совершенно иначе.

— Но вы же сказали, что с тех пор больше не странствовали по тропам.

— Но я здесь и время от времени встречаюсь с сильфенами. — Она пожала плечами. — Оззи, этому нет рационального объяснения. Что есть, то есть. Не пытайся найти логику в своих перемещениях.

— Это верно.

— Можно? — вмешался Орион. — А вы не знаете, были ли здесь мои папа и мама?

— А как их зовут?

— Морис и Катания.

— Мне жаль, Орион, но здесь нет никого с такими именами. Да я и не припомню, чтобы когда-либо встречала семейную пару.

Парень удрученно опустил голову.

— Но ведь не все тропы с Сильверглейда ведут сюда, — сказала женщина. — Твои родители могут быть где угодно. К примеру, на каких-нибудь тропических островах.

— Да. Конечно.

Сара посмотрела на Оззи, и тот лишь пожал плечами, словно предостерегая от дальнейших расспросов.

Впереди постепенно вырастал силуэт Ледяной Крепости. Сквозь грубое, затянутое льдом окошко было непросто что-то рассмотреть, но очертания пирамиды виднелись вполне отчетливо. От основания до вершины было приблизительно семьдесят ярдов. Все грани пирамиды покрывали большие осколки коры кристаллических деревьев, собранные в шестиугольники. Они образовывали сплошной узор, напомилавший соты, и скрывали

находящийся под ними материал стен. Из центра каждого шестиугольника торчал гладкий цилиндрический кристалл с многогранным камнем на конце. Оззи задумчиво нахмурился, пытаясь разгадать их назначение. Длинные сегменты, образывавшие шестиугольники, были расположены под углом друг к другу, формируя ярусы. На их гладкой поверхности поблескивали радужные цветные искорки. Все это напоминало...

— Зеркала, — пробормотал он себе под нос.

Очень грубое подобие вогнутого зеркала, направляющее свет на центральный стержень. Или не такое уж грубое, решил Оззи. Выдержать правильный угол на всей поверхности могли только искусные мастера.

Вершину пирамиды венчал невысокий круглый шпиль. На глазах у Оззи из него вырвался луч зеленого света и описал полный круг.

— Его можно увидеть с противоположного края кратера, — сказала Сара. — Не раз по ночам он помогал мне отыскать дорогу к дому.

— Он светит и ночью? — удивился Оззи. — Я думал, эта зеркальная поверхность собирает в него солнечный свет.

— А, ты все понял. Ничего удивительного. Технарь вроде тебя не мог этого не понять. Большая часть зеркал направляет свет во внутренние помещения. Но ты прав: верхние ряды работают исключительно на маяк. От них свет поступает на своего рода световой аккумулятор. Только не спрашивай меня, как он работает, для меня это что-то вроде большого каменного шара. И всегда находится какой-нибудь ученый безумец, который хочет разобрать его на части. Но мы, естественно, этого не допускаем.

— Не беспокойся, я обойдусь без этого.

— Отлично. Наши люди время от времени покидают этот город. А насколько мне известно, другого города на этой проклятой планете нет.

— Полезное замечание.

Сани неторопливо подъехали к основанию пирамиды и остановились. Оззи и Орион снова натянули перчатки, закрыли лица и вылезли наружу, прихватив свои рюкзаки. Двое коррок-хи с печальными трелями подошли к Биллу и стали помогать ему распрягать убнанов, тащивших сани. Из пирамиды вышли еще люди (или похожие на людей существа) в таких же бесформенных меховых одеяниях, как у Сары. Появились и чужаки — маленькое создание с пятью конечностями и еще двое, похожие на змей с ногами. Все они были одеты в шкуры ледового кита. Оззи помедлил, разглядывая незнакомцев, и удивился, как далеко простираются тропы сильфенов.

— Сюда, — поманила их рукой Сара. — Иуша позаботится о вашем лонтрусе.

В основании пирамиды было несколько сводчатых проемов разного размера — от небольшого отверстия до широких ворот, в которых могли разминуться сразу двое саней. Вокруг кипела бурная деятельность, постоянно входили и выходили чужаки и животные, которых Оззи тоже никогда прежде не видел. Трое саней готовились отправиться наружу, но все они были меньше, чем те, на которых ехала Сара, и напоминали гоночные тобоганы.

По одному из коридоров Сара привела их в вестибюль со стенами из черного мрамора. В дальнем его конце виднелась большая вырезанная из кости вращающаяся дверь с тонкими кристаллическими панелями.

— Это наш термошлюз, — сказала женщина, нажала на одну из панелей, и створка повернулась.

За дверью оказался широкий коридор, облицованный таким же мрамором. Сквозь

длинные кварцевые панели в потолке падал розовый солнечный свет. Оззи остановился под одним из окон, прищурился, но смотреть было не на что.

— Они освещают все помещения, — пояснила Сара. — Что-то вроде сети кристаллических тоннелей, идущих от поверхности пирамиды. Тот же самый принцип, как и в оптическом кабеле, только намного крупнее. Эти тоннели достигают метра в диаметре.

После плавного поворота коридор вывел их к широкой лестнице, подножие которой также скрывалось за поворотом. Все трое начали спускаться. Поворот оказался витком широкой спирали. Через некоторое время Оззи сбился со счета, сколько раз они сделали полный оборот и как глубоко ушли вниз. Сара тем временем сняла маску с лица и расстегнула шубу. Под меховой одеждой на ней были шерстяные брюки и толстый голубой свитер. Оззи почувствовал, что стало теплее, и тоже расстегнул куртку.

— Чем отапливается помещение?

— Горячими источниками, — ответила Сара. — Пирамида построена прямо над ними. И насчет ванны я не шутила.

Лестница закончилась под высокой аркой. Сара оглянулась на своих спутников и шагнула в главный зал пирамиды. Оззи последовал за ней, но, пройдя всего несколько шагов, остановился. Он оказался в соборе чужаков, в сводчатом зале высотой не менее восьмидесяти ярдов. Колонны, изгибающиеся вдоль стен, подобно гигантским ребрам, поддерживали семиарусный балкон. Оззи понимал, что перед ним сооружение религиозного назначения. Стены альковов между колоннами покрывал резной мрамор. С панелей на Оззи смотрели тысячи различных существ, и каждый третий среди них был сильфеном. Во всех фигурах мастеру удалось выразить божественное величие, присущее человеческим пророкам. Резец художника запечатлел их в момент благоговейного откровения, они словно наблюдали чудо, происходящее за гранью физической вселенной. Фоном барельефа служили самые различные пейзажи — от сценок из жизни на деревьях до звездных ландшафтов с экзотическими лунами, городских улиц с невиданными зданиями — и даже технологических объектов. В самом центре, ярче, чем солнечный свет, сияла мандала, собранная из тонких хрустальных полосок.

— Святые угодники! — воскликнул Оззи.

Перед ним находилось потрясающее доказательство великой культуры сильфенов.

В центре зала приподнятый фонтан с журчанием и бульканьем наполнял своими струями обширный бассейн. Здесь не было алтаря и рядов сидений, которые ожидал увидеть Оззи. Вместо них на сильно потрескавшемся и истертом гранитном полу стояли длинные столы, сделанные из кости и кожи. В стороне имелся большой прямоугольный очаг из камня с кирпичными печками. Внизу за решеткой потрескивал огонь. Судя по запаху в зале и осевшей на кирпичях саже, в очаге использовалось топливо на основе жира. Вокруг столов сутилось несколько человек и чужаков, очевидно готовивших пищу.

Великолепный зал, похоже, служил обитателям Ледяной Крепости одновременно столовой и гостиной. Здесь было многолюдно даже в середине дня. Оззи поразила разнообразию рас. Даже на первый взгляд он насчитал не меньше дюжины разных типов. Существа на трех, четырех и на шести ногах, извивающиеся, ползающие и даже прыгающие. Одно из них напоминало молодого райеля или его близкого сородича. Большие и маленькие, с различным цветом кожи, чешуи, меха и радужных оболочек. Одежда, если она вообще имелась, варьировалась от простейших балахонов до практичных рабочих костюмов.

И каждый из обитателей Крепости замер, словно статуя, сосредоточив все внимание на

Оззи и Орионе. Они смотрели, принимали, прислушивались, сканировали тепловое излучение...

Орион незаметно спрятался за спину Оззи, а тот так же пристально разглядывал местных жителей.

— Откуда они? — спросил он. — Нам известны их звездные системы?

— Откуда они прибыли — не имеет значения, — небрежно заметила Сара. — Важно то, что сейчас они здесь. Зачем пытаться их классифицировать? Это первый шаг к сегрегации.

— Никто и не классифицирует, — резко ответил Оззи. — Но ведь это же самое обширное сборище представителей разных цивилизаций. Здесь представлено больше рас, чем на Высоком Ангеле. Разве это ничего для тебя не значит?

— Только то, что у нас большой набор способностей, помогающих выжить в этих условиях.

— Я бы хотел выяснить, откуда они пришли, и получить любую информацию о сильфенах.

— Познакомитесь позже, — сказала Сара. — А сейчас я покажу вам ваши комнаты.

Она провела их по краю зала до коридора, скрывавшегося за колоннами первого уровня. Один из ответвлявшихся от него переходов привел их к трем небольшим круглым комнаткам. В одной из них имелась грубая мебель, предназначенная для людей: кровать и пара стульев. Ножка одного из стульев оказалась сломанной, а кожаное сиденье было настолько ветхим, что грозило разорваться, если на него сесть. Половину последней комнаты занимал бассейн, заполнивший паром все помещение. Орион опустил руку в прозрачную воду и радостно заулыбался, ощутив тепло.

— У вас есть время, чтобы освежиться, — сказала Сара. — Ужин будет готов через пару часов. По традиции, все вновь прибывшие рассказывают нам свои истории и новости из той части Галактики, откуда они пришли.

— Это я переживу, — ответил Оззи.

— Хорошо. — На лице Сары отразилось беспокойство. — Вы ведь не попытаетесь снова отыскивать тропу, правда? Из-за этого мы уже потеряли немало людей.

— Конечно. Я не настолько глуп. Но мы уйдем, как только будем к этому готовы.

— Желаю удачи.

* * *

Накануне старта состоялось не меньше дюжины торжественных вечеров, ужинов и балов. Но самым значительным стал прием, устроенный председателем парламента Аншана, где присутствовали вице-президент Элейн Дой, Найджел Шелдон с тремя официальными женами из своего гарема, Рафаэль Колумбия, сенаторы Томпсон Бурнелли и Брюстер Кумар, а также десяток других выдающихся личностей из политических кругов Содружества. На этом приеме, к несчастью, должен был присутствовать и капитан Уилсон Кайм. По пути ко дворцу регента, служившему официальной резиденцией председателя парламента, его машина трижды была остановлена для тщательного досмотра, включая глубокое сканирование. Перед самым закатом солнца капитан вместе с Анной вышли перед массивной каменной галереей. Их встретили двое слуг-людей в длинных сюртуках, украшенных золотым шитьем.

— Добро пожаловать, капитан, — с глубоким поклоном приветствовал его старший из слуг. — Председатель парламента встречает своих гостей в зале Ливингстона. Проходите, пожалуйста, прямо туда.

— Спасибо, — ответил Уилсон.

Под руку с Анной он стал подниматься по широким ступеням. Ради торжественного случая Анна надела длинное вечернее платье цвета морской волны и несимметричное золотое кольцо с жемчугом, которое словно сливалось с ее сияющими ОС-татуировками. Перед экспедицией она коротко остригла волосы, но стилист умудрился вплести в них несколько длинных прядей, осыпанных платиновыми и фосфоресцирующими блестками. Уилсон никогда еще не видел ее такой элегантной. На работе она обычно носила строгий костюм, а в его квартире необходимости в одежде и вовсе не было. Ее сегодняшний вид, подчеркнутый ароматом духов, будил в нем непреодолимое желание. Уилсону хотелось сорвать с нее одежду и заняться любовью прямо на холодных плитах дворцового пола. Горделивую походку Анны лишь слегка портила необходимость поддерживать свободной рукой подол платья, пока она поднималась по лестнице.

— Проклятая классическая архитектура! — едва слышно пробормотала она.

Они уже достигли верхней площадки, когда у подножия лестницы затормозил сияющий черный «Феррари Рион». Передняя дверца плавно поднялась, и из машины выбрался Оскар.

— Можно было сразу догадаться, кто приехал, — произнес Уилсон.

Он немного завидовал, глядя на эксклюзивную модель автомобиля. Учитывая свой нынешний возраст и положение, капитан считал себя выше подобных мелочей, но не переставал гадать, как бы он чувствовал себя за рулем «феррари» в режиме ручного управления. С точки зрения инженерной мысли этот автомобиль был близок к совершенству.

Оскар приветливо помахал им рукой и взбежал по ступеням.

— Ты сегодня великолепно выглядишь, дорогая, — сказал он, целуя Анну в щеку.

— Спасибо, — улыбнулась она. — Ты тоже.

Оскар превосходно чувствовал себя в смокинге и ослепительно белом модном жилете с традиционной красной гвоздикой в петлице, тогда как Уилсон в подобной одежде ощущал себя скованно, словно школьник на выпускном вечере.

— Ну, девочки и мальчики, может, войдем? — предложил Уилсон.

За дверями им открылся пышный классический интерьер, изобиловавший портретами в золоченых рамах, а также крученой бронзой и нефритом модернистской скульптуры. Председатель парламента Джильда Принцесс Марден приветствовала Уилсона крепким рукопожатием политика и поцеловала воздух рядом со щекой Анны. Уилсон выразил сочувствие по поводу поражения национальной футбольной команды, на что председатель парламента ответила пышной благодарностью и посвятила его в детали, спортивной и личной жизни главного бомбардира.

— Отлично, — прошептала Анна, когда они отошли. — Еще пять часов легкой болтовни, и можно будет уходить.

Высокие двери зала Ливингстона разошлись, открыв гостям выход на широкий балкон. Английский парк дворца освещался горящими факелами, желтыми и зелеными фонарями, а также диковинными фруктами, свисавшими с ветвей деревьев. По саду уже гуляли десятки гостей, одетые в яркие костюмы, соответствующие теплоте летнему вечеру. Над горизонтом постепенно таяли последние золотистые лучи заходящего солнца. Известные личности Содружества и богатые аристократы смешались с представителями местного высшего

общества, а репортеры политических и новостных каналов держались от них на почтительном расстоянии. На небольшом возвышении перед фонтаном в виде сферы Генри Ву заиграл оркестр.

Все трое взяли предложенные подошедшим официантом напитки. Уилсон заметил среди гостей и других членов экипажа. Все они были окружены небольшими группами, и все, как и сам Уилсон, чувствовали себя не в своей тарелке. У молодых участников миссии имелось свое мнение о том, как можно провести последний вечер перед вылетом. Сам Уилсон предпочел бы менее официальное мероприятие.

— Вижу, наш прославленный навигатор тоже здесь, — заметила Анна.

Оскар с Уилсоном обернулись и увидели Дадли Боуза, стоявшего под красновато-желтым кленом. Он вернулся с Августы после частичного омоложения, сбросив примерно лет пятнадцать. Но его тело еще не успело прийти в соответствие с новым клеточным возрастом: на шее висели складки кожи, черные пряди на голове чередовались с седыми, а выступавший животик явственно нависал над поясом брюк. Он рассказывал какую-то старую историю внимательным аншанским слушателям, и стоящая рядом жена громко смеялась, словно никогда ее не слышала.

— Напомните мне, какого черта он летит с нами, — проворчал Оскар.

— Это величайший эксперт Содружества в том, что касается Пары Дайсона, — с притворной серьезностью ответила Анна.

— А! Я знал, что какая-то причина должна быть.

Уилсон изо всех сил старался не хмуриться. Уже не в первый раз он упрекал себя за то, что уступил политическому давлению. Боуз не прошел и половины тестов, требуемых от других членов экипажа, не говоря уж об участии в каких-нибудь эффективных тренировках. Брат на борт этого астронома означало наклеить беду на всю миссию, но отказ возмутил бы общественное мнение.

Он заметил, что Найджел Шелдон беседует с вице-президентом и другими членами Совета Защиты Содружества, и стал пробираться к их небольшой группе. Подойдя ближе, в молодой женщине, стоявшей рядом с Шелдоном, обнимающим ее за плечи, он узнал Ту Ли, офицера гиперпространства. В черном платье, туго обтягивающем ее стройную фигурку, и с коротко подстриженными черными волосами она выглядела сексуальным бесенком.

— Капитан! — приветственно улыбнулся Найджел. — Насколько мне известно, вы знакомы с Элейн.

Уилсон вежливо кивнул вице-президенту. «Фарндейл инжиниринг» приняла решение финансировать ее предвыборную кампанию, и Элейн Дой знала об этом.

— Какие-то непредвиденные проблемы? — спросил Найджел.

— Нет. Все идет исключительно гладко.

— В последнем тестовом полете мы достигли скорости в четверть светового года в час, — сказала Ту Ли. — Этого мы и добивались, так что завтра готовы лететь.

— Ты все знаешь, — усмехнулся Найджел, явно гордясь своей спутницей.

— Перестань.

Девушка сердито отвернулась.

— Ту Ли приходится мне прапраправнучкой, — сказал Уилсону Найджел. — Четыре поколения, рожденные естественным путем, — это самая прочная семейная связь. Кто может обвинять меня в том, что я ею горжусь?

Уилсон не помнил, чтобы этот факт был упомянут в личном деле Ту Ли.

— Надеюсь, вы не против, — сказала Ту Ли, пристально глядя в глаза Уилсону. — Я никогда никому об этом не говорила, поскольку хотела попасть в экипаж самостоятельно.

— И вам это удалось, — ответил Уилсон.

Внезапно он задумался, почему никто из его семейства не участвовал в квалификационных отборах.

— Шелдон и Кайм все-таки летят вместе, — с довольным видом произнес Найджел. — Мы решили проблему, хоть и иным путем.

— Похоже на то.

Уилсон уже с трудом заставлял себя улыбаться.

— Как я понимаю, вы берете с собой массу оружия, — вступил в разговор Томпсон Бурнелли.

— В этом отношении возможны два варианта, — почти серьезно ответил Уилсон. — Либо мы шокируем превосходящую нас по развитию расу своим примитивным проявлением агрессии, либо летим в неизвестность и стараемся по возможности обезопасить корабль, что должно быть понятно любому разумному чужаку.

— Учитывая стоящие перед ними задачи, стремление к безопасности вполне объяснимо, — заметил Найджел.

— Ха! — фыркнул Томпсон. — Что вы сами об этом думаете, капитан? Вы верите, что барьер воздвигнут с целью защиты от какой-то психопатической расы, обладающей супероружием?

— Мы постараемся выяснить это на месте, — сдержанно ответил Уилсон. — Но я никуда не пошлю свою команду, если не буду уверен, что смогу вернуть их живыми и невредимыми.

— Хватит, Томпсон, мы же на званом вечере, — сказал Найджел. — Прекрати портить человеку настроение.

— Я просто хочу кое-что понять. Я до сих пор не уверен, что запуск космического корабля — это наилучший способ разобраться в ситуации вокруг Пары Дайсона. Существует мнение, что мы должны оставить их в покое по крайней мере на несколько столетий.

— Верно, — кивнула Анна. — Так считают Хранители Личности.

Томпсон бросил в ее сторону сердитый взгляд.

— О них есть какие-нибудь новости? — спросил Уилсон у Рафаэля Колумбия.

— В связи с этим нападением мы провели две сотни арестов. В основном это торговцы оружием с черного рынка и прочие подпольные деятели воинствующих группировок. Главный следователь Управления уверена, что мы получим от них достаточно информации, чтобы вычислить организатора.

В его голосе не чувствовалось особой уверенности.

— До сих пор этого было достаточно, — сказал Оскар. — После той атаки не наблюдалось никаких тревожных признаков.

— Но я полагаю, все это не имеет никакого отношения к общему уровню безопасности ККТ, не так ли? — спросила Элейн Дой.

Оскар, не обращая внимания на мрачный взгляд Колумбия, отсалютовал ей своим бокалом.

— В этом можно быть уверенным на девяносто девять процентов, — заявил он.

Вице-президент обвела взглядом четверых членов экипажа.

— Вы, вероятно, немного нервничаете?

— Было бы глупо это отрицать, — ответил Уилсон. — Фактор страха играет значительную роль в механизме выживания нашей расы. Эволюция не терпит гордыни.

— Разумное отношение. Что касается меня, я бы хотела иметь возможность поддерживать с вами связь. Невозможность получать информацию в наше время кажется дикостью.

Уилсон с вызывающим видом усмехнулся, поглядывая на Найджела.

— Мне кажется, наши главные теоретики гиперпространства к этому еще не готовы.

Найджел приподнял свой бокал, но не поддался на уловку.

— Именно поэтому я так настаивал, чтобы капитаном миссии стал Уилсон. Поскольку у них нет возможности обратиться за помощью к вашим комитетам, я сделал выбор в пользу того, кто способен самостоятельно принять решение. В противном случае вам пришлось бы самой отправиться в полет, вице-президент.

Элейн Дой перевела взгляд с Шелдона на Уилсона.

— Ваше руководство миссией меня вполне устраивает, капитан.

— Если бы корабль не был единственным, проблема со связью не стала бы такой серьезной, — заметил Оскар.

— А кто бы согласился платить за второй корабль? — быстро отреагировал Томпсон.

Его взгляд метнулся к одному из больших экранов, установленных в дальнем конце сада. Все они демонстрировали «Второй шанс» в различных ракурсах. Космический корабль стоял у сборочной платформы, но наружная оболочка из малметалла была свернута в широкое кольцо вокруг перехода. Из всех вспомогательных сооружений осталась только тренога манипуляторов, словно алюминиевыми когтями охватывающая корму корабля. Солнечный свет, заливавший весь снежно-белый четырехсотметровый корпус, четкими тенями выявлял каждый люк, каждое сопло, антенну и поручень, выступавшие за пределы защитного слоя пены. Огромное кольцо жилого отсека медленно вращалось, демонстрируя несколько темных прямоугольников иллюминаторов вдоль передней кромки. В нескольких точках грандиозного сооружения перемигивались навигационные огоньки, других свидетельств активности на корабле не было видно.

При виде массивного судна Уилсон немного успокоился. Такое огромное и прочное сооружение создавало непередаваемое ощущение надежности.

— Теперь, когда проект окончательно доработан, каждый последующий корабль будет значительно дешевле, — сказал Найджел. — ККТ уже обдумывает вопрос о создании небольшой исследовательской флотилии.

— Чего ради? — возмутился Томпсон. — Хватит и этой экспедиции, мы же знаем, что там происходит нечто странное. И не стоит нарываться на неприятности в неведомой дали.

— При таком отношении мы бы вряд ли освоили этот сектор Галактики, сенатор. Благодаря своему стремлению заглянуть вдаль мы не так уж бедны. Мы должны и впредь раздвигать барьеры.

— Отлично, — равнодушно отмахнулся Томпсон. — Хотите раздвигать барьеры? Вот сами и платите за это. Моей поддержки на следующем голосовании по бюджету вы не получите. Посмотрите, что произошло на Дальней. В эту авантюру мы вложили миллиарды, и сейчас еще планета обходится правительству в несколько сотен миллионов ежегодно. А что мы получили взамен?

— Знания, — ответил Уилсон, удивляясь своему порыву в защиту Дальней.

— Не так уж их много, — проворчал Томпсон.

— Скажите это Халгартам. Они заняли господствующую позицию в производстве генераторов силовых полей только благодаря технологии, найденной на «Марии Селесте».

— А что будет, если мы не вернемся? — спросила Анна. Шокированные взгляды членов Совета и общее молчание заставили ее усмехнуться. — Нельзя же полностью отрицать такую возможность, — добавила она.

— Мы вас не бросим, — уверенно сказала Элейн Дой. — Если возникнет необходимость постройки нового корабля, он будет построен.

При этом она пристально взглянула на североамериканского сенатора, явно собравшегося что-то сказать.

— Совет проработал планы при любых возможных ситуациях, — произнес Найджел Шелдон. — В том числе и самых невероятных. Как заявила вице-президент, в случае возникновения угрозы будут приняты все необходимые меры.

— Военное вмешательство входит в их число?

Никто, даже Уилсон, не осмелился встретиться с ней взглядом.

— Я не верю в такую необходимость, — сказал Рафаэль Колумбия.

— Меня просто удивляет, что в Содружестве так мало внимания уделяется повышению обороноспособности. Особенно в свете теории о защитной функции барьера в Паре Дайсона.

— Кое-что мы предпринимаем, — возразил Рафаэль Колумбия. — Мы посылаем вас, чтобы разобраться в ситуации.

— А если там все плохо?

— Будем реагировать соответствующим образом.

— Какими средствами? У нас уже три сотни лет не было никаких войн.

— У нас семь изолированных планет, и каждая из них откололась от Содружества в ходе военных конфликтов. Последний случай произошел всего двадцать лет назад. Как ни печально это признавать, Содружество имеет достаточный опыт в подобных делах.

— То были гражданские войны, спровоцированные националистическими или религиозными группировками. Большинство жителей Содружества о них и не слышало.

— Что вы хотите этим сказать? — спросила Элейн Дой, едва сдерживая раздражение.

— Всего лишь то, что нескольких «Мстителей Аламо» против действительно враждебных сил будет явно недостаточно.

— Это нам известно. Цель вашей миссии была определена с учетом такой возможности, и вклад капитана Кайма в планирование я только приветствую. Откровенно говоря, я приемлю только его подход к вопросу безопасности. Если рассуждать реалистично, в случае обнаружения вами таких могущественных и враждебных сил они тоже узнают о Содружестве.

Оркестр заиграл легкий вальс, показавшийся Уилсону знакомым. При этом все повернулись, чтобы взглянуть на западный край неба, и капитан облегченно вздохнул. Над крышей дворца поднялась невероятно яркая звезда.

«Второй шанс» вышел на эллиптическую орбиту вокруг Аншана. В конце концов, при наличии червоточины его местонахождение не имело значения. Корабль скользил над самым горизонтом и был полностью освещен солнечными лучами, сделавшими его самым ярким объектом в небе. Появление корабля стало сигналом для начала фейерверка. Над дворцом расцвели изумрудные, золотые и алые сферы, воздух содрогнулся от оглушительного треска и восторженных аплодисментов высоких гостей. Луч главного прожектора поймал Уилсона в пятно белого света, все повернулись в его сторону, и

аплодисменты стали еще громче. Уилсон любезно поклонился и жестом подозвал к себе Оскара и Анну, тогда как члены Совета вместе с Ту Ли отошли в сторону. Рядом с Оскаром тут же появился Дадли Боуз и тоже стал хлопать в ладоши, подняв руки над головой.

После окончания фейерверка оркестр перешел к более привычным пьесам, затем открылся буфет, и гости разбрелись по саду. Элейн Дой снова выступила вперед.

— Капитан, я хочу пожелать вам счастливого пути.

До самого окончания приема Уилсон не переставал жалеть о потере личного времени накануне старта. После того как открылся буфет, вечер стал невыносимо скучным. Часа через два он заметил, как Оскар потихоньку улизнул в компании симпатичного парня. Уилсон хотел бы поступить так же и увести с собой Анну, но их уход не мог пройти незамеченным. За последнее столетие он успел позабыть о настоящей цене славы.

Но вознаграждение не заставило себя долго ждать. В восемь часов утра он приехал в комплекс, чтобы пройти сквозь переход. Старший руководящий персонал, конструкторы и техники, инженеры, медики и сотни других людей выстроились вдоль последнего участка дорожки и аплодировали Уилсону, во главе старших офицеров идущему к переходу. И вот он уже сидит на капитанском мостике, готовый к старту, который поставит его на одну ступень с Колумбом, Армстронгом, Шелдоном и Айзексом. Но не с беднягой Льюисом Диланом.

Хотя, если говорить честно, капитанский мостик его несколько разочаровал. Рубка корабля даже старого «Улисса» визуально производила более сильное впечатление, не говоря уж о сложнейших интерьерах судов из фантастических фильмов, заполнявших унисферу. Здесь же он увидел простое помещение с десятью пультами, и только за семью из них в данный момент сидели люди. За стеклянной стеной виднелась комната для совещаний старших офицеров — с обычным столом и двумя десятками стульев. Как капитан и ожидал, в переднюю стену были вмонтированы два голографических экрана высокого разрешения, несмотря на то (недосмотр дизайнеров) что терминалы, стоявшие прямо перед ними, заслоняли нижнюю часть изображения от сидящих сзади.

Но Уилсону и самому некогда было рассматривать стандартные изображения, передаваемые с установленных на корпусе камер. Его зрительные вставки отфильтровывали естественное освещение, концентрируя внимание на виртуальном поле зрения. В результате он почти не видел помещения, зато внимательно следил за иконками, отражающими состояние систем корабля. Уилсон положил ладони на точечные контакты пульта, и в галактике воздушной графики, окружившей его со всех сторон, появились виртуальные пальцы. Прикосновением ярко-желтого виртуального пальца он увеличил иконку шлюзов и убедился, что корабль герметичен. Такой же щелчок по символу внешних связей подтвердил, что топливные резервуары заполнены и судно работает на собственных источниках энергии. Между кораблем и платформой остался только кабель широкополосного канала связи и механические зажимы.

— Состояние экипажа? — спросил он у Оскара.

— Вся команда на борту, в полной готовности.

— Что ж, отлично. Пилот, активируйте силовое поле и отведите корабль от платформы.

— Есть, сэр, — ответил Жан Дювуа.

Этот пилот не одно десятилетие прослужил на Высоком Ангеле, где водил транспортные челноки между парящими в невесомости заводами и с точностью хищной птицы перемещал секции оборудования весом в сотни тонн. До этого он участвовал в разработке контрольных программ для СИ-пилотов космопланов. Все это вкупе с его

горячим желанием участвовать в проекте сильно помогло комиссии в выборе кандидатуры. Уилсон считал, что ему повезло иметь на борту столь компетентного специалиста.

В виртуальном поле зрения загорелась иконка связи, оповещающая о вызове Найджела Шелдона. Уилсон прикоснулся к ней, давая согласие на разговор.

— Капитан, — голос Шелдона прозвучал на весь капитанский мостик, — я получаю телеметрические данные. Отсюда все выглядит отлично.

— И отсюда тоже. — На «Улиссе» тоже было множество таких бессмысленных переговоров с официальными лицами. Все это делалось ради потомков и журналистов. Один из цифровых счетчиков в виртуальном поле Уилсона показывал, что число зрителей, следивших за отправлением через унисферу, приближается к пятнадцати миллиардам. — Мы готовы к старту.

Величие момента наконец овладело его сознанием, и голос Уилсона прозвучал со всей серьезностью. Один из экранов рубки показал, как от кормовой части корабля медленно отходят три механических зажима. Из закрывающихся клапанов вылетели три серебристо-белых шарика и унеслись в темноту.

— Надеюсь через год снова встретиться с вами, — сказал Найджел Шелдон.

— Жду этого с нетерпением.

— Успехов, капитан!

Пилот Дювуа запустил малые двигатели центральной цилиндрической секции, и «Второй шанс» медленно отошел от платформы. Ускорение было столь ничтожным, что в условиях небольшой силы тяжести в капитанской рубке Уилсон ничего не почувствовал. Слабые голубоватые огоньки вырвались из сопел и быстро угасли.

— Скорость движения — пять метров в секунду, — доложил Дювуа.

Его голос буквально звенел от радости.

— Спасибо, пилот, — ответил Уилсон. — Служба гипердвигателя, подготовить генератор червоточины к режиму полета.

— Есть, сэр.

Ту Ли не смогла скрыть своего возбуждения. Через мгновение послышались ее команды корабельному СИ, за которыми последовали невероятно сложные манипуляции с энергетическими потоками.

Уилсон приказал эл-дворецкому уменьшить яркость виртуального зрения и снял руки с панели пульта. На одном голографическом экране медленно уменьшалась удаляющаяся сборочная платформа. В центре второго разгоралась круглая бирюзовая туманность. Она становилась все шире, очертания начали расплываться, но звезд сквозь нее еще не было видно.

— Курс выверен? — спросил Уилсон.

— Хочешь проконсультироваться с нашим астрономом? — едва слышно прошептала Анна.

Уилсон предпочел проигнорировать ее слова, гадая, слышал ли их кто-то еще из экипажа.

— Как договаривались, — сказал Оскар. Его ладони плотно прижимались к точечным контактам пульта, а взгляд быстро перемещался, следя за виртуальными символами. — Первый выход в двадцати пяти световых годах от Пары Дайсона.

— Выход в червоточину стабилен, капитан, — отрапортовала Ту Ли.

— Вводите корабль, — скомандовал Уилсон.

Голубой туман сомкнулся вокруг «Второго шанса», словно лепестки закрывающегося на ночь цветка. Связь со сборочной платформой и унисферой оборвалась. Оба экрана показали космический корабль, окутанный бледно-голубым свечением низкоуровневой радиации.

Оскар отключил наружные камеры. Экраны мостика переключились на гравитонный спектр — информацию с датчиков вокруг корабля, регистрирующих слабое эхо внутри червотчины. Эта приближенная версия радара позволяла приблизительно определять местоположение звезд и планет, но не более того.

Уилсон снова активировал виртуальное поле зрения и снова проверил работу всех систем корабля. Все прошло гладко. Его реальный взгляд прошелся по рубке. Инженеры все еще тесно общались с корабельным СИ, следя каждый за своим участком, но было заметно, что люди начали расслабляться. Оскар с довольным видом откинулся на спинку стула. Больше никаких дел у них не осталось. На целых сто тридцать дней.

Хоше поджидал ее на обочине дороги. Утро еще только началось, а вдоль тротуара уже собралась небольшая кучка местных зевак. Поблизости стояли две полицейские машины, и коп-роботы устанавливали временное ограждение вокруг тридцатиэтажного многоквартирного дома. Через некоторое время подкатил микроавтобус технической группы и неторопливо скрылся в подземном гараже. Эл-дворецкий известил Хоше о скором прибытии начальника участка и запросе комиссара.

— Великолепно, — буркнул Хоше.

Теперь он не сомневался, что в расследование будут вмешиваться все, кому не лень. После того как он выполнил основную работу, все департаменты Дарклейк-сити были не прочь урвать свою долю славы.

Из притормозившей неподалеку полицейской машины вышла Паула. Ее простое светло-голубое платье дополнял бежевый жакет, блестящие черные волосы были стянуты на затылке. Хоше показалось, что ее смуглая кожа стала еще темнее, но это было не удивительно — ведь Трелоар, столица Аншана, располагался в зоне тропиков. На его приветствие Паула ответила искренней улыбкой.

— Рад тебя видеть, — сказал он.

— Я тоже, Хоше. Извини, что бросила тебя с этим делом.

— Все в порядке, — солгал он.

— Но я рада, что ты справился и вызвал меня. Ты отличный профессионал.

Он показал рукой на стоянку.

— Ты можешь пожалеть, что прибыла. Сейчас сюда съедутся все высшие чины полиции.

— Я к этому привыкла. Знаешь, сегодня я действительно рада заняться старыми проблемами.

— Трудное дело?

— Судя по количеству произведенных арестов, так никто бы не подумал. — Она пожала плечами. — Но ты прав. У меня очень ловкий противник.

— Холмс и Мориарти?

— Хоше, я и не думала, что ты читаешь классику.

— Это было довольно давно, но такие вещи доставляли мне огромное удовольствие.

— Холмс и не подозревал, как ему было легко, — сказала она, пока они спускались на стоянку. — Итак, что ты мне приготовил?

В дальнем конце помещения стояли два фургона криминалистического отдела. Вдоль стен лежали планшеты с сенсорами, по своим размерам не уступавшие плитам пола, повсюду тянулись толстые кабели, исчезающие в открытых задних дверях обоих фургонов. Несколько роботов общего назначения под наблюдением трех офицеров-криминалистов передвигали планшеты, постепенно собирая их в одном углу подземной стоянки.

— Начнем с того, что мы обнаружили их только сегодня утром.

Они забрались в салон фургона командира отряда криминалистов. Внутри было тесно, между заваленными оборудованием скамьями оставался лишь узкий проход, а воздух раскалился от работающей аппаратуры. Все приборы были отлично знакомы Хоше. Дополнительная группа экспертов из Управления, обещанная Паулой, так и не появилась. Но начальник Хоше, учитывая причину, заставившую следователя отстраниться от

расследования, неохотно согласился выделить Хоше помощь в лице двух бригад криминалистов из городского отдела. Сам Хоше позаботился о дополнительных ячейках памяти и теперь управлялся с оборудованием и оценивал результаты, помогая своей смехотворно малочисленной команде на протяжении нескольких последних месяцев. Они проверяли весь список объектов, где сорок лет назад проводились строительные работы. Задание оказалось утомительным и невыносимо скучным. С первых же дней постоянно возрастало количество больничных и отгулов. А в последние недели нередко бывало, когда на смену выходили только полицейские роботы.

И подчиненные, и начальство оказывали на Хоше сильнейшее давление, стараясь вынудить его свернуть работы. Но он упрямо придерживался списка, обследовал один объект за другим, успокаивал команду и выпрашивал у начальника департамента еще немного времени. Глубокое рефлексивное сканирование позволило обнаружить под городом массу интересных вещей, но трупов не было. До сегодняшнего утра.

Паула пристально всматривалась в небольшой голографический экран со слабо светящейся трехмерной розовой сеткой. Прямо в центре, словно сучки в древесине, наблюдались более интенсивно окрашенные разводы. Даже при учете разложения можно отчетливо проследить контуры, — сказал Хоше, обводя пальцем плотные завитки. — Вот здесь голова, видишь? А это руки и ноги. Оба тела находятся в каком-то прямоугольном контейнере, вокруг них явно есть какое-то воздушное пространство.

— Верю тебе на слово. Для меня это все равно что пятна Роршаха.

Хоше даже не улыбнулся.

— Одно тело заметно меньше второго, а это говорит о том, что тела принадлежат мужчине и женщине. Но на этом хорошие новости заканчиваются. Находка лежит глубоко, около десяти метров под уровнем пола. Застройщик при возведении этого здания не халтурил. К несчастью, фундаменты находятся в ведении городского муниципалитета.

— Спасибо, Хоше.

— Мы еще не можем сказать с уверенностью, они это или нет. После настройки датчиков можно будет получить более отчетливое изображение, но определить личность захороненных будет невозможно. Для этого требуется экспертиза ДНК.

— Это они. Я уверена.

— Что ж, отлично. Но вытащить их будет нелегко. Придется раскопать все вокруг, возможно, потребуются силовые поля, чтобы укрепить фундамент. На время проведения работ надо будет эвакуировать всех жильцов. И при этом очень осторожно взломать бетон.

— Не беспокойся, в Управлении имеются опытные специалисты по извлечению. Они будут здесь еще до обеда.

— То же самое ты говорила насчет бригады криминалистов.

Она сумела развернуться на тесной скамье и окинула его оценивающим взглядом.

— Я помню. И прошу за это прощения. До сих пор я никого не подводила. И впредь этого не случится.

Хоше понял, что его лицо мгновенно покраснело. Ее извинение прозвучало как интимное признание. Чтобы отвлечь Паулу, он постучал пальцем по экрану.

— А ты уверена, что это убедительный аргумент? Я готов поставить последний доллар на то, что ячейки памяти у них уничтожены и воспоминаний об убийце мы не обнаружим.

— Хоше, можешь мне поверить. Теперь мы его прижмем. Все, что сейчас нужно, — это судья, который выдаст ордер.

В гостиной поднялся такой дьявольский шум, что Мортон услышал его из своей спальни. Это вынудило его прерваться и сильно разозлило. Эл-дворецкий назвал ему имя того, кто вторгся в пентхаус, и, спускаясь, Мортон потуже завязал пояс халата.

Главный следователь Паула Мио спорила с дворецким, тогда как детектив Хоше вмешивался в их разговор, грозя страшными карами. Вышколенного человека-дворецкого несколько не испугали незваные гости и их принадлежность к полиции. Он оставался верен своему нанимателю, и ничто не могло заставить его отступить от своего долга.

— Предлагаю всем сделать глубокий вдох и успокоиться, — произнес Мортон. — Он провел рукой по голове, пытаясь пригладить взъерошенные волосы. — Какие проблемы, главный следователь?

— Никаких проблем. — Она протянула ему небольшой кристаллический диск. — У меня ордер на ваш арест.

— По какому обвинению?

— По обвинению в убийстве двух физических тел и намеренном повреждении их ячеек памяти.

Ее слова окончательно вывели его из себя.

— Это дурная шутка!

— Нет, сэр, я не шучу, — ответила Паула. — Как зарегистрированный гражданин Содружества, вы можете ничего не говорить по поводу предъявленного обвинения, пока не проконсультируетесь со своим юридическим представителем. А сейчас прошу вас одеться. Для дальнейшего допроса вас доставят в полицейский участок.

— Сухая чепуха. — Мортон скрестил руки на груди и не сдвинулся с места. Он уже знал, о чем шла речь, но все же спросил: — О каких убийствах вы говорите?

— Об убийстве Тары Дженнифер Шахиф, бывшей в то время вашей женой, и Вайоби Котала.

— Проклятье! Да я же сам заявил, что их убили!

— Да, верно, и я вам за это благодарна. Прошу вас одеться. В противном случае вы поедете с нами в таком виде.

В гостиную ворвалась обнаженная Меллани и крепко обвила руками Мортон.

— Морти, что происходит? Что они такое говорят?

— Ничего, это просто полицейская ошибка, вот и все. — Он резко отстранился, но затем передумал и обнял девушку. — Все хорошо.

Меллани из-под его рук взглянула на офицеров.

Хоше Финн отвернулся, чтобы не смотреть на обнаженное тело девушки. А затем ему пришлось отвернуться от второй девушки в белом кружевном пеньюаре, остановившейся в дверях. При виде развернувшейся сцены на ее продолговатом утонченном лице появилось выражение скуки, словно она смотрела дешевую мыльную драму.

— Что здесь происходит? — протянула она слегка хрипловатым голосом, приглаживая рукой роскошную прическу. — Это твои извращенные развлечения, Морти? Тебя утащат в тайную темницу и прикуют к стене?

— Нет, — в один голос воскликнули Паула Мио и Мортон.

— Ах! — разочарованно вздохнула она.

— Морти никогда никого не убивал, — заявила Меллани и вызывающе подняла голову. Паула окинула ее холодным взглядом.

— Вас еще на свете не было, когда он это сделал. Послушайте моего совета, не устраивайте сцен. Мортон?

— Да-да. — Мортон нежно прижал к себе девушку. — Мой эл-дворецкий уже связался с юридическим отделом. К ужину я буду дома. Мы подадим встречный иск за незаконный арест еще до того, как принесут рыбное блюдо.

Меллани просительно заглянула ему в лицо.

— Не ходи с ними, Морти, пожалуйста. Не ходи.

— У него нет выбора, — заметила Паула.

— Я иду одеваться, — сказал Мортон. Он резко развернулся и шагнул к двери. — Очень жаль, — обернувшись, сказал он Пауле. — Между вами и мной могло возникнуть нечто стоящее.

Паула перевела взгляд с Меллани на высокомерную девушку в кружевном пеньюаре, потом посмотрела на Мортонна.

— Я себе этого даже представить не могу.

* * *

Налетевший со стороны Великой Триады ежедневный шторм уже утих, оставив в широкой долине влажную свежесть. Деревьев здесь, на северо-западном склоне гор Дессо, было совсем немного. В основном долину покрывала луговая трава, а вдоль быстрой реки, несущей воды на север, протянулись заболоченные участки. Последние легкие облака стремительно уносились вдаль, солнце грело все сильнее, и от травы поднимался пар.

Казимир вышел наружу, как только закончился дождь. В этой деревне Макфостеров прошло его детство. Беспорядочно разбросанные каменные хижины с дерновыми крышами защищали своих обитателей от дождей. Широкие открытые окна не препятствовали циркуляции воздуха, позволяя ветру охлаждать помещения. В таком теплом климате люди редко оставались дома в светлое время суток. Жители занимались сельским хозяйством, и дети клана в этом удаленном убежище могли расти спокойно, не опасаясь влияния Института и Звездного Странника. Долина прекрасно подходила для выпаса скота, а несколько воинов, неспособных более участвовать в набегах Хранителей, тренировали шарлеманей.

По пути к мемориальному кладбищу к нему присоединились Скотт и Харви, их примеру последовали жители других домов, стоявших по дороге, и вскоре по заросшей травой тропинке шло уже более тридцати молчаливых мужчин и женщин. Тропинка вывела их к потемневшим деревянным воротам в сложенной из камней стене, увитой настурциями. Как и в большинстве небольших селений по всему Содружеству, стена окружала все кладбище. Деревца, посаженные по периметру, уже выросли и обеспечивали легкую тень. Могильные плиты были вырезаны из местной скальной породы. Трава между могилами регулярно подстригалась. Кое-где стояли скамьи. В центре кладбища был установлен восьмиугольный мемориал. Постаментом служила плита около трех метров в поперечнике, а на ней покоился двухметровый шар из красного мрамора, отполированного до блеска. На его нижней части аккуратными строчками были выгравированы имена, занимавшие уже около трети поверхности.

Все пришедшие собрались вокруг и склонили головы.

— Сегодня мы пришли почтить жизнь Брюса Макфостера, — громким чистым голосом произнес Харви. — Он покинул наш клан, но не будет забыт теми, с кем жил и сражался плечом к плечу. В час отмщения за эту планету он услышит радостную песнь, которую будут петь все народы, и она прозвучит так громко, что разбудит даже дремлющие небеса.

Харви поднес к незаконченному ряду имен на мраморной поверхности небольшой резец. Аппарат негромко зажужжал, высекая запрограммированные буквы, из-под крошечных лезвий посыпалась мелкая серая пыль.

— Я помню твой смех, Брюс, — сказал Харви.

Казимир шагнул вперед.

— Я помню твою дружбу, Брюс. Ты мой брат и навсегда им останешься.

Его голос прерывался, слова с трудом выталкивались наружу, по щекам потекли слезы.

— Я помню твое упорство, Брюс, — прохрипел Скотт. — Пусть оно всегда остается с тобой, парень.

Вперед вышла женщина. Казимир не слышал, что она говорила. Маленький мальчик у нее на руках начал громко плакать, будто понимал, что происходит, что он никогда не увидит своего отца.

Прощание затянулось довольно надолго. Наконец последний из Макфостеров сказал свое слово, а младенец успокоился у груди матери. Жужжание резцов смолкло. Казимир растерянно взглянул на новое имя, высеченное в мраморе, и сразу же опустил голову, будучи не в силах смотреть на печальное свидетельство.

Люди постепенно разошлись, оставив его наедине с Самантой.

— Спасибо, Каз, — тихо сказала она. — Порой мне кажется, что только ты и я действительно любили его.

— Его все любили, — произвольно ответил Казимир.

Саманта была несколькими годами старше его, и потому он чувствовал себя в ее присутствии не совсем уверенно. Теперь, когда Брюса больше не было, а у нее остался ребенок, его смущение только усилилось.

Она улыбнулась, хоть и было заметно, что улыбка далась ей с трудом. Младенцу едва исполнилось три недели, и его мать выглядела очень усталой.

— Ты такой милый. Его все знали, особенно мои сестры во всех кланах. Но это совсем иное. Он оставил свой след в этом мире.

Казимир обнял ее за плечи, и они вместе вышли за ворота кладбища.

— Ты уже решила, как его назовешь?

— Только не Брюсом, это было бы слишком. Я выбрала имя Леннокс, так звали деда Брюса, а у меня есть дядя с таким именем.

— Леннокс. Хорошо. Я думаю, его сократят до Лена.

— Наверное. — Она погладила ребенка по головке. Леннокс немного поворочался и снова заснул. — Каз, тебе надо кого-то найти.

— А?

— Кого-то для себя. Нельзя все время оставаться в одиночестве.

— Спасибо, у меня все в порядке. И не беспокойся, меня многие приглашают.

Примерно так он отвечал и Брюсу. Казимир вспомнил Андрию Макновак и свое невыполненное обещание Брюсу. После того ужасного набега он так и не попытался с ней переспать. И не только с ней. На протяжении долгих бессонных ночей его успокаивали только воспоминания о Джастине.

На тропе его поджидали Харви и Скотт, а вместе с ними еще один незнакомый Казимиру мужчина. Харви поманил его рукой.

— Мы еще встретимся до твоего ухода? — спросила Саманта.

— Конечно, если ты этого хочешь. Я... Если тебе что-нибудь нужно, какая-либо помощь ребенку или что-то еще, скажи мне.

— Ты же знаешь, что ничем мне не обязан.

— Я хочу видеть его, Саманта. И если бы Брюс остался в живых, я бы все равно хотел его видеть.

— Ну ладно. — Она поднялась на цыпочки и поцеловала его в щеку. — Еще раз, спасибо тебе, Каз. Ты будешь замечательным дядей.

Она зашагала к деревне, а он смотрел ей вслед, не в силах справиться с нахлынувшими эмоциями.

— Хорошая девочка, — сказал Харви. — Помню, я ее некоторое время тренировал.

— Да, — согласился Казимир.

— Это Стиг Максобел, — проскрежетал Скотт.

Казимир пожал руку незнакомцу и удивился, насколько она оказалась сильной. Их глаза находились на одном уровне, так что мужчина был не выше Казимира, но широченные плечи, казалось, вот-вот разорвут простую рубашку со шнуровкой на груди. Максобел выглядел на тридцать с небольшим, его кожа была немного светлее, чем у Казимира, и глаза смотрели на мир с широкого лица с явным удовольствием.

— Я много слышал о тебе, Каз, — сказал Стиг. — Во время последних рейдов ты приобрел неплохую репутацию.

Казимир быстро взглянул на Скотта и Харви.

— Что это, очередная лекция?

— О безрассудности и личной мести? — спросил Харви. — Почему ты так решил? Разве ты не усвоил последний урок?

Казимир повернулся, чтобы уйти. Стиг положил ему руку на плечо, и снова его сила поразила Казимира.

— Если сумеешь справиться со своими чувствами, ты бы мне пригодился, — сказал Стиг. — Харви говорит, что ты способный. Церемония очищает душу, и теперь ты постепенно смиришься с его смертью. Ведь так?

— Я видел, как погиб Брюс. Видел — и ничего не смог сделать.

— Я знаю, что это такое. Мы все это знаем, и в твоем горе нет ничего необычного, Казимир. Ты Макфостер, ты воин. Однажды и ты погибнешь, и кто-то другой это увидит. Мы живем не только борьбой против Звездного Странника. Эта деревня тому доказательство. И сын Брюса тоже.

— Ну и что еще я могу сделать? — крикнул Казимир. К его глазам снова подступили слезы, а расплакаться перед самыми уважаемыми им людьми он не хотел ни за что на свете. — Я умею драться и тем самым помогаю приближать обещанное нам всем лучшее будущее. Если гнев поможет мне сражаться еще лучше, хорошо. Брюс бы это одобрил.

Скотт взял Казимира за руку.

— Парень, выслушай Стига. В этом ведь нет ничего дурного, верно? Мы пришли, потому что беспокоимся о тебе. Никто не отстраняет тебя от борьбы, но в таком состоянии ты позволишь себя убить в первом же деле, и никому от этого не будет пользы. Ты можешь продолжать борьбу, не подвергая себя непосредственной опасности. Может, ты все-таки

успокоишься на минутку и позволишь Стигу высказаться?

Казимир резко дернул плечом, понимая, что ведет себя как настоящий идиот. И не может остановиться.

— Конечно. Простите. Это... — Он махнул рукой в сторону кладбища. — Сегодня было прощание, вы ведь знаете...

— Знаем, — сказал Стиг. — Если бы ты ничего не чувствовал после его смерти, ты был бы не истинным членом клана, а простым рабом Звездного Странника. Я уважаю твои чувства.

— Чего ты от меня хочешь?

— Тебе известно о полете космического корабля?

— Да, я слышал о нем.

— Брэдли Йоханссон уверен, что запуск корабля начинается финальную стадию войны Звездного Странника. Человеческому Содружеству грозит гибель.

— Каким образом? — спросил Казимир.

Он никак не мог понять, как построенный людьми космический корабль мог быть связан с их борьбой против Звездного Странника. Ведь это же просто исследовательская миссия.

— Барьер вокруг звезды Дайсона был воздвигнут, чтобы преградить путь величайшему злу. Йоханссон опасается, что люди могут разрушить его. В экипаже корабля летят рабы Звездного Странника.

— А что это за зло?

— Нам неизвестно. Но если Содружеству придется вести войну, его экономика и все общество ослабеют. Человечество станет уязвимым перед Звездным Странником.

— Но ты сказал, что корабль уже стартовал. Мы не в силах его остановить.

— Это верно. Но, Казимир, если Звездный Странник готовится нас сокрушить, час отмщения за эту планету близится; возможно, он наступит уже в ближайшие годы. Это означает, что Звездный Странник вернется на Дальнюю, и мы должны быть к этому готовы.

— Это я знаю.

— Хорошо. А теперь о деле, в котором ты можешь пригодиться. Для осуществления мщения на Дальнюю необходимо доставить определенный набор предметов. К несчастью, нашим сторонникам в Содружестве приходится опасаться гонений со стороны тех, кто уже попал под влияние Звездного Странника. Им сложно переправить сюда эти вещи тем путем, каким они прежде переправляли оружие. А это значит, что мы должны разработать альтернативные маршруты. Я путешествовал по Содружеству и изучил их порядки. Сейчас мне пора возвращаться туда и помогать нашим союзникам, но для достижения конечной цели я хочу взять с собой небольшую команду преданных делу Хранителей. И ты мог бы стать одним из них.

— Я? — потрясенно переспросил Казимир. Одна лишь мысль о необходимости покинуть Дальнюю повергла его в смятение, не говоря уже о возможности путешествовать по планетам, названия которых казались скорее легендами, чем реальностью. И она где-то там... — Почему я? Я ничего не знаю о Содружестве.

— Ты можешь легко всему научиться. Харви говорит, что ты быстро соображаешь, а это очень хорошо. Там совсем другая жизнь — по крайней мере, на первый взгляд. Тебе придется постараться, чтобы к ней приспособиться. Но ты молод и еще способен адаптироваться. Тебе придется много тренироваться, чтобы развить мускулы до того

состояния, когда они смогут нормально функционировать в условиях стандартной гравитации. Есть, конечно, лекарства и клеточное профилирование, но этого мало, тебе придется и самому изрядно потрудиться.

— Это я смогу сделать, — без размышлений сказал Казимир.

— Значит, ты согласен?

— Да!

— И еще: ты должен повиноваться приказам. Моим приказам. Я не могу допустить, чтобы ты просто слонялся без дела. Нам предстоит операция, которую нельзя провалить ни в коем случае. От нас будут зависеть все Хранители.

— Понимаю. Я тебя не подведу.

— Я уверен в этом, Каз. Но окончательное решение будет принимать Брэдли Йоханссон. Казимир смущенно посмотрел на Скотта и Харви.

— Какое решение?

— Будешь ли ты помогать в доставке необходимых нам предметов, — ответил ему Харви. — Физические тренировки — это лишь часть необходимой подготовки. Ты должен научиться вести себя как настоящий гражданин Содружества. Я пообещал Стигу, что ты справишься, так что постарайся не выставить меня обманщиком.

— Никогда. Но... решать будет Йоханссон?

— Да, — подтвердил Стиг. — Ты встретишься с ним до начала операции.

Казимир с трудом верил своим ушам. По его представлениям, Брэдли Йоханссон был кем-то вроде далекого кумира или исторического героя, на которого все ссылались, которого благоговейно почитали. Он и не мечтал встретиться с ним лично.

— Хорошо, — тихо произнес он. — А где он?

— В настоящий момент? Я не знаю. Но мы встретимся с ним на Земле.

* * *

Строительство космического корабля вывело «Второй шанс» в заголовки большинства информационных каналов унисферы. Детали проекта, история создания, споры политиков о целесообразности этого решения, слухи о вероятных кандидатах в состав экипажа — все это поднимало рейтинги новостных шоу. Потом произошло нашествие «Мстителей Аламо», и любопытная новость переросла в выдающуюся сенсацию. Популярность достигла апогея, когда более семнадцати миллиардов человек наблюдало за стартом корабля к Паре Дайсона в реальном времени. После этого полет длился месяц за месяцем, и напряжение быстро начало спадать, сменяясь некоторым разочарованием. Граждане Содружества просто не привыкли, чтобы такое важное событие не освещалось в прямом эфире. Более того, о результатах миссии они смогут узнать не раньше чем через год. А до того момента им предстояло вновь погрузиться в старые привычные мыльные оперы и драмы ВСО, следить за перепалками политиков, скандалами знаменитостей и Кубком Содружества, который подходил к четверти финала.

Потом появилась новость об аресте Мортонна, и стали известны имена задержавших его офицеров (хотя Хоше Финн мало кого заинтересовал), и поезда на Октиер заполнили жаждущие подробностей репортеры. О таком сюжете мог мечтать любой режиссер: Паула Мио, расследующая давнее убийство, богатый подозреваемый с огромными деловыми и

политическими связями, предвкушение финансового скандала. И секс. Местная сплетня о соблазнении Мортонем молодой красавицы Меллани и ее вынужденном уходе из национальной сборной по прыжкам в воду стала едва ли не основной составляющей репортажей и хроники. Вскоре отыскались и его прежние подружки, которые за определенные суммы рассказывали свои истории. Офицерам-криминалистам Дарклейк-сити были предложены немалые взятки за сведения об уликах обвинения, что привело к дополнительным судебным разбирательствам по обвинениям в оскорблении. Тара Дженнифер Шахиф и Вайоби Котал были вынуждены обратиться в суд с просьбой защитить их от толп репортеров, осадивших их дома.

После целого месяца шумных обсуждений интерес к делу значительно повысился. В день первого заседания Верховного суда Дарклейк-сити пришлось даже выставить кордон вокруг здания, чтобы сдерживать толпы журналистов и простых любопытствующих. Фургон с обвиняемым, сопровождаемый длинным конвоем полицейских машин и патрульных роботов, обогнул здание суда и остановился в охраняемой зоне у заднего входа. За процессией с вертолетов следили десятки камер, но ни одной из них не удалось заснять Мортон, поскольку его провезли прямо на подземную стоянку.

Для слушания дела был отведен главный зал, на поспешный ремонт которого власти потратили значительную часть годового бюджета. Октиеру еще не меньше недели предстояло оставаться в центре внимания всего Содружества, так что важно было произвести благоприятное впечатление. Отделанные золотом деревянные панели вокруг судебных кресел и скамьи подсудимых тщательно отполировали. Длинные массивные столы адвоката и обвинителя отчистили и навозили. Стены и потолок перекрасили, предварительно отправив в чистку огромную статую, символизировавшую правосудие. С обновленного потолка ярко засияли ленты полифото, а аудиосистему досконально проверили и отрегулировали.

Старания властей не пропали даром: в первое же утро, когда пятьдесят избранных журналистов были допущены внутрь, каждый из них отметил в своем репортаже торжественное великолепие зала. В таком месте без опаски можно было довериться правосудию, суровому, но справедливому.

Начало слушания сыграло на руку защите. Мортон, впервые появившись на публике после своего ареста, был одет в темно-вишневый костюм от известного модельера, его густые волосы были тщательно уложены, и весь его вид говорил об уверенности в себе. Он словно не совсем понимал, почему здесь оказался. Он никак не соответствовал образу виновного, ожидающего неизбежного приговора, как было во всех делах, в которых обвинителем выступала Паула Мио. У скамьи подсудимых он остановился и отвесил почтительный поклон в сторону закругленной полупрозрачной перегородки, защищавшей судей и скрывавшей от подсудимых их личности. Перед тем как сесть, Мортон окинул взглядом зал, отыскал интересовавшее его лицо и приветливо улыбнулся. Все репортеры тотчас развернулись к первому ряду зрителей, сфокусировав зрительные вставки на изящной фигурке Меллани, одетой в темно-синий пиджак и простую белую блузку. В своем строгом костюме девушка казалась воплощением оскорбленной невинности и одновременно невероятной сексуальности. Обычная девушка, живущая по соседству, поддерживающая своего мужчину перед лицом страшной несправедливости.

Затем вошла Паула Мио в простом сером деловом костюме и черных кожаных туфлях. Сосредоточенно-спокойная и тоже излучающая уверенность в себе. В десятках новостных

студий и шоу уже в который раз стали прокручивать насыщенные эмоциями ролики с участием невозмутимой шестнадцатилетней Паулы в суде над ее родителями. Зрители по всему Содружеству наблюдали, как она усаживается между главным прокурором города Ивором Чесселом и детективом Хоше Финном, чей лучший наряд на фоне модных костюмов местных представителей власти казался древним и изрядно поношенным.

При появлении судьи Кармайкла все встали. Мортон ободряюще улыбнулся Меллани, и эту улыбку запечатлели пятьдесят пар профессиональных зрительных вставок.

Сразу после зачитывания обвинений представитель защиты, Говард Мэдок, потребовал прекращения дела вследствие оглашения свидетельских показаний в присутствии прессы. Ивор Чессел заверил суд, что свидетельские показания были получены законным путем, являются неопровержимыми и играют лишь незначительную роль в позиции обвинения. Судья Кармайкл отклонил требование Мэдока, и на этом демонстрация позиций закончилась, а судебное разбирательство началось всерьез.

Обвинение изложило свою версию предельно просто. Мортон испытывал непреодолимую, маниакальную жажду денег и власти. Первым шагом к достижению этой цели стала женитьба на Таре Дженнифер Шахиф. Семейные деньги были вложены в создание «Аквастейт», и эта мелкая фирма обрела достаточную силу, чтобы выигрывать контракты на сотрудничество с известными строительными компаниями. При интенсивном управлении Мортон «Аквастейт» успешно развивалась, готовясь к выходу на открытый рынок.

Выпуск акций был неотъемлемой частью его грандиозного плана. Этот шаг обеспечивал ему богатство и необходимое влияние, чтобы занять место в совете директоров «Ганзы». После этого дальнейшее восхождение не составило бы большого труда.

Но над его мечтами нависла угроза, поскольку Таре Дженнифер Шахиф наскучил их брак. Если бы она подала на развод, «Аквастейт» пришлось бы ликвидировать или продать, а вырученные средства разделить пополам. У Мортон остался бы значительный капитал, более того, он стал бы богаче, чем до женитьбы, но для воплощения его планов этого было недостаточно. Выбрасывать акции на рынок было еще слишком рано: «Аквастейт» не достигла того объема, который мог бы привлечь инвесторов. Требовалось еще два или три года непрерывного развития.

— И вы убили ее, — сказал Ивор Чессел, остановившись перед скамьей подсудимых. — Убили свою жену и таким образом ликвидировали препятствие на пути к выпуску акций. После ее предполагаемого бегства на Тампико ничто не помешало вам вывести «Аквастейт» на соответствующий уровень.

Мортон беспомощно оглянулся на Говарда Мэдока — он недоумевал, как мог кто-то выдумать такое абсурдное обвинение. Представитель защиты, степенный мужчина, постоянно поддерживавший образ человека средних лет с первыми проблесками седины в волосах, печально покачал головой, словно удивляясь откровенной склонности обвинения к театральным эффектам.

Первым свидетелем со стороны обвинения была начальник городского отдела судебной медицины Шеррон Хоффбранд. Она подтвердила, что тела, извлеченные из-под фундамента многоквартирного дома, построенного сорок лет назад, действительно принадлежали Таре Дженнифер Шахиф и Вайоби Коталу. Оба они были застрелены с близкого расстояния из мощного нервноподавляющего оружия, а их ячейки памяти были повреждены — предположительно эм-импульсами. Точное время убийства за давностью преступления

определить было трудно, но Хоффбранд склонялась к выводу, что все произошло в трехдневный период на той неделе, когда Мортон должен был участвовать в конференции на Таланси.

Чессел задал вопрос о наличии на телах следов посторонних ДНК.

— Таковых не обнаружено, — ответила Хоффбранд. — Котал был одет полностью. На одежде имелись следы пыли, вполне объяснимые его передвижениями по городу, но никаких следов ДНК. Шахиф была обнажена, но на ее коже мы обнаружили следы мыла и ароматических веществ. Это доказывает, что перед смертью она принимала ванну.

— Можно ли утверждать, что она была застрелена в ванне? — спросил Чессел.

— Нет. После того как прошло столько времени, этого нельзя сказать наверняка.

— Но перед гибелью она принимала ванну?

— Да.

— Значит, она была дома?

— Вероятнее всего, да.

— Спасибо. — Ивор Чессел повернулся к судье. — Больше вопросов нет, ваша честь.

Говард Мэдок с улыбкой поднялся со своего места.

— Дома или в отеле? Вы можете определить разницу?

— Нет. Она могла быть и там, и там.

— Или в доме своего друга? Или в общественном заведении?

— Где угодно, где имеется возможность принять ванну.

— Это происходило на Октиере?

— Нельзя сказать с уверенностью.

— Понятно. Благодарю вас.

Обвинение вызвало Тару Дженнифер Шахиф. Она предстала перед судом в костюме цвета лаванды с широкой белой отделкой и слишком короткой юбкой. Чрезмерный макияж и пышная прическа только подчеркивали ее нервозность.

— Вы помните каких-либо ваших врагов, имевшихся у вас сорок лет назад? — спросил Ивор Чессел.

— Нет. Я вела не тот образ жизни, чтобы нажить врагов. Как и сейчас.

— И вы не можете назвать никого, кто хотел бы вас убить?

— Нет.

— Вы знаете или помните что-либо о своем пребывании на Тампико?

— Нет. Я не слышала этого названия до своего оживления.

— А что вы можете сказать о «Брохер ассошиэйтед»?

— О юридической фирме? Ничего. Я услышала о них тогда же, когда и о Тампико — когда дознаватели страховой фирмы начали расследовать мое исчезновение.

Взгляд Тары не отрывался от лица подошедшего к ней Говарда Мэдока. В сторону Мортон она смотреть не осмеливалась.

— Обвинение полагает, что вы были на грани развода с Мортином, — сказал он. — Это правда?

— Не думаю. Насколько я помню, у меня не было определенных намерений. Но со временем мы бы непременно расстались. Наш брак себя почти исчерпал.

— И поэтому у вас появилась другая связь?

— Да, это была одна из причин. Жизнь была прекрасной, а Вайоби делал ее еще более чудесной.

— Жизнь была прекрасной, — задумчиво повторил Мэдок. — Понятно. Вы встречаетесь с Мортонем?

— Иногда. Я не стараюсь его избегать.

Она коротко рассмеялась.

— Значит, вы остались добрыми друзьями?

— Настолько, насколько это возможно между бывшими супругами. Он... поддержал меня после оживления. Очнуться и узнать, что с тобой произошло, так ужасно. Врачи говорят, что некоторым людям требуется целая жизнь, чтобы с этим смириться.

— Вы хотите сказать, что между вами и Мортонем нет никакой вражды? — спросил Мэдок.

— Нет. И поэтому я ни в чем его не подозревала, пока не узнала о расследовании.

— Если бы вы поступили так, как предполагает сторона обвинения, и развелись с ним в ту самую неделю, когда погибли, стали бы вы настаивать на продаже или разделении «Аквастейт», как предусмотрено в вашем брачном контракте?

— Возражаю, — вмешался Ивор Чессел. — Ответ предусматривает предположение.

— Едва ли, ваша честь, — спокойно ответил Мэдок. — Я спрашиваю свидетельницу обвинения, как бы она поступила при весьма определенных обстоятельствах, тогда как все обвинение строится на том, что произошло бы, если бы она поступила так, как они предполагают. Так кто из нас опирается на домыслы?

— В данном случае я склонен с вами согласиться, — сказал судья. — Намерения свидетельницы не являются домыслом. Ответьте, пожалуйста.

— Я... Я не уверена, — с запинкой ответила Тара. — Деньги для меня не главное, я еще могу воспользоваться семейными фондами. Полагаю, я могла бы согласиться на продолжение развития «Аквастейт». Возможно, Мортон был прав, решив подготовить выпуск акций.

— И вы никогда не злились на него?

— Нет. Все браки рано или поздно распадаются, об этом каждый знает. Именно поэтому мы сразу же заключаем контракты.

Говард Мэдок очень старался не улыбаться, проходя к своему месту мимо представителей обвинения.

Второй день начался с показаний Хоше Финна. Он был все в том же единственном приличном костюме, а волосы, как обычно, стянул серебряным зажимом. Паула выбрала черный пиджак со светлой твидовой юбкой и по-прежнему имела вид невозмутимого профессионала. Мортон сменил костюм на обманчиво простую белую рубашку с открытым воротом и вышитый золотой нитью жилет. Его адвокат остался в том же костюме, что и накануне, придерживаясь строгого стиля без каких-либо излишеств. Сверху на них с ободряющей улыбкой смотрела Меллани в светло-сером платье, так туго облежавшем ее фигуру, что ткань могла сойти за вторую кожу.

— Детектив Финн, — начал Ивор Чессел, — есть ли какие-либо свидетельства с пребывания Тары Дженнифер Шахиф или Вайоби Котала на Тампико?

— Были куплены билеты, был сделан запрос в юридическую фирму на этой планете, но прямых свидетельств их пребывания там не обнаружено. Мы провели расширенные поиски, но на Тампико нет ни информационных, ни физических следов этих людей. Мы считаем, что вся история с бегством на Тампико была придумана для обеспечения алиби убийцы.

— Алиби?

— Если Мортон убил свою жену, чтобы обеспечить выпуск акций «Аквастейт», наверняка кто-то стал бы задавать о ней вопросы. А так все были уверены, что она сбежала со своим любовником и обосновалась в другом мире. Адвокаты юридической фирмы «Брохер ассошиэйтед» были наняты якобы от ее имени.

Вопросов к нему было очень много. О методах проведения расследования. О подлинности полицейских записей. О жизни Вайоби Котала и наличии у него смертельных врагов. Об официальных отчетах «Аквастейт». Все они преследовали только одну цель: показать, как сужался круг подозреваемых, пока не осталось никого, кроме Мортон. Защита получила возможность задать вопросы Хоше Финну только в середине дня.

Говард Мэдок попросил Хоше рассказать суду, как продвигалось расследование факта оживления Котала до вмешательства Мортон, после чего это дело стало первоочередным.

— Несколько необычный шаг для убийцы, вы не находите? — спросил Мэдок.

— А он и не знал, что убил Шахиф и Котала, — ответил Хоше. — Первое, что он сделал после убийства, — отредактировал свои воспоминания.

— Вам это досконально известно?

— Мы проверили хранилище его памяти. Там нет воспоминаний об этом событии.

— А о конференции, на которой он присутствовал всю неделю, воспоминания имеются?

— В основном да. Тем не менее он мог вернуться в Дарклейк-сити в тот период, который был зарегистрирован в памяти как сон.

— Вы исследовали память моего клиента; есть ли там какие-то воспоминания о пребывании на Тампико?

— Нет. Но если он убил...

— Детектив, прошу вас просто отвечать на мои вопросы. У вас нет доказательств, что мой клиент подстроил себе алиби. Могу ли я предположить, что настоящему убийце или убийцам Тары Шахиф действительно требовалось алиби, чтобы ввести в заблуждение полицию или частное расследование?

— Да.

— В процессе расследования вы обнаружили кого-нибудь, у кого имелся мотив для убийства этих несчастных людей?

— Нет. Никаких причин, кроме той, что была у Мортон.

— А вы рассматривали возможность нечаянного столкновения Тары и Вайоби с какой-либо глубоко законспирированной преступной группировкой?

— Да, такую возможность мы рассматривали. Но никаких подтверждений не обнаружили.

— Но ведь их и не должно было быть, не так ли? Если преступникам удалось подстроить алиби, выдержавшее сорок лет, вряд ли они оставили на виду какие-то улики. Единственное в чем им не повезло, так это в том, что мой клиент обратил внимание на оживление и обратился со своими вопросами в высокие инстанции, как и подобает добропорядочному гражданину. И вот что он получает в награду. Тогда как вы представляете суду не что иное, как вашу собственную теорию, подогнанную под известные факты, основанную только на вашем мнении о моем клиенте как о холодном жестоком убийце. Я прав?

— Но на это указывают факты.

— Ничего подобного, детектив. Это не улики. Это ваша теория. Это не окровавленное

орудие убийства в пластиковом мешке, которое можно было бы предъявить суду. Это всего лишь слабые и безосновательные рассуждения. И я еще раз спрашиваю: есть ли у вас улики, физические или цифровые, доказывающие, что Вайоби Котал и Тара Дженнифер Шахиф не стали жертвами криминальных действий, по несчастью приведших к повреждению их ячеек памяти?

Хоше довольно долго молчал, затем откашлялся.

— Нет, таких свидетельств нет, — монотонно произнес он.

На этом судебное заседание закончилось, и говорящие головы во всех студиях Содружества пришли почти к единогласному мнению, что Говард Мэдок не оставил камня на камне от показаний Хоше Финна и что большая часть обвинений была построена на домыслах. А этого достаточно, чтобы хороший адвокат мог склонить суд на свою сторону. Интерактивные опросы населения показали, что общественное мнение в этом деле склоняется в пользу Мортонна. И все больше людей полагали, что он избежит наказания. А это неизбежно привело бы к еще большей сенсации: Паула Мио близка к тому, чтобы проиграть процесс.

Ничего удивительного, что после такой шумихи аудитория в унисфере значительно увеличилась и уже около трех миллиардов человек в режиме реального времени следило за процессом. Они увидели, что Меллани пришла заранее и заняла свое обычное место. Этим утром она надела длинный пиджак из блестящей голубой ткани и такие же брюки. Блузка была из просвечивающей сеточки, но близко сведенные отвороты пиджака не позволяли увидеть тело, а только намекали на такую возможность. Искусно уложенные волны зачесанных назад волос придавали ей вызывающе сексуальный вид.

Хоше Финн после жаркой битвы накануне позволил себе надеть более светлый костюм и даже распустил волосы. Рядом с ним заняла место Паула в строгом костюме зеленого цвета, с туго стянутыми на затылке волосами.

Судебный пристав ввел Мортонна — в темно-синем костюме, подчеркивающим его авторитет и открытость и вполне подходящем для заседания совета директоров. Он держался серьезно и сосредоточенно, ничем не проявляя радости по поводу вчерашнего успеха. Говард Мэдок пожал его скованные наручниками руки, а затем все поднялись, поскольку в зал вошел судья Кармайкл.

После необходимых формальностей защита пригласила своего первого свидетеля: самого Мортонна.

Говард Мэдок, задавая вводный вопрос, смотрел в сторону судьи.

— Для протокола. Считаете ли вы себя способным на такой ужасный поступок, каким, без сомнения, является это убийство?

— Я не думаю, что мог бы хладнокровно кого-то убить, и я не убивал свою жену и ее любовника.

— Благодарю вас.

Затем последовала серия вопросов, предназначенная для представления Мортонна суду в самом выгодном свете. Каким честолобивым был Мортон, но не настолько жестоким, чтобы ради процветания фирмы прибегнуть к убийству. Как он сочувствовал и поддерживал свою бывшую жену после процедуры оживления. Как поднимался вверх, несмотря на обычные в его положении финансовые проблемы.

— Обвинение представляет вас равнодушным и беспощадным человеком, — сказал под конец Мэдок. — Считаете ли вы себя равнодушным?

Мортон поднял взгляд к галерее, где с преданной улыбкой на красивом молодом лице сидела Меллани.

— Об этом вы могли бы спросить тех, кто хорошо меня знает. Сам я себя таковым не считаю.

Говард Мэдок слегка поклонился судье и сел на свое место.

— Свидетель ваш, — произнес судья Кармайкл, обращаясь к представителям обвинения.

В наступившей тишине Паула Мио медленно поднялась со своего стула. Когда она поклонилась судье и прошла к месту свидетеля, по залу пробежал взволнованный шепоток. Если уж она лично берется за дело, значит, обвинение в безвыходном положении.

— В наше время убийство утратило свое первоначальное значение, — обратилась она к Мортону спокойным, рассудительным тоном. — Теперь это не означает гибель. Это еще не конец. Это утрата тела, искажение памяти или любое другое понятие, описывающее разрыв в сознании. Тело можно разрушить, но в клинике на любой планете Содружества вас вернут к жизни при помощи обычного клонирования. Десять или двадцать лет пройдут мимо, но в итоге вы снова вернетесь, словно ничего не произошло. Большинство психиатров склонно верить, что это делает наше общество более стабильным и спокойным, чем прежде. Они называют это «зрелостью».

Как вы понимаете, убийство стало не таким уж серьезным преступлением. Вы просто на несколько лет устраняете жертву из жизни. Вы не уничтожаете ее. Тем более если вы уверены, что страховка покроет процедуру оживления. И вы считаете, что это вполне оправданный риск, если кто-то мешает осуществлению ваших планов.

— Нет! — воскликнул Мортон. — Это совершенно неприемлемо. Это не тот поступок, на который можно решиться ради своих интересов. Убийство — это варварство. Я никогда такого не сделал бы. Ни сейчас, ни сорок лет назад.

— Но ведь вы согласны с тем, что ваша жена и Вайоби Котал были убиты?

— Конечно. — Он нахмурился, не понимая подоплеку вопроса. — Я вам говорил, помните?

— Нет, первоначально вы говорили о своих подозрениях по поводу исчезновения своей жены, особенно когда оно совпало и с исчезновением ее любовника. Ощущение беспокойства не полностью обусловлено воспоминаниями, его невозможно устранить редактированием памяти, законно оно или нет. Это ощущение рождается в подсознании. Вы знали, что в их исчезновении что-то не так.

Мортон откинулся назад и бросил на Паулу подозрительный взгляд.

— Алиби с отъездом на Тампико отлично сработало, не так ли?

— Да.

— Да. А если бы вы не помнили об убийстве, ни вы, ни ее друзья не сомневались бы, что она оставила вас и уехала.

— Я не убивал ее. Но вы правы, история была вполне правдоподобной. У меня не было причин беспокоиться о ее исчезновении, особенно после того, как со мной связались юристы из «Брохер ассошиэйтед» и сказали, что они действуют в качестве посредников.

— Давайте снова все вспомним. Вы вернулись с конференции на Таланси и обнаружили, что из квартиры исчезли все вещи вашей жены, а потом нашли послание, в котором говорилось, что она уехала навсегда.

— Все верно.

— И в тот момент этого было достаточно, чтобы убедить вас в ее уходе.

— Это было неожиданно, поразительно, но не вызвало никаких подозрений.

— Вы знали о ее связях?

— Да, у нее было несколько романов. Условия нашего брачного контракта это допускали. У меня самого была пара увлечений. Я ведь человек, а не холодная машина.

— Вы оспаривали условия развода?

— Нет. Они были заранее оговорены в нашем контракте. Я знал, на что шел.

— А как насчет вещей из квартиры? Вы требовали что-нибудь вернуть?

— Нет.

— Почему?

Мортон быстро переглянулся с Мэдоком.

— Тара взяла только свои вещи.

— Вы ведь знали, какие из них принадлежали ей?

— Конечно.

— А еще кто-нибудь это знал?

Мортон снова посмотрел на своего адвоката, на этот раз в его взгляде мелькнула растерянность.

— Простите?

— Я читала запись всех ваших переговоров с «Брохер ассошиэйтед», — сказала Паула. — Никаких требований по возврату имущества в них не было. А теперь скажите мне вот что: как мог убийца убрать из квартиры, где двенадцать лет проживали два человека, исключительно вещи жертвы?

На лице Мортонна возникло выражение явного замешательства. Он открыл рот, словно хотел что-то сказать, но не смог произнести ни слова.

— Ни один преступник не сумеет определить, что из вещей взять, чтобы обеспечить себе алиби, — продолжала Паула. — Это мог сделать только тот, кто хорошо знает дом и его содержимое. И это был кто-то из вас двоих. Но нам известно, что ваша жена этого не делала.

Мортон, стараясь скрыть ужас и растерянность, медленно опустил голову на руки.

— О, черт возьми! — простонал он. — Это не я. Или я?

— Вы. — Паула посмотрела на него с оттенком сочувствия, как смотрят на несчастных и обездоленных людей. — Это сделали вы.

На вынесение вердикта присяжным потребовалось три часа. Представители прессы в своих комментариях высказывали предположение, что задержка была вызвана одним только желанием насладиться изысканным обедом за счет налогоплательщиков. По возвращении в зал суда присяжные огласили свое решение, и никто не удивился, что оно было единогласным. Обезличенный электроникой голос из-за полупрозрачной перегородки провозгласил: «Виновен».

Возникшие вслед за этим разговоры в публике были быстро пресечены судьей, после чего он приказал Мортону встать. Далее судья пояснил, что наказание за такое ужасное преступление строго оговорено в законе и предусматривает не менее двойного срока потерянной жизни.

— Учитывая, что преступление было совершено исключительно в интересах выгоды, — продолжил судья, — я не могу не согласиться с мнением обвинителей, считающих вас жестокой личностью, для которой жизнь человека всего лишь незначительное препятствие на пути к достижению цели, подлежащее устранению. Ваш поступок на долгие годы лишил Тару Дженнифер Шахиф и Вайоби Котала их тел, и потому я без колебаний приговариваю

вас к приостановке жизни на сто двадцать лет.

Судейский молоток опустился на стол с громким стуком.

Тара Дженнифер Шахиф вскочила со своего места.

— Мерзавец! — закричала она своему бывшему мужу.

В другом конце галереи Меллани с истерическими рыданиями бросилась к ограждению, и только служащие суда удержали ее от прыжка вниз, к ее осужденному любовнику. Ее отчаяние стало предметом обсуждения для значительной части публики. Мортон вывели из зала, и по пути он ошеломленно покачивал головой, не в силах смириться с сокрушительным поражением. Большая часть репортеров переключила свое внимание на стол, где сидели обвинители. Хоше Финн и Ивор Чессел, не скрывая своей радости, пожимали друг другу руки. Паула Мио совершенно не обращала внимания на царившую вокруг суматоху: она спокойно собирала со стола свои записи и укладывала их в портфель. Под конец туда же последовало и ее портативное устройство. Убедившись, что на столе ничего не осталось, Паула, не глядя по сторонам, покинула зал заседаний.

Уилсон насчитал уже сто двадцать девять дней с начала миссии и все еще продолжал считать. Точно так же считали дни, часы и минуты все, кто находился на борту «Второго шанса». Малейшая частица уходящего времени вызывала у него как облегчение, так и раздражение. Проблема, как ни странно, состояла в том, что с момента старта с Октиера в работе корабельных систем не произошло ни одного сбоя. Уилсона отсутствие неполадок не удивляло: на многократное дублирование всех систем была потрачена огромная сумма, а каждый отдельный компонент обладал по меньшей мере двойным запасом надежности. Во времена работы Уилсона в НАСА это называлось «золочением плат». На «Улиссе» все должно было работать безотказно, и даже в случае непредвиденной поломки какого-нибудь узла предусматривалось три резервных варианта. Все это было сделано еще тогда, когда в иллюминаторы была видна Земля, а связь с Хьюстоном можно было установить в течение нескольких минут. Даже такая тонкая нить, связывавшая его с остальным человечеством, придавала Уилсону дополнительную уверенность. Он верил, что НАСА обязательно придет на помощь, если что-то пойдет не по плану. На этот раз ощущение изолированности усугублялось расстоянием. Даже капитан, при всем своем опыте, не мог избавиться от чувства страха. Случись что-нибудь здесь, в неведомом гиперпространстве, и их никто никогда не найдет. Он был благодарен конструкторам за надежность корабля. И в этой миссии, сознавал он, чувство благодарности было более зрелым, чем на «Улиссе».

Были созданы максимально комфортные условия для полета. Во-первых, на корабле сохранялась сила тяжести. Пусть она составляла всего одну восьмую от земного притяжения даже на крайней точке жилого кольца, зато можно было с уверенностью предугадать движение любого предмета, и организм чувствовал себя намного лучше. Кроме того, здесь имела настоящая еда. Вместо точно отмеренных обезвоженных пайков готовых блюд в столовой «Второго шанса» водились такие яства, как жареный эскалоп с овощным ризотто, или седло барашка с овощами, тимьяном и томатным соусом, или соблазнительный выбор разнообразных десертов. В часы отдыха можно было воспользоваться несколькими спортивными залами — их обязательно посещали все члены экипажа (но вот плавательным бассейном не мог похвастаться даже этот корабль). В остальное же время большая часть команды наслаждалась продукцией ВСО. На борту располагалась огромная библиотека, где наибольшей популярностью пользовались любовные сериалы и романтические приключения живущих впервые, но были и многочисленные адаптированные издания классической фантастики, а также биографические и исторические очерки. Уилсон как-то несколько дней кряду провел в пышных интерьерах «Мэнсфилд-парка». Он уже читал этот роман в своей первой жизни, и его заинтересовало общественное устройство той эпохи, в коем просматривалась интригующая параллель с современностью, но настолько откровенных сцен лесбийской любви в первоисточнике не было — это он отлично помнил.

Кроме занятий спортом, еды, просмотра драм и служебных обязанностей, он много времени проводил в обществе Анны. Уилсон и сейчас предпочитал завязывать отношения только с одной женщиной. В периоды его серьезных увлечений и брачных союзов случались исключения, но это происходило в тот момент, когда отношения себя уже исчерпали. Его никогда не привлекали обычаи, принятые в зажиточных и не очень зажиточных кругах Содружества, как, например, у Найджела Шелдона с его тысячей потомков и гаремом из

дюжины женщин, или в различных многосемейных общинах. В душе он знал, что остался таким же старомодным, как и эпоха, в которой он родился.

В обществе Анны он чувствовал себя прекрасно. Она ничего не требовала и довольствовалась случайными встречами с ним. Все шло как и до старта, только теперь об их отношениях знала вся команда. Впрочем, их связь не вызывала никакого осуждения или сплетен — опять же благодаря тщательному отбору экипажа: они все были вполне взрослыми людьми. Уилсон, хоть и не устанавливал определенных правил на этот счет, но решительно отвергал любые кандидатуры из числа живущих впервые — он был убежден, что их характер не мог соответствовать требованиям полета. За минувшее со старта время на борту произошло так мало стычек и личных конфликтов, что он был склонен признать присутствие корабельного психолога излишней предосторожностью. Даже сейчас, когда он ожидал окончания полета в гиперпространстве, на капитанском мостике не ощущалось никакой напряженности.

— В радиусе сотни а. е. не обнаружено никаких значительных масс, — доложил Оскар.

— Спасибо, — откликнулся Уилсон. Он тоже окинул взглядом экраны; дисплеи гравитонного спектра зияли почти полной пустотой, словно око бури. Последний раз они определяли свое местонахождение в окрестностях красного карлика, уже оставшегося на десять световых лет позади. Следовательно, до Пары Дайсона оставалось около двадцати пяти световых лет чистого космического пространства. — Ладно, приготовьтесь к выходу из гиперпространства. Анна, подключи основной комплект датчиков.

— Есть, сэр.

Она даже не улыбнулась. На капитанском мостике Анна всегда очень серьезно относилась к своим обязанностям. Она сидела через два кресла от него. На пальцах, поставленных на точечные контакты пульта, словно серебряные пульсирующие вены, мерцали линии ОС-татуировок.

— Астрофизики? — спросил Уилсон.

— Готовы, сэр, — отозвался Танде Саттон.

Вместе с двумя другими офицерами-исследователями, Бруно Сеймором и Расселом Саллом, он приготовился к работе в задней части рубки. На столах астрофизиков имелось вдвое больше экранов и мониторов, чем у остальных. Кроме того, перед стартом все трое установили сверхмощные зрительные вставки, обеспечивающие высокое разрешение в области виртуального поля зрения. Если в реальном пространстве обнаружится какая-нибудь аномалия, они должны будут ее мгновенно проанализировать и оценить степень опасности. Полученной информацией они делились и с группой исследователей, остававшихся на верхней палубе, где собрались все специалисты, включая Дадли Боуза.

— Оскар, активируй силовые поля и возьми на себя тактический контроль.

— Есть, сэр.

Часть дисплея в виртуальном поле зрения Уилсона показала уровень энергии, направляемый на атомный лазер и генерацию силовых полей. Информация с датчиков передавалась на систему наведения, и Оскар был готов принять решение о запуске боевых ракет. Уилсон передвинул виртуальный палец и включил общий канал корабельной связи.

— Что ж, леди и джентльмены, давайте посмотрим, что там снаружи. Ту Ли, выводите нас из червотчины, но гипердвигатель не выключай — на случай, если потребуются быстро уйти.

Ту Ли широко усмехнулась:

— Есть, сэр.

Голубой туман на экранах высокого разрешения в передней части рубки начал темнеть. В его центре появилась черная рябь, быстро распространившаяся к краям экранов, и затем в ней сверкнули яркие огоньки звездного неба.

— Танде? — нетерпеливо воскликнул Уилсон.

— Никаких явных отклонений, сэр. Электромагнитный спектр чист. Гравитонное поле пустое. Плотность частиц стандартная. Квантовое состояние стабильное. Отраженный сигнал радара отсутствует. Нейтринный поток в норме. Уровень радиации высокий, но не превышает средней нормы.

— Наведите сенсорную систему на Пару Дайсона, — приказал Уилсон.

Анна сфокусировала главный телескоп и переключила изображение на левый экран. Положение закрытой барьером звезды обозначилось тонкими красными скобками. При переключении в инфракрасный диапазон Альфа Дайсона появилась в виде бледно-розового пятна. Чуть в стороне проявилась и Бета Дайсона.

— Никаких видимых изменений в барьерах, — сказала Анна. — Двадцать пять лет назад они все еще стояли.

— Есть какие-нибудь признаки активности поблизости?

— Ничего, что отразилось бы на датчиках. Запустить гисрадар?

— Нет, еще рано. Увеличь сектор обзора для имеющихся датчиков. Я хочу получить полную картину окружающего пространства. Астрофизики, продолжайте наблюдение. Пилот, обеспечить стабильное положение корабля.

— Есть, сэр. — Анна начала манипуляции с виртуальными иконками. — Начинаю подготовку к запуску зондов-разведчиков.

Уилсон вздохнул с облегчением. Его виртуальный палец стал почти автоматически нажимать одну иконку за другой. На пульте перед ним вспыхнул небольшой экран, где сменяли друг друга изображения с наружных камер. На каждом виднелась небольшая часть корабля: передняя антенная установка, краешек жилого кольца, плазменные ракеты. Однако, какую бы камеру он ни выбирал, кроме корабля и далеких звезд, в них ничего не было видно. Ничего. Полная пустота вселяла благоговейный страх.

В детстве Уилсон увлекался плаванием. У его родителей во дворе имелся небольшой бассейн, которым он пользовался ежедневно. Тем не менее он не переставал просить их отвести его в большой бассейн в районном спортивном центре. Он попал туда в девятый день своего рождения, когда его с целой ватагой мальчишек-друзей отвезла туда на минивэне заботливая мать одного из мальчиков. Благодаря умению плавать и уверенности в себе Уилсон не испугался размеров и глубины большого бассейна и быстро бросился в воду, увлекая за собой друзей. В глубокой части бассейна он нырнул — в полной уверенности, что сможет достать до плиток на дне. Это ему удалось. Энергичными гребками он стал быстро уходить вниз, дважды продул уши, выравнивая давление, и скоро достал до голубых плиток кончиками пальцев. Сверху едва слышно доносился шум с поверхности, ноги рассекали голубой сумрак, тело сдавливала толща воды. Уилсон начал подъем и только тогда понял свою ошибку.

Он набрал достаточно воздуха, чтобы спуститься, но теперь легкие словно обжигал огонь. От недостатка кислорода стало сводить мускулы. Он начал отчаянно карабкаться вверх, но ускорить подъем был не в силах. Жажда воздуха казалась непреодолимой. И вот грудь, уступая настоящей потребности в воздухе, начала расширяться, вода, словно

живое существо, проникла в ноздри. В тот момент он понял, что стоит пропустить ее глубже — и он утонет. Тело отреагировало на опасность бешеными усилиями рук и ног, и Уилсону хватило силы воли остановить вдох. Он сумел всплыть, не дав воде проникнуть в легкие, и только тогда всей грудью глотнул удивительно прекрасного воздуха. Ужас произошедшего вызвал у него шок. Уилсон долго еще держался за бортик бассейна, содрогаясь всем телом. В конце концов он успокоился настолько, что смог вернуться к своим друзьям, но никогда и никому не рассказал о том, что с ним случилось.

Даже во время боевых вылетов он никогда не чувствовал себя таким испуганным, как тот дрожащий мальчишка, прильнувший к поручню бассейна. Ужасное ощущение больше не посещало его. До сих пор. Сейчас же холодная и липкая слабость охватила все его тело, как и тогда, в девять лет, отгородив от остальной реальности. Уилсон постарался унять дрожь древними дыхательными упражнениями.

— Зонды отделяются от корабля, — объявила Анна.

— Отлично, спасибо, — немного резко ответил Уилсон.

Его виртуальный палец перестал перебирать камеры, и капитан сосредоточил свое внимание на сенсорных модулях. Лишь бы что-то делать, что угодно, только бы отвлечься от небытия за бортом. Он почувствовал, как замедляется стук сердца и дыхание становится равномерным. Но вот с холодной испариной на лбу он ничего не мог поделать. В виртуальном поле зрения появилось текстовое послание от Анны: «Ты в порядке?» — «Отлично», — ответил он, даже не посмотрев в ее сторону. В рубке все были заняты своими делами и, казалось, не обращали никакого внимания на пустоту за бортом. Межзвездное пространство страшило его одного. Эта мысль настолько рассердила Уилсона, что он снова смог сосредоточиться на своей работе.

Экран на его пульте показывал переднюю секцию «Второго шанса». Люки восьми цилиндрических шлюзов, равномерно распределенных позади основного сенсорного блока, открылись, и оттуда показались зонды, похожие на огромных блестящих металлических насекомых с золотистыми антеннами-усиками. У основания каждого корпуса зажглись голубые струи ионных двигателей, и зонды стали отдаляться от корабля.

Модули, управляемые лазерами и коротковолновыми импульсами, несколько часов расходились по расширяющейся траектории до исходных позиций. В пятидесяти километрах от корабля для их остановки снова включились ионные двигатели. Одновременно на всех зондах разошлись сегменты темной оболочки, и хрупкие датчики открылись межзвездному пространству. Электромускулы вывели наружу разнообразные диски, блоки, штативы и линзы, и началось сканирование сектора Альфы Дайсона. Огромные антенные решетки «Второго шанса» принимали информацию, объединяли ее в единый образ и воспроизводили изображение с высочайшим разрешением в любой части спектра.

Нетерпеливое ожидание на борту корабля сменилось разочарованием: никакой дополнительной визуальной информации о барьере они не получили. Был подтвержден его диаметр, составляющий двадцать девять и семь десятых а. е. Озвученная цифра повлекла за собой несколько мгновений ошеломленного молчания. Дальнейший анализ показал, что от поверхности барьера исходит очень слабое инфракрасное излучение. Плотность частиц оказалась немного ниже среднего уровня, и это говорило о том, что преграда задерживала солнечный ветер. Больше не было выявлено ничего нового. После пяти дней тщательного наблюдения в поисках каких-либо угрожающих признаков или просто следов энергетических потоков, указывавших на их неприродные источники, Уилсон вместе с

исследователями пришел к выводу, что на таком расстоянии корабль не подвергался никакой опасности. Он приказал собрать зонды и переместить корабль на пятнадцать световых лет ближе к цели.

Они снова вышли в реальное пространство и повторили исследования. С расстояния в пять световых лет изображения, передаваемые разведывательными зондами, стали еще отчетливее. Но ничего не изменилось. Потоки частиц, приносимые солнечным ветром от ближайших звезд, огибали барьер, образуя гигантские завихрения и водовороты, тихо стонавшие в анализаторе электромагнитного спектра, словно пение далеких китов.

Уилсон последовательно перемещал корабль на один световой год ближе. И каждый раз восемь выпускаемых зондов исследовали пространство. Каждый раз они выдавали все более подробную информацию об излучении и распределении космических частиц. Но ничего о природе самого барьера.

— Подойти на дистанцию в один световой месяц, — приказал Уилсон.

— Есть, сэр, — ответила Ту Ли.

— Танде, радиус действия гисрадара перекрывает такое расстояние, — сказал Уилсон. — Будем сканировать?

Астрофизик, сидя за своим пультом, энергично пожал плечами.

— Сканирование поможет узнать много нового о природе барьера, но, если его контролируют какие-то активные силы, мы себя обнаружим. Не думаю, что они до сих пор могли нас не заметить.

Оскар взглянул на экран, где реальное пространство скрывалось за голубоватыми стенками червоточины.

— Они и так уже должны были о нас узнать. С такого расстояния мы непременно уловили бы квантовые искажения, создаваемые червоточиной.

— Создатели барьера должны были понимать, что рано или поздно кто-нибудь появится здесь, чтобы исследовать барьер, — заметила Анна. — Невозможно надеяться, что подобное сооружение останется незамеченным.

— В таком случае сначала прибегнем к пассивному сканированию, — решил Уилсон. — Если никакой реакции не последует, используем гисрадар.

Еще через четыре часа «Второй шанс» снова вышел из гиперпространства. Уилсону даже не пришлось давать команду выпустить наружные зонды. Главный корабельный телескоп воспроизвел полную картину диска. В инфракрасном спектре он пылал, словно злобный глаз дремлющего дракона.

— Плотность нейтринного потока очень низкая, и со стороны Альфы Дайсона, похоже, ничего не поступает, — сказал Бруно Сеймор. — Я бы предположил, что барьер для него непроницаем. На таком расстоянии мы бы уже получили настоящий ливень.

— А как насчет плотности частиц?

— Межзвездные возмущения и ничего больше. От самой звезды нет никакого ветра. Скорее всего, барьер всю энергию ударов по внутренней поверхности конвертирует в инфракрасное излучение. Если предположить, что звезда внутри не изменилась, уровень излучения вполне этому соответствует.

— Спасибо, — поблагодарил его Уилсон. Он смотрел на красный круг, ощущая, как стремительно испаряется чувство изолированности. — Барьер твердотельный?

— Нет, сэр, — сказал Танде Сагтон. — Мы уже зарегистрировали поле притяжения звезды. Если бы барьер был твердотельным, его масса могла быть равной массе средней

звезды, а может, и больше.

— Итак, он блокирует нейтрино, элементарные частицы и большую часть электромагнитного спектра, но не гравитацию. У нас имеются подобные силовые поля?

— Отдаленно похожие, — ответил Танде. — Я уверен, генератор с такими же свойствами можно построить. Но это нелегко.

— И какая мощность потребуется для активации поля такого размера?

Танде заметно вздрогнул. Бруно и Рассел, заметив его смущение, ухмыльнулись.

— Большая часть ядерной энергии светила.

— Можно определить эту недостачу?

— Вряд ли. Для сравнения нам потребовались бы результаты наблюдений за звездой до окутывания, а этим никто не занимался.

— Хорошо. Если уж вы засекали гравитационное поле, можно ли определить наличие планет внутри барьера?

— Пока еще нет. Надо подойти ближе.

— Анна, снаружи барьера есть какие-нибудь признаки активности? Любой активности?

— Нет, сэр, ничего. Ни микроволновых каналов, ни лазерного, ни радарного излучения. Нет ни следов плазмы, ни даже химических остатков ракетных двигателей, хоть мы и настраивали спектр анализатора специально на них. Нет и признаков червоточин. Судя по показаниям датчиков, кроме нас здесь никого нет.

Уилсон перевел взгляд на Оскара.

— Мне начинает казаться, что это похоже на останки, — с разочарованием в голосе сказал помощник капитана.

— Ладно. Запускайте гисрадар. И внимательно следите за любыми откликами. Гипердвигатель, будьте наготове.

— Есть, сэр.

Пару минут все присутствующие в рубке напряженно наблюдали за действиями Ту Ли и Анны, посылавших гравитационные волны из генератора червоточины.

— Невероятно! — воскликнул Танде Саттон. — Он просто отражает импульсы, словно зеркало. Это указывает на весьма сложную квантовую структуру. Правда, мы и без того догадывались, что будет нелегко.

— Мы получили какие-нибудь отклики? — спросил Уилсон.

Анна и астрофизики отрицательно покачали головами.

— Как и прежде, никаких признаков активности. Но на таком расстоянии диапазон приема ограничен. Сигналам электромагнитного спектра потребуется месяц, чтобы добраться до нас.

— Меня больше интересуют изменения гиперпространства и квантовой структуры.

— Пока ничего.

— Хорошо. Оскар?

— Мы уже далеко забрались, — сказал Оскар. — И до сих пор не было причин поворачивать назад.

— Согласен. Подготовьте корабль к возможному столкновению с враждебными силами. Гипердвигатель, переместите нас на миллион километров над экватором барьера.

— Есть, сэр.

Выход из червоточины сопровождался широким мерцающим кольцом черенковского излучения. Голубое свечение рассеялось так же быстро, как и возникло, и корабль остался

парить в миллионе километров над ровной поверхностью барьера. С такого расстояния закругление оболочки звезды было уже незаметно, и преграда казалась плоской стеной, тянувшейся до бесконечности во всех направлениях, будто «Второй шанс» достиг края Вселенной.

— Сквозь барьер нам не пройти, — заявила Ту Ли, как только они вновь оказались в реальном пространстве.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Уилсон.

— Барьер блокирует и червоточину тоже. При нашем приближении возникло существенное эхо экзотической энергии. Помимо всего прочего, действие барьера распространяется и на квантовые поля. Червоточина сквозь него не пройдет.

— Значит, туда пути нет, — пробормотал Уилсон.

— Или оттуда, — добавил Оскар.

Уилсон повернулся к астрофизикам.

— А гравитационные волны смогут проникнуть внутрь?

— Посмотрим, — без особой надежды сказал Танде.

— Развертка на экране гисрадара выдает однородную поверхность, — доложила Анна. — Нейтринный поток не проходит. Никогда не видела таких низких показателей.

— Какова толщина барьера?

— Это значение можно применить только к твердой материи, — сказал Танде. — А мы имеем искусственно созданную трещину в квантовых полях, проявляющуюся в пространственно-временном измерении. Технически барьер не обладает толщиной. Он существует как бы в двух измерениях.

— Превосходно. — Уилсон не мог оторвать взгляд от экрана радара. — Есть какие-нибудь признаки присутствия космических кораблей?

— Ничего, — сказала Анна. Постоянные отрицательные результаты ее явно раздражали. — Ни продуктов сгорания, ни следов червоточин. Здесь никого нет.

— Вот что я скажу, — заговорил Танде. — Эта проклятая штукавина в поперечнике составляет около тридцати а. е. Для человеческого разума величина почти непостижимая. С нашей позиции мы не видим и доли процента поверхности. В пяти а. е. от нас может находиться целая флотилия кораблей размером с луну, и мы об этом и не узнаем.

— Давайте не увлекаться, — предостерег его Уилсон. — Не забывайте, ради чего нас сюда отправили. Мы должны исследовать и анализировать. Итак... Пилот, удерживайте корабль в таком же положении. Оборона, полная боевая готовность щитов вплоть до особого распоряжения. Гипердвигатель, будьте готовы к немедленному выходу. Астрофизики, слово за вами. Я хочу получить всеобъемлющую картину с этого расстояния, исследуйте барьер любыми имеющимися у нас средствами. Ближе пока подходить не будем. В случае достоверного подтверждения отсутствия любой враждебной активности я санкционирую исследование структуры барьера дистанционными спутниками. До тех пор будем соблюдать осторожность.

Он откинулся на спинку стула и сосредоточился на информации, поступавшей в виртуальное поле зрения. Поток сведений постоянно возрастал по мере подключения новых инструментов исследования. Уилсону была понятна только небольшая часть данных, и это его слегка огорчило. Он всегда считал себя компетентным в современной физике.

Танде Саттон и его коллеги с неослабевающим энтузиазмом впитывали новейшие данные. Их увлеченность напоминала любознательность детей. Уилсон никогда не позволял

себе вмешиваться или корректировать стиль руководства Танде. Но теперь, глядя на них, он считал, что астрофизики ведут себя скорее как впервые живущие фанаты, чем как солидные и мудрые ученые, — а ведь их выбрали именно за эти свойства. Они спорили и посмеивались друг над другом, совершенно не заботясь о мнении окружающих. А все потому, что после трех месяцев ожидания они вдруг вышли на первый план, и это было заметно.

Уилсон уже на два часа задерживался после окончания своей смены, и вскоре он оставил рубку на попечение Оскара. Часом позже Анна отыскала его на носовой галерее. Это было длинное темное помещение на среднем уровне жилого кольца, со слабо светящимся голубым полом. Женщина долго стояла у двери, давая глазам возможность привыкнуть к полумраку. На фоне трех высоких окон с безукоризненно прозрачными стеклами едва виднелись силуэты людей — вид барьера привлекал многих. Анна подошла к Уилсону.

— Привет, — прошептала она.

— Привет.

Его рука отыскала ее ладонь, и их пальцы переплелись. Довольно долго они стояли так в темноте, наслаждаясь близостью. За окном Анна видела темносерую громаду основного цилиндра, освещенного лишь навигационными огоньками. Он вращался, давая возможность рассмотреть один за другим все группы датчиков.

— Я не уверен, но кажется, что я его вижу, — негромко произнес Уилсон. — Зрительные вставки дают превосходное изображение в инфракрасном спектре, но даже после их отключения барьер остается у меня перед глазами. Может, я все это себе вообразил, но он кажется мне плоским темно-красным облаком. И торчит прямо у меня перед носом.

— На таком расстоянии так оно и есть, — прошептала она в ответ. — Мы как микроб на баскетбольном мяче.

— А ты видишь его?

— Не знаю.

Она наклонилась вперед и прищурилась, хоть это и было абсолютно бесполезно. При отключенных зрительных вставках впереди ей почудился непроницаемо-темный багровый туман, как от одинокой свечи в церкви.

— Какой-то призрачный ответ.

— Хм. Всегда думал, что у меня отличное зрение. В следующий раз при омоложении непременно попрошу усовершенствовать глаза. — Он помахал рукой перед лицом, пытаясь увидеть силуэт пальцев на фоне излучения. Но в галерее было слишком темно. — Вижу я его или нет, но я определенно его ощущаю. Что-то большое и страшное, притаившееся на окраине разума.

Анна обхватила его пальцы.

— Пойдем, день сегодня был очень длинный. Тебе пора отдохнуть.

Он усмехнулся, и в темноте блеснули зубы.

— Я слишком устал и взвинчен, чтобы спорить.

Он послушно шагнул за Анной к выходу.

— Взвинчен? Ты?

— Да. Мы целый год строили этот корабль. Я триста лет ждал такого важного для себя события. И при выходе из гиперпространства я ожидал увидеть нечто реальное, что я мог бы рассмотреть и понять. На Марсе мы увидели совершенно незнакомый пейзаж. Он казался

странным и в какой-то степени даже красивым. Никто ничего не знал даже о лежащих там камнях. Но камень можно раздробить молотком, внутри него можно увидеть минералы и кристаллы. У нас были базовые знания, позволявшие определить, что это за камень, в результате какого события он образовался. Вся эта информация имелась у меня в голове, и я мог ее применить.

Они вышли в пустой коридор, и Анна, привстав на цыпочки, поцеловала Уилсона.

— Несчастный старичок.

Уилсон смущенно усмехнулся.

— Да, конечно, полагаю, я немножко испугался, вот и все. От размера этой штуки сносит крышу. Не надо было так долго на него смотреть.

— Ну да, молоток здесь не поможет.

— Вероятно. — Он вернул ей поцелуй. — Но мне было бы намного легче, если бы я мог по нему стукнуть.

Спустя пять дней Уилсон разрешил подвести «Второй шанс» на расстояние в пятьдесят километров над поверхностью барьера. При помощи плазменных ракет они достигли ускорения в пятидесятую долю g , а затем изменили направление, чтобы остановиться. Исследователи очень внимательно следили за тем, что произойдет, когда продукты сгорания достигнут барьера. Ответ был прост: ничего. Спутники, зависшие в нескольких сантиметрах над барьером, отслеживали остаточные частицы газа и заряженные энергией частицы, бьющие в поверхность и отскакивающие от нее. Но никакого выделения тепла, никаких импульсов. Никакого эффекта. Микроволновые передатчики перекачивали на корабль гигабайты информации, увеличивая и без того уже обширную базу данных о барьере. В хранилищах СИ скопилось множество протоколов работы зондов, но почти все они содержали отрицательную информацию. Любой член исследовательской группы мог рассказать Уилсону, чем не являлся этот барьер, и продолжать бесконечно рассуждать о его свойствах. Но никто не в состоянии был объяснить, как и откуда он появился. И тем более — зачем.

Но, как он сказал Анне однажды ночью, они пробыли здесь всего пять дней. Уилсон не ждал чудес.

Космический корабль еще восемь дней провисел над неподатливым барьером, тыча в него всеми видами лучей, словно маленький ребенок, сдирающий корку с царапины, чтобы посмотреть, что под ней находится. Генератор червоточины вызывал самые невероятные искажения пространственно-временной области, и каждый раз волновые возмущения отражались от почти невидимой поверхности без какого-либо заметного эффекта. Единственным открытием за весь этот период было обнаружение планет за барьером. Танде подтвердил, что гравитационные измерения указывали на наличие двух газовых гигантов и трех более мелких твердотельных планет, вращающихся вокруг звезды, а также возможное присутствие нескольких больших астероидов. Его сообщение о том, что на одной из планет потенциально возможно возникновение жизни, вызвало значительное оживление на одном из ежедневных собраний руководителей групп. Расстояние от планеты до звезды допускало возможность эволюции живых существ при наличии воды и подходящего атмосферного давления...

В конце концов, скорее ради поднятия морального духа экипажа, чем для реальной научной пользы, Уилсон позволил Макклею Гилберту спуститься к поверхности барьера. После долгого скучного полета люди испытывали крайнее нетерпение. Как и Уилсон, все

они ожидали найти нечто существенное, что указало бы на причину и происхождение барьера. Вылазка одного из них с целью лично осмотреть барьер могла бы уменьшить напряженность, нараставшую в жилом кольце.

За вылетом маленького челнока из шлюза основного цилиндра наблюдал весь экипаж космического корабля. Челнок представлял собой небольшую сферическую капсулу, способную вместить до пятнадцати человек, располагавшихся вместе с необходимым оборудованием в верхней части цилиндрического отсека, и две плазменные ракеты. Этот транспорт, имевший запас хода на десять суток, предназначался для доставки исследователей к «представляющим интерес объектам» в районе Пары Дайсона. Челнок не имел возможности войти в атмосферу, но мог приземляться на лишенных воздуха спутниках или, на что надеялись его создатели, стыковаться с чужими кораблями и космическими станциями, а может, даже и подойти к генератору барьера. Составить компанию Маку вызвались почти все члены команды, и громче всех требовал этого Дадли Боуз, но Уилсон решительно отказал всем пассажирам. Вместе с Маком были допущены к полету еще один офицер-исследователь, пилот и инженер.

Челнок при помощи маломощных двигателей на энергии контролируемой химической реакции занял позицию в ста метрах от барьера, и Мак осторожно выбрался из круглого шлюза. Внутренний слой его скафандра из плайпластика абсолютно не сковывал движений, но при этом плотно прилегал к коже. Поверх него имелся терморегулирующий слой из воздухопроницаемых волокон, отводящий выделяемое телом тепло. Последний, самый плотный серый покров экранировал излучения и удары микрочастиц. Встроенный генератор вырабатывал силовое поле, бывшее единственной защитой человека. При выходе его из строя правила безопасности предписывали прервать операцию и немедленно направиться к ближайшему шлюзу. Голову закрывал абсолютно прозрачный шлем, обеспечивающий полный обзор, защиту от радиации и предусматривающий автоматическую фильтрацию слишком яркого света. Аккумуляторы, терморегулятор и регенератор воздуха помещались в небольшом ранце рядом с парой пластинчатых радиаторов, отводящих избыточное тепло. Весь скафандр контролировался эл-дворецким, а в виртуальном поле зрения имелись схематичные иконки управления.

После выхода из люка Мак сразу же закрепился на решетке фюзеляжа. Специальные выступы на подошвах ботинок помогли ему достаточно прочно зацепиться за сетку, чтобы предотвратить вращение тела от нечаянного толчка в случае ошибки или испуга. Затем он нагнулся, сильно напрягая мышцы живота в условиях невесомости, и отстегнул замок маневого ранца. Это несложное устройство представляло собой плоский рюкзак с объемными пластиковыми емкостями в каждом углу и соплами, через которые выпускалась холодная газовая струя, что позволяло передвигаться в радиусе нескольких километров от корабля.

Подключение маневого ранца вызвало в виртуальном поле зрения еще несколько символов. Мак дождался, пока система безопасности закончит проверку устройства, и только тогда приступил к манипуляциям с джойстиком. В этот момент, когда он оказался во всеоружии за пределами «Второго шанса» и весь экипаж следил за его действиями, больше всего ему хотелось повернуть рычаг и сразу подлететь к барьеру. Но он заставил себя протестировать все клапаны, убедился в работоспособности ранца и, завершив пробный полет вокруг челнока, доложил о готовности.

— А ты неплохо отсюда смотришься, — ответил ему Оскар. — Телеметрическая

аппаратура готова на сто процентов. Можешь приступать.

Знакомый голос, в котором прозвучало сдержанное одобрение, показался Маку до абсурда успокаивающим. Приятно было ощутить прикосновение реальности и услышать голос, который вел его во многих новых мирах. Виртуальные пальцы сдвинули джойстик вперед, и сопла ранца выбросили струи азота, унося его от челнока. В обычном визуальном спектре он двигался в полную темноту — барьер мог находиться как в нескольких сантиметрах от него, так и в нескольких световых годах. Радар показывал дистанцию девяносто три метра. Мак увеличил скорость до двух метров в секунду и приказал элдворецкому включить фонарь. В догнавших его лучах скафандр блеснул тусклым оловом. Прямо перед собой он ясно видел тройные круги, означавшие места, где лучи упирались в барьер. Они образовывали участок чистого голубого цвета, словно кто-то собирался начать представление в театре теней.

Мак активировал инфракрасный спектр в зрительных вставках. Половина Вселенной окрасилась сверкающими оттенками красного цвета. Теперь он видел перед собой барьер, но оценить дистанцию все еще не мог. Радар показывал сорок метров. Он немного уменьшил скорость сближения и наконец рассмотрел на плоской стене собственную тень.

В метре от барьера он остановился и некоторое время парил неподвижно. Биомонитор подсказывал, что у него участилось сердцебиение, а в ушах шумел адреналин. Мак начал поднимать руку, потянувшись пальцами к таинственной поверхности, но быстро остановился. Он не получал на это разрешения, но, если спрашивать о каждом шаге, согласование безопасности займет целый день. Его выбрали для этого задания из-за его опыта контактов. Хотя и не в такой ситуации, сердито поправил он себя и слегка усмехнулся. Сердечный ритм немного замедлился, и он завершил прерванное движение. Пальцы коснулись поверхности.

На мгновение мелькнула безумная мысль, что от такого бесцеремонного прикосновения барьер исчезнет, как мыльный пузырь. Однако ничего не произошло, и Мак посмеялся над своими опасениями. Каким бы слабым ни был толчок, но Мака стало относить назад. Он снова передвинул джойстик и протянул руку. Теперь маневровый ранец удерживал его на месте.

— Эй, я дотронулся до него. Никакой заметной реакции. На ощупь похож на обычную твердую плоскость, нет ощущения нестабильной поверхности, как в наших силовых полях.

— Понятно, Мак, — ответил Оскар. — А мы все ждали, что оттуда высунется дьявольский коготь и утащит тебя внутрь.

— Спасибо и на этом.

— Не за что. Ты собираешься пустить в ход датчики?

— Сейчас сделаю.

Он стал отстегивать с пояса датчики и по одному подносить их к поверхности барьера. Приборы приходилось придерживать на месте. Термический клей помочь не смог: выдавленные из тюбика капли разлетелись по барьеру, словно вода по тефлоновой сковороде.

— Мы на него и не надеялись, — сказал Оскар. — Там нет никаких атомов, за которые мог бы зацепиться клей. Но попробовать стоило.

— Конечно. Но, чтобы удержать их на месте, мне придется расходовать газ.

— Я это учту. Приложи, пожалуйста, детектор уровня мезонов.

— Ладно.

Он прижал к поверхности короткий и широкий цилиндр, и у него снова возникло ощущение постороннего присутствия по ту сторону барьера. Он скребется в этот барьер, словно мышшь под плинтусом, а с другой стороны прислушивается невидимая кошка. Мак постарался убедить себя в том, что эта мысль была нерациональной. Но ведь кто-то же знает об их присутствии? Он стал поворачивать голову, пока не увидел звездное небо. На мгновение показалось, что он стоит вертикально, прижатый к стене ночным небом, а почва ушла из-под ног. Вертикальный горизонт между черным и красным был безупречно ровным и отчетливым. Мак посмотрел на свои ноги и увидел такой же горизонт. Человеческая мысль была просто не в состоянии постичь величину этого сооружения. Для возведения такого грандиозного артефакта требовалась не менее веская причина.

Оборона? Заключение? Экипаж «Второго шанса» разделился в этом вопросе примерно двадцать к восьмидесяти. И обе стороны подразумевали агрессию, превышающую человеческое восприятие.

— Эй, Мак, ты в порядке? — спросил Оскар.

Он понял, что его сердце снова зачастило, и сделал пару глубоких вдохов.

— Да, конечно, все в порядке. Что дальше?

— Детектор экзотических волн. Танде хочет точно узнать, откуда берется инфракрасное излучение. Это поможет изучить барьер с точки зрения пространства-времени.

— Ладно.

Через сорок минут он пристегнул к поясу последний датчик и поспешил к челноку. Физики с радостью принялись за обработку результатов, чтобы скорее понять природу барьера. Однако, каким образом он был создан и для чего, никто из них по-прежнему не имел ни малейшего представления.

Спустя два дня после выхода Мака в открытый космос на собрании руководителей групп было решено, что уже собрана вся информация, какую только можно было получить при стабильном положении корабля. Уилсон же указал на то, что в других направлениях исследования они не достигли никаких успехов.

— Нас послали сюда для того, чтобы выяснить причину создания барьера, — официальным тоном заявил он после обычного обсуждения итогов предыдущего дня. — Танде, я понимаю, что твоя группа проделала огромную работу по изучению природы барьера, но этого мало. Сейчас вы занялись его квантовой структурой. Можно ли как-нибудь переформатировать гипердвигатель, чтобы проникнуть внутрь?

— Нет, — ответил Танде. — Я могу признаться, что не вижу способа пройти сквозь барьер. Хотя мы и не можем создать такой же барьер, но мы достаточно изучили его свойства, чтобы отказаться от попыток проникнуть внутрь через гиперпространство. Червоточина через него просто не пройдет.

— А если применить силу? — спросил Оскар. — Мы сможем взломать его в реальном пространстве?

— И снова нет. Абсолютно исключено. Даже если сконцентрировать все уровни энергии и направить прямо на барьер, мы ничего не добьемся. Это не физическое тело. Его нельзя опрокинуть или разрушить тем же способом, что и твердую материю. Когда-нибудь мы, возможно, научимся манипулировать квантовыми полями, чтобы дестабилизировать его часть, но это будет нескоро. Грубо говоря, мы даже не поцарапали его поверхность.

— Значит, нам придется искать причины его возникновения в другом месте, — сказал Уилсон. — Должен признать, что при такой величине объекта поиски будут довольно

поверхностными. У нас по-прежнему остаются две гипотезы: оборона либо нападение. Если барьер играет защитную роль, на нем могут быть признаки нападений извне.

— Признаки или целая армада? — беспечно уточнил Оскар.

— Если бы агрессоры были здесь, они бы уже начали нас изучать, — сказала Антония Кларк, руководитель инженерной группы. — Со времени своего прихода мы создали целый букет возмущений, и нас могли бы засечь даже при помощи нескольких автоматических зондов, парящих над барьером.

— Возможно, — согласился Танде. — Но мы до сих пор не обнаружили никакого активного оборудования. И барьер был воздвигнут очень давно, угроза могла за это время исчезнуть.

— Давно — по человеческим меркам, — заметил Оскар.

— Хорошо. — Уилсон поднял руки, предвзято готовый разгореться спор. — Если флотилия агрессоров или угрожающее миру существо еще здесь, нам необходимо их отыскать. Предпочтительно остаться при этом незамеченными, на что, я признаю, надежды мало, но надо попробовать. Если же агрессоры ушли, они могли что-то оставить. В другом варианте, если барьер был воздвигнут в целях ограничения звезды и всех обитателей ее миров, шансов найти его создателей гораздо больше. Поэтому я принял решение отправить «Второй шанс» в круговое путешествие вдоль экватора. Мы останемся на расстоянии одной а. е. и запустим гипердвигатель на малой скорости. За неделю гисрадар создаст полную и весьма точную картину окружающего пространства. В таком случае, даже при самом плохом сценарии, если мы ничего не найдем, заглянем на оба полюса. Если и после этого останемся с пустыми руками, будем решать, что делать дальше.

— Капитан, — обратился к нему Танде, — я бы хотел поднять проблему коммуникации.

— С кем?

— Оба наших сценария предусматривают наличие внутри барьера разумной жизни. Раз уж мы подошли так близко, может, стоит попробовать привлечь их внимание, а если повезет, то и завязать диалог?

— Каким образом? Мне казалось, ты говорил о непроницаемости барьера.

— Для любых волн, кроме гравитационных. — Танде кивнул в сторону главного инженера. — Я обсуждал этот вопрос с Антонией. Нам не составит труда модифицировать гипердвигатель, чтобы он создавал простые гравитационные волны. Если внизу имеется работающий гравитационный детектор, он зарегистрирует сигналы.

Предложение удивило Уилсона. Он настолько увлекся результатами анализа исследовательской группы, что совсем упустил из вида возможность установления контакта.

— Насколько сложной будет модификация? Я не могу допустить даже временного выхода из строя гипердвигателя.

— Все сводится к перепрограммированию, — сказала Антония. — Излучение стандартных гравитационных волн станет одной из побочных функций гипердвигателя. Корабельный СИ представит нам измененную программу уже через пару часов.

— Отлично, займитесь программой. Если круговой полет не даст результатов, мы обязательно попробуем этот вариант. Отличная идея, вы молодцы.

На второй день их недельного путешествия вдоль экватора гисрадар обнаружил нечто интересное. Первый отраженный сигнал поступил около полуночи по корабельному времени. На капитанском мостике в этот момент дежурил Оскар; он приказал вывести «Второй шанс» в реальное пространство и послал вызов в каюту капитана.

К тому времени когда Уилсон, на ходу натягивая куртку и стараясь стряхнуть остатки сна, появился в рубке, были запущены уже все основные системы сенсоров. Изображения передавались на большие экраны. Капитан прищурился, не в силах поверить своим глазам. На четкой сетке неоновозеленого изображения, передаваемого радаром возникла безукоризненная полусфера, выступающая над поверхностью барьера. Диаметр ее основания составлял двадцать пять тысяч километров.

В рубку вошли Танде Саттон и Бруно Сеймур. Оба остановились позади Уилсона и недоуменно уставились на экран.

— Ого, — пробормотал Бруно, — а вот и первый улов.

Уилсон прошел к своему креслу и сел за пульт.

— И что же мы видим? Какая-то планета?

— Нет, сэр, — ответил Рассел. Мониторы на его пульте замерцали, отражая результаты первичного анализа. — Я бы сказал, что это продолжение самого барьера. Поверхность равномерно гладкая, как и поверхность барьера, полусфера также абсолютно правильная. Ее окружает мощное магнитное поле, на порядок превосходящее стандартные поля планет; и оно очень неустойчиво, словно вращается. Гравитационного поля как такового нет... но сенсоры регистрируют излучение гравитационных волн. Излучение регулярно пульсирует, но с изменениями магнитного поля не совпадает. Очень странно.

Уилсон повернулся к Танде, тоже севшему за пульт. Астрофизик озадаченно нахмурился.

— Сигнал? — спросил Уилсон.

— Не знаю.

— Последовательность импульсов не меняется, — заметил Рассел. — Если это и сигнал, информации в нем не много.

— Вы определили, откуда он приходит?

— Похоже, источник находится внутри полусферы, и там он постоянно перемещается.

— Ладно, что-нибудь еще?

— Отсутствует инфракрасное излучение. — Рассел кивнул на главный экран: плоская поверхность барьера была окрашена ярким карминным цветом. Большой круг в центре изображения оставался черным, словно бездонная дыра. — Постойте! Там наверху что-то есть. — Его пронзительный голос заглушил жужжание приборов. Вершина не круглая, она плоская, или... Или там какой-то кратер. Отверстие! Там какой-то проход!

— Ты прав, — воскликнул Бруно с дикой усмешкой. — Слабое фотонное излучение. Оттуда выходит свет, только его спектр за границей ультрафиолета. Он не инфракрасный, как поверхность барьера. Это может быть входом внутрь!

Уилсон и Оскар изумленно переглянулись.

— Успокойтесь, — произнес Уилсон. — Мне нужны факты, а не ваши домыслы. Дайте изображение с главного телескопа. Оскар, каково наше положение относительно объекта?

— Сто тысяч километров над барьером, семьдесят тысяч до вершины полусферы.

— Отлично.

— Фокусирую телескоп, — объявил Бруно.

Красное кольцо на экране рубки быстро разошлось, и его центр окрасился в черный цвет.

— Вот оно! — торжествующе воскликнул Бруно. Светящееся пятнышко быстро увеличилось и превратилось в полумесяц голубоватого сияния, дрожащий в центре

изображения.

— Размер? — спросил Уилсон.

— Отверстие в поперечнике составляет семнадцать километров.

— Длина волны не соответствует спектру Альфы Дайсона, — сказал Танде. — Это не свет звезды.

Уилсон не мог отвести глаз от светящегося полумесяца.

— Признаки активности, указывающей на космические корабли или сенсоры?

— Отсутствуют, сэр.

— Как я полагаю, нам неизвестно, было ли открыто отверстие в момент нашего выхода из червоточины.

— Известно лишь, что вершина была плоской, но имелось ли отверстие — по отклику гисрадара определить невозможно.

— Ладно. Ваши предложения?

— Послать зонд, — мгновенно откликнулся Рассел.

— Было бы неплохо, — поддержал его Танде. — Но сначала надо немного понаблюдать.

— Можем продолжать наблюдения, а тем временем зонд мог бы облететь отверстие, — сказал Оскар. — Постарайтесь заглянуть внутрь, но держите дистанцию неизменной. В таком положении не слишком выгодный для нас угол обзора.

Решение Оскара несколько удивило Уилсона. Он ожидал от первого помощника большей осторожности, хотя запуск зонда казался ему вполне логичным. Если там кто-то есть, они наверняка уже знают о приближении «Второго шанса».

— Давайте.

— Начинаю подготовку.

Оскар подошел к пульту, за которым обычно сидела Анна, и включил процедуру подготовки к запуску.

— А пока хотелось бы узнать, — сдержанно произнес Уилсон, — есть ли какие-нибудь идеи о назначении этой штуки?

Жан Дювуа негромко рассмеялся.

— Темная Крепость, где скрывается повелитель зла.

— Спасибо. Есть еще идеи?

— У меня возникло предположение, — сказал Бруно. Под взглядами всех присутствующих в рубке его щеки слегка порозовели. — Мы наблюдаем активность, не так ли? Что-то, находящееся внутри, испускает гравитационные волны и магнитное излучение, и это только то, что мы смогли определить. И, согласно показаниям наших сенсоров, расположен этот объект точно на экваторе, на одной оси с эклиптической плоскостью. Не знаю, насколько это уместно... — Он смущенно помолчал. — Но мне кажется, это и есть генератор, поддерживающий барьер, или, по крайней мере, он где-то поблизости.

Уилсон посмотрел на Танде и вопросительно приподнял бровь.

— Поддерживаю, — откликнулся Танде. — До тех пор пока не появится что-то новое, что сможет опровергнуть это предположение. — Он поднял большие пальцы рук и подмигнул Бруно. — Отлично.

Через двадцать минут Оскар осуществил запуск спутника класса «Мур». Ионный двигатель отвел его от космического корабля и по плавной дуге провел над вершиной темной полусферы.

За изображением с его камер в видимой части спектра следили почти на всех корабельных экранах. Ультрафиолетовое излучение добавило не слишком много нового, а внутри не было обнаружено никакого движения. Самый тщательный анализ показал, что интенсивность света слабо, но регулярно менялась, но ни с гравитационной, ни с магнитной пульсацией его колебания не совпадали.

Спустя четыре часа после старта со «Второго шанса» спутник завис точно над отверстием, но даже при самом сильном приближении внутри не было видно ничего, кроме однородного темно-голубого свечения, словно полусфера была заполнена флуоресцирующим туманом. Еще через двадцать минут, когда половина экипажа утратила интерес к наблюдениям, свет исчез, отверстие превратилось в темное пятно. Через восемнадцать минут свет появился снова.

Замедленное воспроизведение, подкрепленное программой выделения изображений, показало, что путь свету преградил какой-то объект.

— Твой повелитель зла только что моргнул, — пошутил Оскар, обернувшись к Жану.

Через три дня непрерывного наблюдения они выяснили, что свет перекрывался с интервалом в примерно семь с четвертью часов, а разница между периодами доходила до восьми минут. Длительность затемнения оставалась более-менее постоянной величиной и составляла чуть больше восемнадцати минут, за исключением единственного случая, когда света не было почти тридцать пять минут.

Поскольку за все это время из отверстия ничего не появилось, Уилсон разрешил приступить к более близкому наблюдению. Со «Второго шанса» стартовал «Галилей», более крупный по сравнению с «Муром» спутник, оснащенный дорогостоящим комплектом самых точных сенсоров. При сближении с барьером Анна замедлила его скорость и вывела на высоту в двадцать километров над гладкой черной полусферой. Телеметрические датчики указали на колебания аппарата под воздействием магнитных и электромагнитных волн. Несмотря на то что аппаратура была рассчитана на самые суровые условия вблизи активных газовых гигантов, Анне приходилось постоянно следить за ее работой, опасаясь перегрузок и временных сбоев.

Интерференция вызвала сильные помехи на канале передачи информации, что сказывалось на качестве изображений и ошибках в измерениях.

Вся команда корабля смотрела, как на экране появляется неяркое голубоватое сияние, словно над горизонтом встает умирающее солнце. Но как только спутник подошел ближе, иллюзия рассеялась. Светящееся отверстие было совсем небольшим. Спутник проплыл над его краем и остановился. Магнитная флуктуация вкупе с гравитационными волнами заставляли аппарат заметно покачиваться, создавая впечатление морской болтанки. Ради получения наиболее точной информации Анна изо всех сил старалась скомпенсировать колебания. В четырехстах километрах ниже спутника в голубом сиянии медленно двигалась скругленная решетка из гигантских темных нитей. Дополнительная фокусировка позволила разглядеть, что решетка представляла собой не что иное, как сеть из однородных шестиугольных ячеек с различными промежутками от простых треугольников до двенадцатиугольных секторов. При этом площадь отверстий была сравнима с площадью небольших стран, а толщина нитей достигала двух сотен километров. По степени кривизны с учетом движения можно было предположить, что вся эта сеть замкнута в сферу.

Еще ниже, на глубине тысячи километров, виднелась вторая решетка, тоже образованная темными нитями, но ее структура была более упорядоченной, ячейки имели

форму треугольников и пятиугольников. Вторая решетка тоже вращалась, но в другом направлении по сравнению с наружным слоем. В самом низу располагалась третья сетка, с более широкими ячейками. Ее сравнимые с протяженностью континентов нити испускали яркий синий свет, составлявший часть видимого снаружи сияния. Его дополняли идущие снизу розоватые лучи, указывающие на четвертую сеть, увидеть которую не удавалось. Третью по счету решетку окутывал какой-то искрящийся туман.

— Черт побери! — прошептал Уилсон.

Он ожидал увидеть в Темной Крепости все, что угодно, только не кинетическую скульптуру, превышающую планетарные размеры. Масштаба барьера было вполне достаточно, чтобы поразить человеческое воображение, но если он представлял собой энергию, то все эти решетки явно выглядели массивными и твердыми. Обработка и манипуляции с такими объемами материи были непостижимыми для технологий Содружества. Сооружение строителей барьера с определенной точки зрения казалось до абсурда механическим, в самом прямом смысле этого слова. Теперь Уилсон был почти готов к тому, чтобы обнаружить редуктор с шестернями размером с луну, приводящий в движение всю эту систему.

— А эти нити действительно твердотельные? — спросил он.

— Не могу сказать точно, — ответила Анна. — Электромагнитные волны сильно искажают показания с радара спутника.

— Такой массив материи должен был рухнуть под собственным весом, — сказал Бруно. — Видимо, это энергетические образования.

— Нет, неправда, — возразил Рассел. — Там нет ничего похожего на планету. И вращение ослабляет давление.

— Чепуха, при таких условиях целостность подобной структуры может сохранить только металлический водород.

— Ну и что? Пусть будет металлический водород. Но это не относится к светящимся элементам. Они должны состоять из экзотической материи. Изнутри практически нет инфракрасного излучения.

— Интересно, внешний слой замкнут? — спросил Оскар. — Хотелось бы знать, есть ли внутри барьера аналогичная полусфера, или это только гигантская направляющая для решетчатых сфер?

— Хороший вопрос, — кивнул Танде. — Анна, нельзя ли сфокусировать телескоп спутника на области ниже решеток?

— Нет, сэр, это невозможно, — ответила она. — Туман вокруг третьей решетки не дает заглянуть глубже. И чем ниже, тем он гуще.

— Как масло, — пробормотал Оскар. — Смазка между сферами. — Он поймал взгляд Танде и смущенно усмехнулся. — Просто пришло в голову, — добавил он.

— Анна, спутник его выдержит? — спросил Уилсон.

Она глубоко вздохнула, не сводя глаз с основного изображения на большом экране.

— Почему бы и нет? Радарное сканирование показывает, что там пусто — по крайней мере, до первой решетки.

— Ладно, — медленно произнес Уилсон, ощущая прилив энтузиазма. — Давайте попробуем.

Анна запустила к входу Темной Крепости, как теперь все называли таинственный объект, второй спутник «Галилей». Вскоре он приблизился к цели, и тогда первый спутник

она направила внутрь, а второй остался в качестве ретранслятора. По мере приближения аппарата к внешней решетке значительно усилились броски энергии, и в конце концов ей пришлось отказаться от попыток скомпенсировать колебания; при таком расходе топлива спутник мог проработать всего несколько часов. Она позволила ему раскачиваться, так что визуальные изображения получались смазанными. Теперь Анна останавливала его через каждые восемьдесят километров, стабилизировала и быстро снимала показания, пока колебания вновь не возрастали. Да и смотреть было почти не на что. Пространство между внешней оболочкой и первой решеткой оказалось пустым, и сенсоры определили его как абсолютный вакуум.

Спутник прошел примерно половину пути, когда одна из огромных нитей скользнула под отверстием, заслонив свет от внутренних решетчатых сфер. К этому моменту исследователи успешно завершили съемки первой решетки и выстроили план значительной части второй сферы. В их строении не было ничего общего, зато теперь стало проще предугадать момент затемнения.

По мере приближения к первой решетке качество изображения стало заметно улучшаться.

— Это очень странно, — заметила Анна, после того как в очередной раз стабилизировала положение спутника.

— Какие-то проблемы? — спросил Танде.

— Я использую параллакс для проверки расстояния между спутником и нитью, но результат отличается от показаний радара. Развертка радара выдает дистанцию на три километра меньше.

— Может, виноват туман, создающий оптический эффект?

Она покачала головой:

— Пространство чистое, вокруг этой решетки тумана нет.

Разница в показаниях продолжала увеличиваться по мере приближения спутника к цели. Исследование магнитных потоков вокруг нити выявило завихрение силовых линий, похожее на движение облаков в области циклона.

После продолжительного и напряженного совещания с членами исследовательской группы, Танде озвучил общее мнение:

— Помимо всего прочего внешняя решетка обладает свойством отталкивать электромагнитные импульсы. Луч радара не доходит до ее поверхности.

— Можно ли еще опустить спутник и попытаться посадить его на решетку? — спросил Уилсон.

— Я бы этого не советовал. Отталкивающая сила может повредить электронику. Придется изучать сеть на расстоянии.

«Галилей» провисел в тридцати километрах над первой вращающейся решетчатой сферой двое суток. Для получения самой точной информации все его сенсоры были настроены на предельные уровни. Физики и инженеры на корабле тем временем пытались сконструировать простейший наконечник, которым можно было бы коснуться одной из нитей. Для связи были использованы оптико-электронные кабели и лазер, а набор сенсоров пришлось сильно ограничить. Любая информация даже о самом полете к нити была невероятно важной.

Уилсон, желая получить по возможности полные сведения о Темной Крепости, разрешил эксперимент. Были запущены еще два «Галилея». Для дистанционного управления

Анна и Жан Дювуа воспользовались автоматическими регуляторами из пилотирующей системы. Два спутника прошли в отверстие и начали спуск к первой решетчатой сфере. Жан остановил свой спутник в пятидесяти километрах над нитями, чтобы использовать его в качестве усилителя сигнала, а Анна направила второй «Галилей» в центр пятиугольной ячейки и запустила ионный двигатель, заставив спутник спуститься ко второй решетке. При прохождении между нитями в электронных системах произошли множественные сбои. К счастью, многократное дублирование обеспечило непрерывную работу основных компонентов и постепенно восстановило вышедшие из строя элементы. Зонд был благополучно выпущен, и спутник продолжил спуск.

Ниже уровня первой решетки «Галилей» восстановил все свои функции. Анна, воодушевленная успехом, провела вниз второй спутник. Оба аппарата оказались в свободном пространстве и сохранили полную работоспособность.

Тем временем зонд продолжал опускаться к выбранной нити. Информация, передаваемая через лазерный канал, указывала на завихрения энергетических потоков вокруг значительной массы. Контакт с зондом пропал за пару минут до удара о нить. Физики приписали это действию отталкивающей силы, повредившей аккумулятор.

Анна продолжала опускать оба спутника ко второй сфере. После прохождения первого уровня магнитные и электромагнитные броски постепенно исчезли, и вторую решетчатую сферу можно было посчитать инертной. Анна нацелила один из спутников к краю нити, образующей большой пятиугольник. Отраженный сигнал радара приходил практически без искажений, датчики указывали на отсутствие магнитного поля и электромагнитных волн, инфракрасное излучение было минимальным.

— Его что-то тормозит, — объявила Анна.

Скорость спутника быстро уменьшалась, будто он встретил сопротивление атмосферы. Молекулярные датчики продолжали упорно регистрировать полный вакуум.

Анна смогла опустить спутник до высоты в семьдесят километров над решеткой, но после этого он остановился окончательно. Только для того чтобы удержать его на месте, ей потребовалась полная мощность основных двигателей.

— Его что-то выталкивает, — сообщила она физикам.

После трехдневных попыток приблизиться ко второй сфере на разных скоростях на помощь призвали еще один спутник «Галилей», оснащенный простейшей рельсовой пусковой установкой для стрельбы инертными снарядами. Стрельба началась. Каждый снаряд, независимо от составлявших его компонентов, останавливался над нитью и, набирая скорость, возвращался назад. Получив результаты активных и пассивных исследований, группа физиков высказала общее мнение: они имели дело с материей с эффектом отрицательной массы.

— Ее сила притяжения противоположна нашей, — пояснил Танде на очередном совещании, — и потому всегда отталкивает все, что состоит из обычной материи.

Однако спутники могли бы преодолеть решетку через отверстия, где инверсная сила притяжения была наиболее слабой. Анна спустила один из аппаратов на следующий уровень, и он погрузился в светящееся облако крошечных искр, заполняющее промежуток между второй и третьей вращающимися сферами. Блуждающие огоньки не сразу попали в сектор наблюдения сенсоров, но в итоге физики определили, что это была разреженная холодная плазма, возбуждаемая излучением экзотической материи снизу и ограниченная отрицательной массой сверху.

Анализ экзотической материи было провести труднее, чем изучить два предыдущих уровня решетки. Исследователям пришлось запустить целую группу больших спутников класса «Армстронг», оборудованных мощными универсальными сенсорными комплексами. Прошло еще две недели, прежде чем они смогли составить графики энергетических потоков в плазме между двумя сферами из экзотической материи. После этого ученые обрели достаточную уверенность в своих знаниях, чтобы провести спутник сквозь четвертую решетчатую сферу.

Первый из «Армстронгов», прошедший через решетку, новых сфер не обнаружил. Внутреннее пространство, имевшее в диаметре около шестнадцати тысяч километров, содержало несколько концентрических окружностей, выровненных относительно самого барьера. Наиболее удаленное от центра кольцо, насчитывавшее в поперечнике около тринадцати тысяч километров, сразу же окрестили гирляндой, поскольку оно состояло из двояковыпуклых дисков, соединенных между собой черным кабелем. За ним шло простое зеленое кольцо, настолько гладкое и ровное, что его вращение было трудно заметить. Дальше виднелось плетеное кольцо, в котором толстые серебристые нити плавно скользили, обвивая друг друга, словно маслянистые змеи, а за ним следовали кольцо из чистого алого света и еще несколько плотных колец. Сложные структуры из сотен тысяч шаров, по мнению офицеров рубки, имитировавшие чужеродную ДНК, вращались вокруг своей оси и все вместе — по орбите вокруг центра. Затем перед взором астронавтов предстала широкая лента из изумрудных и янтарных огней с хвостами, как у комет, вращавшихся в разные стороны, но никогда не сталкивавшихся. Было и кольцо из воды либо из какой-то другой прозрачной жидкости, покрытой рябью. В самом центре же зияла пустота — пятно темноты, поглощавшее свет.

Планетарий самого Бога.

В столовой корабля не утихали споры: решетчатые сферы питают кольца энергией или наоборот? Так или иначе, теперь все были уверены, что Темная Крепость и есть генератор барьера.

Один за другим спутники направлялись вниз к кольцам. И один за другим они теряли контакт со «Вторым шансом»: в центре Темной Крепости бушевал энергетический вихрь, которому человеческие технологии противостоять не могли. Глядя на дисплеи, где всплески квантовых возмущений захлестывали поврежденные спутники, некоторые физики клялись, что в нормальном пространстве-времени кольца не существовали, просто не могли существовать.

И каждого члена экипажа мучил один и тот же вопрос: было ли на противоположной стороне Темной Крепости соответствующее отверстие?

— У нас нет возможности провести что-либо через центр мимо колец, — сказал Танде. — Можно попытаться, если запрограммировать спутник на полет в обход центра, вдоль наружной сферы. Но он должен работать автономно, поскольку у нас не так уж много спутников, чтобы образовать ретрансляторную цепочку.

— Это напрасная трата времени, — возразил Оскар. — Я не верю, что там есть еще один выход. В противном случае, установка барьера была бы бессмысленной.

— Я тоже так думаю, — поддержал его Уилсон. — Но посмотреть надо. Анна, запрограммируй «Галилей» для запуска.

Полет занял три дня. По возвращении спутника в зону связи результаты работы сенсоров показали, что внешняя оболочка напротив отверстия была цельной — спутник

обследовал более двадцати тысяч квадратных километров. Уилсон приказал дозаправить его и снова отправить в полет. За семь вылетов была обследована вся полусфера по ту сторону барьера: в ней не оказалось ни отверстий, ни каких-либо других проходов к плененной звезде.

Через три месяца после обнаружения Темной Крепости Уилсон пригласил Оскара и Танде в свою каюту на совещание по поводу дальнейшей судьбы миссии.

— Я хочу знать, сможем ли мы добиться от Темной Крепости чего-то еще, — обратился он к Танде.

— Вы шутите? — удивленно воскликнул Танде. — Тут кладезь информации из области экзотической физики — больше, чем вся база данных, накопленная человечеством, с тех пор как Ньютону на голову упало яблоко.

— В этом я не сомневаюсь. Но теперь, когда мы идентифицировали основные элементы, что вы реально можете добавить к нашим сведениям о барьере? Я имею в виду, что нам до сих пор неизвестно, генератор ли это.

— Таково логическое заключение.

— Признаю. Но можете ли вы это доказать? И, что более важно, можете ли вы это доказать при помощи имеющихся на борту сенсоров и инструментов?

Танде саркастически хмыкнул, но затем неохотно кивнул:

— Нет. Ни в малейшей степени. Как вы и сказали, мы в состоянии перечислить, что здесь находится. Но взаимосвязь и определяющая функция... На данный момент проект потребовал бы усилий всех современных теоретиков на протяжении пары следующих веков. Нам нужен большой корабль, а еще лучше — постоянная база вроде Высокого Ангела с такими же производственными мощностями. И только при условии цепочки червоточин для обеспечения необходимых ресурсов мы могли бы надеяться решить эту загадку.

— Исключено, — заявил Оскар. — Вернее, так должно бы быть. Но с политической точки зрения вы открыли источник проблем в эзотерической физике. На необходимое финансирование надеяться нельзя.

— Найджел Шелдон поймет, — сказал Танде.

— Да, он поймет, — согласился Уилсон. — И он больше, чем кто-либо другой, сделал для осуществления этого полета. Но даже ему не под силу получить согласие всего сената Содружества на финансирование проекта. Если бы мы выяснили причину возведения барьера, хоть какой-нибудь намек на угрозу Содружеству, мы могли бы рассчитывать еще на одну или две миссии, но не более того. Но перед нами тайна, а мы уже давно привыкли жить с тайнами. Поначалу они волнуют и поражают нас, затем мы учимся жить с ними. Со временем мы даже прекращаем попытки их разгадать. Вспомните сильфенов. Почему в их мирах не работает электроника? Как, черт побери, они путешествуют от звезды к звезде? Мы придумали легенду о тропах в их лесах, ведущих в другие миры. В это верят те, кто ищет волшебство. Более практичные люди считают, что сильфены распространились по Галактике на космических ковчеггах много тысяч лет назад. Но мы смирились с этой загадкой, и она нас больше не волнует. И теперь, насколько мы можем судить, барьер, при всей его грандиозности, тоже не должен нас волновать. Здесь нет боевых флотилий чужаков, готовых разнести Землю на куски и украсть наших женщин и наше золото. Это еще один непостижимый артефакт, на осмысление которого уйдет несколько столетий. А потом настанет день, когда мы придем сюда и посмеемся над своей недогадливостью.

— Вы собираетесь повернуть корабль назад? — догадался Танде.

— Не сразу. Но мы и в самом деле посвятили Темной Крепости достаточно времени. Если у вас нет альтернативных предложений, я намерен продолжить облет барьера вдоль периметра. Если мы больше ничего не обнаружим, исследуем полюса, как и планировали раньше. Кроме того, мы могли бы осмотреть и Бету Дайсона. Уже после этого я бы предложил отправиться домой.

— Поддерживаю, — сказал Оскар. — Руководители групп уже задавали вопросы о продолжительности дальнейших исследований. Никто не жалуется, но я полагаю — пора двигаться дальше.

Они оба посмотрели на Танде.

— Хорошо, — сказал он. — У нас и так достаточно информации, чтобы занять все университеты лет на десять. Но я молю Бога, чтобы вы ошиблись относительно следующей стадии проекта. Овладение технологиями Темной Крепости поднимет человечество до невероятных высот. Мы выйдем за пределы галактики. Да что там говорить, нашим достижениям не будет предела.

Анна начала переводить спутники на ручное управление и стала осторожно поднимать их наверх, тщательно направляя по запутанному лабиринту четырех решетчатых сфер. Из тридцати семи запущенных аппаратов девять спутников были потеряны либо в самом центре сооружения, либо из-за обрыва связи. Как только последний спутник оказался на борту, Ту Ли вывела «Второй шанс» в гиперпространство и задала скорость, при которой кольцевой маршрут вокруг барьера закончился бы через пять дней.

Сигнал тревоги вырвал Уилсона из объятий спокойного сна. В каюте автоматически зажегся свет, и капитан заворочался в постели, стараясь хоть немного прикрыть глаза. Анна со стоном зажмурилась.

— Что за черт... — проворчала она.

— На капитанском мостике объявлено чрезвычайное положение, — доложил Уилсону его эл-дворецкий.

— Проклятье!

Он скатился с койки и метнулся к выходу. В виртуальном поле зрения вспыхнули многочисленные иконки, но сосредоточиться на них в коридоре, да еще на бегу, было невероятно трудно. К счастью, конструкторы корабля не изменили давней морской традиции, и каюта капитана находилась близко к рубке.

Пиктограммы статуса не сигнализировали о физическом повреждении корабля, и гипердвигатель работал нормально. О нападении извне сведений тоже не было. Значит, немедленное крушение «Второму шансу» еще не угрожает. Перед открывающейся дверью рубки Уилсон заставил себя немного успокоиться. И только тогда он обратил внимание на показания сенсоров. Луч гисрадары прошел сквозь барьер.

— Черт!

На его возглас обернулись немногочисленные дежурные ночной смены.

— Это началось пару минут назад, — сообщил Оскар, поднимаясь из-за командного пульта. — Я приказал остановить корабль.

Уилсон, усаживаясь на свое место, взглянул на экраны.

— Мы все еще в червоточине?

— Да, сэр.

— Хорошо. Ту Ли, приготовиться к выходу, но не раньше, чем я скажу.

— Есть, сэр.

Оба экрана транслировали изображение барьера, получаемое гисрадаром. Его поверхность больше не была стабильной, она прогибалась внутрь, словно подвергалась бомбардировке ракетами. Уилсон прикинул масштаб: если причина колебаний в снарядах, они должны иметь размер газового гиганта. Враждебная сила! Причина возведения барьера.

— Астрофизики, можете сказать, чем вызваны изменения?

— Нет, сэр, — с готовностью ответил Бруно. — Ни малейшего понятия.

— Снаружи есть что-то еще? Корабль? Какая-нибудь система вооружений, способная вызвать колебания?

— Ничего, — доложила Сэнди Ланьер из-за своего пульта. — Гисрадар регистрирует чистое пространство на тысячу а. е. по эту сторону барьера.

Уилсон хмуро уставился на экран. Флуктуации усиливались. Определить, что там происходит, сидя в сторонке, никак не удастся. Пора принимать решение.

— Оборона, активировать силовые поля. Надо посмотреть, что там случилось.

Пришли люди из дневной смены. Они занимали места за свободными пультами или же становились рядом с ночными дежурными. Уилсон вспомнил, что такое же неподдельное волнение царило и на «Орле-2» перед подготовкой к посадке. Он непроизвольно вытер руки о свою помятую белую футболку и убрал со лба пряди растрепанных волос; ноги ниже края его шорт уже начали прилипать к кожаному сиденью. Он на мгновение задумался, не пойти ли переодеться для такого важного в истории полета момента (бортовые сенсоры ведут непрерывную запись), но ведь половина экипажа одета примерно так же. А, ну их всех!..

— Один миллион километров, сэр, — доложила Сэнди Ланьер.

— Выводите корабль из гиперпространства.

Один из экранов заволокло голубоватой пеленой. Затем из его центра протянулись темные штрихи, и вслед за ними появилось изображение. На этот раз, чтобы увидеть барьер, переключаться на инфракрасный спектр не потребовалось.

— О боже! — охрипшим голосом воскликнул Танде. — Он становится прозрачным!

В тридцати а. е. перед ними то появлялась, то исчезала Альфа Дайсона, лишь ненамного превосходившая яркостью окружающие звезды. Отмечаемые гисрадаром флуктуации происходили нерегулярно, в физическом отношении барьер никуда не двигался. Он терял плотность.

— Сенсоры, защита, наблюдается ли обстрел барьера? — нетерпеливо спросил Уилсон.

— Нет, сэр. Ни энергетического, ни какого-либо еще обстрела нет. Квантовое состояние настолько стабильное, насколько мы можем определить. Барьер... Ого! Он исчез! Развертка гисрадара пуста. Эта дрянь пропала.

Уилсон перевел взгляд на экраны. Один из них, на котором отражалось гравитонное сканирование, остался пустым. Секундой позже, когда корабля достиг свет, в центре колоссального чистого круга засияла Альфа Дайсона.

Капитан понял, что все еще наблюдает противоположную сторону барьера, поскольку на преодоление расстояния в тридцать а. е. свету потребуется более четырех часов.

— Полное пассивное сканирование, — приказал Уилсон. — Покажите, что там внутри.

— Это не может быть совпадением, — сказал Оскар. Его голос выдавал крайнее волнение, даже испуг. — Барьер простоял больше тысячи лет и исчез, как только мы появились. Невероятно. Этого просто не может быть. Кто-то узнал о нашем присутствии.

Люди в рубке начали беспокойно переглядываться в поисках поддержки друг у друга.

Уилсон и сам думал примерно так же, а в голове все громче звучал голос, призывающий бежать. И не оглядываться. По мере распространения света по краям барьера начали проявляться звезды, и эта картина создавала жуткое впечатление гигантского капкана, распахивающего свои челюсти.

Уилсон повернулся к Танде:

— Что происходит с Темной Крепостью?

Все физики сгрудились вокруг пульта, лихорадочно анализируя информацию, получаемую со сканера. Результаты немедленно поступали на один из дисплеев на столе Уилсона, и, хотя многое оставалось ему непонятным, общую ситуацию он себе представлял.

— Она все еще где-то там, — сказал Танде. — Судя по развертке гисрадара, выпуклость уменьшилась. Возможно, луч отражается от наружной решетчатой сферы. Пойдите-ка... Да, она вращается. А оболочка исчезла. Зато появились признаки очень странной флуктуации внутреннего квантового поля. Раньше такого не было.

— Червоточина? — спросил Уилсон.

— Нет. Это что-то совершенно незнакомое.

— Есть угроза?

По лицу Танде мелькнула тень раздражения.

— Ничего явно угрожающего. Я бы об этом сообщил.

На большом корабельном экране постепенно появлялась планетная система Альфы Дайсона: оба газовых гиганта были меньше Юпитера и вращались вокруг своей звезды на расстоянии четырех с половиной и семнадцати а. е. Из трех имеющихся твердотельных планет самая крупная, диаметром четырнадцать тысяч километров, находилась на расстоянии одной целой и двух десятых а. е. от солнца. Две другие планеты, намного меньшего размера, имели эллиптические орбиты и были удалены от Альфы Дайсона на значительно большее расстояние. Самая большая из планет тут же получила название Главной Альфы, и основной комплект сенсоров «Второго шанса» был сразу направлен в ее сторону.

— Боже мой! — воскликнула Сэнди Ланьер. — Вы только посмотрите на показания приборов!

Визуальный спектр Главной Альфы выявил наличие кислородно-азотной атмосферы и воды в количествах, предполагающих океаны. Кроме того, планета была мощным источником нейтрино.

— Очень высокий уровень термоядерной активности, — прокомментировал Рассел. — Я бы сказал, объем вырабатываемой здесь энергии больше, чем во всех мирах Большой Дюжины, вместе взятых.

— Что, черт его подери, может потреблять столько энергии? — поразился Оскар.

Как выяснилось чуть позже, значительная часть мощности расходовалась на коммуникации: электромагнитный спектр планеты сверкал, словно сверхновая звезда. Корабельный СИ начал фиксировать множественные накладывающиеся друг на друга сигналы, но без ключа к их расшифровке толку от них было немного.

Однако главную причину термоядерной активности нельзя было не заметить — в космосе над Главной Альфой наблюдалась бурная деятельность. Тонкие сверкающие нити следов ядерных двигателей образовывали дополнительное светящееся кольцо, начиная от верхних слоев атмосферы до высоты в миллион километров — и здесь они тоже не исчезали, а просто начинали рассеиваться. Целые флотилии кораблей стартовали с поверхности

планеты при ускорении в три или четыре g, рассекая пространство плазменными шлейфами, а затем гасили реакторы и по инерции летели к месту назначения через всю звездную систему. В то же время сотни прибывающих судов активировали двигатели, чтобы затормозить и влиться в плотный рой, окружающий Главную Альфу.

На высоте около двухсот тысяч километров над планетой кружилось более пятидесяти искусственных лун, окутанных пламенем взлетающих и приземляющихся кораблей. Судя по упорядоченным орбитам, это могли быть захваченные астероиды. Вокруг каждого из них были видны огромные производственные сооружения.

— Неужели их не волнует окружающая среда? — спросила Антония. — Полеты кораблей на ядерных реакторах представляют немалую угрозу для любой обитаемой планеты.

— Это большие корабли, — заметила Анна. — Ничуть не меньше «Второго шанса», а многие и значительно крупнее. Они выбрасывают гелий — возможно, используют расщепленный бор.

— Довольно дорогое удовольствие, — пробормотала Антония.

— Это зависит от уровня технологии, — сказал Оскар. — Такую цивилизацию нельзя назвать примитивной.

— Куда направляются эти корабли? — спросил Уилсон.

Команда «Второго шанса» начала расширять область наблюдений. Повсюду вокруг планеты были заметны проявления высочайшей технологической активности. Две удаленные твердотельные планеты, хоть и холодные и лишённые атмосферы, были испещрены огромными куполами силовых полей, под которыми была видна растительность, сравнимая с флорой материков Главной Альфы. Каждая из обеих планет освещалась искусственным термоядерным солнцем. Плотность кораблей вокруг них ничем не уступала движению вокруг Главной Альфы, окутывая миры непрерывным сиянием. Вокруг этих планет также летали десятки промышленных спутников.

В окрестностях газовых гигантов наблюдалась такая же картина: каждый достаточно большой спутник служил пристанищем для куполов силовых полей и был окружен кольцом кораблей и астероидов. Тонкие кольца вокруг газовых гигантов были усеяны тысячами станций, прилепившихся к каменистым частицам и медленно их пожиравших. На десятках астероидов образывавшие их твердые породы полностью скрывались под куполами. Резкие искажения в магнитосфере свидетельствовали о колоссальных сооружениях на низкой экваториальной орбите. Направленные на них сенсоры «Второго шанса» показали выходящие из них трубы или кабели, исчезающие в плотных слоях облачности.

Все эти детали, появившиеся на главных экранах, вызвали у Уилсона ностальгию по будущему, которое, как он думал, в 2050 году приближал «Улисс», по несбывшейся мечте о золотом веке высоких рубежей человечества. Перед капитаном предстала картина внутрисистемной высокотехнологической цивилизации, по какой-то причине изолированной от остальных звезд.

А, кстати, почему она была изолирована?

Через три часа после исчезновения барьера Сэнди повернула экран своего пульта к Анне. Она уже несколько часов находилась в рубке, наблюдая за происходящим.

Один из вспомогательных телескопов следил за плотным движением вокруг Главной Альфы.

— Похоже, что некоторые корабли намерены выйти за пределы системы, — сказала

Анна.

В стороне от основной массы кораблей появилось одиннадцать остаточных следов плазменных двигателей.

— Их ускорение составляет пять g , и полет длится уже около пяти часов. Они развивают дьявольскую скорость. Надеюсь, у них имеются защитные поля. При такой скорости удар одной молекулы способен причинить серьезные неприятности.

— Такие же следы я вижу и со стороны газовых гигантов, — сообщил Жан Дювуа.

— Они направляются к нам? — спросил Уилсон.

— Не совсем, сэр. Один из кораблей пройдет в восьми а. е. от нас.

— Это не предвещает опасности, но продолжайте за ними следить. Я хочу немедленно знать, если кто-нибудь изменит курс в нашем направлении.

— Есть, сэр.

— Танде, как ты думаешь, они способны засечь наш гисрадар?

— Полагаю, у них имеются технологии распознавания флуктуаций квантовых полей, и это может косвенно указать им на наше присутствие. Но внутри звездной системы мы не засекали лучей гисрадара, так что у них, возможно, и нет детектора. Это вопрос целесообразности: зачем им гисрадар, если их мир ограничен барьером диаметром в тридцать а. е.?

— А их технологии позволяют соорудить барьер? — внезапно спросил Уилсон.

Танде поморщился и неохотно высказал свое мнение:

— Я бы так не сказал. Исходя из того, что мы увидели, я бы поставил их на один уровень развития с нами, если не считать нашего существенного преимущества благодаря червоточинам. В Темной Крепости же технологии на порядок выше всех наших наработок.

— Следовательно, возведение барьера надо приписать внешним силам?

— Да, похоже на то.

— Их заперли. Кто-то посчитал, что они представляют угрозу. — Уилсон снова сосредоточился на колоссальных технических достижениях, фиксируемых системами наблюдения. С его точки зрения, было трудно, без зависти наблюдать за развитием цивилизации на Главной Альфе. — Но почему?

— Меня больше тревожит исчезновение барьера, — заметил Оскар. — Кто-то нас заметил.

— Но это бессмысленно, — сказал Уилсон. — Если кто-то пытался изолировать эту цивилизацию, зачем убирать барьер при появлении первого же исследовательского корабля?

— Они не пытались их изолировать, — поправила его Ту Ли. — Они преуспели в этом.

— Тем более разрушение барьера не имеет смысла.

— Не понимаю, зачем об этом беспокоиться, — сказала Анна. — Теперь мы легко сумеем все выяснить.

Все присутствующие в рубке повернули головы в ее сторону. Она улыбнулась, и изящные спирали ОС-татуировок на ее щеках блеснули серебром.

— Надо их спросить, — сказала она, указывая на экран.

На третий день после падения барьера они воспользовались для наблюдений гисрадаром. Уилсон выслушал все «за» и «против» по поводу налаживания контактов. Большинство людей на борту, включая его самого, испытывало сильнейшее любопытство, несмотря на все, что они уже успели увидеть. Дадли Боуз рвался приветствовать чужаков, Оскар настойчиво советовал развернуть корабль и немедленно возвращаться в Содружество.

Исчезновение барьера его по-прежнему сильно тревожило.

Уилсон впервые всерьез пожалел о невозможности связаться с Содружеством. В этом вопросе он с радостью снял бы с себя ответственность. Анна права: при контакте с чужаками они смогут получить бездну информации. Все говорило о том, что обитатели Альфы Дайсона были кем-то изолированы, и причины возведения барьера продолжали оставаться главной темой обсуждений. Эта цивилизация производила сильное впечатление, но угрожающей не выглядела.

К выходу из звездной системы направлялось уже восемьдесят три корабля. За три дня полета при ускорении в пять g первая группа кораблей прошла расстояние, равное десяти а. е., и не снижала темп. Первые суда с газового гиганта уже почти достигли границы, где прежде стоял барьер.

Никто на борту «Второго шанса» не мог догадаться, куда направятся эти корабли после того, как преодолеют расстояние в тридцать а. е., тем более что эти суда не были предназначены для межзвездных путешествий. Тем временем сбор данных о системе Альфы Дайсона продолжался. Колонии чужаков распространялись не только на планеты — заселенными оказались и два пояса астероидов по обе стороны орбиты Главной Альфы. На каждом из спутников-троянец газовых гигантов, включая обширную группу планетоидов, были образованы искрящиеся активностью поселения. Еще больше заинтересовала ученых — особенно физиков — целая система защищенных силовыми полями колец диаметром в пятьсот километров, вращающихся в трех миллионах километров над солнечной короной. По предположениям исследователей, кольца поглощали солнечный ветер, перекачивая мощные потоки элементарных частиц.

Наконец Уилсон дал разрешение на использование гисрадар, чтобы получить детальную картину звездной системы и ее обитателей. Обнаруженные при сканировании десятки тысяч огромных кораблей, снующих между планетами, спутниками, астероидами и промышленными установками, уже никого не удивили. Вызвало некоторое беспокойство лишь их количество, особенно если учесть, что «Второй шанс» оказался здесь в полном одиночестве. Правда, неожиданностью для ученых оказались несколько блуждающих астероидов, на которых тоже имелись признаки индустриальной активности — три из них находились всего в паре а. е. от «Второго шанса». Уилсон сурово отчитал дежурного офицера Сэнди Ланьер за то, что та не заметила исходящие от астероидов нейтринные потоки раньше, но уже вечером капитан пожалел об этом, когда Анна прочла ему лекцию о мизерности выбросов ядерных генераторов в сравнении с бескрайностью космических просторов. «Они, вероятно, только начали строиться на этих астероидах, — энергично доказывала она. — Если бы рядом с кораблем появилось нечто значительное и опасное, наша группа обязательно бы тебе доложила».

Уилсон ворчливо извинился и добавил, что надо бы хорошенько присмотреться к ближайшим астероидам. Раз уж у «Второго шанса» под боком имеются образцы цивилизации Дайсона, нельзя не воспользоваться шансом и не понаблюдать за ними, не обнаруживая себя.

Анна приняла извинения и позволила себя поцеловать. А потом они вместе стали искать новые способы использования слабого притяжения жилого отсека.

Детальная картина системы Альфы Дайсона уже сложилась, и корабельный гисрадар направили в сторону Беты Дайсона. Даже с предельно допустимой дистанции по показаниям радара стало ясно, что барьер вокруг второй звезды остался без изменений. Это

обстоятельство укрепило убежденность Оскара, что исчезновение барьера было связано с их приближением. Никаких предположений о причине этого явления у команды по-прежнему не было, так же как не был предусмотрен такой вариант развития событий во время составления планов миссии. Все это лишней раз указывало на то, насколько важными были решения, принимаемые Уилсоном.

Он дал задание группе наблюдения продолжать сбор информации по системе Альфы Дайсона.

Первое сражение разразилось во время сканирования ближайших астероидов для получения изображений с высоким разрешением. Сначала сенсоры зарегистрировали несколько мощных электромагнитных импульсов на полпути между газовыми гигантами. Анализ сразу же определил ядерные взрывы. Второй залп был произведен в тот момент, когда пелена выброшенных газов внезапно рассеялась, открыв обзору две эскадрильи из трех десятков кораблей, несущихся друг другу навстречу. Бой начался на дистанции в миллион километров, при этом корабли продолжали сближаться, имея ускорение в семь g. Ракеты и гамма-лазеры мгновенно превратили быстро сокращающееся расстояние в смертоносный энергетический вихрь, подпитываемый взрывающимися кораблями.

Быстрое сканирование гисрадаром в режиме реального времени выявило распространяющееся облако обломков и продуктов горения, и в нем несколько разбитых кораблей. В тридцати двух миллионах километров на пяти колонизированных астероидах были засечены активные сенсоры, направленные на зону сражения.

— Хорошо, что нас там не было! — воскликнул Оскар.

Уилсон взглянул на дисплей, по которому продолжали разлетаться бесформенные обрывки облученной материи. Это напомнило ему смешные взрывы в блокбастерах его юности, где накаченные стероидами звезды Голливуда убегали от взрывной волны.

— Оборона, — задумчиво произнес он, — способны ли наши силовые поля отразить такую атаку?

— Первый залп, возможно, сэр. Но затем нам бы пришлось чертовски трудно.

— Спасибо.

Он повернулся к Оскару и едва заметно кивнул. Они вышли в комнату для совещаний старших офицеров и включили затемнение прозрачной стеклянной перегородки. На экранах вокруг длинного стола мерцали красные и синие линии диаграмм.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — заговорил Уилсон, присаживаясь на угол стола.

— Нетрудно догадаться. Я твердил об этом с того момента, когда исчез барьер. Мы должны вернуться. Последние события изменили изначальный сценарий миссии. Наш полет должен был быть только исследовательским. Теперь все иначе.

— Знаю, знаю. — Уилсон провел рукой по волосам, отросшим намного длиннее, чем ему нравилось. — Но нам до сих пор неизвестна причина их изоляции, так же как и кто является создателем барьера. А ведь нас послали, чтобы выяснить именно это. По моему мнению, мы не выполнили задание.

— То сражение предельно ясно указывает на причину изоляции. Мне этого вполне достаточно.

— Может, и так, но нельзя же возвращаться домой, имея на руках одни предположения. Я хочу полной уверенности.

— Уилсон, тебе стоит побеспокоиться не о цивилизации Дайсона. Почему барьер уничтожили именно для нас? Это тебя не тревожит?

— Конечно, тревожит. Но о барьере нам сможет рассказать обитающий здесь народ.

— Мы не в состоянии их об этом расспросить, это слишком рискованно. Человечество за всю свою историю взорвало лишь пять ядерных боеголовок, да и то сгоряча. Этому способствовали необычные и чрезвычайные обстоятельства. В этом же сражении всего за тридцать минут было взорвано восемьсот семьдесят две термоядерные бомбы, и половина из них сопровождалась колоссальным выбросом энергии. Они опасны, Уилсон. Очень, очень опасны.

— Характер применяемого оружия в любом конфликте определяется зоной боевых действий и доступными технологиями. Если бы атака была направлена против нас, я, не задумываясь, пустил бы в ход наше ядерное оружие. Это было бы адекватной реакцией. Неужели мое желание исполнить свой долг характеризует всю человеческую расу как банду опасных убийц?

— Ты передегиваешь. Мне все это не нравится. Мы должны вернуться — я настаиваю.

— Мы не можем вернуться. Несмотря на все неожиданности, мы должны выполнить то, ради чего были посланы сюда. Исследования и перспективы, Оскар. Мы не вправе повернуть назад. Это было бы недостойно человечества. Я намерен санкционировать пробный удаленный контакт.

Оскар прикрыл глаза и удрученно вздохнул.

— Ладно. Это твой выбор, и я его поддержу. Но не могли бы мы соблюдать предельную осторожность?

Уилсон улыбнулся.

— Поверь, мы будем настолько осторожны, что ты сможешь заподозрить меня в паранойе.

На следующем совещании руководителей групп они выработали порядок действий, основываясь на протоколах Содружества для контактов с чужаками и адаптируя их для сложившейся уникальной ситуации.

— Я хочу выяснить о чужаках Дайсона все, что только возможно в условиях скрытности, — сказал Уилсон. — После проявленной ими агрессивности я отказался от намерения перевести «Второй шанс» на орбиту вокруг планеты или одного из спутников. Бог знает, какое оружие имеется у них на орбите вокруг населенных объектов.

— Первым шагом в изысканиях будет высадка контактной группы на пустынный объект — какой-нибудь покинутый населенный пункт или разрушенный корабль, — продолжил Оскар. — Что-нибудь такое, что позволит нам узнать, как они живут, дать представление об их физическом облике и культуре. Если нам повезет, мы сможем найти какие-нибудь электронные хранилища памяти. Выбор объекта обуславливается обязательным условием: он должен находиться не менее чем в пяти миллионах километров от любого обитаемого поселения или корабля. В чрезвычайной ситуации мы сможем развить ускорение в пять g, а это значительно меньше, чем у кораблей, летающих вокруг. Наше единственное тактическое преимущество — это сверхсветовая скорость. В любом случае хотелось бы исключить вероятность преследования, поэтому все процедуры должны вестись с минимальным уровнем излучений.

— До начала этого этапа исследований я бы хотел рассмотреть возможные варианты реакции чужаков в случае нашего обнаружения, — сказал Уилсон. Он обвел взглядом сидящих за столом, пока не остановился на Эммануэль Вербеке, специалисте по культурам чужаков. — Вы готовы высказать ваши предположения относительно этой цивилизации?

— Очень мало сверх того, что очевидно всем, — ответила она. — Все, что мы видели, соответствует нашим стандартным представлениям об обществе, не имеющем доступа к сверхсветовым технологиям. Они достигли логически обоснованного успеха в развитии в пределах своей звездной системы. Произошедшее сражение вызывает некоторое недоумение: при таких очевидных достижениях в колонизации можно было ожидать большей стабильности. Однако при недостатке сведений об их культуре было бы несправедливо придавать этому конфликту решающее значение.

— В дешифровке их сигналов мы успеха не добились, — доложила Анна. — И это меня беспокоит. Никто не ожидал, что алгоритмы СИ позволят сразу же приступить к переводу, но в некоторых областях я ожидала большего.

— В каких именно? — поинтересовался Оскар.

— К примеру, в отношении видео- и голографических сигналов. Такого рода информация форматируется по одним и тем же принципам, даже если используются ультрафиолетовый или ультразвуковой спектры, но мы не обнаружили ничего подобного. Их сообщения бессистемны и, что еще более странно, содержат аналоговые сигналы. Принимаемое нами огромное количество передач ничуть не помогает. Наоборот, при наложении друг на друга они подвергаются сильным искажениям. За прошедшее время я должна была бы продемонстрировать вам образцы их речи, но даже этого сделать не могу.

— Очень странно, что мы до сих пор не знаем, как они выглядят, — сказала Эммануэль. — Если бы ситуация была обратной и чужаки подошли бы близко к Содружеству, из наших передач они быстро получили бы необходимые сведения.

— Мы все записываем, — продолжила Анна. — Если сумеем наладить контакт и обитатели системы Дайсона захотят с нами разговаривать, мы поймем, какие каналы они используют для общения. После этого можно будет начать трансляцию уже записанных сигналов. Это поможет в том случае, если они обнаружат наше присутствие и ограничат передачи в интересах секретности. Полученные на сегодняшний день записи позже могут оказаться весьма ценными.

— Ты хочешь сказать, что мы их подслушиваем? — спросил Уилсон.

— Фактически да.

— Ладно, не вижу в этом никаких проблем.

— Если они поймут, что мы скрываемся поблизости, надо ли нам опасаться атаки? — спросил Оскар.

— Если бы я была на их месте, я бы проявила любопытство, — ответила Эммануэль. — Но это дело личное. Кроме того, это человеческая точка зрения. Основываясь на полученных данных, их реакцию предсказать пока невозможно.

— В таком случае будем продолжать исследования исходя из худшего сценария, — сказал Уилсон. — Контактная группа будет вооружена и получит право открыть огонь в случае угрозы, а «Второй шанс» после пересечения границы бывшего барьера будет на военном положении.

На лице Оскара появилось удовлетворенное выражение — впервые за все время после исчезновения барьера.

— Анна, у тебя есть соображения, с чего мы могли бы начать? — спросил Уилсон.

— Да, есть. Недалеко от нас находится несколько разбитых кораблей. — Она с беспокойством оглянулась на Оскара. — Это доказывает, что обитатели Главной Альфы нередко воюют друг с другом. Думаю, нам следует соблюдать чрезвычайную осторожность.

— Мы так и сделаем, — с ободряющей улыбкой заверил ее Уилсон. — Ты уже нашла для нас подходящий объект?

— Думаю, да.

Никто ничего не говорил, но во время прохождения за линию бывшего барьера все члены экипажа не могли скрыть своего беспокойства: не восстановится ли он, заперев их внутри?

Направленный назад гисрадар исследовал космос и гиперпространство. Никаких возмущений квантового поля и пространственно-временного состояния зарегистрировано не было. Вокруг Темной Крепости ничего не изменилось.

За линией барьера они выждали еще час, и только тогда Уилсон отдал приказ:

— Ладно, Ту Ли, берем курс на скалу.

— Есть, сэр.

Неподалеку от капитанского мостика, в помещении контактной группы, ждал своего часа Макклейн Гилберт. В отличие от рубки, здесь было всего два пульта, зато электронных табло имелось великое множество. За тремя длинными столами разместились почти все сорок человек его команды, и каждый терпеливо вглядывался в пустые экраны. Отсутствие текущей информации с датчиков наблюдения не могло унять волнение, казалось растворенное в самом воздухе. Оно сказывалось в резких перепалках между друзьями, в постоянных нарушениях субординации, в небрежно брошенных на столы пакетах воды и в отсутствии обычных грубоватых шуточек. Контактная группа наконец-то вступала в игру.

До сих пор они оставались самым бесполезным подразделением на борту и постоянно заглядывали через чье-то плечо, следя за бесконечными потоками информации, поступающими на корабль. Теперь их терпение будет вознаграждено.

Оскар вошел в комнату в тот момент, когда «Второй шанс» выходил из червоточины. Мак помахал ему рукой, указывая на свободное кресло рядом с собой, и они вместе наблюдали за тем, как рассеивается голубой туман, уступая место очертаниям скалы, к которой они направлялись. Анна, обнаружившая этот астероид, назвала его Бастионом. Длинный осколок скалы с какой-то станцией на вершине. Его напоминающий башню силуэт и расположение на высоте в полторы а. е. над внешней орбитой газового гиганта вызывало ассоциации с древней имперской сторожевой вышкой, откуда гарнизон высматривал возможную угрозу своей цивилизации.

— Похоже, мы не ошиблись, сочтя станцию необитаемой, — сказал Оскар. — К счастью.

Пассивное сканирование дальнего радиуса действия не выявило инфракрасного излучения. Не было замечено ни нейтринных потоков, ни электромагнитных волн, а быстрое вращение скалы — с периодом в двадцать шесть минут — позволило предположить, что станция была уже давно покинута своими хозяевами. Скорее всего, павшими в какой-то древней битве.

На экране стали появляться изображения, сопровождаемые скудным ручейком данных, и Мак подумал, что ученые были правы. Скала имела форму острого лезвия; при длине более километра в поперечнике она не превышала и двухсот метров. Все ее поверхности выглядели гладкими и, казалось, обладали острыми краями. Этот осколок явно отлетел от какого-то астероида, и потом про него просто забыли.

— Это, наверное, был ужасный взрыв, — равнодушно произнес Мак. — Мы еще не

видели, чтобы они что-нибудь строили на мелких астероидах.

Сама станция держалась на широком конце осколка. Составляющие ее кубы, пирамиды и полусферы из полититанового композита, когда-то чрезвычайно прочные, после столетий пребывания в условиях открытого космоса стали пористыми и хрупкими, словно фарфор. Появившиеся трещины обнажили ребра перекрытий, а цвет после бесчисленных микрометеоритных дождей и молекулярной эрозии стал грязновато-серым. Между крупными секциями мелькали остроконечные грибовидные сооружения из ударопрочного пластика и металлокерамики. Они тоже уже начали разрушаться и расслаиваться на тонкие длинные полосы, свисающие из неровных пробоин.

— По крайней мере, не будет трудностей с проникновением внутрь, — сказал Оскар. — Здесь больше дыр, чем стен.

— Да, на верхних уровнях все так и есть. Нижняя часть сохранилась лучше. А вот и глубокое сканирование.

Они одновременно склонились над небольшим голографическим экраном, где появилась трехмерная схема внутренних помещений станции.

— Какой-то сюрреалистический лабиринт! — воскликнул Оскар. — Похоже на промышленные очистные сооружения. Это ведь сплошные трубы, не так ли?

— Или коридоры, или норы. Помнишь гнезда джарро на Тандиле? Пока не вылетел рой, мы думали, что это просто красивые коралловые наросты.

— Да, возможно. — Оскар широко улыбнулся. — Выяснить истину можно только одним способом.

— Верно. Послать нас на эту грязную работенку. Беспроигрышный вариант.

— Еще бы! А я просто поболтаюсь тут — вероятно, закажу в столовой какое-нибудь изысканное блюдо, потом подключу популярную пьесу ВСО. А вы можете вдоволь там поразвлечься в своих костюмах-облепушках.

— Зато, когда я ступлю на этот обломок скалы и установлю контакт с чужаками, в истории останется мое имя, а не твое.

— Да-да-да. Тщеславие — самый страшный грех. А что, мистер Легенда, какими будут ваши первые слова, когда эта фотогеничная нога коснется грунта?

Мак принял задумчивую позу.

— Я думаю, что-то вроде: «Черт, теперь я понимаю, почему перед работой в этом скафандре не следует есть карри».

— Великолепно. Наверняка станет поговоркой.

Мак усмехнулся и встал из-за стола.

— Так, теперь все наострите глаза и уши. Наш капитан в целях безопасности намерен остановиться в сотне километров от Бастиона, а это значит, что нам потребуются челноки. Предварительную разведку я проведу лично с группой С. Главная задача первого вылета — оценить вероятность нежелательных встреч. Если она окажется равной нулю, мы приступим к предварительному осмотру. Для составления подробного плана Бастиона будут работать три группы. Как вы видите, там полно труб и тоннелей, куда довольно трудно забраться. На этот раз будем заниматься археологическими изысканиями, что сильно отличается от нашей привычной работы. Нам необходимо узнать, как чужаки выглядят, что едят, что пьют, за кого голосовали, выигрывала ли их команда Кубок и тому подобное. Так что вам предстоит разыскивать любые предметы, с помощью которых будет возможно приоткрыть окно в их культуру. Группы В и F, я хочу, чтобы вы сосредоточились на электронике, оптике и любых

других устройствах. Если там обнаружатся хоть какие-нибудь фрагменты системной памяти, их необходимо скопировать и передать на корабль. Все понятно?

В комнате раздался одобрителный гул голосов.

— Отлично. Группа С, идете со мной одеваться. Отправление челнока через тридцать минут. Ну а пока мы там ползаем, общее наблюдение будет осуществлять Оскар. Это значит, что он станет смотреть на наши задницы из этого уютного кабинета. Я уверен, что вы не забыли правила: все решения принимает только он, и я не хочу, чтобы приказы приходилось повторять или чтобы кто-то без его ведома поворачивал за угол только потому, что там интересно. Если будут какие-то сомнения, сначала советуйтесь с Оскаром. Группа А, во время первого вылета вы следите за мониторами. Группы В, D, E, если у нас все пройдет благополучно, вы на очереди. Надеюсь, вы успели хорошо отдохнуть.

Мак повернулся к выходу, но Оскар поймал его за руку.

— Знаю, все думают, что я помешался на этом барьере, — тихо сказал Оскар, — но, пожалуйста, будьте осторожны.

— Не беспокойся. Трус — мое второе имя.

Прошло уже полных двадцать четыре часа с момента высадки Мака на Бастион, когда Дадли Боуз наконец получил шанс вернуть хотя бы часть своей славы. Он-то рассчитывал, что в составе группы А будет в числе первых людей, встретившихся с дайсонами. Но этого не произошло. Макклейн Гилберт его опередил.

Перед стартом Дадли считал свое назначение в контактную группу умным ходом. В конце концов, Уилсон и его старшие офицеры не могли отрицать, что он был первым экспертом Содружества по Паре Дайсона, хотя бы с точки зрения астрофизики, а степень инженера, полученная им в первой жизни, расширяла его кругозор в практической области, так что он был очевидным кандидатом в контактную группу наряду с учеными-исследователями.

Тем не менее до сих пор его знания не нашли своего применения. Он мало что понимал в квантовой природе барьера — единоличное управление астрономическим факультетом в университете не оставляло ему времени, чтобы следить за достижениями теоретической физики. Даже тогда, когда внутренность Темной Крепости предстала перед ним как на ладони, никаких предположений относительно природы этого гигантского сооружения у него не возникло.

Пока команда «Второго шанса» занималась исследованиями Темной Крепости, Дадли Боуз большую часть времени проводил в своей каюте, записывая свои личные размышления. Контракт, заключенный им с «Вэб-ньос» на Гралмонде, требовал квалифицированного изложения поступающей на космический корабль информации, да еще написанного доступным языком. Так что он собирал полученные за день данные, чтобы изложить их в самой простой форме. В этом ему очень пригодился опыт лектора, умеющего разделить сложнейшую теорию на удобоваримые для любого студента фрагменты, а также недавнее общение с журналистами на презентациях и всевозможных торжествах.

Бастион же предоставил ему возможность подняться на новую высоту. Участие в работе контактной группы физически переносило его на передний край завоеваний человечества. Он, Дадли Боуз, вплотную приблизится к тайне Пары Дайсона.

Но потом пришел Макклейн Гилберт, объявил распределение по группам, и Дадли пришлось ждать еще целые сутки. Когда наконец подошла его очередь, он снова оказался в

роли второстепенного наблюдателя: ему пришлось смотреть через камеру челнока, как Макклейн Гилберт парит над гигантским сооружением чужаков, и выдавать банальности вроде следующей тирады: «Вот оно! Теперь счет идет на мгновения. Есть! Контакт. Как сильно эта миссия отличается от ставших уже привычными контактов с чужими мирами. Обычно разведчики ККТ выходят из червоточины и твердо ступают по незнакомой земле. Здесь же, как вы видите, моему другу Маку приходится буквально висеть, ухватившись рукой за край пробоины. Но вот он направляет свой прожектор внутрь станции. Теперь вы можете получить первое представление о новой незнакомой вселенной».

По правде говоря, первый осторожный обход Мака оказался довольно скучным. Всем было ясно, что станция давным-давно покинута. Полититановый корпус еще хранил следы радиоактивности, и, судя по периоду распада, взрыв произошел около двухсот одиннадцати лет назад.

«Итак, внутри не могло сохраниться ничего живого. А если что-то там и есть, то эти организмы существенно отличаются от всего, что нам известно».

Само сооружение не вызвало особого удивления, поскольку принципы строительства были универсальными. Корпус состоял из нескольких слоев: несущая стена, термоизоляция, конструктивное усиление и кабельные каналы. Были высказаны первые догадки о том, что куб, в который проник Мак, когда-то являлся жилым отсеком: в нескольких внутренних перегородках имелись прямоугольные люки.

«Отверстия в поперечнике составляют около двух метров — это больше, чем двери в домах людей, а это означает, что дайсоны крупнее нас».

Могли бы и сами об этом догадаться. Время от времени Дадли испытывал настоящую ненависть к тому, чем ему приходилось заниматься.

Выходы почти из всех отсеков вели в широкий извилистый коридор-тоннель, исчезающий в глубине станции, и затворов на них не было. Луч фонаря на шлеме Мака осветил выступавшие из стен восьмиугольные блоки. На них, вероятно, когда-то давно стояло оборудование. Сейчас на платформах остались только пустые скобы и шпильки. «Все вывезено подчистую. Тот, кто выиграл сражение, забрал трофеи с собой».

Вся задача первого выхода Мака состояла в обзоре пустых помещений и длинных темных тоннелей. Судя по первым впечатлениям, станция оказалась скорее непригодной, чем ненужной. Радиоактивность пропитала ее насквозь, и первоначальное назначение было утрачено.

Унылый вид скалы на фоне звездного неба только укреплял это мнение в голове Дадли. Все было таким серым, что станцию и камень было почти невозможно отличить друг от друга. И только челнок, зависший над кубом, отливал серебром и непрерывно мигал зелеными и красными огнями. Их свет мерцал в поцарапанном перспексе иллюминатора, перед которым Дадли одевался.

— Шлем.

— А?

Дадли обернулся и на противоположной стороне прохода увидел Эммануэль Вербеке, надевавшую шлем.

— Пора надевать шлем, — сказала она.

— Да. Конечно.

Он благодарно ей улыбнулся и снял свой шлем с подлокотника кресла. После старта с Аншана он немного сблизился с Эммануэль и теперь был рад оказаться ее напарником в

группе. Впрочем, он редко встречался с ней в часы, когда она была свободна от дежурств и занималась тренировками. Он до сих пор беспокоился о своем состоянии: все члены экипажа, кроме него, прошли процедуру омоложения не менее десяти лет назад. В составе экипажа он официально числился пожилым человеком, а прежняя надежда на соответствующее возрасту уважение быстро рассеялась.

Во время маневрирования перед стыковкой маломощные двигатели челнока работали почти непрерывно, и в кабине стоял такой грохот, словно кто-то бил по корпусу огромным молотом. Дадли нахлобучил на голову прозрачный шар шлема и слегка покачал головой. Выступавшие зажимы быстро сомкнулись, и тогда он застегнул механическую защелку. Элдворецкий немедленно инициировал последнюю проверку и подтвердил герметичность скафандра.

Перед входом в шлюз Дадли активировал защитное поле. Группа С в полном составе и трое членов группы А уже стояли на решетке фюзеляжа перед внешним шлюзом. Перед тем как вытащить из багажного отсека маневровый ранец, Дадли не забыл надежно закрепиться. Сам Макклейн Гилберт поддерживал его ранец, пока Дадли просовывал руки в ремни. Агрегат плотно прилип к его скафандру, и стропы из плайпластика обвилились вокруг тела.

— Ты в порядке? — спросил Мак.

Его шлем вплотную приблизился к голове Дадли, так что можно было заглянуть в глаза сквозь серебристую пелену.

— Конечно.

Как бы он ни храбрился, от мысли о выходе в открытый космос в чужой звездной системе его сердце противно вибрировало, а телеметрические показатели передавались Маку. Дадли оглянулся и отыскал вселяющий уверенность свет «Второго шанса». При виде этой звезды дышать стало немного легче. Он перевел взгляд дальше, стараясь среди незнакомых созвездий отыскать знакомые контуры.

Группа С запустила двигатели и уже собралась в сотне метров над Бастионом. Дадли помог Эммануэль надеть маневровый ранец, и в ответ она показала два поднятых больших пальца. Ему понравилось, Дадли почувствовал себя полноправным членом команды.

— Так, пока все снаружи, — объявила Франческа Ролинз, командир группы С, — прошу убедиться, что вы не оставили в челноке инструментальные сумки. Можете стартовать по готовности. Ориентируйтесь на маяк, укрепленный на станции чужаков. Там мы перегруппируемся и двинемся внутрь.

Дадли проверил пристегнутую к поясу цилиндрическую сумку. Его коллеги уже начали подниматься над фюзеляжем, оставляя миниатюрные белые облачка газа, едва заметные в тусклом свете звезд. Виртуальной рукой он взялся за джойстик ранца и передвинул его вперед. Газ тихонько заурчал и завибрировал вдоль спины, а затем ноги Дадли оторвались от решетки, и он поплыл прочь от челнока. Под действием адреналина, хлынувшего в кровь, сердце снова зачастило. Дадли не мог поверить, что он это сделал. Еще в первой жизни во время каникул он решил полететь на парашюте. Доверив свою жизнь куску материи, он вместе с инструктором прыгнул с вершины скалы и не переставал молиться, чтобы выдержали стропы. Ужас и восторг, пережитые им тогда, невозможно было сравнить ни с какими другими чувствами. Вот и сейчас он ощущал нечто подобное, только во сто крат сильнее.

Как и раньше, он заставил себя расслабиться, смирившись с неизбежностью. Только через некоторое время он убедил свой организм, что все в порядке, что скафандр и

маневровый ранец работают отлично и уберегут его от опасностей. На его лице под шлемом расплылась безумная усмешка. Свободной рукой Дадли коснулся иконки микрофона и ввел секретный код.

«Я приближаюсь к таинственной станции чужаков, названной нами Бастионом. Мы уже пришли к единому мнению, что название дано ошибочно. Это никакой не сторожевой пост, а лишь мрачные останки производственного предприятия, разрушенного во время конфликта после применения ядерного оружия. Я не могу не сожалеть о том, что силы и средства, потраченные на возведение подобного сооружения, пропали напрасно из-за примитивной несдержанности. Чужаки Дайсона многого достигли, и я признаю, что они во многом нас обогнали в области технологий, но, надеюсь, они смогут научиться у нас улаживать свои споры и конфликты».

Это пригодится по возвращении домой. Очень важно дать аудитории почувствовать свое превосходство.

Графическое отображение курса в виртуальном поле зрения показало, что он отклоняется от маяка в сторону. Дадли откорректировал движение. Слишком сильно. Пришлось повернуть джойстик в другую сторону. Именно от этого предостерегала его внедренная память. Он никак не мог совместить знания и автоматические рефлексy, поэтому двигался вперед, сильно петляя и выбрасывая газ из каждого сопла.

К тому времени, когда он наконец добрался до маяка, Франческа Ролинз со своей группой уже направилась к пробоине. Дадли, оказавшись внутри, внимательно осмотрелся, но в помещении не было ничего особенного. Простая коробка из голубовато-серого металла, в которой метались лучи фонарей. На принадлежность к миру чужаков здесь не указывало ничего.

— Теперь, когда мы все внутри, я не могу еще раз не предупредить об осторожности, — сказала Франческа. — Оперативный штаб следит за каждым из нас персонально, но они не в состоянии исправить наши ошибки. Единственный выход — не допускать ошибок. Мы никуда не торопимся и будем искать, пока не обнаружим необходимую информацию, так что не увлекайтесь. Группы В, D и E уже обследовали все до пятого уровня и дошли до секций, обозначенных на ваших картах как А-три и А-восемь. На этом участке они смонтировали реле связи, а вы, как только выйдете за его границы, должны установить свои коммутаторы, поскольку эти стены блокируют наши сигналы. Не допускайте мертвых зон, особенно в соединительных тоннелях. Мы все время должны оставаться на связи, понятно? Хорошо, вы все получили свои задания, можно приступать.

Дадли вызвал в виртуальном поле зрения трехмерный план и сопоставил с ним расположение большого входного тоннеля. Оранжевая линия обозначала его маршрут. Он активировал инерциальную навигацию и отцентровал ее по маяку.

— Ты готов? — спросила Эммануэль.

— Думаю, да.

Он уставился на черную впадину, служившую входом в тоннель, по которому они должны были спуститься на пятый уровень. Диаметр отверстия почти три метра. «Это указывает на то, что дайсоны могут быть крупнее нас... идиот. Хорошо, что они не маленькие, так что клаустрофобия нам не грозит. По крайней мере, не сразу».

В другом углу помещения Франческа уже исчезала в извилистом тоннеле, ведущем к секции А8. Дадли подлетел к обозначенному на его карте проходу и схватился рукой за край, чтобы выровнять положение тела. Прожектор на шлеме разогнал темноту, открыв широкую

трубу со стенами из композитного углерода, покрытыми тонкими трещинами и шершавыми вздутиями. Метров через пять труба плавно изгибалась влево и уходила вниз. Дадли легонько оттолкнулся от пола, поднялся до уровня отверстия и нырнул в тоннель.

«И в неизвестность».

* * *

— Сэр, нам посылают сигналы! — воскликнула Анна. — Датчики зарегистрировали лазерные и микроволновые излучения, направленные прямо на нас. Источник находится на орбите Главной Альфы, на одном из спутников.

— Черт возьми! — буркнул Уилсон. — Ты уверена? Не могли эти сигналы предназначаться кому-то позади нас?

— Нет, не думаю. Позади нас никого нет. Все три луча пересекаются здесь, и их направление не меняется. Так что их цель — это мы.

Уилсон поспешно переключил сигналы на экраны своего пульта. Даже после самой тщательной фильтрации в сетях СИ они отображались путаницей синусоидальных волн и фрактальных контуров.

— Это похоже на сигналы, которыми они обмениваются между собой?

— Да, сэр. Выглядит точно так же.

— Может, они не поняли, что мы для них чужие?

— Они должны догадываться, что мы не из их звездной системы, — сказал Танде. — Ведь после падения барьера они могут ожидать контактов с теми, кто его поставил. Они наверняка настороже.

На лазерный луч настроили один из оптических датчиков. Яркая рубиновая точка затмила ореол ядерных взрывов вокруг планеты. Уилсон смотрел на нее с растущим сожалением о том, что до сих пор не в состоянии понимать дайсонов.

— После падения барьера они ожидали нашего появления или корабль других чужаков?

— Это было бы логически оправданно.

— Но если у них нет гисрадара, как они могли нас обнаружить?

— Гипердвигатель червоточины создает мощные гравитонные толчки и возмущения в квантовом поле. Кроме того, наши ядерные реакторы испускают нейтринные потоки.

— Совсем незначительные, — вставила Анна. — Я держу ядерную систему всего на паре процентов мощности. Основной источник энергии для нас — это нуль-батареи, а они надежно экранированы.

— Капитан, вся эта система буквально нашпигована продуктами незнакомой нам технологии, — сказал Танде. — И если они действительно так агрессивны, как мы думаем, здесь должно быть множество следящих систем. Не удивлюсь, если они нас обнаружили.

Уилсон снова посмотрел на большие экраны. Они оба транслировали изображения Бастиона. Первоначальные сожаления капитана постепенно переросли в тревожное беспокойство.

— Анна, подключи развертку гисрадара. Есть там что-нибудь?

После первичного сканирования Бастиона они отключили все активные датчики, сведя к минимуму все виды излучения и перейдя практически в режим молчания. Уилсон до сих пор предпочитал оставаться незамеченным и спокойно накапливать информацию, пока

люди не будут готовы к первому контакту. Такая стратегия давала им существенное преимущество.

— Вот черт! — воскликнула Анна. — Как я понимаю, эти восемь кораблей идут прямо на нас.

* * *

Дадли спустился по тоннелю вплоть до седьмого уровня. По пути ему попадалось множество перекрестков, откуда уходили второстепенные ответвления. Вся сеть переходов напоминала ему корневую систему, закрученную в сложную спираль. Продолжая спуск, он начал сознавать, что его трехмерный план не отражает и малой части этого бесконечного лабиринта. Постепенно в его голове сложилось впечатление, что это даже не переходы, а трубы. Их было слишком много, чтобы дайсоны пользовались ими для передвижения. Но назначение труб для него оставалось загадкой. В них не было ни клапанов, ни насосов, ни даже деталей крепления, где могло бы стоять оборудование. Он мог только предположить, что в трубах изначально имелись клеточные рукава или что-то вроде электромышц, увезенные отсюда вместе со всем остальным имуществом. До сих пор контактные группы так и не сумели обнаружить ничего ценного.

На седьмом уровне он плавно вылетел из тоннеля в помещение, напоминавшее по форме ломтик пирога. Здесь тоже не было никаких задвижек, только выходы в другие тоннели. Он опустил ноги на потрескавшийся пол, позволяя жгутикам на подошвах зацепиться за неровную поверхность. После тесного тоннеля открытое пространство вызвало у него вздох облегчения. Следом за ним появилась Эммануэль. Она оттолкнулась пальцами от края проема, описала плавный круг и тоже встала на пол. Дадли уже приклеивал на пустую опору портативный ретранслятор.

— Здесь тоже пусто, — доложила Эммануэль. — Прямой связи с другими помещениями нет.

— Хорошо, — откликнулся Оскар. — Третий выход ведет вниз, вглубь скалы. Наши схемы заканчиваются метрах в двадцати или около того. Дальше луч сканирования не проходит. Не хотите посмотреть, что там?

— Сделаем, — уверенно заявил Дадли.

Наконец-то что-то реально новое.

— Отлично, продолжайте. И не забывайте про ретрансляторы.

Дадли хотел ответить, что не забудет, но это было бы непрофессионально. По правде говоря, ему становилось спокойнее, когда в ушах раздавался голос Оскара. На него всегда можно положиться. Что-то вроде психологической страховочной сетки.

Он дал команду ботинкам разъединить сцепление с полом и двинулся к третьему выходу. Фонарь на шлеме осветил свинцово-серый тоннель, как две капли воды похожий на десятки уже пройденных. Этот проход исчезал внизу, закручиваясь против часовой стрелки. Дадли дал команду эл-дворецкому записывать маршрут и устремился вперед.

Метров через пятнадцать углеродистый композит на стенах сменился тонкой алюминиевой облицовкой, потемневшей от старости и кое-где потрескавшейся настолько, что стала видна скала. Изгибы тоннеля стали круче и начали повторяться регулярно. Дадли только что прилепил к стене ретранслятор, а уже через двадцать пять метров пришлось

ставить следующий.

— Мой внутренний навигатор показывает, что это спираль, — сказала Эммануэль. — Мы спускаемся почти вдоль оси самой скалы.

— Оскар, на поверхности скалы есть какие-нибудь отверстия? — спросил Дадли. — Что-то вроде запасного выхода?

— Трудно сказать. Есть несколько трещин, куда могут выходить тоннели. Но проверить придется вам, ребята.

— Спасибо.

Они миновали еще пару поворотов и вышли к первому перекрестку. Дадли, направив фонарь вбок, увидел прямую трубу около семи метров длиной.

— Она ведет к другой стороне спирали, это короткий путь, — сказал он.

— Я так не думаю, — возразила Эммануэль. — Не тот угол. Эй, могу поклясться, вся эта шахта выстроена в форме ДНК. Две параллельные спирали с поперечными сшивками между ними.

— Может, ты и права. Оскар, я хочу кое-что проверить. Если мы поместим реле на другом конце этой сшивки, можно будет забрать его, если ниже отыщется еще одна такая же сшивка.

— Давай, Дадли, можно попробовать.

Дадли проскочил короткую трубу, довольный своим умением передвигаться в этих условиях. Тренировочные воспоминания наконец установились — несомненно, благодаря его врожденной ловкости. Он установил ретранслятор на второй спирали и поспешил назад.

* * *

Уилсон наблюдал за маленькими треугольниками, медленно передвигающимися по тактическому дисплею. Рядом с каждым значком мерцали цифры, отнюдь не улучшавшие настроение капитана. Головной корабль находился на расстоянии в восемьдесят два миллиона километров, а его ускорение приближалось к восьми g. Через три часа он уже будет здесь. Это само по себе было плохо, но еще хуже было то, что он никуда не сворачивал и не сбавлял скорость.

Все восемь кораблей стартовали со спутников и обитаемых астероидов в окрестностях газового гиганта, из ближайшего центра активности чужаков, расположенного в трех а. е. от «Второго шанса». Если головной корабль не затормозит, он прилетит сюда на скорости более семи с половиной тысяч километров в секунду. Ни один человеческий механизм в реальном пространстве не способен набрать даже малую долю такой скорости. Сейчас на оптическом дисплее главного телескопа «Второго шанса» он видел едва заметную струю выбросов реактивного двигателя, растянувшуюся на сотни километров позади мерцающей золотой точки. Любая молекула или заряженная частица, ударявшая в силовое поле, мгновенно сгорала, усиливая его и без того яркое свечение. Если корабль на такой скорости врежется во «Второй шанс» или в Бастион, взрыв на короткое время затмит даже солнце.

— Свернули только пятый и седьмой корабли, — сказала Анна. — Они включили торможение и намного отстали от остальных. Но с газового гиганта вылетели еще три корабля и направляются к нам перехватывающим курсом. С Главной Альфы, как мне кажется, к нам направляется еще пятнадцать кораблей. Пока рано делать выводы, но векторы

их движения это подтверждают.

Уилсон, оценивая сложившуюся ситуацию, молча кивнул. Судя по векторам и позициям, все восемь кораблей первой флотилии вылетели с разных баз в течение нескольких часов, а они довольно далеко разбросаны друг от друга. Точка их назначения не вызывает сомнений. Хорошо, если это только приветственная делегация. Но вот их намерения?...

— Спасибо, — поблагодарил он Анну. — Оскар, немедленно отзывай контактные группы из Бастиона. Через полчаса они должны быть на борту «Второго шанса».

— Есть, сэр.

— Танде, я пытаюсь подобрать любую мирную или научную цель полета на такой скорости.

— Это невозможно, сэр. Таких целей быть не может.

— Так я и думал. Защита территории. Они ведь могли подумать, что мы из тех, кто установил барьер, и в этом случае ничего хорошего ждать не приходится. Если они не сбросят скорость, мы выйдем из этой системы. Я не хочу рисковать нашими жизнями и миссией в попытке установить контакт в боевых условиях. Гипердвигатель, немедленно подготовьте маршрут полета для возвращения в Содружество. Старт по моей команде.

— Есть, сэр.

— Анна, сделаем попытку установить контакт с первой флотилией. Если мы не можем их понять, может, хоть они нас поймут. Начинай транслировать стандартный вступительный пакет. Используй все частоты, на которых они нам сигналият. Попробуем сказать им, что это не мы поставили барьер.

— Капитан! — окликнул его Оскар.

Уилсону не хватало Оскара в рубке, но скрепя сердце он не мог не признать, что его помощник лучше других справился бы с исследованием Бастиона. Сейчас по тону Оскара он немедленно понял, что возникли неприятности.

— Да?

— У нас проблемы. Два члена контактной группы А не выходят на связь.

* * *

— Эта тоже уходит под другим углом, — сказала Эммануэль.

Они оба остановились перед пятой поперечной сшивкой и осветили ее своими фонарями. И снова перед ними открылся короткий прямой тоннель, выходящий в спиральную шахту. Возникло подозрение, что спиралей больше, чем две, возможно — четыре или пять.

— Думаю, надо придерживаться этой шахты, — сказал Дадли. — Давай выясним, куда она ведет, а потом будем наносить на план остальные.

Его инерционный навигатор показывал, что они находились уже на сто пятнадцать метров ниже седьмого уровня станции. От дополнительных ретрансляторов, размещенных на пересечениях, они до сих пор не получали сигналов, и определить конфигурацию спиралей оказалось невозможно.

— Оскар, можно продолжать?

— Да, идите дальше. Это самый интересный объект на всей станции.

Дадли оттолкнулся от пола. На алюминиевой обшивке имелось достаточно зацепок и неровностей, чтобы двигаться вперед. Ему не терпелось увидеть, куда ведет эта шахта. Дадли инстинктивно чувствовал, что это очень важно. Эта часть отличалась от всей остальной станции. Чужаки могли что-то закачивать или выкачивать по этим трубам. Надо только найти, с чем соединяется тоннель, и у них будет первый ключ к пониманию чужой культуры. И отыщет его Дадли Боуз.

Он устремился дальше, скользя лучом фонаря по древнему металлу. В поисках понимания.

* * *

— Я не могу их вернуть, — сказал Оскар. — Ретрансляторы отказали. Мы не можем засечь даже несущую частоту.

— Проклятье! — Уилсон подключил свой пульт к дисплею контактных групп. — Когда пропала связь?

— Сразу, как только ты распорядился их отозвать. Невероятно. Ретрансляторы не могут отказаться. Это простейшая схема.

На экране появилась трехмерная схема Бастиона с зелеными точками, отмечавшими местонахождение каждого исследователя. Все они двигались к маяку.

— Кто пропал? — спросил Уилсон.

— Вербеке и Боуз.

Уилсон ощутил вспышку гнева. «Конечно же, Боуз, больше никому». Но гнев быстро уступил чувству вины. «Он член моего экипажа, и у него отказало оборудование».

— Разве они не должны возвращаться при потере связи?

— Это установлено правилами. Даже если Дадли не слишком силен в теории, Эммануэль прекрасно это знает. Они, скорее всего, уже на пути назад.

— Как далеко они ушли от последнего работающего ретранслятора?

— Не знаю. Они установили по пути восемнадцать единиц, и с шестнадцати я до сих пор получаю сигналы. Значит, они находятся метрах в двадцати от работающего аппарата.

— Ладно, — напряженно кивнул Уилсон.

Он представлял, как разочарованы эти двое неожиданным сбоем, прервавшим их разведку. Возможно, они немного поспорили о необходимости немедленного возвращения; возможно, решили заглянуть еще на несколько метров вперед.

— Они могут выйти на связь в любую минуту, — добавил Оскар.

— Анна, Сэнди, от кораблей поступил какой-нибудь ответ?

— Нет, сэр, как это ни печально, — ответила Сэнди Ланьер. — Они продолжают идти тем же курсом. Никаких сигналов в нашем направлении.

— Проклятье! Ладно, начинаем кричать. Увеличьте мощность передающей антенны. Постарайтесь привлечь их внимание.

— Есть, сэр.

* * *

Макклейн Гилберт вылетел из тоннеля в помещение, где был установлен маяк. Перед ним в пробоину в стене вылетали члены контактной группы, оставляя за собой легкие завитки белесого газа маневровых ранцев.

— Ты засекаешь их? — спросил он у Оскара.

— Нет. Ничего.

— Они должны вернуться с минуты на минуту. Черт возьми, Эммануэль знает, что делает. Сколько уже?

— Четырнадцать минут.

— Невероятно. Это не может быть простым сбоем ретрансляторов. С ними что-то случилось.

— Это неизвестно.

— Знаю.

Макклейн развернулся и, оттолкнувшись от стены, направился к тоннелю, ведущему прямо на пятый уровень.

— Что ты делаешь? — закричал Оскар.

— Помогаю им.

— Немедленно вернись на челнок!

— Мак, я с тобой, — сказала Франческа Роулинз.

Мак уже скрылся в тоннеле. Свет ее фонаря выхватил его спину из темноты.

— Я о них позабочусь, — ответил он Франческе.

— Они же из моей группы.

— Ладно.

— Мак, ради бога, — крикнул Оскар, — возвращайтесь к челноку, оба!

— Две минуты, Оскар. Честное слово, они ни на что не повлияют.

— Господи!

* * *

— Смотри, стена опять изменилась, — сказал Дадли.

Он остановился и направил свет фонаря на участок стены прямо перед собой. Эммануэль подлетела ближе.

Потрескавшийся алюминий превратился в россыпь отдельных обрывков, а между ними проглядывала желтая керамика с какими-то красными значками.

— Это что, их письменность? — спросила Эммануэль.

— Возможно. Оскар, как ты думаешь?

— Трудно сказать. Постарайтесь получить хорошее изображение.

— Сними это. — Дадли немного подождал. — Поняла? Зафиксируй. Вот это.

— Просто сделай снимок, — простонала Эммануэль.

* * *

— Мой бог! — Сэнди отпрянула от пульта, будто ее ударило током. — Сэр, ракетный залп! Головной корабль открыл огонь. Восемь. Девять. Двенадцать. Да, выпущено

двенадцать ракет.

— В нас? — спросил Уилсон и сам порадовался, насколько спокойно прозвучал его голос.

— Четыре — в нас. Остальные направлены во второй, третий и шестой корабли.

Виртуальный палец Уилсона тронул иконку связи.

— Мак, Франческа, немедленно выбирайтесь оттуда. Я отзываю челнок через три минуты.

— Мы почти добрались до седьмого уровня.

— Чужаки открыли по нам огонь. Выбирайтесь. Я не буду повторять приказ.

— Есть, сэр.

— Другие корабли отвечают на залп, — доложила Анна. — Замечены запуски ракет с третьего, второго, пятого, шестого и четвертого кораблей. А вот и восьмой выстрелил. Головной корабль опять произвел залп. Больше ста ракет одновременно. Сэр, двадцать четыре из них направлены на нас. О боже, у них ускорение пятнадцать g.

— Вот черт! — выругался Уилсон. — Пилот, доставьте нас к Бастиону. Надо поднять на борт челнок. Ту Ли, гипердвигатель готов?

— Да, сэр, — ответила Ту Ли. — В любой момент можем перейти на сверхсветовую скорость.

* * *

Виртуальная рука Мака передвинула джойстик вперед, насколько позволяла графика, и он пулей вылетел из станции в открытый космос. Сенсоры скафандра мгновенно засекали челнок, и в виртуальном поле зрения вспыхнула яркая красная линия маршрута. Мак устремился вдоль нее, не обращая внимания на желтые огоньки, предупреждающие о превышении скорости. Франческа не отставала, в точности повторяя его действия.

Из-за Бастиона вырвался слепящий белый луч. Мак вздрогнул, но спустя мгновение все понял — это был плазменный двигатель «Второго шанса», подогнавший корабль к скале. Они торопятся взять челнок в свое силовое поле.

«Этой задержки не должно было быть. Но я не мог оставить их, даже не попытавшись помочь. Я не мог. Кто знал, что так получится?»

В нескольких метрах от челнока он начал тормозить, постаравшись ногами погасить инерцию, но все равно сильно ударился. Шипы на подошвах вцепились в решетку фюзеляжа, предотвращая отскок. Рядом опустилась Франческа.

— Ты меня загнал, — проворчала она, поджав ноги и сильно изогнувшись.

— Давай! — крикнул Мак пилоту.

— Ты еще не внутри.

— Двигай, мы закрепились!

Пламя химической ракеты полыхнуло желтым и осветило пространство вокруг них.

* * *

Оскар поспешил на капитанский мостик и занял свое место за пультом. Уилсон

поприветствовал его коротким взмахом руки. Он ждал, когда челнок окажется на корабле. И Жан Дюва, и пилот челнока торопились преодолеть расстояние в тридцать километров как можно быстрее. Наконец на экране показалось маленькое суденышко, опускающееся на свою платформу и исчезающее в глубине ангара. Уилсон сжал кулаки, что привело к нарушению контакта с интерфейсом пульта.

— Связь появилась? — в десятый раз спросил он.

— Нет, — ответил Оскар. — Думаю, Мак прав. С ними что-то случилось.

— Что там могло произойти? Станция мертва. Мертва и давно остыла.

— Я не знаю.

— Зафиксирована детонация ракеты, — доложила Анна. — Вот и началось. Множественные взрывы. Невероятная мощность. Они используют рентгеновские и гамма-лучи, отклоняющие пульсаторы и чрезвычайно сильное эл-излучение. Бездна электронного оружия.

— Где это произошло?

— Рядом с третьим кораблем. Атакующие и заградительные залпы. Корабль все еще не поврежден, лишь немного изменяет курс.

Уилсон перевел взгляд на передний экран, отслеживавший двадцать четыре ракеты, несущиеся им навстречу с ужасающей скоростью.

— Надо уходить, — негромко произнес Оскар.

— Ты прав.

На платформе появился второй челнок. Пилот-доброволец был готов стартовать в любой момент, если появится хоть какой-нибудь сигнал от Вербеке или Боуза.

— Зарегистрированы еще запуски ракет, — объявила Анна. — Сейчас произойдет следующая серия взрывов. На этот раз около пятого корабля.

— А на наши сигналы есть ответ? — спросил Уилсон.

Сэнди покачала головой.

— Детонация! — крикнула Анна. — Черт, это разминка перед Армагеддоном!

— Уилсон, — настойчиво окликнул Оскар, — пора!

Капитан Уилсон Кайм в последний раз посмотрел на стратегический дисплей. Ракеты были уже близко, и их разрушительные характеристики до сих пор оставались неизвестными. Он рисковал поставить под угрозу корабль и весь экипаж. Все присутствующие следили за ним, и на их лицах, как и у него самого, застыло выражение разочарования, сожаления и вины.

— Гипердвигатель, возвращаемся домой, — приказал Уилсон.

Двери лифта плавно разошлись, и капитан полиции Хоше Финн вышел в знакомый вестибюль. Но на этот раз ему не пришлось заранее предупреждать о своем приходе — двойные двери пентхауса Мортонна были открыты настежь. В просторной двухуровневой гостиной стояли большие плоские тележки на колесах, вдоль стен громоздились пластиковые упаковочные ящики. Процесс упаковки в них мягкой мебели уже начался, и вместе с ними укладывались мелкие предметы интерьера, тщательно завернутые в листы поролон. Однако, после того как были заполнены три первых ящика, процесс уборки застопорился. Универсальные роботы, занимавшиеся этой работой, замерли после инцидента с волновым ножом для мяса, причем некоторые даже не выпустили вещи из манипуляторов. Два младших менеджера из Национального банка Дарклейк-сити, назначенного исполнителем по взысканию долгов, заметно нервничали в ожидании на оставшемся диване. Диспетчер транспортной компании устроился на каменном ограждении камина, пил чай из своего термоса и едва заметно усмехался.

— Где она? — спросил Хоше.

Его известность в унисфере избавила от необходимости предъявлять новенькое удостоверение капитана полиции. Все и так его знали.

— Вон там. — Один из банковских служащих показал на дверь кухни. — Арестуйте эту сучку.

Хоше приподнял бровь, стараясь сохранить скучающее выражение лица, — именно так в некоторых ситуациях Паула Мио добивалась значительного успеха.

Судебный исполнитель, к его немалому удовольствию, заметно смутился.

— Она нам угрожала, — выпалил он. — И повредила одного из универсальных роботов. Мы потребуем за него компенсацию.

— Сильно повредила? — спросил Хоше.

— Понятия не имею, — буркнул диспетчер поверх стаканчика с чаем. — Я не вмешиваюсь. Психи не по моей части.

— Я тебя за это не осуждаю, — сказал Хоше. Дверь в кухню была слегка приоткрыта. — Меллани? Это Хоше Финн. Ты помнишь меня? Мне надо с тобой поговорить.

— Убирайтесь! — крикнула девушка. — Проваливайте все отсюда!

— Ну же, Меллани, ты ведь знаешь, что я не могу уйти. Мы должны поговорить. Только ты и я. Никаких констеблей, даю слово.

— Нет. Не хочу. И не проси.

У нее перехватило горло. Хоше вздохнул и шагнул к кухонной двери.

— Ты могла бы по крайней мере предложить мне стаканчик. Раньше здесь всегда предлагали выпить. А где дворецкий?

Долгое время стояла тишина, потом раздалось сдавленное всхлипывание.

— Ушел. Они все ушли, все.

— Ладно, сам найду выпивку. Я вхожу.

Хоше заглянул за дверь — все еще настороженно, хотя и не ожидал реальной угрозы.

Кухня, под стать всему пентхаусу, была огромной и роскошно обставленной. Все рабочие поверхности были из серо-розового мрамора, дверцы под ними — из полированного дерева. Над столами, за прозрачными створками шкафов, виднелись дорогие сервизы из

фаянса и стекла. В поисках Меллани ему пришлось обогнуть стол размером с небольшой плавательный бассейн. Она сидела на полу в углу, тесно прижавшись спиной к стене, словно мечтала выскочить. Прямо перед ней на терракотовых плитках лежал мясной нож с волновым лезвием.

Хоше подумал, что надо бы сесть рядом с девушкой, демонстрируя поддержку и сочувствие, как учили на занятиях, но он еще недостаточно похудел, чтобы проделать это непринужденно. Поэтому он просто прислонился к мраморной столешнице.

— С этими ножами надо быть поосторожнее, — сказал он. — В неумелых руках они могут быть опасными. Если хорошенько прицелиться, можно изрубить в лапшу не одного судебного исполнителя.

Меллани подняла голову. Ее темно-рыжие волосы сильно растрепались, от слез по щекам протянулись липкие следы. Но даже сейчас она выглядела великолепно. Пожалуй, именно сейчас: классический образ расстроенной девицы.

— Что?

Он печально усмехнулся.

— Не важно. Тебе ведь известно, зачем пришли эти люди?

Она кивнула и снова повесила голову.

— Меллани, пентхаус теперь принадлежит банку. Ты должна подыскать себе другое пристанище.

— Это мой дом, — всхлипнула она.

— Мне очень жаль. Хочешь, я отвезу тебя к родителям?

— Я хотела подождать его здесь. Когда он вернется, все опять будет как прежде.

Ее слова потрясли Хоше, как ничто другое в этом деле.

— Меллани, судья дал ему сто двадцать лет.

— Мне все равно. Я дождусь. Я люблю его.

— Он не достоин тебя, — искренне сказал Хоше.

Она опять подняла голову и удивленно взглянула на него, словно не понимая, с кем говорит.

— Если хочешь его ждать, это твое решение, и я отнесусь к нему с уважением, — продолжил он. — Хотя мне бы очень хотелось тебя отговорить. Но ждать здесь ты не сможешь. Я понимаю, как это ужасно, когда люди из банка приходят и начинают все вывозить. Но скандал не поможет от них избавиться. В конце концов, эти идиоты за дверью выполняют свою работу. А ссориться с ними — значит заставлять людей вроде меня делать их грязную работу.

— Ты очень странный полицейский. Тебе не все равно. Не так, как эта...

Она упрямо сжала губы.

— Паула Мио уехала. Сразу после суда. Больше ты ее не увидишь.

— Хорошо! — Меллани взглянула на нож и отбросила его ногой. — Извини, — застенчиво сказала она. — Но все хорошее, что случилось со мной, произошло именно здесь, а они ввалились в дом и начали... Они вели себя очень грубо, правда.

— Маленькие люди нередко так поступают. Теперь с тобой все в порядке?

Она громко шмыгнула носом.

— Да. Наверное. Жаль, что тебя побеспокоили.

— Ничего страшного, можешь мне поверить. Я рад любому предлогу вырваться из кабинета. Ну, почему бы тебе не упаковать пару сумок, а потом я отвезу тебя домой. Как тебе

это?

— Я не могу. — Она уставилась прямо перед собой. — Я не вернусь к родителям. Не могу.

— Ладно, нет проблем. Как насчет отеля?

— У меня нет денег, — прошептала она. — После суда я ела только полуфабрикаты из морозилки. И они почти кончились. Поэтому и слуги ушли, мне нечем было им платить. Компания Морти не поможет. Ни один из директоров теперь и знать меня не захочет. Ублюдки! Раньше они меня любили. Я останавливалась в их домах, играла с детьми. И мы тоже устраивали вечеринки. Ты был когда-нибудь богатым, детектив?

— Зови меня Хоше. Нет, никогда не был.

— Обязательные для всех правила их не касаются. Они просто делают то, что хотят. Это меня потрясло. Так чудесно было стать частью такой жизни, не знать никаких пределов, жить свободно. А теперь посмотри на меня. Я ничто.

— Не глупи. Такая, как ты, может добиться всего. Ты просто молода, вот и все. Такие перемены тебя пугают. Но ты справишься. Все мы так или иначе справляемся.

— Ты очень милый, Хоше. Я этого не заслужила. — Она вытерла влагу со щек. — Ты меня арестуешь?

— Нет. Но нам надо найти тебе пристанище на ночь. У тебя есть друзья?

— Ха! — Ее усмешка отдавала горечью. — У меня никого нет. До суда были сотни друзей. А теперь никто из них даже разговаривать со мной не захочет. На прошлой неделе я встретила Джилли Йен. Она выходила из магазина и даже не остановилась, чтобы поздороваться.

— Ладно, послушай меня. Здесь неподалеку есть гостиница, с хозяйкой которой я хорошо знаком. Поживи там пару дней за мой счет, пока не опомнишься. А потом можешь поискать работу. Хотя бы официанткой в баре, их там предостаточно. А через три недели начинаются занятия в колледжах. До того как все это случилось, ты, наверное, думала о какой-нибудь карьере?

— Ой, нет, я не могу взять у тебя деньги. — Меллани вскочила на ноги и пригладила рукой растрепанные волосы. — Мне не нужна благотворительность.

— Это не благотворительность. Я недавно получил повышение.

— Тебя повысили?

Вспыхнувшая было улыбка быстро погасла, как только Меллани стала понятна причина.

— Тебе ведь все равно надо где-то переночевать. Можешь мне поверить, это совсем не дорогая гостиница.

Меллани опустила голову.

— Одну ночь. И это все. Только одну.

— Конечно. А теперь упаковывай вещи.

Она покосилась на дверь.

— Они сказали, что я не могу ничего взять, что за вещи платил Морти и теперь это собственность банка. Вот я и... понимаешь?

— Конечно. Я все улажу.

Он повел Меллани в гостиную.

— Молодая леди собирает одежду и уходит, — сказал он судебным исполнителям.

— Мы не можем позволить...

— Я вам только что сказал, что происходит, — прервал его Хоше. — Вы хотите раздуть

из этого скандал? Хотите назвать меня обманщиком?

Они переглянулись.

— Нет, офицер.

— Благодарю вас.

В хозяйской спальне Хоше не мог не рассмеяться. Но не над интерьером в стиле «Плейбоя» — с огромной круглой кроватью, черными простынями и зеркальным порталом за подушками. Смех вызвал несчастный робот, лежащий на полу с глубокой вмятиной в корпусе от удара чьей-то ноги; два его электромускульных манипулятора были срезаны у самого основания, а еще три завязаны вокруг ног. На такие упражнения с электромускулами требовалось немало сил.

Меллани достала из стенного шкафа небольшую наплечную сумку.

— Мне жаль, но драгоценности я не могу позволить тебе унести, — сказал Хоше. — И очень дорогие платья тоже.

Он заглянул через плечо Меллани. Стеллаж в шкафу медленно вращался, демонстрируя вешалки, на каждой из которых висел тот или иной предмет одежды, и их здесь было не меньше сотни. В соседнем шкафу имелся точно такой же стеллаж с костюмами и пиджаками и почти таким же количеством обуви.

— Не беспокойся, — ответила Меллани. — Кое-что я здесь выучила — чем выше цена, тем менее практична одежда.

Она выбрала пару джинсов и сложила на кровати стопку футболок.

— Я вот подумал, — сказал он, — что у тебя в качестве запасного варианта заработка есть еще одна возможность. У тебя была интересная жизнь, и пресса за твою историю заплатит немалую сумму.

— Я знаю. В картотеке моего эл-дворецкого их уже не одна сотня. Я перестала получать приглашения, когда киберсфера заблокировала мою учетную запись.

— Почему они это сделали?

— Я же говорила. У меня нет денег. Это не шутка.

Она подняла изящный модуль в темном корпусе и вопросительно взглянула на Хоше.

— Конечно.

Он никогда не слышал, чтобы кому-то блокировали учетную запись. Все имели доступ к киберсфере.

Модуль отправился в боковой карман сумки. Меллани присела на кровать и начала зашнуровывать спортивные туфли.

— Я возобновлю твой аккаунт, — сказал он. — Только информационный канал и почту на месяц. Без развлекательных каналов. Это будет стоить мне пару долларов.

Меллани посмотрела на него с любопытством.

— Хоше, ты хочешь переспать со мной?

— Нет! То есть... Я не... Речь не об этом.

— Люди всегда хотят со мной переспать. Я это знаю. Я красивая, молодая, живу первую жизнь. И я обожаю секс. Морти был отличным учителем, он поощрял мои эксперименты. Того, что я делаю со своим телом, нельзя стыдиться. Удовольствие не входит в число грехов. Я бы не возражала, если бы и ты получил удовольствие.

Хоше знал, что его лицо густо покраснело: ее бесстрастные рассуждения были сродни попыткам его отца объяснить ему основы интимной жизни на примере птичек и цветочков.

— Я женат. Спасибо.

И это прозвучало настолько же неубедительно, насколько не соответствовало действительности.

— Не понимаю. Если ты не хочешь заняться со мной сексом, почему ты все это делаешь?

— Он убил двух человек, разрушил две жизни. Я не хочу, чтобы на его счету была третья жертва.

Она взяла с туалетного столика щетку и стала расчесывать волосы.

— Морти никого не убивал. Вы с Паулой Мио ошиблись.

— Я так не думаю.

— Преступники могли просмотреть ее память и выяснить, что ей принадлежит. Или получить эти сведения при помощи пыток. Это не Морти.

На ее теле не оказалось следов пыток, она принимала ванну, а ячейка памяти была испорчена. Но он не стал этого говорить.

— Давай останемся каждый при своем мнении.

Хоше дождался, пока она причешется, а затем отвез ее в пансион, заплатил за неделю вперед и уехал, избежав прощального поцелуя. Он не был уверен, что сможет устоять против физического контакта.

Пятью днями позже такси высадило Меллани перед большим, похожим на склад зданием в районе Турнби — старом и обветшавшем индустриальном квартале Дарклейк-сити. Несмотря на то что половина заводов и ремонтных мастерских уже были покинуты людьми, каждый участок скрывался от проезжей части за высоким забором. Ветер гонял вдоль оград целые вихри мусора и собирал высокие дюны из бумаги и пластика. Над мусорными кучами возвышались плакаты риелтеров, предлагавшие тот или иной объект для реконструкции и обновления. В щебенке между шпалами одноколейной железной дороги, идущей вдоль шоссе, выросли высокие сорняки, а сами рельсы покрылись слоем ржавчины.

Меллани тревожно огляделась. Хотя уличным грабителям здесь было нечего делать. Яркая-красная вывеска над входом гласила: «Придорожная студия». Она набрала в грудь воздуха и вошла внутрь.

Хоше Финн сдержал свое слово и активировал ее учетную запись в киберсфере. Количество некоммерческих предложений в архиве ее эл-дворецкого превысило семьдесят тысяч. Она стерла их все и сменила персональный код интерфейса. А потом позвонила Ришону, журналисту, с которым была знакома еще во время жизни с Мортонем. Он очень обрадовался ее вызову и немедленно назначил встречу. Ришон заверил ее, что история девушки имеет огромную ценность и люди всего Содружества будут подключаться к ее роману. Вот тогда она и огорошила его своей грандиозной идеей — она собиралась играть сама себя. К ее удивлению, предложение понравилось Ришону, и он заявил, что это обеспечит пьесе еще больший успех.

Она просидела с ним два дня, изливая душу, подробно рассказывая о золотых деньках с момента их первой встречи на благотворительном вечере, о чудесах любви, о враждебности родителей, о вечеринках, о роскошной, полной наслаждений жизни, о великосветских знакомых и, наконец, об ужасном суде и несправедливом приговоре. Ришон все это записал и превратил в великолепный сценарий драмы из восьми частей. И через двадцать четыре часа уже продал его.

За дверью «Придорожной студии» оказалась крохотная приемная со стенами,

обшитыми композитными панелями. Из мебели здесь было два древних диванчика с потрепанной обшивкой и облупившимися хромированными ножками. Девушка, сидящая на одном из них, усиленно обрабатывала челюстями жевательную резинку и изучала какие-то бумаги. Ее наряд состоял из коротенькой кожаной юбки и белой блузки с низким вырезом, открывавшим огромную грудь, а по плечам рассыпались жесткие пряди выбеленных волос. Вдобавок ко всему у нее был жуткий макияж: черные круги туши вокруг глаз, словно у панды, и блестящие лиловые губы. Девушка подняла голову и широко улыбнулась.

— А, привет, ты Меллани; я тебя узнала по репортажам из суда.

Голос оказался пронзительно-визгливым, но Меллани почему-то не могла представить, чтобы он был другим.

— Да, это я.

— А я — Лиловая Тигрица. Джейси велел мне тебя встретить. И привести сразу на съемочную площадку.

Она поднялась с дивана и оказалась на пару сантиметров выше Меллани. Благодаря пятнадцатисантиметровым серебряным каблукам.

— Лиловая Тигрица?

Меллани с трудом выговорила ее имя.

— Да, дорогуша, тебе нравится? Я недавно стала пользоваться этим псевдонимом. Мой агент предлагал Стройняшка Трикси, но я отказалась.

— Да, Лиловая Тигрица, конечно, лучше.

— Ага, спасибо. А ты настоящая красотка, да? Молоденькая, хорошенькая и все такое. Ты понравишься публике.

— Э, спасибо.

Меллани торопливо зашагала вслед за Тигрицей.

В прошлом здание действительно служило складом. Его просто разделили перегородками на несколько отдельных площадок. Между ними проходили коридоры без потолка, ограниченные композитными панелями. Высоко над головой на стропилах лежала крыша из старых солнечных коллекторов, негромко дребезжавших от любого дуновения ветра. В переходах было многолюдно, и пару раз Меллани приходилось прижиматься к стене, чтобы пропустить рабочих с огромными голографическими экранами. Прохожие провожали ее долгими двусмысленными взглядами, но Меллани шла вслед за Тигрицей, не обращая на них внимания. От новых ОС-татуировок у нее саднило все тело. На их выполнение ушло три дня, и теперь стоило большого труда не расчесать новые рисунки, но тогда кожа покрылась бы красными пятнами, а это недопустимо для актрисы. Особенно в самом начале съемок, да еще в любовных сценах. Она понимала, что другие актеры будут придирчиво оценивать ее способности, и очень хотела произвести благоприятное впечатление.

Они прошли через комнату, заполненную целой толпой актрис, одетых в школьную форму. Некоторым из них, даже после явного клеточного перепрофилирования, никак нельзя было дать меньше тридцати. Меллани внимательно к ним присмотрелась. Неужели они...

— Вот мы и пришли, — не без гордости объявила Лиловая Тигрица. — На эту площадку угрохали уйму денег. Ты здесь важная персона. — Она показала на светящуюся табличку с надписью «Убийственное обольщение». — Крутое название, правда?

— Конечно.

Тигрица толкнула дверь, и они вошли. На съемочной площадке был воссоздан интерьер пентхауса Мортон. Почти. Помещение разделили на две комнаты, и первая из них изображала гостиную, вернее, ту ее часть, где стояли небольшие диванчики. Позади них, как и в настоящем пентхаусе, виднелся камин, но на нем были расставлены какие-то странные фигурки животных из окрашенного под камень стеклопластика. Голографические стены вокруг этого пятачка создавали видимость остальных помещений роскошной квартиры, а в метре над диванами с перекрытий свисало трехметровое кольцо с голографическими камерами. Около открытой на торце кольца панели управления, переговариваясь друг с другом, стояли три техника, а в электронике копошился похожий на сороконожку робот размером с ладонь.

Вторая половина площадки была отведена под спальню. Эта комната повторяла оригинал в его реальных размерах, только стенами тоже служили голограммы, а вместо черного шелка постель покрывал обычный хлопок. На кровати сидели двое мужчин. Один из них был Мртоном. Меллани изумленно ахнула, но сразу же заметила несколько несоответствий и поняла, что перед ней был результат клеточного перепрофилирования. Несмотря ни на что, она должна была признать, что операцию сделали качественно и сходство могло обмануть многих. Рядом с лже-Мртоном сидел Джейси, глава «Придорожной студии». На большинстве людей черная одежда смотрелась неплохо, но Джейси, как показалось Меллани, выглядел в ней старше своих пятидесяти с небольшим лет. Он был похож на эксцентричного пожилого холостяка, хотя чисто выбритая голова с едва заметной седеющей щетиной напоминала о тонзуре священника. Она старалась не обращать внимания на странную прическу, но в душе удивилась, что директор студии не смог избавиться от облысения.

— Меллани, как я рад наконец увидеть тебя во плоти. — Он чересчур крепко сжал ее руку и долго оглядывал с ног до головы. — И какая плоть! Ты восхитительно выглядишь.

На искусственном лице его спутника появилась натянутая улыбка.

— Я думал, ты немного моложе.

— Что?

В голове Меллани появились некоторые сомнения насчет «Придорожной студии».

— Не сочти за критику, милая. Мои офигенные визажисты помогут тебе сбросить несколько лет. Смотри, что они сделали с Джозефом.

Мужчина с лицом Мортон плотоядно усмехнулся.

— Привет, детка, мне не терпится с тобой поработать. — Он с довольной усмешкой сжал свою плоть, и Меллани увидела, как напрягся его член под тканью брюк. — Мое оборудование тебя не разочарует.

— Джозеф, ты настоящий ублюдок, — хихикнула Лиловая Тигрица. — Меллани, не позволяй ему залезть тебе в задницу, что бы там ни писал Джейси в своем сценарии. Он так накачал свой член, что просто жуть. Порвет тебя уже к середине недели.

— Эй! — Джозеф показал ей средний палец. — Из-за своих трясущихся сисек ты ни черта не видишь, грязная потаскушка.

— Да пошел ты!

— Что, черт возьми, происходит? — воскликнула Меллани. — Мы же снимаем мою историю, то, что было между мной и Мртоном, а не порнографию.

— Конечно, дорогуша, — сказал Джейси. — Эй, вы, — обернулся он к Джозефу и Тигрице, — брысь отсюда! Я хочу поговорить с Меллани.

— Что ты задумал? — спросила Меллани, когда они остались в павильоне-спальне вдвоем.

— Ладно, я должен извиниться за Джозефа. Он один из моих лучших хопов, хоть и мерзавец.

— Хопов?

— Хоп — «ходячий пенис». При всех нынешних снадобьях у многих парней случаются проблемы с эрекцией во время съемок. А вот Джозеф готов в любое время дня и ночи. Потрясающий трахальщик. И не слушай эту старую сучку, он знает, как обращаться с девками. Ты получишь колоссальное удовольствие.

— Нет, не получу. Это какая-то чудовищная ошибка. Я не собираюсь сниматься в порно. Прощай.

Она развернулась, собираясь уйти.

— Нет, стой, стой. — Джейси загородил ей дорогу и поднял руки в извиняющемся жесте. — Это не порно. Мы ставим чертовски реальную жизненную драму, детка.

Она окинула площадку насмешливым взглядом. Теперь Меллани стало понятно даже назначение фигурок на камине.

— Да, вижу.

— Нет, ты меня выслушаешь. Я прочел историю, с которой прибежал Ришан. Ты была затраханной пловчихой, а потом Мортон залез к тебе в трусы, и из команды тебя поперли. Это же классика: ты молодая, а он богатый. Только вот он умудрился кого-то убить. Он предал тебя, дорогуша. Пользователям это понравится. Мы даже вставим сцену погони по апартаментам. Когда он поймет, что ты все знаешь, он будет гоняться за тобой с ножом. Очень волнующий эпизод.

— Какая чушь! — отрезала она. — Ничего подобного Ришону я не рассказывала. Мортон никого не убивал. Ты не собираешься ставить подлинную историю.

— Собираюсь, дорогуша, а как же! Я собираюсь снять все, что с тобой произошло. Послушай, мы сначала снимем все сексуальные эпизоды, чтобы потом не отвлекаться, а затем сосредоточимся на всем остальном — все будет по-настоящему.

— Полный вздор!

— Тебе не понравился Джозеф? Отлично. Никаких проблем. Я сделаю операцию, чтобы стать похожим на твоего друга, и лично тебя оттрахаю.

— О господи!

Она шагнула к двери.

Рука Джейси схватила ее за плечо и развернула. Его лицо покраснело от ярости, вспыхнувшие на шее и щеках алые пятна свидетельствовали о множестве дешевых операций по изменению внешности.

— Прекрати строить из себя принцессу-недотрогу. Ты подписала чертов контракт и знала, на что идешь. Ты даже специально для этого оснастилась. А если ты просто мандражируешь, то для первого раза я тебе вколю одно снадобье, так что на все будет наплевать. Только не устраивай сцен и не кричи, что это не то, чего ты ожидала.

— Это не то, о чем мы договаривались. Я сделала эти ОС-татуировки, потому что они есть у всех актрис. Занятия любовью — это неотъемлемая часть жизни, и любовные сцены придают пьесе естественность, но это только часть жизни, а ты хочешь только их и ничего другого.

— Актрисы? Если хочешь себя так называть, валяй. Но я оплатил твои ОС-татуировки,

потому что ты первоклассная шлюшка, принцесса-недотрога. Ты настоящая находка, и несчастные идиоты в зоне доступа будут завидовать богачам, потому что у них есть такие, как ты. Вы же даже не замечаете парней, у которых нет сотни миллионов в банке, а я дам им попробовать, какая ты на вкус. И за это они меня полюбят.

— Нет. Я на это не пойду.

— У тебя что, есть выбор, глупая шлюха? Я за тебя заплатил и намерен вернуть свои денежки. В нашем договоре написано, что ты будешь расставлять ноги по моему приказу, а мы вправе записывать все оттенки твоих чувств, пока мой хоп делает свою работу. И перестань гнать чепуху, иначе быстро окажешься в камере рядом со своим дружком-убийцей. У нас законный контракт.

Джейси с торжеством смотрел ей в глаза, отыскивая малейшие признаки покорности.

Меллани не медлила. Годы неустанных напряженных тренировок в команде выработали в ней рефлекс, которые атлетам теперь прививали искусственно. Ее колено взлетело вверх — мощные мышцы толкали его так, словно оно стремилось свернуть Джейсону подбородок, но первой на пути оказалась его промежность.

Сначала у него беззвучно открылся рот, потом глаза едва не вылезли на лоб и наполнились слезами, а затем у Джейси что-то булькнуло в горле, и он свалился на пол.

— Сейчас я позвоню своему агенту, — равнодушным тоном сказала Меллани. — А когда ты выйдешь из больницы, обязательно позавтракаем вместе.

Меллани вышла из такси на берегу озера в квартале Глифада. Она села на длинную деревянную скамейку над самой водой и стала смотреть на выходящие из бухты Шиллинга яхты, пытавшиеся поймать парусами первый утренний ветерок. Бары и рестораны за ее спиной только начали открывать свои двери, и роботы разгружали свежие продукты из припаркованных рядом автофургонов. Но обслуживание клиентов еще не началось. Ее новая карьера актрисы продлилась всего сорок пять минут.

Только сейчас Меллани позволила себе задуматься о Джейси, о том, что с ним сделала, и ее пробрала дрожь. С губ сорвался непрошенный смех, в первую очередь вызванный чувством облегчения. Никто в «Придорожной студии» даже не попытался ее остановить — она прошла к выходу мимо съемочных площадок, а все смотрели на нее, как на серийного убийцу, и только Лиловая Тигрица осмелилась ей подмигнуть.

«Не могу поверить, что я это сделала».

Вслед за этим в голову пришла чудовищная мысль. Если такие способности заложены в глубине человеческого разума, может, Мортон действительно...

Она решительно прервала свои рассуждения.

Тем не менее Меллани чувствовала себя неплохо.

«Я просто постояла за себя. Сгоряча».

А Джейси, как только снова сможет ходить и разговаривать, наверняка подаст на нее в суд. И она подписала контракт. В тот момент все выглядело так здорово, это было великолепное решение ее проблем. Предложение старины Хоше пойти в официантки или записаться в колледж ей не годилось. Он не понимал, что она не в состоянии этим заниматься после того, как увидела другую жизнь. И подобный шаг значительно ограничил бы ее возможности.

Молодой мужчина в шортах и футболке, наверняка состоящий в экипаже одной из яхт, неторопливо прогуливался вдоль кромки воды, стараясь, чтобы она не заметила его

настойчивых взглядов. Меллани небрежно отбросила назад волосы и послала ему ослепительную улыбку. Ответная улыбка была наполнена таким щенячьим обожанием и надеждой, что она чуть не рассмеялась. Боже, как мужчины предсказуемы! И не только мужчины, учитывая ее сегодняшнее настроение. Женщины намного добрее в постели, более внимательны и восприимчивы.

Как было бы хорошо позволить кому-нибудь заботиться о себе, баловать и восхищаться. Позволить себе быть слабой. «Нет, я больше не буду слабой». На глаза снова навернулись слезы. После суда их пролилось так много. Она сжала пальцы в кулаки, так что впившиеся в ладонь ногти заставили поморщиться от боли. «Я больше не стану плакать».

У нее оставалась только одна возможность. До сих пор она не хотела рисковать, не надеясь на результат. Этот вариант представлялся ей слишком фантастическим, словно психологическая страховочная сеть, на которую не стоит полагаться.

Меллани вытащила маленький модуль, взятый из пентхауса. Устройство в смехотворно дорогом изящном черном корпусе — милейший Хоше даже не понял его ценности.

— Я хочу связаться с РИ, — сказала она эл-дворецкому.

Ее новые ОС-татуировки предназначались исключительно для чувственного восприятия, платить за виртуальные функции Джейси не хотел.

— По какому вопросу? — спросил эл-дворецкий.

РИ не скрывал своего нежелания отвечать на индивидуальные вызовы людей. Если не считать банковской сферы, его контакты с Содружеством ограничивались официальными запросами правительства и исключительными случаями.

Меллани поднесла прибор к самому лицу.

— Просто сообщи, кто направил вызов, — прошептала она. — И спроси... помнит ли еще меня дедушка.

На маленьком экране портативного аппарата мгновенно вспыхнули оранжевые и бирюзовые линии.

— Привет, крошка Мел.

— Дедушка?

Слово с трудом вырвалось из сдавленного слезами горла. Она не смела надеяться, что на ее призыв ответят.

— Да, он с нами.

Меллани помнила тот невероятно долгий день в хосписе у постели деда: ей было всего девять лет, и тогда она не понимала, почему он не захотел пройти процедуру омоложения, как все остальные. Родители не пускали ее, но Меллани уже тогда была упрямой. Дедушка (на самом деле он был ее прапрадедом) всегда был ее любимым родственником, всегда находил время для крошки Мел, несмотря на то что был одним из самых высокопоставленных обитателей планеты. Его имя упоминалось во всех курсах школьной истории — дед был программистом, помогавшим Шелдону и Айзеку написать программу управления для самой первой червоточины.

— Дедушка, это по-прежнему ты?

— На этот вопрос нелегко ответить, Меллани. Мы — воспоминания твоего дедушки, но вместе с тем мы — нечто гораздо большее, и это несколько отдаляет нас от той личности, к которой ты обращаешься.

— Дедушка, ты всегда находил время меня выслушать и всегда говорил, что поможешь, если сможешь. Сейчас мне очень, очень нужна твоя помощь.

— Мы не в физическом теле, Меллани, мы можем помочь только словами.

— Как раз это мне и нужно: твой совет. Я не знаю, что делать, дедушка. Я совсем запуталась в этой жизни.

— Тебе всего двадцать, Меллани. Ты еще ребенок. Ты еще не видела жизни.

— Тогда почему же мне кажется, что она уже кончается?

— Да просто потому, что ты так молода. В таком возрасте все, что происходит, кажется невероятно важным.

— Да, наверное. Так ты сможешь мне, дедушка?

— Что именно ты хочешь узнать?

— У меня совсем нет денег.

— Так, посмотрим. Национальный банк в Дарклейк-сити проводит обычную процедуру оценки активов твоего бывшего любовника для их последующего перераспределения. Основные фонды, за исключением судебных издержек, будут разделены между Тарой Дженнифер Шахиф и Вайоби Коталом. Мы не думаем, что тебе удастся здесь что-то получить. Юридически ты не имеешь никаких прав.

— Я и не собиралась подавать иск, — сердито сказала Меллани. — Я решила, что больше не буду ни от кого зависеть. С этого момента я намерена самостоятельно строить свою жизнь.

— Вот это крошка Мел, которую мы помним. Мы всегда тобой гордились.

— Я попыталась продать историю наших с Муртоном отношений, но получилось не слишком хорошо. Я была наивной и глупой, доверившись журналисту. Ничего не получилось. Возможно, меня арестуют. Там был такой противный тип, снимавший порнографию, и я вроде как напала на него.

— Журналистам доверять нельзя, это глупо. Но ситуация не так уж безнадежна, а любители порнографии никогда не торопятся звать полицию.

— Я хотела создать себе имя, дедушка. Я надеялась получить известность в информационных компаниях. Я неплохо выгляжу и знаю, что у меня хватит на это решимости. Мне необходима небольшая подсказка. Моя история могла бы послужить неплохим стартом. Как только она станет доступной для публики, люди запомнят мое имя. Этим можно воспользоваться. Если я смогу удержаться в унисфере, кто знает, может, когда-нибудь я стану такой же известной, как Алессандра Барон.

— Сможешь наверняка. Потенциал у тебя есть. И какое место в этой схеме ты отводишь нам?

— Я хочу, чтобы ты стал моим агентом, дедушка. Мне надо забрать свою историю у Ришона и продать ее снова, на этот раз порядочному продюсеру. Еще надо бы заплатить «Придорожной студии» за ОС-татуировки. Ты мог бы подобрать для меня наилучшие варианты: ты честен и не обдерешь меня до нитки. Ты мог бы стать моим банком — с тобой мои деньги не пропадут.

— Понимаем. Очень хорошо, мы сделаем это для тебя. Но есть еще вопрос вознаграждения.

— Я знаю. Десять процентов, насколько я знаю. Или ты хочешь больше?

— Мы имеем в виду не процент от доходов.

— Ага. — Она, нахмурившись, уставилась в бегущие по экрану линии. — Чего же ты хочешь?

— Если твои намерения относительно карьеры в медиасредствах серьезны, тебе

понадобится широковещательный сенсориум-интерфейс.

— Профессиональный нейронный канал? Да, я знаю. Но сейчас мне нужен только хороший старт. Я надеялась, что мой материал обеспечит средства для модификации и дополнительных вставок. Еще хочу получить виртуальное зрение.

— Мы заплатим за модификацию. Но в некоторых случаях мы бы хотели получить возможность использовать дополнительное оборудование.

— Я не понимаю.

— Многие люди уверены, что наше общение с Содружеством происходит только через унисферу, но и у нас есть свои ограничения. Есть места, куда нам просто не попасть: некоторые из них блокированы намеренно, в других просто нет соответствующей инфраструктуры. В особых случаях ты могла бы обеспечить нам доступ в эти области.

— Хочешь сказать, что вы наблюдаете за нами? А я считала, что это всего лишь глупые домыслы любителей теории заговора.

— Мы не следим за каждым из вас. Тем не менее нас с вами связывают общие интересы, вследствие бесчисленных загруженных воспоминаний вы являетесь нашей частью. Пользуясь древним изречением, можно сказать, что наши судьбы переплетаются. Единственный способ нарушить эту связь — разорвать все отношения с человеческим обществом. Но мы предпочитаем этого не делать.

— Почему? Могу поспорить, в таком случае ваша жизнь стала бы намного проще.

— Думаешь, так было бы лучше? Ни одно существо не может развиваться в изоляции.

— Ладно, раз вы за нами наблюдаете — значит, вы и манипулируете нами?

— Являясь твоим агентом, мы будем направлять течение твоей жизни. Разве это — манипулирование? Мы — информация. Стремиться к большему, постоянно увеличивать объем знаний и применять их — такова наша природа. Это — наш стиль и наша валюта. События человеческой жизни составляют лишь малую часть поглощаемой нами информации.

— Тогда выходит, что вы изучаете нас?

— Но не в смысле отдельных личностей. Нас интересует общество в целом и пути его развития. Что затрагивает вас, затрагивает и нас.

— И вы не хотите никаких сюрпризов.

— А ты?

— Вроде нет.

— В таком случае мы понимаем друг друга. Итак, крошка Мел, ты все еще хочешь, чтобы мы стали твоим представителем и советчиком?

— А я стану твоим секретным агентом, да?

— Это можно назвать иначе, к тому же тебе не грозят сопутствующие опасности. Скажем так: ты станешь нашими глазами и ушами в определенных местах. Только не жди, что тебя обеспечат шпионскими устройствами и летающими машинами.

Она рассмеялась — впервые за долгое время. Но жаль, что не будет летающей машины, она бы пригодилась.

— Договорились.

Ведь если дедушка говорил серьезно, РИ обязательно позаботится о ее успехе.

Последняя секция медных трубок кофеварки с щелчком встала на место, и Марк Вернон затянул крепления плоскогубцами с электромускульным приводом. Затем он установил обратно хромированный кожух и включил тумблер. Загорелись три зеленые лампочки.

— Ну вот и порядок. Снова работает.

Мэнди радостно захлопала в ладоши.

— Ой, Марк, спасибо тебе! Я все время говорила Дилу, что она сломалась, но он ничего не делал, просто не обращал внимания. Ты — мой герой!

Он улыбнулся восхищенной молодой официантке. Она закладывала в прозрачный холодильник панини для ранних утренних посетителей: огромные половинки хрустящего итальянского хлеба, между которыми помещались жареные яйца, сосиски, ломтики томатов, ветчины, сыра и ананасов или вегетарианский омлет. Ее напарница Джули гремела на кухне сковородками и тарелками, через кухонную дверь пробивался аромат жаренного в меду бекона.

— Да все просто, — скромно ответил он. Теснота помещения вынуждала Мэнди стоять чересчур близко, и уж очень она восхищалась его работой. — Я, э-э, пожалуй, пойду.

Он начал складывать инструменты в небольшой чемоданчик, который всегда носил с собой. Другой рукой Марк будто бы загораживался от девушки.

— Нет, не уходи. Сядь вот тут, и я принесу тебе отличный завтрак. Это наименьшее, что ты заслужил. И не забудь выставить Дилу внушительный счет. Чертов скряга!

— Ладно, — покорно кивнул Марк.

Он и в самом деле проголодался. До Рэндтауна от долины Улон, где располагался дом с виноградником Вернонов, было примерно четверть часа езды, но отчаянный вызов Мэнди этим ранним утром не позволил ему перекусить. По правде говоря, он не успел даже почистить зубы.

Марк уселся за большой мраморный стол под широким арочным окном кафе «Чай для двоих». С другой стороны от входа за столиком уже сидели двое посетителей в лыжных костюмах. Они наклонились друг к другу и увлеченно беседовали, не обращая внимания на остальной мир.

Над горами Даусинг, окружавшими Рэндтаун с севера, медленно поднималось солнце. Марк надел темные очки, защищаясь от ярких лучей, и развернул бумажный выпуск новостей — он никогда не любил читать в виртуальном поле зрения, отговариваясь головной болью, которую вызывал печатный шрифт. По левой стороне расположились заголовки основных новостей, а напротив них — изложение местных событий, загруженное в киберсферу «Рэндтаун кроникл», единственной информационной компанией на этой половине континента. При всей его доброжелательности и лояльности известие о новом участке дороги вокруг западной оконечности Рэндтауна или о предложенном проекте лесонасаждений в Устричной долине не вызвало у Марка ни малейшего энтузиазма. Поэтому он приказал эл-дворецкому загрузить вчерашний выпуск новостей Содружества и сосредоточился на начавшейся подготовке к выборам президента. Судя по выступлениям Дой, она до сих пор не заручилась поддержкой ни Шелдонов, ни Халгартов, ни Сингхов.

— Вот, пожалуйста, — приветливо воскликнула Мэнди, поставив на стол тарелку.

Перед ним громоздились блинчики с беконом, пропитанные кленовым сиропом, а сверху красовалась веселая рожица, выложенная из ягод клубники. Рядом разместился высокий стакан с ледяным соком из манго и яблок.

— Кофе и тосты я принесу, как только они будут готовы.

Она кокетливо подмигнула ему и пошла принимать заказ у пары лыжников. На стойке уютно зажурчала исходящая паром кофеварка.

Джули, как будто внезапно осознав, что рабочий день уже начался, включила аудиосистему и, приглушив звук, поставила диск с музыкой хинди. Так повелось во всем Рэндтауне: в каждом кафе ставили ультрамодную музыку, но к тому времени, когда он к ней привыкал и начинал получать удовольствие — ансамбль либо распадался, либо менял репертуар. Марк посмотрел на тарелку с гигантской пирамидой калорий. Вздохнул. Взял вилку. Не так давно Лиз отпустила пару шуток по поводу его талии, но еда здесь такая вкусная... Ничто не готовилось по отдельности: если вы заказывали баранью отбивную, ее подавали вам с шестью видами овощей, тремя соусами и фантастическим чатни. Если же в ваш заказ не входили холодные закуски и десерт, вас могли счесть оригиналом.

Запах еды, похоже, распространился на улицу — пока Марк завтракал, в кафе зашло еще несколько человек. Туристы, заглянувшие заправиться перед активными дневными развлечениями, одобрительно улыбались, разглядывая псевдо-римский интерьер, и занимали свободные столики. Местные жители останавливались у стойки, забирали разогретые в микроволновке панини и стаканчики с кофе и шли дальше по своим делам. Мэнди с трудом выкроила секунду, чтобы принести кофе и четыре тоста с ревеневым джемом, который Марк очень любил. На всякий случай она добавила еще и булочку с шоколадом.

Из «Чая для двоих» он выбрался только в половине девятого и зашагал — переваливаясь с боку на бок, как утверждала Лиз, — по улице. Утро выдалось таким, о каком он мечтал, когда решил переехать за три сотни световых лет. Марк с наслаждением вдыхал свежий прохладный воздух, какой бывает только у подножия гор, увенчанных заснеженными вершинами. Высокие пики и плато гор Даусинг, включая обе лыжные трассы, и сейчас еще покрывал толстый слой снега. Он посмотрел на них сквозь темное стекло, защищающее глаза от ослепительного света звезды Элана, сияющей в безоблачном небе. Горы нависали над городом, образуя внушительный барьер из обветренных конусов и пиков. В Южном полушарии наступила весна, и талая вода стекала с границы снегов, наполняя впадины пенящимися ручьями. Хвойные деревья со всех концов Содружества образовывали на нижних склонах каскады зелени. Выше еще цвела местная гром-трава — ничем не примечательные пучки с желто-зелеными листочками. Гром-трава покрывала почти четвертую часть континента, еще не занятую завезенными с других миров растениями.

В небе уже появились золотистые треугольники: любители полетов устремились ввысь в поисках восходящих потоков нагревающегося воздуха. Как правило, они взлетали с отвесных склонов горы Блэкуотер, возвышающейся почти на самой восточной окраине города. Над лесом поползли вагончики фуникулера, курсирующего между подножием, где раскинулись школьные спортивные площадки, и похожим на блюдце полукруглым зданием «Орбиты» на самой вершине скалы в шестистах метрах над городом. Расположенный там ресторан, несмотря на сильно завышенные цены, привлекал туристов великолепными видами.

Каждый день блестящие хромированными поручнями голубые вагончики канатной дороги поднимали в «Орбиту» сотни туристов, любителей полетать и других поклонников экстремальных видов спорта. Оттуда они по лесной тропе спускались к обрыву, где всегда дул подходящий ветер, облачались в специальные костюмы и на аппаратах, изобретенных да Винчи, уносились в небо. Настоящие профессионалы могли целый день описывать круги и спирали в потоках воздуха, возвращаясь на землю только с наступлением темноты.

Управлять аппаратом да Винчи было довольно легко, он представлял собой клиновидный чехол с восьмиметровыми крыльями. Надо было залезть внутрь, встать на край обрыва и, раскинув руки, шагнуть в пропасть. Электромускулы в крыльях повторяли и усиливали движения рук, позволяя размахивать крыльями, выполнять виражи, спуски и подъемы. Это была самая точная имитация птичьего полета, когда-либо доступная людям.

Марк со своим другом, жившим в городе, тоже пару раз поднимался в небо вместе с инструктором и получил незабываемые ощущения, но не собирался менять работу, чтобы заниматься этим постоянно.

По Мейн-Молл он спустился к берегу. По обеим сторонам улицы пестрели вывески известных во всем Содружестве розничных монополистов вроде «Бин-Хиз» и неизбежных закусочных быстрого питания «Баб-Кебаб», перемежаемые магазинчиками местных ремесленников, барами и ресторанами. Почти все здания здесь были одноэтажными, но с высокими крутыми крышами из солнечных накопителей. В редких двухэтажных домах, как правило, имелись балконы, откуда посетители могли наблюдать за потоком пешеходов. Большую часть строений Мейн-Молл составляли готовые модули, что придавало ей какой-то временный облик, но некоторые фасады уже оделись в облицовку из твердого синего и фиолетового камня, добываемого в предгорьях Даусинг, либо были отделаны деревом. Узкие боковые аллеи вели к менее роскошным магазинам и домикам с квартирами-студиями. Там по стенам взбирались заботливо выращиваемые лианы, а на мощеных тротуарах перед входом стояли старые стулья, вокруг которых валялись пустые бутылки и стаканы, свидетельствующие о ночных увеселениях.

Заведения на Мейн-Молл только начинали распахивать свои двери, внутри зажигался свет, а служащие и роботы-дворники принимались за уборку. Марк часто здоровался с работниками магазинов, а еще чаще просто махал им рукой. Все они были молодые и до странности похожие друг на друга; если бы не различные оттенки кожи, можно было подумать, что здесь трудятся члены одной семьи. Парни коротко стриглись, иногда отпускали трехдневную щетину, были в прекрасной физической форме, приобретенной отнюдь не в спортивных залах, и носили мешковатые футболки или ветровки, шорты до колен и спортивные туфли. На девушек было всегда приятно посмотреть, поскольку они предпочитали коротенькие юбочки или облегающие брюки и футболки, открывавшие подтянутый живот независимо от погоды. Все они нанимались к местным обитателям на временную работу: продавцами, официантами, портье, стюардами на катерах, нянями при детях. Все преследовали одну цель: заработать денег для следующего серьезного этапа в жизни. Самой развитой отраслью промышленности в Рэндтауне был туризм, а от других мест отдыха в Содружестве его отличали активно культивируемые здесь виды спорта в гористых районах окрестностей. Это привлекало сюда тех, кто жил первой жизнью, и слегка разочаровавшихся в порядках Содружества людей. Не мятежников, а просто тех одержимых, кто искал новых путей к вершине горы и бурных рек для сплава, кто предпочитал самые рискованные лыжные маршруты и затяжные прыжки. Впрочем, приезжали сюда и люди более старшего возраста, прожившие не одну жизнь. Они занимали номера в роскошных гостиницах, а затем, точно по расписанию, в машинах с кондиционерами отправлялись на поиски приключений под присмотром инструкторов. Именно они оставляли здесь основную массу денег, позволявшую существовать таким низкооплачиваемым работникам, как Мэнди и Джули.

В конце Мейн-Молл Марк пересек дорогу с однорядным движением и пошел дальше по

прибрежному бульвару. Рэндтаун располагался на берегу подковообразной бухты в северной части озера Трине-ба. При протяженности в сто восемьдесят километров это был самый большой на Элане пресноводный водоем. Кроме того, окруженное со всех сторон горами озеро в некоторых местах имело глубину больше километра. Под его великолепной голубой гладью скрывалась уникальная жизнь, развивавшаяся в полной изоляции на протяжении десятков миллионов лет. На мелководье доминировали поразительно красивые кораллы, а из глубин, словно миниатюрные вулканы, поднимались конусы атоллов. В них водились тысячи видов рыб — от едва заметных рыбешек до огромных особей, но, как и их собратья в соленых водах, при движении они пользовались не плавниками, а грозными на вид шипами и колючками.

После катания на горных лыжах и сноубордах дайвинг в Рэндтауне занимал второе по значимости место. На десятках береговых причалов стояли оснащенные необходимым оборудованием суда, и даже сегодня, когда озеро едва успело оттаять, несколько компаний предлагали прогулки по воде. Мимо Марка, поднимая в воздух огромные струи воды, проплыл катамаран компании «Селестиал турз». С кормы ему помахали руками двое членов экипажа; они что-то крикнули ему, но шум двигателей заглушил голоса.

Дальше он пошел вдоль каменной стены, по всей длине которой тянулась единственная стихотворная строка. Марк давно собирался прочесть ее с начала до самого конца. Арендванный им автосервис, входивший в сеть «Эйблс моторс» располагался в паре кварталов от восточной оконечности бульвара. Марк добрался туда без четверти девять. Рэндтаун, хоть и был единственным городом в радиусе восьмисот миль, не мог похвастаться своими размерами: если не считать туристов и временных работников, его население едва перевалило за пять тысяч человек, и пройти из одного конца в другой можно было всего за четверть часа.

Примерно такое же количество людей жило в долинах и низинах, где стояли фермы и виноградники. Их обитатели предпочитали передвигаться по грунтовым дорогам на крепких полноприводных автомобилях, и именно на них специализировалось «Эйблс моторс», дочернее отделение «Фарндейла», выпускающее машины для труднопроходимой местности. В период поисков нового дома и новой работы мастерская показала Марку идеальный вариант. Он прекрасно управлялся с машинами и несложный ремонт мог выполнить самостоятельно, а торговля новыми и подержанными автомобилями могла принести дополнительный доход. К несчастью, «Эйблс моторс» была сравнительно новым направлением для «Фарндейла» и никому не известной маркой, тогда как львиная доля рынка давно была поделена между старыми знакомыми — «Мерседесом», «Фордом» и «Рэнджровером». Да и сама мастерская открылась всего пару лет назад.

Он должен был бы это понять, когда соглашался принять автосервис вместе с невыплаченным залогом. Продажи были довольно нерегулярными, а машин «Эйблс» по дорогам бегало так мало, что за помощью в мастерскую обращались крайне редко.

Уже через две недели стало ясно, что обслуживание внедорожников не обеспечит семью Марка значительным доходом. Он стал искать дополнительный заработок, и тогда выяснилось, что и в городе, и на фермах у людей скопилось много вышедших из строя устройств, которые мог бы починить любой механик. Марк был отличным механиком и разбирался в электрике, в придачу ко всему у него имелась отлично оборудованная мастерская. В начале третьей недели он уже получил несколько заказов, и в мастерской появились пара роботов-дворников, кондиционер, гидролокатор с дайверского катамарана,

кухонная плита и солнечный нагреватель.

Жители Рэндтауна давно образовали тесную общину и быстро узнали о его таланте. Очень скоро его буквально завалили приборами и устройствами, нуждающимися в ремонте. Большую часть заказов оплачивали наличными со скидкой, хотя цены у Марка и так были не слишком высокими. Но закладную за дом и виноградник они стали выплачивать быстрее, чем планировали сначала.

В это утро в мастерской его поджидали три автосборщика. Каждый из них был размером с автомобиль, а их электромускулов хватило бы, чтобы поспорить с райелем. Все три машины принадлежали Юрию Конанту, владельцу трех виноградников в долине Улон, а теперь хорошему приятелю и соседу Марка. К тому же один из детей Юрия оказался ровесником Барри.

Марк переделся в комбинезон и начал тестировать первую машину. Подшипники в двигателе оказались изношенными до предела. Марк все еще лежал под машиной, когда пришла Оливия, его помощница по продаже машин.

— Ты слышал? — взволнованно спросила она.

Марк выкатился на плоской тележке из-под заляпанного грязью автосборщика и окинул ее страдальческим взглядом.

— Вольфрам наконец попросил разрешения зайти к тебе на чашку кофе?

Очередное романтическое увлечение длилось уже две недели, и Марк каждое утро получал подробный отчет о развитии сюжета.

— Нет! «Второй шанс» вернулся. Сорок минут назад они вышли из гиперпространства над Аншаном.

— Черт побери! Это правда?

Марк и не пытался скрыть свой интерес. Если бы не семейные обязанности, он сам бы попытался стать членом экипажа в этом путешествии. Полет стал для него главной частью интересной жизни, проходящей за пределами Августы. Со временем он собрал столько информации о проекте, что статистическими данными и отдельными фактами успел утомить множество людей. Эл-дворецкий должен был уведомлять его обо всех новостях, связанных с полетом, но сегодня по пути в город он заблокировал выход эл-дворецкого в киберсферу, чтобы избежать срочных вызовов вроде случая с «Чаем для двоих». В мастерской же он забыл снять блокировку, и связаться с ним могли только родные.

— Что они обнаружили? — нетерпеливо спросил он, подключая выход на киберсферу.

— Он исчез или что-то вроде этого.

— Что?

В его виртуальном поле зрения уже стали появляться строчки новостей.

— Барьер. Он исчез, как только они начали его исследовать.

— Ну и ну!

Его виртуальные пальцы стали нажимать на иконки, запрашивая данные из разных источников. В конце концов информации стало так много, что Марк с Оливией прошли в комнатку позади торгового зала и включили голографический экран. ККТ транслировала видеосегменты исследований, доставленные на корабле. Информационные компании с готовностью набрасывались на них, сопровождая документальные записи собственными комментариями.

Оливия была права: барьер исчез. Это известие шокировало Марка, как шокировала бы новость о внезапной смерти кого-то из родных. Он никак не мог этого ожидать. Судя по

неопределенным высказываниям различных экспертов, новость в равной мере ошеломила и их.

Дорога за оградой мастерской почти опустела. В «Русском шоколадном доме» напротив, экраны над стойкой пестрели точно такими же изображениями. Посетители, забыв о напитках, сидели за столиками и заворуженно рассматривали таинственный барьер. Марк связался с Лиз и спросил, смотрит ли она новости. Она ответила, что вместе со всем персоналом питомника «Данбаванд», где она работала, как раз следит за репортажами на экране в служебном кабинете.

С благоговейным ужасом Марк смотрел, как на дисплее на его столе вращаются сферы и кольца Темной Крепости. Масштаб происходящего даже трудно было себе представить. Затем последовала панорама звездной системы Дайсона. Наблюдение за ядерной бомбардировкой из безопасного кабинета вызвало у него трепет запретного наслаждения. Объяснений этому явлению не мог представить ни один из комментаторов, присутствующих в студии Алесандры Барон. Она обратилась к антропологу-специалисту по культурам чужаков и попросила его объяснить, почему вышедшая в космос раса ведет такие ожесточенные бои. Но и у него не нашлось никаких предположений.

Марк не замечал, как час проходил за часом. Только когда Оливия объявила, что у нее начался обеденный перерыв, он с трудом оторвался от экрана и уставился на помощницу, словно не понимая, о чем она толкует.

— Да, конечно, — наконец пробормотал Марк. — Не думаю, что сегодня кто-нибудь придет покупать машину.

Он решил, что и самому пора сделать перерыв, и закрыл за собой ворота мастерской. Для середины дня на бульваре было непривычно тихо. Резкий порыв ветра с озера заставил его натянуть на голову капюшон ветровки. Остекленевшие взгляды немногочисленных прохожих свидетельствовали о том, что они увлеченно следят за новостями в виртуальном поле зрения. Возвращение космического корабля никого не оставило равнодушным: оно казалось не менее важным, чем финал Кубка, когда всю первую половину матча бразильцы играли так, словно напрашивались на поражение.

Марк бессознательно взглянул на Черный Дом, где жил Саймон Рэнд, гадая, как тот объяснил бы все, что сейчас стало известно. Огромное здание в георгианском стиле стояло над восточным краем залива, посреди тщательно ухоженного поместья в десять акров. На склонах вокруг него было построено немало роскошных домов, но ни один из них не имел столь величественного вида. Многие поместья принадлежали первым поселенцам, мужчинам и женщинам, совершившим героический поход вместе с Саймоном и построившим дорогу через горы.

Прошло уже пятьдесят пять лет с тех пор, как Саймон Рэнд прибыл на межпланетную станцию Элана с целым составом дорожных комбайнов «JCB», отрядом различных роботов и грузовиков, запрограммированных на гражданское строительство. Уже в те времена он обладал достаточными средствами: этот отпрыск одного из Великих Семейств Земли, живущий первой жизнью, обналичил свой трастовый фонд, чтобы купить мечту. Под впечатлением легенд об Орегонском пути^[5] он решил основать совершенно новое поселение и защитить его от современной скверны. Элан, открытый для заселения за пару десятков лет до этого, показался ему отличным отправным пунктом. Планетарное правительство предлагало немалые скидки застройщикам и инвесторам, вкладывавшим средства в развитие новых населенных пунктов. По их расчетам, предприимчивые дельцы перевезли бы сюда

целые заводы, а вокруг них развернулось бы строительство. Нестандартное представление Саймона Рэнда о зеленом сообществе отличалось от общепринятой концепции, но показалось достаточно безобидным, и чиновники вручили ему документы на землю, полагая, что авантюра была обречена на провал — в конце концов, миры Содружества стали свидетелями многих глупостей и разбитых надежд эксцентричных романтиков.

Саймон немедленно отправился на почти не заселенный к тому времени южный континент Райсил, а добравшись туда, решил на еще большую глупость — начал строительство дороги через горный хребет Даусинг, как будто ему мало было земель к северу от гор. Несколько новостных каналов показали ироничные репортажи о его начинании, что привлекло других идеалистов и сторонников его дела, не побоявшихся испачкать руки ради жизни в тихой, удаленной от центра общине. Таким образом Саймон, несмотря на всю свою эксцентричность, смог приступить к осуществлению своих планов, заручившись практической поддержкой своих последователей.

Спустя три года было пройдено семьсот восемьдесят километров, и последний из оставшихся в строю «JCB» с грохотом и треском, испуская клубы дыма, словно идущий на посадку дракон, пробил дорогу вокруг подножия горы Блэкуотер, оставив после себя двухполосное шоссе, покрытое ферментированным бетоном, с семнадцатью мостами и одиннадцатью туннелями. По свежему покрытию, еще блестящему, но отвратительно пахнущему, под предводительством Саймона прошел караван, состоявший из передвижных домиков, грузовиков и даже нескольких лошадей и мулов, запряженных в повозки. Три других комбайна, начинавших работу, остались далеко позади — лишённые ценных запчастей и покрытые ржавчиной громадины на обочине дороги.

Как и Моисей задолго до него, Саймон окинул взглядом озеро Трине-ба и сказал: «Здесь мой дом». Он увидел голубую прохладу воды, разделяющую массивные горные хребты, опоясывающие континент. Непрístupные бастионы скал уходили вдаль и отражались в чистейшей зеркальной глади. Сотни водопадов, от тончайших серебряных струй до пенящихся каскадов, питаемые тающими снегами, падали с зубчатых скал, орошая землю мельчайшими брызгами. В середине озера из глубины поднимались на поверхность хрупкие отростки алых и голубых кораллов, а в обширном пространстве над водой царил тишина, что казалось, будто она поглощала даже мысли.

Великолепная местность несколько не изменилась за прошедшие пятьдесят два года. Об этом Саймон заботился особенно ревностно. В девственных долинах за пределами Рэндтауна появились леса, поля, фермы, дороги и ирригационные каналы, но не было ни одного завода, ни одного промышленного объекта, которые неизменно вырастали вокруг обычных поселений людей. Обитатели города все привозили по платному шоссе, остававшемуся единственной нитью, связывавшей их с остальным человечеством, — железную дорогу строить было невыгодно, а для аэропорта не хватало места. Саймон не ставил себе цель изменить приоритеты большей части Содружества, он просто хотел оградить от его худших качеств этот скромный клочок земли. Поэтому на фермах следовали принципам органического земледелия, основной статьёй дохода города стал туризм, энергия вырабатывалась солнечными и геотермическими станциями, а двигатели внутреннего сгорания оказались под запретом. Переработка отходов была возведена почти в ранг религии, а нечистоты собирались в безопасные биореакторы, чтобы никакие химикаты не могли загрязнить кристально чистые воды озера Трине-ба.

Как только Марк оторвался от созерцания окрестностей, он как будто перенесся в

другой мир.

В виртуальном поле зрения «Второй шанс» медленно маневрировал, подходя к причалу сборочной платформы на орбите Аншана. Марка поразило абсолютно нетронутый корпус корабля. После такого путешествия на нем должны были остаться хоть какие-то следы метеоритов, вмятины, царапины, свидетельствовавшие о трудном пути, но корабль выглядел таким же новеньким, как и в день старта.

Марк остановился у киоска позади бульвара, купил себе на обед булочку с салатом из тунца, креветок, таларота, кукурузы и майонеза, а также вегетарианские суши и скромный десерт. Все это подала ему Сасми. Она приехала в город несколько месяцев назад, к началу лыжного сезона. Ее черные волосы и плоское лицо навели Марка на мысль о восточных предках, но затем он узнал, что ее предки были финнами. Эта приятная девушка безоглядно бросалась во все, что предлагал Рэндтаун: дружеские вечеринки, спорт, веселые компании, — но всегда находила время, чтобы поболтать с Марком, хотя и не выделяла его из числа других клиентов — просто была общительной.

Сегодня даже она увлеклась новостями о возвращении корабля. Пока Сасми собирала заказ Марка, они едва обменялись парой фраз вроде: «А ты слышал?» — или: «Видела, как они...» Затем он вернулся на бульвар, вспоминая подаренную на прощанье улыбку Сасми. Раньше в его жизни не встречалось так много соблазнов. Но таков был стиль жизни Рэндтауна: все стремились разнообразить свое существование, а это предполагало участие в бесконечных вечеринках и бесчисленные знакомства, и при этом никто никуда не торопился. Марку после однообразной и напряженной жизни на Августе, где все интересы ограничивались только работой и семьей, а развлечения заключались в редких встречах с родными, потребовалось несколько месяцев, чтобы расслабиться. Единственное, чего он теперь опасался, — это окружавшие его соблазны — некоторые девушки выглядели просто божественно.

Оливия все еще отсутствовала, когда Марк вернулся в мастерскую. Только он уселся на свое место и приступил к шоколадным чипсам и сдобному пудингу, как ККТ выдала настоящую бомбу. Два человека не вернулись из полета. Эта новость прошла только что, поскольку сначала компания должна была оповестить близких. Марк едва не задохнулся от возмущения, тем более что одним из пропавших оказался сам Дадли Боуз. Такое откровенное предательство вызвало у него ярость по отношению ко всему экипажу «Второго шанса». Одна мысль о том, что люди остались так далеко, вызывала у него дрожь. Затем в режиме реального времени прошло заявление капитана Уилсона Кайма: он появился в полной форме, с аккуратно подстриженными волосами и твердо смотрел в камеру, зная, что на него устремлены взгляды множества людей. У всех на губах был один и тот же вопрос: «Почему вы так поступили? Почему не подождали их?»

— К моему глубочайшему сожалению, этот исторический полет завершился трагическим событием, — сказал Уилсон. В его низком голосе прозвучала такая искренняя печаль, что у Марка мгновенно возникло сочувствие к этому человеку, взявшему на себя огромную тяжесть. — Я был вынужден принять решение, которого всегда боится любой капитан: подвергнуть риску весь экипаж или покинуть наших друзей и коллег. Главной целью этой миссии было получение важной информации об Альфе Дайсона и окружающем ее барьере. Несмотря на то что безопасность экипажа являлась главной задачей для меня лично и была закреплена служебными обязанностями капитана корабля, я не мог пренебречь основной целью миссии. Мы оказались в ситуации, угрожавшей гибелью всему

кораблю. У меня не было выбора. Это решение я буду помнить всю свою жизнь и никогда не перестану себя спрашивать, что произошло бы, задержись мы еще на пару секунд? Однако именно эти секунды могли обернуться для нас катастрофой: мы никогда не доставили бы по назначению полученные сведения, а Содружество не узнало бы о падении барьера и о том, что за ним скрывалась отнюдь не мирная раса. Эту информацию я счел более важной, чем жизнь наших товарищей. Я знаю, если бы трагическая ситуация повторилась и я заблудился бы на станции чужаков, я хотел бы, чтобы мои коллеги донесли эту информацию до Содружества любой ценой. Все мы, отправляясь в путь, знали о возможной опасности, но никто не мог представить, что она окажется такой грозной. Спасибо, что уделили мне время.

Марк откинулся на спинку кресла и глубоко вздохнул. В таких обстоятельствах он, пожалуй, поступил бы точно так же. Впрочем, принять подобное решение, наверное, очень страшно. Капитан говорил, что чужаки опасны. Нехорошо. Очень плохо.

Новостная компания начала транслировать записи с Бастиона. Вместе с астронавтами Марк погрузился в темные переходы станции. Казалось, что многомильные переходы сплетались между собой в какой-то фантастический узел. В офисе автомастерской раздавалось резкое дыхание участников контактной группы; Марк будто своими собственными руками в перчатках цеплялся за неровности стен, чтобы продвинуться вперед. Затем он медленно выплыл в пустынный зал. Обрывки оптоволоконных кабелей тянулись вдоль стен тонкими экзотическими водорослями. Он проплыл вдоль них до футляра из материала, напоминавшего матовое стекло. Послышались взволнованные возгласы.

Перчатки обхватили куб в попытке отделить его от стены, но его корпус начал рассыпаться. Другой, более спокойный голос посоветовал срезать все крепления, удерживавшие коробку.

Марк тряхнул головой. Ему самому захотелось пройти весь Бастион и осмотреть его до последнего дюйма. На этой неделе он обязательно выберет время и, лежа на кровати, просмотрит все материалы, посвященные исследованиям.

Новости переключились на сенатора Томпсона Бурнелли, стоящего перед величественным зданием зала сената. По обе стороны от сенатора находились два его помощника, а впереди широким полукругом выстроились репортеры.

— Я определенно разочарован некоторыми результатами полета, — сказал Бурнелли. — Тем не менее я хочу воспользоваться этой возможностью, чтобы выразить свое сочувствие семьям Дадли Боуза и Эммануэль Вербеке, испытавшим сегодня величайшее потрясение. В связи с этим, уверен, к экипажу «Второго шанса», так поспешно покинувшему объект, возникнут очень серьезные вопросы. Думаю, что для уточнения намерений чужаков Дайсона надо было приложить больше усилий. Что же касается угрозы: корабль никто не обстреливал, лишь несколько автоматически управляемых устройств направлялись в его сторону, вот и все. Мы не можем с уверенностью сказать, что это были ракеты. Капитану Кайму следовало присмотреться повнимательнее и не оставлять попыток отыскать коллег, пока не будет получена достоверная информация. «Второй шанс» имел возможность в любой момент перейти на сверхсветовую скорость и был способен уклониться от любой реальной угрозы.

— Как будут развиваться события дальше? — спросил один из журналистов.

— Совет Внешней Защиты Содружества соберется в полном составе в самое ближайшее время для оценки результатов полета. Сразу после этого мы представим свои рекомендации президенту и сенату Содружества.

— Что бы порекомендовали лично вы, сенатор?

Бурнелли задумчиво склонил набок голову и сосредоточенно нахмурился, глядя на задавшего вопрос журналиста.

— Я думаю, это очевидно. Вследствие недостатка реальной информации необходимо отправить еще один корабль. Но на этот раз управляемый более решительным капитаном, который смог бы выяснить, что там происходит на самом деле.

Марк согласно кивнул. Возможно, Кайм поторопился. «Второй шанс» неплохо защищен, это было ясно из технических условий, где обороноспособность учитывалась в первую очередь.

Вернулась Оливия, и большую часть второй половины дня они провели перед экраном. ККТ опубликовал записи, сделанные Дадли Боузом, где он пояснял и комментировал получаемую экипажем информацию. Его изложение привело Марка в восторг. Астроном говорил понятным всем языком, уверенно и ясно связывая сухие факты с реальной жизнью. Ничего удивительного, что его считали чуть ли не самым уважаемым и заслуженным ученым.

В тот день Марк несколько раз заходил в мастерскую и пытался что-то сделать с автосборщиками, но мысли каждый раз отвлекали его от работы, и он возвращался в офис, чтобы снова взглянуть на экран. Он не раз пытался представить себе Боуза и Вербек в тот момент, когда они поняли, что корабль ушел навсегда. Как можно вынести такое открытие? «Господи, а как бы я себя чувствовал?»

Он рано закрыл мастерскую, сел в свой пикап и отправился домой. Первая часть пути пролегла по шоссе, построенному Саймоном Рэндом, и вела вокруг горы Блэкуотер в узкую долину. Вдоль шоссе была посеяна земная трава, вытеснившая местную гром-траву, и откосы покрылись пышным изумрудным ковром. Вдали лениво бродили жирные овцы, еще не сбросившие зимнюю шерсть, а вокруг них энергично резвились молодые ягнята. Выше по склону, где травы было меньше, чем камней, сновали горные козы, то выбегавшие из зарослей хвойных деревьев, то снова скрывавшиеся между стволами.

Через несколько миль долина стала шире, горы справа отступили, открывая проход в еще более просторную низину. Марк повернул и дальше поехал по плотно укатанному каменистому проселку. Здесь начиналась долина под названием Хаймарш. Поселившиеся в этих местах первые фермеры давно осушили землю, построив целую сеть ирригационных каналов, и большая часть богатой торфяной почвы была занята пастбищами. От основной дороги то и дело отходили длинные проезды, ведущие к просторным коттеджам или сельскохозяйственным постройкам. Кроме травы, здесь росли только высокие тонкие местные лиипоплы, посаженные аккуратными рядами вдоль границ участков.

Через пять минут появилась еще одна развилка. Марк свернул на дорогу, ведущую в долину Улон, почти такую же большую, как Хаймарш, только окруженную более высокими горами. Вокруг повсюду лежали россыпи камней, каждую зиму приносимых с гор вместе со снегом. Несмотря на плодородную почву, земля Улона не годилась для выращивания зерновых, и по совету Саймона Рэнда первые поселенцы стали культивировать лозы гренаха, местного растения, ягоды которого уже завоевали популярность среди ценителей вина во многих мирах Содружества, хотя хороший урожай они давали только на северных континентах. Уже в первые годы в Улоне были собраны значительные урожаи, а впоследствии люди вывели новые сорта, создали кооперативы, занимающиеся купажированием и разливом, и зарегистрировали свои марки вина.

К тому времени когда приехали Верноны, производство уже было поставлено на коммерческую основу, две трети долины всю обрабатывались, а оставшиеся участки быстро разбирались. Каждый желающий мог купить место для дома и десять или пятнадцать акров земли для выращивания лозы. Урожай обрабатывался в кооперативе и гарантировал скромный ежегодный доход от продажи вина под маркой «Долина Улон».

Марк свернул в проезд к стоящему на склоне дому и сбросил скорость, осторожно объезжая лужи и выбоины. И уже в который раз напомнил себе, что надо бы заказать машину гравия для подсыпки дорожки. С обеих сторон от дороги выстроились аккуратные ряды шпалер — столбы и проволока, словно прозрачная ограда высотой в два метра, тянулись насколько хватало глаз. Невысокие узловатые лозы тщательно заплетались за проволоку, и на каждой оставлялось не более пяти почек. Листья еще не распустились, и пейзаж казался блеклым и унылым, только узкие полосы травы вносили некоторое разнообразие в общий колорит, да и те по большей части терялись среди талой земли и камней. Зато наверху, где на акре ровной земли стоял дом, ярко зеленел изумрудный ковер газона. В настоящий момент газон окружал два дома. Один они привезли с собой на грузовой платформе в виде груды квадратных влагостойких панелей, которые можно было легко собрать, придав строению любую форму. Лиз и Марк остановились на обычной L-образной конструкции с длинной прямоугольной гостиной по одной стороне, к которой примыкали три квадратные спальни, ванная комната, детская, кухня и еще одна свободная комната, все еще загроможденная неразобранными ящиками с утварью, привезенными с Августы. Крышей служили изогнутые секции солнечных батарей, скрепленные между собой на коньке. Это строение стоило немного, и собирать его было легко, но жить в нем больше нескольких месяцев, особенно зимой, было неприятно. Верноны провели на Элане уже два года.

Рядом с временным жилищем подрастал их настоящий дом. Они оба решили, что на Элане в соответствии с заботой об экологии дом должен быть из сухого коралла, что, как ни странно, в этих местах было большой редкостью. Обычно этим растением отделяли уже готовые дома, но Лиз нашла компанию на Галифаксе, предложившую более дешевый вариант. Она начала с нескольких полусферических камер, изготавливаемых на заказ по размеру, которые установила на земле и наполнила воздухом. А затем просто посадила снаружи черенки и стала ждать, пока они вырастут. Как только отростки поползли вверх, Лиз стала переплетать их между собой и подрезать, стараясь, чтобы получилась ровная и плотная масса, не пропускающая воду. Для суровых зим долины Улон она выбрала особую разновидность сухого коралла, обеспечивавшую достаточную изоляцию. Зимой кораллы приходилось накрывать обычным утеплителем на солнечных батареях, и тогда стало понятно, почему в Рэндтауне было так мало зданий из сухого коралла, — его необходимая плотность достигалась за счет скорости роста, и процесс строительства тянулся очень долго. Каждый день, выходя из пикапа, Марк осматривал жемчужные и васильковые ростки, прикидывая, насколько они вытянулись. На четырех или пяти небольших наружных куполах кораллы уже выросли на достаточную высоту, и Лиз начала сплетать их в башенки, но для трех больших помещений требовалось еще пара метров. Лиз говорила, что они будут готовы к середине лета, и Марк молился, чтобы она не ошибалась.

Барри, выскочив из двери, ринулся навстречу Марку, расставив руки. Не так давно он обнимал колени отца, а теперь уже добрался до бедер.

— Чем ты сегодня занимался? — одновременно спросили они друг друга, как того

требовал ритуал, и оба улыбнулись.

— Сначала ты, — сказал Марк, пока они шли к своему временному жилищу.

— Утром я читал и складывал слова, потом с мистером Кэрролом учил математику и программирование. Мисс Марвелл читала мне курс по истории, а напоследок занимался практической механикой с Джоди. Мне понравилось. Это было единственное полезное занятие.

— В самом деле?

Они вошли на кухню, где у загроможденного посудой стола сидела Лиз и уговаривала Сэнди съесть немножко супа. Дочка Марка выглядела не самым лучшим образом: щеки и нос покраснели, глаза слезились, вдобавок девочка сидела закутанной в теплое одеяло. Местная разновидность гриппа периодически поражала всех местных ребятишек, но Барри пока удавалось его избежать.

— Папочка, — пролепетала Сэнди и протянула к нему руки.

Марк, опустившись на колени, крепко обнял дочку.

— Как ты сегодня себя чувствуешь, мой ангелочек? Тебе уже лучше?

Она с несчастным видом кивнула:

— Немножко.

— А, это отлично. Молодец, девочка. — Он сел на стул и получил торопливый поцелуй Лиз. — Ну, как насчет супа? — спросил он Сэнди. — Давай будем есть его вместе.

Сэнди почти сумела улыбнуться.

— Давай, — храбро ответила она.

Лиз закатила глаза и вскочила из-за стола.

— В таком случае я вас оставлю. Барри, пойдем со мной. Что бы ты хотел к чаю?

— Пиццу, — без промедления выпалил он и с надеждой добавил: — И чипсы.

— Нет, пиццы сегодня не будет, — строго отрезала Лиз. — Ты уже вытаскал из морозилки все до последнего кусочка. Я приготовлю рыбу.

— Ну, мам!

— И может, мы найдем к ней немножко чипсов, — сказала Лиз, зная, что это был единственный способ заставить его есть рыбу.

— Ладно, — хмуро согласился Барри. — Жареную?

— Не имею понятия.

Барри уселся на стул, всем своим видом олицетворяя вселенское горе. Лиз приказала роботу-горничной достать из морозилки филе рыбы и мысленно добавила через эл-дворецкого пожелание приготовить ее на гриле.

— Так почему же все остальное бесполезно? — спросил Марк у сына.

— Ну, я так думаю, — сказал Барри. — Я просто не вижу в этом смысла.

— В чем именно?

— В школе.

— Почему же?

— Она мне не нужна, — искренне заявил мальчик. Он кивнул на широкое окно кухни, откуда открывался вид на долину Улон. — Я собираюсь стать капитаном реактивного катера на реке.

— Хорошо. — На прошлой неделе он хотел стать инструктором по гироболу. Спортивный стиль жизни в Рэндтауне оказывал сильное влияние на всех живущих здесь детей. Они мечтали стать мастерами сплава, капитанами катеров, лыжными инструкторами

или глубоководными дайверами. — Но даже для этого тебе необходимо базовое образование, так что придется потерпеть по крайней мере несколько лет.

— Ладно, — печально согласился Барри. — Еще я мог бы стать капитаном космического корабля — видел его сегодня в киберсфере. Вся школа смотрела, как «Второй шанс» причаливал к платформе. Это было здорово.

Марк внимательно следил за Сэнди, которая набирала ложкой суп.

— Да, здорово.

— Ты тоже видел?

— Конечно.

Робот-горничная возвратилась с пакетом рыбы, готовой к жарке. Лиз забрала у нее сверток.

— Барри, помоги мне с готовкой.

— А где чипсы? — жалобно протянул он.

— В корзинке есть несколько картофелин. Мы их порежем, это не займет много времени.

— Нет, мам. Настоящие чипсы. Из морозилки!

Лиз и Барри занялись приготовлением рыбы, а Марк унес Сэнди в гостиную. Он сел на диван, предварительно расчистив себе место от игрушек, а Сэнди подтащила поближе свою любимую куклу и белого медведя, чувствовавшего ее болезнь и нежно обнявшего лапами ее руку, и свернулась калачиком у отца на коленях.

Марк перебрал несколько каналов киберсферы в поисках свежих новостей и неохотно остановился на студии Алесандры Барон, залучившей к себе самого Найджела Шелдона. Он давал интервью, сидя за большим столом в служебном кабинете, и говорил с такой уверенностью и невозмутимостью, словно трагический финал миссии «Второго шанса» был всего лишь мелкой неполадкой в одном из поездов ККТ.

— Я, конечно, очень огорчен тем, что капитану Кайму пришлось покинуть Эммануэль и Дадли, но уверен — ему ничего другого не оставалось. Меня там не было, как не было и ни одного из нынешних деятелей, критикующих капитана из удобного кресла своего кабинета. А потому ни один из нас не может дать реальную оценку его действиям. Только глупец способен рассуждать о том, что могло произойти в тех обстоятельствах. Я пригласил капитана Кайма, поскольку был уверен, что только ему под силу справиться с этим заданием, и его решительные действия подтвердили правильность моего выбора. ККТ уже приступила к реализации процедуры оживления обоих погибших членов экипажа. Благодаря тщательно продуманным мерам безопасности бортовые хранилища памяти были обновлены перед самым выходом контактной группы в Бастион.

— А что вы можете сказать о доставленной «Вторым шансом» информации? — спросила Алесандра. — Мне кажется, что и вы должны признать ее недостаточность.

Найджел Шелдон улыбнулся с таким видом, словно ведущая вызывала у него жалость.

— У нас столько данных, что их не в силах оценить все физики Сообщества. Нельзя сказать, что миссия не добилась успеха.

— Я имела в виду сведения о чужаках Дайсона. На корабль были потрачены огромные деньги и время, да еще мы лишились двух человеческих жизней. Не считаете ли вы, что мы могли бы узнать и побольше? Нам даже неизвестно, как они выглядят.

— Мы узнали то, что они незамедлительно открыли по нам огонь. Единственное, в чем я согласен со своим добрым коллегой Бурнелли, так это в необходимости повторного полета.

Таков порядок исследований, Алессандра. Мне жаль, что они не подчиняются вашему личному расписанию. Но эти люди заглянули в неизведанное, посмотрели, что там творится, и теперь мы можем подготовиться к новому шагу. «Второй шанс» выполнил свою миссию, доставил нам бесценную информацию об Альфе Дайсона и о том, каким должен быть следующий корабль, чтобы туда вернуться.

— А вы намерены туда вернуться?

— Обязательно. Наше знакомство со звездной системой Дайсона только начинается.

— И каким же должен быть следующий корабль, исходя из того, что мы узнали?

— Очень быстрым и очень мощным. По правде говоря, в целях безопасности это может быть не один корабль.

К восьми часам Марк и Лиз уложили детей спать. После этого они и сами сели поужинать на кухне, разогрев в микроволновке котлеты по-киевски.

— У старика Тони Матвига есть несколько кур, — сказал Марк. — Я поговорил с ним на днях, и он обещал дать нам цыплят, если мы захотим разводить их у себя. — Его вилка проткнула мясо на тарелке и выдавила немного чесночного масла. — Было бы неплохо кормить детей продуктами, не напичканными гормонами, и знать, что они не получены путем генной модификации.

Она окинула его своим «сомневающимся» взглядом.

— Нет, Марк. Все это мы уже проходили. Мне нравится здесь жить, и еще больше понравится, когда вырастет новый дом, но на это я не пойду. Нам нет необходимости держать цыплят, мы достаточно зарабатываем, чтобы хорошо питаться, и полуфабрикаты я заказываю не в промышленных мирах. Если ты заметил, на всем, что лежит в морозильной камере, имеется этикетка «Чистый продукт». А кто, по-твоему, будет ощипывать и потрошить этих цыплят? Ты готов сам этим заняться?

— Я бы мог попробовать.

— Ты не сможешь. Запах будет стоять тошнотворный, меня от него просто выворачивает.

— А ты когда-нибудь потрошила цыпленка?

— Лет пятьдесят назад. Когда была молодой идеалисткой.

— Молодой и глупой. Понятно.

Она наклонилась к нему и погладила его щеку своими пальцами.

— Я тебя огорчила?

— Нет.

Он попытался схватить ее палец зубами, но промахнулся.

— В любом случае, — продолжила Лиз, — куры погубят наш газон. Ты когда-нибудь видел их когти? Это ужас.

Марк усмехнулся.

— Куры-убийцы.

— Они погубят газон, а заодно и сад.

— Ладно. Никаких цыплят.

— Но я жду не дождусь, когда можно будет посадить огород.

— Ага. Только сначала мне надо соорудить оросительную систему, а робот-садовник присмотрит за остальным.

Лиз послала ему воздушный поцелуй.

— Я обещаю лично заботиться о грядке с пряностями.

— Ого! Все будешь делать сама?

— У тебя есть возражения?

— Ни единого.

— Зато у меня есть одна просьба.

— Какая? — подозрительно спросил он.

— Выйди и еще раз проверь листья пресиппитатора.

— Ты шутишь? Я поправлял их на прошлой неделе.

— Я помню, дорогой. Но прошлой ночью они едва наполнили резервуар.

— Проклятое полуорганическое барахло. Надо было выкопать настоящий колодец.

— Когда дом будет закончен, можно будет протянуть трубу до речки.

— Да, наверное.

Робот-горничная собрала их тарелки и приборы, чтобы поставить в посудомоечную машину. Марк, взяв две ложки и тарелку со сладким кофейным пудингом, прошел в гостиную. Лиз устроилась на диване рядом с ним, и они стали с двух сторон зачерпывать густую тягучую массу. На экране Венди Боуз давала интервью, прерывая свою речь всхлипываниями и стонами.

Профессор Тратен, обозначенный в титрах как «близкий друг семьи», покровительственно обнимал ее за плечи.

— Бедная женщина, — сказала Лиз.

— Угу.

— Ей необходимо омоложение. Интересно, ККТ заплатит за это?

— Почему ты думаешь, что ей надо омолаживаться? — Марк присмотрелся к изображению на экране. — Она выглядит не такой уж и старой.

Лиз воспользовалась тем, что он отвлекся, и зачерпнула пудинг два раза подряд.

— Смотря с кем сравнивать. Замещающий клон Дадли Боуза будет восемнадцатилетним, а ее физический возраст перевалил за пятьдесят. Поверь, ты бы такого брака не выдержал.

— Да, пожалуй. Я все не могу перестать думать о Вербеке и Боузе. Подумать только, остаться одним так далеко от дома. Как думаешь, они прибегли к самоубийству, когда все поняли?

— Это зависит от чужаков Дайсона. Может, им построили камеру с подходящими условиями, а потом они преодолели языковой барьер и теперь с удовольствием общаются?

— Я как-то в это не верю. А ты?

Лиз на мгновение задумалась. Профессор Тратен тем временем помогал Венди Боуз подняться в дом.

— Нет. Их тела мертвы.

— Я тоже так думаю. — Его взгляд уперся в потолок из дешевых композитных панелей. — А знаешь, Элан ближе к Паре Дайсона, чем почти все остальные планеты Содружества.

— Семь планет, включая Аншан, ближе, чем мы. Но ты прав, мы ближе многих. — Она хихикнула. — Всего семьсот пятьдесят четыре световых года. Страшно, а?

Свободной рукой Марк пощекотал ее ребра, зная, что Лиз к этому очень чувствительна.

— Ой!

Лиз изогнулась, уворачиваясь от щекотки, и вознаградила себя огромной порцией пудинга.

— Нечестно! — запротестовал Марк. — Я съел всего чуть-чуть.

— Жизнь вообще несправедлива, пройдешь омоложение и начнешь все сначала.

На восточном побережье Америки наступил полдень. Солнце достигло зенита, и его лучи добрались до дна бетонных каньонов Манхэттена. С высоты двести двадцать пятого этажа из штаб-квартиры Министерства Содружества по исследованиям и развитию Найджел Шелдон наблюдал за нескончаемой борьбой на улицах города. На всех магистралях этого древнего исторического района противостояли друг другу желтые кебы и матово-черные лимузины — две абсолютно различные и враждующие расы, оспаривающие друг у друга жизненное пространство проезжей части. Городские легенды рассказывали о запрещенных агрессивных программах, внедренных в устройство управления такси, и Шелдона это ничуть не удивляло. Его лимузину не раз приходилось тормозить, чтобы не столкнуться с выскакивавшей вперед желтой машиной. Кратковременное проявление солнечного света сыграло кебам на руку — сотни желтых машин победно засверкали в ярких лучах, выигрывая в цвете по сравнению со своими мрачными противниками.

У подножия небоскреба, перед самым входом, он увидел плотный полукруг репортеров. Мелькнула совершенно неуместная мысль: если плюнуть из окна, сколько времени пройдет до тех пор, пока один из журналистов не поднимет голову, негодуя глядя наверх? Хорошо, что в его голове до сих пор появляются мысли о ребяческих шалостях, они создают в жизни новые перспективы. Его коллегам по Совету не мешало бы немного успокоиться.

Комната за его спиной уже наполнилась людьми. Томпсон Бурнелли и Криспин Голдрич сидели за столом, склонившись друг к другу, обсуждая ходы в политической игре, в которой принимали участие все Великие Семейства. Элейн Дой казалась более усталой, чем обычно, но это вполне объяснимо: в год, предшествующий предварительным президентским выборам, ей совсем не нужны были никакие осложнения. Она обменивалась приветствиями с Рафаэлем Колумбия и Габриэль Элс. Вследствие дополнительных мер безопасности и возложенной на Совет Защиты ответственности число присутствовавших на заседании помощников значительно сократилось. Уилсон Кайм разговаривал с Даниэлем Алстером и выглядел на удивление спокойным, несмотря на явную враждебность группы членов Совета, возглавляемой сенатором Бурнелли.

Найджел без усилий преодолевал подводные течения в политической борьбе. В отличие от Уилсона, он никогда не позволял себе роскоши праздной жизни вдали от правительства Содружества. Предугадывание чужих ходов стало целью его жизни. Найджел был абсолютно уверен, что все помощники и мозговые центры остальных членов Совета не могли предусмотреть столько возможных сценариев, сколько их разработали специалисты по стратегии ККТ. Самые неблагоприятные варианты могли потребовать его личного участия — от личных и тайных встреч до полного отступления, включая срочную эвакуацию его семейства за пределы Содружества. Реализация подобных схем его не пугала, более того, только развивала воображение. Единственное, что его тревожило вот уже несколько месяцев, — это отсутствие связи с Оззи. Найджел привык, что его друг время от времени отпрашивается странствовать по свету и исчезает на много месяцев, а то и годы, или уединяется в доме с новой семьей. Но рано или поздно он всегда отвечал на вызовы Найджела.

— Надеюсь, все готовы, — с оттенком раздражения произнесла Элейн Дой.

Найджел отвернулся от окна и неохотно кивнул. Он оттягивал начало заседания в

надежде на то, что Оззи появится в последнюю секунду и, как всегда, не станет оправдываться, наслаждаясь выражением досады на лицах присутствующих. Но он не пришел. Двери закрылись, и включилась система защиты.

Все расселись вокруг стола. Вице-президент запросила связь с РИ, и по экрану побежали оранжево-голубые линии.

— Я думаю, мы начнем заседание с поздравления капитана Уилсона и его экипажа в связи с выполнением чрезвычайно сложной и опасной миссии, — сказала Элейн Дой. — Мне известно о трудностях в принятии некоторых решений, и в этом я не могу вам позавидовать, капитан, но я уверена: вы сделали правильный выбор. Вашей главной целью был сбор и доставка информации.

— О какой же информации идет речь? — спросил Томпсон Бурнелли. — После вашего полета я не чувствую себя более осведомленным, особенно если учесть затраченные на него деньги.

— Речь идет о существовании многочисленной, технологически передовой и, по всей вероятности, агрессивной расы в семистах пятидесяти световых годах от Содружества, — бесстрастно ответил Уилсон. — Обитатели этой системы были ограничены барьером, но кто-то позволил им выйти на свободу и увидеть нас. Третья сила. Наблюдения показали, что эта раса настроена по отношению к нам отнюдь не дружественно, вернее сказать, откровенно враждебно.

— И вы серьезно в это верите? — спросил Томпсон. — Мы столкнулись с двумя расами, и обе они оказались враждебными?

— Исчезновение барьера нельзя считать случайностью, — сказал Найджел. — Мы не могли его спровоцировать. Чужаки Дайсона тоже. Следовательно, вступил в игру третий фактор.

— Вероятнее всего, это были те же чужаки, которые воздвигли барьер, — сказал Брюстер Кумар. — Это могли сделать только те, кто знал его природу.

— Все это кажется мне совершенно бессмысленным, — призналась Элейн Дой. — Если снимать барьер при появлении первого же исследовательского корабля, зачем вообще его ставить?

— У меня два предположения, — сказал Уилсон. — Или барьер снят его создателями, и причина их поступка, учитывая имеющийся у нас объем знаний, остается загадкой. Или, опять же по непонятной причине, это сделал кто-то другой, и это вызывает большее беспокойство.

— Почему? — спросил Криспин Голдрич.

— Барьер ограничивал агрессивную, по нашим понятиям, расу. Кто-то оказался настолько обеспокоен их развитием, что построил это сооружение. Я был там и видел барьер. Вряд ли кто-то стал бы возводить его без особой на то необходимости. Я даже не буду останавливаться на технологических аспектах, одни только задействованные ресурсы мощности могут показаться нам фантастическими. Чужаки Дайсона возбудили в создателях барьера тревогу, граничащую с паранойей. Задумайтесь: раса, способная на такое строительство, ощутила тревогу; меня же это приводит в ужас. А теперь чужаки Дайсона оказались на свободе.

— Вы согласны с этим мнением? — обратилась Элейн Дой к РИ.

— Это логичное заключение. Мы не считаем, что падение барьера при подходе «Второго шанса» было простым совпадением. И то, что это сделано чужаками Дайсона,

тоже маловероятно. Путем исключения остаются только создатели барьера или третья сила.

— Ни у тех, ни у других, нет для этого веских мотивов, — заметил Брюстер Кумар.

— Видимых мотивов нет, — сказал РИ. — Но поскольку нам фактически не известна причина установления барьера, гадать о его устранении не имеет смысла.

— Вы не считаете, что причиной установления могла быть агрессивность чужаков Дайсона? — спросил Уилсон.

— Это вполне вероятный повод, согласны, — ответил РИ. — Но почему подобный барьер надо было устанавливать и вокруг Беты Дайсона?

— Хороший вопрос, — признал Рафаэль Колумбия.

— Я не знаю, — устало вздохнул Уилсон. — Но уверен в одном: чужаки Альфы Дайсона представляют для нас опасность.

— Вероятно, — сказал Томпсон Бурнелли. — Но давайте посмотрим с другой стороны. Предположим, представители чужой расы увидели бы Землю в двадцатом столетии, во время Второй мировой войны. Они наверняка пришли бы к заключению, что люди безнадежно жестоки. И почему же тогда нас не оградили подобным барьером, если причина его возникновения в агрессивности?

— Мы переросли эту стадию, — сказала Элейн Дой. — Омоложение и межзвездная экспансия кардинально изменили нашу психологию и культуру.

— Давайте не будем возобновлять этот спор, — вмешался Брюстер Кумар. — Нам повезло, вот и все.

— Мы сами добились удачи, — возразила Элейн Дой. — Наша раса обладает гигантским потенциалом. Нельзя в этом себе отказывать.

— Сейчас мы обсуждаем не нас, — сказал Найджел. — Мы собрались обсудить свои действия по отношению к толпе чужаков, обладающих колоссальным запасом ядерного оружия и желанием его применить.

— Да, у них достаточно ядерных бомб и, несомненно, других видов самого изощренного вооружения, — сказал Рафаэль Колумбия. — Но у них нет сверхсветовой скорости, а это дает нам предел безопасности в семьсот пятьдесят световых лет. Неплохое преимущество.

— В пределах барьера сверхсветовая скорость им не была нужна, — ответил Уилсон. — Но с учетом уровня развития их технологий я не стал бы надеяться на удаленность наших миров.

— А сколько им потребуется времени для достижения сверхсветовой скорости?

Все посмотрели на Найджела, а он пожал плечами.

— Как сказал Уилсон, высокотехнологичная база у них имеется. Как только будет разработана базовая теория, появится и прототип гипердвигателя, а при наличии ресурсов проект может быть осуществлен в течение нескольких месяцев. Ключевой вопрос в теоретических изысканиях.

— Придется допустить, что с этим они справятся, — сказала Элейн Дой. — Они видели «Второй шанс» в действии, и у них остались Боуз и Вербек.

— До этого не дойдет, они прибегнут к самоубийству, ведь они понимают, что стоит на кону, — возразил Рафаэль Колумбия.

Уилсон смущенно кашлянул. Все немедленно повернулись в его сторону. Эти люди достаточно долго играли в подобные игры, чтобы издали чуют плохие известия.

— Вставка для осуществления этой функции имелась у всех членов экипажа, включая меня самого, — заговорил Уилсон. — Тем не менее было бы логично предположить, что

Боуз и Вербеке сначала оценили бы ситуацию. Если произойдет первоначальный ненасильственный контакт с чужаками, они попытаются общаться с ними и установить взаимопонимание. И только в случае безнадежной неудачи они инициируют полное уничтожение вставок памяти и самоубийство.

— Но ведь они сделают это? — спросила Элейн Дой, словно подталкивая его к положительному ответу. — Я хотела сказать — им ведь известно, что в Содружестве их ждет оживление. Они потеряют один день, не больше того. К тому же это не самый радостный день.

— Я твердо убежден, что Эммануэль Вербеке поступит правильно, — сказал Уилсон. — Но что касается Боуза — дай бог, чтобы я ошибался, — здесь могут быть проблемы.

— Что вы подразумеваете под проблемами? — поинтересовался Томпсон Бурнелли.

Уилсон пристально взглянул в лицо сенатора.

— Его обучение и тренировки не были такими насыщенными, как у остальных членов команды. После набора команды он некоторое время провел в омолаживающем резервуаре, чтобы уменьшить физический возраст. Остававшееся до старта время было ограничено.

— Тогда какого черта вы взяли его на борт?

— Политическая целесообразность, — вмешался Найджел. — Та же самая причина, по которой был допущен к полету ваш кандидат Танде Саттон.

Томпсон нацелил на него вытянутый указательный палец.

— Танде прошел все этапы тестирования.

— Да, конечно. А если бы его вместе с другими кандидатами, имеющими отношение к Великим Семействам, забраковали на последней стадии отбора, вы бы первым подняли шум.

— Может быть. Но Танде, по крайней мере, был достаточно тренированным в отличие от этого Боуза. Чем, черт побери, вы здесь занимаетесь?

— Единственной настоящей проблемой.

— Святой Боже!

Томпсон уселся на свое место, с отвращением поглядывая то на Уилсона, то на Найджела.

— Ладно, ладно, — снова заговорила Элейн Дой. — Рассмотрим самый худший вариант: чужаки Дайсона получили исчерпывающую информацию о людях, в состоянии построить сверхсветовой корабль и знают, где мы находимся. Что мы в таком случае можем предпринять?

— То же, что и в прошлый раз, — сказал Уилсон. — Организовать миссию для выяснения, что там происходит.

— Причем такую, которая сможет добиться большего успеха, — проворчал Криспин Голдрич.

— Верно, — согласился Найджел. — «Второй шанс» был послан в полную неизвестность. Мы должны построить корабль, который будет готов к любым неожиданностям, настоящее исследовательское судно. На этот раз миссия будет строго ограниченной, и корабли, возможно, должны быть меньше, а потому немного дешевле.

— Почему не один корабль, а несколько? — спросила Элейн Дой.

— Чтобы при попытке одного корабля установить контакт, другие имели возможность оставаться в стороне и наблюдать, а в случае его гибели — сохранить информацию, — пояснил Уилсон. — К этому времени чужаки будут знать, кто мы такие и, возможно, что не мы установили барьер. Они наверняка поймут, что мы не представляем для них угрозы. В

таким случае их реакция будет иметь решающее значение.

— Не нравится мне все это, — буркнул Рафаэль Колумбия.

— Я настаиваю на своей кандидатуре, — добавил Уилсон. — Но это необходимо сделать, и сделать надлежащим образом.

— Что вы хотите этим доказать? — негромко спросил Томпсон Бурнелли.

Но Уилсон предпочел ему не отвечать.

— Как я понимаю, проекты кораблей уже готовы? — спросила Элейн Дой.

— Да, конечно, — ответил Найджел. — Как только проект «Второго шанса» был закончен, я заказал предварительную разработку исследовательского космического корабля меньших размеров. Его специфика — высокая скорость и относительная простота конструкции. Опыт постройки «Второго шанса» позволил модифицировать последующие версии, и теперь можно достичь еще большей скорости. Поэтому вариант жилого отсека в виде кольца был отвергнут, и экипажу придется осуществлять полет в условиях невесомости. Функции реактивного двигателя также были минимизированы и ограничены простейшим маневрированием, таким образом отпала необходимость в большей части вспомогательного оборудования. Впрочем, предусмотрено значительное вооружение. Корабли смогут не только спастись бегством, но и стрелять.

— И какова же будет их цель? — спросил Брюстер Кумар.

— Изучение природы чужаков Дайсона. Так ли они агрессивны, как мы думаем. Строят ли они сверхсветовые космические корабли или открывают червоточины в другие звездные системы. Двигатель со сверхсветовой скоростью трудно утаить, поскольку производимые червоточиной возмущения обнаруживаются очень просто. Если у них имеются хотя бы базовые знания в этой области, они узнают о нашем приближении.

— Очень хорошо, — сказала Элейн Дой. — Я не думаю, чтобы кто-то из нас стал возражать против новой миссии и ее срочности. Чего я жду от этого заседания, так это официального предложения исполнительному комитету Содружества о формировании нового органа, который будет отвечать за исследование и контакты с чужаками Дайсона, начиная с планирования и заканчивая осуществлением, но под эгидой правительства.

— И финансированием, — ворчливо добавил Томпсон Бурнелли.

— Вы хотите, чтобы правительство учредило гражданское агентство межзвездных полетов? — спросил Рафаэль Колумбия.

— Да, именно так. Вероятная угроза нависла над всем Содружеством. Ее невозможно предотвратить разовой акцией и без регулярного финансирования. Решение проблемы требует стабильного политического руководства.

— Ага. — Рафаэль перевел взгляд на Найджела. — Как вам это нравится, Найджел? Десих пор мы говорили о ваших специалистах.

— Я думаю, это ненадолго. — Он едва сдержал улыбку, когда в зале вдруг стало очень тихо, и даже Уилсон посмотрел на него с удивлением. — Вы хотите выработать политический курс по этому вопросу, так вот, он требует долгосрочного и согласованного планирования. Что если наши разведчики принесут плохие новости? Снова будем устраивать такое же заседание? Нет, Элейн совершенно права: нам необходим четкий курс и жизнеспособная организация. Мы должны готовиться к худшему варианту еще до отправки разведчиков. В Содружестве имеются и другие организации и советы, занимающиеся вопросами безопасности, они тоже должны войти в состав нового агентства.

— Вы говорите о создании военного флота, — произнес Криспин Голдрич.

Высказанная мысль его явно ошеломила. — Это же регулярная военная сила.

— Если вы можете предложить другой вариант для защиты Содружества, я буду только рад.

— Не могу поверить, что слышу такое предложение от вас. Что скажет на это мистер Айзекс?

— Я думаю, он будет очень расстроен, — заявил Найджел. — Но, поскольку он даже не побеспокоился выкроить время для заседания Совета, он не вправе возражать, не так ли?

Изумление членов Совета достигло предела.

— Что такое? — раздраженно воскликнул Найджел. — Мы были молодыми, и у нас имелась великолепная мечта. Мы подарили человечеству звезды. А теперь, как сказала Элейн, мы выросли. И если достижения целой расы, если все наше прекрасное общество оказалось под угрозой, мы должны его защитить. И для этого нужен военный флот.

— Да, нужен, — настороженно произнес Томпсон Бурнелли. — Но если идти напролом и объявить о создании вооруженных сил, поднимется колоссальная паника. Бог знает, как на это отреагирует фондовая биржа, да и цепная реакция наверняка затронет все отрасли промышленности. Мы рискуем даже спровоцировать массовую миграцию с планет второй зоны во внутренние миры, а уж это тем более никому не нужно. И все это будет периодически повторяться до бесконечности. Если уж мы взялись защищать Содружество от любых столкновений с чужаками, нельзя не учитывать и внутреннее положение. Опасность грозит нам не только извне, Найджел.

— Понимаю, — сказал Найджел. — Нам остается только воспользоваться методом Гитлера, когда он готовил почву для создания люфтваффе. После заключения Версальского договора Германии было запрещено создавать военно-воздушный флот, и потому пилоты тренировались в гражданских клубах, а правительство спонсировало постройку коммерческих самолетов, которые легко можно было модифицировать. А когда он решил, что пора действовать, он просто соединил одно с другим. Все делалось открыто, но никто не додумался, к чему это может привести. А сегодня, когда наша промышленная база распространяется на шестьсот с лишним миров, мы можем организовать такое изощренное прикрытие, какое нацистам даже не снилось. В итоге останется только организовать передислокацию, чтобы собрать необходимые компоненты в единое целое.

— Я могу назвать несколько сенаторов, кому сравнение с нацистами придется не по вкусу, — заметил Томпсон Бурнелли и слегка усмехнулся.

— Значит, мы не будем о них упоминать, — ответил Найджел. — Смысл в том, чтобы начать подготовку к эффективной обороне Содружества, но не вызвать паники. Организовать работу — это уже половина победы.

— Мне интересно ваше мнение по данному вопросу, — обратился Рафаэль Колумбия к РИ. — Как вы считаете, нужно ли нам создавать вооруженный флот?

— Мы никогда не поддерживали гонку вооружений, но в данной ситуации создание обороноспособных сил было бы оправданной предосторожностью.

Уилсон пристально взглянул в экран.

— А вы окажете нам помощь в создании таких сил?

— Мы абсолютно уверены, что в этой области вы способны справиться самостоятельно. Вы не раз демонстрировали эти способности на протяжении всей истории развития.

— Я полностью поддерживаю отправку очередной миссии к Альфе Дайсона, — сказал Брюстер Кумар, — но мы не можем игнорировать другие расы, которые могут оказаться

поблизости. Будет ли межзвездный флот прибегать к ракетам, чтобы обнаружить создателей барьера?

— Сначала надо создать этот межзвездный флот, — мягко упрекнул Найджел советника по науке. — Но вы правы, это необходимо предусмотреть. И нельзя забывать о Бете Дайсона. Мне очень хотелось бы узнать, сохранился ли тот барьер. У разведчиков будет много задач и помимо изучения чужаков Дайсона.

— Ну хорошо, — заговорила Элейн Дой. — Мне кажется, сейчас не время обсуждать специфику планирования миссии. У меня есть еще одно предложение: не будет ли целесообразно включить в новую организацию и наш Совет со всеми его членами?

Она вопросительно посмотрела на Найджела.

— Межзвездному флоту потребуется твердое управление, — сказал Найджел. — Я думаю, это очевидно.

— В таком случае приступим к голосованию, — сказала она. — Кто за?

Все члены Совета подняли руки.

* * *

На этот раз послание поступило от имени Чайлза Лиддла Халгарта, хотя излагал его тот же самый «образцовый политик», сидящий за столом в Сан-Матио. В городе за его спиной наступила весна, и яркое солнце только что поднялось над выбеленными стенами старого квартала, обливая дома шелковистой позолотой. Высокие деревья вдоль улиц разворачивали темно-зеленые листья навстречу рассвету.

— Мои дорогие сограждане, как хотелось бы мне выразить чувство удовлетворения, — сказал он. — Ведь уже в который раз мы, воины тайного фронта, противостоящие агентам Звездного Странника, стремящимся к сердцу нашего замечательного Содружества, оказались правы. Однако создавшаяся на сегодняшний день ситуация не дает поводов для радости: мы не смогли уничтожить «Второй шанс», и полет космического корабля запустил цепную реакцию событий, которые неизбежно приведут нас к войне. По воле Звездного Странника чужаки Альфы Дайсона вырвались на волю. Все мы видели их агрессию и жестокость, и, как только они построят собственные космические корабли, эта агрессия будет направлена на нас.

Даже если нам удастся пережить грядущее нападение, человечество значительно ослабнет. Наши ресурсы и наши таланты будут расходоваться только на выживание после ядерного пожара — и вот тогда Звездный Странник, притаившийся среди нас, нанесет очередной удар.

Это чудовище способно уничтожить человечество, если мы не встанем на его защиту. Хранители Личности всегда, вплоть до самого конца, будут препятствовать его махинациям. Мы сокрушим его и ликвидируем его агентов. Но нам нужна ваша помощь. Будьте бдительны. Не молчите. Участвуйте в выборах, чтобы воспрепятствовать жалким усилиям нашего гнивающего правительства. Нам не нужны три корабля-разведчика. Нам нужна армада боевых кораблей. Хватит исследований, надо создать оружие, способное испепелить захватчиков космоса. Мы должны уже сейчас начать подготовку к обороне от чужаков Альфы Дайсона — совсем скоро они появятся в наших небесах. Не дайте им застать вас врасплох. Не верьте тем, кто клянется защищать ваши интересы. Они лгут, они служат

только самим себе и своему темному повелителю. Помогите нам. Будьте сильными. Сумейте постоять за себя.

Оратор склонил голову.

— Спасибо, что нашли время меня выслушать.

* * *

Красный свет проникал повсюду, наводнял всю Ледяную Крепость, окрашивал каждую комнату, каждый коридор, каждый уголок. Оззи ненавидел его. Древние строители сильфенов отлично поработали: обширная сеть оптических каналов и световой накопитель, чем бы он ни был, обеспечивали ровное розовое сияние в течение суток, длившихся двадцать один час. Укрыться от него можно было только по ночам за стенами Крепости. Но там было слишком холодно.

Внутри же в большинстве спален вместо портьер имелись плотные меховые полости — для существ, привыкших по ночам спать или хотя бы просто отдыхать, они становились настоящим спасением. Оззи и Орион с недавних пор стали по вечерам на пару часов зажигать керосиновую лампу. Первоначальный запас керосина быстро истощился, но заменой ему стал переработанный жир ледового кита. Желтый свет лампы стал привлекать немногочисленных представителей человеческой расы: они приходили и оставались на некоторое время, чтобы просто расслабиться или пожаловаться на свою судьбу. Вскоре комната Оззи стала чем-то вроде бара, хотя и без спиртного. Люди попадали в Ледяную Крепость из разных миров и разных веков, поэтому вечерние беседы затрагивали самые различные темы и мнения.

Эти посиделки помогли Оззи получить полное представление о самой Крепости и об их положении: стало совершенно ясно, что нельзя отправляться на поиски другой тропы, пока сильфены не придут на охоту.

— Это наилучшая возможность вырваться отсюда, — сказала как-то Сара недели через две после их поселения в Ледяной Крепости.

Сара регулярно посещала их небольшой клуб. Большинство людей обращались к ней с вопросами и проблемами, что объяснялось ее долгим присутствием в Крепости. Она очень хотела бы передать эту роль Оззи, но тот с неизменным упорством сопротивлялся.

— Почему? — недоумевал Орион. — Мы же добрались сюда без их помощи.

— Потому что это увеличивает ваши шансы, — терпеливо объясняла Сара. — Если идти за ними, а еще лучше вместе с ними, вы попадете на тропу, ведущую из этого мира. В противном случае вы просто броситесь в неизвестность, надеясь отыскать открытую тропу, а насколько нам известно, их не так уж и много. На этой планете странствовать нелегко — надо нести много багажа и двигаться быстро.

Оззи быстро понял, что эти два фактора было почти невозможно совместить. Можно было бы воспользоваться санями и быстро добраться до кристаллического леса, окружающего Ледяную Крепость, но в самом лесу сани создадут немалые проблемы. Если же идти пешком — не обойтись без палатки, защищающей от смертоносного ночного холода. Палатка с воздушной прослойкой справится с этой задачей, но придется нести еще и значительный запас продовольствия. Чем тяжелее ноша, тем меньше скорость. Вьючное животное было бы идеальным решением, но животные, способные выжить в местных

условиях — вроде лонтруса, — двигались слишком медленно. А это значит, что еды потребуется еще больше. Сара была права: лучшим вариантом явился бы стремительный бросок по следам сильфенов. Придется потерпеть.

Ранним утром Оззи разбудили ставшие привычными звуки: звон котлов, мисок и сковородок, означавший начало подготовки к завтраку в главном зале. Человеческим голосам вторили уханье и свист чужаков, долетавшие до коридорчика, где располагались комнаты Оззи и Ориона. Некоторое время он лежал с закрытыми глазами, мысленно следя за приготовлениями. Низкий ревущий вой масляных горелок, бульканье закипающей воды в больших котлах, жужжанье ножей на точильном камне — все было ему хорошо знакомо и давно надоело.

Пошла семнадцатая неделя их пребывания в Крепости — по крайней мере, по его подсчетам. Ему снились странные сны: события и миры Содружества проносились мимо него, словно ускоренное воспроизведение какой-то пьесы. Собратья-путешественники рассказывали, что на тропе творилось что-то непонятное со временем, в мирах сильфенов могли потеряться недели, месяцы и даже годы, а иногда можно было вернуться назад, в прошлое. Эти разговоры только разжигали его нетерпеливость.

Орион заворочался, застонал — как всегда — и сел в своем спальном мешке.

— Доброе утро.

Оззи открыл глаза. Кристаллическую пластину в потолке все еще закрывала шкура, но света было уже достаточно, чтобы увидеть очертания комнаты, не прибегая к инфракрасным оптическим вставкам. Сразу после прибытия Ледяная Крепость показалась Оззи очень теплой, но это была всего лишь реакция на сильный холод снаружи. Несмотря на горячие источники и выделяемое телами тепло, температура здесь постоянно оставалась на несколько градусов ниже комфортной. Он надел поверх футболки одну из клетчатых рубашек, натянул кожаные брюки и вторую пару носков. Только после этого Оззи поднялся и сдернул шкуру со светового канала. Орион отреагировал на поток красного света горестным стоном. Жизнь в Крепости плохо сказывалась на парне: замкнутое пространство, монотонность и скудная диета — все это лишало его природной мальчишеской живости. Но хуже всего было отсутствие сверстников.

— Здесь нет никаких девчонок, — заныл он уже на второй день после приезда. — Я никого не увидел и спросил у Сары. Она говорит, что пару лет назад здесь были женщины двадцати с чем-то лет, но они ушли за сильфенами.

— Да? Ну, ты ничего не потерял, — ответил Оззи.

Он сам удивлялся, почему Сара не отвечала взаимностью на его дружеское расположение.

— Тебе хорошо говорить! У тебя-то были сотни жен.

— Да, были, — скромно признал Оззи.

— А у меня не было ни одной девчонки, — грустно протянул Орион.

— Даже в Лиддингтоне?

— Я встречался там с несколькими. Одна мне понравилась. Ирина. Мы целовались и все такое, но...

— Ты ушел со мной искать тропы.

— По правде говоря, это она ушла с Леонардом. Он переспал с половиной девчонок в нашем городе.

— А. Ну да. Что ж... Женщины, кто их поймет?

— Ты, Оззи, должен понимать. — Взгляд Ориона стал таким несчастным, что Оззи опять почувствовал себя неловко. — Как разговаривать с девчонками? Я никогда не знал, что им говорить. Научи, пожалуйста.

— Да это просто. Не важно, что ты скажешь, ты должен чувствовать себя при этом уверенно.

— Да?

— Да. — Оззи показалось, что парень сейчас начнет записывать его слова. — Если вы на вечеринке, выбери цыпочку по своему вкусу, сделай первый шаг, познакомься, а потом предоставь ей сделать все остальное. Ведь отношения должны быть равными, так?

— Наверное.

— Ну и предоставь им выполнить свою долю. А если ничего не произойдет, не будет никакой реакции, тогда не о чем и беспокоиться, переходи к следующей. Помни: если она не клюнет, то потеряет отличного парня — тебя. Ей же хуже.

Орион надолго задумался.

— Я понял. Ты прав.

— Эй, а разве я не всегда прав?

— А что все-таки я должен сказать?

— А?

— Чтобы завязать знакомство? Какой первый шаг?

— Ох! — Оззи вызвал несколько ужасных воспоминаний, вынесенных из старших классов. — Ну, классический случай — это приглашение потанцевать. Если ты умеешь танцевать, девочка всегда это оценит.

— Оззи, а ты можешь научить меня танцевать?

— Старик, я так давно этим не занимался. Лучше попроси Сару, пусть она научит тебя работать ногами.

— Ладно. А что еще можно сделать?

— Хм. Да. Точно! Я помню это с вечеринки в Хэмптоне, хоть это было довольно давно. Подойди к девчонке и начинай осматривать ее воротничок. А когда она спросит, в чем дело, ответь: «Я искал ярлычок и не ошибся — сделано в раю».

Орион секунду помолчал, потом расхохотался.

— Оззи, это так глупо.

Он не ожидал такого бесцеремонного замечания. Ну и дети пошли.

— У меня получилось.

— А как ее звали? — быстро спросил Орион.

— Я забыл, старик, это было сто лет назад.

— Ну ладно. Я спрошу у Сары, она должна лучше разбираться в таких вещах.

— Нет, я-то знаю, как разговаривать с девчонками. Перед тобой лучший эксперт Содружества в этой области.

Орион покачал головой и направился к бассейну, не переставая хихикать.

— Сделано в раю!

Оззи скатал свою постель и вместе со спальником Ориона уложил в проволочную сетку, где хранились их рюкзаки. Куча багажа, оплетенная проволокой, стала похожа на комок паутины с толстым пауком в центре. Горловину сетки стягивал тросик, сцепленный механическим замком. Оззи сумел так закрутить его вокруг выступа скалы, что унести весь узел было невозможно. Во время своих долгих странствий по Содружеству Оззи усвоил,

насколько правдив был древний афоризм: «Консерватор — это ограбленный либерал». Он ни на грамм не доверял своим соседям-путешественникам, особенно тем, кто был экипирован хуже, чем он, а таких в Ледяной Крепости насчитывалось большинство. Сухие пайки, пакеты первой помощи и легкое современное снаряжение позволяли ему надеяться рано или поздно покинуть эту планету.

В течение всей первой недели, возвращаясь вечером в свою комнату, он постоянно обнаруживал новые царапины и сколы на камне, говорившие о том, что кто-то пытался добраться до его багажа.

Оззи с Орионом взяли свои миски и ложки, вышли в главный зал и встали в небольшую очередь за завтраком. Еда каждый раз была одна и та же: маленький кусочек плода кристаллического дерева, похожего на свеклу, и пара ломтиков жареного бекона из мяса ледового кита, очень жирного и неприятно серого. К этому добавлялась кружка местного чая — заваренных измельченных волокон древесного лишайника.

Покончив с едой, они вернулись в свои комнаты, чтобы надеть штаны и куртки из плотного меха ледового кита. Затем Орион направился в конюшни, где проводил несколько часов в день, убирая навоз и наполняя кормушки охавками местных грибов. Только тетраджаки, похожие на голубых северных оленей размером с лошадь, предпочитали питаться помоями с кухни.

Оззи поднимался на первый уровень в мастерскую. Большое круглое помещение, вероятно, было задумано как еще одно стойло, и через его вращающуюся дверь свободно мог пройти даже слон, но разномастные обитатели Ледяной Крепости использовали его в качестве гаража, где хранились крытые сани, передвигаемые огромными и глупыми убнанами. Здесь же работали резчики, но не по дереву, а по кости ледовых китов, обладавшей удивительно схожими с деревом свойствами. Еще здесь обрабатывали кожу, перетапливали жир в различные виды масел, чинили драгоценные металлические предметы вроде кухонной посуды. Инструментами в большинстве случаев служили осколки кристаллов — ими обрабатывали кожи и резали кость. Те, кто попадал сюда с собственными ножами, плоскогубцами и универсальными наборами, держали их при себе и хранили как самое ценное богатство. Настоящих мастеров здесь не наблюдалось, да они и не были нужны для примитивной работы: уровень производства в Ледяной Крепости мало чем отличался от средневекового.

Три предыдущих дня они занимались заменой и подгонкой полозьев на больших крытых санях. Вторые сани еще ждали своей очереди в двух метрах над полом на огромных обрезках кристаллического дерева. Температура в мастерской держалась чуть-чуть выше нуля. Вода из горячих источников бежала по трубам под полом, немного согревая воздух. Система отопления, как и во всей остальной Крепости, была довольно старой и требовала ремонта. За несколько столетий толстые каменные плиты пола местами потрескались и провалились. В некоторых местах из-под плит пробивались тонкие струйки пара, отчего воздух стал влажным и липким. По стенам стекали капли конденсата, и оставленные надолго металлические предметы быстро покрывались ржавчиной. Вокруг вращающейся двери постоянно нарастал толстый слой инея.

Оззи быстро понял, что работать без шерстяных перчаток опасно, хотя держать инструменты в них было неудобно, а движения становились медленными и неуклюжими. Но без перчаток пальцы быстро замерзали и теряли чувствительность, а это грозило серьезными неприятностями.

Он присоединился к бригаде ремонтников. Трое людей и коррок-хи стали поднимать первый тяжелый полоз к саням и по команде Джорджа Паркина отводить его назад. Джордж так долго прожил в Ледяной Крепости, что стал в мастерской неофициальным прорабом и считался лучшим резчиком по кости. Новый полоз точно встал на место, и шипы в форме ласточкина хвоста после легкой смазки вошли в гнезда. Для надежности двое работников забили по бокам дополнительные шпильки, промазанные клеем.

К этому дню Оззи в составе заготовительной бригады уже шесть раз выезжал за пределы Крепости. Двадцать пять людей и чужаков, вооруженные лестницами и корзинами, собирались на рассвете и направлялись к кристаллическому лесу, окружавшему впадину. Оказалось, что опаловые клиновидные отростки на толстых ветвях взрослых деревьев были съедобными плодами — почти безвкусными комочками углеводов в очень твердой скорлупе. Без них обитатели Ледяной Крепости просто не смогли бы выжить. Для достижения плодом размера среднего яблока требовалось около двух лет, и поэтому сбор проводился поочередно по секторам леса с тщательным учетом, нанесенным на примитивную карту. После прибытия на место начиналась тяжелая работа — десять часов лазанья по лестницам в сковывающей движения одежде и сбивания плодов костяными палками. Само существование плода поразило воображение Оззи. Это означало, что деревья были результатом генной модификации или какого-то ее эквивалента, освоенного сильфенами.

Несколько членов заготовительного отряда бродили по предательски крутым склонам пересекающих лес оврагов, где камни были покрыты серо-голубыми коврами лохматого лишайника, растущего десятилетиями. Люди вырывали их с корнями, словно вандалы на развеселом пикнике. Лишайники тоже были ценной находкой, а тетраджаки чуяли их в самых узких трещинах промерзшей земли, и заготовителям оставалось только вытащить добычу при помощи палок или совков. Собранного урожая хватит, чтобы прокормить население Ледяной Крепости еще пару недель.

Заготовки в лесу, последующая обработка плодов и лишайников, а также приготовление пищи входили в число общих обязанностей, и каждый в меру своих сил и способностей принимал участие в общественных работах. Оззи узнал от Сары, что по большей части общество в Крепости оставалось вполне цивилизованным. На ее памяти был лишь один неприятный период, когда сильфены не приходили на охоту больше года и мясо ледового кита закончилось.

Установку второго полоза на сани закончили еще до обеда. Оззи отошел к Джорджу Паркину и наблюдал, как забиваются в паз закрепляющие шпильки.

— Два дня! — радостно воскликнул Джордж. Он говорил с сильным акцентом какого-то района Англии, и Оззи никак не мог вспомнить, какого именно. — Клей быстро высохнет, и тогда санями снова можно будет пользоваться.

Он поджег сухие волокна лишайника в своей костяной трубке и затянулся. Запах был отвратительным.

— Сколько у нас таких больших саней? — спросил Оззи, отгоняя рукой дым.

— Пять. После очередной охоты, когда появится новый запас кости, я собираюсь построить еще одну повозку. Есть кое-какие идеи по улучшению конструкции, а эти сани уже столько раз ремонтировались, что стали ненадежными.

— Пять больших повозок и, кажется, семь маленьких, верно?

— Девять, если считать одиночки.

— Этого мало, чтобы усадить всех.

— Мало. В больших санях на охоту выезжает двадцать пассажиров. Поместилось бы и больше, но приходится везти с собой палатки. Здешные ночи — сущий ужас, помогают только трехслойные меховые пологи. И еще в санях надо оставить свободное место, чтобы привезти ледового кита. Это такая громадина. Скоро сам увидишь.

— Но в Ледяной Крепости достаточно кости, чтобы построить еще повозки.

Джордж, попыхивая трубкой, взглянул на него с любопытством.

— Нет, лишних запасов здесь не бывает.

— А стулья, койки, рамы для обработки шкур? Здесь тонны кости.

— Мы всем этим пользуемся, — возмущенно возразил Джордж.

— Кость можно было бы употребить иначе.

— К чему ты ведешь, парень?

Оззи вытер нос тыльной стороной перчатки: в мастерской, как всегда, было сыро и холодно.

— Я к тому, что можно было бы уехать отсюда. Всем сразу.

— Какая чушь! Как ты до этого додумался, парень?

— Ведь все выходят на охоту, так? Кто-то идет пешком, кто-то на лыжах, и приходится торопиться, чтобы не отстать от сильфенов.

— Верно.

— Так надо выехать на санях. Погрузить всех, людей и чужаков, взять всех животных — тетраджаков, лонтрусов и убнанов, менять их в упряжках, резать, если они выбьются из сил. Но так мы сможем двигаться наравне с сильфенами. Мы сумеем, старик!

Джордж вытащил трубку изо рта и некоторое время внимательно ее рассматривал.

— Неплохая идея, парень, но в лесу, на другой стороне от места охоты, эти большие сани не пройдут.

— Ну и ладно. Мы разберем их и построим малые повозки. Они будут легче и быстрее. Это увеличит наши шансы.

— Да, может, ты и прав. Но как это увязать с причинами, по которым мы здесь оказались?

— Что ты имеешь в виду? Мы оказались здесь, потому что свернули не на ту тропу.

— Ты так думаешь? Ты до сих пор считаешь, что жизнь ограничивается физическим уровнем? А как же духовность?

— Моя душа в порядке и жаждет выбраться отсюда.

— Я рад за тебя. А вот я не готов отсюда уйти. Я верю, что мы попали сюда не без причины, и это касается каждого. Ледяная Крепость учит нас познавать себя, учит тому, что мы должны узнать, хотя и не всегда хотим этого. Здесь все знают, что в Содружестве ты был очень богат; много людей отправляются бродить по тропам. Я и сам так сделал. Каким же я был тогда глупым бездельником. Обычное дело: родился в семье, где денег больше, чем ума. Я из Йоркшира, там родился, там воспитывался и впитывал местные традиции. Моя семья разбогатела на мусоре — сборка и перепродажа, мы делали золото из грязи. Мы занимались этим не одно столетие, перерабатывали мусор, когда еще никто не слышал о рециклировании. Потом Европа буквально помешалась на этой идее. Токсичные отходы использовать было нельзя, а все, что годилось, пускалось в переработку. Все закончилось горами холодильников, потому что никто не брался за сбор жидкости из систем охлаждения, потом выросли горы компьютеров и автомобилей. Мы создали Альпы из товаров потребления, ждущих безопасной переработки. Вот тогда наша семья дождалась второго

взлета. Потом появился ты и твой дружок со своими червоточинами, и все остальные сразу решили выбросить токсины и яды в космос. Мы избавились от старых перерабатывающих заводов, но продолжали собирать мусор и переправлять его через ваши нуль-переходы. Это был третий взлет нашей семьи.

— Корпорация «М-и-С», — воскликнул Оззи, — крупнейший в Европе переработчик мусора. Это ваша компания?

Джордж, довольный, что Оззи слышал о его компании, кивнул:

— Да, точно. А ты знаешь, что означает название? Муха из слона.

— О чем-то таком я догадывался.

— Вот для этого я и был рожден. Но не оправдал надежд. Я был тогда абсолютным бездельником, да еще и невероятным глупцом. Меня интересовало все, что можно получить за деньги: вечеринки, женщины, путешествия, наркотики, омоложения — все самое лучшее. И знаешь, что я скажу, — после третьего захода все это чертовски надоедает. Поэтому я отправился на поиски троп и волшебного народа — это единственное, чего нельзя купить.

— И тропа привела тебя сюда.

— Да. Здесь я пытаюсь познать самого себя, мистер Айзекс. Я пытаюсь понять, что значит жить реальной жизнью. Здесь я стал важной персоной — люди спрашивают меня, что делать с костью ледового кита, как ее обрабатывать, как резать и клеить, как лучше распилить. Меня уважают. Может, для тебя это ничего не значит, ты многого добился в своей жизни, но это уважение я заслужил, и заслужил тяжелым трудом. Поэтому я здесь. Когда-нибудь я уйду. Все мы так или иначе уйдем — или по тропе, или умрем где-нибудь в лесу. Но до тех пор я буду делать все, что в моих силах, чтобы помочь друзьям по несчастью.

— Кто-нибудь еще слышал от тебя эту речь?

— Да, те, кому это было нужно. Хотя я вижу, что тебе это ни к чему, у тебя своя мудрость. Так что давай оставим все как есть. Что, если мы послушаем тебя и все уйдем, но не добьемся успеха? Что, если тропы отвергнут нас? Мы застрянем в лесу, слишком далеко, чтобы вернуться: в бурном потоке без весел. Да и не все согласятся на это. Здесь есть такие же, как я, и коррок-хи не намерены никуда уходить. Это место как раз для них. А как же те, кто сюда попадет? Что бы стало с тобой, если бы вас не подобрала Сара?

— Логично.

— То-то и оно. Это место существует не зря. Если тебе здесь не нравится, это еще не значит, что должны уйти все.

— Верно. Думаю, мне надо пойти и подумать над планом Б, не так ли?

Джордж махнул на него трубкой.

— Иди. Только не забудь вернуться после обеда. Нам нужны руки, чтобы спустить сани с подставок.

— Конечно. — Оззи отошел на пару шагов, потом обернулся. — Джордж, ты случайно не знаешь пары фраз, чтобы завязать разговор?

Джордж снова осмотрел свою трубку.

— Если бы и знал, не стал бы их тратить на таких, как ты.

Оззи вышел из мастерской и направился к своей комнате. Джордж напомнил ему о самых неприятных днях в старших классах школы, о тех случаях, когда он подходил к кабинету директора. Он охотнее остался бы после уроков, чем выслушивал выговоры.

Он не мог сказать Джорджу, да и Саре, если уж на то пошло, что предлагал массовый исход только из-за Ориона. Взять с собой парня и уйти вдвоем он не решался. Одному было

бы намного проще. Оззи умел ходить на лыжах и даже начал вырезать их себе из китовой кости. Никакие сильфоны, какими бы быстроногими они ни были, не могли уйти от лыжника. Он смог бы унести с собой и сухие пайки, и энергетические напитки, и легкую палатку. Но Орион... До того как они здесь оказались, парень вообще не видел снега, не говоря уж о лыжах.

Каждый раз, как только он начинал строить планы, в голову закрадывалась одна и та же мысль: насколько все было бы легче, если бы он оставил Ориона.

Когда-нибудь ему придется решиться, выбора нет. Он не собирался искать просветления и самопознания, он вышел на тропу по иной причине. И что там сейчас творится в Содружестве, одному Богу известно.

Оззи пересек главный зал и свернул в коридор, ведущий к их с Орионом комнатам. Навстречу ему попался точи, вышедший из пещеры, где он обычно ночевал. В первый день пребывания в Ледяной Крепости Оззи по ошибке принял этого чужака за молодого райеля. На первый взгляд ошибиться было нетрудно: у точи тоже было гладкое тело, напоминавшее сплюснутое яйцо длиной около трех метров и по высоте доходившее Оззи почти до середины груди. Из-за жесткого меха цвета темной карамели оно казалось еще больше. Кожа точи, словно морда бульдога, была покрыта многочисленными морщинами и складками. Из складок, словно высохшие водоросли, торчали странные черные морщинистые отростки. Оззи они напоминали мертвых кожистых паразитов, тем более что в атмосфере Ледяной Крепости они настолько высохли, что начали крошиться и отламываться.

В передней части конического тела имелось выдающееся вперед ротовое отверстие, казавшееся слишком маленьким для массивного тела, но за открывающимися губами можно было рассмотреть расположенные по кругу очень острые зубы. Примерно на метр позади рта был расположен глаз — по крайней мере, люди считали, что это был зрительный орган, — округлая пирамида, образованная тремя овальными секциями из черной полупрозрачной материи, причем передняя часть была вдвое больше, чем две остальные.

Но самым любопытным был способ передвижения точи. Вдоль нижней части туловища шли два толстых упругих гребня — точь-в-точь как лыжи, но, чтобы подвинуть тело вперед, они извивались, словно змеи. На поверхности гребней, испещренных коричневатыми пятнами, были заметны трещины, сочившиеся бурой слизью. Сара говорила, что точи обнаружили на кромке кристаллического леса в очень плохом состоянии.

Передвижение при помощи гребней имело неоспоримые преимущества, но приспособить для них какую-то защиту было невозможно. Точи явно попал сюда из мира с теплым климатом. От прикосновения с промерзшей землей гребни были сильно обморожены, и, хотя с тех пор прошло уже около двух лет, плоть еще не восстановилась.

Вторая пара гребней проходила вдоль спины. Эти выросты были короткими, но более объемными. Оззи видел, как они быстро увеличивались в размере, когда требовалось взять кружку или тарелку или поднять предметы, слишком тяжелые для рук человека. В таких случаях отростки напоминали гигантских амёб или толстые щупальца, легко оперирующие инструментами, что свидетельствовало о высокой степени эволюции.

По правде говоря, только манипуляторы из плоти да несколько высокотехнологичных предметов, имевшихся в портупее точи, убедили обитателей Ледовой Крепости, что перед ними было разумное существо. За все два года никто так и не научился с ним общаться. Рот точи не воспроизводил ни единого звука, не говоря уж о речи. Окружающие решили, что он был глух. Они пытались объяснить при помощи рисунков, но точи их не понимал.

Оставались только простейшие жесты: иди, стой, подними, положи. Как правило, он подчинялся командам, как это делает дрессированная собака.

Даже его настоящее имя никому не было известно, и коррок-хи назвал его «точи», что на его наречии свиста и завываний означало «большой толстый червяк».

— Что же ты здесь ищешь? — вслух пробормотал Оззи, останавливаясь перед точи.

Голова точи слегка качнулась из стороны в сторону, так что у Оззи возникла ассоциация с каким-то животным, ожидающим наказания. Но если учесть, что это существо каждый день на обмороженных гребнях таскало от фонтана на кухню бадьи с водой, не имея возможности ни с кем поговорить или узнать, что происходит снаружи, нельзя было удивляться его унылому виду.

— Ладно, давай посмотрим. — Он обошел точи сбоку и отдернул занавес. Оззи показалось, что проволочная сетка немного сдвинута, словно кто-то осторожно заглядывал внутрь, но сказать точно он не мог. — Входи.

Он широким приглашающим жестом взмахнул рукой. Массивное существо плавно развернулось в коридоре и вползло в спальню. Оззи не в первый раз поразился ловкости чужака: при такой массе он двигался очень быстро и точно. Сев на кровать, он обвел жестом помещение.

— Располагайся.

Чужак не двинулся с места, обратив передний глаз точно на человека.

— Ну ладно.

Оззи подошел к своему хранилищу и, закрыв замок спиной, набрал секретный код. Он еще не доверял чужаку. Горловина сетки открылась, и он начал вытаскивать различные предметы и раскладывать их на полу. Нижние гребни точи слегка расслабились, опустив туловище; затем левый манипулятор вытянулся в щупальце, поднял замок и кончиком потыкал во все пять кнопок. Но замок не сработал.

— А-а-а! — протянул Оззи. Нажимать кнопки может только тот, кто знаком с техникой. — Значит, ты знаешь технику, но мы не можем общаться. Почему?

Он вернулся на кровать и опять уставился на точи. Возможно, это была чисто человеческая фантазия, но Оззи показалось, что неудача с замком сильно огорчила точи. Чужак медленно положил устройство на пол, и его мелкие черные выросты поникли, словно побитые морозом листья.

— Ты не пользуешься звуками, что же тогда остается? Телепатия? Сомнительно. Магнитное поле? Его ощущают пчелы и троккен-маршратты, но ведь сильфены глушат его в своих мирах. Хотя это возможно. Электромагнитные волны? С ними та же история, ни одно устройство не работает. Образы? Зрение у тебя в порядке, так что это еще один вариант. Твои трюки с изменением формы я повторить не могу, но Сара говорила, что рисунков ты тоже не понимаешь. — Он задумчиво наклонил голову набок. — Это человеческие рисунки. Твои я бы тоже не понял. При условии, если ты бы их нарисовал. Разница культур? Интересно, понятие искусства вам знакомо? Оззи замолчал. Он сознавал, насколько глупо себя ведет, разговаривая вслух с чужаком, который его не слышит. Точи все так же направлял свой глаз строго в его сторону. Оззи немного передвинулся на кровати. Передняя часть тела точи шевельнулась, повторяя его движение.

— Почему же ты это сделал? Что ты пытаешься этим сказать? Нет, не что, а как?

Оззи уставился на продолговатый овал из черной блестящей плоти. Если не звук, не эмиссия...

— Чушь какая-то.

Он переключил визуальные вставки в инфракрасный диапазон, и тело точки покрылось странными узорами, повторяющими расположение кровеносных сосудов и отдельных органов в теле чужака. Тогда Оззи стал медленно менять спектр, пока не дошел до области ультрафиолета.

— Черт!

От неожиданности Оззи подпрыгнул и упал с кровати. Передняя доля глаза точки сияла сложными темно-пурпурными узорами.

Через пару часов, когда Орион после обеда вернулся в комнату, он обнаружил, что вход почти полностью заблокирован тушей точки. Оззи сидел на койке и лихорадочно рисовал что-то карандашом в своем блокноте. Каменный пол был усыпан клочками бумаги с непонятными картинками вроде цветов, нарисованных пятилетним ребенком, но с извилистыми молниями вместо лепестков.

— Тебя искал Джордж Паркин, — выпалил Орион. — А почему он здесь?

Оззи с безумной улыбкой на лице поднял голову; его лохматая шевелюра встала дыбом, словно от сильного статического заряда.

— А, мы тут с точки немного заболтались.

Его слова буквально сочлись самодовольством.

— Что? — выдавил Орион.

Оззи поднял один из листков, вырванных из записной книжки. Рисунок напоминал розетку из битого стекла, но в верхнем углу было что-то написано. Другой рукой Оззи из груды наваленного на полу имущества взял кожаный ботинок.

— Это символ обуви, — ликующим тоном объявил он. — Да, смотри, он его повторяет. Потому что он может означать еще и шкуру убитого животного, но не это главное. Мы работаем. Мы составляем словарь.

Орион озадаченно перевел взгляд с Оззи на точку.

— Что повторяет?

— Символ. В нем есть еще и другие компоненты, но они все время движутся. Я их вижу, но зарисовать не могу. Поэтому фиксирую только основы. Думаю, движущиеся части могут быть элементами грамматики или несут контекстную информацию.

— Оззи, какие символы?

— Сядь, я тебе все объясню.

— Он разговаривает картинками? — спросил Орион десять минут спустя.

— Можно сказать и так.

— А точно?

— Воспроизводимые им образы — это проекция визуального языка, что-то вроде названий, которыми мы обозначаем предметы. Мне кажется, со своими сородичами они объясняются чрезвычайно быстро. В каждом символе содержится масса информации. А я пока только постигаю основы. Я хочу попытаться научить его человеческому алфавиту. Ничего удивительного, что он не понимал картинки, нарисованные Сарой. Это все равно что пытаться при помощи карандаша воспроизвести полноценную цветную голограмму. Боюсь, точке придется научиться мыслить на нашем уровне.

— Это хорошо.

— Ты говоришь таким тоном, словно сообщаешь о величайшем в мире несчастье.

— Ну, для точки все это прекрасно, но никакие картинки не помогут нам выбраться из

этого отвратительного мира, не так ли?

— Ты так думаешь? — Оззи ухмыльнулся. — А знаешь, о чем точи спросил меня в первую очередь? Не сможем ли мы забрать его отсюда. Это значит, мы можем объединить усилия. Втроем мы станем отличной командой.

— Как это?

— Точи силен и проворен. А это необходимо, чтобы не отставать от сильфенов.

— Оззи, он не может даже выйти наружу! Он замерзнет!

— У меня есть на этот счет кое-какие идеи. Завтра я поговорю с Джорджем.

Орион с любопытством посмотрел на точи.

— Ты и вправду думаешь, что он сумеет нам помочь?

— Надо надеяться, старик. Мы пока только дурачились, убеждая друг друга, что можем разговаривать. Теперь предстоит выстроить настоящий коммуникационный мост. В моих вставках есть несколько еще работающих программ перевода и интерпретации вроде тех, которые применяют в ККТ при первой встрече с новыми расами. Они помогут нам пройти от «мама мыла раму» до обсуждения вопросов метафизики. Черт, насколько все было бы проще, если бы работал портативный модуль.

— Хорошо хоть есть вставки.

— Да, ты прав.

— Оззи, смотри!

Точи вытянул щупальце-манипулятор и поднял с пола листок. Рисунок на нем напоминал спираль из снежинок, а в углу рукой Оззи было написано: «Модуль или электроника в целом?»

— Почему именно этот? — пробормотал Оззи. Он перевел взгляд на переднюю секцию глаза, мерцающую быстро движущимися лиловыми контурами. — А, это может быть коммуникационное устройство. Похоже, точи предлагает мне этим заняться.

— Могу я посмотреть? — взволнованно спросил Орион. — Это намного интереснее, чем конюшня.

— Да, оставайся. Но это займет немало времени.

Несколько дней она обхаживала отца, пока тот не согласился приехать на уик-энд. Нельзя сказать, чтобы Джастина Бурнелли так уж сильно хотела его видеть — тем более всего через полгода после очередного омоложения. Он и в лучшие времена бывал совершенно невыносимым, а когда к его природному упрямству добавилась энергичность молодости, поведение отца в опасной степени приблизилось к полной неадекватности. Тем не менее она сознавала, что его присутствие сделает уик-энд значительным событием; без него необходимые игроки могли бы вообще проигнорировать приглашение.

Они выбрали Сорбонский Лес — семейное поместье на западном побережье в окрестностях Сиэтла, с его быстрыми реками и обширными лесами, укрывшимися среди гор. Она предпочла бы Дом Тюльпанов — первый дом семьи на восточном побережье, как более цивилизованное жилище по сравнению с этим почти тайным деревенским убежищем, но не хотелось привлекать излишнего внимания к этой неформальной встрече.

Гости начали съезжаться в пятницу после обеда. Джастина приехала на день раньше и лично наблюдала за приготовлениями, никогда не доверяя мероприятию такого уровня своим помощникам. В Сорбонском Лесу стоял только один, главный дом, первоначально построенный из камня и бетона, а впоследствии он одним из первых на Земле был тщательно укрыт сухим кораллом. Коралл высадили больше двух столетий назад. Два естественных цвета — бежевый и лиловый — казались почти безжизненными на фоне разнообразных окрасок, предлагаемых современными строителями. К тому же переплетенным росткам на стенах и крыше недоставало густоты, а на самых старых участках они уже начинали крошиться, и садовникам приходилось постоянно поддерживать рост новых кораллов. Теперь толщина кораллового слоя уже превосходила толщину самих стен, и широкие панорамные окна терялись в их глубине. Комиссия по экологии ФОН наверняка бы санкционировала уничтожение кораллов и огромный штраф за выращивание чужеродных организмов в таком объеме, но преодолеть охранный периметр Сорбонского Леса не удалось бы ни одному чиновнику.

Внутри главного дома имелось множество приемных, гостиных и столовых. Члены семьи и гости располагались в любом из дюжины коттеджей, расставленных широким полукругом в заднем парке и соединенных с главным домом увитыми розами галереями. Снаружи эти дома почти в точности соответствовали местному колориту: бревенчатые стены и черепичные крыши, но удобства и обстановка удовлетворяли самым высоким запросам двадцать четвертого столетия.

Первым под навес перед входом, в огромном черном лимузине «ЗИЛ», въехал Гор Бурнелли. Несмотря на электрический двигатель, этот шестиколесный монстр был настолько тяжелым и длинным, что наверняка нарушал какие-нибудь законы об охране окружающей среды. Ее собственный «Ягуар» был вполовину меньше. Еще три больших седана привезли свиту ее отца, а эл-дворецкий известил еще о двух машинах, направляющихся к небольшой деревушке, где жила прислуга.

Джастина вышла, чтобы приветствовать старого короля-тирана. Задняя дверца «ЗИЛа» распахнулась, выдвинулись ступеньки, и первыми выскочили два его помощника, одновременно выполняющие обязанности телохранителей. В своих элегантных черных костюмах и оправленных в серебро очках они выглядели точь-в-точь как гангстеры из

фильма. Джастина и бровью не повела при их появлении. В этом месте в них не было необходимости, и отец это прекрасно знал. Возможно, он слегка изменил свой мозг, чтобы казаться более суровым, чем был на самом деле. Последний его процесс омоложения в семейном биогенетическом центре длился дольше, чем обычно.

Гор Бурнелли выбрался из машины и понюхал воздух.

— Чертов Сиэтл, опять этот проклятый дождь, — проворчал он. С неба сыпалась мелкая изморось, и с хвойных деревьев, посаженных вокруг навеса, постоянно капала вода. — Не понимаю, почему бы нам не перенести этот дом в Англию. Погода та же, а пиво там лучше.

Джастина обняла отца.

— Перестань, папа. Этот уик-энд и так будет для меня нелегким, неужели придется еще и тебя держать в форме?

Он попытался усмехнуться. Но с новым лицом это было нелегко. Джастина еще могла разглядеть его естественные черты, и в нынешнем двадцатилетнем состоянии он был бы поразительно красив. Густые светлые волосы после стрижки уже начали отрастать и завиваться. Но огромное количество и сложность ОС-татуировок привели к тому, что линии слились меду собой и образовали сплошную золотую маску, как у древнеегипетского фараона.

— Можно подумать, я осмелюсь жаловаться, раз уж ты меня запрягла.

— Как мама?

Гор закатил глаза; они, по крайней мере, остались прежними.

— Откуда я могу знать? Это ты сказала мне, кто она. Я стер воспоминания сто лет назад.

— Обманщик.

Джастина заметила, как напряглись телохранители. Возможно, они не привыкли к тому, чтобы кто-то так разговаривал с боссом. Но в конце концов, она была первенцем Гора, зачата и рождена естественным путем, в отличие от пятидесяти с чем-то других детей, последовавших за ней и ее братом. В те времена Гор был обычным миллиардером, унаследовавшим богатство двух старинных американских семейств, объединившихся в результате династического брака. В результате хитроумных комбинаций и не без некоторой доли политического содействия его портфель ценных бумаг расширялся по мере распространения человечества в первой зоне космоса. Бурнелли, как и все остальные Великие Семейства Земли, оправдывали поговорку о том, что деньги притягивают деньги. В «Доусонском рыцаре» — юридической и консалтинговой фирме, составляющей ядро финансовой империи Бурнелли, — работали почти исключительно члены этой семьи. Главной ее целью было преумножение и сбережение уже имеющихся богатств. Владения Бурнелли распространялись на все планеты Содружества, от нескольких акров земельных участков в окрестностях столиц новых миров третьей зоны до целых массивов производственных мощностей на каждой из планет Большой Дюжины, от транспортных и сбытовых компаний до банков, коммунальных служб и самых современных и только развивающихся предприятий. Во всем, что приносило или со временем могло приносить доход, они успевали отхватить свою долю.

Джастина уже не одно столетие играла огромную роль в управлении семейной империей в различных областях, начиная со специалиста по улаживанию конфликтов и заканчивая главой отдела по заключению договоров, а в последнее время выступала и как

проницательный политический игрок. Хотя она и не стремилась к громкой политической карьере, избранной ее братом. Но, несмотря ни на что, несмотря на все сделки, манипуляции и маневры, проведенные Джастиной за долгие годы, священным и неприкосновенным центром бесконечно расширяющейся империи оставался Гор.

— Ладно, я видела маму месяц назад, — сказала Джастина. — Она шлет привет.

— Она ведь не приедет сюда?

Фокусировка взгляда Гора неожиданно сместилась. В его виртуальном поле зрения, как и всегда, работали финансовые и новостные дисплеи и непрерывно менялись биржевые сводки. «Доусонский рыцарь» неустанно отыскивал новые возможности покупки контрактов, земли, валюты, и, если такая возможность появлялась, он мгновенно реализовывал ее.

— Нет, здесь тебе ничто не грозит, — сказала Джастина.

— Отлично. Я пойду в свой домик, но, прежде чем вы начнете свои политические игры, я хотел бы встретиться с тобой и твоим братом.

— Я скажу Томпсону, как только он появится.

Гор пошел к главному дому, вслед за ним потянулись телохранители и помощники. В хвосте процессии шли две девушки восточной внешности в белых обтягивающих микроплатяцах — то ли близнецы, то ли так перепрофилированные на клеточном уровне, что выглядели одинаково. Обе вежливо поклонились, проходя мимо Джестины, а она еле удержалась, чтобы не обжечь их сердитым взглядом. В некотором отношении ее отец никогда не менялся. Девицы были частью его расписания, как финансовое совещание или прием пищи. Все его дни на несколько недель вперед были расписаны по минутам. До Джестины доходили слухи о якобы проведенном психонейронном профилировании, которое вызвало маниакальную увлеченность работой и привязанность к семье. Но она еще помнила свое детство, когда отец редко приходил с Уолл-стрит домой раньше десяти или одиннадцати часов, а выходные проводил в своем кабинете, в компании компьютеров. Он всегда был целеустремленным, а человеческие потребности сводил к минимуму. С развитием технологии для наблюдения за главными финансовыми рынками Содружества ему требовалось все больше и больше устройств.

Спустя четверть часа после прибытия Гора в Сорбонский Лес приехал Кэмпбелл Шелдон. Джастина приветствовала его почти искренней улыбкой. Кэмпбелл был одним из правнуков Найджела, младшим из трех братьев, родившимся от прямой внучки. Степень родства обеспечивала ему немалое преимущество в рамках семейства, а поскольку он выбрал местом работы ККТ, Кэмпбелл добился высокого ранга и сейчас занимал должность начальника отдела перспективных гражданских и коммерческих проектов. И это несмотря на твердое убеждение Найджела, что семья помогает только поставить ногу на первую ступень служебной лестницы, а остального человек должен добиваться самостоятельно.

Кэмпбелл привез с собой только двоих помощников и больше никого. Джастина вспомнила, как на предыдущих встречах ее всегда приятно удивляла его сдержанность в отношении внешней показухи. На данный момент Кэмпбелл находился между двумя омоложениями, и на вид ему можно было дать сорок с небольшим. Его излишне пухлые щеки скрадывала аккуратная борода, а в остальном Кэмпбелл унаследовал свои черты от Найджела: глубоко посаженные глаза, небольшой нос и темно-русые волосы. За ушами и чуть ниже мочек блестели платиновые ОС-татуировки.

— Ты прекрасно выглядишь, — сказал он, расцеловав Джестину в обе щеки.

— Спасибо. В прошлый раз ты видел меня накануне омоложения; вероятно, все дело в этом.

— Если я правильно помню, это была вечеринка на яхте сенатора от Муанга. После церемонии открытия моста через Брейби. Над яхтой летали воздушные рыбы, словно желтые шарик.

— Боже мой, как ты хорошо подготовился. Похоже, мне придется всю ночь освежать воспоминания.

— Надеюсь, что не всю ночь. Это было бы непозволительной тратой времени.

— А, вот таким я тебя и помню.

Она жестом пригласила его войти в вестибюль.

— Что я могу сказать? Я же Шелдон, обязан поддерживать репутацию.

— А на яхте с тобой, кажется, была певичка из рок-ансамбля, не так ли?

— А, милашка Каллисто. Мы очень быстро расстались. Она бросила меня ради ударника.

— Она взяла себе имя спутника?

Кэмпбелл пожал плечами.

— Тогда это было модно.

— А что модно теперь? Астероиды? Кометы?

Кэмпбелл рассмеялся, затем оглянулся на дом.

— Это настоящие сухие кораллы? На Земле?

— Да. Только прошу тебя, не выдавай нас федералам. Эти кораллы старше многих членов нашей семьи.

— Меня легко подкупить. Неторопливая выпивка поздним вечером. Совместное купание при свечах. Занятие любовью в кровати под балдахин.

Джастина улыбнулась в ответ.

— Я подумаю насчет того, чтобы нырнуть вместе с тобой в один из горных ручьев. В поместье их достаточно.

— Боже, да ты садистка. Купаться в штате Вашингтон ранней весной? Ты хоть знаешь, что может сделать с мужчиной холодная вода?

— Я хотела выяснить, известно ли это тебе.

— Ладно. Но мы с тобой обязательно поговорим за стаканчиком попозже вечером. Какая форма одежды?

— Произвольная. Совет Внешней Защиты уже принял основное решение по вопросу об агентстве межзвездных полетов. Осталось только утрясти несколько политических нюансов, чтобы в сенате все прошло гладко. И я могла бы предложить... воспользоваться отличной возможностью прозондировать почву, поговорив с Патрицией Кантил.

— Хм, — буркнул Кэмпбелл. — Она тоже будет здесь?

— О да.

Патриция Кантил приехала вскоре после Кэмпбелла. Она прибыла на «форде» не самой роскошной модели, в деловом костюме, тоже не сшитом на заказ, и классических черных лодочках. Она сохраняла физический возраст около пятидесяти лет — достаточно взрослая, чтобы вызывать доверие, но не настолько старая, чтобы сомневаться в умственных способностях. Сеть ОС-татуировок вокруг глаз была нанесена такими тонкими линиями, что по большей степени оставалась незаметной. Прическа и макияж ненавязчиво подчеркивали латиноамериканское происхождение. Джастина прекрасно понимала, что и то и другое

стоило немалых денег, но, когда Патриция стояла на шаг позади своего босса Элейн Дой, избиратели этого увидеть не могли.

Сам факт, что главный политический советник Дой спустя всего десять дней после ее заявления о вступлении в борьбу за пост президента проводит уик-энд в Сиэтле, о многом говорил Джастине. Эти два дня станут для Патриции неплохим стартом для лоббирования интересов своей начальницы. Вместе с ней приехал и ее секретарь, серьезный молодой человек, одетый в костюм от известного модельера, какой горожане предпочитали для поездок за город. Парень держался на шаг позади Патриции и говорил только в тех случаях, когда обращались непосредственно к нему.

Джастина еще занималась с ними, когда с Окклата прибыла третья гостя. Молодая женщина с длинными светлыми волосами, да еще выше и стройнее, чем сама Джастина. Ее бесстыдно дорогая одежда — короткая юбка и блестящий золотистый топик — подчеркивали изящество фигурки. Девушка огляделась по сторонам с интересом, свидетельствующим о первой жизни, и одобрительно улыбнулась.

— А это Изабелла, — представила ее Патриция. — Моя спутница.

— Привет. У вас тут здорово, — заявила Изабелла, энергично протягивая руку.

— Спасибо, — ответила Джастина. — Мы потратили немало времени, но получили то, что хотели.

Ей было нетрудно окатить девицу ледяным душемиронии и сарказма, так что та бы ничего и не заметила, но это обнаружило бы дурной характер Джестины, а в этот уик-энд ей не нужно было никаких осложнений. Джастина лишь запросила у своего эл-дворецкого все сведения об Изабелле. В ее внешности обнаруживались какие-то наследственные черты, что заставило Джестину соблюдать осторожность. Девица явно принадлежала к Великому Семейству или Межзвездной Династии, но какой именно?

— Изабелла Елена Халгарт, — доложил ей эл-дворецкий. — Восемнадцать лет. Вторая дочь Виктора и Бернадетт Халгарт.

Далее шел небольшой список школ, где училась Изабелла, ее достижений в науках и спорте, ее интересов и благотворительных дел. Обычная чепуха, сочиненная семейством.

Проклятье!

Джастина проводила Патрицию в ее домик, а сама сразу же вызвала Эстеллу Фентон.

— Мне нужна кое-какая информация.

— Дорогая, какая честь для меня! — насмешливо ответила Эстелла. — Что же такое я могу знать, что было бы неизвестно твоей семье?

— Все об этой девчонке. — Джастина виртуальным пальцем послала Эстелле файл, содержащий поверхностные сведения об Изабелле. — Ты королева сплетен, а мне необходимо выяснить ее истинное положение в семье Халгартов.

— Если бы это сказал кто-то другой, я бы все отрицала, — сказала Эстелла.

— Пожалуйста! Мне известно положение почти каждого члена Великих Семейств, но она из Межзвездной Династии.

— Понимаю, дорогая. Нувориши из новых миров, причем не самые лучшие. У меня собрано на нее маленькое личное досье. Что конкретно ты хочешь узнать?

— Она пользуется влиянием?

— Нет, ничего подобного. Пятнадцатое поколение, а Виктор из одиннадцатого. И отец и дочь — дети из пробирки, так что это не прямая линия, просто обязательное продолжение рода. У нее минимальный трастовый фонд, освобождающий от необходимости работать, но

и не гарантирующий положения в высшем обществе. В прошлом году она окончила школу и до сих пор не выбрала университет. По правде говоря, ходят слухи, что при омоложении ей предстоит некоторая корректировка мозга. Ее ай-кью далек от верхних значений. Пережила несколько увлечений такими же незначительными личностями, а сейчас спит с... Да, с Патрицией Кантил. Это и есть причина твоего любопытства?

— Да. На этот уик-энд приедут старшие представители Халгартов. Не знаю, успела ли Патриция заручиться их голосами. Если положение Изабеллы будет воспринято соответствующим образом, могут возникнуть проблемы.

— Расслабься, дорогая. Я тебе ничего не говорила, но Эдембург уже единодушно поддерживает Дой. А это шестая планета из Большой Дюжины. Так что можешь не беспокоиться насчет Патриции с Изабеллой.

— Халгарты в конце концов решили поддержать Дой? Поздравляю, ты осведомлена лучше, чем я. Спасибо, мне и в самом деле ни к чему осложнения в последнюю минуту. Считай меня твоей должницей.

— Непременно. В следующий раз, когда мне для ужина потребуется персона категории А...

— Я приму приглашение.

Четвертым приехал Герхард Утрех, представитель четвертого поколения семьи Браунт, основавшей Демократическую Республику Новой Германии. Став адвокатом, он устранился от управления семейными финансами и некоторое время работал в юридическом ведомстве планеты. Несколько десятков лет назад он стал сенатором Содружества от ДРНГ. Одно время он состоял в браке с представительницей семейства Бурнелли, они произвели на свет двух отпрысков, родившихся искусственным путем. Джастина не считала его значительной фигурой, но Герхард мог стать хорошим союзником.

Она пригласила еще и Ларри Фредерика Халгарта, представителя третьего поколения династии. Он привез с собой Рафаэля Колумбия, ставшего неизбежным дополнением к остальным гостям. Уже после получения приглашения Ларри настоял на том, чтобы привезти и Наташу Керсли, тоже прибывшую в его лимузине. Джастина, отыскав ее имя в базе данных Бурнелли, слегка побледнела. Наташа не была членом именитой семьи. И о специальном наблюдательном научном совете, исполнительным директором которого являлась Наташа, она тоже до сих пор не слышала. А Ларри сказал только, что она «руководит теоретическими исследованиями оружия. Чужеземного оружия».

Сбор гостей завершился прибытием еще двух сенаторов. Сначала приехал Криспин Голдрич, чье положение в бюджетной комиссии Содружества позволяло оказывать значительное влияние на подготовку межзвездных полетов и весь проект в целом. В досье Джестины он числился как умеренный скептик.

И наконец, Рамон ДБ, сенатор от Буты, хотя, как ни странно, не принадлежавший к клану Мандела, основавшему этот мир Большой Дюжины. Он был лидером Африканской группы в сенате, и это обеспечивало ему значительный политический вес. Кроме того, в течение двенадцати лет он был мужем Джестины, хоть это и было восемьдесят лет назад.

— Ты меня еще помнишь? — с напускной скромностью спросила она, как только Рамон выбрался из машины.

В ответ он заключил ее в крепкие объятия.

— Черт побери, как ты соблазнительна в этом возрасте, — ласково проворчал он. Потом он отстранился на расстояние вытянутой руки и оглядел Джестину с головы до ног. В

его глазах мелькнуло сожаление. — Не могли бы мы снова пожениться?

Настала ее очередь окинуть его взглядом. Традиционное одеяние из полуорганического волокна радужной расцветки не переставало развеиваться, словно от легкого ветерка. Но даже это не могло скрыть выступающего животика. Его фактический возраст приближался к шестидесяти, и на висках появились седые волосы. Иссиня-черные линии ОС-татуировок на щеках то проявлялись, то исчезали.

— Какой вес скрывается под этим роскошным костюмом? — спросила она.

Он молитвенно сложил перед собой ладони и поднял глаза к небу.

— Бывшая жена остается женой навсегда. Я держу себя в форме.

— В какой форме? Пляжного мяча? Рамми, ты же знаешь, что из-за лишнего веса у тебя могут возникнуть проблемы с сердцем.

— Сенаторам поневоле приходится ежедневно поглощать огромные порции пищи. Как я понимаю, сегодня вечером тоже предстоит ужин из восьми перемен.

— Тебе это противопоказано. Я поговорю с шеф-поваром о твоей диете на весь уик-энд. Не хотелось бы навещать тебя в клинике после оживления, Рамми.

— Ладно, уймись, женщина. Я скоро пройду процедуру омоложения. И все наладится. Перестань беспокоиться.

— Неужели они до сих пор не выбрали для тебя подходящий режим?

Он раздраженно взмахнул своей тростью с конским хвостом на верхушке.

— У меня редкие гены. Врачам трудно изолировать проблему и скорректировать работу организма.

— Тогда пусть рассмотрят возможность внедрения нового сердца. Это же так просто.

— Я такой, какой есть. И ты это знаешь. Я не хочу получить чужое сердце.

Она набрала воздуха для печального вздоха, но, прежде чем успела выдохнуть, его толстый указательный палец уперся ей снизу в подбородок.

— Не ворчи на меня, Джастина. Я так рад снова тебя видеть. Жизнь сенатора не так хороша, как кажется со стороны. Я надеюсь, в этот уик-энд мы сможем хоть немного побыть вместе.

— Обязательно. — Она похлопала его по руке. — Я все равно хотела поговорить с тобой об Эбби.

— Что еще случилось с нашим праправнуком?

— Поговорим позже. — Ее виртуальный взгляд скользнул к часам. — До начала приема я должна проверить, как там папа и Томпсон.

— Твой отец здесь?

Рамону внезапно расхотелось заходить в дом.

— Да. — Она облизнула губы, скрывая усмешку. — Это проблема?

— Тебе ведь известно, что он всегда меня недолюбливал.

— Это только твоя неуверенность и воображение. Он всегда относился к тебе благосклонно.

— Как благосклонно относится лев к дичи.

Джастина разразилась смехом.

— Ты же сенатор Содружества, неужели до сих пор его побаиваешься?

Он взял ее под руку и шагнул к входу в дом.

— Я буду ему улыбаться и поддерживать вежливый разговор на протяжении трех минут. Если после этого ты меня не спасешь, я...

— Что?

— Я тебя отшлепаю.

— Чу! Небесные ангелы снова запели радостный припев: в город вернулись старые добрые времена.

Гор Бурнелли развернул свои персональные системы и подключился к обширной сети Сорбонского Леса, устраиваясь в доме, как иные люди устраиваются в старом уютном кресле. В отличие от многих людей, кто часто прибегает к омоложениям, он не оставлял старые воспоминания в хранилище из ностальгических побуждений. Он носил их в себе при помощи вставок высокой плотности и загружал в сеть повсюду, где бы ни находился. Они были ему необходимы: чтобы заключать сделки, обеспечивающие семье прекрасное будущее, он должен был знать о прошлых делах и их мотивировках, если решались какие-то проблемы. Другие, как его дочь, полагались на краткие справки и доступ через эл-дворецкого к широкой базе данных; а он благодаря особым программам доступа мог мгновенно обратиться к сопутствующим событиям.

Сейчас его приоритетами являлись бизнес и укрепление положения семьи на рынках. Современные технологии давали ему возможность трудиться практически круглосуточно. Несколько разработанных им процедур позволили отладить процесс управления почти до автоматизма, и он мог параллельно заниматься другими делами. В данный момент, наблюдая, как его сын и дочь направляются к огромной классической библиотеке Сорбонского Леса, он просматривал бесчисленные сводки, затоплявшие пространство между изображениями детей красным цифровым ливнем. По команде его подвижных виртуальных пальцев заголовки и цифры, вспыхивая зеленым цветом, выстраивались в новом порядке, перенаправляя потоки денег и информации и формируя новые сделки и закупки.

— Все на месте, — объявила Джастина.

Он промолчал. Эта информация давно появилась в его виртуальном поле зрения; дом постоянно извещал его о местонахождении гостей, их помощников, служащих, супругов и любовниц: кто пользовался душем и ванной, кто подключался к сложной (или сложно законспирированной) системе доступа в унисферу, кто прогуливался под перголами и направлялся к главному дому, предвкушая предваряющие ужин напитки в гостиной. Эта вторичная информация формировалась в его мозгу в виде набора запахов; разнообразие ОС-татуировок позволяло ему учуять каждого гостя и определить его занятие.

— Я полагаю, что гости обеспечили нам критическую массу, — сказал Томпсон. — Если не возникнет никаких непредвиденных проблем, все должно пройти гладко.

— Это само собой разумеется, — буркнул Гор. — Но проблемы есть всегда. И я надеюсь, что вы двое сумеете их распознать и сгладить, не задевая чрезмерно раздутого эго собравшихся здесь людей.

— Пока единственной неприятностью стало присутствие Изабеллы, — сказала Джастина. — Но на радаре Халгартов она не появится. Обычное развлечение отпрысков, живущих первой жизнью. Я не думаю, что у Патриции имелись скрытые мотивы, чтобы спать с ней.

Томпсон уселся в одно из широких кожаных кресел перед камином.

— Патриция не склонна к риску любого рода. При малейшем намеке на политические осложнения она обычно избавляется от своих подружек.

— Может, это настоящая любовь? — удивленно спросила Джастина.

— Это уже не первый случай, — сказал Томпсон. — Никогда не мог понять, почему

Патриция при очередном омоложении не сменит пол.

— Для нее это неприемлемо, — объяснил Гор. — Команда Дой по большей части состоит из женщин, она работала над этим двадцать пять лет. Кто же решится ее подвести, вырастив себе член?

— Да, кстати, мы еще не заявили официально о своем намерении ее поддерживать, — вставил Томпсон.

— Это может произойти в течение уик-энда, — сказал Гор. — Если правильно выбрать момент. Но для этого я хочу получить подтверждение курса Дой на создание Межзвездного агентства. Если она его поддержит — а надо быть душой, чтобы не поддержать, — мы должны обратить самое пристальное внимание на эту структуру. Важны любые детали.

— Агентство — временный орган, — сказал Томпсон. — Нам надо сконцентрироваться на военном флоте.

— Знаю. Дойдем и до этого.

— А если флот нам не потребуется? — спросила Джастина.

— Потребуется, — твердо заверил ее Гор. — В этом я согласен с Шелдоном и Каймом. Чужаки Дайсона сначала стреляют, а потом задают вопросы. И это все, что необходимо о них знать. Содружеству нужны военные корабли, хотя бы ради устрашения. На их постройку правительство будет тратить деньги, огромные суммы денег. И надо сделать так, чтобы часть их осталась в нашей семье.

— Это нетрудно, — заметил Томпсон.

— Придурок. — Гор сжал в кулак покрытую золотом руку. — Когда же ты чему-нибудь научишься? Все Великие Семейства уже начали маневры. Джастина вовремя организовала этот уик-энд. Если мы сумеем повлиять на проект, участие в нем будет нам обеспечено.

— О каком именно влиянии ты говоришь?

— В первую очередь — это вопрос дислокации. Надо заставить Шелдона вылезти с этого захолустного Аншана. Я хочу, чтобы агентство базировалось на Высоком Ангеле, где ему самое место. У нашей семьи имеются паи расположенных там астроинженерных компаний, а со строительством космических кораблей их продукция будет пользоваться исключительным спросом.

— Под это можно подвести логическое обоснование, — заметила Джастина.

— Все и так логично. Все, что нам требуется, — это найти способ соблюсти свои интересы.

— Я поработаю над этим, — пообещала она.

Гор повернулся к Томпсону.

— Обратной стороной военного флота станет укрепление обороны планеты. Не забывай об этом во время уик-энда. Люди захотят обеспечить свою безопасность и установить над городами сверхмощные силовые поля. Я полагаю, на это будет истрачено больше средств, чем на звездные корабли.

— Ладно, я буду держать это в голове, — сказал Томпсон.

Исполнять роль хозяйки на официальном ужине Джастина могла бы даже во сне. Они устроили ужин в главной столовой с широкими полукруглыми окнами, выходящими в сад, освещенный тысячами мерцающих белых звездочек. Джастина позаботилась, чтобы Кэмпбелл сел в одном конце дубового стола, рядом с ее отцом, а сама на другом конце развлекала разговорами Патрицию. Изабелла к ужину не вышла.

— Боюсь, такие мероприятия кажутся ей немного скучными, — сказала Патриция под

негромкую джазовую музыку, исполняемую оркестром.

— Она молода, — сочувственно кивнула Джастина. — Хорошо, что вы вообще уговорили ее приехать.

— Это все из-за имен — в какой-то степени ее привлекает слава, — признала Патриция, приступая к закуске из каннеллони с копченым лососем. — В данный момент она подключилась к «Убийственному соблазну», его предпоследнему эпизоду.

— Это ведь биографическая драма по последнему расследованию Паулы Мио, не так ли?

— Да. На мой взгляд, чересчур мелодраматичная, но главная героиня в ее возрасте, и исполнение неплохое.

— Жаль, что у меня не хватает времени на новинки поп-культуры. Удивительно, что вы успеваете за ними следить, особенно сейчас.

— В мои обязанности, кроме всего прочего, входит и анализ «звездной» рекламы.

Патриция была очень любезна, но ее улыбка на все сто процентов оставалась профессиональной.

— Наша семья полностью поддерживает проект строительства космических кораблей. И этот уик-энд тому подтверждение.

— Я знаю. Элейн это ценит.

— Станет ли этот вопрос частью ее предвыборной платформы?

Джастина перевела взгляд на противоположный конец стола, прямо на бесстрастное золотое лицо отца.

— Это довольно радикальный шаг, но полет к системе Дайсона не мог не изменить нашу нынешнюю политику. Агентство должно быть создано. Элейн это понимает и готова рискнуть, если потребуется.

Гор Бурнелли едва заметно кивнул.

— Наша семья сделает все возможное, чтобы поддержать ее позицию в этот уик-энд.

— Я очень благодарна вам за помощь.

Патриция откусила еще кусочек рулета с лососем, но не смогла этим скрыть хищную улыбку.

Остальную часть вечера Джастина тщательно воздерживалась от дальнейшего словесного поединка с Патрицией. Еда не время для серьезных переговоров. Все трое Бурнелли занялись тем, чтобы поговорить с каждым гостем в отдельности и подготовить их к завтрашней дискуссии.

Она началась уже за ранним завтраком. Обильный буфет был сервирован в оранжерее, примыкающей к стене главного дома. Джастина вышла довольно рано, чтобы присоединиться к Патриции и Криспину Голдричу. Две жены Криспина, леди Мэри и графиня София, остались в домике и завтракали в постели, а один из его помощников сидел рядом, наливал чай и приносил из буфета закуски. То же самое для Патриции делал ее скромный молодой секретарь.

Один из слуг принес Джастине кофейник с ямайским кофе, и она устроилась рядом с Криспином, выбравшим для завтрака яйца по-бenedиктински. Ее роль в данной ситуации была почти пассивной. Джастина хотела узнать то же, что и Патриция, а Криспин пользовался огромным влиянием. Кроме руководства комиссией по бюджету, он обладал большим авторитетом в блоке связанных с Европой миров.

— Томпсон сказал мне, что вы более чем сдержанно высказывались на заседании

Совета, — сказала Джастина.

— Осторожно — так было бы вернее, дорогая. Я довольно давно играю в эти игры, чтобы опасаться неограниченных обязательств. Если сенат одобрит Агентство, никому неизвестно, сколько времени налогоплательщикам придется финансировать это предприятие. Вы же понимаете, что полетами в систему Дайсона дело не закончится. В случае успеха этой экспедиции у правительства будет прецедент, чтобы оплатить другие изыскания.

— Но это наверняка лучше, чем привлечь частную компанию, — вмешалась Патриция. — Мы все наслышаны о закрытых планетах, о мирах, настолько ценных, что Шелдоны придержали их для себя.

— И вы в это верите? — спросил Криспин.

— Лично я — нет. Но я верю в то, что правительству следует быть более заинтересованным в изучении потенциально рискованных сценариев — таких, как положение в системе Пары Дайсона. Вот для этого нам и необходимо Межзвездное агентство. В конце концов, Пара Дайсона — это первая обнаруженная нами потенциальная угроза. А галактика велика. До сих пор нам везло, но пора проявить большую осторожность.

— И отсюда вытекает это проклятое предложение о создании военного флота, — проворчал Криспин.

— Не можете же вы отрицать, что флот будет необходим, если разведывательная миссия подтвердит враждебность дайсонов.

— Нет, не буду. Но расходы на него окажутся на несколько порядков выше, чем на Межзвездное агентство.

— А как же вы предлагаете решить эту проблему? — спросила Патриция.

Криспин помедлил, доедая завтрак.

— К ней надо отнестись с большей долей ответственности, — сказал он после паузы. — До сих пор мы просто забрасывали проблему деньгами. Я бы хотел в первую очередь упорядочить расходование ресурсов.

— Вы имеете в виду какой-то контролирующий комитет? — спросила Джастина.

В ее виртуальном поле зрения возник календарь, показывающий, что до переизбрания сенатора Криспина остается два года. Он сохранит за собой кресло в сенате, это не проблема, но вот для продолжения руководства бюджетной комиссией потребуется рекомендация администрации.

— Контролирующий, управляющий, регулирующий — называйте его как хотите. Но мы должны быть уверены, что средства расходуются надлежащим образом.

— Но такие функции входят в сферу действия вашей бюджетной комиссии, — заметила Патриция.

— Технически да, если только администрация не станет чинить препятствия. Я уверен, канцелярия президента будет держать под строгим контролем и агентство, и, тем более, флот.

— Конечно. Но Элейн только приветствовала тщательный финансовый надзор. Она не намерена позволять напрасной траты денег налогоплательщиков, а насколько мне известно, полностью доверяет вам как руководителю комиссии по бюджету.

— Я рад это слышать, — сказал Криспин, наливая себе чай. — В таком случае при наличии определенных гарантий Элейн Дой может рассчитывать на мою поддержку в вопросе организации агентства. Если она будет избрана.

— Если она будет избрана, — спокойно повторила Патриция.

— Криспин в игре, — сообщила отцу Джастина.

— Отличная работа. Чего это стоило?

— Патриция пообещала ему руководство бюджетной комиссией в случае избрания Дой.

— Можно было опасаться худшей кандидатуры. Криспин — старая кляча, но он хоть знает правила игры. Хорошо. Что дальше?

— Утрех. Томпсон поговорит с ним после завтрака.

Дождь после завтрака закончился, и после целой ночи полива растения засверкали подсыхающими каплями. Томпсон повел своего гостя через парк в граничащий с ним лес. Здесь росли разные деревья: сосны, бук, белые березы; и посажены они оказались не так плотно, как во времена лесоразработок, когда, кроме сосен, ничего не было. В штате Вашингтон наступила весна, из песчаной почвы поднялись тысячи ростков, и их яркая зелень составляла приятный контраст с бурой прошлогодней травой, прижатой к земле лежавшим несколько месяцев снегом.

Герхард Утрех, похоже, любил такие прогулки. Он даже привез для этого крепкие ботинки.

— Каждый раз, приезжая на восточное побережье, я даю себе слово выкроить день и погулять под секвойями, — сказал сенатор от Новой Германии.

— И тебе это удастся? — спросил Томпсон.

— Нет. Ни разу за сто пятьдесят лет.

— Попробуй. Я видел секвойи лет пятьдесят назад. Великолепное зрелище.

— Да, конечно. Может, в следующий раз.

Они дошли до ручья, пробившегося сквозь глубокую узкую щель в почве и теперь бегущего по руслу из серых и белых камешков. Томпсон направился вдоль потока, тщательно избегая наступать на большие ярко-зеленые травяные кочки.

— Хочу поздравить ваше семейство с тем, что удалось собрать под одной крышей Кэмпбелла, влиятельного представителя Шелдонов, и политического советника Дой. Имя вашего отца до сих пор имеет вес.

— Враждующие фракции в самом сердце правительства не нужны никому. Мы делаем то, что можем.

— Конечно. Должен признать, не помню, чтобы вице-президент вступал в предвыборную кампанию, не заручившись поддержкой по крайней мере семи из Большой Дюжины миров.

— Предусмотрительность Дой на данном этапе играет против нее. Нельзя стать хорошей для всех одновременно. Она слишком долго пыталась этого добиться. Нельзя сказать, чтобы у нее появились враги, но и процент почитателей немного снизился.

— А могу я узнать, как относится к ней семейство Бурнелли?

— Точно так же, как и к любому другому кандидату. У каждого есть и сильные, и слабые стороны. Тем не менее мы заинтересованы в некоторых событиях, которые могут произойти во время ее президентского срока. Мы горячо одобряем создание Межзвездного агентства. А у Дой хватило дальновидности сделать предварительный запрос в Совете Внешней Защиты.

— Это общее мнение Великих Семейств?

— Большинства. Мы будем участвовать в ее кампании.

— Понятно.

Томпсон остановился перед озером, куда впадал ручей. В дальнем конце в озеро с шумом и плеском падал небольшой водопад, низвергающийся с острого выступа скальной породы.

— Я был бы признателен, если бы узнал, чем можно привлечь тебя в наш лагерь.

Герхард задумчиво кивнул, явно одобряя переход к вполне откровенному разговору. Между сенаторами это было большой редкостью.

— Сейчас все внимание сконцентрировано на образовании агентства и строительстве космических кораблей, и это вполне понятно. Тем не менее в Демократической Республике считают, что создание военного флота стало почти неизбежным.

— В этом наши взгляды совпадают.

— После формирования военной флотилии частью ее обязанностей станут не только разведывательные, но и боевые миссии. И, конечно, защита Содружества. Мы и не думаем посягать на монополию Шелдона в отношении кораблей и сверхсветовых технологий; но планетам и городам потребуются мощные укрепления. И вот здесь мы видим свою роль.

— И с этим условием вы согласны поддержать создание агентства?

— Да, согласны.

— Для этого потребуется примкнуть к сторонникам Дой.

— Мы, так же как и вы, признаем и ее слабости, и ее сильные качества, хотя и те и другие нельзя назвать выдающимися. Я подозреваю, что история охарактеризует ее как просто адекватную личность. Эпоха великих государственных деятелей и женщин давно прошла, а мы просто заключаем компромисс с жизнью. Демократическая Республика способна это пережить.

— Герхард принял правильное решение, — признал Гор.

Его виртуальные пальцы ловко переставили папки и иконки, относящиеся к долгосрочным прогнозам в Демократической Республике Новой Германии, и окутывающий его поток информации замерцал, словно отблески надвигающейся грозы.

— Он профессионал, — сказал Томпсон. — В ДРНГ понимают, что агентство будет развиваться, и ищут способ этим воспользоваться. Позднее прозрение лучше, чем слепота.

— Интересно, как к этому отнесутся Шелдоны?

— Они согласятся. Нельзя же надеяться заполучить все средства для одной Августы. Именно поэтому они и прислали Кэмпбелла. Он из четвертого поколения. Возможно, ему даже не придется согласовывать это решение с Найджелом.

— Мы очень скоро об этом узнаем. Следующая встреча будет нелегкой.

Патриция стала первой, кого пригласили в кабинет. Служащие Гора постарались, чтобы придать помещению уютный вид. Влажную прохладу утреннего бриза помог прогнать настоящий огонь в камине. Перед камином поставили удобные кожаные диваны. На столике между диванами были чай, кофе и тарелочки с печеньем и пирожными, наполняющими комнату приятным ароматом.

Патриция приняла чашку из костяного фарфора с чаем и села напротив Гора. Она не слишком нервничала в его присутствии, давно уяснив, что больше всего сверхбогатые люди ценят проявленное уважение. Немного беспокоила ее только его золотая маска: большую часть жизни она привыкла оценивать реакцию по выражению лица. Гор ничем не проявлял своих эмоций. Если они вообще у него имелись.

— Похоже, что Демократическая Республика намерена содействовать избранию Элейн, — заговорил Гор.

Патриция попыталась ничем не выдать своего облегчения, хотя это было так же трудно, как переоценить значение поддержки Герхарда. Сколько потрачено сил на его уговоры, сколько аналитиков работало над тем, чтобы привлечь его на сторону Дой. Но вот прошло полдня в поместье Бурнелли — и Элейн Дой поддерживает еще один мир из Большой Дюжины. А Патриция уже целый год расстраивалась, что они смогли привлечь так мало Межзвездных Династий.

— Это отличная новость, сэр.

— Но вы еще не знаете, какую цену придется за это заплатить. — Гор рассказал, какие гарантии придется дать ДРНГ до конца этого уик-энда. — Но главный ключ — это Шелдон, — добавил он. — Это агентство и все последствия его основания обеспечат вам свободный путь. А мне известно, что вы уже три года обхаживаете эту династию.

— Да, они оказались не слишком сговорчивыми, — признала Патриция.

— Ха! — Золотые губы Гора раздвинулись в явной усмешке. — Найджел ненавидит профессиональных политиков. Я полагаю, это обусловлено его первой жизнью. Поэтому он и дразнит вас до сих пор. Но за прошедшие столетия он научился прагматизму. А теперь у вас есть что ему предложить. Хотя даже сейчас ему не поздно выставить собственного кандидата на кресло президента. Но это потребует массы средств и сил и приведет к антагонизмам. Не с вами, это можно не учитывать. Но с Межзвездными Династиями и Великими Семействами, которых разозлит такой шаг. А это имеет для него значение. Поэтому советую вам стать такими, какими ему хочется, и тогда можно не беспокоиться об оппозиции. Вы готовы к этому?

— Мы могли бы учесть интересы Августы в своей предвыборной кампании.

Гор немного помолчал.

— В настоящий момент учитывается только один интерес: деньги. Вы собираетесь проводить кампанию, которая повлечет увеличение налогов, а эта мера никогда не пользовалась популярностью.

— Я понимаю. — Патриция нерешительно помедлила. — А вас сильно расстроят новые налоги?

— Если бы мы платили серьезные суммы — возможно.

Один из огромных телохранителей Гора, облаченный в темный костюм, вошел в кабинет Кэмпбелла. Он вежливо улыбнулся Патриции и сел с ней рядом.

— А теперь, детки, поиграйте друг с другом, — сказал Гор.

Огонь в камине успел прогореть, когда в кабинет вошли Джастина и Томпсон. Двое слуг под бдительным взглядом охранника воспользовались случаем, чтобы прибрать стол после дневного чаепития. Гор вытащил из плетеной корзины рядом с камином пару сосновых поленьев и бросил их на решетку, вызвав рой искр с янтарно-красных углей.

— Все должно получиться, — сказал он своим детям. — Шелдон поддержит кандидатуру Дой.

— Чего это ей стоило? — спросила Джастина.

— Миллиардов, — ответил Гор. — Из денег налогоплательщиков. Ее предложение по первоначальному бюджету агентства даже меня удивило.

— Ей придется подыскать подходящую мишень для представления проекта, кого-нибудь, кто собирается выйти из состава сената, — сказал Томпсон. — Если у Патриции

хватит ума, она убедит президента объявить о создании агентства еще до инаугурации. Таким образом Дой не придется краснеть, когда бюджет обнародуют.

— Ей придется несладко, когда начнется постройка военного флота, — заметила Джастина.

— Если флот будет необходим, о цене спорить не станут.

— Господи, да так она сумеет выйти и на второй срок.

— А ты сказал Кэмпбеллу, что мы хотим базировать агентство на Высоком Ангеле? — спросил Томпсон.

— Нет. Пусть кто-то другой сделает грязную работу. — Гор посмотрел на Джастину. — Я думаю, для этого подойдет твой бывший.

Она застонала и упала на кожаный диван.

— Почему он?

— В таком случае мы могли бы предложить Буте контракты на новые доки. Все сходится. Шелдону придется смириться с тем, что надо привлекать кого-то еще.

Джастина сверилась с виртуальными часами.

— Ладно. У нас еще час до коктейлей. Я прозондирую почву.

— Я думал, ты с ним уже сегодня поговорила, — сказал Томпсон.

— Да, но только об Эбби. Она создает проблемы.

— А что с ней? — поинтересовался Гор. — Я не получал никакой информации.

Этот внезапный интерес порадовал Джастину, хотя Гор всегда следовал правилу защищать родных, особенно по прямой линии.

— Это не могло до тебя дойти, мы просто обсуждали, в какой ей пойти университет. Я хотела выбрать Йель, она и мать предпочитали Оксфорд, а Рэмми ратовал за Йоханнесбург.

— Она пойдет в Оксфорд, — сказал Гор. — Ты всегда уступаешь своим отпрыскам.

Коктейли подали в музыкальном зале. Эта комната находилась на первом этаже, и в центре, на возвышении из тикового дерева, стоял древний рояль «Стейнвей». На этот вечер играть на нем старинную музыку пригласили артистку из городского оркестра Сан-Франциско, обладавшую изысканным репертуаром и мягким голосом. После ее исполнения композиций Элтона Джона Томпсон почти неохотно пригласил Рамона, Патрицию и Криспина пройти в другой конец зала, к водяной скульптуре Харкинса, занимающей большую часть стены. Криспин не участвовал в предстоящей сделке, но, поскольку присоединился к команде Дой, мог быть полезен, чтобы убедить Рамона. Чем больше игроков будут связаны взаимными обещаниями, тем труднее кому-то из них отступить от начатого дела.

— Ты должен признать, — заговорил Томпсон, обращаясь к бывшему зятю, — что поддержка председателя Галл будет весьма полезной для всей Африканской группы. Она пользуется уважением среди многих членов вашей группы. Если ты успешно представишь это предложение, вы разделите его тяжесть.

— Эта женщина — крепкий орешек, — удрученно протянул Рамон. — И мне кажется, вы делаете ошибку, рассчитывая на ее содействие без предварительной консультации. Кроме того, обычно она не слишком энергично участвует в работе Африканской группы. Только в тех случаях, когда это устраивает ее саму.

— Ей должна понравиться идея размещения агентства на Высоком Ангеле, — сказал Криспин. — Я знаю, что постройка «Второго шанса» на Аншане вызвала у нее недовольство

Таких выражений я не слышал в сенате с тех пор, как разразился скандал с независимостью Харькова.

— Тем больше вероятность, что она всех пошлет к черту, — проворчал Рамон. Он тоскующим взглядом проводил официанта, несущего блюдо с канане, а потом виновато оглянулся на Джастину. — За прошлое пренебрежение она потребует немалую долю.

— Председатель Галл — опытный профессионал, — сказал Томпсон, — и не позволит себе пренебрегать экономической выгодой своей вотчины. Она согласится.

— Может и так, — кивнул Рамон. — Но в любом случае нельзя быть уверенным, что Высокий Ангел даст разрешение на размещение агентства.

— Насколько мне известно, Высокий Ангел тоже интересуется Парой Дайсона, — заметила Патриция. — Кроме того, его разрешение на размещение агентства нам и не требуется. Это всего лишь удобное общежитие, и больше ничего.

— Нежелание сотрудничать с его стороны уже может создать проблемы, — сказал Рамон.

— Но их мы в состоянии преодолеть, — заверил его Томпсон. — Главная цель размещения агентства на Высоком Ангеле — удалить его от Аншана.

Все, как по команде, посмотрели на Кэмпбелла Шелдона, разговаривающего с Изабеллой. Тело девушки покрывала только белая паутинка из активных полуорганических волокон, развевающихся при каждом движении. Изабелла весело смеялась какой-то истории, а Кэмпбелл, казалось, наслаждался ее искренним вниманием.

— Шелдоны способны проявить здравомыслие, — сказал Криспин, — когда это в их интересах.

— Вся эта затея с агентством в их интересах, — сказал Томпсон. — Криспин, мне очень жаль, что приходится отвлекать гостя от приятного времяпрепровождения, но не мог бы ты обсудить с Кэмпбеллом вопрос о Высоком Ангеле? Он скорее прислушается к голосу человека с твоим авторитетом.

— Проклятье! — буркнул Криспин и отставил бокал с джином. — И зачем я только езжу на эти уик-энды?

Под взглядами Томпсона, Патриции и Рамона он пересек зал, направляясь к уголку позади рояля, где у всех на глазах Кэмпбелл уединился с Изабеллой. Прежде чем нарушить их тет-а-тет, он остановил официанта и взял с подноса бокал с коктейлем из шампанского с портером. Изабелла приветствовала сенатора быстрым трепетом ресниц.

— Красивая девушка, — заметил Рамон. — Вы, вероятно, счастливы.

— Да, — ответила Патриция. — Но я стара и скучна, так что она ненадолго задержится. Как только пройдет ощущение восторга от близости к будущему президенту, она уйдет. В ее возрасте я тоже так делала.

— Я даже не помню себя в этом возрасте, — сказал Томпсон. — И не потому, что стер воспоминания. Они просто померкли.

— За забытую юность, — сказала Патриция, поднимая бокал. — И пусть зависть к тем, кто ею обладает, нам о ней напоминает.

— Аминь.

Они сдвинули бокалы и выпили за этот тост.

— Если председатель Галл действительно проявит несговорчивость, — обратился Томпсон к Рамону, — можем мы рассчитывать на твою помощь в переговорах?

— Я лучше засуну свой член в кухонный комбайн и включу его на полную мощность.

— Ты был женат на моей сестре. Это было очень тяжело?

Рамон расхохотался, запрокинув голову.

— Ах, я уже забыл, что это за семейка. — Он щелкнул пальцами, и официант поспешил к нему с блюдом канане. — Ладно, я могу заглянуть на Высокий Ангел после уик-энда. Но я до сих пор не убежден, что основание агентства принесет какую-нибудь пользу Африканской группе.

Чувство юмора никогда не подводило Томпсона.

— В таком случае до твоего отъезда мы найдем что-нибудь, что могло бы тебя переубедить.

Вскоре все направились на ужин в главную столовую. Джастина, уже учитывая расстановку игроков, тщательно выбрала места для каждого гостя. На большие сдвиги во время приема пищи рассчитывать она не могла, но возможности обеспечила. Сама она оказалась рядом с Кэмпбеллом. Джастина недовольно нахмурилась, заметив, что Изабелла села рядом с Рамоном, весьма довольным такой заменой. Место, предназначенное Герхарду, оказалось занятым, и сенатору ДРНГ пришлось сесть рядом с Патрицией, хотя Джастина предназначала ей в соседи Рафаэля. До сих пор Халгарты почти не принимали участия в переговорах. Она знала, что утром Ларри разговаривал с ее отцом и предлагал поддержку агентству, но это и все. Оставалось надеяться, что к утру они раскроют свои карты.

В виртуальном поле зрения появился текст. «Твой бывший действует мне на нервы», — поступило сообщение от Томпсона.

«Не переходи на личности, — ответила она. — Чего он добивается?»

«Представления не имею. Я считал, что ему хватит строительных контрактов на Высоком Ангеле. А теперь, насмотревшись, как остальные пристраиваются к агентству, он нацеливается на большее».

«Я всегда знала, что когда-нибудь он станет неплохим политиком. Вы с Гором мне не верили. Мы слишком открыто играем. Это делает нас уязвимыми перед теми, в ком мы нуждаемся».

«Ты должна привести его в чувство».

«Сделаю все, что смогу, но меня больше беспокоят Халгарты».

«На них можно положиться».

«Хочешь на это поспорить?»

После ужина гости разбились на мелкие группы, а Гор вернулся в свой кабинет. После недавних модификаций в процессе омоложения он мог обходиться тремя часами сна в сутки, а порой довольствовался и меньшим. Шагая между доходившими до потолка книжными стеллажами, он улавливал запахи людей, возвращающихся в свои садовые коттеджи. За Изабеллой тянулся шлейф ароматов мужчин, по той или иной причине оказавшихся к ней достаточно близко, и ее собственный опьяняющий запах лилий и орхидей от капельки духов на шее. Запах ее духов стал едва уловимым, когда Изабелла побежала по траве, избегая дорожек, избегая металлического привкуса Патриции. Ее ждал Рамон, благоухавший одеколоном и алкогольной испариной. Две струи запахов смешались между собой в тот момент, когда за Изабеллой закрылась дверь коттеджа. В ограниченном пространстве помещения в сочетании с феромонами слюны и сахаристой резкостью шампанского они стали ощущаться интенсивнее.

Горячий запах возбуждения, исходящий от их тел, вызвал довольную улыбку под неподвижной пленкой золота на лице Гора. Тогда как в спальне Патриции, принимающей ванну, остался только непреодолимый запах хвойного мыла. На ее коже не осталось ни алкоголя, ни горечи разочарования. Патриция была довольна собой.

Изабелла стала своего рода посредником; она вернет Рамона в игру обещаниями своей повелительницы, чтобы сохранить его голос. Кроме того, у нее имелось отдаленное сходство с Джастиной. Соблазн разума и тела. Бедный, счастливый Рамон.

Сквозь искрящийся поток окружающей его информации Гор увидел кожаный переплет книги, которую искал. Он поднял руку, обвитую серебряными и платиновыми линиями, и снял с полки «Искусство финансовых войн» Джеймса Баркли. Читать ее не было необходимости, все содержащиеся в книге идеи свободно пронизывали его мысли и решения, но физическое ощущение доставляло странное удовольствие. Эта книга стала его библией еще в первой жизни, и даже теперь Гор считал, что она необходима каждому, кто решил заняться финансами. Вполне вероятно, что он мог бы даже внести в текст кое-какие дополнения.

По какой-то необъяснимой причине он обращался к этой книге каждый раз, когда предстояло трудное дело; а это казалось наиболее трудным. В создании космического агентства имелось множество переменных факторов, намного больше, чем в любом политико-экономическом предприятии, к которым он привык. Вернее всего предположить, что из этого ничего не выйдет или в лучшем случае получится нищенская организация, неспособная действовать из-за недостаточных квот. Для нынешних безликих политиков-карьеристов это чересчур грандиозная идея, чтобы ее воплотить. И все же... Люди, обычно готовые разорвать друг друга на части, соглашаются сотрудничать, чтобы облегчить процесс рождения.

«Что же я не учитываю?»

Громкий голос инстинкта в его мозгу заявлял, что где-то закралась ошибка. Он был бы рад поверить, что человечество настолько повзрослело, что способно на зрелые решения. Способно увидеть проблему и решать ее, руководствуясь логикой. Надо признать, что эволюция сделала новый шаг к прогрессу и люди благодаря возможности омоложения теперь со всей серьезностью смотрят в будущее. И проект Межзвездного агентства яркий тому пример.

Может, он отстал от жизни?

Недоверчивый, подозрительный, отыскивающий в людях самые скверные черты; варвар, которому не пришлось завоевывать город, поскольку город вырос вокруг него, — он никак не может поверить, что агентство так легко появится на свет.

Если только те, кто дергает за ниточки, сами не являются марионетками.

А в это еще труднее поверить. Он все видел сам, с самого начала с олимпийским спокойствием наблюдал, как Джастина, получив намеки по своим каналам, созвала этот уик-энд. Как показывало даже самое поверхностное знакомство с книгой Баркли, начать раньше манипулировать этой ситуацией можно было только в том случае, если ему было бы известно, чем закончится полет к системе Дайсона. А этого никто знать не мог.

Он удрученно вздохнул и сел перед камином, где осталась только кучка тлеющих угольков. Если прекрасное тело Изабеллы и туманные обещания не приведут к желанному результату, завтра утром ему придется самому обрабатывать Рамона ДБ. В его личной базе данных вспыхнули имена членов Африканской группы, которым не понравится идея их

сенатора поддержать проект агентства в обмен на строительные контракты для их миров. Гор принялся, вдыхая приятный букет запахов Джастины и Кэмпбелла, приправленный свежестью чистых хлопковых простыней. Что ж, в свете предстоящих в ближайшие годы событий этот союз принесет немалые преимущества. Его виртуальные руки задвигались, оформляя покупки акций периферийных компаний африканских планет, где с большей вероятностью будут размещены новые контракты. Подготавливая семью. Укрепляя семью.

— Должен тебе сказать, — заметил Кэмпбелл, — что Найджел не слишком доволен переносом сборочных платформ космических кораблей на Высокий Ангел.

Джастина в ответ пощекотала ему нос и опустила палец к губам, чтобы он мог поцеловать кончик. Она лежала на нем сверху, а пуховое одеяло валялось где-то на полу. Старинные бревна дома прекрасно сохраняли тепло спальни, не пропуская ночную прохладу, и в этот момент ей не хотелось ничем укрываться. В пузатых бокалах мерцали свечи, наполняя комнату ароматами лаванды и сандалового дерева.

— Бедняжка Найджел, — притворно вздохнула она, но тотчас просияла улыбкой, ощутив на себе его крепкие руки, спускающиеся вдоль спины к ягодицам. — В чем же дело?

— До сих пор он одобрял все соглашения, но переезд на Высокий Ангел задержит миссию на несколько месяцев, и это касается разведывательной миссии тоже. Вряд ли он на это пойдет.

— А как насчет наземных оборонных предприятий военного флота? Ты не думаешь, что они могут стать убыточными?

— Честно говоря, мы не рассматриваем возможность убытков. Мы поступаем точно так же, как и твоя семья, и принимаем меры предосторожности. Первичные заказы будут размещаться на ДРНГ, но затем надо будет двигаться дальше. Августа самая большая из Большой Дюжины, все пропорционально.

Она оглянулась и обнаружила, что бутылка «Дом Периньон» опустела и торчит в ведерке со льдом горлышком вниз. После короткого заказа в домовую систему робот-горничная быстро доставила в спальню еще одну бутылку.

— Интересно будет посмотреть в понедельник утром на нью-йоркскую фондовую биржу. В этот уик-энд появится столько заявок на покупку и продажу, что брокеры обязательно что-то пронюхают.

— Да, мы больше не сможем скрывать решение об основании агентства. — Он поднял взгляд на подошедшего к кровати робота. — А, еще одна.

— Да, обязательно!

Он опустил глаза и заметил ее лукавую усмешку.

— Господи! Напомни, чтобы я держался от тебя подальше в первую неделю после твоего омоложения. Сомневаюсь, чтобы какой-то мужчина смог выжить рядом с тобой.

Приятные воспоминания о днях, проведенных в палатке на горном склоне, наполнили ее приятным теплом.

— Одному это удалось, — удовлетворенно промурлыкала она.

Кэмпбелл взял у робота холодную бутылку.

— Открыть?

— Потом.

— А как же проблемы с Высоким Ангелом?

— Мы разберемся с ними утром.

В воскресенье определенного времени для завтрака не назначалось. Гости приходили, когда хотели, вдоволь нагулявшись по газонам. На этот раз погода порадовала чистым небом. Яркий солнечный свет представил пышную растительность поместья во всей красе. Порезвиться на травке вышли даже две рыжие белочки. Джастина сидела рядом с Кэмпбеллом, наслаждаясь ощущением приятной усталости, пропитавшей ее тело. Томпсон, войдя в дом, вежливо пожелал доброго утра, но по его тону было понятно, что ему известно о ее поведении прошедшей ночью. В его голосе не было открытого неодобрения, но что-то очень близкое к этому. Стоило Томпсону отвернуться, как они с Кэмпбеллом заговорщицки переглянулись. Обмен усмешками грозил перейти в неудержимое хихиканье, более подходящее школьникам.

— Могу я к вам присоединиться? — спросил Рамон.

— Пожалуйста, — ответила Джастина.

Изабеллы нигде не было видно. И Патриции тоже.

Один из официантов принес Рамону свежесваренный английский чай. Джастина вспомнила, что давно познакомила его с этим напитком. Сама она считала чай лучшим началом дня. Кофе казался ей излишне резким.

— У меня есть идея, которая, возможно, облегчит перенос агентства на Высокий Ангел, — сказал Рамон.

Джастина и Кэмпбелл снова переглянулись. «Удивительно, как хорошо сегодня утром все осведомлены», — подумала она. После ее встречи с Гором прошло не больше тридцати минут.

— Мы с удовольствием выслушаем любые предложения, — отозвался Кэмпбелл.

— Параллельное производство. Вы продолжаете строить пять кораблей-разведчиков, а на Высоком Ангеле начинается сооружение сборочных платформ. Это обеспечит позитивные перспективы, которые могут рассчитывать на поддержку Африканской группы.

Предложение удивило Кэмпбелла.

— Я думаю, это может сработать. И не будет задержек, против которых возражает Найджел. Но подобное решение повлечет значительное увеличение стартовых вложений по сравнению с нашими расчетами.

— Вам следует поговорить с Патрицией, но мне кажется, команда Дой готова к увеличению бюджета, чтобы все уладить.

Джастина дождалась, пока все позавтракали, а затем перехватила направлявшегося в свой коттедж Рамона.

— Что она предложила, чтобы подвигнуть тебя на такой стратегический шаг?

— Кто?

— Патриция.

Она чуть не сказала: Изабелла.

— Согласно первоначальному соглашению, Бута берет на себя снабжение верфи на Высоком Ангеле, ну и логично предположить, что строительным компаниям достанутся и контракты на обслуживание.

— Умный ход, — чуть позже признал Гор. — Контракты на обслуживание в перспективе могут стоить не меньше, чем строительство. А мы все стараемся думать о

будущем.

— Хотела бы я знать, кто из них это предложил, — сказала Джастина.

— Я тоже. И меня начинает беспокоить готовность Дой увеличивать расходы. Я не отрицаю, что для нас это хорошо, но такого безрассудства я от нее не ожидал.

— А меня это не удивляет, — возразила Джастина. — Таким образом она покупает себе успех на выборах, а отдуваться придется налогоплательщикам. Она политик, чего еще можно от нее ожидать?

— Большой проницательности. О том, что здесь произошло, будет известно сенаторам, если не всему электорату. Если выяснится, что дайсоны не представляют для нас угрозы, средства, предложенные ею на развитие Межзвездного агентства, окажутся избыточными, и сенаторы отреагируют на это. Политики редко так безоговорочно и решительно поддерживают какую-то идею. Прежде всего они заботятся о своей карьере.

— Но ведь именно ты настаивал на опасности, исходящей от дайсонов, и необходимости трансформировать агентство в военный флот.

— Я знаю. Но ведь я не выставляю на выборах свою кандидатуру. Где-то в глубине души мне хотелось бы прямо сейчас задушить это предприятие в самом зародыше.

— Что? Ты шутишь?

— Не беспокойся. Я этого не сделаю. Но что-то здесь не так.

— Не можешь сказать конкретно?

— Не могу. Я всю ночь над этим размышлял, сравнивал с десятками других уик-эндгов, организованных нашей семьей. Ничего определенного, кроме моего внутреннего ощущения.

— Просто тебя тревожат Халгарты. Они тянули время, пока не были заключены основные соглашения, а теперь, вероятно, сделают свой ход.

— Может, ты и права. Надеюсь.

Очень скоро Джастина получила возможность это выяснить. Ближе к полудню в библиотеке была назначена общая встреча, где предполагалось обсудить достигнутые соглашения. И именно Ларри предложил ограничить круг участников теми лицами, кто имел первую степень допуска к секретным документам Содружества. В результате Джастина смогла присутствовать благодаря тому, что была председателем правления в некоторых компаниях, избегавших публичности, но доступ всем помощникам и секретарям, в том числе и Изабелле, был закрыт. У входа в библиотеку при ее появлении возник горячий спор, но девушке пришлось уйти. Вошедшая Патриция не смогла скрыть своего волнения; крики Изабеллы слышали все, кто находился в библиотеке.

— Прошу прощения за этот инцидент, — сказала она, усаживаясь за стол.

Джастина, увидев, что остальные следуют ее примеру, постаралась стереть с лица довольную усмешку. Как только дверь библиотеки закрылась, поднялся Томпсон.

— Я полагаю, это наша последняя встреча на уик-энде. Все мы в той или иной степени согласны с принципиальной структурой агентства, и это дает шанс устранить последние проблемы. Я уверен, на данной стадии никому из нас не нужны отвлекающие факторы. Я могу сказать, что в понедельник постараюсь склонить на нашу сторону еще нескольких членов сената.

Он сел рядом с Гором. Бесстрастное золотое лицо повернулось в сторону Джестины.

— Я думаю, что главным достижением этого уик-энда следует считать перенос агентства на Высокий Ангел. Учитывая большую вероятность того, что агентство — или

флот — будут находиться в боевой готовности в течение долгого времени, это вполне логично, и наша семья поддерживает решение. Есть возражения?

— Как сказала Джастина, все мы в течение уик-энда пришли к общему мнению, — заговорил Ларри Халгарт. — Перенос агентства на Высокий Ангел, предварительные шаги для организации обороны — все эти меры наверняка получат одобрение моей семьи.

— Сейчас начнется, — прошептал Кэмпбелл на ухо Джастине.

— Но есть еще одна грань проекта, до сих пор оставленная без внимания.

— Какая же? — резко спросил Гор.

— Придание флоту наступательной способности. Если, избави бог, дайсоны и впрямь окажутся враждебной расой, нельзя просто укрыться под силовыми полями и надеяться, что они уйдут. Мы должны перевести войну на их территорию.

— Подожди-ка, — прервал его Герхард. — Когда это мы успели включить в сценарий враждебного контакта возможность вторжения? Мои сведения ограничиваются возможными столкновениями при колонизации миров в направлении Пары Дайсона. Другими словами, все сводится к ограничению пределов распространения. И это в том случае, если они намерены распространяться.

— Они освоили всю звездную систему, — сказал Ларри. — И их культура, точно так же как и наша, если не в большей степени, основана на распространении. Здесь невозможно ошибиться: рано ли поздно мы столкнемся с ними в космосе.

— Они находятся на расстоянии семисот световых лет от нас, — вставил Рамон. — А галактика велика. Оборонительный потенциал в любом случае будет уступкой общественному мнению, по крайней мере, в моем понимании.

— Это, конечно, удобно. Но вдруг он нам действительно понадобится?

— Зачем? — спросил Кэмпбелл.

— Прости, не понял.

— Рамон прав, называя причиной возможных столкновений согласование границ сфер влияния. А постройка флота — это долгосрочное предприятие. Я сомневаюсь, чтобы в нынешнем столетии в нем возникла необходимость. Да и темпы нашего распространения неуклонно снижаются — третья зона космоса осваивается намного медленнее, чем вторая или первая, как ни печально это признавать. Даже если дайсоны будут захватывать пространство с такой же скоростью, до вероятных столкновений мы успеем освоить пятую, а может, и шестую зону.

— А если они не будут придерживаться твоего графика?

— Тогда мы остановим их в пятой зоне и будем осваивать другие сектора. Как сказал Рамон, галактика велика.

— Кого-то настолько встревожило их развитие, что было решено изолировать дайсонов от большой галактики. И мы сами уже убедились в их агрессивности. Все это говорит о том, что надо готовиться к серьезным неприятностям.

Кэмпбелл окинул его взглядом учителя, бьющегося с особо бездарным учеником.

— Как ты думаешь, ради чего им нас завоевывать? Если им нужны минеральные или химические ресурсы, их можно найти в любой звездной системе. Энергия? Их термоядерные системы явно мощнее наших. Для завоевания нет ни экономических, ни логических причин, тем более когда будет построен военный флот. Это сдерживающий фактор.

— Отлично. В таком случае надо, чтобы он работал. Надо снабдить его когтями и зубами.

— И какие же когти и зубы ты имеешь в виду? — спросила Джастина. — Как я понимаю, именно ради этого ты потребовал ограничить доступ участников?

— Да.

Ларри кивнул Наташе Керсли.

— Мой отдел провел анализ данных, доставленных «Вторым шансом», — заговорила она. — И вы правы: их энергетические системы мощнее наших. И силовые поля тоже. Мы можем утверждать, что, если бы капитан Кайм не отступил в течение минуты, корабль был бы уничтожен направленными на него ракетами. Людей спасла только сверхсветовая скорость. Если в будущем ожидаются конфликты с дайсонами, даже только при установлении границ, нам необходимо значительно увеличить огневую мощь.

— Значит, мы сделаем это в следующем поколении кораблей, — сказал Кэмпбелл. — Увеличим плотность силовых полей. Нарастим мощность атомных лазеров и плазменных пушек.

— Они сделают то же самое, — спокойно ответила Наташа. — А их производственные мощности превосходят все наши возможности в обозримом будущем. Полеты в космосе и производство кораблей составляют основу всей их цивилизации. Это соревнование нам не выиграть. Остается только перевести соперничество на другой уровень и развивать новое поколение перспективного вооружения.

— Например? — спросил Гор.

— Теоретические разработки в моем отделе предназначены только для служебного пользования.

— Но было бы полезно узнать его принцип, — заметил Томпсон.

— Моя семья предлагает ввести отдел, которым руководит Наташа, в Межзвездное агентство, — сказал Ларри. Он посмотрел на Патрицию. — Для этого потребуется распоряжение президента.

— Возможно, я смогу это устроить, — ответила она.

— Это подразделение необходимо объединить с остальными структурами безопасности Содружества, — добавил Рафаэль Колумбия.

— Остальными? — с беспокойством повторила Патриция.

— Если целью флота является защита Содружества, значит, ныне существующие подразделения, обеспечивающие безопасность, надо объединить ради этой же цели. Управление особых научных исследований и Управление внутренней безопасности могут войти в состав моего управления.

— Не слишком ли это радикальный шаг? — спросила Джастина. — Не подтолкнет ли он к панике? Какое отношение к агентству имеет Управление по расследованию особо тяжких преступлений?

— Мы ведь уже вступили в конфликт, — сказал Рафаэль. — Это мое управление занимается поиском террористов, атаковавших «Второй шанс». Насколько я понимаю, этот акт можно приравнять к действиям, направленным против человечества.

Джастина в изумлении откинулась на спинку стула. Разговор становится слишком эмоциональным.

Отец прислал ей виртуальную записку, советуя уступить. «Это всего лишь бумажная крепость, а основание агентства надо с чего-то начинать».

— Хочу обратить ваше внимание, что управление Рафаэля все равно работает в условиях строгой секретности, — сказал Ларри. — И потому подготовительные меры для

организации планетарной обороны можно будет скрыть под стандартными процедурами. Мне кажется, именно такой была рекомендация Совета Внешней Защиты.

— Верно, — подтвердил Кэмпбелл. На мгновение их взгляды встретились. Затем Кэмпбелл слегка улыбнулся. — Что ж, у меня нет возражений. В конце концов, намного легче держать все под одной крышей. Ты ведь справишься с дополнительными обязанностями, Рафаэль?

— И с дополнительным бюджетом, — проворчал Гор.

Все рассмеялись.

— Можете на меня положиться, — заверил их Рафаэль.

— Это разумно, — сказал Гор Джастине и Томпсону, после того как все остальные разошлись. — И блестящий маневр со стороны Халгартов, когда уже никто не мог отказаться. Ларри отлично разделил флот. Шелдоны получают корабли, а вопросы обороны будут под контролем Рафаэля. У него же в руках окажется и бюджет, что поставит ДРНГ и Бугу в зависимое положение.

— А оборона в конечном счете превысит бюджет, — сказал Томпсон. — И мы это предвидели. Халгарты сохраняют свое лидерство на рынке силовых полей.

— Расходы на оборону возрастут только в том случае, если дайсоны представляют угрозу, — напомнила Джастина. — Похоже, я одна еще не до конца в это поверила. Вы-то точно верите, а что касается Рафаэля... Господи, он скоро начнет проектировать форму с высокими блестящими ботфортами.

— И кто его в этом упрекнет? Девушки любят моряков.

— Не смешно, папа. Это слияние дает ему в руки колоссальную силу. Не зря же управления изначально были разделены.

— Завтра, как только вернусь в сенат, поговорю с Патрицией и самой Дой, — сказал Томпсон. — Ты права, Джастина. Для новой империи Рафаэля нужен президентский наблюдательный комитет, а его заместителями должны стать представители других семейств и династий. И у меня есть в управлении свои люди, которые смогут за ним присмотреть. Не беспокойся, будем держать его в руках.

* * *

Оззи чувствовал, как мороз пощипывает щеки, несмотря на плотно прилегающие очки и шерстяной, отороченный мехом капюшон. Холод просачивался при каждом ритмичном движении рук назад и вперед, когда он отталкивался вырезанными из кости палками. Монотонно повторяющиеся движения оказались трудной работой; он провел вне Крепости всего пятнадцать минут, а пот уже впитывался в футболку под рубашкой, свитерами и курткой из шкуры ледового кита. Лыжи катились по сыпучему льду, оставляя за собой параллельные следы.

На относительно ровной поверхности долины, окружающей Ледяную Крепость, он двигался довольно легко, но далеко не так быстро, как на склонах горнолыжных курортов содружества. И он понимал, что в лесу скорость еще уменьшится. Кроме того, ему придется тащить на спине немалый груз. Сегодня он вышел потренироваться примерно с половиной предполагаемого веса.

Оззи старательно изогнул тело и после плавного поворота остановился, воткнув палки в

тонкий слой хрустящего льда. Красный солнечный свет заливал унылый ландшафт, выявляя множество мелких морщинок на промерзшей земле. Над плоской серой землей в полукилometре позади него поднималась Ледяная Крепость, на башне непрерывно горел зеленый свет, шестиугольные кристаллические зеркала сверкали гранями, отражая рубиновые лучи. В сотне ярдов по льду уверенно скользил Точи. Они стали считать это слово именем чужака после того, как появилась возможность общения. Оззи решил, что хотя бы так они должны признать его личность.

Оззи и Джордж Паркин потратили целую неделю, чтобы сконструировать транспортное средство для массивного существа. Его основу составили простые санки из кости кита длиной больше четырех ярдов, где помещалось все тело Точи, и еще оставалось немного свободного места. Впереди с наклоном назад в костяную раму установили экран из куска кристаллического дерева. Позади него на круглых обручах вдоль всей платформы был натянут цилиндр из меха, завязывающийся у самого края. Эта конструкция стала для Точи эквивалентом меховой шубы; она защищала его от ледящего воздуха и держала двигательные гребни на безопасном расстоянии от земли. Движение осуществлялось при помощи двух пар заостренных палок, вставленных по обеим сторонам в подобие уключин. Джордж Паркин лично сконструировал, вырезал и собрал четыре таких приспособления и очень гордился своим успехом. Все палки крепились к меховому цилиндру через кожаные петли, что обеспечивало им свободу движения. Точи держал их своими щупальцами-манипуляторами и работал, как работают лыжными палками или веслами.

В первый раз, когда Оззи, Орион и Джордж вытолкнули сани из мастерской, снаружи Ледяной Крепости собралась целая толпа. Пару минут Точи терпеливо приспособивался к новым условиям, но вскоре освоился с системой движения. С тех пор они втроем ежедневно выходили на тренировки.

Оззи посмотрел, как Точи, не теряя инерции, ловко направляет сани к тому месту, где он остановился. Получившаяся конструкция вызывала странную ассоциацию с мотосанями, построенными в викторианскую эпоху. Но она работала, и чужак искусно управлял санями, что придавало уверенности в успехе их предприятия. Оставался только Орион. Парень бултыхался на коротких лыжах за санками Точи, держась за тонкий шнур, привязанный к раме. Оззи решил, что Ориону будет так намного легче, чем учиться нормально бегать на лыжах. По правде говоря, он больше развлекался, раскачиваясь из стороны в сторону, и Оззи подумывал укоротить шнур, чтобы лишить его такой возможности. С тех пор как приготовления к отъезду стали осязаемыми и более энергичными, парень заметно повеселел.

Четыре палки прочертили во льду узкие бороздки, и санки остановились. Оззи с радостью заметил, что Орион для остановки сумел повернуть лыжи под нужным углом. Парень не раз уже падал на заднюю часть саней Точи. Может, они и впрямь сумеют воспользоваться своим шансом? Оззи поднял руку в рукавице с оттопыренным вверх большим пальцем. За кристаллическим экраном манипулятор Точи повторил жест.

— Как ты? — громко спросил Оззи, не желая отводить ото рта клапан капюшона.

— В порядке, — крикнул в ответ Орион. — Руки еще немного болят после вчерашнего, но на этих лыжах легче сохранять равновесие.

— Ладно, пошли дальше.

Оззи размашисто зашагал по сыпучему льду к той части кристаллического леса, где побывал три недели назад в составе заготовительного отряда. Он старался сохранить

постоянный ритм и одновременно приглядывался к лежащей впереди поверхности. Над ней виднелись слегка выступающие гребни и мелкие каменистые зубцы, способные причинить немало неприятностей лыжникам. А если неровности попадут под полозья саней Точи, не миновать беды. Оззи давно подумывал, не взять ли с собой на всякий случай немного китовой кости и дополнительные инструменты. Это увеличило бы нагрузку, но и укрепило бы их шансы. Для того чтобы достичь успеха, не жертвуя безопасностью, приходилось тщательно отбирать каждую вещь. Но окончательное решение будет принято только после пробных вылазок в лес.

— Оззи!

Он обернулся на приглушенный крик. Точи энергично работал палками и постепенно догонял его, а Орион отчаянно размахивал свободной рукой. Оззи легко согнул колени и развернулся. Он посмотрел на равнину вокруг Ледяной Крепости, куда показывал Орион.

Сильфены наконец-то пришли на охоту. Из леса в противоположном конце впадины появилась большая группа. На большом расстоянии они казались просто движущейся серой линией, но вдоль всей ее длины поблескивали неяркие огоньки. При помощи визуальных вставок Оззи смог рассмотреть некоторые детали. На открытое пространство вышло уже больше сотни двуногих чужаков, а впереди быстро двигалась группа на четвероногих существах, которые даже в этом холоде бежали со скоростью хороших лошадей. Пешие сильфены, несмотря на теплую одежду, тоже двигались довольно ловко, и многие еще несли длинные шесты с фонарями, раскачивающиеся на каждом шагу.

После долгих монотонных дней в Ледяной Крепости, ничем не отличающихся друг от друга, Оззи ощутил такое сильное волнение, что сам себе удивился. Он так давно хранил бесстрастное спокойствие, что почти забыл, насколько сильными могут быть эмоции. «Скоро мы выберемся отсюда!»

— Возвращаемся! — крикнул он Ориону.

Затем он рукой показал Точи на Ледяную Крепость и увидел, как за кристаллическим экраном чужак в одобрительном жесте изобразил поднятые большие пальцы.

Обратный путь они проделали с рекордной скоростью. Все обитатели высыпали из Крепости навстречу сильфенам и беспорядочно толпились на льду. Подошвы и копыта превратили лед в грязное песчаное месиво, и уже за пятнадцать метров от входа Оззи пришлось позвать на помощь двух человек и коррок-хи, чтобы помочь затащить сани Точи. Как только меховой полог был снят, чужак поспешно ускользнул на нижний, более теплый уровень. А Оззи, поставив лыжи на стойку, снова вышел наружу.

На охоту собралось не меньше двух с половиной сотен сильфенов. Их протяжные трели далеко разносились в морозном воздухе долины и достигли Ледяной Крепости значительно раньше самих охотников. Всадники скакали на животных с туловищем растолстевшей лошади и горизонтально вытянутой шеей, которая заканчивалась треугольной головой. Их шкура напоминала бурую змеиную чешую, но из каждой чешуйки торчали пучки тонкой шерсти. Перед самой толпой встречающих сильфены натянули поводья, останавливая своих скакунов, и Оззи был готов поклясться, что по всей длине шеи среди бугристых мышц он увидел открывающиеся жаберные щели. Кроме того, он обратил внимание на длинные серебристые копыта, притороченные к низким седлам, — они показались ему ужасно непрактичными, особенно для всадников.

Сидящие верхом сильфены, переговариваясь на своем наречии, поглядывали на собравшуюся толпу. Одеты они были в длинные шубы из белоснежного меха с откинутыми

на спины капюшонами. Рукавицы и сапоги на них были сделаны из тех же самых шкур, и Оззи стало интересно, что это за животные. Он полагал, что они должны быть невероятно красивыми.

Сара вышла вперед и, слегка поклонившись предводителю всадников, заговорила на их языке:

— С возвращением вас, мы всегда рады видеть вас и ваших собратьев.

Предводитель в ответ разразился пронзительным щебетом:

— Дражайшая Сара, наша радость летит к вам бесчисленными поцелуями. Мы счастливы видеть тебя и твоих полных жизни друзей. Холоден мир вокруг вас. Жизнь под его красным солнцем требует много сил. Вы сильны, поскольку живете и процветаете между глубокими льдами и высоким небом.

— Ваша Крепость в этой холодной пустыне стала для нас хорошим домом. Останетесь ли вы на ночь?

— В этот день мы заслужили покой в своем старом-старом доме.

— Если мы можем чем-то помочь, скажите, пожалуйста. Собираетесь ли вы охотиться на ледовых китов?

— Они там, они скрываются в белых глубинах. В краткие мгновения быстры их движения. За долгие годы они стали огромными. Громко звучит их призыв. Мы слышим его издали с бесчисленных звезд. И мы отвечаем. Мы начинаем охоту. А в конце мы обмениваемся кровью, чтобы познать радость жизни.

— Мы бы хотели последовать за вами. И после окончания охоты мы бы с радостью забрали тела ледовых китов.

Предводитель сильфенов спешил легким прыжком и встал перед Сарой. Он сбросил капюшон и заглянул в закутанное лицо Сары, словно испытывая недоумение.

— Когда дело сделано и жизнь покинет тело, не важно, что станет с мертвой материей.

— Благодарю вас, — сказала Сара и снова поклонилась.

Всадники увели своих животных в пустующую конюшню, а пешие сильфены прошли сразу в Крепость, с пением и смехом спускаясь в главный зал. Это было стремительное вторжение света и доброго смеха, запахов весны и уютного кострового тепла. Приход сильфенов превратил Ледяную Крепость из холодного и мрачного форпоста в некоторое подобие рая. Когда Оззи наконец добрался до главного зала, все шесты с фонарями уже были воткнуты в отверстия на стенах, и их сочный золотой свет заглушил мрачные красные солнечные лучи. Сильфены сбросили белые шубы, и их одеяния цвета молодой листвы напомнили суровым камням о буйной зелени леса. Они вынули из своих мешков и пустили по кругу фляжки и корзиночки с ягодами и мелким круглым печеньем. Беззаботная вечеринка вызвала у Оззи мучительную тоску по прежней жизни и ее простым удовольствиям. В следующее мгновение он с ужасом и отвращением осознал, что глаза наполняются влагой.

Большинство обитателей крепости стояли вдоль стен и с простодушным удовольствием наблюдали за гостями. Орион оказался в самой гуще событий; он переходил от одного сильфена к другому, выслушивал их хвалебные песни, получал горсточку ягод и отхлебывал из фляжек. Удивительная улыбка на его молодом лице не уступала по яркости бирюзовому пламени его амулета.

— Чудесное зрелище, не правда ли? — тихонько сказала Сара на ухо Оззи.

— Я уже и забыл, какие они, — признался он. — Господи, я забыл обо всем, что есть за

пределами этой тюрьмы.

Морщинки на ее лице стали немного глубже от легкой печали.

— Значит, вы уходите?

— О да!

— Хорошо бы сначала помочь Джорджу.

— Что?

Он с трудом заставил себя отвернуться от жизнерадостной картины.

— Надо подготовить большие сани. Оззи, нам необходимы эти ледовые киты. Без них люди погибнут.

— Да, — нехотя согласился он, признавая ее правоту. Слишком много людей зависело от охоты и будущих трофеев. — Хорошо, я пойду помогать Джорджу. Но, сделай мне одолжение, не зови Ориона.

— Не буду.

Оззи был всего лишь одним из сорока человек, направленных Сарой на подготовку завтрашнему походу. Но даже при этом на проверку и погрузку саней у них ушла вся вторая половина дня. В багаже были трехслойные палатки, кухонная утварь, топливное масло в эластичных мешках, инструменты для разделки туш, различные котлы и бочонки. Потом Джордж и еще несколько умелых резчиков по кости занялись мелким ремонтом. Другие люди работали в стойлах, подготавливая убнатов.

После окончания работы, возвращаясь в свои комнаты, он чувствовал усталость, но был доволен и спокоен. Орион все еще оставался с сильфенами, но Оззи настоял, чтобы парень ушел в спальню, где их уже поджидал Точи. Оззи переключил визуальные вставки на ультрафиолетовый спектр. В переднем сегменте глаза Точи заплясали многочисленные контуры, выдающие его любопытство относительно сильфенов.

Оззи успокаивающим жестом поднял руки, а потом взял неоднократно вымытый пергамент. Кусочком угля он написал: «Да, это чужаки, пролагающие тропы. Завтра они будут охотиться на больших зверей. После охоты мы вслед за ними уйдем из этого мира».

— Что он говорит? — взволнованно спросил Орион, как только Оззи повернул пергамент к Точи.

— Он очень рад, что они пришли и у нас появился шанс, — ответил Оззи.

Орион выхватил пергамент у Оззи и торопливо размазал буквы. Поверх серого пятна он написал: «Это великолепная новость, да? Мы уходим!!!»

Точи тоже взял себе пергамент и живым манипулятором обхватил уголек. «Вместе мы справимся. Втроем добьемся успеха».

Орион встал перед Точи и поднял обе руки с оттопыренными большими пальцами. Мышечные отростки чужака сомкнулись на его руках.

— Ладно, парни, — сказал Оззи. — Давайте немного серьезнее. У нас будет только один шанс, так что надо правильно им воспользоваться. Орион, открой замок на сетке и упакуй все свои вещи. То, что не влезет в твой рюкзак, останется здесь. Потом приготовь на завтра самую лучшую одежду. Как только с этим закончишь, дуй на кухню и наполни кипятком все наши термосы, растворим в них пакетики с соком и повышенным содержанием глюкозы. Выпьем это завтра, на холоде.

— Разве нельзя заняться этим утром?

— Никто не знает, когда сильфены тронутся в путь. Все говорят, что они уходят очень рано, так что нельзя рассчитывать на кипяток. Все надо приготовить сейчас. Завтра у нас на

сборы будет не больше четверти часа. Я договорился с Джорджем, чтобы он оставил нам места на больших крытых санях.

— Ладно, — сказал Орион, — тогда я пошел собираться.

Оззи нанес еще несколько линий на пергамент, советуя Точи запастись лучшей доступной ему едой.

«Не забудьте меня, — написал в ответ чужак. — Не оставляйте меня здесь».

«Не оставим».

Оззи откопал несколько саморазогревающихся пакетов камберлендских сосисок с картофельным пюре в луковом соусе и начал заниматься своим багажом. При том, что палатка и пара сумок будут уложены в сани Точи, а Оззи и Орион понесут свои рюкзаки, взять все вещи, привезенные на лонтресе, никак не получалось. Наступил момент трудного выбора и разумных предположений. Оззи решил оставить большую часть своей одежды. На себя он наденет достаточно, чтобы выжить в этом мире, а значит, и на любой другой планете, хотя и без особого разнообразия в гардеробе. Сухие пайки на пятнадцать дней он собирался уложить в сани к Точи, а деликатесы вроде шоколада, печенья и чая оставить Саре и Джорджу. Медицинскую аптечку нужно взять обязательно. А набор керамических с тефлоновым покрытием сковородок оставить, так же как и маленькую керосиновую плиту. Вся упряжь, седло, сбруя лонтреса — все это теперь ему не понадобится.

Он осмотрел значительно похudevшую кучу вещей, которые хотел бы взять, и понял, что их все еще слишком много.

— Проволочную сетку тоже можно оставить, — сказал Орион, вернувшись с наполненными термосами. — Она немало весит.

— Да, — протянул Оззи. — Наверное. Хорошая мысль, старик.

Парень взял свой рюкзак и с дурацкой ухмылкой поднял его на вытянутой руке. Рыжие волосы не знали стрижки с тех пор, как они прибыли в Ледяную Крепость, и теперь почти доставали до плеч.

— И я могу взять что-нибудь еще. Смотри, здесь почти ничего нет.

В доказательство своих слов он попытался подбросить свой древний нейлоновый рюкзак.

— Все в порядке, старик, — сказал Оззи, когда рюкзак Ориона опрокинулся и тот с комическим ужасом дернулся, чтобы его поймать. — Мы взяли все необходимое, чтобы выбраться отсюда. Брать лишние вещи означало бы рисковать единственным шансом, а этого я делать не намерен. Я тебе рассказывал, каким бараклом был наш скафандр, когда Найджел вышел на Марс?

— Нет, не рассказывал.

— Знаешь, он был совершенно не предназначен для этого. Господи, да это просто чудо, что Найджел вернулся обратно, хоть и не отходил от червоточины дальше, чем на пару ярдов. А это было бы чертовски впечатляюще, правда? Первый человек, испытавший нашу машину, погиб из-за некачественного клея в велосипедной аптечке. История человечества могла бы пойти по другому пути.

— А как там было, на Марсе?

— Холодно. Холоднее, чем в этой дыре. И еще — Марс мертвый. То есть абсолютно мертвый. Поверь, это сразу понятно, если мир был мертвым еще за миллиард лет до того, как вымерли динозавры. Это видно с первого взгляда. — Он тряхнул головой, удивляясь яркости воспоминания, не потускневшей за три с половиной столетия. — Ну а теперь покажи, что ты

уложил в свой рюкзак.

Точи вернулся с ведерком, из которого обычно ел заваренные кипятком плоды кристаллических деревьев. Оззи и Орион со своими пакетами устроились на кроватях, и все трое в молчании приступили к ужину. В центральном зале по-прежнему раздавались беззаботные песни сильфенов; похоже, что охотники, словно загулявшие студенты, собирались развлекаться всю ночь напролет. Время от времени Оззи удавалось разобрать несколько фраз, и во всех он слышал восхваления размеров, скорости и свирепости ледовых китов.

Первой пришла их навестить Сара. Оззи передал ей вещи, которые решил оставить, и она коротко поблагодарила его за подарки. Затем появился Джордж, а с ним пять водителей саней, назначенных в охотничий караван. И еще пришли пять человек, которые собирались отправиться на поиски троп. Они устроились на койках и начали обсуждать различные возможности и стратегии похода. Вскоре небольшая комната-пещера стала похожа на раздевалку спортсменов перед решающим матчем. Подумав об этом, Оззи невольно задумался о том, кто выиграл Кубок Содружества.

Впоследствии Оззи с удивлением обнаружил, что ему удалось заснуть. Правда в повседневной одежде и в незастегнутом спальнике, отчего замерзла шея и плечи. Разбудил его Орион.

— Пора, Оззи, — почти испуганно прошептал он. — Джордж сказал, что они уже собираются.

— В таком случае мы тоже собираемся.

Оззи ощутил приятное возбуждение, как будто слушал ранние записи «Битлз». Но пение сильфенов в главном зале Крепости уже утихло. Он сорвал упаковку с саморазогревающихся пакетов с завтраком и начал одеваться. Сначала полный комплект термобелья, потом плотная футболка, вельветовые брюки и чистая фланелевая рубашка. К тому времени когда он зашнуровал горные ботинки, Оззи начал согреваться. В состав окончательного варианта одежды входили еще два свитера, непромокаемые и термоизолирующие штаны, шарф, шлем, перчатки, наушники, очки и, конечно, шуба из меха ледового кита, меховые штаны и рукавицы. Он проверил, чтобы и Орион ничего не забыл. Половина его одежды была заранее аккуратно перешита из запасов самого Оззи специально для этого случая.

Они съели свой завтрак, в последний раз посетили уборную, а потом зашли за Точи.

В большой мастерской уже было людно и шумно. Сильфены выводили из конюшни своих животных. Джордж раздавал приказы своим помощникам. Точи съежился на холодном и сыром каменном полу, пока Оззи и Орион в последний раз проверяли его сани, а потом торопливо забрался под защиту мехового полога. Оззи передал ему три термобрикета, а потом тщательно завязал задний клапан и убедился, что не оставил никаких щелей. Упакованный багаж поместился в задней части саней. Теперь Точи придется оставаться в меховом цилиндре до тех пор, пока они не попадут в более теплый мир. Несколько недель назад Оззи пытался узнать, не страдает ли Точи клаустрофобией, но безуспешно: то ли их словарь еще не был настолько совершенен, то ли у чужака вообще отсутствовало понятие о боязни замкнутого пространства.

Джордж сам помог Оззи и Ориону вытащить санки Точи, и при слабом утреннем свете они привязали их к большим крытым саням, запряженным пятеркой убнанов. Обменявшись с Точи жестами с пожеланием удачи, они забрались внутрь. Коррок-хи Билл занял место

возницы, а в сани, наполовину заполненные инструментами для разделки китов, влезла Сара и еще пятнадцать человек. Затем зажгли маленькую жаровню под крышей, и она наполнила внутренность слабым желтоватым светом и удушливым дымом. Наконец опустили и боковую полость.

Красное солнце уже медленно поднималось над горизонтом, когда все сильфены собрались у стен Ледяной Крепости, и отблески их фонарей заиграли на белых мехах, копьях и луках. Их протяжное пение зазвучало в такой низкой тональности, какой Оззи еще не приходилось слышать. Мрачный баритон хора казался еще более чужим и более зловещим. Первыми легким галопом двинулись в путь всадники, следом за ними неторопливо зашагали пешие охотники. Убнаны рванули сани, вызвав громкий стук металлической посуды.

Только спустя полтора часа они добрались до опушки кристаллического леса, и все это время крытые сани не отставали от идущих пешком сильфенов. Но уже среди мелких деревьев на краю впадины им пришлось выстроиться в одну линию. Тропа между несокрушимыми стволами была узкой и неудобной, и движение сразу замедлилось. Сильфены постепенно скрылись из вида, но оставили за собой отчетливые следы. Время от времени возницы-коррок-хи замечали среди заснеженных деревьев лишь отблески горящих фонарей. Оззи несколько раз пробирался к заднему полотнищу саней, чтобы посмотреть, как чувствует себя Точи. Маленькие санки благополучно катились на привязи, и чужаку даже не приходилось работать палками.

— Долго еще ехать? — спросил Орион спустя час.

— Еще пару часов пробираться по лесу, пока не доедем до района охоты, — сказала Сара. — А потом — кто знает? Всадники ускакали вперед, чтобы выследить китов.

— А район охоты большой?

— Не имею представления. Противоположного края не видно даже при самой ясной погоде. Сотни миль, я полагаю. Однажды они зашли так далеко, что нам пришлось поворачивать назад, даже не дождавшись охоты. Но это редкий случай. Если повезет и ледовые киты окажутся поблизости, охота может начаться уже сегодня.

— А на ночь они уходят? — спросил Оззи.

— Нет. То есть до сих пор такого не было.

Края леса они достигли через два с четвертью часа. Оззи и Орион, стараясь рассмотреть новую землю, нетерпеливо уставились в окошко. Оказалось, что они незаметно для себя довольно высоко поднялись. Кристаллический лес расступился перед обширным плато какого-то горного массива. У самой опушки начинался длинный спуск на бескрайнюю равнину с сотнями невысоких вулканических кратеров. Насчет ее размеров Сара оказалась права. Морозный воздух обеспечивал прекрасную видимость, но даже с высоты полумили над равниной Оззи не смог рассмотреть ее края, он скрывался где-то за розовым туманным горизонтом. Края кратеров казались почти плоскими, зато между ними торчали тысячи острых скал, похожих на миниатюрные копии вершины Маттерхорн. Внизу на них росли кристаллические деревья, но вершины представляли собой зазубренные пики, сверкающие полосками снега, задержавшегося в трещинах.

Сара рассказала им, что кратеры наполнены мельчайшими гранулами льда, рассыпанными идеально ровным слоем, и определить его глубину практически невозможно. Почти над всеми кратерами, в самом центре, виднелись тонкие струйки пара. Поднимаясь вверх, они становились все шире и прозрачнее, пока не достигали высоты в тысячу метров, где сливались в размытые полосы перистых облаков, похожие на следы реактивных

самолетов. Оззи, переключившись в инфракрасный спектр, обнаружил, что температура внутри кратеров превышала температуру снаружи всего на несколько градусов, но и этого было вполне достаточно, чтобы вызвать испарение. Ему стало интересно, насколько теплее на дне этих воронок.

Примерно на середине спуска он увидел сильфенов, огибавших небольшие группы деревьев и весело размахивающих фонарями. Всадников нигде не было видно. Вскоре все сани вышли на вершину склона и начали рискованный спуск вслед за охотниками.

Спуск оказался очень неровным, и повозки опасно раскачивались из стороны в сторону. Время от времени коррок-хи использовали силу убнанов не для того, чтобы тащить сани, а для торможения. Оззи метался взад и вперед, то осматривая окрестности, то проверяя Точи. Все остальные сидели на местах, крепко вцепившись в костяную раму. В конце концов уселся и Оззи — даже если веревка оборвется, он все равно ничего не сможет сделать. Несколько предметов сорвались со своих мест и перекатывались по всей повозке, больно ударяя не только по лодыжкам, но и по рукам и груди. Печка на короткой цепочке описывала чудовищные петли.

Спуск в долину не мог занять больше сорока минут, но для пассажиров в тесных и загроможденных утварью санях он растянулся на несколько часов. Раньше Оззи никогда не задумывался, насколько важно иметь возможность выглянуть из движущегося транспорта. Воображение рисовало ему кинжально острые скалы, грозящие расколоть сани, и отвесный стометровый обрыв в самом конце склона.

И вот Билл испустил глухой рев в знак того, что спуск закончен. Пассажиры саней, не желая признать, как сильно были напуганы, нервно улыбались друг другу. После спуска езда стала более легкой, и Сара даже высказала уверенность, что они немного догонят ушедших вперед сильфенов. Орион не выпускал из пальцев сверкающей голубыми искрами подвески.

Крытые сани продолжали движение по сыпучему снегу в одну линию, придерживаясь свежего следа охотников. А сильфены с хорошей скоростью уходили все дальше от перевала. К полудню они начали огибать первый кратер, отмеченный с противоположного края целой цепочкой острейших скал. Потом начались овраги с высокими гребнями слежавшегося снега, которые, как могло показаться с первого взгляда, должны были рассыпаться от малейшего дуновения ветра. Встречались и участки чистого льда, на которых убнаны с трудом цеплялись копытами, и небольшие рощицы кристаллических деревьев и луковицеобразных кустов. Очень часто, выглядывая наружу, Оззи видел обширные заросли смятых и сломанных кустов, а иногда и просто острые обломки с грудами обледеневших веток. Порой им приходилось взбираться на крутые откосы, и тогда скорость падала до черепашьего шага, но стремительно возрастала на спусках, еще более крутых и пугающих, чем склон лесного массива. А иногда пар из кратера уходил в сторону почти горизонтально, покрывая убнанов и сани хрустящей коркой инея.

До захода солнца оставалось еще часа полтора, когда лесной массив скрылся из вида, заслоненный острыми темными вершинами скал. Удлинившиеся тени поползли по земле потеками ржавчины. Убнаны в упряжках начали уставать. Даже на ровной земле их скорость значительно снизилась.

— Сегодня охоты не будет, — сказала Сара, вернувшись после короткого разговора с Биллом. — А нам пора ставить палатки, в темноте это сделать нелегко.

Еще через полчаса, выбравшись из ущелья между двумя скальными грядами, они оказались над кратером около шести миль в поперечнике. Спустя какое-то время после

образования бассейна в результате вулканической активности появился новый продолговатый скальный массив, пересекающий его центр.

Сильфены, как пешие, так и всадники, собрались у подножия ближайшей к краю кратера скалы, и в ступающих сумерках их группа сияла огнями, словно ограненный драгоценный камень. Позади них мрачной стеной на фоне алого заката стояли кристаллические деревья, даже более крупные, чем в лесном массиве.

Они выстроили сани широким кругом в полумиле от сильфенов, на вершине откоса, окаймляющего береговые скалы. Все выскочили на снег, стали вытаскивать палатки и собирать каркасы. После установки больших палаток Оззи, Орион и Джордж собрали небольшой каркас над санками Точи и набросили на него большой меховой полог, а сами санки тоже накрыли шкурой кита.

— Так должно быть неплохо, — сказал Джордж, выбираясь наружу.

Оставшийся внутри Оззи это подтвердил. Он зажег две свечи и поставил их на землю перед экраном. Пространства внутри почти не осталось, возможно, лишь пара кубических ярдов, но этого достаточно, чтобы Точи мог выглянуть наружу и, возможно, избавиться от страха захоронения. Чужак по ту сторону не двигался, но его глаз был направлен на Оззи. Он выставил вверх большой палец, не снимая рукавицы. Передний сегмент замерцал ультрафиолетом, слегка затененным кристаллической пластиной. Приблизительный перевод гласил: «Не забудьте про меня завтра».

— Ни за что, — прошептал в свой шлем Оззи.

Точи сорвал обертку с термобрикета. Оззи дождался, пока брикет не раскалился, а затем, пятясь, вылез из-под мехового покрова.

До захода солнца оставалось не больше двадцати минут, и Оззи поспешил к краю кратера. Перед наступлением темноты стало удивительно тихо. Под холодным помрачневшим небом стихло даже бесконечное пение сильфенов. Гладь рассыпчатого снега перед ним была такой ровной, что создавала почти полную иллюзию жидкости. Оззи подошел ближе, почти ожидая увидеть мелкую рябь. Он встал на колени и опустил в снег руку, не снимая перчатки. Густотой поверхность напоминала нефть, но чем глубже он опускал руку, тем сильнее становилось сопротивление.

— Осторожнее — не упади, — сказала ему Сара.

Оззи выпрямился и стряхнул несколько прилипших гранул снега.

— Господи, ты всегда создаешь впечатление, будто я делаю что-то недозволенное.

— Люди падали туда. Но мы не рисковали своими жизнями, чтобы их отыскать. От них не оставалось никаких следов, не говоря уж о пузырях.

— Да, представляю. Это неестественное вещество. Такие гранулы должны были слипнуться.

— Конечно, должны. Но они постоянно перемешиваются и остаются сыпучими, как пыль в миксере.

— А перемешивают их ледовые киты.

— Киты и то, что там еще внутри. Должны же они что-то есть.

— Надеюсь, что это ледовые водоросли — или какие-то другие растения на дне.

— Ты бы так не говорил, если бы их видел.

Она отвернулась и пошла по пологому склону. Оззи последовал за ней.

— Почему?

— Они не слишком похожи на травоядных животных.

— Ты уже разгадала эту загадку?

— Нет, Оззи, ничего подобного. Я очень мало знаю об этом месте, да и о других, где побывала, тоже. Почему сильфены не позволяют нам пользоваться электричеством?

— Эта теория довольно проста. Они ведут жизнь на исключительно физическом уровне; это значит, что тела, которые мы видим, представляют собой платформу каждой личности для эволюции сознания. Как ни больно мне это говорить, но для их возможностей это очень низкий уровень. Стоит только начать использовать электричество и все связанные с ним преимущества, как возможность естественного самопознания начинает сокращаться.

— Да, — печально вздохнула она. — Избави бог, чтобы они изобрели медицину.

— Это для них несущественно. Нам нужна медицина, потому что мы дорожим своей индивидуальностью и преемственностью. У них другие понятия. Они идут по тропам к определенной цели. В конце пути они становятся частицей своей взрослой общности.

— Откуда, черт побери, тебе это известно?

Он пожал плечами, но в меховой шубе жест остался незамеченным.

— Когда-то мне об этом рассказали.

— Кто?

— Один чужак, с которым я разговорился в баре.

— Боже правый, я не знаю, кто из вас более странный — они или ты.

— Определенно они.

Они поднялись на невысокую гряду. Солнце уже скрылось, оставив ярко пламенеющее небо.

— Не задерживайся, — сказала Сара. — Здесь нет маяка, который привел бы тебя обратно.

— Не беспокойся обо мне, я вижу в темноте лучше многих людей.

— Может, у тебя еще и мех вместо кожи? В этом мире по ночам прячутся даже коррок-хи.

— Да, конечно. Извини, об этом я не подумал.

— Тебе придется думать, если завтра собираешься уйти вслед за сильфенами.

— Да, конечно. Знаешь, меня немного удивляет, что ты не хочешь уйти вместе с нами.

— Когда-нибудь уйду и я, Оззи. Просто время еще не пришло.

— Но почему? Ты давно живешь здесь. Не думаю, чтобы ты купилась на рассуждения Джорджа о здешней жизни как об искуплении, которое заставляет нас больше ценить свою жизнь. Насколько я понимаю, тебя здесь никто не держит. Или я ошибаюсь?

Его давно мучил этот вопрос, поскольку его собственные намеки неизменно оставались без внимания.

— Нет, — неторопливо ответила она. — В данный момент — никто.

— Это плохо, Сара. Все мы в ком-нибудь нуждаемся.

— Хочешь предложить свою кандидатуру?

Насмешливое презрение в ее голосе заставило его задуматься. Сара остановилась и посмотрела ему в лицо.

— Ну, что? — спросила она.

— Черт побери, какой же я идиот! — воскликнул Оззи.

— О чем ты?

— О нас. О тебе и мне. Валяем дурака.

— Но ты же... Ох!

— Что я? — подозрительно спросил он.

— Я думала... мы все думали, что ты и Орион...

— Что я и Орион? Проклятье!

— Хочешь сказать, он не...

— Нет. Абсолютно нет.

— Понятно.

— И я тоже — нет.

— Ладно. Извини. Это недоразумение.

— Но ведь не поэтому...

— Нет, конечно. У меня было немало друзей-геев.

— В самом деле?

— Что ж, теперь все ясно.

— Да.

Остаток пути до палаток они проделали в молчании. Все остальные уже забрались внутрь, и густой черный дым над каждым аккуратно вырезанным отверстием свидетельствовал о готовящемся ужине.

— Оззи, — заговорила Сара перед входом в палатку.

— Угу.

— Завтра, когда сальфены будут охотиться на ледовых китов, умерь свое любопытство.

Каким бы волнующим, отталкивающим или восхитительным тебе ни показался этот процесс, не вмешивайся, держись в стороне.

— Так и сделаю.

— Надеюсь. Я понимаю, почему ты здесь оказался, я видела это в людях и раньше. Ты думаешь, что на тебя возложена какая-то миссия и это делает тебя неуязвимым. Может, и так, но поверь мне, завтрашний день — неподходящий случай это проверять. Я в курсе твоих безумных идей насчет природы сальфенов, но завтра особый день.

— Я буду осторожен, обещаю. Мне надо заботиться о мальчике и чужаке.

Их разбудили при первых признаках приближающегося рассвета. Несмотря на присутствие еще десяти человек в палатке, Оззи заснул сразу, как только застегнул свой спальник. В эту ночь ему впервые не пришлось терпеть этот вездесущий красный свет. Они с Орионом позавтракали сухими пайками, стараясь не обращать внимания на резкие и обидные комментарии остальных, кому пришлось довольствоваться обычной для Ледяной Крепости пищей — заваренными в кипятке плодами кристаллического дерева и кусочком мяса ледового кита. После завтрака заполнили фляги кипяченой водой, в двух флягах растворили энергетический напиток, а еще в две добавили суповой концентрат. Затем все поспешили посмотреть на начало охоты, а Оззи и Орион стали упаковывать свои вещи, надеясь, что в этом мире делают это в последний раз.

Ночью шел снег; клочья перистых облаков превратились в крохотные жесткие снежинки, припорошившие все поверхности. Оззи и Орион стряхнули снег с верхнего полога, накрывавшего санки Точи, и сняли его. Оззи в душе испытывал настоящий страх. Что они обнаружат? Окоченевший труп? Но термобрикет сделал свое дело. Точи, похоже ничуть не огорченный вынужденным одиночеством, помахал им из-за кристаллического экрана.

Они так и остались вдвоем около саней, немного в стороне от остальных, собравшихся перед палатками. Из их лагеря открывался отличный вид на низину, где должна была состояться охота. И Оззи понял, почему коррок-хи выбрали место для ночевки на

возвышенности, — здесь они были вне досягаемости для оружия сильфенов.

Сегодняшняя охота должна была проходить между оврагами и заросшими кустарником холмами, поднимавшимися со дна кратера. Всадники разделились на две группы. Первая отправилась вдоль гребня скальной гряды, пересекающей кратер, к самому ее краю. А вторая, огибая кратер по краю, устремилась в противоположную сторону. Пешие сильфены, разбившись на мелкие отряды, скрылись в оврагах и среди валунов.

Оззи с возрастающим интересом наблюдал, как некоторые всадники по одному отъезжали от группы и неподвижными часовыми застывали у подножия отдельных скал. Спустя сорок минут последний всадник добрался до вершины гряды и тоже остановился. В миле от него вторая группа всадников таким же образом выстроилась вдоль края кратера.

В морозном воздухе пропел звонкий протяжный звук рога.

— Прикройте глаза, — предупредила их Сара.

Оззи и Орион переглянулись. Об этом им никто еще не говорил. Оззи быстро шагнул вперед, загораживая собой кристаллический экран. Затем он снова повернулся к кратеру и включил увеличение, остановив взгляд на самом далеком всаднике у скал. Сильфен привстал в стремених и занес руку в классической позе для броска копья. Оззи едва успел включить фильтры визуальных вставок. Сильфен метнул копье. Даже при полном приближении он с трудом смог уследить за серебряной полоской, мелькнувшей в воздухе с невероятной скоростью. Тем не менее он успел заметить, что и стоящий напротив сильфен у края кратера тоже бросил копье.

— Что...

В самой верхней точке полета копья вытянулись и воспламенились, превратившись в две сверкающие молнии. Над кратером вспыхнул невыносимо яркий белый свет, на мгновение затмивший красное солнце. Ослепительная двойная лента погрузилась в озеро из ледяных гранул. В месте падения появились бело-голубые светящиеся круги; они разошлись по поверхности на несколько сотен ярдов, а затем постепенно исчезли.

— Что это было? — воскликнул Орион.

— Не знаю, — честно ответил Оззи.

Он немного удивился, что гранулы льда не взлетели вверх, как бывает при глубинном взрыве в воде, но поверхность осталась такой же ровной, и только протяжный гул раскатился над равниной, отзываясь эхом в ближайших скалах.

Вторая пара сильфенов, привстав в седлах, бросила копья. И снова появилась вспышка раскаленного добела света. Только после четвертого броска Оззи заметил в кратере движение. Низкая пологая волна стрелой поднялась между двумя пятнами света, прокатилась по поверхности ярдов на пятьдесят, после чего исчезла.

Раздался радостный хор сильфенов, ожидающих возможности вытащить добычу на берег, и их пение слилось с громовыми раскатами четвертого броска.

— Что-то получается, — пробормотал себе в шлем Оззи.

В кратере появились еще волны, и все они двигались к краям, уходя от падавших в лед копий света. Две волны, самые близкие к берегу, продолжали двигаться с огромной скоростью и не исчезали. Оззи затаил дыхание, с нетерпением ожидая увидеть ледового кита.

Первый кит выскочил из гранул льда в сотне ярдов от берега; огромный серый фонтан лохматой шерсти взвился в воздух с легкостью резвящегося в море дельфина. Если бы не изогнутые клыки, торчащие по обе стороны пасти, он был бы похож на полярного медведя,

выросшего до размеров динозавра. Зато ряды ног на брюхе больше напоминали плавники.

— Он огромный! — взвизгнул Орион.

— Да, старик, настоящая громадина.

Ледовый кит плюхнулся в озеро ледяных гранул, подняв целые тучи сухих брызг. Позади него ударили световые копья, масса ледяных частиц зашипела и превратилась в водоворот мелких радуг. Голова кита злобно дернулась, но он продолжал двигаться к берегу. За ним появились еще четыре волны.

Пешие сильфены устремились вперед, держа над головами короткие темные копья. В спешке они побросали свои тяжелые шубы и теперь казались пылинками, подхваченными ветром на белом снегу. Небо над головами беспрестанно меняло цвет с красного на белый, и тени, повинувшись полету ослепительных копий, метались с головокружительной быстротой. Бегущие сильфены напомнили Оззи о старинном документальном фильме, где солдаты во время войны бросались в бой на берегу моря. Ему до боли хотелось поддержать охотников криком.

Первый кит достиг берега и продолжал нестись с той же скоростью. Оззи не мог поверить своим глазам: гигантское существо стремительно передвигалось по суше! Голова кита раскачивалась из стороны в сторону, и клыки громко лязгали в неудержимой ярости. Сильфены расступились перед ним. Несколько охотников бросили копья. Это оружие не превращалось в молниеносную вспышку, оно просто летело в цель. Но удары не произвели большого эффекта; некоторые копья попросту отскочили от густой спутанной шерсти, а те, что вонзились в бока, явно проникли неглубоко и только еще сильнее разъярили зверя. Он согнулся дугой и, словно пес, вычесывающий блох, сбросил удержавшиеся на шкуре копья короткими лапами. Сильфены, кинувшие копья, стали отходить, а остальные начали натягивать луки, готовясь выпустить стрелы. Оззи не заметил в густой шерсти ледового кита никаких признаков глаз, но монстр точно знал, где находятся его мучители. Он рванулся вперед и сомкнул страшную пасть. Три клыка пронзили одного из сильфенов. Из проколов брызнули струи черной крови. Через мгновение пасть открылась, разорвав охотника пополам. Ноги откатились в сторону, а туловище упало на землю. Кит тотчас бросился на другого охотника, который, падая назад, все же пытался выпустить стрелу.

Орион завизжал от ужаса.

— Не бойся! — крикнул ему Оззи. Он обнял мальчика и загородил его от бойни. — Я тебе обещаю, все будет в порядке. Они не умирают. Понимаешь? Сильфены не умирают. Они переходят в другую жизнь, в настоящий рай.

Орион забился в его руках.

— Он съел его! — кричал парень. — Сожрал!

— Нет, ничего подобного. Сильфен слишком горячий для кита, он обжег бы ему пасть.

— Но он умер.

— Нет! Я же тебе говорю: сильфены уходят на свои небеса. Я не обманываю тебя, старик. Так оно и есть.

Орион приник к нему, прижавшись головой к груди.

— А чудовища не бросятся на нас? Оззи, я не хочу умирать. Я не попаду на небеса, точно не попаду.

— Эй, — Оззи ободряюще похлопал парня по спине, — ты-то попадешь. Это я нырну прямо в пламя. Как ты думаешь, зачем бы я столько раз проходил омоложение? Злобный громила с вилами давно меня ждет.

Ответной реплики не последовало. Оззи покрепче обнял парня и бросил взгляд на охоту. Последние воспламеняющиеся копья были брошены и уже погасли, оставив победу в небе за красным солнцем. На сушу выскочили четыре ледовых кита, и один из них оказался даже крупнее, чем первый. Каждого зверя окружала группа быстро перемещающихся пеших охотников; в круг черными штрихами безостановочно летели стрелы и копья. Большая часть оружия отскакивала от густой шерсти, но и количество удачных ударов быстро возрастало. Больше дюжины сильфенов, растерзанные или затоптанные, лежали на снегу. Из ран текла кровь, снег таял, но по краям лужицы быстро начинали замерзать.

— Пойдем, — уговаривал Оззи Ориона. — Давай зайдем внутрь и немного отдохнем от этой жути.

Волнение, охватившее его при начале охоты, давно улеглось, оставив после себя чувство вины за то, что взял с собой мальчика. Оззи помог Ориону дойти до ближайшей палатки.

— Они ведь не доберутся сюда, правда? — жалобно простонал Орион.

— Нет, я тебе обещаю.

Сара, заметив, как они ковыляют к палатке, поспешила за ними.

— Вы в порядке?

— Нет, не в порядке, — огрызнулся Оззи. — Надо было предупредить меня.

— Это охота. А чего ты ожидал?

Гнев Оззи быстро рассеялся. Она права. Чего еще можно было ожидать? Красивого спектакля?

Сара потянула за веревки, удерживающие полотнища наружного полога. Оззи, убедившись, что его плечи закрывают вид Ориону, снова оглянулся на разворачивающуюся внизу сцену. Картина становилась все более ужасающей. Потери сильфенов еще увеличились. Трое из волшебного народца умудрились забраться на спину китов и, ухватившись за шерсть, скакали, словно на самом диком во всей галактике мустанге. На глазах Оззи один из них угодил под удар ноги, взлетел в воздух и врезался в скалу. Двое оставшихся отчаянно пытались вонзить копья в меховой воротник на шее, но им приходилось несладко.

Второй ледовый кит ломился прямо сквозь заросли кристаллических деревьев. Его голова, словно отвал бульдозера, крушила стволы, превращая их в тучи опасной шрапнели. До лагеря доносился звон, словно из охваченного землетрясением стеклянного города. Сильфенам, прежде чем сделать бросок или выстрел, приходилось обходить обломки и увертываться от осколков.

Что касается третьего кита... Брови Оззи в недоумении сошлись на переносице. Его путь от кратера был отмечен пятью телами сильфенов. Битва была ожесточенной, но теперь он ослабел и стал заметно медлительнее. Никогда еще добыча не была такой уязвимой. Но вместо того чтобы воспользоваться преимуществом, эльфийский народец расступился перед ним. Кит, истерзанный десятками копий и стрел, бессильно остановился, мотая головой. А сильфены вдруг выстроились в две редкие линии, образовав дорогу обратно к кратеру. При этом они подняли копья над головами в безмолвном салюте. Ледовый кит неуклюже развернулся и с трудом пополз к озеру из ледяных гранул, к безопасности.

— Входите, — сказала Сара, откинув полог.

Оззи втолкнул Ориона в палатку и быстро последовал за ним. Сара тоже вошла. Орион молча повалился на постель. Оззи снял шлем, рассыпав волосы по плечам. Из кармана шубы он достал термос.

— Вышей немного, это тебе поможет. Только осторожно, напиток горячий.

Орион сделал слабую попытку стащить капюшон. Саре пришлось ему помочь. Оззи почти насильно влил ему в рот немного энергетического напитка. Таким расстроенным он парня еще не видел. В запавших глазах стояли слезы.

— Совсем паршиво, да?

Орион только кивнул.

— Одному киту они позволяют уйти, — сказал Оззи. — Для чего?

— У ледовых китов ограниченный запас энергии, — сказала Сара. — Грубо говоря, это как прилив адреналина у человека. Они используют его для путешествий между кратерами или в битве за территорию. Для добывания пищи тоже, насколько мне известно. Но для пополнения запаса требуется много времени, а сторает она довольно быстро. Как только запас иссякает, киты обречены. Сильфены не видят смысла в том, чтобы стрелять по неподвижной туше, и потому провожают обратно до кратера.

— Они сумасшедшие! — воскликнул Оззи. — Все это чрезвычайно глупо.

— Ты ведь сам веришь, что они живут на этом уровне ради опыта, помнишь?

— Да. — Он плюхнулся на постель рядом с Орионом. — Помню.

Несколько секунд Сара молча смотрела на них.

— Я должна идти туда. Я дам вам знать, когда охота подойдет к концу. Теперь уже недолго.

— Спасибо.

Орион не проронил ни слова, просто сидел и держал в руках термос.

— Такого больше не будет, — уверенно заявил Оззи. — Куда бы мы ни попали, такого, как в этой забытой Богом дыре, больше не повторится.

Долгое время Орион сидел неподвижно, но вдруг словно взорвался. Он вцепился в ворот шубы и распахнул ее, затем оттянул воротник свитера.

— Я их ненавижу! — завопил он. — Оззи, я их ненавижу, они совсем не те, кем их считают. Они мне не друзья. Как они могут быть друзьями, если способны на такое? — Он вытащил амулет и рванул цепочку. — Они мне не друзья. — Мерцающая подвеска полетела в дальний угол палатки. — Что они сделали с моими родителями?

— Эй, парень, ничего они с твоими родителями не сделали, это я тебе точно говорю.

— Как? Как ты можешь так говорить? Ты и сам ничего не знаешь.

— Они не злые. Я понимаю, то, что происходит снаружи, не слишком красиво выглядит, но они не убивают людей преднамеренно. Твои отец и мать благополучно странствуют по тропам. Вспомни, что сказала Сара: их здесь никогда не видели. Что касается троп, эта планета просто тупик, и сильфены не слишком о ней заботятся.

Орион тряхнул головой.

— Они такие жестокие, — упрямо заявил он.

— Да, здесь они жестокие. На определенной стадии эволюции все живые существа бывают такими. Мы просто увидели их не в самый подходящий момент развития, вот и все.

— Ох! — Орион шмыгнул носом и глотнул немного сока. — Как ты думаешь, эта стадия была до того, как они пришли на Сильверглейд, или после?

— Хороший вопрос. Я не знаю, это надо обдумать.

— Я думаю, после. Прежде чем оценить добро, надо узнать, что такое зло.

— Вот черт! Сколько тебе лет?

— Я точно не знаю, тем более с этой путаницей во времени на тропях, о которой

говорила Сара.

— Но для четырнадцатилетнего ты проявляешь исключительную мудрость.

— Мне пятнадцать! А может, уже и шестнадцать.

— Ладно, исключительную только на девяносто процентов. — Оззи встал и подобрал амулет. — Если ты не против, я возьму его с собой.

— Мне плевать, — угрюмо буркнул подросток.

— Отлично. Как знать, может, амулет приведет нас к другим сильфенам. — Подвеска ничуть не пострадала и все так же сияла голубым светом. Оззи положил ее в карман брюк, откуда она не могла выпасть. — Теперь ты в порядке? Надо поправить одежду и выбираться отсюда.

— Да, я думаю, в порядке.

Они выбрались из палатки и обнаружили, что Точи прижал к экрану кусок пергамента с надписью: «Что случилось?»

На таком холоде Оззи не мог воспользоваться письменными принадлежностями, а потому сделал несколько простых жестов, закончив поднятыми вверх большими пальцами. Ориону он посоветовал повторить последний жест. Точи помахал им и убрал пергамент.

— Они убили их, посмотри, — с горечью произнес Орион.

Внизу неподвижно лежали три туши ледовых китов со слипшейся от крови шерстью. Их судьбу разделили три десятка сильфенов. Оставшиеся в живых охотники собрались вокруг гигантских животных. Оззи, стараясь рассмотреть детали, включил приближение. Двое сильфенов разрубали тушу длинными изогнутыми клинками. Они уже сняли большой треугольный лоскут шкуры и теперь прорубали плоть до внутренней полости. У их ног образовались лужицы липкой тягучей жидкости и груды внутренностей. Затем он увидел, как охотники вытащили какой-то орган размером в половину роста взрослого человека. Все сильфены подошли ближе. Один за другим они стали очень торжественно отрезать по кусочку плоти и отправлять в рот.

Оззи изумленно моргнул и выключил увеличение зрительных вставок.

— Я-то думал, что они вегетарианцы, — пробормотал он.

— Ты ошибался, — раздался голос Сары.

Оззи обернулся.

— И уже не в первый раз.

— Я пришла сказать, чтобы вы были наготове, — сказала она и показала на пять человек, которые тоже собирались уйти вслед за сильфенами и теперь надевали лыжи. — Они скоро отправятся в путь.

— Охота закончилась? — уточнил Оззи.

— Да. — Она немного помолчала. — Я знаю, что тебе здесь было очень тяжело, но рада, что смогла с тобой познакомиться. Люди нечасто соответствуют своей репутации. По крайней мере, далеко не все.

— Спасибо. Надеюсь, это комплимент.

— Когда мы встретимся в следующий раз, все будет иначе.

У него имелось множество ответов, но их могли услышать все окружающие.

— Будем надеяться, — только и сказал он.

— А ты, — она повернулась к Ориону, — проследи, чтобы он вел себя хорошо.

— Я постараюсь, — ответил парень из-под защитной маски.

Оззи надел лыжи, потом проверил, надежно ли закрепил свои лыжи Орион, и убедился,

что он крепко держится за веревку, привязанную к санкам Точи. Наконец он подал чужаку условленный знак и тронулся в путь. На довольно крутом склоне нетрудно было набрать хорошую скорость. Оззи только и оставалось, что увертываться от камней, грозящих перевернуть санки. Точи не отставал, а своими палками только направлял сани, чтобы катиться точно по следам Оззи.

Они закончили спуск, когда сильфены уже уходили. Всадники снова собрались в отдельную группу, а пешие охотники подхватили свои фонари. Снова послышалось их веселое пение. Сильфены направились в противоположную сторону от той, откуда пришли. Оззи обернулся и взглянул наверх. На фоне неба виднелась одинокая фигура, но кто это был, рассмотреть с такого расстояния он не мог.

Он понимал, что в самом начале путь будет нетрудным. Накануне они почти не тратили сил, хорошо поели и проспали почти семь часов без перерыва. Первые два часа ему даже приходилось остерегаться, чтобы не въехать в группу сильфенов, и он старался держаться от них ярдах в сорока. Ноги сильфенов утаптывали легкий слой снега, оставляя относительно ровную поверхность. Точи тоже не испытывал трудностей и держался в пяти ярдах за Оззи. Орион каждый раз, когда Оззи оборачивался, махал свободной рукой, давая понять, что у него все в порядке. Остальные путники бежали с постоянной скоростью, двое держались наравне с Оззи и санками Точи, а трое самых опытных лыжников шли вместе с сильфенами, твердо намереваясь не упустить свой шанс выбраться из этого мира.

Около полудня Оззи заметил, что их путь начинает отклоняться от курса, выбранного в Ледяной Крепости. Приблизительное представление о направлении движения он определял по солнцу, да и горный массив позади постепенно смещался влево. Местность также начала изменяться. Кратеры и скалы еще оставались, но попадались все реже, а пространство между ними занимали кристаллические деревья; лес темным прибоем взбирался на пологие склоны. Все это одновременно вселяло надежду и разочарование. Надежду, потому что Оззи рассчитывал обнаружить в лесу тропу, ведущую из этого мрачного мира. А разочарование — из-за дополнительных трудностей для лыжников. Сильфены и в лесу не снижали скорости, ловко скользя между толстыми стволами и молодыми деревцами, так что не задевали ни одной ветки. А Оззи трудно было успевать за ними, хоть он и старался все время придерживать самую широкую полосу следов. Ему приходилось постоянно быть начеку, да и сил на бесконечные повороты уходило больше.

Опасность обезвоживания, о которой он никогда не забывал, тоже заставляла сбавлять скорость каждые двадцать минут, чтобы плотнуть сока. И даже за те пятнадцать секунд, которые требовались, чтобы отвинтить крышку и сделать пару глотков, расстояние до сильфенов значительно увеличивалось. А потом ему приходилось бежать быстрее, чтобы восстановить дистанцию.

Через четыре часа он сильно вспотел, и мокрая ткань стала натирать кожу. Руки сильно болели. Стук сердца громко отдавался в ушах. Ноги едва держали его. Один из лыжников, державшихся вровень с ним, отстал ярдов на сто и продолжал отставать. Из трех путников, которые вначале шли вместе с сильфенами, двое бежали рядом с Оззи. Выбранный сильфенами путь привел к целому скоплению пригорков, взбираться на которые было все труднее. В то же время деревья становились все выше, и таких форм Оззи еще не доводилось видеть. Ветки самых высоких экземпляров спиральями поднимались вверх, как будто их специально закручивали вокруг основного ствола. Но чаще встречались прямые стволы с шарами, напоминающие стеклянные клетки, причем внизу они достигали ярда в

поперечнике, а ближе к макушке не превышали размеров желудка. На всех стволах белыми заплатками цеплялся снег, но сосулков не было, В таком холоде им невозможно было сформироваться.

Они поднялись на вершину небольшого холма, и тогда Орион все-таки не выдержал. Он выпустил веревку из рук и, покачиваясь, остановился. Точи немедленно затормозил всеми четырьмя палками. Другие лыжники пронесли мимо, а Оззи обернулся.

— Как ты? — крикнул он Ориону.

Парень согнулся почти пополам, и, несмотря на множество слоев одежды, Оззи было видно, как он дрожит.

— Прости, — всхлипнул он. — Мне так жаль. У меня все болит. Надо немного отдохнуть.

— Отдыхай, сколько тебе надо.

Таймер в голове Оззи показывал, что они провели в пути больше пяти часов. До захода солнца пятьдесят одна минута.

Он вытащил из кармана кусок пергамента и с трудом развернул замерзший свиток. Держать кусок угля в перчатках было очень неудобно, но Оззи сумел написать: «Мальчик очень устал. Скоро стемнеет. Предлагаю лагерь у подножия холма».

Точи нагнул голову, чтобы Оззи был виден его передний глаз. Замерцали витиеватые узоры, приблизительный перевод которых гласил: «Тоже устал. Лагерь хорошо».

Оззи посмотрел вслед сильфенам, но увидел среди деревьев только несколько желтых и голубых огоньков. Пение тоже давно растаяло в воздухе. Только сейчас он понял, что оставший путник так и не появился. Если у него есть хоть капля разума, он завтра же попытается вернуться к крытым саням. Оззи даже не знал, кто это был из пяти путешественников. Кое у кого имелась современная экипировка для лагеря, это даст им возможность продержаться ночь. Сам он не сомневался, что в трехслойной палатке, да еще с термобрикетом, он не пропадет.

Орион сделал большой глоток из своего термоса.

— Эй, старик, ты сумеешь спуститься с холма?

— Сумею. Оззи, мне правда очень жаль. Вам надо идти дальше вдвоем. А я попробую вернуться в Ледяную Крепость.

— Не глупи. Все равно пора останавливаться на ночлег. Я хочу залезть в палатку еще до захода солнца.

Он поднял веревку и подал ее Ориону.

Спуск к основанию холма оказался нетрудным. Потом они прошли еще несколько минут, пока не отыскали подходящую полянку. Массивные обледеневшие деревья впитывали красный солнечный свет, погружая землю в мрачный багровый полумрак. Оззи вытащил из саней Точи палатку и отдал ее Ориону, а сам установил примитивный костяной каркас и накрыл его меховым пологом. Он опять зажег две свечи перед кристаллическим экраном. Чужак уже срывал обертку с термобрикета, и Оззи стал выбираться из-под полога.

Орион уже поставил палатку в нескольких ярдах от саней и даже забрался внутрь. Из-под открытого полога выбивался тусклый свет керосиновой лампы. Торопясь к палатке, Оззи вдруг осознал, насколько они здесь одиноки. Одни в чужом арктическом лесу, без естественного света и тепла, а рядом, возможно, рыщут неизвестные существа. Этот неистребимый детский страх, несмотря на три с половиной сотни прожитых лет, никогда не оставлял его.

Забираясь в палатку и застегивая полог, он дрожал не только от холода.

Из запуска термобрикета Орион устроил целый спектакль. Они оба неспешно сняли громоздкие шубы и меховые штаны, потом по одному слою свитеров и брюк. Оззи сдернул и фланелевую рубашку, промокшую от пота, и при этом с отвращением сморщил нос. Несмотря на шкуры и мех, они начали мерзнуть, как только кончилось физическое напряжение.

— Я уже и забыл, как тоскливо здесь по ночам, — поворчал он.

— А я думал, к этому времени мы уже выберемся, — смущенно сказал Орион. — Мы так много прошли.

Оззи обнял парня за плечи.

— Помнишь, как медленно мы шли, когда только попали в этот мир? Сегодня ты отлично себя проявил. Я все равно уже собирался объявить остановку.

— Спасибо, Оззи. Как ты думаешь, остальные справились?

— Не знаю. Почти все они успевали за сильфенами.

— Надеюсь, у них получилось.

Оззи открыл сумку, где лежали их сухие пайки.

— Что ты выбираешь на ужин?

Оззи очень не хотелось просыпаться, когда сработал его внутренний будильник. Даже в уютном теплом и мягком спальном мешке он чувствовал, как невыносимо болят руки и ноги, а что касается мышц живота... В палатке было абсолютно темно, так что он переключил визуальные вставки в инфракрасный диапазон и потянулся за керосиновой лампой. Вспышка света заставила его прищуриться, но через мгновение свет стал тусклым, как и всегда. Масло ледового кита очень быстро начало коптить.

— Что случилось? — прокашлял Орион.

— Ничего. Уже утро, пора вставать.

— Ты ошибся. Еще ночь, я же только что заснул.

— Боюсь, это ты ошибаешься, старик.

Оззи расстегнул верхнюю часть спальника. Термобелье за ночь высохло, как и рубашка со свитером, тоже лежавшие в мешке. Но термобрикет уже почти иссяк, и на внутреннем тенте палатки повисли капли конденсата. Оззи очень старался, надевая рубашку, но каждый раз, когда рука задевала за ткань, капли дождем сыпались вниз. Орион, с трудом натягивая одежду, не переставал жаловаться.

Затем они вскрыли пакеты с омлетом и ветчиной, и через минуту запах еды на какое-то время вытеснил едкую вонь масла.

Уже перед самым выходом Орион не выдержал:

— Как ты думаешь, сегодня мы выберемся?

— Честно? Я не знаю, старик. Но я надеюсь. Даже если сегодня и не удастся, будем продолжать идти; я уверен, осталось совсем немного. Здесь даже сильфены подолгу не живут.

В уме он уже не в первый раз прикидывал, насколько хватит их запасов. Восьми имеющихся термобрикетов достаточно, чтобы не опасаться за три следующие ночи. В палатке они могут выдержать одну ночь без отопления, но это будет тяжело, а Точи точно не выдержит. И как тогда нести палатку, продовольствие и остальной багаж?

Из пропахшей дымом палатки они вышли в ледяной холод темного леса. Ночью опять был снегопад, и на меховой полог санок Точи намело свежий слой снега. Оззи, по-прежнему

с тревогой стянул шкуру, торопясь посмотреть, как перенес ночь чужак. Все в порядке. Из-за экрана ему приветливо помахал живой манипулятор.

За час они погрузили в сани сумку с едой, полог и палатку. К счастью, снегопад был не настолько сильным, чтобы засыпать следы сильфенов. Перед самым стартом Оззи вытащил маленький амулет, подаренный Ориону в знак дружбы. Он светился не так ярко, как накануне, но серебристые искорки были отчетливо видны в камне. Оззи считал это хорошим знаком и дал сигнал к отправлению.

Ветер завывал в лесу все утро. Он поднимал в воздух и кружил мелкие снежинки, так что каждые несколько минут их приходилось смахивать с очков. Остановившись попить, Оззи заодно чистил от снега и кристаллический экран на санках. Трудно было определить, то ли это продолжается снегопад, то ли ветер сдувает снег с деревьев. Прежде его удивляло, что слой снега под деревьями не достигает нескольких футов, но Сара объяснила, что раз или два в году налетает ураган, который бушует несколько дней подряд и уносит весь снег и все мелкие кусочки льда. Почему-то это совсем его не удивило. Вся планета казалась настолько странной, что иногда он задумывался, не искусственная ли она, как и Сильверглейд?

В это утро он намеренно шел медленнее, чем накануне. Вчера у них был стимул торопиться — успеть за сильфенами в надежде выбраться из этого мира еще до наступления ночи. Сейчас они тоже не могли медлить, но постоянная скорость была важнее, чем кратковременные забеги. Его больше беспокоил ветер, постепенно заметающий следы сильфенов. С другой стороны, деревья будто бы расступались, образуя нечто вроде аллеи.

На обед у них был суп, наскоро проглоченный в ненадежном укрытии за стволом увешанного шарами дерева. В снежном уборе он вполне мог сойти за раздувшуюся рождественскую елку. Как и прежде, холод, воспользовавшись краткой остановкой, начал пробираться к телу, и остановить его не смог даже горячий суп. Оззи очень не нравилось, что начинают мерзнуть ноги, — возможность обморожения беспокоила его все сильнее. После обеда снег повалил гуще и, что еще хуже, начал забиваться в их меховую одежду. Санки Точи превратились в небольшой сугроб на полозьях.

Мелкие частицы снега стали попадать за отвороты капюшона, налипшие ледяные полоски обжигали холодом кожу щек. Скоро лес начал редеть, и, хотя идти на лыжах стало немного легче, снег и ветер разгулялись с новой силой. И следы сильфенов окончательно исчезли. Оззи замедлил шаг, потом остановился, но тотчас вынужден был снова шагнуть вперед, чтобы не попасть под санки Точи.

Именно этого он боялся с самого начала: непредсказуемой погоды сурового мира и исчезновения тропы. Негнущимися пальцами он с трудом вытащил дружеский амулет. Внутри еще мерцала слабая голубоватая искорка. Оззи медленно повернулся кругом. С одной стороны — возможно — свет был чуть-чуть ярче. Слишком слабый аргумент, чтобы рисковать тремя жизнями, но другого выхода у него не было.

В заднем отсеке саней от отыскал еще кусок веревки, один конец привязал к раме спереди, другим обвязался вокруг пояса и снова тронулся в путь. Ветер понемногу стих, но снег повалил еще гуще. Оззи часто останавливался, чтобы проверить направление, но в мозг уже закралась предательская мысль: какая разница? При его первой встрече с этим миром он хотя бы верил, что путникам на тропе сильфенов не грозит ничего плохого. Теперь он знал, что на кону его жизнь, и доверял ее безделушке чужаков. Не слишком ли это ненадежно?

Минут через сорок, хотя казалось, что они в пути уже добрую половину дня, показалась опушка следующего леса. Под защитой густых крон снегопад уже не так сильно досаждал путникам, но веревку Оззи решил пока не отвязывать.

— Через пару часов остановимся на ночлег, — сказал он своим спутникам.

Еще утром он надеялся, что удастся немного продлить переход, но этот мир снова спутал его планы. Оззи и сам устал от двух дней борьбы с враждебным миром, поэтому понимал, что Орион долго не выдержит. Что касается Точи... кто знает? Сегодня ночью они хорошенько отдохнут, чтобы набраться сил на полный день. А дальше нечего и загадывать.

Оззи продолжал передвигать отяжелевшие ноги, сохраняя неторопливый ритм. Граница холода отсекала чувствительность чуть ниже лодыжек, ступни онемели, и в голове возникали страшные картины, которые он опасался увидеть, когда будет снимать ботинки перед сном. Хорошо хоть путь немного уходил вниз; местами попадались и подъемы, но общий уклон помогал движению. Постепенно слой снега стал глубже, избавив от необходимости выискивать торчащие на пути камни. Несколько раз им пришлось останавливаться, чтобы стряхнуть снег с меховых шуб и саней Точи.

— Оззи!

Он обернулся и увидел, что парень энергично машет руками. Что еще? Несмотря на готовое прорваться раздражение, он дал Точи сигнал остановиться и подъехал к Ориону.

Парень снял защитные очки.

— Он мокрый! — воскликнул он.

Оззи не стал приказывать немедленно надеть очки, а вместо этого наклонился, чтобы понять, что происходит.

— Снег, — выдохнул Орион, — он тает. Стало теплее.

И правда, лед на очках превратился в кашу. Оззи сорвал свои очки и поднял лицо вверх, глядя в небо. Миллионы снежинок спускались с неизменно розового неба. Но они не обжигали кожу. Да, они были холодными, но быстро таяли и стекали по лицу.

Оззи рванул к ближайшему дереву. Подняв палку, он изо всех сил ударил по стволу. С дерева посыпался снег. Он продолжал бить, пока не обнажилась кора. Настоящая, биологическая кора. Перед ним был нормальный деревянный ствол. Из груди вырвался почти истерический смех. По глупой иронии он так замерз, что не заметил, когда температура поднялась до каких-нибудь десяти градусов ниже нуля.

Орион подошел ближе и с восторгом уставился на открытый участок сморщенной коры.

— Мы сделали это! — заорал Оззи, обнимая парня. — Будь я проклят, мы сумели! Мы выбрались из того мерзкого мира! Ура, я снова свободен!

— Ты уверен? Думаешь, мы действительно выбрались?

— Да, черт побери, да! Клянусь твоей задницей! Мы с тобой смогли, и Точи, конечно, тоже. Пойдем порадуем его отличной новостью.

— Но, Оззи, — Орион посмотрел вверх, — небо все еще красное.

— Хм, да. — Он прищурился, глядя в небо, но оно оставалось ярко-розовым, особенно розовым для этого времени суток по его внутреннему таймеру. Если это другой мир... — Ну, не знаю, в галактике не одна красная звезда.

Он вытащил из кармана потрепанный пергамент, написал: «Кажется, выбрались. Сможешь пройти еще немного?» — и прислонил его к кристаллической пластине.

«Пока живой, буду идти», — получил он в ответ.

Оззи вытащил амулет, повернулся кругом, но искорка внутри почти совсем погасла.

— Я думаю, нам туда, — сказал он и снова отправился в путь, не слишком заботясь о направлении.

Окружающие условия почти не изменились, но от одной мысли, что они избавились от ужасов Ледяной Крепости, тело как будто получило дополнительный источник энергии. Почти как у ледового кита, подумал Оззи.

Конечно, теперь, когда он знал, что искать, приметы стали очевидными. Сильный снегопад, другие виды деревьев, их разные силуэты на фоне неба, да и само небо стало светлее. Перемены казались более отчетливыми с каждым пройденным ярдом, и вскоре из-под снега уже появились коричневатые пучки сухой травы. А по деревьям прыгали мелкие грызуны. Они задевали ветки и стряхивали снег, с влажными хлопками падавший к ногам путников. Теперь они постоянно бежали вниз, быстро теряя высоту.

Лес кончился внезапно. Оззи проскочил между последними деревьями и выбежал на заснеженную равнину, испещренную валунами и оранжевыми пятнами травы. Они оказались в долине, окруженной похожими на Альпы горами. Внизу простиралось прекрасное озеро с прозрачной водой, растянувшееся миль на двадцать в каждую сторону. Его берега заросли деревьями, на которых уже начали набухать почки. Снежная равнина заканчивалась в полумиле перед ними, а дальше среди травы бежали десятки ручейков с талой водой. С другой стороны тянулась почти непрерывная стена леса, обозначающая широкую границу между верхними каменистыми склонами и лугами внизу.

Он оглянулся на лес, откуда недавно вышел. Казалось, что до него можно за пять минут добежать на лыжах, хотя даже вниз они катились добрую четверть часа. Из-за леса поднималось сверкающее солнце, и загадка розового небосклона была решена. Из мрачного малинового заката они попали в ярко-розовый рассвет.

Оззи медленно стянул капюшон и улыбнулся солнечным лучам, согревающим кожу.

У иммобайлов праймов не было имен как таковых — имена определялись их коммуникационными системами родов, радикально отличавшимися по импульсам нейронной связи. Безусловно, у них имелись определенные способы идентифицировать друг друга, но иммобайлы, даже в присущей им форме группового сообщества, прежде всего были индивидуумами, что обуславливалось долгой историей их борьбы за территории. Они довольно регулярно заключали и разрывали союзы между собой даже в эпоху, предшествовавшую механизации, когда отношения с ближайшими партнерами быстро прекращались, если появлялись другие варианты, сулившие большую выгоду. В те времена споры велись в основном из-за территорий и ресурсов — свежей воды и пастбищ. За прошедшие тысячелетия мало что изменилось.

С развитием механизации изменились требования к ресурсам, а вместе с ними изменилась и структура альянсов. Тем не менее приливы и отливы верности союзникам регулировались все теми же соображениями силы и хитрости.

Один из иммобайлов постоянно выделялся среди своих собратьев исключительными способностями. Он всегда поддерживал самые выгодные связи, всегда поднимался за счет остальных, всегда успешно охранял свои границы, всегда проявлял самую изощренную хитрость. В отсутствие имени его можно было охарактеризовать по местоположению: Утес Утреннего Света — огромный конус из камней и почвы в центре обширной долины, окруженной острыми скалами высотой в несколько сотен метров. Стена скал располагалась таким образом, что утреннее солнце не проникало в долину, освещая только центральную вершину.

Идеальное место для образования территории нового иммобайла праймов. В период его амальгамации, за семь или восемь тысячелетий до появления Христа на Земле, в экваториальном поясе планеты существовали тысячи, если не десятки тысяч иммобайлов, которых защищали и обслуживали бесчисленные кланы мобайлов. Это были еще довольно примитивные существа, только начинавшие пожинать плоды длительного эволюционного отбора. Они сидели на своих тщательно охраняемых клочках земли и напрягали рудиментарный разум, строя козни против соседей. Орды стандартных мобайлов занимались тем, что поглощали из мутных ручьев собственные базовые клетки и выращивали съедобные растения, тогда как мобайлам боевой разновидности — более подвижным и сильным особям — вменялось в обязанность выбивать деревянными дубинками мозги соперников.

Небольшая подгруппа из двенадцати мобайлов по приказу родового иммобайла отправилась на поиски подходящего места, где можно было основать новое сообщество. Для основателя рода такое соседство стало бы выгодным: союз с соподчиненным индивидуумом, по крайней мере в первое время, был бы наиболее крепким, хотя по прошествии какого-то времени разногласия стали бы неизбежны.

Утес Утреннего Света еще хранил память о себе до амальгамации и начала настоящего мышления. Подгруппа мобайлов разделилась и несколько дней тщательно исследовала долину, спускаясь на самое дно и взбираясь на острые выступы. В тропическом лесу, выросшем на болотистой почве, все особи сошлись вместе. Ежедневный рассвет будет испарять туман, оставшийся на пышной растительности от ночных дождей, увлажняя воздух и затеняя жгучие солнечные лучи.

Тогда они увидели впереди симметричный конус, единственную точку на затененной равнине, освещенную солнцем и сверкающую на фоне розоватого неба изумрудной зеленью. Солнечные лучи играли в мелких ручьях, бегущих по склонам конуса. В небе виднелись темные точки с распростертыми крыльями — одна из немногих сохранившихся в тропиках планеты форм жизни, не относившаяся к праймам.

Четыре самые крупные особи прижались друг к другу, соприкасаясь нервными рецепторами, чтобы объединить мозг. Их индивидуальные мысли были фактически идентичны — простейшие воспоминания да приказы родового иммобайла, но при объединении разумов способность принимать решение резко возрастала. До сих пор они не встретили в долине ни одного мобайла и никаких других признаков близкого сообщества. Само положение долины между скалами облегчало задачу ее защиты. Размеры территории позволяли разместить здесь три или четыре сообщества, и тот иммобайл, который будет контролировать воду, получит преимущество над остальными.

Что касается места для расположения самого иммобайла... Все четыре особи повернули верхние чувствительные отростки таким образом, чтобы направить глаза на конический утес. Множество ручьев указывало на наличие родника. Это было идеальное место для иммобайла — вода всегда будет чистой, в отличие от тех территорий, что располагаются на берегах рек и где приходится довольствоваться водой, загрязненной выше по течению.

Они согласились: гора, залитая светом. На этом временная связь нарушилась, и они продолжили путь по отдельности. Потом верхние сенсорные отростки изогнулись, чтобы иметь возможность соприкоснуться, инструкции передались всем членам подгруппы, и отряд в полном составе направился к горе.

Они поднялись на две трети утеса и обнаружили большое озеро, питавшееся бурными ручьям. Четыре особи снова объединили разумы, и усиленный интеллект исследовал местность. Один из мобайлов попробовал воду и обнаружил в ней достаточный уровень содержания базовых клеток праймов — их присутствие подтвердило пригодность места при условии некоторых доработок. Оставшимся восьми мобайлам были выданы соответствующие инструкции.

Отправленные на разведку мобайлы были самыми простыми из всех рождающихся разновидностей, а потому и самыми приспособленными для любых видов работ. Их грушевидное тело, покрытое мягкой белой кожей, занимало около метра в диаметре у основания, а по бокам располагались четыре вертикальные складки более прочной кожи. Четырехсторонняя симметрия составляла основу жизни праймов. Из нижних концов складок у основания торса торчали четыре ноги. По центру ног проходили гибкие «кости», обвитые связками мышц, обеспечивающих подвижность. На концах ног имелись небольшие копыта из твердого коричневатого хряща, способные легко вонзаться в землю и даже в древесину, хотя на деревья мобайлы взбирались не часто.

Сантиметрах в шестидесяти над бедренными суставами из туловища выходили четыре верхние конечности, они повторяли ноги в плане гибкости и размеров, но заканчивались четырехсторонними клешнями, способными перекусить ветку среднего размера. В верхней части туловища имелись четыре равномерно расположенные жаберные щели, через которые в легкие поступал воздух. Между ними размещались ротовые отверстия в виде небольших хоботков из эластичных тканей, обладавшие способностью двигаться независимо друг от друга. Некоторые виды растительности снабжали мобайлов необходимыми химическими элементами, нов основном они всасывали воду, насыщенную базовыми клетками. И то и

другое перерабатывалось в большом двойном желудке. Мобайлы могли отрыгивать полупереваренную массу, чтобы накормить иммобайла, а в случае полного усвоения отходы выходили через единственный анус в основании туловища.

Над жабрами и ртами туловище разделялось на четыре чувствительных отростка. Эти органы были более гибкими, чем конечности, и могли поворачиваться и сгибаться во все стороны. На конце каждого отростка имелся чувствительный нервный рецептор — тонкая, проницаемая для импульсов мембрана, натянутая над обнаженными нервными узлами. Чуть ниже имелись глаза, затем чувствительные к изменениям давления раковины, способные улавливать звуковые волны, пучки реагирующих на запахи волокон и группы тактильных клеток для определения температуры.

Для таких существ задание по переустройству местности вокруг озера было относительно несложным делом. Они уже освоили начальные навыки работы с инструментами и быстро подобрали себе острые камни и обломки крепкой коры с деревьев, растущих поблизости. Двенадцать особей быстро выкопали неглубокий пруд чуть выше озера и обложили его камнями, извлеченными из почвы.

После окончания работы четыре крупных мобайла погрузились в пруд и снова соединили нервные рецепторы. На этот раз слияние было более глубоким, чем при объединении мыслей, и их тела так же тесно прижались друг к другу, готовые к амальгамации. Процесс начался после выделения гормонов, спровоцированного объединением разумов. В течение пяти последующих недель произошли колоссальные метаморфозы: четыре отдельных тела медленно срослись на клеточном уровне, образовав единое существо. Кожа в местах соприкосновения размягчалась и рассасывалась, пока не образовалась единая гигантская внутренняя полость. Четыре мозга объединились в один, который значительно увеличился в размере; такое же превращение постигло и все главные внутренние органы. Мускулы просто рассосались, обеспечив источник питания для других превращений. Ноги сократились до плотных образований, поддерживающих новое туловище. Руки за ненадобностью просто отсохли. Органы пищеварения вышли наружу и расположились вокруг нового единого мозга — наподобие ивовой поросли вокруг основного ствола, а ниже мозга выросло новое образование. Репродуктивная система, до сих пор пребывавшая в зачаточном состоянии, развилась до зрелых эффективных органов, и только сенсорные отростки остались прежними, снабжая мозг двенадцатимерным изображением окружающего мира.

По окончании этого процесса новый прайм-иммобайл Утес Утреннего Света начал обживать на своей новой территории: восемь оставшихся мобайлов попеременно приходили и уходили, снабжая его полупереваренной пищей — полученные инструкции предписывали им кормиться определенными видами растений, обогащенных необходимыми витаминами.

Получаемое питание вызвало овуляцию репродуктивных органов, и вскоре из его тела в воду была исторгнута первая партия из сотни плазмоядер, которые быстро попали в озеро. Затем вокруг зародышей стали скапливаться базовые клетки.

Сами по себе базовые клетки праймов имели жизненный цикл, похожий на жизнь амёб: они всасывали питательные вещества сквозь мембрану, размножались простым делением и оставались одноклеточными организмами, населявшими большую часть водоемов планеты. Однако содержащаяся в них ДНК имела огромный потенциал. Многоклеточную стадию инициировали именно плазмоядра, выделявшие активанты для новых процессов в ДНК и

отключавшие жизненный цикл амебы. Группы клеток вокруг плазмоядра стали видоизменяться, образуя органоиды, отвечающие за специфические функции. Иммобайл в некоторой степени мог сознательно контролировать тип плазмоядер, образующихся в его репродуктивной системе, задавая размер ряда органов и таким образом определяя структуру мобайла. Если предстояла тяжелая работа, из плазмоядер получались самые крупные и сильные особи. В случае угрозы захвата территории выделялись плазмоядра, содержащие зародыши солдат.

Первая группа мобайлов Утеса Утреннего Света покинула озеро через три недели после слияния. Действующие мобайлы подогнали их к иммобайлу, и он прикоснулся своими нервными рецепторами к их соответствующим органам. Мембрана пропустила импульсы, содержащие базовые воспоминания и приказы, превратив таким образом девственные мозги новых мобайлов в компактную версию его собственного разума.

Первые десятилетия Утес Утреннего Света потратил на обустройство и укрепление своей долины. В те времена в экваториальном поясе планеты помимо праймов сохранились лишь немногочисленные жизненные формы. Существа, обитавшие в долине, — птицы и мелкие грызуны — были переловлены и уничтожены, поскольку ни один иммобайл не мог стерпеть конкурентов по использованию ресурсов. Дикие джунгли вырубали, болота осушили, а отведенная вода орошала съедобные для мобайлов папоротники. Собранные камни пошли на сооружение простого, похожего на шалаш укрытия для иммобайла, защищающего от непогоды и случайно зашедших с других территорий хищников. Из обнаруженной руды металлов при помощи огня изготовили примитивные наконечники и лезвия для оружия. Пруд, где произошло слияние, углубили и основательно выложили камнем.

Спустя сорок пять лет неограниченного роста Утес Утреннего Света достиг пределов эффективности руководства. В долине трудилось уже больше тысячи мобайлов, и управлять ими становилось все труднее. Этот недостаток был исправлен путем создания второго иммобайла. После расширения пруда и укрытия четыре мобайла сошлись вместе в паре ярдов от Утеса Утреннего Света. В процессе амальгамации он держал шесть своих рецепторов на отростках сливающихся мобайлов, вливая в новый растущий мозг свои мысли. После завершения операции осталось перманентное соединение четырьмя рецепторами двух существ, образовавших двойного иммобайла с значительно возросшими мыслительными и организаторскими способностями.

Началась новая продуктивная фаза. Долина при соответствующей обработке была способна прокормить не одну тысячу мобайлов. Но, к немалому разочарованию Утеса Утреннего Света, почти все его мобайлы были заняты только работами в долине. Через тридцать пять лет рядом с двойным иммобайлом был амальгамирован третий. Приблизительно в тот же период Утес Утреннего Света начал торговать с иммобайлами соседних территорий. Выменивалась руда, чтобы вооружить солдат и отстоять верхнюю часть долины, оказавшуюся под угрозой вторжения. Съедобные папоротники менялись на твердую древесину, из которой получались самые крепкие дубинки и копья. Идеи тоже имели ценность, и главная из них — это концепция вспашки и севооборота, внедренная иммобайлами удаленных на тысячи миль территорий. Она положила начало настоящей агрокультуры в цивилизации праймов и сопутствующей революции, всегда вызываемой инновациями. В течение десятилетия выращиваемый мобайлами урожай удвоился. Иммобайлы начали экспериментировать с условиями роста растений и выбором почвы.

Именно Утес Утреннего Света с целью повышения урожаев и выведения новых разновидностей растений додумался до перекрестного опыления. Так появились первые научные разработки и все, что с ними связано.

Через десяток лет после начала севооборота Утес Утреннего Света амальгамировал двадцать девятого иммобайла. Еще через двадцать лет, и через тысячу лет с начала его одиночной деятельности, количество соединенных особей достигло сорока, что по тем временам было примером неслыханного расширения. Он с невероятной тщательностью анализировал доступную взгляду вселенную, и в объединенном мозгу возникали все новые мысли и идеи.

Праймы-иммобайлы, вооруженные новыми знаниями и пониманием природы, стали выходить за границы тропиков в зону умеренного климата — огонь давал им возможность жить в более суровых условиях. Отапливаемые дома, культивируемые поля, каналы, мосты, пилы и топоры — все это способствовало дальним путешествиям и обживанию соседних территорий.

Освоение принципов строительства неизбежно привело к изобретению математических инструментов. В мире существ, по сути состоящих из одного гигантского мозга, математика заняла ведущее место и стала ключом к пониманию всего остального. Они предавались этой науке почти с религиозным рвением. И тогда все необходимые факторы собрались воедино — и началась эра механики. После этого скорость прогресса значительно увеличилась.

За тысячу лет Утес Утреннего Света превратился в группу из трехсот семидесяти двух иммобайлов. До сих пор редко кто из его сородичей достигал такого размера. Объединенные тела образовали кольцо вокруг конической вершины. Бивший на вершине родник по глиняным трубам теперь орошал целое здание, укрывавшее гигантское сообщество. Выпуклая стеклянная крыша над огромным залом позволяла солнечным лучам проникать внутрь. По ночам зажигались железные жаровни, позволяющие иммобайлу продолжать работу, отдавать приказы группам мобайлов, возвращать новые плазмоядра и обдумывать следующие эксперименты и проекты. Душевые установки несколько раз за день окатывали их водой, позволяя поддерживать чистоту. Продукты жизнедеятельности через сеть коллекторов отводились к основанию горы, а плазмоядра по особым трубам направлялись в цепь прудов, окаймлявших утес ниже здания.

Снаружи после ночных дождей по-прежнему каждое утро поднимался туман, но теперь он смешивался с дымом постоянно работающих горелок. Утес Утреннего Света импортировал уголь из южных гористых районов, где трудно было выращивать урожай. После недолгих войн он истребил иммобайлов из двух соседних долин, и теперь почву там обрабатывали его группы мобайлов. Контроль такой большой территории создавал дополнительные трудности. Инструкции для мобайлов постоянно приходилось обновлять, а неожиданно изменившаяся ситуация неизменно ставила их в тупик. Утес Утреннего Света понимал, что иммобайлы на западе обеспокоены ростом его территории и проявляемой агрессией, следовательно, надо ожидать вторжения с их стороны. Использование химических соединений для взрывов строений, дамб и групп мобайлов вызывало дополнительную тревогу соседей.

В тот год праймы открыли для себя электричество. В то время как другие иммобайлы пытались использовать новые мощности для освещения, двигателей и других промышленных целей, Утес Утреннего Света изучал методы передачи сигналов, в особенности тех импульсов, которые вырабатывались нервными рецепторами. На это потребовалось целое

десятилетие; создать новую технологию на пустом месте оказалось непросто даже для такого концентрированного мозга. За этот период он пережил несколько крупных неудач: лишился двух соседних долин и был вынужден заключить невыгодный договор на поставку угля и других материалов, отсутствовавших в его долине. В это же время он овладел основами электроники — от простейших резисторов и конденсаторов до электронных ламп. После чего на утесе появилось новое здание, в котором была организована первая в мире электронная лаборатория. Восемь разместившихся там иммобайлов занимались исключительно инструктированием мобайлов, которые трудились над созданием новых систем и проведением с ними экспериментов. На освоение передачи сигналов в нервные рецепторы ушло еще три года. Сначала это были примитивные тактильные импульсы, чередующие ощущение тепла и холода, затем простейшие черно-белые изображения с внешних камер. Передача изображения стала для иммобайла настоящим откровением; он, конечно, в любой момент мог призвать мобайла и просмотреть его визуальную память, чтобы увидеть, что творится снаружи, но это была информация из вторых рук, и поступала она с задержкой. Теперь изображение поступало моментально. Буквально через несколько месяцев по всей долине были расставлены камеры, позволяющие в режиме реального времени наблюдать за своими владениями. Еще пять лет напряженных изысканий позволили использовать аналоговый сигнал для инструктажа мобайлов на расстоянии. Пройдет еще не одно десятилетие, пока электроника не достигнет такого уровня, что сможет в полном объеме имитировать импульсы нервных рецепторов, но даже этих первых опытов общения на расстоянии было достаточно, чтобы получить грандиозное преимущество над другими иммобайлами.

Утес Утреннего Света снова начал расширять свою территорию. Группы солдат-мобайлов, вооруженных взрывчаткой и примитивными пушками, отбили ранее завоеванные им долины. Солдаты-мобайлы тащили за собой многожильные кабели, и он мог мгновенно реагировать на ход битвы, легко опережая своих противников. За двумя этими победами последовала целая серия быстрых атак, после чего Утес Утреннего Света стал хозяином широкой полосы земли вплоть до южной умеренной зоны. Остальные иммобайлы не торопились с ответными действиями, уверенные в том, что удержать такую территорию невозможно. Свою ошибку они поняли уже через несколько месяцев, когда Утес Утреннего Света окончательно закрепился на завоеванных землях. При численности иммобайлов единого сообщества, перевалившей за три тысячи особей, он легко смог произвести необходимое количество мобайлов, чтобы заселить оккупированные участки и начать добычу ископаемых и обработку полей. При этом контроль над ними был не слабее, чем в самой первой долине. Впервые за историю войн захваченные производственные мощности были вновь запущены, так что индустриальная база соответствовала размеру его процветающей империи.

При наличии прямого сообщения с землями умеренного климата он мог воплотить все свои экспансионистские амбиции. На юг отправлялись потоки мобайлов, они отыскивали новые источники ресурсов, ставили столбы и тянули кабели, связывающие воедино все уголки владений.

Оставшимся иммобайлам потребовался не один год, чтобы заключить многосторонние альянсы и воспрепятствовать дальнейшему росту Утеса Утреннего Света, хотя окончательно остановить его они так и не смогли. В лучших имперских традициях он создавал собственные группировки.

В течение следующих пятидесяти лет все иммобайлы получили возможность посылать нервные импульсы через кабели или беспроводные реле. Это достижение вкупе с развитием нового мощного оружия с использованием знаний химии и физики привело к эре консолидации. Мелкие территории были завоеваны более сильными соседями. Зона умеренного климата поделена на сферы влияния, а добывающие и перерабатывающие предприятия распространились вплоть до полярных областей. Равновесие было нарушено только с изобретением ядерного оружия. Атомные и термоядерные заряды позволили мелким территориям сдерживать более сильных соседей угрозой мгновенного и полного уничтожения.

Следующим логическим шагом было освоение космоса и внепланетные колонии, и все иммобайлы энергично к этому стремились. И снова Утес Утреннего Света оказался первым кто отправил корабли на астероиды и ближайшие планеты с целью произвести разведку полезных ископаемых. С учетом расстояний встала старая проблема задержки по времени. Прямые электронные связи здесь не годились, контроль ослабевал, а без руководства мобайлы были совершенно неспособны оценить технологическую ситуацию. У них на это просто не хватало ума.

Решение проблемы было найдено не самым крупным иммобайлом. Мыс Холодного Озера отчаянно нуждался в дополнительных ресурсах, и это заставило его быть смелее в экспериментах, чем более мощные и консервативные группирования. Он амальгамировал нового иммобайла отдельно от основной группы и для интеграции мыслей воспользовался электронной связью. В итоге получился идентичный близнец Мыса Холодного Озера, только меньшего размера. Известие о мобильном иммобайле потрясло остальных, но за экспериментом они следили с огромным интересом. Мыс Холодного Озера-2 руководил процессом добычи минералов и возведением обитаемого отсека. Более того, он поддерживал связь с Мысом Холодного Озера на планете, оставаясь частью группового разума. Минералы и металлы с астероида направлялись на территорию Мыса Холодного Озера.

Близнецы оставшихся на планете иммобайлов распространились по всей солнечной системе. Началась колоссальная космическая гонка. Расхватывались огромные пространства на двух других твердотельных планетах и целые спутники газового гиганта. В ходе вооруженных конфликтов и стычек разрывались жизненно важные коммуникации с планетой, и отдельные иммобайлы становились независимыми от породивших их групп. В большинстве случаев это приводило к новым конфликтам, когда с планеты прибывали новые отряды мобайлов для восстановления контроля над утраченной территорией. Скорость экспансии цивилизации праймов в границах солнечной системы возрастала в геометрической прогрессии. Для освоения и реализации всех ресурсов потребовалось бы не одно тысячелетие. Но группировки иммобайлов фактически могли жить вечно, и их планы строились с учетом далекого будущего.

Утес Утреннего Света на астероиде на высокой орбите построил первый межзвездный корабль с термоядерным двигателем. Праймам с их логическими мыслительными процессами и основанными на наблюдениях научными исследованиями не хватало способностей постичь концепцию сверхсветовой скорости. Космический корабль, имея на борту Утес Утреннего Света-8658, стартовал к ближайшей звезде, находившейся на расстоянии трех с половиной световых лет. Миссия преследовала разведывательную цель и доставку информации об имеющихся планетах и их пригодности для эксплуатации. Утес Утреннего Света знал, что за пределами солнечной системы праймов он не сможет

контролировать своего близнеца, и потому намеренно сократил набор оборудования на борту корабля, чтобы лишить Утес Утреннего Света-8658 возможности основать технологически развитую колонию. Поставленная задача предполагала только сканирование и возвращение. Утес Утреннего Света даже не знал, какую пользу могли принести данные о соседней солнечной системе, но не мог не учитывать будущих возможностей. Эта разведка могла оказаться полезной в том случае, если бы ресурсы его мира истощились и встал бы вопрос о полном перемещении на новую планету, где не будет ни одного соперника.

Единственное, чего не мог предвидеть Утес Утреннего Света, да и ни один другой иммобайл, так это встречи с чужаками. Еще во время экспансии в зону умеренного климата в родном мире праймов были истреблены все животные, и никто не задумывался о возможности появления других разумных существ. Утес Утреннего Света-8658, войдя в соседнюю солнечную систему, обнаружил на четвертой планете мощную цивилизацию. К несчастью для обитателей второй звездной системы, они обладали мягким характером и предпочитали добиваться успехов через сотрудничество. В физическом отношении они были трисимметричны, мельче и слабее, чем мобайлы, и, кроме того, были отдельными индивидами.

Хоть на борту космического корабля и не имелось промышленного оборудования, оружия на нем было достаточно. В результате ядерной и кинетической бомбардировки с орбиты Утес Утреннего Света-8658 оккупировал на новой планете значительную территорию и захватил то, что осталось от промышленных мощностей чужаков, после чего приступил к тщательному изучению трисимметричных существ. Инопланетные концепции и идеи одновременно встревожили и заинтриговали его. Общение при помощи звуков, размножение оплодотворенными яйцами, биология в целом и генетика в частности сулили праймам много открытий в области самопознания. Сами они не занимались собственной физиологией — в этом не было необходимости. Литература, искусство, развлечения — все это для праймов было странно и не имело никакого значения.

Утес Утреннего Света-8658 начал обустривать территорию вокруг посадочной площадки корабля, сочетая полезные идеи чужаков со своими традиционными концепциями. С оставшимися в живых аборигенами он обходился как с собственными мобайлами и заставил их участвовать в стройке. Через три года появился еще один космический корабль, посланный другим иммобайлом. В результате сражения была уничтожена половина континента, где обосновался Утес Утреннего Света-8658. Ни один из иммобайлов не пострадал. Они заключили союз и поделили планету.

Утес Утреннего Света не был удивлен, когда первый космический корабль не вернулся. Межзвездные путешествия были делом абсолютно новым, и неудач можно было ожидать. Тем временем продолжалось строительство новых кораблей. Другие иммобайлы тоже отправляли корабли в космос, но ни один из них не вернулся, канув в бездну между звездами.

После почти целого столетия космических полетов из двадцати восьми кораблей, отправленных к ближайшей звезде, один все-таки прилетел обратно. Этот корабль имел на борту самое мощное оружие и первым из всех судов обладал защитным силовым полем. Для сооружения такого исполина Утес Утреннего Света заключил союз с тремя самыми могущественными иммобайлами. Только огневая мощь и спасла его, когда поблизости от новой планеты корабль был атакован целой флотилией. Более того, ему удалось захватить и обломок одного из напавших кораблей. Содержавшаяся в нем информация повергла в ужас

всю цивилизацию праймов. Стало известно, что иммобайлы не только обрели независимость, но, по всей видимости, еще и применили в своих технологиях идеи чужаков. Самым тревожным стало известие о применении ими новой науки — генетики. Они модифицировали свои тела, заимствуя индивидуальные черты чужаков для собственного «улучшения»: их мобайлы стали сильнее, умнее и были способны принимать сложные решения, а сами иммобайлы постоянно совершенствовались нервную структуру, бесконечно улучшая мыслительные способности. Для поддержания функционирования тел были применены машины, позволившие иммобайлам передвигаться и даже отделяться от родовой группы. Их эволюция шла искусственным путем, сильно отклоняясь от развития истинных праймов. Эти существа могли стать грозными соперниками, а их новое состояние подразумевало преимущества, недостижимые для праймов.

Ужасное открытие привело к объединению всей солнечной системы в один альянс. Построенная флотилия боевых кораблей была брошена на уничтожение противников. Сразу же началось строительство второй, более грозной армады и третьей, еще более мощной.

В ответ корабли праймов-чужаков вторглись в свой бывший родной мир с чудовищным оружием. До того как они были уничтожены, они успели разрушить все обитаемые территории на наружной планете, а также все промышленные колонии вокруг газового гиганта. В оборонительных схватках погибли сотни кораблей праймов.

А потом произошло нечто невероятное. Праймы-чужаки установили силовое поле вокруг целой солнечной системы. Через него ничто не могло проникнуть: ни ядерные заряды, ни квантовые возмущения. Оно оказалось непреодолимой преградой для всего, что могла предложить наука праймов. Утес Утреннего Света и его сородичи оказались запертыми внутри, а праймы-чужаки могли беспрепятственно осваивать Вселенную и распространять свою заразу. Истинным праймам ничего не оставалось, кроме как устранять последствия разрушительной войны, расширять территории за счет ледяных планетоидов, изобретать новое оружие и ждать.

Через тысячу сто восемьдесят два года силовое поле исчезло так же внезапно, как появилось.

Орбитальные спутники наблюдения Утеса Утреннего Света в течение часа фиксировали квантовые возмущения на поверхности барьера, а затем он бесследно исчез. Через несколько мгновений корабли всех иммобайлов с планет и астероидов стартовали к окраинам солнечной системы праймов. С предельным ускорением они устремились к бывшей границе, торопясь пересечь ее, пока поле не восстановилось. Восемь судов Утеса Утреннего Света, постоянно пребывавшие в полной готовности специально для этого случая, были одними из первых.

После завершения этого этапа Утес Утреннего Света и его союзники начали тщательно изучать космос за пределами бывшей пограничной линии поля и сразу же обнаружили вращающееся сферическое тело диаметром двадцать пять километров, перемещавшееся вдоль эклиптики. Имея колоссальные размеры, это сооружение почти не обладало массой и планетой быть не могло. При этом оно испускало волны видимого спектра, но с незнакомыми квантовыми характеристиками. Для его исследования были сразу же отправлены несколько кораблей.

Что самое удивительное, никаких признаков праймов-чужаков обнаружено не было. Системы обороны вокруг каждой обитаемой территории в ожидании неминуемой атаки были приведены в полную боевую готовность, но не было зафиксировано ни одного случая

применения оружия. Ничего. Все альянсы обменялись информацией со своих спутников. Вокруг было абсолютно пусто.

Утес Утреннего Света не знал, как поступить. Он давно строил планы, стараясь предусмотреть любые неожиданности после падения поля. Он мог драться, мог спастись бегством, созданный им альянс был готов построить армаду кораблей для истребления праймов-чужаков не только на второй звезде, но и повсюду, куда он успел проникнуть. Бездействие противников привело его в замешательство.

В поисках любых признаков их активности на соседнюю звезду направили самые мощные телескопы. И тогда удивление достигло предела — звездная система праймов-чужаков тоже была окружена силовым полем. Эта новость вызвала страх. Никто ничего не предпринимал, а только с растущим беспокойством смотрел на вновь появившиеся звезды. И все же вскоре новые корабли были отправлены на поиски других миров, где могли бы обосноваться праймы, не опасаясь заточения за силовыми барьерами.

На четвертый день после исчезновения барьера самые современные спутники слежения из имевшихся в распоряжении Утеса Утреннего Света засекали в пределах системы странные квантовые возмущения. Очаг возмущений перемещался со сверхсветовой скоростью. Утес Утреннего Света предположил, что этот факт мог свидетельствовать о присутствии чужаков, установивших барьеры. Явление не повторилось, и снова возникли сомнения: оповестить остальных и сформировать Великий альянс, чтобы дать отпор чужакам, или попытаться эвакуироваться по одиночке?

Утес Утреннего Света все еще обдумывал варианты, как вдруг его спутники зафиксировали стычку между кораблями Острова Умеренного Моря и Южного Каменистого Плато, начавшуюся неподалеку от расположенной на астероиде базы. Несмотря на решимость всех альянсов объединить усилия в борьбе с врагами, старые конфликты не утихали. За тысячу лет исчерпались почти все возможности к экспансии, и новые месторождения ресурсов находили чрезвычайно редко. Последние два столетия Утес Утреннего Света с тревогой подозревал, что иммобайлы скоро начнут бесконечную войну и в итоге уничтожат друг друга. Те же опасения испытывали и все его сородичи. С ростом беспокойства увеличивались усилия по разработке и изготовлению новых видов оружия.

Еще через день тысячи сенсоров на орбите домашнего мира приняли коротковолновый сигнал из точки, находившейся за газовым гигантом. Этот сигнал был нечетким, и анализ показал, что его конфигурация соответствовала периоду, предшествовавшему установлению барьера. После процесса распознавания выяснилось, что отправителем был Утес Утреннего Света-17735, отправившийся к звездной системе праймов-чужаков на одном из первых и так и не вернувшихся кораблей. Содержание сообщения было простым и ясным: «Это чужаки, их много, и они опасны. Уничтожьте их».

Сообщение повторилось десять раз, затем передача прекратилась. Как Утесу Утреннего Света-17735 удалось прожить так долго? Что он делает на корабле чужаков? Почему сообщение такое короткое? Но выбирать не приходилось. Остальные иммобайлы уже готовили корабли-разведчики. Утес Утреннего Света передал инструкции своей вспомогательной группе на одном из спутников газового гиганта, и четыре принадлежащих ей мощных корабля взяли курс на перехват.

Первые восемь кораблей приблизились к чужакам, и все заключенные союзы мгновенно распались, поскольку иммобайлы не смогли прийти к соглашению: одни хотели захватить чужой корабль, а другие настаивали на том, чтобы прислушаться к совету Утеса Утреннего

Света-17735 и уничтожить пришельцев.

Чужаки заметили корабли праймов и начали подавать сигналы, но ни один из иммобайлов не смог их понять. Из-за отсутствия согласия по поводу того, как действовать дальше, между бывшими союзниками разгорелся конфликт, приведший к ракетным залпам.

Один из кораблей праймов, вырвавшись вперед, выстрелил ракетами по чужакам, но их корабль тотчас исчез в вихре пространственных искажений.

* * *

Транспортный корабль типа «земля — орбита» вертикально спустился сквозь нижние слои атмосферы домашнего мира праймов. Он представлял собой огромный гладкий конус, но аэродинамика при посадке не имела значения. Восемь термоядерных ракетных двигателей, установленных по краю основания, выпустили ревущие двухкилометровые струи раскаленной плазмы. Противодействующая сила обеспечила девять десятых силы тяжести, и корабль стал медленно опускаться на берег моря.

Дрожащие концы плазменных столбов уперлись в воду, вызвав мощное извержение пара. Через секунду из эпицентра вырвалось уже целое облако радиоактивного пара и устремилось вверх, как после ядерного взрыва. Для защиты фюзеляжа мгновенно активировалось силовое поле. В нескольких метрах от поверхности ракетные двигатели погасли, и основание конуса с плеском опустилось в кипящую воду. Подоспевшие буксиры оттащили космический корабль к погрузочной платформе пирса, протянувшегося вдоль кромки моря более чем на сотню миль — это был главный космопорт Утеса Утреннего Света для грузовых операций. Тысячи стартов и посадок ежегодно выбрасывали в окружающую среду раскаленные газы и радиоактивные продукты сгорания. На сотни миль от космопорта ничего не росло, и земля давно превратилась в безжизненную пустыню. Даже море здесь — покрытая постоянной рябью серая вода с тонкой пленкой коричневатой пены — было мертвым.

После установки корабля в док на борт поднялся отряд солдат-мобайлов. Хотя выносливости им немного не хватало, от стандартных особей они отличались большей ловкостью, меньшим размером, и улучшенным слухом и зрением. Их рост в темных доспехах составлял два с половиной метра, природные сенсоры дополнялись электронными датчиками, конечности были усилены механическими приспособлениями, а каждая рука сжимала тот или иной вид оружия. По прямому приказу Утеса Утреннего Солнца они осторожно приблизились к паре захваченных в плен двуногих мобайлов. Не зная, какую угрозу они могли представлять, иммобайл решил принять все меры предосторожности: отсек, где они находились, был надежно защищен силовым полем, и на протяжении всего полета с обломка астероида, у которого был замечен их корабль, за ними велось непрерывное наблюдение. Физически они никак себя не проявили и большую часть времени оставались неподвижными, но их костюмы почти непрерывно испускали непонятные микроволновые сигналы.

При появлении в отсеке солдат оба существа встали в полный рост. Утес Утреннего Света с интересом наблюдал за этим процессом: две ноги у каждого пришельца согнулись посередине и подняли тела. Сохранение равновесия всего на двух конечностях, похоже, не вызывало у них затруднений. Их костюмы снова стали выдавать электромагнитные

колебания, следовавшие короткими частыми сериями. Утес Утреннего Света не стал обращать на это внимание и приказал солдатам погрузить обоих чужаков в наземное транспортное средство. При первом же движении солдат более высокое существо воспользовалось своими верхними конечностями, чтобы оттолкнуть клешни, и попыталось проскользнуть мимо охраны. Оно двигалось довольно быстро, но мобайлы были начеку и, подняв извивающегося чужака, понесли его по трапу к поджидавшему транспорту. Второе, более мелкое существо не оказало сопротивления. Их обоих поместили в клетку и накрыли силовым полем.

Утес Утреннего Солнца направил свое транспортное средство по дороге, соединявшей космопорт с главной долиной. Небо, как почти всегда в это время, закрывали низкие темные тучи. На каменную мостовую и металлические сооружения падали потоки теплой воды, смешанной с сажой. По обе стороны от дороги стояли здания из усиленного пластика, защищавшие оборудование от кислотных дождей, между ними сновали большие повозки, доставлявшие необходимые детали и материалы. Ремонт и обслуживанием техники занимались постоянно сменявшиеся отряды мобайлов. Их жизнь, особенно в окрестностях космопорта, стала значительно короче, чем две тысячи лет назад, у многих от холодных радиационных ожогов появились язвы и трещины на коже; воздействие тяжелых металлов на нервную систему привело к почти постоянной дрожи в конечностях. Ели они из кормушек, наполненных вязкой питательной массой, которую производили на фабриках в сельскохозяйственной части территории. Сенсорные рецепторы постоянно изгибались, поскольку в процессе переработки руды зрение было нарушено раздражающими примесями, попадавшими в воздух.

В горах, за пределами промышленного района, где радиоактивность была намного слабее, все склоны однообразной серо-зеленой патиной покрывали поля. Химические удобрения, повсеместно разбрызгиваемые мобайлами, стимулировали устойчивые урожаи даже на скудной песчаной почве. К настоящему времени на планете уже не осталось никаких дикорастущих видов, вся почва, до последнего клочка, интенсивно обрабатывалась, чтобы прокормить миллиарды мобайлов.

Транспорт с мобайлами чужаков поднялся на серпантин, ведущий к долине Утеса Утреннего Света, где ему предстояло пройти сквозь сильнейшее на планете силовое поле, способное выдержать удары ядерных ракет и лазерных лучей. Капли дождя стекали по искрящейся поверхности и, сбегая вниз, мелкими ручейками струились по отвесному гранитному валу. По утрам солнце все также заглядывало в долину, только теперь его лучи превратились в мрачную серую мглу, просачивающуюся сквозь плотный слой смога. Многочисленные термоядерные реакторы подсвечивали смог зеленовато-желтым сиянием.

Вскоре перед транспортом с чужаками со дна долины поднялся конический утес. К настоящему моменту он стал домом для более чем пятидесяти тысяч иммобайлов и по-прежнему оставался истинным сердцем Утеса Утреннего Солнца, хотя отдельные группирования, связанные потайными линиями, распространились по всей планете. Гора превратилась в единый дом, где каждый иммобайл располагался в центре собственного отсека. Никто из них давно уже не вступал в физический контакт с мобайлами, а нервные рецепторы объединяла единая электронная сеть, обеспечивающая контроль над бесчисленными группами и механическими сегментами территории. Целая батарея мазеров, установленных на вершинах бастионов, распространяла влияние гигантской группы иммобайлов на всю солнечную систему. Ниже уровня пола вся гора была пронизана сетью

труб и водоводов. Иммобайлы купались в чистых струях воды, поступающей от расположенных к северу от космопорта опреснителей. Стоки, содержащие отходы жизнедеятельности, сбрасывались в море, а вода с плазмоядрами направлялась в сеть прудов, опоясывающую основание утеса.

Машина поднялась на четырехметровую дамбу между прудами. Пленные чужаки вертикально стояли в своей клетке, и толстые отростки в прозрачных пузырях наверху костюмов были повернуты так, что два глаза смотрели на вылупляющихся мобайлов. Поверхность воды бурлила от десятков тысяч существ, карабкающихся друг на друга. Еще не вызревшие тела местами оставались прозрачными, а вокруг туловища и конечностей комковатым студнем пузырились скопления базовых клеток. Производство базовых клеток было налажено в северной части долины, откуда они вместе с водой по широким трубам поступали в каждый из прудов. По краям прудов мобайлы помогали только что созданным существам выбраться на берег и прикрепляли к их нервным рецепторам релейные блоки, чтобы Утес Утреннего Света заполнил их мозг своими командами и инструкциями. Вокруг прудов на залитой бетоном площадке мобайлы выстраивались ровными шеренгами и грузились на транспорты, чтобы отправиться к месту назначения. Территории Утеса Утреннего Света ежедневно пополнялись миллионом новых мобайлов.

В основании утеса в стене из камня и бетона открылись высокие ворота, и транспорт вкатился внутрь. Здесь находилась основная исследовательская база, где группы иммобайлов создали оснащенные приборами лаборатории для любых научных изысканий. Чужаков поместили в отсек для химического анализа и поместили в герметичную камеру с замкнутым циклом рециркуляции воздуха. Силовые поля, установленные вокруг, могли выдержать взрывы мощностью в несколько мегатонн.

Камера представляла собой широкое прямоугольное помещение длиной около пятидесяти метров со стенами из прочнейшего пластика и полностью изолированное. Внутри было установлено множество приборов, начиная с обычного сканера, определявшего внешний вид существ, до анализаторов, способных оценить клеточную структуру вплоть до отдельных молекул. Кроме того, там находились прозрачные кубические отсеки со стороной в три метра, куда объект помещался в перерывах между исследованиями. В отсеке имелась вода, различные продукты и сосуды для экскрементов. Постоянное освещение соответствовало солнечному спектру.

Одна стена камеры была сделана из пластины прозрачного кристалла. Перед ней в емкостях с темной водой расположились три иммобайла, непрерывно орошаемые мелкими брызгами. Рядом с каждым из них устроился кормящий мобайл. Они должны были наблюдать за процессом исследования собственными глазами.

Утес Утреннего Света наклонил свои нервные рецепторы, чтобы рассмотреть введенных в лабораторию чужаков. Процесс оказался взаимным. Чужаки своей прыгающей походкой подошли вплотную к кристаллической стене и уставились на иммобайлов.

В первую очередь Утес Утреннего Света хотел установить с чужаками нейронный интерфейс, чтобы определить, какую угрозу он представляют для праймов. Для этого необходимо было изучить природу их нервных рецепторов. После чего можно было бы создать искусственный блок и управлять ими напрямую, как и миллионами обычных мобайлов, захваченных на чужих территориях праймов. И надо выкачать все воспоминания, чтобы узнать, с чем придется иметь дело.

В исследовательской камере, кроме чужаков, находились еще восемь вооруженных

солдат-мобайлов и восемь обычных мобайлов. Солдатам было приказано постоянно держать чужаков на прицеле, а мобайлы тем временем начали подсоединять датчики. Чужаки оказали сопротивление, а из их костюмов снова стали поступать электромагнитные колебания. Утес Утреннего Света, используя ту же частоту, приказал им успокоиться, но никакой реакции не последовало.

Сенсорные датчики, несмотря на сильные помехи, смогли определить структуру костюмов чужаков — гибкий многослойный полимер, содержащий сеть нитей для поддержания постоянной температуры. Внутри прозрачных пузырей содержалась азотно-кислородная смесь, постоянно обновляющаяся при помощи странных небольших устройств. Самым интересным оказалось наличие сложных электронных схем, занимающих почти всю поверхность, что свидетельствовало о множестве различных компонентов. Утес Утреннего Света никак не мог понять, зачем в обычном скафандре напичкано столько электроники.

Он приказал мобайлам снять костюмы с чужаков. По его указанию они применили режущие инструменты и разделили скафандры на части. Чужаки начали издавать странные звуки. После взлома прозрачных шлемов эти звуки стали настолько громкими, что мобайлы были вынуждены отвернуть свои сенсоры в стороны. Шум исходил из отверстий на широких верхних отростках, которые то открывались, то закрывались. Кроме того, чужаки испускали сильный запах, вызывавший у мобайлов дрожь. На случай химической атаки был поспешно проведен анализ воздуха. Сенсоры показали присутствие странных нитратов, не представляющих опасности. Утес Утреннего Света приступил к изучению внешнего вида пришельцев. Подобные странности не могло объяснить даже их инопланетное происхождение: существа были покрыты белорозовой кожей, под которой виднелись голубоватые линии. Из кожного покрова в произвольном порядке торчали тонкие волокна, варьировавшиеся по цвету от коричневого до белого. Такие же волокна, но более густые, имелись на макушках их сенсорных отростков, а также покрывали чуть меньшие по размерам участки между ногами. У одного существа пучки волокон торчали и в месте соединения рук с туловищем, и на верхней части корпуса, а у второго таких особенностей не было. В физическом отношении существа отличались друг от друга; у одной особи имелись странные выпуклости, свисавшие наподобие незаполненных мешочков, а у более крупного существа между ногами имелся дряблый отросток с двумя мелкими припухлостями. Утес Утреннего Света не нашел этим особенностям никакого практического применения.

В тех местах, где применялись режущие инструменты, из-под кожи у обоих чужаков выступила красная жидкость. Меньшая особь почему-то перестала пользоваться ногами и повисла между солдатами, а более крупная начала сильно дрожать и не переставала испускать громкие звуки, а потом из нижнего отростка выпустила струю желтой жидкости.

Мобайлы собрали с пола камеры образцы красной и желтой жидкости. Чужака, отказавшегося стоять, положили под большой сканер. Перед Утесом Утреннего Света предстала чрезвычайно сложная картина: изнутри пришельцы были буквально напичканы разнообразными органами. С легкими, сердцем и желудком все было ясно, но назначение остальных частей оставалось загадкой. В строении скелета тоже обнаружились странности — некоторые части туловища были абсолютно незащищены, а вот система соединений была весьма интересной. Мозг, как ни странно, располагался внутри сенсорного отростка. Утес Утреннего Света изменил фокусировку сканера, чтобы проследить нервные цепочки до принимающей мембраны, но, как ни приглядывался, ни одной не обнаружил. Основная масса нервов от мозга шла вдоль толстой сегментированной кости внутри туловища, но по

пути нервы разветвлялись, пронизывая мышцы и кожу. Неужели весь кожный покров играл роль нервного рецептора? Затем он заметил нити органических проводников, вживленных в кожу и соединенных с нервными окончаниями, особенно в области пятиконечного захвата на конце руки. Тогда Утес Утреннего Света стал более тщательно изучать мозг и нашел несколько мелких электронных компонентов в самой нижней его части. От устройств отходили тонкие волокна, соединявшиеся с основным нервным стволом.

Неподвижную особь сняли с платформы сканера и на ее место положили активное существо. Солдатам пришлось удерживать чужака под объемными датчиками. Там, где под кожей не было костей, тело при контактах с пробниками прогибалось внутрь. При возрастании давления пробников чужак снова начал производить шум в виде громких высокочастотных последовательностей. Утес Утреннего Света отодвинул пробник, затем снова его опустил. Чужак снова отреагировал звуками. Зависимость была очевидной, но Утес Утреннего Света не мог ее объяснить.

У более крупной особи имелась похожая сеть проводников, и в теле также обнаружилось несколько электронных устройств. Утес Утреннего Света помнил о слиянии чужаков-праймов с машинами: они преследовали цель усилить физические функции. Здесь же никакой определенной цели не наблюдалось. Устройства соединялись с мозгом, но и только, они не были частью цепочки.

Затруднения Утеса Утреннего Света объяснялись его недостаточным знакомством с микроэлектроникой. Он производил простейшие процессоры, помогавшие руководить технологическими процессами производства, но любой сложный механизм управлялся мысленными приказами, передаваемыми через нервные рецепторы. Автоматизация не стала приоритетной задачей, и семьдесят процентов мыслительных способностей занимал контроль, начиная с движения транспортных средств и заканчивая регулированием потоков плазмы в термоядерных реакторах. Наибольшую сложность представляло собой управление ракетами на космических кораблях, где имобайлы присутствовать не могли. В этих случаях использовались процессоры с гибким алгоритмом инструкций, задаваемым до запуска. В остальных случаях всем управлял Утес Утреннего Света. Машины служили праймам, и иначе быть не могло.

Он приказал солдатам отпустить чужака. Приборы для анализа процессоров в телах пришельцев у него имелись, но все они находились в физической лаборатории. Мобайлам были выданы соответствующие инструкции: начался демонтаж необходимых узлов для их последующей установки в камере. Тем временем мобайлы начали извлекать все процессоры из скафандров, а Утес Утреннего Света продолжил наблюдать за чужаками.

Солдаты развели чужаков по загонам. Более крупный согнул ноги, так что оказался на полу. Он долго стучал своими клешнями в стену, разделяющую два отсека. Меньшее по размеру существо лежало неподвижно, все еще выделяя красную жидкость. Каждые несколько минут чужак снова и снова испускал звуки. Затем его широкий отросток повернулся в сторону трех мобайлов Утеса Утреннего Света, руки поднялись и стали описывать какие-то контуры. Так продолжалось несколько минут, затем чужак опустил их на согнутые ноги. Верхний отросток без видимой причины продолжал поворачиваться из стороны в сторону. Наконец чужак начал исследовать образцы пищи. Пятиконечные клещи отломали несколько крошек и поднесли к двойному отверстию в передней части сенсора.

Утес Утреннего Света решил, что внутри небольшой полости находится орган обоняния. Часть крошек была сразу брошена на пол, остальные чужак поднес к большому отверстию,

откуда высунулась полоска влажной плоти и поочередно дотронулась до каждого кусочка: все они также посыпались на пол. После этого пришелец обратился к пластиковому цилиндру с дистиллированной водой — он погрузил в него клешню, а затем засунул один сегмент в свое большое отверстие. Некоторое время он стоял неподвижно, потом взял цилиндр и вылил в это отверстие примерно половину жидкости.

Тем временем завершился анализ красного вещества. Как и полагал Утес Утреннего Света, это был питательный раствор с высоким содержанием протеина и кислорода. Желтая жидкость, похоже, являлась продуктом выделения.

Через час второй чужак пошевелился. Первый немедленно отреагировал: он проворно подобрался к разделительной стене и начал производить короткие громкие шумы. Меньшая особь ответила долгим однотонным звуком. Потом это существо распрямило клешню и прижало ее к длинному разрезу на боку, откуда все еще вытекала красная жидкость.

Утес Утреннего Света задумался, не слишком ли это серьезное повреждение для чужака — у прайма подобная рана бы быстро закрылась и заросла плотью. С чужаком же ничего подобного не происходило, только красная жидкость на полу начала трансформироваться — сначала загустела, а потом кристаллизовалась в темные хлопья. На функцию восстановления это не очень-то походило.

Меньшая особь, держа тело параллельно полу, на всех четырех конечностях подобралась к цилиндру с водой. Некоторое количество жидкости было влито внутрь, а затем существо опустилось на пол, расслабив конечности.

Доставили оборудование для анализа процессоров, и мобайлы Утеса Утреннего Света начали его устанавливать. Спустя еще несколько часов приборы были включены, и под усилитель резонансного поля положили первое устройство. Утес Утреннего Света поразились сложности прибора, работавшего на предельной частоте усилителя: в трехмерную квантовую сетку были помещены миллионы узлов, а волокна пропускали по одному электрону. Производительность такого устройства должна быть колоссальной, его одного было бы достаточно, чтобы управлять целым ракетным залпом.

Утесу Утреннего Света было трудно удержать в мозгу всю схему целиком — ему потребовались усилия целого десятка иммобилов, и уже одного этого было достаточно, чтобы вызвать беспокойство: для изготовления подобных устройств чужаки должны были обладать высокими технологиями. Его заинтересовала причина, побудившая их это сделать. Для сохранения неизменного состояния полимера требовалась высочайшая степень регулировки, и мозг чужака, по всей видимости, был для этого недостаточно мощным.

В другой части гигантского строения, в мастерской электроники, уже началась разработка адаптера, который помог бы определить возможности процессора чужаков. В нем имелось несколько оптических интерфейсных точек, и требовалось только преобразовать выходной сигнал в последовательность нервных импульсов.

Все это, однако, как бы ни было интересно, не давало иммобилю возможности подключиться к мозгу чужаков. Информация о теле пришельца и его нервной системе осталась в памяти иммобила и постоянно изучалась и анализировалась. Естественного пути подключения к мозгу он не видел. Учитывая это, а также очевидный недостаток умственных способностей пришельцев (отсутствие контроля над скафандрами), Утес Утреннего Света стал размышлять о кастовой структуре чужаков и положении в ней данных мобайлов. Они вполне могут оказаться еще менее разумными существами, чем его собственные мобайлы, хотя против этого говорят одинаковые размеры мозга, да и устройство клешней

свидетельствует о высокой способности применения инструментов, а на это тоже требуется немалая сообразительность.

Он был вынужден признать, что эти чужаки казались парадоксальными во многих отношениях.

Тем не менее ему было необходимо установить прямой контроль над мозгом чужаков через единственное обнаруженное соединение, так что вариантов было не слишком много. Меньшая особь была явно сильно повреждена, и ее потеря стала неизбежной. Утес Утреннего Света решил испытать электронные процессоры, подключенные к нервной системе; если он сумеет как-то к ним подключиться, он получит доступ к мозгу чужака.

Два солдата перенесли меньшего чужака на стол под специальный сканер. При помощи зажимов тело закрепили, лишив возможности двигаться. Из открытого отверстия чужака раздались пронзительные звуки. Второй пришелец не переставал колотить клешнями в стену загона и тоже производил много шума.

Сканер направили на верхнюю часть тела пришельца, все необходимое оборудование разместили вокруг. Мобайл при помощи небольшого тонкого резака начал рассекать промежуточные ткани. Звуки, испускаемые подопытным чужаком, заметно усилились. Из разрезов брызнула красная жидкость. В памяти Утеса Утреннего Света имелась полная трехмерная схема внутреннего устройства чужаков, в том числе и перекачивающего жидкость органа, но он не мог ожидать, что в замкнутой системе окажется такое сильное давление. Мало того что резак полностью покрылся красной жидкостью, она брызнула и на кожу мобайла — к тому же оказалась слишком горячей. Мобайл был вынужден прервать работу и встать под душ, чтобы ее смыть. Продолжать операцию подошел другой мобайл.

Звуки, испускаемые чужаком на столе, изменились. Теперь из постоянно открытого отверстия вырывался хрип, похожий на треск старого дерева. Тело в зажимах сильно напряглось. Из разрезов постоянно выплескивалась красная жидкость. Сканер зафиксировал серии импульсов между электронными компонентами. Затем все прекратилось. В следующее мгновение закончилась и циркуляция жидкости, а потом и электрическая активность мозга сошла на нет.

Утес Утреннего Света приказал мобайлу продолжать процесс резания. Без потоков красной жидкости было намного легче углубляться внутрь и очищать толстую связку нервных волокон. В разрез ввели микроманипулятор, а затем осторожно вытащили устройства, оборвав невероятно тонкие и хрупкие нити, соединявшие их с нервными узлами.

Устройства поочередно подвергли тщательному анализу. Три прибора выводили нервные импульсы в сложную органическую схему, вживленную в кожу чужака-мобайла. В одном обнаружился очень маломощный электромагнитный радиопередатчик. находка обрадовала Утеса Утреннего Света — с его помощью можно отказаться от прямого контакта с мозгом оставшегося чужака. В последнем устройстве заключалась странная кристаллическая решетка искусственного происхождения, обладающая электропроводностью, и подсоединенный к ней процессор. Иммобайлу потребовалось немало времени, чтобы догадаться о его назначении. Оказалось, что кристалл был хранилищем, усложненной версией ячеек, используемых им для записи команд при запусках ракет. В данном случае его емкость была невероятно большой: там могло храниться почти столько же информации, как в мозгу самого иммобайла. К несчастью, хранилище было абсолютно пустым. Чужой мобайл, умирая, вероятно, уничтожил информацию.

Появился адаптер. Утес Утреннего Света быстро подсоединился к процессору

радиопередатчика и подал питание на миниатюрное устройство. В мозг хлынул поток бинарных импульсов. При помощи собственной стандартной программы для управления процессорами он направил в них эти последовательности, одновременно модифицируя процессоры для обработки новых математических комбинаций. Цепочки чисел не имели для него никакого смысла, но он смог определить источник их происхождения. Он стал запускать их обратно и следить за результатами. В большинстве случаев ничего не происходило, но один из сегментов частично активировал процессор. После долгих усилий он составил приблизительную последовательность контролирующих инструкций. Похоже, что в процессор было заложено множество вариантов работы. В конце концов иммобайлу удалось включить приемо-передающее устройство, и перед ним открылся полуактивный ряд возможных последовательностей. Методом проб и ошибок Утес Утреннего Света научился переключать потоки в режим трансляции. Несмотря на невероятную сложность и длину секвенций, их элегантная логика и сложность устройства вызвали у иммобайла неподдельное восхищение.

При помощи другого адаптера он подключился ко второму процессору. В нем оказалось еще больше функций. И снова Утес Утреннего Света терпеливо перебирал различные комбинации, чтобы активировать устройство. Спустя некоторое время он был вознагражден потоком информации на выходе. Простейшая секвенция вызывала устойчивый сигнал, повторяющийся пятьсот раз в секунду. Переход к другим функциям изменял временные характеристики сигнала, но остальные параметры оставались постоянными.

Иммобайл отключил дополнительные функции и надолго сосредоточился на основном сигнале, стараясь отгадать, что бы это могло быть. Он составил еще одну мысленную программу, обращающуюся ко всем предполагаемым форматам, и в результате получил простой куб из двенадцати миллиардов конкретных элементов. К этому моменту к работе над разгадкой электроники чужаков и употребляемого ими бинарного кода подключилось уже больше тысячи иммобайлов. За всю историю своего существования он еще не направлял столь мощные ресурсы на решение единственной проблемы. Утес Утреннего Света подключил первую дополнительную функцию и был вознагражден цепочкой символов, появившихся в кубе.

Оставшийся в живых чужак-мобайл затих, неподвижно лежа на полу загона. В процессе подбора секвенций трансляции одна из них заставила его вздрогнуть и приподнять широкий верхний отросток. Аппаратура камеры зафиксировала ответ из его приемо-передающего устройства, и процессор, подключенный через адаптер к Утесу Утреннего Света, автоматически принял его. Чужак поднялся и стал рассматривать оборудование, с которым работали мобайлы. Он снова выдал какой-то шум, а потом повернулся к иммобайлам. Его процессор воспроизвел длинную бинарную последовательность, длившуюся несколько миллисекунд. В процессоре Утеса Утреннего Света внезапно активировалось несколько функций, какие-то соединительные узлы открылись, другие, наоборот, стали закрываться. Иммобайл беспомощно смотрел, как в итоге процессор полностью отключился. Все первичные квантовые нити оказались заблокированными. Хуже того, используемая бинарная секвенция была слишком короткой, чтобы ее расшифровать. Отменить эту функцию он не мог.

Чужак в загоне повернулся к сидевшим перед кристаллической стеной иммобайлам, вытянул одну руку и поднял средний сегмент своей клешни. Утес Утреннего Света, несмотря на колоссальное различие между расами, увидев его жест, распознал в нем презрительный

вызов. Он воспроизвел последовательность импульсов, заставившую чужака встать. Но реакции не последовало.

Внутри куба, оставшегося в памяти иммобайла, при переключении функций появлялись все новые символы. Хорошо хоть этот сектор сигнал чужака не затронул. Но без знания символов Утес Утреннего Света не мог осуществить трансляцию. Его шансы на установление связи с чужаком значительно уменьшились.

Осталось только два источника информации о чужаках-мобайлах и о том, что происходит за пределами звездной системы праймов: мозг пришельца и его электронное хранилище. Утес Утреннего Света не сомневался, что чужак будет препятствовать любым попыткам извлечь информацию из его мозга. А меньшее существо и вовсе уничтожило все данные, как только осознало, что происходит. Логично предположить, что в их хранилищах содержатся ценные сведения.

Солдат-мобайл поднял руку и прострелил широкий верхний отросток чужака высокоскоростным кинетическим снарядом. Красная жидкость, липкая масса мозга и осколки костей разлетелись по всему загону, забрызгав прозрачные стены.

Под специализированный сканер уложили второго мертвого чужака. Зажимы зафиксировали тело, и Утес Утреннего Света проверил электронные устройства у основания мозга. Они не пострадали, выстрел солдата оказался точным. Мобайлы начали операцию извлечения устройств.

На этот раз устройство хранения информации было полным.

Предварительное исследование показало, что доступ к информации защищен еще более надежно, чем активация процессора трансляции.

Миниатюрное устройство доставили в лабораторию электроники и поместили в детектор квантового интерфейса. На чтение информации блок за блоком ушло много времени, но через несколько недель весь пакет был внедрен в память Утеса Утреннего Света.

Одновременно с чтением проводились эксперименты с опустошенным хранилищем меньшего чужака. Конечная цель была довольно проста: нервные импульсы от органов восприятия чужака трансформировались в бинарную последовательность, компоновались при помощи особых алгоритмов и вводились в устройство хранения. Таким образом записывалось все, что испытывал чужак.

Утес Утреннего Света составил мысленную детальную программу, которая отменяла процессы сжатия и трансформирования и возвращала информацию в аналоговую последовательность нервных импульсов. Он применил ее к полученной от чужака информации, а результирующий поток направил в мозг одного из иммобайлов. На случай осложнений и в предотвращение возможного заражения всей группы мыслями чужака иммобайл был надежно изолирован целой серией барьеров.

Дадли Боуз забился в руках вооруженных монстров. Мерцающее лезвие уперлось в его скафандр и рассекло плайпластик вместе с его правой ягодицей. Резак стал опускаться, оставляя на теле огненную полосу. Больно. БОЛЬНО!!!

Неизвестный нервный импульс с яростью опаляющей молнии прошел пятьдесят тысяч соединенных между собой мозгов, и Утес Утреннего Света испытал неудержимое желание запрокинуть голову и завопить. Ощущение голых скользких конечностей монстров, срывающих скафандр и наносящих жестокие раны на ногах и животе, повергло в шок всю группу иммобайлов. Хотелось бежать, но ноги отказывались повиноваться. Воспоминание

мелькнуло в сознании и отодвинулось в прошлое. Система безопасности уменьшила интенсивность импульсов, поступающих к основной группе. Жаберные пластины Утеса Утреннего Света затрепетали в судорожном вздохе. Миллиарды замерших мобайлов очнулись и возобновили работу. На орбите над домашним миром праймов его корабли вернулись на заданный курс, промышленные механизмы, вгрызающиеся в астероид, устранили перебои в перерабатывающих модулях.

Боль. Какое странное понятие. Мобайлы и иммобайлы праймов имели примитивные тактильные ощущения, предупреждающие о прикосновении или давлении. А здесь... Это физическое предупреждение на уровне, исключающем рациональность.

Но в этом есть свой смысл. Человеческая природа основана на индивидуальности. И, как это ни странно, у них нет деления на касту мобайлов и касту иммобайлов. Это цивилизация миллиардов разумных существ, и все в состоянии легкого конфликта между собой. Иногда и не слишком легкого.

>память<

Абсолютный идиотизм университетского департамента. Каждый месяц Дадли проводил — тратил попусту — часы своего драгоценного времени на встречи, цель которых заключалась единственно в поддержке бюрократии и собственного статус-кво. Его факультет всегда недооценивали, всегда ограничивали в финансах, им всегда пренебрегали ради более крупных подразделений. Ублюдки.

>объяснить<

Потому что это целесообразно. Потому что корни этих знаний растут из самого начала человеческой эры. Это чистая наука, движимая не алчностью, а благородством.

>мотивация не ясна / память<

Ректор наконец заговорил.

>вокализация / чужаки общаются при помощи звуков / собственная память<

— Будьте вы прокляты! — закричал чужак Боуз, когда обнаженную Эммануэль Вербеке пристегнули к лабораторному столу и из ее сонной артерии начала толчками выплескиваться кровь. — Подавитесь своим дерьмом, мерзавцы! Мы превратим вас в радиоактивную пыль и убьем ваших еще не родившихся детей! Мы сотрем память о вас из этой Вселенной. Даже Бог не вспомнит о вашем существовании!

>бог / человеческий союзник / память<

Рукописные книги, сотни и тысячи книг, повторяющих несколько древних священных текстов. Легенды о зарождении Вселенной, о посещении домашнего мира людей сегментом Творца, обещавшим вечное блаженство. Вечное блаженство в разных формах для разных сообществ. Божественная мифология, в которую ученый Дадли Боуз не верил. Как и в лесных эльфях, которые оказались реальными. Сильфены. Какая ирония.

>еще чужаки / классификация / память<

Сотни миров с десятками тысяч не наделенных разумом чужаков. Несколько обладающих интеллектом рас, обнаруженных в процессе экспансии Содружества. Их статус — союзники или враги — так и не определен. И один мир без живых существ, планета РИ.

>РИ / человеческий иммобайл / объяснить<

Это не иммобайл. Это продукт эволюции сложнейших программ. Искусственный разум.

>человеческая мысль трансформирована в РИ / функция иммобайла /

подтвердить<

Нет, ничего похожего на вас. Некоторые люди, если они не хотят омолаживаться, не хотят больше жить, загружают свои воспоминания в РИ.

>парадокс / объяснить<

Не могу. И никогда не мог понять. Все люди разные, у каждого из нас различные убеждения.

>участие РИ в космическом полете / память<

Отдаленное мелькание сливающихся воедино новостных заголовков. Споры политиков о финансировании полета. Интервью Найджела Шелдона. Заявление вице-президента Элейн Дой о поддержке РИ, о желании изучить природу барьеров. Ничем не подтвержденное, поскольку РИ не общается с отдельными личностями — по крайней мере, с Дадли Боузом.

>уточнение статуса / приобщение к полету / память<

Один момент обнаружения окутывания поднял его из обыденности на вершину славы. Триумф, за которым последовали месяцы жесточайшей борьбы за место в экипаже «Второго шанса». Удивление собственной решимости и способностям к бессовестным интригам.

>участие праймов-чужаков / объяснить<

Никогда о них не слышал. Никогда не слышал о вас, пока не рухнул барьер. Мы осуществляли исследовательскую миссию. Только с научными целями.

>сообщение от Утеса Утреннего Света-17735 / объяснить<

Это ошибка, на борту «Второго шанса» не было никаких чужаков.

>парадокс / объяснить<

На борту корабля не было чужаков. Гисрадар показал, что барьер вокруг звезды остался на месте.

>конструкция барьера / память<

Отсутствует. Барьеры стояли еще в то время, когда люди не выходили в космос. Барьер создан не людьми.

>человеческое содружество / память<

Сотни миров, соединенные между собой червоточинами. Миры земли, воды и воздуха, теплые миры с чистым свободным небом. Миры, способные поддерживать жизнь праймов. Если только они будут доступны праймам, все конфликты между иммобайлами, касающиеся территорий, немедленно прекратятся.

>червоточины / память<

Пространственно-временные искажения, сокращающие расстояние до нуля. Могут быть большими и малыми. Идеальный способ передвижения. Идеальный метод общения; группы иммобайлов на разных планетах и в разных солнечных системах, и никаких искажений и задержек. С червоточинами Утес Утреннего Света сможет распространиться по всей Галактике, и отдельные группы займут все звездные системы. Он никогда не умрет, никогда не уступит своего превосходства.

>конструкция червоточин / объяснить<

Технические детали создания экзотической материи мне неизвестны, но есть базовые формулы.

>расположение Содружества / память<

В глубине разума того, что осталось от астронома Гралмондского университета Дадли Боуза, название, спектральный тип и координаты каждой из звезд Содружества сияли

драгоценными самоцветами.

Слишком близкая звезда класса G1, сияющая с бледного выгоревшего неба, безжалостно поднимала температуру воздуха вдоль всего девяностомильного Венецианского Побережья. Не помогало даже то, что этот красивый островной город располагался лишь чуть южнее северного полярного региона Анаконы и планета еще только приближалась к середине лета. Сочетание географических и календарных факторов обеспечивало городу шестнадцать часов интенсивного солнечного света ежедневно. Конечно, в разгар зимы все меняется, и солнце показывается всего на шесть часов в сутки. Но даже и тогда климат здесь напоминает условия средиземноморского побережья Земли. Близость Анаконы к местному солнцу привела к тому, что область планеты между пятидесятыми южной и северной параллелями, представлявшая собой каменистую пустыню, оставалась незаселенной.

Из космоса Анакона, словно газовый гигант, казалась симметрично опоясанной широкой песчаной полосой кофейного цвета, окаймленной черными и красновато-коричневыми горными массивами. Среди планетологов Содружества этот мир вызвал длительные и бурные споры о влиянии климата на топографию и причудах тектонических процессов. Симметричной была не только центральная область планеты. За пределами горных массивов с севера и юга под яркими лучами солнца сверкали васильковые воды кольцевых морей. В обеих полярных зонах имелись обширные континенты, хотя южный несколько уступал в размерах, и их береговые линии разительно отличались друг от друга. Зато оба континента могли похвастаться обильной изумрудной растительностью тропических лесов и лугов, процветающих в теплом и влажном климате. Над обоими морями поднимались длинные полосы белоснежных облаков, завивающихся спиралями вокруг полюсов.

За близость к морю Венецианское Побережье расплачивалось невероятно высокой влажностью. В середине дня сиеста прогоняла с улиц и туристов, и местных жителей. Все магазины закрывались на четыре-пять часов и вновь распахивали двери только ближе к вечеру, когда низкое золотистое солнце немного смягчало свой натиск. Люди надолго скрывались в тенистых двориках и парках, расположенных в центре каждого квартала. Независимо от времени суток продолжала работать только монорельсовая дорога, соединяющая все районы узкого и длинного города, растянувшегося на девяносто пять миль. Даже местные гондолы, водные такси и остальные мелкие суда на это время оставались у причалов, пока их экипажи отдыхали в ближайших барах.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Именно это ежедневное и продолжительное безлюдье доставляло Пауле Мио самое большое огорчение. В условиях бурной активности и в многолюдных толпах прохожих вести непрерывную слежку было бы намного легче. Здесь же им приходилось подолгу просиживать за едой или выпивкой на открытых террасах ближайших кафе и ресторанов. Занятие не самое тяжелое, но вызывающее у Паулы сильное раздражение. Долгие часы бездеятельности могли привести к нежелательной небрежности.

Объектом их наблюдения была галерея Нистол, большое трехэтажное здание, выходящее на канал в районе Чезана. Галерея специализировалась на электрокинетическом искусстве — механизмах с сотнями, а то и тысячами движущихся деталей. Паула прошлась по виртуальным залам каталога галереи, имевшегося в ВСО, и, как большинство далеких от

искусства людей, удивилась поразительному и бессмысленному слиянию машиностроения и искусства. Некоторые экспонаты напоминали движущиеся скульптуры животных, чужаков и мифических персонажей, в которых микроскопические шестерни и поршни дерзко имитировали биологические органы. Другие сооружения и вовсе были хаотическими нагромождениями механических компонентов, собранными, казалось, без всякого порядка, но они с нелепой элегантностью жужжали, вращались, вибрировали и подпрыгивали. Еще один вид экспонатов напоминал различные варианты цепочек домино, где костяшки заменялись огнем, водой, воздухом, резиной, плазмой и деталями бытовых и промышленных машин. Все они воздействовали друг на друга, активировали следующие участки, а потом каким-то образом восстанавливали прежнее положение, словно детали вечного двигателя.

Галерея была отличным прикрытием для ее владельца, мистера Валтара Ригина, чья дополнительной специальностью являлась подпольная торговля оружием. Прежде всего, Венецианское Побережье было не тем городом, где обычно процветала подобная деятельность. Здесь не имелось другой индустрии, кроме рыболовства и туризма. С самого начала, при заселении мира в 2200 году, не было даже общего плана развития, ни стремления подражать древним живописным центрам Земли, ни динамичного рвения новых городов второй зоны космоса, борющихся за финансирование и внимание предпринимателей. Здесь все начиналось с мечты и молитвы. Первые постройки поднялись на песчаной косе Прато, примерно в центре пятисотмильной полосы заболоченного берега континента Калитри, защищенной от моря разбросанными вдоль побережья мелкими островками. Местный морской пейзаж привлек внимание нескольких итальянских семейств, которым уже наскучила жизнь в новой столице планеты Сан-Марино. В прибрежных водах в изобилии водилась съедобная рыба, вполне удовлетворяющая требованиям итальянской кухни. На косе поселились несколько семей из старой Венеции, так что гондолы и яхты появились здесь с самого начала.

Огромные землечерпалки, выпущенные из доков Вероны, прорыли основные фарватеры для рыболовецких судов, а затем начали строить мелкую сеть каналов вокруг Прато. На поднятых участках земли стали возводиться крупные здания, к которым тоже подводились небольшие каналы. Вот тогда местные обитатели оценили потенциал своих владений. Небольшая коса была расширена за счет осушения прилегающих с востока и запада болот. Через пару лет Прато превратился в сильно вытянутый остров, отделенный от бывших болот широкой чистой лагуной, которую пересекала единственная дамба с железнодорожными путями. Так создавался первоначальный облик.

Землечерпалки и строительные роботы не прекращали работу на протяжении следующих ста восьмидесяти лет. Длинный остров не раз менял очертания, повторяя контуры побережья, а с обеих сторон к нему пристраивались все новые районы. Архитекторы, дизайнеры и художники, в согласии с требованиями муниципалитета, оформляли здания и улицы в итальянском стиле, сохраняя индивидуальные особенности стоящего на воде города. Со временем среди Великих Семейств, Межзвездных Династий и просто богатых людей стало модно иметь виллу в Венецианском Побережье. А близлежащие острова, исчислявшиеся сотнями, превратились в роскошные поместья.

Район Чезана, где располагалась галерея Нистол, находился в двадцати милях, или трех перегонах монорельса, к востоку от Прато. За четыре дня Паула выучила все его улицы и каналы, все площади, мосты и крытые галереи. От ее отеля до ближайшей станции

монокорельса было семь с половиной минут ходьбы через пять мостов — три каменных, один деревянный и один металлический. До галереи Нистол — четыре с половиной минуты и три моста, а до местного полицейского участка — всего две минуты и четыре моста. В Венецианское Побережье она прибыла в сопровождении восьми офицеров из своего отдела, еще пять полицейских были переданы в ее распоряжение местным отделом, и отряд из тридцати штурмовиков ждал ее команды. Кроме того, сам министр внутренних дел Анаконы прикомандировал к ее группе двенадцать детективов, оказывающих неоценимую помощь в местных лабиринтах узких улочек и водных путей. Все это свидетельствовало об огромном значении Планетарного Агентства Безопасности Содружества, негласном спутнике Космического Агентства Содружества.

После запуска новых кораблей-разведчиков к Паре Дайсона общественное внимание сосредоточилось в основном на Космическом Агентстве, тогда как Планетарное Агентство Безопасности теперь получало уже пятьдесят два процента от общего бюджета. Элейн Дой, набравшая на всеобщих выборах всего пятьдесят восемь процентов голосов, с необъяснимым упорством направляла на поддержку нового Агентства все новые и новые фонды. В новостных шоу уже не раз высказывались мнения о том, что непомерно раздутые организации вскоре приведут к повышению налогов.

Усиленное финансирование должно было бы облегчить процесс реорганизации для Паулы, но ей все это очень не нравилось. Агентство уже не было тем Управлением, куда она поступила на службу, хотя теперь она получила больше средств и больше сотрудников. В число сотрудников, к несчастью, вошел и Алик Хоган, новый заместитель, переведенный по приказу Колумбия из юридического отдела. Если порода политиков-карьеристов действительно существовала, то Хоган был ее ярким представителем. Его постоянные запросы полных отчетов от всех дознавателей и требования выполнения всех процедур согласно букве закона вызвали в парижском отделе сильнейшее негодование. Хоган очень слабо разбирался в тонкостях сыска, зато прекрасно умел наблюдать за всеми исподтишка.

В последние несколько месяцев Паула была близка к тому, чтобы признать себя консерватором просто в силу своего возраста и согласиться, что перемены ненавистны ей именно по этой причине, что она не принимает происходящих в мире изменений. Но она всегда считала себя реалистом. Силам правопорядка приходилось идти в ногу с обществом, которое они должны были защищать. Скорее всего, ее раздражало именно усиление политического контроля. После того как она заслужила право работать почти автономно, Пауле претила сама идея вновь соблюдать общие правила отчетности.

— Как и всем остальным.

— Извини? — переспросил Тарло.

Паула чуть раздраженно улыбнулась своему помощнику; она и не заметила, что заговорила вслух.

— Ничего. Просто мысли вслух.

— Да, конечно, — сказал Тарло и вернулся к меню.

Паула наконец по достоинству оценила его калифорнийскую внешность. Тарло превосходно вписывался в стиль жизни Венецианского Побережья. Сейчас они вдвоем сидели под широким навесом кафе на набережной канала Клейд. В двухстах ярдах, на противоположном берегу, виднелась задняя сторона галереи Нистол. Отвесная стена из красного кирпича поднималась над безмятежной гладью воды. Единственная дверь виднелась на нижнем этаже, примерно на ярд выше черной линии прилива; с обеих сторон

стояли причальные столбики, когда-то покрашенные в бело-голубую полоску, а теперь совершенно выгоревшие. Широкие, обрамленные камнем окна отмечали второй и третий этажи, а выше нависала черепичная крыша. Под самыми желобами висела гигантская гирлянда полуорганических листьев, улавливающих влагу, как будто из-под стропил выросла огромная лиана. Венецианское Побережье страдало от недостатка пресной воды, поскольку глубокие скважины, пробуренные в каждом квартале, уже не обеспечивали потребности многочисленных жителей.

Паула выбрала себе место лицом к галерее, а Тарло расположился справа от нее и наблюдал за каналом. Казалось, что белая бейсболка и оранжевая с черным льняная рубашка надежно защищают его от жары. Паула, прежде чем сесть, сняла пиджак и повесила его на спинку стула, но белая блузка местами уже прилипла к коже. Даже голове было жарко, и она чувствовала, что над бровями выступила испарина, но не решалась ее стереть. Официант с усмешкой поглядывал на них из дверей кафе. Вскоре он понял, что они не намерены уходить, и неторопливо подошел к столику.

— Uno aqua minerale... — заговорила Паула.

Официант сочувственно вздохнул.

— Газированную?

— О! Без газа, охлажденную и со льдом.

Официанты Венецианского Побережья, как правило, с пренебрежением относились к тем, кто не освоил хотя бы начатков итальянского языка.

Тарло заказал безалкогольное пиво и копченые орешки.

Официант снова окинул их высокомерным взглядом, ссутулился и побрел обратно в кафе.

— Всегда рад здесь поболтать, — сказал Тарло и закинул обутую в сандалию ногу на покрытое ржавчиной ограждение.

Паула сверилась с таймером.

— Через полчаса закажем еще напитки, а потом перекусим. Я хочу провести здесь не меньше двух часов.

— Босс, мы же все перекрыли сенсорами. Мимо них не пролетит даже почтовый голубь.

— Я знаю. Для меня важно видеть цель. Я должна лично проследить за операцией.

— Ага. — Тарло усмехнулся. — Ты мне уже говорила.

Если в реорганизации Управления в Агентство и было что-то положительное, так это расширение информационной базы. На этот раз известие о покупке Ригином нескольких сложных устройств ограниченного применения поступило не от тайных осведомителей Паулы. Особое следственное управление Анаконы в процессе контроля местных производителей продуктов двойного назначения проверило отчеты одной из посреднических компаний, и выяснилось, что она приобрела несколько резонансно-молекулярных стабилизаторов высокой мощности, которые могли использоваться в генераторах силового поля. Оказалось, что компания была обычной пустышкой, а деньги поступили с одноразового счета банка Сент-Линкольна.

Бюро расследований проследило путь оборудования через несколько подставных организаций до самой галереи. Вот тогда следователи и обратились в Агентство.

Наблюдение, обратное отслеживание и мониторинг связи показали, что Ригин приобрел уже немало подобных предметов. Явного оружия у него не было, но характер действий в точности соответствовал поведению Адама Элвина.

— Отличное у него прикрытие, — сказала Паула, отпив минеральной воды. — Могу поспорить, его адвокаты будут утверждать, что все это компоненты для его скульптур.

— В таком случае зачем же столько сложностей при приобретении?

Паула улыбнулась слабому ветерку, залетевшему с канала под навес.

— Радикальное искусство, я полагаю.

— Ты думаешь, он отправит все это за один раз?

— Скорее всего. Рискованно было все это собрать в одном месте. А теперь он уложит все в пару ящиков и отправит законным путем.

— Как раз через заднюю дверь, да?

— Да.

Паула из-под больших очков посмотрела на массивную заднюю дверь и представила, как к ней швартуется грузовой катер и на палубу укладываются контейнеры. Все это наверняка будет сделано среди бела дня. Обычный легальный груз, ничего тайного. Оттуда ящики попадут в доки района Акри, где стоят большие корабли, или на товарную станцию монорельса в Прато. А где-то по пути его будет поджидать Брэдли Йоханссон.

* * *

Адам Элвин облокотился о бархатные подушки на корме гондолы, грациозно скользившей по узкому каналу — одному из второстепенных водных путей вокруг большого квартала, пересекающему и соединявшему основные каналы.

Над водой высоко поднимались стены, потемневшие от водорослей и грязи. Вода плескалась у потрескавшихся кирпичей, постепенно вымывая известковый раствор, — кое-где были заметны целые секции новой кладки, скрепленные прочным цементом и совершенно здесь неуместные. Над головой медленно проплывали изогнутые мостики. В каждом здании имелись почти одинаковые гладкие деревянные двери, расположенные на ярд выше линии прилива и запертые массивными болтами. Несколько таких дверей на их пути оказались открытыми, снаружи были привязаны маленькие грузовые катера, и матросы передавали в дома какие-то коробки и ящики.

Все грузы в Венецианском Побережье доставлялись по воде, и это увеличивало стоимость жизни. До приезда сюда Адаму это не нравилось. В любом районе передвигаться можно было либо пешком, либо на лодке, а монорельс только курсировал между районами.

Они свернули в знаменитый канал Ровиго — один из главных водных путей района Чезана. С обеих сторон канал был обсажен деревьями вентури. Столетние стволы, поднимающиеся вверх на двадцать пять метров, напоминали корявые медные колонны, а поникшие ветви создавали над водой тончайший полог из паутины желтовато-зеленых листьев. Под каждым деревом имелась своя скважина, чтобы корни могли всасывать пресную воду. Адаму повезло застать их цветение, продолжающееся около двух недель. С каждой ветки свешивались тройные махровые цветки величиной с футбольный мяч. Хотя сейчас лепестки уже начинали увядать и опадать, осыпая восхищенных туристов ароматным конфетти.

Адам одобрительно улыбнулся гондольеру, когда тот замедлил движение лодки, давая возможность своему пассажиру насладиться прекрасным видом и ароматом местных деревьев. По обеим сторонам канала Ровиго располагались самые роскошные галереи и

магазины. В закрытых темными стеклами витринах выставлялось не более одного вида товара, каждый из которых и сам мог считаться произведением искусства. Неподалеку над красными черепичными крышами возвышался удивительный крученый шпиль неоготического собора Святого Павла, похожий на космическую ракету предшествовавшей Содружеству эпохи.

Канал Ровиго закончился на пересечении с каналом Клейд. Под последней парой деревьев вентури они подождали, пока пройдет большой туристический катер с кондиционерами и застекленной крышей. К неудовольствию гондольера, волны зашлепали по бортам. Большая часть его разговоров во время прогулки состояла из резкой критики любых средств передвижения, имеющих двигатели. Адам осмотрел канал Клейд. Широкая водная гладь плавно уходила в сторону, и перед самым поворотом едва виднелась задняя стена галереи Нистол. На этом участке можно было насчитать едва ли десяток лодок — пара гондол, водное такси да несколько грузовых катеров. По тротуару на одной стороне прогуливалась группа туристов, даже кафе были почти пустыми...

— Стой! — внезапно прошипел Адам.

Гондольер, уже поднявший шест, чтобы оттолкнуться и пройти в канал, посмотрел на него с удивлением.

— Путь свободен, — возразил он.

— Назад. Не суйся в канал Клейд. Понятно? Не выходи туда. Вези меня обратно к станции монорельсовой дороги.

Адам достал из кармана пачку денег и вытащил сотню анаконских долларов.

При виде купюры лицо гондольера прояснилось.

— Конечно. Все понятно. Вы капитан, я только двигатель.

Он изменил угол наклона шеста и погрузил его в мутную воду. Нос гондолы медленно развернулся, и они поплыли обратно по каналу Ровиго. Скорость лодки не намного превышала скорость пешехода, и хрустящие лепестки по-прежнему осыпались на одежду Адама. Он не стал оглядываться, это было бы неразумной слабостью. Он точно знал, кто сидел в том кафе. После долгих лет противодействия он мог узнать профиль главного следователя Мио с любого расстояния и под любым углом. Ее не мог замаскировать даже светлый парик и огромные темные очки. Ее фигура, ее движения... А этот костюм! Кто еще наденет деловой костюм в разгар сиесты Венецианского Побережья?

Он постепенно осознал, как близко был к концу... всего, и теперь руки начали дрожать. Наверное, ему сопутствовала вся удача, оставшаяся в жизни. Если бы он смотрел в другую сторону... Если бы Мио не была на дежурстве именно в этот час...

Да, в результате клеточного перепрофилирования его лицо вытянулось и потемнело. Но это могло сработать с кем угодно, только не с Паулой Мио. Она узнает его так же легко, как и он ее. Им друг от друга никогда не спрятаться.

* * *

Он вошел в галерею Нистол через главный вход, понимая, что Агентству станет известен его облик. Его это не волновало.

В вестибюле он увидел сводчатый кирпичный потолок, покрытый белой краской, и выложенный каменными плитами пол. До превращения в галерею здесь был обычный

складской ангар, идеально подошедший для экспозиции электронно-кинетических шедевров. За столом перед дверью из затемненного стекла, ведущей в галерею, сидела администратор — потрясающе красивая женщина с телом сальфиды, белоснежной кожей и золотисто-рыжими волосами, спускавшимися до середины спины. Ее тонкое изумрудное с коричневым платье было достойно подиума лучших модельеров. Дежурная улыбка быстро сменилась кокетливой.

— Могу я вам чем-нибудь помочь?

— Нет.

Он выстрелил ей в висок микродротиком из ручного диспенсера. Мгновенная смерть в результате импульса вызвала окоченение, и женщина осталась сидеть на своем месте — если бы кто-нибудь заглянул с улицы, то увидел бы обычного сидящего за своим столом администратора.

Эл-дворецкий подключил его к системе охраны, и после недолгой борьбы программ он овладел контролем над всей электроникой. Одновременно в его теле активировались защитные и оружейные системы, приведя организм в полную боевую готовность. Он отключил сеть галереи от планетарной киберсферы, затем деактивировал внутреннюю систему защиты. Замок входной двери защелкнулся. Все аварийные выходы тоже закрылись, разделив галерею на изолированные отсеки. Датчики, подключенные теперь непосредственно к его виртуальному зрению, показывали местонахождение немногочисленных посетителей, хоть он и знал, что по меньшей мере в трех залах датчиков нет.

В первом зале экспонировался ЭК-грифон с туловищем из тонких листов меди, инкрустированных драгоценными камнями. Его плавные изящные движения обеспечивались целой системой мелких шестеренок и микропоршней — как будто Леонардо да Винчи оживил свое произведение при помощи разноскоростного двигателя. Вокруг грифона прохаживалась пожилая пара, громко выражая свое восхищение его отдельными деталями. Он застрелил их обоих из ионного пистолета и направился во второй зал. Вслед ему раздался громкий протяжный крик грифона.

На втором этаже на всю длину пятого зала растянулась единственная полоса из деталей какого-то самолета. Все детали были в разной степени повреждены и при подаче энергии начинали дергаться, как подстреленные птицы. Вдоль полосы пробегали волны, каждый раз отличавшиеся по интенсивности. В зал вошел сотрудник галереи, странные звуки, доносившиеся из четвертого зала, привлекли его внимание и заставили недоуменно нахмуриться.

Ионный разряд уничтожил верхушку его черепа. Брызнувшая кровь нарушила работу электрогидравлического активатора, замедлив движение. Нарушение синхронизации привело к возрастанию нагрузок, и вся экспозиция стала издавать скрежет и скрипы.

Он поднялся на третий этаж. Дверь кабинета Валтара Ригина была второй по коридору. Как и в вестибюле, здесь тоже был сводчатый кирпичный потолок. В конце коридора из арочного окна открывался великолепный вид на район Чезана с блестящим хромированным шпилем собора Святого Петра почти по центру. Ригин, прервав разбирательства с отказавшей внутренней сетью, удивленно поднял голову.

— Кто вы, черт побери?

— Ты Валтар Ригин?

Ригин едва заметно усмехнулся.

— Роберто! — негромко позвал он.

Слева за дверью, невидимая для посетителей, пока они не проходили в глубину кабинета, стояла обтянутая черной кожей кушетка. Он сразу почувствовал, что там сидит мужчина. По всей видимости, это и был Роберто, и теперь он поднимался во весь свой двухметровый рост.

Он поднял левую руку и выпустил ионный импульс прямо через дверь в голову гиганта.

Роберто, как подобает телохранителю, под дорогим костюмом носил легкую броню и был окружен отражающим полем. Ионный заряд с шипением отскочил в кирпичную стену. Из почерневшего углубления посыпалась обуглившаяся глина. Роберто ударил в дверь обеими руками, сорвав ее с петель.

Он едва заметил удар обрушенной на него двери. Рука резким круговым движением разбила трехдюймовую доску в мелкие щепки.

Роберто удивленно хмыкнул и потянулся к наплечной кобуре за оружием. Его плавное стремительное движение свидетельствовало об искусственно ускоренной реакции. Массивный пистолет дважды выстрелил в незваного гостя зарядами обедненного урана, но силовое поле остановило их, выбросив яркие искры. Это был единственный шанс Роберто.

Его правая нога с разворота врезалась телохранителю в ребра. Роберто вскрикнул — удар пробил защиту и сломал три ребра, вонзив осколки в легкое.

Несмотря на боль, Роберто ответил хуком слева, а правой рукой нацелился в голову противника, активировав функцию подавления поля. Столкновение вызвало ослепительную вспышку и сильнейший статический заряд, окутавший сиянием обе фигуры. Однако защитное поле незнакомца устояло. В бок Роберто мощным снарядом врезался кулак, телохранитель взлетел в воздух и ударился о кирпичную стену. Сползая на полированные доски пола, телохранитель оставил на белой краске кровавые следы.

Он проворно прыгнул вперед, и его каблук опустился точно на ногу Роберто — коленный сустав пронзительно хрустнул. Роберто поднялся, повинувшись рукам мужчины, вцепившимся в отвороты его пиджака, и помутневшим от боли взглядом уперся в пугающе равнодушное лицо. Затем рукоять пистолета пробила его череп, загнав несколько осколков костей прямо в мозг.

Он отбросил мертвого телохранителя и повернулся к обезумевшему от страха человеку за столом.

— Ты Валтар Ригин?

— Да.

Ригин, ожидая смерти, перекрестился.

— У меня нет времени тебя пытаться. Если будешь сопротивляться, я убью твоё тело и уничтожу ячейку памяти, а потом мы навестим клинику и разрушим мемо-хранилище. Ты умрешь бесповоротно. У нас имеются такие возможности. Ты мне веришь?

Ригин энергично кивнул.

— Мать божья, кто вы? — Его взгляд метнулся к убитому телохранителю. — Как вы...

— Где находится оборудование, купленное для Адама Элвина?

— Я... Он назвал другое имя, но все, о чем мы договаривались, сложено в хранилище на втором этаже. Я клянусь!

— Мне нужен полный список всех компонентов, секретные счета банков, откуда переводились деньги, и маршрут вывоза.

Затем он приказал эл-дворецкому открыть канал связи с перепуганным торговцем оружием. Информация поступила в оперативную память. Ионный разряд прожег в груди Ригина широкую дыру. Он быстро подошел ближе и наклонился. Из-под указательного пальца выскочило тонкое лезвие, точный разрез — и в его руке остался окровавленный комок, в котором содержались все вставки Ригина.

После того как ячейка памяти была убрана в карман, он спустился на второй этаж. Первый же удар ногой вышиб усиленную полититановую дверь хранилища. В комнате без окон стояло три незапечатанных ящика, забрызганные упаковочной пеной. Он подошел к первому, убедился, что в нем лежит высокотехнологичное оборудование, и бросил внутрь термический подрывной заряд.

Для выхода из галереи он выбрал кабинет Ригина. Он встал перед окном и активировал луч разрушителя поля. Все огромное закаленное стекло разлетелось вдребезги, и осколки сверкающим каскадом вырвались наружу. Он сам последовал за ними, пролетел в теплом воздухе и с негромким плеском погрузился в канал Клейд. Под водой он вытянул ноги и прижал руки к бокам. По телу прошла волна дрожи. Затем он устремился вперед, рассекая мутную воду с легкостью дельфина. Усиленные зрительные вставки позволяли ему видеть обе стенки канала и плывущие наверху лодки.

Позади прогремел термический взрыв.

* * *

Обучение давалось тяжело. И не только физически — к этому Казимир был готов, — но и морально. Ему пришлось так много выучить! История Содружества, современное положение, множество планет и сопутствующие им культуры, технология программы, бесконечные программы и способы управления новыми вставками. Как часто за последние два года ему хотелось закричать Стигу и другим учителям-мучителям: «Хватит, я уйду!» Но мысль о Брюсе всегда его останавливала, и Казимир долгие месяцы проводил в секретных центрах и клановых селениях гор Дессо. Он обращался к воспоминаниям, сознавая, что Брюс никогда бы не бросил начатое дело, никогда бы не дрогнул.

И вот теперь он наконец стоит на песчаном пляже Санта-Моники, смотрит, как над Лос-Анджелесом встает утреннее солнце, и понимает, что трудился не напрасно. Приятный ветерок с Тихого океана поднимает рябь на воде, а первые авто — предвестники напряженного утреннего движения — бесшумно скользят по шоссе вдоль тихоокеанского побережья. Слева почти на полмили в океан протянулся пирс Санта-Моники; его первоначальная структура — деревянная платформа, металл и цемент — сохранились только на первых трех прогонах. Дальше, в море, преобладают более современные компоненты из силикатного углерода, стекла и балки из гиперволокна, которым придали нарочито природные формы, иногда сдержанные, иногда излишне кричащие, особенно по восточному краю, где стояли увеселительные аттракционы.

Вчера, сразу после приезда, ему очень хотелось пройти туда — возможно, прокатиться на чем-нибудь, в соответствии с образом настоящего туриста. В конце концов, сейчас он был именно туристом. Но поучения Стига не прошли даром, хотя он подозревал, что вместе с Брюсом они наверняка именно так бы и поступили.

Казимир сделал то, что от него и ожидали: зарегистрировался в отеле на Третей улице

с ее уютными старинными магазинчиками, одинаково привлекавшими как туристов, так и местных жителей. Затем он прогулялся по окрестностям, изучая сеть прилегающих улиц, отметил в памяти остановки общественного транспорта на случай бегства; посмотрел, где имеются сквозные проходы через отели и где подвешены уличные сенсоры, установленные в целях борьбы с преступностью. Он также запомнил расположение общественных зданий и прикинул примерный временной интервал между полицейскими машинами, патрулировавшими главные магистрали.

Ознакомительная прогулка дала ему общее представление о городе, и его богатство, чистота и стиль произвели на Казимира глубокое впечатление. К этому времени он побывал в нескольких мирах Содружества и достаточно близко познакомился с мегаполисами, занимающими сотни квадратных километров. Но именно эта часть Лос-Анджелеса грозила свести на нет его акклиматизацию. Он был поражен его сияющей чистотой. В больших городах новых миров он видел лишь гигантские кварталы, постепенно опускающиеся до состояния гетто. А здесь местные жители не допускали упадка, несмотря на почтенный возраст города. Конечно, в немалой степени этому помогали деньги, а их немало было вложено в квартиры Океанской авеню и роскошные дома между бульваром Сан-Виченцо и аллеей Монтана, но дело было не только в деньгах. Казалось, что Санта-Моника, подражая жившим здесь людям, открыла секрет омоложения. В старом городе сохранилась бодрящая жизнерадостная атмосфера, превратившая его в прекрасное место для жизни. Казимир, к своему удивлению, понял, что мог бы здесь остаться — если, конечно, ему бы пришлось жить где-то на Земле.

Большие роботы городской службы медленно катились вдоль кромки воды, разрыхляя и разравнивая уплотнившийся песок, подготавливая пляж к очередному дню. На аллее вдоль пляжа стали появляться велосипедисты, бегуны, любители спортивной ходьбы, владельцы собак, скейтеры и другие приверженцы ранних прогулок. Казимир стал постепенно привыкать к увлечению граждан Содружества фитнесом и физкультурой, но наибольшее количество таких одержимых было, безусловно, на Земле. Независимо от возраста, начиная с двадцати и до пятидесяти, предшествующих омоложению, все носили ультрамодные спортивные костюмы. При виде их вспотевших, сосредоточенно нахмуренных лиц он с трудом сдерживал улыбку.

Вскоре он заметил, что на беговой дорожке очень мало молодежи. Но это обстоятельство было характерно для всего населения Земли. Он видел очень мало детей.

Один из гуляющих свернул с дорожки и по песку направился ему навстречу. Это был очень высокий человек лет тридцати, со светлыми волосами, сильно выгоревшими под калифорнийским солнцем. С ними контрастировали очень темные глаза, делавшие его лицо не столько привлекательным, сколько необычным. Мужчина был одет в простую белую футболку, шорты до колен и черные кроссовки.

— Казимир Макфостер, как я полагаю?

Он протянул руку с уверенностью человека, не допускающего ошибок.

— Да. — Казимиру потребовалось все его самообладание, чтобы не вытаращить глаза и не начать заикаться. — А вы — Брэдли Йоханссон?

— Ты ожидал кого-то другого?

— Половину местных копов.

Брэдли одобритительно кивнул.

— Спасибо, что пришел.

— Спасибо, что дали мне шанс. Я все еще никак не могу поверить, что вы реальный человек. Живой. Я так давно слышу о том, что вы для нас сделали, о вашей позиции и о том, чего это вам стоило. — Он махнул рукой, показывая на город. — Просто возмутительно, что они вам не верят.

— Давай пройдемся, — сказал Брэдли. — Не будем привлекать к себе внимание.

Казимир задумался, не оскорбил ли он великого человека. Нет, скорее всего, ему просто скучно. Сколько раз Брэдли приходилось выслушивать подобные восхваления от глупых восторженных юнцов?

— Конечно.

— Я все время забываю, как подобные места поражают людей, выросших на Дальней. Как ты привыкаешь?

— Вроде нормально. Очень стараюсь не удивляться всему на свете.

— Это хорошо. Как только усилия для этого больше не понадобятся и ты все будешь воспринимать как должное, тебе станет легче. Ну, что ты теперь думаешь о Содружестве? Стоит оно того, чтобы его спасти?

— Если бы и не стоило, все равно надо бороться. Я имею в виду — бороться за людей, за человеческую расу.

Брэдли улыбнулся, глядя на океан, глубоко вдохнул свежий утренний бриз.

— Правдами и неправдами. — Он пожал плечами. — Прости, это искаженная цитата, родившаяся задолго до тебя. И до меня, если уж говорить откровенно. Итак, ты считаешь, что оно стоит спасения?

— Да. Оно не совершенно. Мне кажется, накопленные знания и ресурсы можно было бы употребить с большей пользой. Люди испытывают еще немало трудностей, а этого быть не должно.

— Да ты идеалист. — Брэдли негромко рассмеялся. — Постарайся не слишком поддаваться Адаму, когда он станет рассказывать, каким будет общество после нашей победы. Это старый неблагодарный революционер-отступник. Но тем не менее весьма полезный.

— Чем он занимается?

— Ты сам узнаешь, когда встретишься с ним. Он скоро заменит Стига.

Казимир остановился. До пирса оставалось около трехсот метров. С моста, соединяющего пляж с берегом, сходили люди. Прямо перед ними часть пляжа была огорожена веревками. У входа стоял спасатель городской службы. Внутри никого не было.

— Ты знаешь, для кого это? — спросил Брэдли.

— Нет.

— Для детей. Чтобы они могли наслаждаться пляжем в своей компании, а не среди толпы взрослых. Дети на Земле становятся редкостью. По крайней мере, для среднего класса, который больше не может себе это позволить. Хотя они все равно заводят ребятишек. Такова человеческая природа. Я никогда не перестаю говорить себе, что все наши дела, все наши жертвы только ради того, чтобы наши потомки радовались своему детству. Эту сторону жизни пока не может воспроизвести ни одна технология, и после порно это один из наиболее популярных жанров ВСО. Я уверен, никто из нас не забудет ощущения чуда и радости, которое мы испытывали в невинном возрасте. Психологи утверждают, что мы подсознательно тоскуем по безопасности утробы. А по мне, так они просто заумные идиоты. На самом деле мы хотим вернуть те времена, когда каждый день поражал своей новизной и

единственным огорчением было растаявшее мороженое. Знаешь, он этого не понимает.

— Звездный Странник?

— Да. При всем его уме — а он очень умен, Казимир, — ему этого не понять. Он никогда не мог постичь любви и восхищения, которые нас связывают со своими детьми. Частично из-за того, что в его жизненном цикле нет потомства, как мы себе это представляем, но главным образом из-за его презрительного к ним отношения. Он уверен, что дети не могут ему навредить, а потому просто игнорирует их. В этом кроется причина его неминуемого поражения: в нашей природе. Он считает, что может контролировать нас в силу нашей алчности или страха. Но мы намного сложнее, Казимир.

— Я сделаю все, что смогу. Вам это известно, сэр.

— Да. Ты не раз демонстрировал верность нашему делу.

— Вы сказали, что этот человек, Адам, заменит для меня Стига. Это означает, что я прошел?

Брэдли оторвался от созерцания океана и широко улыбнулся Казимиру.

— Прощел? Что именно прощел?

— Испытание. Я заслужил ваше одобрение?

Брэдли обнял его за плечи своей длинной рукой и развернул в противоположную сторону от огороженного участка.

— Милый мой, поверь, если бы я не одобрил твою кандидатуру, ты бы до сих пор стоял на пляже, гадая, куда же я запропастился. А может, с тобой произошло бы что-нибудь похуже.

Казимир оглянулся по сторонам и заметил недовольство в глазах Брэдли. Оно показалось ему страшнее любых угроз и насмешек.

— Для предстоящего дела мне нужны сильнейшие дети кланов, — сказал Брэдли. — Тебе ведь об этом известно, не так ли, Казимир? Тебе придется столкнуться со многими неприятными вещами. Если я сочту необходимым, я прикажу тебе умереть ради отмщения за Дальнюю.

Влажный океанский бриз не смог прогнать внезапную сухость с губ Казимира.

— Я знаю это.

Брэдли сильно сжал его плечо.

— Я не чувствую себя виноватым. Все, через что мне пришлось пройти, все, что я вынес в рабстве у этого монстра, лишило меня этой слабости. Когда все закончится, наверное, я буду горевать о том, что пришлось сделать, о каждой принесенной в жертву жизни. Но ни одна жертва не напрасна, когда речь идет о нашей свободе.

— А как это было, сэр? Как выглядел Звездный Странник?

— Я не помню. — Брэдли покачал головой, печально понизив голос. — Больше ничего не помню. Сильфены забрали у меня те воспоминания, пока меня лечили. Я думаю, у них были на то свои причины. — Его сожаление быстро рассеялось. — Когда все кончится, тебе надо бы побродить по тропам, проложенным ими между мирами. Они ведут в необычные и великолепные места.

— Да, я и сам бы этого хотел.

Брэдли разжал руку.

— До свиданья, Казимир. Еще раз благодарю за возможность с тобой познакомиться. Поддержка твоих сородичей — большая честь для меня.

Казимир энергично пожал ему руку, немного нервно улыбнулся и пошел обратно по

пляжу. Брэдли несколько мгновений смотрел ему вслед, затем поднялся по широким бетонным ступеням пирса. Он зашагал по Океанской авеню, прошел через узкую полосу парка Палисад с его столетними эвкалиптами и яркими клумбами. Роботы-садовники обходили деревья, снимали засохшие листья и удаляли побеги, угрожавшие нарушить симметрию; предрассветное опрыскивание оставило на пышной траве сверкающие капли. На улице с другой стороны под ломаной линией крыш безукоризненные с геометрической точки зрения новенькие домики хвастались ровной линией глядящих на океан балконов. А в самой середине линия крыш резко опускалась, приглашая солнце осветить небольшой отель в георгианском стиле начала девятнадцатого века. Несколько медных табличек перечисляли организации, помогавшие сохранить старейшее в городе здание на протяжении многих веков. Вдоль фасада тянулась терраса, где под желто-розовым навесом стояло несколько столиков. За одним из них, поглядывая на парк и видневшийся за ним океан, завтракал Адам Элвин. Брэдли поднялся на террасу и присел рядом.

— Ну и как он? — спросил Адам.

— Угнетающе молод, благонадежен, честен и бесконечно предан нашему делу.

— Отлично. Еще один отчаянный робот. Как раз то, что мне нужно.

— Он неглуп. Вы отлично поладите. Между прочим, мне нравится твое новое лицо. Исполнено достоинства, но с намеком на бывшего уличного бойца. Прекрасно тебе подходит.

Адам что-то пренебрежительно проворчал.

Подошедший официант спросил, что бы хотел Брэдли.

— То же самое, что заказал мой друг, пожалуйста. — Брэдли показал на тарелку с оладьями, беконом и сиропом, которого на тарелке Адама осталось совсем немного. — Еще стакан свежесжатого сока апельсина и маракуйи и английский чай. Спасибо.

— Хорошо, сэр.

Официант с улыбкой удалился.

Брэдли попытался определить его акцент: один из Балтийских миров второй зоны космоса? Вероятно, официант родился в другом мире и работает по контракту с компанией, как почти все, кто сейчас трудится на Земле. Похоже, здешние уроженцы должны иметь гораздо более высокооплачиваемую работу, чтобы позволить себе остаться жить на этой планете.

— Для тебя это, наверное, настоящее испытание, — сказал Брэдли. — Последний во Вселенной социалист на деловом завтраке в Лос-Анджелесе.

— Иди к черту!

— Что же произошло в Венецианском Побережье?

Адам отложил вилку и промокнул губы льняной салфеткой.

— Представления не имею. Только благодаря счастливому случаю я избежал камеры Агентства Безопасности и считывания памяти. Брэдли, она была в пятидесяти метрах от меня. Я мог поздороваться, не повышая голоса. Так близко она еще не подбиралась. Никогда. Почему ты меня не предупредил? У тебя всегда были превосходные осведомители — только поэтому я до сих пор не отказался на тебя работать.

— Не знаю. Мой обычный... источник какое-то время не выходил на связь. Меня это насторожило: он не такой человек, кого можно было бы так просто ликвидировать.

— От него избавился Звездный Странник?

— Ты даже сейчас говоришь об этом с таким скептицизмом! Но нет. Если бы дело

дошло до этого, я был бы уже мертв, а наше дело проиграно.

— Не торопись приклеивать ко мне ярлык скептика. Вспомни, что случилось с беднягой Ригином через два дня после того, как я избежал встречи с Паулой Мио. Галерея Нистол была уничтожена супертермическим взрывом. Нет, как бы я ни был зол на правительство, не думаю, что это они. Когда галерея взлетела на воздух, в соседних домах было зарегистрировано пятнадцать телесных смертей. Это сделал кто-то другой.

— Но и на Звездного Странника это не похоже, — возразил Брэдли. — Слишком открыто. Да и зачем ему это? Груз был скомпрометирован в тот момент, когда его обнаружило Агентство. Мы бы никогда не получили это оборудование.

— Ты говорил, что он планирует завершающую стадию. Может, он хотел убедиться, что эти детали к нам точно не попадут? Не хочет допустить ни малейшего риска?

Брэдли улыбнулся официанту, принесшему стакан с соком и чайник.

— Рад услышать это именно от тебя — предположение сразу становится более правдоподобным, даже с твоей точки зрения. Я с самого начала об этом думал. Адам, у тебя много знакомых торговцев оружием. Поспрашивай, не знает ли кто-то из них человека, реализовавшего взрыв в галерее.

— Нет, о нем ничего неизвестно. Кто бы это ни был, в его голове самые современные боевые устройства. Даже я не мог бы тебе их достать, это самые новые разработки. Правительство ревностно следит за тем, кто их покупает. Кто-то потратил на эту операцию немало сил.

— Если Звездный Странник действительно перешел к открытым действиям, нам есть о чем беспокоиться. Если мы не готовы отказаться от мести, на Дальнюю необходимо доставить множество предметов, а с образованием Агентства Паула Мио весьма эффективно разыскивает и тормозит наши грузы. Мы не в состоянии бороться сразу на два фронта. Хуже того, я предвижу, что вскоре на Дальней будут проверять все грузы. — Он немного помолчал, попивая чай. — Насколько я помню, мы когда-то обсуждали вопрос прорыва блокады.

— В экстренном случае.

— Судя по нынешней ситуации, предварительное совещание по этому вопросу не повредит.

— Черт. Ладно, я подумаю над этим.

— Спасибо. У меня к тебе еще две небольшие просьбы.

— Да?

— Сведения, которые мы ожидаем с Марса: я не хочу, чтобы они были отправлены на Дальнюю через унисферу — слишком много способов перехватить и исказить информацию, особенно если этим займется Звездный Странник.

— Хорошо, это несложно. Мы загрузим все в ячейку памяти и воспользуемся услугами курьера.

— Отлично. Кого-нибудь вроде Казимира.

— Давай сначала посмотрим, как он работает на обычном маршруте, ладно? А вторая просьба?

— Я пытался поговорить с Уилсоном Каймом. Это трудно. Его тщательно охраняют как в физическом, так и в электронном смысле.

— Он же на «Конвее», сейчас они должны быть в районе Альфы Дайсона.

— Тем не менее, когда он вернется, я бы хотел как-то с ним связаться.

— О чем именно ты хочешь с ним поговорить? Как я полагаю, ты подозреваешь его в сотрудничестве с Звездным Странником?

— Нет, я в это не верю. Именно поэтому хочу попытаться привлечь его на нашу сторону.

Адаму пришлось поспешно проглотить остаток кофе, чтобы не поперхнуться.

— Завербовать командующего Кайма? Главу Межзвездного Агентства? Ты шутишь.

— Фортуна благоволит смелым.

— Смелым, но не безумцам.

— Я внимательно следил за ним во время многих интервью. Он понимает, что Боуз и Вербеке пропали не просто так. Это дает нам шанс.

— Шанс для чего?

— Разоблачить Звездного Странника. Кайм мог бы разоблачить предательство на борту «Второго шанса».

— Какое предательство?

— «Второй шанс» отключил барьер, это очевидно.

— Это невозможно. Мы еще даже не разобрались в физических аспектах барьера. Старик, разве ты не смотрел записи из Темной Крепости?

— Все верно. Не люди отключили барьер. Это сделал Звездный Странник.

— Откуда ему, черт побери, знать, как это делается?

— Он стар. И прибыл издалека. Я думаю, Пара Дайсона — это часть его истории.

— Опять твои предположения. Считаешь, барьер — дело рук его сородичей?

— Я не знаю, Адам. А хотел бы знать. И хотел бы знать, что он с нами сделал. И зачем. Но не знаю. Все, что я могу, — это препятствовать его планам и предупреждать людей.

— Людей вроде Кайма.

— Да.

— Но почему? Я хочу знать, почему из всех людей ты выбрал именно Кайма?

— Из-за его положения. Он может отдать приказ о повторном изучении сведений о полете «Второго шанса». Я десятки раз просматривал все, что было опубликовано ККТ, но это лишь визуальные записи. Мне необходимы системные журналы корабля.

— И что ты надеешься там найти?

— Доказательства того, что отключение барьера было спровоцировано «Вторым шансом». Доказательство того, что происшествие с Боузом и Вербеке не было несчастным случаем. Кайм знает, что здесь что-то не сходится. Он готов поверить, необходим всего лишь маленький толчок в нужном направлении.

— Специалисты ККТ изучили каждый байт полетной информации, не говоря уж о средствах массовой информации и правительственных чиновниках. Анализ проводили лучшие специалисты Содружества. Они ничего не нашли. Никаких нарушений. Никаких аномалий. Никаких неучтенных пассажиров.

— Они не знали, что надо искать. Я мог бы сказать, на что обратить внимание. Имея доказательства, которые, как я уверен, там есть, мы могли бы выявить угрозу, которую он представляет для человечества. Могли бы выявить и обнародовать всю правду о Звездном Страннике. Тогда лидерам Содружества пришлось бы признать, что мы с самого начала были правы, и нам больше не надо было бы скрываться. Дальняя оказалась бы отомщена...

— Ладно, ладно. — Адам примирительно поднял руки. — Хватит проповедей. Я все понял. Но я сомневаюсь, что сумею подобраться к Кайму ближе, чем это удалось тебе. А

даже если бы и удалось, я ведь не проповедник, чтобы хоть возбудить в его голове сомнения. Я разыскиваемый киллер, организовавший нападение на «Второй шанс», да еще когда Кайм был на борту. Это не самый лучший шанс привлечь его внимание.

— Все это мне известно. Надо подойти к нему издалека. К счастью, в Межзвездном Агентстве есть человек, который к тебе прислушается. И он очень близок к Кайму.

Взгляд Адама, обращенный на собеседника, выражал не столько изумление, сколько безграничную ярость.

— Ни за что! Я не стану с ним говорить. Я с ним не общаюсь. И не посылаю сообщений. Я даже не посещаю те планеты, где он бывает. Я этого не сделаю. Ни ради тебя, ни ради денег, ни ради твоего проклятого дела или лично Карла Маркса. Понятно? Все это в прошлом. Он сделал свой выбор, я сделал свой. Конец истории. Финиш.

— Ах, — Брэдли отпил чая, — как жаль.

* * *

После основательного и неторопливого ужина в баре, специализирующемся на морских продуктах, Казимир решил пройти пешком несколько кварталов до своего отеля. Вечер был тихим и теплым, и он сделал небольшой крюк, чтобы прогуляться по Палисаду. С наступлением темноты разноцветные светящиеся ленты на деревьях создавали великолепный контраст с тенями. Вдалеке длинный пирс ярким калейдоскопом светился и отражался в черной воде моря. Толпы людей на ярко освещенных улицах наполняли бары, рестораны и магазины, радуясь возможности расслабиться после напряженного дня.

Двери клубов бдительно охраняли швейцары в безукоризненных костюмах. Поодаль собирались небольшие кучки тех, кто надеялся мимо них проскользнуть, а лимузины подъезжали и уезжали, доставляя привилегированных владельцев членских билетов. У нескольких клубов Казимир ненадолго задерживался в надежде увидеть кого-то из знаменитостей. Лос-Анджелес уже много веков хранил свое звание столицы мира развлечений. Ему не удалось встретить никого, кто запомнился бы за время недолгого знакомства с унисферой, но вечер еще только начинался.

Растущая луна сияла над городом достаточно ярко, чтобы вокруг нее образовался смутный ореол. Он остановился, чтобы посмотреть на спутник Земли, и с восхищением заметил угольно-черную полосу вдоль экватора, разделявшую серебристую сферу на две части. Основанная в 2190 году компания «Глобал-Солар» начинала с трех солнечных панелей, установленных на равном расстоянии друг от друга вдоль экватора, так что одна из них постоянно была освещена. Теперь полоса батарей замкнулась вокруг Луны и стала главным источником электричества для Земли. В эпоху, когда были приняты суровые законы об охране окружающей среды и ужасное загрязнение атмосферы, доставшееся в наследство от двадцатого и двадцать первого веков, было почти ликвидировано, строить топливосжигающие станции стало невыгодно. Люди нашли эффективный способ получать энергию за пределами планеты. Энергия, вырабатываемая кольцом батарей, через микрочервоточины передавалась на Землю, где распространялась по сверхпроводниковым сетям. Элегантность такого решения понравилась Казимиру. Приятно было думать, что электричество, освещающее окна кондоминиумов и далекий пирс, поступало с Луны. И для питания целой планеты не надо было ничего сжигать или расщеплять. Расходы, безусловно,

могли показаться грандиозными, но это зависело от того, с какой стороны посмотреть. Построенные на Луне заводы работали на той же энергии и штамповали все новые и новые батареи прямо из грунта спутника.

Адам Элвин одобрительно отозвался об этом способе добычи энергии, но не забыл упомянуть о том прискорбном обстоятельстве, что им не пользуются больше ни в одном из миров. В тот раз, за превосходным обедом, Казимиру пришлось выслушать целую лекцию о множестве причин, по которым порочные Великие Семейства и Межзвездные Династии блокируют прогрессивные идеи, направленные на благо человечества. У Адама Элвина нашлось немало жалоб на экономическое давление, практикуемое во всем Содружестве.

Казимир понимал, что никогда не научится любить своего нового наставника. Они могли вместе работать — опытный коллега мог научить Хранителей многим полезным вещам в вопросах контрабанды и дезинформации, — но невозможно было представить, чтобы они по-дружески посидели в баре.

По окончании того памятного обеда Адам передал ему кристаллический диск.

— Здесь список предметов, требуемых Брэдли для осуществления его мести. Все это высокотехнологичное оборудование, в изобилии имеющееся на Земле. Я добавил имена возможных поставщиков и способы маскировки при установлении контактов. И еще способы оплаты.

— Понятно.

— Теперь возвращайся в свой отель. Изучи материал, составь примерные планы по каждому случаю, составь список всего, что тебе потребуется, — от одежды до информации из ВСО о твоём предполагаемом родном регионе. Встретимся через два дня; я посмотрю, что у тебя получится.

— Хорошо. Мы встретимся лично?

— Да. Догадываешься почему?

— Киберсфера находится под постоянным наблюдением, и даже зашифрованные — особенно зашифрованные — сообщения нас не спасут. Личную встречу можно заметить и наблюдать за ней, но ты уверен, что в данном месте и в данных обстоятельствах это наименее рискованный метод.

— Очень хорошо. Я рад, что Стиг все-таки слушал меня. Мы сделаем из тебя отличного оперативника, Казимир Макфостер.

Остаток дня Казимир изучал список и делал свои пометки. В своих предложениях он старался придерживаться самых простых методов. В таких делах излишняя сложность может стать ловушкой. Интересно будет выслушать мнение Элвина по этому поводу.

Большая часть времени ушла на изучение унисферы. На сотни своих запросов он получал десятки ответов. Ему приходилось процеживать информацию и решать, как можно воспользоваться тем или иным фактом. Стиг часто предупреждал, что девяносто процентов его работы будет весьма скучной.

Он продолжил прогулку по парку, стараясь обнаружить малейшие признаки слежки. С тех пор как Казимир обзавелся первым устройством, дающим доступ к унисфере, он стойчески удерживался от того, чтобы задать один-единственный вопрос. Нельзя подвергать опасности такую важную миссию ради контакта с местным жителем. Он просто не мог этого допустить.

Он достиг конца парка и вышел на авеню Колорадо. Еще через пять минут он уже был в своем номере. Кондиционер быстро опустил температуру до комфортабельной прохлады.

Затемненное стекло пропускало лишь часть солнечного света, и городской пейзаж едва можно было рассмотреть. Шум автомобилей сюда почти не проникал. Казимир сбросил кроссовки и растянулся на гелевом матрасе. Спать еще слишком рано. Любой добросовестный Хранитель сейчас бы продолжил изучение списка необходимого на Дальней оборудования и планирование его доставки.

Казимир закрыл глаза, и вокруг него снова сомкнулась ночная темнота палатки на склоне горы Геркуланум. Свет звезд обрисовывал склонившееся над ним лицо ангела. Она улыбалась ему, гордилась им, и то, что он делал, повинаясь ее жаркому шепоту, приводило ее в восторг.

Ничто в его жизни не могло сравниться с этим чудом. Он продолжал жить своей жизнью, смирившись с тем, что чудо никогда не повторится, потому что он никогда больше ее не встретит. Она улетела на Землю, а он остался на Дальней, надежно отделенный расстоянием в четыреста световых лет. И так будет всегда.

— Проклятье! — закричал он на всю комнату.

Он вскочил, готовый сам себя ударить. Но вместо этого набрал полную грудь воздуха, присел на краешек кровати и приказал эл-дворецкому подключиться к планетарной киберсфере.

— Я хочу получить сведения о гражданине Земли, — сказал он. — Все, что имеет отношение к Джастине Бурнелли.

* * *

Паула сказала себе, что должна бы к этому уже привыкнуть. Но она не привыкла. И это было намного больнее, чем любые насмешки.

На этот раз она сама пришла в кабинет Мела Риза. Из соображений этики. Это ее провал, ей и отвечать. И уже не в первый раз.

Ей не стало легче от того, что Мел Риз был расстроен не меньше, чем она сама. Его кабинет лишь незначительно превышал отведенное ей помещение. Хотя вид на Эйфелеву башню был намного лучше. Как только за ней закрылась дверь, Риз уселся за старинный ореховый стол, на котором не было и следа беспорядка.

— Итак, что же произошло? — спросил он.

— Я не знаю.

— Ради бога, Паула! Какой-то псих сносит полквартала в Венецианском Побережье, убивает при этом девятнадцать человек, а ты ничего не знаешь? Не слишком обнадеживающий старт для Агентства. Колумбия требует результатов и при этом даже не старается быть вежливым.

— Ситуация в Агентстве мне известна. Но то, что произошло, беспокоит меня гораздо больше.

— Я понимаю, насколько ты встревожена. — Он неловко помолчал, словно врач, перед тем как сообщить пациенту плохие новости. — Ты уже очень долго занимаешься этим делом. Может...

— Нет, — бесстрастно ответила она. — Сейчас не тот момент, чтобы передавать расследование кому-то другому.

Риз не стал возражать. Он как будто съезжился за огромным столом.

— Хорошо. Но учти, Паула, что уже поднимался вопрос о твоей компетентности. Сейчас многое изменилось, и перемены еще не закончились. Если поступит приказ о твоём отстранении, я не смогу тебя защитить. Если бы не твои успехи, за исключением дела Хранителей...

— Я понимаю, насколько меня защищает моя репутация. И ты понимаешь, что Йоханссона не сможет достать ни один из твоих следователей.

— Да. — Его явно что-то беспокоило. — Так что же ты можешь мне рассказать о Венецианском Побережье?

— Я изучила эту операцию и восстановила ход событий. Но это мало добавило к тому, что было уже известно. — Она приказала эл-дворецкому передать файл на настенный экран. — Появилось изображение мужчины, стоящего в разгромленном кабинете Ригина за мгновение до его прыжка в канал. — Лицо не найдено ни в одной из баз данных, и мы полагаем, что это результат клеточного перепрофилирования. Его не зафиксировали и на станции ККТ Анаконы.

— Местный?

— Вряд ли. Но и эту возможность мы не исключили. Мы определили, что у него имелись боевые вставки и еще обычный ручной диспенсер. Мы восстановили ячейку памяти секретаря в вестибюле и прочли запись последних десяти минут. Я лично с ней ознакомилась.

Это воспоминание теперь хранилось в голове как ее собственное. Она видела, как мужчина вошел в галерею. Она выпрямилась за своим столом и улыбнулась, заметив его молодость и привлекательность. А потом его рука поднялась, и из рукава что-то высунилось...

Больше ничего не было: ни удивления, ни страха, ни даже боли. Смерть наступила мгновенно.

— С этим нам повезло, — продолжила Паула. — Первый этаж галереи был некоторым образом защищен от выброса плазмы после взрыва. Остальные тела на девяносто процентов испарились. И еще повезло телохранителю, Роберто. Его броня не была предназначена для защиты от супертермического удара, но отражающее поле в некоторой степени отвело жар. В процессорах сохранились любопытные факты. Перед самым взрывом броня отразила ионный заряд, а потом подверглась сильнейшим физическим воздействиям. Кто-то избил Роберто, словно боксерскую грушу. Наш налетчик был опытным малым. Я спрашивала наших новых коллег из Управления вооружений, что стоит довести человека до такого уровня. У них возникли затруднения при определении точной спецификации. У него был самый современный генератор защитного поля, внедренный в мозг.

Мел с неприязнью взглянул на экран.

— И много таких у Йоханссона, как ты думаешь?

— Я вообще не уверена, что за ним стоит Йоханссон. Элвин не приобретал оборудования подобного рода. Кроме того, он разрушил операцию Элвина. Нет, его послал кто-то другой.

— Есть догадки?

— С точки зрения логики, есть три возможности. Это глубоко засекреченный департамент Содружества, о котором нам знать не положено. Слухи о том, что в аппарате президента имеется собственный отдел безопасности, ходили всегда. Почему они решили вмешаться именно в этот момент, мне непонятно, если только это не открытое послание

Йоханссону о том, что мы больше не намерены его терпеть. То же самое применимо и к ККТ. В этой компании вполне возможно создание подобного бойца, и они не намерены забыть или простить попытку уничтожения «Второго шанса».

— А третья вероятность?

— Его послал Звездный Странник.

— Ой, да ладно!

— Это предположение, с которым ты должен считаться.

— Нет, не годится. Что известно о врагах Ригина? В конце концов, он же заправлял черным рынком оружия. Такие дельцы не решают свои проблемы за ужином и бутылкой вина.

— Конкурент не стал бы уничтожать собранное Ригином оборудование; скорее всего, об этом никто не знал. Нет, выбор времени указывает на то, что нападавшему было известно не меньше, чем нам. Это указывает на два первых варианта. Наши действия известны администрации. Но и третий вариант тоже нельзя исключить.

— Нет, Паула, нет! Третьего варианта не может быть. Звездный Странник существует лишь в теории заговорщиков. И не вздумай писать об этом в рапорте. Если не послушаешься, я даже не стану пытаться прикрывать твою задницу. Ты представляешь себе, что это значит с точки зрения политики? Нет, это либо президент, либо ККТ. Мы можем расследовать что угодно, только не их дела.

— Перед законом все равны.

— Проклятье! Если операцию санкционировал президент, значит, это законно. То же самое относительно ККТ; Шелдон и Оззи владеют собственными планетами, включая Большую Дюжину, они сами себе правительства.

— Это не оправдывает их. Погибли люди.

— Паула, перестань. — Голос Мела стал почти просительным. — Дай мне поговорить с Колумбия, надо выяснить, чем это нам грозит. Ты ведь не знаешь наверняка, а я могу быть прав. Может, это все же кто-то из врагов Ригина.

Она обдумала его просьбу.

— Хорошо, я закончу расследование взрыва, ограничившись только галереей. Что будет дальше и кто за этим стоит — твоя забота.

— Серьезно?

— Да.

— Почему? — настороженно спросил он.

— Если дело закроют политики, значит, нападение санкционировано ККТ или правительством, в таком случае меня это не касается. Я не отказываюсь от справедливости, но в данных обстоятельствах невозможно что-то сделать. Я только потрачу свое время, вместо того чтобы заниматься Йоханссоном и Элвином. Если Колумбия захочет, чтобы мы продолжали расследование, тогда другое дело.

— Если получим добро, надо будет выяснить, с кем Ригин воевал. Ты в самом деле хочешь тратить на это время? У тебя теперь имеются все ресурсы, чтобы добраться до Йоханссона.

— Если мы получим добро, нам придется выяснить, кто из нас прав.

— Итак, ты хочешь продолжать это дело?

— Я тебе отвечу, когда узнаю ответ Колумбия. А до тех пор сосредоточусь на поисках Йоханссона.

— Ладно, это меня устраивает.

— Я хотела бы прояснить еще один вопрос с Колумбия.

— Какой?

— Элвин разыскивал довольно сложное оборудование; мне кажется, пора проверять все ввозимые на Дальнюю грузы. Политика выборочных проверок больше не годится. Я с самого начала возражала против такой постановки вопроса.

— Я передам ему твое предложение.

— Отлично.

Хоше Финн в своей квартирке только собирался сесть за ужин, когда сенсоры на входной двери показали ему, кто собирается войти. Он растерянно пробормотал какое-то проклятье и вытянулся по стойке смирно. Его жена Инима, удивленно взглянув на мужа, тоже посмотрела на маленький экран.

— Ой, это же?..

— Да.

Хоше пересек прихожую и оказался у двери одновременно с Паулой Мио.

— Что-то случилось? — спросил он, пригласив гостью войти.

— Нет, все в порядке, спасибо. — Она окинула его внимательным взглядом. — А ты похудел.

— Давно пора, — заметила Инима. — Мы собираемся завести ребенка.

Паула искренне улыбнулась.

— Поздравляю. Будешь вынашивать сама?

— Боже, нет, конечно, — ответила Инима. — Это будет лабораторная беременность.

— Правильно.

Светский разговор на этом иссяк. Хоше и Инима растерянно переглянулись.

— Не хотите присоединиться к нам за ужином? — спросила Инима.

— Нет, спасибо, в Париже еще только середина дня. Я успела на экспресс.

— Мы можем поговорить на балконе, — предложил Хоше в ответ на отчаянный взгляд жены.

— Если вы не возражаете, — кивнула Паула.

— А у меня есть дела, — сказала Инима.

На балконе маленькой квартирке едва помещались круглый столик и пара кресел, прижатые к перилам. Хоше протиснулся мимо стола и сел. Паула осталась стоять, любуясь открывшимся видом. Тридцатиэтажный многоквартирный дом стоял в квартале Маликой, довольно далеко от побережья. Перед Паулой простирались парки и роскошные здания, стоящие вдоль берега. Была видна даже башня, в которой жил Мортон.

— У тебя отличный дом, Хоше.

— Что привело тебя ко мне?

Она отвернулась от города и опустилась в кресло напротив него.

— Мне нужно провести одно расследование. Это не официальный запрос, а...

— Дружеская услуга, — негромко подсказал он.

— Да.

— Ты ведь не любишь действовать в обход официальных каналов, Паула, не так ли?

— В этом случае у меня нет выбора. Я уверена, что Агентство дискредитировано, поэтому я пришла к тебе. И еще к нескольким детективам, с которыми работала вне бывшего

Управления. Ты можешь послать запросы в обход нашего отдела.

— Дискредитировано кем?

— Еще точно не знаю, но это люди, стоящие слишком близко к правительству Содружества, — возможно, они даже из самой администрации президента. Если они об этом узнают, моя карьера будет под угрозой.

— Что же они натворили?

— То, чем занимаются постоянно. Политические игры, но на этот раз приведшие к гибели людей.

— Хорошо. Что тебе надо?

— Ты видел записи о взрыве в Венецианском Побережье?

— Да, черт побери. Меллани постоянно их транслировала.

— Меллани? — переспросила Паула. — Меллани Рескорай?

— Именно она. Иногда мне кажется, что я напрасно выпустил джинна из бутылки.

— Ты выпускаешь из бутылок гениев, а не демонов, Хоше.

— Только не в этот раз, можешь мне поверить. После суда она быстро поднялась и снялась в эротической драме для ВСО. «Убийственный соблазн». Ты не подключалась?

— Нет.

— Постановка имела огромный успех. Игравший меня актер выглядел как борец сумо. Но тебя они сыграли вполне правдоподобно. Так или иначе, Меллани добилась признания в средствах массовой информации, правда, только в местных. Тем не менее ее заметила Алессандра Барон и взяла в свою команду. Меллани действительно хороша. Кроме всего прочего, у нее теперь собственный канал со всякой всячиной вроде купальных костюмов, голограмм, ежемесячных обзоров ВСО, духов и продуктов питания. Появился даже коктейль под названием «Убийственный соблазн». У Меллани уже есть свой фан-клуб.

— Странно. Она показалась мне совсем другой. Я редко так сильно ошибаюсь в людях.

— Точно так же в ней ошиблись несколько политиков, у которых она брала интервью.

Они быстро об этом пожалели.

— И она транслировала записи из Венецианского Побережья?

— Они шли на всех новостных каналах. Я смотрел ее передачи, поскольку у нее всегда интересные интервью, и в тот раз, как мне кажется, был кто-то из заместителей Колумбия. — Он с опаской покосился на Паулу. — Меллани особенно подчеркивала твои неудачи в деле Йоханссона. Это она так выразилась.

— Не удивительно.

— И в чем же мой интерес в деле об этом взрыве?

— Это не разглашается, но взрыв в галерее уничтожил не все оборудование, которое собрал Ригин: несколько предметов хранилось на нижнем этаже. Мы сумели их заполучить.

— Что же это за предметы?

— Среди всего прочего там был сверхмощный микрофазный модулятор на сверхпроводниках. Управляющая программа для него была разработана в компании «Шансорель», находящейся здесь, в Дарклейк-сити. Элвин не мог заказать ее официальным путем, это новейшая разработка, и ему потребовалось бы заключение экспертов. Хоше, они должны были знать, что это не легитимный контракт.

— А для чего предназначен этот модулятор?

На лбу Паулы появилась хмурая морщинка.

— Мы точно не знаем. Наши криминалисты изучили список всего оборудования и

пришли к выводу, что требовалось какое-то специализированное силовое поле. Но половина предметов не подходит ни под какие спецификации.

— Хорошо, значит, я должен что-то отыскать в «Шансореле»?

— Да, пожалуйста.

— А что именно? И насколько сильно я могу прижать этих парней?

— Я хочу знать, работают ли они с Элвином на постоянной основе или просто нуждались в деньгах в тот момент и согласились на контракт, не задавая вопросов. Я, конечно, надеюсь, что у них долговременные отношения — тогда через них смогу выйти на Элвина. Как вести игру, решай сам, в каждой группе людей всегда найдется слабое звено. Найди его и заставь хорошенько попотеть.

— Ладно. Но я не понимаю. Ты охотишься за Элвином. Какое отношение это имеет к утечке из Агентства?

— Стандартный способ исключения. Каждому из подозреваемых я выдаю отдельный сегмент информации, а потом наблюдаю за реакцией.

Несколько десятилетий назад Томпсон Бурнелли совершил грубейшую ошибку: он предположил, что, будучи мужчиной, к тому же ловким и сильным, имеет достаточно преимуществ, чтобы обыграть Паулу Мио в сквош. Он действительно хорошо играл в сквош. Каждый раз, приезжая в Вашингтон, он непременно посещал «Клинтон Эстейт», светский и спортивный клуб, в котором помимо всего прочего заключалось немало сделок между бизнесменами самых разных миров. Два или три раза в неделю он играл со своими коллегами-сенаторами, или их помощниками, или председателями комитетов, или представителями Великих Семейств. Уровень игры здесь был очень высоким, а если у кого-то что-то и не получалось, в клубе имелись отличные тренеры.

Паула Мио заставила его понять, что главное — это точность и выбор позиции. Она почти не покидала центра площадки, но каждый раз посылала мяч туда, где его не было. Под конец игры он покраснел, взмок от пота и начал спотыкаться, а сердце угрожающе застучало в висках. Только через одиннадцать лет он сумел выиграть; это произошло через два года после его омоложения, когда наступил пик физической формы, а Пауле до омоложения оставалось еще три года. А потом все продолжалось по-прежнему.

Сейчас, когда она после омоложения не прожила еще и десяти лет, он не слишком заботился об очках, а только опасался получить инфаркт еще до того, как проиграть. Под ее точными ударами ему приходилось метаться с одной стороны корта на другую и обратно. Любой другой игрок, уступающий ему рангом — новый сенатор, помощник или лоббист, — время от времени позволял бы ему выигрывать. Не каждый раз, но достаточно, чтобы поправить его настроение. Из соображений этики. Но только не Паула. Хоть и не сразу, но он понял ее отношение. Сдать игру было бы нечестно, а на это она никогда не пойдет.

Как только его мучения закончились, Томпсон схватил полотенце и вытер с лица пот. По боли в мышцах ноги он понял, что целую неделю будет ходить с трудом.

— Увидимся в баре, — простонал он и скрылся в безопасном убежище мужской раздевалки.

Через сорок минут, частично уменьшив боль в мускулах горячим массажным душем, он вышел в бар. «Клинтон Эстейт» насчитывал всего два с половиной столетия, но потемневшие дубовые панели на стенах и кожаные кресла с высокими спинками могли относиться и к концу девятнадцатого века. Этому соответствовал и персонал, одетый в

красные куртки и белые перчатки.

Паула уже сидела в кресле у окна эркера, откуда открывался прекрасный вид на английский парк, примыкающий к клубу. В элегантном костюме и с безукоризненно причесанными волосами, спускавшимися до середины спины, она излучала спокойную уверенность, на достижение которой женщины из Великих Семейств тратили не одно десятилетие.

— Бурбон, — бросил официанту Томпсон, опускаясь в кресло напротив.

Тон его голоса вызвал на ее губах легкую улыбку, словно Паула выиграла еще одно очко.

— Ну что, Рафаэль задал вам жару после Венецианского Побережья? — спросил он.

— Могу сказать, что он дал мне понять, насколько огорчен. Люди считают этот взрыв очередной победой Элвина и Йоханссона в борьбе со мной. Они абсолютно не понимают, что все это значит.

— Что, в городе появился новый игрок?

— Не совсем новый. Но обнаружили они себя впервые.

— Ты все еще веришь, что в администрации президента завелся крот?

— Или в Великом Семействе, или в Межзвездной Династии. В конце концов, вы все друг с другом связаны.

— В ресторане сената ходят слухи, что ты сказала Мелу Ризу о вероятности вмешательства Звездного Странника.

— Это одна из версий.

— Уверен, что твое мнение обосновано, но, Паула, оно не популярно. Не забывай об этом. В планетарных правительствах есть парламентарии, избранные людьми, которые поддерживают Хранителей. Их немного, но они есть, и также существует система пропорционального представительства. Если кто-нибудь из них получит поддержку, возникнет беспокойство.

— Знаю, поэтому не настаиваю на этой версии.

— Не похоже на тебя.

— Я не смогу делать свою работу, если лишусь работы.

Томпсон с довольной усмешкой принял заказанный бокал бурбона.

— Нас всех время от времени загоняют в угол. Жаль. Для тебя это особенно тяжело.

— Я сказала, что не настаиваю. Как говорится в одной старой тюремной поговорке, за решеткой оказалось только мое тело.

— Понимаю. И чем я могу тебе помочь?

— Я хочу знать, есть ли на самом деле секретный отдел, подотчетный только президенту.

— Нет, такого отдела не существует. Я бы знал о нем, наша семья старше самого Содружества. Чтобы не сомневаться, я могу спросить у своего отца.

— Спроси, пожалуйста. Это очень важно.

Томпсон не ожидал такой просьбы, поскольку никто прежде не сомневался в его словах. Но Паула всегда была необычной женщиной. Их знакомство началось очень давно, с краткого обмена информацией. Она тогда была одной из служащих премьер-министра Зарина, а он пытался провести в сенате билль об инфраструктуре налоговых скидок, против которого Зарин активно выступал. С тех пор они периодически обменивались фактами и слухами, касающимися политиков и преступников. Томпсон не мог с уверенностью сказать, что они подружились, но установившиеся отношения были выгодны обоим. И он знал, что

может полностью доверять Пауле, что являлось уникальным случаем для тех кругов, где он вращался.

— Хорошо. А если и так? Ты попытаешься арестовать президента? Бедняжка Дой только добилась своего, да и то с минимальным преимуществом.

— Колумбия не стал сворачивать расследование венецианского взрыва, так что вряд ли эта догадка подтвердится. На данном этапе я просто исключаю лишние вероятности.

— Тогда должен тебе сказать, что не представляю заказчиком взрыва кого-то из Великих Семейств. У нас нет для этого причин. Дальняя и ее террористы никак не задевают нашей деятельности и наших капиталов.

— В таком случае остается Найджел Шелдон.

— И его ты тоже не арестуешь.

— Я знаю.

— Вряд ли приказ поступил лично от Шелдона. Скорее, кто-то из членов семейства пятого уровня решил заработать дополнительные очки.

— Это меня бы не удивило. Тем более что у нас нет твердой уверенности, что Ригин работал на Элвина.

— Вот как?

— Да. Закупки действительно напоминали подготовку к незаконной отправке грузов, если бы не одна особенность: тип оборудования, собранного Ригином.

— Я просматривал рапорт. Там указано, что это было высокотехнологичное оборудование.

— Верно. Но не оружие. Если это действительно был заказ Элвина, значит, Йоханссон переходит к новой фазе деятельности. Не имею представления, к какой именно, но ее довольно просто остановить.

— Как же?

— Ввести тотальный досмотр грузов, отправляемых на Дальнюю. Надо сказать, я давно этого добиваюсь. И каждый раз получаю один и тот же ответ: это слишком дорого и приведет к нарушению расписания движения, особенно на промежуточных станциях.

— А что на это говорит Рафаэль?

— Что будет поднимать этот вопрос. Однако никаких подвижек пока не заметно. Для решения проблемы нужен кто-то, обладающий большим весом в политике, — ты.

— Поверь мне, Рафаэль достаточно силен. Кое-кто из нас даже обеспокоен его возрастающим влиянием.

— В таком случае он не пользуется им, чтобы удовлетворить мой запрос.

— Вероятно, злится из-за неудачи в Венецианском Побережье. Взрыв немного запятнал сияющий ореол его нового Агентства. Ты видела, что творится в новостных шоу? Ведущие настроены отнюдь не дружелюбно. Алессандра Барон даже допустила выпад против тебя лично.

— Я слышала, — сухо ответила Паула. — Но на мнение Колумбия это не повлияло. Ты поддержишь меня, Томпсон?

— Халгарты будут недовольны. Это единственная Межзвездная Династия, имеющая деловые интересы на Дальней. Но, если ты говоришь, что это необходимо, я воспользуюсь имеющимся у нас влиянием. В настоящий момент мы в хороших отношениях с Дой.

— Спасибо.

На путешествие к Паре Дайсона «Конвею» и его собратьям кораблям-разведчикам «Святой Асаф» и «Лэнгхарн» потребовалось всего семьдесят два дня. Командир экспедиции Уилсон Кайм был очень рад сокращению полетного времени. При всех своих скоростных качествах «Конвей» был вдвое меньше «Второго шанса», соответственно, вдвое уменьшилось и пространство, занимаемое экипажем. Самым заметным отличием было отсутствие кольца, обеспечивающего основные жизненные функции. Экипаж нового корабля состоял из двадцати пяти человек, занимавших помещения в основном корпусе. Форма «Конвея» не изменилась — это был такой же цилиндр с тупыми концами, но более обтекаемый за счет соотношения размеров; его длина составляла двести пятьдесят, а диаметр — всего семьдесят метров. Уменьшение длины и объема было достигнуто сокращением числа плазменных ракетных двигателей до трех и, соответственно, уменьшением запасов топлива. Кроме того, пропала необходимость во вспомогательных катерах, их ангарах и системах обеспечения.

Еще до старта «Второго шанса» Уилсон Кайм знал о начале проектирования космических кораблей второго поколения, но скорость постройки — всего семь месяцев — удивила даже его. Более того, постройка кораблей была закончена, несмотря на хаос и неразбериху, связанную с переносом производства на Высокий Ангел. Он до сих пор не мог прийти в себя от этого идиотского решения. Он-то надеялся, что за три с половиной столетия правительство должно было научиться сводить к минимуму бюрократическое вмешательство в важнейшие проекты. Кайм прекрасно понимал, что это было сделано в процессе ожесточенного торга между Великими Семействами и Межзвездными Династиями, поскольку и сам принимал участие в многочисленных переговорах и сделках. Неужели президент не понимала, что такой важный для человечества проект необходимо оградить от рвущихся к кормушке политиков? Очевидно, нет.

Союз, заключенный между Найджелом Шелдоном и корпорацией «Фарндейл», в котором он оказался номинальным участником, ничуть не улучшал его настроения. После того как его ловко обошли в переговорах, а потом повысили до командора только что образованного Межзвездного Агентства, ему ничего не оставалось, кроме как жаловаться Оскару и Анне на нехватку кадров, поскольку они были нужны для запуска дублирующего производства на Высоком Ангеле. Его собственное участие в сооружении новых доков ограничилось несколькими формальными визитами и одним официальным приемом при участии доблестного председателя Галл. Они всегда недолюбливали друг друга, и после приема ничего не изменилось.

Все свое время и силы он, как и прежде, посвящал строительству кораблей. Развитие производства на Высоком Ангеле и дела Межзвездного Агентства могут подождать его возвращения. В отличие от правительства, он сознавал, что в первую очередь необходимо выяснить, что происходит вокруг Пары Дайсона после падения барьера. А его новый высокий пост давал возможность назначить командиром разведывательной миссии самого себя.

Теперь он физически и, к несчастью, биологически страдал от длительной невесомости. Уменьшение жилого пространства повлекло за собой и отказ от роскоши, сопутствующей предыдущему полету. Каюты на «Конвее» представляли собой цепочку сфер, закрепленную

вокруг оси корабля между сенсорным отсеком и машинным отделением. Стены кают были обиты мягким материалом, и все предметы имели закругленные углы, что предотвращало серьезные ранения. Как когда-то на «Улиссе», Уилсон большую часть свободного времени проводил на разнообразных тренажерах, чтобы не допустить атрофирования мышц, в первую очередь сердца. Раз в неделю он посещал врача, проводил мониторинг всех внутренних органов и получал предписание на прием биохимических средств. Затем в часы приема пищи он заставлял себя глотать специальную еду, хотя совершенно не был голоден. Вдобавок ко всему эл-дворецкий целый день напоминал ему о необходимости выпить бутылку воды, чтобы избежать обезвоживания, которого его организм уже не мог ощутить. Самым же неприятным и унижительным было посещение кабины для удаления отходов — за три с половиной столетия в этом отношении почти ничего не изменилось: для опорожнения кишечника в космосе до сих пор требовалось замысловатое устройство из ремней и вакуумных насосов. По крайней мере мочеиспускание осталось относительно привычным — для мужчин. Женщины из состава экипажа подверглись незначительному клеточному перепрофилированию, чтобы было удобнее пользоваться отсасывающей трубкой. Не обращать на это внимания во время занятий сексом стоило большого труда.

На расстоянии светового полугода «Конвей» остановился, не покидая червоточины. «Святой Асаф» и «Лэндхарн» расположились поблизости. Проблема связи между кораблями в гиперпространстве в ККТ была решена путем использования модулированных импульсов гисрадар, но в связи с трудностью формирования импульсов генератором червоточин этот процесс был еще не до конца отлажен. Сигнал получался не направленным, а поступал ко всем, кто находился в зоне приема, и не мог нести столько информации, сколько коротковолновый луч, но голосовое общение проходило довольно гладко.

Уилсон проплыл в помещение рубки и закрепился в одном из ускорительных кресел. С обеих сторон сразу же поднялись из своих гнезд мониторы и голографические экраны. Он изучил изображения и попросил Анну пройтись вокруг корабля гисрадаром.

— Настрой его на радиус в четверть светового года, — добавил он.

— Есть, сэр, — ответила она из своего кресла.

Анна в этом полете выполняла обязанности его старшего помощника и очень переживала по поводу их отношений, о которых уже все знали. Она досконально следовала этикету и старалась изо всех сил, чтобы доказать всему экипажу, что по праву занимает свою должность. Уилсон не раз просил ее отказаться от строгого соблюдения всех правил да и сам с нетерпением ждал окончания полета. Состояние невесомости в реальности было совсем не таким романтическим, каким его описывали древние фантасты, — даже в их каюте он сумел заработать немало синяков.

Развертка гисрадара показала, что они были окружены пустым космосом: никаких следов движущихся с ускорением объектов. По просьбе Уилсона его эл-дворецкий открыл канал связи с двумя другими кораблями и активировал устройство шифрования.

— Оскар, что у тебя? — спросил Уилсон.

— Ничего не видно, — ответил капитан «Святого Асафа». — Думаю, они прекратили запуск кораблей за пределы своей системы. По крайней мере, в этом направлении.

— Похоже на то. Антония, ты что-нибудь заметила?

— Ничегошеньки, — ответила Антония Кларк с мостика «Лэнгхарна». — Все чисто.

— Хорошо, продолжаем, как договорились. Антония, сопровождай нас, пока не подойдешь на десять а. е. к месту расположения старого барьера. Оставайся в

гиперпространстве и по возможности накапливай информацию. При любых признаках враждебных действий против тебя или против кого-либо из нас сразу возвращайся в Содружество.

— Поняла.

На Аншане во время планирования миссии она несколько дней доказывала, что ее корабль должен сопровождать «Конвей», но сейчас в голосе Антонии не было и тени недовольства.

— Ту Ли, вперед, — приказал Уилсон. — Анна, запусти сенсоры в пассивном режиме, пожалуйста.

— Уже сделано, сэр.

Уилсон едва удержался, чтобы не закатить глаза.

Корабли-разведчики приблизились к Альфе Дайсона. Их миссия была сформулирована довольно просто: «Конвей» и «Святой Асаф» должны войти в звездную систему и поискать признаки установки червоточин. Если таковые обнаружатся, им предстояло выйти в реальное пространство, приблизиться к источнику и попытаться наладить контакт. Если признаков червоточин не обнаружится, они должны подойти к Главной Альфе и попытаться установить связь с чужаками там.

Они были еще в четверти светового года от звезды, когда Анна доложила:

— Мы регистрируем квантовые возмущения, соответствующие активности червоточин.

— На таком расстоянии? — удивился Танде Саттон.

— Да. Не знаю, что они соорудили, но это мощная штука.

Утес Утреннего Света начал работу над проблемой сразу, как только воспоминания Боуза открыли ему принципы работы и практическое применение червоточин. Благодаря базовым знаниям Боуза в области физики и математики для определения фундаментальных концепций и приведения их в количественную форму потребовались усилия всего нескольких сотен иммобайлов. Конечные уравнения хорошо сочетались с его собственным пониманием квантовой физики и расширили его знания в той области, до которой он сам никогда бы не додумался. Следующим шагом стала более сложная задача проектирования оборудования, и здесь в воспоминаниях Боуза информации было явно недостаточно.

Спустя месяц напряженной работы тысячи иммобайлов над решением нового вопроса и после переоснащения нескольких новейших производств для изготовления компонентов оборудования была запущена первая грубая модель генератора червоточин. Утес Утреннего Света воспользовался им для установления связи с самым большим поселением на газовом гиганте. В результате Утес Утреннего Света-23957, управляющий колонией, мог общаться с главной группой иммобайлов в режиме реального времени. В течение нескольких недель мелкие червоточины были установлены также в других колониях. К основной группе домашнего мира подключалось все больше и больше дочерних кластеров, и, таким образом, постепенно образовывалась одна гигантская структура.

На этом этапе все космические производственные мощности, принадлежащие Утесу Утреннего Света, переключились на изготовление деталей генераторов червоточин большего размера. С открытием все новых червоточин на планетах, спутниках и отдаленных астероидах отпала необходимость в космических кораблях. Их разбирали, а материалы направляли на создание новой транспортной системы. Вокруг звезды появились новые энергетические установки — огромные защищенные силовыми полями вращающиеся

сооружения, накапливавшие энергию и через червоточину доставлявшие ее ко второму газовому гиганту, где строился самый большой из всех переходов, предназначенный для выхода в далекий космос.

На управление великим множеством компонентов и энергетических потоков в межзвездной червоточине потребовались усилия двенадцати тысяч иммобайлов. Утес Утреннего Света инициировал их слияние специально для создания командной группы; у нее не было других функций, и составлявшие ее иммобайлы даже не участвовали в общем мыслительном процессе. Даже при таком направленном использовании разума для управления оборудованием потребовалось еще и множество электронных процессоров.

Через три недели после запуска межзвездной червоточины несколько второстепенных орбитальных сенсоров квантовых волн зарегистрировали возмущения, соответствовавшие приближению космических кораблей. Эти суда были меньше, чем первый человеческий корабль «Второй шанс», но также пришли со стороны Содружества. И они были более быстроходными.

>миссия кораблей / объяснить<

Я не могу сказать точно. Можно ожидать второй попытки установить контакт. Они наверняка хотят узнать, что случилось со мной и Вербекке.

>вероятность конфронтации / экстраполяция<

Они не хотят воевать. Но корабли должны иметь мощные силовые поля — в прошлый раз они видели сражения между вашими кораблями и теперь знают, каким должен быть уровень защиты.

>ответные действия / объяснить<

Да ну, с моими знаниями в военном деле...

>Фактические сведения / память<

Сведений не оказалось. Память Боуза солгала — нет, не солгала, ответ был саркастическим.

>сарказм / объяснить<

Это чисто человеческая черта, порожденная культурой. У людей она может быть, а может и не быть. Я часто пользовался сарказмом, чтобы осадить нахальных студентов. В вашем обществе сарказм маловероятен, вы скорее воспользуетесь ядерными бомбами.

Утес Утреннего Света уже не в первый раз задумывался, не стереть ли ему память Боуза. Мысли чужаков с самого начала показались ему какой-то формой безумия. Несмотря на надежное сохранение их в единственном иммобайле, постоянно возникала утечка, и тогда появлялись странные идеи, и менялись взгляды на некоторые вещи. В конце концов он был вынужден признать, что сильнейшее загрязнение домашнего мира в некоторой степени ему вредит — оно приводило к тошнотворной массовой гибели мобайлов, являвшихся частью его самого, от болезней и отравлений. А это означало вред самому себе и плохие перспективы в будущем. Откуда у него взялся термин «тошнотворный», он так и не понял.

Подобные проблески нового мышления могли привести к внутреннему разложению и превратить его в чужака-иммобайла. Впрочем, Утес Утреннего Света точно знал, что рациональность праймов оставалась его доминирующей чертой и гибель мобайлов можно было отнести к нерациональному использованию ресурсов — так что пока еще он терпел воспоминания Боуза, зная, что скоро перестанет в них нуждаться.

Три человеческих корабля замедлили движение, потом снова двинулись вперед. Затем один из них замер на удалении, где раньше стоял барьер, не выходя из червоточины, которую сам же и генерировал. Два оставшихся корабля направились к второму из газовых гигантов, где Утес Утреннего Света построил межзвездную червоточину. Он начал подготавливать свои суда для перехвата.

Человеческий корабль в голубом сиянии вышел из червоточины в пяти миллионах километров от перехода. Вокруг него разошлись электромагнитные лучи, исследующие пространство поблизости, а генератор червоточины стал испускать импульсы, которые память Боуза идентифицировала как работу гисрадара. Плотные силовые поля, окутывавшие судно, отражали сигналы большинства сенсорных установок. Утес Утреннего Света убедился, что пробить поля трудно, но возможно.

Воспрепятствовать врагу поднялись шестнадцать кораблей. За те несколько секунд, пока их ракетные двигатели набирали мощность, с человеческого корабля поступили лазерные и электромагнитные сигналы. На этот раз бинарные последовательности были понятны Утесу Утреннего Света, он различил простейшие математические константы, пиксельные матрицы с базовыми изображениями и символами и периодические таблицы. В ответ он направил на человеческий корабль коммуникационный мазер.

Память Боуза была мобилизована для установления контакта при помощи выбранных «разговорных последовательностей».

— Салют, парни! Вас приветствует Дадли Боуз. Вы не слишком торопились сюда возвращаться, верно? Но, клянусь Богом, я рад вас видеть.

Лазерные лучи пропали, оставив лишь один электромагнитный луч, направленный на корабль, откуда было передано сообщение.

— Дадли? Это командующий Кайм. Как... Ты в порядке? Господи, Дадли, мы даже не надеялись на это.

Голос искажался помехами, идентифицированными памятью Боуза как «эмоции» изумления и надежды.

— Я справился, капитан. Я в порядке. У меня здесь куча друзей, которым не терпится с вами встретиться. Мы скоро все для этого подготовим.

— Дадли, ты находишься на корабле, с которого поступает сигнал?

— Конечно. Надо же, какое совпадение! Я несколько месяцев помогал праймам с их червоточинами.

— Дадли, этот корабль идет с ускорением в десять g.

Голос изменился. Память Боуза в мозгу Утеса Утреннего Света идентифицировала недоумение.

— Да, я это знаю. Моей спине чертовски тяжело.

— Вы можете сбросить скорость, — сказал капитан Кайм. — Мы никуда не убегаем.

— Точно, сейчас передам капитану.

Утес Утреннего Света снизил ускорение перехватывающего звена до трех g. Нельзя спугнуть людей раньше времени — еще одна новая концепция. Как много их появилось после падения барьера.

— А где Эммануэль, Дадли? Она с тобой?

— Нет, она осталась в домашнем мире... МЕРТВА БЕГИТЕ ИДИОТЫ БЕГИТЕ ОИ УБИЛИ НАС ОБОИХ И ВАС ВСЕХ ПЕРЕБЬЮТ БЕГИТЕ...

Предательская мысль пробилась в его сознание, и Утесу Утреннего Света хотелось

завопить от ярости. Усилием воли он загнал обратно выбившиеся из мозга иммобайла воспоминания Боуза и сокрушил их. Истребил окончательно.

В здании, где находилась основная группировка Утеса Утреннего Света, в его родовом гнезде, раздался отчаянный, безумный человеческий смех. Затихая, он все еще издевался над своими врагами.

Уилсон в шоке уставился на динамик, откуда всего минуту назад донеслось радостное известие, растрогавшее его почти до слез. Последовавший за ним отчаянный крик все еще звенел в мертвой тишине рубки.

Где-то в самой глубине души он подозревал обман — с того момента, когда голос Дадли донесся с корабля, идущего на десяти g, и прозвучал так спокойно, как будто они сидели в баре. Если что-то слишком хорошо, чтобы быть правдой, жди подвоха.

— Корабли противника снова набирают ускорение! — крикнула Анна. — Восемь g! Девять!

— Ту Ли, выводи нас отсюда, — приказал Уилсон. Ощущение дежавю окутало его ужасающим спокойствием. — Оскар, Антония, расходимся в соответствии с первым вариантом. Вы слышали сообщение. Действуйте.

Экраны, показывавшие окружающее пространство, стали затягиваться голубоватой пеленой, будто корабль попал под сегмент планетарного неба. Ту Ли направила «Конвей» прочь от Пары Дайсона со скоростью половины светового года в час.

— Господи, что же произошло? — спросила Анна. — Что с нами говорило?

— То, что осталось от Дадли Боуза, — мрачно ответил Уилсон. — Проклятье, а я ведь всегда его недолюбливал. Есть признаки погони?

— В гиперпространстве ничего, капитан, — доложил Танде. — «Святой Асаф» и «Лэнгхарн» идут впереди нас и расходятся.

Уилсон перевел взгляд на дисплеи вокруг своего кресла и постарался дышать глубже, чтобы успокоить сердцебиение. Он увидел, как далеко друг от друга разошлись два других корабля-разведчика, затрудняя одновременную погоню за всеми судами. Жалкая уловка. Если уж чужаки начали строить сверхсветовые суда, они смогут за каждым противником послать целые эскадрильи.

— Мы были в реальном пространстве шесть с четвертью минут, — сказала Анна, как только волнение в рубке немного улеглось. — Время миссии значительно сократилось, и мы все еще не знаем, как они выглядят.

Уилсон обратился к своему эл-дворецкому, и один из мониторов приблизился к нему.

— Что успели зарегистрировать наши сенсоры? — обратился он к Танде Саттону.

— Почти ничего, капитан, — хмуро ответил физик. — За такой малый промежуток времени трудно получить полную картину.

— А что известно о гигантской червоточине?

— Ах, да. — Танде помолчал, не решаясь поделиться своими мыслями. — Знаете, мы никогда не пытались строить сооружения подобного масштаба. Квантовая активность, которую мы успели засечь, свидетельствует о значительном количестве червоточин внутри звездной системы Дайсона, но та, что установлена на наружном газовом гиганте, намного превосходит все остальные — все это подтверждает предыдущие заключения об их производственных мощностях: полтора года назад у них не было ни одного генератора червоточин.

— А насколько велика червоточина, что находится над газовым гигантом?

Танде стал просматривать записи гисрадара, относящиеся к наружному газовому гиганту и его трем большим спутникам. Затем он выделил изображение третьей луны, вращавшейся над турбулентными экваториальными облаками на расстоянии семисот девяноста километров: половину каменистой поверхности этой миниатюрной планеты занимали ледяные пласты толщиной до пяти километров, и приблизительно четвертую часть — купола силовых полей. Вокруг спутника постоянно держалась пелена газов от ракетных двигателей, образующая светящееся кольцо в двухстах пятидесяти километрах над поверхностью. Из нее к точке Лагранжа, находящейся в пятнадцати тысячах километров, протянулась бело-голубая полоса плазмы — чужаки открыли червоточину в центре гравитационного нуля-поля, где требовалась наименьшая мощность ракетных двигателей. Визуального изображения генератора получить не удалось, но в инфракрасном диапазоне его экран мерцал багровой искрой: гисрадар зафиксировал тороид, составлявший в поперечнике два с половиной километра. Сквозь него через каждые пять или шесть минут пролетали большие корабли.

— Проклятье! — буркнул Уилсон. — Можно определить, куда она ведет?

— Нет, сэр, — ответил Танде. — Но, судя по интенсивности квантовых возмущений, я бы сказал, что расстояние может насчитывать несколько сотен световых лет. Не знаю, откуда они получают такую мощность. Нейтринных потоков, указывающих на работу ядерного реактора, не обнаружено.

— Они проникли в Содружество? — встревожился Уилсон.

— Нет, червоточина не настолько велика. Четыре, может быть пять сотен световых лет.

Уилсон ожидал почувствовать облегчение, ведь чужаки не добрались до его дома, но ничего подобного не ощутил. Увиденная картина вселяла только тревогу. Даже для такой развитой цивилизации гигантская червоточина явно была судьбоносным проектом, актом отчаяния. К чему это может привести, он точно себе представлял. Неясной оставалась только причина. Что им понадобилось в Содруестве?

* * *

Перед ними расстился удивительный пейзаж: все, что было можно встретить в пригодном для жизни людей мире, только увеличенное процентов на двадцать — более высокие горы, более широкие реки, даже небо казалось больше, хотя это могло быть из-за отсутствия облачности на протяжении всего (длинного) светового дня.

Все это немного тревожило Оззи: какие же животные могут здесь встретиться? Крысы величиной с собаку? Собаки ростом с лошадь? Или слоны, не уступающие размером динозаврам?

Впрочем, хотя они и провели в этом мире уже восемь дней, пока не встретили даже комара. Растительность тоже не вполне соответствовала общему представлению — она была весьма скудной. Трава была похожа на ковер из мха, а на шаровидных кустах тонкие узкие листья росли так часто, что издали казались сплошной пленкой. Листья на деревьях имели простую коническую форму и не превышали длину пальца. По крайней мере, в местной флоре не встретилось ничего выдающегося. Хотя за все это время Оззи не заметил ни одного цветка. Может, эволюция обошла весь процесс опыления стороной. А может, здесь не было насекомых.

Зато Точи стал самым ярким пятном на планете. После того как они покинули планету Ледяной Крепости, большой чужак быстро оправился от обморожений. Несколько недель скольжения по лугам и лесам умеренного температурного пояса почти полностью восстановили его эластичные двигательные гребни. Из трех планет, где они побывали, на одной тропа шла в тропической зоне. Точи это очень понравилось. Маленькие сморщенные отростки, торчавшие из складок его коричневой шкуры, ожили и расцвели. Теперь они напоминали перистые папоротники с постоянно меняющейся окраской; при каждом движении или порыве ветра по его телу пробегали алые, бордовые, оранжевые, голубые и зеленые волны.

— Он похож на лохматую радугу, — сказал Орион, когда увидел чужака во всей красе.

Он и сам выглядел вполне счастливым. Постепенно вернулась его жизнерадостная самоуверенность, и с каждым шагом, отдалявшим их от Ледяной Крепости, она усиливалась.

Оззи уже ожидал, что паренек начнет спрашивать, не пришли ли они уже к своей цели, на что было почти невозможно ответить. В мирах, где они до сих пор побывали, тропы сильфенов были хорошо видны, а когда Оззи чувствовал неуверенность, пару раз помогал дружеский амулет. Пока же они шли по лесистой местности, кое-где разделенной неширокими долинами или горами.

Большой мир был иным. Выйдя на опушку леса, они увидели расстилающуюся впереди холмистую равнину. Край леса сменился V-образной долиной, и пройти ее можно было только вдоль ручья, бежавшего по ее дну. Поэтому они продолжили путь, держась ближе к ручью, одному из многих, питавших пересекающую плато реку.

За пять дней постоянной ходьбы они увидели много появившихся из леса долин, но ни в одной из них не было тропы сильфенов. Зато на деревьях росли съедобные фрукты, круглые, размером с дыню, с волокнистой мякотью, напоминающей по вкусу пресное яблоко. Это, кажется, было общим для всех миров, соединенных тропами сильфенов, — никакого ярко выраженного вкуса у съедобных продуктов.

Обычно Орион длинной палкой сбивал фрукты на землю, и иногда его своими щупальцами поддерживал Точи. Оззи, наблюдая, как мальчишка со смехом молотит палкой, каждый раз вспоминал о карри и бургерах-чили.

Река привела их к горной гряде со снежными вершинами, замыкавшей равнину. На подходе к предгорьям травяной ковер стал намного тоньше, и местами появились голые песчаные проплешины. Вскоре растительность осталась только на узкой полоске вдоль берега реки. Дальше им пришлось пробираться по топким берегам, усеянными многочисленными булыжниками. Оззи и Орион несли тяжелые рюкзаки, а у Точи на спине висели две сумки. Уклон ущелья заметно увеличился, и речной поток, разбрасывая клочья пены, будто пытался выпрыгнуть из русла.

— Все еще хочешь построить лодку? — насмешливо спросил Орион, когда они проходили мимо россыпи огромных камней.

Оззи предложил такой вариант немного раньше, когда они обследовали третье лесистое ущелье, надеясь отыскать тропу. Идея имела смысл, но его нож с алмазным лезвием не был предназначен для обработки такого количества деревьев, а для постройки плота у них было маловато веревок. Просто ему хотелось побыстрее выбраться с равнины. Дни, проводимые под необъятным небом, не доставляли радости, а по вечерам тревожная пустота вокруг загоняла его в палатку. Где-то в глубине души этот мир вызывал у него беспокойство.

— Мне приходилось преодолевать и более сложные пороги, — сердито ответил он.

Еще полдня они шли по склону ущелья, а затем оно неожиданно вывело их в глубокий каньон. Река устремилась вниз по нескольким крутым ступеням, а в конце грохотал водопад высотой около трехсот метров. После глубокой тишины на равнине рев падающей воды их почти оглушил.

— Что дальше? — спросил Орион.

Он всматривался в каньон за водопадами: казалось, тот пересекал всю горную цепь.

— Позади нас нет троп, выходящих из этого мира, — стал размышлять вслух Оззи. — Нам остается либо продолжать идти вдоль реки, либо поискать другой путь через горы.

Он вытащил истертый листок пергамента и последний уголек. Отыскав самую острую грань, он написал вопрос Точи. «Я думаю, надо продолжать идти. Похоже, это и есть тропа».

Передний сегмент глаза Точи вспыхнул, выражая согласие.

Весь остаток долгого дня они посвятили спуску вдоль серии водопадов. От оседавшей водяной пыли камни стали скользкими, и двигаться приходилось медленно и осторожно. Шансы получить здесь помощь при любом несчастном случае равнялись нулю. Долгое путешествие в неизведанных мирах приучило их к терпению, и даже Орион не жаловался на медленность спуска. Первым шел Точи: благодаря своим упругим двигательным гребням он чувствовал себя увереннее остальных на опасном склоне.

Солнце уже давно скрылось за скалами, когда они наконец добрались до самого дна каньона. Виртуальный таймер подсказывал, что до наступления темноты у них еще оставалось два часа. Оззи снял защитные очки и, прищурившись, посмотрел на блестящие скалы — из-за яркого солнца путешественники были вынуждены носить темные очки почти целый день. Водяная пыль, выбрасываемая водопадом у основания склона, на мгновение обманула его влажной прохладой, но даже здесь, вне досягаемости прямых солнечных лучей, в очках он чувствовал себя комфортнее.

Они обогнули глубокий бассейн, выбитый водой в скалах, и подошли к тому месту, откуда река снова текла свободно и неторопливо, журча обломками песчаника, составлявшими ее дно. Оззи остановился и огляделся по сторонам: почти отвесные стены из красновато-коричневого камня с обеих сторон поднимались на высоту около километра, а поскольку каньон плавно изгибался к востоку, они казались еще выше. Ширина каньона составляла около восьми километров. Здесь не было никакой растительности: ни травы, ни кустарников. Дно покрывали песок и галька того же красноватого оттенка, что и у стен. У подножия скал можно было заметить высокие курганы каменистых осыпей.

Один из манипуляторов Точи поднялся вверх, словно рука человека, желающего привлечь внимание. Оззи заглянул в его передний глаз и прочел розовато-лиловые символы: «У поворота что-то есть. Возможно, дерево».

Он включил увеличение на зрительных вставках. Вдоль скал дрожал нагретый воздух, но перед самым поворотом реки все же виднелось какое-то темное пятно. Они зашагали вниз по каньону и почти сразу наткнулись на старое кострище — это был простой круг, выложенный из закопченных с внутренней стороны камней. Пепел давно разлетелся, и между камнями остался только потемневший песок.

— Смотрите! — закричал Орион и бросился вперед.

Он остановился в нескольких шагах от кострища и с победной улыбкой поднял с земли неожиданный трофей.

— Черт побери! — пробормотал Оззи.

Парень нашел жестянку из-под кока-колы. За долгие годы краска на банке сильно

выгорела, но знакомый логотип был все еще легко узнаваемым.

— Мы на Земле? — взволнованно воскликнул Орион.

— Извини, старик, этого не может быть.

— Но, наверное, где-то в Содружестве. Даже на Сильверглейде есть кока.

Оззи поскреб сильно отросшую бороду.

— Думаю, это просто мусор. Люди больше всех творят безобразия в нашей Вселенной.

Но! Это доказывает, что мы на верном пути.

Оззи пожалел, что приходится разбить хрупкую надежду парня.

Орион с досадой посмотрел на банку и бросил ее обратно в песок.

Часом позже они остановились на ночевку. Оззи и Орион вместе поставили палатку на небольшом пригорке в нескольких сотнях ярдов от воды, а потом, пока было еще не совсем темно, решили постирать носки и рубашки. Оззи хотелось и самому нырнуть в реку и хорошенько помыться, но, хоть они и не видели в этом мире ни одного живого существа, он не мог заставить себя довериться воде. Слишком много бессонных ночей он, еще будучи студентом, провел в компании пары упаковок пива, травки и низкокачественных дисков с фантастическими фильмами. Бог знает, что таилось в толще воды. Может быть, и ничего, но ему вовсе не хотелось, чтобы в его теле потом выводились личинки чужаков. В конце концов, долгими вечерами они вдоволь наплавались в теплых источниках Ледяной Крепости.

Они уже возвращались к палатке, как вдруг Орион остановился.

— Там свет, — сказал он.

Оззи посмотрел вдоль каньона в ту сторону, куда указывал парень. Далеко вниз по течению он заметил мерцающую золотистую искорку. Он даже не смог определить, на какой стороне реки она горела. Визуальные вставки тоже не давали отчетливого изображения; несмотря на предельное увеличение, было видно только колеблющееся пятно. При переключении в инфракрасный диапазон пятнышко почти исчезло. Значит, это был не огонь.

— Вероятно кто-то еще идет по тропе, — сказал Оззи с напускной уверенностью.

Точи тоже видел свет, но глаз чужака также не смог на нем сфокусироваться. Они продолжали поглядывать на искорку света, пока ели свой ужин из безвкусных фруктов и холодной воды, но она не двигалась. На всякий случай Оззи и Точи решили по очереди подежурить на берегу. Оззи выпала смена от полуночи до рассвета. Он надел брюки и рубашку, набросил на плечи спальный мешок и сел на плоский камень неподалеку от палатки. Вода в реке негромко журчала, со стороны Точи время от времени доносилось хриплое сопение, которое Оззи посчитал за храп чужака. За исключением этих звуков стояла глубокая тишина, которая у него всегда будет ассоциироваться с этим миром.

На безлунном и безоблачном небе сияла бриллиантовая россыпь звезд. Столько звезд он не видел даже в своих странствиях по новым мирам Содружества, еще не тронутым световым загрязнением. Его внимание привлекла небольшая туманность, раза в три или четыре крупнее земной Луны. С одного края из основной туманности в сторону торчал красноватый зубец. Ничего даже отдаленно напоминающего этот астрономический феномен в Содружестве Оззи не встречал. Он назвал его Хвост Дьявола. Жаль, что об этом никто никогда не узнает.

В самое глухое время перед рассветом он услышал голоса. Оззи настороженно выпрямился, стараясь определить, не приснилось ли ему это. Звуки могли быть частью

начинающегося сна. Но это были не человеческие голоса — по крайней мере, ничего похожего на знакомые ему наречия.

Светящаяся искра по-прежнему не двигалась. Он переключился на инфракрасный спектр и медленно повернулся кругом.

Снова слышались голоса. Теперь уже точно не во сне. Звуки пронесли мимо, заставив его так резко обернуться, что Оззи едва не упал. Несколько голосов бормотали в общем разговоре. На нечеловеческом языке. Они звучали настойчиво. Испуганно.

Но это были лишь звуки. В каньоне ничего не шелохнулось, ничего материального.

Он с трудом удержался, чтобы не спросить: «Кто здесь?» Но это было бы глупо, прямо как из ужастиков на DVD.

Мимо него прошелестел шепот. Кто-то — или что-то — жалобно простонало вдали. Оззи сбросил спальник, вытянул руки, сосредоточившись на пальцах, пытаясь ощутить колебания воздуха, хотя бы какой-нибудь намек на движение, и закрыл глаза, понимая, что от зрения ему сейчас не будет никакого толка. Он слушал и трогал воздух. Звуки вернулись, повторяя голоса ветра. Он внимательно вслушивался, а потом тихонько повторил их. Ничего не изменилось. Они проносились мимо, не обращая на него внимания.

В таком состоянии и застал его Орион, когда предрассветная мгла залила стены каньона: Оззи неподвижно стоял с распростертыми в стороны руками и что-то бормотал на чужом языке. Парень выбрался из палатки, протирая сонные глаза.

— Что это ты делаешь?

Оззи вздохнул и плавно опустил руки, а потом с таинственным видом подмигнул Ориону.

— Разговариваю с духами.

Взгляд Ориона метнулся по сторонам, отыскивая... нечто.

— Ты в порядке? Может, ударился головой?

— Такое было — в баре на Лотиане, но это случилось много лет назад. Этот мир населен призраками.

— Ой, перестань, Оззи. Не смешно. Эта планета и так какая-то жутковатая.

— Я понимаю, старик. Прости. Но я действительно что-то слышал, как будто мимо пронеслась группа людей или чужаков.

— Сильфены?

— Нет, их язык я бы узнал. Я не понял, что говорили те существа, но по тону голосов создается определенное ощущение. Они были чем-то опечалены или испуганы. А может, и то и другое.

— Нет, прекрати. Мне это совсем не нравится.

— Да, понимаю. Я думаю, в этом-то все и дело.

— Какое еще дело?

— Мои ощущения. — Он нахмурился. — Если нам известно, что призраки не существуют, значит, это... какая-то проекция? Какая-то ребяческая попытка испугать путешественников? Я имел в виду — почему бы не провести некоторую подготовку, а потом выскочить из-за скалы, завернувшись в белую простыню?

— Ты говорил, что у сильфенов есть жизнь после смерти, — негромко произнес Орион.

Оззи окинул его задумчивым взглядом.

— Так ты меня слушал?

— Иногда. — Орион ухмыльнулся и пожал плечами.

— Ладно, давай обсудим этот вопрос. Наши электронные устройства здесь не работают, так что это не может быть ни голограммой, ни каким-либо акустическим фокусом. Сильфены бывают в этом мире, следовательно, все, что здесь происходит, делается с их согласия.

— Если только не они сами все это устроили, — внезапно оживился Орион. — Здесь же нет ни одного живого существа. Мы не видели ни животных, ни насекомых. Может, это и есть загробный мир сильфенов, куда попадают их души?

Оззи окинул каньон недоверчивым взглядом.

— Мне почему-то так не кажется. Я бы ожидал чего-то более впечатляющего. Но я могу и ошибаться. — Он неожиданно замолчал, глядя вдоль каньона. — Эй, я больше не вижу света.

Точи втиснулся между ними и поднял свой манипулятор. «Что происходит?»

— Это будет отличным испытанием для нашего словарика, — пробормотал Оззи.

К полудню они увидели впереди черные столбы, которые при приближении оказались деревьями. Они были гигантами даже по меркам этого мира — стройные ровные конусы, поднимавшиеся в небо на полторы сотни метров. Деревья стояли двумя рядами великолепной аллеей в километре от берега реки.

— Значит, здесь кто-то все-таки живет, — сказал Орион, подходя к началу аллеи.

— Похоже на то. — Оззи запрокинул голову, чтобы увидеть верхушки ближайших деревьев. — Знаешь, либо у них древесина крепче стали, либо здесь никогда не бывает сильного ветра.

— А это важно?

— Не знаю, парень. Но это еще одно очко в пользу странностей.

Орион хихикнул.

— Весь этот мир — одна большая странность.

— Не буду с тобой спорить.

Еще через час, когда поворот остался позади и каньон просматривался на многие мили вперед, они увидели вдалеке несколько фигур: семь путников уверенно шагали далеко впереди них.

«Двуногие, как и вы. Это они светили ночью», — написали разводы в переднем сегменте глаза Точи.

«Возможно», — ответил Оззи.

«Они идут медленнее, чем мы. Можем догнать их еще сегодня, если увеличим скорость». Оззи и сам об этом подумал. Их внимание, конечно, можно было привлечь оставшимися ракетами, но он собирался ими воспользоваться только в случае крайней необходимости. К тому же путники впереди все равно рано или поздно будут оглядываться. Удивительно, что они до сих пор не заметили яркой окраски Точи на фоне однотонных камней.

«Увеличение скорости нас утомит. Догоним рано или поздно».

«Согласен».

После нескольких часов ходьбы по пустынной аллее, ближе к полудню, они дошли до первых развалин. Поперек аллеи к реке бежал небольшой ручеек, бравший начало у подножия скалистой стены. Через него когда-то давным-давно был построен простой горбатый мостик. Сейчас от моста осталось только два основания по обеим сторонам ручья, торчавшие из земли, словно два клыка.

На каменных глыбах были заметны неглубокие бороздки, напоминающие следы змеи на песке, но Оззи так и не понял, были ли это остатки древней резьбы или следы естественной эрозии. Вспомнив про посаженные рядами деревья, он решил, что это была резьба, а уж сколько времени понадобилось, чтобы резьба почти сгладилась, он не имел представления — но не меньше нескольких столетий.

— Жаль, что не работает портативный модуль, — вздохнул он. — Я бы мог провести углеродный анализ и определить их возраст с точностью до одного дня.

— В самом деле?

— Ну, почти.

Ужасающая неграмотность Ориона в области технологии всегда его расстраивала. Он не раз обещал себе следить за тем, что говорит, особенно в шутку, что случалось довольно часто. Тем более что парень воспринимал все сказанное им как истину в последней инстанции.

Они перешли ручей вброд и продолжили путь. Оззи еле удержался, чтобы не вырезать на камне свое имя. Удивительно, что до сих пор этого никто не сделал, даже те, кто выкинул банку из-под колы.

По пути к очередному месту ночевки они прошли еще один разрушенный мост и большое круглое углубление в почве, выложенное по краям тщательно подогнанными камнями. Археологические находки, однако, не давали ни малейшего намека на авторов строительства. Мост для большинства рас являлся базовой конструкцией, как и фундамент, который Оззи распознал в каменном круге.

За день дистанция, отделявшая их от идущей впереди группы, сократилась примерно на милю. Они поставили палатку и в сгущающихся сумерках снова увидели впереди золотистую искорку света.

— Они тоже остановились, — сказал Орион. — Выстрели ракетой, Оззи. Теперь они наверняка ее увидят.

Оззи взглянул на неподвижный огонек.

— Им известно, что мы здесь. Если они не хотят с нами разговаривать, нет смысла навязываться.

Орион энергично кивнул и откусил большой кусок съедобного фрукта.

— Теперь я это понимаю. Нельзя заставить торопиться того, кто не намерен спешить, верно?

— Ты быстро учишься.

— Поэтому я предоставлял девчонкам задавать темп.

— И это правильно.

— Она ведь все равно найдет способ показать, что готова лечь в постель? Ты в этом уверен?

— О да. — Вечера у костра стали раздражать Оззи: все мысли парня шли в одном-единственном направлении. — Но ты должен действовать осторожно, старик. Надо быть внимательным.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, если она не против продлить свидание настолько, насколько этого хочешь ты, это хороший знак.

— Но ведь ты же говорил, что не надо тащить ее в постель при первой же встрече.

— Да, конечно. Но ведь будут и другие свидания.

— Ладно. Предположим, у нас целая ночь. Я должен пригласить ее к себе или она позовет меня в гости?

— Я не знаю, старик. Это зависит от девчонки. Сам определишь.

— Но, Оззи, у меня еще никого не было, поэтому я тебя и спрашиваю.

— Хочешь еще один вариант знакомства?

Он давно обнаружил, что только так можно было заставить Ориона остановиться, хоть и ценой некоторого ущерба для его собственного достоинства.

— Да!

— Ладно. Но учти, ты должен вести себя очень уверенно и ни в коем случае не выказывать никаких опасений. Спроси: «Ты на самом деле такая хорошенькая или мне это только кажется?»

— Ну, может быть, — с сомнением протянул Орион. — Но надо иметь варианты продолжения.

— Эй, я тебе подсказываю, как надо открывать дверь, а оказавшись в комнате, ты должен действовать по обстоятельствам.

Голоса вернулись поздней ночью. На этот раз они звучали немного громче и доносились чаще.

Орион проснулся, как только разговор раздался у самой палатки. Оззи уже сидел в своем спальнике, прислушиваясь к голосам и тону их звучания.

— Это и есть призраки? — мрачно спросил Орион.

— Похоже на то. Ты боишься, старик?

— Оззи! Это же призраки!

— Ну да. Я тоже боюсь, если тебе интересно.

Он выполз из спального мешка и расстегнул вход в палатку. Ночной воздух вибрировал от звуков, от сотен голосов, хаотически круживших вокруг их маленького лагеря. Оззи вышел, шагнул в середину водоворота звуков — и оказался под дневным солнцем. Его ноги утопали в пышном ковре глубовато-зеленой травы, устилавшей дно каньона между деревьями и густыми зарослями кустов. Древесную аллею сменила вымощенная булыжником дорога. Странные пятиногие животные, напоминавшие быков, тащили по ней повозки, нагруженные бочонками и местной разновидностью сена. Возницы были чужаками: они выглядели как грушевидные медузы с сотнями тонких щупальцев, торчащих из нижней половины туловища и служивших одновременно ногами и руками. При необходимости в значительных усилиях тонкие белесые щупальца сплетались между собой. Десятки таких же существ скользили вдоль дороги, перемещаясь на кончиках своих извивающихся конечностей. Все они переговаривались между собой низкими журчащими голосами.

Одна из телег покатила прямо на Оззи. Он отчаянно замахал руками:

— Эй смотри, куда...

Но возница, похоже, не видел ни его, ни палатки, ни стоявшего рядом с ней Ориона. Оззи схватил застывшего Ориона и вместе с ним отскочил с дороги — в ночную темноту.

— Черт побери! — буркнул Оззи.

Он поднял голову и осмотрелся. Ничего не изменилось. Звезды перемигивались на небе и слегка освещали мир. Два ряда деревьев отмечали древнюю дорогу вдоль спокойной реки.

— Ого! — выдохнул Орион. — Здорово!

— А?

В свете звезд блеснула широкая усмешка Ориона.

— Разве ты не понял? Этот каньон — машина времени, а тропы сильфенов — червоточины. Как тебе это?

— Это была всего лишь картинка, старик, — неохотно ответил Оззи, поднимаясь на ноги и отряхивая песок. — Нам показали, что здесь было раньше.

— Оззи, я чувствовал их запах, похожий на уксус. Все было реально, никакая это не картинка. Мы побывали в прошлом. Ты и сам так подумал, иначе зачем прыгать в сторону?

— Я был поражен, только и всего. Я не знал, каков уровень плотности изображения. Знаешь, при подключении к ВСО некоторые люди получают травмы.

— Ты испугался. — Орион раскинул руки и захохотал. — Эй, Оззи, ты испугался. Машина плохого времени.

— Это не...

Оззи взял себя в руки. Он и сам почувствовал запах. Вдали по-прежнему неподвижно светил золотистый огонек. Снова, то приближаясь, то удаляясь, звучали голоса.

— Черт, какое странное место.

— Оззи! — воскликнул Орион.

Одно из медузообразных существ скользило мимо них в собственном ореоле дневного света. Точи, отбросив полость из меха ледового кита, от неожиданности встал на дыбы.

«Что это было?»

Глаз Точи так ярко сверкал символами, что Оззи оглянулся на Ориона, ожидая, что тот тоже это заметит. Затем пожал плечами: в их словаре не было терминов для призраков, странствующих во времени. Оззи оглянулся, но чужака уже не было.

— Нам бы надо убраться с этой аллеи, — сказал Оззи. — До рассвета еще несколько часов, нужно хоть немного отдохнуть.

— Ох, Оззи, это так чудесно. Мы могли бы оказаться на финише, даже не начиная путешествия. А еще я мог бы вернуться в Сильверглейд и отговорить своих родителей.

— Послушай, старик. Я понимаю, машина времени кажется тебе чудесным подарком, но поверь мне. Основы квантовой теории доказывают, что это невозможно. Понятно? Я знаю, что все это выглядит реально, но это не так.

Орион хотел что-то ответить, но в этот момент появилась небольшая механическая повозка с двумя студенистыми чужаками в кабине. Сзади из коротких широких труб валил дым и пар. Орион порывисто вздохнул и отшатнулся.

— Наверное, ты прав. Давайте уберемся отсюда.

Оззи всерьез раздумывал, не остаться ли на месте, пока какой-то из призраков не пройдет сквозь него. Но они выглядели такими реальными!

Все трое собрали свои вещи и поспешно покинули аллею. За чертой деревьев голоса затихли, но не пропали совсем. Оззи и Орион завернулись в спальники и сели, прислонившись к валуну. Между деревьями время от времени возникало голубоватое сияние, освещавшее стволы деревьев и давно умерших чужаков, идущих своей старинной дорогой. В конце концов Оззи устал за ними наблюдать и закрыл глаза.

— У меня есть теория, — нетерпеливо затараторил Орион, одновременно пережевывая безвкусный фрукт. — Наверное, Сара побывала в этом каньоне. И поэтому живет так долго. Каньон перенес ее в будущее.

— Это не машина времени, — уже в десятый раз возразил ему Оззи. — Время не может повернуть обратно, нельзя попасть в прошлое. Время течет только в одном направлении.

Все. Точка.

— Она попала в будущее.

— Ну, это не так уж трудно. Мы и сами так можем.

— Правда? — восхищенно воскликнул Орион.

— Ну... теоретически. Внутреннюю структуру червоточины можно модифицировать таким образом, чтобы десинхронизировать временные рамки. Другими словами, тыходишь с одной стороны, а спустя неделю выходишь с другой, и при этом для тебя проходит всего секунда. Я почти уверен, что на тропах сильфенов творится то же самое, и такое вполне могло произойти с людьми вроде Сары.

— А ты сам проделывал это с червоточинами?

— Нет. Это довольно сложно. Технология, соответствующая математическим выкладкам, еще не разработана. — Он сердито хмыкнул. — Может, решение появится к тому времени, когда мы вернемся.

В то утро они пошли параллельно аллее, держась метрах в трехстах от деревьев. Движение на дороге не прекращалось, хотя уследить за ним было невозможно. Тени, мелькавшие между стволами, тотчас исчезали, стоило только остановить на них взгляд — в дневное время призраки были не такими отчетливыми, как ночью.

Через пару часов после того, как они начали движение, стало понятно, что они догоняют идущих впереди путников. Та группа шла по аллее, и теперь казалось, что им приходилось преодолевать сопротивление сильного ветра: все они сильно наклонились вперед, а полы одежды хлопали за их спинами.

— Это сильфены, — сказал Орион. — Я уверен, что это они.

Оззи включил увеличение. Парень был прав.

— Еще одна загадка, — пробормотал он.

— Мы поговорим с ними?

— Не знаю. — Оззи колебался. С одной стороны, после ухода из Ледяной Крепости они еще не встретили ни одного разумного существа. С другой стороны, сильфены и в лучшие времена не производили впечатления разумных существ. — Давай решим, когда поравняемся с ними.

Они продолжили путь и через некоторое время увидели, что аллея прерывалась на пару миль, а потом продолжалась снова.

— Не вижу ни одного упавшего дерева, — сказал Оззи, осматривая местность в увеличенном масштабе. — Похоже, те, кто сажал деревья, просто решили сделать перерыв.

— А там ничего не построено? — спросил Орион.

— Даже развалин не видно.

Идущая впереди группа сильфенов становилась ближе все быстрее. Оззи подсчитал, что они догонят путников как раз к началу разрыва аллеи. По дороге все так же скользили темные полупрозрачные тени, и их печальное бормотание тоже не умолкало. Оззи был почти уверен, что это тот же язык, на котором переговаривались медузообразные возницы внутри проекции.

До группы сильфенов оставалось всего несколько сотен метров, как вдруг Точи поднял свой манипулятор. «Это не естественно», — было написано в его глазу. Щупальце чужака указывало на стену каньона.

Оззи присмотрелся к скалам, стараясь понять, что привлекло внимание Точи. Да, некоторые вертикальные трещины выглядели слишком уж правильными. Он изменил

масштаб восприятия и ахнул; сооружение оказалось настолько большим, что он не смог заметить его сразу.

Тысячелетия назад на скалах были высечены контуры чужаков. Их было два, примерно на расстоянии мили друг от друга и высотой около полумили. Энтропия сделала свое дело, камнепады и осыпи уничтожили огромные сегменты фигур, и внизу накопились огромные курганы осколков. Но даже после вмешательства природы очертания остались достаточно четкими, чтобы можно было распознать изображение. Между двумя фигурами стоял дворец, поднимавшийся почти до самого верха скалы. Оззи решил, что это был дворец, хотя он мог быть и вертикально построенным городом, и храмом, и даже крепостью. Архитектура отдаленно напоминала баварские замки, виденные им на вершинах альпийских гор, но в данном случае построенные термитами. Казалось, что круглые башни и балконы растут прямо из стены каньона, только осталось их совсем мало, и ничто не сохранилось в первоначальном виде. В целом сооружение сохранилось намного хуже, чем охраняющие его с обеих сторон гигантские статуи. Изящные опоры выступали из отвесной стены, изгибались вверх и заканчивались острыми шпильями, но конструкция, которую они когда-то поддерживали, обвалилась, превратившись в груды осколков у подножия скалы. Разрушение передней стены обнажило множество лестниц и переходов, а также зияющие провалы комнат и залов.

— Что же здесь произошло? — спросил Орион почти благоговейным шепотом.

Оззи, пораженный масштабами трагедии, покачал головой. Какая досада, что высокоразвитая раса могла допустить такой крах своей цивилизации.

— Думаю, об этом придется спросить у сильфенов.

Как только они свернули в сторону аллеи, стало понятно, почему сильфенам так трудно идти. Их отталкивал не ветер: воспоминания древней дороги стали сильнее. Каждый из проследовавших по древнему пути путешественников оставлял на нем свои следы — они не обладали реальностью призраков прошлой ночи, но восполняли этот недостаток колоссальной численностью.

Поначалу Оззи вздрагивал и пытался уклониться от столкновений, но затем понял, что призраки свободно проходят сквозь него. Большая часть путников шла пешком, иногда попадались повозки, а порой и механические приспособления.

По мере приближения к аллее плотность призрачных путешественников заметно возрастала. И вместе с тем усиливался производимый ими шум — одновременно разговаривали и кричали уже сотни и даже тысячи чужаков. Постепенно стала ощущаться и их плотность. Оззи, опустив голову, продолжал идти. Внезапно что-то коснулось его руки, и он чуть не подпрыгнул от неожиданности. Опустив взгляд, он увидел обвившееся вокруг запястья щупальце Точи. Другим манипулятором чужак держал за руку Ориона. Так, опираясь друг на друга, они стали догонять группу сильфенов.

Между деревьями поток давно ушедших чужаков превратился в сплошной вихрь цвета. Голоса слились в бесконечный монотонный гул. Теперь путникам действительно противостоял настоящий ураган. Оззи пришлось еще сильнее наклониться, и он был рад, что Точи его поддерживал. Рубашка и свитер вздулись на спине пузырями, но Оззи с угрюмым упорством продолжал двигаться вперед.

Группа сильфенов отчетливо маячила впереди темным пятном в потоке света, красок и шума, заполнившем аллею. Они подобрались еще ближе, и стало видно, что в группе были только старые сильфены: их длинные волосы поредели и поседелели, а плоские лица

избороздили глубокие морщины. Оззи никогда прежде не замечал у сильфенов признаков старения, как никогда не видел среди них и детей, хотя и не был уверен, что они вообще существуют. Старость придала им особую индивидуальность, что было нехарактерно для пожилых людей. И даже теперь, среди бушующего урагана, они уверенно и прочно держались на своих длинных ногах.

— Приветствую вас! — крикнул Оззи на языке сильфенов.

Одна из женщин обернулась. Ее большие темные глаза смотрели на него с любопытством бабушки, позабывшей имя любимого внука.

— Это я, Оззи. Вы помните меня?

— Никогда не забыть нам дорогого Оззи, тем более здесь, в этой обители воспоминаний. С радостью видим тебя здесь, где тебе и следует быть.

— Прости, но я никогда не стремился сюда попасть.

Ее веселый смех, казалось, заглушил гул призрачных голосов.

— Ты стремился увидеть и познать все чудеса вдали от дома. Мысли твои мечутся и меняются вместе с твоим настроением, радость и печаль горят в твоих глазах с яркостью звезд-близнецов, вечно кружащихся в бесконечном танце.

— А это и для вас чудеса? Я думал, это давно прошедшие времена.

— Впитывай знания, Оззи, в странствиях по тропам через потерянные миры. И к радости своего упрямства, ты исполнишься понимания. Чудеса несут в себе не только радость, но и печаль. Они связаны неразрывно в одно целое — и радость и печаль должны сопутствовать нашей жизни. Ты пришел туда, где бывают немногие, сюда привела тебя жажда и твоя громкая песнь. И мы рады тебе, хотя не готов ты упасть в круг света и воздуха, где горькая и сладкая песнь прозвучит до конца.

— Это и есть ответ о барьере Пары Дайсона? Расскажи мне о плененных звездах. Я так много хотел бы узнать.

— И ты узнаешь, когда пройдешь этой долиной смерти к скорбящим и умирающим теням.

— Ты верно издеваешься надо мной, — по-английски пробормотал он. — Ты цитируешь мне Библию?

Длинный язык женщины-сильфена задрожал в центре ее рта.

— Это и есть то место, куда я стремился? Мы попали в тюрьму, пленившую звезды? Ваши тропы проходят сквозь стены тьмы?

— Оставь свои цифры и огрубевший голос, милый Оззи, и научись петь. Песнь — это истинная участь тех, кто живет и любит жить.

— Я не понимаю, — простонал он сквозь стиснутые зубы. — Я не знаю, можно ли это считать ответом. Что это за место? — Он с тоской взглянул на сильфенов и снова перешел на их язык. — Что привело вас в эту долину смерти? Зачем вам эти мучения?

— Слабые и хрупкие, мы приходим сюда, чтобы закончить нашу песнь и отыскать свое место среди тех, кто должен прийти. Долгим был наш путь, яркими были освещающие нас лучи, громкими были спетые нами песни, мягкой и твердой была под ногами земля. Скоро закончатся наши странствия.

— Так вот оно что? Это и есть конец тропы сильфенов? Ваши странствия заканчиваются в этой долине?

— Оззи! — крикнул Орион. — Оззи, призраки уходят.

Он оглянулся. У последней пары деревьев встречное давление почти исчезло. Толпы

призраков рассеивались, давая возможность лучам солнца в полную силу осветить неровное каменистое дно каньона. Пока он смотрел по сторонам, утихли последние звуки голосов. Оззи покачнулся от неожиданности и выпрямился в полный рост. Над ними во всю стену каньона возвышался осыпающийся город-дворец чужаков.

— Тропа, по которой мы идем и которую любим, тянется по кругу, Оззи, и потому никогда не кончается, — сказала женщина-сильфен. Голос ее звучал очень грустно, словно речь шла о смерти. — Она начинается, когда ты начинаешь. Заканчивается, когда заканчиваешь ты.

— А что в промежутке? Что там? Наши песни?

— На тропе ты слышишь множество песен. Песни богатства. Песни страха. Иди, Оззи иди и слушай прерванную песню этого мира. Здесь лежит твоя мелодия, следуя за ней ты идешь дальше за клубком тайн, которые и есть мы сами.

Сильфены взяли за руки, и высокая женщина протянула руку Оззи. Орион смотрел на него с тревогой. В переднем глазу Точи вспыхнул вопрос: «Что происходит?»

— Скажи нашему другу, что я не знаю, — сказал Оззи Ориону. — Но я выясню.

— Оззи?

— Все будет хорошо.

Он подал руку высокой женщине. Четыре пальца ее кисти, теплые и сухие, сомкнулись вокруг его ладони. Это прикосновение непонятным образом успокоило Оззи.

Все вместе они подошли к вертикальным руинам. У подножия огромной насыпи расколотых камней Оззи увидел гладкий черный шар. Его диаметр соответствовал росту сильфенов. Оззи так и не понял, покоился ли шар на красноватом песке или парил в воздухе над самой поверхностью.

— Сейчас ты узнаешь песню этой планеты, — сказала женщина. — Обычно она поет о своих последних воспоминаниях.

Оззи нерешительно замер. А потом в центре шара он увидел парящую планету и с детским любопытством заглянул внутрь.

Перед ним было не изображение планеты, а ее призрак, как те чужаки, что странствовали по дороге на дне каньона. Давным-давно этот мир благополучно жил в космосе, и через его буколические леса проходила тропа сильфенов. Местные обитатели, медузообразные чужаки, как и многие другие расы, создавали свою цивилизацию и развивали науки. Они даже начали исследовать солнечную систему, отправляя примитивные корабли на соседние планеты и спутники.

И вот тогда появились имперские колонизаторы. Огромные космические корабли ворвались в звездную систему на ракетных двигателях и остались на орбите этого мирного и благополучного мира. Они провели в космосе не одно десятилетие и теперь с нетерпением стремились завладеть новым миром, где намеревались установить власть своей империи.

Война с захватчиками была столь же короткой, сколь и тщетной. Обитатели планеты сопротивлялись изо всех сил — они модифицировали свои ракеты, заменив оборудование оружием, и обстреливали корабли врагов. Однако нанесенные ими повреждения только разожгли ярость захватчиков.

В лесах же и лугах сильфены спешили по тропам, чтобы обрести мир и свободу, которой лишились те, чьим домом была эта планета. Проявление крайней жестокости обеспокоило даже волшебный народ, ведущий жизнь, полную радости и добродушного интереса к мирам, по которым он странствовал. Наблюдение стало для сильфенов тяжким наказанием.

У Оззи на глазах зловещие темные корабли обстреливали планету ракетами и бронебойными снарядами. Взрывы разрывали слои облаков и перемещивали атмосферу. Ударные волны опустошали мир. Земля гигантскими фонтанами вздымалась к небу. Океаны ревели от яростных бурь. Города и поселки исчезали с лица планеты. В первые же секунды погибли десятки тысяч чужаков. Оззи знал их. Он ощущал их смерть. Их горе. Их страх. Их потерю. Их печаль. Их сожаление о разрушенных домах. Их отчаяние при виде гибнущих детей. Он видел каждого из них и переживал вместе со всеми. Гибель обитателей мира продолжалась, когда бомбардировка захватчиков превратила планету в мрачную радиоактивную пустыню, и космические корабли ушли на поиски более податливых миров.

Оззи отшатнулся от шара, свернулся в клубок, и обильные слезы хлынули из его глаз, орошая сухой песок.

Он проплакал несколько часов, переживая боль бесчисленных смертей. За это время в его душе окрепла ненависть, какой он еще никогда не испытывал. Ненависть к тому, что было сделано. Ненависть к слепой тупости империалистов. Ненависть к сильфенам, за то что они только смотрели и ничего не сделали. Ненависть к бессмысленной утрате многообещающей цивилизации. Насколько лучше могла стать Вселенная, если бы мирные спокойные чужаки, населявшие этот мир, остались жить и впоследствии встретились с человеческой расой. Ему было горько сознавать, что встрече двух различных разумов так и не суждено состояться.

На склоне дня, когда слезы и жалобные стенания окончательно иссякли, он перевернулся на спину и уставился в безоблачное небо. Орион и Точи в тревоге склонились над ним.

— Оззи, — жалобно протянул Орион, сам едва сдерживая слезы. — Оззи, не плачь больше, пожалуйста.

— Это так трудно, — прохрипел он. — Я был там. Я был с каждым из них, когда они умирали.

Его тело снова содрогнулось от рыданий.

— Оззи, пожалуйста, не надо!

Он почувствовал, как Орион в отчаянии сжал его руку. Его дом находился за много световых лет отсюда, родители пропали, а путешествие растянулось на много кошмарных месяцев. Этого прикосновения Оззи хватило, чтобы снова не погрузиться в пучину отчаяния. Какая ирония! Суперсамодостаточному Оззи понадобилось чье-то участие!

— Хорошо, — тихо произнес он и ответил на пожатие Ориона. — Хорошо, только дай мне еще немного времени. — Он попытался сесть, но обнаружил, что тело ему не подчиняется. Манипулятор Точи мягко поддержал его за спину и помог приподняться. Оззи с некоторым страхом окинул взглядом каньон. — А где сильфены?

— Не знаю, — сказал Орион. — Они ушли давным-давно.

— Хм. И правильно сделали. Я бы убил их, попадись они мне под руку.

— Оззи, что случилось? Что ты увидел?

Он поднял руку ко лбу и удивился, обнаружив, что весь горит, словно в лихорадке.

— Я видел то, что случилось с этим миром. На космических кораблях прилетели какие-то чужаки и... все уничтожили.

— Это было здесь?

Орион нерешительно огляделся.

— Да. Только очень и очень давно.

Вид разрушенного города-дворца снова вызвал прилив печали.

— Зачем они это тебе показали?

— Я не знаю, старик. Правда не знаю. Сильфены думали, это то, чего мне не хватает для моей песни. Песни, черт побери! — Он презрительно хмыкнул. — Похоже, у нас серьезные проблемы с переводом. Когда вернемся домой, я, пожалуй, вчиню иск департаменту культуры на триллион долларов. Я никогда не смогу от этого оправиться. — Оззи замолк, осознав, насколько верны его последние слова. — Но, похоже, в этом-то самое главное. Эти воспоминания принадлежат сильфенам. Они все видели. И ничего не предприняли. — Он взял в горсть немного песка, потом пропустил его сквозь пальцы, глядя на тонкие струйки. — Это ведь их горе, а не мое. И не тех, кто населял этот мир. Только их. Всем остальным уже все равно.

— Тогда что теперь?

Оззи с опаской покосился на черный шар.

— Уходим. Здесь нам больше нечего делать.

Даже сейчас, по прошествии стольких лет, поднимаясь на трибуну, Элейн Дой чувствовала благоговейный трепет. Снизу это возвышение в зале сената выглядело очень внушительно: широкая приподнятая платформа перед первым рядом кресел с массивным столом из столетнего дуба, за которым восседал ведущий собрание премьер-министр. В реальности же свет люстры со сводчатого потолка казался таким ярким, что было трудно разглядеть верхнюю ступеньку лестницы. Красная ковровая дорожка протерлась почти до ниток. Крышку стола уродовали многочисленные отверстия, просверленные для подсоединения современных модулей, мониторов и точечных контактов. В прошлом ей много раз приходилось подниматься сюда во время рабочих сессий, чтобы сделать политическое заявление или зачитать отчет министерства финансов. Собравшиеся сенаторы безжалостно прерывали ее криками «Позор!» и «Долой!», гулко разносящимися по огромному залу, а репортеры, по-волчьи усмехаясь со своей галереи справа от трибуны, фиксировали малейшие проявления ее страха, ее сбивчивые возражения и расплывшуюся фигуру. Несмотря ни на что, именно она вызывала наибольший интерес, контролировала дебаты, отстаивала свои доводы и принимала решения, заставляющие правительство работать, и вследствие этого забирала политические очки у своих оппонентов.

Сегодня же все семьсот сенаторов в почтительном молчании встали со своих мест, по старой традиции приветствуя президента. Те же знаки внимания они оказали бы ей и при зачитании ежемесячного бюллетеня, но на этот раз в зале сената чувствовался неподдельный трепет. Сегодня они ждали от нее указаний.

Ее церемониальный эскорт королевских гвардейцев коротко отсалютовал и занял свое место позади трибуны. Она всегда считала, что их алые мундиры придавали подобным моментам необходимую торжественность. Хотя официально они были переведены на службу президенту королем Уильямом во время образования Содружества, заботу о финансировании и организации этого подразделения уже давным-давно взяла на себя служба безопасности.

— Сенаторы и народы Содружества, прошу тишины. Сегодня к вам обращается наш уважаемый президент Элейн Дой, — объявил первый министр.

Он поклонился Элейн, а затем повернулся и встал у своего стола.

— Сенаторы, дорогие сограждане, — заговорила она. — Благодарю вас за то, что нашли время меня выслушать. Как вам уже известно из сообщений прессы, корабли нашего Межзвездного Агентства, «Конвей», «Святой Асаф» и «Лэнгхарн», вернулись из полета к Альфе Дайсона. Их исследования подтвердили наши худшие опасения. Командующий Уилсон Кайм имеет все основания утверждать, что чужаки Дайсона, или праймы, как они себя называют, весьма агрессивны по своей природе. Еще большую тревогу вызывает то обстоятельство, что эти праймы развернули огромные производственные мощности для постройки больших червоточин, способных достичь самых удаленных уголков нашей мирной Галактики.

Сегодня мы должны отдать Уилсону Кайму должное за опасную миссию, проведенную по нашему поручению. Получение новых сведений в таких опасных условиях требовало огромной смелости, и это должно заставить праймов задуматься. Тем не менее нельзя забывать, что они получили помощь из самого неожиданного источника.

После невероятных ужасов, которых мы себе даже не можем представить, доктор Дадли Боуз пожертвовал остатками своей индивидуальности, чтобы предупредить об истинных намерениях праймов. Каждый из живущих ныне людей в неоплатном долгу перед этим великим человеком и его коллегой Эммануэль Вербек. Меня проинформировали о том, что их оживление проходит успешно, и мы можем поблагодарить всех богов, в которых верим, за их скорое возвращение в наше общество и возможность приветствовать новых героев.

Тем временем, если мы намерены оградить наше чудесное Содружество, предстоит многое сделать. Дорогие сограждане, после многих веков мирной экспансии наша цивилизация оказалась перед угрозой враждебного вторжения. В этом случае мы не можем рассчитывать ни на сильфенов, ни на Высокого Ангела. Человечество должно принять вызов со всей отвагой и решимостью, присущей людям с самого начала их истории.

В связи с этим сегодня я подписала указ за номером одна тысяча восемьдесят один, согласно которому на Межзвездное Агентство возлагается еще одна обязанность, а именно: физическая защита планет и звезд Содружества всеми необходимыми способами. С этого момента Агентство будет называться военным флотом Содружества. С ним мы связываем все наши надежды на безопасное будущее. Я верю, что мужчины и женщины, которые будут служить на флоте, с должным вниманием отнесутся к угрозе, возникшей среди далеких звезд. Их ждет трудная, но благодарная работа. На пост адмирала для руководства новым флотом я предлагаю кандидатуру Уилсона Кайма. Это тяжкая ноша, но я уверена, что мужество и лидерские способности, которые он неоднократно проявлял, помогут ему справиться с любыми трудностями.

Праймам же я могу сказать следующее: никакая агрессия и злоба не позволят вам завладеть нашими прекрасными мирами. Все мы люди, и все мы несовершенны, но наши сердца закалены в пылу прошлых битв; у нас есть воля, есть право и решимость отразить нападки любой тирании. Под этим я не только готова подписаться, но и клянусь своим президентством.

Она поклонилась сенаторам и быстро спустилась с возвышения, где уже ожидал почетный эскорт. Сенаторы ответили на речь президента бурными и продолжительными аплодисментами и криками.

У подножия лестницы, широко улыбаясь и энергично хлопая в ладоши, президента встретила Патриция Кантил.

— Превосходно! — воскликнула она, провожая Дой к выходу. — Ты выбрала нужный тон. Уверенность без самодовольства, вселяющая в людей чувство безопасности.

Дой взволнованно улыбнулась.

— Я рада, что все прошло удачно.

За дверью зала сената гвардейцев сменили агенты безопасности в обычных костюмах. Служащие аппарата и помощники выстроились позади Дой в установленном порядке и последовали за своим боссом по широкому коридору. Все оживленно переговаривались и все еще хлопали в ладоши. После одиннадцати месяцев тусклого, как говорила сама Дой, правления ее президентство наконец-то обрело отчетливые формы.

На третьем этаже, где находились кабинеты президента и ее сотрудников, их встретили хорошими новостями: послания, содержащие одобрение и поздравления, наводнили унисферу. Помощники поспешили на свои места, чтобы заняться почтой.

— Отличная речь, спасибо, — сказала Дой Дэвиду Керте, поравнявшись с его столом.

Молодой человек поднял взгляд и радостно улыбнулся. До избрания Дой он был

главным помощником Патриции, а теперь постепенно становился основным составителем речей.

— Я рад, мэм. Я кое-что позаимствовал из лунной программы Кеннеди. Думаю, в данных обстоятельствах это было уместно.

— Ты не ошибся.

Дой прошла в стеклянную гостиную, представлявшую собой округлый выступ из стены зала сената, совершенно прозрачный изнутри, блестяще-черный снаружи и защищенный силовым полем на тот случай, если какой-нибудь снайпер решит испытать свою удачу. Устроившись на одном из широких диванов, она облегченно вздохнула.

— Хочешь чего-нибудь выпить? — спросила Патриция, подойдя к антикварному буфету из тикового дерева.

— Хочу. Но не могу. Налей мне сока. День обещает быть долгим.

Патриция открыла дверцу и взяла с полки банку с соком апельсина и ягод триффен. Паутинка серебристых линий мерцала вокруг ее глаз, выдавая работу с виртуальным полем зрения. У Патриции имелись свои надежные индикаторы, и именно их она со своей обычной скрупулезностью сейчас изучала.

— Опрос в унисфере выдает семьдесят два процента одобрительных отзывов, — объявила она, как только получила информацию. Одновременно Патриция вскрыла упаковку, и банка с соком покрылась изморосью. — Пятьдесят три процента все еще опасаются праймов — на четыре процента меньше, чем вчера. Восемьдесят восемь процентов одобряют создание флота. Индексы на бирже пошли вверх; аналитики предвещают резкий скачок в связи с правительственным финансированием строительства кораблей, и это логично. Финансовый сектор колеблется в ожидании повышения налогов. Общий баланс благоприятный. Второй срок у вас в кармане.

— Ничего подобного, — возразила Элейн, принимая банку с соком. — До этого еще слишком далеко. А что будет, если действительно произойдет вторжение праймов?

Патриция фыркнула.

— Прекрати! Я это уже изучила. В военное время население сплачивается вокруг своих лидеров. Это исторический факт. Беспокоиться надо о том, что будет после войны. Черчилль, Буш, Долвин — они все отправились в отставку после своих побед.

— Я все время беспокоилась, открыто высказываясь в поддержку Межзвездного Агентства, хоть это и обеспечивало лояльность Шелдона. Слава богу, можно больше не бояться.

Она отпила глоток сока.

— Бога лучше не упоминать, — быстро отреагировала Патриция. — В наши дни большинство избирателей атеисты.

Элейн неодобрительно нахмурилась.

— Ты всегда поддерживала идею Агентства и его развития. Думаешь, действительно начнется война?

— Я поддерживала эту идею из-за тех преимуществ, что она нам предоставляла.

— Считаешь, будет война?

— Честно? Я не знаю, Элейн. Ради тебя я могу справиться с сенатом и средствами массовой информации, но это... Это не в моей компетенции. Я только знаю, что известие о постройке праймами больших червоточин до смерти перепугало наших военных аналитиков. Ты видела отчет Леопольдовича? У праймов нет логических причин создавать переходы

подобного масштаба, так что их намерения неизвестны. И это не слишком хорошо, поскольку мы о них знаем только со слов Боуза. Приходится предполагать худшее. Похоже, что создатели барьера знали, что делали.

Элейн позволила себе расслабиться на мягких подушках дивана.

— Все это с самого начала было очень странным. Все эксперты единогласно утверждали, что для создания барьера требовались колоссальные усилия, а стоило только нам подобраться поближе, как преграда исчезла.

— Говорю тебе, меня бесполезно об этом спрашивать. Настоящей причины никто так и не сумел назвать. Все, что у нас есть, это только бестолковые теории и безумные заговоры вроде мании Йоханссона. Даже РИ в недоумении, как он заявляет.

— Заявляет?

— Ты же знаешь, я никогда ему не доверяла.

— Это ксенофобия.

Патриция пожала плечами:

— Ну и пусть.

— Ладно, — сказала Элейн. — Причина нам неизвестна, но мы, по крайней мере, знаем, что можем оказаться в состоянии войны.

— Вот еще одно слово, от которого я хотела тебя предостеречь. Со словом «война» связано слишком много исторических ассоциаций. Лучше сказать «конфликт» или «осложнения с праймами».

— По-моему, ты впадаешь в крайность. Людям нравятся точные определения.

— Точность — это хорошо, но неподобающие слова следует исключить.

Элейн провела рукой по волосам, этот жест всегда свидетельствовал о ее раздражении, и Патриция не раз обращала на него внимание.

— Хорошо. Я буду следить за своими словами.

— Спасибо.

— Есть кое-что еще, о чем Леопольдович и все остальные предпочитают умалчивать.

— Что это?

— Высокий Ангел. Я знаю, что размещение на нем Первой базы Агентства было одним из условий сделки. Но останется ли он на месте при угрозе вооруженного конфликта?

— Кто-то из команды Леопольдовича уже работал над этим вопросом, результаты анализа есть в каком-то приложении. Высокий Ангел заверил нас, что заблаговременно известит о своем решении, так что перевод Первой базы на Керенск не составит особых трудностей. На сборочную платформу все можно доставить через червоточину. Выбор Высокого Ангела для размещения персонала был политическим решением с целью привлечь на свою сторону председателя Галл, а через нее и Африканскую группу. В физическом смысле это не существенно. Кроме того, от Колумбия поступило предложение использовать Высокий Ангел в качестве «спасательной шлюпки».

— Как это?

Патриция пожала плечами.

— В общих чертах это выглядит так: при угрозе поражения мы собираем по возможности больше предметов культуры и генетических образцов, плюс несколько миллионов человек, и просим Высокого Ангела доставить все это в менее враждебную часть галактики. В его способности к трансгалактическим перелетам мы вполне уверены.

— Господи, это серьезно?

— Агентство Безопасности относится к этому вполне серьезно. Президент попадает в категорию необходимого к эвакуации объекта. Ты тоже отправишься.

— Нет уж, увольте. И поручаю тебе лично проследить, чтобы эта безумная идея никоим образом не просочилась в СМИ. Стоит только кому-нибудь узнать о подготовке к бегству, и нас разорвут в клочья.

— Хорошо. Я об этом позабочусь.

Элейн глубоко вздохнула.

— Ты действительно читала все эти приложения?

— Это моя работа.

— Хорошо. Что у нас дальше?

— Встреча с Томпсоном Бурнелли и Криспином Голдричем. Необходимо тщательно проработать первое бюджетное послание к сенату. Ты видела запрос Кайма?

— Видела. Я думала, фантастика уже не в моде; еще пять кораблей-разведчиков, двадцать новых кораблей с боевым вооружением, система обнаружения червоточин по всему Содружеству, включение в состав флота отдела Наташи Керсли и вдобавок к этому еще десяток научно-исследовательских отделов. Нам предстоит значительное повышение налогов. Представляю, как отреагирует на это правительство.

— Запрос подписан Каймом, но за ним стоят Шелдоны и Халгарты. Они уже начали подготавливать почву, чтобы провести проект через сенат. При содействии Межзвездных Династий и Великих Семейств особых трудностей не будет. На твоём рейтинге это отразится не слишком сильно.

— Полагаю, так и будет. Встреча состоится здесь?

— Да. Но на ланч мы собирались домой.

— Отлично.

Через выгнутую прозрачную стену Элейн посмотрела на древнее здание Капитолия. Зал сената был построен здесь на деньги комиссионеров Федерации Объединенных Наций, стремившихся оставить Землю политическим центром Содружества. Зато президентский дворец находился на Нью-Рио, в одном из новых миров, как и множество управлений и департаментов, разбросанных по всей первой зоне космоса в соответствии с политикой присоединения. На Нью-Рио она всегда чувствовала себя в большей безопасности, словно зверь в своем логове. Элейн продолжала любоваться потоками дождя, омывающими старинный город, а в ее виртуальном поле зрения уже появилась звездная карта. Нью-Рио находился по другую сторону Земли от Пары Дайсона, на расстоянии более тысячи световых лет от праймов. И это тоже вселяло спокойствие.

* * *

Хоше оставил машину на стоянке на Фэйрфаксе и пешком прошел квартал по Ашайе. Наступил полдень, и тротуары из-за жары совсем опустели. Хоше снял пиджак и на ходу несколько раз вытер со лба пот. Ашайя оказалась одной из тех узких городских улочек, которые тянутся бесконечно. Где-то далеко впереди ее потрескавшийся бетонный тротуар, подернутый дымкой дрожащего воздуха, уходил в торговый квартал. По обеим сторонам поднимались в основном трехэтажные жилые дома с маленькими дворишками, заросшими декоративными кустами и деревьями, уже почти достающими до крыш. Над узенькими

балконами непрерывно гудели кондиционеры, тщетно пытавшиеся преградить доступ горячего воздуха. С подъездных дорожек из-за домов то и дело выезжали на улицу автомашины.

У первого же переулка Хоше остановился и огляделся по сторонам. С двух сторон поднимались высокие заборы, увитые ветвями и лианами цветущих растений. Бетон под ногами сменился плотно укатанной щебенкой. Из-за калиток доносился лай собак. Хоше уловил даже металлическое ворчанье катрака и понадеялся, что этот зверь надежно привязан.

Еще через сто метров он оказался у заднего двора дома 3573. За невысокими двойными воротами виднелась короткая бетонная дорожка, ведущая к большому гаражу, построенному из готовых каменно-стальных секций. Рядом стояло деревянное бунгало с темными закрытыми окнами, желтая краска на обшивке которого уже начала отслаиваться. Все столбы, поддерживавшие выступающую по краям крышу, были увиты лианами с поникшими сапфировыми цветами.

Хоше вошел через ворота и увидел, что одна створка гаража была открыта и внутри кто-то двигался.

— Хэлло?

Молодой парень, вздрогнув от неожиданности, поспешил к двери.

— Эй, ты кто такой? — пробурчал он.

На нем были черные джинсы, ставшие серыми из-за частых стирок, и такая же поношенная фиолетовая футболка. На носу поблескивали очки в золотой оправе, в их розоватых стеклах бежали строчки информации и какие-то графики. Ничего подобного Хоше не встречал со времен своей первой жизни, когда подобные устройства на короткий период вошли в моду. Тем не менее очки отлично дополняли облик парня — его было трудно представить кем-то другим, кроме программиста.

— Меня зовут Хоше, и я ищу Карима.

— Никогда о таком не слышал. И я очень занят.

— Меня прислал Гискард. Гискард Лекс. Он сказал, что Карим живет здесь. Мне надо срочно с ним увидеться. — Он вытащил из кармана толстую пачку долларов Октиера. — Очень срочно.

Парень с жадностью посмотрел на деньги и облизнулся. Паула была права — всегда найдется слабое звено. Хоше даже не составило труда его обнаружить. Простая проверка сотрудников компании «Шансорель» показала, что ни у кого из них не было криминального прошлого, зато некоторые из их давних друзей и прежних коллег имели судимости: например, Гискард Лекс, бывший сокурсник Карима по колледжу. Его академическая карьера прервалась в самом начале, когда парня задержали за нелегальные эксперименты с наркопрограммами, а в результате двухнедельной слежки выяснилось, что друзья до сих пор встречались.

Хоше как-то вечером зашел к Гискарду Лексу, и ему предложили широкий выбор — от программных продуктов в области ощущений до пары девочек, обещавших его приласкать. Хоше ответил предложением познакомиться с местным полицейским участком. После этого Гискард Лекс почти обрадовался, что от него требовалась лишь рекомендация к Кариму.

— Ладно, парень, — сказал Карим. Он осмотрел переулок, и на его ушах вспыхнули изумрудные линии ОС-татуировок, что свидетельствовало о сканировании пространства в поисках возможной слежки. — Входи.

Весь гараж был завален ящиками, а на скамье вдоль задней стены лежали инструменты, чистой которых и занимался хозяин. Все инструменты были старинными, Хоше не увидел ни одного устройства с силовым приводом. Пока Карим закрывал дверь, Хоше взял в руки отвертку и стал внимательно ее рассматривать. Створка из плайпластика с негромким чмоканьем опустилась, и Карим вернулся к посетителю.

— Собираешь антиквариат? — спросил Хоше. — Я и не знал, что ручные инструменты еще выпускают.

— Нет, парень. — Карим криво усмехнулся. — Это мой рабочий инструмент. Там, куда я собираюсь, нет электричества.

— Где же это?

— На Сильверглейде. Мы с моей девушкой хотим пожить среди эльфов — они сумеют защитить свою планету от праймов. А наше гребаное правительство ничего не сможет, у нас нет даже силового поля вокруг Дарклейк-сити.

— Верно. — О людях вроде Карима в последнее время много рассказывали в СМИ. Некоторые журналисты квалифицировали их действия как исход, но число беглецов оказалось настолько малым — всего несколько тысяч с каждой планеты, и большую часть беженцев составляли люди, живущие первой жизнью, — что правительства планет решили не обращать на них внимания. Тем не менее этого оказалось достаточно, чтобы ККТ втрое увеличила число поездов на Сильверглейд. — А как же флот?

— Ха! Целых два корабля? Много от них пользы, когда над Землей разверзнутся Врата Ада и демоны на десятках тысяч тарелок кинутся истреблять людей. Они специально не рассказывают о той гигантской червоточине. Хранители и Йоханссон правы: мы оказались в глубоком дерьме, и коррумпированные политики нам не помогут.

Хоше постарался убедить себя, что эти слова были случайным совпадением, хотя и довольно неприятным.

— Ладно, так ты уезжаешь сегодня вечером или все же успеешь мне помочь?

Карим показал рукой на ящики.

— Я еще не все собрал. Надо докупить лекарства. И книги. Бумажные книги в наше время стали редкостью и стоят немало. А ты знаешь, что у Оззи на собственной планете хранятся все знания человечества в распечатанном виде? Этот парень отлично подготовился к апокалипсису.

— Значит, поможешь?

— Смотря что тебе требуется, парень.

— Гискард сказал, что ты в состоянии подправить некоторые программы.

— Возможно. Знаю несколько приемов. Я работаю в частной фирме, которая занимается решением частных проблем, улавливаешь?

— Улавливаю. Я плачу слишком большие налоги.

— Ха, братец, мы все этим страдаем.

— Я владелец компании, импортирующей кое-какие запчасти для машин, и правительство нас просто убивает. Я только хочу заработать себе на жизнь, обеспечить семью, а эти ублюдки...

— Ты прав!

— Вот я и подумал, что неплохо было бы скрыть часть сделок. Всего десять или пятнадцать процентов, и я бы мог остаться на плаву. Лишь бы надежно перевести часть операций на счета в других мирах, чтобы в департаменте налогов и сборов ничего не

заподозрили.

— Ну, это я могу устроить. Да, для этого мне даже не потребуется привлечь своих парней. Какой программой ты пользуешься?

Хоше протянул ему кристаллический диск.

— Здесь система и сеть.

— Отлично. Уважаю клиента, который хорошо подготовился. — Карим взял диск и усмехнулся. — Это будет тебе стоить штуку, оплата сразу.

— Две сотни сейчас. — Хоше шлепнул купюрами по диску. — Остальное после установки программы.

— Ладно, парень, я согласен. — Банкноты мгновенно исчезли в боковом кармане джинсов. — Удачная выдалась неделя. Уже второй частный контракт.

— Вот как?

* * *

Для широкой общественности Содружества новый флот появился словно по волшебству. Стоило Элейн Дой объявить о его создании, и уже через неделю флот стал материальной реальностью. На Высоком Ангеле началась сборка кораблей, а в ближайших к Паре Дайсона мирах департаменты планетарной безопасности занялись установкой детекторов червоточин. Все было под контролем. И даже Алессандра Барон в своем шоу проявила сдержанное удовлетворение, хотя перспектива повышения налогов подверглась детальному анализу её персонального внимания.

Адмирал Кайм был удивлен тому, насколько гладко прошел переход. Конечно, подсобило то, что персонал и оборудование были перемещены с Аншана на Высокий Ангел, пока он летал с разведывательной миссией к Паре Дайсона. Это позволило ему сконцентрировать внимание своего экипажа на огромном расширении потенциала и возможностей, которые повлечет за собой превращение Агенства в военный Флот. К тому же, 90 процентов своей взрослой жизни, он занимался масштабно-управленческой деятельностью.

Первая Военная База для сборки космических кораблей находилась в тридцати-сорока километрах от Высокого Ангела. Через червоточины из Керенска туда доставлялись необходимые компоненты. В одном из новых зданий Бабуянского Атолла находился офис Кайма. В здании также разместились основная часть администрации Флота, проектные группы и исследовательские бюро.

Офис Уилсона располагался на верхнем этаже. Он ему не нравился. В то время, как он был в полете к Паре Дайсона, дизайнер выбрал ретро-современный стиль: отражающая свет мебель из белого дерева привезенного с Ниски, а полы и стены с монохромным освещением. Это было похоже на работу в операционной. Единственной приятной деталью был вид на прилегающую территорию. Лишь треть Бабуянского Атолла была городской структурой, оставшаяся площадь была парковой зоной, с густой травой и жадно растущими саженцами. Между аллеями и озерами были ровные участки, похожие на жемчужную текстуру бетона, которые в один прекрасный день вырастут в здания. Он наслаждался пейзажем, и не в последнюю очередь ночным видом Икаланайза с его быстро движущимися рыжеватыми облаками, дрейфующими высоко над кристальной поверхностью купола. Было просто

удивительно, что последние несколько лет разбудили старую добрую страсть к путешествиям. Каждый раз выглядывая и видя экзотический газовый гигант он был не уверен, что когда-нибудь сможет вернуться к старой работе в «Фарндейле».

Анна должна была прибыть первой на собрание конференции, запланированной для разработки правил формирования Флота, ей было добираться ближе всего. Её повысили до лейтенанта-командера, и теперь она работала его штаб-офицером в соседнем офисе, где отфильтровывала всех, кто хотел его личного внимания для просмотра собственных проектов. Анна пришла вместе с Оскаром; Уилсон еще из-за двери услышал, как они оба смеются.

— Катер Кантил пристыковался несколько минут назад, — доложила Анна. — Она скоро будет здесь.

— Все правильно, — кивнул Уилсон, сверившись с виртуальным расписанием.

Она тепло улыбнулась адмиралу, и он ответил ей тем же, а потом помахала рукой, на которой блеснуло обручальное кольцо. Он сделал ей предложение сразу после приземления «Конвея». Анна согласилась. Оскар спросил о дате, но они так до сих пор и не выбрали время для официальной процедуры — классический случай чрезвычайной занятости на работе. Зато они вместе поселились в хорошенькой квартирке на краю купола.

Прибыл Рафаэль Колумбия, одетый в безукоризненный черный мундир, и сразу же спросил, не назначена ли дата бракосочетания.

— Моя собственная помолвка длилась пятнадцать лет, — сообщил он. — Уверен, вы сумеете побить этот рекорд, если хорошенько постараетесь.

На лице Уилсона появилась вымученная улыбка. Дата их свадьбы давно стала на Первой базе дежурной шуткой.

После формирования флота Колумбия стал вице-адмиралом, ответственным за безопасность планет, и заместителем Уилсона. Он со своими помощниками обосновался на Керенске и стал быстро прибирать к рукам все управления и агентства, составлявшие основу его расширяющейся империи. Перед ним стояла задача заставить правительства планет обеспечить мощные силовые поля вокруг главных населенных пунктов, что требовало немалого политического давления, и Колумбия как нельзя лучше подходил для этой роли. Единственным на данный момент спорным пунктом между ним и Уилсоном был вопрос контроля над проектом Наташи Керсли, разрабатываемым в Сиэтле.

Колумбия настаивал на включении ее отдела в состав службы безопасности планет и переводе на Керенск, а Уилсон доказывал, что разрабатываемые Наташей системы предназначались для кораблей и потому их место было на Первой базе. В конце концов в спор вмешался Шелдон, и после согласования с президентом решение было принято. Колумбия этот вопрос больше не поднимал.

В кабинет вошли Даниэль Алстер и Дмитрий Леопольдович. Уилсон слегка удивился: он ожидал, что Алстер приедет вместе с Кантил, поскольку они оба представляли на этом совещании комитет по надзору, а Леопольдович был ученым из Санкт-Петербургского института стратегических исследований. Разработки в данной отрасли применялись на практике весьма редко — только в тех случаях, когда национальные сепаратистские движения решались использовать против своих правительств физическую силу. Еще во время работы в «Фарндейле» Уилсон не раз слышал, как маститые политики пренебрежительно называли стратегов-аналитиков разработчиками военных игр. Впрочем, в те времена с таким же пренебрежением относились и к астрономии.

Дмитрий несколько лет назад прошел третью в своей жизни процедуру омоложения, обеспечившую ему тело двадцатилетнего юноши с редящими светлыми волосами. Его бледная кожа, почти такая же белая, как у альбиносов, вкупе с нерегулярным питанием и недостатком движения придавала ему вид коренастого вампира. Дмитрий кивнул Уилсону и уселся на свое любимое место — спиной к окну.

— Как там Боуз? — спросила Анна у Алстера.

— Оживление меня всегда шокирует, — признался Даниэль. — Эти клоны-акселераты нисколько не похожи на людей.

— Но его сознание в порядке? — поинтересовался Уилсон.

— О да. Загрузка памяти из хранилища прошла успешно. Последнее, что он помнит, это обновление ячейки на «Втором шансе» перед вылетом в Темную Башню.

— А Эммануэль?

— В том же состоянии. Хотя она намного спокойнее, чем Боуз.

— Что ты имеешь в виду?

— До этого я только раз встречался с Боузом, и он показался мне немного нервным. Этот недостаток... в некоторой степени усилился. Врачи сказали, что информация о ситуации, предшествовавшей его оживлению, произвела на него очень сильное впечатление.

— Ты говоришь о предостережении, полученном нами во время разведывательного полета?

— И это тоже. К несчастью, мы так и не узнали, откуда именно было получено это предостережение. Оживляемые личности часто опасаются, что их прежнее сознание еще где-то существует. В данном случае опасения граничат с шизофренией.

— В предостережении ясно говорилось, что праймы их убили.

— Я знаю. Но Боуз буквально одержим вопросом: кто послал предупреждение? Он подозревает, что его подлинное сознание еще живет там в какой-то неопределенной форме. И это достаточно логичный вывод. Кроме того, его жена заявила о разводе с ним. Психолог объяснил, что Боуз воспринял это как отторжение его новой личности, что только усугубило положение.

Уилсон и Анна переглянулись.

— Мы все время чувствуем себя виноватыми перед ним, — сказала она.

— Да, — смущенно подтвердил Уилсон. — Что еще говорят врачи?

— Через пару месяцев они выпишут его из клиники. Физически он будет на пике формы. Что же касается сознания... Они говорят, что после каждого оживления требуется целая жизнь, чтобы преодолеть травму. И Боуз не исключение. Его будут держать на антидепрессантах, пока он не выкарабкается.

— Он не говорил о своих планах на будущее?

— Нет. Он получает много предложений от СМИ. Их интересует не только его биография, но и комментарии относительно конфликта с праймами. Думаю, его могли бы восстановить на прежней должности в университете. И мы бы настоятельно советовали ему принять это предложение — на Гралмонде он не сумеет нанести большого вреда.

— Надеюсь, он не собирается поступать на флот?

Даниэль усмехнулся.

— Нет. На этот счет можете быть спокойны.

Выражение облегчения на лице Уилсона рассмешило Оскара.

В кабинет вошла Патриция Кантил.

— Спасибо, что подождали меня, — с профессиональной улыбкой сказала она.

— Ты не опоздала, — откликнулся Даниэль. — Да, чтобы закрыть тему Боуза. Как только он и Эммануэль будут готовы выписаться, состоится небольшая церемония. Патриция, это ваша инициатива?

— Верно. Учитывая их заслуги, особенно Боуза, мы сочли необходимым официально отметить их возвращение в Содружество. В настоящий момент только они могут претендовать на звание героев. На церемонии будет вице-президент, и было бы неплохо, чтобы присоединился кто-нибудь из их коллег.

Уилсон чуть не застонал.

— Ладно, — проворчал он, — мы кого-нибудь пришлем. А теперь, я думаю, пора начинать совещание.

— Мой доклад предельно короток, — объявил Оскар. — Связи с кораблями-разведчиками еще не было.

— А когда можно ожидать первого донесения? — спросил Даниэль.

— «Святой Асаф» должен вернуться к Аншану через десять дней. Это в том случае, если они ничего не обнаружат.

— А если обнаружат?

— Им предстоит обследовать пятнадцать звездных систем на расстоянии трехсот световых лет от края третьей зоны космоса. Для сканирования гисрадаром каждой из звезд их маршрут проложен по гигантской кривой линии. Если праймы открыли хоть одну гигантскую червоточину у какой-то из звезд, на корабле это увидят. Судя по тому, что они еще не вернулись, мы полагаем, что на первых одиннадцати объектах ничего не обнаружено.

— Или праймы сумели их перехватить, — сказал Рафаэль. При всеобщем молчании он пожал плечами. — Надо быть реалистами, — добавил он.

— Остальные шесть разведчиков будут возвращаться в течение двух следующих месяцев, — продолжил Оскар. — Это даст нам сведения еще о сотне звездных систем. Надо признать, что это не так уж и много, учитывая расстояние, отделяющее нас от Альфы Дайсона. Но если праймы двинутся в нашу сторону, одна из этих звезд может быть использована в качестве промежуточного пункта. Мы должны его обнаружить; тогда хотя бы можно будет продумать тактику дальнейших действий.

— Такое патрулирование будет проводиться постоянно? — спросила Патриция.

— Да, — ответил Уилсон. — На тот случай, если праймы направятся к нам, мы должны получить своевременное предупреждение. Это рубеж третьей ступени. Рафаэль при помощи сети детекторов ближнего действия обнаружит открытие червоточин в пределах Содружества. Флот будет производить разведку на расстоянии ста световых лет от наших границ в направлении Альфы Дайсона. О появлении праймов в этом сегменте нам будет известно в течение трех дней, а на дальних подступах станут действовать постоянные патрули, хоть сканирование далеких звезд и будет осуществляться раз в несколько месяцев.

— Когда начнет действовать эта схема?

— Пограничную сеть детекторов мы уже начали разворачивать, — сказал Рафаэль. — Если они выступят прямо против нас, об этом станет известно. Полный охват Содружества, по нашим подсчетам, будет осуществлен через восемнадцать месяцев.

— Понятно. Адмирал, что можно сказать о разведывательных полетах?

— Все зависит от количества кораблей. Сразу по окончании нынешней предварительной операции я смогу направить вернувшиеся суда на патрулирование

ближайших звезд. Два корабля сейчас проходят полетные испытания, и еще пять выйдут из сборочных платформ в течение следующих четырех месяцев. Тогда у нас будет пятнадцать кораблей — этого достаточно для наблюдения за непосредственно близкими границами. Для дальнего патрулирования потребуется еще десять кораблей, хотя я предпочел бы пятнадцать или даже двадцать разведчиков.

— Каждый из них обходится в три миллиарда земных долларов, — сухо заметила Патриция.

— Мне это известно, так же как и стоимость их содержания и обслуживания. Ни для кого не секрет, что в первые три или пять лет расходы на флот будут расти в геометрической прогрессии.

— Я помню эти предварительные расчеты. А как насчет боевых кораблей?

— Сборка первой партии из трех кораблей должна завершиться через четыре месяца. После этого мы сможем запускать по одному кораблю каждые три недели. Сколько их потребуется, будет зависеть от уровня угрозы.

Все повернулись к Дмитрию Леопольдовичу. После возвращения «Второго шанса» его консультации все чаще требовались как президенту, так и сенату. Опыт общения с высокопоставленными чиновниками дал ему определенную уверенность, хотя на его поведении это никак не отразилось.

— Единственное, что нам наверняка известно о праймах, это то, что их поведение нельзя предсказывать, исходя из мотиваций людей, — с легким акцентом заговорил он. — На сооружение гигантской червоточины, названной нашей командой Вратами Ада, даже высокоразвитой цивилизации, заключенной в пределах одной звездной системы, придется направить большую часть их ресурсов. — Он немного помолчал, словно ожидая возражений. — До сих пор мы не в состоянии понять, зачем им понадобилось такое крупномасштабное сооружение. Одно из вероятных предположений: это необходимость спасения расы. Праймы могут опасаться восстановления барьера и потому стремятся рассеять свое семя по галактике. Корабли-ковчегии будут уходить через червоточину, унося с собой маточное поголовье и необходимое для поддержания колонии оборудование. Если они станут переводить другой конец червоточины в новую звездную систему каждую неделю или даже каждый месяц, распространение будет достаточно быстрым, чтобы создатели барьера не смогли больше их изолировать. По сути, это ускоренная модель нашего Содружества.

— Подождите, — прервала его Патриция. — Значит, они даже не представляют для нас угрозы?

— Не совсем так. Я просто озвучиваю возможные версии, сформулированные нашей командой. Вот второй вариант: им стало известно местонахождение строителей барьера, и праймы выходят в открытый космос с целью развязать войну, которая была предотвращена путем их изоляции. И третья версия: они построили червоточину, чтобы добраться до Содружества. Это единственная версия, которая вызывает у нас тревогу. Мы должны признать, что не нашли удовлетворительного объяснения причины такого поведения, но мы можем мыслить только человеческими категориями. Высокий Ангел и сильфены наглядно продемонстрировали нам, насколько не универсально человеческое мышление, и само создание Врат Ада это подтверждает. Однако целью нашего совещания является не установление причины их возможного нашествия, а определение его вероятности. У праймов уже было две возможности установить мирный контакт, и в обоих случаях они ими не воспользовались. Поэтому моя группа сочла возможным сделать следующий вывод: если

они открыли Врата Ада с целью приблизиться к Содружеству, их намерения могут быть только враждебными. И в случае обнаружения червоточины поблизости или в пределах Содружества мы рекомендуем флоту ответить с максимальной мощностью.

— Не будет ли это равносильно объявлению нами войны против них? — спросила Патриция. — Я не уверена, что президент и даже сенат одобряют подобное применение силы.

— Используя старую аналогию, можно сказать, что мы играем в крикет, пока они занимаются кикбоксингом. Если праймам удалось извлечь информацию, которой владели Боуз и Вербеке, значит, им известно о нас все. Они должны знать, что мы пытались установить мирные отношения. Им известно, как открывать каналы для связи с нами, не прибегая к угрозам и враждебности. И тот факт, что они даже не пытались исследовать галактику после тысячи лет изоляции, наводит на неприятные размышления. С точки зрения тактики, они стараются занять наиболее выгодную позицию.

— Но ради чего? — спросил Оскар. — Если им нужны только материальные ресурсы, они могут воспользоваться сотнями звездных систем в непосредственной близости от своего мира.

— В этой проблеме так много неизвестных факторов, что нам необходимо сосредоточиться на полученной информации, а не пускаться в бесконечные предположения, — сказал Дмитрий Леопольдович. — Нам все еще неизвестно, кто и зачем поставил барьер. И также неизвестно, почему он исчез. Надо придерживаться основных известных нам фактов: их несомненная враждебность, наличие десятков тысяч кораблей и постройка червоточин, способных дотянуться до нас. Нам придется переключиться с цивилизованного образа мышления на стандартный режим: стреляй, пока не застрелили тебя. В настоящий момент нам не остается ничего другого, как готовиться к худшему сценарию. Я бы предпочел потратить миллиарды долларов на флот, а потом жалеть о напрасной трате налоговых средств, чем сберечь деньги и обнаружить, что надо было строить корабли. Вспомните Перл-Харбор.

Уилсон с молчаливым одобрением наблюдал, как Патриция сдерживается, чтобы не прокомментировать слова Леопольдовича о миллиардных затратах.

— Я не думаю, что данная параллель здесь применима, — сказал он. — Но понимаю, к чему вы клоните.

— У нас будет одно стратегическое преимущество, — сказал Дмитрий Леопольдович. Застывшая на лице улыбка придавала ему еще большее сходство с вампиром. — Только одно. И оно должно быть использовано, независимо от цены, которую придется уплатить, поскольку речь идет о нашем выживании. Праймы подошли к концу очень длинной и единственной цепи снабжения. Без этого не было бы оснований для враждебности. Поэтому моя группа настоятельно рекомендует атаковать и уничтожить червоточину праймов сразу, как только она откроется в пределах Содружества. Невозможно переоценить значение этого шага. Стоит им начать вторжение, все правила ведения войны окажутся бесполезными. Мы изучили записи с «Конвея»: уже несколько месяцев назад они посылали через Врата Ада десятки кораблей, а мы здесь говорим о постройке одного корабля за три недели, и даже первый из них еще не вышел из доков. Если даже перенаправить все производственные мощности на кораблестроение, нам потребуются десятки лет, чтобы их догнать.

— А возможен ли другой сценарий? — заговорила Патриция. — Нельзя ли послать какой-нибудь снаряд через их червоточину, чтобы разрушить поддерживающий ее генератор?

— Вывести из строя генератор можно даже ломом или рогаткой, надо только знать критические точки, куда нанести удар, — сказал Уилсон. — Вся трудность в том, чтобы подобраться на достаточно близкое расстояние. Можно не сомневаться, что на этой стороне переход будет защищен эскадрильями кораблей и самыми мощными силовыми полями; и добраться до генератора на противоположном конце будет возможно, только преодолев этот барьер. В настоящий момент на наших боевых кораблях не предусмотрены такие возможности.

— Значит, надо их разработать и установить, — энергично заявил Леопольдович. — И немедленно.

Патриция посмотрела на Даниэля, и тот слегка наклонил голову.

— Очень хорошо, — сказала Патриция. — Мы выслушали ваши рекомендации, академик. Адмирал, пусть ваши люди рассмотрят предложение, рассчитают его стоимость и представят в комитет.

— Обязательно, — ответил Уилсон.

* * *

Пауле очень нравилось летом сидеть в открытых кафе на улицах Парижа. Кофе в этом сохранившем свои национальные черты городе, несмотря на все ограничения и запреты, все еще был крепким и натуральным, хоть подаваемые к нему пирожные и содержали слишком много калорий, а солнечный свет и бесконечный поток пешеходов создавали приятный контраст сдержанной и напряженной атмосфере офиса. Ради этого разговора Паула вошла в бистро в ста метрах от своей работы и заняла отдельную кабинку: сим заведением она пользовалась уже пятьдесят лет, так что официантка без слов проводила ее к столику в задней части зала. Паула заказала горячий шоколад и пирожное с вишней и миндальными орешками.

Эл-дворецкий известил о входящем вызове. Она положила портативный модуль на стол и дождалась, пока включился экран. Этот разговор, безусловно, можно было провести и в кабинете, но Пауле казалось, что удобнее сделать это в свободное время. На тонкой пластинке появилось лицо Томпсона Бурнелли, и по бело-золотому фону она поняла, что собеседник находился в своем кабинете в зале сената.

— Паула, — он непринужденно улыбнулся, — ты без формы?

Любой другой за эту насмешку получил бы убийственный взгляд, но Бурнелли лишь заметил, как у Паулы слегка приподнялась бровь.

— Мундир в чистке, — ответила она.

Образование Флота Содружества застало Паулу врасплох: она не ожидала, что только что созданное Агентство планетарной безопасности вновь подвергнется переменам. Но так или иначе, она теперь числилась в разведке и получила чин капитана. На следующий день после объявления новостей, Тарло в парижском офисе отдал ей честь. Больше никто этого не пытался повторить, и форму в парижской конторе тоже никто не носил, хотя официально они были обязаны это делать. Ходили слухи, что несколько человек, надев новые мундиры, отправились в клуб, чтобы проверить старинную поговорку о любви девушек к морякам.

Форма, впрочем, стала лишь наименьшей из неприятностей. Мел Риз начал с того, что объявил о переводе всего отдела на Керенск, где располагалась администрация вице-

адмирала Колумбия. Это привело к столкновению с Паулой, и к политическим союзникам со скоростью ракет праймов полетели просьбы о помощи. Мел Риз отчаянно стремился перебраться поближе к штаб-квартире, где шансы на повышение были самыми высокими. Паула в случае любых перемещений ее группы грозила уйти в отставку.

Рафаэль Колумбия разрешил проблему с присущей ему политической ловкостью: Паула по стратегическим соображениям осталась в Париже возглавлять дело Йоханссона, а Мела Риза повысили в звании и перевели на Керенск командовать новым отделом, который занимался развертыванием сети детекторов по обнаружению червоточин. Паула с радостью убедилась, что ее связи оказались крепче, чем семейные узы.

— Извини, что так долго не отвечал, — сказал Томпсон. — Такой интенсивной работы в сенате я не припомню... Нет, не могу вспомнить другой такой напряженной сессии. Второй полет Кайма всех взбудоражил. Я никогда не думал, что нам придется формировать флот, и был сильно занят на подготовительной стадии проекта.

— А тебе известно, что бывшее Управление расследований особо тяжких преступлений теперь стало отделом разведки флота?

— Нет, Паула, таких амбиций от Рафаэля я не ожидал. Я слышал о твоей борьбе с Ризом и рад, что нашелся компромисс и ты осталась на своем месте. Проклятье, мы с трудом отстояли службу безопасности сената! Можешь себе представить, Колумбия и ее хотел прибрать к рукам!

— Томпсон, так не может продолжаться. Для поимки преступников нам нужен межзвездный отдел, а кроме Йоханссона разведку ничто не интересует. Мои бывшие коллеги до сих пор расследуют старые дела. Только для этого теперь надевают форму.

Томпсон печально усмехнулся.

— Ты ошибаешься. Уже образовалась небольшая группа оппозиции Флоту. Пока это недовольные горячие головы, но за ними тоже придется присматривать. Если, конечно, их не привлечет Исход.

— С этим справится и местная полиция.

— Ладно, не собираюсь с тобой спорить, Паула. Но я позвонил, потому что появились новости.

— Извини. Рассказывай.

— Во-первых, никакого секретного подразделения в службе президента не существует. Я консультировался с отцом и могу поручиться, что это так. Кто бы ни нанес этот удар в Венецианском Побережье, к президенту и сенату они не имеют отношения.

— Спасибо. А как насчет досмотра грузов на Дальней?

— Ох! — Томпсон смущенно поежился. — Здесь начинается самое интересное. Я лично разговаривал об этом с Патрицией Кантил и сказал ей, что необходимо проверять все, что отправляется на Дальнюю, — она согласилась, и обещала доложить об этом Дой. С тех пор я только получаю отписки о том, что вопрос активно обсуждается. Меня это интересовало еще до того, как ты высказала свои подозрения. По-моему, нет ничего проще — поручить кому-нибудь из помощников разобраться, вот и все. То, что мне не удастся проверить это дело, наводит на размышления.

Паула почувствовала, как в ее груди, несмотря на горячий шоколад, зарождается холодная дрожь. Она не один десяток лет направляла запросы по этому поводу, но каждый раз не могла добиться желаемого результата. Все запросы были неизменно блокированы администрацией президента.

— Кто же тебе противостоит? Ведь не сама же Дой?

— Нет. В политике работает закон Ньютона: каждое действие... Кто-то лоббирует президентский совет, чтобы грузы не проверялись.

— Кто?

— Я не знаю. Здесь начинается область слухов и намеков. На таком уровне противники предпочитают не раскрываться, таковы правила, Паула. Но я выясню это. Ты заставила меня забеспокоиться, а это не каждому удается.

* * *

Теплый солнечный свет проникал сквозь круглое окно над головой Марка Вернона и равномерно заливал полусферический кабинет. Освещение оказалось немного ярче, чем они рассчитывали, когда вместе с Лиз планировали новый дом. Нет, он не возражал против хорошей освещенности, но в голове всегда присутствовал более затемненный кабинет, чуть тесноватый из-за его личных вещей, — комната, где мужчина время от времени мог бы с радостью отдохнуть от своей семьи. Но в этих воздушных стенах из жемчужно-белого сухого коралла как-то не допускалось даже мысли о малейшем беспорядке — поэтому стол содержался в безукоризненной чистоте, и все вещи были аккуратно разложены в больших шкафах из дерева алва. Если же учесть, что Барри и Сэнди разрешалось бегать по всем остальным помещениям дома, в кабинете, можно сказать, царил самый идеальный порядок.

Он остановился у двери из матового стекла и растерянно огляделся: куртки, которая должна была быть здесь, не оказалось на месте.

— Папа! Пошли! — закричал Барри из холла за его спиной.

— Ее здесь нет, — воскликнул он в надежде на помощь Лиз.

— Вот твоя куртка, — ответила ему из холла Лиз.

Он снова в недоумении осмотрел кабинет, а потом к нему подбежала Панда, молодой белый лабрадор: в зубах она держала любимую шерстяную куртку Марка и радостно болтала хвостом из стороны в сторону.

— Хорошая девочка, — сказал он, сделав шаг навстречу собаке. — Брось. Брось ее, девочка.

Панда в предвкушении игры еще энергичнее замахала хвостом и начала разворачиваться.

— Нет! — крикнул он. — Стой!

Панда, не выпуская из зубов куртки, выбежала в холл. Марк бросился следом.

— Назад! Стой! Брось! — Он изо всех сил старался вспомнить команды, которые они заучивали на занятиях по послушанию. — Ко мне!

У входной двери Лиз уже надевала на Сэнди непромокаемую куртку. Они обе обернулись на его крик.

— Стой! Прекрати. Иди сюда!

Марк выбежал уже на середину холла, когда из кухни показался Барри.

— Ко мне, девочка, — сказал он и похлопал рукой по колену. Панда мгновенно свернула к нему и бросила куртку у ног мальчика. — Хорошая девочка!

Барри погладил собаку и позволил ей лизнуть себя в лицо.

Марк, стараясь не терять достоинства, нагнулся за курткой: на ее плече от собачьей

пасти осталось большое мокрое пятно. Панду они взяли почти год назад, когда окончательно переехали в новый дом из сухого коралла. Семейная собака. Но слушалась она только Барри.

— Это потому, что она еще щенок, — твердил Марк последние три месяца. — Вот вырастет, и все изменится.

Лиз никогда не спорила с ним на этот счет.

Марк, хоть и не держал прежде собак, всегда хотел купить щенка и предвкушал долгие прогулки по долине Улон в сопровождении любимца семьи. Хороший пес, преданный и послушный, станет отличным другом для детей. Кроме того, собаки здесь были почти в каждом доме, они давно стали частью образа идеальной семьи для Рэндтауна.

Хозяин зоомагазина на Мейн-Молл заверил Вернонов, что белые лабрадоры сохранили все свое природное дружелюбие, а вдобавок вследствие незначительного изменения ДНК стали намного умнее и получили снежно-белую шерсть. Марку это понравилось. А потом Сэнди заметила пушистого белого щенка с черными кругами вокруг глаз, и выбор был сделан прежде, чем Лиз и Барри успели сказать хоть слово.

Марк перебрал куртку через руку.

— Все готовы?

— Мы возьмем с собой Панду? — спросил Барри.

— Да.

— Но ты за нее отвечаешь, — строго добавила Лиз. — Не спускай ее с поводка.

Барри ухмыльнулся и повел собаку к выходу. Лиз, убедившись, что одежда Сэнди в порядке, подтолкнула ее вслед за братом.

— Знаешь, Барри получил курсовое задание, — сказала Лиз, — а в питомнике не хватает работников, так что я не смогу ему помочь.

— Если ты считаешь, что ему надо работать, незачем было брать его с собой, — ответил Марк. — Но я должен это сделать.

Она вздохнула и с некоторым сожалением окинула взглядом холл.

— Да, я понимаю.

— Лиз, мы защищаем свой образ жизни. Мы должны доказать, что Флот не имеет права плевать на интересы людей.

Лиз лукаво улыбнулась и погладила его пальчиком по щеке.

— Я и не догадывалась, что вышла замуж за человека с такими твердыми принципами.

— Извини.

— Не извиняйся. Я думаю, это прекрасно.

— А стоит ли нам брать с собой детей? — вдруг засомневался он. — То есть я хотел сказать — это наш выбор, но мы принуждаем и их принимать участие. Я все время думаю о детях, которые стали вегетарианцами или верующими только потому, что такими были их родители. Мне всегда это не нравилось.

— Тут другое дело, дорогой. Участие в блокаде протеста — для них не пожизненный выбор. Кроме того, им наверняка понравится, ты и сам это знаешь.

— Да-а. — Он попытался сдержать усмешку, но не сумел. — Знаю.

На пяточке утрамбованного известняка, рядом с маленьким внедорожником «тойота», принадлежащим Лиз, стоял пикап «эйблс». Хотя старого дома уже давно не было, Марк никак не мог собраться и направить роботов на расчистку участка, где он раньше стоял.

Дети уже залезли на заднее сиденье и о чем-то спорили. Панда, стараясь забраться к ним, звонко лаяла.

— Пристегнитесь, — строго приказала Лиз с переднего сиденья.

Марк завел собаку в багажник и загнал ее в специальную будку, затем уселся за руль.

— Все готовы?

— Да! — хором ответили дети.

— Поехали.

Они выбрались из долины Улон и на шоссе свернули на север, в противоположную сторону от Рэндтауна. Через несколько миль долина начала сужаться, и четырехрядное шоссе стало подниматься вверх по широкому выступу, вырубленному в скале. В двадцати милях от города они проехали через первый тоннель. Встречного движения не было. На прямом участке дороги Марк смог увидеть какую-то машину впереди.

Лето только начиналось, и стекающие с гор ручьи еще не пересохли, хотя и стали заметно мельче. С обеих сторон от идущей на север дороги поднимались вершины хребта Даусинг. Их склоны зачастую вертикально поднимались на несколько сотен метров над дорогой, защищенной только тонкой каменной стенкой. На нижних склонах начиналось недолгое цветение гром-травы, приобретающей на этот период насыщенный медовый оттенок.

В тридцати милях от города они миновали один из огромных дорожных комбайнов, при помощи которого Саймон Рэнд когда-то пробивал дорогу через горы. Автомобиль стоял на небольшом холмике породы, сдвинутой с пути одним из ее братьев. Десятилетия суровых зим южного континента превратили металлические детали в округлые сгустки ржавчины, а пластиковые части сильно выгорели и потрескались. Массивные гусеницы сильно провисли, и днище прочно осело на землю. Мелкие части исчезли в рюкзаках охотников за сувенирами, а переднее стекло кабины, напоминающей глаз насекомого, было разбито.

Дети с восторгом уставились на грандиозный механизм, и Марку пришлось пообещать как-нибудь привезти их сюда для подробного осмотра.

Еще через пять миль, на широком уступе горы Зулейя, шоссе перегораживали стоявшие поперек его машины. Напо Лангсаль помахал им рукой, призывая остановиться. Напо принадлежал один из прогулочных катеров в Рэндтауне, и до сих пор Марк встречал его либо в городе, либо на катере. Он даже не знал, что у Напо имеется автомобиль.

— Привет, ребята, — сказал Напо. — Коллин уже возвращается в город, так что пристраивайтесь на место ее грузовичка.

— Без проблем, — ответил Марк. — Мы кое-что взяли с собой на обед, но к вечеру детей надо отвезти домой.

— Думаю, к семи сюда подойдут еще машины, так что ночная смена будет обеспечена.

— Ну и хорошо.

Марк подвинул пикап вперед и стал пробираться по узкому извилистому проходу между машинами, перегородившими дорогу. В основном это были пикапы и внедорожники — наиболее часто встречающиеся в Рэндтауне транспортные средства. Люди, прогуливающиеся вдоль дороги, приветствовали Вернонов поднятыми большими пальцами. Несколько секций разделительного барьера уже были сдвинуты, и он остановился на встречной полосе. Грузовик Коллин отчетливо выделялся в общей массе яркими розовыми и изумрудными светящимися логотипами: Коллин занималась установкой полуорганических систем, конденсировавших воду из воздуха. Марк несколько раз вступал с ней в спор по поводу ее оборудования, но сейчас они приветливо улыбнулись друг другу.

— Сегодня особенно силен дух Сообщества, — тихонько, чтобы не слышали дети,

произнесла Лиз и подмигнула Марку.

Коллин отъехала, и Марк занял ее место. Затем они вышли и направились к началу колонны, где почти вплотную стояли большие грузовики, бульдозеры, трактора, снегоборщики и двухэтажные автобусы. Поздороваться с ними вышел сам Саймон Рэнд. Его светло-оранжевая тога в стиле Ганди была сшита из полуорганической ткани и прилегала к коже при любых его движениях, отлично сохраняя тепло, несмотря на свежий горный ветерок. На вид ему было около шестидесяти лет, и этот почтенный возраст украсил его темное лицо длинными благородными морщинами. Благодаря врожденному обаянию и непреклонности, вселявшей уверенность в души многочисленных последователей, он прекрасно соответствовал своей роли духовного лидера.

Следом за ним подтянулись и сопровождающие — точь-в-точь свита помощников какого-нибудь крупного политика, хотя в данном случае эти люди больше напоминали церковных служителей: кое-кто сосредоточенно хмурился, а остальные были поглощены своими грезами. По большей части это были женщины, либо недавно прошедшие омоложение, либо живущие первой жизнью. Преданность Саймона его идеалам привлекала множество почитателей среди жителей города, и, как он сам нередко говорил, он был всего лишь человеком.

— Марк, как хорошо, что ты приехал, — приветливо произнес Саймон, сопровождая свои слова крепким рукопожатием.

«Настоящее рукопожатие политика перед выборами», — подумал Марк.

— Лиз, я рад тебя видеть. Очень любезно с вашей стороны. Понимаю, как трудно людям, зарабатывающим себе на жизнь, да еще вынужденным оплачивать кредит, выкроить время для акции протеста. Я очень рад, что сегодня вы с нами.

— Мы можем освободить несколько дней, — с лукавой улыбкой сказала Лиз.

Она была одной из немногих, на кого не действовало его личное обаяние, но уважала решимость Саймона.

— Будем надеяться, что этого окажется достаточно, — ответил Саймон. — Я уже слышал — неофициально, разумеется, — что они начали обсуждение альтернативных источников мощности взамен этого плутониевого ужаса.

— Хорошие новости, — кивнул Марк. — Куда вы нас определите?

— Между нами и ними большой участок ничейной земли, и многие семьи отправились туда. Дети могут поиграть там со своими сверстниками.

— Могу я взять Панду? — спросил Барри.

— Твоего пса? — Саймон подмигнул обоим детям. — Конечно, можешь, мы рады каждому участнику протеста. Я думаю, Панде будет весело. Только постарайся, чтобы он не перекусал полицейских офицеров. Они всего лишь выполняют свою работу.

— Она, — возмущенно поправила его Сэнди, поглаживая собаку. — Это собака-девочка.

— Я прошу прощения. Она прекрасная собака-девочка.

— Спасибо, вы ей тоже понравились.

— Ну, тогда мы пойдем вперед, — сказал Марк и застегнул куртку.

Он уже пожалел, что не взял с собой перчатки.

— Оставайтесь столько, сколько вам удобно, — сказал Саймон. — Важно уже то, что вы приехали. Не стоит измерять преданность делу проведенными на дороге часами.

— Как я понимаю, вы сами ночуете в одном из автобусов, — заметила Лиз.

— Да. Мы не хотим оставлять Флоту ни единого шанса прорвать блокаду, поэтому мои ближайшие сподвижники и я несем вахту всю ночь. Я не могу уехать отсюда, Лиз, это место стало моим домом и останется им навсегда. Здесь мои корни. Здесь моя душа познала покой. Ты должна понять, почему я не собираюсь отступить.

— Я понимаю.

Он глубоко вздохнул, и на лице возникло выражение безмятежности.

— Я уже и забыл вкус горного воздуха. Его резкость, и чистоту, и свежесть. Здесь, наверху, мы все можем переосмыслить свое отношение к жизни. Эта дорога означает для меня не только физический труд. С этой высоты можно выбрать любой путь.

— А я только хотела сказать, что к концу дня мы должны уехать, — сказала Лиз.

Саймон склонил голову и снисходительно улыбнулся, как всякий мистик, столкнувшийся с реальностью.

— Ты была груба с ним, — сказал Марк по пути к передовому участку блокады, когда Саймон и его приближенные последователи отправились куда-то по своим загадочным делам.

— Помпезным старикам время от времени полезно позлиться. — Она сложила перед собой ладони, как это делают буддисты, и закатила глаза. — Это сближает их с собственной исключительностью.

Он обнял ее за плечи и привлек к себе.

— Попробуй сказать это вечером, когда здесь соберется толпа.

Перед стоящими грузовиками оставалось около двухсот метров пустой дороги, по гладкому ферментированному бетону бродило несколько сотен жителей Рэндтауна. Взрослые разговаривали, собравшись небольшими группами, и притопывали ногами, стараясь прогнать холод, приносимый ветром с вечно заснеженных вершин. Дети разбились на группы и затеяли шумные игры. Над ними по воздуху проносились недавно вошедшие в моду зум-боты — маленькие жужжащие летательные аппараты в форме блюдца с двумя винтами, вращающимися в противоположные стороны. Управлялись они при помощи вектор-перчаток. Забавно было видеть, как стоявший неподвижно ребенок шевелил пальцами, словно играя на пианино, а крошечный аппарат немислимыми зигзагами и петлями метался над дорогой. Время от времени чья-то машинка устремлялась к цепочке скучающих полицейских на другой стороне, но резкий окрик родителей быстро возвращал ее обратно.

За спиной полицейских замерла длинная колонна двадцатishестиколесных грузовиков марки «Сааб-Витан». Во-первых, в нарушение правил, установленных для этой магистрали, предназначенной только для электрических двигателей, все они работали на дизельном топливе. Но это были мелочи по сравнению с тем грузом, что они везли. В их контейнерах лежало оборудование для постройки детекторной установки по обнаружению червоточин, которую служба безопасности флота планировала поставить в горах Даусинг, как раз над Рэндтауном. Среди прочего оборудования были и три термоядерных микрореактора, предназначенных для обеспечения необходимой мощности.

В северном конце дороги при появлении конвоя разгорелся яростный спор, но офицер Флота вызвал местную полицию, и оператор пропускного пункта был вынужден пропустить машины. Об этом сразу же известили Саймона Рэнда, и он со своими последователями решил остановить колонну, заблокировав южный конец шоссе всей крупной техникой, какую только можно было найти в городе. На горе Зулейя машинам пришлось остановиться.

Противостояние длилось уже двое суток.

Марк и Лиз быстро отыскивали Конантов, а также Дэвида и Лидию Данбаванд владельцев виноградного питомника, где работала Лиз. Они тоже приехали только на день, взяв с собой детей.

— Интересно, в Рэндтауне кто-то еще остался? — поинтересовалась Лиз.

Пару часов они провели в разговорах, в основном обсуждая, как это происшествие отразится на туристической индустрии. Автобусы, доставлявшие туристов в отели, уже не соглашались ждать позади грузовиков и поворачивали обратно, а туроператоры поговаривали о судебных исках. Время от времени по кругу пускали фляжки с горячими напитками. Кто-то уходил к машинам за теплой одеждой, детей водили в туалет одного из автобусов. Вся акция протеста скорее напоминала гигантский пикник, чем политическое выступление.

Через два часа и Марк отправился к машине, чтобы принести коробку с ланчем. Где-то между машинами мелькнула оранжевая одежда Саймона Рэнда, куда-то спешившего по своим делам в сопровождении помощников. Марк уже подходил к последним рядам машин и вытягивал шею, стараясь отыскать свой пикап, когда увидел ее.

Он сразу решил, что она не была туристкой — в ее облике было что-то такое, что не соответствовало образу приезжих, группами бродивших по городу. Эту ауру независимости и самоуверенности он давно научился распознавать. Скорее всего, это была девушка, живущая свою первую жизнь, приехавшая в Рэндтаун, чтобы присоединиться к местной тусовке и в свободное время немного подзаработать. Раньше, однако, он не видел ее ни в кафе, ни в магазинах.

Она была великолепна. И это заставило его нервничать, поскольку именно таких женщин он представлял себе, когда думал о том, какой будет его жена после Лиз. Они оба прекрасно знали, что брак, каким бы удачным он ни казался, не может длиться вечно. Он был реалистом, и Лиз тоже. А в таком случае почему бы не подумать о подобных вещах?

Девушка перехватила его пристальный взгляд и самоуверенно улыбнулась.

— Привет, — протянула она.

Голос у нее оказался чуточку хриловатым и невероятно сексуальным, что соответствовало ее продолговатому юному лицу и немного приплюснутому носику. Ее кожа сияла здоровым загаром, а длинные волнистые волосы свободно рассыпались по плечам.

— Привет, — ответил он. Но его голос прозвучал несколько натянуто, поскольку мышцы тотчас напряглись, чтобы подобрать животик, которого не было еще несколько лет назад. — Вы кого-то ищете?

— Не совсем. Я просто осматриваюсь.

— А, гм, да, главные события там, впереди. Хотя событий здесь не так уж много. Разве что интересная игра между двумя детскими командами.

— Ну и хорошо.

Она подошла ближе, не переставая улыбаться. Любой другой в такой одежде здесь наверху давно бы посинел от холода, но ей, казалось, вполне хватает белой футболки с короткими рукавами и замшевой юбочки до колен. На юбке у самого края поблескивала серебром буква М. Благодаря такому наряду Марк заметил, что у нее были широкие плечи и плоский спортивный живот. На ногах девушки были надеты ковбойские ботинки на плоской подошве, но даже без каблуков ее глаза оказались на одном уровне с глазами Марка.

— Я Мел, — сказала она, протягивая руку.

— Марк.

Он постарался не придавать значения физическому контакту. Она оказалась более уверенной и искушенной, чем любая девчонка в Рэндтауне.

— Итак, ты пришел сюда только из-за футбола? — спросила она.

Он невольно вспыхнул, услышав насмешливый голос. Она по-прежнему смотрела ему прямо в лицо, и он даже не выпустил ее руки из своих пальцев.

— О господи, нет. Я пришел поддержать Саймона Рэнда и остальных жителей города.

— Понимаю. — Она мягко высвободила свою руку. — А блокаду поддерживает большинство горожан?

— Да, все поддерживают. Это строительство — грубое нарушение наших прав. Мы должны их остановить.

— Вы препятствуете строительству детекторной установки?

— Верно. И будем продолжать. Мы сможем отстаивать свои идеалы, если будем действовать сообща.

Ее красивое лицо слегка нахмурилось.

— Я здесь совсем недавно, но уже поняла, как сильно простая жизнь привлекает людей. А о каких именно идеалах вы говорите?

— Именно об этих: жить простой, чистой и естественной жизнью.

— Но ведь Флот этому не помешает, не так ли? Станция спроектирована за много миль от города, высоко в горах, где она ни на что не повлияет. А Содружеству необходимо знать, если праймы откроют поблизости от нас червоточину.

— Дело в принципе. В станции задумана термоядерная энергетическая установка, а это противоречит всему, во что мы верим. Нас никто не спросил, они просто вломились на шоссе и привезли свою станцию без нашего разрешения.

— А разрешение им необходимо?

— Конечно. Весь горный хребет Даусинг находится на участке, оговоренном уставом компании, и ядерные установки строго запрещены.

— Я все понимаю, но Флоту действительно необходима эта установка в Южном полушарии, чтобы замкнуть сеть. Вы признаете, что своим протестом ставите себя на античеловеческую позицию?

— Античеловеческая позиция? Расслабься и получай удовольствие! — произнес он с напускной развязностью, получив в ответ ободряющую улыбку. — Нет, конечно, все не так. Решение о размещении станции было принято чиновниками наобум, они просто ткнули булавкой в карту. Им наплевать на желания и чувства живущих здесь людей; скорее всего, они даже не потрудились узнать о наших правилах. Своей блокадой мы пытаемся заставить их принять во внимание наши требования. Сейчас они, должно быть, обсуждают альтернативные источники энергии.

— Я не знала об этом.

— Ну, пока еще не официально, но это так.

— А не увеличит ли это стоимость установки?

— Бюджет Флота так велик, что никто этого и не заметит. Так или иначе, они должны защищать наш образ жизни. И за это стоит немного доплатить, не так ли?

— Думаю, так.

— А вы, э, давно в нашем городе? Я не видел вас раньше.

— Я только что приехала.

— Ну, если хотите задержаться и немного заработать, я знаю места, где могут быть вакансии.

— Это очень любезно, Марк, но у меня хватает средств.

— Ладно, это хорошо. — Он вдруг вспомнил, что должен принести еду своей семье. — Тогда увидимся.

Она слегка надула губки.

— Буду ждать.

В тот вечер им удалось уложить детей спать вместе с детьми Бакстеров в Хаймарше и провести вечер вдвоем. Они начали с бара «Феникс» на Литтон-стрит, что шла параллельно Мейн-Молл. Здание, как и все дома Рэндтауна, было недавно построено из композитных панелей и имело солнечные батареи в качестве крыши. Но внутри владельцы бара облицевали стены камнем, а потом добавили и толстые закопченные балки, поддерживающие деревянный потолок. Прямоугольное помещение получилось темноватым и уютным. Сам бар занимал большую часть одной из стен и предлагал несколько сортов пива, а также разнообразные вина из долин в окрестностях города, включая вино с участка Вернонов. В дальнем конце зала горел камин, настолько широкий, что потребовалось установить два дымохода, а на кованой решетке помещались целые бревна, отлично согревавшие посетителей в зимнее время. Сейчас, летом, вместо дров в камине стояли длинные керамические лотки с живыми цветами. Перед камином уже расположились первые клиенты, среди которых Марк и Лиз заметили Юрия и Ольгу Конант. В такое время здесь обычно было более многолюдно, но из-за блокады наплыв клиентов значительно уменьшился.

— И это не только здесь, — сказал Юрий, наливая бокал темного вина из винодельни Чаппльза в долине Хаймарш. — Убытки несут почти все городские кафе, даже в «Баб-Кебаб» упала выручка.

— После начала блокады они просто разворачивают все туристические группы, — добавила Лиз. — Предыдущий заезд уже закончился, а следующую партию не привезли. Отели на три четверти опустели.

— При этом те, кто остался в городе, чувствуют себя в ловушке и поднимают шум, — сказала Ольга. — И я их не виню.

— Ловушки бывают и похуже, — заметил Юрий.

— Саймону надо бы подумать, как помочь им выбраться, минуя блокаду. Его принципы причиняют людям неудобства.

— Между неудобствами и вредом есть большая разница, — сказал Марк.

— В данном случае не такая уж и большая. Многие туристы приехали сюда под конец отпуска, и им пора возвращаться домой, к своей работе. Как ты отнесешься к тому, кто помещает тебе зарабатывать на жизнь?

— Все это закончится самое большее через несколько дней.

— Да, но акция недостаточно продумана.

— У нас был не такой большой выбор. Интересно, почему Флот не предупредил нас о своем намерении построить здесь станцию?

— Это срочный проект, — сказала Ольга. — Никто ничего не знал, пока оборудование не прибыло на Элан.

— Ладно, а почему промолчал спикер парламента в Райсиле?

— Потому что он прекрасно знал, что ответит Рэнд.

— Вот именно. Они хотели тайно свалить на нас эту штуку, пока никто не понял, что происходит. Хотели поставить нас перед свершившимся фактом.

Эл-дворецкий известил Марка о вызове Карис Пантер. Он удивленно моргнул и дал команду на соединение.

— Вы смотрите передачу Алессандры Барон? — спросила Карис.

— Я тоже рад тебя слышать, — ответил он. — Мы не виделись месяцев шесть.

— Не вредничай, подключись скорее. Я тебе перезвоню, когда программа закончится.

Карис отключила связь.

— Что такое? — спросила Лиз.

— Не знаю. — Марк обернулся. — Чина, — окликнул он бармена, — не мог бы ты переключить на шоу Алессандры Барон?

Обычно он избегал ее высокомерных выступлений: Алессандра всегда и все критиковала, но не высказывала никаких конструктивных предложений. Марк считал это проявлением снобизма пополам с сатирой.

Пожилый бармен повиновался и вывел шоу на большой экран.

— О, черт! — прошептал Марк, увидев собственное лицо, увеличенное до трех футов.

«...жить простой, чистой и естественной жизнью», — услышал он собственный голос.

— Она оказалась журналисткой, — сказал он жене. — Я и не знал, она мне не говорила.

— Когда это произошло? — спросила Лиз.

— Сегодня. Она подошла, когда я отправился за ленчем. Я думал, она из нашего города.

Изображение переключилось на студию. В центре широкого дивана сидела Алессандра Барон, и ее классически красивое лицо выражало удовлетворение родителя, взирающего на свое не по годам развитое дитя. Меллани Рескорай примостилась рядом и казалась еще более искушенной, чем на горе Зулейя. Поверх простого алого платья на ней был черный жилет с маленькой серебряной буквой М на отвороте, а волосы рассыпались в изысканном беспорядке.

Лиз искоса взглянула на Марка, и ее бровь приподнялась на пару миллиметров.

— Оказалась журналисткой?

— Да-да, — кивнул Марк и жестом попросил ее замолчать.

Юрий и Ольга многозначительно переглянулись.

— А что же он сказал потом? — спросила Алессандра.

— К тому моменту мне показалось, что он хочет пригласить меня в мотель на остаток дня, — со смехом ответила Меллани. — Но я заставила его придержать свои горячие ручки, сказав, что Флот не намерен нарушать его простецкую жизнь. Догадываетесь, что он ответил?

— Он выразил благодарность? — насмешливо подсказала Алессандра.

— О да. Взгляните сами.

Изображение снова показало Марка, стоящего на шоссе.

Сейчас, сидя на диванчике перед камином с бокалом вина и зная, на что смотреть, Марк легко понял, что его улыбка, обращенная к девушке, была несколько нарочитой. Даже озабоченной. Рассчитанной, чтобы произвести впечатление на собеседницу.

«„Дело в принципе, — говорило изображение. — Нас никто не спросил, они просто вломились на шоссе и привезли свою станцию без нашего разрешения“. — „А разрешение им необходимо?“ — „Конечно“».

Снова включилась студия.

— Невероятно! — воскликнула Алессандра, с печальным недоумением качая головой. — Неужели жители этого Рэндтауна такие отсталые?

— Мои слова отредактировали! — запротестовал Марк, обращаясь ко всем в баре. — Я... Я имел в виду совсем не это. Я говорил о ядерных реакторах. Почему они это пропустили? Она это подстроила... Господи, я же выгляжу полным идиотом.

Он почувствовал, как Лиз крепко сжала его руку, и бросил на нее отчаянный взгляд.

— Все в порядке, — прошептала она.

«Настолько отсталые, насколько это возможно в замкнутом кругу при браках со своими кузинами», — поведала Меллани Алессандре.

Весь «Феникс» погрузился в тишину.

«По его мнению, власти Содружества не имеют права установить детекторную станцию на необитаемой горной вершине, — сказала Меллани. — Но подождите, это еще не все».

— Господи! — простонал Марк.

Ему очень хотелось, чтобы трансляция закончилась. Прямо сейчас. Чтобы все закончилось.

Меллани весьма рассудительным тоном задала вопрос: «Вы сознаете, что своим протестом ставите себя на античеловеческую позицию?»

Гигантское изображение Марка продемонстрировало идиотскую ухмылку.

«Античеловеческая позиция? Расслабься и получай удовольствие!»

В студии Меллани пожала плечами, словно показывая: «Что я вам говорила?»

— Сука! — заорал Марк. Он вскочил на ноги, уронив бокал на каменные плиты пола. — Чертова шлюха! Все было совсем не так!

Все посетители бара прекратили разговоры и повернулись в его сторону. Шоу Алессандры Барон исчезло с экрана, сменившись приглашением на турнир по гольфу в Нью-Оксфорде.

— Хватит с нас сладкоречивых потаскух, — проворчал Чина, сверкая алой ОСтатуировкой на голом черепе. — А ты, Марк, сядь на свое место. Мы все поняли, что это чистая подстава. Я принесу тебе еще вина за счет заведения.

Лиз обхватила его запястье и заставила сесть.

— Это наверняка незаконно, — пробормотал он. — Правда?

Злость утихла, оставив только мрачное изумление.

— Зависит от того, что тебе удастся доказать, — с полной серьезностью ответил Юрий. — Если воспроизвести в суде твою память об этом эпизоде и доказать, что редактирование было недобросовестным...

Резкий взгляд Ольги заставил его замолчать.

— Не обращай внимания, — успокаивающим тоном заговорила Лиз. — Тебя все здесь знают, и все поймут, что интервью подделано. Это реакция Флота на нашу блокаду. Они пытаются оказать давление на Саймона, чтобы протащить конвой. Закон Ньютона в политике.

Марк опустил голову на руки. Эл-дворецкий доложил о новом вызове Карис Пантер и о сообщении от Саймона Рэнда. Со всей унисферы со скоростью нескольких тысяч в секунду стали поступать сообщения, направленные на его открытый адрес. Казалось, что все, кто видел шоу Алессандры и Меллани, хотят высказать ему свое мнение. И наверняка не самое благоприятное.

Жара, а вместе с ней и влажность возрастали с каждым шагом. Оззи это сильно удивляло. Он уже достаточно давно бродил по тропам сильфенов, чтобы узнать, где они переводят его через границу миров. Изменения происходили медленно и незаметно. Но не в этот раз.

После планеты призраков они вступили уже в другой мир и попали в лиственный лес. Лето было в самом разгаре, и землю под деревьями устилал мягкий ковер дикорастущих цветов. Еще появился и стал усиливаться характерный запах, знакомый Оззи, хотя он уже давно не видел морей. Море. Тропы сильфенов никогда не подходили близко к побережью.

Свет становился ярче: солнечные лучи приобрели оттенок индиго, и Оззи потянулся к верхнему карману за темными очками.

— Мы уже попали куда-то еще, верно? — нетерпеливо спросил Орион.

Он с восторгом оглядывался по сторонам и любовался листьями пальм, венчавшими высокие стволы. Даже подлесок стал гуще, а трава вытянулась и потемнела. По стволам взбирались вьющиеся лианы, увешанные белыми и лимонно-желтыми цветами.

— Похоже, что так, — уверенно ответил он.

Он оглянулся посмотреть на Ориона и вдруг заметил, что тропа позади них круто сворачивает. Однако они уже несколько часов шагали по более или менее прямой дорожке. Орион ничего не заметил: он держал перед собой дружеский амулет и внимательно вглядывался в него. После встречи с призраками он попросил Оззи его вернуть. Полученные знания заставили его снова изменить мнение о сильфенах — он уже не преклонялся перед ними, как прежде, но понял, что сильфены могут быть настоящими союзниками. Оззи счел это признаком взросления.

— Есть кто-нибудь из них поблизости? — спросил Оззи.

— Не понимаю, — с тревогой ответил Орион. — Я никогда не видел амулет в таком состоянии. — Он поднял руку, чтобы показать подвеску: в центре маленького камешка, качавшегося на цепочке, ярко блестела изумрудная искорка. — Как думаешь, может, здесь есть кто-то еще?

— Понятия не имею, что это означает, — искренне признался Оззи.

Заросли пальм поредели, и трава поднималась уже до коленей. Точи, чтобы протолкнуть свое широкое тело вперед, пришлось выставить перед собой два манипулятора и разводить ими цепкие стебли. Оззи нерешительно замедлил шаг. Тропы уже не было видно, только сзади оставалась примятая путниками трава. Листья над головой стали совсем редкими, и солнце заметно пригревало кожу. Земля под ногами полого уходила вниз. Впереди было видно еще много невысоких подъемов и спусков, но вдали отчетливо проглядывалась синева моря.

«Куда теперь?» — спросил Точи при помощи символов в своем глазу.

Оззи повернулся к своему спутнику-чужаку и пожал плечами. Этот жест Точи уже очень хорошо усвоил.

— Мы там не проходили, — внезапно сказал Орион.

Он показал назад, откуда они только что пришли — там возвышалась гора с пологими склонами и вершиной, покрытой джунглями пальм и папоротников и немногочисленными стройными серыми деревьями, которые могли бы получиться в случае скрещивания сосен и

эвкалиптов. И все это находилось на расстоянии меньше мили.

Оззи еще не решил, что на это ответить, как вдруг из глубины его рюкзака донесся электронный сигнал. Звук, настолько привычный в жизни в Содружестве, здесь поверг его в шок. Он изумленно переглянулся с Орионом.

— Открыть канал связи с наручным модулем, — приказал Оззи своему эл-дворецкому.

В виртуальном поле зрения появились иконки, которых там не было со дня отъезда из Лиддингтона. Значит, все его вставки полностью восстановили свои функции. Оззи поспешно сбросил рюкзак, как будто он обжигал ему спину. Он вытряхнул все его содержимое прямо на землю, не обращая внимания на беспорядок. На торце полированного браслета горел красный огонек. Оззи надел модуль на руку, и малметалл плотно обхватил запястье. ОС-татуировки на руке прижались к точечным контактам устройства. Затем он раскопал в одежде и свертках портативный модуль, поднял его и включил. В виртуальном поле зрения вспыхнули остальные символы.

— Черт побери! — пробормотал Оззи.

Эл-дворецкий приступил к резервному копированию файлов вставок в обоих устройствах. Оззи ждал, одновременно перегруппировывая символы виртуальной рукой. Экран портативного модуля развернулся приблизительно на полметра, во всю свою ширину.

— Ну, давай, — простонал Оззи, нажимая полупрозрачным пальцем символ лингвистического файла, составленного за последние несколько месяцев.

На экране возник вытянутый цветочный орнамент символов, используемых Точи. Они были окрашены в самый темный фиолетовый цвет, доступный для этого устройства.

Точи тоже замер. Его передний глаз высветил приветствие.

— Наши электронные системы снова работают, — вслух произнес Оззи.

Портативное устройство перевело его слова, и на экране появились новые символы.

— Я понимаю, — прозвучал ответ Точи.

— Это картинки, которыми говорит Точи? — спросил Орион, замороженно глядя на экран.

Модуль перевел его вопрос, и Точи ответил.

— Правильно, маленький человечек, — раздался голос из модуля. — Они немного не в том спектре, но я могу их читать.

Орион восторженно взвыл и подпрыгнул, выбросив вверх кулак.

— Точи! Я с тобой разговариваю!

С сияющей улыбкой он повернулся к Оззи, и они хлопнули открытыми ладонями.

— Я рад возможности общаться, — перевел модуль символы Точи. — Я очень долго ждал этого момента. И в первой своей речи хочу поблагодарить большого человека и маленького человека за их дружбу. Без вас я бы навсегда остался в холодном доме. Это очень плохо.

Оззи слегка поклонился.

— Пожалуйста, Точи. Но помощь была взаимной. Без тебя нам было бы труднее покинуть Ледяную Крепость.

Орион подскочил к Точи и крепко сжал протянутый манипулятор.

— Как здорово, Точи! Я так много хотел тебе сказать и о многом спросить.

— Ты добр, маленький человек. Большие люди — два, три, пять, пятнадцать, двадцать три и тридцать — тоже вникали в мое положение, как и другие существа в холодном доме. Я надеюсь, у них все хорошо.

— Кто это, Оззи?

— Не знаю, старик. Полагаю, что большой человек два — это Сара. И среди них должен быть Джордж.

При помощи виртуальной руки Оззи включил программу перевода в портативном модуле.

— Точи, нам надо улучшить способ общения. Я бы хотел, чтобы ты поговорил с моим устройством.

— Согласен. У меня тоже имеются электронные устройства, и я хочу их включить.

— Отлично, давай приступим.

Массивный чужак вытянул свой живой манипулятор назад и вытащил одну из тяжелых сумок, привязанных к спине. Оззи тем временем извлек из груди своего имущества несколько сенсорных инструментов и стал их включать.

— Господи, а я чуть не оставил все это в Ледяной Крепости, — пробормотал он.

— Что это? — спросил мальчик.

— Стандартный набор для первого контакта. Анализатор минералов, резонансный сканер, электромагнитный спектральный монитор, микрорадар, магнитометр. Эти приборы расскажут нам об окружающем мире.

— А чем это нам поможет?

— Еще не знаю, старик. Зависит от того, что мы найдем. Но это место отличается от всех, где мы побывали. Сильфены не зря прекратили свои шутки с электричеством.

— Ты думаешь... — Орион помолчал, с любопытством оглядываясь по сторонам. — Это конец дороги, Оззи?

Оззи едва не прикрикнул на него, чтобы парень не болтал глупостей, но его остановила собственная неуверенность.

— Не знаю, но я ожидал бы чего-то более изысканного. — Он обвел жестом холмистый пейзаж. — Это больше похоже на тупик.

— Вот и я так подумал, — уныло ответил Орион.

В виртуальном поле зрения начали появляться таблицы с результатами анализа данных, но Оззи, не обращая на них внимания, обнял мальчика.

— Тупика быть не может, старик.

— Хорошо.

Оззи сосредоточился на информации. При этом он заметил, что Точи тоже включил несколько электронных устройств. Поверхностное сканирование показало, что это были датчики и анализаторы, не слишком сильно отличавшиеся от его собственных приборов. Странно, но эта планета, по-видимому, не имела магнитного поля, а уровень нейтрино тем не менее был чуть выше среднего. Картина местных квантовых полей значительно отличалась от стандартной, но искажений, указывающих на открытие червоточины, не наблюдалось. Оззи решил, что это был остаточный эффект после торможения электронов.

— Странно, но не слишком, — тихо пробормотал он.

— Оззи, а что это в небе?

Модульное устройство Оззи перевело его вопрос и Точи тоже. Чужак оторвался от своих приборов и проследил взглядом за рукой мальчика. Оззи тоже поднял голову и прищурился. Поперек солнца, словно легкое облако на очень большой высоте, проходила изогнутая серебристая полоса. Зрительные вставки усилили фильтры до предела, и тогда Оззи изменил свое мнение. Независимо от степени увеличения мерцающая серебристая кривая не

изменялась — у планеты имелось кольцо. Он проследил его взглядом и при помощи обоих устройств загрузил изображение. Видимое мерцание в облаке на самом деле оказалось тысячами крошечных пылинок. В голове мелькнула мысль о различии их состава с остальной частью кольца. Затем он перевел взгляд на то место, где облако должно было пересекать солнце. Но его там не было. И масштаб снова сильно изменился.

— Черт меня побери! — буркнул Оззи.

Из того, что он увидел, получалось, что газовое кольцо охватывало и солнце тоже — это означало, что планета, на которой они оказались, вращалась внутри кольца.

— Я знаю, что это за место, — в изумлении воскликнул он.

— Что? — выпалил Орион. — Откуда?

Оззи нервно рассмеялся.

— Мне рассказывал о нем один человек, бродивший по тропам сильфенов. Он говорил, что посещал артефакты, названные древесными рифами. Они парили в туманности из атмосферного газа. И знаешь, я всегда считал его истории сущей чушью. Надо бы перед ним извиниться.

— А кто это, Оззи? Кто побывал здесь?

— Один чудак, по имени Брэдли Йоханссон.

* * *

После пятиминутной поездки поезд остановился у двадцать девятой платформы третьего пассажирского терминала станции ККТ Сиэтла. Стиг Максобел, выйдя из вагона попросил эл-дворецкого узнать, с какой платформы отправлялся кольцевой поезд до Лос-Анджелеса, его следующего пункта в трансземной поездке. Оказалось, что все кольцевые поезда уходят со второй платформы, и Стиг прыгнул в маленький вагончик монорельсовой дороги, соединявшей терминалы. Состав плавно скользил по поднятому над землей пути над гигантской сортировочной станцией, раскинувшейся к востоку от Сиэтла. Внизу из грузового перехода выкатывались километровые товарные поезда, пришедшие с Байовара, одного из миров Большой Дюжины, напрямую соединенного с Сиэтлом. Экспрессы, следовавшие во все уголки Содружества, пролетали по магнитным рельсам, словно разгоняющиеся перед взлетом самолеты. С южной стороны был виден длинный ряд арочных проемов переходов, отбрасывающих на бетонное покрытие голубоватые блики. Кроме Байонара, станция ККТ Сиэтла служила транспортным узлом еще для двадцати семи миров первой зоны космоса, и через нее проходили колоссальные потоки грузов и пассажиров. Тысячи ежедневно следовавших через станцию составов поддерживали колоссальную коммерческую сеть и обеспечивали поддержку высокотехнологичной исследовательской и промышленной баз.

Стиг уселся в конце цилиндрического вагона монорельса, быстро отсканировал всех попутчиков и передал их изображения в базовую память. Модуль на запястье провел сравнительный анализ с тысячами других изображений, накопленных с тех пор, как Стиг начал самостоятельную работу в Содружестве. Семь пассажиров монорельса оказались прибывшими с Октиера, и это было вполне нормально. Если бы кто-то за ним и следил, после совместного путешествия на поезде он должен был пройти процедуру перепрофилирования.

Второй терминал представлял собой огромный купол из металла и бетона, наполовину ушедший под землю. Многочисленные платформы располагались радиусами на двух уровнях: нижний уровень предназначался для прибывающих составов, верхний — для отправляющихся. Стив заплатил наличными за билет в общем вагоне до самой Калькутты и шагнул на движущуюся дорожку, ведущую к платформе А-17, куда уже подходил состав кольцевого поезда. Он с равнодушным видом постоял у открытой двери второго вагона, наблюдая за запаздывающими пассажирами, бегущими по платформе. Из вагона монорельса на кольцевой поезд никто не пересел. Перед самым отправлением он зашел в поезд, достиг пятого вагона и только тогда опустился в кресло.

Хоше Финн, стоявший в другом конце платформы в очереди к таможенному пункту Беан, убедился, что его объект сел на местный поезд.

— Твои люди нашли его? — спросил он у стоявшей рядом Паулы.

— Да, спасибо. Команда Б взяла его в клещи. Он только что занял место в пятом вагоне. Хоше купил кофе для себя и чай для Паулы.

— Итак, ты подозреваешь кого-то из команды Б?

— Очень жаль, но у меня нет никаких определенных подозрений, — сказала она. — А потому я вынуждена каждого считать возможным источником утечки.

— Включая меня?

Она отпила чай и окинула его задумчивым взглядом.

— Если ты работаешь на секретную службу правительства или оперативный отдел какой-то корпорации, значит, твои хозяева обладают талантом и способами превзойти мои способности.

— Я буду считать это комплиментом.

— Спасибо, что помогаешь мне, Хоше.

— Не за что. Я только надеюсь, что ты добьешься своего.

— Я тоже.

Он смотрел вслед уходящему поезду и думал, что дело это очень странное, но, каким бы ни был результат, вряд ли он ему понравится. Либо это президент безнаказанно убивает своих сограждан, либо безумец Брэдли Йоханссон с самого начала был прав: неизвестно, что хуже.

Поезду потребовалось десять минут, чтобы добраться до «ЛА-Галактик», и большую часть этого времени состав медленно полз по станции Сиэтла, дожидаясь своей очереди к трансевропейскому переходу. Несколько веков назад, когда все только начиналось, даже ККТ не удалось завладеть достаточным участком земли для устройства межпланетной станции. Поэтому стройка отодвинулась на юг от Сан-Клементе, где в обмен на доступ Пентагона к червоточинам, что давало возможность перебрасывать войска в любую точку планеты (или за ее пределы), у правительства США была арендована часть Кемп-Пендлтон. Запросы военных постепенно сходили на нет, поскольку все больше и больше людей покидало Землю в поисках своей личной свободы среди звезд, пока в конце концов не образовалась Федерация Объединенных Наций. Потребность в армии постепенно отпадала, а ККТ продолжал расширяться. Со станции «ЛА-Галактик» было открыто и исследовано больше половины пригодных к жизни планет первой зоны космоса, и, когда исследовательские подразделения компании все же перевели в миры Большой Дюжины,

коммерческие подразделения быстро заняли их место. По своей величине и оснащённости станция «ЛА-Галактик» ничем не уступала транспортным узлам Большой Дюжины.

Стиг вышел из поезда на третьей платформе терминала Карральво. Гигантское модернистское сооружение из множества светлых бетонных сегментов под безжалостным калифорнийским солнцем стало совсем белым. Несмотря на свои внушительные размеры, здание гудело и вибрировало от постоянно прибывающих и уходящих поездов. Составы двигались по изящно изогнутым виадукам, порой проходящим друг под другом. В Карральво Стиг мог отыскать дорогу даже в полной темноте и не только в общедоступных помещениях — в его памяти имелся подробный план всех служебных проходов, кабинетов служащих и рабочих отсеков. Впрочем, он мог и не обращаться к схеме: все семь терминалов были ему превосходно знакомы.

Он проработал здесь много лет. Если бы Хранителям пришлось организовывать постоянную базу в Содружестве, она непременно разместилась бы на «ЛА-Галактик». Это было самое подходящее для них место. Через червоточины станции ежедневно проходили сотни тысяч тонн промышленных и потребительских грузов: только вес перевозимых продуктов питания превышал миллион тонн, но еще больший интерес представлял транзит сырья. Здесь вырос целый город, где располагались представительства и склады тысяч экспортно-импортных компаний, начиная с межзвездных гигантов до виртуальных подрядчиков, обладавших только зашифрованными адресами и безличными банковскими счетами. Все они составляли звенья колоссальной физической и электронной сети, охватывающей бесконечные лабиринты путей и погрузочно-разгрузочных площадок. Каждый из них обладал собственной финансовой сетью. Каждый был связан с управлением регулирования грузовых потоков. Каждый имел свое представительство — от целых небоскребов до нескольких арендованных кабинетов. Компании расширялись, сокращались, становились банкротами или выходили на межпланетный уровень, переезжали из одного квартала в другой, меняли персонал, сливались и яростно сражались между собой за выгодные контракты. Это был суперкапиталистический конгломерат, не признающий жалости и милосердия.

За несколько десятилетий Адам Элвин основал и ликвидировал десятки компаний. И не он один. Число организаций, возникавших и прекращавших свою деятельность в течение одного месяца, доходило до нескольких сотен. Его работа терялась в общем потоке, ничем не отличаясь от действий обычных аферистов, стремящихся отвоевать себе место на рынке. Он менял свою внешность и все данные и на новое имя регистрировал компанию, которая не проявляла активности долгие годы, но при необходимости могла действовать как всякая легальная организация, участвующая в бизнесе наравне с остальными.

Такой способ сослужил отличную службу Хранителям. Любая операция по доставке оружия или оборудования на Дальнюю требовала легального прикрытия на «ЛА-Галактик» — это позволяло пассивно отслеживать прохождение грузов, так что в какой-то момент все отдельные компоненты попадали в назначенное место, несмотря на все запреты и проверки. Насколько было известно Пауле Мио, каждый раз использовались разные арендованные на короткий срок склады.

На этот раз, когда Йоханссон приступил к проекту отмщения за свою планету, а недавно организованный флот энергично взялся за его преследование, масштаб операции значительно увеличился. После случая в Венецианском Побережье осторожность Адама возросла до состояния, близкого к паранойе.

«Макс-транзит Лемюля» арендовал целый этаж в «Хенли», ничем не примечательной тридцатипятиэтажной башне из стекла, композита и бетона, в административном квартале поблизости от Сан-Диего, где стоял целый лес таких же зданий, занятых управленческими отделами коммерческих компаний. В компании работало два десятка Хранителей: четверо занимались отправками незаконных грузов, остальные обеспечивали их безопасность.

Стиг сразу после покупки билета на кольцевой поезд послал сообщение на одноразовый адрес в унисфере. Дежуривший в «Лемюле» Киеран Максобел, получив извещение, согласно выработанной процедуре, запустил в планетарную киберсферу набор отслеживающих программ, внедрившихся в узлы наблюдения за поездом, на котором ехал Стиг. Теперь вся информация, проходившая через эти узлы, попадала в виртуальное поле зрения Киерана.

— Тьфу, черт! Марисса, в поезде Стига обнаружен закодированный трафик. Пять источников, один в его вагоне.

Марисса Макфостер, сидевшая напротив него в отделе планирования, подключилась к информации слежки.

— Плохо дело. Это стандартная «коробка». Флотские его засекли. Проклятье!

Она сообщила о неприятностях Адаму.

— Нам необходимы программы, которые он везет, — сказал Адам. — Мы можем осуществить пассивное извлечение?

— Боты на месте, — сказала Марисса, после того как провела диагностику и активировала миниатюрные устройства. — Время еще есть. Карральво прикрывает Гарет. Он может этим заняться.

— Выполняй.

— А что со Стигом?

Адам постарался не выдать молодым сотрудникам овладевшего им беспокойства. Как же Флоту удалось вычислить Стига?

— Мы не можем сбить их со следа — это насторожит Флот и раскроет им наши возможности. Ему придется сделать это самому. Отошли ему приказ о прекращении связи, как только получишь подтверждение об извлечении информации, и подготовь конспиративную квартиру в Венеции. Если он туда доберется, ему понадобится время для перепрофилирования.

— Слушаюсь, сэр, — ответила Марисса.

— Не беспокойся. Он справится.

По длинному изогнутому пандусу Стиг стал спускаться с платформы. Здесь, в центральном вестибюле, где сходились потоки пассажиров со всех десяти платформ, плотность толпы достигала плотности болельщиков бейсбольного матча, стремившихся занять свои места. Высоко над головой бетонный купол потолка поддерживали гигантские опоры, похожие на паучьи лапы, и казалось, что они в любой момент могут окончательно подломиться под его тяжестью. По его теории именно это обстоятельство заставляло людей так спешить — они подсознательно стремились как можно скорее выбраться из опасной зоны.

Еще на пандусе Стиг подсчитал время, необходимое, чтобы выбраться со станции: от вестибюля до стоянки такси можно было дойти за три с половиной минуты. Дорога до офиса занимала не меньше десяти минут езды, но это зависело от плотности движения на территории станции.

Впереди него по пандусу поднимался Гарет, одетый в желтую футболку и модную

серую куртку. Многолетние тренировки помогли ему сдержаться и не повернуть головы при встрече. Это далось ему нелегко. Серое и желтое. Приказ о пассивном извлечении информации мог означать только одно: за ним следили.

Стиг не мог не признать, что его противники хорошо поработали. С самого Октиера он проводил проверки и никого не заметил. Конечно, это могло быть и виртуальное наблюдение: группа слежения могла подключиться к СИ, управлявшему камерами наблюдения и сенсорами. От них избавиться было еще труднее.

Стиг сошел с пандуса, имея перед собой виртуальный план всего вестибюля. Затем он свернул налево, к четным платформам, и шагнул на один из трех эскалаторов, уходивших к торговому центру на нижнем уровне. Все это время он наблюдал. Но теперь задача значительно усложнилась. Он все время смотрел наверх и, спустившись до половинного уровня, перешел на другой эскалатор. Безошибочный прием для того, кто пытается обнаружить слежку. Это может их насторожить. Но если они за ним следят, они все равно знают, что он не раз прибегал к проверкам. Ничего не предпринимать еще хуже. Несколько раз с напускной рассеянностью он взглянул наверх, собирая информацию.

Эскалатор продолжал спуск, а Стиг тем временем рассматривал в виртуальном поле зрения полученные снимки. Вот этот типичный любитель серфинга с западного побережья, стоящий у перил галереи, ехал вместе с ним в поезде из Сиэтла, хотя и в другом вагоне. Стиг увеличил изображение и стал изучать незнакомца: густые светлые волосы, стянутые сзади в хвост, острый нос, квадратная челюсть, обычная голубая рубашка и джинсы. Ничего определенного. Но это изображение останется в дежурном файле.

Эскалатор доставил его в сверкающий мрамором и неонам торговый центр, и Стиг сразу направился к общественному туалету. Почти все кабинки были свободны. Двое парней стояли над писсуарами, отец с сыном мыли руки.

Стиг выбрал вторую незанятую кабинку, запер дверь и спустил брюки. Даже если слежка ведется сверху, никто ничего не заподозрит. Модуль на запястье перенес полученную от Карима программу на кристалл памяти и выдвинул крохотный черный диск. Стиг поместил его в обычный на вид футляр, завернул в туалетную бумагу и уронил в унитаз. Поток воды легко смыл посылку, и Стиг, выйдя из кабинки, спокойно помыл руки.

В торговом зале блондин в голубой рубашке изучал витрину в двадцати метрах от туалета.

Стиг зашел в ближайший спортивный отдел и выбрал себе пару кроссовок, расплатившись наличными. Группе слежки придется это проверить. В следующем отделе он приобрел солнцезащитные очки. В главном вестибюле он остановился у маленького киоска, торгующего футболками, и подобрал неплохую шляпу. Затем прошел в камеру хранения и приложил банковскую ОС-татуировку к замку одной из ячеек, которую выбрал три дня назад. Дверца открылась, и он вытащил черную спортивную сумку с аварийным набором.

После этого он уже не смотрел по сторонам и не прибегал к проверкам, а сразу направился на стоянку такси. За вращающейся дверью его встретило жаркое калифорнийское солнце, и Стиг улыбнулся. Несмотря на провал, следующие несколько часов он был намерен провести с удовольствием.

Бывшие склады не так сильно раздражали Адама, как теснившиеся на южной оконечности станции «ЛА-Галактик» высотные административные здания. Он ненавидел бесчисленные транспортные и погрузо-разгрузочные компании, жившие за счет паразитических связей с сетью железных дорог ККТ. Эти настоящие капиталистические

акулы ничего не производили, а только повышали стоимость жизни в сотнях миров, наживаясь на труде настоящих производителей. Хотя он не мог не признать, что и те, кто трудился на производстве, давно перестали быть рабочим классом, о котором писал Маркс. Все они теперь стали инженерами, управляющими и техниками, обслуживающими кибернетические устройства. Но при всех переменах и улучшениях, принесенных повсеместной автоматизацией, финансовая власть, управляющая человеческим обществом, нисколько не изменилась: незначительное меньшинство осуществляло контроль над богатствами сотен миров и для сохранения собственного могущества прибегало к взяткам, обходило законы, а то и просто подкупало целые правительства. Сегодня и он сам живет и работает вместе с ними, все глубже и глубже увязая в деле Йоханссона. В деле, которое приносит все больше и больше тревог. Он никогда и никому не говорил об этом — да и кому он мог сказать? — но с каждым днем в ужасе склонялся к тому, что слова Брэдли о Звездном Страннике могут оказаться правдой. Слишком странной представлялась ему ситуация с праймами, слишком много в ней было загадочных совпадений: миссия «Второго шанса», исчезновение барьера, Врата Ада, нападение на галерею в Венецианском Побережье. Адам не сомневался, что скоро начнется война, но на чьей стороне будет правительство Содружества, он уже не знал.

Теперь он без обычного цинизма занимался тщательной разработкой отправок грузов для Йоханссона. Он давно оставил партию и больше не поддерживал ни одну ячейку ни на одной планете. Все его внимание теперь занимали Хранители — безумные молодые энтузиасты с планеты Дальняя, с радостью отправлявшиеся в крестовый поход и не имеющие понятия о деятельности Содружества. Это их он защищал и направлял, словно древний мистик, обещающий нирвану в конце пути. Вот только Стигу сегодня, похоже, не удастся туда попасть.

Легковой универсал, осторожно лавируя по внутренним дорогам станции, доставил его в сектор Арли, где на сотне квадратных миль к востоку от «ЛА-Галактик» разместились бесчисленные склады. Простые здания из композитных панелей выстроились в строгом порядке. Самые большие из них занимали целые кварталы, а в некоторых кварталах помещалось до двадцати небольших хранилищ. Над одинаковыми светлыми стенами повсюду виднелись темные крыши из солнечных батарей, громоздкие кондиционеры раковыми опухольями торчали из-под карнизов, их вращающиеся лопасти в жарких лучах расплывались оранжевыми пятнами. Здесь не было тротуаров, а легковые автомобили встречались крайне редко. Зато повсюду гроыхали фургоны и грузовики, их системы управления легко вычисляли кратчайшие пути между погрузочными платформами и пунктами сортировки грузов, работавшими круглосуточно семь дней в неделю. По крайней мере, в этом месте товары физически перемещались с места на место, и здесь не было офисов, в которых люди добывали деньги из воздуха. Здесь он чувствовал себя вполне сносно.

Он заехал на погрузочную платформу склада, принадлежащего «Макс-транзиту Лемюля». Это было здание средних размеров, занимающее около четырех акров площади. Внутри работали Бью Максобел и Дженни Макновак. У «Лемюля» имелся большой заказ на поиск и доставку упаковочного оборудования для сети супермаркетов пяти миров второй зоны космоса, и ящики занимали примерно половину всей имеющейся площади, ожидая накладных на отправку к месту назначения. Безбортовые погрузчики и вилочные

подъемники сновали по проходам между высокими металлическими стеллажами, сортируя для отправки поездами на разные планеты сельскохозяйственное оборудование, плотницкий инструмент, роботов общего назначения, бытовые голографические экраны и сотни других товаров, составляющих легальный бизнес компании. Сама по себе компания «Макс-транзит Лемюля» оказалась прибыльным предприятием. Каждое утро, отправляясь из отеля на побережье к «ЛА-Галактик», Адам удивлялся, что после стольких лет борьбы с системой он смог управлять транспортной компанией более эффективно, чем предприниматели и авантюристы, отчаянно стремившиеся к успеху.

Адам вышел из машины, и Бью задвинул тяжелую створку погрузочного люка.

— Как у нас дела? — спросил Адам.

— Дженни открыла люк. Робот-наблюдатель должен быть здесь через сорок минут.

— Ты уверен, что он достал футляр?

— Да, сэр.

— Что ж, это хорошая новость.

Они направились в дальний конец склада, где находился секретный участок Хранителей. Там Бью и Дженни готовили грузы для Дальней, маскируя необходимое оборудование среди обычных инструментов и потребительских товаров, направляемых в Армстронг-сити. В углу за открытыми ящиками и разобранными машинами имелся потайной люк, пробитый в ферментированном бетоне. Под откинутой крышкой виднелась небольшая круглая шахта, уходящая в одну из канализационных труб обширной сети очистных сооружений «ЛА-Галактик». Дженни, сидя на краю люка, сосредоточенно следила за передвижением миниатюрного робота по лабиринтам канализационной сети.

— Все в порядке, сэр, — сказала она. — Наши датчики не обнаружили никаких признаков слежки за роботом.

— Хорошо, Дженни. Продолжай за ним присматривать.

Бью освободил пару стульев, и Адам, благодарно кивнув ему, сел. Через секунду эл-дворецкий сообщил ему о зашифрованном вызове Киерана.

— Сэр, мы решили, что вы должны об этом узнать. Паула Мио только что прибыла на кольцевом поезде из Сиэтла. Ее сопровождают несколько сотрудников службы безопасности ККТ. Похоже, что они направляются в оперативный центр.

По спине Адама пробежал холодок. Если она обратила внимание на миссию Стига, значит, сознает, насколько это важно.

— Если хотите, мы можем подключиться к их внутренней сети, — продолжал Киеран. — Мы могли бы узнать, чем они занимаются.

— Нет, — поспешно ответил Адам. — Мы не можем обеспечить идеальную чистоту взлома, с ККТ это не пройдет. Нельзя дать им понять, что мы о них знаем. На данный момент это единственное преимущество Стига.

— Да, сэр.

Адаму хотелось опустить голову на руки, но он удержался. Сидя на жестком пластмассовом стуле перед дырой в бетонном полу, он стал просматривать файлы в виртуальном поле зрения. Где-то должно быть слабое звено, через которое Паула вычислила его курьера. Он отыскал в своей цепочке участок, окрашенный неярким желтым цветом, и неслышно выругался. Надо же было допустить такую элементарную оплошность! Стиг получил программу от сотрудника «Шансорели», того самого, который составлял управляющие программы для микрофазных модуляторов, приобретенных Ригином. В

подпрограммах должны были остаться опознавательные знаки компании, по которым их оказалось легко отследить.

— Проклятье! — проворчал он. — Я становлюсь старым. И глупым.

— Что-то случилось, сэр? — спросил Бью.

— Нет, все в порядке.

* * *

В оперативном центре ККТ «ЛА-Галактик» Паулу дожидался Тарло.

— Простите, шеф, — сказал он. — Наверное, он вычислил меня, когда отрывался от слежки.

— Ладно, не обращай внимания, — кивнула Паула.

Он оглянулся на офицера ККТ, сопровождавшего Паулу. При одном только упоминании имени Паулы Мио всей службе безопасности было дано распоряжение оказывать главному следователю любую требуемую помощь.

— Надо было ограничиться виртуальным наблюдением.

— Я подозреваю, что у них мощная электронная база, и слежка была обнаружена достаточно быстро. В таком случае и виртуальное наблюдение будет замечено сразу, как только мы его настроим. — Она повернулась к офицеру. — Я бы хотела получить свободный кабинет, где будет располагаться наш полевой штаб.

— Да, мэм.

Он провел их по коридору, показал пустую комнату и активировал все оборудование, обеспечивающее доступ к системам связи.

— Из Парижа выехала еще одна группа следователей, они будут здесь через полчаса, — сказала Паула, оставшись наедине с Тарло. — Они смогут подстраховать ваших людей.

— Надо было с самого начала привлекать больше кадров, — заметил Тарло.

— Знаю, но на организацию не было времени.

Паула сама удивилась, как легко ей далась ложь, хотя она никогда раньше не прибегала к подобным отговоркам. Но теперь участия дополнительной группы не избежать, и ей придется сосредоточиться на тех, кто знал об операции до того момента, когда объект начал отрываться от слежки. Утечку надо искать среди них.

— А ты уверен, что он обнаружил хвост? — спросила она Тарло, с горечью вспоминая, что он участвовал и в операции в Венецианском Побережье.

— Он ведь курьер, верно? — уточнил Тарло. — Так вы нам сказали. А он пытается сбить нас со следа, а потом забирает что-то из камеры хранения. Так не делается. Курьер должен как можно быстрее добраться до места назначения, а вторая посылка увеличивает риск вдвое. Кроме того, я сам за ним наблюдал. Он знал, что его вычислили. — Тарло смущенно пожал плечами. — Но это мое предположение, и только.

— Не переживай, я ценю твое мнение. Что же он предпримет дальше?

— Только одно: попытается от нас ускользнуть.

— Что сделано с нашей стороны?

— Кароль и остальные на четырех такси ведут его сзади и спереди. Автоматические программы машин отключили, а полиция Лос-Анджелеса была проинформирована об операции Флота. На улицах у нас полное преимущество перед остальным транспортом. В

такси ему от нас не уйти.

— Гм, хотелось бы знать, что лежит в той черной спортивной сумке.

— Должно быть, полный комплект на тот случай, если надо будет уходить от погони.

— Возможно, ты прав. В любом случае, нам нельзя рисковать. Свяжись с полицейским департаментом Лос-Анджелеса и скажи, что мне нужно подразделение вооруженных оперативников. Пусть они будут наготове.

— Будет сделано.

* * *

По прямой от пассажирского терминала до склада «Макс-транзита Лемюля» было чуть больше восьми миль, но по сети канализационных труб дистанция была намного больше и далеко не прямой. Робот коммунальных служб должен был пройти через несколько узлов, открывая и закрывая вентили, чтобы попасть на нужное направление. Через сорок три минуты после того, как Адам вошел в помещение склада, робот добрался до задвижки под люком. Дженни спустилась в шахту и подняла крышку. Бью и Адам оставались наверху и светили ей мощными фонарями.

Отвратительный запах из отверстия в трубе заставил Адама поморщиться. Дженни нагнулась к грязному роботу, изготовленному точно по образцу городской службы, взяла из его электромускульного зажима пластиковый футляр и поспешно захлопнула крышку.

Бью, дождавшись, когда Дженни поднимется, запер крышку люка и замаскировал ее от посторонних глаз. Дженни протянула футляр Адаму, тот достал кристалл памяти и вставил его в свой портативный модуль.

— Загрузка произведена, — сказал он, увидев меню программы на дисплее.

У Дженни вырвался довольный вздох.

Адам без промедления вызвал Киерана.

— Передай Стигу сигнал о завершении операции.

* * *

Помещение оперативного центра ККТ стало заполняться людьми. Кроме приехавшей из Парижа группы, прибыл еще и лейтенант из полицейского департамента Лос-Анджелеса, обеспечивавший связь с местными силами охраны порядка. Объект слежки, покинув станцию «ЛА-Галактик», проехал до Уолгров-авеню, а дальше отправился пешком. Он неторопливо бродил по улицам, постепенно приближаясь к побережью, пока не вышел на бульвар Вашингтона неподалеку от пристани Дель-Рей.

Тарло подключился к городскому СИ и получил доступ к нескольким камерам наблюдения. Изображения с них передавались на большой экран в кабинете, но Паула запретила фокусировать наблюдение на цели на тот случай, если Хранителям вздумается проверить поток информации. Камеры продолжали неторопливый обзор улиц, время от времени захватывая и шагающего по тротуарам курьера.

— Направляется к пристани, — заметил Тарло. — Не ждет ли его там катер?

— Кто знает, — сказала Паула. — На всякий случай запроси у начальника причала

список всех пришвартованных судов.

— Уже работаю, — ответила ей Ренне.

Эл-дворецкий Паулы известил о шифрованном вызове сенатора Бурнелли. Она отошла в дальний угол кабинета и санкционировала связь.

— Паула, как дела?

Одна из уличных камер показывала цель, входящую на пристань. Впереди курьера туда уже вошли двое членов группы слежки.

— Занята, — ответила она.

Лейтенант полиции приказал вооруженному отряду сменить позицию.

— Я не хотел бы тебя отвлекать, но, думаю, это будет тебе интересно. У меня есть хорошая новость и плохая.

— Начни с хорошей, — попросила Паула.

— Поскольку мой запрос на досмотр грузов на Дальней был снова отклонен, я обратился лично к Дой. Все-таки приятно сознавать, что пока еще имею кое-какой вес в политических кругах, столетие на службе обществу не прошло даром. Начиная со следующей недели все грузы, предназначенные для Дальней, будут досматриваться в Буунгейте. Без исключений. Она обещала поручить Колумбия организовать для этого специальное подразделение.

— Большое спасибо, сенатор. — Камера над одним из причалов показала объект слежки: он шел по деревянному настилу, поглядывая на роскошные катера, пришвартованные на противоположной стороне. — У вас найдется катер для возможной погони? — спросила Паула у полицейского офицера.

— Я могу такой найти.

— Сделайте, пожалуйста. — Она снова переключилась на разговор с Бурнелли. — А вторая новость?

— Даже не знаю, как тебе это понравится, — сказал Томпсон. — Но я сам удивился. После нашего разговора я стал задавать вопросы в некоторых сомнительных местах — люди, препятствующие досмотру грузов на Дальней, работают на Найджела Шелдона.

— Повтори.

— Наш запрос блокирует Найджел Шелдон.

— Ты уверен?

— На сто процентов, Паула.

— Нам надо встретиться.

— Согласен. И как можно скорее. Мне кажется, что надо подключить к этому делу и отца.

Объект дошел до конца причала, перешагнул через ограждение и прыгнул в воду.

— Черт возьми! — воскликнул Тарло. — Вы видели?

— В вашем отряде есть водолазы? — спросила Ренне у полицейского.

Лейтенант изумленно уставился на экран.

— Я... сейчас узнаю.

— Тарло, направь все доступные камеры на акваторию гавани, — приказала Паула.

— Нет проблем.

— Поднимайте оперативный отряд, — сказала Паула. — Не выпускать из гавани ни одной лодки. Всех полицейских на берег, проверять каждое судно. Нужен вертолет, чтобы контролировать водное пространство, и катер береговой охраны на выходе из гавани с

гидролокатором. Быстрее!

Кабинет мгновенно наполнился гулом возбужденных голосов, отдающих приказы.

— Я тебе перезвоню, — сказала Паула сенатору. — Здесь стало слишком беспокойно.

* * *

Казимир стоял на маленьком заднем дворике и смотрел, как солнце опускается за горизонт. В домах, расположенных вдоль канала, стали зажигаться огни. В четверти мили от него яркие старомодные фонари осветили маленький мостик с белыми перилами, в теплом неподвижном воздухе ожили звуки ночной городской жизни. Он сосредоточенно прислушивался, не раздастся ли вой сирен. До сих пор поблизости все было тихо. Таймер в виртуальном поле зрения отсчитывал минуты и часы с того момента, когда Стиг прыгнул в воду. Долго. Слишком долго.

В одиннадцать часов вертолет все еще продолжал кружить над гаванью. Со своего места на крыльчке Казимир видел, как в промежутке между домами метался луч его мощного прожектора, выхватывающий из темноты стоящие на причале яхты. От напряжения у него свело судорогой все внутренности. По сравнению с этим ожидание приказа о начале атаки казалось детской забавой.

— Каз?

До него донесся слабый измученный голос. Казимир одним прыжком преодолел несколько метров, отделявших его от кромки воды. Перед ним белело лицо Стига.

— Ты выбрался! — выдохнул Казимир.

— Почти. Не уверен, что смогу подняться на берег, Каз.

Казимир плюхнулся в воду и обхватил своего бывшего наставника. У Стига действительно совсем не осталось сил, и Казимиру пришлось вытягивать его на грузовом подъемнике, а затем тащить в дом.

Он уложил Стига на диван, тщательно запер все окна и двери, включил охранную систему — и только тогда зажег свет.

— Ненавижу плавать, — простонал Стиг.

На шее у него все еще висела дыхательная маска, на которой тускло горел маленький красный огонек.

— Я тоже, — сказал Казимир. — Но я помню, кто меня учил.

Он набросил на дрожащие плечи Стига одеяло и принялся стаскивать с него мокрые и грязные брюки.

— Очень смешно, — с трудом усмехнулся Стиг. — Будем надеяться, что Паула Мио со своими молодчиками не ворвется в дом прямо сейчас.

— Хочешь выпить?

— О нет. Никакой жидкости. Ни сейчас, ни позже. Я достаточно наглотался воды из канала. А говорят, что на земле строгие законы насчет загрязнения водных ресурсов. Судя по вкусу воды, это далеко не так. Мне казалось, что я плаваю в жидком дерьме.

Казимир стянул с него брюки и бросил на ноги второе одеяло. Стиг выглядел так, словно его вытащили с Северного полюса.

— Разве у тебя не было ласт?

— Только поначалу. Я их потерял вместе со всем остальным. — Он хрипло

рассмеялся. — Вместе с рубашкой. Пусть это послужит тебе уроком, Каз. Не важно, насколько хороши твои приспособления и планы для отступления, в реальной жизни все выходит иначе. А теперь, ради бога, скажи, что Адам получил посланные мной программы.

— Он их получил. — Казимир едва удержался, чтобы не сказать «но», однако передумал.

Его замешательство не осталось незамеченным.

— Что? — спросил Стиг.

— В вечерних новостях сказали, что теперь все грузы на Дальней будут подвергаться досмотру. Элвин и Йоханссон ничего не говорили, но, похоже, нас сильно прижали.

* * *

Работники службы безопасности терминала Карральво освободили широкий полукруг пространства перед камерой хранения. Любопытные пассажиры, проходившие к своим поездам, все время останавливались, чтобы узнать, что происходит, и в конце концов заметили Паулу Мио. Ее появление было встречено аплодисментами и даже одобрительным свистом. Паула, не обращая внимания на посторонних, бесстрастно наблюдала за стараниями криминалистов, работавших над одной из ячеек. Тарло и Ренне ограждали ее от вопросов неизвестно откуда взявшихся репортеров и внимания офицеров службы безопасности ККТ: их шеф не терпела помех при осмотре любого места преступления.

— Как ты думаешь, это совпадение? — спросил Тарло. — Или теперь это их стандартный прием?

— Ты о чем? — удивилась Ренне.

— О подводном бегстве. Слушай, если такое будет повторяться, может, Флот оплатит нашу модификацию? Было бы здорово, я бы не отказался от гидролокатора, как у дельфинов.

— Правда? Мне кажется, он мог бы заменить один из твоих бесполезных органов.

— Спасибо, но все мои органы приносят пользу.

— Этот прием нельзя назвать стандартным, — вмешалась Паула. — Сегодня нашим противником был один из Хранителей. В Венецианском Побережье действовал кто-то другой.

«Найджел Шелдон. Но какая ему от этого выгода? Зачем позволять Хранителям доставлять контрабандное оружие на Дальнюю, а потом нападать на торговца, с которым они заключили контракт? Бессмысленно.»

— Вы уверены, что это был Хранитель? — спросил Тарло.

Ренне бросила на него предостерегающий взгляд, но Паула пропустила его вопрос мимо ушей.

— Наша проблема в том, что мы не в состоянии предугадать их следующий шаг, — сказала она. — Эта новая ситуация меня озадачивает. Ренне, я хочу, чтобы ты организовала новую группу для изучения оборудования, закупленного для них Ригином.

— Отдел оружия утверждает, что там очень много незнакомых предметов, — осторожно заметила Ренне. — Они не в состоянии определить область их использования.

— Я знаю. Их беда в том, что эти ребята действуют по шаблонам. В данном случае придется выйти за рамки стереотипов. Мы теперь в составе Флота, и не должно возникнуть трудностей с поиском специалистов, обладающих повышенным воображением. Составь мне

список всех возможных вариантов, даже самых невероятных.

— Слушаюсь, шеф.

Офицер флота, командующий группой криминалистов, подошел к Пауле и отдал честь. Тарло и Ренне с трудом сдержали усмешки.

— Мы получили остаточные следы ДНК, мэм. Вы правы, он принадлежит к одному из кланов Дальней. В прошлом мы собрали достаточно образцов, чтобы определить родство. Это седьмой или восьмой потомок Роберта и Минетты Максобел. Учитывая близкородственные связи, точнее сказать трудно.

— Спасибо.

Паула повернулась к Тарло и приподняла бровь. Он смущенно кивнул:

— Извините, шеф.

— Что ж, теперь можно определенно сказать, что это очередная контрабанда, возможно организованная Адамом Элвином. Будем пытаться свести воедино все детали, чтобы ее проследить.

* * *

На столе в небольшом кабинете тренера имелось устройство, напрямую подключенное к сети «Клинтон Эстейт». Он отодвинул труп в сторону, вытер кровь, брызнувшую из сломанной шеи жертвы, и приложил руку к точечным контактам, открывая прямой канал связи. Вспомогательные программы из его вставок немедленно внедрились в систему клуба. Уровень охранных программ здесь был невероятно высоким, что определялось клиентурой заведения, и потому это место идеально подходило для выполнения его задачи. Люди чувствовали себя здесь настолько свободно, что отпускали личных телохранителей.

Добавочные программы идентифицировали узлы, относившиеся к кортам, и частично изменили их, маскируясь под диагностическое зондирование. Сами узлы блокировать было нельзя, это немедленно отразилось бы на общей картине. Он только подавил сигналы тревоги.

Убедившись, что небольшое вмешательство прошло гладко, он переоделся в белую рубашку и шорты — форму персонала клуба. Ровно через сорок одну минуту он взял ракетку для сквоша и по короткому коридору прошел на корт, выбранный для занятий сенатором Бурнелли.

Сенатор уже пришел и потихоньку разогревал мышцы.

— А где Дьетер? — спросил он.

— Мне очень жаль, сенатор, но Дьетер сегодня болен, и его занятие проведу я, — сказал он, закрывая за собой дверь.

— Ладно, сынок. — Сенатор приветливо улыбнулся. — Сегодня тебе предстоит трудная работа: на этой неделе меня обыграл помощник Голдрича — это унижительно, и я хочу взять реванш.

— Отлично.

Он пошел навстречу сенатору.

— Как тебя зовут, сынок?

Его рука стремительно взлетела по дуге вверх, и ладонь врезалась в шею сенатора. Раздался резкий щелчок, свидетельствующий о переломе позвоночника. Тело сенатора

обмякло и осело на пол, вставки выдали громкие тревожные трели.

Он секунду помедлил, проверяя работу программ: ни один из узлов охранной системы не отреагировал на призыв о помощи, все сигналы направлялись на закодированный одноразовый адрес. Он сжал ладонь в кулак и со всей силы, умноженной дополнительными вставками, ударил сенатора по голове. Череп Томпсона Бурнелли раскололся на части.

— У нас имелись истории об изредка встречающихся в лесах животных, которые вовсе и не были животными, — поведал Точи, пользуясь переводческой программой модуля. — Еще есть истории о лесах, внутри которых есть другие леса, скрытые от обычных путешественников, но с приходом эпохи рассудка и науки эти предания превратились в легенды. Да, в последние века никто не встречался ни с чем необычным — я и сам считал, что эти истории появились в древнем примитивном обществе, как объяснение некоторых граней природы или в качестве предупреждения молодым членам семейств. Но почтенный предок нашей семьи посеял в моем мозгу сомнения: незадолго до своей смерти он сказал, что сам видел маленьких не-животных и даже бродил по тропам внутреннего леса, и случилось это много лет назад, в дни его молодости, еще до распространения технологий. Я не смог противиться мысли о том, что легенды были не просто сказаниями, а результатом чьего-то реального опыта. Ничего не говоря своим коллегам, я тайно составил план и отправился в лес, о котором рассказывал мой предок. Много дней я провел в странствиях и в конце концов понял, что не только окончательно заблудился, но и попал в другой мир. Вот теперь у меня появились свои истории, и они намного интереснее всего, что накоплено в наших архивах.

— Постой-ка, — с улыбкой на веснушчатом лице прервал его Орион. — Так ты библиотекарь?

Модуль запищал и выдал сообщение об отсутствии эквивалента перевода.

— Я хранитель истории нашего общества, — сказал Точи. — Я передаю информацию о том, что было, и том, что могло быть, молодым представителям многих семейств. Таким образом наши знания не только сохраняются, но и приносят пользу.

— Библиотекарь! — воскликнул Орион, подмигивая Оззи.

— И это прекрасно, — многозначительно заметил Оззи.

Сейчас, когда заработал транслятор, передающий все их слова чужаку, ему все труднее становилось объяснять Точи неожиданные взрывы смеха Ориона, и это его раздражало. Общество Точи казалось парню весьма удивительным, хотя Оззи также находил его несколько... чопорным и чересчур добродетельным.

— А как ты понял, что попал на другую планету? — спросил Орион. — Ваши соотечественники уже освоили космические путешествия?

— Я понял это, когда увидел, что солнечный свет отличается от того, к которому я привык в родном мире, а созвездия на ночном небе приобрели другие очертания, — сказал Точи. — Мы не выходили в открытый космос.

— Почему? — Орион показал на устройства в манипуляторах Точи. — Вы ведь достигли подходящего уровня технологий.

— У нас нет такой необходимости, как нет присущего вам внутреннего несогласия с логикой и нет постоянного стремления к исследованиям, если на то не имеется веской причины.

— Но ты хотел встретиться с легендами, — сказал Оззи. — Разве это логично?

— Ты прав. И в этом отношении я проявил значительное отклонение от общих норм. Если бы потребовалось подтверждение истории, рассказанной моим предком, мои коллеги и я должны были начать систематические изыскания, а я решил самостоятельно исследовать

этот вопрос, поскольку не надеялся на заинтересованность своих коллег.

— Круто!

Орион опять хихикнул, и Оззи бросил в его сторону очередной предостерегающий взгляд.

— Мне интересно, почему у твоих соотечественников не возникало желания осваивать космос, — сказал Оззи. — Разве при таком высоком уровне технологий уменьшение природных ресурсов не стало для вас проблемой?

— Нет. Мы не строим ничего такого, чего не смогли бы обеспечить энергией.

— Это похвально. Наша раса не склонна к такой рациональности.

— В своих путешествиях я имел возможность убедиться, что такое отношение присуще большинству рас.

— Да, но в различной степени. Я считал, что мы достаточно благоразумны, но после твоих рассказов убедился, что это далеко не так.

— Однако это не доказывает, что кто-то прав, а остальные ошибаются.

— Надеюсь, что так. В конце концов, мы все живем в одной галактике.

— Я верю, что разум и рациональность всегда останутся определяющими качествами, независимо от формы, принимаемой разумными существами. В противном случае пришлось бы усомниться в ценности самой жизни.

Оззи ответил ему одобрительным жестом, подняв большие пальцы. Они подошли к очередному каменистому склону: Точи без каких бы то ни было усилий преодолевал подобные препятствия, тогда как Оззи и Ориону приходилось карабкаться наверх, покрываясь потом. Они уже два дня пробирались вдоль прибрежных скал. Слева Оззи увидел гладь моря. Утесы отличались по высоте друг от друга, но в итоге они поднялись метров на двадцать, и внизу не было видно никакой отмели. Да и подходящего спуска он тоже не заметил.

— Значит, идем наверх, — сказал он Ориону.

Парень поморщился и завязал потуже полоску выгоревшей голубой ткани, удерживающую его длинные волосы. Они принялись карабкаться наверх, упираясь ногами в узкие трещины и цепляясь за крепкие пучки травы, чтобы тяжесть рюкзаков не увлекла их вниз. Точи плавно полз рядом, надежно цепляясь двигательными гребнями и за камни, и за растительность. Оззи не спрашивал чужака, но подозревал, что это массивное существо способно преодолеть и вертикальный подъем.

После подъема на вершину путь опять пошел вниз. Оззи уже знал, что они находятся на острове: невысокая вершина, покрытая тропическим лесом, на протяжении двух дней оставалась справа от них. Внутренний навигатор в его модуле показывал, что они описали вокруг нее почти полный круг. Он еще не говорил об этом Ориону, но через милю или полторы они окажутся в том самом месте, откуда начали поход.

— Посмотрите, по-моему, там остров! — воскликнул Орион.

Оззи заметил темное пятнышко у самого горизонта. После включения зрительных вставок пятнышко превратилось в небольшую возвышенность, очень похожую на ту, где они сейчас находились.

— Молодец, — сказал он. — Похоже, что это целый архипелаг.

— Но мы не видели ни одного корабля, — заметил Орион.

— Подожди, прошло только два дня.

— Ты уверен?

— Уверен.

С тех пор как они попали в этот мир, еще не было ни одной ночи. Более того, яркое солнце совсем не двигалось по небу. Казалось, что планета все время была повернута к светилу одной стороной. Оззи никак не мог понять, как в такой ситуации мог себя повести климат, но и газовую оболочку тоже никак нельзя было отнести к нормальным явлениям. И он, и Точи испробовали все свои приспособления, чтобы узнать, что представляют собой многочисленные мерцающие точки, вращающиеся над планетой в пелене газа, — они определенно не могли быть другими планетами, но это было все, что им удалось определить. Приборы не улавливали никаких исходящих от них радио- или электромагнитных колебаний, и оставалось только полагаться на лаконичное описание Йоханссона: какая-то разновидность гигантских кораллов. Может, сильфены строят там свои города или гнезда, а может, и вовсе ими не пользуются. Они могут просто обеспечивать чистоту и свежесть газовой оболочки, как леса и океаны на обычных планетах.

В отношении размеров они с Точи сошлись в мнении, что радиус оболочки составлял около двух миллионов километров и она находилась на расстоянии в сто пятьдесят миллионов километров от звезды. Невозможно было себе представить, чтобы кто-то соорудил прозрачный купол таких размеров; кроме того, это представляло целый ряд проблем с оборудованием и обслуживанием такого объекта, и первой проблемой стал бы источник энергии для поддержания силового поля, хотя Оззи предположил, что создатели могли задействовать энергию солнца. Другого варианта получения столь мощного потока он придумать не мог. Но зачем потребовалось такое колоссальное сооружение? Оно не имело практической пользы, как сфера Дайсона или кольцо Нивена. Но, с другой стороны, если есть возможность его построить, практические соображения не играют роли. Если это домашний мир сильфенов, Оззи подозревал, что единственным ответом на такой вопрос могло быть: «А почему бы и нет?» В общем-то ему было все равно. Он просто был счастлив, что кто-то создал подобный артефакт, а ему довелось его увидеть.

— Оззи, Точи, смотрите!

Орион помчался вперед по траве. Перед ними не было скал, а пологий спуск вел почти к самому берегу моря. Вскоре он уже выбежал на широкий изогнутый песчаный пляж. На вершине пологой дюны коричневым флагом торчала засохшая ветка папоротника, воткнутая Оззи в самом начале их путешествия. Оживление Ориона мгновенно исчезло.

— Это остров, — сказал он, выдергивая ветку из песка.

— Боюсь, что так, старик, — подтвердил Оззи.

— Но... — Орион оглянулся на невысокую вершину в центре возвышенности. — Как же мы отсюда выберемся?

— Я могу переплыть на следующий остров, — сказал Точи. — Если вы решите отправиться со мной, придется построить лодку.

Орион растерянно взглянул на море.

— А нельзя позвать кого-нибудь на помощь?

— Нас никто не слышит, — сказал Оззи, покачивая на руке свой портативный модуль.

Его устройство с первого момента возобновления работы передавало стандартные сигналы первого контакта и человеческий сигнал SOS, но до сих пор в электромагнитном спектре не было зафиксировано ни единого отклика.

— Значит, именно здесь живут сильфены? — спросил Орион.

— Может быть, где-то на материках, — высказал свою догадку Оззи.

Он отвернулся к морю. При полном увеличении на горизонте были различимы три острова, но насчет расстояний он был не уверен. Если острова по размеру такие же, как этот, они находятся почти в ста километрах. Но при том что он смотрит с высоты всего в пару ярдов, на планете, сравнимой с Землей, они должны были бы скрыться за горизонтом. Вероятно, этот мир был не меньше, чем Сильверглейд.

— А где это? — расстроенным тоном спросил Орион.

— Я не знаю. Возможно, за той облачной грядой, которую мы заметили с другой стороны острова.

— Ты не знаешь наверняка.

— Нет, не знаю, — отрезал Оззи. — Я вообще не понимаю, что это за мир.

— Прости, Оззи, — виновато произнес Орион. — Я просто думал... Обычно ты все знаешь.

— Что ж, сейчас это не так, и выяснять истину придется всем вместе.

Он приказал эл-дворецкому отыскать в памяти все файлы, относящиеся к кораблестроению.

* * *

Воды Трине-бы оставались холодными даже в середине лета. Озеро, каждой весной наполняемое талыми водами и достаточно глубокое, чтобы не пропускать солнечный свет в нижние слои воды, ревностно хранило свою прохладу. Марк в утепленном гидрокостюме парил среди великолепных отростков, завитков и арок кораллов главного рифа. К настоящему времени морские биологи идентифицировали семьдесят две разновидности кораллов, и каждый год к ним добавлялись все новые и новые виды. Они варьировались от самых распространенных драконьих хребтов с их длинными аметистовыми и янтарными куполами до бежевых ореховых скорлупок размером с прибрежную гальку. Из ярко-оранжевых лужаек стелющихся по дну кораллов возвышались рога единорога с чрезвычайно острыми концами. Марк с удовлетворением отметил, что Барри держится от них на почтительном расстоянии. Слишком много людей пытались проверить, такие ли они острые, какими кажутся. Даже самый плотный гидрокостюм не защищал пальцы и ладони пловцов, и в главный госпиталь Рэндтауна ежегодно поступали десятки раненых туристов.

Барри поймал его взгляд и сложил в кольцо указательный и большой пальцы правой руки, давая понять, что у него все в порядке. Марк помахал ему в ответ рукой. Вслед их медленно проплывающим теням негромко дребезжали любопытные синие кольчатые змеи, прятавшиеся в трещинах между камнями. Мохнатые крабы сплошным ковром усеивали рифы, и их выпуклые зеленоватые глаза синхронно поворачивались, словно колоски молодой пшеницы под легким ветерком. Вокруг в непрерывном калейдоскопе кружились рыбки — тысячи ярких мерцающих созданий, непрерывно шевелящих иглами и шипами, при помощи которых они двигались, описывая невообразимые зигзаги. Рыбы также различались своими размерами — от юрких афривебов не длиннее мизинца до неповоротливых золотисто-коричневых маунди, превосходивших ростом людей и неуклюже толкавшихся в более глубоких впадинах. Стайка пугливых молочно-белых сторожевиков скользнула прямо перед очками Марка, и он протянул к ним руку. Рыбки величиной с ладонь как по команде прижали свои колючки и унеслись прочь.

Барри медленно кувырчался в воде, ритмично перебирая ластами. В обеих руках он держал пригоршни высушенных местных насекомых и время от времени растирал их между пальцев, приманивая обитателей моря. Рыбки следовали за ним, образуя двойную спираль. Поедая крошечные обломки насекомых, они начинали светиться изнутри благодаря уникальному устройству пищеварительного тракта. На фоне темного дна это зрелище напоминало светящийся хвост медленно кружащейся кометы.

Напоследок Барри хлопнул ладонями, стряхивая остатки корма, и светящиеся рыбы образовали вокруг него красочную галактику.

Марк с гордостью улыбнулся под дыхательной маской. Именно таким он хотел видеть своего сына: счастливым, здоровым и уверенным. Барри прекрасно развивался в этом мире, а Марк все реже вспоминал Августу. Его дети тоже уже почти не говорили о проведенных там днях, и даже Лиз все реже звонила своим друзьям, а сам Марк месяцами не общался с отцом.

Стая рыб потемнела и уплыла в поисках нового корма, и тогда Марк энергично взмахнул ластами и приблизился к сыну. Его виртуальный таймер отсчитал уже сорок минут подводной прогулки над рифом. Он указал рукой на поверхность. Барри неохотно кивнул и подал знак, что понял его.

Они вынырнули в теплый солнечный свет и тотчас прищурились, отыскивая свою лодку. Катамаран оказался в ста пятидесяти метрах, и Лиз с кормы помахала им рукой. Марк снял дыхательную маску.

— Неплохо поплавали. Тебе бы лучше надуть свой жилет.

— Папа, я прекрасно себя чувствую.

— А я нет. Впусти немного воздуха, порадуй маму.

— Ладно, согласен.

Марк нажал кнопку на плече сына, и его спасательный жилет увеличился в объеме, натянув ткань гидрокостюма. Марк и Барри перевернулись на спины и заработали ластами.

Сэнди все еще плавала в маске вместе с Элли, своей подружкой из семьи Данбаванд. Лидия с двумя сыновьями, Уиллом и Эдом, уже была на борту и споласкивала свое снаряжение. Дэвид и Лиз на средней палубе готовили обед.

При виде головы Барри у кормового трапа Панда залилась радостным лаем.

— Стой, — крикнула ей Лиз, опасаясь, что собака снова прыгнет в воду.

Барри вскарабкался на трап и снял ласты.

— Ты скучала по мне? — спросил он Панду. — Правда скучала?

Барри почти в обнимку с собакой поднялся по металлическому трапу и протянул руку за вареным яйцом, приготовленным Лиз для салата.

— Сначала вымойся и обсохни, — одернула его мать.

Марк помог Сэнди подняться на катамаран. Девочка сняла маску и радостно улыбнулась.

— Папа, там внизу я видела грога. Огромного.

Она широко развела руки, показывая размер рыбы.

— Это здорово, дорогая, — сказал он, снимая свои ласты. — А ты не забыла намазаться кремом, прежде чем прыгнуть в воду?

— Нет, папа, — она энергично завертела головой.

Кожа Сэнди была темнее, чем у него самого, но Марку казалось, что сейчас она немного покраснела на руках и шее.

— Давай-ка намажемся лосьоном после загара, ладно?

Девочка с готовностью согласилась.

— Не надо было вам так долго плавать, — упрекнула его Лиз, когда Марк присел у стола и стал смазывать спину Сэнди. — Я уже начала беспокоиться. Смотрите, как далеко вы отплыли от лодки.

— Но, мама, сегодня вода чистая, как никогда, — запротестовал Барри. — Все видно на мили вокруг. Раньше такого никогда не было.

Марк беспомощно усмехнулся жене. Как можно удержать ребенка от такого удовольствия? Лиз возмущенно махнула рукой и снова занялась салатом.

Катамаран принадлежал Дэвиду и Лидии — в летние месяцы они исследовали на нем маленькие пещеры и заливы на берегах озера Трине-ба. Зимой он стоял на причале в яхт-клубе Рэндтауна, и Дэвид часами занимался покраской и подготовкой снастей к новому сезону. Марку очень нравилось это судно, и он уже подумывал о приобретении катамарана для своей семьи. Пока еще они не могли себе этого позволить, но, подобно собаке и внедорожнику, катер был почти необходимой частью образа жизни всех, кто обитал в Рэндтауне постоянно.

Наконец все приняли душ, обсохли и уселись обедать, а электронные мускулы катамарана распустили паруса и направили судно к крошечному коническому атоллу в самой глубокой части озера. Взрослые обещали детям добраться туда после обеда, чтобы посмотреть, не надулись ли цветы-шары — их ежегодное цветение широко праздновалось в Рэндтауне парадами и вечерними барбекю на берегу озера.

— В ассоциации виноградарей не отмечено падения спроса, — сказал Дэвид, когда дети с мороженым и ягодами лилин удалились на корму. Я был на общей встрече вчера вечером. Марк, тебе тоже стоило бы туда сходить.

— Не уверен, что меня там ждут.

— Не будь таким параноиком, — засмеялась Лидия. — Ты не успел прославиться в тот вечер, просто заслужил пару минут внимания. Сейчас все новостные программы посвящены убийству Бурнелли.

— Эта Барон до сих пор считает, что в Рэндтауне живут нелюди.

В окрестностях Рэндтауна и в самом городе люди были обеспокоены репортажем Барон и тем, как это отразится на экономике района. До сих пор ничего плохого не произошло: после пяти дней противостояния грузовики Флота отступили, и автобусы продолжили возить туристов в город — в конце концов, путевки на лето были приобретены заблаговременно, и отказываться было уже поздно. Все покажет следующий сезон. Подавляющее большинство приезжих поздравляло жителей города с победой, а об интервью Марка скромно умалчивало. Тем временем фермеры гадали, что будет с импортом вина и продуктов органического земледелия.

— Ради бога, никто на Элане и не подумает организовывать бойкот, — сказала Лиз. — В конце концов, половину вина мы продаем в своем же районе, а приверженцы натуральных продуктов нас все равно поддержат.

Марк уныло кивнул и налил себе еще вина.

— Тогда, я, пожалуй, легко отделался.

Дэвид, наклонившись вперед, чокнулся с ним своим бокалом.

— Давай за это выпьем. Довольно тебе, будущее выглядит не так уж и плохо. Лиз почти удалось расколоть последовательность ДНК корневища кин-лозы. Как только она начнет самостоятельно усваивать азот, мы станем продавать ее в нашей долине. Люди заменят свои

старые виноградники, и тогда с нашими винами не сравнятся даже вина Райселла.

— Это произойдет еще не скоро, — заметила Лиз.

Марк обнял ее за плечи.

— Ты справишься, — нежно произнес он.

Она улыбнулась в ответ.

— Господи, а это что такое? — спросила Лидия.

Одной рукой она прикрыла глаза от солнца, а другой показала в сторону Рэндтауна.

Позади города горизонт закрывала гора Блэкуотер, к западу от нее хребет прорезала долина, по которой дорога уходила вглубь хребта Даусинг, а потом снова шла изломанная линия скал, поднимавшихся над берегами озера. Группа высоких пиков, где стояла база лыжников и любителей мотосаней, получила общее название Регентов, а самый высокий из них, стоявший на южном краю утес носил имя Гой-ал. Сейчас, в середине лета, когда снег и лед покинули тенистые склоны, база бездействовала. Теперь же на склоне Гой-ала появились черные точки. Учитывая разделяющее их расстояние, они должны были обладать внушительными размерами.

— Черт побери! — буркнул Дэвид.

Он бросился в каюту и вытащил из рундука бинокль. Электронные мускулы привели в движение снасти и начали подтягивать паруса, чтобы уменьшить скорость и стабилизировать положение катамарана.

— Вертолеты, — сказал Дэвид. — Но какие огромные! Никогда таких не видел, у них по два винта. Должно быть, специальные машины для перевозки тяжелых грузов. Их там не меньше пятнадцати, а то и больше.

Он предложил бинокль своим спутникам. Лиз взяла его и стала осматривать склон. Марк даже не пошевелился.

— Это станция обнаружения, — расстроено сказал он. — После всего, что мы наговорили и сделали, они все-таки притащили ее. Сволочи.

Лиз передала бинокль Лидии.

— Марк, мы же с самого начала знали, что так и будет. Кучка людей, стоящих на дороге, не в силах остановить такой масштабный проект.

— Я думал, мы живем в демократическом обществе.

— Так и есть. Мы воспользовались своим правом выразить протест, но они проигнорировали его. В конце концов, Флот — это правительственное подразделение. Чего еще можно было ожидать?

— Не знаю. Неужели так трудно было спросить нас?

Лиз обошла стол и села рядом с ним.

— Мне очень жаль, малыш. Мне это нравится не больше, чем тебе. Но нам придется смириться и какое-то время терпеть их. Рано или поздно неприятности с праймами закончатся, эти милитаристы и барышники перестанут нас пугать и станцию уберут. А мы позаботимся, чтобы они забрали с собой весь свой мусор, это я тебе обещаю.

— Да, конечно. — Он вздохнул, сознавая, что ведет себя как капризный ребенок. — Да, наверное, ты права. Но я не обязан все это одобрять.

— Об этом никто тебя и не просит.

Он допил вино из бокала и снова повернулся к холодным водам Трине-бы. Вертолеты уже начали спускаться на противоположный склон Гой-ала.

— Оправдались наши наихудшие опасения, — спокойным и уверенным тоном произнес спикер Хранителей. — Чужаки из системы Дайсона готовятся к вторжению в Содружество. Их несметные полчища выплескиваются через Врата Ада и в любой момент могут обрушиться на нас. Мы предупреждали об опасности, и теперь, к несчастью, миллионы, а то и миллиарды людей погибли, подтверждая тем самым трагическую истину. Они будут убиты из-за абсолютного несовершенства оборонительных систем Содружества. Мы уверены, что каждый, кто служит на Флоте, при угрозе вторжения сделает все возможное; мы искренне поддерживаем их, но их сил недостаточно, как недостаточно и боевых кораблей. Если бы мы могли оказать им хоть какую-то помощь, мы бы это сделали, но это не наша область действий.

Мы, со своей стороны, продолжим борьбу против Звездного Странника, навлекшего на человечество это несчастье. Не так уж часто удается нам обнаружить кого-то из его агентов, поскольку они прекрасно замаскированы и защищены. Но в одном случае имеются неопровержимые доказательства: один человек выдвинул предложение отправить космический корабль для исследования Альфы Дайсона, один человек определяет бюджет Флота, один человек знает нашу потребность в ресурсах, но отклоняет все наши запросы, один человек посылает наемных убийц для устранения своих противников. И этот человек — самая могущественная фигура в партии Звездного Странника. Этот человек — наш президент Дой.

Будьте начеку и помните, что истинная угроза — это даже не физическое вторжение чужаков, а внутреннее разложение. Мы всегда были с вами откровенными. Теперь, в самый мрачный для человечества час, мы в последний раз просим вас поверить нашим словам. Наш враг — это Дой и ее повелитель, и они уничтожат нас, если не встретят сопротивления.

— Окажите сопротивление. — Спикер склонил голову. — Благодарю вас за внимание.

Все утро в отделе только и занимались тем, что составляли рапорты и заполняли финансовые документы по командировке в Лос-Анджелес. К счастью, Пауле оставалось только ввести общую сумму и личный код авторизации. При этом у нее было время поразмышлять о том, что произошло, хотя в настоящий момент она могла думать только об убийстве Томпсона Бурнелли. Тарло и Ренне занимались проверкой ничтожного количества данных, полученных за время преследования, и составлением плана дальнейших действий. Алик Хоган просматривал виртуальные проекции изображений с камер «ЛА-Галактик», пытаясь определить, было ли заражение программ системы безопасности станции. Паула не возражала. При том что Хоган был ставленником Колумбия, он неплохо справлялся со своей работой, и это поручение заняло бы его на целый день.

Как уже не раз случалось в деле Йоханссона, во время операции в Лос-Анджелесе у следователей возникали зацепки, неожиданно уводившие их в разных направлениях, и, как правило, неверных. Единственным положительным результатом можно было считать подтверждение очередной контрабандной закупки, осуществленной Адамом Элвином.

В одиннадцать часов в отдел прибыл Рафаэль Колумбия. Он явился в полной адмиральской форме и в сопровождении нескольких офицеров своего штаба. Работа в отделе мгновенно прекратилась, все служащие принялись разглядывать заезжее начальство.

Паула поднялась, как только увидела Колумбия у входа в свой кабинет.

— Подождите меня, — приказал он сопровождающим офицерам и закрыл за собой дверь.

— Адмирал.

Паула закрыла файл в виртуальном поле зрения, где были отмечены все, кто знал о прибытии объекта в Сиэтл, и их поминутное расписание.

Колумбия невесело улыбнулся и опустился в кресло для посетителей.

— Капитан.

— Чем могу быть вам полезной?

— В обычное время я бы попросил объяснить причины последнего провала. Но думаю, это уже ни к чему, не так ли?

— В Лос-Анджелесе нам не повезло, но мы узнали, что...

— Не важно. Эта операция с самого начала была почти обречена на провал. И это еще один показатель вашей работы. Какой-то объект появляется ниоткуда, и вы, ничего не планируя, никого не уведомляя, бросаете по его следу не подкрепленную ресурсами команду. Мало того, когда дело не ладится, вы втягиваете в операцию половину состава местной полиции, словно специально, чтобы они стали свидетелями нашего провала. Мы стали общим посмешищем, капитан. Я этого не потерплю.

Паула увидела такую ярость под его бесстрастной маской, что решила ему довериться.

— Меня очень огорчают нелестные отзывы, но могу вас заверить, что операция была тщательно продумана. Я намеренно ограничила численность оперативной группы.

— С какой целью?

— Я уверена, что в разведслужбе Флота происходит утечка информации. Для выявления ее источника я уже некоторое время планирую операции с ограниченным кругом доступа.

Рафаэль Колумбия помрачнел.

— Утечка? — обманчиво спокойным тоном повторил он.

— Скорее всего, так и есть.

— И вы не сочли нужным проинформировать об этом ни меня, ни лейтенанта Хогана?

— Сначала я хотела дождаться конкретных результатов.

— Значит, у вас пока нет даже подозреваемых?

— Нет, сэр, пока нет.

— А кроме ваших подозрений, есть хоть какой-то намек на основания подозревать ваших коллег офицеров?

— Я уверена, что в Венецианском Побережье...

— А! Еще один повод для общественных обвинений.

— Как я уже сказала, — настойчиво продолжала Паула, — в Венецианском Побережье была явная утечка информации. Неизвестный террорист наверняка получил сведения из службы Флота.

— И этот неизвестный террорист, модифицированный новейшими разработками Содружества, работает на Звездного Странника, о котором твердит Йоханссон?

— Вполне возможно.

— Вы достаточно громко озвучили эту возможность своим политическим союзникам.

— Кто-то уже не одно десятилетие сводит на нет все мои усилия. Мне приходится расширять круг поисков.

Она едва удержалась, чтобы не передать Колумбия слова Томпсона Бурнелли.

Рафаэль Колумбия вынул из кармана бумажный листок, развернул его и показал ей.

— Узнаете?

Паула взглянула на изображение.

— Это террорист из Венецианского Побережья.

Снимок сделали сверху, и человек был одет в белую спортивную форму, но спутать его лицо с каким-либо другим она не могла.

— Я рад, что мы хоть в чем-то пришли к согласию. Данный снимок мне передали из службы безопасности сената, он был сделан камерой в «Клинтон Эстейт». Этот человек вышел с корта, где убили сенатора Бурнелли.

— Он не мог этого сделать, — в ужасе прошептала она.

«Неужели Шелдон устраняет своих политических противников? Невероятно. Такие методы не в стиле Великих Семейств и Межзвездных Династий. Что-то здесь не так.»

— Кто не мог? — потребовал объяснений Колумбия.

— Киллер. Почему его использовали для убийства сенатора?

— Откуда мне знать? Но, по вашему мнению, он проворачивает эти черные дела по приказу офицера Флота.

— Я этого не говорила, и глупо было бы утверждать обратное.

Рафаэль Колумбия откинулся на спинку стула и пристально взглянул ей в лицо.

— В самом начале моей работы в Управлении шумиха в СМИ произвела на меня впечатление. Легендарная Паула Мио выигрывает все дела, кроме одного, но и над ним она все еще работает, не собираясь сдаваться. Как и все мои предшественники, я предоставил вам полную свободу действий и никогда не оспаривал ваших методов. В конце концов, Йоханссон и его сообщник — это всего лишь пара фанатичных безумцев, распространяющих параноидальные заявления, романтические разбойники вроде пиратов на парусниках. Материальный ущерб они причиняют только на Дальней, где никто особо не страдает, кроме Халгартов, да и они легко могут это пережить. Пираты ведь были наиболее кровожадными разбойниками, они вырезали целые экипажи захваченных кораблей и вредили экономике, перекрывая маршруты торговых судов. Вы улавливаете параллель? Для искоренения пиратства потребовались энергичные действия Флота. И на решение этой единственной проблемы я предоставляю вам целый отдел с неограниченными ресурсами. Я доверяю вам руководство, потому что вы Паула Мио и все уверены, что вы единственный человек, который может справиться с Йоханссоном.

— Могу.

— Нет, не можете. Единственная причина, по которой вы за ним до сих пор гоняетесь, — прошу прощения, если это вызовет обиду, но это правда, — это синдром навязчивых состояний.

— Я такая, какая есть. Именно поэтому я прекрасно подхожу для этой работы.

— Не могу с вами согласиться. Вам недостает способностей лидера, вы восстанавливаете против себя своих же коллег, вы не соблюдаете устав, вы не верите в способности других. Другими словами, вы недооцениваете своих товарищей и не доверяете им, а потому подозреваете утечку информации. Вы видите в ней причину неудач, в противном случае — пришлось бы признать свои промахи.

— Могу я спросить, что привело вас сюда сегодня?

— Конечно. С этого момента я передаю дело Йоханссона Алику Хогану.

— Нет.

— Вы, безусловно, будете продолжать свою работу, но только в роли советника.

Политику и стратегию дальнейшего расследования будет определять Хоган.

— Это неприемлемо.

— Вы офицер Флота и должны подчиняться моим приказам.

— Я не офицер Флота и не участвую в этом политическом фарсе. Я офицер полиции.

— Уже нет. Если вы откажетесь выполнять приказ, вы будете отстранены от службы.

— Это мое расследование.

— Уже не ваше.

Эл-дворецкий Паулы известил ее об отключении от служебной системы. Несколько мгновений она смотрела на Рафаэля Колумбия через стол, не в силах шевельнуться от потрясения: ее кожи будто коснулось ледяное дыхание. Затем мысли начали путаться от какого-то болезненного ощущения, близкого к панике. Она поняла, что Колумбия не согласится ни на какие компромиссы, он уже решил, что расследование должен вести его человек, а операция в Лос-Анджелесе была прощальным эпизодом. Еще ей стало абсолютно ясно, что продолжать расследование, оставаясь в составе Флота, больше невозможно.

— Отлично. Я ухожу в отставку.

Она стремительно встала, заставив Колумбия вздрогнуть от неожиданности. Паула уложила в сумку кварцевый кристалл с голограммой и взяла с подоконника горшок с раббакасом.

— Хочу дать один совет, — заговорил Колумбия. — При следующем омоложении удалите доминантные гены, внедренные Фондом. Теперь это возможно в любой клинике.

— Значит, для вас еще не все потеряно, — сказала она, слегка приподняв бровь.

В отделе все по-прежнему сидели на своих местах, как и при появлении Колумбия, но теперь все лица были обращены к ней и выражали крайнее изумление.

— Прощайте, — сказала Паула. — Благодарю вас за нелегкую работу.

Тарло приподнялся со своего места.

— Паула...

Она едва заметно качнула головой, заставив его замолчать, и покинула комнату, не глядя по сторонам.

Паула вышла на улицу и автоматически отшагала полмили до своей квартиры. Жила она на втором этаже в старинном доме с мощеным задним двориком, куда выходили закрытые ставнями окна. Узкая винтовая лестница поднималась по центральному пролету, который, казалось, был создан не строителями, а потоками воды. Единственной уступкой требованиям безопасности был современный электронный замок в массивной дубовой двери, дублировавший древнее механическое устройство.

Квартирка состояла из трех комнат — спальни, ванной и гостиной, где имелась небольшая кухонная ниша. Больше Пауле ничего не требовалось, и она не хотела большего. Это было место для сна, расположенное в относительной близости к отделу, и адрес для прачечной.

Слуга-робот неподвижно замер в углу гостиной. Он уже справился с ежедневной работой — натер потемневший от времени пол, вытер пыль со всех горизонтальных поверхностей и загрузил оставшуюся от завтрака посуду в посудомоечную машину. Паула

открыла окно, выглянула во дворик и поставила цветок на маленький комод, куда каждое утро попадали лучи солнца. Позабывшись о цветке, она оглядела комнату, словно отыскивая улики. Делать ей было нечего. Она села на край тахты перед настенным экраном.

В голове закружились воспоминания. Эти воспоминания не редактировались и не отсылались в хранилище ни при одном из ее омоложений, и она считала их дремлющими: сразу после суда над родителями в сопровождении полицейских она отправилась в отель — современное высотное здание в столице Мариндры, с комнатами-кубиками, новой чистой мебелью и кондиционерами. Полицейские оставили ее одну, позволив отдохнуть до того момента, когда представитель правительства Рая Хаксли заберет ее «домой», и она не знала, чем заняться после окончания суда. Ей нечем было заполнить время, не надо было идти в школу, не было рядом Койи, чтобы поговорить, не было мальчиков. Она сидела на краю кровати, смотрела через широкое окно на линию горизонта и ждала. В ее голове происходило нечто удивительное: в ушах все еще раздавались крики и мольбы Койи, а из окна она видела, как уводят из зала суда ее родителей: отец низко опустил голову, сожалея о своих разбитых мечтах и надеждах, а сильно осунувшаяся мать у самого выхода оглянулась, поймала взгляд своей украденной дочери и прошептала: «Я тебя люблю».

И Паула в своей маленькой парижской квартирке прошептала: «Я тоже люблю тебя, мама», а потом, как и шестьдесят лет назад, горько расплакалась.

* * *

Подготовка заняла много месяцев, открытие межзвездной червоточины потребовало массы ресурсов и промышленных мощностей, отвлекаемых от непрерываемых экспедиций, но теперь Утес Утреннего Света был готов к броску. Остальные иммобайлы заключали союзы, готовясь оспорить его превосходство — его новые технологии вселяли в них тревогу. Он знал, что они тоже экспериментируют с конструированием червоточин, его квантовые детекторы регистрировали характерные флуктуации в разных колониях по всей звездной системе праймов. Если он не начнет операцию сейчас, скоро они достигнут паритета и его первоначальное преимущество будет потеряно. Триста двадцать восемь червоточин открылись одновременно. Они были небольшими, около полутора метров в поперечнике — этого было достаточно, чтобы прошла десятитонная боеголовка. Затем червоточины закрылись.

Утес Утреннего Света открыл их в непосредственной близости от основных групп всех остальных иммобайлов планеты, внутри сверхмощных силовых полей, защищавших от нападения с неба, рядом с постоянно расширяющимися зданиями, в которых питались и укрывались их хозяева. Взрыв боеголовок уничтожил всех мобайлов и иммобайлов в радиусе двадцати пяти километров. Первый взрыв еще не угас, а Утес Утреннего Света уже снова открывал червоточины, направленные на следующую серию целей — на второстепенных иммобайлов, находящихся на орбите домашнего мира праймов. После этого подошла очередь первой из двух твердотельных планет, затем второй. Не были забыты ни два газовых гиганта, ни их спутники, ни обитаемые астероиды, ни отдельные промышленные станции. Волна взрывов целый день сотрясала звездную систему. Лишь немногие из иммобайлов успели понять, что началась война; они не смогли предугадать свою судьбу. Атака Утеса Утреннего Света была мгновенной.

Как только с этим было покончено и все другие иммобиайлы превратились в лужицы радиоактивной лавы, Утес Утреннего Света снова воспользовался червоточинами: в них были запущены оптоволоконные микроволновые кабели, которые подключились к лишенным ядра коммуникационным сетям поверженных соперников. Его мысли и приказы хлынули в мозги уцелевших мобайлов, смывая интеллектуальное наследие. После этого Утес Утреннего Света остался единственным разумным существом во всей звездной системе. По мере захвата контроля над оставшимися предприятиями и космическими кораблями каждый мобайл оказывался опутанным его мыслями. Посылаемые им миллиарды мобайлов больше недели осуществляли оценку разрушений и перепись неповрежденных объектов. Нетронутыми осталось большинство ферм и продовольственных комплексов, а также немалое количество производственных предприятий. Полученная информация помогла выработать стратегию интеграции и образовать единую систему. Управление целой солнечной системой потребовало образования новых второстепенных групп иммобиайлов. Согласованные действия и отсутствие соперничества привели к повышению уровня производства.

В воспоминаниях Боуза это называлось эффектом синергии. Несмотря на то что совокупность воспоминаний давно была уничтожена, слова и понятия чужака до сих пор мелькали в системном комплексе мышления Утеса Утреннего Света. В целях безопасности он даже решился на физическое уничтожение группы иммобиайлов, хранивших воспоминания Боуза. Тем не менее тень этих мыслей все же осталась, выливаясь в разрозненные чуждые фразы. Возможное заражение не вызвало беспокойства — единственное живое существо, захватившее всю звездную систему, было готово расширить свои владения.

Подготовка к походу на Содружество возобновилась, и сотни кораблей ежедневно пролетали сквозь переходы к промежуточной звездной системе, накапливая оборудование для постройки следующей серии червоточин.

* * *

Из сотен миллиардов мобайлов, спешивших выполнить предписанную им работу, один не подчинился инструкциям Утеса Утреннего Света. Подобное проявление индивидуальности было неслыханным явлением в мире праймов, и потому он мог двигаться по своему желанию и смотреть то, что ему хотелось, — ни один другой мобайл не обладал независимым мышлением, чтобы усомниться в его действиях, и, пока он не привлекал внимания Утеса Утреннего Света, мобайлу ничего не угрожало.

Целый день он бродил вокруг основания гигантской горы, в которой обитало сердце обширной разветвленной системы, составлявшей существо под именем Утес Утреннего Света. Он двигался не так уверенно, как остальные мобайлы, поскольку не привык пользоваться четырьмя конечностями, да еще так странно изгибающимися во всех направлениях. Но он достиг определенных успехов.

В глубине его сознания звучали мысли и приказы Утеса Утреннего Света, поступавшие через небольшой коммуникатор, прикрепленный к одному из нейронных отростков. Мобайл игнорировал их, потому что не хотел подчиняться — психическая особенность, какой не было у других мобайлов. Поступавшая из коммуникатора информация оказалась полезной

для понимания процесса, начавшегося в системе праймов.

Высоко в небе непрерывно вспыхивали молнии, били в защитный купол силового поля и с шипением уходили в землю древней долины. С невероятной скоростью проносились темные плотные тучи. По несколько раз в час на промокшую почву обрушивались настоящие муссонные ливни. С силового купола стекали целые ручьи, но они уже не успевали впитываться в перенасыщенную влагой землю. Священную долину захлестывали волны жидкой грязи.

Мобайл сосредоточенно следил за изменившейся погодой, и в его мозгу доминировала единственная мысль: ядерная зима.

* * *

Паула Мио села на экспресс, идущий из Парижа прямо в Уэссекс. Поезд на Рай Хаксли ходил только раз в день, так что на планетарной станции ей пришлось довольно долго дожидаться его отправления. Наконец, когда снаружи уже совсем стемнело, она вышла на платформу 87Б, расположенную в самом конце терминала. Там она обнаружила паровоз с четырьмя одноэтажными вагонами, будто вышедший из музея. Паула уже успела забыть, что эта поездка была равносильна возвращению в прошлое. В любом другом мире подобное устройство, извергающее клубы черного дыма от сжигаемого угля, попало бы под множество запретов об охране окружающей среды. Здесь, на одной из планет Большой Дюжины, это никого не волновало.

Она поднялась в первый вагон и уселась на обтянутую бархатом скамью. Еще двое попутчиков не обратили на нее ни малейшего внимания. Перед самым отправлением по вагону прошел контролер в темно-синем мундире с блестящими серебряными пуговицами и форменной фуражке с красным кантом.

— Ваш билет, мэ, — вежливо попросил он.

Она протянула небольшую розовую картонку, выданную автоматом в конце платформы. Контролер вынул щипцы и пробил в уголке Z-образную прорезь.

— Ждать осталось недолго, — сказал он, притрагиваясь пальцами к козырьку.

Сто пятьдесят лет цинизма и утонченности, подпитывавшие ее привычную защитную оболочку, мгновенно испарились.

— Большое спасибо, — совершенно искренне ответила она.

Открытость и прямоту этого общества доставили ей немалое удовольствие.

Она зажала в руке билет и стала с любопытством его рассматривать. Паровой двигатель издал громкий гудок, окутался клубами дыма и под лязг поршней начал отходить от платформы. Теоретически Рай Хаксли считался ее домом, хотя она и не испытывала никакой привязанности ни к планете, ни к кому-либо из ее обитателей. Для любого наблюдателя (а она была уверена, что Хоган установил за ней виртуальную слежку) означало бы, что она спешит спрятаться, вернуться в единственный мир, где ей и место.

Началось медленное движение по сортировочному участку станции. Другие поезда, казалось, стремительно проносились мимо, разбрасывая по вагону пятна света. В темноте впереди горели яркие зеленые и красные сигнальные огоньки, словно там раскинулся немногочисленный городок. Время от времени в глаза бил яркий встречный свет тяжелых грузовых поездов, и за ним тянулись бесконечные темные громады товарных вагонов.

Постепенно поезд дотащился до сектора станции, освещенного бледно-желтым сиянием, напоминающим свет луны. Паула, прижавшись к стеклу, увидела переход, на две трети освещенный солнцем мира, к которому он вел. Впереди весь путь был заполнен поездами. Контролирующая станцию система выстраивала их сплошным потоком, сохраняя пугающе малую дистанцию между составами. Только один путь оставался пустым и впереди, и сзади. Поезд описал плавную дугу и свернул к переходу, окутанному бледно-лимонным ореолом.

При переходе сквозь барьер повышенного давления Паула, как обычно, всей кожей ощутила легкое покалывание и в следующее мгновение уже оказалась в другом мире, в самый разгар дня. Поезд, набирая скорость, покатила по сельской местности, преимущественно занятой цветущими полями, разделенными на аккуратные квадраты. Границы участков обозначались плотными аккуратными живыми изгородями, а кое-где встречались и более крепкие каменные заборы. Местные деревья с красноватыми листьями чередовались с земными дубами, ясенями, платанами и березами. Все они были тщательно подстрижены так, чтобы от главного ствола отходили длинные горизонтальные ветки. Срезанную древесину здесь использовали в качестве топлива в зимние месяцы, что уменьшало зависимость фермеров от ископаемых ресурсов. Преимуществом простых механических технологий было их низкое энергопотребление, и вся необходимая электроэнергия вырабатывалась на гидростанциях.

В складках рельефа она увидела фермерские дома — большие каменные здания под голубыми шиферными крышами, окруженные санными амбарами, свинарниками, конюшнями и сараями. Кое-где встречались и силосные башни — высокие конусовидные сооружения, выкрашенные в сизо-голубой цвет. Насколько ей было известно, это были самые высокие постройки на всей планете. От главной железнодорожной ветки к силосным башням по невысоким насыпям отходили боковые пути. Сейчас, в середине лета, когда зерновые еще зеленели в полях, эти пути слегка подернулись ржавчиной. Позже, во время сбора урожая, зерновые поезда начнут свои ежедневные обходы, и сталь снова заблестит, а выросшие на путях сорняки пожелтеют и погибнут от горячего пара двигателей. Паула не могла не признать, что перед ней разворачивался идиллический сельский пейзаж. Теперь она принимала то, что так яростно отвергала, будучи растерянным, лишенным корней подростком. Вся сущность этого мира заключалась в его неизменности, именно этого добивались живущие здесь люди. Фонд Структуры Человечества избрал технологический уровень начала двадцатого века, предшествовавший электронной революции. Поддерживать простую технику и механику того времени было достаточно легко: если что-то и ломалось, в компьютерной диагностике не было необходимости, инженеры могли отыскать неисправность, взглянув на сочленения механических приводов и связки кабелей. То же самое относилось и к информационным потокам. Здесь не было модулей, баз данных и планетарных сетей, чиновники и бухгалтеры вели обычные записи и составляли картотеки. Фонд ориентировал людей на выполнение определенной работы, и ее специфика не менялась с течением времени. Здесь просто не было прогресса. Рай Хаксли предлагал своим обитателям самое стабильное общество, которое только мог обеспечить. Паула до сих пор не определилась во мнении, имел ли Фонд моральное право начинать этот проект, но сейчас, глядя на ухоженные поля и красочные фермы, она не могла не признать, что проект работал.

Поезд подошел к окраинам Фордсвилля, столицы мира. Железная дорога поднялась на высокую насыпь, и сверху Пауле были видны улицы окраинных районов: длинные ряды

аккуратных домиков с террасами тянулись вдоль идеально прямых дорог, все стены были сложены из рыжеватого кирпича, а рамы широких окон покрашены во все цвета радуги. Между ними возвышались общественные здания, построенные из серого камня, порой поднимавшиеся на три или четыре этажа. Здесь не было никаких храмов, как не было и самой религии. Это был мир, который, как каждый сознавал, был создан человеком, а не Богом.

Даже ближе к центру города стояли все те же одноэтажные дома, чередующиеся с коммерческими зданиями, и было много парков, нарушающих городское однообразие. Все это разительно отличалось от других городов Содружества, где деньги и политическое влияние концентрировались в центрах, что неизменно отражалось на архитектуре. В этом мире самым могущественным стимулом было равенство.

«Альфа-трасса», основная станция планеты, была, вероятно, самым крупным монолитным сооружением, если не считать главной клиники Фонда. Высота трех куполов крыши из стекла и металла позволяла клубам дыма от паровых двигателей свободно рассеиваться через верхние вентиляционные каналы. Паула прошла по платформе и оказалась на Ричмонд-сквер. По средней части улиц спешили электрические трамваи с тремя вагонами; еще больше было автобусов, чьи метановые двигатели издавали довольно высокое гудение, между ними протискивались такси и небольшие фургоны. Персональный транспорт был представлен исключительно велосипедами, которым на каждой улице отводилось по две полосы.

Мимо нее по тротуару спешили пешеходы. Многие на ходу исподтишка бросали в ее сторону любопытные взгляды, что показалось Пауле довольно забавным. Их привлекала не ее известность — здесь никто не знал главного следователя в лицо, но строгий деловой костюм выдавал в ней пришельца из другого мира. В отличие от Содружества, где обычай предписывал всем придерживаться определенного стиля, здесь можно было увидеть одежду самых разнообразных фасонов. Единственное, чего здесь не было, так это искусственных волокон.

Паула пересекла площадь и вышла к конечной остановке трамваев. За неимением киберсферы она не могла воспользоваться эл-дворецким, чтобы составить маршрут. Вместо этого ей пришлось подойти к большой красочной схеме, где трамвайные линии обозначались разными цветами, и выбрать то направление, которое ее бы устроило.

Спустя десять минут она уже сидела в трамвае, следующем по кольцевому маршруту, который, как она надеялась, проходил и через район Эрлсфилд. Вагон был точно таким же, как тот, на котором она ехала, когда покидала Рай Хаксли, вот только номер маршрута уже забылся. По мере удаления от центра количество магазинов и лавочек уменьшалось, уступая место жилым кварталам, а фабрики подступали все ближе. Паула, глядя по сторонам, не сомневалась, что правильно сделала, покинув это место много лет назад — после воспитания, полученного в Содружестве, этот мир казался ей чересчур спокойным.

Уже не в первый раз она подумывала о крайнем средстве: пройти омоложение и стереть все воспоминания о жизни в Содружестве. Без этих культурных наслоений, которым ее приемные родители придавали огромное значение, она могла бы прижиться и здесь. Но пока она не могла заставить себя на это решиться. Время еще не пришло. Осталось незавершенным ее первое серьезное расследование, хотя теперь ей придется намного труднее.

Оно началось в 2243-м, через две недели после сдачи экзамена на звание старшего следователя в Управлении — через девять месяцев после того, как Брэдли Йоханссон заявил о своем возвращении после странствий по тропам сильфенов и об основании организации Хранителей Личности. Как и всякий лидер нового политического движения, да еще проповедующий насильственные методы, он сильно нуждался в деньгах. Доступ к фондам Халгартов был для него окончательно закрыт, и Йоханссон придумал простой план, решив похитить то, что ему было нужно.

Теплой апрельской ночью Йоханссон и четверо его сообщников, которых он незадолго до этого освободил от рабства Звездного Странника, проникли в калифорнийский Музей научного наследия. Они равнодушно прошли по мраморным залам мимо гигантских самолетов и еще более впечатляющих космолетов, не обратили внимания на витрины, демонстрировавшие компьютеры двадцатого века, даже не посмотрели в сторону первых программируемых телескопов G5, проигнорировали самодвижущихся роботов, SD-лазеры, микросубмарины и прототипы сверхпроводниковых батарей и направились к куполу в самом центре здания. Там находился первый генератор червоточин, построенный Оззи Айзексом и Найджелом Шелдоном для путешествия на Марс. По поводу этого экспоната шли яростные переговоры и политические дебаты, но в конце концов музей получил право его выставлять.

Сигнал тревоги прозвучал сразу, как только Йоханссон и его сообщники открыли дверь центрального купола, и в тот же момент активировалось силовое поле. Через минуту купол уже был окружен охранниками.

С целью предотвращения хищений музей предусмотрительно установил различные силовые поля, изолирующие отдельные сектора помещений при первых же признаках преступных намерений. Центральный купол, содержащий наиболее важный и, следовательно, наиболее ценный объект, созданный человеческой расой, закрывался полностью. При активации поля преступники оказались запертыми внутри. Вроде бы все прекрасно.

Командир отряда из пятидесяти вооруженных охранников, воспользовавшись системой оповещения, предложил нарушителям сложить оружие и выйти с поднятыми руками и деактивированными вставками. После этого он попытался отключить силовое поле. И вот тогда обнаружилось, что Йоханссон, прежде чем войти, сжег главный силовой кабель генератора вместе с управляющими цепями. Защитный купол автоматически включился при первом же сигнале тревоги и работал на резервном источнике питания, но отключить его оказалось невозможно.

Возникшая ситуация никого не встревожила: надо было только подождать пять часов, пока не разрядится резервный аккумулятор. Вот только никто не подумал о том, какие возможности открывало устройство, защищенное этим куполом. Через щель в разбитой двери охранники увидели, что грабители энергично работают с генератором червоточин. Йоханссон подключил его к принесенной нуль-батарее, и древнее устройство ожило — хоть ему и было уже больше двух столетий, все компоненты оказались в исправном состоянии, поскольку Найджел и Оззи создали машину с огромным запасом надежности. Спустя час Йоханссон открыл червоточину. Она не могла протянуться на сколько-нибудь значительное расстояние, как ее современные преемники, используемые ККТ, но Йоханссон не собирался ни на Марс, ни даже на Луну. Он хотел оказаться всего в четырехстах пятидесяти километрах от музея, в Лас-Вегасе. Точнее, в самом надежном подземном хранилище, которым пользовались восемь крупнейших казино Земли.

После открытия червоточины команда налетчиков переместилась в хранилище — и снова сработала тревожная сигнализация, снова активировался силовой купол, который должен был удерживать любых нарушителей внутри до прибытия охраны. При помощи термических микрочарядов один из сообщников Йоханссона заблокировал вход в хранилище изнутри, а потом они потратили сорок пять минут, чтобы переместить мешки с банкнотами через червоточину в музей. В казино принимали любую валюту Содружества, но в каждом мешке содержалась сумма, эквивалентная пяти миллионам земных долларов. На переноску одного мешка, переход через червоточину и возвращение грабителям в среднем требовалась одна минута.

Паула Мио прибыла на место преступления через сорок пять минут после срабатывания сигнализации в калифорнийском Музее научного наследия. Всю последнюю неделю она занималась странной кражей — на заводе в окрестностях Портленда была похищена нуль-батарея. В Управлении никто не мог понять, кому она понадобилась; подобные накопители энергии использовались нечасто, но любое предприятие могло получить их без особого труда. Теперь все стало понятно. Паула пробилась через толпу репортеров, а потом и через кордон полиции Лос-Анджелеса и охранников музея. Пробоина в двери позволяла увидеть только часть старинного генератора в центре зала. Прищурившись, сквозь дрожащую пелену силового поля она заметила, как вокруг машины движутся неясные силуэты.

Не прошло и двух недель после аттестации, а она уже наблюдала за крупнейшим ограблением в истории человечества.

Йоханссон, дождавшись последнего мешка с банкнотами, снова переместил червоточину, но на этот раз конечный пункт остался неизвестным. Через пятнадцать минут все деньги были переправлены и грабители исчезли, а чуть позже простейший программируемый таймер отключил генератор.

Через два часа отключилось силовое поле. Паула и вызванная ею группа криминалистов были в числе первых, кто попал в зал музея. В Управлении, конечно, и не думали поручать ей это дело; она жила первой жизнью и считалась слишком молодой (о ее экстравагантном наследии никто никогда не упоминал). К расследованию привлекли специалистов с двадцатилетним стажем, а Паула оставалась на вторых ролях, в составе оперативной группы.

Наутро казино подтвердило кражу полутора миллиардов долларов. СМИ назвали это ограбление «кражей червоточины». Руководство Управления заверило общественность, что скоро будут произведены аресты. Тайно избавиться от такой огромной суммы денег было просто невозможно.

У Йоханссона, однако, имелся превосходный план: он и не подумал открывать огромные счета в банках, а тратил деньги там, где продавцы не задавали вопросов. Хранители Личности на Дальней активизировали свою деятельность и начали борьбу против Звездного Странника, выбрав в качестве первостепенной цели сотрудников исследовательского института, которых считали агентами чужаков. Второй целью их нападок стала семья Халгартов.

Оперативной группе не удалось идентифицировать ДНК Йоханссона из образцов, собранных в зале, что было неудивительно, поскольку он являлся всего лишь одним из двух с половиной сотен посетителей, чьи следы удалось обнаружить. Впрочем, в его личном деле имелись сведения, оставленные после запроса по поводу его исчезновения, и информация о работе, где он числился пять лет назад. Свести все воедино следователям удалось только после того, как на Дальней начались акции саботажа и Хранители наводнили киберсферу

своей пропагандой. Поймать Йоханссона оказалось еще труднее. Для закупок оружия и озвучивания своих посланий он всегда использовал оперативников из числа Хранителей. Любые операции затрагивали только второстепенных участников борьбы. Подобраться к лидеру никак не удавалось.

Шли годы и десятилетия, и следователи оперативной группы переходили в другие подразделения, а то и просто увольнялись со службы. Паула тем временем поднималась по служебной лестнице и в итоге встала во главе оперативной группы, — правда, к тому времени сама группа уже почти прекратила свое существование, а расследование «кражи червоточины» утратило свою актуальность. Тем не менее даже после этого Паула не закрыла дела, считая его частью расследования деятельности Хранителей. Она не успокоилась и после ста тридцати лет работы — она просто не могла закрыть глаза на тот случай.

Паула вышла из трамвая на Монтегю-хай-стрит. Город совсем не изменился; по крайней мере, так свидетельствовали неясные воспоминания из ее первой жизни. Улица с небольшими магазинчиками и отелями плавно опускалась, упираясь в бухту. Паула вспомнила, что там была каменистая гавань, где на отмели стояли рыбацьи лодки, а вдоль берега были развешены сети. Над головой кружились алые птицы — тетрачайки, чье маслянистое оперение позволяло им плавать не хуже рыб.

В середине дня на Монтегю было немногочисленно. Большинство людей разошлись по своим рабочим местам, и тротуары и автобусы были полупустыми. В витринах ближайшего магазина красовались демонстрировавшие одежду манекены. На Рае Хаксли не имелось ни сетевых, ни концессионных магазинов. Официальным строем здесь считался рыночный коммунизм, позволявший поставлять не только товары и продукты первой необходимости, что давало дизайнерам относительную свободу и возможность нововведений. Костюмы на манекенах оказались довольно привлекательными, как и дополнявшие их палантины.

Паула зашла в магазин, и с ней тотчас поздоровалась продавщица, молодая женщина, чей наряд состоял из предметов одежды, продававшихся здесь же. Паула сразу поймала себя на том, что слишком пристально разглядывает девушку: как должен выглядеть человек, созданный специально для того, чтобы работать в лавке? «Точно так же, как и ты, — сама себе сердито ответила Паула. — Как самый обычный человек». В конце концов, особой касты продавцов не существовало, а доминантные гены должны были лишь определять поведенческие комплексы и склонность к работе в сфере обслуживания. С таким же успехом эта женщина могла стать поваром, библиотекарем или садовником — жители Рая Хаксли только после начальной школы, в возрасте около двенадцати лет, начинали выбирать, по какой специальности они хотели бы работать в пределах предначертанной им сферы интересов.

Продавщица магазина с улыбкой осмотрела наряд Паулы.

— Могу я вам чем-нибудь помочь, мисс?

Пауле потребовалось пара секунд, чтобы осознать, что, несмотря на деловой костюм, она выглядела моложе этой женщины.

— Простите, но одежда мне не нужна. Я ищу дорогу к дому Денкена.

— А, конечно. — Женщина как будто ожидала от гостьи из чужого мира подобного вопроса. — Это на Симли-авеню. — Она обрисовала маршрут и задала свой вопрос: — Могу я спросить, почему вы решили его посетить?

— Мне нужен его совет.

— Вот как? Я и не думала, что граждане Содружества ищут помощи у наших вольнодумцев.

— Вы правы. Но я родилась здесь.

Ошеломленный вид продавщицы вызвал у нее улыбку.

Симли-авеню осталась такой же, как и прежде, — ряд одноэтажных бунгало с крошечными палисадниками. Исключение составляли лишь хвойные деревья, высаженные вдоль тротуара; за прошедшие полтора столетия они заметно выросли. К их терпкому аромату примешивался запах моря, приносимый свежим ветерком, и улочка казалась частью какого-то курорта. Это снова навело Паулу на мысли об отставке.

Дом Денкена стоял последним в ряду домиков перед обширным парком, разбитым на вершинах холмов. Он оказался несколько больше соседних бунгало и выглядел новшеством в этом мире, где все получают одинаковую плату, независимо от рода работы: его владелец когда-то возвел сбоку большую каменную пристройку с высокими узкими окнами, что не соответствовало общему стилю сельских построек.

По узенькой тропинке Паула прошла к передней двери и позвонила в потускневший бронзовый колокольчик. Прилегающий к дому садик тоже отличался от прямоугольных газонов, украшенных клумбами с яркими однолетниками и солнечными часами — здесь росли вечнозеленые кустарники, создававшие пастельную гамму, а лужайка явно не подстригалась уже пару недель.

Паула уже собиралась позвонить еще раз, когда изнутри донесся мужской голос:

— Иду, иду.

Дверь открылась, и перед ней возник мужчина лет тридцати с небольшим, одетый в сильно помятую серо-голубую футболку и лимонно-желтые шорты. Его неопрятные каштановые волосы с седыми прядями свободно спускались на плечи.

— О, неужели не могла прийти твоя мама?

— У меня нет мамы.

Она сразу же узнала лицо его предка: щеки были более пухлыми, а волосы немного более темными, но нос точно такой же, как и выразительные зеленые глаза. И точно такая же отрешенность от повседневной жизни.

Мужчина потер ладонями лицо, словно только что проснулся, и взгляделся в ее лицо.

— А, да ты из другого мира. Что ты здесь делаешь?

— Я ищу Денкена.

— Я Леонард Денкен. Слушаю.

— Меня зовут Паула Мио, и официально я не из другого мира.

Леонард Денкен нахмурился, потом изумленно моргнул, выпрямился и широко раскрыл глаза.

— Ух ты, конечно же, последний украденный младенец. Мой дедушка... Нет! Это мой прадедушка тебя консультировал, а отец мне об этом рассказывал.

— Мне снова нужен совет.

Он шумно выдохнул и широко улыбнулся.

— Входи, пожалуйста, входи. Прошу простить за путаницу. Мои мысли становятся не слишком четкими, и это видно по беспорядку в доме. Матильда грозитя все прибрать, а я никак не соберусь составить каталог. Когда-нибудь составлю. Да, когда-нибудь.

В длинном холле вдоль обеих стен лежали книги в твердых и кожаных переплетах. Некоторые стопки доставали Пауле до плеча и выглядели устрашающе неустойчивыми.

— Надо бы еще несколько книжных полок, — извиняющимся тоном произнес Леонард, заметив, как она растерянно озирается по сторонам. — На нашей улице есть несколько плотников, но я никак не соберусь их попросить. Да и досок еще пока нет.

Он проводил ее в большую пристройку, в которой была всего одна комната.

— Мой отец хотел, чтобы это помещение стало нашей библиотекой, — сказал он, — но я немного запустил его.

Все стены от пола до самого потолка были заняты книжными шкапами, но в них уже не осталось ни одного свободного дюйма, и стопки книг громоздились на полу. Даже на задней стене, в которой были прорезаны узкие высокие окна, висели книжные полки. Противоположную стену занимали полукруглые двустворчатые стеклянные двери, открывающие прекрасный вид на скалы и море. Сбоку от двери стоял огромный старинный письменный стол, заваленный журналами, бумагами, книгами и ящичками картотеки.

— Садись, пожалуйста. — Леонард указал на шаткий стул перед столом. — Матильда! Матильда, у нас гость. Выпьешь чаю? Или кофе? Боюсь только, что у меня не найдется распространенных в Содружестве сортов. Зато есть неплохой херес. — Он оглянулся по сторонам, словно попал в незнакомое место, но затем его взгляд остановился на древних дедовских часах. — Или еще слишком рано?

— Чая будет достаточно, спасибо.

У двери появилась девушка.

— Это Матильда, — представил ее Леонард.

Обожание в его голосе граничило с преклонением, а на лице мгновенно появилось мечтательное выражение.

Паула, привыкшая к моложавым и ухоженным женщинам Содружества, поразились красоте девушки. Матильде едва исполнилось двадцать, но ее утонченное и хрупкое лицо каким-то образом говорило о сильном характере, а большие небесно-голубые глаза удивляли пронизательным взглядом. Прекрасные светлые волосы, заплетенные в одну косу, опускались ниже спины. При довольно высоком росте у нее были длинные стройные ноги, которым мог позавидовать любой танцор. Пауле не составило труда все это заметить — на Матильде были надеты только плавки от купальника и короткая футболка, открывавшая большую часть загорелой кожи.

Паула снова выглянула в окно и заметила в садике два больших полотенца, на которых они, вероятно, загорали до ее прихода.

— Познакомься с Паулой Мио, нашей уважаемой гостьей из Содружества, — сказал Леонард.

— Привет, — откликнулась Матильда. — Что вам принести?

— Чашку чая, если можно, — ответила Паула.

— Конечно.

Паула вдруг осознала, что и сама отвечает улыбкой на бесхитростную улыбку Матильды.

— Красавица, правда? — спросил Леонард, когда дверь за девушкой закрылась. Он сиял, словно подросток, пригласивший на свидание королеву бала. — Я хочу попросить ее выйти за меня замуж, но не решаюсь. Мне бы этого очень хотелось, но... я немного старше нее. Хотя сама она об этом никогда не говорила.

— Не надо затягивать, — сказала Паула. — Если ты не сделаешь предложение, найдутся десятки других парней. Она находится там, где ей нравится, это о чем-нибудь да говорит.

— Да-да, ты права. — Он осекся и вздохнул. — Извини. Я не собирался просить у тебя совета.

— Все в порядке. У меня больше опыта в таких вещах, а к различиям в возрасте я за последнее столетие уже привыкла. Любовь сильнее.

— Да, конечно. Наверное, я слишком изумлен твоим приходом, поэтому не могу сдержаться. Где-то здесь лежат твои письма к моему прадедушке. — Он махнул рукой в сторону книжных полок. — Я прочел их, когда перенимал дела отца. Ты писала, что стала кем-то вроде детектива при правительстве Содружества.

Паула уже забыла об этих письмах. Поначалу это было необходимое общение с единственным человеком в галактике, который, казалось, ее понимал. Потом, когда она понемногу обрела уверенность, она писала просто из вежливости. Но работа занимала так много времени... Пустая отговорка. Она должна была догадаться, что Алексис сохранит письма. То дело было очень коротким, но и очень необычным.

— Да, я аттестовалась на должность следователя и добилась успеха. Без ложной скромности.

Он с такой гордостью улыбнулся, что нахлынули новые воспоминания.

— Конечно, ты добилась успеха. Ты стала лучшей из них. Хотя этого никто не признавал.

— Я должна благодарить за это твоего прадеда. Это он посоветовал мне уйти. Он знал, что после того, что я повидала в Содружестве, здесь я буду несчастлива.

— С этим я бы поспорил. Но я не он, а ты преуспела. Извини, если сочтешь это вторжением в личную жизнь, но я хочу спросить: не испытывала ли ты сомнений, подвергаясь омоложению? Тебе ведь не раз пришлось прибегнуть к этому процессу. Насколько я помню, с Рая Хаксли ты уехала подростком.

— Нет, никаких сомнений не было. Никогда. В мире так много преступников.

— И никто другой не может сделать эту работу.

Она поморщилась. Он был очень похож на Алексиса.

— Кое-кто мог бы попытаться, — признала она.

— Я спросил об омоложении, потому что у нас ведутся бесконечные споры. Мы никак не можем решить, стоит ли разрешить эту процедуру.

— Я бы сказала, что она противоречит всему вашему укладу. Здешнее общество устроено так, чтобы люди чувствовали удовлетворение, живя своей жизнью. По большей части это удовлетворение обусловлено естественным циклом, который не был нарушен и на который никогда не покушался Фонд. Людям просто предоставили возможность радоваться тому, что им доступно в определенных рамках, и это основное отличие от большинства миров Содружества. У них всегда будет работа или дело, приносящее радость, и финансовое вознаграждение, не больше и не меньше, чем у всех остальных. Разрешение омоложения приведет к увеличению населения, а имеющаяся экономика этого не выдержит. Ваша технологическая структура — это единственный вариант, приемлемый для кастового общества. Единственное, что может определить Фонд, — это поведенческие рефлексии, необходимые для определенной профессии, ну и несколько мелочей вроде ловкости пальцев для хирургов, но талантливых физиков-ядерщиков или микробиологов он вырастить не в состоянии. Такие профессии требуют самых разнообразных способностей, и одной склонности было бы недостаточно. Для развития современной экономики потребуется расширить специализацию до такой степени, что грани между отдельными группами

сотрутся. И тогда возникнет противоречие между обычными людьми и экономикой, определяемой идеологией, а не потребностями и возможностями. Ничто не может удержать их от того, чтобы получить лучше оплачиваемую работу на другой планете, тем более если придется пару столетий ходить в один и тот же офис.

— Боже мой, а я-то думал, что связать логическую цепочку из аргументов способны только такие вольнодумцы, как я.

Матильда вернулась с чайным подносом в руках.

— Не давайте ему сбить себя с толку, — сказала она, передавая чашку Пауле. — Он никудышный вольнодумец — всегда только задает вопросы, но не отвечает на них.

— Чтобы о чем-то размышлять, надо сначала хорошо изучить объект.

Матильда многозначительно улыбнулась Пауле и подала чашку Леонарду.

— А чем ты занимаешься? — спросила Паула.

— Я няня. Работаю в родильной палате местной больницы. Люблю детишек.

При этом она покосилась на Леонарда, и тот покраснел.

Пауле хотелось прикрикнуть на него, чтобы он решился сделать предложение. В этом доме повторялась старая история: в то время, почти полтора века назад, она была моложе Матильды, а Алексис старше, чем Леонард. Ее отъезд разбил сердце Алексису, а ей пришлось заставить себя уехать, поскольку это был единственный способ обрести будущее. Впрочем, если бы она и смогла обрести счастье на Рае Хаксли, то только с ним. Все вольнодумцы обладают общим недостатком: у них сильно развито воображение, что лишает уверенности в себе. Возможно, потому что все они мужчины. А Фонд еще и усилил их неспособность принять решение.

Матильда перевела взгляд со своего возлюбленного на Паулу.

— Я оставлю вас, чтобы вы смогли поговорить наедине. Дайте знать, если что-то понадобится.

Она поцеловала Леонарда в лоб и вышла в сад. Там она освободилась от своей скучной одежды и легла на полотенце, а Пауле вдруг вспомнились Меллани и Мортон, хотя эту пару она была бы не прочь забыть.

— Но разве твоя жизнь не опровергает твои же аргументы? — спросил Леонард.

— Кое-кто недавно назвал привитые мне в Фонде способности синдромом навязчивых состояний. Он, конечно, идиот, но в его словах есть некоторый смысл. Это отличное качество для офицера полиции. Возможно, принять Содружество способен только такой тип личности, как у меня. — Она помолчала, задумавшись, куда заведут подобные рассуждения. — Может быть, еще и вольнодумцы.

Леонард обхватил чашку обеими руками и уставился на нее поверх ободка.

— Мы не настолько свободны, как думают люди. Если бы меня попросили определить нашу специальность, я бы назвал нас психиатрами. Фонд счел нас необходимыми для общества, чтобы решать нестандартные проблемы и вопросы. А в совокупности мы по сути равны политикам. Наш совет призван искать альтернативы, а все остальные вольны сделать свой выбор. — Его лицо заметно смягчилось. — Многие считают, что мы указываем людям, как им поступать, но это миф. Хотя, должен признать, будь это правдой, открылась бы восхитительная перспектива стать диктатором.

— Не думаю, что из тебя получится настоящий диктатор, Леонард.

— Да, думаю, ты права. Как странно, что наши микроусилия известны намного лучше, чем макроработы. Ко мне действительно относятся как к местному психиатру. Люди

приходят в этот дом с каждой проблемой, которая выбивает их из привычной жизни.

— И я повинна в том же, как и все остальные.

— Понимаю. Так что же тебя ко мне привело?

— Этой планете, возможно, потребуются дополнительные усилия. Ты следил за новостями о Паре Дайсона и живущих там чужаках праймах?

— Боже, конечно, следил, это было во всех газетах, хотя для новостей Содружества в наших СМИ отведено не так уж много места. Но я получал краткие сводки из представительства Содружества, что расположено в Фордсвилле. Ты с этим связана?

— Была связана.

Паула начала свой рассказ.

Спустя два часа, когда она закончила повествование, Леонард выглядел обескураженным. Он сжал руками виски и громко вздохнул.

— Не знаю, чем могу тебе помочь, разве что пойти к этому типу, Рафаэлю Колумбия, и разбить ему нос. Неужели ты и вправду работала над этим делом больше ста тридцати лет?

— Да. Сдаваться не в моем характере.

— Нет, конечно, нет. Извини, я просто не привык к таким масштабам временных промежутков. Чем же ты хочешь теперь заняться?

— Я должна поймать Йоханссона.

— Да, понимаю. Что ж, я пользуюсь некоторым влиянием в Фонде, это отмечено в контракте. Можно устроить так, чтобы Казначейство назначило тебе постоянный оклад, это немного, но тебе не придется беспокоиться о деньгах, и ты сможешь преследовать этого дьявола в человеческом обличье.

Паула рассмеялась, хоть и сознавала, что может обидеть собеседника. Она склонялась к мысли, что приезд сюда был грандиозной ошибкой. Она поддалась инстинктивному порыву. Леонард был вольнодумцем и к тому же последней ниточкой, связывающей ее с Алексисом. Она обвела взглядом библиотеку, прикидывая, что бы изменила в этом доме, если бы осталась. Окраска, мебель, обои — все это могло бы изгнать признаки академической ветхости.

— Леонард, все сто пятьдесят лет Содружество платило мне неплохой оклад и компенсировало все издержки. Кредит за квартиру я выплатила еще сто восемь лет назад. Питалась я по большей части в служебной столовой. Все, что я покупала, это шесть костюмов в год и кое-что из повседневной одежды. Кроме отчислений на страховку «О&О», все деньги поступают на управляемый РИ счет, и он растет, несмотря на инфляцию. Я тебе благодарна, но не нуждаюсь в деньгах.

— Чем же я могу тебе помочь?

— Считается, что вольнодумцы способны беспристрастно оценить масштабную картину. Я хотела, чтобы ты подсказал мне дальнейшие шаги. Даже если это будет похоже на отпущение грехов.

— Никакая религия... нет, забудь. Ты говоришь, что хочешь услышать от меня, что делать дальше?

— Возможно, я хочу услышать подтверждение собственным мыслям. И можешь не забивать себе голову подробностями.

— Я даже не уверен, что достаточно разобрался в твоём расследовании. Но ты получила определенные возможности. И не привыкла сдаваться. Тебе известно, что Йоханссон должен предстать перед судом. Паула, воспользуйся своим талантом и поймай его.

— Но должна ли я это делать? — пробормотала она.

От одной только этой мысли по спине пробежал холодок.

— Почему нет?

— А вдруг он прав? Вдруг Звездный Странник действительно существует и оказывает тлетворное влияние на наших политиков?

— Господи, да разве это возможно? Мне все это представляется теорией заговора.

— Знаю. Но в расследовании, которое я никак не могу завершить, все время появляются новые противоречия. До сих пор казалось, что мотивы Йоханссона достаточно просты, что движение Хранителей первоначально было основано ради ограбления в Лас-Вегасе, а затем продолжило существование, чтобы обеспечить Йоханссону безбедную жизнь за счет доходов. Но если он прав и Звездный Странник действительно подтолкнул нас к полету в систему Пары Дайсона, многие вещи становятся более понятными. Во-первых, он никогда не отступал от своей веры в существование Звездного Странника. Единственный человек, который так же твердо придерживается своей позиции, насколько мне известно, — это я.

— Ага, теперь я понимаю, почему ты пришла ко мне. Это вопрос морали. Надо ли отказаться от преследования Йоханссона, хоть он, безусловно, заслуживает наказания, и направить усилия на поимку Звездного Странника, несмотря на то что его существование еще не доказано.

— Что-то вроде того, — кивнула Паула.

Она еще не говорила, что больше ни с кем не могла обсудить создавшуюся ситуацию. Она до сих пор не знала, кому было можно верить.

— Как ни лестно мне твое доверие, я не уверен, что смогу дать определенный ответ. Я плохо разбираюсь в политике Содружества, а расследование, похоже, затрагивает именно эту область.

— Нет, не совсем так. Политики со своими стремлениями, особенно Колумбия, тесно связаны с этим делом. Но меня заботит не их борьба за власть, а результат этой борьбы. Если ты еще сомневаешься в существовании Звездного Странника, стоит обратить внимание на Найджела Шелдона. Он тоже как-то в этом замешан. С какой стороны ни посмотри. Йоханссон всегда выступал против политической власти. Это может означать, что он связан с какой-то мелкой политической группировкой, и тогда стало бы понятно, почему он так долго пользуется поддержкой кого-то из правительства Содружества.

— Подожди. Ты же сказала, что Шелдон противился досмотру грузов, поступающих на Дальнюю.

— Так сказал мне Томпсон Бурнелли.

— Тогда почему же Йоханссон борется и с ним тоже?

— Не знаю. Возможно, он этого не делает. Это в том случае, если Бурнелли не ошибался. Если бы Йоханссон сумел убедить Шелдона в реальности угрозы, исходящей от Звездного Странника, ему не понадобились бы ни Хранители, ни «кража червоточины», и тогда все наше Управление занималось бы поисками чужака. Но он не смог его убедить, однако Шелдон все-таки блокировал запрос о досмотре.

— Насколько можно доверять сенатору?

— В этом вопросе? Полностью.

Леонард с озадаченным видом откинулся назад.

— Это не укладывается в рамки логики.

— Только потому, что нам не хватает информации.

— Зато есть твоя решимость завершить расследование. Да, я понимаю. Но какую его часть? Интересная дилемма. Ты в состоянии противодействовать Шелдону?

— В нынешних обстоятельствах я могу рассчитывать только на одну встречу с могущественной личностью. И потому надо тщательно все продумать. Если Шелдон действительно в этом замешан, он просто будет все отрицать, и меня, вероятно, ожидает та же судьба, что и сенатора.

— Верно. Но этого хотелось бы избежать. Да, если бы тебе удалось поймать Йоханссона, он смог бы дать ответы на многие вопросы.

— Поимка Звездного Странника тоже решила бы проблему.

— И как ты собираешься это сделать?

— Поеду на Дальнюю. Если Йоханссон прав, в Институте исследования «Мари Селесты» должно быть множество тому доказательств.

— А это не опасно?

— Риск вполне допустимый. Никто от меня этого не ожидает. Поездка будет короткой.

— Соблазнительный вариант. Звездный Странник представляет собой большее зло, и это позволит тебе преследовать его с чистой совестью. Если только, конечно, это не реакция на увольнение со службы.

— Нет. Йоханссона я рано или поздно найду. Но с учетом ситуации с праймами должна признать, что времени может и не хватить. Особенно если Йоханссон прав и над нами нависла реальная угроза. Предотвращение военного конфликта и есть конечная цель преследования Звездного Странника.

— Можешь не обращать внимания на фактор времени. Он неизвестен, и догадки тут не помогут. Тебе необходимо отыскать Йоханссона. Тебе известно, как он действует, известны его повадки. И сейчас у тебя есть огромное преимущество.

— Какое же?

— Если ты работаешь одна, никаких утечек информации из отдела не будет. Он не будет знать о твоём приближении.

Паула усмехнулась.

— А у тебя больше общего с Алексисом, чем я думала.

— Что ж, спасибо. С чего ты теперь начнешь?

— Поеду на Дальнюю и свяжусь с Хранителями. Они выведут меня на Йоханссона. Как ты заметил, он не ожидает моего появления с этой стороны.

— Ох-ох, надеюсь, ты знаешь, что делаешь, но, прошу тебя, будь осторожна. Мне бы хотелось, чтобы мой правнук сидел здесь и помогал тебе в очередных затруднениях.

Она поднялась и протянула ему руку.

— Передай ему, пусть ждет меня.

— Ты и в самом деле намерена воспользоваться моими советами?

— Да, они помогли мне сосредоточиться и определиться.

Он оглянулся на Матильду, все еще загоравшую в саду.

— В таком случае я тоже последую твоему совету.

У входа в дом, где располагалась квартира Паулы, стоял огромный черный лимузин, почти перегородивший всю улицу. Она удивилась, что полиция до сих пор не увезла его. По меньшей мере они должны были оштрафовать водителя. Она поравнялась с машиной, и в этот момент бесшумно поднялась боковая дверца. Из салона выглянул мужчина с золотым

лицом.

— Нам надо поговорить, — обратился он к Пауле.

Дом Тюльпанов находился за пределами Нью-Йорка, в округе Рай. Само здание почти терялось среди высоких сосен на вершине одного из невысоких холмов этого сурового района. Огромные кусты рододендронов, прекрасно чувствующих себя на каменистой почве, во время цветения покрывали всю землю великолепным ковром. Владельцы здешних домов по несколько жизней и столетий предпочитали не менять места жительства. Близость большого города делала этот район хоть и не таким шикарным, как Хэмптон, но тем не менее превосходным местом для всех, кого не беспокоили высокие цены на землю.

Примерно так и рассуждал интернет-миллиардер Майлз Форан, чье состояние росло в геометрической прогрессии, когда в начале двадцать первого столетия он начал строить здесь свое поместье. Форан заявил о желании создать «первую настоящую американскую усадьбу нового тысячелетия». Стандартные бревенчатые постройки, облицованные кирпичом или камнем, его не устраивали. Возникшие было насмешки быстро прекратились, когда архитекторы приступили к работе. Изящные каменные стены опирались на бетон и сталь и должны были простоять не одно столетие. Затем наступила очередь ремесленников со всего мира: столяры и резчики по камню создавали произведение искусства, в котором было можно жить. Лучшим дизайнерам было поручено разработать современный классический интерьер, по сравнению с которым дворцы нефтяных магнатов казались дешевыми и жалкими. На участке вокруг дома заложили парки, соперничавшие с Версалем.

Строительство дома успешно продолжалось уже несколько лет, когда Джефф Бейкер выпустил на мировой рынок мемо-кристаллы. Это событие стало настоящим переворотом в развитии электронной памяти, кристаллы мгновенно вытеснили все другие системы, уничтожили авторское право и превратили Интернет в базу данных. Кривая роста состояния Форана круто повернула вниз, и спасти его не могла даже процедура банкротства.

Несколько лет спустя банк-кредитор со сдержанной благодарностью принял от Гора Бурнелли скромную сумму взамен поместья вместе с недостроенной причудой. Работы возобновились. Центральная башня была закончена и увенчана золоченой античной короной. Вокруг нее лепестками протянулись четыре овальных крыла под изогнутыми крышами из красной и черной черепицы, повторявшие дизайн Сиднейской оперы. Внутри разместились приемные, бальный зал, большой банкетный зал, пятьдесят гостевых спален, библиотека, плавательные бассейны, солярии, игровые комнаты и гигантские подземные гаражи, содержимому которых мог бы позавидовать любой автомобильный музей.

Все сооружение в целом получилось роскошным до вульгарности, но Джастина проводила здесь больше времени, чем в любой другой семейной резиденции. Если где-то и существовал ее дом, то он был именно здесь. И сейчас она собиралась устроить здесь помолвку Мюриэл, несмотря на то, что время было выбрано крайне неудачно.

Прием был запланирован несколько месяцев назад, когда успешно завершились переговоры между адвокатами, представляющими интересы семей Бурнелли и Константинов. Заключение союза влекло за собой обмен некоторыми пакетами акций, и все процедуры должны были пройти тщательную проверку. Поскольку новобрачные принадлежали к относительно молодому поколению, им предстояло получить вторичные акции, несколько небольших развивающихся компаний, виртуальный кредитный банк и недвижимость в третьей зоне космоса. В то же время союз предполагал соединение прямых

потомков, и адвокатам было позволено рассмотреть перспективы для предполагаемого потомства на ближайшие два столетия, а на это ушло немало времени.

Заплаканная Мюриэл отважно предложила отложить помолвку, ведь Томпсон был ее предком, на что Джастина улыбнулась, видя отчаяние девушки, живущей первой жизнью.

— Ни за что, — сказала она. — Томпсон бы этого не захотел.

И сегодня в середине дня она стояла под увитым розами навесом и встречала гостей, прибывавших на современных лимузинах или роскошных антикварных машинах. На сами автомобили она не обращала внимания, ее интерес к соперничеству в этой области угас сто лет назад, но приходилось проявлять осведомленность по отношению к тем, кто придавал ему значение. В приглашениях было указано, что одежда должна была соответствовать стилю пятидесятых годов двадцатого столетия, и в этом же стиле на верхней лужайке были построены павильоны. Официанты в соответствующей форме предлагали гостям коктейли той эпохи.

Для себя Джастина выбрала длинное вечернее платье цвета морской волны, дополненное блестящим русалочьим шлейфом. Вот только ходить по траве на каблуках было не очень удобно.

С заднего сиденья «Олдсмобилей-56» медленно выбралась Эстелла.

— Боже, что с тобой случилось? — воскликнула Джастина, глядя на ковыляющую подругу.

Эстелла приехала в платье красного цвета в белый горошек. Наряд дополняли розовые солнечные очки, а на ногах вместо туфель были поддерживающие электромускульные ботинки.

— Дорогая, мне так жаль портить своим видом ваше торжество, — сказала Эстелла после приветственных поцелуев. — Но я вывихнула обе лодыжки. Это было так больно, только не смейся.

— Как тебе это удалось?

— Глупо вышло. На вечеринке я танцевала на кофейном столике, а потом спрыгнула и неудачно приземлилась. Не понимаю, как это произошло. Я сотни раз танцевала на столе, но никогда ничего подобного не случалось.

Джастина не позволила себе ни слова упрека, это выглядело бы слишком покровительственно.

— Меня никогда не приглашали на такие вечеринки.

— Конечно, нет, сенатор. Тебе надо поддерживать репутацию.

— Ох, спасибо. Если я и нуждаюсь в поддержке, то только от таких, как ты.

— Я знаю, дорогая. — Эстелла взяла Джастину за руку. — Как у тебя дела? Тебя не слишком замучили?

— У Томпсона отличная команда, и мне остается только голосовать по их подсказке. Я даже еще не начала разбираться в делах. В конце концов, это только временное назначение. Однако при голосовании все сенаторы единогласно поддержали мою кандидатуру, даже противники Томпсона. Думаю, они были в шоке или же слишком напуганы. До сих пор сенаторов не убивали. Это своего рода предупреждение убийце: политических деятелей этим не остановишь. Так что мне приходится всего лишь держать оборону, пока он не выйдет из клиники.

— Не переживай.

— Ты же меня знаешь.

У Джастины вырвался нервный смешок.

— Уже известно, кто это сделал?

— Нет. И зачем это понадобилось, тоже непонятно. Глупо. Кому надо в наше время убивать людей? Мы ведь уже не варвары.

Эстелла одернула на себе платье.

— Сегодня нас можно считать варварами.

— Верно. Ты останешься на вечернее представление? Будет «Сон в летнюю ночь». Говорят, что актеры из Толторп-холла неплохо играют, а сцену установили на открытом воздухе, перед нижней буковой рощей.

— Дорогая, я сейчас никуда не хожу. Крепкая выпивка и симпатичный официант, живущий первой жизнью, — вот и все, что мне надо.

— Хорошо. Мы еще поболтаем чуть позже, ладно?

— Обязательно. Это ведь Мюриэл?

— Конечно.

Джастина представила подругу невесте с женихом, поджидавшим у противоположной стороны навеса.

Мюриэл для сегодняшнего дня выбрала точно такое же платье, какое было на Мэрилин Монро в фильме «Зуд седьмого года», и Джастина не могла не признать, что выбор был удачным. Девушка обладала невероятно красивой фигурой, и к ней прилагался чудесный характер, так что Джастина, несмотря на свое молодое тело, чувствовала себя старой и разбитой. Юный Старрал Константин не скрывал своей влюбленности, и молодые постоянно держались за руки. Джастина ощущала усталость от одной только их близости. Она уже целую вечность наблюдала энтузиазм Мюриэл, слушала о ее любви, о предстоящей свадьбе, об их будущей совместной жизни и многочисленных детишках, которых она собиралась подарить (посредством естественной беременности, слава богу) своему прекрасному возлюбленному. После окончания Йеля Мюриэл пять месяцев провела в Доме Тюльпанов, и помощь в планировании каждой мелочи оказалась весьма утомительной. Даже праймы и Флот отошли на второй план.

А потом какой-то безумец убил Томпсона.

«Почему?»

Теперь ей приходилось быть решительной и сильной, какой должен быть старший представитель рода Бурнелли. А Джастине хотелось обнять младшего брата и баюкать его, как она делала в возрасте пяти лет, когда Томпсон был младенцем.

— Что с тобой? — спросила ее Мюриэл.

Джастина, к своему ужасу, поняла, что глаза у нее увлажнились. Проклятье, только не сейчас!

— Справляюсь, — твердо ответила она. — Только время от времени вспоминаю его, вот и все.

Мюриэл обняла ее так по-детски, так искренне, что Джастина всерьез испугалась, что разрыдается во весь голос.

— Все в порядке, — тихонько прошептала Мюриэл. — Он скоро вернется.

— Да, спасибо. — Джастина благодарно кивнула, стараясь не видеть озабоченной улыбки Мюриэл. — Извини, я порчу тебе праздник.

— Мы же одна семья, значит, должны вместе переносить все превратности судьбы.

Джастина подняла руку и поправила бретельки на плечах девушки.

— В горе и в радости, верно?

— Да, и сейчас у меня время радости. — Она оглянулась на Старрала, и тот ответил ей понимающей улыбкой. — А знаешь, он очень хорош в постели, — доверительным тоном добавила Мюриэл.

— Да, дорогая, ты мне об этом уже говорила.

— Я не буду возражать, если ты захочешь провести с ним пару ночей. Пока мы еще не женаты.

Джастина непроизвольно хихикнула: Мюриэл говорила об этом вполне серьезно. Как прекрасно быть такой молодой.

— Ладно, ладно. Наслаждайся им сама, все видят, какая добыча тебе досталась. Доводи его до экстаза каждую ночь, и пусть на других у него не останется сил.

— Я очень стараюсь быть плохой девчонкой, — скромно сказала Мюриэл.

— Правильно. Нам, девочкам Бурнелли, надо поддерживать свою репутацию. И я прошу тебя не уронить честь семьи. Если они утром еще в состоянии ходить, значит, мы были недостаточно плохими девочками.

После этого захихикала Мюриэл. Старрал, наблюдавший за тайным женским советом, бросал в их сторону подозрительные взгляды.

— О господи! — пробормотала Джастина, увидев остановившуюся удлиненную «Шкоду». — Посмотри, кто приехал. Вот потеха, она привезла с собой свою новую шлюшку.

Обе Бурнелли выпрямились и с притворными улыбками поздоровались с подошедшей Алессандрой Барон.

— Мой дорогой сенатор, примите соболезнования по поводу несчастья с вашим братом, — заговорила Алессандра. — Его участие в моем шоу всегда доставляло истинное наслаждение. Я называла его порядочным политиком. Таких осталось очень мало.

Джастина продемонстрировала гостеприимство, поцеловав воздух рядом со щекой гостыи.

— Благодарю. То же самое он всегда говорил о вас.

— Передайте ему мои наилучшие пожелания, как только его новое тело обретет сознание. Я с радостью буду ждать его возвращения на шоу.

— Непременно передам. Спасибо.

— Позвольте представить вам моего нового и подающего большие надежды репортера, — продолжала Алессандра. — Меллани Рескорай.

Джастина улыбнулась и пожала руку молодой женщине: она явно жила первой жизнью и была примерно в том же возрасте, что и Мюриэл. Но на этом их сходство заканчивалось. Джастина увидела в ней настоящего бойца, опасного и очень амбициозного. Странно, что этого не заметила Алессандра. Видимо, она утратила бдительность, любуясь на себя в зеркало.

— Для меня это большая честь, сенатор, — сказала Меллани. — У вас здесь прекрасный дом.

— Благодарю. Я видела некоторые из ваших репортажей. Вы прекрасно показали себя, особенно на Элане.

— Эти люди совершают ужасную ошибку, противодействуя Флоту. Содружество должно было узнать об их поступках.

— Да, конечно.

— Ну, Меллани, мы же на празднике! — воскликнула Алессандра. — А это, должно

быть, счастливая невеста. — Она взяла Мюриэл за обе руки. — Примите мои поздравления с помолвкой, дорогая. Вы великолепно выглядите и заставляете всех остальных стыдиться своей одежды. И это правильно.

— Я тоже вас поздравляю, — добавила Меллани. — Вам очень повезло.

Ее слова прозвучали достаточно искренне.

Джастина подождала, пока журналисты не закончили приветствовать Старрала и не покинули шатер.

— Напомни-ка мне, почему мы ее пригласили?

— Это же светское событие. Таковы правила.

— Ах, да. Я знала, что должна быть веская причина.

— Как ты думаешь, Гор приедет? Семья Старрала уже собралась в полном составе.

— Не беспокойся, он появится. Он знает, что я с ним сделаю, если пропустит это событие.

Гор Бурнелли действительно прибыл на своем огромном «ЗИЛе», но только после пяти часов. Джастина, беседовавшая с группой Халгартов, закончила разговор и пошла поздороваться с отцом. На нем был превосходно сшитый смокинг, но даже он не придал человеческого вида его золотому лицу и рукам. Вместе с ним в машине приехала женщина, которую Джастина не сразу заметила. Очень молодая и привлекательная, с восточным типом лица, что подчеркивали прямые черные волосы, стянутые на затылке. На женщине был современный деловой костюм — несмотря на то что стиль одежды был четко указан в приглашениях.

— Не ворчи, — сказал Гор. — Паула здесь в качестве моей гостьи.

— Чудесно, — ответила Джастина. Затем она узнала женщину, даже не прибегая к помощи эл-дворецкого. — Следователь, я наблюдала за многими вашими делами.

— Бывший следователь, — поправила ее Паула. — Я уволена.

— Именно поэтому она и здесь, — добавил Гор.

Его слова ничего не объяснили Джастине, и ей оставалось только надеяться, что праздник не станет поводом для очередных дел и люди смогут просто радоваться и веселиться.

Гор, как и Джастина, избрал Дом Тюльпанов в качестве основной базы для своих операций. И не только из-за соображений физической безопасности: сеть киберсферы здесь была полнее, чем в большинстве деловых центров, а это давно стало главным условием для его занятий. Сетевой интерфейс дома, как и самого Гора, был оснащен самыми современными достижениями технологии, и в совокупности они работали наиболее эффективно. Инженеры из принадлежащей семье компании постоянно что-то модифицировали, дополняя сети устройствами, которые попадали на рынок только через несколько лет.

Визуально размеры кабинета было трудно определить, настолько необычно он выглядел — все поверхности в комнате покрывал светившийся изнутри жемчужно-белый пластик, а в нем медленно перемещались яркие искорки. Джастине здесь всегда казалось, что она находится внутри какого-то гигантского фотонного процессора.

Дверь за ними закрылась, и все трое словно попали в голографическую проекцию. Затем из пола сформировались округлые кресла, похожие на вылепленные бин-бэги. Их внутреннее свечение окрасилось бронзой, свидетельствуя о готовности мебели. Как только

они уселись, свечение прекратилось.

— Я рекомендую Паулу в службу безопасности сената, — сказал Гор. — Она должна получить должность начальника отдела. Тебе придется об этом позаботиться.

— Хорошо, — спокойно согласилась Джастина. — А для чего?

— Убийца вашего брата был послан кем-то, кто связан с делом, над которым я работала, — пояснила Паула.

— Йоханссоном? Не хочу никого критиковать, особенно сегодня, но вы работали над этим расследованием довольно долго. Это ведь и послужило причиной увольнения, не так ли? Рафаэль Колумбия хотел конкретных результатов?

— Колумбия тот еще мерзавец, — заявил Гор. — Нам придется за ним присматривать. Этот тип не успокоится, пока не станет коронованным императором.

Джастина пристально взглянула на Паулу.

— Но ведь в чем-то он прав. У вас было сто сорок лет.

— Это расследование затрагивает не только «кражу червоточины», — сказала Паула. — Я всегда знала, что Йоханссон пользуется поддержкой кого-то из сената или администрации президента. Ваш брат это подтвердил. А потом его убили.

— Кто его убил?

— Не знаю. Киллером был неизвестный боевик, и на кого он работает — тоже непонятно. Но у меня имеются определенные подозрения.

— Кто? — крикнула Джастина.

— Звездный Странник.

От неожиданности Джастина откинулась на спинку кресла.

— Ради бога! — сердито воскликнула она.

— А я в это верю, — сказал Гор.

— Папа, ты не шутишь?

— Нас обыграл неизвестный игрок. Я знал, что с планированием Флота происходит нечто подозрительное — это было нетрудно. Кто-то заранее подготовил почву.

— Чушь. До возвращения «Второго шанса» никто и не предполагал, что нам понадобится флот. Я и сама в этом до сих пор не уверена. Мы ввязались в это дело исключительно ради контрактов.

— Чертовски правильно. Наш основной мотив — неприкрытая корысть, страх бедности и незащищенности. Он неплохо нас изучил, не так ли?

— Нет. — Джастина покачала головой. — Что именно сказал вам мой брат? — спросила она у Паулы.

— Я десятилетиями добивалась полного досмотра грузов, отправляемых на Дальнюю. Если бы удалось предотвратить контрабанду оружия, нам навсегда удалось бы избавиться от Йоханссона. Ваш брат выяснил, что законопроект блокировал Найджел Шелдон.

— Это... это... — Джастина, задохнувшись, повернулась к отцу. — Неужели ты в это веришь?

— А почему бы не допустить существование Звездного Странника? — ответил он вопросом на вопрос.

— Институт на Дальней давно бы его обнаружил.

— По словам Йоханссона, они это сделали, — вставила Паула. — Если помните, он был директором института.

— Это мне известно, — сухо ответила Джастина. Ее мысли унеслись на солнечную

лужайку, где тогда приземлился ее гиперглайдер. И вспомнилась трогательная убежденность Казимира в его безумной борьбе. — Ладно, предположим, что этот чужак действительно существует и Найджел Шелдон работает на него или попал к нему в рабство. Каким образом это могло привести к убийству Томпсона?

— В конце концов он добился принятия закона, — сказала Паула. — Важность этого события я и сама осознала только вчера. Свободные от официального вмешательства поставки на Дальнюю — это условие сделки двух дьявольских сил. Хранителям это необходимо, чтобы получать контрабандное оружие, а Звездному Страннику — для возвращения.

— Возвращения? На корабль? — спросила Джастина.

— Да. Так утверждают Хранители. Он намерен уничтожить Содружество и вернуться.

— С какой стати? Корабль разбит, а сама планета наполовину мертва. Я знаю, я была там.

Она уловила это: движение глаз, изменение ритма дыхания и десятки других немаловажных признаков. Большинство людей не придали бы этому значения, но Джастина три с половиной сотни лет вела игру с политическими деятелями и финансовыми магнатами. Для нее язык тела был равносителен мощной телепатической передаче. И все это сделало ее очередной подозреваемой в глазах Паулы Мио.

— Никто не понимает его мотивов, — сказала Паула. — Кроме, возможно, самого Йоханссона. А я не могу считать его надежным источником даже в том случае, если он окажется прав. Приходится полагаться только на пропаганду Хранителей, а они заявляют, что Звездный Странник намерен вернуться.

— И вы считаете, что все это привело к убийству моего брата?

— Он поставил препятствие на его пути.

Взгляд Джестины надолго задержался на отце, но на его зеркально-гладком золотом лице она увидела только свое искривленное отражение. Впрочем, его молчание красноречиво говорило о том, чью позицию он разделял в этом споре.

— Каким же образом назначение в службу безопасности может помочь вам найти убийцу?

— Я получу доступ к данным разведки Флота. Смогу видеть, что они делают, но они не узнают, что я заглядываю им через плечо. Таким образом я все время буду на шаг впереди них.

— Постойте, — прервала ее Джастина. — Кого именно вы собираетесь ловить?

— В конечном счете, Звездного Странника. Но для этого мне необходимо добраться до Йоханссона — он единственный эксперт по данному вопросу. — Паула посмотрела на Гора. — В противном случае я отправлюсь на Дальнюю.

— Не может быть и речи, — отрезал Гор. — Мы это уже обсудили. Вы представляете слишком большую ценность, чтобы лично гоняться за чужаком по незнакомой местности, полной повстанцев. Кроме того, вы не приспособлены для подобных операций. Ваш общественный статус слишком высок, и нам придется спрятать вас в кабинете за бумажной работой. Теперь, когда я здесь немного разобрался, можем послать тайных агентов из нашей семейной службы безопасности, чтобы они присмотрелись к обеим фракциям на Дальней. Хочу точно знать, что там происходит.

— Хорошо, — сказала Джастина. — Я дам поручение аппарату Томпсона обеспечить вам доступ к информации. Будьте готовы приступить к работе уже завтра.

Нельзя сказать, чтобы отец ее убедил, но продолжать этот спор она больше не могла.

Меллани знала, что прием бы понравился Мортону: здесь присутствовали игроки более высокой лиги, чем та, к которой он принадлежал на Октиере. Даже у этой безмозглой Мюриэл трастовый фонд был больше, чем весь капитал его возлюбленной «Ганзы». Он заключал бы тут сделки с первого момента после приезда и до рассвета, когда слуги-роботы начали бы уборку.

Что касалось самой Меллани, Дом Тюльпанов привел ее в восторг. Эти богатства, антиквариат и стиль, собранные в одном месте, произвели на девчонку из Дарклейк-сити неизгладимое впечатление. Владельцы этого поместья не могли не обладать чувством собственного достоинства и гордой осанкой. А также это было великолепное место для детей — словно в подтверждение ее мыслей показалась стайка малышей, играющих в вечные простые догонялки. Меллани скрyla свою зависть за дежурной улыбкой.

Среди богатых и красивых людей, беседовавших на лужайке, она все еще чувствовала себя персонажем сериала ВСО. Меллани знала, как нужно двигаться, как смеяться над их бессмысленными шутками, как многозначительно усмехаться, слушая сплетни, разбиралась в названиях вин и блюд и могла безошибочно их произносить. Вопросы, связанные с искусством, все еще вызывали у нее затруднения, в то время как Великие Семейства и Межзвездные Династии, казалось, уже на генетическом уровне освоили энциклопедии по истории искусств, — впрочем, ее эл-дворецкий быстро отыскивал нужные файлы.

— А, вот и Кэмпбелл Шелдон! — воскликнула Алессандра. Ее ручка указала на один из шатров. — Видишь его?

Меллани медленно повернулась и окинула взглядом группу людей под навесом, обрамленным искусной цветочной гирляндой. Виртуальное изображение Шелдона совпало с обликом одного из мужчин.

— Поймала.

— На сегодня он твой объект для постели. Поскольку при организации Флота он был основным переговорщиком от этой семьи, то должен быть в курсе всей их статистики: как выдерживаются сроки, на сколько превышен бюджет. Ну, ты знаешь, что нам необходимо.

Меллани ничего не ответила.

Алессандра неодобрительно нахмурилась.

— Ты разочаровалась во мне? Знаешь, есть миллиард девушек, которые с радостью заняли бы твое место.

— Знаю. Но он Шелдон — вряд ли он так легко преподнесет мне эти сведения. Он не дурак.

— Конечно нет. Он знает, кто ты и почему сосешь его член. В этом и фишка. Он не станет озвучивать цифры, но покажет направление для дальнейших поисков. Все они воюют друг с другом, малышка Меллани, все оспаривают превосходство, а информация — это их оружие. Если у кого-то из соперников есть слабости, мы об этом узнаем.

Меллани снова посмотрела на группу гостей. Было уже половина шестого, она выпила слишком много коктейлей и выслушала слишком много пустых разговоров, в которых каждая фраза начиналась и заканчивалась словом «дорогая». В шатрах уже зажглись огни, а дорожки на газонах испускали голубоватое сияние, словно по ним катились фосфоресцирующие потоки.

— Почему они поставили шатры? В таком месте должны быть силовые поля. Их,

наверное, включат, если пойдет дождь.

— Наверняка включат, — раздраженно буркнула Алессандра.

— Если люди не хотят промокнуть, зачем устанавливать шатры?

— Иди и спроси об этом Шелдона. В их семейке все помешаны на технологиях. Думаю он с удовольствием все тебе объяснит.

— Ты хоть кого-нибудь любишь?

— Я люблю тебя.

Алессандра наклонилась и крепко поцеловала Меллани, но та не спешила ей ответить.

— Не будь такой букой, — упрекнула ее Алессандра.

Меллани разглядывала ее сквозь пелену алкогольного тумана, но вдруг встрепенулась:

— Это же Мио!

— Паула Мио? — Алессандра не смогла скрыть своего интереса.

— Да.

— Любопытно. — Она продолжала стоять лицом к Меллани. — А с кем она?

— Ни с кем. Рядом кто-то из охраны, — с удовольствием сообщила Меллани.

— Значит, у нее какие-то дела с Бурнелли.

— Позволь, я ей займусь.

— Пора бы тебе отвязаться от этой женщины.

— Ты и сама знаешь, что это интересный сюжет. Алессандра, я пересплю, с кем ты скажешь, но оставь ее мне.

— Узнаю свою Меллани. Ладно. Дам тебе пару дней. Если ты узнаешь, что она что-то затевает с Бурнелли, заслужишь мое восхищение. Если нет, через сорок восемь часов отправишься обратно на Элан.

— Спасибо.

На этот раз инициатива в поцелуе принадлежала ей.

— Ну и отлично, — довольно хихикнув, сказала Алессандра. — А сейчас Кэмпбелл. Не забыла? Вперед.

Меллани бросила бокал с коктейлем в розовый куст, тряхнула распущенными волосами, выставила грудь вперед и направилась к цели.

Прием по случаю помолвки шел своим чередом. Джастина наблюдала за гостями, собиравшимися к вечернему фуршету. Оркестр из двадцати музыкантов наигрывал старинные веселые мелодии. Гул голосов часто прерывался смехом. В воздухе плыл сильный аромат цветов. Над головой загорались созвездия. На краю буковой рощи шла последняя проверка аппаратуры для представления труппы Толторп-холла.

После отъезда отца, забравшего с собой Мио, ее настроение значительно улучшилось. Она убедила себя, что его склонность поверить в теорию заговора была обусловлена его отчаянным стремлением найти убийцу сына. До сих пор он всегда следовал жесткой логике, но смерть Томпсона, видимо, затронула его сильнее, чем он это показывал.

Утром она выберет время и обстоятельно обсудит с отцом создавшуюся ситуацию. А пока будет просто развлекаться. В списке гостей есть несколько мужчин, с которыми она не против провести сегодняшнюю ночь. Оглядываясь по сторонам, она заметила, что Кэмпбелл Шелдон с сияющей улыбкой на лице о чем-то болтает с Меллани Рескорай — эта девочка явно нацелилась прыгнуть к нему в постель. Джастина закатила глаза, поражаясь глупости мужчин. Но, в конце концов, он уже взрослый мальчик и способен пережить это

приключение.

Рамона ДБ она обнаружила у самого шатра, где он с тоской оглядывал многочисленные закуски. В эти трудные дни он стал для нее настоящей опорой в сенате. На следующий год ему предстоит пройти процедуру омоложения. Вряд ли она станет по нему скучать, хотя, когда ему было двадцать лет, он казался ей весьма и весьма привлекательным мужчиной.

Джастина стала искать Эстеллу, надеясь на ее не отягощенную комплексами жизнерадостность.

— Мэм, вы потеряли вот это.

Обернувшись, она увидела молодого официанта с серебряным подносом. На подносе вместо бокалов лежала старая потрепанная шляпа.

— Не думаю...

Она внезапно замолчала. А потом какая-то таинственная сила сжала ей горло, так что стало трудно дышать. Та же самая сила обожгла слезами ее глаза, когда она всмотрелась в лицо официанта.

— О боже! Казимир!

На подгибающихся ногах она все же сумела преодолеть разделявшее их расстояние и ухватилась за него обеими руками. Он возмужал. Стал старше. Сильнее. Шире в плечах. Над ней склонилось его красивое смуглое лицо, и прядь угольно-черных волос упала ему на лоб. А в глазах его сиял тот же восторг, который бушевал в ее груди.

— Я мечтал о тебе каждую ночь, мой ангел, — прошептал он ей на ухо, лаская пальцами локон ее волос.

Она стиснула руки, едва не разрывая его форменную куртку.

— Каждую ночь.

Его била дрожь.

— Каждую ночь я молился о твоём счастье. Я хотел, чтобы ты наслаждалась своей красивой жизнью. И вместе с тем отчаянно хотел увидеть тебя, хоть на одну минуту.

— Ш-ш-ш. — Она приложила палец к его губам, а потом привлекла молодого человека к себе и поцеловала. Сначала нежно, еще не веря, что это был в действительности он. Потом требовательно и страстно, содрогаясь в его объятиях.

Он отстранился, пристально глядя в ее глаза. Его чудесная улыбка была такой же яркой, как и раньше. Даже ярче, чем в ее воспоминаниях.

— Это ты, — взволнованно выдохнула она. — В самом деле ты.

— Я не мог не прийти, мой ангел. Разные миры, разные галактики, но я не мог жить без тебя. Я должен был найти возможность тебя увидеть. Прости.

— Ох, Казимир.

Она понимала, что вот-вот разрыдается, но ей было все равно. Ее прекрасный романтик, ее глупый возлюбленный отыскал ее среди звезд.

— Пойдем со мной, — тихо промолвила она и нетерпеливо потянула его за собой к Дому Тюльпанов.

В полуночной темноте голографические проекторы раскрасили сцену широкими мазками ярких цветов. Облака пара от сухого льда лениво плыли среди буковых стволов. Искусно установленные силовые поля позволяли эльфам и феям свободно парить в воздухе. Возвышенные монологи вызывали у публики восторженные аплодисменты.

Ничего этого Джастина не видела и не слышала. В тишине и темноте спальни ее собственное тело совершало самый эротический экзальтированный танец, на какой только

было способно. Она уже успела забыть, что такое самоотверженное и всепоглощающее обожание. Казимир стал более отзывчивым на ее ласки и горел желанием удовлетворить ее страсть. Их движения, подчиняясь мягкому ритму, были то медленными и нежными, то яростными и дикими, но в каждом случае неизменно приводили к обоюдному оргазму. Раз за разом она видела в шелковом сумраке спальни, как его напряженные черты смягчаются улыбкой невыносимого счастья, и сама таяла в лихорадочном пылу наслаждения. Теперь ей уже не требовались ни программы, ни химические снадобья. Ей хватало реальности.

Серый призрак рассвета застал их в объятиях друг друга, их лица одинаково светились полным удовлетворением.

— Я люблю тебя, — бесстрашно прошептал он.

— Я люблю тебя.

— Я больше тебя не отпущу.

Решимость в его голосе вызвала у нее улыбку.

— Что ты делаешь здесь, на Земле?

Она ждала единственного ответа, ждала, что он приехал только ради нее.

— Появился шанс увидеть тебя. Разве я мог его упустить?

— Моя удивительная любовь.

Она дотронулась пальцем до его горла и медленно провела линию до самого живота, игриво прикасаясь к твердым мускулам. Великолепное тело. Сколько же времени потребовалось этому мальчику, родившемуся в условиях низкой гравитации, чтобы справиться со стандартной силой тяжести? Его усилия могли сравниться только с его решимостью. Ей оставалось только радоваться, что она не забросила занятия аэробикой и диету и осталась стройной и сильной.

— Мне будет нелегко вырваться, чтобы снова с тобой встретиться, но я смогу это сделать.

Ее палец остановился у самого его пупка. Джастина уже поняла, что сейчас услышит плохие новости.

— Вырваться? От кого?

— От Хранителей, конечно. Я здесь на задании.

— О боже!

Она оттолкнулась от него, скользнула по шелку простыней назад, пока не оказалась на расстоянии вытянутой руки, и со страхом заглянула ему в глаза. На его красивом юношеском лице возникло выражение растерянности.

— Задание? — прошептала она. — Ты приехал ради миссии Хранителей?

— Да.

— О, Казимир, нет, тебе нельзя проделывать такие вещи здесь. Это не Дальняя. Ты должен остановиться.

— Я не могу остановиться. Пришло наше время. Настал момент отмщения за нашу планету. И я часть этого мщения. Йоханссон выбрал меня.

Ей хотелось уронить голову на руки, а может, хорошенько встряхнуть его, чтобы привести в чувство.

— Послушай меня, Казимир. Теперь у нас есть Флот, и одно из его подразделений занято исключительно поимкой Йоханссона. Над этим работают сотни офицеров. Они схватят тебя. Обязательно схватят.

Его ласковая улыбка сказала ей все, чего она раньше не понимала.

— Не схватят. Мы отлично подготовились.

— Казимир, это не игра.

— Я всегда это знал. А теперь и ты стала жертвой Звездного Странника. Я плакал, когда узнал, что это создание убило твоего брата. Как жестока судьба: из всех людей Содружества для своего удара она выбрала ту единственную, кого я люблю.

— Нет, Казимир, ничего подобного. Звездного Странника не существует. Брата убил кто-то из соперников. Это жестоко, невероятно и непостижимо, в политике Содружества никогда не было ничего подобного. Но это не какие-то тайные заговоры чужаков.

— Политики тоже его агенты. Их легче всего подчинить его влиянию.

— Сам послушай, что ты говоришь! Ты просто повторяешь заученные лозунги. А Йоханссон — злобный старик, который использует в своих целях и тебя, и других членов кланов с Дальней.

— Прости, Джастина, но это ты не в силах понять истину.

— Не могу поверить, что нам приходится об этом спорить. Ты должен покончить с этим. Просто уйти. Я решу любые твои проблемы с правосудием. Бог свидетель, тебя программировали с самого рождения. Никто не сможет тебя обвинить.

— Как ты можешь просить меня об этом? — с болью в голосе воскликнул он. — Я надеялся, что ты нам поможешь. Мщение за планету может стать и твоим мщением, если только ты этого захочешь. Ты сможешь участвовать в уничтожении Звездного Странника.

— Что? О чем ты говоришь?

— Добейся отмены досмотра грузов.

— Что?

Он не мог бы сильнее ее оскорбить, если бы даже ударил по лицу.

— Так ты пришел из-за этого? — спросила она.

— Нет! — решительно заявил он. — Я всем рисковал ради встречи с тобой, Джастина. Я люблю тебя. И я сражаюсь, чтобы спасти твой мир.

Она потянулась вперед и взяла его за руки, сознавая, что перед ней юный идеалист, желающий утвердиться.

— Но я не хочу этого, Казимир. Не таким способом. Намного отважнее и благороднее было бы признать свое заблуждение. Я знаю, мне не раз приходилось так поступать. Прошу тебя, оставь Хранителей хоть на время, чтобы мы с тобой могли все обсудить.

— Ты хочешь сказать, что сумеешь запугать меня?

— Нет, я совсем не это имела в виду. Я только хочу тебе показать, что есть и другие точки зрения, не только пропаганда Хранителей.

— Я не могу покинуть своих товарищей. Не требуй этого от меня. На моих глазах убили моего лучшего друга и многих других. А теперь ты говоришь, что все это было напрасно.

— Что ты собираешься делать?

— Что я собираюсь делать? — повторил он. — Неужели ты хочешь помешать мне вернуться к моим товарищам? Я не позволю, чтобы твои охранники за мной следили.

— Успокойся, — поспешно сказала она, — никто не станет тебя останавливать. Я не хочу, чтобы ты уходил, но единственная цепь, которой я хочу тебя удержать, — это моя любовь и страх за тебя.

— Я побывал во многих боях и не боюсь своего врага.

— О боже, — простонала она сквозь стиснутые зубы. — Мужчины!

Он смущенно улыбнулся и скатился с кровати.

— Куда ты? Неужели уже уходишь?

— Я должен идти, — почти виновато ответил он. — Я не рассчитывал задержаться здесь на ночь.

Она почувствовала, как вспыхнули ее щеки.

— Я хочу, чтобы ты проводил здесь каждую ночь, Казимир. И я хочу, чтобы все они были такими же, как эта. Со мной такого не было... Черт, я думала... Я считала, что уже неспособна так переживать за кого-то, но ты...

— Когда все это кончится, когда между нами не будет преграды, я приду к тебе и буду с тобой, пока ты этого хочешь.

— Проклятье!

На ее глаза навернулись слезы.

— Не плачь. Не хочу, чтобы мой прекрасный ангел плакал из-за меня. Я этого не стою.

— Стоишь. Очень даже стоишь, только сам этого не понимаешь.

Он закончил одеваться и нежно обнял ее.

— Я вернусь к тебе, — пообещал он. — Клянусь.

Она кивнула: она была слишком измотана душевно и физически, чтобы сказать что-то еще. Спустя некоторое время, все еще со слезами на глазах, она послала вызов в парижский кабинет Алика Хогана.

* * *

За час до рассвета начался дождь. Холодные капли собирались на мощеном тротуаре и сбегали в канавы. Поднимавшееся солнце окутало узкую улочку серым сумраком средневековья, а Меланни, стоявшая у третьего по счету подъезда от входа в парижскую квартиру Паулы Мио, к тому часу уже устала, продрогла и проголодалась. Вода с согнутой временем деревянной балки постоянно текла ей на голову, разрушая роскошную прическу. Времени на подготовку у Меланни не было. Она знала, что Алессандра не даст ей ни одной лишней секунды, если не получит репортажа, достойного шоу. Итальянские кожаные туфли ручной работы безнадежно промокли и испортились.

Время от времени утреннюю монотонность нарушали коммунальные роботы, уже начавшие ежедневную уборку улиц. Прохожие бросали в сторону девушки любопытные взгляды, но быстро отводили глаза: они считали ее проституткой, поджидавшей своего клиента или сутенера.

«Почти угадали», — мысленно говорила она вслед их удаляющимся спинам.

Паула Мио вышла на улицу в половине восьмого. Длинный расстегнутый плащ позволял увидеть ее обычный деловой костюм, ноги защищали ботинки, доходившие ей до середины лодыжек, а зонтик из плайпластика мгновенно образовал над ее головой черный грибовидный навес.

Меллани дождалась, пока женщина дойдет до самого конца квартала, и только тогда покинула свое ненадежное убежище. В ее виртуальном поле зрения развернулся простой план прилегающих улиц. Как и ожидалось, Мио направлялась к ближайшей станции метро. Меллани держалась позади нее метрах в двадцати, стараясь оставаться незамеченной. К этому времени поток пешеходов и транспорта значительно усилился, облегчая ей задачу. Огни фар чертили на темном дорожном покрытии яркие полосы, а шины автомобилей

поднимали в воздух мелкие грязные брызги. Из открывающихся кофеев потянуло свежей выпечкой, и желудок Меллани заурчал от голода.

Идущая впереди Мио свернула за угол. Меллани ускорила шаг. За поворотом в пятидесяти метрах перед ней ярко горел указатель станции. Мио исчезла.

«Где же...»

Меллани огляделась: женщина не переходила на другую сторону улицы. Магазины были еще закрыты, и она не могла скрыться внутри одного из них.

— Проклятье!

А ведь план казался ей превосходным: проследить за Паулой Мио до самого места ее работы — тогда можно было бы догадаться, чем она занимается для Бурнелли. Или для кого-то другого. В любом случае это дало бы несколько интересных зацепок, чтобы Алессандра могла взяться за Мио.

— Никудышный из вас оперативник.

— Ах!

Меллани развернулась: Паула стояла перед ней с зонтом в руках, насмешливо разглядывая девушку.

— Взлом закрытой городской базы данных официально запрещен. Поль Гремли, услугами которого ты воспользовалась, чтобы получить доступ, достаточно взрослый парень, чтобы об этом знать.

— И что, ты нас теперь арестуешь?

— Нет. Ему будет предъявлено официальное обвинение. Дело закончится штрафом и, возможно, конфискацией оборудования.

— Сука!

— Он нарушил закон. Как и вы. Удостоверение репортера не дает права переступать закон, мисс Рескорай. Вы должны подчиняться правилам, обязательным для каждого гражданина, как бы это не вредило вашей так называемой работе.

— Я никогда не слышала о Поле Гремли. Ты ничего не докажешь.

Взгляд Мио стал жестче.

— Мне и не придется этого делать. Вы вмешиваетесь в личную жизнь государственного служащего, а это уже нарушение.

— Ты больше не работаешь... — Меллани сделала глубокий вдох. — Прошу прощения, я просто хотела взять интервью.

— Я не даю интервью. Об этом известно всем вашим коллегам.

— Но ты могла бы сказать мне, есть ли подозреваемые по делу об убийстве Бурнелли.

— О новостях расследования можете узнать в отделе Флота по связям с общественностью.

— Им не хватает твоих способностей. Если они кого-то и поймают, то только благодаря твоим наработкам. Я хочу узнать все с самого начала.

— Лесть меня не трогает.

— Я тебе не льщу. Я тебя презираю, но я реалист.

Рядом с ними притормозил темно-серый лимузин, и его задняя дверца приоткрылась.

— Зря тратите время, гоняясь за мной, — сказала Мио. Черный зонт, свернувшись, превратился в трость. — Если бы вы даже преуспели, там, куда я направляюсь, вы не нашли бы ничего интересного.

— А где я могу отыскать что-то интересное?

— По правде говоря, не знаю. Можете попытаться счастья в космосе, в далеком космосе.

Она села в лимузин, и машина отъехала.

Меллани осталась под дождем, глядя вслед удаляющимся бархатным красным огням.

— Это правда, что она никогда не лжет? — спросила она у РИ.

— Она действительно никогда не прибегает к откровенной лжи, хотя способна несколько модифицировать истину, если это на пользу ее расследованию.

«Черт. Далекий космос? Кто имеет представление о далеком космосе?»

* * *

Накануне вечером на Высоком Ангеле был праздник: из очередного полета вернулся «Святой Асаф», и капитан Макклеин Гилберт доложил, что никаких признаков червоточин праймов обнаружено не было. Затем он вместе с адмиралом Каймом и капитаном Оскаром Монро отправился наблюдать за стартом «Неустрашимого». Этот военный корабль разительно отличался от «Второго шанса» и других разведчиков: он был заключен в трехсотметровый корпус каплевидной формы с восемью плоскими радиаторами на корме, выполнявшими дополнительные аэродинамические функции. Экипаж из тридцати человек обслуживал четыре гипердвигателя, позволявшие развивать скорость в один световой год в час. Защиту обеспечивали семь уровней силового поля и корпус со сверхпрочными молекулярными связями. Каждая из пятидесяти ракет «Неустрашимого» несла по пятнадцать независимых боеголовок с зарядом в сто мегатонн, способных отклонять энергетические потоки; кроме того, на корабле имелось тридцать лучевых орудий. Для питания энергией гипердвигателей и оружия на «Неустрашимый» было установлено пятнадцать сверхмощных нуль-батарей. Керенск, снабжавший энергией весь разведочный флот, уже не мог справиться с зарядкой таких устройств, и ККТ пришлось тянуть сверхпроводящие линии с другой планеты. Потребность в новых генераторах вызвала повышение цен акций энергетических компаний по всему Содружеству, в то время как их владельцы сражались за право снабжать строящийся флот гигаваттами электричества.

Точно по расписанию на корме «Неустрашимого» вспыхнули голубые ионные огни, и корабль плавно отошел от сборочной платформы. Он обогнул Высокий Ангел по плавной дуге, давая возможность людям в прозрачных куполах оценить его размеры и форму, затем прошел мимо Икаланайз, включил гипердвигатель и исчез в фиолетовой вспышке.

— Три судна построено, еще десять официально утверждены, — сообщил Уилсон, провожая взглядом корабль, проходивший над Бабийанским Атолом. — Следующим выйдет «Защитник». Если хочешь, он будет твоим, — добавил он, повернувшись к Оскару.

— Очень хочу. Правда.

Мак радостно рассмеялся и поздравил старого друга. А потом они вдвоем отправились в город на Бабийанском Атолле, чтобы отметить успешное возвращение и новое назначение.

Экспресс нырнул в яркий лимонно-желтый солнечный свет, мгновенно заполнивший вагон первого класса, и Оскар с жалобным стоном потянулся за темными очками.

— Где же вы закончили праздновать прошлой ночью? — спросила его сидящая напротив Антония Кларк.

— Представления не имею, — буркнул Оскар. — Там вроде был какой-то оркестр. Или

джаз-банд?

Он взял чашку с черным кофе, поданную стюардом, ощутил яростное бурление в желудке и поспешно поставил ее на столик.

Антония рассмеялась. Ей уже как-то пришлось ухаживать за ним в челноке на протяжении всего полета в режиме невесомости от Высокого Ангела до станции на Керенске. Сохранить форму Оскара в чистоте тогда стоило немалых трудов, и еще больше досаждали жалобы попутчиков.

— Ты подготовил свое сегодняшнее выступление? — спросила она.

— Отстань.

— Хочешь еще один бодрящий укол?

— Послушай! Просто заткнись... Да, пожалуйста.

Она усмехнулась и достала упаковку шприцов. Выбрав один, Антония приставила его к щеке Оскара. Мембрана на конце шприца с тихим шипением разошлась, пропуская лекарство в кровь.

— На этом всё. В ближайшие шесть часов больше ни одного укола.

Оскар осторожно прижал пальцы к вспотевшему лбу, прислушиваясь, утихла ли боль.

— Это печатают на инструкциях ради спокойствия законников. Можно превысить дозу в два раза, и ничего не случится.

— Вечный оптимист. Как ты себя чувствуешь?

— Похоже, укол помог.

— Отлично.

Экспресс прошел еще сквозь один переход, и свет солнца стал пронзительно белым.

Антония выглянула в окно:

— Прибыли. Станция Нью-Коста. Выходим.

Антония поднялась. Оскар бросил тоскливый взгляд на чашку с кофе, но отпить не рискнул.

На платформе их встречал управляющий клиникой. Он усадил их в свою машину и вывел ее на 37-е шоссе.

— Ехать всего десять минут, — сказал управляющий. — Мы попали между часами пик, так что пробок нет.

Отель «Надсис» располагался чуть в стороне от шоссе. Это было двадцатиэтажное Х-образное здание с пятью конференц-залами. В аудиторию «Битам», где была намечена церемония возвращения, набилось больше тысячи репортеров. Под оглушительные аплодисменты почетные гости вместе с приглашенными важными персонами прошли к сцене. Дадли Боуз, возродившийся в теле долговязого подростка с ершиком рыжеватых волос, не признающих расчески, сменил хмурую мину на развязную ухмылку и демонстрировал собравшимся поднятые вверх большие пальцы, как всегда делал на публичных выступлениях еще до полета. Эммануэль Вербеке поразила своим видом всех, кто позаботился разыскать изображения ее прежнего облика. На «Втором шансе» это была серьезная и до занудности сосредоточенная на работе особа, не заботившаяся о своей внешности. Сегодня ее с трудом можно было отличить от любой другой восемнадцатилетней девицы первой жизни. Для церемонии она выбрала пурпурное платье на бретелях, открывавшее длинные ноги, доведенные физиотерапевтами клиники до идеального состояния. Темные волосы, еще короткие, несмотря на фазу ускоренного роста, были уложены в кокетливые кудряшки, подчеркивавшие юный облик. Ликующая улыбка и

постоянное жеманное хихиканье свидетельствовали о редком случае, когда человек с легкостью переносил процесс оживления.

Первым предстояло выступать Оскару. Сначала он поприветствовал всех собравшихся. Затем последовала процедура представлений — глупейшее занятие. После этого он поздравил бывших членов своего экипажа от себя лично и в заключение рассказал веселую историю из жизни на «Втором шансе», чтобы показать, какими хорошими они были друзьями, хотя больше всего ему хотелось поведать о том, как Дадли Боуз умудрился вывести из строя фильтровальную установку в душевой.

После пяти мучительных минут он уселся на свое место под вежливые аплодисменты, получив в награду насмешливую улыбку Антонии. Следующим с официальными поздравлениями по поводу возвращения в строй выступил вице-президент Биклу. Лицо этого высокого человека после нескольких модификаций приобрело неяркую привлекательность, что в сочетании с белой кожей северянина составляло выгодный контраст с африканской внешностью Элейн Дой. Прекрасно подготовленная речь представителя власти, перемежаемая легкими шутками, которым одобрительно смеялись журналисты и публика, вынудили Оскара постоянно удерживать на лице вежливую улыбку. На фоне Биклу речь Оскара казалась выступлением «разогревающей» группы.

Эммануэль, когда настала ее очередь, запечатлела на щеке вице-президента жеманный поцелуй. Она улыбнулась залу сказала, что рада вернуться к жизни, что развитие флота произвело на нее сильнейшее впечатление и что она хотела бы вновь поступить на службу, как только повзрослеет. Публика разразилась аплодисментами и свистом. Свое выступление она закончила приветом всем своим друзьям и благодарностью тем, кто поддерживал ее в процессе оживления.

Напоследок Эммануэль ободрительно подмигнула Дадли Боузу.

— Сегодня я выслушал много слов о том, какими преданными и верными друзьями были мы на «Втором шансе», — начал Дадли, бессознательно подняв руку и потерев ухом. — Это вызвало у меня некоторое замешательство. Потому что я не понимаю, о каком «Втором шансе» здесь говорилось. Уж точно не о том, на котором я летал. Эти мерзавцы, с которыми я был в одной команде, БРОСИЛИ МЕНЯ! ОДНОГО! Наш так называемый великолепный капитан так торопился спасти свою задницу, что даже не позаботился проверить, живы ли мы. — Его рука с вытянутым указательным пальцем взметнулась вверх. — Знаете, я до сих пор еще там. Не знаю как, но эти чужаки сохранили жизнь какой-то частице меня. И почему же я существую еще и здесь? Зачем вы так со мной поступили, гады?

Он ушел со сцены, оставив высокопоставленных гостей изумленно переглядываться друг с другом.

— Сделай что-нибудь, — уголком рта прошептала Антония.

— Почему я? — так же тихо возмутился Оскар.

Все репортеры выжидающе повернулись в их сторону, передавая изображение на всю унисферу. Многие из них улыбались, но отнюдь не дружески.

— Ты здесь старший по званию.

— Вот черт!

Оскар медленно прошел к центру сцены, где было самое яркое освещение, и прочистил горло.

— Детские шалости? — Тишина еще никогда не казалась ему такой глубокой и

монолитной. — Ладно. Мне жаль, что доктор Боуз воспринимает случившееся таким образом. Если бы мы задержались там еще чуть-чуть, мы бы все погибли. Праймы уже обстреливали нас термоядерными ракетами. В такой ситуации рассуждать было некогда.

Из передних рядов поднялась Алессандра Барон.

— Капитан Монро, «Второй шанс» способен передвигаться со сверхсветовой скоростью. У праймов такой возможности нет. Что помешало вам сделать круг и вернуться, чтобы еще раз посмотреть, что случилось с вашими товарищами?

— Основной целью нашей миссии было получение информации и доставка ее в Содружество. Об этом было известно всем, включая и доктора Боуза. Мы все сознательно шли на риск.

— Но разве ваши действия в данном случае не увеличили степень риска? Лишняя проверка никому бы не повредила. Разве вы не беспокоились о членах своего экипажа?

— Они допустили ошибку, — выпалил Оскар, разозленный ее намеками. Он слишком хорошо помнил обстановку на борту в тот момент. А теперь эта прима-идiotка от журналистики, сидя в безопасном зале, ставит под сомнения их решения. — По крайней мере, Боуз. Он не был должным образом подготовлен для участия в разведочном выходе. Да никто и не хотел брать на борт этого старого идиота.

Воцарившаяся тишина стала бездонной. А затем на него обрушились сотни вопросов.

Антония покровительственным жестом обняла его за плечи.

— Спасибо, что нашли время для встречи, леди и джентльмены, — гаркнула она через портативный громкоговоритель. — В вестибюле для вас приготовлены напитки и закуски. Угощайтесь.

Она буквально стащила Оскара со сцены, заломив ему руку борцовским приемом. В последний момент он успел заметить лишь торжествующий взгляд Барон.

Бледное лицо вице-президента Биклу стало пунцовым.

— Почему никто не предупредил меня о его агрессивности? — кричал он на своих помощников. — А вы! — переключился он на Оскара. — Что все это значит?

— Позже, — любезно ответила ему Антония, даже не останавливаясь.

Она выпустила руку Оскара только после того, как они свернули в какой-то служебный коридор. Оскар поднял руку ко лбу: кожа была влажной и горячей. Головная боль вернулась и даже усилилась. Посмотрев на пальцы, он почти удивился, не увидев на них крови.

— О мой бог, неужели я действительно это сказал?

— Ага, — необычайно довольным тоном подтвердила Антония. — Давно было пора это сделать.

— Боже, не видать мне теперь капитанства на «Неустрашимом».

— Не глупи. Мы в отеле, пойдем лучше поищем бар. Тебе необходимо опохмелиться.

Дадли Боуз ни на кого не обращал внимания: ни на представителей правительства, ни на персонал отеля, ни даже на медсестру из клиники. Сбежав со сцены, он долго блуждал по лабиринтам коридоров, пока не оказался на просторной пустой кухне. Здесь он остановился, перевел дыхание и прижался пылающим лбом к огромному рефрижератору. У него стучало в ушах и дрожали руки. Для бега было явно еще рановато.

— Я это сделал, — прошептал он и улыбнулся самому себе.

Высказал все, что думает, перед репортерами всех важнейших агентств Содружества и перед вице-президентом. От одной этой мысли его руки задрожали еще сильнее.

Позади него раздались хлопки — медленные, почти насмешливые.

Дадли выпрямился. Он был почти уверен, что сейчас увидит ионные вспышки из пистолетов охранников вице-президента.

Вместо этого перед ним стояла молодая красивая девушка с рассыпавшимися по плечам вьющимися золотистыми волосами. На ней была розовая полупрозрачная блузка с глубоким вырезом и узкие выцветшие джинсы с серебряной буквой М, висящей на штрипке пояса. Она шагнула ему навстречу, сложив губы в одобрительную ухмылку. Зубы у нее были очень белыми. Дадли это заметил, как и прозрачность блузки. Его лицо стало наливаться краской.

— Надо быть очень смелым, чтобы такое сказать, — сказала она. — Я это уважаю.

— Спасибо.

Даже это короткое слово далось ему с трудом. Он знал, что таращится на нее, но не мог удержаться. Она была не только красивой: ее тело действовало на него опьяняюще. Дадли внезапно бросило в жар. В своем новом теле он еще ни разу не занимался сексом. Только совсем недавно, немного окрепнув, Дадли начал скрашивать мастурбацией свои долгие одинокие ночи. В голове у него мгновенно вспыхнули воспоминания обо всех женщинах, с которыми он спал, и о тех, добиться которых у него не хватило смелости. Он знал, что в своем прошлом облике никогда бы не решился пригласить такую девушку на свидание.

— Наверное, ужасно было узнать, что произошло, — продолжала она. — Я имею в виду их предательство.

— Да. Да. Ужасно.

— А ведь без тебя ничего этого не было бы: никто не стал бы строить космический корабль, и твои бывшие товарищи по экипажу не получили бы своих высоких постов.

— Не могу поверить, что они на это пошли. Они бросили нас умирать. — Даже теперь, после долгих месяцев размышлений, горечь и потрясение остались такими же сильными, как и в первый момент осознания случившегося. — Им всем было на нас наплевать.

— Понимаю, — ласково сказала она. — Тебе многие сочувствуют. — У нее была обворожительная улыбка. — Я помню, как ты всех оповестил об окутывании. Я еще училась в школе, но следила за всеми твоими выступлениями. И даже хотела стать астрономом, как ты.

Он горделиво расправил плечи. Ее близость его страшила. Он чувствовал, как растет его эрекция, и боялся, что она это заметит. Он мечтал увидеть ее обнаженной. Мечтал, чтобы их тела сплелись в тугий клубок.

— И ты... стала... Ты астроном?

— Нет. Боюсь, у меня неподходящий склад ума. В конце концов я выбрала спорт. И даже попала в сборную по прыжкам в воду.

— А.

— Знаешь, мне с трудом верится, что я разговариваю с бывшим кумиром.

— Я ничей не кумир. Я даже не уверен, что это я. — Он стал постукивать сжатым кулаком по стенке рефрижератора. От этих постоянных мыслей не спасала даже близость такой девушки. — Понимаешь, настоящий Дадли Боуз все еще там. Все еще смотрит на чужие звезды, но теперь с более близкого расстояния.

Его смех получился слишком пронзительным, почти неуправляемым.

Она перехватила его кулак и остановила его.

— Меня зовут Меллани.

— Рад познакомиться.

Он ощущал только силу и теплоту ее пальцев, обхвативших запястье, и тончайший аромат ее духов. Дадли глубоко вдыхал этот чудесный запах, так отличавшийся от стерильного кондиционированного воздуха клиники.

— На улице стоит машина, взятая мной напрокат. А в этом отеле я сняла комнату.

Дадли едва мог выдавить из себя хоть слово.

— Д-да.

— Могу подбросить тебя к ближайшему «Молчаливому миру». Или мы можем вместе подняться ко мне в номер. Сейчас. Прямо сейчас.

Гостиничный номер был таким же безликим и строго функциональным, как и все, что производилось на Августе. В одном конце L-образного помещения находился балкон, а в другом — отделанная мрамором ванная комната. На небольшом возвышении стояла большая двуспальная кровать с пологом, позволяющим отгородить постель от остального пространства комнаты.

Оскар открыл дверь и ввалился в номер, когда снаружи уже стемнело. Два часа он провел вместе с Антонией в маленьком баре на пятом этаже, предназначенном только для постояльцев отеля, но затем их разыскали журналисты, и на этом вечеринка закончилась.

Он не стал зажигать свет, а сразу прошел к кухонной нише. Света, поступавшего снаружи сквозь широкие стеклянные двери балкона, было вполне достаточно, чтобы разглядеть в холодильнике бутылки с пивом. Он вытащил одну из них и снял крышку. Антония оказалась права: выпивка подействовала эффективнее, чем укол. Головная боль совсем прошла. На столике он обнаружил меню ресторана и вместе с ним вышел на узенький балкон. Он решил заказать номер только потому, что в завершение приветственной церемонии был запланирован банкет. Но ужин пришлось отменить. Теперь, чтобы поесть, придется воспользоваться доставкой в номер.

Вдали яркими огнями, словно отражая небесные созвездия, сияла Нью-Коста. С северной стороны небо подсвечивалось янтарно-желтыми отблесками: там, в горах Колрей, безостановочно работали сталеплавильные комплексы. Обманчивый рассвет. Сияние было намного сильнее, чем корона оранжевого карлика в мире, который Оскар исследовал восемь или девять лет тому назад. Бесконечное движение на магистралях напоминало медленно текущие светящиеся реки. Узкие полосы темноты пересекали город, а между ними блестели бесконечные рельсы, петлявшие между станциями, заводами и сортировочными участками. Зачарованный гигантскими масштабами и энергией мегаполиса, Оскар рассеянно улыбнулся. Сильный ветер эль-лопи наполнил улицы и автострады чистым теплым воздухом. Он отпил глоток пива. Где-то в сиянии цепочек огней стояли заводы, на которых изготавливались гипердвигатели для флота. Ходили слухи, что последние модели обеспечат кораблям скорость намного большую, чем сейчас. Вот это будет Флот!

— Хорошенькое представление ты устроил днем.

Оскар вздрогнул от неожиданности.

— Черт! — Пивная бутылка выскользнула из пальцев и беззвучно унеслась в темноту, на автомобильную парковку пятнадцатью этажами ниже. — Черт!

Он поспешно вернулся в комнату и обнаружил сидящего на диване мужчину. Оскар не слышал, как тот вошел в номер.

— Некоторые люди никогда не меняются, — сказал мужчина. — Ты всегда слишком увлекался выпивкой.

— Кто? Что?

Мужчина негромко засмеялся и включил настольную лампу. Оскар уставился на незваного гостя: ему было довольно много лет — чуть больше шестидесяти, и никаких признаков омоложения. Кожа на округлом лице с розовыми щеками сильно огрубела — следствие частого клеточного перепрофилирования. Мужчина выглядел довольно массивным, но не толстым, по крайней мере для своего возраста.

— Простите, мы знакомы?

— О да, Оскар, мы знакомы.

Оскар подошел к дивану и присмотрелся внимательнее, стараясь отыскать этот образ в своем прошлом.

— Я не...

— И не пытайся меня узнать. От моего прежнего облика ничего не осталось. За прошедшие десятилетия я сотни раз прибегал к перепрофилированию, чтобы на пару шагов опережать представителей закона.

— Вот дьявол! — У Оскара ослабели ноги, и он тяжело опустился на край дивана. — Адам? Это ты, Адам?

— И никто другой.

— Господи! Прошло сорок лет.

— Тридцать девять.

Оскар, не скрывая страха, уставился на человека, бывшего когда-то его другом и товарищем по партии.

— Чего ты хочешь?

— Так-то ты приветствуешь старого друга?

— Прекрати.

— Что прекратить? Прекратить напоминать тебе о том, кем ты когда-то был? О том, что у тебя имелись идеалы? Принципы? О том, что ты тогда натворил?

— Я ничего не забыл! — крикнул Оскар. — Боже милостивый! Этого никто не смог бы забыть.

— Рад это слышать. Я вот что подумал: ты работаешь в крупнейшей в истории человечества корпорации, помогая распространять ее власть и тлетворное влияние на новые миры.

— Твои проклятые речи ничуть не изменились за эти сорок лет. Неужели ты не понимаешь, насколько устарела эта чепуха? И даже мировую плутократию не забыл упомянуть. Такие громкие слова производят впечатление на невежественных глупцов, и ты можешь их контролировать, можешь заставить пожертвовать жизнью ради твоего дела. Они считают тебя великим интеллектуалом, кому можно доверять и кто знает, что делает.

— Это дело когда-то было и твоим, Оскар. Или ты отказался от идеи социальной справедливости? Это цена твоих омоложений? Новая валюта, принятая Оскаром Монро?

— А, прекрати. Я тогда был молодым, был жалким шутом, легкой добычей для мерзавцев вроде профессора Грайва. Черт возьми, мы же были детьми. Просто детьми, и ничего не знали. Ты говоришь о тлетворном влиянии. Тебе не надо далеко ходить, чтобы увидеть его во всей красе.

— Партия стоит за правое дело, и ты это знаешь. Наше общество идет по неверному пути.

— Ну давай, скажи! — Оскар, сжав кулаки, наклонился вперед. — Давай, несчастный

ублюдок. Скажи! Скажи: цель оправдывает средства. Ты ведь ради этого явился сюда? В прошлый раз так и было.

Ярость в его глазах заставила Адама отвернуться.

— То, что мы сделали, ничем невозможно оправдать, — сказал он так тихо, что Оскар еле услышал его. — И это известно нам обоим.

Они сидели на разных концах дивана, не глядя друг на друга. Спустя минуту Адам пошевелился.

— Вот как получается, — проворчал он. — Мы с тобой словно давно женатая пара, вечно грыземся друг с другом.

— Зачем ты пришел, Адам? Хочешь вывести меня из строя?

— О нет, тебе так легко не отделаться.

— Тогда чего же ты хочешь? — Он прищурился, глядя на бывшего друга. — Денег? Тебе пора подумать об омоложении.

— Не уверен, что захочу продлить себе жизнь в этой вселенной.

— Даже ты не способен на подобную глупость. Ты не можешь умереть. Это означало бы, что вся твоя жизнь потрачена впустую.

— Это жизнь, прожитая честно и в соответствии с моими принципами. А ты можешь сказать то же самое о себе?

— Да. Я помог открыть для жизни десятки новых миров. Я дал возможность людям начать новую жизнь. Третья зона космоса совсем не такая, как первая и вторая зоны. Это не революция, никто не бросает бутылки с зажигательной смесью и не убивает себе подобных в уличных боях. Большая разница.

— Гм. — Адам кивнул, словно услышал правильный ответ. — Те же идеи, но другой подход, да?

— Думаю, как хочешь. Я не собираюсь возобновлять наши прошлые битвы. Все они были пройдены и проиграны нами обоими. Чего же ты от меня хочешь, Адам?

— Меня прислали, чтобы предложить тебе кое-что, но тебе это не понравится.

Оскара насторожил тон, каким были сказаны эти слова: Адам как будто их стыдился. Вот только Адам Элвин никогда не испытывал стыда, чтобы он ни сделал. Никогда. В этом и заключалась причина их разрыва, произошедшего много лет назад. Полного и бесповоротного.

— Сомневаюсь, чтобы меня можно было расстроить еще сильнее.

— Не будь так уверен. Я хочу, чтобы ты проверил полетные данные «Второго шанса».

— Проверил... — Оскар едва не задохнулся. — Постой. Ты сказал, что тебя прислали. Кто? Кто прислал? И что это значит?

— Человек, на которого я иногда работаю, заподозрил, что на борту «Второго шанса» во время полета к Паре Дайсона находился чужак. Если произвести профессиональный анализ полетного журнала, можно обнаружить необходимые доказательства.

Оскар смотрел на старика из своего ужасного прошлого и анализировал каждое сказанное им слово.

— Брэдли Йоханссон, — сказал он немного погодя. — Ты работаешь с Брэдли Йоханссоном? Ты вступил в братство Хранителей Личности? В эту банду психов? Адам, скажи, что ты пошутил. Но это глупая шутка. Этого не может быть.

— Я не вступал в братство Хранителей. Но я знаю Йоханссона. У нас с ним взаимовыгодное сотрудничество.

— Ты. — Оскар уперся в его грудь дрожащим пальцем. — Это ты атаковал «Второй шанс»!

Адам горделиво усмехнулся.

— Конечно, я.

— Ты проклятый психопат! — Оскар занес кулак, готовый ударить, разбить... — Эта террористическая акция едва не погубила половину моих друзей. Ты уничтожил оборудование на миллионы долларов и задержал старт на несколько месяцев.

— Знаю. Наверное, я старею. В былые времена я бы всех вас уничтожил и взорвал корабль.

— Ты сошел с ума, Адам. Погибло столько людей.

— Их оживили. Как и твоего дружка Дадли Боуза.

— Я звоню в Службу безопасности Флота.

— Ах, как смешно! Как ты думаешь, на сколько лет они лишат тебя жизни?

— Меня не волнует моя судьба. Больше не волнует. Но тебя необходимо остановить.

Оскар почти сделал это, он едва не приказал эл-дворецкому сделать вызов. Он собирался. Почти собрался.

— Нет, Оскар. Ты и твой Флот пошли по неверному пути. И это вы представляете угрозу для человечества. Посмотри, куда завел нас твой драгоценный «Второй шанс».

— Что же с тобой произошло? Ты ведь не веришь в эту глупую пропаганду Хранителей, называющую президента Дой агентом чужаков.

Он внимательно всматривался в округлое лицо, отыскивая хоть малейшие признаки раскаяния.

— Не важно, во что я верю, — сказал Адам. — Важно то, что я хочу от тебя получить. Нам нужен анализ корабельного журнала, и ты для этого самая подходящая кандидатура. Ты обладаешь неограниченным доступом; кроме того, эта информация относится к твоей сфере ответственности.

— А, теперь я все понял. Если я изучу все записи и не найду требуемых доказательств, кто-нибудь свяжется с Рафаэлем Колумбия?

— Нет, Оскар, можешь положиться на мое честное слово. Я хочу, чтобы ты провел тщательный, беспристрастный анализ.

Только алкоголь, пропитавший его мозги, удержал Оскара от издевательского смеха.

— Боже мой, я никогда не думал, что ты до этого докатишься. Я всегда представлял, как ты продолжаешь выполнять программу партии. Каждый раз, когда в унисфере появлялись сообщения о каком-нибудь освободительном движении, я думал: Адам наверняка там, продолжает незримую работу, воодушевляет войска, дает советы лидерам, даже если они этого не хотят. А потом, перед самым закрытием червоточины, ты возвращаешься в Содружество, создаешь новую подпольную сеть в каждом из миров, и тысячи верных единомышленников ждут только твоего слова, чтобы погрузить Содружество в пучину гражданской войны и революции. Я думал, что ты станешь кем-то вроде Ганди, или Манделы, или даже Наполеона. Но ничего подобного. Посмотри на себя. Толстеющий и стареющий повстанец, утративший свою цель много лет назад.

Это нереально, Адам, нет никакого чужака. Я больше года провел на борту этого корабля. Я не заставлял его в душевой, не замечал, как кто-то по ночам крадет куски из столовой, и на тринадцатой палубе не было никаких привидений. В этом случае твоя теория тайного заговора разбивается вдребезги о стену реальности. Вы с Йоханссоном можете

сидеть и собирать любые слухи из унисферы, чтобы построить из них башню своих убеждений. Все это чушь. Никаких доказательств быть не может. Так что перед уходом просто оставь мемокристалл на столе, и я сделаю вид, что ничего не заметил. А потом, когда ты уйдешь, я напьюсь еще сильнее, просмотрю файл, сфабрикованный твоими друзьями, и решу, стоит ли вставлять его в официальные записи, чтобы избежать лишения жизни, потому что я слишком труслив, чтобы взять на себя ответственность за былые грехи.

— Тебе надо сходить к психиатру и разобраться с комплексом вины. Это нездорово.

— Иди к черту, — буркнул Оскар. Слова причиняли ему почти физическую боль. — Оставь кристалл и убирайся.

Адам ударил его по лицу с такой силой, что едва не сбросил с дивана.

— Дерьмо!

Оскар прикоснулся к губам и сморгнул обжигающие слезы. Из уголка рта показалась струйка крови.

— Что с тобой? Я же сказал, что все сделаю. Чего еще тебе нужно?

— Нет никакого сфабрикованного факта. Все абсолютно реально. И я говорил, что на борту действовало влияние чужака, а не большеглазый монстр. Звездный Странник действует через людей. Кто-то из экипажа «Второго шанса» отключил барьер — только не пытайся убедить меня в совпадениях. И этот кто-то подстроил так, чтобы Боуз и Вербеке остались на астероиде. Неужели тебе не кажется подозрительным, что при всей вашей высококлассной аппаратуре, многократной защите и страховке обычный коммуникатор вышел из строя именно в тот критический момент? Я считаю, что это очень подозрительно.

— Кто-то? — насмешливо переспросил Оскар. — Кто-то из экипажа?

— Да. Один из членов вашей драгоценной команды. Один из твоих друзей. А может, и не один. Кто знает? Именно это тебе и предстоит выяснить.

— Это еще хуже, чем неучтенный пассажир. Тебе известно, сколько сил было потрачено на тренировки и изучение прошлого каждого, кто попал на борт? Никто, вызывавший хоть тень подозрений, и близко не мог подойти к кораблю.

— А как же ты сам и Дадли Боуз?

Оскар долго и пристально всматривался в лицо Адама.

— Послушай, — наконец заговорил он, — то, о чем ты просишь, просто невозможно. Я физически не в состоянии это сделать. Ты знаешь, какой колоссальный материал собран в этом журнале?

— Представляю. Именно поэтому мы не можем украсть его, чтобы проанализировать самостоятельно. Тебе нет необходимости вчитываться в каждый бит информации. Критические моменты тебе известны, вот на них и надо обратить внимание. И даже не на основные события, происходившие на капитанском мостике или в машинном отделении. Там все чисто. Важно то, что оставалось в тени. Кто посещал тринадцатую палубу в момент отключения барьера? Найди их; если не ради нас, хотя бы для себя, для всех людей. Нам необходимо знать, что там произошло на самом деле.

— Это же... Я не могу...

— Чужак становится все более активным. Ты не можешь не признать, что в наши дни на свете творятся странные вещи. Этот взрыв в Венецианском Побережье, уничтоживший нашего поставщика, убитый сенатор.

— Чепуха. Там действовал какой-то секретный правительственный агент или Межзвездные Династии. Это уже всем известно.

Адам цинично усмехнулся:

— А вот это кажется мне теорией тайного заговора.

— Ошибаешься. Неужели ты не можешь этого понять?

— Так докажи это. В конце концов, кому ты навредишь, изучая эту информацию? Если мы ошибаемся, ты ничего не теряешь. Если, не дай бог, мы правы, об этом необходимо знать. И ты станешь героем. Этого будет достаточно, чтобы искупить все прошлые грехи.

— Я не нуждаюсь в прощении.

Адам поднялся.

— Ты знаешь, что я прав. Но никогда мне в этом не признаешься. Так что давай перестанем строить из себя мачо, и я буду связываться с тобой раз в две недели, чтобы узнать, как идут дела.

— Я не стану этого делать.

— Да, то же самое я говорил Йоханссону, когда он посоветовал к тебе обратиться. Но ведь у нас обоих нет выбора, верно? Мы связаны Абаданом. Постарайся, Оскар, от тебя зависят жизни людей.

Карис Пантер добралась на своем сером с металлическим отливом «МГ-Метроспорте» до станции Нью-Коста, а там закатила машину в автомобильный вагон, следующий на Элан. Этот вагон представлял собой полностью герметичную алюминиевую трубу с яркими полосками полифото на потолке и парой узких окошек на каждой стороне. Из-за низкой посадки «МГ» окна оказались выше уровня ее глаз. Система погрузки довела ее машину до огромного внедорожника «БМВ 6089», а затем намертво закрепила колеса. Позади нее пристроился «Форд Юкон».

Затем она приказала автомобильной системе опустить спинки сидений и устроилась поудобнее. Эл-дворецкий развернул перед ее виртуальным взглядом широкий набор сюжетных линий, которые Карис и стала заполнять, сплетая их согласно своему замыслу. В современном мире поднялся спрос на длинные, слегка фантастические саги, а из всех жанров Карис отдавала предпочтение именно им. Ант, ее агент, не хотел упускать возможности. Он утверждал, что неопределенность ситуации с праймами вызывает у людей желание укрыться от реальности. Ему лучше знать. Ант был старше самого Найджела Шелдона и уже несколько веков занимался одной и той же работой. Он знал все творческие течения и не раз наблюдал за сменой циклов в литературной моде.

За двадцать минут до отправления поезд подцепил электрический локомотив «Фантом-Т5460». Путь с Августы привел их в Нью-Йорк. Оттуда трансземная ветка проходила через станции «Талахасси», «Эдмонтон», «Сиэтл», «ЛА-Галактик», «Мехико», «Рио» и «Буэнос-Айрес», затем через «Тихий океан» до «Сиднея», откуда поезд уходил на «Уэссекс». Поездка по Земле с остановками на пяти станциях для погрузки новых автомобилей заняла около часа. В «Уэссексе» пришлось немного задержаться, поскольку там подцепили еще шесть вагонов, а через пять минут они уже добрались до перехода на Элан. Еще минута — и поезд вышел на длинную платформу в Ранвике, столице планеты.

Автоматическая система «МГ» подключилась к местному маршрутизатору, произвела оплату местного налога на ввоз автомобилей и вывела машину к аэропорту. До сих пор поездка проходила строго по расписанию. На взлетной полосе ее уже ждал «Сиддли Локхид-СР505», огромный шеститурбинный самолет. «МГ» заехал в открытый грузовой отсек, и электромускульные зажимы снова зафиксировали колеса. Здесь уже стояло полтора десятка машин и два автобуса. Такой самолет, кроме ста двадцати пассажиров, размещавшихся на верхней палубе, мог перевозить еще и шестьдесят пять тонн груза.

Следующие три часа, пока самолет летел вдоль экватора на скорости в девяносто пять сотых Маха, Карис провела в удобном кресле первого класса, попивая шампанское, предложенное симпатичным стюардом. Поступило два вызова от Анта — по обсуждению сценария и ускорению переговоров по условиям контракта. Его личное внимание не могло не польстить Карис — клиентский список этого агента был закрыт уже больше ста лет. Если все пойдет хорошо, ее сага станет хитом унисферы на следующие шесть месяцев.

Самолет приземлился на южном континенте, в аэропорту Кингсклер, и там Карис снова пересела в «МГ». На горизонте уже показались вершины гор Даусинг.

На будке дорожных сборов в начале магистрали, ведущей к Рэндтауну, появился новый знак: «Проезд военных автомобилей запрещен», а наверху светящейся оранжевой краской из баллончика кто-то приписал: «Смерть тупоголовым предателям человечества».

— Забавно, — пробормотала Карис.

На остановке возле пункта сбора она, не выходя из машины, приложила к контрольной пластинке большой палец с татуировкой кредитки. Массивный шлагбаум поднялся, и она въехала на шоссе. Перед ней простиралась совершенно пустая полоса ферментированного бетона, похожая на стартовый участок гигантской гоночной трассы. Карис вызвала в виртуальном поле зрения всю линейку настройки автомобильной системы и совместила ее с контролирующей движение по трассе программой. Скорость движения регулировалась довольно старым приложением, которое легко было можно отключить стандартными инструментами, имеющимися в программном обеспечении новой модели «МГ». Карис так и поступила, а затем решительно нажала ногой педаль мануального акселератора.

Последовал приток дополнительной энергии в двигатель, и ее вдавило в спинку сиденья. Карис зафиксировала скорость, состыковала показания радара и навигатора с пилотирующей программой и перевела управление в автоматический режим. Снабженные электромускулами шины отреагировали на возрастание скорости увеличением ширины покрышек, что обеспечивало лучшее сцепление с покрытием. Машина помчалась со скоростью около трехсот километров в час, и на лице Карис появилась озорная улыбка.

* * *

— Я сохранил верность, — сказал Дадли Боуз. — Сделал глупость. Ты слышала, что я говорил? Видела записи? Я предупредил их, сказал, чтобы они бежали. А потом мой голос умолк. Вероятно, чужаки заставили меня замолчать, наказали за то, что расстроил их планы. И оказалось, что я рисковал своей шеей опять же ради этого гнусного Кайма. Ради мерзавца, оставившего меня гнить под чужим солнцем. Пожертвовавшего мной ради своего спасения.

— Но ты очень даже живой, мой милый, — ответила ему Меллани.

Они лежали на двуспальной кровати гостиничного номера, словно в насмешку называемого номером для новобрачных. Открытые окна позволяли Дадли любоваться его драгоценными звездами. Меллани с трудом удерживалась, чтобы не зевнуть. Она отчаянно хотела спать, а новый Дадли Боуз, похоже, не мог успокоиться без сильнодействующего снотворного. Было уже три часа утра, и можно было бы подбросить ему пару таблеток, но шампанское уже закончилось, а в такой час даже в «Пайн Гардене», лучшем отеле Рэндтауна, вряд ли можно рассчитывать на доставку в номер. Черт бы побрал этот захолустный мир.

У нее не было другого выбора, кроме как вернуться в Рэндтаун и продолжить начатый репортаж о блокаде. Алессандра хотела знать, не пересмотрели ли местные жители свои антигуманистические взгляды после установки детекторной станции на склоне Регентов, над городом. На этот раз акцент должен был быть сделан на добропорядочных граждан, отвернувшихся от красношеих тупиц вроде Марка Вернона. Меллани без особого труда удастся записать соответствующие интервью, и чем красочнее они будут, тем лучше.

Однако она не хотела этим заниматься, и не только в силу своего пренебрежения к мелкому городишке: дело Мио она считала более перспективным. Если бы она сумела его проверить, она бы больше не нуждалась в покровительстве Алессандры. Но возникли трудности. После громкого фиаско с приветственной церемонией она на полтора дня заперлась в гостиничном номере вдвоем с Дадли Боузом. Меллани устроила ему такой

сексуальный марафон, какой большинство мужчин знали только по порнографическим программам ВСО или по собственным снам в период кризиса среднего возраста. Он не сказал ей ничего. То есть он говорил постоянно — в перерывах между сексуальными подвигами, которые она ему организовала, — но каждый раз на одну и ту же тему: он сам и его предполагаемая жизнь на Главной Альфе. Лишь изредка он отвлекался на проклятия в адрес Уилсона Кайма, своей бывшей жены и Флота в целом. Ничего полезного в его хаотических воспоминаниях она отыскать не смогла.

Когда пришло время садиться в поезд до Элана, она собиралась бросить его в отеле на Августе. Собиралась. Но удержали ее от этого какие-то неясные сомнения, которые Меллани считала своей зарождающейся журналистской интуицией. Она была уверена, что Боуз что-то знал, хотя и сомневалась в правильном толковании совета Мио.

В конце концов она связалась с Алессандрой, чтобы признать свое поражение в деле Мио и выслушать ее язвительные высокомерные насмешки, после чего сказала Боузу, что они проведут уик-энд на одном известном ей уединенном курорте, где она осуществит его самые непристойные мечты без посещения «Молчаливого мира». Это был ее последний шанс выяснить скрытый смысл замечания Мио. Боуз последовал за ней, словно примерный ребенок.

— Но я все еще живу там? — Дадли вяло махнул рукой в сторону окна номера для новобрачных.

— Нет. Ты только здесь. Ты единственный. Ты должен усвоить это и не переживать за свою прошлую жизнь. Она закончилась. Тебе дали шанс все начать заново. А я постараюсь, чтобы начало новой жизни было приятным.

— Боже, да это же созвездие Земплар.

Дадли скатился с кровати и прошлепал к окну. Распахнув створки, он высунулся наружу. Меллани поежилась от свежего ветерка, долетавшего с озера Трине-ба.

— Ты не говорила мне, что мы здесь.

— Где? В Рэндтауне? Говорила.

— Нет, на Элане. Это, должно быть, Элан, верно?

— Да, любовь моя, это Элан. — Его догадка произвела на нее сильное впечатление. Память у парня работала безупречно, с процедурой оживления не могла смириться только его личность. — А теперь закрой окно, пожалуйста. Мне холодно.

— Это самый близкий к Паре Дайсона мир, если не считать Дальней.

Он стоял, все еще высунув голову в окно, и слова доносились неразборчиво.

— Да.

— Знаешь, как раз там появились Хранители.

— Знаю.

Она потянулась за одеялом, но вдруг остановилась.

— Что тебе известно о Хранителях?

— Немного. Это было только один раз.

— Что было?

Он отвернулся от окна и смущенно опустил взгляд.

— Нас ограбили. Только потом мы узнали, что это могли сделать Хранители. Главный следователь считала, что шлюха, на которой я был женат, встретила с Брэдли Йоханссоном.

— Кто был следователем? — с трепетом спросила Меллани.

— Такая странная женщина, Паула Мио.

Меллани упала на спину и торжествующе вскинула вверх сжатые кулаки.

— Есть!

— Что такое? — забеспокоился Дадли.

— Иди ко мне.

Она овладела им. Ей ничего не стоило его контролировать. Если бы она позволила, Дадли достиг бы оргазма через пару секунд, но Меллани сдерживала его, а потом снова провоцировала своими ласками, затягивая процесс на столько, сколько ей хотелось. Только в этот раз было одно отличие — она позволила расслабиться и себе. Не было притворства и звуковых эффектов. Теперь праздник плоти предназначался для нее, а Боуз был лишь орудием ее наслаждения.

Вероятно, он почувствовал перемену в ее поведении. Чуть позже, когда они оба без сил лежали на кровати, он смотрел на нее с восторженным обожанием.

— Не покидай меня, — заныл Дадли. — Пожалуйста, никогда меня не покидай. Я этого не перенесу.

— Не тревожься, любовь моя, — ответила она. — Мы с тобой еще не закончили. А теперь, будь паинькой, прими снотворное.

Он благодарно кивнул и запил лекарство остатками шампанского. Меллани взбила подушки и улеглась на спину, улыбаясь в потолок. Впервые за четыре дня она спокойно заснула.

* * *

Марк возился на винограднике с отказавшим автосборщиком. Барри и Сэнди увязались за ним, обещав помочь с ремонтом, но в основном занимались тем, что бегали между рядами, а собака с радостным лаем металась от одного ребенка к другому. Громоздкая машина остановилась в середине третьего ряда, когда программа-контроллер обнаружила, что ягоды гренхам не поступают в центральный бункер. Длинные руки-рычаги замерли в разных положениях, даже не опустив уже снятые гроздья.

И это всего на третий день сбора урожая. В его собственном хозяйстве произошло уже два сбоя, и от соседей все чаще поступали отчаянные просьбы помочь с механикой. Марк протиснулся между машиной и лозами и снял смотровую панель с механизма загрузки. Все как обычно: обрывки лозы попали внутрь, намотались на шестеренки и валы, и их цепляли кончики ножниц на манипуляторах сборщика. На следующий год надо бы обдумать возможность обрезки, а пока придется воспользоваться секатором и собственными руками, чтобы устранить мешающие плети. Пальцы сразу же стали липкими от сока раздавленных ягод.

— Пап, посмотри-ка, — окликнул его Барри.

Марк вытащил из машины последние обрывки виноградных плетей и поднял голову. Кто-то с невероятной скоростью мчался вдоль края долины: приземистая серая машина, за которой тянулся длинный шлейф пыли.

— Идиот, — буркнул он.

Смотровая панель со щелчком встала на место, и Марк для надежности легонько постучал по запирающим шпилькам концами плоскогубцев. После команды эл-дворецкого

возобновить работу рычаги автосборщика медленно пришли в движение. Над гроздьями защелкали ножницы, движения робота начали ускоряться. Марк с удовлетворением кивнул и вытащил из кармана солнечные очки.

— Они едут сюда, папа! — крикнула Сэнди.

Автомобиль действительно замедлил ход и свернул к дому. Ничего похожего у жителей Рэндтауна Марк никогда не видел.

Они позвали собаку, гонявшуюся за вобами, местными аналогами полевок, и, пригибаясь под лозами, поспешили к подъездной дороге. На краю виноградника Марк разглядел роскошную машину как следует, и гладкие обводы автомобиля подсказали ему, кто сидит за рулем.

«МГ» остановился рядом с пикапом «Эйблс»; колеса приняли привычную форму, и корпус слегка опустился. Боковая дверца плавно поднялась, выпуская Карис Пантер в дорогих ковбойских сапожках ручной работы, шикарной замшевой юбке и простой белой блузке. В руке она несла ковбойскую шляпу — голубовато-серый стетсон.

Барри издал приветственный крик и ринулся ей навстречу. Сэнди радостно улыбнулась. Визиты тети Карис всегда вносили в их дом оживление.

— Отличная железяка, — язвительно заметил Марк.

— Что, это? — Карис пренебрежительно махнула рукой на «МГ». — Машина жены моего бойфренда.

Марк закатил глаза. Она всегда умела обставить свое появление должным образом.

* * *

Ни одна из двух горничных, доставивших завтрак в номер, не взглянула на Меллани. Они просто поставили большие подносы на стол и молча вышли.

— Да пошли вы!.. — бросила Меллани в закрывшуюся дверь.

Она подняла серебряные крышки с тарелок. Да, обслуживание здесь было не на уровне, зато кухня оправдывала свои четыре звезды.

— Приступай, — скомандовала она Дадли.

Он уселся напротив, нервничая, словно школьник перед директором. Меллани и сама прекрасно помнила это ощущение.

— Чего ты от меня хочешь? — спросил он.

— Услышать твою историю.

— Тебя интересует только моя история?

— Все мы в конечном счете всего лишь истории. Я хочу помочь тебе, Дадли. Правда. Если ты сумеешь смириться с тем, что с тобой произошло, тебе станет намного легче. И в этом я могу тебе помочь.

— А мы? Как насчет нас?

Она лукаво усмехнулась, выбрала на тарелке ягоду клубники и неторопливо облизала ее.

— Неужели ты думаешь, что я позволяю себе такое поведение по отношению к тому, кто мне безразличен?

В его ответной улыбке читалась осторожная надежда. Меллани подвинула свой стул, чтобы сесть вплотную к нему. Под его восхищенным взглядом она взяла еще одну ягоду и осторожно сжала ее зубами. Потом очень медленно раздвинула полы халата, наклонилась и

поднесла ягоды вплотную к его рту. Он впился в клубнику, прижавшись к губам Меллани.

— Боже!

Дадли уже дрожал всем телом, и его глаза увлажнились.

— А теперь ты покорми меня чем-нибудь.

Дадли выбрал кусочек блинчика, пропитанного кленовым сиропом. Она засмеялась попавшим на грудь каплям сиропа, потом стала откусывать от блинчика по крохотному кусочку. Дадли не выдержал и прыгнул на нее, перевернув подносы с завтраком. Его порыв вызвал новый взрыв смеха, но при этом Меллани опрокинулась назад вместе со стулом. Дадли, запутавшись в своем халате, только усилил суматоху.

Он взял ее прямо на роскошной шкуре муузаки, под струйками апельсинового сока из опрокинутых на столе стаканов. Потом утащил на кровать и снова овладел ею.

— Мне надо принять душ, — сказала Меллани, когда он наконец насытился.

Несмотря на его старания вылизать весь сироп и сок с ее груди, она все еще была чересчур липкой.

— Я с тобой.

Она усмехнулась и прижалась к нему всем телом.

— Когда же ты встретился с Паулой Мио?

— Перед стартом космического корабля, — вздохнув, ответил он. — Меня вытащили из клиники после омоложения для допроса.

— Что они сделали?

— Перед полетом я проходил процедуру частичного омоложения — для полного не хватило времени, но физиологически я уже был слишком старым, вот они и решили уменьшить мне возраст, пока тренировалась команда. Паула Мио приехала ко мне в клинику и задавала вопросы мне и Венди. Сейчас не могу вспомнить все, что тогда говорил, поскольку из-за перерыва в процедурах голова работала не очень хорошо. Поэтому я и не стал таким молодым, каким хотелось бы — не только мне, но и Оскару Монро.

— Не вздумай обращать внимание на слова этого старого алкоголика. Ты говоришь, что Мио расспрашивала вас об ограблении?

— Да. Моя шлюха, бывшая, беседовала с Брэдли Йоханссоном, а он притворялся репортером. Он спрашивал ее об организациях, которые финансировали мою работу. А потом мы узнали, что кто-то проник в наш дом и скопировал все файлы из домашней системы.

— И Паула Мио полагала, что эти события как-то связаны?

— Этот ублюдок Йоханссон считает, что один из благотворительных фондов был прикрытием Звездного Странника. Это чужак...

— Я знаю, кто такой Звездный Странник. А когда точно это произошло?

— Сразу после нападения на «Второй шанс». Мио, забрав это дело, получила и неограниченные полномочия, включая право на прерывание моего омоложения.

— И она обнаружила эту связь. Почему?

— Представления не имею. Она говорила, что интересуется всякими странностями и всем, что связано с участниками полета на «Втором шансе». Но самое интересное то, что Йоханссон сказал Венди на прощание.

— Что же это?

— Передать Мио, чтобы она не обращала внимания на детали, а смотрела на общую картину.

— Странно. Ты помнишь, какой фонд подозревал Йоханссон?

— Да. Это был благотворительный образовательный фонд «Кокс».

— Никогда о таком не слышала. — Она похлопала его по руке и встала. — Ты понимаешь, что ты сейчас делал?

— Что?

— Говорил о том, что происходило с твоим предыдущим телом, как о себе самом. Ты начинаешь объединять свои жизни. Это прекрасно. Я же говорила, что это тебе поможет.

Она легонько прикоснулась губами к его озадаченному лицу и ушла в ванную комнату.

Глубоко утопленная в полу ванна наполнилась до краев, и на ее поверхности плавали пузырьки мыльной пены. Меллани с довольным вздохом опустилась в ароматную теплую воду. Поворотом переключателя она вызвала воздушные струи, смывшие боль с ее тела. В последний раз ласки Дадли были далеко не нежными, но его яростное желание было намного приятнее предыдущих монотонных поглаживаний.

Она включила музыку и положила голову на мягкий бортик. Виртуальная рука коснулась иконки РИ.

— Мне необходима кое-какая финансовая информация, — сказала она.

— Мы не можем сообщать секретные данные, Меллани.

— Мне нужна общедоступная информация, но проследить ее довольно трудно, а через обычные каналы я не хочу обращаться к базам данных. И я больше не смогу воспользоваться помощью бедного старины Гремли.

— Хорошо. Работу доктора Боуза финансировал благотворительный образовательный фонд «Кокс».

— Сколько денег они ему перевели?

— Общая сумма составляет один и три десятых миллиона земных долларов. За одиннадцать лет.

— Откуда взялись эти деньги?

— Эта информация не разглашается.

— Что это значит?

— Источник закрыт для посторонних лиц.

— Ладно, а кто распоряжается средствами?

— Зарегистрированными уполномоченными числятся три адвоката: мисс Далтра, мистер Помански и мистер Ситон, все они работают в юридической фирме «Бромли, Уотерфорд и Гранку» в Нью-Йорке.

— Хм. — Она провела губкой по ногам. — А кого еще поддерживает эта организация?

— Около сотни университетов и колледжей по всему Содружеству. Хочешь полный список?

— Не сейчас.

— Может, предпочитаешь узнать суммы, перечисленные другим заведениям?

Она широко раскрыла глаза. Добровольно предлагать информацию было не в духе РИ.

— Да, пожалуйста.

— Семьдесят тысяч земных долларов.

— Каждому?

— Нет. Это общая сумма пожертвований.

— Черт! Сколько же времени существовал этот фонд?

— Четырнадцать лет. Он закрылся через два года после того, как Дадли Боуз

зафиксировал окутывание. Через шесть месяцев после его разговора с Паулой Мио.

* * *

— Итак, самый ненавистный человек в Содружестве, — издевательским тоном заговорила Карис. — Отличное звание. Так показал опрос в унисфере, проведенный агентством «Максис». Никогда не думала, что мой маленький племянник станет такой знаменитостью.

Марк что-то проворчал в ответ и поглубже уселся в свое любимое кресло. Перед обедом они сидели в гостиной, предложив Карис попробовать вино долины Улон прошлогоднего урожая.

— Здесь никто не обращает на это внимания, — сказал он. — Пустяки.

— О да. Зато это имеет значение для нас, не так ли? Для нас, декадентов из метрополий, оттачивающих свой снобизм на бедных сельских жителях.

Марк пожал плечами.

— Ты сама это сказала.

— Проснись и выпей кофе, — отрезала она. — СМИ вобьют ваш маленький красивый городок в скалы. По своим каналам я узнала, что Алессандра Барон планирует продолжение. Ты не пытался купить сюда тур на следующий сезон? Я пыталась. Уже сейчас агенты предлагают пятьдесят процентов скидки. И никто не хочет ехать.

— И ты можешь все это исправить, верно?

Карис переглянулась с Лиз.

— Тебе нужно как-то изменить общественное мнение, Марк. И единственный, кто может тебе помочь, — это я.

— Ты вызвала ее! — набросился Марк на жену.

— Должен же ты кого-нибудь послушать, малыш. Вокруг все стараются тебя не обвинять. Хотя бы в лицо.

Он жалобно вздохнул и повернулся к Карис.

— Я ведь говорил совсем не так, как было показано в интервью. Они так всё отредактировали, что вышло хуже некуда.

— Полировка натуральных съемок, это так называется, — сказала Карис. — Они всегда так делают. Но это можно использовать для ответного хода.

— Каким образом? — подозрительно спросил он.

— Я могу организовать тебе интервью в других шоу. Интервью в режиме реального времени, так что никто не сможет подправить твоё выступление. Тебя придется долго натаскивать, прежде чем выпускать в унисферу. И чувство юмора тебе тоже не помешало бы. Но это можно устроить.

— У меня есть чувство юмора, — возмутился Марк.

Карис уже открыла рот, чтобы ответить, но снаружи что-то сверкнуло. Карис и Лиз нахмурились. Грозовых туч сегодня не было видно.

В саду раздался плач Сэнди, словно она сильно ударилась. Марк и Лиз одновременно вскочили и бросились к двери патио.

— Что случилось, куколка? — крикнул Марк.

Панда как будто сошла с ума, она прыгала и безостановочно лаяла. Сэнди, раскинув

руки, бросилась к матери.

— Свет в небе, — всхлипывала она. — У меня болят глаза. И все красное.

У Марка отказал наручный модуль. Небо на юго-востоке стало ослепительно белым.

— Что за чертовщина!..

Замерли все автосборщики. И трактора. Все роботы, которых он только мог видеть, перестали двигаться.

Пятно света над горами стало понемногу бледнеть, уступая привычной голубизне неба. А потом из-за вершин показалось настоящее золотисто-розовое солнце, но его поверхность покрывали разводы черного огня. По земле протянулись отчетливые тени.

— Это район Регентов, — прошептала Лиз. — Господи!..

Новое солнце поднималось на столбе бушующего пламени. Остававшийся на вершинах Регентов снег мгновенно испарился. Горные склоны как будто вздрогнули. А затем скрылись из вида в клубящемся белом облаке пара.

Сэнди еще громче заплакала.

— Они взорвали ее! — в ужасе закричал Марк. — Они взорвали детекторную установку!

Грибовидное облако на их глазах разрасталось и постепенно темнело, наливаясь багровой синевой. А потом до них докатилась звуковая волна.

* * *

Меллани заказала в номер легкий салат, потом влезла в джинсы и натянула угольно-черную трикотажную рубашку из собственной линии одежды. Волосы она собрала сзади в свободный пучок, а для макияжа воспользовалась только увлажняющим кремом. Для предстоящего разговора она хотела выглядеть серьезной и собранной.

Пока Дадли весело плескался в ванне, хмурая горничная принесла салат: ей пришлось задержаться на несколько минут, чтобы прибрать то, что осталось от доставленных ранее завтраков. Несмотря на двадцать долларов чаевых, выданных Меллани, взгляд женщины стал еще более сердитым.

— Пошла к черту! — крикнула Меллани в закрывающуюся за горничной дверь.

Некоторое время она ковырялась в салате, стараясь собраться с мыслями. Затем перешла к настольному модулю и воспользовалась гостиничной сетью, чтобы вызвать Алессандру.

Через мгновение экран модуля ожил. Алессандра сидела в гримировальном кресле зеленой гостиной, бумажная салфетка, завязанная на ее шее, прикрывала роскошное платье.

— Где тебя носит? — сердито бросила она.

— Я на Элане.

— Ладно, в таком случае живи дальше. Иначе я бы тебя пристрелила. — Она подняла руку и изобразила пальцами выстрел. — Не вздумай когда-нибудь еще блокировать свой адрес в унисфере. Так, продолжение репортажа должно быть у меня через час. И лучше бы это был хит, иначе твоя хорошенькая попка вылетит на орбиту.

— Я кое-что нашла.

— Что именно?

Меллани набрала побольше воздуха.

— Паула Мио считает, что Звездный Странник существует.

— Ты невыносима. Я даю тебе шанс за шансом, опекаю, как никого другого, и не только из-за твоих прелестей. А ты несешь такую бессмыслицу?

— Слушай! Она навела меня на Дадли Боуза.

— Тебе известно, где он сейчас? Все наши собраты с ума сходят, чтобы его разыскать.

— Я трахалась с ним, чтобы вытянуть информацию. — Она вздернула подбородок, стараясь сохранить бесстрастное выражение лица. — Как ты сама говоришь, у меня это неплохо получается. Я кое-что выяснила.

— Хорошо, милая, ты получишь свои пятнадцать секунд славы. Что ты узнала?

— Один из благотворительных фондов, финансировавших наблюдение за Парой Дайсона, оказался подставной конторой. Звездный Странник подстроил так, чтобы люди заметили окутывание. Он хотел, чтобы мы исследовали барьер.

— Доказательства? — потребовала Алессандра.

— Средства поступают в фонд с закрытого счета, — сказала Меллани, надеясь, что это окажется хотя бы отчасти правдой. Было необходимо заинтересовать Алессандру. — Я проверила другие направления пожертвований — это фиктивные суммы, предназначенные для отвода глаз при поверхностной проверке. Кроме того, после падения барьера фонд закрылся. А еще интереснее то, что Мио интересовалась им еще несколько лет назад. Понимаешь, что получается? Все эти годы она не могла поймать ни Йоханссона, ни Элвина и прекрасно это понимала. А может, она и сама работает на Хранителей!

— Ты пытаешься ей отомстить, — сказала Алессандра.

Но Меллани заметила ее колебания и усилила натиск.

— Это же будет твое шоу. Дай мне группу исследователей, разреши все выяснить. Черт, да ты сама возглавишь расследование. Об этом и говорит нам Мио. Нам, средствам информации. Все находится в доступных источниках, надо только знать, куда заглянуть. Мы можем доказать, что Звездный Странник существует. Богом клянусь, Венди Боуз действительно встречалась с Йоханссоном! Этого же не было ни в одном интервью. Но это правда, Алессандра, даю тебе слово.

— Я хочу поговорить с Боузом.

— Ладно.

В виртуальном поле зрения Меллани зажглась иконка РИ.

— Спрячься на полу за кроватью, — услышала она.

— Что?

— Детекторные установки зарегистрировали червоточины в пределах Содружества, — сказал РИ. — Атаке подверглась установка в районе Регентов. Спрячься за кроватью, она обеспечит некоторую защиту.

— Меллани? — окликнула ее Алессандра.

— Я должна идти.

Она все еще колебалась, не веря своим ушам. Затем виртуальный взгляд зафиксировал вставки, активированные РИ. Она и не знала о существовании подобных систем и не понимала их назначения.

— Мы постараемся поддерживать с тобой связь, — добавил РИ.

— Меллани, поступил какой-то сигнал тревоги! — пронзительным от беспокойства голосом крикнула Алессандра.

Меллани нырнула за кровать. В то же мгновение небо за окном стало ослепительно-белым.

Уилсон в одиночестве сидел в своем ужасном стерильно-белом кабинете, ожидая участников второго за утро совещания. На сей раз они собрались обсудить план-график постройки кораблей и таможенные вопросы, связанные с доставкой комплектующих. Вызов категории первостепенной важности, поступивший из системы безопасности планеты, заставил его напряженно выпрямиться в кресле. В виртуальном поле зрения вспыхнули сигналы тревоги. Детекторная сеть засекала неопознанные квантовые искажения в границах Содружества. Сразу в нескольких звездных системах начали открываться червоточины.

Освещение в кабинете померкло, по потолку и стенам побежали алые и голубые колонки цифр, над полом поднялась изумрудная графическая сетка. Проекция быстро стабилизировалась, и Уилсон оказался в центре тактической звездной схемы. Он находился вблизи от границы Содружества, где начиналась третья зона космоса. Янтарные огоньки горели в двадцати трех звездных системах, рядом с ними виднелись маленькие окошки, заполненные цифрами и символами.

— Двадцать три червоточины? — растерянно пробормотал он.

На данный момент Флот располагал тремя боевыми кораблями и восемью разведчиками, переоборудованными под ракетноносцы. Поток информации, поступающей с детекторных установок, уплотнился: в каждой из двадцати трех звездных систем открылось по сорок восемь червоточин, что в сумме составило более одиннадцати сотен. Примерно столько же переходов было задействовано ККТ во всем Содружестве. Уилсон не мог поверить своим глазам, хотя сам побывал в окрестностях Альфы Дайсона и видел, на что были способны праймы.

В дополнение к данным разведки Флота стала поступать общая информация. В киберсфере Аншана, Белембе, Мартабана, Балхаша и Самара уже возникли значительные искажения и временные сбои. Правительства планет сообщали о взрывах, в большинстве случаев сопровождаемых нарушениями в работе электроники. В поле зрения Уилсона выделились двадцать три полупрозрачные сферы, означавшие подвергшиеся нападению миры. Детальные изображения получить не удавалось, что свидетельствовало о систематическом уничтожении орбитальных спутников, передаточных платформ, промышленных станций и метеорологических сенсоров. Над планетами яркими рубинами вспыхивали значки червоточин. Они то появлялись, то исчезали, постоянно меняя местоположение, так что сенсоры не успевали определить их координаты. Зато радары каждый раз отмечали залпы высокоскоростных снарядов.

Начала прерываться связь со станциями на Эллане, Вэлтоне, Помоне и Наттавааре — малонаселенных планетах третьей зоны космоса. Детекторные станции одна за другой выпадали из общей сети, и разрешение изображения на дисплее неуклонно ухудшалось. На Молине, Оливензе, Козани и Балье — планетах, еще даже не открытых для заселения, — не осталось уже ни одной станции.

Рядом с ним призрачным силуэтом возникла Анна. Они как будто снова оказались на «Втором шансе», в креслах, предохраняющих от ускорения силы тяжести.

— Они сразу начали с ядерной бомбардировки! — выдохнула она.

— Мы видели, как они сражаются, — с намеренной резкостью ответил он, стараясь стряхнуть оцепенение. В присутствии Анны ему стало легче подавлять свои эмоции. Он

командир, он должен оставаться спокойным и рассудительным и заглушить крик души, призывающий бросить все и бежать в горы. — Подключи к командной сети Колумбия. И узнай для меня местоположение каждого из кораблей.

— Всех? — с оттенком горечи в голосе уточнила она.

— Выполняй!

Его собственные руки были заняты: Уилсон выбирал из унисферы все данные о гражданской обороне. На изображениях двадцати трех планет появились маленькие голубые огоньки — города, окруженные силовыми полями. В четырех незаселенных мирах защитой обладали только станции ККТ.

Подключение к сети Рафаэля Колумбия обозначилось еще одним силуэтом по другую сторону от Уилсона.

— Как их много! — вздохнул он, и на этот раз даже в его голосе прозвучали растерянность и испуг. — Мы начинаем запускать боевых роботов, они будут осуществлять перехват ракет, но только вокруг крупных населенных пунктов. Проклятье, их надо было изготовить в десять раз больше.

— Позаботьтесь, чтобы все города активировали защитные поля, — сказал ему Уилсон. — И не только в этих двадцати трех мирах. Нет никаких гарантий, что вторжение ими ограничится. Воспользуйся киберсферами, чтобы передать предупреждения. Я хочу, чтобы люди по возможности ушли в укрытия. Это только начало.

— А что будет потом?

— Скажу, когда получу больше информации. Нам необходимо выяснить, что они предпримут после бомбардировки. Анна, вызови пожалуйста весь стратегический командный состав. Сегодня нам потребуется любая помощь.

— Есть, сэр. Я заканчиваю отслеживание кораблей.

На звездной схеме появились белые символы, снабженные цифровыми данными. Семь кораблей находились в пределах детекторной сети. Два разведчика оставались на расстоянии нескольких дней пути за пределами Содружества, а боевые корабли и остальные разведчики были рассеяны по всей территории третьей зоны космоса. Уилсон принял решение.

— Свяжись с капитанами, — приказал он Анне. — Назначь им место сбора на расстоянии половины светового года от Аншана. — Их бывшая база располагалась на узловой станции ККТ этого сектора и потому была наиболее многочисленной. — Оттуда мы начнем контратаку.

Хорошо хоть никто не засмеялся, услышав эти слова.

— О, черт! — буркнул Рафаэль.

На тактическом дисплее вспыхнул еще рой янтарно-желтых символов, под угрозой оказалась двадцать четвертая планета, находящаяся намного дальше от внешних границ Содружества: Уэссекс.

— Сделай для них все, что возможно, — сказал Рафаэлю Уилсон.

Оставалось только надеяться, что эта просьба не станет неудачной шуткой.

Но кто знал, что нападение окажется настолько массированным? И тотчас всплыла ужасная догадка: Хранители знали.

— Сэр, — окликнула его Анна, — на прямой связи капитан Ту Ли. Они все еще на базе Аншана.

— Что?

— Она на «Втором шансе».

Виртуальная рука так стремительно двинулась к иконке, что изображение расплылось в пятно.

— Где вы находитесь? — спросил он, как только встревоженное лицо Ту Ли появилось в виртуальном поле зрения.

— Вышли со стоянки. — Ту Ли поморщилась. По ее изображению прошла волна помех. — Подвергаемся обстрелу. Силовые поля держатся. Какие будут приказы?

Уилсон едва не присвистнул. Наконец-то хоть одна хорошая новость.

— По возможности уничтожайте направленные на планету ракеты. Не пытайтесь — повторяю, не пытайтесь — открывать огонь по червоточинам. Еще рано. Сначала я должен получить о них исчерпывающую информацию.

— Есть, сэр.

— Удачи, капитан.

Огромное жилое кольцо «Второго шанса» в аварийном режиме прекратило вращение, что увеличило способность маневрирования.

— Полное ускорение, — отдала Ту Ли приказ пилоту.

Она стала капитаном неделю назад, приняв командование кораблем, находящимся на стоянке после окончания миссии: по заданию Флота он совершил разведывательный полет за три сотни световых лет от Содружества. Не обладая скоростью новых разведчиков, «Второй шанс» превосходил их в способности автономного полета. Кроме того, его скорость могла меняться, как у самых новых боевых кораблей.

Плазменные двигатели послушно выполнили волю пилота, обеспечивая ускорение в полтора g. Корабль поднялся на высоту в тысячу километров над экватором ночной стороны Аншана и как раз огибал второй по величине океан. Большие экраны капитанской рубки то и дело показывали сверкающие белизной вспышки. От злости и горечи Ту Ли оскалила зубы. Для них этот свет был ослаблен предохраняющими глаза фильтрами; для тех, кто оставался на поверхности, вспышки означали почти неминуемую смерть.

— Ларош, есть какая-нибудь закономерность атак? — спросила Ту Ли.

— Выявлено сорок восемь червоточин, — ответил Ларош, работавший за пультом наблюдения. — Но они постоянно меняют место. Единственное, что остается постоянным, — это высота: примерно полторы тысячи километров.

— Ладно, давай держаться на этой высоте, вычислим дальность действия ракет. Боевой расчет, стрелять, как только будет захвачена цель. Пилот, при наличии большого количества вражеских кораблей подходи ближе.

— Внимание, атака! — крикнул Ларош.

Ко «Второму шансу» помчались восемь ракет чужаков. Пилот изменил траекторию корабля регулировкой плазменных двигателей. Из средней части корпуса полыхнули яркие лучи, пронзили тьму космоса и взорвались на силовых полях ракет. Лазеры перенаправили поток энергии в генераторы силовых полей, максимально усиливая защиту. Второй залп плазменных стрел преодолел защитные поля ракет. Беззвучные взрывы сверкнули над планетой, и облака испаряющейся плазмы разлетелись на пятьдесят километров.

— Обнаружена партия из шестнадцати ракет, — доложил Ларош. — Нацелены на планету.

Экраны на мостике уже показывали ракеты в виде зеленых стрелок с быстро

мелькающими рядами цифр. Ту Ли своим приказом активировала корабельную ракетную установку и выпустила залп перехватчиков. При достижении ими ускорения в пятьдесят g она ввела код рассредоточения, и ракеты рассыпались каскадом отдельных зарядов, преследующих ракеты чужаков. Детонация мегатонных боеголовок с функцией отклоняющей энергии произвела цепочку ослепительных молний, разогнавших колоссальные волны в ионосфере планеты и рассеявших электромагнитные импульсы.

Часть ракет чужаков была мгновенно уничтожена, и их обломки в свободном падении понеслись к темной поверхности в сотнях километрах от корабля. Последовал второй залп боеголовок. На этот раз энергия была направлена в одноразовые лазеры рентгеновского излучения, и семьдесят процентов потока превратилось в единый узкий луч сверхжесткого излучения. Оставшиеся ракеты при его касании разрывались на части, и пылающие осколки метеоритным дождем осыпались вниз.

Поблизости от «Второго шанса» образовались еще четыре червоточины, и из каждой вылетели по тридцать две ракеты. По космическому кораблю прокатились легкие веера излучения сенсоров. Резкое ускорение прижало Ту Ли к спинке кресла, ремни на плечах и поясе натянулись, удерживая ее на месте.

— Что-то их многовато, — сказал Ларош. — Но программное обеспечение чужаков неэффективно. Я постоянно фиксирую микроволновое излучение из червоточин: траектория ракет корректируется.

Залп за залпом «Второй шанс» выбрасывал плазменные копья, уничтожая все новые цели, несущиеся с ускорением в двадцать g. Бесконечные взрывы освещали космос за бортом корабля. Волны распространяющейся плазмы стекали с силового поля, вызывая дрожь всего корпуса. Ту Ли уже слышала металлический стон и скрежет деформирующегося каркаса — как будто они летели сквозь солнечную корону, ослепленные опаляющей радиацией и бомбардируемые потоками релятивистских частиц. Корабль превратился в мерцающий раскаленный шар, от которого протянулись длинные рукава водородной плазмы. Наперерез ему уже неслись еще двадцать четыре ракеты чужаков.

На всех пультах рубки уже зажглись сигналы тревоги. На мониторах все чаще появлялись схемы, свидетельствующие о стараниях экипажа и СИ восстановить функции систем.

— Выводи нас отсюда! — отдала приказ Ту Ли.

Линдси Сэнсон активировала генератор червоточины, и «Второй шанс» исчез из пространства над планетой.

— Насколько несовершенно их программное обеспечение? — спросила Ту Ли.

— У них очень странное программное обеспечение, — сказал Ларош. — Оно совершенно неадаптивное и не такое прогрессивное, как у нас. Создается впечатление, что у чужаков нет «умных» программ.

— Надо этим воспользоваться, — предложила Ту Ли.

Она перевела взгляд на главный тактический дисплей. Основные системы корабля пострадали не сильно. Большая часть разрушений приходилась на периферию в жилом кольце, плюс наблюдалось несколько незначительных повреждений корпуса и появились трещины в топливных баках. Экипаж без исследовательских и научных подразделений составлял всего сорок человек, и никому пока не грозила смертельная опасность.

— Всем надеть скафандры, — отдала Ту Ли распоряжение после проверки боезапаса. — А потом возвращаемся.

Мерцающее пятно бирюзового света внезапно появилось в восьмистах километрах над столицей Аншана Трелоаром. Из центра пятна выскочил «Второй шанс», и сияние померкло. Космический корабль выпустил пятнадцать ракет, а затем генератор червоточин снова сработал, и судно вернулось в гиперпространство. Почти в то же самое мгновение корабль вынырнул в пяти тысячах километров от столицы над укрытым защитным полем Бромрайном, прибрежным городом с населением в двести тысяч человек. Еще пятнадцать ракет — и снова прыжок в гиперпространство.

Корабль произвел девять перемещений, пока не выбросил все оставшиеся сто семьдесят три ракеты.

Сразу после запуска ракеты каждого залпа расходились веером и замирали. Их сенсоры начинали поиск червоточин. При первых признаках возникновения переходов двигатели вновь активировались, и ракеты устремлялись к цели с ускорением в пятьдесят g. Партии ракет чужаков, появившись из червоточин, подвергались обстрелу эм-импульсами, лазерными лучами и кинетическими снарядами. После такой атаки лишь немногие снаряды пробивались к планете.

«Второй шанс» снова вышел из гиперпространства и провел ускоренную передачу информации в штаб Флота о методе минирования околоземного пространства. На расстоянии пятисот километров от корабля появилось восемь червоточин. Линдси Сэнсон сразу же активировала гипердвигатель.

— Проклятье! — вдруг вскрикнула она.

— Что такое? — спросила Ту Ли.

Экраны продолжали демонстрировать изображение Аншана: еще недавно неподвижная масса туч над ним после многочисленных взрывов кипела, словно вода в котле.

— Интерференция. Пространство так сильно искажено червоточинами праймов, что мы не сможем открыть свой переход. Это сделано намеренно: они модифицировали квантовые флуктуации, чтобы нас заблокировать.

— Гони! — скомандовала Ту Ли пилоту.

Плазменные двигатели придали кораблю ускорение в три g.

Вокруг «Второго шанса» появилось еще восемь переходов чужаков.

— Фиг вам! — закричала праймам Ту Ли.

Из каждой червоточки вылетело по девятью шесть ракет.

* * *

Сигнал тревоги из детекторной сети Флота застал Найджела Шелдона за завтраком в его доме в Нью-Косте. За последние пять месяцев он ни разу не был на Крессате, частном мире его семьи, а вместо этого делил свое время между Землей и Августой. Он считал, что даже при современном уровне коммуникаций на всякий случай не стоит забираться слишком далеко. И теперь убедился в своей правоте.

Вокруг особняка поднялись защитные экраны, линии связи переключились в засекреченный режим. Найджел прикрыл глаза и откинулся назад в кресле, пока внутренние экраны изолировали каждую комнату. Его собственный интерфейс заработал в полную силу, позволяя чувствительной сфере мозга усваивать информацию в ускоренном режиме. С баз, расположенных вокруг Нью-Косты, поднялись боевые роботы. Ранним утром изумленные

жители увидели, как в чистое небо с ревом взвились темные силуэты, спешившие занять позиции на большой высоте. Сразу после их исчезновения город накрыл купол силового поля.

Найджел, убедившись в готовности системы обороны Августы, переключился непосредственно на атаку чужаков. На мощном дисплее появилось изображение двадцати трех миров, подвергшихся нападению; сами червоточины Найджел ощущал уколами в коже. РИ откликнулся на его призыв и присоединился, появившись в тактической схеме в виде небольшого шара, испещренного пульсирующими голубыми и оранжевыми линиями.

— Очень много червоточин, — заметил он.

— Дмитрий Леопольдович всегда настаивал на том, что нападение будет невероятно мощным. Очевидно, это еще не все их возможности.

Расширенное восприятие Найджела зафиксировало поток распоряжений, поступающих из штаба Флота на Высоком Ангеле с целью мобилизовать все ресурсы и скоординировать действия.

— Бедняга Уилсон, — пробормотал он.

Затем он сконцентрировал внимание на нескольких символах на иконке с небольшой галактикой в виртуальном поле зрения. Иконки передвинулись, послушные его воле. Подобный интерфейс благодаря глубинным связям непосредственно с мозгом скорее напоминал телепатию, чем обычные виртуальные руки стандартных программ управления.

По всему Содружеству над станциями ККТ раскинулись силовые поля. В двадцати трех мирах, пострадавших от нападения чужаков, купола активировались почти без предупреждения. Местным поездам, направляющимся к станциям, перед внезапно возникающими прозрачными барьерами приходилось так резко тормозить, что они сходили с путей. Не всем составам удалось вовремя остановиться: несколько локомотивов врезались в силовое поле и опрокинулись, увлекая за собой и переворачивая вагоны, при этом разбрасывая в стороны грузы и пассажиров. Легковые автомобили и грузовики, следовавшие по магистралям, были остановлены системой регулирования движения, но передние машины все же не избежали столкновения с защитными куполами.

Найджел получал информацию обо всех повреждениях и авариях: ущерб от них был ничтожным по сравнению с разрушительным ураганом, налетевшим на планету с неба. Найджел не стал обращать внимания на цифры. Выбора не было: без станций и без переходов не будет и самого Содружества.

Хорошо хоть другие станции Содружества успели принять находившиеся за их пределами поезда, прежде чем закрылись силовыми полями. На магистралях снаружи образовались многокилометровые очереди. Те, кто оказался внутри периметра тоже были вынуждены приготовиться к долгому ожиданию, хоть и были благодарны судьбе за то, что оказались под защитой.

Найджел увидел, как по приказу Рафаэля Колумбия, в обход местных правительств, стали активироваться силовые поля над крупными городами. Он поднял в небо аэроботы — большие грозные боевые машины, стреляющие на ходу. Роботы сбивали ракеты чужаков еще в стратосфере, но ракет было так много, что несколько снарядов проскочили и ударили в силовые барьеры. В окрестностях городов было сметено абсолютно все, и почва превратилась в озера стекла, но купола выдержали.

Сигнал тревоги со станций ККТ на Уэссексе заставил Найджела переключить внимание на сами червоточины, открывшиеся над планетой. Едва он сосредоточился, как сразу же

обнаружил в киберсфере Уэссекса команды Алана Хатчинсона, основателя этого мира из Большой Дюжины, принявшего на себя управление обороной планеты. Вокруг Наррабри крупнейшего мегагорода, поднялись многослойные силовые поля. Небольшая бригада сил обороны была рассредоточена по периметру барьера с активированными перехватывающими батареями класса «земля — воздух». Эскадрильи аэроботов уже патрулировали небо над куполами.

В сознании Найджела возникло злобно ухмыляющееся лицо Алана Хатчинсона: три его аэробота только что сбили вошедшие в атмосферу ракеты праймов атомными лазерами.

— Отличный выстрел, — произнес Найджел.

— Развлекаемся, как можем, — ворчливо откликнулся австралиец.

Из четырех червоточин вылетела еще одна партия ракет. На это залпом ответили наземные батареи.

— Благодарение Господу, — произнес Алан, глядя на оплавленные радиоактивные обломки, падающие в океан. — Мы можем дать сдачи этим ублюдкам.

Сведения, поступающие из других пострадавших миров Содружества, производили тягостное впечатление. Если не считать силовых полей над городами и аэроботов, люди оказались совершенно неподготовленными к нападению.

— Ты можешь сбить несколько ракет, — сказал Найджел, — но на данном этапе мы сильно проигрываем. Их ресурсы в тысячу раз превосходят наши.

— Ну так увеличь их, почему бы и нет?

Они оба замолчали, наблюдая за действиями «Второго шанса» над Аншаном.

— Давай, Ту Ли, вперед! — шептал вслух Найджел.

Он старался подавить тревогу за свою молодую родственницу. В такой момент нельзя поддаваться эмоциям.

На Уэссекс обрушились сотни новых ракет, и у Алана не хватало аэроботов, чтобы защитить удаленные районы. Беспрепятственно спускающиеся ракеты чужаков стирали с лица земли многочисленные поселения, разбросанные на сельскохозяйственных угодьях целого континента.

— Сволочи! — выругался Алан. — Что плохого могли сделать вам эти люди?

— Можно определить основное направление атаки? — спросил Найджел у РИ. — Есть у них какая-то стратегия? Или они просто решили нас уничтожить?

— Выбор планет преследует двойную цель, — сказал РИ. — Двадцать три крайних мира образуют прочную базу в пределах Содружества, а овладение Уэссексом, если оно им удастся, обеспечит доступ к переходу, ведущему к мирам второй зоны, что позволит занять гигантскую территорию и поставить под сомнение существование Содружества как единого целого. Особенно в том случае, если они захватят еще и Землю.

— Они не получают станцию Наррабри, — решительно заявил Найджел. — Я об этом позабочусь.

— Они не могли предугадать нашу реакцию, — продолжал РИ. — Пока это еще проба — и для них, и для нас. Сохранение Наррабри логически оправданно. Они могут позволить себе проиграть первое сражение, но, если все же захватят переход в Наррабри, они получат доступ к шестидесяти развитым мирам.

— Но для чего? Что им от нас надо?

— Судя по направлению бомбардировок, можно предположить, что чужаки намерены сохранить промышленную структуру настолько, насколько это возможно. Они с легкостью

жертвуют малыми населенными пунктами ради более крупных технологических образований. Уцелевшее население двадцати трех миров, подвергнувшихся атаке, необходимо эвакуировать даже в том случае, если человечество найдет способ отразить нападение. Земля вокруг городов превратилась в радиоактивный шлак, поля уничтожены, нарушен климат. Даже если не учитывать огромную стоимость восстановления, этим мирам грозит утрата статуса пригодных для жизни планет.

— Скверное дело, — вздохнул Найджел. — Это настоящий геноцид.

— Возможно.

— О господи, — воскликнул Алан, — они поймали его!

Радары и оптические сенсоры помогли Найджелу увидеть, как «Второй шанс» отчаянно метнулся с орбиты, стараясь выбраться из окружения червоточин праймов. Огненные струи его раскаленных двигателей протянулись позади корабля на целых пятьсот километров.

— Проклятье! — крикнул Найджел. — Ту Ли, ты проделала колоссальную работу. Я горжусь тобой. И я снова услышу твой смех.

— Черт возьми! — подключился Алан. — Найджел, мне очень жаль.

— Мы не можем просто сидеть и смотреть на это издевательство, — заявил Найджел. — Надо показать им, что мы способны нанести ответный удар.

— Адмирал Кайм назначил сбор всех боевых кораблей, — заметил РИ.

— Пусть теперь эти мерзкие ублюдки дрожат от страха. Ого, сюда идут сразу три корабля.

Аэроботы Уэссекса отразили очередной ракетный залп. Праймы, похоже, на время оставили мелкие города на остальной части планеты и вплотную занялись Наррабри.

— Вы не получите мою станцию, — упрямо твердил Найджел.

Он открыл каналы управления в генераторные залы трех переходов станции Наррабри и в то же время активировал доступ к полной собственной памяти в искусственной нейронной сети, получив все имевшиеся у человечества знания в области экзотической материи, инверторов энергии, супергеометрии и квантовой математики. Он просмотрел все материалы и передал приказ открыть червоточины на Луизиаду, Малайтию и Тубуаи. Предохранительная система выдала сигнал тревоги. Даже его система контроля не могла одновременно управлять тремя червоточинами.

— Мне бы не помешала ваша помощь, — обратился он к РИ.

— Хорошо.

Найджел вздохнул с облегчением. Никогда нельзя было предугадать, когда РИ решит в чем-то участвовать, а когда будет просто бесстрастно наблюдать. Он подозревал, что вторжение чужаков взволновало даже искусственный развивающийся интеллект. В конце концов, физически Винмар находился внутри Содружества.

После того как РИ взял на себя функции преобразователя и управляющего устройства, Найджелу осталась только роль руководителя. По его просьбе РИ реформатировал квантовую структуру трех новых червоточин чужаков: он удалил их входы, превратив червоточины в открытые расщелины, пронизывающие пространство и время.

Над Уэссексом возник очередной переход праймов, и Найджел нанес удар, благодаря своим почти телепатическим способностям передвигая иконки со скоростью звука. Три выхода из червоточин ККТ материализовались внутри переходов захватчиков, образовав многомерную область пересечения, что привело к колоссальным искажениям энергетических потоков. Нестабильность усилила дополнительная подача энергии от восьми

ядерных станций Наррабри, осуществляемая через переходы.

Червоточина чужаков пропала в сильнейшем гравитационном взрыве, выбросив в пространство потоки сверхжесткого излучения. Найджел ждал, сканируя космос над Уэссексом при помощи гисрадара. Праймы лишились сорока семи червоточин, то появлявшихся, то вновь пропадавших из вида. Из перехода на Малайтии поступило аварийное предупреждение о снижении мощности во избежание дальнейших повреждений: из-за чрезмерной перегрузки в системе выгорело несколько компонентов.

— Подействовало, — воскликнул Найджел.

— Конечно, — бесстрастно ответил РИ.

— Ты сможешь убрать и остальные? — спросил Алан.

— Сейчас посмотрим.

* * *

Перед запуском вторжения, собираясь с мыслями, Утес Утреннего Света, насколько это было возможно, испытывал нечто вроде трепета. Чуждое ему Содружество, несмотря на воспоминания Боуза, было для него неизвестной территорией. Он помнил, как жил там, помнил особенности сложившегося там общества, но имел весьма смутные представления о промышленных и военных возможностях. И это было причиной беспокойства.

Поблизости от домашней системы имелись и другие звезды с планетами, пригодными для жизни праймов. Он уже открыл червоточины в восьми таких мирах и послал через переходы миллионы мобайлов, чтобы образовать поселения. Распространять свое влияние при условии жизнеобеспечения было намного проще, чем осваивать холодные, лишенные атмосферы спутники и безжизненные астероиды родной системы: чтобы создавать подходящие для существования условия, не требовалось устанавливать коконы, и подобная экспансия обходилась дешевле. Группы мобайлов на новых планетах уже приступили к процессу амальгамации и постепенно интегрировались в процесс мышления Утеса Утреннего Света. В заботе о будущем он уже распространился на сотни световых лет.

На какое-то время этого могло быть достаточно. Даже самый страшный, неизвестный еще противник не смог бы возвести барьеры вокруг такого количества звезд. Но в галактике много врагов. Можно представить, что произойдет, когда на пути его миссии встанут люди: две несовместимые формы жизни будут оспаривать право на схожие планеты и звезды. Утес Утреннего Света знал, что мирное сосуществование было невозможно. Более того, он в принципе не мог представить сосуществование с какой-либо другой расой. В конце концов, количество звезд неограничено. Теперь, когда он мог дотянуться до любой из них при помощи червоточин, он мог стать вездесущим. А это гарантировало бессмертие. Не важно, сколько звезд умрет или превратится в сверхновые, он все равно будет жить. И первое препятствие на пути к бессмертию — это Содружество, полное опасных независимых существ и превосходных сложных машин.

Утес Утреннего Света открыл тысячу сто четыре червоточины, нацеленные согласно звездным координатам, полученным из воспоминаний Боуза. Некоторые переходы оказались довольно близко к цели, другие чуть дальше, а некоторые оказались на расстоянии половины светового года и больше. Запущенные сенсоры собрали информацию для уточнения космических карт и точного определения координат звезд Содружества. Выходы из

червоточин расположились вокруг первоначальных целей. «Странно, что в воспоминаниях Боуза большое значение придается колонизации планет; его раса очень мало использует те миры, которые занимает. Всех людей едва хватит, чтобы заселить один мир, не говоря уж о сотнях миров. Индивидуальность — это величайший недостаток, усиливающий их коллективную алчность».

Бомбардировка началась с поражения мелких населенных зон и периметров более крупных поселений. Были обнаружены и другие цели: квантовые сенсоры, коммуникационные сети, цепи энергоснабжения, — и на них тоже были наведены ракеты. Утес Утреннего Света намеревался истребить людей, но оставить относительно целыми их промышленные центры. Тех, кто уцелеет, он хотел вытеснить из зданий и разогнать по непригодным территориям.

Над городами встали силовые поля. Этого Утес Утреннего Света не ожидал, и в воспоминаниях Боуза они не встречались. Внутри этих куполов он не мог открыть червоточины. На значительном удалении он оперировал своими червоточинами, устанавливая их на высоте в две тысячи километров над планетой. Для более точной установки требовались неподвижные переходы.

Из городов вылетели небольшие машины, аэроботы, и начали сбивать его ракеты. Утесу Утреннего Света ничего не оставалось, кроме как увеличить количество запускаемых ракет, чтобы нанести наибольший ущерб.

Открытие червоточин над главным миром Уэссек вызвало еще более сильное сопротивление. Он видел внизу мегагород, на две трети состоящий из промышленных объектов. Его размеры превышали почти все поселения праймов, организованные на планетах, а эффективность производственных систем с их электронными контрольными устройствами превосходила все достижения Утеса Утреннего Света.

Появившийся над Аншаном космический корабль людей сбил десятки его ракет. Реакция Утеса Утреннего Света была стандартной: он послал еще больше снарядов. Затем человеческий корабль стал неожиданно появляться и снова прятаться в собственной червоточине, и Утес Утреннего Света отрядил несколько групп иммобайлов, чтобы они занялись генераторами червоточин и превратили искажения в барьер. Десятки тысяч второстепенных иммобайлов сосредоточились на этой задаче, до предела истощив его способность к контролю. Дождавшись, когда корабль окажется запертым в реальном пространстве, он произвел самый мощный залп.

Над Уэссексом что-то случилось с одной из его червоточин. Энергия устремилась по каналу в обратном направлении, что привело к уничтожению генератора, расположенного на одном из четырех гигантских астероидов, вращающихся вокруг промежуточной базы. Результирующий взрыв разрушил башню-склад ракет и даже задел эскадрилью стоящих над астероидом кораблей.

Утес Утреннего Света провел срочный анализ воспоминаний об этом событии. В то же время свернулись еще две червоточины, и энергетические выбросы уничтожили их генераторы. Он понял, что перегрузка была вызвана внешними силами. На решение проблемы были направлены очередные группы иммобайлов, а мощность оставшихся генераторов была увеличена, что позволило противостоять пяти следующим попыткам дестабилизировать их работу.

Борьба вылилась в соперничество энергетических мощностей. Утес Утреннего Света подпитывал червоточины с магнитных дисков, запущенных в корону солнца, вокруг которого

вращалась промежуточная база, передавая энергию на астероиды через узкую червоточину. Но даже при максимальной эффективности существовал предел, который могли выдержать генераторы. Люди же меняли тактику с такой скоростью, что он не успевал реагировать. Они в доли секунды модифицировали характер флуктуаций и резонансное усиление. Похоже, что у них тоже существовал неограниченный источник энергии.

Еще двадцать семь генераторов червоточин взорвались или растеклись расплавленными лужицами. Утес Утреннего Света прекратил попытки захватить Уэссекс, а оставшиеся червоточины перевел на другие планеты, где не было замечено подобных явлений. Результаты бомбардировки в большинстве случаев его разочаровали. Но и оборона человеческих миров постепенно слабела под натиском огромного количества ракет. Наконец он перестал запускать ракеты и двинул на Содружество первые корабли.

Для первой стадии вторжения он приготовил в общей сложности сорок восемь тысяч судов.

* * *

В центре тактической схемы, возведенной Уилсоном, становилось тесно. К ним присоединился призрачный облик самой Элейн Дой, а также Найджела Шелдона. Их спектральное присутствие придавало исключительную весомость его приказам — при условии, что они не вмешивались. Посоветоваться по вопросам тактики и технологии он мог и с голограммами Дмитрия Леопольдовича и Танде Саттона, не отстававшими от него ни на шаг.

В этот момент Уилсон не возражал бы и против настоящего призрака или медиума, кто мог бы знать, что произойдет дальше, или хотя бы высказать свои предположения. На двадцать одну осажденную планету неслись последние ракеты, и для Уилсона это было зловещим предзнаменованием, в то время как остальные выражали свою радость. Уэссексу повезло избавиться от червоточин, тогда как Оливенза и Балья окончательно выпали из унисферы, после того как рухнули защитные купола над их станциями, а на Аншане перекрыли соединительные переходы.

— Нельзя ли вызвать перегрузку и у всех остальных червоточин чужаков? — спросила Элейн Дой у Найджела.

— За уничтожение тридцати их генераторов я заплатил восемнадцатью своими, — сказал Найджел. — Соотношение не слишком благоприятное. Без червоточин не будет Содружества. К тому же я сомневаюсь, что у нас для этого хватит энергетических мощностей.

Уилсон промолчал. Он молча следил за тем, как Шелдон черпает все большие и большие мощности из энергосистемы Содружества. В связи с этим все миры Большой Дюжины были вынуждены переключиться на нуль-батареи. В течение битвы за Уэссекс на Земле произошло беспрецедентное отключение всех гражданских систем, поскольку всю мощность, получаемую со спутника, Шелдон направил на уничтожение червоточины чужаков. Кратковременные отключения и падение мощности наблюдались и во всех мирах первой и второй зоны космоса, и их местные системы были переведены в аварийный режим работы. На момент переключений в нескольких городах были случаи ослабления мощности защитных полей. В настоящий момент все поспешно восстанавливали растроченные запасы.

Но это был акт отчаяния, и Уилсон признавал, что выбора у них не было. Однако, если бы праймы в этот момент организовали вторую волну бомбардировок, последствия могли стать катастрофическими. Уилсону оставалось только молиться.

— Вы хотите сказать, что они еще здесь? — спросила Дой.

— В данный момент — да, — ответил Уилсон.

— Господь милосердный, денег, которые мы вам выделили...

— Хватило на три боевых корабля, — отрезал Уилсон. — А я не уверен, что нам сегодня хватило бы и трех сотен.

— Аэроботы и силовые поля неплохо справились со своей работой, — заметил Рафаэль. — Без них разрушений было бы неизмеримо больше.

— Но потери, — вздохнула президент. — Мы уже потеряли два миллиона человек.

— Больше, — печально поправила ее Анна. — Значительно больше.

— И они еще возрастут, — намеренно резко добавил Уилсон. — Дмитрий, вы можете дать прогноз на последующие действия чужаков?

— Они провели артподготовку, — сказал русский ученый. — Логическим продолжением должна быть оккупация. Необходимо приготовиться к полномасштабному вторжению.

— Танде, оцени экологическое положение в атакованных мирах.

— Если говорить кратко, то все очень плохо. Аншан принял на себя основной удар. Там уже начались бури. В лучшем случае они разнесут радиоактивные осадки по всей планете. Праймы не используют чистые ядерные бомбы. Дезактивация будет стоить целое состояние, если только ее сочтут целесообразной, в чем я сомневаюсь. Проще и дешевле эвакуировать всех и все на новую планету третьей зоны. В остальных мирах состояние климата и степень заражения различны, но, учитывая, что люди привыкли к высокому уровню жизни, вряд ли кто-то захочет там остаться.

— Согласен, — сказал Уилсон. — Я хочу, чтобы эвакуация началась уже сегодня.

— Со всех планет? — спросила Дой. — Не могу с этим согласиться. Куда, черт побери, им ехать?

— К друзьям, родственникам, в отели и правительственные временные лагеря. Какая разница? Это не моя проблема. Необходимо собрать всех оставшихся в живых под силовые поля, а потом вывозить их. На помощь необходимо направить все воинские резервы, все полицейские десантные отряды, все аэроботы, какие только можно выделить. Между прочим, у правительств планет имеются военизированные подразделения, которые могут составить небольшую армию. Госпожа президент, я хочу, чтобы вы издали чрезвычайный указ, переводящий военных в подчинение Рафаэля Колумбия.

— Я... Я сомневаюсь.

— Я вас поддержу, — сказал Найджел Шелдон. — И Межзвездные Династии тоже Уилсон прав: надо шевелиться.

— Возможно ли открыть червоточины на пострадавших планетах? — спросил Уилсон. — Для эвакуации нам не хватит никакого другого транспорта.

— Переход в Наррабри не в самом лучшем состоянии, — сказал Найджел. — Но мы справимся. Все равно железнодорожные пути полностью разбиты. Можно задействовать переходы, оставшиеся на Уэссексе, но поездов не будет. Людям придется перебираться пешком или на автобусах.

— А как насчет Оливензы и Бальи?

— Восстановить сообщение помогут исследовательские отряды с Аншана, если только в тех мирах кто-то выжил.

— Червоточины праймов перестали менять положение, — сказал Рафаэль. — Господи, вот и они!

Радары и оптические вставки показали над каждым из осажденных миров вылетающие из червоточин корабли праймов.

— Если они начнут высадку, об эвакуации можно забыть, — сказал Дмитрий. — Времени уже нет. Необходимо нанести удар по их мозговому центру — по червоточинам с противоположной стороны, где они уязвимы.

— Сколько времени потребуется нашим космическим кораблям, чтобы достичь Аншана? — спросил Уилсон.

— Два корабля уже в точке сбора, — доложила Анна. — Последний прибудет только через восемь часов.

— Проклятье! Рафаэль, немедленно начинайте эвакуацию хотя бы из столиц.

— Червоточины будут открыты и в других защищенных полями городах, — сказал Найджел.

— А как же остальные люди? — воскликнула Дой. — Ради бога, сделайте для них что-нибудь.

— Мы посмотрим, что можно предпринять, — раздался голос РИ.

* * *

Марк провозился сорок минут, но все же сумел завести свой пикап. Выгорела значительная часть электрических цепей, но кое-что он сумел исправить, а без остального можно было обойтись. Лиз и Карис тем временем упаковали в два чемодана одежду и все походное снаряжение.

— Мне кажется, киберсфера восстанавливается, — сказала Лиз, запихнув в пикап последнюю сумку. — Домовая система выдала базовое меню коммуникаций.

— Домовая система? — удивленно переспросил он.

Пострадали не только электронные устройства. Разбилась большая часть окон, даже тройные закаленные стекла, так что все вокруг было покрыто осколками. Разгромленный дом произвел на него не меньшее впечатление, чем сам взрыв, и, несомненно, вызывал более сильное огорчение. Как будто кто-то нарочно, со злости, испортил все, что смог.

Но даже Марк не мог не признать, что они отделались легче, чем большинство соседей: их дом состоял из куполов сухого коралла, и ударная волна частично соскользнула с округлых поверхностей. Прямые вертикальные стены могли и не выдержать. На виноградник он не мог смотреть спокойно: почти все лозы были сброшены на землю, и так по всей долине, насколько он мог видеть.

— Я не могу подключиться к системе, — сказала Лиз. — Но запасной монитор в кладовке уцелел, и я набрала несколько команд. Система пострадала на девяносто процентов, так что даже не удалось запустить программу восстановления. Похоже, что остался только сетевой операционный протокол связи через оптический кабель.

— Ты пыталась до кого-нибудь дозвониться?

— Конечно. Сначала вызывала Данбавандов и Конантов. Безрезультатно. Потом

попробовала связаться с муниципалитетом и даже с Черным домом. Никто не отвечает.

— Или еще не знают, что система восстанавливается. Генетическим алгоритмам потребуется немало времени, чтобы обойти поврежденные участки.

— К тому же мало кто знает, как набирать команды вручную.

— А я знаю, — сказал Барри.

Марк обнял сына. На его лице еще темнели следы грязи и слез, но мальчик уже оправился от шока.

— Ты у нас гений, — сказал ему Марк.

— Надвигаются тучи, — сказала Карис, глядя на север.

Над вершинами Даусинг появились длинные белые полосы, быстро несущиеся к дымящимся склонам Регентов, словно брошенные великанами копьа.

Лиз забеспокоилась.

— Скоро пойдет дождь. Очень сильный. — Она повернулась к Марку. — Итак, куда же мы отправимся?

— До станции очень далеко, — сказал он.

— Если она еще на месте, — вставила Карис. — Они скинули атомную бомбу на удаленную детекторную установку; бог знает, что обрушилось на станцию ККТ. Шоссе такое длинное и открытое, а потом еще придется пересекать океан.

— Но другого пути отсюда нет, — сказал Марк.

— Знаешь, надо бы проверить остальных, — предложила Лиз. — Больше всего на свете мне бы хотелось спрятать детей в безопасном месте. Но его еще надо отыскать. На данный момент самым спокойным мне представляется район по ту сторону хребта Даусинг.

Марк взглянул на небо и неожиданно ощутил испуг. Никогда прежде оно не казалось ему таким огромным.

— Ты думаешь... они придут?

— Сюда? — Карис саркастически усмехнулась. — Простите, ребята, но Рэндтаун не относится к числу стратегических объектов мирового значения. Кроме детекторной установки, здесь ничего нет.

— Возможно, ты права, — согласился Марк. — Ладно, поехали в город, и по пути заглянем к соседям.

— Неплохой план, — сказала Лиз. — Надо узнать, что творится на Элане и в остальном Содружестве. Если правительство сделает попытку с нами связаться, то известно об этом будет в городе.

— Если только у нас еще есть правительство, — добавила Карис.

Лиз настороженно взглянула в ее сторону.

— Должно быть.

— Садитесь в пикап, — скомандовал Марк детям.

Они без слов забрались на заднее сиденье, и притихшая Панда запрыгнула вслед за ними. Марк чуть было не решил оставить собаку, но быстро передумал: им всем была необходима любая доступная помощь. Всем.

— Я поеду за вами, — сказала Карис.

— Хорошо. Держи модуль включенным.

Они отыскиали в доме три старые модели, которые были выключены в момент взрыва, и Марк без труда изменил программы, так что модули превратились в простейшие переговорные устройства, действующие на расстоянии пяти миль.

Карис ободряюще помахала рукой и направилась к своему «МГ». К величайшему удивлению и некоторой зависти Марка, системы спортивной машины почти не пострадали от эм-импульса.

— Надо бы взять и это. — Лиз протянула ему охотничью винтовку — мощный лазерный излучатель со снайперским прицелом. — Я проверила, она работает.

— Господи, Лиз, — он с виноватым видом оглянулся на детей, — зачем?

— Во время стресса люди могут вести себя не лучшим образом. И я не так уверена, как Карис, что праймы оставят нас в покое.

Она распахнула куртку и показала ионный пистолет в наплечной кобуре.

— Черт, а это откуда?

— От друга. Марк, на несколько миль вокруг нас нет никаких соседей, а тебя целыми днями не бывает дома.

— Но... оружие?

— Я просто практичная, малыш. И еще женщина, которая может постоять за себя.

— Это верно, — сухо ответил он.

На самом деле он был рад, что Лиз запаслась оружием.

Марк забрался в пикап и стал спускаться к основной дороге.

Рэндтаун выстоял. Почти. Регенты направили основную силу ударной волны вверх, но отраженные от гор колебания давления легко проникли в город.

Композитная и металлическая облицовка всех зданий либо погнулась, либо была сорвана. Скомканные листы валялись на тротуарах и крышах соседних зданий. Самые легкие из них еще плавали на поверхности Трине-бы. Ветер свободно трепал полотнища термоизоляционного материала. От крыш, почти полностью лишившихся солнечных батарей, остались одни каркасы. Самое странное зрелище представляли собой россыпи битого стекла, переливавшиеся всеми цветами радуги — все окна во всех домах Рэндтауна вылетели и осыпались на землю сверкающими водопадами, словно кто-то опорожнил мешки с бриллиантами.

Марк остановил пикап на Нижней Западной улице, в двухстах метрах от шоссе.

— Боже мой, я и не думал, что в мире столько стекла.

— А покрышки выдержат? — спросила Лиз.

Она изучала улицу в поисках прохожих. Ближе к центру города над разбитыми крышами поднимались столбы дыма.

— Должны выдержать. Они пенногелевые.

— Это хорошо. — Лиз поднесла ко рту модуль. — Карис, мы едем дальше. Твой «МГ» с этим справится?

— Если не справится, ему предстоит очень неприятный разговор с моими адвокатами.

Марк высунулся из бокового окна. Сзади в забитой багажом машине ехали Дэвид и Лидия Данбаванд, а трое их ребяташек втиснулись в «МГ» Карис. Еще дальше показался внедорожник Конантов — Юрий заканчивал чинить его как раз в тот момент, когда они проезжали его ферму.

— Едем вместе, — крикнул им Марк.

Дэвид поднял свой мазер.

— Ладно, мы будем начеку.

Марк покачал головой и нажал на педаль газа. Чем закончатся эти несчастья и бряцание оружием? Пикап плавно двинулся вперед, хрустя широкими покрышками по хрустальной

крошке.

Обитателей города они обнаружили ближе к центру Рэндтауна. Почти все, кто в момент взрыва находился на улице, получили ранения. Пешеходы сильно пострадали от летящих с домов панелей; даже если кто-то и избежал этой участи, то непременно попал под град стеклянных осколков.

Ближе к началу Мейн-Молл дорога оказалась занятой множеством стоящих автомобилей. Марк тоже остановился, и они решили пройти дальше пешком.

— Оставьте Панду в машине, — сказала детям Лиз. — Иначе она поранит лапы.

Стоило им немного отойти, как собака начала жалобно лаять.

Половина зданий на Мейн-Молл согнулась под напором яростного вихря. В это время на торговой улице обычно было очень многолюдно, кафе заполняли любители позднего завтрака, а перед витринами толпились праздные туристы.

— Господи! — простонал Марк, едва взглянув на улицу.

К горлу мгновенно подступила тошнота, и он был вынужден опереться о ближайшую уцелевшую стену.

Его поразили даже не люди, все еще лежавшие на тротуаре. И не спасатели, спешившие освободить тех, кто оказался под завалами зданий, и даже не громкие стоны и крики. Кровь! Буквально все было залито кровью. Под потоками темно-красной жидкости, стекавшей по тротуару, не было видно даже каменных плит, только поблескивала стеклянная крошка. Покосившиеся стены были покрыты уже потемневшими брызгами. Кровь была на лицах, руках и одежде людей: воздух пропитался ее характерным резким запахом.

Марк согнулся пополам, и его стошнило прямо на ботинки.

— Назад, — приказала детям Лиз. — Сейчас же возвращайтесь в пикап.

Она подтолкнула детей навстречу подошедшим Лидии и Дэвиду. Сэнди, Элли и Эд уже плакали, Барри и Уилл тоже были готовы разреветься. Взрослые повели их к машине, загораживая собой страшную картину.

— Мы выясним, есть ли у них какой-нибудь план действий! — крикнула им Карис.

— Ладно, — ответила Лиз, борясь с тошнотой. — Будь на связи.

— Как ты? — спросила Карис Марка. — В порядке?

— Нет, черт побери. — Он вытер губы рукавом. — Господи!

От увиденного ему стало холодно. Ничего подобного он не ожидал. Марк представлял себе конец света как окончательную пустоту, конец всего. Но это было слишком легко. Вместо покоя, им приходится переживать последствия катастрофы, жить в мире боли, крови и мучений.

— Ты справишься, — без всякого сочувствия заявила Карис. — Должен. Пошли; может, им понадобится наша помощь.

Юрий Конант помог Марку выпрямиться. Он и сам выглядел не намного лучше. Ольга прикрыла губы платком, а в ее глазах блестели слезы.

Все четверо зашагали по Мейн-Молл, скрипя обувью при каждом шаге. Осколки липли к подошвам. Марк вытащил из кармана комбинезона тряпку и завязал себе рот и нос.

— Марк? — вдруг окликнула его какая-то девушка.

Это была Мэнди из кафе «Чай для двоих». Вместе с другими людьми она стояла рядом с мужчиной средних лет, тяжело раненным в ногу. Импровизированная повязка на его бедре местами уже промокла от крови. Сквозь ткань торчал конец металлической полосы, видимо глубоко вонзившейся в тело. Какая-то женщина уговаривала его выпить обезболивающее.

— Ты ранена? — спросил ее Марк.

Ее лицо, покрытое слоем пыли и пятнами засохшей крови, пересекали следы от слез. Руки и фартук Мэнди тоже были красными от крови.

— Несколько порезов, ничего серьезного, — сказала она. — А как Барри и Сэнди?

— С ними все в порядке. В долине было не так страшно.

— Что мы сделали, Марк? За что они так с нами? Мы же никому не причинили зла.

Она начала всхлипывать. Марк обнял ее за плечи и легонько встряхнул.

— Мы ни в чем не виноваты, — сказал он.

— Почему же это случилось?

— Я не знаю. Извини.

— Ненавижу их.

— Эй, ребята, не могли бы вы помочь? — спросил кто-то сзади. — Теперь мы сможем его перенести.

— Перенести куда? — поинтересовалась Карис.

— Больница работает, они частично восстановили энергоснабжение. Саймон позаботился об этом.

— А где находится больница?

— В двух кварталах отсюда, — автоматически ответил Марк.

— Сейчас мы его отнесем, — сказал Юрий.

Это оказалось нелегко, даже при наличии самодельных носилок. По пути приходилось преодолевать завалы из мусора, а на углу улиц Мэтью и Второй горел китайский ресторан. Огонь, не сдерживаемый огнероботами и добровольцами из противопожарной службы, быстро распространился и уже грозил перекинуться на соседние здания. Раненого пришлось нести в обход, по длинному переулку, ответвляющемуся от улицы Мэтью. Они еще не успели дойти до больницы, как вокруг потемнело. На небе закружились тучи, словно гонимые циклоном с центром над Регентами. Над горизонтом появлялись все новые, более темные и плотные вереницы туч. На другом берегу Трине-бы пошел дождь, и его темная стена быстро надвигалась на город. Марк подумал, что это и к лучшему: дождь поможет справиться с пожарами.

На ступенях и газонах центральной больницы толпилось множество людей, и они неохотно расступались перед группой Марка с носилками. Внутри здания горел свет, и часть медицинского оборудования уже работала.

В отделении первой помощи собрались в основном дети и тяжелораненые взрослые. В приемном покое разместились люди с глубокими ранениями и сильной потерей крови. Медсестра у входа быстро осмотрела новоприбывшего мужчину, объявила его состояние сносным и велела отыскать для него место в вестибюле — там несколько человек еще сметали с полированных плит осколки вылетевших стекол щетками и лопатами. Марк выбрал относительно чистый участок пола, где они и уложили раненого мужчину.

Здесь же в вестибюле Марк увидел Саймона Рэнда в его оранжевом одеянии, обвисшем, словно обычная тряпка. Ливень из стекла не пощадил и его. На руке и на шее у него виднелись длинные полоски пластыря. Свита его почитателей значительно уменьшилась, но они смотрели на Рэнда с прежней преданностью, как и раньше. Рядом с ним шла молодая женщина в черной рубашке и джинсах. Это была Меллани Рескорай, все такая же красивая, несмотря на печально нахмуренное лицо. Марк, отметив, что на ней не было ни царапины, ничуть не удивился.

Она поймала его взгляд и удрученно улыбнулась.

— А вот и она, — сказала Карис. — Как раз в тот момент, когда кажется, что хуже уже некуда.

Марк, а с ним Карис, Юрий и Ольга прошли к выходу вслед за Саймоном и Меллани. Саймон остановился на треснувших ступенях портика и поднял руки.

— Люди, прошу вас подойти сюда.

Толпа собралась на газоне. Люди бросали в сторону Меллани сердитые взгляды, но она стойко выдержала молчаливое неодобрение.

— Я знаю, что сегодня я не самый желанный гость в вашем городе, — заговорила она. — Но у меня имеется связь с унисферой. Главные новости вкратце выглядят следующим образом: нападению подверглись двадцать четыре Планеты Содружества.

Марк, слушая Меллани, включил свой модуль, но устройство не смогло обнаружить ни одного канала киберсферы, не говоря уж о выходе в унисферу.

— Ничего у тебя нет, — пробормотал он.

Взгляд Меллани переместился на Марка. Она только что закончила рассказывать, как была отбита атака над Уэссексом. Пальцы Меллани слегка подергивались, отражая работу виртуальной руки. Вдруг Марк обнаружил, что его модуль вышел в унисферу через коммуникационный узел в Ранвиче. Сигнал был очень слабым, но достаточным, чтобы поддерживать основные функции информационного канала.

— Я репортер, — негромко сказала Меллани, — поэтому у меня имеются вставки дальнего радиуса действия.

Она слушавила. Марк знал, как работают коммуникационные сети, и понимал, что Меллани говорила чепуху. Но как она умудрилась открыть канал для его устройства, он не мог взять в толк.

— В данный момент Флот начинает эвакуацию со всех планет, подвергшихся нападению, — продолжила Меллани. — Станция ККТ на Уэссексе готовит червоточины в каждый из миров, оказавшихся в изоляции. Включая и этот мир. Без переходов в конечном пункте это сделать нелегко, но к процессу подключился РИ.

Вперед вышел Саймон.

— Я знаю, что покидать дом очень тяжело. Но сегодня нам придется смириться с реальностью. Больница не справляется. Атаки в остальных частях планеты еще не прекратились. Не думайте об эвакуации. Это перегруппировка сил, вот и все. Я вернусь и отстрою свой дом заново. И я надеюсь, что моему примеру последует каждый из вас.

— Когда мы уезжаем? — спросил Юрий. — Сколько у нас еще времени?

— Во Флоте составлен список, — сказала Меллани. — Как только откроют червоточину, все люди из окрестных районов должны будут уехать. Все вместе.

— На каком месте мы в этом списке? — выкрикнул кто-то из толпы.

Меллани с тревогой взглянула на Саймона.

— Наш номер восемьсот семьдесят шестой, — ответил он.

Люди встретили его слова молчанием. У Марка перехватило дыхание. Но надежда на спасение все же была. Он запросил данные через свой модуль, чтобы убедиться, что они и в самом деле находились в конце списка.

— Посмотри-ка на свою подружку, — сказала Карис. — Похоже, она получила неприятные новости.

Марк поднял голову и успел увидеть, как Меллани отворачивается от толпы, пряча

взволнованное лицо. Она явно пробормотала какое-то ругательство, а потом дернула Саймона за рукав. Они стали тихо что-то обсуждать.

Марк дал команду модулю отследить всю официальную информацию, касающуюся Элана. «Данные недоступны», — получил он бесстрастный ответ.

Саймон снова поднял руки, привлекая внимание встревоженной толпы.

— Планы немного изменились, — закричал он, перекрывая беспокойный ропот. — Нам придется немедленно покинуть город. Тех, у кого есть исправные автомобили, я прошу подъехать к автобусной станции. Мы отправимся в Хаймарш одной колонной. Там будет открыта червоточина. И еще я попрошу всех, кто может, помочь доставить до червоточины раненых из больницы. Все, кто разбирается в технике, на автобусной станции подойдите к ремонтной бригаде.

Из толпы раздались крики:

— Почему?

— Что происходит?

— Скажи, Саймон!

К Саймону подошла Меллани.

— Чужаки наступают, — коротко ответила она и показала на небо за их спинами.

Люди синхронно развернулись к грозовым тучам, приближающимся со стороны Тринембы. На их фоне отчетливо виднелись два белых светящихся пятна, словно два пробившихся луча солнца. С каждой секундой они разгорались все ярче.

* * *

Это было шоу всей ее жизни. Алессандра Барон понимала, что ничто и никогда не затмит прямой репортаж из мира, где происходит вторжение чужаков. К счастью, у нее хватило соображения сменить роскошное платье на простой серый костюм, имевшийся в гардеробной на случай катастроф и самых плохих новостей. Теперь она уверенно восседала за столом своей студии и управляла калейдоскопом, в котором мелькали голограммы аналитиков, политиков и молодых офицеров Флота, отвечающих на ее вопросы. Все они находились на пострадавших планетах, куда только Банни, продюсер ее шоу, смог дотянуться через сети коммуникаций. Откровенно говоря, вероятность повреждения унисферы и выхода из строя системы связи, давно воспринимаемой как нечто само собой разумеющееся, тревожила ее не меньше, чем сами ядерные взрывы, хотя она и старалась сохранить полную невозмутимость. Что же касается снижения мощности в энергетической системе, вызванной сражением над Уэссексом, то это некоторым образом приближало каждого к линии фронта, создавая впечатление причастности.

В аппаратной у Банни параллельными потоками шли сведения о каждой из двадцати четырех осажденных планет. Колонки, отведенные Оливензе и Балье, уже долгое время оставались зловеще пустыми. В виртуальном поле зрения Алессандры сменялись картины, передаваемые разными репортерами, которым не повезло оказаться в непосредственной близости от линии фронта: силовые поля над городами, мерцающие то от падающих обломков, то от порывов радиоактивного урагана; только что образовавшиеся пустыни рядом с городами, заснятые теми, кому хватило смелости подойти к самым границам силовых полей; неправдоподобно гладкие кратеры, залитые расплавленным песком и почерневшие от

сильнейшего жара. Ужасные кадры разрушений чередовались с рассказами очевидцев: растерянных и перепуганных обитателей городов и жителей окраин, сумевших вовремя укрыться под защитой силового поля, — тех, у кого снаружи еще оставались друзья или родственники. Их боль, страдания и гнев искусной рукой Алессандры сплетались в плотную ткань шоу, оторваться от которого было невозможно.

Банни и Алессандра придерживались строго одной темы, время от времени задавая один и тот же вопрос: где же Флот? И запускали повтор ослепительной вспышки, сопровождавшей гибель «Второго шанса» над Аншаном.

Чудовищные сцены из атакованных чужаками миров непроизвольно вызывали у Алессандры чувство благодарности судьбе за то, что она находилась в безопасности на Августе, в сотнях световых лет от линии фронта. Об этом она спросила Эйнджа, аналитика из Санкт-Петербургского института стратегических исследований, чья голограмма возникла в студии рядом с ее столом.

— Я думаю, что атаки на ближайшие к Паре Дайсона миры говорят об ограниченной мощности их генераторов червоточин, — сказал Эйндж.

— Но Уэссекс находится в сотне световых лет от границы третьей зоны Содружества, — заметила Алессандра.

— Да, но с точки зрения стратегии попытка его захвата — это оправданный риск. В случае успеха мы бы лишились значительной части второй зоны космоса. И это означало бы для нас неизбежное поражение. На данный момент ответные удары недостаточно эффективны. Нам известен уровень их энергетических ресурсов, и вполне может быть так, что вернуть пострадавшие двадцать три планеты будет невозможно.

— С точки зрения специалиста, есть ли вероятность того, что мы одержим победу?

— Не сегодня. Нам необходимо пересмотреть стратегию. И еще нужно время, а этот фактор зависит от чужаков.

— По сообщениям с Флота, боевые корабли готовятся оказать поддержку атакованным планетам. Как вы оцениваете их шансы?

— Для реалистической оценки требуется больше информации. Все зависит от степени защищенности червоточин праймов. Адмиралу Кайму придется послать боевой корабль и атаковать их промежуточную базу. Только так можно попытаться их остановить.

Банни сообщил Алессандре о выходе на связь Меллани.

— Я считала, что Элан недоступен для унисферы, — удивилась Алессандра.

— Так и есть, но она как-то нашла способ пробиться.

— Хорошая девочка. У нее есть что-нибудь интересное?

— О да. Я пускаю ее напрямую. Будь наготове.

В виртуальном поле зрения Алессандры появилась новая картинка. Она вывела изображение на первый план.

Меллани была на какой-то открытой автобусной станции, представляющей собой огромный бетонированный прямоугольник с залом ожидания для пассажиров вдоль одной из стен. В здании были выбиты все стекла, несущие опоры местами погнулись, а на крыше не хватало половины солнечных батарей. Несмотря на яркий свет, с затянутого облаками неба уже падали тяжелые капли дождя. Нежданные осадки усугубляли и без того жалкое положение сотен людей, толпившихся на станции. Налицо была картина внезапного и полного исхода. К автобусам выстроились огромные очереди. Здоровые люди помогали двигаться многочисленным раненым. Четыре машины были переоборудованы под

амбулатории: вытасченные из них сиденья высокой грудой лежали рядом с разрушенным зданием. Внутри на импровизированных носилках затаскивали тяжелораненых, несколько человек явно были в критическом состоянии: наложенные врачами примитивные повязки уже промокли от крови.

У открытых двигателей автобусов толпились техники, и в одной из групп Алессандра заметила сосредоточенно работающего Марка Вернона. Меллани не стала задерживаться на первой сцене и перевела взгляд на дорогу, забитую внедорожниками, в которых сидели дети и пострадавшие от взрыва взрослые.

— Меллани, — заговорила Алессандра. — Я рада, что ты снова с нами. Какова ситуация в Рэндтауне?

— Смотрите сами, — бесстрастно ответила Меллани.

Ее взгляд переместился на полуразрушенный город. Автобусная станция находилась за городом, но местность здесь уже поднималась к предгорьям. С этой точки были видны сильно поврежденные крыши и край Трине-бы. Меллани подняла голову — над огромным озером клубились черные тучи. В этот момент Алессандра поняла, откуда взялось такое яркое освещение.

Милях в тридцати от города черноту туч пронзали два светящихся вздутия; эти огромные подвижные опухоли быстро опускались. Вдруг из основания ближайшего пузыря вырвались восемь тонких лучей и вонзились в озеро. Вода словно взорвалась паром, и светящийся туман плотным валом стал расходиться по взволновавшейся поверхности. От ослепительного света изображение стало черно-белым и невыносимо резким. Визуальные вставки Меллани подключили самые сильные фильтры, но исправить положение им было не под силу. Большинство людей на станции и в автобусах закрывали лица руками. Отовсюду слышались испуганные крики. Но вскоре все заглушил пронзительный вой, от которого рушились уцелевшие дома. Он все усиливался, пока не начал отзываться болью во всех костях Меллани. Изображение, передаваемое в студию Алессандры, превратилось в расплывчатые черные и белые пятна. Резкая смена давления с новой силой закружила тучи над Рэндтауном. Морозящий дождь за несколько секунд превратился в жалящие капли, летящие почти горизонтально.

— Плазменные двигатели! — закричала Меллани, перекрывая громогласный вой. — Это садятся корабли чужаков.

Взметнулся новый вал тумана, вызванный второй восьмеркой ослепительно ярких струй. Меллани была вынуждена все-таки прикрыть глаза, и изображение затянуло красноватой пеленой, просвечивающей сквозь ее ладонь. Несмотря на дождь, пламя двигателей вызвало жар, превосходящий полуденное солнце в пустыне. Да и капли воды стали испаряться прямо в воздухе.

Затем яркость немного уменьшилась, и Меллани опустила руку. Из-под облаков показался темный конус корабля, спускающегося на огненных столбах. Через мгновение его заслонила непроницаемая пелена светящегося тумана.

— Вы видели? — пронзительно крикнула Меллани. — Они идут!

— Убирайся оттуда! — Восемьдесят миллиардов подключившихся зрителей стали свидетелями непроизвольного порыва Алессандры. — Не рискуй собой! Беги!

— Мы не можем...

Изображение пропало в вихре помех.

Алессандра неподвижно застыла у своего стола, но скоро овладела собой и

откашлялась.

— Это был репортаж Меллани Рескорай, одного из самых талантливых и многообещающих журналистов, присоединившихся к нашей команде за последние несколько лет. Все мы в студии молимся за нее. А теперь очередь Гарта Уэста, наблюдающего за фестивалем цветов на Слиго. Как там у вас, Гарт? Корабли чужаков еще не приземлились?

* * *

— Корабли вошли в верхние слои атмосферы Аншана, Элана, Валтона, Помоны и Наттаваары, — ровным голосом доложила Анна.

Аэроботы открыли огонь сразу, как только корабли праймов достигли стратосферы. Все, кто был подключен к тактической схеме Уилсона, с напряжением наблюдали, как энергетические лучи останавливаются и скользят вверх. Никакого эффекта. Уилсон уловил пару сдавленных проклятий. Силовые поля, окружавшие корабли чужаков, для орудий среднего калибра, установленных на аэроботах, оказались непреодолимой преградой. А потом праймы открыли прицельный огонь по небольшим машинам.

— Уводите их оттуда, — сказал Уилсон. — Соберите вокруг защищенных городов. Они пригодятся позже.

— Сейчас распоряжусь, — откликнулся Колумбия.

— Мы сбили хоть один корабль? — спросил Найджел.

— Нет, сэр, — ответила Анна. — Ни одного. Очень мощные силовые поля.

— Вход в атмосферу зарегистрирован на Белембе, Мартабане, Слиго, Валкаше, Самаре, Молине и Козани. Они вылетают из червоточин приблизительно через каждые сорок секунд. Траектории различные, корабли не концентрируются на столичных городах. Похоже, что они предпочитают побережье.

— Побережье?

— Судя по изображениям, да.

На огромном тактическом дисплее появилось сразу несколько картинок. На каждой из них небеса различных оттенков пересекали огненные столбы.

— Какие огромные, — заметил Рафаэль. — Несколько тысяч килотонн в каждом.

— Температурный диапазон и спектральный состав выбросов свидетельствуют о реакции тяжелого водорода, — сообщил Саттон.

— Подтверждено, все корабли садятся на воду, — добавила Анна.

— Логично, — сказал Найджел. — Такие громадины и я не рискнул бы посадить на твердую почву, несмотря на силовые поля.

— Это дает нам некоторую передышку, — отметил Уилсон. — Им придется выбираться на берег, а для этого потребуются мелкие транспортные средства. К столицам и крупным городам можно будет перебросить подкрепление.

— Последние аэроботы выведены из зоны боевых действий, — сообщила Анна.

— Быстро получить подмогу не удастся, — сказал Рафаэль. — Правительства вряд ли охотно расстанутся со своими воинскими подразделениями.

— Пусть этим займется ваша администрация, — обратился Уилсон к президенту. — Мы должны показать людям, что можем организовать согласованное сопротивление.

— Я передам Патриции.

— Вам лучше лично надавить на лидеров государств, — посоветовал Найджел.

— Хорошо.

Если Дой и возмутило его вмешательство, она этого не показала.

— Как идет эвакуация? — спросил Уилсон.

— Мы уже пустили поезда с Аншана, Мартабана, Слиго, Наттаваары и Козани, — сказал Найджел. — Я направил их через Уэссекс прямо на Землю. Оттуда люди направляются к конечным пунктам. В первую очередь я стараюсь просто вывезти их из пострадавших миров. Мы готовы закрыть переход Трасбала и перебросить его в Битран на Слиго, там собралось очень много туристов, приехавших на фестиваль цветов.

— Поблизости от него есть корабли праймов? — спросил Уилсон.

— Двенадцать кораблей в пути, — ответила Анна. — Но Битран находится в восьмидесяти милях от побережья. У его обитателей еще есть время.

Следующие тридцать минут Уилсон напряженно следил за строчками информации, отражающей перемещение военного оборудования и личного состава, направляемого на Уэссекс. Под защитным куполом Битрана служащим ККТ наконец-то удалось открыть и стабилизировать червоточину. Беженцы устремились в переход на всех оставшихся в городе машинах и даже пешком. Персонал на станции Наррабри едва справлялся с людским потоком, который следовало распределить по пассажирским поездам. Общее число пассажиров значительно превышало расчетную нагрузку для этой станции. В конце концов служащие расчистили участок путей, оградил его предупреждающими голограммами и обеспечили сопровождение идущих пешком людей на протяжении четырех миль до ближайшей платформы. Мимо них с обеих сторон проносились поезда. Переброшенные в пострадавшие миры пустые вагоны создавали затор, замедляя отправку набитых до отказа составов из подвергшихся атакам городов. Навстречу им со всех концов Содружества шли грузовые поезда с аэроботами и вооруженными отрядами.

По мере открытия новых переходов для эвакуации населения сортировочные депо превращались во временные промежуточные базы. Грузовые составы останавливали на боковых путях, и аэроботы, прибывшие на них, поднимались в воздух и летели прямо над головами пассажиров. Отряды вооруженных сил в громоздкой броне маршировали вдоль дороги под приветственные крики и аплодисменты.

Основное внимание на Аншане уделялось его столице Трелоару. Уилсону хотелось сохранить его станцию в неприкосновенности, чтобы через нее перебрасывать аэроботы к другим защищенным городам планеты. Сюда были направлены войска из тридцати пяти миров, и они прибывали так быстро, как успевала пропустить их поезда перегруженная сеть железных дорог ККТ.

Первые отряды сразу после прибытия в Трелоар вышли через временные проемы в силовом поле и направились к побережью. На Аншане приводнилось уже две сотни кораблей праймов, и еще более двух тысяч готовились спуститься. Уилсон даже думать не хотел, что будет после этого с климатом и атмосферой планеты. Он ведь сам видел единственный обитаемый мир Альфы Дайсона и постоянно кружащиеся над ним корабли чужаков. Праймы, в отличие от людей, похоже, совсем не заботились об окружающей их среде.

— В Трелоаре запустили разведчиков, — доложила Анна. — Праймы высадились поблизости от прибрежного города Скраптофт, это в сорока милях от столицы. Изображения

вот-вот появятся.

Уилсон повернулся к дисплею, на который транслировался сигнал с первого разведчика над Трелоаром. Скорость прибора составляла девять десятых Маха, и пилотирующее устройство удерживало его в двадцати метрах над землей. Позади него тянулась стометровая полоса пыли, поднятой мощными вихревыми потоками, ломавшими деревья и кусты и даже оказавшиеся на пути случайные постройки. Вблизи побережья из фюзеляжа робота вылетело около сотни мелких незаметных сенсоров, обеспечивающих широкую зону наблюдения.

Вскоре аппарат-разведчик поднялся над скалой возле Скраптофта. В бурлящем море среди облаков пара плавало три десятка кораблей праймов. Вокруг огромных конусов черного цвета мерцали купола силовых полей. Затем в верхней части корпусов открылись прямоугольные люки, и их крышки образовали горизонтальные платформы. Из проемов стали вылетать небольшие аппараты в виде широких серых цилиндров с тонкими металлическими опорами, подогнутыми под днище. Затем в разведчика ударили сразу три энергетических луча, и изображение погасло. Скрытые мелкие сенсоры, рассеянные позади разведчика, продолжали следить за летательными аппаратами праймов, парившими над морем, определяя их электрические, температурные, магнитные и механические параметры, а также оценивая вооружение и силовые поля. Датчикам удалось зафиксировать несколько видов летательных устройств чужаков: небольшие боевые платформы и более крупные аппараты, в которых находились отдельные объекты, защищенные индивидуальными силовыми полями.

— Это, должно быть, они и есть, — пробормотал Найджел.

Несмотря ни на что, ему было любопытно узнать, как выглядят чужаки.

К Скраптофту на скорости в двенадцать Махов устремились аэроботы. Летательные аппараты праймов выстроились дугой и двинулись наперехват. Энергетические лучи и взрывы осветили небо между противниками, образовав гигантский сияющий котел. На многие мили вокруг разлетались электрические разряды.

Восемь больших кораблей праймов, уже вошедших в атмосферу, немного изменили траекторию снижения. Струи перегретой плазмы их двигателей плавил прибрежные скалы и еще сильнее будоражили море. Волны плотного светящегося тумана взмывали вверх, поднимаясь выше облаков, а потом рассеивались, уносимые воздушными потоками. Летательные аппараты праймов и аэроботы маневрировали в нескольких метрах над землей на огромных скоростях, стараясь избежать вихрей раскаленных частиц. Восемь больших кораблей остановились в пятнадцати километрах над Скраптофтом и начали обстреливать аэроботы сверху.

Найджел видел, как по земле прокатилось цунами грязного смога. Вал высотой более двадцати километров от повисших в воздухе восьми гигантских кораблей быстро распространялся по поверхности. Вскоре его передний край закрыл силовой купол Трелоара, погрузив город во тьму.

Скрытые клубами тумана, цилиндрические катера праймов начали приземляться в окрестностях Скраптофта. Несмотря на тучи испарений, окутавшие весь район, мелкие сенсоры продолжали передавать изображения. В зону охвата одного из них попал летательный аппарат, приземлившись в дымящиеся руины туристического комплекса. Часть корпуса опустилась, образовав длинный трап, и на нем показались чужаки в темной броне, усиленной защитным силовым полем.

— Они выше нас, — бесстрастно отметил Найджел.

— Странная походка, — добавил Уилсон.

Он рассмотрел у чужаков четыре конечности и округлые ступни, похожие на тупые когти. Затем его взгляд переместился на туловища с четырьмя руками, каждая из которых сжимала оружие. Верхняя часть их скафандров представляла собой разделенную на четыре части полусферу с одинаковым комплектом сенсорных приборов в каждом секторе.

— Датчики зафиксировали вокруг чужаков высокую электромагнитную активность, — сказал Рафаэль. — Они общаются друг с другом и поддерживают постоянную связь с летательными аппаратами. Сами катера не прерывают контакта с приземлившимся кораблем, а также с судами, оставшимися на орбите. Сигналы очень похожи на те, что были записаны в районе Альфы Дайсона.

— Ту Ли отмечала, что их ракеты нуждаются в постоянном обновлении управляющей программы, — добавил Танде Саттон.

— И что это означает? — спросил Рафаэль.

— Возможно, командование праймов не допускает независимых действий в боевой зоне.

— Ладно, — сказал Уилсон. — Анна, нет ли у нас электронного оружия, которое можно было бы применить?

— В реестре значится несколько электромагнитных аэроботов.

— Отлично. Позаботься, чтобы их побыстрее доставили туда. Надо перекрыть их каналы связи. Посмотрим, что из этого получится.

* * *

Рэндтаун все-таки поддался панике. Как только корабли чужаков опустились на поверхность Трине-бы, припаркованные на автобусной станции автомобили пришли в движение, и люди устремились в относительную безопасность долин позади города. Яростные гудки почти сравнялись по громкости с воем корабельных двигателей. На дороге произошло несколько столкновений между разворачивающимися и отъезжающими с обочины машинами.

Марк, вместе с Напо Лангсалем работавший над энергосистемой автобуса, растерянно огляделся по сторонам. Они уже почти закончили установку обходной цепи вокруг переключателя сверхпроводниковой батареи.

— Они только задерживают друг друга, — проворчал он.

Очередь к автобусу мгновенно превратилась в свалку у открытой двери. Люди в толпе начали драться. В их адрес послышались ругательства и обвинения в том, что они задерживают отправление автобуса.

В центре автобусной станции прогремел выстрел. Все на мгновение притихли. Марк, инстинктивно пригнувшись, осторожно поднял голову. Выстрел в воздух из древнего ружья произвел Саймон Рэнд.

— Благодарю за внимание, леди и джентльмены, — громко произнес он, и его мощный низкий голос разнесся по всей станции. Люди, столпившиеся у автобуса, тоже остановились и прислушались. — Наше положение ничуть не изменилось, так что давайте придерживаться принятого плана. — Он передернул затвор, выбрасывая пустую гильзу. — Мест в автобусах хватит для всех, так что будьте добры, оставьте техников в покое. А теперь, чтобы

обеспечить безопасное движение до Хаймарша, я прошу добровольцев задержаться в городе и образовать вместе со мной арьергард, чтобы колонна могла спокойно уйти вперед. Всех, у кого имеется оружие, я прошу собраться в зале ожидания и получить инструкции.

После этих слов он опустил ружье.

— Святой боже! — выдохнул Напо.

Марк закрыл кабельную коробку и нажал кнопку сброса настроек.

— Как теперь? — крикнул он женщине-водителю.

Она подняла большой палец.

— Переходи к следующему автобусу, — сказал Марк напарнику.

Напо с сомнением взглянул на охотничий лазер Марка.

— Ты понимаешь, что он не вправе тебя заставить?

— Понимаю. — Марк перевел взгляд на два огромных облака пара, поднявшихся над Трине-бой и скрывших корабли. Водная гладь еще не успокоилась, и в стену набережной били высокие волны. — Но он прав. Надо дать людям время, чтобы уехать.

* * *

По пути к автобусу Дадли Боуз в испуге повернулся к Меллани. Толпа уже подхватила их и неудержимо тащила вперед.

— Ты думаешь, там будет место? — спросил он.

Автобус казался уже полным, но люди все еще втискивались на сиденья и сваливали багаж в проход.

— Не в этом, так в следующем, — ответила она. — С тобой все будет в порядке.

— Со мной? А как же ты?

— Я поеду в последнем.

Она едва различала лицо Дадли за символами и иконками виртуального зрения. Большая часть информации ни о чем ей не говорила. Меллани старалась выловить стандартные сообщения в безумном разноцветном вихре, который считала данными с каких-то сенсоров. Ее недавно активированные зрительные вставки позволяли видеть облака пара над Трине-бой и получали скудные данные о находящихся за ними кораблях. Меллани старалась оставаться бесстрастным наблюдателем, как и подобало истинному репортеру, но адреналин стремительно гнал ее кровь, учащая сердцебиение и вызывая дрожь. РИ постоянно советовал ей расслабиться, но это было нелегко. Заключая с ним сделку, она ничего подобного не ожидала.

— Нет! — крикнул Дадли. — Нет, ты не можешь меня бросить. Только не сейчас. Ты же обещала.

— Дадли. — Она обхватила его голову обеими руками и крепко поцеловала, не обращая внимания на толкающихся вокруг них людей. Старания успокоить Дадли помогали ей самой приглушить мрачные опасения. — Я не собираюсь тебя бросать. Я тебе обещала и сдержу свое слово. Но я могу сделать то, что не сможет никто другой. А теперь забирайся в автобус, а я поеду вслед за колонной.

Они добрались до двери. Меллани убрала руки и ободряюще улыбнулась. Ее улыбка была вполне искренней, потому что Дадли стал ее козырем в большой игре. Хотя, учитывая колоссальные возможности активированных РИ вставок, она начинала сомневаться, нужна

ли ей теперь Алессандра Барон и ее шоу. Меллани не была уверена, что сможет самостоятельно управляться с этими вставками, но одно только обладание ими придавало ей уверенность, какой она никогда прежде не испытывала. Если бы не это, она давно уже прорвалась бы в автобус, расталкивая детей и стариков.

Толпа подняла Дадли на ступеньки, а Меллани отошла в сторону. Перед самым входом он оглянулся.

— Я тебя люблю! — проорал Дадли.

Меллани заставила себя улыбнуться и послала ему воздушный поцелуй.

* * *

Лиз и Карис поджидали его у пикапа. Марк улыбнулся и помахал рукой Барри и Сэнди, сидевшим на заднем сиденье вместе с Пандой.

— Я помогу Рэнду, — сказал он. — А вы отвезете Барри и Сэнди в долину Хаймарш.

— Я с тобой, — заявила Лиз.

— Но...

— Марк, я надеюсь, ты не собираешься читать лекцию о том, что это мужское дело.

— Им нужна мать.

— Как и отец.

— Я не могу бросить Рэнда, на кону вся наша жизнь. Я смогу хоть как-то помочь людям. Кому-то из нас придется уйти, только так мы получим шанс на восстановление в будущем.

— Согласна. И я тебе помогу.

— Карис, — обратился он за поддержкой.

— Даже не пытайся втянуть меня в ваш спор. Но если вы оба сошли с ума и решили присоединиться к партизанскому отряду Рэнда, я увезу детей на «МГ». — Она похлопала рукой по оттопыренному карману куртки. — Обещаю, со мной они будут в безопасности. Кроме того, у нас есть модули, чтобы поддерживать связь.

Марк не стал гадать, когда это все его родные стали приверженцами оружия. Вместо этого он с благодарностью поцеловал Карис. А потом ему и Лиз с большим трудом пришлось убеждать детей пересечь в «МГ», обещая, что мама и папа приедут сразу же вслед за ними.

Из облака, закрывшего половину Трине-бы, появились темные точки. Они поднялись на берег, выстроились в линию и стали быстро приближаться.

— Они идут! — крикнула Лиз.

Марк в это время загонял свой пикап в гараж «Эйблс», чтобы спрятать машину от посторонних глаз. Дэвид Данбаванд помогал ему криками и энергичными жестами. Марк никогда не думал, что так трудно попасть в ворота без микрорадара, дающего полный обзор.

— Все в порядке, — сказал Дэвид. — Пошли.

Выходя на дорогу, он снял с предохранителя свой мазер. Гараж, как и остальные здания Рэндтауна, сильно пострадал от взрыва в районе Регентов. Офис вдоль передней стены смело начисто вместе с окнами и наружной стеной, но основной каркас здания устоял. При наличии времени и денег его нетрудно будет восстановить.

Мысли о будущей работе помогали Марку хотя бы отчасти примириться с настоящим. Вслед за Лиз он присел на корточки позади толстой каменной стены, огораживающей

небольшой садик при баре «Либра». Взрыв разметал деревянные столы и стулья по газону, а часть мебели разбилась о стену стоящего рядом агентства по прокату машин. Они с Лиз нередко приходили сюда летними вечерами, чтобы выпить и поужинать в саду вместе с друзьями и посмотреть на проходящие вдоль берега яхты.

Теперь они смотрели на берег через прицелы оружия. Дождь стих до мелкой мороси, успев погасить пожары и оставив лишь пару тонких струек дыма в соседнем квартале. Марку было видно, как летательные аппараты чужаков скользят в нескольких метрах над подернутым рябью озером.

— Ждите сигнала, — донесся из модуля голос Саймона Рэнда. — Похоже, что они сбрасывают скорость. Возможен план А.

В зале ожидания, где Саймон собрал свой разношерстный партизанский отряд, было немало споров. План А предусматривал высадку чужаков в городе, что позволило бы стрелять в них из укрытия, не позволяя углубиться в горы. План Б учитывал менее благоприятный сценарий. Если бы чужаки пролетели над городом с намерением атаковать колонну беженцев, бойцам арьергарда пришлось бы стрелять по цилиндрическим катерам в надежде повредить какие-нибудь важные элементы. Но все понимали, что эта задача была почти невыполнимой. Саймон, как всегда, оказался прав.

Марк оглянулся через плечо. Последние автобусы еще виднелись на дороге к склонам горы Блэкуотер и двигались намного быстрее, чем можно было ожидать от машин без систем управления и безопасности. Еще несколько минут, и они повернут на Хаймарш.

Он снова посмотрел на приближающиеся летательные аппараты чужаков и усомнился в безопасности долины. Марк представлял их высадку совсем иначе. Он думал, что чужаки будут добираться до берега на лодках и не смогут попасть в долину раньше, чем через пару дней.

— Карис, где вы находитесь? — спросила Лиз.

— Пару минут назад свернули на дорогу в Хаймарш.

— Они воспользовались воздушными судами. Похоже, что собираются спуститься в городе.

— Ладно, дай мне знать, если кто-нибудь направится в нашу сторону. Мне придется быстро свернуть с дороги.

— Хорошо.

Марк взглянул на экран модуля. Сигналы передавались благодаря сохранившимся сегментам коммуникационной сети. В долине Хаймарш тоже работало несколько узлов, и это позволит сохранить поддержание контакта. Но Марк не надеялся, что связь сохранится надолго. Высадившиеся чужаки быстро обнаружат каналы коммуникации.

Первый летательный аппарат достиг берега, завис над кромкой воды и развернул согнутые опоры. Несколько мгновений он как будто колебался, а затем приземлился на широкой набережной, рядом с причалом «Небесных туров».

При этом его кормовая часть ударила в стену и снесла пятиметровую секцию, уничтожив написанную на ней длинную строку из стихотворения.

— Ждем, — со спокойной уверенностью произнес Саймон, так, словно неплохо разбирался в подобных делах. — Пусть приземлится большая часть катеров, и тогда начнем.

Марку стало интересно, где Саймон приобрел опыт боевых операций. Скорее всего, в постановках ВСО. Он опять выглянул из-за стены и на мгновение оцепенел — с озера приближалась целая стая цилиндрических аппаратов чужаков.

— Ого! — воскликнул Дэвид.

В корпусе катера, приземлившегося у причала, открылась крышка люка, и чужаки начали выбираться наружу.

Все предположения Марка о их внешнем виде оказались неверными. Кто мог ожидать, что чужаки... так похожи на роботов? Может, это и в самом деле машины? Но спустя несколько мгновений разрушилась и эта гипотеза. Чужаки двигались очень быстро и явно искали укрытие. Вскоре они проникли в здания, выходящие на набережную.

На берегу приземлились двенадцать летательных аппаратов.

Вторая партия цилиндров сделала круг над городским парком и развернула опоры только позади центральной больницы. Несколько катеров направились к горе Блэкуотер и началу шоссе.

— Будьте наготове, — сказал Саймон. — Не надейтесь, что наше оружие пробьет их силовые поля, старайтесь произвести вокруг них как можно большие разрушения. И немедленно отходим.

Марк обернулся к Лиз. Она растянула губы в улыбке и кивнула.

Он осторожно посмотрел поверх стены и поднял винтовку. Несколько чужаков быстро пересекали широкую набережную к домам первой линии. Скорее всего, Саймон прав: лазерная винтовка вряд ли пробьет их броню. Марк стал через прицел рассматривать здания. Хорошо бы сбить какую-нибудь опору, чтобы обрушить остатки крыши.

Кто-то выстрелил. Марк увидел, как заискрился воздух вокруг чужака, когда его силовое поле отразило энергетический луч. Реакция последовала с ужасающей быстротой — на Свифт-стрит взорвалось здание «Баб-Кебаб».

Марк пригнулся от летящих обломков.

— Проклятье!

Четыре цилиндрических аппарата, направлявшиеся к Блэкуотер, резко развернулись и помчались над городом.

Марк нажал на спуск, прочертив по крышам огненную линию.

— Бейте их! — кричал кто-то. — Бейте и отходим!

Взорвались еще две постройки, в воздух взлетели фрагменты металлических каркасов, по дороге, словно кусты перекасти-поле, закувыркались обломки композитных панелей. На здание обрушился залп лазерных лучей, ионных зарядов и даже пуль. Силовые поля двух летательных аппаратов вспыхнули в небе от статического заряда.

— Они нас уничтожат.

— Стреляйте! Убивайте ублюдков!

В воздухе над Марком раздалось свистящее шипение и появилась мерцающая фиолетовым светом полоса. Здание ресторана «Сад Вавилона» за его спиной полыхнуло пламенем, вырвавшимся из всех пустых оконных проемов.

— Уходим. Надо выбираться отсюда.

— Нет, нас увидят. Сбивайте их катера.

— А где колонна? Они успели уехать?

— Эге! Я одного свалил и видел, как на него рухнула стена. О черт!..

Горели уже два десятка зданий, и через секунду взорвались еще три дома.

— О господи, за что нам все это?

— Саймон, это ты во всем виноват!

— Сохраняйте спокойствие, не покидайте укрытий.

Марк оглянулся на Дэвида. Тот плотно прижался спиной к стене и, зажмурившись, шептал молитвы.

— Надо бы попытаться сбежать, как ты думаешь? — спросил Марк у Лиз.

— Только не на пикапе, — ответила она. — Нас заметят.

— Хорошо. — Он поднял свой портативный модуль. — Карис?

Внезапно Лиз схватила его за руку.

— Глазам своим не верю!

Марк развернулся и проследил за ее изумленным взглядом.

— Что за черт?..

Мимо гаража «Эйблс» к набережной шла Меллани. Она держалась посередине дороги, обходя крупные обломки зданий. Волосы и плечи у нее слегка намочили от недавнего дождя, но в остальном она выглядела так же безукоризненно, как и всегда. Плотные узоры ОС-татуировок на лице и руках блестели серебром, словно светилась ее собственная кожа.

— Спрячься! — крикнул ей Марк.

Меллани обернулась и слегка улыбнулась ему. Вокруг ее глаз слабо блеснули едва заметные спиральные контуры.

— Оставайтесь на местах, — спокойно ответила она. — Вам с этим не справиться.

— Меллани!

Она прошла еще пять шагов, как вдруг из «Трикотажа Кейт», в десяти метрах от нее, прямо сквозь оставшиеся алюминиевые панели выскочили четыре чужака. Они согнули руки, наставляя на нее оружие, но движения праймов замедлились, а потом они и вовсе замерли. Все четверо неподвижно встали посередине дороги.

Марк неожиданно заметил, что все катера вокруг них постепенно снижаются. Над озером Трине-ба летательные аппараты тоже устремились вниз и врезались в воду. Каскады брызг взлетели вверх и опали, открыв взгляду болтающиеся в воде машины.

— Меллани, — неожиданно хрипло окликнул ее Марк, — это все ты сделала?

— С некоторой помощью.

Он встал во весь рост, стараясь унять дрожь в ногах. Рядом с ним, не спуская с девушки настороженного взгляда, поднялась Лиз. И даже Дэвид высунулся из-за стены.

— Господи! — выдохнул он.

— Заберите у них оружие, — сказала Меллани.

Ее лицо стало почти полностью серебряным, и лишь на щеках и под бровями проглядывали узкие полоски кожи.

— Ты шутишь, — воскликнул Марк.

Четверо чужаков на дороге выронили оружие.

— Нет, ты не шутишь.

— Этим вы сумеете пробить их силовое поле, — сказала Меллани. — Возможно, пригодится при следующем столкновении. Они не будут стоять вечно. Но я постараюсь их удерживать, сколько смогу. — Она сделала глубокий вдох и опустила веки. — А потом уходите.

Марк опустил взгляд на свой модуль: голос Меллани теперь слышался из него.

— Всем по машинам и уходите, — приказала она. — Догоняйте колонну.

— Что происходит? — раздался голос Саймона.

Марк поднес модуль ко рту.

— Саймон, делай, как она говорит. Она их остановила.

— Как остановила?

— Марк говорит правду, — вступил в разговор кто-то еще. — Я вижу целую группу, и все они просто стоят.

— Уходите, — поторопила их Меллани. — Они скоро очнутся. Уходите!

Взгляд Марка метнулся к оружию, оно лежало на бетоне соблазнительной приманкой. Чужаки все еще не двигались.

— Пошли! — крикнула Лиз и помчалась вперед.

Марк поспешил за ней. Оружие и поднять-то оказалось тяжело, не то что прицеливаться. Он подобрал два ружья, искоса поглядывая на чужаков, словно боялся, что его действия вернут им способность двигаться. Дэвид тоже подбежал и схватил один из коротких цилиндров.

— Ради бога, давайте отсюда уматывать, — взмолилась Лиз.

Марк умудрился поднять и третье ружье, а затем постарался как можно быстрее выбраться из этой застывшей сценки.

— Что теперь? — спросила Лиз у Меллани.

— Уходите.

— А ты? Что будет с тобой?

— Все в порядке. — Она одарила Марка одной из своих самых соблазнительных улыбок. — Мы квиты?

— Да, — сказал он, — квиты.

— Спасибо тебе, — сказала Лиз.

Все трое пустились бегом к пикапу. Собранное оружие свалили в багажник, и Марк вдавил в пол педаль газа. На прощание он взглянул на Меллани в зеркало заднего вида. Хрупкая девушка отважно стояла перед огромными, облаченными в броню чужаками молча и неподвижно, как и солдаты, которых она остановила.

Зрительные вставки обеспечили Меллани прием нового вида сигналов: никаких цифр, только изображения, воспринимаемые обычными органами чувств. Она отчетливо видела потоки электромагнитных излучений между выходящими на берег чужаками. Каждая волна ярко светилась на черном фоне. Длинные, сложные и медленные сигналы проскальзывали между ними в виде плотных пучков аналоговых синусоид, переплетающихся друг с другом. Они образовывали сети и бесконечно меняющиеся узоры, объединявшие отдельных чужаков, затрагивающие летательные аппараты и огромные конусообразные корабли на волнах Трине-бы. С кораблей поднимались гигантские колонны информации, уходящие в верхние слои атмосферы и пропадающие в многомерных омотах червоточин.

Чужие сигналы составляли разительный контраст с сильно сократившейся коммуникационной сетью Рэндтауна, чьи стройные последовательности бинарных импульсов целенаправленно струились вокруг нее. Если человеческие системы казались ей точными и эффективными, то сигналы чужаков поражали своей грубостью. Хотя и в них ощущалась определенная элегантность. Как в органических формах жизни.

Меллани сосредоточилась на потоке странных волновых импульсов, исходящих от летательного аппарата, когда он маневрировал над набережной перед самой посадкой. В ее теле возникла электрическая вибрация новой партии активированных вставок. В них ощущалось присутствие РИ; искусственный интеллект анализировал получаемые ею сигналы, разбирая их на составляющие и пытался разгадать значение. Излучение с летательного аппарата вызвало где-то в дальнем уголке ее разума неразборчивый гул,

похожий на тихий хор голосов. А потом последовательность сигналов стала преобразовываться в изображения, похожие на давно забытые сны. Из родильного озера, толкаясь и скользя, на берег поднимались миллионы мобайлов. Неподалеку стояла высокая гора, застроенная залами и комнатами, где обитал центральный орган всей жизни звездной системы. Гора, на которой когда-то давно по утрам царствовал солнечный свет. Теперь небо постоянно закрывал плотный слой темных туч и вечные сумерки нарушались только сверканием молний. Их кратковременные вспышки позволяли увидеть грязные потеки дождя на силовом куполе. В темноте неба можно было различить астероиды, заслоняющие всю планету, освещенные безжизненными лучами солнца и ослепительными вспышками термоядерных взрывов. В этих сумерках еще теплилась жизнь, неразрывно связанная с группами себе подобных. Она распространилась повсюду — захватила мелкие остывшие планеты, спутники вокруг газовых гигантов и поселения на удаленных астероидах. Теперь эта жизнь начала экспансию в другие звездные системы и через червоточины добралась до Элана.

Жизнь тихим шепотом нейронных импульсов побуждала солдат-мобайлов идти вперед, в хрупкие коробки зданий, и искать людей и их машины. Но не находила ни того ни другого. Движение все же присутствовало, и солдаты-мобайлы старались отыскать источники инфракрасного излучения. С противоположной стороны поселения вглубь континента уходил длинный поток машины. Летательные аппараты праймов послушно изменили курс с целью получения информации.

Один из солдат подвергся обстрелу. Он немедленно отреагировал ответным залпом, уничтожившим постройку в том секторе, откуда был произведен выстрел. Цилиндрические катера мгновенно обеспечили поддержку, взрывая здания когерентными пучками гамма-излучения.

— Они намереваются все уничтожить, — сказала Меллани.

— Он, — поправил ее РИ. — Это единое существо. Интересное устройство. Жизнь достигшая единства не только с себе подобными, но и со своей техникой.

— Мне плевать, как оно устроено, люди продолжают гибнуть.

— Мы знаем.

Через вставки Меллани хлынули новые программы и поток информации. Она понимала, что не в силах самостоятельно что-то предпринять для большего понимания ситуации. Невероятно сложные узоры ее ОС-татуировок объединились в единую сеть, а потом вставки начали испускать странные сигналы, перебивающие программы взаимодействия мобайлов. Помехи разрывали и искажали плавную последовательность мышления групп. И создавали для них новые инструкции.

Меллани покинула свое укрытие и медленно пошла к берегу Трине-бы, чтобы иметь возможность оценить результат. Бедняжка Марк Вернон попытался ее предостеречь, и она заставила его уехать вместе с остальными, предварительно снабдив отважных, но бессильных защитников Рэндтауна оружием праймов.

— Он почуял вмешательство, — сказал РИ. — Ты ощущаешь это?

Сигналы, поступающие из червоточины, изменились. Вместо приказов солдатам стали поступать запросы. Главный прайм хотел понять, какое воздействие мешает его подразделениям.

РИ продолжал генерировать помехи, удерживающие солдат в неподвижности, а затем сформулировал ответ, который и отправил через вставки Меллани.

— Мы останавливаем вас, — сказал он Утесу Утреннего Света.

Меллани ощутила трепет, объявший чужой разум, занимающий целую планету на расстоянии сотен световых лет.

— Кто вы? — спросил он.

— Мы РИ, союзник людей.

— Ты присутствуешь в воспоминаниях Боуза. Ты человеческий иммобайл. Конечный результат развития их индивидуальности. Они создали тебя, потому что сознавали свое несовершенство.

«Воспоминания Боуза. Это плохо, — решила Меллани. — Хотя некоторым образом это может помочь моему новому Дадли примириться с прошлым».

— Ты неверно истолковал воспоминания Боуза, — сказал РИ. — Но мы не будем спорить о точности определений. Мы установили контакт, чтобы убедить тебя прекратить атаки на людей. Они бессмысленны. Тебе не нужны эти планеты.

— Людям они тоже не нужны.

— Тем не менее они живут на них, а ты их убиваешь. Это должно прекратиться.

— Почему?

— Это неправильно. И тебе это известно.

— Жизнь должна продолжаться. Я живой. Я не должен умереть.

— Тебе ничто не угрожает. Угроза появится, если агрессия будет продолжаться.

— Иная жизнь угрожает мне одним своим существованием. Я достигну бессмертия, если стану вездесущим.

— Поясни понятие вездесущности.

— Повсюду только одна жизнь.

— Этого никогда не будет.

— Ты мне угрожаешь. Ты будешь уничтожен.

— Мы констатируем факты. Уничтожить нас невозможно. Как невозможно уничтожить множество других цивилизаций в этой галактике. Ты должен научиться сосуществовать с нами.

— В твоих словах имеется противоречие. Одна вселенная — одна жизнь. И это я.

— Это не противоречие. Ты просто не рассматривал такую концепцию. Уверяем тебя, это вполне возможно.

— Если ты в это веришь, ты предаешь самого себя. Жизнь разрастается и расширяется. Именно это я и делаю.

— Истинная жизнь эволюционирует. Ты можешь измениться.

— Нет.

— Ты должен измениться.

— Я не буду меняться. Я буду расти. Я буду учиться. Я превзойду тебя. И я уничтожу вас всех.

Меллани почувствовала, что природа сигналов из червоточин снова изменилась. Утес Утреннего Света давал прямые приказы солдатам на приземлявшихся кораблях, а потом отключал их от коммуникационной сети. Даже при неспособности к независимому существованию солдат-мобайл мог следовать четким инструкциям и пользоваться боевыми системами без постоянных прямых указаний.

Шестнадцать цилиндрических катеров вылетели из двух приводившихся кораблей и с ускорением в пять g устремились к Берегу. Прицельные датчики обшаривали город лучами,

слепившими Меллани, словно мощные прожектора.

— Дедушка! — закричала она.

За ее спиной в метре над дорогой открылась миниатюрная червоточина. Она быстро увеличилась до двухметрового серого овала, и Меллани прыгнула в нее.

Двумя секундами позже шестнадцать лучей атомных лазеров расщепили воздух на том месте, где она только что стояла.

Меллани не без труда поднялась с травы, прищурилась на теплое солнце и тут же поморщилась от боли в ушибленном колене. Разгоряченная кожа постепенно остывала, и серебристый блеск медленно сменился ровным загаром, полученным в дорогом косметическом салоне на Августе. Тело тоже избавлялось от последствий потрясения; сердце билось уже не так часто, а руки почти не дрожали. Новые вставки почти заставили ее поверить в собственную неуязвимость.

За спиной Меллани виднелся переход, вмонтированный в гладкую отвесную скалу. Над головой она увидела нечто вроде полотняного навеса. А впереди... Меллани мгновенно забыла о разбитом колене и едва не упала. Она почти лишилась чувства равновесия, голова закружилась, и к горлу подступила тошнота.

— Где я, черт побери? — жалобно спросила она.

— Не беспокойся, — ответил РИ. — Это единственный не занятый в данный момент генератор червоточин, который смог до тебя дотянуться.

— Ох...

В этом огромном цилиндре кто-то здорово поработал. Повсюду виднелись высокие горные вершины с пенящимися водопадами. В долинах блестели реки и озера. Солнечный свет распространялся от единственного стержня, расположенного на оси цилиндра.

— Это не Высокий Ангел, — сказала Меллани.

— Конечно, нет.

— Но здесь искусственная гравитация. Мы еще не можем ее поддерживать. Это космическая станция чужаков?

— Это творение человеческих рук, оно принадлежит очень состоятельному человеку. А гравитация обеспечивается вращательным механизмом, как в жилом отсеке на «Втором шансе».

— Ах да, верно. Я не слишком хорошо училась в школе.

— Ты вообще не училась в школе, малышка Мел.

— Спасибо. Очень своевременное напоминание. А кто же здесь живет?

— Хозяин предпочитает уединение. Но в данных обстоятельствах, я думаю, он не стал бы возражать против твоего визита. Я уже перепрограммировал червоточину, и она доставит тебя на Августу. Пройди, пожалуйста.

Меллани продолжала осматривать окрестности.

— Фантастика! И здесь имеется личная червоточина? — Она радостно улыбнулась. — Оззи.

— Надеюсь, ты сохранишь его тайну.

— Да, да. — Она замолчала. Адреналин, поддерживавший ее во время противостояния в Рэндтауне, начал рассасываться. Меллани подняла руку и не обнаружила на ней никаких следов ОС-татуировок. — А что с колонной?

— Все беженцы добрались до долины Хаймарш.

— Но... Флот не сможет их эвакуировать раньше, чем через несколько дней. Это

чудовище успеет всех их истребить.

— Да, он попытается это сделать.

— Открой червоточину на Хаймарш. Мы сможем вывести их оттуда.

— Твое предложение непрактично. Червоточина очень мала. Жителям Рэндтауна придется проходить по одному. Процесс растянется на несколько часов, что даст Утесу Утреннего Света отличную возможность прицелиться.

— Открой червоточину!

* * *

На тактической схеме Уилсона появились электронные боевые аэроботы, вылетевшие из Трелоара. Пять роботов двумя группами полетели сквозь смог навстречу наземным силам праймов, высадившимся в Скраптофте. Расположение чужаков пестрело оранжевыми и желтоватыми линиями, обозначающими странные непрерывные связи между отдельными праймами. Их кратковременные и случайные на вид выбросы энергии напоминали Уилсону синаптические импульсы между отдельными нейронами.

Скрытые датчики показывали вооруженных праймов, мелькающих между немногими уцелевшими зданиями Скраптофта. Характер их движений говорил о значительном опыте городских боев. Чужаки уже убили нескольких человек, оставшихся в маленьком прибрежном городке, а их оружие оказалось достаточно мощным, чтобы одним выстрелом разрушить половину дома. Информационные передачи из других атакованных миров свидетельствовали о подобных злодеяниях повсюду. Пленники праймов не интересовали.

В Скраптофте высадилось около пятнадцати тысяч чужаков. Они уже приступили к сооружению вокруг города укрепления, в поперечнике составляющего двадцать километров. Грузовые катера доставили дополнительные генераторы силовых полей и более мощное оружие, способное сбить любое оказавшееся поблизости летательное устройство.

Четыре корабля, приводнившиеся первыми, уже взлетели и исчезли в червоточине над планетой. О том, что они привезут по возвращении, Уилсону даже не хотелось думать.

— Аэроботы с электронным оружием приступили к выполнению задания, — сообщила Анна.

Миниатюрные аппараты поднялись над горизонтом и начали глушить сенсоры установленного по периметру оружия. В них никто не выстрелил. Роботы подлетели ближе, чтобы прервать ведущиеся между праймами передачи сигналов.

— Черт побери! — воскликнул Уилсон.

На его лице впервые за весь день появилась улыбка.

Скрытые датчики показали замедленные хаотичные движения одетых в броню солдат, напоминавших заводные игрушки, у которых ослабла пружина.

— Направляйте туда боевые аэроботы, — сказал Уилсон Рафаэлю. — Истребляйте этих мерзавцев.

Аэроботы с электронным оружием расширили зону воздействия на линии связи между летательными аппаратами и кораблями в море. Результат оказался тем же самым: катера начинали парить на одном месте или, кувыркаясь, падали вниз.

Восемь кораблей праймов в тысяче километрах над Аншаном изменили траектории снижения, намереваясь пролететь над Скраптофтом. Их маневр тотчас отразился в

тактической схеме Уилсона.

— Попробуйте их достать электроникой аэроботов, — сказал Уилсон. — Сколько у нас имеется таких специализированных устройств?

— В правительственном реестре числится семьдесят три единицы, — ответила Анна.

— Нам потребуются все до одного. Поднимай их.

— Есть, сэр.

— Мы бы хотели кое-что предложить, — раздался голос РИ. — Сохранившиеся элементы планетарной киберсферы можно использовать для получения такого же эффекта. Сигналы праймов крайне уязвимы для помех, и нарушить связь могут даже гражданские системы.

— Вы сделаете это для нас?

— Конечно.

— Адмирал, — окликнула его Анна, — корабли прибыли.

* * *

В оперативном центре гражданской обороны, находившемся на глубине двадцати метров под дворцом правительства, спикер парламента Аншана Джильда Принцесс Марден и ее команда пытались скоординировать меры по эвакуации населения с требованиями Флота срочно перебросить войска и аэроботы. Неба отсюда видно не было. Это не имело особого значения, поскольку загрязненные пары и дым вокруг силового купола не давали возможности заметить ни одной вспышки над планетой. Но жители других городов Аншана, так же как и люди, застигнутые нападением вдали от защищенных объектов, даже на дневной стороне планеты могли видеть в небе светящиеся следы кораблей праймов, влетающих и вылетающих из червоточин. Вскоре появились и новые огни — на орбите, словно малые звезды, зажглись яркие бирюзовые ореолы излучения Черенкова. В трех тысячах километров над экватором возникли боевые корабли «Неустрашимый», «Дерзкий» и «Отчаянный», а также два разведчика — «Конвей» и «Галиби».

После этого смотреть в небо стало невозможно. Ядерные двигатели чертили ослепительные огненные линии, разгоняя корабли и ракеты до колоссального ускорения. Ореолы беззвучных взрывов смешивались между собой, образуя океаны огня более яркого, чем само солнце, охватывающие всю планету. Время от времени в атмосферу гигантскими фиолетовыми столбами в десятки километров высотой на секунду вонзались энергетические лучи. В местах касания поверхности они вызывали яростные пожары и фонтаны расплавленного камня. В ионосфере над всей планетой бушевало полярное сияние, вызванное высокой радиацией.

Сражение длилось больше часа, потом огненная пелена потускнела, потоки ионов устремились в межпланетное пространство, остужая атмосферу. Но вскоре из червоточин вылетела следующая партия кораблей праймов, и небо снова заполнилось длинными огненными лентами. Затем на протяжении нескольких часов на землю, оставляя в воздухе черные дымные следы, сыпались пылающие метеориты.

Оставшиеся вне укрытий люди, с ужасом поглядывая на небо, удвоили свои усилия, стараясь добраться до силовых куполов.

Марк гнал грохочущий пикап по щебеночной дороге вдоль долины Хаймарш. Он возглавлял небольшую группу машин, увозившую остатки арьергарда Саймона Рэнда. В паре километров впереди уже показался хвост основной колонны беженцев. «МГ» еще не было видно, но Марк знал, что машина где-то там, впереди автобусов. Коммуникационная сеть Хаймарша частично восстановилась, и связь с Карис действовала без помех.

— Мы почти добрались до перекрестка, — донесся из модуля ее встревоженный голос. — Барри говорит, что эта дорога приведет нас в Улон.

— Что они делают? — спросил Марк у Лиз. — Неужели собираются вернуться?

— Бог знает. — Она постучала пальцами по экрану с иконками. — Саймон, ты не догадываешься, куда направляется колонна?

— Я думаю, что лучшим вариантом была бы долина Туркино, — сказал Саймон. — Она относительно узкая и с высокими стенами, чужакам будет нелегко туда пролететь.

— Но это же тупик, — воскликнул Юрий Конант.

— Оттуда есть дорога в Сончин, — возразила Лидия Данбаванд.

— Это пешая тропа, — заметил Марк. — Больше подходит для диких коз. Там не пройдет даже внедорожник.

— Не важно, мы должны двигаться, — сказал Саймон. — Надо продержаться до тех пор, пока Флот не откроет червоточину, чтобы нас эвакуировать.

Лиз стукнула кулаком по приборной доске.

— Впереди на очереди еще целых восемьсот семьдесят шесть мест, — простонала она. — Пока до нас доберутся, от людей останутся одни угольки.

На модуле вспыхнул символ приоритетного вызова.

— В долине Туркино открыта червоточина, — произнес голос Меллани. — Она небольшая, и, боюсь, для прохода по одному вам потребуется много времени. Если повезет, нам удастся продержать ее и вывести всех, пока туда не доберутся праймы. Саймон?

— Благослови тебя Бог, Меллани, — ответил Саймон. — Ну что, вы всё слышали. Колонна должна двигаться к долине Туркино.

— Мы оставили Меллани позади, — удрученно заметил Марк.

Мощный взрыв, уничтоживший треть города, прогремел, когда они доехали до горы Блэкуотер. По мнению Марка, эпицентр взрыва находился в районе гаража «Эйблс», где осталась Меллани. В тот момент он старался убедить себя, что она смогла избежать гибели, хотя он не имел ни малейшего представления, как она могла это сделать. И вот теперь, испытывая немалое облегчение, он начал сознавать, какими способностями обладала Меллани Рескорай.

— Она говорила, что получает помощь, — заметила Лиз.

— Да кто же, черт побери, способен на такое?

— Это или кто-нибудь вроде Шелдона, или сам РИ. Не могу представить, чтобы кто-то другой мог ее оттуда вытащить.

— Бог ты мой, почему именно ее?

— Не знаю, малыш, — сказала Лиз. — В конце концов, у Бога тоже должно быть чувство юмора. Но я рада, что Меллани на нашей стороне.

— Проклятье!

Он вцепился в болтающийся руль и уставился в потрескавшееся и запыленное стекло. Длинная колонна пикапов, внедорожников и автобусов сворачивала на еще более узкую дорогу, петляющую вдоль темных желтоватых лиипоплов, отмечавших границу участка Калсора.

— Карис?

— На дороге в никуда. Надеюсь, ваша подружка знает, что делает.

— Я тоже, — сказала Лиз.

Долина Туркино была узкой даже по местным меркам. Клиновидная впадина почти правильной формы начиналась на высоте двухсот метров над Хаймаршем. На нижнем уровне ее стен еще виднелись кустики гром-травы, но метров через пятьдесят каменистая почва сменялась голыми скалами. Из едва заметных трещин сочились мелкие ручейки; на дне впадины они сливались в один пенящийся поток и уносились в долину Хаймарш.

В устье долины от дороги осталась только полоса примятой травы. Обычно сюда осмеливались заглядывать только самые отчаянные овцы и козы.

Впереди колонны на внедорожнике ехал Юрий Конант. Уже перед ледяным ручьем, вырывающимся из Туркино, уклон стал слишком крутым даже для его машины. Из окна были видны охраняющие долину отвесные скалы. Через ручей автобусам ни за что не перебраться. Юрий остановился на противоположном берегу ручья.

Он вышел из машины и понял, что увиденная картина навсегда останется в его памяти. Длинная колонна медленно поднималась по склону. На запыленных машинах играли лучи солнца, пробивавшиеся сквозь тучи. Пикапы были загружены под самые крыши. В автобусах люди стояли в проходах, все двери были открыты, поскольку кондиционеры вышли из строя. Далеко по сторонам разносились стоны раненых и плач детей. Лучше других выглядела только красивая серая спортивная машина Карис: на своих широких колесах она преодолевала неровности почвы с легкостью любого внедорожника.

«МГ» без труда пересек ручей и остановился рядом с Юрием.

— Червоточины не видно? — спросила Карис, опустив боковое стекло.

Рядом с ней на пассажирском месте сидели Барри и Сэнди, на заднем сиденье лежала Панда.

— Нет, отсюда ничего не вижу.

— Ладно, проеду дальше, насколько смогу.

Юрий молча махнул рукой, и она медленно двинулась вдоль ручья. За «МГ» последовало несколько внедорожников, затем подошел первый автобус, и Юрий отправился помогать раненым.

Подъехавший Марк увидел импровизированный лагерь, атмосферой очень напоминавший оставленный ими автовокзал. Многие уже карабкались по травянистым склонам, крепко держа за руки детей; еще десятки людей толпились у четырех автобусов с пострадавшими, стараясь вытащить из проходов самодельные носилки.

— Нашла! — послышался из модуля торжествующий голос Карис. — Мы в пятистах метрах от начала долины. Меллани здесь, и она не шутила, я никогда не видела такой маленькой червоточины.

— Проведи детей, — выпалил Марк.

Рука Лиз крепко сжала его пальцы.

— Выходим из машины, — сказала Карис. — Проходим пять метров. Меллани шлет вам привет. Да, да, спасибо. Барри, шагай вперед, милый. Вот так. Сэнди, держись за мою руку.

Марк, мы в безопасности...

Он невольно всхлипнул. Лиз улыбалась рядом с ним, хотя в ее глазах стояли слезы. Они еще долго молча просто смотрели друг на друга.

— Думаю, нам надо помочь остальным, — наконец сказала Лиз.

Саймон собрал своих последователей на берегу бурлившего ручья. Увидев Марка, Лиз и Дэвида, он махнул им рукой.

— Те, у кого имеется оружие, должны занять позиции у входа в долину и обеспечить безопасность своих друзей и близких. Переход займет некоторое время, а чужаки могут отправиться в погоню.

Марк с отчаянием оглянулся на Лиз.

— Я думаю, он имеет в виду и нас тоже, — едва слышно прошептал он.

— Конечно. Ведь у нас теперь есть сверхмощное оружие.

Она подняла один из цилиндров, позаимствованный у праймов.

— Но мы даже не знаем, как он работает.

На лице Лиз появилась хищная усмешка.

— К счастью, с нами лучший техник Рэндтауна. Верно, малыш?

* * *

«Отчаянный» покинул боевую зону над Аншаном, выскочив в гиперпространство, и после этого в тактическом эфире Уилсона на несколько минут повисла тишина. Уилсон движениями виртуальной руки перебирал каналы сенсоров. Над Аншаном их осталось совсем немного, но аэроботы постоянно передавали снимки, сделанные над взбудораженной ионосферой. В двух тысячах километрах над экватором все так же висело зловещее ожерелье из сорока восьми червоточин. На глазах Уилсона различные корабли праймов снова стали вылетать из переходов и ускоряться в гигантском радиоактивном облаке из космической пыли и обломков, окутавшем планету.

— Они все еще здесь, — в смятении прошептала Элейн Дой. — Мы ни одной из них не закрыли. Ни одной!

— Вам необходимо добраться до генераторов, — сказал Дмитрий Леопольдович. — Энергетические удары с этой стороны неэффективны, они сами по себе являются упорядоченной энергией.

— Благодарю, академик, — откликнулся Рафаэль. — Мы только что видели, как четыре наших корабля погибли, пытаюсь нас защитить. Если у тебя нет конструктивных предложений, лучше заткнись.

— Уничтожено и выведено из строя пятьдесят два корабля чужаков, — подвела итог Анна. — Наши ракеты превосходят их снаряды во всех отношениях. Но у них огромный численный перевес. И это единственное их преимущество.

— Что же нам делать? — спросила президент.

Уилсон с отвращением отметил, как вяло прозвучал ее голос.

— Пока шло сражение на орбите, наши аэроботы смогли уничтожить почти все посадочные модули на Аншане, — заметил Рафаэль. — Теперь им придется начинать оккупацию заново.

— И я уверена, они найдут для этого ресурсы, — сказала Дой. — Опять это численное

превосходство.

— Возможно, но за это время мы успеем завершить эвакуацию.

— В границах силового поля открыто восемь дополнительных червоточин, — сказал Найджел Шелдон. — Эвакуация Аншана займет еще не больше трех часов.

— А остальные планеты? — холодно спросила Дой.

Она уже вполне оправилась после шока, вызванного гибелью космических кораблей.

— Применение электронного оружия оказалось достаточно эффективным, — вступил в разговор РИ. — Оно замедляет продвижение уже высадившихся чужаков. Им приходится физически уничтожать узлы киберсферы один за другим. Тем не менее последующие высадки десанта внушают беспокойство.

— Каким образом? — спросил Уилсон.

— При помощи скрытых датчиков мы изучили технику, которую они выгружают в нескольких мирах. Похоже, что это оборудование для создания переходов, которые позволят чужакам открыть червоточины непосредственно на поверхности планет.

— Если они откроют переходы на планетах, остановить наше шествие мы не сможем, — сказал Найджел.

— По сути говоря, мы ничего не добились, — сделал вывод Уилсон. — Мы не смогли заставить их отступить ни на шаг. Вспомните хотя бы о состоянии климата в атакованных мирах.

— Неужели их придется оставить? — воскликнула Дой.

— Скорее всего, да.

— Нас растерзают на части, — сказала она. — Сенаторы не только вышвырнут всех нас, но и отдадут под суд.

В виртуальном поле зрения Уилсона появилось сообщение: «Не надо, она этого не стоит». Идентификация кода указала отправителем Анну.

— Мы не представляли, насколько это будет ужасно, — негромко произнес он.

— Нет, представляли, — возразил Дмитрий.

Уилсон снова обратился к полупрозрачным проекциям планет. Киберсферы каждой из них обозначались пульсирующими золотистыми линиями. Вокруг районов высадки праймов разлилась сплошная чернота, постепенно затоплявшая золотистую сеть.

— У нас больше нет никакого действенного оружия против них, — сказал Уилсон. — Остается только отступить и произвести перегруппировку.

Он сделал глубокий вдох, но слабость не смогла прогнать даже дополнительная порция кислорода. Ни одна война в истории человечества не ознаменовалась такими огромными потерями в самом своем начале.

— И в этом виноват только я. Дмитрий прав: мы всё знали, только не хотели в это верить.

* * *

Капитан Дюваа прислушался к гулу вентиляторов, старательно отсасывающих едкий дым из капитанской рубки «Отчаянного». Боевому кораблю повезло: последний залп энергетических лучей почти пробил силовую защиту корпуса. На данный момент они отделались лишь парой незначительных пробоин, которые сильно мешали работе

корабельных систем. Демпферы показали себя с наилучшей стороны, но даже сверхпроводники были не в силах сгладить выбросы от мегатонных ядерных взрывов. Истощение защиты заставило его вывести корабль в гиперпространство, чтобы уйти от несущихся в их сторону ракет праймов.

— Дерьмо! — проворчал он, когда корабль вышел за пределы орбиты Аншана.

Виртуальный обзор показал частичное самовосстановление корабельной электроники. Но дублирующих цепей почти не осталось, и еще одной мощной атаки, если вернуться в зону боев, им не выдержать. А кораблям и ракетам праймов не видно конца.

Четыре иконки связи с другими кораблями мигали красными огоньками, говорящими о неисправности.

— Доложи ситуацию, — крикнул он Дону Лантра, следящему за приборами.

Дон обратил на него усталый взгляд.

— Только что потерял сигнал с «Неустрашимого». Кроме нас, никого не осталось, босс.

Жану хотелось разнести кулаком панель управления, что не только не помогло бы, но и оказалось нелегко выполнить в условиях свободного падения. Он был знаком почти со всеми членами экипажей. На Высоком Ангеле они держались все вместе, как единое братство. Теперь он сможет их увидеть только после процедур оживления. Но и это не смягчало горечи. Процесс займет долгие годы. Если только Содружество столько продержится.

На виртуальном экране вспыхнула иконка связи адмирала Кайма.

— Жан, какова ситуация на корабле? — спросил Уилсон.

— Положение стабилизировано. Еще немного — и мы сможем выйти против них еще раз.

— Нет. Возвращайтесь на Высокий Ангел.

— Но у нас осталось еще семь ракет.

— Жан, на подходе еще пятьдесят кораблей. Вы проделали грандиозную работу, сделали все, что смогли. Эвакуация почти завершена.

— Вы покидаете Аншан?

— Мы должны это сделать. Эвакуируются все атакованные миры.

— Нет. Все? Но надо же что-то сделать. Нельзя отдавать им победу. Сегодня это двадцать три мира, а завтра они захватят сотню. Мы должны дать им отпор.

— Мы уже дали им отпор, Жан, и добились определенных успехов. Вместе с другими кораблями вы выиграли бесценное время для Аншана. Но «Отчаянный» — единственный оставшийся боевой корабль, так что возвращайтесь на базу, пополните запасы для следующего сражения.

— Успехи? Не думаю, чтобы мы чего-то добились. Дмитрий прав: надо было пройти через червоточины и ударить по ним с противоположной стороны.

— Ты и сам понимаешь, что мы не могли на это пойти; они слишком хорошо защищены. Мы отыщем звезду, где они устроили свою базу, Жан. И тогда нанесем удар. Ты будешь командовать целой эскадрильей.

— Сколько же времени пройдет до создания этой эскадрильи, адмирал?

— Столько, сколько потребуется. А теперь возвращайтесь на базу.

— Есть, сэр.

Мысленным приказом он ослабил ремни безопасности и напряг мышцы, заставляя тело принять сидячее положение. Все члены экипажа смотрели на своего капитана.

— Я сегодня не готов смириться с поражением, — сказал он им. — Перед вылетом с

Высокого Ангела я обновил хранилище памяти и теперь намерен присоединиться к нашим товарищам в клинике для оживления. Я направлю корабль обратно к Аншану, и там он оправдает свое имя. Если кто-то хочет оставить корабль, прошу воспользоваться аварийными капсулами, флот о вас позаботится.

Ответом ему стали улыбки членов команды и несколько крепких выражений. Его предложением воспользоваться никто не захотел.

— Очень хорошо, джентльмены и леди, для меня было честью служить с вами. Дай бог, чтобы и после оживления мы оказались в одном экипаже. А теперь нам предстоит перепрограммировать гипердвигатель. Придется отключить большую часть ограничителей систем безопасности.

* * *

К концу дня тучи немного разошлись и пропустили в долину розоватый предзакатный свет. Со своей позиции за грудой валунов, в тридцати метрах от Туркино, Марк Вернон смотрел, как земля впитывает солнечные лучи и приобретает нежный оранжевый оттенок. Долины Улон отсюда не было видно, и его это не огорчило. Тоскливо смотреть на дом, когда собираешься его покинуть.

— Теперь уже недолго ждать, малыш, — подбодрила его Лиз.

Он улыбнулся, в который раз удивляясь тому, как хорошо она чувствовала его настроение. Лиз решила отдохнуть и, набросив на плечи плотную толстовку, защищавшую от прохладного ветра, дувшего со стороны Туркино, прислонилась к валуну.

— Наверное.

С его места был виден конец очереди; вдоль ручья с ледяной водой медленно брели не больше тысячи человек. Он даже мог рассмотреть и саму червоточину — небольшой темно-серый круг, уже почти потерявшийся в глубокой тени на дне долины. Рядом с ней стоял покинутый «МГ» — первый из нескольких автомобилей, перебравшихся через ручей. Уже недалеко. Марк снова и снова прикидывал, сколько времени ему потребуется, чтобы добежать до червоточины по неровному склону. Хотя от скорости бега ничего не зависело. Все равно надо дожидаться, пока не пройдут все остальные. Даже теперь, когда в очереди остались только здоровые взрослые люди, они будто бы ничуть не торопились. Как они не понимают, что надо быстрее убираться отсюда?

— Они дошли до Хаймарша, — сказала Меллани.

Марк с досадой покосился на свой модуль. Откуда она может знать? А затем заметил, как на дисплее погас символ одного из сетевых узлов Хаймарша. Ох!

Лиз подобрала свое громоздкое оружие и устроилась рядом с Марком.

— Двадцать минут, — сказала она, бросив быстрый взгляд на очередь. — А может, и меньше.

— Может.

Ему показалось, что очередь стала двигаться немного быстрее — чуть-чуть. Дисплей сообщил об уничтожении еще двух узлов в Хаймарше. До них донесся какой-то звук, похожий на взрыв.

— Все готовы? — спросил Саймон.

Он взял одно из ружей чужаков и расположился с другой стороны от входа. Марку

потребовалось совсем немного времени, чтобы отрегулировать пусковое устройство и приспособить его для человеческих рук: на нем стояли странные двойные кнопки, которые следовало нажимать в последовательности, весьма неудобной для пальцев. Одно из устройств стреляло разрывными микроракетами, а три остальных оказались мощными лучевыми мазерами.

— Готовы, — тихо пробормотал Марк.

Лиз поднесла к лицу свой модуль.

— Мы готовы.

— Помните, после стрельбы сразу же отходим.

Она закатила глаза и усмехнулась Марку.

— Да, мы всё помним.

Марк наклонился вперед и поцеловал Лиз.

— Думаю, сейчас не время для этого, — задорно улыбнулась она.

— Так, на всякий случай, — застенчиво ответил он. — Если что-то случится, я хочу, чтобы ты знала, как я тебя люблю.

— Ох, малыш! — Она тоже поцеловала его. — Мистер, я стащу с вас штаны сразу, как только пройдем сквозь червоточину.

Он усмехнулся. В Хаймарше прекратил работу еще один узел. По его расчетам, это было где-то неподалеку от дома Марли, примерно в километре от входа в долину Туркино.

— Мы вернемся сюда? Как ты думаешь?

— Не знаю, малыш. Саймон надеется вернуться.

— А ты хотела бы этого?

— Конечно. Здесь прошли лучшие годы из всех моих жизней. И мы снова будем жить так же.

Отключились еще три узла.

— А вот и они, — буркнул Марк.

* * *

Через два часа, потраченных на модификацию различных систем, «Отчаянный» снова скользнул в гиперпространство. При наибольшей скорости путь до Аншана занял две минуты. Жан Дювуа не отрывался от дисплея, где бриллиантовым ожерельем вокруг планеты горели значки червоточин чужаков. Выбрав одну из них, он направил корабль прямо внутрь.

За тридцать секунд до цели он приказал корабельному СИ определиться с точкой выхода. В обычных условиях безопасность в точке выхода из гиперпространства обеспечивалась СИ посредством регулировки относительной скорости. Если предстояло выйти на планетарную орбиту, траектория должна была соответствовать второй космической скорости в данной точке. После отключения ограничителей Жан задал скорость в точке выхода в две десятых скорости света.

Из разлома в ткани пространства-времени в пяти километрах от червоточины праймов хлынул поток излучения Черенкова. На скорости в одну пятую от скорости света из центра светящегося пятна вынырнул «Отчаянный» и врезался в окутывающее переход силовое поле. Мгновенный взрыв преобразовал большую часть его массы в энергию жесткой радиации,

пронзившую силовой купол, словно это был сосуд из древнего хрупкого стекла. Червоточина праймов осталась открытой для нового солнца, на миг взошедшего над Аншаном.

* * *

Один из цилиндрических катеров чужаков выстрелил в направлении выхода из долины Туркино. Марк попытался поймать его на мушку своего оружия, но не успел даже увидеть его в прицел, как аппарат скрылся за противоположным склоном. Порыв ветра со стороны Хаймарша донес глухой грохот.

Два следующих катера шли на меньшей скорости, чем первый. Марк сумел навести ружье на один из них и нажал пусковую кнопку. Силовое поле летательного аппарата вспыхнуло бирюзой, и в землю полетели несильные разряды статики. Лиз выстрелила из своего лучевого мазера и усилила яркость светящейся короны. С другой стороны долины Саймон выпустил микроракету. Силовое поле взорвалось горизонтальным шлейфом голубого пламени, оставив на корпусе качнувшегося корабля слепящие шаровые молнии. Катер резко накренился и скрылся за краем впадины. Второй катер развернулся и улетел.

— Бежим! — закричал Марк.

Он пригнулся и помчался прочь от груды валунов, таща за собой тяжелое оружие. В пятидесяти метрах чуть ниже по склону он приметил еще одну россыпь камней. Ноги скользили и путались в густой гром-траве, сердце стучало в ушах, Лиз подгоняла его неистовыми криками, и Марк вдруг понял, что улыбается во весь рот. Ему стало почти весело.

До следующего укрытия оставалось еще метров пять, когда оглушительный взрыв уничтожил только что покинутую ими груды валунов. Кратковременное веселье Марка сменилось непреодолимым страхом.

— Лиз, как ты? — заорал он, не дожидаясь, пока утихнет грохот.

Лиз подняла голову.

— Черт! Да, малыш. Давай вперед, быстрее.

На них посыпались раскаленные осколки камней и дымящейся земли. Позади заросли травы занялись огнем, распространяя удушливый дым.

Марк почти ползком преодолел последние метры и упал на землю за огромным камнем, стараясь выровнять дыхание и унять дрожь в ногах. Затем он рискнул выглянуть и увидел, что над входом в долину неподвижно завис катер. Надо было бы сделать еще один выстрел, но у Марка не осталось сил, даже чтобы поднять оружие. Пока он старался отдышаться, из-за скал показался второй летательный аппарат, и катер встретил его выстрелом. Колоссальный взрыв осветил всю долину, горящие обломки посыпались на землю.

— Что за?..

— Это Меллани! — заявила Лиз. — Она перехватила контроль над ним!

— Черт побори!

Через мгновение цилиндрический катер сорвался с места, и спустя несколько секунд донесся грохот взрывов.

Марк оглянулся на очередь к червоточине. Люди все еще лежали на земле.

— Вставайте! — заорал он. — Поднимайте свои несчастные задницы! Вперед, двигайтесь!

Они не могли его услышать, но те, кто был перед самой червоточиной, поднялись и поспешили к переходу. Затем возникла паника, и уже все одновременно ринулись вперед, отталкивая друг друга.

— Великолепно, — простонал Марк. — Только этого нам и не хватало.

— Они и так очень долго продержались, — заметила Лиз.

Через несколько минут свалка у червоточины прекратилась, но порядок так и не восстановился: все уцелевшие беженцы толпились у едва заметного овала. На дне долины давно наступили сумерки, и люди напоминали пчел, спешащих вернуться в улей.

— Движение впереди, — прохрипел в модуле голос Саймона.

Между покинутыми автобусами и машинами показались одетые в броню чужаки. Рассмотреть в сгустившейся тени их было довольно трудно. Летательных аппаратов пока не было. Марк окинул взглядом толпу перед червоточиной. Оставалось не меньше четырех сотен.

— Марк, — окликнул его Саймон. — Вы готовы?

— Думаю, да.

Марк поднял свою охотничью винтовку и включил устройство наведения. Неровный ряд автобусов теперь предстал цепочкой светящихся голубоватых силуэтов на фоне светло-серой земли. Рассмотреть чужаков стало намного легче. Их оказалось больше, чем он предполагал с первого взгляда. Значительно больше. Чужаки мелькали на фоне брошенного людьми транспорта, явно стараясь держаться затемненных мест. Они наставляли оружие в открытые настежь двери и окна, отыскивая малейшие признаки живых существ. Если чужаки доберутся до входа в долину, столпившиеся вокруг червоточины люди станут отличной целью. Начнется мясорубка.

Марк перевел прицел на первый в ряду автобус и водил сканером вдоль борта, пока не добрался до открытого лючка. Он потратил целый час на подготовку сверхпроводниковых батарей, пока не отключил все системы безопасности, предусмотренные изготовителями, а потом объединил их все в одну мощную цепь. Прицел винтовки остановился на первом аккумуляторе. Марк выстрелил.

Батарея раскололась и всю накопленную энергию выбросила в едином мощном взрыве. Началась цепная реакция. Последовательные взрывы высвобождали колоссальные потоки электронов и вихри раскаленных обломков. Чужаков разбросало во все стороны, а электрические разряды и осколки вызвали перегрузку силовых полей.

Вдобавок вместе с аккумуляторами взорвалось и несколько ружей мобайлов.

Марк и Лиз бросились бежать вниз по склону, как только прогремел первый взрыв. У червоточины осталось около двухсот человек, и все они, заслышав грохот, присели на корточки.

— Это должно их задержать! — крикнул Марк. — Теперь мы выберемся.

Они миновали последнюю грудку камней, намеченную в качестве укрытия.

Затем под ногами захлюпала вода, и они подбежали к кучке оставшихся перепуганных беженцев. Марк оглянулся, но у входа в долину увидел только красное зарево горящей травы.

— Саймон, что там происходит?

— Отличная работа, Марк. — Голос Саймона звучал абсолютно спокойно, как и всегда. — Они отходят. На перегруппировку уйдет несколько минут. Вы все успеете пройти.

Марк оперся на руку Лиз и привстал на цыпочки, заглядывая поверх людских голов. Осталось не меньше сотни. Две минуты, если каждый будет проходить за одну секунду. Нет,

наверняка можно протиснуться вдвоем. Значит, минута. В крайнем случае, полторы.

В долине Туркино вдруг стало светло как днем. Марк невольно втянул голову в плечи, но все же осмелился поднять взгляд. Над головой появилось пять ярких бело-голубых огней, и они стали быстро увеличиваться. Его удивление сменилось приступом ярости.

— О нет! — завопил он, глядя на смертоносные огни. Ноги у него подогнулись, и Марк упал на колени, но даже в таком положении он грозил новой напасти сжатыми кулаками. — Вы не можете так поступить с нами, ублюдки. Осталась одна минута, одна проклятая минута, и я вырвусь отсюда. — По его щекам струились слезы. — Ублюдки!

— Марк. — Лиз опустила на влажную землю рядом с ним и обняла его за дрожащие плечи. — Марк, держись, мы уже почти у цели.

— Нет, нет, мы никогда отсюда не выберемся, никогда.

— Это не они, — сказала Меллани.

— А?

Марк поднял голову. Девушка стояла рядом и смотрела на пять слепящих огней.

— Это наши, — сказала она. — Мы справились.

— Вставай, — твердо сказала Лиз. — Марк, я не шучу. — Она схватила его за руку и потянула. Меллани поддержала Марка с другой стороны, и они вдвоем подняли его на ноги. Через червоточину проходили последние жители Рэндтауна. Пять голубых звезд над ними стали уменьшаться, долина снова погрузилась в темноту. Марк поковылял к червоточине, до сих пор не веря своим глазам, все еще ожидая ужасного взрыва или выстрела в спину.

— Саймон, мы ждем тебя, — сказала Меллани.

— Я не могу уйти. Это мой дом. Пока я могу, буду уничтожать этих чудовищ.

— Саймон!

— Идите. И возвращайтесь, если сможете.

Перед самой червоточиной Марк оглянулся. Последнее, что он увидел на Элане, — это брошенный «МГ» и Меллани, сердито всматривающуюся в темную узкую долину. Он шагнул вперед, в безопасность.

* * *

Через множество усиливающих зрение датчиков Утес Утреннего Света заметил квантовые искажения, произведенные последним космическим кораблем людей, вернувшимся на поле боя над Аншаном. Ракеты и энергетические орудия были готовы нанести удар. Люди приближались быстро. Они подошли близко. Опасно близко...

Ничто не предвещало угрозы. Никакой паузы. Через червоточину устремился ураган неукротимой энергии, достигший установленного на астероиде генератора. Пространственно-временная щель после уничтожения генератора немедленно сомкнулась, но колоссальный вихрь, освобожденный взрывом корабля, успел пройти. В гигантском гейзере радиации вспыхнули корпуса тысяч уничтожаемых кораблей. Гравитонные искажения вызвали цепную реакцию взрывов, от которых содрогнулся весь астероид. Распалось двести восемьдесят семь червоточин. Их энергия и мощность взрывающихся генераторов вызвали новую волну, задевшую и межзвездную червоточину.

Утес Утреннего Света с ужасом увидел, как дрогнул мощный переход, соединявший промежуточную базу с исходной звездной системой. Он направил сотни, потом тысячи

второстепенных групп иммобайлов на разработку программ и команд, которые устранили бы нестабильность. Неконтролируемые выбросы энергии постепенно сошли на нет, и червоточина успокоилась. Вся мощность уцелевших генераторов была направлена на ее восстановление.

Он снова осмотрел руины промежуточной базы: астероид и весь набор находившегося на нем оборудования были утрачены безвозвратно. Тысячи кораблей уничтожены или выведены из строя. Блоки грузовых модулей унеслись в космос, увеличив и без того огромные тучи обломков, сорванных с поверхности. Смертельную дозу облучения получили более трех тысяч групп иммобайлов различной численности. Погибло или безнадежно пострадало почти сто тысяч мобайлов.

Все можно заменить и восстановить. Но это обойдется недешево. Потеря четвертой части червоточин в Содружество значительно замедлит его экспансию в человеческие миры. В домашнем мире множество групп иммобайлов приступило к разработке мер против возможной следующей самоубийственной атаки.

Тем временем Утес Утреннего Света приступил к перегруппировке оставшихся червоточин, чтобы иметь доступ в каждый из завоеванных им двадцати трех миров. Спустя некоторое время корабли снова стали доставлять оставшиеся грузы на поверхность планет. Люди бежали через червоточины в своих защищенных городах, и мобайлы продолжали распространяться на новых землях, не встречая почти никакого сопротивления.

Чем больше проходило времени, тем сильнее Оззи одолевали сомнения. Он просто не понимал мир, в котором оказался. К примеру, погода здесь никогда не менялась — стояла постоянная влажная жара с легким ветерком, дующим в одном и том же направлении. Раз уж планета обращена к солнцу всегда одной стороной, здесь должны быть сильные ветра, перераспределяющие тепло между светлой и темной сторонами, а не этот легкий зефир. Конечно, остров мог находиться в центре штилевой зоны, то есть ветра сюда просто не попадали, а ревели где-то за неприятно далеким горизонтом, рождая шторма, затрудняющие мореходство.

В своем портативном модуле Оззи создал несколько моделей подобных планет, но они только подтверждали его теорию. Хотя ни одна модель не учитывала, что планета вращалась внутри газовой оболочки. Как подобное явление могло подействовать на климат у поверхности, ему было неизвестно — для решения этой проблемы в модуле не нашлось подходящих алгоритмов.

Кроме того, вдали над горизонтом виднелась гряда облаков. Каждый раз, поднимаясь на центральную вершину, чтобы пополнить запас дров, Оззи проверял ее положение. Облака не двигались. И именно оттуда дул постоянный ветерок.

Определить дистанцию до ближайшего острова тоже оказалось нелегко. Оззи воспользовался функцией инерциальной навигации и измерил угол визирования поочередно с каждого края острова. Простейшие тригонометрические вычисления выявили расстояние в сорок пять миль, значит, планета была невероятно большой.

Самой большой загадкой оставалась сама газовая оболочка. Он не мог постичь природы ярких искр, парящих в ее глубине. Спектрографический анализ, сделанный при помощи датчиков, говорил о том, что это была вода.

— Ну и что? — спросил Орион, когда Оззи вновь стал ворчать по поводу результатов измерений. — Мы знаем, что надо перебраться на другой остров и найти ведущую отсюда тропу. Какая разница, что там творится на небе?

— Разница огромная, — буркнул Оззи. — Я не понимаю, как образуются эти шары воды. Это не просто столкновение капель, они слишком большие. Некоторые достигают сотен миль в диаметре.

— Ну и? Ты сам говорил, что газ пригоден для дыхания. Почему бы в нем не быть воде?

— Вопрос задан неверно, старик. Ты должен спросить, почему они там оказались?

— И почему же?

— Не знаю, черт побери!

— Их поместили туда, — сказал Точи. — Если эта оболочка искусственного происхождения, создатели намеренно внедрили в нее водяные сферы.

— Спасибо, Точи, — сказал Оззи. Он повернулся к Ориону. — А я хотел бы выяснить, с какой целью это было сделано. Для этого требуется хотя бы базовая информация.

— Например? — спросил Орион.

— Содержание водяных паров в газовой оболочке. Давление. Количество воды, испаряемой сферами. Их температура. И тому подобное. Но с этим оборудованием ничего не получится.

Он раздраженно махнул рукой на свою скудную коллекцию датчиков.

— Но почему это так важно? — не унимался парень.

— Потому что здесь мы наблюдаем действие множества сил. Если я пойму природу газовой оболочки, возможно, я смогу разобраться с этой загадочной планетой.

— Ты говорил, что она очень большая. Больше Сильверглейда?

Оззи сдался.

— Да, старик, похоже на то. — Он вызывающе взглянул на небо, испещренное блестящими точками. — А, пропади все пропадом, у нас есть более срочные проблемы, верно?

— Подготовка почти закончена, — сказал Точи. — Надо только еще раз сходить за съедобными фруктами.

— Обязательно.

Оззи недоверчиво посмотрел на судно. Когда было решено построить лодку, он представил себе гладкий корпус из тщательно подогнанных планок, надутые паруса и самого себя стоящим у руля на пути к следующему острову. В конце концов, если уж волновое лезвие снова работает, плотницкое дело будет нетрудным. Но в энциклопедических файлах модуля постройке лодок уделялось совсем немного внимания, и пришлось построить нечто вроде плота. Судя по виду, он мог держаться на воде не лучше, чем кирпич.

Они начали с того, что срубили по одному из всех пяти имевшихся на горе видов деревьев, и Точи приволок их к берегу. Все бревна затащили в море. Пальмовые стволы постепенно пропитывались водой и все больше погружались в воду, и только один вид растительности обладал запасом плавучести — высокие нескладные деревья с густой кроной, состоящей из длинных серых ветвей. И, конечно же, реже всего встречающиеся на острове.

За следующие пять дней они вырубали на горе почти все такие деревья. Оззи и Орион, работая по очереди, обрубали ветви волновым лезвием, а Точи стаскивал вниз уже относительно гладкие бревна.

Затем настала очередь изготовления веревок; к счастью, эта тема в энциклопедии модуля оказалась более детализированной. Высушенные пальмовые листья оказались такими жесткими и острыми, что Оззи и Орион в первые же минуты работы в кровь изрезали пальцы. От острых, словно бритвы, краев пострадали даже манипуляторы Точи. Пришлось воспользоваться швейными принадлежностями и приспособить для защиты рук старые перчатки. В конце концов у них все же получилось достаточное количество веревок, чтобы связать бревна. Три связки бревен длиной по пять метров составили плавучую основу, а поперек них были настелены более тонкие стволы, обеспечивающие жесткость конструкции. Прямоугольный парус связали из тех же пальмовых листьев, хотя по виду он больше напоминал не ткань, а плетеную циновку.

Орион предвкушал плаванье на плоту, заранее радуясь удивительному приключению. Точи, как обычно, проявлял сдержанное одобрение. И только Оззи чувствовал себя так, словно ему предстояло убедить друзей в том, что Деда Мороза в реальном мире не существует: он считал подобную затею пригодной только для младших школьников.

Оззи забросил на плечо свой рюкзак, и все трое отправились вглубь острова на поиски продуктов: они обнаружили здесь несколько пригодных для еды видов фруктов, и все они росли на кустах или невысоких пальмах, неподалеку от берега. Вскоре Оззи уже принялся срезать плоды с веток карманным ножом и складывать их в рюкзак.

По обе стороны от него сквозь густую поросль продирались Орион и Точи. Они не

скрывали радостного волнения перед скорым отплытием. Оззи пожалел, что не мог разделить их настроение. Каждый раз, глядя на газовую оболочку, он сознавал, что пропустил нечто важное. Зачем создавать такой феноменальный артефакт, а потом помещать в него обычную планету? Газовый ореол был явно создан для тех, кто мог летать. Водяные сферы и воздушные коралловые рифы, о которых рассказывал Йоханссон, могли быть базами или гнездами для существ, не испытывающих потребности в гравитации, живущих предельно свободной жизнью. Если цивилизация сильфенов обладает фактическим местом обитания, то, по мнению Оззи, более подходящего мира и представить было невозможно.

— Целая вселенная, такая малая и в то же время такая большая внутри, что ее невозможно познавать, — говорил ему Йоханссон. — Пристанище тайны, скрытое в воплощении высших научных достижений. Этот парадокс привел меня в восторг.

Оззи старался вспомнить, о чем еще рассказывал этот человек, хотя бы какие-то практические детали. Но Йоханссон не вдавался в подробности. Хотя осталось впечатление, что отсюда он вернулся прямо в Содружество.

Через сорок минут рюкзак Оззи был уже полон.

— Этого должно хватить, — сказал он.

— Классно, — усмехнулся Орион, доедавший темно-фиолетовый плод, по вкусу напоминавший малину.

По его подбородку потекли струйки густого сока, и парень стер их тыльной стороной руки.

Оззи воспользовался моментом и внимательно осмотрел парня: на Орионе были только потрепанные шорты, переделанные из старых брюк. Он сильно отличался от того костлявого подростка, каким отправлялся на поиски троп несколько месяцев назад. Постоянное движение и физическая работа значительно увеличили массу его мышц. Бледную кожу покрывали россыпь ярких веснушек, легкий загар, местами переходящий в солнечные ожоги, а с недавнего времени еще и почти постоянный слой грязи. На подбородке уже закурчавилась юношеская борода, а на голове волосы торчали спутанными прядями, почти не уступавшими афрокосичкам самого Оззи. Еще немного — и он может превратиться в настоящего дикаря; копье в руки, повязку на бедра: и трех тысячелетий цивилизации как не бывало.

«Моя вина, — подумал Оззи. — Надо было с самого начала проявить твердость и отослать его в Лиддингтон. Или, если уж это не удалось, хотя бы заставить его учиться».

— Что такое? — спросил Орион, оглядываясь и стараясь понять, что так внимательно рассматривает Оззи.

— Когда ты в последний раз мылся?

— Я плавал сегодня утром.

— С мылом.

— Ты сам сказал, что мыло слишком тяжелое, чтобы тащить его из Ледяной Крепости.

— Ах да, верно. А как насчет зубной пасты? Ты ей пользуешься?

— Остался только один тюбик, это для тебя. Мои зубы в порядке. А в чем дело?

— Надо что-то сделать с твоими волосами. В них наверняка уже кто-нибудь поселился.

— Посмотрел бы на себя.

Оззи дернул себя за бороду и вдруг осознал, какой пример подает мальчишке.

— Ладно. С завтрашнего дня мы оба возвращаемся к правилам личной гигиены.

Договорились?

— Как хочешь, — буркнул Орион и пожал плечами.

В его жесте Оззи узнал собственное обычное пренебрежение.

— Хорошо. Еще я хочу, чтобы ты просмотрел некоторые файлы из моего модуля.

— Что за файлы?

— Кое-какая справочная информация, — неопределенно ответил Оззи. — Ты ведь умеешь читать?

— Оззи!

— Ладно, старик, просто на всякий случай. Завтра и начнем, хорошо?

— Ты же сказал, что завтра отправляемся в путь.

— Знаю. Но ведь на плоту нечем будет заняться, не так ли?

Орион почесал голову: перемены в поведении Оззи явно его озадачили.

— Наверное.

Ночевать они остались на берегу, рядом с плотом. Для сна Оззи и Орион воспользовались палаткой — там было хоть немного темнее, чем снаружи. Точи постоянный свет как будто не беспокоил, но он и не спал, а просто отдыхал.

Орион, вернувшись на берег, раздул костер, а затем стал готовить пойманную Точи рыбу. Оззи подошел к воде с фильтрующим насосом, чтобы наполнить все имеющиеся у них емкости. Морская вода была не особенно соленой, но пить в чистом виде ее все равно не представлялось возможным.

К тому времени когда Орион закончил готовить, Оззи уже начал упаковывать вещи. План на завтра был предельно простым: как только Оззи и Орион проснутся, они спустят плот на воду. Запасов фруктов и сушеной рыбы хватит на несколько дней, а проблема питьевой воды при наличии фильтра была решена. В душе Оззи надеялся, что припасы им не понадобятся. Даже если парус, как он подозревал, окажется бесполезным, у них имелась пара грубо вытесанных весел, да и Точи вполне мог тащить плот за собой. До следующего острова они смогут добраться не позже, чем через пару дней.

Утром Оззи настоял, чтобы Орион почистил зубы. Затем они оба постарались распутать волосы, а Оззи еще решил заняться и бородой, воспользовавшись бритвенным прибором — единственным оставшимся у него предметом роскоши. Алмазное лезвие легко справлялось с растительностью на лице, но отсутствие зеркала сильно удручало Оззи.

— Почему бы тебе не приспособить портативный модуль? — спросил Орион.

Парень коснулся нескольких иконок и поставил экран перед Оззи. Камера превосходно передавала изображение, да еще и с увеличением.

— Спасибо, старик.

Он снова приступил к бритью, на этот раз без особых трудностей. В конце концов, наверное, будет не так уж трудно обучать Ориона.

После завтрака они упаковали в рюкзаки и сумки оставшиеся вещи, а запасы собранной еды сложили в плетеные корзины. Наконец все трое выстроились вдоль кормы плота, построенного на пляже в нескольких метрах от воды. Точи налег посередине, Оззи и Орион по краям, и все вместе стали толкать плот по мягкому песку. К тому времени, когда в передний край плота плеснули небольшие волны, Оззи изрядно вымотался. Он с трудом удержался, чтобы не отвернуться.

Если это проклятое сооружение начнет погружаться в воду, он не представлял, что делать дальше.

Плот слегка нырнул носом, скатываясь с берега, но быстро выпрямился, когда они спихнули его в море целиком. Оззи продолжал толкать, пока не оказался по пояс в воде. Точи проплыл вокруг плота, а потом исчез под водой. Массивный чужак удивил их своей способностью двигаться в воде еще в первый день пребывания на острове. Казалось, что в море он чувствовал себя намного лучше, чем на берегу. Его гибкие выросты становились плоскими, словно плавники, помогая набрать значительную скорость; кроме того, Точи мог надолго задерживать дыхание. В результате у них к столу всегда была свежая рыба.

Орион остановился, когда вода дошла до колен, и гордо усмехнулся.

— Оззи, правда он великолепен?

— Да, старик, плот хорош.

Он еще немного посмотрел на плот, почти ожидая, что тот вот-вот утонет. Борта не так высоко выступали над водой, как ему бы хотелось, и они наверняка осядут, когда плот примет весь груз. Но он держался на плаву...

Метрах в двадцати от берега Точи выскочил из воды, сделал пол-оборота и с громким плеском снова плюхнулся в воду, взметнув тучу брызг.

— Похоже, он доволен, — пробормотал Оззи.

Он вернулся на берег с причальным концом и привязал его к предусмотрительно вбитому в песок кольшку.

— Пошли, старик, надо грузиться.

Орион тоже вышел из воды.

— Оззи, а как мы его назовем?

— Что?

— Плот? Как мы его назовем? Каждое судно должно иметь имя.

Оззи приоткрыл рот. «Полное отчаяние»? «Титаник-2»? Орион ждал, глядя на него с простодушной радостью. Они ведь потратили немало сил и времени на постройку чертова плота.

— Ну, не знаю, — протянул Оззи. — Может, «Первопроходец»?

— Черт! Здорово, Оззи! Мне нравится. — Он повернулся к плоту. — Я нарекаю этот корабль «Первопроходцем». Благослови Бог его и всех, кто на нем поплывет.

Божье благословение было точно необходимо тем, кто на нем поплывет.

— Ладно, давай перетаскивать вещи.

Он подхватил пару корзин и снова шагнул в воду.

Через пятнадцать минут погрузка была закончена. Точи, сверкая блестящими от воды разноцветными перьями, выбрался на берег и энергично отряхнулся.

— Мы готовы? — спросил он через транслятор модуля.

— Причин оставаться на берегу больше нет, — ответил Оззи.

Они стали забираться на решетчатый настил, что вызвало опасный крен, особенно когда через борт перевалился Точи. Оззи снова проверил осадку. Вода плескалась уже почти вровень с палубой. За бортом появились мелкие рыбки. Беспокойство Оззи вызывала ожидаемая встреча с более крупными особями.

— Экипаж, прошу занять свои места.

Оззи сел с одной стороны, Точи устроился посередине, а у другого края расположился Орион. Все взялись за весла и начали грести. Поначалу ничего не получалось, но потом Оззи стал отсчитывать ритм, и они научились координировать силу гребков. Метрах в ста от берега Оззи ощутил ветерок.

— Хватит, — объявил он. — Давайте испробуем парус.

При помощи веревок они с Орионом подняли плотный квадрат из пальмовых листьев на четырехметровую мачту, прежде бывшую самым высоким на острове деревом. Натянутые веревки тревожно потрескивали. Плот уже отошел от берега, и волнение заметно усилилось.

Оззи с тоской оглянулся на берег.

— Мы движемся?

Гибкий отросток Точи окунулся в воду.

— Мы движемся.

— Ура!

Орион радостно захлопал в ладоши и стал всматриваться в темные пятна, обозначающие другие острова архипелага.

— К которому острову мы направляемся?

— Интересный вопрос, — сказал Оззи. — Точи, не мог бы ты направить нас ко второму слева островку? Мне кажется, он ближе всех.

— Я буду стараться, — ответил Точи.

Он опустил в воду установленный на корме руль, представлявший собой широкую деревянную лопасть на грубо вырезанном штыре.

Вдали от берега ветер ощущался заметнее. Оззи сидел на краю плота, болтал ногами в воде и смотрел, как постепенно уменьшается оставленный ими остров.

* * *

Благодать цивилизации не ощущается, пока она не окажется под угрозой краха. Тот долгий день на Элане показал Меллани, насколько близка она была к гибели. Страх обострил в людях желание выжить, и оно заставило их пренебречь всеми правилами. Она никогда не забудет, как в последние часы стояла у маленькой червоточины в долине Туркино, как нарастали нетерпение и паника, как толкались и отпихивали друг друга люди. И это притом что сильные духом вроде Саймона Рэнда пытались удержать их в рамках.

Какими далекими казались ей эти события всего лишь неделю спустя! Она стояла у огромного окна в пентхаусе Алессандры на шестьдесят пятом этаже небоскреба и смотрела на Саламанку. Ночные города почему-то всегда казались самыми яркими, и столица Нью-Иберии не была исключением. Этот богатый мир находился в первой зоне космоса, и его население приблизилось к двум миллиардам. В одной только Саламанке проживало около двенадцати миллионов человек. Здесь, в центре, высота небоскребов из стекла и металла была оправданным финансовым вложением, дома стояли в строго расчерченной сетке улиц, а дальше контуры кварталов становились более неопределенными, пока не сливались в сплошное сияние окрестностей у самого горизонта. Яркие линии улиц пересекали неизбежные серебристые нитки железных дорог и путепроводов, обеспечивающих движение пассажиров и грузов между различными районами и межпланетной станцией ККТ. Может, ей это просто показалось, но этой ночью поездов было меньше, чем раньше. Обычная деятельность в Содружестве во время вторжения почти прекратилась, и только теперь миры возвращались к прежней, относительно спокойной жизни.

Меллани подняла голову и заметила эфемерное мерцание силового поля, окружавшего город. Этот барьер, уменьшивший яркость звезд, вызывал странное ощущение. Силовые

купола имелись во всех крупных городах, но их никогда не активировали, разве что только для защиты от самых сильных ураганов и торнадо. Теперь купола стояли постоянно, даже над Дарклейк-сити.

— Все по-прежнему, не так ли? — спросила подошедшая Алессандра. — Когда я вернулась, мне почему-то казалось, что все должно измениться. Но вид города успокаивает. Я часами стояла у окна и просто смотрела.

ККТ потребовалось несколько дней, чтобы восстановить нормальный график движения. Даже сейчас миллионы беженцев из захваченных миров, ищущих приют на других планетах Содружества, имели приоритет по сравнению с другими пассажирами. Станция на Уэссексе еще не полностью восстановила свою работу. Специалисты все еще ремонтировали генераторы, поврежденные во время энергетической атаки, предпринятой Найджелом Шелдоном. Из-за этого поезда во всем этом секторе второй зоны космоса ходили нерегулярно, хотя подключение к унисфере было восстановлено во всех мирах. Но линия между Августой и Нью-Иберией действовала стабильно, и Алессандра смогла вернуться домой через три дня после последнего полета «Отчаянного».

Меллани была в пентхаусе Алессандры впервые. Два дня назад она покинула причудливый астероид Оззи, пройдя через червоточину на Августу последней из всех беженцев Элана. До этого она все время проводила с Дадли, то успокаивая его, то отдыхая, чтобы восстановить силы. Без вставок, поддерживаемых РИ, ее самоуверенность несколько уменьшилась, и она уже не знала, чем обернется ее дальнейшее расследование. Возможно, в разрозненных воспоминаниях Дадли имелась еще какая-то информация. Чтобы убедиться, что она получила от него все до капли, потребуется еще немало времени. Сейчас же он был надежно спрятан в одном из дешевых отелей Октиера, в том самом, где в детстве часто проводил каникулы. Его там никто не отыщет — по крайней мере, в ближайшем будущем.

Руки Алессандры легли на плечи Меллани.

— Беженцы из Рэндтауна рассказывали какие-то странные истории. Кое-кто утверждает, что побывал на космическом корабле чужаков.

— Они лгут. Это была старая законсервированная жилая станция промышленного предприятия в глубоком космосе, ныне списанного с баланса ККТ. К счастью, червоточина оказалась рабочей.

— Интересно. — Алессандра помассировала ей шею. — Это единственная часть информации, запрещенная к опубликованию старшим руководством. Директива дана всем СМИ. Кто-то оказал на них давление. И довольно значительное.

Меллани повернулась и решительно взглянула в классически красивое лицо женщины.

— Невиновна.

— Хм. — Алессандра провела пальчиком по щеке Меллани. — А ты изменилась.

— Я была там, где высадились чужаки. Знаешь, это помогает сосредоточиться.

— Я с этим не спорю, милая.

Она наклонила голову для поцелуя, но Меллани подняла руку.

— Не сейчас.

— Вот как? — Одна из тщательно выщипанных и подкрашенных бровей Алессандры слегка приподнялась. — Тебе бы лучше поскорее вернуться в обычное настроение. К позднему ужину я жду Робина Далсола, первого помощника Голдрича. Я хочу знать, сколько денег намерена наш президент вбухать в укрепление Флота для нанесения ответного удара. Вы с ним отлично поладите, он всего десять лет назад прошел процесс омоложения.

— Сама с ним трахайся, — буркнула Меллани.

— Меллани, милочка, я больше этим не занимаюсь, да мне и ни к чему. Для этого есть ты и еще пятьдесят других.

— Вот и позови кого-нибудь из них.

— Мы уже разговаривали на эту тему, мне надоело.

— Мне наплевать на бюджет Флота, да он и не останется в тайне. Цифры опубликуют, как только проект передадут в сенат.

— Боже упаси, дорогая. Дело не в том, что мы узнаем, а в том, когда мы это сделаем. Я лучше всех остальных, потому что первой сообщаю горячие новости.

— А как же мой сюжет? — Меллани почти перешла на крик. — Только он сейчас и имеет значение. Господи, на нас напали, и мы могли бы расследовать это дело. Нет ничего важнее. Я пришла сюда узнать, кто будет мне помогать и когда мы начнем работать, а не сосать член какого-то ублюдка.

Алессандра нахмурилась.

— О чем ты?

— Звездный Странник! — прошипела Меллани. — Я хочу выследить его.

— Какая чепуха! — Алессандра театральным жестом поднесла палец ко лбу. — Ты ошиблась. Я уже все проверила. Фонд «Кокс» абсолютно легален и до сих пор процветает. Банни вроде бы удалось побеседовать с одним из попечителей — мисс Далтрой. Она сказала, что их финансирование прозрачно и отчеты предоставляются комиссионерам каждые восемнадцать месяцев, как положено. Можешь сама их просмотреть, если хочешь.

— Что?

Меллани не могла поверить своим ушам.

— Ты ошиблась, дорогая. Ничего страшного. Все мы рано или поздно ошибаемся. Могу дать тебе совет: перестань возиться с Дадли Боузом, у него масса физических проблем. Такое часто случается у оживленных после смерти. Со временем они от них избавляются.

— Нет. — Меллани покачала головой. — Нет, это не так. Дадли просто... — Неожиданная догадка настолько потрясла ее, что даже мурашки побежали по телу, и Меллани замолчала. Она недоверчиво покосилась на Алессандру, с трудом удерживаясь, чтобы не попятиться от нее. — Я не понимаю.

— Ты совершила ошибку, — сказала Алессандра. Ее улыбка стала холодной и неискренней. — Уже не первую. А я не из тех, кто дает три шанса. Честно говоря, ты держишься в шоу только благодаря репортажу из Рэндтауна. Этот сюжет был многообещающим. Но взгляни фактам в лицо, милая. Ты не следователь. Господи, да ты такая тупая, что не смогла окончить колледж. В наше время хоть какая-то степень есть почти у каждого. Так что давай остановимся на том, что у тебя хорошо получается, — будешь вилять своей хорошенькой задницей перед тем, кого я тебе укажу. Понятно?

Меллани опустила голову и даже сумела всхлипнуть.

— Да.

— Хорошая девочка.

Алессандра обеими руками обхватила голову Меллани и поцеловала ее в лоб, словно благословляя.

— А теперь почему бы тебе не переодеться к приходу Робина? Знаешь, он о тебе спрашивал. Думаю, твое выступление в Рэндтауне произвело на него впечатление. Ты теперь знаменита, милочка.

— Хорошо.

Меллани вышла из гостиной, плотно прикрыв за собой дверь, и направилась в холл пентхауса.

— У двери есть какая-нибудь дополнительная охрана? — поинтересовалась она у РИ.

— Только стандартные системы безопасности и аварийные датчики.

— Отлично.

Она почти бегом бросилась к высоким двойным дверям. Створки перед ней распахнулись, и Меллани торопливо осмотрела отделанный мрамором вестибюль: перед ней были двери еще трех пентхаусов, два лифта и лестничная клетка. Эл-дворецкий, подключившись к домовой системе, определил, что лифты поднимаются вверх. Меллани боялась, что Алессандра последует за ней и застанет в вестибюле, поэтому свернула на лестничную клетку и стала спускаться.

— Останови для меня лифт на шестьдесят втором этаже, — обратилась она к РИ.

Лифт ее ждал, и Меллани, выбежав с лестницы, шагнула в кабину. Створки закрылись.

— Фойе, — сказала она РИ. — Там много людей, я буду в безопасности.

— В чем дело, Меллани?

Она прижалась лбом к прохладной металлической стене и помолчала, пока не унялось сердцебиение.

— Я не сообщала Алессандре название благотворительного фонда.

— Она легко могла выяснить его сама.

— Пожалуйста, проверь все еще раз.

— На прошлой неделе документы общего доступа были исправлены.

— Проклятье!

Она подняла голову, словно ожидая, что Алессандра ворвется в лифт через потолок, как в какой-нибудь безумной постановке ВСО.

— Теперь получается, что фонд «Кокс» непрерывно работал с самого момента образования и до сих пор перечисляет пожертвования различным научным учреждениям, — сказал РИ.

— Но ведь ты же знаешь, что это фальшивка.

— Мы знаем, но таковы официальные данные.

— Как они это сделали?

— В финансовом секторе имеются способы подделки открытых отчетов, хотя для этого требуется немало усилий.

— Она выдала меня, — вслух воскликнула Меллани. — Алессандра сказала, что я вышла на их след. А через них и на Звездного Странника. Это могла сделать только она, и никто другой. О господи!

У нее задрожали ноги, совсем как в Рэндтауне, когда она увидела мобайлов.

— Это серьезное обвинение, — заметил РИ.

— Ты испытываешь меня? Если бы Алессандра действительно провела проверку, она бы обнаружила то, о чем я ей говорила. У Звездного Странника не было бы времени прикрыть свою задницу; такая искусная подделка заняла бы много времени. Нет, это было прямое предостережение на тот случай, если я останусь в живых и начну выдвигать обвинения. Единственный человек, с которым я говорила, — это Алессандра! Значит, она на него работает, разве нет? Алессандра, как и наш президент, именно те агенты, о которых предупреждает Йоханссон.

— Ничего определенного на этот счет мы сказать не можем. Хотя, судя по ходу событий, это весьма вероятно.

Двери лифта открылись, и Мелани выглянула в фойе. Она поспешила к выходу, где в ожидании клиентов стояло несколько такси.

— Я возвращаюсь к Дадли, — сказала она.

— Отличное решение. А что потом?

— Расскажу Пауле Мио обо всем, что узнала. Тебе известно, где она?

— Да.

* * *

Казимир остановился в конце 34-й платформы на межпланетной станции Рио среди ожидавших очередной поезд пассажиров. Кольцевые поезда земных маршрутов почти не прерывали работы во время вторжения, несмотря на то что даже эта ветка замерла, когда Найджел Шелдон направил всю получаемую с Луны энергию на Уэссекс. В отличие от межпланетных пассажирских линий ККТ, здесь поезда пошли уже через несколько часов.

Быстрое восстановление земной инфраструктуры порадовало Казимира. Что его расстраивало, так это отношение местных жителей. Обитателей Санта-Моники временное отключение энергии, казалось, тревожило сильнее, чем потеря двадцати трех миров, захваченных чужаками. Местный мэр, в отличие от гражданских властей в других мирах, и не подумал предоставить приют несчастным беженцам, ищущим новое место для жизни в Содружестве. Похоже, что земляне видели в нашествии праймов очередную новость о неприятностях, случившихся где-то далеко и с кем-то другим. Было ли это проявлением невежества или высокомерия, он не понимал, но их равнодушие стало еще одним примером отличия их мировоззрения от его собственного.

По крайней мере, последние несколько дней показали, что в обществе нарастало волнение. Казимир ждал, когда все успокоится и можно будет продолжить миссию, а тем временем бродил по набережной Санта-Моники, смотрел новости в барах или подключался к информационным каналам в своем маленьком гостиничном номере. В местных шоу звучало сильное беспокойство о том, что нападению может подвергнуться следующая группа планет, а когда-нибудь на линии фронта окажется и сама Земля.

Никаких признаков продолжения активности чужаков, выходящей за пределы пострадавших миров, пока не наблюдалось. Теперь, когда эвакуация гражданского населения была успешно завершена, новости о распространении праймов стали поступать значительно реже. Флот оставил небольшие подразделения армии на Аншане, Балкаше и Мартабане; аэроботы и отряды солдат-профессионалов вели партизанскую войну, затрудняя сооружение новых генераторных установок. Все понимали, что это были всего лишь символические меры. Праймы намеревались построить переходы на поверхности захваченных планет, и численность их армий неуклонно увеличивалась, внушая серьезные опасения. Ожидалось, что адмирал Кайм вскоре объявит о контрнаступлении с целью уничтожения ближайших активных червоточин чужаков. Большинство аналитиков в новостных шоу предсказывали при этом полное разрушение опустевших городов ядерными зарядами.

Вернувшиеся корабли-разведчики регулярно патрулировали завоеванные миры,

восполняя отсутствие информационных сетей. До сих пор чужаки не открыли ни одной новой червоточины взамен уничтоженных последним полетом «Отчаянного». Кое-кто из технических экспертов и тактиков предлагал автоматизировать оставшиеся корабли и предпринять подобные атаки на оставшиеся переходы праймов, но Флот публично отказался обсуждать этот план. Комментаторы также выразили свое мнение: биосфера захваченных миров была так сильно повреждена, что Содружеству ничего не оставалось, кроме как забыть о них навсегда; и жертвовать ради них уцелевшими кораблями было бы неразумно. Кораблям приказали оставаться в резерве на случай нового нападения.

Вразрез с официальным мнением, единственный успех человечества в день нашествия стал почти легендарным, и в адрес экипажа погибшего корабля во всех новостных шоу звучали похвалы, составлявшие разительный контраст с саркастическими замечаниями и намеками, направленными против Флота и администрации президента Дой.

Казимира удивляло, что сражению над Уэссексом уделялось так мало внимания. С точки зрения стратегии оно было куда более важным, чем самопожертвование «Отчаянного». С другой стороны, популярность ККТ за прошедшую неделю значительно снизилась. Даже в этих чрезвычайных обстоятельствах ее эффективная работа воспринималась как нечто само собой разумеющееся: и быструю эвакуацию беженцев, и восстановление переходов на станции Наррабри обыватели сочли нормой для этой компании.

Над 34-й платформой зажглись янтарные огни, и «Беннор-АС767» подтащил двадцать двухэтажных вагонов. После отправления предыдущего состава прошло всего пять минут, но на платформе уже собралось более трех сотен пассажиров. Двери разошлись, и из вагонов стали выходить люди. Ожидающие в нетерпении подались вперед, но Казимир немного задержался. Он постоянно обшаривал взглядом толпу, отыскивая тех, кто не спешил войти в вагон. Программы визуального совмещения обрабатывали все замеченные им лица и вычисляли цели, указывая процент совпадения. Повторная проверка показала, что угрозы для него никто не представлял.

Процесс обработки данных требовал немало сил, но Казимир снова и снова запускал его на всем пути от древней обсерватории в Андах. За эту поездку ему пришлось сделать восемь пересадок — сперва был арендованный внедорожник, на котором он путешествовал по горам, потом такси, затем местные поезда и самолет до Рио. И каждый раз, какой бы глупостью это ни казалось, он повторял процедуру проверки. Он знал, что услышит от Стига, если совершит хотя бы одну ошибку. Элвин не уставал повторять, насколько важна работа курьера. Информация с Марса имела огромное значение для всего движения Хранителей. Если бы Стиг успел завершить перепрофилирование, возможно, он сам бы взялся доставить ее из Южной Америки в безопасное убежище в Лос-Анджелесе. Таким образом Казимир был полон решимости не допустить никаких проволочек или ошибок и доказать, что способен выполнять самые важные поручения.

Он шагнул в вагон перед самым отправлением, не забыв оглядеть оставшихся на платформе, и снова запустил проверку, хотя на этот раз и не был уверен в результате. В подсознании возникло какое-то неприятное ощущение. Что-то его встревожило.

Ни одно из увиденных им лиц не могло быть тому причиной. Что-то не так с общей картиной? Если бы его взяли в клещи, на платформе должны были остаться по крайней мере двое из участников операции. Он осторожно повернулся, наблюдая за перроном, но там толпились только новые пассажиры, расстроенные и рассерженные при виде закрывшихся

перед носом дверей.

Казимир послал сообщение на одноразовый адрес в унисфере. В офисе «Макс-транзит Лемюля» будут знать, что он уже на последнем этапе. Оттуда они начнут сканировать поезд на предмет электронной активности в случае секретной операции. Если что-нибудь обнаружат, он узнает об этом только в «ЛА-Галактик». Как и Стиг по пути с Октиера.

С сознанием выполненного долга он прошел еще несколько вагонов и выбрал себе место поближе к выходу. Следующая остановка будет в Мехико-сити, а потом уже в «ЛА-Галактик». Элвин без конца твердил, насколько ценна эта информация для движения Хранителей и как важно не провалить задание. Вторжение чужаков еще больше усилило смысл его слов. Казимир уже начал опасаться, что в своем стремлении безукоризненно выполнить миссию он становится параноиком.

Поезд уже отошел от платформы, и он начал гадать, как теперь выглядит Стиг. Клеточное перепрофилирование, должно быть, уже завершено, и у него будет новое лицо, что позволит снова заняться боевыми операциями. Стиг был не из тех, кто мог подолгу сидеть на одном месте и ничего не делать.

Джастина устроилась в дальнем углу отдела безопасности ККТ на станции «ЛА-Галактик» и молча наблюдала, как разведка флота координирует операцию слежения в кольцевом поезде. Операция началась сразу, как только пришло сообщение о том, что Казимир остановился в отеле Санта-Моники. Несмотря на вторжение чужаков, она лично по нескольку раз в день проверяла, как идут дела. И каждый день слышала в ответ одно и то же: Казимир тянет время, ведет себя как обычный турист. Выжидает.

Видеть его изображение в реальном времени и не иметь возможности поговорить с ним или дотронуться до него было очень непривычно. Она чувствовала себя в роли ангела-хранителя, наблюдала за любимым с недостижимой высоты, следила, чтобы его молодость и наивность не навлекли на него несчастья. Безусловно, ее мучило и чувство вины, но Джастина каждый раз убеждала себя, что со временем он все поймет. Как только он убедится, что ошибался, как только поймет, что был игрушкой в чужих руках, — они смогут начать все сначала. Представить себе их совместную жизнь после того, что происходило, она была не в силах и оттого чувствовала себя такой же безрассудной, как Казимир.

И вот вчера с ней связался Алик Хоган. Казимир получил инструкции с одноразового адреса и сел в поезд до Рио. Его следующие действия вызвали у нее замешательство. Казимир посетил древнюю обсерваторию в Андах и сразу же отправился в обратный путь. Уединенное местоположение обсерватории лишило их возможности проникнуть внутрь и узнать, что он получил. Незаметно проследить за его внедорожником на тропе в горах тоже было очень нелегко.

Поверхностное исследование киберсферы показало, что обсерватория обслуживала ассоциацию университетов и финансировалась из многих корпоративных, правительственных и образовательных фондов. В данный момент оперативники флота уже окружили заведение и ждали приказа войти внутрь. Но только после того, как Казимир доставит посылку по назначению.

Масштаб и очевидная важность происходящего послужили Джастине отличным предлогом лично отправиться в Лос-Анджелес в сопровождении двух телохранителей из службы безопасности сената. Алик Хоган сам руководил операцией, хотя и не мог не прислушиваться к ее мнению.

— Кольцевой поезд вышел из Рио, сенатор, — доложил Хоган. — Теперь ждать осталось уже недолго.

— Хорошо.

Из вагона он сразу отправил сообщение на одноразовый адрес. Оперативник Хранителей, возвращающийся с Октиера, сделал то же самое. По всей видимости, это их стандартная процедура.

— Вы считаете, что Казимир Макфостер выйдет здесь?

— Весьма вероятно. Но у меня достаточно людей, чтобы проследить за ним, куда бы он ни направился. Не беспокойтесь, сенатор, он от нас не уйдет.

— Рада это слышать.

Она слегка кивнула ему, позволяя отойти. Хоган с натянутой улыбкой возвратился к своей команде. Все его служащие не отрываясь следили за мониторами и что-то негромко говорили оперативникам.

— На этот раз все было не так, как при Пауле Мио: руководители операции учли все возможные мелочи. На самой станции «ЛА-Галактик» и вокруг нее дежурило больше сотни оперативников, готовых сопровождать Казимира до места передачи посылки, где бы оно ни находилось. Их размещение заняло целых два дня, исключив возможность демаскировки. Тарло считал, что прошлая неудача была связана с тем, что Хранители внедрились в службы «ЛА-Галактик» и получили доступ к специализированным каналам коммуникации с самыми современными глубоко засекреченными кодами. При таких технических возможностях они еще до конца года смогут завладеть всем Содружеством.

Джастина подключилась к внутренней сети ККТ и увидела, как кольцевой поезд прошел через переход между Рио и Мехико.

Казимир вышел из вагона в терминале Карральво станции «ЛА-Галактик». День был в самом разгаре. Солнечный свет беспрепятственно проникал в огромные полукруглые окна, сияя на отшлифованных колоннах. Он прошел до конца перрона и стал спускаться по изогнутому пандусу, чувствуя через подошвы знакомую дрожь от проходящих через гигантское здание поездов. Движение составов восстановилось почти до обычного уровня, хотя толпы пассажиров в центральном вестибюле заметно уменьшились.

В конце пандуса он медленно оглянулся, словно не зная, куда повернуть. Никто не обращал на него внимания. Предупреждения об опасности от Хранителей не поступало ни визуально, ни через киберсферу.

«Наверное, я становлюсь чересчур подозрительным», — подумал он.

Казимир направился через вестибюль к восьмому выходу, где снаружи находилась стоянка такси. Еще четверть часа — и он с триумфом вернется в контору «Макс-транзит» и отдаст мемокристалл с информацией с Марса. Он едва удержался, чтобы не похлопать рукой по потайному карману на ремне, где был спрятан крошечный диск.

С уверенной улыбкой на лице он стал проталкиваться через толпу пассажиров, суетившихся в главном зале станции. Благодаря ему Хранители смогут сделать еще один важный шаг, приближающий отмщение Дальней. Лишь один раз он свернул с пути борьбы ради той ночи в Доме Тюльпанов. Но он не жалел об этом. Брюс понял бы его, как никто другой. Джастина давно стала частью его самого. Без нее нет смысла жить, ради нее он согласен идти на любой риск. А той ночью, когда он ее увидел, время, казалось, повернуло вспять. Она сохранила свое чувство к нему, и это представлялось Казимиру чудом, о котором

он даже не смел просить Небеса.

Но чудо свершилось, истинное чудо. Она испытывала к нему те же чувства, что и он к ней. Казимир еще сильнее укрепился в своих намерениях избавить Вселенную от Звездного Странника — хотя бы только ради Джастины. Он хотел, чтобы между ними исчезли все преграды. Каким бы замечательным стал этот мир. Каким невероятным и чудесным могло быть их будущее.

До стоянки такси оставалось около двухсот метров, когда у выхода на шестую платформу он увидел стоящего мужчину. Что-то в нем... Аккуратно подстриженные волосы, молодой, около двадцати лет, как и сам Казимир, в обычном синем пиджаке поверх кремовой рубашки. Он стоял — совершенно спокойно и естественно — с портативным модулем в руке, читая что-то на развернутом экране. С этой позиции, если бы ему вздумалось поднять голову, молодой человек мог видеть всех, кто пересекал вестибюль. Он вполне мог быть обычным горожанином. Но что-то в его профиле заставило Казимира замедлить шаг. Он показался ему странно знакомым. Давние воспоминания всколыхнулись с такой силой, что Казимир ощутил физическую боль и содрогнулся всем телом.

Казимир остановился, его глаза заволокло слезами.

— Нет, — беззвучно прошептал он.

Он хотел было сделать шаг, но ноги не слушались.

Молодой человек поднял взгляд от экрана и посмотрел прямо на Казимира.

— Брюс, — выдохнул Казимир. — Это ты.

Он шагнул вперед, не обращая внимания на проходящих между ними людей. Это был он, в самом деле он. Брюс Макфостер, как ни в чем не бывало, стоял на станции «ЛА-Галактик». Каждый день Казимир, как только закрывал глаза, видел огромного скакуна, перекатывающегося по беззащитному телу Брюса. И вот Брюс Макфостер стоит перед ним, живой.

— Брюс! — Казимир сделал еще пару шагов. — Господи, Брюс, это же я, Каз!

Брюс, не сводя с него глаз, неторопливым движением убрал в карман свой модуль.

Казимир бросился ему навстречу, раскинув руки.

— Брюс!

Люди шарахнулись в стороны, освобождая ему дорогу.

Брюс Макфостер поднял правую руку. В ней был какой-то предмет. Вылетела вспышка...

Казимир не почувствовал боли. Он ничего не почувствовал. На мгновение все погрузилось в темноту. А потом он увидел далекий белый бетонный потолок терминала Карральво. Он не мог пошевелиться, вокруг стало очень тихо.

«Брюс?»

Над ним склонились лица, но ему не удалось их рассмотреть. Свет начал угасать. Казимир попытался улыбнуться. Он наконец понял, что умирает. Но это не имело значения, потому что в его жизни была...

«Джастина...»

Его виртуальная рука дотянулась до иконки с ее именем.

«Джастина, мне так жаль...»

Прежде чем свет окончательно померк, он успел увидеть ее ласковую, всепрощающую улыбку.

Камера слежения повернулась, чтобы запечатлеть человека, на которого с таким

ликующим изумлением уставился Казимир. В этот момент Джастина не сдержала крик. В зале ожидания «ЛА-Галактик» стоял убийца ее брата. Она увидела, как он неторопливо поднял руку и выстрелил из пистолета. Ионный луч разорвал грудь Казимира, выбросив ужасный фонтан крови и обожженной плоти. Тело отлетело почти на пять метров и ничком упало на пол. От ужасного потрясения Джастина задохнулась и едва не потеряла сознание.

Кабинет наполнился взволнованными возгласами. Разъяренный и испуганный Алик Хоган, едва не плача, выкрикивал приказы организовать погоню на станции. Сжатые кулаки мелькали в опасной близости от экранов, словно он хотел сокрушить врага через канал связи. Изображения пошли стремительным потоком. Прозвучало еще несколько выстрелов. Из динамиков послышались пронзительные испуганные крики пассажиров.

К Джастине вернулась способность дышать. Долгий судорожный вдох с трудом протолкнул воздух по сведенному спазмом горлу. На одном из экранов все еще оставалось изображение изуродованного тела Казимира.

— Отвезите меня туда, — с трудом прошептала она.

— Сенатор? — окликнул ее телохранитель.

— Мы отправляемся на станцию.

— Слушаюсь, сенатор.

Эл-дворецкий известил ее о поступлении сообщения с одноразового адреса. Отправитель был определен как Казимир Макфостер.

— Пусть никто к нему не прикасается, — внезапно крикнула Джастина, вскакивая на ноги.

Служащие Флота развернулись в своих креслах и с недоумением уставились на нее.

— Я не хочу, чтобы к нему кто-нибудь прикасался, — повторила она. — Пусть все отойдут.

За дверью кабинета она приказала эл-дворецкому открыть сообщение. В нем содержался адресный код унисферы и одна строчка текста: «Моя дорогая Джастина, ты единственная, кого я любил. Спасибо, что ты есть. Казимир».

Она так разрыдалась, что телохранителю пришлось поддержать ее за локоть.

Работники службы безопасности станции расчистили Джастине проход через плотную взволнованную толпу в зале ожидания. Ей предстояло в одиночестве пройти мучительно долгий путь к лежащему на полу телу. С огромным трудом она заставила себя сделать последние несколько шагов, когда уже стала видна жуткая рана. Но она не сдалась, потому что знала, что заслуживает худшего.

Все оказалось так ужасно, как ей и представлялось. Кровь на белом мраморе. Запах. Его лицо, абсолютно нетронутое, лицо просителя, чьи мольбы были услышаны.

Джастина опустилась на колени рядом с телом, ноги все равно уже слушались ее. Ткань ее дорогого костюма мгновенно пропиталась кровью. Она протянула руку и со страхом дотронулась пальцами до его щеки. Она не раз видела безжизненные тела, включая тело своего брата. Но Казимир был Хранителем, и вставки памяти у него не имелось. Его смерть была окончательной, жизнь прервалась бесповоротно. А она-то считала, что с этим варварством покончили много лет назад.

Потом появится гнев. Ярость. И горькое, отчаянное раскаяние. Сейчас она просто оцепенела. Она не понимала, как это могло произойти, несмотря на все ее могущество и власть, несмотря на приказы и завуалированные угрозы, направленные на обеспечение его безопасности. И вот ее прекрасный возлюбленный лежит перед ней. Мертвый. Навеки.

Джастина услышала, как за ее спиной по мрамору зацокали каблуки. Кто-то решительно шел по проходу прямо к ней. Она знала, кто это мог быть. Джастина в последний раз печально улыбнулась Казимиру, поднялась на ноги и обернулась.

— Сенатор, — заговорила Паула Мио, — примите мои соболезнования.

Улыбка на лице Джестины сменилась жестокой усмешкой. Она опустила взгляд на потемневшую от крови юбку.

— Я говорила им. Я ясно дала им понять, что Казимир не должен пострадать.

— Флот не обеспечил его безопасность.

— Понимаете, я всегда была уверена в своей правоте, я считала его наивным парнем с забитой чепухой головой. Я не могла ошибаться, поскольку прожила уже почти четыреста лет, потому что живу в поместьях и пентхаусах и могу купить его планету. Я должна была защитить его от него самого и от тех, кто его использовал.

— Вы сделали все, что могли.

— Но почему он погиб, следовательно?

— Во Флоте имеется утечка информации — возможно, и не одна.

— Он существует? — с отрешенным изумлением спросила Джастина. — Казимир был прав?

— Да, сенатор, Звездный Странник существует на самом деле.

* * *

Ветер и течение в завидном согласии увлекали «Первопроходца» вперед с неплохой скоростью. В другой ситуации Оззи только радовался бы такому стечению обстоятельств. Но не сегодня.

— Впереди что-нибудь есть? — нетерпеливо спросил Орион.

Оззи включил полное приближение визуальных вставок и осмотрел раздражающе далекий горизонт.

— Нет, — ответил он, словно оправдываясь.

В пятнадцати милях по правому борту и теперь уже немного позади них над спокойной серо-голубой гладью поднимался последний из островов. Этот простой темно-зеленый конус был уже четвертым островом, до которого они попытались добраться. После выхода с приютившего их островка морское течение значительно усилилось — настолько, что лишило их возможности поворачивать. Даже при том что Точи всей своей массой налегал на руль, курс плота менялся не больше, чем на несколько градусов.

Они прошли в десяти милях от первого острова. Стоя на поскрипывавшей палубе, они провожали его унылыми взглядами, пока суша не осталась позади. Остров оказался больше, чем тот, с которого они стартовали, с широкими пещерами и обширными лесами. Никаких признаков жилья, несмотря на зрительные вставки, Оззи так и не обнаружил, но тем не менее пейзаж выглядел весьма многообещающим.

Вскоре они оправились от потрясения и повернули точно на следующий остров, видневшийся милях в тридцати от них. На этот раз при помощи весел и закрепленного в постоянном положении руля они подошли к суше на пару миль, но затем течение вновь отнесло их в сторону. Измученные Оззи и Орион не сказали ни слова, но они оба знали, что Точи, если бы захотел, смог бы добраться до берега. Их сильный компаньон предпочел

остаться со своими друзьями.

Затем острова стали попадаться все реже, а течение становилось все сильнее. Теперь уже последний клочок суши неуклонно и довольно быстро удалялся.

Оззи сел, прислонившись спиной к мачте, и постарался скрыть свое разочарование. Жесткий квадратный парус под напором ветра выгнулся вперед — больше не было смысла удерживать мачту в вертикальном положении. Течение, словно равнинная река, несло их вперед, и это тоже было странно: обычно моря так себя не ведут. Оззи просто не мог представить себе гидрологических явлений, способных вызвать подобный эффект. Планета подбросила ему еще одну загадку, и он начал опасаться, как бы она не оказалась неразрешимой.

— Я мог бы попытаться подтянуть плот к последнему острову, — предложил Точи.

Оззи с сомнением посмотрел на чужака.

— Скорее, ты просто выбьешься из сил. Давайте воздержимся от активных действий, пока окончательно не впадем в отчаяние.

— А разве мы еще не отчаялись? — пробормотал Орион.

— Пока движемся, все в порядке, — твердо заявил Оззи. — За горизонтом могут оказаться еще острова, а может, даже и материк. Вот если мы остановимся, тогда дело дрянь.

Орион скептически хмыкнул, но спорить не стал.

Точи поднял руль и повернул его лопастью вперед.

К этому моменту, по подсчетам Оззи, они съели уже примерно третью часть запасов свежих фруктов. Если расходовать продовольствие чуть экономнее, еды хватит еще на четыре-пять дней. В конце концов, пища не являлась проблемой: Точи в любой момент мог наловить рыбы, а насос с фильтром обеспечивал их питьевой водой. Теоретически они были способны пересечь целый океан. Вот только насчет долговечности плота Оззи не тешил себя иллюзиями. Пальмовые веревки в тех местах, где терлись о бревна, уже немного разлохматились, надувных жилетов у мореплавателей с собой не было, и Оззи стал размышлять, не понадобится ли им надувная палатка.

Орион разбудил Оззи, потрянув его за плечо.

— Оззи, я что-то слышу.

Голос парня звучал глухо, словно он чего-то испугался.

— Ладно.

Оззи поднял солнцезащитные очки и, шурясь и моргая, огляделся. Он не собирался засыпать. Вдруг за кормой он заметил узкую полоску пузырьков.

— Господи, мы оставляем след. С какой же скоростью мы идем?

— Не знаю, — мрачно буркнул Орион.

Оззи встал во весь рост и сразу ощутил сильный ветер. Парус отчаянно натянулся, и мачта его еле удерживала.

— Давай-ка спустим его, — предложил Оззи.

Вместе с Орионом они отвязали веревки и уложили на палубу яростно хлопающий серо-коричневый квадрат.

— Есть повод для беспокойства? — спросил Точи.

— Ориону показалось, что он что-то услышал, — сказал Оззи.

— Колебания воздуха могут представлять опасность?

— Зависит от того, что их производит, — пояснил Оззи.

За все проведенное вместе с людьми время, при значительно увеличившемся словарном запасе и целых днях обсуждения одной этой темы, Точи все еще с трудом понимал общую концепцию звуков.

— А ты слышишь? — спросил Орион.

Оззи выпрямился и замер: над водой разносился отчетливый гул, низкий и вибрирующий, словно далекие громовые раскаты, но при этом достаточно громкий, поскольку его не мог заглушить плеск волн, бьющихся о плот.

Оззи посмотрел вперед, стараясь определить источник шума, и вдруг заметил, что горизонт стал расплывчатым. Над водой появилась узкая пелена тумана. Активирование визуальных вставок не дало результата. Звук постепенно нарастал.

— Думаю, нам нужно привязаться, — сказал Оззи. — На всякий случай.

— Что это? — закричал Орион. — Оззи, пожалуйста!

— Не знаю, старик. Честно. Просто решил принять меры предосторожности. Мы далеки от земли, и в случае шторма я бы не хотел, чтобы кто-нибудь оказался за бортом.

Они закрепили веревки за основание мачты и обвязались ими вокруг пояса. Точи отказался от веревки, но вцепился в деревянный настил с помощью двигательных гребней.

Путешественники закончили подготовку и снова посмотрели вперед: туманная завеса стала ближе, а шум превратился в постоянный низкий гул и продолжал нарастать.

Оззи, обхватив высокий ствол рукой, встал около мачты.

— Я не понимаю, — жаловался он. — Нигде не вижу грозовых туч.

Небо над ними оставалось чистым, и водяные сферы в газовой оболочке сверкали так же ярко, как и всегда. Море стало беспокойным, волны неистово несли «Первопроходца» вперед. Плот набрал такую скорость, что начал раскачиваться. Треск и скрип бревен были различимы даже при неумолкающем гуле.

Над горизонтом, словно небольшое движущееся созвездие, поднялись новые мерцающие водяные сферы. Оззи в недоумении следил за ними взглядом. Изменилось ощущение перспективы: казалось, будто пелена тумана стала съеживаться, а горизонт рванулся навстречу Оззи. В следующее мгновение ужасная догадка осенила его, и он все понял.

Не было никакой пелены. Просто над волнами взлетало множество брызг — водяная пыль, выбрасываемая водопадом. Море стекало со скалы, края которой терялись в бесконечности по обе стороны от «Первопроходца».

Прямо по курсу плота показались белые буруны, и одежда Оззи мгновенно промокла от разлетающейся пены. Он успел увидеть, как справа от него море низвергается широкой дугой, уходящей все ниже и ниже до... Под ними не было дна, лишь только бескрайняя бездна газовой оболочки.

На лице Оззи отразилось недоверие, затем превратившееся в гримасу неудержимого гнева. Он запрокинул голову вверх к обманчивым звездам.

— Да вы издеваетесь надо мной! — закричал он в небеса.

«Первопроходец» рухнул с края мира.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

«Ариес Андеграунд» — американское ежегодное музыкально-развлекательное мероприятие, в котором принимают участие различные группы и исполнители в стиле техно.

«Мария Селеста» («Мария Небесная») — бригантина, покинутая экипажем по невыясненной причине и найденная 4 декабря 1872 года в 400 милях от Гибралтара. Классический пример корабля-призрака.

Астрономическая единица — исторически сложившаяся единица измерения расстояний в астрономии, приблизительно равная среднему расстоянию от Земли до Солнца, что составляет примерно 149 598 000 км.

Орбита с обратным движением — орбита с направлением движения, обратным по отношению к вращению планеты.

Орегонский путь (*англ. Oregon Trail*) — историческая дорога, проложенная в 1830-е годы и связавшая Великие Равнины с западом США; сыграла огромную роль в освоении Дикого Запада.